

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Bac.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

• Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

• Не отиравляйте автоматические заиросы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

• Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

• Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

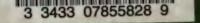
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

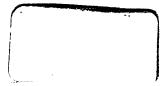
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + Keep it legal Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

.

İ

•

.

.

•

ł

Digitized by Google

.

.

RYPHAID 302 HSTSPIN-USANTURI HIGHRICK

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-ая.

СЕНТЯБРЬ, 1868.

ПСТСРБУРТА.

история, віографія, мкмуары, няреписка, путемествія, политиса, философія, литература, искусства.

ЕНИГА 9-ал. - СЕНТЯБРЬ, 1868.

Л. — ДАЧА НА РЕЙНБ.—Романъ Б. Ауэрбаха, въ пяти кингахъ, съ предискоменъ П. С. Тургенева. — Книга первая. — 1 - VII.

II. — НЕСЧАСТНЫЕ. — Разеказы изъ быта ссыльныхъ. — IV. На пропиталія. — V. На поселенія. — Окончаніе. — С. М. Максимова.

/III. - ГРЪШНИЦА. - Позма Альфреда Виньи. - В. П. Буренина.

 ДРЕВИЗИШНИ ПЕРІОДЪ ИСТОРІИ СЛАВЯНЪ.—Глава вторая и послъдная.—Венета.— А. 6. Гальфердинга.

V. — РОССІЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. — 1812 - 1826. — П. Внутревній хар Общества, его составь в тенденція; свойство англійскихь вліяній; дійствія Об віротернимость, филантропія, данкастерскія школы, религіозные трактаты; вліянів правовь в почвы: оффициальная натанутость библейскаго діла; распространеніе візтизма; мистическія прайности; обсягрантизмь.

VI. - ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ И ЕГО ЖИЗНЬ. - По повымъ свъдъніямъ. - Л. А. Полонскаго.

VII. - ЯНЪ ГУСЬ И ЧЕШСКАЯ НАЦІОНАЛЬНОСТЬ. - К. К. Арсеньева.

VIII. - НОВЫЙ ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФЪ, по европейской торговач.

IX. - ЕЖЕМЪСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Х. - ОЧЕРКИ И ЗАМЪТКИ. - ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦИО БАР. Н. А. КОРФА.

XI. — КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВЪСТІЯ. — Августь. — І. Русская латература. -И. Ивостранная латература.

ХИ. - ОБЪЯВЛЕНИЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ. - Новыя вняги.

въстникъ Въстникъ

третий годь. – томъ ч.

У.У. 1/13 СЕНТЯБРЯ 1868. IXII. TON'S CLXXXVII.

^w въстникъ Въстникъ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

третій годъ.

томъ у.

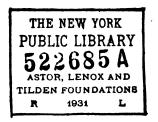
редакція "въстника европы": галерная, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30. Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспекть, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

PRINTED IN RUSSIA Digitized by Google

•

P

ДАЧА на РЕЙНЂ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ КНИГАХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новый романъ писателя съ талантомъ, подобнымъ таланту Бертольда Ауэрбаха, также мало нуждается въ рекомендаціи передъ русской публикой, какъ и передъ собственной, германской. Слава его упрочена и имя его стало дорогимъ у насъ, какъ и въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи. Но да будетъ позволено мнѣ, какъ старинному пріятелю автора, воспольвоваться появленіемъ его послѣдняго произведенія въ русскомъ переводѣ, чтобы бросить бѣглый взглядъ на его прошедшую дѣятельность.

До сихъ поръ не изгладилось въ Германіи виечатлёніе, произведенное его знаменитыми разсказами изъ Шварцвальдской деревенской жизни («Schwarzwälder Dorfgeschichten»), появившимися въ началё 40-хъ годовъ. Обращеніе литературы къ народной жизни замёчается около того же времени во всёхъ странахъ Европы (вспомнимъ Жоржъ-Зандъ — La Mare au Diable, La petite Fadette и т. д., а также и то, что совершалось у насъ въ Россіи), но честь почина остается за Ауэрбахомъ. Попытки воспользоваться нетронутой почвой народной жизни, не разложенной еще «ядомъ рефлексіи», и тёмъ самымъ придать ослабъвавшей литературѣ новую жизнь и здоровые соки—подобныя попытки встрѣчаются еще раньше Ауэрбаха: въ Германің до

сихъ поръ не забыли той части Иммермановскаго романа: «Мюнхгаузенъ», въ которой, съ такой поэтической правдой, воспроизведенъ бытъ вестфальскихъ врестьянъ; — фигуры «сельскаго головы» (Oberschulze) и «облокурой Лизбеты» остались достояніемъ литературы; но самый романъ, фальшивый, вычурный, безжизненно-фантастическій, какъ всё произведенія германской романтической школы 20-хъ годовъ, поглощаетъ своими мутными волнами прелестный оазись вестфальской идиллін. Сама эта идилля явилась въ «Мюнхгаузенѣ» какъ второстепенный эпизодъ, и Иммерманиъ не придавалъ ей другого значенія. Ауэрбахъ поступилъ иначе. Возвратившись въ тихое пристанище родныхъ долинъ Шварцвальда, онъ оставилъ за ихъ чертою всю свою ученость и образованность, всякія политическія и эстетическія симпатіи и антипатіи, все, что до того времени волновало и занимало его; не оставиль онъ только дара поэтической наблюдательности, и его любящее чуткое сердце осталось при немъ. Ауэрбахъ не сочинялъ идиллій: онъ погрузился всецёло въ народную «суть». Не утонченно развитый человѣкъ, въ невольномъ сознании своего превосходства, снисходительно вступалъ въ сношеніе съ новымъ и интереснымъ бытомъ, посёщалъ врестьянскія семейства, изучаль ихъ нравы, ихъ житейскія привычки и странности; — въ вругъ ихъ пронивалъ поэтъ, который самъ былъ сыномъ этихъ долинъ, родился самъ въ врестьянскомъ семействѣ: съ сыновней нѣжностью и «піэтетомъ» возвращался онъ въ міръ, съ которымъ его связывали самыя кровныя узы. Онъ находиль въ немъ то, чего не давали ему тв классы средняго и высшаго городского сословія, въ которыхъ онъ до тёхъ поръ вращался: — простыя человѣческія отношенія, цѣлые, не надломленные характеры, односторонне-твердыя нравственныя убѣжденья-и, какъ фонъ для всей картины, ту несравненную, и величественную и привѣтную природу Шварцвальда, которую всю какъ-бы насквозь провёваеть крепительной свёжестью сосновыхъ лѣсовъ и горныхъ вершинъ.

Недаромъ сказалъ Гёте: — «Не былъ бы глазъ солнцеобразнымъ, какъ могъ бы онъ увидъть солнце?» 1) И Ауэрбахъ, при

6

Digitized by Google

¹⁾ Wär nicht das Auge sonnenhaft, wie konnt' die Sonne es erblicken?

всей силѣ своего таланта, не могъ бы такъ органически завладъть встми тайнами той, до тъхъ поръ почти замкнутой жизниеслибъ самъ онъ былъ ей чужой. Этотъ фактъ объясняетъ, между прочимъ, и то преимущество, которое сохранилъ Ауэрбахъ передъ всёми своими послёдователями и подражателями. Въ его словахъ слышится звукъ ничёмъ незамёнимый. Точно также --если позволительно сравнивать малое съ великимъ-и у насъ, въ «Саввушкѣ» злополучнаго, скоро погибшаго И. Т. Кокорева, чувствуется, при всей скудости содержанія и неумблости исполненія, своебразная, теплая струя, которая дается только особенной, бытовою близостью автора къ описываемымъ нравамъ. Коворевъ былъ, какъ извѣстно, сынъ мѣщанина. Колыбель Ауэрбаха стояла въ бѣдномъ деревенскомъ домикѣ, въ Нордштеттенѣ (онъ родился въ 1812-мъ году); съ измала и со всѣхъ сторонь, у домашняго очага, въ школѣ, на улицѣ, въ лѣсахъ и долинахъ охватилъ его крестьянский бытъ. Работникъ его отца, добродушный Наги разсказываль ему, ходя за плугомъ, старинныя сказки и легенды, пастухъ пѣлъ ему пѣсни, сохраненныя живымъ преданіемъ, дъвушки повторяли ихъ на сходкахъ за прялками — и все это поэтическое богатство навсегда, неизгладимыми чертами западало въ его сердце. Было еще одно обстоятельство, которое придало его зарождавшемуся развитію особое направленіе, его уму — особую окраску. Ауэрбахъ — еврей, и съ дътскихъ лътъ зналъ нужду. Отецъ его занимался торговлей свотомъ наряду съ земледѣліемъ-и обремененный многочисленнымъ семействомъ, едва сводилъ концы съ концами. Вмѣстѣ съ поэтическимъ даромъ, Ауэрбахъ унаслѣдовалъ и ту остроту разсудка, ту отчетливую сообразительность, ту выносливую силу терпѣнія — словомъ, тѣ качества, которыя составляють отличительные признаки еврейской породы. Эти качества пришлись ему въ пользу-сперва при изучении Талмуда (съ двёнадцатилътняго возраста его предназначали въ званіе раввина): онъ развиль ихъ потомъ еще сильнъе, когда, будучи студентомъ въ Мюнхенъ и Гейдельбергѣ, промѣнялъ свои прежнія занятія на чисто-спекулативную философію. Поэтъ, и философъ, и еврей въ Ауэрбахъ сказались въ самомъ выборъ перваго его научнаго труда, и перваго поэтическаго произведенія: предметомъ того и другого было

Digitized by Google

7

одно и тоже лицо, по духу и по происхожденію близкое и какъ бы родственное Ауэрбаху: Спиноза. Полное изданіе сочиненій великаго еврейскаго мыслителя въ нѣмецкомъ переводѣ — и романъ, озаглавленный его именемъ, появились единовременно въ 1837 году. Послѣдовавшіе за тѣмъ романы: «Поэтъ и Купецъ», «Милые Люди», «Что̀ такое счастье?» — хотя и доставили автору почетную извѣстность въ тогдашней германской литературѣ, но теперь могутъ интересовать насъ только какъ свидѣтельство честнаго и добросовѣстнаго исканія пути, соотвѣтствовавшаго врожденнымъ дарованьямъ. Путь этотъ открылся ему наконецъ дома, въ тишинѣ Шварцвальдскихъ долинъ. Съ появленія перваго собранія «Деревенскихъ разсказовъ» (въ 1843 году Ауэрбаху минулъ 31 годъ), съ появленія этихъ разсказовъ, создавшихъ литературный жанръ, онъ уже зналъ свою цѣль—и шелъ къ ней неуклонно.

Мы сказали выше, что Ауэрбахъ оставилъ за чертою своей родины всю свою пріобрѣтенную образованность: это выраженіе нуждается въ нѣкоторомъ ограничения. Вполнѣ отбросить вліяніе культуры, нельзя, да и не слёдуеть. Притомъ, то свойство его ума, которое направило его въ изучению Спинозы, не повинуло его и въ врестьянской избѣ, имъ посѣщенной и воспѣтой. Нарисовавъ поразительно върными, тонкими, хотя иногда. нѣсколько мелкими чертами свои фигуры, онъ иногда не отказываеть себѣ въ удовольствіи пофилософствовать на ихъ счеть; со всёмъ искусствомъ опытнаго мастера обращаетъ онъ вниманіе читателя на тайное ихъ значеніе, на то символичесвое, которое лежить въ основания всякой непосредственной жизни, и высказывается иногда въ самыхъ, повидимому, незначительныхъ словахъ и поступкахъ... Разсказъ у него иногда становится аллегоріей. А потому и не удивительно, что онъ не могъ надолго удовлетвориться воспроизведеніемъ тѣхъ простыхъ человѣческихъ отношеній, той вѣчной исторіи любви, ея горестей и радостей, которымъ исключительно посвящены его первые разсказы: онъ сталъ постепенно вносить новъйшіе диссонансы въ патріархальную гармонію деревни. Онъ имѣлъ тѣмъ болѣе права это сдѣлать, что въ наше время борьба великихъ интересовъ и вопросовъ, волнующихъ общество, проникаетъ въ сокровеннѣйшіе

8

уголен. Обратившись въ народу для излёченія собственныхъ недуговъ, онъ кончилъ тъмъ, что открылъ присутствіе тъхъ же недуговъ, подъ другими формами, въ народъ. Вниманіе художника стало останавливаться преимущественно на тъхъ лицахъ. избраннаго имъ міра, которыя сами вовлекаются въ ту борьбу, подпадають подъ неотразимое вліяніе общественныхъ вопросовъ. Ауэрбахъ принялся изображать (въ «Луциферѣ» и другихъ романахъ) то-столеновение независимаго, свободнаго духа и сильнаго характера, съ притязательнымъ авторитетомъ римско-католической вурія; то — всѣ послѣдствія внезапнаго перенесенія прекрасной женской души изъ простой обстановки родного быта въ сложныя условія придворной, столичной, искусственной жизни... Читатели, въроятно, не забыли романа, на который мы намекаемъ -- «Жена профессора», одного изъ самыхъ поэтическихъ созданій Ауэрбаха. Въ этомъ же произведеніи онъ также въ первый разъ коснулся вопроса, который съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе его привлекаетъ, въ который онъ старается все глубже проникнуть-вопроса о бракѣ, во всей его важности и полнотѣ, со всѣми его почти неразрѣшимыми противорѣчіями — и постояннымъ стремленіемъ въ разрѣшенію и примиренію. И Ауэрбахъ попытался представить это разрѣшеніе, это примиреніе-сперва въ самой скромной, низменной сферъ (въ «Эдельвейсѣ»), а потомъ на самыхъ вершинахъ общественнаго зданія, въ самыхъ высшихъ слояхъ европейской культуры. Читатель понимаеть, что рѣчь идеть о романѣ: «На высотѣ», хорошо извёстномъ и русской публикё. Глубина міросозерцанія, сила психологическаго анализа, изысканное мастерство языка --всѣ постоянныя свойства Ауэрбаховскаго дарованія, никогда еще блистательние не проявлялись, чимъ въ этомъ замичательномъ произведении; но нельзя не сознаться, что поэтическое творчество иногда удаляется на второй планъ, высказывается въ деталяхъ и слишкомъ явственно выступаетъ работа соображающаго разсудка. Особенно бросается это въ глаза при воспроизведении тёхъ лабиринтообразныхъ путей, по которымъ прекрасная придворная дама и ся царственный другь, увлеченные, опутанные страстью, стараются выбраться на ту свободную высоту, гдъ вслёдъ за раскаяніемъ и страданіемъ наступаетъ торжество окон-

9

чательнаго примиренія. Все это очень умно, тонко, занимательно (дневникъ Ирмы, напр., наполненъ самыми интересными подробностями), — но можно было бы во всемъ этомъ желать болѣе жизненности и менѣе той сантиментальности, которая, также какъ у Диккенса, хотя въ другомъ родѣ, представляетъ Ахиллесову пятку Ауэрбаховскаго дарованія. Съ увѣренностью можемъ мы сказать, что эти недостатки почти не существуютъ въ предстоящемъ 'романѣ, между тѣмъ какъ всѣ великія достоинства творца Шварцвальдскихъ разсказовъ развернулись въ немъ съ полнотою еще небывалой. Еще никогда Ауэрбахъ не задавалъ себѣ болѣе широкой задачи, не захватывалъ ея такъ глубоко и не исполнялъ ея съ такимъ совершенствомъ.

Мы сейчась, не безъ намъренія, назвали Ауэрбаха творцомъ Шварцвальдскихъ разсказовъ. Онъ знаетъ самъ, что въ связи съ родиной — его главная сила, онъ знаетъ, въ какую почву вросли его корни. Недаромъ онъ и въ романѣ «На высотѣ» рисуеть фигуры, подобныя Вальпургь и всей ея семьв. Избравь мѣстомъ постояннаго жительства столицу-пока одной сѣверной Германіи, — онъ не прервалъ постоянныхъ сношеній съ своей любезной Швабіей. Для нея онъ издаетъ своего «Кума» (Gevattersmann), свой Народный Календарь. Правда — тамъ, гдѣ, можно свазать, родилась его муза, въ этихъ прирейнскихъ долинахъ, господствуетъ еще и съ каждымъ годомъ возстаетъ, въ своихъ противукультурныхъ стремленіяхъ, та мощь, противъ которой онъ уже направилъ столько стрѣлъ, и которой готовится нанести новый ударъ въ своемъ послёднемъ романъ — мощь суевѣрія и предразсудковъ. Но Бертольдъ Ауэрбахъ въ полномъ разцвѣтѣ жизни и силъ — и онъ не отступитъ отъ борьбы, въ воторой видить свое призвание. Пускай же онъ подарить своей землѣ и всему читающему свѣту еще много созданій, въ которыхъ высокая образованность, въ соединении съ яснымъ умомъ и поэтическимъ даромъ — дружно стремятся къ посильному разръшению жизненныхъ задачъ, завъщанныхъ намъ всей протекшей исторіей европейскаго челов'вчества!

Ив. Тургеневъ.

, Digitized by Google

10

дача на рвйнз.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА І.

видение съ крыльями.

«Еще минутку подождите! вонъ машетъ какой-то господинъ, который также хочетъ ёхать», — сказалъ перевозчикъ сидёвщимъ въ лодкъ. То были мужчина и двъ женщины.

Мужчина — человѣкъ невысокаго роста, съ сѣдыми волосами и очень румянымъ лицомъ; его голубые глаза глядѣли добродушно, но задумчиво и устало; взъерошенные усы, совершенно закрывавшіе верхнюю губу, какъ будто по ошибкѣ попали на это спокойное лицо. Онъ одѣтъ былъ въ лѣтнее платье съ иголочки, изъ той новомодной матеріи, которая вся усыпана бѣлыми крапинками, какъ будто носящій ее человѣкъ систематически катался на перинѣ; на ремнѣ висѣлъ у него красивый сакъ-вояжъ, вышитый синимъ и краснымъ бисеромъ.

Напротивъ него сидѣла высокая и стройная женщина, съ безпокойными глазами и рѣзкими чертами лица, которыя нѣкогда были, вѣроятно, привлекательны. Она дѣлала нетерпѣливыя движенія головой, досадуя на задержку; повидимому, она не привыкла дожидаться; она встала и опять сѣла. На ней было матово-желтое шелковое платье; бѣлый вуаль на сѣрой круглой шляпѣ, обернутъ былъ кругомъ какъ повязка на тюрбанѣ. Она еще разъ быстро откинула голову назадъ, потомъ стала смотрѣть внизъ, какъ будто съ намѣреніемъ не думать больше о томъ, кто заставлялъ ее ждать, и уткнула конецъ своего большого зонтика въ край лодки.

Подлѣ мужчины сидѣла, спокойно улыбаясь, стройная бѣлокурая дѣвушка въ голубомъ платьѣ; въ рукѣ она держала на резинковомъ шнуркѣ небольшую темную шляпку съ птичьимъ крыломъ. Голова у нея была большая, большой лобъ казался еще больше отъ пышныхъ заплетенныхъ въ косы волосъ, и два толстые локона падали направо и налѣво на плечо и грудь. Лицо дѣвушки было весело и простодушно, и ясно какъ тотъ свѣтлый день, который освѣщалъ весь ландшафтъ.

Дъвушка надъла теперь шляпу, и мать еще нъскодько поправила ее.

Дъвушка быстро сняла дорожныя перчатки и вынула изъ кармана свъжія, и пока она поспъшно патягивала перчатку на руку, она смотръла на подходившаго господина.

Это былъ молодой человѣкъ съ густой темной бородой, высокій и красивый, крѣпкаго сложенія, съ сѣрымъ пледомъ на плечѣ и въ сѣрой, съ широкими полями, шляпѣ съ чернымъ флеромъ. Онъ твердыми шагами спустился по извилистой дорожкѣ съ крутого берега, вошелъ въ лодку и раскланялся, молча снявъ шляпу; это движеніе отпрыло правильный бѣлый лобъ, отѣненный темными каштановыми волосами. Смѣлость и рѣшительность выражались на его лицѣ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждало къ себѣ довѣріе.

Д'явушка осмотр'ялась вокругъ, мать еще разъ поправила ей шляпу и при этомъ какъ будто ненам врепно спустила одинъ длинный локопъ на грудь, а другой положила за плечо; это выходитъ очень красиво и кажется случайнымъ и непринужденнымъ.

Господинъ въ плать съ крапинками прижалъ къ губамъ свою палку съ бѣлымъ набалдашникомъ.

Новый пассажиръ сёлъ далеко отъ нихъ и смотрёлъ въ рёку, а между тёмъ ихъ лодка быстро поплыла.

Лодка пристала къ острову; на островѣ былъ обширный монастырь, въ которомъ было еще и учебное заведеніе для дѣвицъ.

Пассажиры вышли на берегъ.

— Ахъ, какъ хорошо! и неужели здъсь приходится учить вокабулы? сказала дъвушка, и указала на высокую группу деревьевъ, стоявшую на берегу; деревья были расположены полукругомъ такъ близко одно къ другому, какъ будто всъ они выросли изъ одного корня. Въ кругу этой группы поставлены были узенькія скамейки.

— Иди впередъ! сказала дама съ строгимъ взглядомъ, и быстро подала мужу руку.

Дъвушка пошла впередъ, посторонний господинъ слъдовалъ за нею.

Въ кустахъ пѣли соловьи, дрозды, зяблики, какъ будто бы они хотѣли громко заявить: — Здѣсь у насъ райское спокойствіе и миръ, и никто насъ не тревожитъ! Темныя сосны съ широко раскинувшимися вѣтвями у берега, и длинный рядъ лиственницъ съ ея свѣтлой зеленью стояли совершенно спокойно, а въ цвѣтущихъ каштановыхъ деревьяхъ жужжали ичелы.

Путешественники подошли къ монастырю. Зданіе, безъ всякой архитектурной особенности, было растянуто широко и представляло видъ на сады и луга острова, и дальше, на ръку и горы.

Двери были заперты и нигдѣ не видно было человѣческаго существа.

Старый господинъ позвонилъ, привратница открыла маленькое окошко и спросила, что нужно. Ей сказали, что хотятъ видѣть монастырь, но привратница отвѣчала, что нынѣшнимъ вечеромъ это уже невозможно.

— Отдайте мою карточку, сказалъ старый господинъ, и скажите достопочтенной матери, что я здѣсь съ женой и дочерью.

— Позвольте и миѣ прибавить мою карточку, сказалъ молодой человѣкъ. Его спутники оглянулись на его благозвучный голосъ. Молодой человѣкъ отдалъ привратницѣ свою карточку, и прибавилъ:

- Скажите почтенной начальницѣ, что я приношу ей по-

Привратница заперла окно опять и путешественники остались передъ дверью.

— Я принялъ васъ за француза, сказалъ старый господинъ иолодому человёку благосклоннымъ тономъ.

- Я нѣмецъ, отвѣчалъ тотъ.

— У васъ нётъ ли родственницы въ монастырё, и вы молетъ быть также знаете почтенную матерь?

- Нѣтъ, я не знаю здѣсь никого.

Отвѣты его были такъ отрывочны и коротки, что не давали никакого повода къ продолженію разговора, а старый господинъ былъ, повидимому, человѣкъ съ нѣкоторымъ значеніемъ и съ характеромъ, который не привыкъ заискивать, а напротивъ, привыкъ къ ухаживанью другихъ. Онъ пошелъ съ своими дамами къ хорошенькой куртинѣ цвѣтовъ, и сѣлъ съ своей свитой на скамейку. Но дѣвушка, кажется, не могла успокоиться, она ходила по краю лужайки и рвала спрятавшіяся фіалки.

Молодой человѣкъ остался на своемъ мѣстѣ какъ вкопаный н разсматривалъ каменныя ступени у монастырской двери, какъ будто ему нужно было освѣдомиться или разузнать, какого рода судьба входила сюда и выходила по этимъ ступенямъ.

Между тёмъ на скамейкё старый господинъ говорилъ своей жень:

— Этотъ красивый молодой человѣкъ долженъ быть, кажется, игрокъ, проигравшій гдѣ-нибудь здѣсь на водахъ свои деньги. Кто знаетъ, можетъ быть онъ у начальницы хочетъ занять ихъ. Дама засмѣялась надъ своимъ мужемъ, которому теперь уже въ третій разъ казалось, что люди, которыхъ онъ встрѣчалъ въ своемъ путешествіи, были или злодѣи или несчастные.

- Можетъ быть, ты говоришь правду, отвѣчалъ старый господинъ, но эти разукрашенныя школы порока тѣмъ и ужасны, что о каждомъ встрѣчномъ думаешь, что онъ вышелъ изъ нихъ.

— А я думаю, воскликнула дъвушка, только-что воткнувши фіалку въ платье: я думаю, что это долженъ быть поэть.

— Почему? спросила мать.

- Потому, что поэтъ долженъ быть красивъ какъ онъ.

Старый господинъ засмѣялся, а мать сказала:

— Дитя, тебѣ мерещутся поэты. Постойте, однаво, вотъ идетъ и привратница.

Монастырская дверь отворилась и путешественники вошли. За второй рёшетчатой дверью стояли двё монахини въ длинныхъ черныхъ платьяхъ и льняной веревкой на поясё. Старшая изъ нихъ, госпожа съ очень большимъ носомъ, сказала: «начальница сожалёетъ, что сегодня не можетъ видёть никого; сегодня канунъ ея имянинъ, и въ эти дни она всегда остается до вечера одна. Вообще сегодня едва ли возможно принимать чужихъ, потому что дёти (такъ называются здёсь воспитанницы) приготовили праздникъ, которымъ они хотятъ привётствовать начальницу по захождени солнца. Поэтому сегодня все въ безпорядкё; въ большой столовой устроенъ театръ. Но начальница, все-таки, велёла показать путешественникамъ устройство монастыря».

Общество отправилось, въ сопровожденіи обѣихъ монахинь, по большимъ монастырскимъ переходамъ. Шаги монахинь раздавались громко и рѣзко, потому что у нихъ надѣты были толстыя деревянныя подошвы, которыя укрѣплены были двумя ремнями, обвернутыми вокругъ чулка. Маленькая красивая монахиня, которой изящное лицо было какъ будто насильно запрятано въ тѣсно облегавшій капюшонъ, постоянно держалась позади и робко предоставляла говорить другой. Теперь однако она заговорила по-французски съ дѣвушкой въ голубомъ мусслиновомъ платъѣ. Мать кивнула отцу съ выраженіемъ удовольствія: —видишь теперь, какъ хорошо было научить ребенка чему-нибудь хорошему; все это сдѣлала я, а ты всегда боялся и только уступалъ мнѣ.

Отецъ не могъ удержаться, чтобъ не объяснить монахинѣнѣмвѣ съ большимъ носомъ, что его дочь Лина только полгода. тому назадъ вышла изъ монастыря Sacré-Coeur въ Ахенѣ.

Молодой человѣкъ также сказалъ нѣсколько словъ по-французски хорошенькой монахинѣ. Но теперь, и каждый разъ, когда

онъ къ ней обращался, она всегда какъ-то торопливо отдалялась отъ него; она не то, что пугалась, но какъ-то съеживалась, странно улыбаясь, точно ее щекотали.

Путешественникамъ показали залу, гдѣ бываетъ завтракъ, классную комнату, залу для музыки, большія спальни, и вездѣ надо было удивляться чистотѣ и порядку. Въ спальняхъ все устроено было такъ хорошо и такъ чисто, какъ будто здѣсь жили не настоящіе люди, и вовсе не безпокойныя дѣти, а какъ будто все это приготовлено было для какихъ-то воздушныхъ существъ. Лина отдернула занавѣску и путешественники увидѣли ребенка съ большими темными глазами, на рѣсницахъ которыхъ висѣли крупныя слезы. Молодой человѣкъ также подошелъ.

— Что съ этимъ ребенкомъ? спросила Лина.

- Ничего, у него просто тоска по родинѣ.

--- Просто тоска по родинѣ! сказалъ тихо молодой человѣкъ, а дама спросила:

- Какъ же лечите вы тоску по родинѣ?

— У начальницы есть на это върное средство; ребенка, который тоскуетъ по домъ, объявляютъ больнымъ и кладутъ его въ постель. Когда онъ захочетъ встать, то почувствуетъ себя здоровымъ и дома.

— Подите всѣ отсюда! подите отсюда! Пусть придетъ Манна, пришлите Манну! кричалъ ребенокъ.

— Она еще придетъ къ тебѣ, успокоивала его монахиня, и объяснила, что ребенка можетъ успокоить одна только американка.

- Это, конечно, наша Манна, сказала Лина матери.

Наступили сумерки и по корридору въ золотомъ свътъ вечерняго солнца проносились странныя фигуры въ длинныхъ зеленыхъ, синихъ и красныхъ платьяхъ, и потомъ исчезали по вельямъ.

Посѣтители вошли въ столовую, гдѣ на заднемъ планѣ декораціи представляли лѣсной ландшафтъ съ хижиной пустынника, и тамъ лежалъ молодой олень, привязанный за красную ленту, который, взглянувши странно своими блестящими глазами на чужихъ людей, вскочилъ, рванулся за свою привязку и хотѣлъ убѣжать.

Француженка объяснила, что дѣти сами сдѣлали эти декораціи вмѣстѣ съ одной изъ сестеръ, очень искусной въ этомъ дѣлѣ. Она объяснила еще, что они разучили большіе хоры, и что одна изъ ученицъ, прекрасный ребенокъ, сочинила пьесу, которая представляетъ сцену изъ жизни святого, празднуемаго въ тотъ день. Монахиня-нёмка съ большимъ носомъ выразила сожалёніе,

что нивто изъ чужихъ не можетъ здёсь присутствовать. На стулё лежалъ списовъ пёсни, воторая должна была пёться въ пьесё. Дама взяла листовъ, прочла его и невольно подала его молодому человёку, который также пробёжалъ его.

- Удивительно, однако, что ребеновъ можетъ такъ написать, сказала она.

. Молодой человѣкъ долженъ былъ что̀-нибудь отвѣчать, и сказаль высокомърнымъ тономъ;

- Нашъ нѣмецкій языкъ, а съ нимъ и нашъ стихотворный язывъ, это-клавикорды съ готовыми тонами, и на нихъ можетъ бренчать каждый ребенокъ.

- Вотъ я угадала, это - поэтъ, говорилъ торжествующій взглядъ дёвушки ся родителямъ.

Когда они вышли изъ столовой, превращенной въ театръ, Лина сказала хорошенькой француженьк, что ей очень жаль, что она не можетъ видёть теперь своей пріятельницы Германны что она не можеть видыть теперь своей приятельницы германны Зонненкампъ, потому что она уже сегодня должна воротиться съ своими родителями, а завтра вечеромъ она приглашена въ большое общество къ графинѣ Вольфсгартенъ. Дѣвушка сказала это съ особенной гордостью и удареніемъ; она, очевидно, была увѣрена, что и здѣсь извѣстно, что̀ значитъ общество у графа Вольфсгартена.

Француженка кажется замѣтила это и отвѣчала:

- Мы здёсь не знаемъ, какъ называемся мы тамъ въ свётё; мы знаемъ здёсь только свои монастырскія имена.

- Могу ли я узнать ваше имя?

- Отчего же нѣтъ? меня зовутъ Серафія.

Дѣвушка, казалось, была теперь ближе съ француженкой, такъ какъ могла называть ее сестрой Серафіей, и радовалась, что имѣетъ право разсказать въ городкѣ, что она познакомилась съ очень знатной монахиней, которая навѣрно была принцесса.

Путешественники пошли опять по длиннымъ корридорамъ, и вогда они спускались по одной лёстницё, они увидёли, что имъ на встръчу поднималась бълоснъжная фигура съ большими крыльями на плечахъ и блестящей діадемой на головъ, съ которой на грудь и шею спускались длинные черные локоны. Темные чер-ные глаза съ длинными рёсницами и густыми бровями блестёли на блъдномъ лицъ.

- Манна! воскликнула громко Лина и по сводамъ раздалось эхо: «Манна».

Крылатое видение схватило Лину за руку, повело ее на верхъ лёстницы отъ другихъ и сказало:

— Это ты, Лина? Ахъ, я была сейчасъ у бѣднаго ребенка, который такъ тоскуетъ по родинѣ. Иначе мнѣ не слѣдовало бы говорить сегодня ни съ одной человѣческой душой.

— Ахъ, какая ты теперь чудесная, какая красивая! Ты вёроятно явилась ребенку какъ живой ангелъ; ахъ, какъ всё будуть рады, когда я имъ это разскажу...

— Не говори объ этомъ; извини меня передъ твоими, что я такъ пробѣжала мимо нихъ, а кто это молодой человѣкъ съ вами?

Молодой человѣкъ кажется почувствовалъ, что рѣчь идетъ о немъ и взглянулъ вверхъ на удивительное явленіе; онъ приложилъ руку къ глазамъ, чтобы лучше видѣть, но совершенно не могъ разобрать черты лица, онъ видѣлъ только сказочную фигуру и два блестящихъ глаза.

— Мы также его не знаемъ, отвёчала Лина, онъ встрётился намъ только въ лодкё. Впрочемъ, — прибавила она со смёхомъ, радуясь своему открытію, — ты можешь узнать, кто онъ, онъ привезъ поклонъ отъ своей матери начальницѣ, такъ спроси его. Не правда ли, онъ хорошъ?

— Ахъ, Лина, что ты говоришь! Я буду просить св. Женевьеву, чтобы она своей молитвой выпросила мнё проценіе, за то, что ты говоришь, а я... я это слушала... Прощай, Лина, кланяйся тамъ всёмъ.

Крылатое видѣніе какъ будто унеслось по длинному корридору; оно уже не слышало, какъ Лина говорила ему вслѣдъ, что завтра она разскажетъ у графини Вольфсгартенъ, что она ее видѣла. Видѣніе исчезло.

Путешественники оставили монастырь, и передъ дверями старый господинъ сказалъ молодому человъку:

— Какое счастье для дёвушекъ, что они могутъ воспитываться здёсь въ монастырё, на островё, удаленномъ отъ всего свёта.

— Дѣвушки въ монастырѣ, а молодые люди въ казармѣ! Прекрасный порядокъ! — отвѣчалъ молодой человѣкъ рѣзкимъ тономъ.

Старый господинъ, не отвѣчая ни слова, отвернулся и отошелъ съ своими дамами на нѣсколько шаговъ; казалось, онъ не хотѣлъ дальше имѣть ничего общаго съ человѣкомъ такого революціоннаго образа мыслей.

Молодой человѣкъ поспѣшилъ одинъ къ лодкѣ и быстро переправился на другую сторону. Рѣка была точно расплавленное золото. Онъ опустилъ руку въ воду и отеръ себѣ лобъ и глаза.

Проворно спрыгнувъ на берегъ, онъ оглянулся назадъ на

Томъ У. - Скнтяврь, 1868.

островъ: старый господинъ съ женой и дочерью также спуска-лись къ лодкъ; онъ издали поклонился имъ и пошелъ скорыми шагами на гору въ развалинамъ замка, откуда открывался видъ на монастырь. Молодой человѣкъ долго сидѣлъ здѣсь и смот-рѣлъ внизъ на монастырь. Онъ слышалъ пѣнiе дѣвическихъ голосовъ, видёлъ длинный рядъ ярко освёщенныхъ оконъ, и взглянувъ на звѣзды, сказалъ наконецъ:

— О. мать!

Что хотѣль онъ выразить этимъ восклицаніемъ?

Быть можеть, его мать сказала ему, что съ нимъ произойдетъ нѣкогда что-то похожее на чудо.

Въ кустахъ неустанно пѣлъ соловей, молодой человѣкъ прислушивался въ его пенію и однако желаль бы лучше, чтобы онъ не мѣшалъ ему слышать пѣніе дѣтей въ монастырѣ, которые переносили въ дъйствительность волшебныя мечты о въчности и на время дёлались поющимъ ангельскимъ хоромъ.

Я одинъ въ весеннюю ночь на развалинахъ, съ бьющимся сердцемъ! Я ли это? спросилъ себя молодой человъкъ.

Онъ спустился съ горы и при самомъ входѣ въ гостинницу встрѣтилъ стараго господина съ его дамами, воторые отправлялись на станцію желтзной дороги.

Ему хотѣлось бы спросить дѣвушку, кто было это удивитель-ное видѣніе, но онъ удержался. Къ чему? Лучше, если я не буду знать ее, и волшебство видѣнія останется чисто и ничѣмъ не нарушено.

Онъ вошелъ въ гостинницу; онъ сѣлъ, сталъ читать карту блюдъ и не зналъ, что онъ читалъ и что ему выбрать; онъ смотрѣлъ въ нее до тѣхъ поръ, пока пришелъ кель черъ и спросиль ее у него, чтобы подать другому.

:

Онъ заказалъ первое, что попалось на глаза. — Какого вина вы желаете? У насъ есть Драк лова-вровь изъ здѣшняго винограда.

- Принесите миѣ Драконову - кровь.

— принесите мнъ драконову-кровь. Онъ блъ и пилъ не зная, что онъ блъ и пилъ, онъ зналъ только, что человъкъ долженъ ъсть и пить. Наконецъ, онъ зналъ газету, лежавшую на столъ. Что такое монастыри, что такое развалины замковъ? Что такое эта дъвушка съ привязанными врыльями? Это міръ живой, сегодняшній, дъйствительный міръ! Да, это онъ! Мы едва можемъ себъ представить, какъ было

въ другія времена, когда можно было спокойно выдумать при-ключеніе. Во всякое время, въ минуту ли тяжелой заботы, когда собственная жизнь становится намъ въ тягость и до міра намъ не бываеть никакого дёла, или въ минуту высокаго ощущенія,

когда мы чувствуемъ себя вакъ будто поднятыми выше всякой дъйствительности, является газета и требуетъ нашего вниманія и зоветь насъ, вакъ будто бы мы вездъ должны были участво-вать въ устройствъ міровыхъ отношеній.

Какое дёло теперь молодому человёку до Америки? И однако же онъ прочелъ сейчасъ извёстіе о тамошнихъ дёлахъ съ большой ревностью, и съ улыбвой осмотрѣлся, вспомнивъ, что, по словамъ француженки, одна американка утѣшаетъ ребенка, то-скующаго по родинѣ, и что она написала также набожную пьесу къ празднику. Здёсь ребенокъ играетъ съ благочестивымъ ми-сомъ, а между тёмъ на его родинё идетъ такое броженіе! Мысли молодого человёка были опять въ монастырё, и опять онъ вспомнилъ чудесное видбніе.

Когда онъ хотёль уже бросить листовъ, глаза его упали на одно объявленіе. Его брови нахмурились, онъ оглянулся и про-чель еще разъ, затёмъ спросилъ кельнера, не можетъ ли онъ взять себѣ газету, и отправился съ ней въ свою комнату.

- Красивый мужчина, - говорили ему вслёдь гости. Вёро-ятно молодой вдовець, который хочеть разсёяться путешествіемъ по Рейну; на шляпѣ у него флеръ.

ГЛАВА П.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

Имя: Эрихъ Дорнэ... Званіе: д-ръ философіи, вапитанъ въ отставкъ. « Откуда: названіе небольшого университетскаго города. Куда:.. Цёль путешествія:..

рода. Буда:.. Цёль путешествія:.. Такъ писалъ молодой человёкъ рано утромъ въ книгё, въ которой по ринятому порядку записываются имена путешествен-никовъ, и только теперь онъ замётилъ, что передъ его именемъ было вписано: мировой судья Фогтъ съ женой, урожденной Лан-денъ, и съ дочерью, изъ... названъ былъ небольшой городокъ съ пёвучимъ именемъ на верхнемъ Рейнѣ. Итакъ, это очевидно былъ вчерашній господинъ съ крапин-

вами и двъ его дамы.

Эрихъ, такъ можемъ мы теперь называть его, отправился съ своимъ легкимъ дорожнимъ багажемъ къ пристани, гдъ причаливалъ пароходъ. Утро было свёжо и ясно, кругомъ веселая поющая жизнь, только узкая полоса облака висёла какъ туманъ надъ свётлой вершиной горной цёпи. Эрихъ шелъ твердымъ ша-гомъ, высово поднявъ голову и свободно вдыхая свёжій утрен-

2* Google

ній воздукъ. Онъ сталь у перилъ пристани, смотрёль на рёку, на которой теперь поднимался туманъ, разсёявавшійся въ воздухѣ; потомъ онъ долго смотрёлъ на островъ, гдѣ теперь звонилъ утренній колоколъ и будилъ дётей, которые вчера вечеромъ превращались въ сказку передъ самими собой. Какъ теперь открыла блестящіе глаза эта дёвушка съ длинными черными локонами и свётлыми крыльями?

Какъ будто желая отогнать этотъ образъ, Эрихъ вынулъ газету и еще разъ прочиталъ объявленіе.

Пароходъ приближался, шумно разрёзывая волны.

Эрихъ не видалъ, что вмѣстѣ съ нимъ дожидались парохода и двѣ монахини изъ монастыря, и одна изъ нихъ была красивая и боязливая француженка. Только на пароходѣ онъ замѣтилъ, что онѣ вошли вмѣстѣ съ нимъ. Онъ поклонился; на него посмотрѣли съ удивленіемъ и не отвѣчали. Монахини взяли свои молитвенники, усѣлись на палубѣ и стали молиться. Въ первую минуту Эрихъ подумалъ, не спросить ли ихъ, кто была дѣвушка съ крыльями, но теперь онъ рѣшился оставить это. Все это приключеніе не должно было имѣть послѣдствій, онъ долженъ былъ собрать всѣ силы для своего дѣла.

На цароходѣ, шедшемъ вверхъ по рѣкѣ, было еще мало путешественниковъ, и раннимъ утромъ люди бываютъ необщительны, какъ будто уединеніе во время сна продолжаетъ дѣйствовать на человѣческія души и послѣ. Эрихъ сѣлъ недалеко отъ рулевого, который потихоньку напѣвалъ про себя. Глубоко задумавшись, Эрихъ смотрѣлъ на волны отъ парохода и на окружавшіе виды. Онъ сжалъ свои тонко очерченныя губы; повидимому, онъ хотѣлъ молча наслаждаться сокровищемъ красоты этой рѣки и этого ландшафта и часто дѣлалъ нетерпѣливыя движенія головой, когда слышалъ, что люди, сидѣвшіе около него, за такъназываемой «бесѣдой», теряли въ болтовнѣ свѣжесть утра и тихія освѣжающія впечатлѣнія ландшафтовъ.

Въ теченіе этой исторіи мы часто еще будемъ слышать объ этомъ своеобразномъ молодомъ человѣкѣ. А теперь намъ надо предварительно знать, что Эрихъ былъ сынъ весьма уважаемыхъ родителей, получилъ заботливое воспитаніе и поступилъ въ военную службу, добровольно покинулъ ее, и посвятилъ себя занятіямъ наукой. Только нѣсколько дней тому назадъ онъ получилъ степень доктора. Онъ съ большими усиліями торопилъ окончаніе этого дѣла, потому что только два мѣсяца назадъ, какъ умеръ его отецъ.

Вечеромъ того дня, когда Эрихъ получилъ свою докторскую степень, мать гуляла съ нимъ и убъждала его отдохнуть теперь

нѣсколько дней на свободѣ. При этомъ она провела рукой по блѣдному и похудѣвшему лицу его, и сказала: — У тебя снова появится свѣжій румянецъ; жизнь и дѣя-тельность — обязанность человѣка; это была поговорка твоего отца, которую онъ выполнялъ и на дѣлѣ до послѣдней своей минуты.

минуты. Только тогда, когда Эрихъ вернется изъ путешествія, хотѣли они рѣшить, что будетъ теперь съ ними обоими. Цри этомъ мать болѣзненно чувствовала и не могла подавить мысли, что они вышли изъ правильной и постоянной колеи жизни, и что передъ ними каждую минуту стоитъ невѣдомое существованіе, такое, которое имъ самимъ еще надо создавать; она никогда этого не знала и никогда этого не предвидѣла. Съ горестью, которую она старалась подавить, но которой не могла совер-шенно скрыть, она видѣла, припоминая слова Лессинга, что сынъ ея стоитъ на рынкѣ и выжидаетъ себѣ работы. Между тѣмъ она надѣялась, что въ ея сынѣ уляжется упорство, съ ка-кимъ онъ не хотѣлъ пріобрѣтать себѣ положеніе въ жизни че-резъ какое - нибудь покровительство; но прежде всего ему надо было сохранить свою юношескую свѣжесть. Если бы мать уви-дѣла его теперь, она изумилась бы, какъ скоро это устроялось. Да, въ его глазахъ былъ такой яркій блескъ и въ лицѣ такой цвѣтущій румянецъ, какихъ не было въ лучшіе и самые спо-койные его дни. койные его дни.

койные его дни. Только для того, чтобы дать ему цёль, она поручила ему передать поклонъ начальницё монастыря. Теперь Эрихъ былъ уже на обратномъ пути. Простое объявленіе въ газетё дало его путешествію и его назначенію неожиданное направленіе. Странно! думалъ Эрихъ про себя, положивъ руку въ боко-вой карманъ, гдё лежала его газета... Странно, откуда являются эти призывы, которые бросаютъ странствующаго Одиссея въ ту и въ другую сторону!— Между тёмъ у него было достаточно юно-шеской упругости, чтобы изъ-за цёли не забыть удовольствій путешествія. Онъ свётлыми глазами смотрѣлъ на колеса паро-хода, на движеніе, оживлявшее рѣку и берега. Обѣ монахини вышли уже на второй станціи и красивая француженка, обернувшись, кивнула ему, когда спускалась по ма-ленькой боковой лѣстницѣ. Въ лодкѣ она сложила руки и гля-дѣла внизъ; сошедши на берегъ, она также ни разу не огля-нулась.

нулась.

Путешественники мёнялись отъ одного мёста до другого; въ одной деревнё на пароходъ явилась толиа богомольцевъ, боль-шей частью женщинъ, съ бёлыми платками на головё, а тамъ,

гдѣ они сошли съ парохода, явилась толпа турнеровъ въ ихъ свётлосёрыхъ востюмахъ, и они вскорё запѣли на пароходѣ пѣсню, между тѣмъ какъ богомольцы пѣли свое на берегу. Во всёхъ городахъ и деревняхъ, мимо которыхъ они плыли, раздавался звонъ колоколовъ; былъ свѣтлый, яркій, цвѣтущій весенній день, и Эрихъ чувствоваль все то опьянёніе, которое приносить въ душу рейнская жизнь: то напряжение и возвышение всёхъ жизненныхъ силъ, о воторомъ нельзя сказать, откуда оно приходитъ, какъ нельзя отличить, что даетъ вину здёсь на горахъ его пряность и его огонь. Это — дыханіе рѣки, это — запахъ горъ, сила почвы, солнечный свётъ, который пылаетъ въ винѣ вакъ и въ человѣкѣ, вливаетъ энтузіазмъ радости, отъ вотораго нивто не можетъ отдёлаться, и котораго нивто не можеть объяснить.

Съ Эрихомъ также часто заговаривали, но онъ уклонялся отъ всякихъ дальнихъ бесёдъ, онъ хотёлъ быть одинъ среди людского движенія, среди восхитительнаго ландшафта. Есть слова, которыя дёлаются осью для мыслей уединеннаго человёка. Эрихъ слушаль, какъ одинъ изъ путешественниковъ говорилъ другому:

- Мив больше правится вхать противь теченія: тогда все видишь • лучше и дольше, и для человѣческаго ума большой тріумфъ, что онъ запрягаетъ силу противъ теченія.

Противъ теченія! Это и было то слово, которое осталось у Эриха изъ всего пестраго разнообразія, какое онъ сегодня видѣлъ и о какомъ думалъ. Противъ теченія! Это былъ и его жизненный путь. Онъ оставилъ обыкновенную дорогу и съ смълымъ упорствомъ собственной воли искалъ своего особаго пути. Это хорошо; такъ скорбе, такъ ближе можно узнать міръ. и прежде всего свою собственную силу.

- Противъ теченія! - сказаль онъ, улыбаясь, про себя. Посмотримъ; куда это ведетъ!

Былъ уже давно полдень, когда онъ вышелъ на берегъ у городка съ древней башней, которая имбеть веселую извъстность въ цёломъ свётё. На берегу стоялъ молодой человёкъ, который пристально посмотрълъ на него и наконецъ воскликнулъ:

— Дорнэ! — Господинъ фонъ-Пранкенъ! — отвёчалъ Эрихъ.

Они подали другъ другу руки.

ГЛАВА ІП.

ЗА НОВЫМЪ ВИНОМЪ.

— Вотъ Рейнъ; едва люди поздороваются и протянутъ другъ другу руку, какъ ужъ говорятъ: давай пить! Должно быть это ръка, текущая передъ нашими глазами, постоянно возбуждаетъ въ насъ охоту къ жидкости.

Такъ говорилъ Эрихъ красивому, тѣхъ же лѣтъ какъ онъ, оѣлокурому спутнику, который сидѣлъ противъ него, положивъ руку въ туго застегнутой перчаткѣ на голову темной лягавой собаки, прижавшейся къ его колѣнямъ. Собака нѣсколько разъ взглядывала на Эриха, котораго звучный голосъ быть можетъ произвелъ возбудительное впечатлѣніе и на животное.

- Теперь позвольте: вотъ карта винъ. Какого хотите года, и какого винограда? Не будемъ ли мы цить новое вино, которое еще весело и еще не улеглось?

— Да, молодое вино, и съ здѣшнихъ горъ, гдѣ свѣтъ солнца покоится такъ сладко, и гдѣ кукушка поетъ въ лѣсу. Давайте пить вино той почвы, на которой мы теперь стоимъ, и станемъ кровными родными съ этимъ прекраснымъ клочкомъ земли.

Пранкенъ велёлъ дожидавшемуся кельнеру отрывистымъ военнымъ тономъ:

- Бутылку Auslese!

Вино принесли; какъ золотое оно лилось въ свътлые стаканы, собесѣдники чокнулись и выпили. Они сидѣли въ бесѣдкѣ у рѣки, тамъ, гдѣ широко раскидывается ландшафтъ, и гдѣ глазъ отдыхаетъ на зеленѣющихъ островахъ ръки, на ярко блестящихъ жилищахъ, на горахъ, на вьющихся лозахъ винограда и на великолѣпныхъ дачахъ.

Лодки, стоявшія у берега, были опять неподвижны, потому что волны отъ парохода уже сгладились; только тамъ-и-сямъ шумѣли издали поѣзды желѣзныхъ дорогъ; на гладкой рѣкѣ, на которой кое-гдѣ отражались съ неба бѣлыя облака, блестѣли лучи полуденнаго солнца, и въ цвѣтущихъ кустахъ бузины около бесѣдки распѣвалъ соловей.

- Вотъ жизнь! воскликнулъ Эрихъ. Послё цёлаго дня уединенія въ пестрой путаницё мыслей и среди приходящихъ и уходящихъ чужихъ людей такъ неожиданно встрётить теперь стараго знакомаго, это какъ будто немножко вернуться на родину; и кромѣ того, я долженъ вамъ сказать, что эту встрёчу считаю хорошимъ предзнаменованіемъ. Отто фонъ-Пранкенъ кивнулъ съ довольнымъ видомъ; при неожиданной встрѣчѣ онъ, быть можетъ, держалъ себя болѣе дружески, чѣмъ требовало приличіе; и теперь, когда Эрихъ говорилъ ему «вы», тогда какъ прежде они говорили другъ другу «ты», онъ кивнулъ ему съ довольнымъ видомъ. Эрихъ съ большимъ тактомъ понимаетъ свое положеніе; это хорошо. Пранкенъ быстро сдернулъ перчатку, еще разъ подалъ Эриху руку, и сказалъ:

— Вы въроятно путешествуете теперь для удовольствія?

— Нѣтъ, это было бы мнѣ теперь не по состоянію и даже не кстати. Вы, можетъ быть, еще не знаете, что два мѣсяца тому назадъ умеръ мой отецъ.

— Да, да!... Я вёчно буду благодарень нашему доброму профессору; если я чему-нибудь научился въ кадетской школѣ, это было конечно довольно мало, — я обязанъ этимъ исключительно ему. Какимъ терпѣніемъ и какой неутомимой ревностью отличался вашъ добрый отецъ! Чокнемтесь въ его память.

Стаканы зазвенѣли.

— Если я когда-нибудь умру, сказаль Эрихъ, и голосъ его звучалъ глубокимъ чувствомъ, — я желалъ бы, чтобы и мой сынъ вспомнилъ меня такъ, съ товарищемъ, за стаканомъ вина, въ свътлый полдень!

— Ахъ, умирать! старался Пранкенъ повернуть разговоръ: если я умру, то мнѣ ни до чего больше нѣтъ дѣла. Я нахожу крайне неумѣстнымъ, что тамъ наверху, — взгляните, — прямо въ серединѣ виноградниковъ устроили кладбище.

Эрихъ ничего не отвѣчалъ; онъ только взглянулъ наверхъ и услышалъ въ эту самую минуту, какъ съ кладбища кричала кукушка.

— Вы занимаетесь сельскимъ хозяйствомъ? спросилъ онъ, какъ будто приходя въ себя.

— Да, покамъсть; я снялъ на неопредъленное время свою лейтенантскую форму, и предпочелъ себъ пьедесталъ изъ высокихъ непромокаемыхъ сапоговъ. Впрочемъ и то и другое одинаково скучно.

Говоря это, Пранкенъ, по отвратительной такъ-называемой аристократической манерѣ, принялся очень усердно чистить свои ногти, затѣмъ онъ вынулъ маленькую щеточку и еще разъ пригладилъ свои безукоризненно пробранные, нѣсколько жидкіе волосы. При этомъ онъ нѣсколько разъ взглядывалъ на своего собесѣдника.

Нѣсколько минутъ они сидѣли не говоря ни слова и внимательно вглядываясь другъ въ друга. Два неловкихъ человѣка, при встрѣчѣ, своей неловкостью приводятъ одинъ другого въ замѣша-

тельство, два ловкихъ человёка, знающихъ свою ловкость, по-хожи на двухъ бойцовъ на шпагахъ, изъ которыхъ каждый хо-четъ сначала узнать манеру другого и потому не наноситъ удара и не дѣлаетъ нападенія.

Пранкенъ наклонился въ своему стакану, вдохнулъ букетъ вина, и наконецъ сказалъ съ усмѣшкой. — Теперь вы обратитесь и отъ своихъ покойныхъ комму-

нистическихъ илей?

--- Коммунистическихъ? Я не думалъ, что и вы, какъ столько другихъ людей, станете ко всему, что вамъ не нравится, приклады-вать удобное прозвище «коммунизмъ»; я желалъ бы, чтобы я могъ быть коммунистомъ. Я хочу сказать: я желалъ бы, чтобы я могъ считать коммунизмъ за способную къ развитію форму общества, чёмъ онъ однакоже никогда не можетъ быть. Мы должны другимъ путемъ работать для того, чтобы освободить наше существование отъ того варварства, что такие же люди какъ мы, люди съ нами равноправные, териять нужду въ самыхъ не-обходимыхъ потребностяхъ жизни. Въ мой стаканъ капаеть горькая капля оттого, что я здёсь спокойно пью вино тёхъ горъ, на которыхъ должны теперь работать бёдные угнетенные люди, которые никогда не попробуютъ и капли этого вина.

- Сегодня воскресенье, и теперь никто не работаетъ, отвѣчалъ Пранкенъ, и громко засмѣялся.

чалъ пранкенъ, и громко засмъялся. Уже при этой первой встръчъ обнаружилась противополож-ность между двумя молодыми людьми. Эрихъ также засмъялся при неожиданной выходкъ своего пріятеля; онъ былъ достаточно развитъ для того, чтобы считать противоръчіе принциповъ лич-нымъ вопросомъ, поэтому обратилъ бесъду на мирные предметы и разговоръ спокойно шелъ въ воспоминаніяхъ о прежнихъ временахъ.

По неподвижности шеи, по манеръ держать руки во время ходьбы въ обоихъ молодыхъ людяхъ можно было узнать военходьбы въ обоихъ молодыхъ людяхъ можно было узнать воен-ныхъ, но эта натянутость смягчалась у Эриха нёкоторой элеги-ческой плавностью. Пранкенъ былъ элегантенъ, Эрихъ благоро-денъ и нёженъ. Въ каждомъ тонё и въ каждомъ движеніи Пран-вена было что-то обязывающее и пріятное, но въ его манерѣ держать себя было и то распущенное безстыдство, или, если это слово звучитъ слишкомъ рѣзко, та impertinence, которая всякаго, непринадлежащаго къ своему обществу, считаетъ несуществую-щимъ, или смотритъ на него съ удивленіемъ, ка̀къ это случи-лось, что и онъ также существуетъ на свѣтѣ. Манеры Эриха были не менѣе хороши, по при этомъ у него были непринужденность и достоинство. Голосъ его былъ прекрас-

ный сильный баритонъ, тогда какъ голосъ Пранкена былъ те-норъ; и въ самомъ способѣ разговора можно было видѣть между молодыми людьми большую разницу. Эрихъ выговаривалъ вполнѣ каждое слово и каждой буквѣ онъ давалъ ея тонъ; напротивъ, Пранкенъ говорилъ съ какой-то усталой лѣнью, какъ будто ему было слишкомъ много гласныхъ и согласныхъ, какъ будто ему было слишкомъ много гласныхъ и согласныхъ, какъ будто ему нужно было избѣгать всякаго усилія органовъ языка; слова, такъ сказать, падали съ его губъ, и однако онъ говорилъ охотно и очень изысканно. У Пранкена былъ тотъ рѣзкій и сильный тонъ короткаго галопа, который былъ такъ свойственъ королев-ской дейбъ-грардія. Въ каждомъ совершенно обыкворенномъ высвой лейбъ-гвардіи. Въ каждомъ совершенно обыкновенномъ вы-

ской леноъ-гварди. Въ каждотъ совершенно оовкновенноть за раженіи было что-то шумливое и гремящее. Эрихъ больше обдумывалъ про себя, чёмъ говорилъ. За сво-ими серьезными занятіями онъ жилъ дома въ совершенной, почти монастырской типшинѣ, и весь этотъ способъ обращенія опять показался ему новъ и страненъ.

 показался ему новъ и страненъ.
 — Господинъ баронъ, перервалъ его подходившій кельнеръ, который принесъ бутылку мѣстнаго шипучаго вина, вашъ кучеръ спрашиваетъ, не отпречь ли ему лошадей?
 — Нѣтъ, отвѣчалъ баронъ, и повертывая бутылку во льду, онъ продолжалъ говорить Эриху: — Мнѣ не хочется только нарушать короткаго удовольствія этой встрѣчи съ вами. Вы не повѣрите, до какой степени скучна эта хваленая поэзія сельскаго хозяйства!

Онъ налилъ изъ откупоренной бутылки и сказалъ со смёхомъ: — Навозъ, и опять навозъ — вотъ его пароль. Олимпъ его есть куча навозу и возсёдающее на немъ божество есть Юпи-теръ-аммоніакъ! Пранкенъ выпилъ и громко засмёялся своей остротё, и при этомъ съ удовольствіемъ закрутилъ обёнми руками кончики своихъ усовъ.

Эрихъ свернулъ на прелесть рейнской жизни, но Пранкенъ вмѣшался и здѣсь.

Эрихъ не могъ не засмѣяться, и прихлебнувъ изъ стакана, сказаль:

А прекрасное вино!
 Да, отвѣчалъ Пранкенъ, да, вино здѣсь пьютъ, но безъ всякой поэзіи, точно занимаются ремесломъ. Люди сидятъ по цѣлымъ часамъ вмѣстѣ, всегда въ одномъ и томъ же обществѣ,

всегда у нихъ въ запасъ одна и та же полдюжина аневдотовъ, всегда они пересказывають одну и ту же застарълую остроту, и затъмъ идутъ домой съ красными лицами и пьяными ногаии, и затягиваютъ пъсню, — и это называютъ рейнской веселостью. Единственное веселое во всей этой дъланной лжи объ Рейнъ, остается развъ такъ называемое Strausswirthschaft.

- Что это такое?

- Видите ли, какой-нибудь почтенный кумъ портной или перчаточникъ, заводитъ нѣсколько боченковъ собственнаго вина, котораго онъ не можетъ выпить одинъ. Тогда онъ втыкаетъ на своемъ домѣ пучекъ зеленыхъ вѣтвей, и коренное нѣмецкое патріархальное обиталище съ извѣстной зеленой изразцовой печкой и сѣрымъ котомъ подъ лавкой, становится кабачкомъ. Выпивши въ одной улицѣ, граждане идутъ въ другую, третью, четвертую и такимъ образомъ пьютъ, оказывая другъ другу взаимную помощь, и это здѣсь единственная прелесть.

— Такъ давайте и мы наслаждаться виномъ, возразилъ Эрихъ, посмотрите, какъ солнце еще разъ освѣщаетъ благородный напитокъ, которому оно такъ сладко улыбается, и который оно съ такимъ трудомъ выростило. Выпьемъ, солнце прошедшее и настоящее!

Онъ выпилъ стаканъ съ поспѣшностью, которая вообще не била свойственна его спокойному характеру.

- Я всегда думалъ, отвѣчалъ Пранкенъ, что въ васъ сидитъ поэтъ. Ахъ, я завидую вамъ, я желалъ бы имѣть талантъ и написать сатиру съ такимъ перцомъ, чтобы весь міръ обжигалъ на немъ языкъ.

Эрихъ усмёхнулся и отвёчалъ, что онъ также думалъ одно время, что у него есть поэтическое призваніе, но что потомъ онъ вполнѣ понялъ свое заблужденіе и теперь рѣшился посвятить себя дѣятельной практической жизни.

- Да, сказалъ онъ, вынимая изъ кармана газетный листокъ, чожеть быть, вы въ состояніи оказать мнѣ услугу, рѣшительную для моей жизни.

- Съ радостью, если это не будетъ противъ....

- Успокойтесь, здёсь нёть рёчи ни о какихъ принципахъ, ни о какой политикѣ. Можетъ быть, вы сдёлались бы для меня сватомъ.

- Такъ вы влюблены? Такъ прекрасному Эриху Дорнэ, Адонису гарнизона, нуженъ сватъ?

- Нѣтъ, не то. Дѣло идетъ только о мѣстѣ домашняго учителя. Взгляните вотъ эту газету; здѣсь написано: «Я ищу для своего пятнадцати-лѣтняго сына, человѣка съ научнымъ образованіемъ и свётскими манерами, который бы готовъ былъ взять на себя преподаваніе и руководство для высокаго положенія въ свётѣ. Гонорарій — по соглашенію. По окончаніи воспитанія пожизненная рента. Адресъ и свидѣтельства отдать на станціи желѣзной дороги *** на Рейнѣ».

— Я знаю это объявленіе, даже самъ помогалъ составлять его. Признаюсь, однако, что при выборѣ выраженія «свѣтскія манеры» мы разумѣли нѣчто иное.

- Быть можеть, вы хотёли этимъ сказать, что этоть человъкъ долженъ быть дворяниномъ?

— Именно. Я не имѣю надобности защищаться противъ того, что извѣстныя неудавшіяся существованія называють въ газетахъ феодализмомъ. Дѣло здѣсь въ томъ, чтобы воспитатель сохранилъ неприкосновенное почетное положеніе въ бюргерскомъ домѣ, и въ особенности съ упрямымъ воспитанникомъ.

-- Конечно, это очень разсудительно и выгодно. Но можетъ быть, однако, я вмёсто названія барона имёю такъ-называемый непреклонный характеръ; нёсколько дней теперь я уже называюсь докторомъ.

Пранкенъ кивнулъ снисходительно и какъ будто поздравляя его, но скоро прибавилъ:

— А это вы забываете, что вы оставили службу съ капитанскимъ чиномъ? Признаюсь, что въ объявленіи я хотѣлъ сдѣлать особенное удареніе на военныхъ качествахъ. Но нѣтъ, вы не годитесь въ вожаки медвѣдей. Юноша необузданъ и коваренъ, какъ американскій краснокожій, и онъ знаетъ какъ взяться, чтобы скальпировать всякій характеръ; онъ уже испробовалъ это на полдюжинѣ педагоговъ.

— Быть можетъ, отъ этого опытъ будетъ еще привлекательнѣе.

— И знаете-ли вы, что масса Зонненкамиъ есть владётель многихъ милліоновъ, и что наслёдникъ этого золота также знаетъ объ этомъ.

--- Это не мѣшаетъ и, можстъ быть, еще больше привлекаетъ въ опыту.

--- Хорошо. Я сведу васъ съ этимъ таинственнымъ человѣкомъ, я имѣю счастіе пользоваться его особеннымъ расположеніемъ. Впрочемъ, нѣтъ... лучше, если вы отправитесь со мной въ имѣніе моего зятя; вы вѣроятно помните также мою сестру Беллу?

- Очень, и я принимаю ваше гостепріимство, только я просиль бы господина Зонненкампа... мий кажется, что я гдв-то слышаль уже это имя; но все равно... Я просиль бы васъ,

чтобы вы извёстили его о моемъ пріёздё, и затёмъ предоставили мнё отправиться туда одному.

Пранкенъ бросилъ на Эриха вопросительный волиядъ. Эрихъ продолжалъ:

- Я вполнѣ умѣю цѣнить ваше дружеское содѣйствіе, но вы знаете, что чужой человѣкъ, который вводится какъ третій, можетъ высказаться не такъ легко и свободно, какъ это можетъ быть въ разговорѣ вдвоемъ.

Пранкенъ улыбнулся ловкости Эриха; онъ почувствовалъ нѣкоторую гордость, что можетъ рекомендовать человѣка съ такимъ отличнымъ образованіемъ. Онъ вынулъ изъ кармана заиисную книжку, и нѣсколько времени держалъ въ губахъ серебряный карандашъ. Онъ еще разъ обдумывалъ, хорошо ли онъ дѣлаетъ, рекомендуя Эриха, не лучше ли было бы тотчасъ же устранить его, и замѣнить его человѣкомъ, который бы вполнѣ считалъ себя его креатурой? Но тогда Эрихъ самъ сдѣлаетъ попытку, и быть можетъ, даже презвычайно вѣролтно, получитъ мѣсто. Тогда все-таки лучше связать его благодарностью. И среди этихъ размышленій у него явилось нѣкоторое добросердечіе. Пранкену показалось пріятнымъ разыграть роль человѣка, дѣлающаго счастье другихъ, и онъ самъ на минуту былъ счастливъ этой мыслью.

Онъ тотчасъ написалъ на карточкъ господину Зонненкампу, чтобы онъ не входилъ пока ни въ какія обязательства, потому что на другой день явится къ нему одинъ ученый, бывшій артиллерійскій офицеръ. Покамъстъ онъ благоразумно избъгалъ всякихъ дальнъйшихъ дружескихъ рекомендацій, потому что не хотълъ дълать ничего ръшительнаго, не посовътовавшись съ своей сестрой.

Карточка была тотчасъ отослана и Пранкенъ, надъвая опять резинку на свою записную книжку, нъсколько разъ еще снималъ и надъвалъ ее, пока спряталъ книжку въ карманъ.

ГЛАВА ІУ.

непохожие товарищи.

Молодые люди отправились въ отврытомъ экипажѣ по дорогѣ, которая скоро повернула въ горы. Воздухъ былъ полонъ влажной свѣжести и высоко надъ виноградниками въ лѣсу пѣли соловьи; это была точно безконечная цѣпь пѣнія.

Молодые люди сидёли молча; каждый зналь, что другой во-

шелъ въ вругъ своей жизни, и впередъ невозможно было придумать, что изъ этого выйдетъ.

Когда Эрихъ снова снялъ теперь шляпу, и Пранвенъ всмотрѣяся въ прекрасное лицо и отпечатлѣнный на немъ энергическій повелительный характеръ, ему показалось, какъ будто онъ еще вовсе не видалъ его; ему стало страшно, когда онъ опять вспомнилъ, что онъ поставилъ себя съ нимъ въ отношенія, послѣдствій которыхъ невозможно было предвидёть. Гнѣвъ и насмѣшка, благосклонность и добродушная улыбка мѣнялись въ выраженіи его лица; онъ даже бормоталъ про себя непонятныя слова и иногда прорывался короткій необъяснимый смѣхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это удивительно, чрезвычайно удивительно, говорилъ онъ къ самому себѣ; едва ли кто-нибудь подумалъ бы обо мнѣ, что я могу быть такъ благороденъ и самоотверженъ, могу быть такимъ совершенствомъ дружбы. Мнѣ всегда это говорили и я самъ вообразилъ, что способенъ только на всякіе пустяки, а я все-таки, лучше своего собственнаго мнѣнія о себѣ! Какой стыдъ, что я не видѣлъ своей собственной невинности и добродѣтели. Вотъ мы сидимъ здѣсь, я и онъ этотъ другъ, сердечный братъ, благородный жрецъ судьбы дли другого человѣка, который есть часть человѣчества, даже ни что иное какъ само чистое человѣчество. Всѣ его помышленія въ высшей степени благородны и человѣчны, но этой благородной человѣчности нравится однако и хорошій гонорарій!»

иное какъ само чистое человъчество. Всъ его помышления въ высшей степени благородны и человъчны, но этой благородной человъчности нравится однако и хорошій гонорарій!» Пранкенъ легъ головой на подушку экипажа и усмъхаясь смотрълъ на небо. Онъ ужъ позаботится о томъ, чтобы благородная человъчность, сидящая съ нимъ рядомъ въ экипажъ, не стала ему поперегъ дороги, а чего не сдълаетъ онъ самъ, то съумъетъ сдълать сестра Белла.

Во всей манерѣ Пранкена было что-то грубое. Съ дѣтства онъ одѣтъ былъ въ военную униформу и она дала ему не только чувство замкнутости, но и опредѣленный, всегда ясно видный, исключительный характеръ, который выдѣлялъ его изъ обыкновенной толпы.

Среди товарищей въ общемъ строю онъ держался бодро и смѣло; онъ не отличался ничѣмъ особеннымъ, но онъ былъ хорошій офицеръ, умѣвшій хорошо управлять и муштровать своихъ лошадей и своихъ людей. Теперь, когда онъ снялъ мундиръ, ему казалось, что въ гражданскомъ платьѣ онъ, какъ будто, долженъ развалиться; поэтому онъ держалъ себя съ грубой гордостью и старался въ каждомъ движеніи дать понять, что онъ не принадлежитъ къ обывновеннымъ сынамъ человѣческимъ. Въ полку онъ всегда отдавалъ твердыя приказанія, а теперь онъ

вступилъ въ мудреную команду обязанности и управленія са-мимъ собой. Предоставленный самому себѣ, онъ болѣзненно по-чувствовалъ, что безъ товарищества онъ — ничто. Жизнь по-казалась ему пустой и ничтожной, и онъ выработалъ себѣ извъстное иронически-ожесточенное настроеніе; это давало ему въ его собственныхъ глазахъ нѣкоторое превосходство надъ этимъ сухимъ существованіемъ безъ парадовъ, безъ игры, безъ балета. Теперь онъ съ нѣкоторой завистью смотрѣлъ на сидѣвшаго

рядомъ Эриха, который былъ лишенъ всякаго внѣшняго положенія, быль даже б'ёдень, и смотр'ёль однако такъ твердо и спокойно и наслаждался ландшафтомь, какъ бузто это быль праздникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Эрихъ былъ поставленъ лучше. Вступивши поздно въ солдатскую службу, онъ остался и въ строю особымъ человѣкомъ, никогда вполнѣ не уходилъ въ товарищескую жизнь, и теперь, когда носиль гражданское платье, все его существо раскрылось вновь и свободно.

- Я завидую вамъ, сказалъ Пранкенъ, когда они долго бхали молча.

- Вы, мнѣ?

- Да. Сначала мнѣ было досадно и жалко, что человѣкъ вашего характера долженъ поступить въ частную службу, и еще въ какую! Но, быть можетъ, это-счастье, если человѣку прихо-дится предпринимать что-нибудь ради прибыли.

— Это именно и будетъ тяжелая задача — быть при моло-домъ милліонерѣ, отвѣчалъ Эрихъ. Человѣческой силой двигаютъ двѣ вещи, идея и матеріальная выгода.

- Извините, я не совсѣмъ васъ понимаю.

- Позвольте, я объясню вамъ.

- Я слушаю.

- Кто приводитъ свою силу въ движение изъ-за идеи, тотъ вступаетъ въ область геніевъ, какъ бы ни былъ малъ и невиденъ вругъ его дѣятельности. Кто трудится ради прибыли, для обыкновенной нужды, или для потребностей роскоши, тотъ есть обыкновенный работникъ. Обыкновенная нужда дѣйствуетъ при-нудительно; крутая гора не заросла бы виноградомъ, лѣсъ не былъ бы расчищенъ, не плылъ бы корабль, не работалъ бы плугъ, если бы не вызывала обыкновенная нужда. Тамъ, гдѣ и то и другое соединяется—и эти вещи не исключаютъ другъ друга ни въ какой сферѣ — тамъ является прекрасно-человѣчное. Дворя-нинъ, который работаетъ въ свѣтѣ, имѣетъ счастье наслѣдовать идею, идею чести.

Пранкенъ вивнулъ въ внакъ согласія и однако на его лицъ

опять была насмёшливая черта: этоть человёкь осмёливается объяснять и доказывать дворянство и его права! Дворянство и религія вовсе не нуждаются въ доказательствахъ, и то и другое— историческій фантъ, и то и другое неприкосновенно. Они опять оба замолчали и каждый спрашивалъ себя: что

выйдеть изъ этой неожиданной общности, которая является въ ихъ жизни? Прежде, въ своей военной жизни они сходились только

наружно и случайно, теперь могло произойти что-нибудь другое. Въ долинѣ лежали уже тѣни, между тѣмъ какъ на горахъ еще ярко блистало солнце. Они ѣхали черезъ маленькій гороеще ярко олистало солнце. Они вхали черезь маленьки горо-докъ, на улицахъ былъ веселый шумъ, гуляли подъ-руку дѣву-шки, молодые люди въ одиночку или группами, слышались ве-селыя привѣтствія, насмѣшки и шутки; старики сидѣли передъ домами, фонтанъ на площади шумѣлъ изъ своихъ четырехъ трубъ, а дальше по большой дорогѣ вдоль берега раздавалось веселое пѣніе.

— Ахъ, какъ отрадна наша нъмецкая жизнь! воскликнулъ Эрихъ. Люди, живъ отрадна паша пъведани шлень. Бослания јаъ Эрихъ. Люди, живущіе трудомъ, отдыхаютъ вечеромъ, когда является тѣнь и прохлада въ этой безлѣсной странѣ винограда. Они ѣхали опять молча дальше и Пранкенъ вдругъ вздрог-

нулъ, потому что ему... онъ не зналъ откуда... какъ во снѣ, какъ видѣніе въ дали, явилось представленіе, что онъ съ писто-

какъ видъніе въ дали, явилось представленіе, что онъ съ писто-летомъ въ рукахъ стоитъ на дуэли противъ человёка, который сидѣлъ теперь подлѣ него. Откуда явилось ему это прозрѣнiе----онъ этого не понималъ. И однако же... не предчувствіе ли это? Онъ насильно заставилъ себя говорить. Основной чертой его характера, которую развили въ немъ воспитаніе и природа, была общественная добродѣтель, которую можно назвать свѣтской услужливостью. Чтобы прогнать отъ себя это странное представленіе, и въ порывѣ этой общественной добродѣтели, онъ сталь разсказывать, рдѣ онъ быль. По совѣту своего зятя, графа Клодвига фонъ-Вольфсгартена, онъ сдѣлаль визить одному сельскому хозяину, чрезвычайно уважаемому въ окрестности, чтобы, въ случат, если бы они другъ другу понравились, быть можетъ

въ случав, если оы они другь другу понравились, оыть можеть поступить къ нему въ ученье. Землевладѣлецъ Вейдманъ, котораго страннымъ образомъ звали часто мартовскимъ министромъ, — потому что въ 1848 г. онъ три дня былъ министромъ въ качествѣ оплота противъ напора ре-волюціи, — Вейдманъ во всей окрестности считался авторитетомъ и въ хозяйствѣ и въ политикѣ.

Пранкенъ сталъ разсказызать и чёмъ дальше разсказывалъ, тёмъ больше наслаждался своей остроумной манерой, и продолжаль развивать ее. Онь началь:

- Мий любопытно бы знать, какъ вамъ покажется этотъ человйкъ; онъ тоже при этомъ слови Пранкенъ пріостановился, потомъ быстро продолжалъ онъ тоже, какъ великіе реформаторы міра, имѣетъ большой запасъ прекрасныхъ наставленій, такъ что этого провіанта хватило бы на цёлый капуцинскій монастырь.

Эрихъ засмѣялся, Пранкенъ также засмѣялся и продолжалъ:

- Ахъ, міръ состоитъ изъ однихъ предразсудковъ; хваленая поэзія сельскаго хозяйства не что иное, какъ жадность въ деньгамъ, которая кладетъ на себя румяна утренней и вечерней зари. Этоть господинь Вейдмань, съ своими сыновьями, не думаеть ни о чемъ вром'в денегъ. У него шесть сыновей; пяте-рыхъ я знаю, всё они безсовёстно здоровы, съ несносно-б'ялыми безукоризненными зубами, и всё отпускають бороду. Эти горы, которымъ такъ удивляются путешественники, на своей поверхности должны доставлять имъ вино, а изъ своей внутренности поставлять шиферъ и марганецъ, мъдь и химические матеріалы. У нихъ пять разныхъ фабривъ; одинъ изъ сыновей рудокопъ, другой механикъ, третій химикъ, и такимъ образомъ они работають вмёстё и помогають другь другу. Мнё сказывали, что они извлекають изъ буковаго дерева сорокъ различныхъ веществъ, и затбмъ, выжавши изъ него все, что можно, они еще отсылають уголь въ парижскіе рестораны. Не правда ли, прелестная поэзія природы? Воть каковь господинь Вейдмань! Вы, кажется, наслаждаетесь пёніемъ соловья? Господинъ Вейдманъ выхлопоталъ для соловьевъ у правительства нѣчто въ родѣ эдикта терпимости, потому что соловьи ѣдятъ насѣкомыхъ и чрезвычайно полезны для земледёлія и лёсной культуры. Госпо-динъ Вейдманъ живетъ въ реставрированномъ замкё, но всли бы теперь пъвецъ пришелъ въ этотъ замокъ, онъ не нашелъ бы слушателей, если бы не сталъ пъть о той благородной любви, по которой азотъ и водородъ соединяются въ аммоніакъ.

Эрихъ былъ не въ такомъ расположени и не нашелъ нужнымъ что-нибудь отвѣчать на это. Онъ вспомнилъ, что въ домѣ его родителей имя Вейдмана упоминалось не одинъ разъ, и съ особеннымъ уважениемъ. Теперь у мѣста было сказать объ этомъ.

--- Какъ вы думаете, спросилъ Пранкенъ, стоитъ ли стремиться къ такой судьбѣ: умножить пищу человѣчества на нѣсколько мѣшковъ картофеля?

Но прежде, чёмъ Эрихъ могъ отвётить, Пранкенъ прибавилъ:

— Ахъ, собственно говоря нѣть ничего, чѣмъ бы стоило быть. Единственное — это развѣ солдатомъ.

Они поднимались теперь по крутой дорогѣ въ гору и передъ ними открывалась въ далекомъ пространствѣ рѣка съ ел томъ V. — Скитяврь, 1862.

островами. Пранкенъ, указывая къ реке на одно светлое белое здание у берега, сказалъ:

— Посмотрите, вотъ вилла Зонненкампъ, которую называютъ также виллой Эдемъ. Большой стеклянный куполъ, на которомъ еще блестятъ солнечные лучи — это оранжерея для пальмъ. Господинъ Зонненкампъ — страстный садовникъ, его оранжереи и огороды лучше, чёмъ у владътельныхъ князей.

Эрихъ всталъ въ экипажѣ и оглянулся на ландшафтъ и на домъ, въ которомъ ему, быть можетъ, суждена была новая жизнь. Когда онъ снова сълъ, Пранкенъ предложилъ ему сигару.

Эрихъ поблагодарилъ, — потому что онъ пересталъ курить. Пранкенъ сказалъ съ улыбкой:

— Кто не курить, тоть невозможенъ для господина Зонненкампа. — Онъ сдёлалъ рёзкое удареніе на словё «господинъ». На ряду съ его растеніями — главная его гордость состоить въ томъ, что онъ имёетъ разнообразнёйшую коллекцію настоящихъ сигаръ, и онъ былъ особенно благодаренъ мнё, когда я однажды сказалъ, что у него цёлый сераль сигаръ. Кто откажется у него отъ сигары, — да я не знаю, какъ онъ будетъ съ нимъ жить.

— Я могу курить, но я не долженъ, отвѣчалъ Эрихъ и взялъ сигару.

— Мнѣ кажется, что вы не только докторъ философіи, но и настоящій философъ.

Они опять продолжали бхать молча.

Эрихъ смотрѣлъ впередъ и самыя разнообразныя мысли проходили у него въ душѣ.

О чудный міръ! Неуловимыя силы вѣютъ въ воздухѣ: тамъ странствуетъ человѣческая душа и не предчувствуетъ, что къ ней стремится другая и что они обѣ соединятся въ одну судьбу. И величіе человѣческаго духа въ томъ, что есть приготовленіе, которое дѣлаетъ одного способнымъ принять къ себѣ другого, котораго имени онъ не зналъ, лица котораго не видѣлъ и существованія котораго не подозрѣвалъ, — принять, какъ будто они всю жизнь провели вмѣстѣ.

Кто жилъ не для одного себя, кто думалъ о цѣломъ, кто мечталъ о немъ, изслѣдовалъ и работалъ для него, тотъ всегда готовъ вступить въ великое всеобщее, и говоритъ слово творенія: Будь духъ отъ моего духа, и говоритъ слово искупленія отъ первороднаго грѣха по изреченію: Ты — хранитель своего брата.

ГЛАВА V.

СТАРЫЙ ВАРИНЪ И ВРАСАВИЦА - ВАРБНЯ.

«Въ Вольфсгартенъ», такъ гласила надпись на подорожномъ столбѣ, на краю красиваго высокаго лѣса, куда они теперь въѣхали. Теперь мы на землѣ барина. Проѣзжій, спросившій дорогу и желавшій знать, кто живетъ въ видномъ издалека, простомъ господскомъ домѣ, съ колѣнчатою крышею, получилъ бы въ отвѣтъ, что тамъ живетъ пара счастливыхъ людей, которымъ нечего желать, кромѣ дѣтей.

Есть люди, которые доставляють пищу душѣ. Какъ присядутъ двое, да начнутъ о нихъ говорить, — каждый чувствуетъ самъ себя хорошо, разбирая и разсказывая, что въ нихъ есть чистаго и хорошаго, и бываетъ благодаренъ собесѣднику за каждое новое слово о нихъ. Странно только, что вообще повѣсть о хорошемъ и толки о немъ не бываютъ продолжительны.

Есть опять такіе люди, которые доставляють бесёдующимъ о нихъ матеріалъ трудный для анализа; говоря о нихъ, обращаешься больше на непривлекательныя стороны, но при этомъ хорошее какъ-то насильственно вмёшивается въ разговоръ и выставляется само собою. Въ заключеніе, чувствуешь себя обязаннымъ прибавить: Я все-таки не лицемёрю, когда встрёчаю эту личность привётливо; въ ней есть не только много завлекательнаго, но и много хорошаго.

Клодвигъ былъ харавтеръ перваго рода, а къ типамъ второго рода принадлежала жена его, Белла, урожденная баронесса фонъ-Пранвенъ.

Клодвигь быль дворянинь въ лучшемъ значени слова. По характеру, онъ не быль изъ тёхъ добродушныхъ людей, которые каждаго привлекаютъ дружески-веселымъ обращениемъ; въ его манерѣ была важная сдержанность и спокойствие. Однако всѣ его любили. И независимый помѣщикъ, и фабрикантъ, и поденьщикъ, и пасторъ, й мастеровой, и чиновникъ, и купецъ изъ города: всѣ чувствовали къ нему особое почтение и привязанность. На него смотрѣли какъ на украшение мѣстной картины, какъ на могучее дерево, что стоитъ на вершинѣ горы; подъ его тѣнью, вы любуетесь видомъ открытымъ вдаль, и желаете безопасности отъ бурь вашему покровителю.

Во всякой нуждѣ можно было ждать совѣта и помощи отъ Клодвига фонъ-Вольфсгартена. Онъ долго жилъ въ чужихъ кра-

въстнивъ Европы.

яхъ, и всего пять лътъ тому, женившись во второй разъ, поселился въ замкъ.

Зато жена его, Белла Вольфсгартенъ, возбуждала больше удивленіе, чёмъ любовь. Она была хороша собою, —даже слишкомъ хороша для стараго мужа, говорили иные. Она была равговорчивѣе мужа. Бывало, выѣдетъ кататься въ маленькой, приземистой коляскѣ, на парѣ пѣгенькихъ пони, по усадьбѣ и деревнямъ, — всѣ кланяются и дивятся, потому что правитъ она сама, между тѣмъ какъ мужъ сидитъ съ ней рядомъ, а сзади лакей. Старики, которые въ новыхъ модахъ всегда усматриваютъ что̀-нибудь особенное, говаривали, что если въ рукахъ Беллы возжи, такъ въ ея рукахъ и власть дома. Дѣло было, однако, совсѣмъ не такъ. Въ отношеніи къ мужу она была полна скромности и предаиности; порой ему даже докучно было, когда она начнетъ расхваливать его при немъ же, и краснорѣчиво описываетъ его доброту, его невозмутимое спокойствіе и широкое пониманіе вещей.

Теперь Эрихъ смутно припоминалъ тотъ большой эффектъ, какой произвела женитьба Клодвига въ столицѣ. Случилось это въ то самое время, когда Эрихъ оставилъ военную службу. Беллу онъ видалъ не разъ, но съ графомъ Вольфсгартеномъ еще не встрѣчался. Графъ долгое время былъ посланникомъ своей маленькой страны при папскомъ дворѣ, въ Римѣ, гдѣ съ нимъ и познакомился отецъ Эриха.

Въ ученомъ свѣтѣ, Вольфсгартенъ былъ извѣстенъ небольшимъ археологическимъ сочиненіемъ, къ которому были приложены дорогіе рисунки. Графъ, кромѣ музыки, занимался наукою древностей, и занимался ею съ той отчетливостью и серьёзностью, которыя отличали весь его характеръ. О немъ была молва, что онъ не оставилъ безъ изученія ни одной науки, ни одного изящнаго искусства.

Овдовѣвъ въ Римѣ, не имѣя дѣтей, онъ возвратился въ отечество, гдѣ занялъ положеніе уважаемаго, склоннаго въ такъназываемому умѣренному прогрессу, члена палаты господъ. Тогда-то онъ, во время сессій, сблизился со старымъ фонъ-Пранкеномъ, который былъ членъ той же палаты. Скоро между нимъ и Беллою установились пріятельскія отношенія. Белла была одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя поражаютъ. Блестящее искусство піанистки было однимъ изъ ея талантовъ.

При дворѣ Белла была первою красавицей, но, если выразиться невѣжливо, уже нѣсколько перезрѣла для этого положенія: въ свѣтѣ появились уже новые всходы, которымъ она не была ровесницей.

Белла не мало видёла; въ обществё двухъ англичановъ, она объёздила Италію, Грецію и Египеть, имёя при себе наемнаго курьера, на которомъ лежали хлопоты по путешествію. Возвратясь во двору, при которомъ отецъ ея быль обершталмейстеромъ, она стала выбажать въ свътъ, но свое участие въ его забавахъ считала неизбъжнымъ самопожертвованиемъ, на которое осуждаютъ себя высшія натуры, вмѣшиваясь во вседневныя дѣла. Съ Вольфсгартеномъ она любила говорить, и онъ, въ разговорахъ съ ней, исходилъ изъ предположения, что мелочи свётской жизни едва ли могуть привлекать ся внимание; она же прямо объявляла, что уже вышла изъ поры, когда такая жизнь можеть правиться, и что ее въ состоянии занимать только болѣе высокіе интересы. Къ археологическимъ причудамъ Клодвига она выказала большое внимание и живое участие. Само собою разумѣется, что въ каждомъ домѣ они встрѣчались, а если гдъ одинъ былъ безъ другого, то бывшаго на лицо спрашивали, здоровъ ли или чёмъ задержанъ другой.

На этажеркахъ у Беллы не было фарфоровыхъ фигурокъ и другихъ игрушекъ въ этомъ родѣ: мѣсто ихъ занимали избранныя копіи съ антиковъ. Она даже носила на шеѣ ожерелье изъ крупныхъ янтарей, найденное въ гробницѣ знатной римлянки. Изъ своей поѣздки за - границу она привезла большой фотографическій альбомъ, и бывала рада, когда Клодвигъ пересматривалъ съ нею знакомые виды и давалъ ей объясненія. За это она награждала его игрою на роялѣ, хотя въ обществѣ уже не играла.

Придворный свъть занялся всъмъ этимъ какъ новостью; Клодвигу и Беллъ тотчасъ передавали, что одинъ изъ нихъ сказалъ про другого, и сами наиболъе высоко-поставленныя особы удостоили своимъ ободреніемъ Беллу и Клодвига, когда они, увидъвъ, что отношенія между ними должны были опредълиться, нъкоторое время колебались. Дъло, однако, удалось, и обрученіе было отпраздновано въ самомъ тъсномъ придворномъ кружку.

Когда дёло устроилось, злымъ языкамъ стало по-свободнёс—вёдь можно же было и вознаградить себя за добрыя старанія — и вотъ разсказывали о двухъ замёчательностяхъ помолвки.

Говорили, что Белла обязала своего жениха никогда не упоминать о первой жень, а старикъ Пранкенъ будто бы спрашивалъ лейбъ-медика, долго ли графъ Вольфсгартенъ можетъ прожить. Когда врачъ увѣрилъ его, что пожилые люди въ родѣ графа, живущіе такъ умѣренно, спокойно и безстрастно, могутъ дожить до возраста, который и опредълить трудно, то Пран-кенъ, говорили, странно будто бы улыбнулся.

Впрочемъ, сама Белла вела себя такъ, что нельзя было по-върить подозрънію, будто бы она надъялась скоро остаться богатой, молодой вдовой. Съ Клодвигомъ, незадолго до свадьбы, случилось разъ головокружение, и вотъ съ тъхъ поръ Белла. устроивала такъ, что за нимъ повсюду, куда бы онъ ни пошелъ, слёдилъ слуга, по большей части незамётно для самого графа. Она ухаживала за старымъ мужемъ съ величайшей и искренней заботливостью, и въ самомъ дёлѣ, графъ какъ-будто ожилъ новой жизнью, а вогда они удалились въ наслёдственное помёстье графа, то онъ сталъ чувствовать себя еще счастливѣе.

Вольфсгартены каждое лъто ъздили на воды, и тамъ, разумъется, пользовались большимъ почетомъ, а Белла вызывала удивленіе въ себѣ не только своей красотою, но и своей безупречной верностью и попечительностью, доведенною до боязливости, о своемъ благородномъ супругѣ.

ГЛАВА VI.

ХОЛОДНАЯ ЗАКУСКА.

Здёсь, на горё, было еще совсёмъ свётло, когда гости подъвзжали къ дому графа Вольфсгартена. Поднимаясь паркомъ на послёднемъ въёздё въ гору, они увидёли на дорогё, промежъ деревьевъ, хорошенькую дъвушку, въ голубомъ лътнемъ платьъ. Замътивъ карету, дъвушка быстро пошла назадъ. Двъ свътлоголубыя ленты, прикрѣпленныя по модѣ сзади, развѣвались по вѣтру. Ея походка была вмѣстѣ тверда и изящна.

— Ага! замѣтилъ Пранкенъ, на холодной закускѣ у сестры мы встрѣтимъ гостей. Этотъ милый ребеновъ, что такъ скоро скрылся — дочь мирового судьи: свѣже-выпеченная булочка, съ монастырской сковородки изъ Sacré-Cœur въ Ахень. Вы увидите настоящее дитя Рейна; сестра удачно прозвала ее Муссе-линою; въ самомъ дѣлѣ, въ ней есть, знаете, что-то такое вѣчно-лѣтнее. Теперь въ домѣ узнаютъ отъ нея, что мы тутъ. Пранкенъ вынулъ карманную щетку и сталъ приглаживать

волосы.

- Это - почтенное семейство, продолжалъ онъ, и дъвушка слишкомъ дорога для простой интрижки; на воздухъ можно курить сорты и подешевле.

И вдругъ, вспомнивъ, что онъ говоритъ съ Эрихомъ, Пран-

38

венъ поспѣшилъ прибавить: Такъ сказалъ бы нашъ вамрадъ, донъ-Джованни Нипперъ, вѣчно бьющійся объ закладъ. А знаете, онъ ныньче разбитъ по всѣмъ суставамъ, и его катаютъ въ Висбаденѣ на тележкѣ.

Тутъ Пранвенъ какъ будто снова воодушевился; онъ выскочилъ изъ кареты и, протягивая Эриху руку, сказалъ: «добро ножаловать въ Вольфсгартенъ!»

На дворѣ стояло нѣсколько экипажей, а въ саду собралось дамское общество; дамы сидѣли на изящныхъ стульяхъ вокругъ большсй куртины незабудокъ, посреди которыхъ возвышались красные рододендроны.

— Мы не помѣшаемъ; пожалуйста, не безповойтесь, шутливо крикнулъ Пранвенъ еще издалека.

Белла поздоровалась съ братомъ и потомъ съ Эрихомъ, котораго она тотчасъ узнала. Онъ былъ представленъ: жена мирового судьи и фрейлейнъ Лина — имъ было очень пріятно возобновить вчерашнюю встрѣчу, — за ними были представлены жена окружнаго врача съ сестрою, жена лѣсничаго съ маменькою, аптекарша, бургомистерша, жена директора училища, двѣ негоціантки и двѣ жены фабрикантовъ, — все почетнѣйшее городское общество было, повидимому, на лицо.

Ихъ вавалеры, какъ оказалось, пошли наслаждаться вавимъто видомъ и должны были скоро возвратиться.

Бесѣда передъ тѣмъ, повидимому, не была особенно оживлена. Фигура Эриха возбудила интересъ. Директорша, высокая, роскошная женщина — Белла называла ее «шитая» — такъ она умѣла отлично одѣваться и такъ все сидѣло на ней хорошо подняла лорнетку и посмотрѣла на ландшафтъ, но такъ, что успѣла взглянуть и въ сторону. Затѣмъ она опустила лорнетку съ такимъ выраженіемъ, изъ котораго можно было заключить, что она была довольна.

Эриха, конечно, спросили, давно ли онъ не видалъ Рейна, и ему пришлось разсказывать, какъ все теперь являлось ему въ новомъ свётё и даже дёйствовало на него упоительно. Къ слову онъ похвалилъ, что молодыя женщины носятъ на головё вёнки изъ свёжихъ цвётовъ и листьевъ, между тёмъ, какъ мужчины на прогулкё, если и получаютъ вёновъ изъ листьевъ, сплетенныхъ прекрасными руками, то могутъ надёть его только на черный цилиндръ, украшающій ихъ голову, что выходитъ очень комично.

Какъ ни незначительно было это замѣчаніе, оно понравилось; общая улыбка свидѣтельствовала, что новый человѣкъ долженъ былъ оживить общество.

Белла умёла дёлать гостей разговорчивыми.

--- Не правда-ли, капитанъ, замѣтила она, греви и римляне украшали себѣ голову лаврами, а новѣйшіе люди, какъ много ни воображаютъ о себѣ, украшаютъ только грудь, да и то орденами.

Она разсказала объ одномъ древнемъ побѣдномъ вѣнкѣ, видѣнномъ ею въ Римѣ, и спросила Эриха, существовали ли въ древнемъ Римѣ фехтовальные классы. Этого Эрихъ не зналъ и началъ разсказывать о разнаго рода побѣдныхъ вѣнкахъ, при чемъ упомянулъ о вѣнкѣ «за снятіе», который былъ наградою одного полководца, освободившаго городъ отъ осады; вѣнокъ состоялъ просто изъ травы. Разсказъ этотъ возбудилъ смѣхъ.

Дѣвицы, между тѣмъ, стояли поодаль и стали звать мальчика, который игралъ внизу у ключа; потомъ всё онѣ побѣжали съ холма внизъ и видно было только, какъ развѣвались ихъ платья. У ключа онѣ остановились: тогда мальчикъ оказался только предлогомъ, такъ какъ никто имъ и не занялся. Тамъ онѣ стали толковать между собою объ интересномъ гостѣ. — Онъ еще красивѣе, чѣмъ архитекторъ, сказала дочь ап-

--- Онъ еще красивѣе, чѣмъ архитекторъ, сказала дочь аптекаря.

- Онъ красивѣе и фонъ-Пранкена, присудила дочь училищнаго директора.

Лина, дочка мирового судьи, могла разсказать, что она уже встрѣтилась съ нимъ прежде, въ монастырѣ на островѣ; папенька, сказала она, былъ правъ, предполагая, что этотъ господинъ—французскаго происхожденія, такъ какъ его отецъ былъ эмигрантъ, изъ гугенотовъ, да и самое имя его французское. Дочь аптекаря, у которой былъ братъ поручикъ, чѣмъ, замѣтимъ мимоходомъ, она не мало важничала — обѣщалась справиться о капитанѣ у своего брата.

Наивная Лина предложила сплесть вѣнокъ и неожиданно положить его пріѣзжему на голову. Вѣнокъ былъ готовъ скоро, но ни одна изъ дѣвушекъ, даже и сама Лина, не рѣшалась исполнить это оригинальное предложеніе.

Эрихъ, между тѣмъ, сидѣлъ въ кругу дамъ и въ голосѣ его было слышно глубокое чувство, когда онъ хвалилъ судьбу людей, живущихъ посреди такой чудной природы; онъ высказалъ убѣжденіе, что такая обстановка возвышаетъ духъ, хотя и безсовнательно для человѣка, который замѣчаетъ разницу только тогда, когда ему приходится жить въ иномъ мѣстѣ.

Нивто не ръшался прибавить что-нибудь, пока сама Белла не витышалась:

— Похвала природѣ, среди которой мы живемъ, столько же

лестна для насъ, какъ если бы хвалили насъ самихъ, нашу одежду или домъ, или что-нибудь принадлежащее намъ.

Потомъ она сдёлала Эриху нёсколько вопросовъ о его матери; онъ отвѣтилъ, и мимоходомъ, однако не безъ особаго ударенія, упомянуль, что единственный брать его матери, баронъ Бурггольцъ, умеръ на островѣ Мадерѣ внезапно. При этомъ присутствующіе узнали, что Эрихъ былъ хотя наполовину благородной крови.

Белла говорила легко, говорить казалось для нея дёломъ второстепеннымъ, а главнымъ – смотръть на людей и себя повазывать. Когда она говорила, то черты лица ея оставались совсъмъ спокойны, она даже едва шевелила губами; только улыбка ея обнаруживала рядъ мелкихъ, бѣлыхъ зубовъ. Она знала, что Эрихъ пристально смотритъ на нее, и спокойно, какъ бы стоя передъ зеркаломъ, показывала свое лицо.

Хорошенькой льсничих она представила Эриха еще разъ, особо, рекомендуя ее, какъ отличную исполнительницу романсовъ, и при этомъ спросила Эриха, продолжаетъ ли онъ заниматься ивніемъ; Эрихъ отвічаль, что уже нісколько літь не поеть.

Вечеръ былъ необыкновенно хорошъ; но и въ долинъ и на горѣ воздухъ, какъ бы особенно напряженный, нѣсколько тѣснилъ грудь; вдали поднималась буря. Дамы стали разсуждать, что лучше: прождать ли бурю въ Вольфсгартенъ, или поскоръе ъхать.

- Хоть бы мужчины были туть, чтобы решить, что делать! въ такому выводу приходили дамы.

Хорошенькая лъсничиха призналась, что она боится бури. — Вы бонтесь бури также какъ ваша сестра, замътилъ Эрихъ.

Да я совсе не боюсь, возразила послѣдняя.
 Я разумѣлъ родство музыкальное, сказалъ Эрихъ; слы-шите, птичка, что̀ здѣсь все пѣла, вдругъ прекратила концерть.

Разговоръ коснулся действія, какое буря производить на разныхъ людей.

— Мнѣ кажется, прибавилъ Эрнхъ, что изъ впечатлѣнія, какое производить на человѣка буря, можно заключить не столько о его характерѣ, сколько о-такъ сказать-растительной жизни его мозга, о томъ, что называется темпераментъ или нервнос расположение. Мы такъ оторвались отъ природы вообще, что вогда явленіе атмосферы поражаеть наше зрѣніе и слухъ, то мы видных туть что-то необыкновенное, и намь, какъ бывало нашимъ предкамъ, изъ тихаго воздуха какъ-будто слышится говоръ: Примічай, что ты живешь и дышешь въ мір'я движимомъ тайною.

- А, вотъ и кавалеры! раздалось вдругъ. Двѣ славныя охотничьи собави вскочили въ садъ; онв стали осматривать и обню-

въстникъ Европы.

хивать собаку Пранкена, которая долго была въ чужихъ краяхъ, точно хотёли выслёдить, гдё она перебывала. За собаками показались и мужчины.

Эрихъ узналъ графа Клодвига, прежде чёмъ тотъ былъ названъ. Его легко было отгадать по особенной заботливости о внёшности и постоянно-любезному выраженію уже нёсколько старческаго, гладко-выбритаго лица. На лицё этомъ годы оставили уже много слёдовъ, но не запечатлёли его никакою усталостью жизни. Всё группировались около Вольфсгартена; онъ казался какъ бы владётелемъ этой области.

У Клодвита были два свойства, рёдко совмёщающіяся въ одномъ человёкё: онъ былъ вмёстё и сановить и любезенъ. Но хотя онъ не выказывалъ никакой барской спёси, и обращался со всёми равно любезно, всё однако подчинялись ему, такъ какъ это подразумёвалось само собою.

Когда ему представили Эриха, его черты вдругъ одушевились, по нимъ прошла какъ бы волна счастливыхъ воспоминаній.

— Душевно радъ видъть сына моего римскаго друга. Для васъ у меня есть наслъдство, сказалъ онъ, подвигая ближе къ глазамъ, малымъ пальцомъ лъвой руки, свои золотые очки.

Тонъ, въ которомъ говорилъ Клодвигъ, былъ такъ размѣренъ и вмѣстѣ пріатенъ, что новому знакомцу всегда казалось, какъ будто онъ уже слыхалъ прежде этотъ голосъ; отъ этой размѣренности ударенія даже то, что было въ рѣчи Вольфсгартена необыкновеннаго, становилось какъ будто безсознательно - ожиданнымъ. Онъ держался хорошо, всегда ровно, и въ манерѣ его преобладала нѣкоторая медленность. Онъ никогда не спѣшилъ, но на все находилъ время, и станъ его былъ замѣчательно прямъ, особенно для старика.

Когда Эрихъ отвѣчалъ, что чувствуетъ себя счастливымъ, наслѣдуя у графа дружбу его въ своему отцу, а у графини ея привязанность въ матери, — въ лицѣ Клодвига просіяла еще большая привѣтливость.

- У васъ совсёмъ голосъ вашего отца, замётилъ онъ. Мнё было очень больно, когда я услыхалъ о его кончинё; много лётъ • сбирался писать ему, наконецъ было уже поздно.

Представляя Эриха другимъ гостямъ, Клодвигъ какъ бы облекалъ его долею своего достоинства.

— Теперь представляю васъ доброму товарищу, сказалъ графъ, и улыбнулся значительно, указывая Эриху на одного господина съ толстою головой, краснымъ лицомъ и остриженными подъ гребенку, бёлыми, какъ лунь, волосами. — Это — нашъ майоръ.

42

Майоръ выразняъ удовольствіе поклономъ и протянулъ Эриху четыре пальца руки; указательнаго пальца у него не было; это, однако, не помѣшало старику крѣпко пожать руку незнакомца. Онъ еще разъ кивнулъ Эриху, но не произнесъ ни слова. Въ числѣ остальныхъ мужчинъ, Эриху былъ представленъ

Въ числѣ остальныхъ мужчинъ, Эриху былъ представленъ красивый молодой человѣкъ съ загорѣвшимъ лицомъ и великолѣпною бородою. Это былъ архитекторъ Эргардъ. Онъ тутъ же простился съ графомъ, объяснивъ, что долженъ еще вечеромъ поспѣть въ ломку известняка, для заказа. Директоръ училища сообщилъ Эриху, что онъ тоже ученикъ профессора Эйнзиделя.

Тутъ майора отозвали къ себѣ дамы и стали ему попрекать, особенно жена судьи, зачѣмъ и онъ, извѣстный своей внимательностью къ дамамъ и рыцарствомъ, сегодня оставилъ ихъ вмѣстѣ съ другими; потребовали, чтобы онъ немедленно загладилъ свой проступокъ.

Едва майоръ успѣлъ сѣсть, какъ дѣвушки надѣли вѣнокъ, приготовленный для Эриха, ему, на снѣжно-бѣлые волосы. Онъ шутливо поклонился, а Линѣ погрозилъ маленькимъ пальцемъ, спросивъ, не въ монастырѣ ли она научилась такимъ продѣлкамъ.

Майоръ, какъ скоро оказалось, служилъ предлогомъ для упражненій остроумія; рёдко бываеть такое общество, въ которомъ кому-нибудь не приходится играть эту роль, или кто-нибудь не беретъ ее на себя добровольно. Майоръ каждому, кто зналь его, доставлялъ болёе удовольствія, чёмъ предполагалъ самъ; всякій, думая о немъ, или слыша его имя, добродушно улыбался.

Но вотъ, по площадкъ, вънчающей гору, пролетълъ порывъ вътра; на господскомъ домъ свернули флагъ; стулья, обитыя матеріею, унесли подъ навъсъ, и всъ скоро испытали пріятное чувство сидъть въ веселомъ обществъ, въ свътской залъ, въ то время, какъ на дворъ разыгрывалась буря.

Буря, конечно, и дала пищу для первыхъ разговоровъ. Майоръ разсказалъ объ одной схватвъ, во время ужасной грозы. Онъ излагалъ свои мысли неловко, но можно было понять, что пленно онъ хотълъ выразить: тяжкое впечатлёніе, произведенное на него кровавымъ дѣломъ въ то время, когда раздавался голосъ неба.

Мировой судья тоже припомниль фавть, котораго быль свидътелемъ, именно, какъ одинъ парень, намъреваясь произнесть ножную присягу, подняль руку и, услыхавъ въ ту самую минуту ударъ грома, опустилъ ее, говоря: «это сдълалъ я!» Лъсничій одобряль грозу, говоря въ шутку, что отъ нея навѣрное выйдетъ дичь изъ чащи, прямо на охотника. Директоръ училища насмѣшилъ всѣхъ, описывая, какъ трудно продолжать занятія съ мальчиками во время грозы, и какъ не знаешь что съ ними въ такомъ случаѣ дѣлать.

Наконецъ, всѣ взглянули на Эриха, ожидая, что и онъ чтонибудь скажетъ.

— Гроза, которая здёсь раздражаетъ наши нервы, замётилъ онъ, тамъ, ниже, на низовьи Рейна и тамъ, вверху, въ Эльзасё, представляется дальнею зарницей, которая только прогоняетъ дневной жаръ. Тамъ теперь люди спокойно сидятъ на балконахъ и вдыхають очищенный воздухъ. Можно бы сказать, и впечатлёнія опредёляются географической широтой.

Онъ всегда говорилъ съ оттънкомъ веселости, и успъвалъ заставлять забыть о настоящемъ. Лесничиха, которая скрыласьбыло въ темной сосъдней комнатъ, должно быть услыхавши его слова, вышла въ залу и успокоилась.

Эрихъ не остановился на приведенномъ замѣчаніи. Онъ говорилъ много. Онъ все еще, не смогря даже на нѣкоторые опыты, полагалъ, что люди ищутъ въ разговорѣ чего - нибудь больше, чѣмъ времяпрепровожденія; что они желаютъ пріобрѣсть или выяснить себѣ что-либо. А потому, въ бесѣдѣ онъ изливалъ всю свою душу, давалъ все, что было въ немъ лучшаго, и не догадывался, что за-глаза эти его восторженныя изліянія были объясняемы какъ страсть выставлять себя на показъ, что въ нихъ видѣли просто аффектацію. У него было не только умѣнье обращаться въ обществѣ, но нѣчто болѣе: даръ становиться въ кругъ воззрѣній собесѣдника. Однако, слушатель при этомъ обывновенно замѣчалъ, что Эрихъ видитъ дальше его, хотя молодой человѣкъ вовсе не навязывалъ своего превосходства.

Есть такой родъ преобладанія надъ человѣкомъ, который состоитъ просто въ улсненіи, въ опредѣленіи ему его собственныхъ идей. Такой пріемъ долженъ быль бы вызывать чувство удовлетворенія, даже благодарности. Но большинство подчиняется скорѣе тому преобладанію, въ которомъ слышенъ на-•мекъ, что я-де говорю тебѣ о вещахъ, которыхъ ты въ сущности не смыслишь, да и не въ состояніи понять. Такіе люди, какъ вѣщіе оракулы, потому именно и производятъ впечатлѣніе. Мужчины пожимали плечами, особенно судья и училищный

Мужчины ножимали плечами, особенно судья и училищный директоръ. Въ энергіи, съ какою Эрихъ разсыпалъ богатство своихъ мыслей и убѣжденій, было нѣчто странное, а для нѣкоторыхъ мужчинъ даже оскорбительное. Они сознавали, что въ этомъ незнакомцѣ все было ново и привлекательно для жен-

цинъ, начиная съ новизны его манеръ и акцента, до этого щедраго расходованія души въ разговорѣ. Ясно было, что все это отодвигало на задній планъ тѣхъ, кто если и рѣшался сообщить мысль, то высказывалъ ее только при случаѣ, да и то въ неоконченномъ видѣ. Судья, встрѣтивъ блиставшіе взгляды своей дочери и лѣсничихи, потихоньку сказалъ директору:

- Это - челов'ькъ опасный.

Разговоръ разбился по группамъ, и Эрихъ бесѣдовалъ съ Клодвигомъ, стоя у окна. Они смотрѣли въ сядъ, въ темноту. Тамъ, за горами, змѣились молніи; порою онѣ освѣщали небо высокимъ, яркимъ пламенемъ, порою просто разрывали его и тогда казалось, какъ-будто за этимъ небомъ есть еще другое небо. Раскаты грома продолжались, потолокъ вздрагивалъ и стеклянныя призмы на люстрахъ звенѣли.

- Есть вещи, есть обстоятельства, началъ Клодвигъ, которыя представляются намъ точно мы ихъ уже встр'вчали во сиб, а иногда точь-въ-точь повторяются. Какъ я стою теперь здѣсь съ вами, такъ точно стоялъ я когда-то съ вашимъ отцомъ, въ римской Кампаньв. Не знаю, какъ-то случилось намъ говорить о томъ міровоззрѣніи, которое имѣетъ исходною точкой безконечность, и воть что сказаль вашь отець.... Я какъ-будто слышу его голось: «Только тогда, когда мы смотримъ на человичество во всей его общности, мы, какъ люди мыслящіе, пріобрѣтаемъ то спокойствіе, которое составляеть удёль верующихъ, потому что только тогда и мы созерцаемъ весь міръ въ единстве божественной мысли. Кто слёдить за путемъ единичнаго муравья, тотъ не можетъ понять, зачёмъ онъ совершаеть всѣ эти зигзаги, зачить внезапно попадаеть въ ямку, вырытую муравынымъ львомъ, который тоже выдь имбеть право жить. Но тоть, кто смотрить на муравейникъ какъ на цѣлое....

Клодвигъ вдругъ остановился. Снизу, изъ долины пронесся рѣзвій свистъ локомотива и глухой топотъ поѣзда.

— Правда, продолжалъ онъ послѣ паузы, и въ лицѣ его вдругь что-то мелькнуло, — въ то время свистъ локомотива еще не прерывалъ тихаго размышленія.

- Но мнѣ и этотъ свистокъ не представляется диссонансомъ, возразилъ Эрихъ.

- Что вы хотите сказать?

— А развѣ нѣтъ величія въ томъ, что люди вольны продолжать свою опредѣленную дѣятельность и среди мятежа природы? Въ нашемъ новомъ мірѣ, по всей планетѣ укрѣпилась цѣлая система движенія, котораго ничто не можетъ прервать. Нельзя ли сказать, что все, что мы производимъ, вся работа

нашего періода состоить въ приготовленіи дорогь, въ расчиствъ путей, для свободнаго дъйствія въчныхъ силь нашей природы? Люди нашего времени, это — строители дорогь.

Клодвить взяль Эриха за руку. Молнія нёсколько разъ освётила сіявшее лицо молодого человёка и ясное лицо старика. Клодвить крёпко пожаль взятую имъ руку, какъ бы желая сказать: еще разъ привётствую тебя, ты теперь мой!

Говорятъ, любовь порою освияетъ внезапно двъ души и находитъ ихъ слитыми воедино; не бываетъ ли также и съ дружбою?

Здѣсь было такъ.

Они стояли другъ передъ другомъ, не ощущая волненія и сомнѣній, возбуждаемыхъ чуждымъ; ясно и врѣпко, какъ обладаніе лучшей сущностью самихъ себя, было ихъ сознаніе, что они сроднились; исчезла совсѣмъ мысль, что они увидѣлись въ первый разъ, всего за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ.

Дёло въ томъ, что они сблизились въ мысли о безконечномъ, гдё исчезаетъ всякое измъреніе; они могли бы долго простоять такъ, разлучивъ руки, не произнося ни слова, и все-таки имъ бы казалось, что они живутъ общею жизнью.

Взволнованнымъ голосомъ, какъ бы отврывая тайну, въ которой ему признаться было трудно, но необходимо, Клодвигъ сказалъ:

— Въ такія бури я не разъ уже переносился мыслью въ то время, когда вся земля, отсюда до Оденвальда, была покрыта большимъ озеромъ, изъ котораго возвышалось островами нѣсколько горъ, пока бурный потокъ не прорвалъ себѣ дороги сквозь стѣну скалъ. Скажите, другъ, не приходила ли и вамъ мысль, что когда-нибудь опять наступитъ хаосъ?

— Конечно; но мы не можемъ представить себѣ ни до-человѣческаго періода, ни того, въ которомъ человѣчества не будетъ. Все, что мы можемъ сдѣлать, это — исполнить какъ слѣдуетъ нашъ рабочій часъ, который называютъ семьдесять лѣтъ.

Тутъ подошелъ майоръ и пригласилъ ихъ обоихъ въ другую залу, куда перешло общество. Клодвигъ еще разъ тихо провелъ рукою по рукъ Эриха, и сказалъ ему:

— Пойдемте.

Они возвратились въ обществу точно чета влюбленныхъ, воторые только-что тайно обнались въ первый разъ, и никто не догадывался, отчего такъ ясны были ихъ лица.

ГЛАВА VII.

освътившая молнія.

Буря, когда первое впечатлѣніе нрошло, способствуеть оживленію и сближенію общества.

Гости находились теперь въ концертной залё, надъ которою потолокъ возвышался куполомъ. Куполъ этотъ былъ ярко освёщенъ, что имёло почти торжественный видъ. По бокамъ залы, въ полвысоты стёнъ, было четыре выступа, въ видё балконовъ; посреди стоялъ рояль. Гости усёлись въ кружокъ, на одномъ краю котораго находилось возвышеніе. Тутъ сидёла Белла, и направо отъ нея жена судьи, налёво — лёсничиха.

Дъвицы ходили по залъ подъ-руку; около нихъ оставался Пранкенъ и шутилъ съ ними; въ рукъ у него была роза изъ вънка Лины.

Когда Клодвигъ, Эрихъ и майоръ свли въ вругв, приблизились и молодые люди. Белла спросила у майора, подвигаются ли впередъ работы замка, который перестраивалъ г. Зонненкампъ. Майоръ кивнулъ головою; онъ всегда кивалъ нъсколько разъ прежде, чвиъ начиналъ рвчь, точно впередъ подтверждалъ все, что скажетъ. Съ большой увъренностью онъ объявилъ, что во дворъ замка непремънно долженъ найтись колодецъ. Тогда Клодвигъ обратился къ нему съ просьбою заботливо сохранить все, что можетъ быть откопано при этомъ изъ остатковъ отъ временъ римлянъ или среднихъ въковъ, и объщалъ вскоръ пріъхать самъ и сдёлать раскопки. Лёсничиха замътила шутливо:

— Господинъ Зонненкампъ, — всё называли его такъ, но съ особеннымъ удареніемъ на словё господинъ, какъ бы высказывая нёкоторое нерасположеніе, — господинъ Зонненкампъ теперь, должно быть, прибавитъ къ своей фамиліи названіе замка, который онъ чинитъ.

При имени Зонненкампа, точно прорвалась плотина, такъ потекла ръчь со всъхъ сторонъ.

--- Господинъ Зонненкампъ очень уменъ, сказалъ директоръ училища; но Мольеръ сдълалъ злое замъчаніе, что умъ у богатаго спрятанъ въ кошелькъ.

А аптекарь прибавиль:

-- Господинъ Зонненкампъ любитъ выдавать себя за отчаяннаго грёшника, въ надеждё, что ему не повёрять; но ему вёрятъ охотно.

Эриху пришлось услышать имена: господинъ Зонненкамиъ,

47

госпожа Церера, Манна, Роландъ, дъвица Парини, — это было точпо щебетанье птицъ въ льсу, изъ котораго не выдъляется мелолія.

Бросивъ злобный взглядъ на Пранкена, жена судьи замѣтила:

— Съ такими загадочными и переселившимися издалека людьми могутъ водить знакомство только мужчины, какъ г. май-оръ или г. фонъ-Пранкенъ, а женщины должны держать себя всторонв.

Затьмъ, они намекнули, что здъшніе старожилы невдругъ допускають въ свое общество чужихъ пришлецовъ.

Белла немножко черезчуръ сострила насчетъ длинныхъ ногтей г-жи Цереры. Но она принуждена была замолчать съ гримасой, когда Клодвигъ замътиль нъсколько ръзко:

— Чтожъ, индъйцы гордятся длиною ногтей, какъ мы длиною родословныхъ и, быть можетъ, правы не меньше насъ.

Понятно, что такое легкое отношение къ дворянству со стопонятно, что такое легкое отношене кв дворянству со сто-роны Вольфсгартена должно было произвесть впечатлёніе. Въ приведенныхъ словахъ Клодвига отразилось неудовольствіе его на выходки по поводу дома Зонненкампа. Все нечистое, все ме-лочное и придирчивое дёйствовало на него какъ дурной запахъ.

Затёмъ, обращаясь къ Эриху, онъ сказалъ: — Зонненкампъ, о которомъ была рёчь, — обладаетъ нё-сколькими милліонами. Чтобы завладёть такимъ богатствомъ, нужна сила; я хочу сказать: пріобрѣсть много денегь, это — храбрость; сберечь ихъ — нуженъ умъ, а хорошо расходовать деньги, это нскусство.

Онъ замолчалъ, но такъ какъ никто не возразилъ, то онъ повель рёчь дальше:

— Мнѣ кажется, богатство само по себѣ даетъ право на нѣкоторый почетъ; лично пріобрѣтенное богатство свидѣтель-ствуетъ о силѣ дѣятельности и составляетъ заслугу. Мнѣ кажется, что положение человъка чрезмърно-богатаго труднъе даже, чъмъ положение иного владътельнаго лица. Въ богачъ сосредоточивается такое могущество, что немудрено, если въ его харак-теръ проникнетъ нѣкоторая склонность къ насилію; такой челотерь пронивнеть нькоторая склонность кь насилю, такон чело-въкъ живетъ въ тумань сознанія своей силы, и почти перестаетъ быть единичной личностью; а ему самому все на свътъ пред-ставляется съ точки зрънія купли по справочной цънъ. Вамъ случалось ли когда знавать подобнаго человъка?

Прежде, чъмъ Эрихъ успёлъ отвётить, врикливо вступился Пранкенъ:

--- Капитанъ Дорнэ намбренъ быть воспитателемъ молодого Зонненкампа.

Глаза всѣхъ обратились на Эриха; на него стали смотрѣть, какъ будто онъ вдругъ преобразился и облекся въ рубище. Мужчины перекинулись взглядами и пожали плечами; человѣкъ, принимающій на себя частную службу, да еще такого рода, мгновенно лишается почета; дамы смотрѣли на Эриха съ сожалѣніемъ.

Эрихъ не замѣчалъ ничего этого; онъ потупилъ глаза въ землю и не могъ дать себѣ отчета, съ какою цѣлью Пранкенъ выступилъ вдругъ съ подобнымъ извѣщеніемъ; онъ сознавалъ, что слѣдовало бы что̀-нибудь сказать, но не находилъ ничего, а потому молчалъ.

Наступила неловкая пауза. Клодвигь прижалъ свою тонкую руку къ блёднымъ губамъ.

— Это мѣсто, сказалъ онъ наконецъ, принесетъ вамъ честь, а г. Зонненкампу честь и счастіе.

Эрихъ почувствовалъ, какъ его плеча коснулась большущая рука, онъ поднялъ глаза̀ и встрътилъ улыбающееся лицо майора, который, прижавъ нъсколько разъ лъвую руку къ сердцу, наконецъ вымолвилъ:

-- Графъ высказалъ то, что я самъ хотёлъ замётить и хорошо, что высказалъ онъ, потому что онъ сдёлалъ это лучше, чёмъ съумёлъ бы я. Выполните свое намёреніе, любезный камрадъ.

Тогда Пранкенъ подошелъ къ нимъ и объяснилъ въ снисходительномъ тонѣ, что этотъ совѣтъ далъ Эриху онъ, онъ же и рекомендовалъ его. Между тѣмъ, Лина отворила окно и вдругъ звонкимъ голосомъ произнесла:

- А вотъ и буря прошла.

Въ залу проникла струя свёжаго душистаго воздуха, и разръ́шила общее напряженіе; всё вздохнули свободнье. Дождь все еще продолжаль накрапывать, но въ рощь уже опять запьли соловьи. Теперь приступили къ жень лъсничаго съ просьбою, чтобы и она спъла. Эта дама стала отказываться, но должна была уступить: сама Белла, которой игры изъ присутствующихъ почти никто еще не слыхаль, вызвалась акомпанировать.

Свѣжій, юный голосъ пѣвицы, ея простая и отчетливая манера доставили удовольствіе всѣмъ слушателямъ. Лѣсничиха пропѣла нѣсколько романсовъ. Лину также заставили - было пѣть; она отговаривалась, что сегодня пѣть не можетъ, но строгій взглядъ матери принудилъ ее подойти къ роялю. Она взяла нѣсколько нотъ и затѣмъ остановилась, сказавъ съ наивностью:

Томъ У. - Свитяврь, 1868.

- Ну вотъ, я и показала, что сегодня пъть не въ состояніи.

Судейша завусила губу и, по движенію ея ноздрей, легко былоотгадать, что она гнёвалась. Еще бы! Такая взбалмошная дёвочка. Да еще и показываеть видь, будто такъ себё, ничего и не случилось.

Лѣсничиха спѣла еще пѣсню, и тогда Лина ьызвалась пѣть съ нею дуэтъ, увѣряя, будто это для нея не все равно, что пѣть одной. И въ самомъ дѣлѣ, она пѣла свѣжимъ сопрано, съ нѣкоторою робостью, но и съ умѣньемъ.

Затёмъ, она же, съ простой фамильярностью, какъ какойнибудь старый товарищъ, просила Эриха спёть что-нибудь. Все общество поддерживало Лину, но Эрихъ рёшительно отказался. Онъ однако опять немало удивился, замётивъ, что Пранкенъ ему поддакиваетъ. Пранкенъ еще прибавилъ:

— Капитанъ правъ, что не хочетъ вдругъ обнаружить всѣ свои дарованія.

Это было сказано самымъ любезнымъ тономъ, но злое намъреніе было такъ очевидно.

— Благодарю васъ за товарнщескую поддержку, сказалъ. Эрихъ, оборотясь.

Небо прояснилось, только на горахъ Таунуса еще сверкала зарница. Гости распрощались, благодаря хозяевъ за веселый день.

Даже вѣчно - молчаливая, «шитая» госпожа, заговорила при этомъ, и тотчасъ же отличилась новомоднымъ капоромъ, такъназываемымъ башлыкомъ, который она прибрала себѣ очень ловко. Въ то время, какъ всѣ уже собрались къ разъѣзду, вдругъ явился окружной врачъ; онъ былъ по сосѣдству, съ визитомъ у больного, и буря задержала его. Едва успѣвши раскланяться съ графомъ и Беллою, онъ уѣхалъ вмѣстѣ со всѣми.

Белла не безъ удовольствія вздохнула по удаленіи гостей.

Въ разныхъ каретахъ было говорено много, и въ одной происходилъ плачъ, такъ какъ Линъ пришлось выслушать грозную проповъдь о томъ, что она вовсе не умъетъ держать себя и все еще остается деревенской простотой; вмъсто того, чтобы затънять другихъ и показать себя, она все еще смотритъ такъ, какъ будто часъ тому назадъ гоняла гусей. Лина, конечно, давно уже привыкла къ такимъ сердитымъ поученіямъ, но сегодня она приняла ихъ особенно къ сердцу. Весь день ей было такъ весело, и наказаніе было вдвойнъ тяжко. Она потихоньку плакала и плакала.

Самъ судья, который у себя дома, повидимому, не былъ

судьею, не вмѣшивался въ эту бабью ссору. Только тогда, когда ему пришлось перемѣнить сигару, онъ выступилъ съ замѣчаніемъ:

— Этотъ враснорѣчивый господинъ Дорнэ — по-моему — человѣвъ опасный.

- А мнѣ кажется, очень любезный.

— Вотъ женская логика! Какъ будто любезность исключаетъ опасныя свойства; напротивъ, въ ней-то они и заключаются. Но развё ты не замътила всю эту прозрачную интригу?

— Нисволько.

— Ну, такъ сообрази-же: мы встръчаемъ его въ монастыръ, гдъ живетъ дочь этого страшнаго богача, Зонненкамиа, и онъ показываетъ видъ, будто никого тутъ не знаетъ. А между тъмъ, онъ же поступаетъ къ молодому Зонненкамиу учителемъ... Ой, какъ освътило!

Въ самомъ дёлё, пронесся длинный лучъ молніи, и пролиль свётъ не только на всю мёстность, но и на всю ся обстановку. Яснёе всего обрисовалась вилла Эдемъ; всё контуры ся выставились такъ рёзко, какъ будто бы она находилась всего въ нёсколькихъ шагахъ.

— Какъ ярко освѣтилось это большое строеніе, продолжалъ судья, какъ ясно былъ видѣнъ паркъ. А что затѣвается тамъ, наверху, того никто не знаетъ. Странный свѣтъ! Баронъ Пранкенъ вводитъ этого господина Дорнэ въ домъ своего зятя и тестя, какъ друга, а между тѣмъ они — заклятые враги.

Судейша сердилась на мужа, за то, что дома, наединѣ съ нею, онъ былъ всегда такой живой и выказывалъ такую тонкую наблюдательность, а между тѣмъ въ обществѣ былъ молчаливъ и сухъ, и блистать предоставлялъ другимъ.

- А кто же этотъ тесть? спросила она, чтобы что - нибудь сказать.

— Разумѣется, Зонненкампъ; то-есть онъ долженъ быть тестемъ. Несмѣтныя деньги Зонненкампа нужны барону Пранвену, а ему нѣтъ дѣла, откуда они взялись; объ удобреніи вообще не наводятъ такихъ справокъ.

Лина спустила вуаль и закрыла глаза, а судья сталъ объяснять еще подробнёе, что ни онъ, ни жена не должны мёшаться въ это дёло.

— Этотъ капитанъ-докторъ — человѣкъ опасный, опасный во всѣхъ отношеніяхъ!

Тавъ заключилъ свою рёчь судья, и потомъ уже молчалъ до самаго дома.

ГЛАВА VIII.

двойпая исповъдь.

Белла и Отто отправились въ садъ, и ходили взадъ и впередъ. Тутъ Отто сказалъ ей, что онъ рекомендовалъ Эриха Зонненкампу, но уже теперь рѣшительно раскаявается.

Белла всегда была раздражена, если ей приходилось пожертвовать собою для угощенія м'ящанскаго общества, и обратила теперь свое раздраженіе на брата, который ввель къ ней челов'яка, какъ гостя ровнаго, тогда какъ онъ въ дъйствительности лицо служащее у господина Зонненкампа или, по крайней мъръ, имъющее намъреніе поступить къ нему въ услуженіе. Съ злорадостнымъ удовольствіемъ прибавила она, что Отто, въроятно, любитъ преодолъвать затрудненія, такъ какъ онъ вводитъ въ этотъ домъ человъка съ такой обворожительной внъшностью, какъ этотъ (докторъ) (слово «докторъ» она произнесла, придавая этому наименованію смыслъ унизительный, сравнительно съ титуломъ капитана); ясно, какъ день, что дочь Зонненкампа влюбится въ воспитателя своего брата.

— Этотъ г. Дорнэ, заключила она, личность въ самомъ дѣлѣ привлекательная, не только красотою, но — и особенно нѣкоторою мечтательною откровенностью и добродушіемъ. Подлинно это или поддѣльно, все равно, такъ какъ средство во всякомъ случаѣ можетъ производить свое дѣйствіе, а ужъ особенно на семнадцатилѣтнюю монастырку.

Пранкенъ отвѣчалъ съ добродушной усмѣшкой, что онъ предполагалъ у сестры менѣе будничную фантазію; сверхъ того, замѣтилъ онъ, Дорнэ — по характеру чуждается женщинъ и цѣнитъ въ нихъ собственно только идею женственности. При этомъ онъ однако объяснилъ, что хочетъ на слѣдующій же день посѣтить Зонненкампа, прежде чѣмъ Эрихъ поспѣетъ въ виллу, и объявить владѣльцу ся, что рекомендацію онъ далъ противъ воли; онъ прибавилъ, что прямо посовѣтуетъ отклонить приличнымъ образомъ услуги Эриха уже потому, что онъ можетъ вселить въ мальчика либеральныя идеи, а если этого мало, то намекнетъ даже, что сближеніе съ Дорнэ не понравится двору; этотъ послѣдній аргументъ, по словамъ Пранкена, долженъ былъ рѣшить все дѣло; вѣдь онъ же, Пранкенъ, самъ устроилъ такъ, что для Зонненкампа всего важнѣе было мнѣніе о немъ при дворѣ.

Белла, однако, оспаривала этотъ планъ; ей доставляло удовольствіе вызывать брата на соперничество именно съ такимъ

соискателемъ; побёда надъ нимъ дала бы брату новую силу. Сверхъ того, по ея словамъ, не худо было бы, въ виду госпожи Парини, у которой были какія - то тайныя, клерикальныя цёли, имѣть тамъ своего человѣка, человѣка свѣтскаго и въ то же время обязаннаго благодарностью Пранкенамъ. Этого мало: въ случаѣ, если бы — какъ слѣдовало ожидать — между донною Парини и самоувѣреннымъ Дорнэ началась тайная борьба, можно было имѣть въ своихъ рукахъ посредническій судъ и рѣшеніе.

Белла позабыла даже всю свою злость на мѣщанское общество, когда передъ ней развернулась цѣлая паутина интригъ, и пріятныхъ и полезныхъ. Она пользовалась довѣріемъ дѣвицы Парини, хотя сама не вполнѣ довѣряла ей; братъ остался бы наперсникомъ Эриха, и такимъ образомъ, весь домъ Зонненкампа былъ бы въ ихъ рукахъ, такъ какъ нельзя было не предвидѣть, что Эриху удастся пріобрѣсти тамъ большое вліяніе.

Пранкенъ отнѣкивался отъ предназначаемой ему роли, но не успѣлъ отдѣлаться отъ нея.

Кошка, притаивъ дыханіе, сидитъ у мышиной щели, не сойдетъ съ мѣста; она знаетъ, что мышь все-таки выйдетъ; она чуетъ, что мышь уже скребетъ тутъ, и знаетъ, что быть добычѣ. Белла знала вѣрное средство повесть брата путемъ ей угоднымъ, стоило только напирать на непобѣдимость его личности и напоминать, что увѣренность въ себѣ ему такъ къ лицу. Отто успокоился, во всякомъ случаѣ обѣщалъ себѣ успокоиться совсѣмъ. Вѣдь Дорнэ все-таки былъ бѣдняга, которому слѣдовало помочь, и велъ себя въ тотъ вечеръ хорошо, даже держался очень прилично, когда было внезапно обнаружено его положеніе въ обществѣ.

Пока братъ съ сестрою прохаживались въ саду, Эрихъ сидѣлъ съ графомъ, въ его рабочемъ кабинетѣ, освѣщенномъ двумя рожками лампы. Они сидѣли другъ противъ друга въ вреслахъ, у длиннаго письменнаго стола.

- Жалко, говорилъ Клодвигъ, что докторъ пріёхалъ такъ поздно; онъ, правда, жестковатъ, но человёкъ хорошаго закала. Вы съ нимъ вёроятно подружитесь.

Эрихъ не сказаль ничего и графъ продолжалъ:

- Не знаю, зачъмъ мой шуринъ, по своему обыкновенію, такъ внезапно объявилъ о вашемъ проектъ всему обществу. Объ этомъ теперь всъ заговорятъ и прекрасное намъреніе ваше лишится, такимъ образомъ, своего оттънка сердечности.

Эрихъ возразилъ съ большою твердостью, что всёмъ суждено даже простыя, тихія дёла совершать подъ огнемъ критики чужого ума.

Опять пристально взглянуль на него Вольфсгартенъ. Готовность къ бою этого человёка, повидимому, удивляла его. Своей маленькой рукой онъ накрыль часть лежавшаго передъ нимъ портфеля, какъ будто заложилъ туда что-то.

- Въ васъ, или лучше по поводу васъ, я еще разъ убѣдился на опытѣ, сказалъ онъ, въ одной истинѣ: люди считаютъ частную службу унизительною, забывая, что не въ томъ дѣло, кому служишь, а въ томъ, какъ смотришь на свою обязанность. «Ich dien» — девизъ моихъ предковъ по матери.

Старикъ замолкъ, и Эрихъ не зналъ, остановился ли онъ на минуту или ждетъ отзыва; но Клодвигъ тотчасъ продолжалъ:

— Когда офицеръ со значительнымъ чиномъ, или сановникъ принимаетъ на себя воспитаніе принца, то это считается очень почетною должностью. Но развъ менъе почтенно занаться воспитаніемъ трехъ десятковъ крестьянскихъ мальчиковъ, или, какъ вы, принять на себя развитіе этого юноши-богача? Теперь я долженъ обратиться въ вамъ съ просьбою...

- Желаю только одного: чтобы я съумель ее исполнить.

— Позвольте попросить васъ разсказать мнѣ, съ возможною подробностью, какимъ образомъ вы такъ.... то-есть, какъ вы пришли въ тому положенію, въ которомъ теперь находитесь?

— Очень охотно. Думаю заслужить ту честь, которой вы меня удостоиваете, если отложу скромность. Я буду говорить съ вами такъ, какъ самъ съ собою.

Графъ прижалъ пружину звонка, стоявшаго на стояѣ; явился слуга.

- Робертъ, которая комната приготовлена г. доктору?

- Съ темными обоями, напротивъ вашей спальни, графъ.

— Приготовьте вапитану вомнаты въ мезонинв.

— Позвольте доложить вамъ, графъ, что тамъ еще находятся вещи принца Леонгарда...

— Ничего. Еще одно: не безпокойте меня, пока я не позвоню. Слуга вышелъ; Клодвигъ сълъ поудобнъе въ креслахъ, и, покрывъ себъ колъна красной пуховою шалью, сказалъ:

- Если я закрою глаза, не подумайте, что я заснулъ.

Въ этихъ словахъ было нѣчто довѣрчиво - снисходительное, но далекое отъ всякаго покровительственнаго чванства; въ просьбѣ Клодвига въ Эриху — говорить безъ обиняковъ — слышалась сердечная задушевность.

Эрихъ началъ свой разсказъ.

В. Ауэрвахъ.

(Продолжение слидуеть.)

НЕСЧАСТНЫЕ

IV *).

НА ПРОПИТАНИ.

Прежде, чёмъ ссыльный пріобрётеть себё право выдти на пропитаніе, поступить въ разрядъ такъ-называемыхъ пропитанныхъ, ему предстоитъ еще много степеней и разрядовъ. Вотъ этотъ порядовъ по оффиціальнымъ бумагамъ, правиламъ и предписаніямъ. Начинаемъ съ каторги на заводахъ.

Всв ссыльно-рабочіе, по прибытіи въ заводъ, поступаютъ въ разрядъ испытующихся. Они живуть въ казармахъ, свободные отъ оковъ, подъ ближайшимъ дозоромъ надзирателя и непосредственнымъ наблюденіемъ смотрителя; довольствуются пищей въ артели; лётомъ, лучшіе увольняются для обработыванія огородовь; правомъ отдыха пользуются только въ табельные дни. Поступившимъ изъ партій дозволяется жить въ квартирахъ воздержныхэ. Эти воздержные пользуются слёдующими правами и преимуществами: могуть строить для себя дома, могуть пользоваться землею для хлёбопашества, сёнокосовъ, огородовъ, заниматься скотоводствомъ. Неимѣющіе собственныхъ домовъ пользуются правомъ жить въ квартирахъ; имѣющіе собственныхъ лошадей могуть пускать ихъ въ казенныя работы, за установленную плату. Аля отдыха и поправленія быта своего, пользуются всёми восвресными и табельными днями. «Но если бы кто, изъ употребляемыхъ по мастерствамъ въ цехахъ, принадлежащіе ему дни отдыха посвятиль, по назначению начальства, казенной работь,

*) См. выше, т. III, 480-545, н IV, 121-166, 539-604.

таковой за эти дни имбетъ право на двойной плакатъ¹) и въ . обоихъ случаяхъ пользуется отпускомъ провіанта сполна опредѣ-леннымъ пайкомъ». Изъ этого разряда воздержныхъ назначаются надзиратели по разнымъ цехамъ. Ссыльно-рабочіе этого разряда, какъ пріобр'єтшіе право на снисходительное вниманіе начальства въ лучшему устройству ихъ быта, увольняются въ страдное (рабочее) время для полевыхъ работъ, смотря по мъръ надобности, для заготовленія корма скоту и уборки ліса. Сверхъ того, дабы болбе исправить ихъ нравственность и укоренить благоправіе т'яхъ изъ этого разряда, которые отличаются своимъ поведеніемъ, будутъ подавать примёръ своимъ сотоварищамъ,предоставляется управляющему право (на основании утвержденной для него инструкціи и высочайшаго указа, даннаго прави-тельствующему сенату въ 10-й день октября 1821 г.) исключать изъ ссыльныхъ и помѣщать въ мастеровые, производя въ подмастерья и мастера, если искусствомъ своимъ сдѣлаются того достойными, съ распространениемъ на нихъ и дѣтей ихъ всѣхъ правъ, мастеровымъ присвоенныхъ. И чтобы отличить этотъ разрядъ самымъ наружнымъ видомъ, то немолодымъ изъ нихъ дозволяють носить бороды. За прожитіе при заводѣ совершенно безпорочно, съ должнымъ прилежаніемъ къ работѣ и покорностью къ начальству, ссыльно-рабочимъ прибавляется, ссерхъ положеннаго плаката, по роду работь, ежемъсячно: проведшимъ пять лѣтъ — по 50 коп., проведшимъ 10 лѣтъ — по 1 руб., и за 15 лётъ выпущать ихъ на собственное пропитание. Воздерж-ные получаютъ плакатъ на руки; другая же половина поступаеть въ сохранный артельный капиталь, которому ведется отчетная книга.

Но тѣ рабочіе, которые въ разрядѣ испытующихся окажутся «нравственности неблагонадежной, поведенія недобропорядочнаго и сомнительнаго, склонны къ побѣгу и замѣчены въ нерадѣніи къ устройству своего быта», образуютъ третій разрядъ, которому оффиціальное џредписаніе даетъ названіе невоздержныхъ. Невоздержными называются всѣ тѣ рабочіе, которые выпущены послѣ наказанія за побѣги, воровства, драки и прочія неуголовныя преступленія, оканчиваемыя наказаніемъ по поли-

¹) Плакать или жалованые ссыльно - рабочій получаеть по трудамь и искусству; задільную же плату по успіху въ урочной работь. Въ Александробскомъ винокуренномъ заводъ, ссыльные получаютъ 3 руб. асс. въ місяць и два пуда муки. Въ Усольі, холостые но 2 пула муки, женатые по 3 пуда, и діти, до 12 літь, по 1 нуду, съ вычетсять поть жалоганыя по 20 и по 10 коп асс. за пудъ, и вст состоять на задільной плать, усходящей до 50 руб. сер. въ годъ. На нерчинскихъ заводахъ місячный плакатъ 60 к. и па солеваренныхъ до 80 к.

цейскому разбирательству. Въ разрядъ невоздержныхъ поступаютъ и тѣ, которые исключены изъ разряда воздержныхъ за проступки, «замѣченные неоднократно въ невоздержности отъ пьянства, ссоръ, дракъ и грабежей», и тѣ ссыльно - каторжные, которые присылаются въ заводы впредь до полученія справокъ, и тѣ, наконецъ, ссыльные, которые сдѣлали въ Сибири преступленія, какъ изъ поселенцевъ, такъ и изъ рабочихъ, находящихся въ другихъ заводахъ. Невоздержные содержатся въ казармахъ скованными и также получаютъ содержаніе въ артели. Право отдыха имѣютъ они только въ высокоторжественные табельные дни. Тѣ изъ нихъ, которые «совершенно погасили послѣднюю искру совѣсти, истребили не только желаніе, но даже и намѣреніе къ исправленію, дѣлали вторичные изъ заводовъ побѣги, замѣчены неоднократно въ воровствахъ, мошенничествѣ, обманахъ, въ подговариваньи другихъ къ побѣгамъ и подобныхъ пакостяхъ, — словомъ, по распутству своему неподающіе никакой надежды къ обузданію», образуютъ четвертый разрядъ заводскихъ ссыльно-рабочихъ, разрядъ неисправимыхъ.

Неисправимые содержатся также въ казарић и въ особой артели, и также, наравић съ невоздержными, скованы; но съ тою разницею, что для предупрежденія побѣговъ, ихъ обязали замыкать на ночь. Головы этихъ ссыльныхъ на половину должны быть выбритыми; на работу выводятся они не иначе, какъ за военнымъ карауломъ. Мѣрою исправленія для нихъ полагается: кандалы, которыя они должны носить полгода (тогда какъ невоздержные носятъ ихъ только два мѣсяца).

Оба эти разряда невоздержныхъ и неисправимыхъ не получаютъ въ собственное распоряженіе изъ плаката ни копъйки, заработки ихъ записываются въ особую шнуровую книгу и истрачиваются смотрителемъ на одежду для нихъ. Неисправимые только черезъ годъ, нри хорошемъ поведеніи, имъютъ право поступать въ разрядъ испытующихся; въ противномъ случаъ, управляющіе заводами имъютъ право (не испрашивая даже позволенія губернскаго начальства) отсылать неисправимыхъ въ нерчинскіе горные заводы.

Время содержанія въ нерчинскихъ рудникахъ (а стало быть и въ тамошнихъ заводахъ¹) постановлено Сводомъ законовъ въ слъдующей подробности. Безсрочные арестанты (перваго разряда)

У) Нерчинскіе рудники, какъ извѣстио, извлекали серебристыя и серебристо-свинщовыя руды, а заводы завимались выплавкою свинца и серебра. При этомъ на мышьякъ, спорьму, цинсъ и киноварь не обращалось никакого випланія: серебро и золото слѣпали глаза.

должны пробыть въ тюрьмѣ 8 лѣть; присужденные къ работамъ на срокъ отъ 15 до 20 лѣть (1-го разряда) живуть въ тюрьмѣ четыре года; назначенные на срокъ отъ 12 до 15 лѣть (2-го разряда)—въ тюрьмѣ два года; каторжные третьяго разряда (отъ 6 до 8 лѣть) живуть въ тюрьмѣ полтора года; осужденные на срокъ отъ 4 до 6 лѣть — въ тюрьмѣ живуть годъ. Подающіе въ теченіи этого времени надежду на исправленіе поведеніемъ своимъ и трудолюбіемъ, перемѣщаются въ разрядъ исправляющихся и находятся уже подъ полицейскимъ присмотромъ. Ссыльно-каторжные перваго разряда черезъ три года, а третьяго разряда черезъ годъ послѣ поступленія въ разрядъ исправляющихся, могутъ, съ разрѣшенія горнаго начальства или казенной палаты, получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатѣ заводскихъ мастеровыхъ. Могутъ даже построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу и вступить въ бракъ (но оба эти дозволенія красивы только на бумагѣ, но не на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи).

Тюремный надзоръ обусловленъ также особыми правилами и предписаніями, которыя, въ главныхъ своихъ чертахъ, сопровождаются слёдующими подробностями на бумагё и отчасти на дёлё:

«По прибытіи на заводъ, ссыльные, долженствующіе поступить въ извѣстные разряды и содержаться въ острожныхъ казармахъ, принимаются во всякое время, какъ днемъ, такъ и ночью, не исключая воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней». То же самое разумѣется и о тѣхъ ссыльныхъ, которые, проживая на заводъ, внѣ острога, по распоряженію заводскаго начальства, должны поступить въ острогъ. Пріемъ производится при караульномъ офицерѣ или унтеръ - офицерѣ смотрителемъ острога, который записываетъ въ шнуровую книгу число и мѣснцъ поступленія, имя и прозваніе ссыльнаго, разрядъ его, отъ кого присланъ и по какому преступленію или изъ партіи, примѣты его, собственныя вещи и деньги, отбирая ихъ отъ ссыльнаго, буде находятся. По пріемѣ врачъ свидѣтельствуетъ тогда же или непремѣнно на другой день. Въ случаѣ болѣзни, ссыльный отсылается въ больницу. Свидѣтельства врача записываются въ книгу. «Число находящихся въ острогѣ людей, какъ закованныхъ, такъ и безъ оковъ, должно быть вполнѣ извѣстно караульному офицеру. Деньги, отобранныя у арестантовъ, записываются въ книгу; ссыльный, хозяинъ ихъ, если грамотный, подписывается. Принятыя деньги запечатываются въ пакетъ, который, вмѣстѣ съ другими, хранится въ заводской кладовой, а прочія вещи---въ кладовой при острогѣ, въ общемъ ларѣ или сундукъ. Ключи отъ всего этого, а также припасы и про-чее, приготовляемое на счетъ артельной суммы (какъ обувь и одежда), и на счетъ сохраннаго капитала, хранятся у смотри-теля острога. «Когда ссыльный долженъ выбыть вовсе изъ теля острога. «Когда ссыльный долженъ выбыть вовсе изъ острога, по переводё въ высшій разрядъ или, по заслуженному довёрію, для житья на квартирё, слёдующія ему по разсчету деньги выдаются на руки. Ссыльные въ острогё размёщаются, сколько возможно, безъ тёсноты, а подсудимые или присужден-ные къ какому - либо наказанію отсылаются изъ острога на за-водскую гауптвахту. Часовые въ острогё не должны стоять вну-три комнатъ, но въ дверяхъ, корридорахъ и другихъ мёстахъ, гдё окажется удобнымъ и чтобы они всегда имёли въ виду ссыльныхъ».

Въ острогѣ «не дозволяется имѣть бумагу, чернила, каран-даши и т. п. и писемъ отъ нихъ не принимать, не дозволяя и получать таковыя. Не дозволять игры въ карты, въ шашки, ко-сти и никакія другія; также не дозволять играть ни на какихъ сти и никакія другія; также не дозволять играть ни на какихъ инструментахъ. Строго запрещается курить табакъ. Всегда за-прещаются всякаго рода ръзвости, произношеніе проклятій, божбы, укоровъ другъ другу, своевольства, ссоры, брани, разговоровъ, соблазнительныхъ пъсенъ, хохота и т. п. Виновнаго смотритель отдъляетъ отъ другихъ въ особое помъщеніе (карцеръ), опредъ-ляя самую умъренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно, на хлъбъ и на воду». Рисуя этими подробностями отчасти бытовую сторону тю-

Рисуя этими подробностями отчасти бытовую сторону тю-ремной жизни, предписанія и предначертанія начальства дальше ндуть въ сторону отъ предписаній, смыслъ которыхъ истекаетъ изъ законоположеній. Выходя на собственную дорогу, предпола-гающую практическую подготовку, предначертанія ихъ являются уже самостоятельными, заключаютъ въ себѣ интересъ практиче-скій. При внимательномъ изслѣдованіи мы видимъ совсѣмъ дру-гое. Какъ бы отыскавши въ своихъ воспоминаніяхъ, нащупавши въ своихъ представленіяхъ знакомые образы, начальство тюрем-ное не задумалось, по милымъ образцамъ корпуснаго дѣтства, рисовать дальше наивныя и простосердечныя картины тѣхъ же порядковъ, какіе введены во всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведе-ніяхъ. Насколько правила эти ушли отъ практическаго примѣпорядковъ, какие введены во всъхъ закрытыхъ учеоныхъ заведе-ніяхъ. Насколько правила эти ушли отъ практическаго примё-ненія, мы знаемъ изъ второй главы этого труда. Насколько они незамысловаты и красиво приглажены на бумагѣ, но безжизненны и недѣйствительны, увидимъ сейчасъ. Предписывая «ссыльнымъ брить бороды чрезъ инвалиднаго ци-рюльника, также волосъ длинныхъ не запускать, а стричь ихъ, по обыкновенію, пристойно, по солдатски, а подозрительнымъ и

склоннымъ къ побъ́гамъ брить половину головы», мѣстное начальство въ дальнѣйшемъ теченіи предначертаній впадаетъ въ идиллію и пишетъ такія картины: «Ссыльные въ острогъ встаютъ поутру, лѣтомъ и зимою, за часъ до пробитія звонка, призывающаго на работу. Караульный офицеръ, вмѣстѣ съ острожнымъ смотрителемъ и нарядчикомъ, идутъ по камерамъ и дѣлаютъ перекличку. Вставшій ссыльный, умывшійся и спрятавшій койку подъ нары, чешется; комнаты метутся. Когда послѣднія будутъ выметены и вычищены, читается внятно, во всеуслышаніе, утренняя молитва и всѣ ссыльные должны стоять смирно, не разговаривать и ни подъ какимъ предлогомъ не лежать при этомъ. По совершеніи молитвы дается завтракъ, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, на первой и на страстной недѣлѣ и вообще въ продолженіе великаго поста по средамъ и инятиицамъ. Какъ колоколъ возвѣститъ время работъ, нарядчикъ объявляеть нарядъ по работамъ, кто чѣмъ долженъ заниматьсяво время дня, для чего ссыльные выводятся во дворъ острога, гдѣ вновь производится перекличка при военномъ караулѣ. Скованные отдаются конвойнымъ, нескованные сдаются на руки десятникамъ и потомъ отправляются на работы мѣрнымъ шагомъ, по три въ рядъ: караульные впереди, позади и по сторонамъ, въ приличномъ разстояніи; военные съ заряженными ружьями, а десятники съ палками».

Таково начало этой тюремной эпопеи во вкусѣ всяческихъ плацовъ и всякихъ корпусовъ и пансіоновъ. Отступленій почти нѣтъ. Нить повѣствованія порвалась два раза: въ первый — для того только, чтобы сказать, что «на дворѣ нельзя терпѣть сору, а нужно выметать оный, выносить и сваливать на отведенное нарочно для сего мѣсто», и во второй разъ оборвалась повѣствовательная нить ради слѣдующаго: «часто ссыльные, пользуясь ночнымъ временемъ, употребляютъ оное для злыхъ замысловъ; дабы воспрепятствовать сему, острожный смотритель по часту обязанъ, въ ночное время, по нѣскольку разъ осматривать комнаты ссыльныхъ».

Затёмъ снова идетъ потокъ порядковъ въ такихъ выраженіяхъ: «Когда звонъ колокола извёститъ обёденное время, каждый долженъ сдать приставникамъ инструменты счетомъ и тёмъ же порядкомъ (т. е. по три въ рядъ) отправляются въ острогъ, гдѣ строго дѣлается перекличка, и, послѣ молитвы, всѣ садятся за столъ обѣдать благопристойно и не разговаривая между собою. Послѣ обѣда читается благодарственная молитва и допускается отдохновеніе. Когда пройдетъ часъ отдохновенія, тогда повѣщается о томъ колоколомъ». Для вечера тотъ же порядокъ:

«По окончаніи ужина, спустя полчаса и когда со столовъ убе-рется посуда и прочее, караульный офицеръ дёлаетъ перекличку. Въ камерахъ огонь долженъ быть до тёхъ поръ, пока не запрутъ всёхъ по вечерней перекличкё, и послё зари и по выходё изъ комнатъ надзирающихъ за ссыльными ни подъ какимъ видомъ

<text><text><text>

Но настоящая тюремная жизнь ведеть свои порядки и выработала свои законы.

Счастливые и умѣлые ссыльные искали утѣшенія и воли въ бѣгахъ; несчастные и меньше опытные оставались въ рукахъ начальства, подчиняясь различнымъ опытамъ исправленія. Нерчинскія тюрьмы для неисправимыхъ предлагали крутыя, рѣшительныя мѣры. Мѣры эти не оставлены были тамъ во время нашего посѣщенія, а потому, пользуясь случаемъ, скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ. Прикованіе къ тачкѣ и къ стѣнной цѣпи вотъ пока тѣ средства исправленія, которыя придуманы были въ самыхъ строгихъ и самыхъ крайнихъ мѣстахъ, ссылки и заточенія. Второе наказаніе обусловлено, сверхъ того, необходимостью одиночнаго заключенія, столь ненавидимаго русскими преступниками, по замѣчаніямъ всѣхъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу. Когда пронесся объ этой мѣрѣ слухъ по Сибири — всѣ ссыльные пришли въ ужасъ.

Приковывають на цёпь обыкновенно на пять лёть (но бывали случаи и десятилётняго заточенія ¹). Люди эти въ работу не употребляются; какъ великой милости просять они, во время заточенія, награды подышать свёжимъ воздухомъ, хотя бы и съ приправою самой трудной и тяжелой работы. Освобожденные, по истеченіи положеннаго срока, отъ содержанія на цёпи (приколачиваемой къ стёнѣ), или отъ тачки, на всю жизнь за тёмъ содержатся въ острогъ въ вёчныхъ ножныхъ кандалахъ. Заключенные въ ножныя желъза, они также не употребляются въ работы. Какъ милость, позволяютъ имъ копаться въ огородахъ каземата, или дёлать что-нибудь внъ камеры и, притомъ въ то

¹) Такъ напр., по отчетамъ Петровскаго завода видно: что въ 1851 году тамъ было четверо прикованныхъ на десять лътъ, хотя приковывали обыкновенно – по положению, на пять льть. Всехъ прикованныхъ тамъ было въ сентябре 1851 года 15 человѣвъ такихъ, которые успѣли уже посидѣть на цѣпи въ Минусь, Енисейскѣ я Красноярскв. 30-го ноября 1851 года приныхъ было 12-ть человекъ и между ними мужъ съ женой за смертоубійство. Женъ, ненмъвшей одежды, выдали рубаху и побеу (холщевыя), чарки и платье, хотя Забайкальское областное правление и решило выдать имъ только вижное платье, «ибо-де оно одно только и необходимо». У нихъ въ Газямурскомъ селенія жила дочь. Прикованные супруги просили милости перевезти ихъ изъ Петровскаго завода ближе къ дочери, именно въ Акатуй; дозволили. На время пути (9 дней) положили выдать по 63 коп. (31/2 коп. въ сутки) на каждаго. Акатуй спеціально предназвачался впослёдствін для такихъ несчастныхъ, и въ утв-. шеніе сострадающихъ участи ихъ сохранняъ преданіе о первомъ приставъ этого рулника. Приставъ, говорятъ, спускалъ своихъ цепныхъ съ цеци погулять недели на три на четыре, и они, возвратившись, аккуратно вносили половину добычи. Кто не исполняль заказа, того приставь сажаль вь подземелье собственной квартиры (и полземенье показывали).

время, вогда всё другіе уведены на работы. Иногда содержаніе на цёпи пробовали замёнять завлюченіемъ въ темной комнать, но арестованные просились на цёпь. Статейные списки людей этихъ обыкновенно наполнены всякаго рода преступленіями, гдѣ убійства по нёскольку разъ перемёшаны съ побёгами, разбоями, убиства по нёскольку разь перемёшаны съ побёгами, разбоями, кражами, перемёною имени, и тому подобнымъ. Содержаніе та-ковыхъ казнё обходилось дешевле, чёмъ содержаніе всёхъ дру-гихъ арестантовъ, сколько и потому, что имъ выдавали только нижнее платье, столько же и потому, что пища полагалась имъ скуднёе, въ уменьшенной пропорціи. Такъ напр., въ Акатуѣ по-ложено было выдавать въ сутки каждому по 21/2 фунта пече-наго хлѣба, раздёляя его на части: къ завтраку, обѣду и ужину. Цёлой-порціи давать вдругъ не велёно. Вмёсто приварка и для питья выдавали только одну волу По резсисту ситиону что нитья выдавали только одну воду. По разсчету, сдёланному въ 1847 году, каждый такой арестантъ обходился казнё въ годъ 43 руб. 68 коп. сер. ¹), считая въ томъ числё цёпь, освёщеніе, инло, мытье бѣлья, дрова, кромѣ, однако, расходовъ на воен-ную команду. Содержаніе это производилось большею частію на ную конанду. Содержание это производилось сольшею частих на счеть губернской, а не заводской казны, и заводы принимали ихъ въ себѣ только въ такомъ случаѣ, когда имѣлся свободный казематъ. Часто, впрочемъ, отказывали, а потому рѣдкая изъ сибирскихъ тюремъ (и въ особенности тобольская) не имѣла при спонрскихъ тюремъ (и въ осооенности тооольская) не имъла при стѣнахъ своихъ подобнаго рода несчастныхъ. Акатуйская тюрьма (изъ нерчинскихъ), при рудникѣ этого имени, долго имѣла своею исключительною спеціальностію помѣщеніе арестантовъ подоб-наго рода. Тамъ замѣченныхъ въ дурныхъ поступкахъ сажали въ отдѣльную комнату. Для исполненія церковнаго обряда испо-вѣди и св. причастія иногда ихъ отковывали, иногда нѣтъ; а вым и св. причастия иногда ихъ отковывали, иногда нъть; а иногда, и весьма нерёдко, арестантамъ въ этомъ отказывали. Цёль обыкновенно дёлалась въ три аршина длиною, изъ звеньевъ одинаковой величины съ ножными кандалами, вёсовъ вся въ 5¹/₂ фунтовъ. Въ Петровскомъ заводѣ арестанты обыкновенно отхо-дили на всю длину цёпи, которая давала имъ возможность класть шею на порогъ двери и выставлять голову въ корридоръ. А такъ какъ цёпные помёщены были въ то время въ опустёлыхъ назематахъ, выстроенныхъ для декабристовъ, гдё нёсколько ком-нать выходило въ корридоръ, то эти цёпные придумали на без-дёльи развлечение. Одинъ разсказывалъ сказку, остальные его слушали; за тёмъ начиналъ другой, третій и т. д., по очереди. Лишенные этого права, содержавшіеся въ акатуйской и другихъ

¹) Имъ полагалось: два чарка (обуви), 2 аршина холста на онучи, шинель серимина, двѣ холщевыхъ рубашки, двое цортовъ и провіанту по 11/2 пуда въ мѣсяцъ.

нерчинскихъ тюрьмахъ, въ тоскъ одиночества устремляли обыкновенно главное вниманіе свое на казематъ. Комнаты ихъ поражали всѣхъ необыкновенною опрятностію и поразительной чистотой; нары, стѣны, полы, самая цѣпь были вычищены, вымыты, выскоблены, нерѣдко разрисованы. Одинъ арестантъ всю одежду свою разошилъ кантиками и шнурками чрезвычайно прихотливо и замысловато, на манеръ гусарскихъ мундировъ. Нѣкоторые просили себѣ пѣтуха, кошку и считали для себя самымъ жестокимъ и сильнымъ наказаніемъ, когда за какую нибудь провинность отнимали у нихъ этихъ пернатыхъ и мохнатыхъ товарищей-благодѣтелей. Вообще замѣчено было при этомъ, что тоска одиночества и безвыходность за́ключенія порождала въ заключенныхъ небывалыя до того способности, многіе выучивались шить, дѣлались сапожниками, рѣзчиками. Одинъ изъ прикованныхъ къ тачкѣ съумѣлъ такъ ее раскрасить и разукрасить разными фигурами, что приводилъ многихъ въ изумленіе, но затѣмъ, при всякомъ появленіи главнаго заводскаго начальника, съ горькими мольбами, съ непритворными слезами на глазахъ, неотступно и отчаянно просилъ отковать отъ красивой тачки, приговаривая:

отчаянно просилъ отковать отъ врасивой тачки, приговаривая: — До того надобла, напротивбла она мнб, что глаза бы мои на нее не глядбли! Тошнитъ даже!...

Случаи конечныхъ помѣшательствъ были, судя по отчетамъ, рѣдки, а случаевъ самоубійствъ хотя и насчитывается за все время двадцати лѣтъ немного, но за то въ архивѣ нерчинскаго большого завода сохранился слѣдующій актъ:

Прикованнымъ въ Акатуевскомъ рудникѣ на стѣнную цѣпь давали положенные въ сутки 2¹/₂ фунта печенаго хлѣба и воду вмѣсто приварка и для питья. При этомъ велѣли наблюдать, какое вліяніе заточеніе это «будетъ имѣть на умственное состояніе (душевныя силы) и на физическое состояпіе (тѣлесныя силы).» Вскорѣ донесено было, что ссыльные, прикованные къ стѣнѣ, въ силахъ и духомъ замѣчательно ослабѣваютъ. «Не имѣя движенія, у нихъ на лицѣ сдѣлалась блѣдность; по временамъ чувствуютъ во внутренностяхъ одувъ и давленіе, а потомъ колотье; произносятъ слабый органъ голоса (?) и при проходѣ, сколько цѣпь позволяетъ, дѣластся головокруженіе». Опытъ подобнэго рода производимъ былъ въ теченіи двухъ лѣтъ, 1847 и 1848, и въ показаніяхъ врачей слышался все одинъ и тотъ отзывъ, т. е., что прикованные въ силахъ слабѣютъ.

Лиса — желѣзная полоса въ 1¹/2 пуда вѣсомъ, надѣваемая къ рукамъ для того, чтобы цѣпной не могъ ходить по своей канурѣ, полагается самою высшею, конечною, послѣднею мѣрою наказанія, равносильнаго европейской висѣлицѣ. Люди, подвергтіеся наказаніямъ этого рода, весьма рёдко выходили на сво-боду впослёдствіи и только нёкоторымъ удавалось, черезъ дол-гую и длинную градацію смягченій, доходить до вожделённаго зва-нія такъ называемыхъ испытующихся.

Тую и длинную градацію смагчени, доходить до вождельннаго зва-нія такъ называемыхъ испытующихся. Кромѣ цѣпныхъ бывали еще такъ называемые секретные аре-станты. Этихъ содержали въ особыхъ чуланахъ; надзоръ за ними былъ необыкновенно строгъ: случалось кому заболѣть и при-ставы отправляли ихъ изъ состраданія въ госпиталь, высшее на-чальство давало приставамъ сильнѣйшій выговоръ съ пропискою въ формуляры и приказывало больныхъ возвращать въ чуланъ и нечить ихъ тамъ. Одинъ секретный попробовалъ выдти изъ гос-питаля и побродить въ цѣпахъ по улицамъ, — велѣно за то при-ковать его къ стѣнѣ на цѣпь. Другого выпустили изъ каземата въ казарму служителей поиграть въ кости, — виновнаго часового содата били за пропускъ плетьми и велѣли написать вѣчно въ работу, хотя солдатъ и клятвенно свидѣтельствовалъ, что «вы-пустилъ съ простоты, взятки не бралъ и между игравшими ни-какихъ безпорядковъ не происходило». Солдатъ былъ наказанъ не смотря на то, и ближайшее начальство оправдало его тѣмъ, что солдату-де «усмотрѣть за нимъ хитро, ибо онъ бываетъ больше въ посылкахъ, нежели при заводѣ, отчего ему и невозможно помнить всѣ тюремныя положеніа». Существованіе кругового кредита и взаимнаго довѣрія за-

 помнить всё тюремныя положенія».
 Существованіе кругового кредита и взаимнаго довёрія за крёпленныхъ такими же неразрывными связями узничества и обусловленныхъ одинаковостью положенія, какія понятны только въ тюрьмахъ и ссылкё, а также дешевизна и обиліе строительныхъ матеріаловъ и, главное, бережливость, умёющая и въ заточеніи копить деньги, помогаютъ иногда, хотя и въ рёдкихъ случаяхъ, ссыльному, выпущенному изъ тюрьмы, обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ. Безъ всякаго сомнёнія, хозяйство собственнымъ хозяйствомъ. Безъ всякаго сомпѣнія, хозяйство это почти только призрачное, и возможность житейскаго обез-печенія далека отъ существенности; тѣмъ не менѣе всѣ селенія ссыльныхъ примѣтно застроены, всѣ тюрьмы каторжныя окру-вены большимъ количествомъ домовъ, множествомъ улицъ. Боль-шой нерчинскій заводъ — цѣлый городъ, передъ которымъ го-родъ Нерчинскъ уступаетъ въ величинѣ и населенности. Хоро-шаго и сильнаго соперника этому городу мы встрѣчаемъ даже въ Петровскомъ, Александровскомъ и Усольскомъ заводахъ. Го-родъ Селенгинскъ гораздо меньше любого изъ промысловъ Карій-скихъ. Каждый изъ упраздненныхъ Нерчинскихъ заводовъ (Ку-томарскій, Зерентуйскій, Благодатскій и друг.) представляютъ подныя селенія, съ которыми мудрено спорить любому изъ боль-шихъ казачьихъ селеній. Правда, что селенія эти не прочны, Томъ У. – Скитяеръ, 1868.

Тойъ У. - Скетябрь, 1868.

жильцы ихъ ненадежны и искусственно вызванныя селенія эти все-таки не прибавляють цвѣта сибирской колонизаціи и не уве-личивають мѣстнаго населенія въ желаемой степени, какъ увиличиваютъ мѣстнаго населенія въ желаемой степени, какъ уви-димъ впослѣдствіи. Но правда, что строенія этихъ казенныхъ мѣстъ ссылки ветхи и печальны наружнымъ видомъ своимъ и, какъ полузабытыя птичьи гнізда, полураскрытыя и покинутыя звѣриныя норы, приводятъ всякаго свѣжаго человѣка въ уныніе, наводятъ тоску; тѣмъ не менѣе строеній этихъ очень много. Настойчиво лѣпятся они по окольнымъ горамъ, устойчиво за-стаиваются въ падяхъ, распадкахъ и оврагахъ этихъ каменныхъ, богатыхъ рудами, горъ. Нѣтъ между ними пустыхъ; рѣдкій изъ нихъ не набитъ до возможной тѣсноты жильцами изъ несчастнихъ не набитъ до возможной тъсноты жильцами изъ несчаст-ныхъ. Несчастіе и круглая бъдность — неизбъжные сосъди этихъ жилищъ, непремѣнные гости каждаго изъ нихъ. Въ ръдкомъ изъ домовъ не живутъ эти неизбъжные и тяжелые гости, и во вся-комъ случаѣ въ ближайшемъ сосъдствѣ и по преимуществу съ тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли обсементься, сдѣлаться окончательно осъдлыми, ради дѣтей и собственности. Для людей этихъ окончательно заросла дорога къ побъгамъ вдаль; но къ преступленіямъ мелкимъ и проступкамъ невольнымъ остаются на этомъ пути проходы и обходы, и бываютъ иногда лазейки и выходы. «Без-надежная бѣдность, сказалъ одинъ французскій криминалистъ, так-же способна ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрное богатство презиже спосоона ненавидъть законъ, какъ чрезмърное оогатство прези-рать его». Примѣняя этотъ выводъ къ тѣмъ изъ ссыльныхъ, которые прошли чрезъ тюрьмы, этапы и каторгу, и которые выселяются въ домы около заводскихъ и промысловыхъ мѣстъ заточенія, мы не удивляемся, если встрѣчаемъ вездѣ особые кварталы, носящіе названіе Теребиловокъ, Юрдовокъ, Слободокъ, Кукуевъ и проч. Кварталы эти или слободки также неизбѣжны и также не-

Кварталы эти или слободки также неизбѣжны и также необходимы для всякаго заводскаго и промыслового селенія, какъ для каждаго большого города слободы: солдатскія, архіерейскія, стрѣлецкія и проч. Здѣсь селится крайняя бѣдность, въ дешевыхъ и старыхъ домахъ; сюда идетъ жильцомъ всякій и всякая, кому незнакомъ прямой и честный трудъ, для которыхъ легкія, хотя и рискованныя работы — самое любимое и знакомое средство для пропитанія. Здѣсь помѣщается явный развратъ и темный промыселъ, направленный на пріобрѣтеніе чужой собственности. Бродяги и мелкіе мошенники — обитатели этихъ подгородныхъ слободъ въ Россіи; арестанты, выпущенные на пропитаніе — жильцы этихъ, на половину врытыхъ въ землю и обмазанныхъ глиной, лачугъ, какія во множествѣ группируются на выѣздахъ изъ казенныхъ заводскихъ селеній. Юрдовками называются эти притоны (для игръ въ юрдовку и др.) въ селеніяхъ

Карійскихъ золотыхъ промысловъ и въ Петровскомъ желёзодъ, лательномъ заводѣ; *Теребиловкой* называется такая же слободка въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ.

 Существуеть и у нась такое мѣсто, — увѣряли меня въ
 Иркутскомъ Усольѣ. Сюда всякій житель подбирается ужъ такой... Такой житель обыкновенно женится при первой возможно-

сти, порывисто, безразсчетно, долго надъ этимъ не задумываясь. Если неохотно и почти никогда не пойдетъ за ссыльнаго дочь вольнаго человѣка, т. е. казака или крестьянина - старожила, то ссыльно-каторжная женщина, пришедшая въ заводъ, охотно бросается на шею первому, предложившему ей руку и сердце, и съ большою охотою выходить замужь за того, который живеть не въ тюрьмѣ, а на пропитаніи или на поселеніи. Становясь женой, ссыльная дёлаеть двойную услугу: съ одной стороны, привовывая мужа въ обогрётому мёсту, она, насколько можеть и умёеть, заметаеть ему путь въ побёгу и врупному преступле-нію; съ другой стороны, сама освобождается отъ оковъ и, поселившись въ теплой до духоты избѣ, забываетъ о побѣгѣ и бро-дяжничествѣ по морозамъ, дождямъ и грязи ¹). Вѣрность супруже-скому ложу не составляетъ для ссыльной женщины добродѣтели, не входить въ кругъ ея завѣтныхъ обязанностей, не вынесена ею изъ прошлой жизни, и въ особенности изъ недавней на этапахъ, и не вошла въ ея убъждение, какъ незыблемое и неподкупное начало. Мужу до дёлъ жены нётъ нужды; у мужа свои дёла, радіусы которыхъ всё сходятся на одномъ пунктё пріобрътенія средствъ къ жизни, и если жена стремится къ той же практической цёли, то она и права, и свободна, и бита бываетъ только подъ пьяную руку, по одному капризу, изъ одного желанія напомнить ей о подчиненности. Понятіе объ этой подчиненности безразлично, безсознательно и лишнее бремя тамъ, гдъ существують иные законы, гдъ выработались иные нравы, непонятные для жителей правильно-организованныхъ мъстъ.

Теребиловскій житель, котораго счастье и случай вывели изъ тюрьмы на свое пропитаніе, не задумывается искать средствъ къ этому тамъ, гдѣ ему легче это сдѣлать, гдѣ всѣ пути ему привычны и извѣстны до подноготной. Въ теребиловку идетъ

¹) Въ отчетахъ о бѣглыхъ чрезвычайно мало видно женщинъ и нѣтъ ни одного показанія на то, чтобы онѣ возвращались обратно. Разсказываютъ, что тѣ изъ бродягъ, съ которыми увяжется какая-инбудь ссыльно-каторжная женщина, неизбѣжно когданибудь и гдѣ-инбудь убиваютъ ее, чтобы такимъ образомъ уничтожить неизбѣжнаго, слабаго, склоннаго на соблазнъ доносчика и доказчика темныхъ и нечистыхъ дѣлѣ и преступленій бродяжества! Впрочемъ, это только слухи, на самомъ дѣлѣ мало въ бигахъ женщивъ потому, что ихъ разбираютъ замужъ на расхватъ.

въстанкъ ввропы.

всякій, кому хочется попытать счастія въ большой игрё. Кар-точная игра, очутившись на большемъ просторѣ и совершенной свободѣ, идетъ врупнѣе, смѣлѣе и безразсчетнѣе. Игра въ юр-довкахъ и теребиловкахъ обставляется всякимъ доступнымъ ком-фортомъ; содержатели игорныхъ домовъ держать водсу въ боль-шомъ обиліи, способны доставить и средства къ исполненію чув-ственныхъ удовольствій. Все, что подъ сильнымъ страхомъ и за врѣпкимъ надзоромъ творится въ темныхъ и грязныхъ тюрь-махъ, здѣсь въ неменѣе темныхъ и грязныхъ домахъ совер-шается на распашку, въ общирныхъ размѣрахъ. Въ теребиловку идетъ, для всяческихъ наслажденій, тюрем-ный сидѣлецъ, подкупившій сторожей или за ихъ глазами усколь-внувшій съ работы. Въ теребиловкахъ группируются въ шайки всѣ тѣ изъ тюремныхъ сидѣльцевъ, которые выпущены на про-питаніе. Находятъ они его въ своихъ небольшихъ артеляхъ, для которыхъ то и занятіе, которое легче, вѣрнѣе дастъ деньги, хотя бы занятіе это и требовало непрямыхъ путей риска, смѣлости, дерзости. Смѣлость города беретъ; она же въ заводскихъ юрдов-кахъ собираетъ деньги на дневное пропитаніе. Въ теребиловки идетъ всякій изъ тѣхъ тюремныхъ, которому надоѣла каторга и соблазняетъ вольная жизнь въ бѣгахъ и боражествѣ. Въ этихъ притонахъ всегда найдется такой ма-

надобла каторга и соблазняеть вольная жизнь въ бъгахъ и бродяжествъ. Въ этихъ притонахъ всегда найдется такой ма-стеръ, который шелъ изъ ръщиковъ какой-либо столицы, или изъ Екатеринбурга, гдѣ былъ гранильщикомъ, или изъ нижегород-скихъ селъ Павлова и Ворсмы, гдѣ выучился слесарному мастер-ству и искусству ръзьбы на камняхъ и металлахъ. Люди на без-дѣльѣ, при нуждѣ и соблазнахъ, не прочь отъ всякаго предло-женія, лишь бы только оно обезпечивало имъ насущный день. Мастера эти отъ аляповатыхъ печатей и темныхъ гербовъ дохо-дятъ до Цезика, который осколкомъ перочиннаго ножичка вы-рѣзалъ на камняхъ замѣчательно красивые миніатюрные ланд-шафты, дѣлалъ фальшивыя бумажки, которыя съ трудомъ отли-чали отъ настоящихъ, и мастерилъ вазы, усыпанныя мелкими мушками и другими насѣкомыми, за которыя любители платили большія деньги. большія деньги.

Оольшія деньги. Пріобрѣтая вновь и совершенствуясь въ тюрьмахъ, на до-сугѣ и при руководствѣ, въ разныхъ знаніяхъ и мастерствахъ, эти люди за тюрьмою, внѣ стѣнъ ея, даютъ художествамъ сво-имъ практическое примѣненіе; на свободѣ пускаютъ въ оборотъ и на пользу тѣмъ, которые жаждутъ, ищутъ и просятъ знаній этихъ. Бродяга, задумавшій совершить дальній побѣгъ, по воз-можности въ Россію, и желающій обезпечить его большимъ успѣ-хомъ, идетъ въ теребиловку и здѣсь за рубль, за два рубля се-

.68

ребромъ получаетъ такой видъ, который ведеть его свободно по забайкальскимъ селеніямъ и уводитъ далеко, если набалованныя руки не стащатъ чужого, гдѣ-нибудь за селеніемъ на воровствѣ, гдѣ-нибудь въ селеніи съ грабежемъ ¹).

Бродяга, привыкшій бродить гізтомъ по заводскимъ окрестностямъ ради страсти къ приключеніямъ, ради неодолимаго женанія подышать волей въ тізхъ же теребиловкахъ и юрдовкахъ, если пожелаетъ на всякій случай обезопасить прогулку, можетъ получить билетъ съ помѣткою ему какъ поселенцу или какъ бы отпущенному на пропитаніе. Малоопытныхъ, небывалыхъ въ теребиловкахъ, съумѣютъ зазвать, съумѣютъ выучить и направить. — Не нужно ли тебѣ вида на свободное прожитіе? спра-

— Не нужно ли тебѣ вида на свободное прожитіе? спрашиваетъ одинъ такой мастеръ ссыльно-каторжнаго Денежкина (въ одномъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, попавшихъ намъ въ руки въ Петровскомъ заводѣ).

— Какъ бы не надо — отвѣчаетъ на это ссыльный. Да гдѣ возьмешь?

— Есть ли у тебя деньги?

- Есть, да немного.

- А если два рубля найдется, то и довольно.

Въ кабакѣ заводскомъ совершена была передача вида и учинены литки, на которые ссыльный истратилъ еще 50 коп. сер. Счастливый и новый бродяга съумѣетъ потомъ во время из-

Счастливый и новый бродяга съумѣетъ потомъ во время изловчиться съ этимъ видомъ, предусмотрительно показать его тому, кто мало видитъ, спрятать отъ опытнаго глаза и ограбить того, кто за собой не смотритъ. Такой бродяга и пограбленное нигдѣ не прячетъ, нигдѣ его не сбываетъ иначе, какъ въ тѣхъ же заводскихъ юрдовкахъ и теребиловкахъ, и вырученныя деньги нигдѣ не пропиваетъ, какъ въ тѣхъ же утлыхъ мазанкахъ, и водку нигдѣ не беретъ, какъ въ томъ же заводскомъ кабакѣ, и пьетъ ее со своимъ же братомъ покровителемъ и руководителемъ.

Такъ говорятъ архивныя дѣла, такъ говорятъ настоящіе живые факты. Слёдствія и обыски сказываютъ потомъ, что дѣлатели употребляютъ печати чаще свинцовыя, рѣже мёдныя (приготовляемыя на мёдномъ пятавѣ, у котораго вытирается одна сторона подпилкомъ); что печати, вслёдствіе того, часто бываютъ больше надлежащей величины, что оттискъ такого рода печатей прочнѣе, потому что коптятъ ихъ на жженомъ берестѣ.

¹) Въ фальшивыхъ билетахъ ссыльные обыкновенно прописывались посельщиками или крестьянами, а потому и плата вслёдствіе того была перемённая (за посельщика 8 руб., за крестьянина 5 руб. сер) Нерёдко билеты эти мастерились на цёлую артель адругь, въ нёсколькихъ экземплярахъ.

Одинъ мастеръ подобныхъ издёлій, чтобы вёрнёе сврыть слёды преступленія, бумагу для видовъ покупалъ не въ лавкахъ, у торговцевъ, а у школьниковъ, и покупалъ дешево — за волосяныя колечки, приготовляемыя женою этого ссыльнаго. Другой приготовиль и выдаль билеть, но проставиль врупный, длинный нумеръ и такимъ образомъ (и можетъ быть безъ всякаго злого умысла) сгубилъ пріятеля. Повальный обысвъ у третьяго изъ теребиловскихъ отврылъ въ углу между поломъ и стѣной, подъ половицей, фунтъ олова, два небольшихъ подпилка, малое зубрило, пять готовыхъ печатей и шестую начатую, на мѣдной двухкопеечной монеть, у которой вытерты были объ стороны: на одной уже красовалась надпись «Козмодемьянской градсвой думы», на другой начата была другая «Черноярской градской думы». Четвертый попался на пути въ мастера фальшивыхъ бумажевъ, а именно съ двумя небольшими деревянными циркулями, съ желѣзными проволочными шпильками, съ двумя долотцами изъ иголокъ, съ бумажной печатью, срезанной съ конверта, «съ роговой костью» и проч. и проч. 1).

Казенныя бумаги, выводя наружу эти грёхи, въ то же время дають намъ свидётельства и указанія, что не одни только пропитанные и поселенцы, своей семьей или своей шайкой, бывають участниками прегрёшеній. Не ушло бы ихъ дёло далеко, и не много бы выиграло оно само по себё, если бы не находилось подъ непосредственнымъ покровительствомъ у тёхъ людей, воторые пользуются свободой и ея выгодами.

Вотъ какой случай (болбе другихъ характерный) разсказываетъ намъ одно архивное дбло.

Два шмельцера играютъ съ однимъ ссыльнымъ въ карты. Ссыльный выигрываетъ, требуетъ деньги.

— Я тебѣ деньги заплатиль, и ты поди вонъ изъ моего дома!— отвѣчалъ одинъ изъ шмельцеровъ, и гонитъ выигравшаго въ шею.

«Ссыльный закидался по избѣ, схватиль ножъ, бросился съ

¹) Разсматривая подобныя дёла въ достаточномъ количествё, выносищь такое убъжденіе, что не одни теребиловки занимались мастерствомъ приготовленія фальшивыхъ паспортовъ. Ссыльные во множествё дёлаютъ указанія на Тарабагатай и другія селенія, такъ наз. семейскихъ, гдё были мастера, конкурировавшіе съ заводскими, по слабо: билеты, тамъ приготовленные, часто предавали ссыльныхъ въ руки земскихъ, потому что были плохо приготовлены. Между тёмъ билетъ, написанный и выданный въ Петровскомъ заводѣ, выкраденъ былъ у бёглаго, изъ рукавицы, ссыльнымъ въ Успенскомъ заводѣ (Тобольской губ.) и отнятъ у послѣдняго и задержанъ вмѣстѣ съ нимъ уже въ Ланшевѣ (Казанской губ.).

нимъ въ сѣни», но не нашелъ тамъ проигравшихся и убѣжавшихъ партнеровъ.

По поводу покушенія на убійство, завязалось дёло. Слёдствіе обнаружило, что у этихъ шмельцеровъ былъ въ квартирё открытый и гласный игорный домъ, неизвёстный только одному начальству, что вольные заводскіе служители эти держали настоящія печатныя, а не дёланныя карты, что при этой роковой игрё водка была обычнымъ угощеніемъ.

«Когда между шмельцеромъ и ссыльнымъ завязалась драка, другой шмельцеръ уговаривалъ товарища:

- Ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ върить».

Судъ приговорилъ ссыльнаго Исаева, задётаго за самую щекотливую струну сердца, хорошо извёстную по чувствительности ся всёмъ горнымъ, наказать 50-ю ударами плетей, а служителей судъ оставилъ безъ всякаго наказанія ¹).

Возвращаясь къ теребиловкамъ и юрдовкамъ, а съ ними вийстй и къ тёмъ родамъ и видамъ промышленности, которая должна обезпечивать существованіе жителей этихъ слободокъ, им встрёчаемъ новые виды торговли и промысла. Промыселъ этотъ ведется въ мелкихъ размёрахъ, слишкомъ исключителенъ по своей спеціальности, но тёмъ не менёе, находится въ рукахъ пропитанныхъ, поселенцевъ и самыхъ ссыльно-каторжныхъ. И опять-таки промыселъ этотъ не имёлъ бы приложенія и выхода, если бы не встрёчалъ на сторонѣ людей покровительствующихъ, рукъ поддерживающихъ. Мы говоримъ о контра-

¹) Участь горнаго служителя, облегченная современнымъ намъ положеніемъ, прежде лыею не обезпечивала его быта. 12-ти-летный сынь служителя поступаль уже на работы, хотя бы п легкія, хотя бы и въ лётнее время: въ 18 лётъ его уже вирягали, наравнѣ съ каторжными, въ настоящую службу, каковую онъ и обязанъ былъ продолжать 25 лёть, если поступаль изъ рекруть, и 35, если быль сыномь заводскаго служителя или родился отъ ссыльно-каторжнаго во время пахожденія отца въ работахъ, или же солдата прежде-бывшаго горнаго батальона. Такимъ образомъ служитель, получая Однаковое жалованье и содержание съ ссыльно-рабочнить, разнился тъмъ, что работа ня него была почти-безсрочною, тогда какъ ссыльно-каторжный имълъ въ перспективъ савый долгій срокъ двадцатилітній. Тіже діла и тіхъ же архивовь переполнены разсказами о случаяхъ побѣговъ съ работъ горныхъ служителей. Пойманные на допросахъ исказывали единогласно, что «побыть учинили въ единое отбывательство казенныхъ работь съ темъ предпріятіемъ, сколько возможность позволить, пробыть оть оныхъ празднымъ». Они совершали въ бъгахъ преступленія для того, чтобы получить наказане илетьми или шонцругенами и быть записанными въ разрядъ ссыльно-каторжних, т. е. срочныхъ горныхъ работниковъ. Правда, что мелкія преступленія въ бітахъ оцѣнивались, по понмкв, уменьшеніемъ жалованья, назначеніемъ на усиленны работы, розгами, но изкоторымъ сразу удавалось прямо попадать на каторгу, на срокъ.

бандё казенныхъ золота и серебра. Украсть то и другое ссыльному не мудрено, — въ особенности золото; спрятать украденное еще легче: самые тщательные обыски туть ничего не дёлають. Крадуть всего чаще при разработкё розсыпи, да тогда и легче: усмотрёть за рабочими, растянутыми на большомъ пространствё или спущенными во мракъ шахты, нёть никакой возможности; труднёе красть при промывкё, гдё и глаза приставниковъ смотрять зорче и самъ весь на виду. Здёсь крадуть уже сами надзиратели, а потому арестантъ — лишній человёкъ, долженъ довольствоваться добычею при первоначальныхъ работахъ: не поиадется ли самородокъ. Самородки же попадаются рёдко и достаются только самымъ счастливымъ; но и въ этомъ случаё счастье нашедшаго дальше кабака въ теребиловкё не простирается. Не несеть онъ находки въ контору, хотя и знаеть, что конторамъ велёно платить по рублю за золотникъ, но знаетъ также и то, что вёшаютъ тамъ на вёскахъ, ему непонятныхъ и обсчитываютъ. — Съ кущомъ сходнёе дёло: съ нимъ и поторговаться можно и выпить съ него магарычъ на его же счеть, и пропить, — проиграть полученныя деньги тотчасъ же: куда ихъ беречь и прятать: въ казармё товарищи украдуть. Большія деньги въ тюрьмё—бёда: иной злодёй убьетъ, пожалуй, измученный соблазномъ и завистью.

Украденныя серебро и золото обыкновеннымъ путемъ ссыльно-рабочіе, за ничтожную плату, сдаютъ на надежныя руки въ теребиловки. Здёсь знакомымъ путемъ найдетъ его заводскій служитель и передастъ въ руки казака, выбирая при этомъ (чтобы сврыть слёды) казака такого, который былъ въ заводѣ при промыслё проёздомъ, и который знакомъ уже съ этимъ дѣломъ и привыкъ къ нему. Для передачи краденаго, ссыльные казакамъ рёдко предпочитаютъ кого другого; часто употребляютъ на это дѣло солдатъ и всегда прибѣгаютъ въ болѣе вѣрному посредству, т. е. служителямъ. Попадая такимъ образомъ, черезъ третьи въ четвертыя руки, покраденое «хищническое» золото въ порошкѣ и серебро въ слиткахъ 1) отвозится казакомъ изъ завода. Никогда самъ казакъ не пуститъ его дальше въ ходъ; передачею краденаго занимаются исключительно ихъ жены и дочери, для которыхъ передача контрабанды — привилегированный промыселъ и притомъ такой, который женщины (по долгимъ опы-

¹) Не только казакамъ, но и бурятамъ за Байкаломъ и киргизамъ за Алтаемъ хорошо извістсиъ способъ илавки, въ особенности серебра. И тѣ и другіе внородцы украшаются сами и украшаютъ женъ кольцами, запястьями, серьгами. На съдлахъ, на ганзахъ (трубкахъ), на огвивахъ серебрянныя оправы ихъ собственнаго издъля.

тамъ, съ незапамятныхъ временъ) производятъ съ большимъ успѣхомъ, съ большею чистотою отдълки. Процессъ этотъ, по разсказамъ, совершается весь такимъ образомъ.

Контрабандное золото везеть баба обыкновенно завязаннымъ тщательно въ бумажку и тряпочку и зарытымъ въ крупу или муку. Добзжая до условленнаго, примътнаго мъста въ лъсу, близъ дороги, контрабанда прячется подъ кустомъ, подъ деревомъ. Кустъ и дерево должны отличаться условными, извъстными всъмъ контрабандистамъ примътами. Сама баба съ возомъ отправляется въ главному покровителю капиталисту, къ купцу или торгующему крестьянину.

--- Жолтую писничку привезла: не купишь ли? Купецъ понимаетъ дёло, но притворяется, старается замаскировать себя и отправляетъ продавицу къ другому:

— Тотъ не возьметъ ли? — На него указываютъ слухи; а а такимъ дёломъ не занимаюсь. Мнё не надо!

Этотъ «тотъ», всегда агентъ этого главнаго купца, обязанный сбивать съ волота цёну, но также еще не покупщикъ, отсылаетъ бабу къ третьему:

— У меня денегъ нътъ; а тотъ охотился.

Третій обыкновенно платить деньги посл'в многихъ проволочевъ и притёсненій; платить большею частію такую цёну, какую захочеть, и всегда выговариваеть:

- Мон деньги малыя; да мнѣ благодътель поможеть, а я ему зароблю.

И, сказывая при словѣ «благодѣтель» его имя, третій агентъ даетъ тѣмъ узнать, чтобы все-таки и на будущій разъ баба относилась къ нему и шла этимъ рядомъ мытарствъ, истощая терпѣніе, ослабляя цѣну и доходила опять до него, до этого третьяго.

Этотъ третій идетъ обыкновенно за бабой вонъ изъ селенія, къ показанному мёсту, примёты котораго общи и общеприняты (нёкоторыя даже открыты и начальствомъ); беретъ онъ золото и отвозитъ его къ своему благодѣтелю. Дёло послёдняго держать около себя такихъ вёрныхъ, надежныхъ и опытныхъ казаковъ, у которыхъ имѣются бойкія, приспособленныя къ провозу контрабанды, лошадки. Лошади эти бѣгаютъ безъ дороги, не затрудняются въ лѣсахъ, не задумываются надъ рѣками. Вплавь черезъ рѣку Аргунь лучшіе забайкальскіе контрабандисты, ариунские казаки (русскіе и киргизы), отвозятъ покраденое золото, «желтую пшеничку», къ монголамъ. Здѣсь, въ степи, въ условномъ мѣстѣ, золото пріятелями-монголами охотно промѣнивается на кирпичный и всякій чай. Тѣмъ же путемъ риска, съ торопливостью, ночью ввозится чай въ большія селенія и сбывается на руки купца-благодётеля. Въ крупныхъ выгодахъ и тё и другіе, и контрабанда продолжала процвётать и усиливаться по мёрё обремененія кяхтинской торговли высокими, стёснительными пошлинами¹). На мёстахъ сбыта золота монголамъ совершаются обыкновенно шумныя попойки на китайской водкъ (араки); на мёстахъ пріобрётенія и добычи золота — бываютъ неудачи и крупныя несчастія.

Одинъ торговецъ выгодно поставляетъ въ казну мясо, съ нъкоторымъ даже убыткомъ для себя. Начальство смекало дѣло, но, имѣя въ виду казенную пользу, молчало до времени. Въ одинъ годъ торговца этого заведенія контрабандисты обманули, подсунувши ему второпяхъ мѣдный слитокъ, гальванически-позолоченный, за самородокъ. Купецъ купилъ его, отдалъ наличныя деньги, выѣхалъ изъ промысловаго селенія; продавецъ доказалъ на него. На дорогѣ купецъ былъ схваченъ, обысканъ, заплатилъ штрафъ и на слѣдующій годъ на торги не являлся и контрабанду бросилъ.

Не бросили контрабанду другіе. На молодую, вновь открытую золотую розсыпь Кудею прежде всего потащились ловкіе продавцы съ платочками, ситцами и другими красными товарами для жолтой пшенички. Это — недавно; а давно — Шилкинскій заводъ былъ центромъ операцій, производимыхъ надъ карійскимъ волотомъ (очень высокой пробы). Сюда пріїзжали покупатели изъ окрестныхъ селеній по временамъ; мѣстные купцы такимъ дѣломъ не занимались, довольные тѣмъ, что, оберегая нравственность ссыльныхъ на Карѣ, — по обычаю всѣхъ золотыхъ промысловъ и по закону, — не дозволили торговли. Вся она для карійскихъ сосредоточилась въ Шилкинскомъ заводѣ, гдѣ купцы на первыхъ порахъ наживали на товарахъ своихъ рубль на рубль. Дѣлъ объ золотѣ и серебрѣ въ архивахъ много. Уличали, подозрѣвали и ловили торговцевъ изъ ссыльныхъ евреевъ, подоврѣвали и (въ 1848 году) пріѣзжавшихъ на заводы венгерцевъ и другихъ иностранцевъ для мелочной разносной торговли, съ

¹) Золотниеъ золота продается купцамъ за 1¹/₂ руб., вногда за 2 руб. (въ казиѣ онъ стовтъ 3 руб. 57³/₄ коп.). Монголы даютъ за этотъ золотникъ десять кирпичей чаю (по 70 коп. за кирпичъ), т. е. 7 руб. сер. Въ Нерчинскомъ заводъ за тотъ же кирпичъ чая даютъ купцы въ лавкахъ, смотря по величинѣ кирпича, 90 коп. и 1 руб. Стало быть на каждомъ золотникѣ главный контрабандистъ выигрываетъ до 8 руб. сер., не считая расходовъ на перевозчиковъ. Съ перенесеніемъ таможни въ послѣднее время въ Иркутскъ, сцена дѣйствій перемѣнилась, но способы дѣйствованія едва ли. Но, во всякомъ случаѣ, на китайской границѣ стало теперъ посвобод́иѣе и поспособнѣе.

заграничными товарами, безъ положенныхъ клеймъ или съ поддёльными пломбами и штемпелями. Торговали они и лекарствами и, пріобрётая исключительно одно серебро въ монеть и слиткахъ, пускали въ оборотъ фальшивые кредитные билеты. Этимъ заграничнымъ гостямъ не безъ основанія приписываютъ правильную организацію всего по части сбыта золотой и серебряной контрабанды.

Въ 1850 году существовала въ Кяхтѣ слѣдственная коммиссія «для раскрытія вкоренившейся беззаконной торговли съ китайцами золотомъ»¹). И въ наши дни указываютъ на одного изъ контрабандистовъ, который ведетъ сильную карточную игру, и на другого, о которомъ у насъ имѣлось слѣдственное дѣло. Контрабандистъ этотъ, нѣкто Соколовъ, въ 1850 году, ули-

Контрабандисть этоть, нѣкто Соколовъ, въ 1850 году, уличенъ былъ въ томъ, что пріобрѣтенное золото не сбывалъ за китайскую границу монголамъ, а превращалъ его въ червонцы, и червонцы эти пускалъ въ обращеніе за Байкаломъ, черезъ жену свою. Въ кабакѣ Дучарскаго завода, у цѣловальника, найдены были четыре такія золотыя монеты, которыя отправлены были въ Петербургъ на монетный дворъ для испытанія. Эксперты двора нашли, что золотые не фальшивые, ибо де, будучи сдѣланы безъ лигатуры, стоятъ выше существующаго курса, — и писали въ Нерчинскій заводъ, что представленные имъ золотые сдѣланы изъ серебристаго золота, а потому цвѣтомъ желтѣе настоящихъ, въ окружности, также «въ надписи буквъ овальнѣе и менѣе явственны; зубчики крайняго ободка толще; вмѣсто звѣздочекъ точки», и проч.

Въ дѣлѣ о томъ участвовали: ссыльно-каторжный Соколовъ при участіи поляка Брановскаго и подсудимаго бродяги Андреева. Соколовъ съ женой, которая передавала монету, объявленъ былъ подъ подозрѣніемъ и переведенъ для жительства въ другой заводъ, Шахтаминскій. Брановскій, разъ уже наказанный кнутомъ за дѣланіе въ тѣхъ же нерчинскихъ заводахъ фальшивыхъ ассигнацій, былъ наказанъ. Бродяга Андреевъ, разъ уже сужденный за продажу поселенцу Чернову золота около 1¹/₂ фунта и наказанный за то шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ, наказанъ 30-ю ударами плетьми за участіе въ дѣлѣ Соколова.

Занятіе контрабандой золотомъ и фальшивой монетой, фаль-

¹) Сенаторская ревизія, назначенная потомъ, также какъ и кяхтинская коммиссія, въ изслѣдованіи контрабанды золотомъ не имѣли успѣховъ, хотя первая и подпускала подъ перекупщиковъ ловкихъ жидковъ. Попадалась въ сѣти мелкая рыба съ долями им съ золотниками и прогуливалась за то по зеленой улицѣ (ходила сквозь строй), крупвая рыба выскакивала.

пивыми вредитными билетами успёло многихъ обогатить, малую, почти ничтожную только часть обездолить.

Указывають на многихъ обывателей въ городахъ, ближайшихъ въ мѣстамъ производствъ и добычи серебра и золота, какъ на людей, основавшихъ свои дѣла на торговлѣ враденымъ, съ разныхъ золотыхъ промысловъ, золотомъ или черезъ распространеніе въ народѣ фальшивыхъ ассигнацій. Указанія идутъ на многіе города въ западной и восточной Сибири. Въ Тобольской губерніи также нерѣдко попадалась золотая монета пробой выше казенной—монета, для которой существовалъ открытый путь на Омскую линію, а оттуда съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ.

Въ западной Сибири указывають на Успенскій винокуренный заводъ (Тобольской губ. Тюменскаго округа, въ 326 верстахъ отъ Тобольска и въ 52 отъ Тюмени), какъ на главную фабрику приготовленія ссыльными фальшивыхъ бумажекъ. Разсказывають, что наряженное по этому случаю слёдствіе кончилось тёмъ, что одному изъ депутатовъ какая-то старуха подсунула толстую пачку самодёльныхъ ассигнацій. Слёдователь началъ съ того времени богатёть, оставилъ службу, а дёло было, по обыкновенію, замято и спрятано. Слёдственныя дёла обнаруживають при этомъ, что передатчики часто рискуютъ, попадаются въ просакъ; ссыльные часто ихъ надуваютъ; отчего, при такомъ рискё, выигрываютъ больше первые, теряютъ вторые. Случай противоположнаго свойства — большая рёдкость: ихъ знаютъ на перечеть и разсказываютъ въ похвалу изобрётательности ссыльныхъ, основанной, главнымъ образомъ, на томъ, что операція производится въ потьмахъ и въ поныхахъ, торопливо и на вёру ¹).

Помимо приготовленія изъ контрабанднаго золота червонцевъ, ссыльные нерчинскихъ заводовъ не отставали передъ множествомъ другихъ мѣстъ въ Россіи и Сибири въ приготовленіи другихъ денегъ—бумажныхъ²). Не всегда подобное приготовле-

³) Фабрикація фальшивыхъ ассигнацій была до того спльно распространена въ Нерчинскомъ и волбще въ Забайкальскомъ краю, что горное перчинское правленіе пробовало-было считать сорты ихъ и записывать, — да и счеть потеряло. Насчитадо

¹⁾ Такъ эдному удалось сунуть пачку скверной и мягкой бумаги, обложенную настоящими ассигнациями только сверху и спизу и связанную веревочкою. Счастливому плуту удалось эту начку сунуть въ торопяхъ и получить 250 руб. только за 45 руб., образовавшихся изъ синенькихъ и красненькихъ, лежавшихъ на верху и въ низу. Этотъ пересыльный арестантъ возбудиль въ передатчикь полную довъренность къ искусству своему въ приготовления «блиповъ» тъмъ, что данную имъ на пробу (настоящую вытсто фальшивой) бумажку размънням въ кабакъ; 250 руб. покущинъ охотно далъ за 500 фальшивыхъ и вибсто ихъ нартзался на бумагу газетную.

ніе имѣетъ безразсчетныя, безразличныя цѣли; были случан, имѣвшіе политическій характеръ. Такимъ отзывается имѣющееся у насъ въ рукахъ дѣло (1839 года) польскихъ ссыльныхъ 1830 года, затѣянное для освобожденія всего множества сосланныхъ туда поляковъ изъ узъ неволи и тюремнаго заточенія. Дѣлу этому мы даемъ мѣсто въ историческомъ очеркѣ нерчинскихъ тюремъ, а теперь снова обращаемся къ тѣмъ ссыльнымъ, которые выпускаются на пропитаніе.

Выпускаются на пропитаніе, или лучше, на отдыхъ тв изъ 、 ссыльныхъ, воторымъ не посчастливила казенная работа, отняла оть нихъ послёднія, растраченныя по дорогамъ и по тюрьмамъ физическія силы. Тяжкія страданія, исключительность работь ділають такихъ рабочихъ совершенно безполезными, и притомъ большую часть изъ нихъ. Въ рудникахъ — отравление свинцомъ (свинцовая колика и удушье, asthma metallurgica); грыжи, вслёдствіе тяжести работь; узлы (varices), какъ послёдствія работь, производимыхъ стоя, и питья воды, застоявшейся въ рудникахъ; воспаление глазъ отъ плохого освѣщения, мерцающаго полусвѣта и чада отъ плохихъ сальныхъ свёчъ; переломы и вывихи тавіе же частые гости, какъ удушье; удушье постигаетъ тёхъ неосторожныхъ рабочихъ, которые, послё 12-часовой напряженной работы, вызывающей сильную испарину, выходять на холодный воздухъ, пьють и флять потомъ безъ осторожности и притомъ очень плохо. Въ тюрьмахъ неизбъжно посъщаютъ арестантовъ также воспаление глазъ (ophtalmia carcellaris), зависящее отъ свро-водороднаго газа, какъ продукта собственныхъ испареній и отдѣленій; замѣчательно обыкновенны скорбутъ, дизентерін и тифъ, очень часты язвы отъ худосочій скорбутнаго и ревматическаго (часты наружныя язвы и отъ тренія кандалами); ознобленіе и отмороженіе членовъ отъ недостатва обуви и одежды и какъ слёдствіе побёговъ; сифилисъ въ страшныхъ формахъ оть неправильнаго и безчеловъчнаго леченія своимъ же братомъ - знахаремъ; чесотка (scabies), какъ неизбѣжная, непреитенная и втуная принадлежность всявихъ тесныхъ, сырыхъ и грязныхъ артельныхъ помѣщеній ¹).

оно сортовъ до 25-ти и, видя безполезность работы, вело дальнѣйшій счеть только для формы по заказу и по привычкѣ. Венгерцы, приходняшіе съ товарами и другіе иностранцы, появлявшіеся въ краѣ, рэспускали фальшивыя деньги заграничнаго дѣла и вывозили краденое русское серебро. Къ тому же и товары развозили безъ таможенвыхъ клеймъ и пломбъ, а деньги за нихъ брали все-таки выше сибирскихъ цѣнъ. ѣздили большими партіями.

¹) Въ Кутомарскомъ заводѣ вредное вліяніе мышьяковистыхъ паровъ оказывало свое дъйствіе на телятъ и потому заводскія бабы отправляли стельныхъ коронъ въ

Выпускають также ссыльныхъ на пропитаніе въ видахъ экономической мёры, напр. по случаю неурожаевъ хлёба, когда казна затруднится снабженіемъ этими припасами, и какъ мёра награды, неизбѣжная и обусловленная закономъ и обычаемъ для тѣхъ ссыльныхъ, которые покойно выжили тюремный срокъ, но не заслужили еще вожделённаго званія поселенцевъ или, по-сибирски, посельщиковъ. Уходя на пропитаніе, семейные ссыльные уводили съ собой и дѣтей, но заводское начальство, считая ихъ виновными вмёстё съ отцами, возвращало назадъ, назначало въ работы, хотя потомъ само же увѣряло въ форменныхъ бумагахъ, что «водворить сбродъ людей этихъ, сдѣлать изъ пропитанныхъ постоянныхъ работниковъ и домохозяевъ нѣтъ никакой возможности». Ссыльные не-семейные, выходя на пропитаніе, бѣгутъ изъ заводовъ при первой открывшейся возможности въ побѣгу, къ которому нерѣдко представляются случан при употребленіи на работу внѣ крѣпости, гдѣ дровосѣкъ и проч.

Поступан для житья въ семейнымъ хозяевамъ, которые охотно принимаютъ къ себъ ссыльныхъ, пропитанные (т. е. вышедшіе на пропитаніе), за крайнею ограниченностью казеннаго содержанія, поневолѣ принуждены бываютъ изыскивать мѣры къ пріобрѣтенію денегъ. На винокуренныхъ заводахъ, они, провертывая дыры въ тѣхъ трубахъ, по которымъ идетъ вино, воруютъ спиртъ и полугаръ; на солеваренныхъ—соль; на золотыхъ промыслахъ золотой песокъ; на желѣзодѣлательныхъ заводахъ — желѣзо, пренмущественно во время работъ въ кричной фабрикѣ и т. под. Мелкія воровства и кражи по заводамъ до того обыкновенны, что теперь, послѣ многихъ опытовъ, перестали употреблять всявія опредѣленныя и вѣрныя мѣры: подвернется какой-нибудь случай непредусмотрѣный, не основанный на разсчетѣ и поразительный по крайней случайности, объ немъ разсказываютъ, какъ о чудѣ, и разсказъ превращается въ легенду, которая однако изживаетъ въ памяти народа цѣлые десятки лѣтъ. Такъ напрчерезъ тридцать лѣтъ мы получили въ Петровскомъ заводѣ язъ вторыхъ рукъ такую повѣсть, разсказанную самимъ авторомъ казуса.

--- «Былъ я воръ отпѣтый, и каковы ни мастера всѣ наши, а я былъ лучше всѣхъ. Иного выпорютъ--онъ и отстанетъ, а мнѣ и розги, что съ гуся вода. Сидѣлъ во мнѣ вороватый чортъ

сосъднія деревни. На людей пары эти имълп даже благопріятноє вліяніе; въ чесночномъ запахъ мышьяковистой кислоты работали ссыльные и въ Александровскомъ заводъ (Нерчинскаго края).

самый сильный и такой притомъ, что никакого мнѣ ладу съ нимъ не было. Увижу что чужое, — сейчасъ у меня заболить брюхо и такой таскунъ въ немъ нападетъ, что глазъ не сомкну, куска не съёмъ, поколь чужая вещь перестанеть ёсть глаза и руки отстанутъ чесаться. А таскалъ я все, что подъ руку подвернется; и не надобна другая, да силенъ чорть внутри сидить: что ни видить изъ чужого, -- все ему подавай. Сидишь-бывало задумаешься; о своей судьбѣ перебираешь мысли: дай-ка пойду да стащу чтонибудь, что плохо лежить. Разъ пошелъ погулять за заводомъ, поднялся на горку, погулялъ. Свернулъ съ тропинки въ заводъ въ домнѣ (доменной фабрикѣ); у домны увидѣлъ казенку, гдѣ складываютъ всякія казенныя вещи, у казенки ребятъ увидалъ: наши подъ амбаръ этотъ подкапываются. Мнё бы и пройти мимо, уже будеть съ меня, да чорть-оть во мнѣ завозился, и мои мысли разсвяль, сталь толкать меня да подговаривать: «иди, помоги, вдвоемъ имъ не сладить». Пошелъ я къ нимъ: что илаете?-да такъ-де и такъ, казенныя вещи считать и провырять пришли.

Сталъ я имъ пособлять, а тропинка за спиной у меня осталась. Конался я вдвоемъ съ чортомъ втрое сильнёе товарищей, моя яма глубже всёхъ и краемъ однимъ совсёмъ ужъ въ амбарё. Слумалъ я такъ, вскинулъ глаза на товарищей: Нъту ихъ, — убъжали. Я оглянулся назадъ, а сзади меня стоитъ нашъ начальникъ, тоже погулять вышелъ; стоитъ и молчитъ, и во всъ глаза на меня смотрить, а луна на ту-пору такъ и обошла его всего свётомъ. даже страшенъ онъ сталъ. Увидалъ я Нестерова, да такъ и обмеръ: человъвъ онъ былъ суровый, засъкалъ нашего брата до смерти (за то его и сменило начальство). Меня поролъ столько, что я и счеть потеряль. Вижу его и смѣкаю: такоемоль наказаніе придумаеть мив теперь, о какомъ въ заводв наши каторжные еще и не слыхивали. Слышу, заговорилъ: «Ну-де, я тебя наказывать не стану; палки не донимають; а пусть-де тебя теперь самъ Богъ накажетъ!» Словомъ этимъ онъ такъ и пригвоздилъ меня къ тому мѣсту; какъ я всталъ столбнякомъ, такъ и простоялъ цёлыхъ два часа. Онъ ушелъ, а я все наказанія себѣ выжидалъ; думаю: такъ вотъ и разразитъ меня на мѣстѣ. Съ той поры какъ рукой съ меня сняло: убилъ онъ моего чорта. Съ иъста я сошелъ, какъ изъ бани вышелъ; легко таково.»

Ссыльный этотъ пересталъ воровать и сдёлался однимъ изъ лучшихъ и честныхъ рабочихъ ¹).

¹) Другая арестантская гроза, громившая ссыльныхъ на Карѣ въ первое время по открытін тамъ золотого промысла, напугалъ палача. Карійскій палачъ торговалъ

Кавъ бы то ни было, но это шатанье по чужимъ дворамъ въ ближнихъ въ заводу селеніяхъ, этотъ мнимый отдыхъ отъ каторги посреди ежечасной заботы о насущномъ хлъббъ; этотъ хлёбъ, горькій и черствый, дёлаетъ житье на пропитаніи немногимъ лучше самой каторги. Выходовъ изъ него немного, и всѣ неблагопріятные. Уйти за границу назначеннаго округа въ чужой, не найдя въ своемъ средствъ въ пропитанию, значитъ включить себя въ отдёлъ бродягъ, строго преслёдуемыхъ закономъ. Гдё-нибудь и когда-нибудь поймаютъ, посадятъ въ острогъ, просудять долго, наважуть и опять отправять туда же, или еще дальше того самаго мѣста, откуда вышелъ. Бродить по домамъ заводскихъ рабочихъ, такихъ же голышей и такихъ же несчастныхъ, значитъ не идти дальше мелкой вражи и врупнаго за то наказанія. И чёмъ дольше длится срокъ, назначенный для этого средняго, неопредёленнаго, переходнаго состоянія, тёмъ невыносимбе становится правственная пытка, тёмъ запутаннбе житейскія обстоятельства, и печальное житейское положеніе свободнаго поселенца кажется уже какимъ-то раемъ и эльдорадо. Большая часть уходить въ бъга; меньшая хитрить, сврипить и ждеть своего срока и желаннаго дня: самая малая часть запутываеть себя женитьбой и за ней вое-какъ привязывается къ семьѣ, дому и хозяйству. На заводахъ пропитанный крадетъ чужую лошадь, чтобы поступить въ разрядъ такъ-называемыхъ конныхъ рабочихъ. Лошадь дастъ ему лишній заработовъ, лишнюю вроху на семью, лишній грошъ на себя, всегда почти върный и неизмённый; начальство догадывается о кражё, пути ся узнаеть, но и молчить объ этомъ злѣ, какъ неизбѣжномъ, давно укоренившемся и имфющемъ въ большей части случаевъ вфрный успфхъ.

У нѣкоторыхъ «пропитанныхъ» страсть къ воровству доходитъ до ужасающихъ предѣловъ, граничитъ съ серьезнымъ помѣшательствомъ и имѣетъ форму положительной, настоящей болѣзни. Одинъ, напр., воспиталъ въ себѣ страсть раскапывать могилы, вскрывать гробы и сдирать съ мертвыхъ тѣлъ одежду. Архивъ Нерчинскаго большого завода знакомитъ насъ съ однимъ изъ такихъ помѣшанныхъ, успѣвшимъ подговорить на свое воровство товарищей. Этотъ Богрядскій сознался въ томъ, что,

80

вномъ и поживлялся около каторжныхъ. За виномъ онъ ваднать въ Шилкинскій заводъ и привозиль его тайкомъ на Кару. Разь онъ наскочнать со своей контрабандой на самого. Приведенъ быль въ нему и до того былъ напуганъ свиданіемъ, что затрясся весь какъ въ лихорадкъ и не зналъ, что съ собою дълать. Начальникъ былъ доводенъ собою, и ограничился короткою сценою: — Боишься ты меня? — спросилъ онъ налача. «Боюсь очень!» — отвёчалъ тотъ. — А какъ очень? — «Больше Бога!» — отрёзалъ падачъ. начальникъ выскавня не послёдовало.

для промысла своего, часто посёщаль госпиталь, тщательно осматриваль всёхъ умершихъ, грабежъ производилъ по ночамъ и въ темнотё иногда ошибался: разъ разсчитываль ограбить служителя, но попалъ на ссыльнаго, «ободравши рубаху видёлъ знави на спинё отъ навазанія». Разграбилъ пять могилъ, на послёдней попался. Награбленныя вещи продавалъ и деньгами корыстовался: вотъ - де единственная цёль его преступленія. По статейному списку было видно, что Богрядскій уже былъ навазанъ внутомъ за такія же дёла еще во время работъ его въ ссылвё на Селенгинскомъ солеваренномъ заводѣ, да и изъ западнаго края былъ сосланъ за тоже. Награбленныя вещи сбывалъ служителю черезъ товарища и земляка своего, по фамиліи Полещука: служитель же любилъ принимать все краденое и платилъ наличными деньгами. Другіе «пропитанные» на досугѣ дѣлали порохъ и отправляли за китайскую границу (нашли у многихъ порохъ въ плиткахъ). Иные покупали порохъ у китайцевъ, которые-де «продаютъ его не таясь, а чтобы нашимъ пороху у нихъ не покупать, такогоде запрещенія не слыхали».

Мудренве вести дёло тёмъ ссыльнымъ, воторыхъ забросила судьба въ Нерчинскій край и о которыхъ люди, близво ихъ на-блюдавшіе, пишутъ такія строки: «Ссыльные, пробывъ большею частію двадцать, а съ добавленіемъ срока работь за поб'єги тридцать и болѣе лѣтъ, по истеченіи этого времени освобождаются оть работь и водворяются на поселение. Но люди эти или воры, или пьяницы; благонадежнёе изъ нихъ оказываются тё, которые просидёли на цёпи или пробыли прикованными къ тачкамъ. Иногда бываютъ добропорядочные люди между женатыми; но пьянство — общій порокъ всякаго рода арестантовъ, и бѣдность — удѣлъ каждаго изъ нихъ, до той поры, пока не измѣнится къ лучшену настоящая плохая, отжившая свой въкъ, тюрейная система. По числительности преступниковъ, по огромному развитію и разнообразію работь заводскихъ, улучшеніе быта ссыль-ныхъ, исправленіе нравовъ преступниковъ въ Сибири—дѣло труд-ное, на мѣстѣ его почти невозможное. Иниціатива этого веливаго дѣла, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ Россіи, должна начаться и совершаться въ русскихъ тюрьмахъ. Въ Сибири и людей нёть свободныхъ и способныхъ для такого человёколюбивъйшаго подвига, и ссыльный въ Сибири только обязательный казенный работникъ, механическая сила, рабочая машина, кото-рая по стольку и цёнится, по скольку она больше заработы-ваетъ». Таково, по крайней мёрё, это дёло теперь; не знаемъ, кавимъ оно будетъ впослёдствіи.

Что такое, въ самомъ дёлё, «пропитанный», даже и тотъ, у

Томъ У. — Свитявръ, 1868.

котораго отпала охота къ бродяжеству и лёни, котораго назы-ваютъ лучшимъ и исправнымъ? И получивши право на 15 де-сятинъ удобной земли въ надёлё, равномъ съ крестьянами, онъ все-таки воспитался на спеціальныхъ работахъ такъ, что отбиться отъ нихъ для него нѣтъ разсчета, и едва-ли не происхо-дитъ оттого все его несчастіе. Потому-то выпущенный на про-питаніе, наприм. на винокуренномъ заводѣ, продолжаетъ рубить питаніе, наприм. на винокуренномъ заводь, продолжаеть рубить дрова для печей, топить эти самыя печи, чистить винничную по-суду, приготовляеть заторы изъ муки, солодъ на гонку вина, ка-чаеть машиной воду въ сосуды, спускаеть брагу изъ одного ящика въ другой, качаетъ машиной раку изъ нижней десятни въ верхнюю, приготовляетъ лѣсъ и дѣлаетъ бочки, и проч. и проч. Попадая въ руки контрагентовъ, пропитанные несутъ еще большую тяжесть. На одномъ заводѣ мы нашли, что положеніе ихъ въ рукахъ казны было гораздо лучше: пропитанные зани-мали полицейскія должности; у контрагента они поступали въ мали полиценскія должности; у контрагента они поступали въ вонные рабочіе, получали лошадь или деньги, которыя потомъ вычитались у нихъ изъ плаката, а затёмъ уже наваливалась на нихъ всякая подходящая тяжесть: вези все, что ни наложать, а за то ему лишнее количество барды для скота, да и только. Эти и дома строятъ и всякія починки исправляютъ, а хлёбъ получають солодёлый, тоть самый починии исправляють, а живов по лучають солодёлый, тоть самый, который для винокурень такь пригодень и который, само собою, контрагенть покупаеть дешевие обыкновеннаго. Но такъ какъ всякое дёло тёсно связано съ сознаніемъ труда чернорабочими, а на сибирскихъ заводахъ при-нятъ трудъ обязательный, то понятно, что и неудовлетворитель-ность дѣйствій казенныхъ заводовъ является неизбѣжнымъ поность дъйствій казенныхъ заводовъ является неизбъжнымъ по-слъдствіемъ. «Въ самомъ дълъ, 60 коп. мъсячнаго плаката на нерчинскихъ заводахъ и 80 на нъкоторыхъ солеваренныхъ и 40 и 50 на винокуренныхъ неудовлетворяютъ простымъ, животнымъ, не только человъческимъ потребностямъ и вынуждаютъ рабочихъ прибъгать къ кражамъ и другимъ проступкамъ и преступленіямъ. Они воруютъ порученные имъ матеріалы, воруютъ производи-тельные предметы заводовъ, крадутъ время и трудъ, принадле-жащіе заводамъ и все это считаютъ позволительнымъ, тогда какъ

жащіе заводамъ и все это считають позволительнымъ, тогда какъ кражи и обманы между собою (у тъхъ, которые вышли на волю) и ръдки и самими рабочими сильно преслъдуются». На Троицкомъ солеваренномъ заводъ (Енис. губ., Канскаго округа, въ 193 вер. отъ Канска) на пропитаніе увольнялись отъ работъ только неспособные за старостію лътъ и увъчьемъ и приписывались, вмъсто богадъльни къ селеніямъ. На Селенгинскомъ, солеваренномъ же заводъ (въ 40 вер. отъ города и въ 96 отъ Верхнеудинска), по свидътельству одной оффиціальной записки,

НЕСЧАСТНЫЕ.

эти уволенные отъ работъ на пропитаніе, переходя въ мъста новаго жительства, перепродавали дома свои другимъ рабочимъ, которые, въ свою очередь, дълали тоже самое. «Отъ этого каждый, зная неокоренѣлость и шаткость жизни своей на заводъ и существованія самаго завода (который и былъ-таки уничтоженъ), не радълъ ни о расширеніи усадебъ, ни о расчисткъ земель для нашенъ. А пашни, какъ вообще въ краю Забайкальскомъ, требуютъ еще устройства водопроводныхъ каналовъ для вешней и лѣтней поливокъ, чему также подвергаются и сѣнокосы, если только они не на лугахъ, поливаемыхъ водой».

Когда, въ 1838 г., ссыльныхъ раздёлили на разряды, время пребыванія въ работѣ было ограничено, а дѣтей рабочихъ велѣно приписать въ врестьяне — всъ молодыя руки поспъшили воспользоваться свободой, всё дёти ссыльныхъ изъявили желаніе выбыть изь заводовъ. Казенныя палаты ходатайствовали оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, но просьба ихъ не была уважена и только вое-гдѣ, «по усиленнымъ убѣжденіямъ», нѣкоторые пропитанные согласились жить въ заводахъ по билетамъ отъ волости, а малолѣтки остались при отцахъ на воспитаніи. Но переворотъ 1838 г. подалъ только надежды, облегчилъ участь рабочаго, но быта его не улучшилъ. Правда, заведены были артели для улучшенія продовольствія и установленъ экономическій капиталь на помощь при домообзаводствъ, а между прочимъ и при женитьбъ; но капиталъ до половины наличнаго количества тратился, вмъсто главной цёли, на поимку бъглыхъ, въ высокоторжественные дни на илюминаціи, на сложеніе казенныхъ долговъ съ умершихъ и въ награду ссыльныхъ обувью. Артели удержались только при тюрьмахъ, но и тъ были такъ не прочны, искусственны и легки въ замыслѣ, что опытомъ своимъ не умудрили ссыльныхъ и не выучили ихъ придерживаться артельнаго начала на волъ, на пропитанін. Каждый вышедшій на волю действоваль уже самь по себѣ, а всѣ вмѣстѣ, дѣйствіями своими, сложили то убѣжденіе въ умахъ заводскаго начальства, что таковое переходное состояніе — самое обильное побѣгами, и время это самое удобное для бродяжества.

Нельзя не прибавить къ тому весьма частаго исчезновенія многихъ сибирскихъ заводовъ, которые какъ бы намёренно начнутъ быстро возрастать въ одномъ мёстё вопреки всякихъ экономическихъ законовъ, какъ произошло въ западной Сибири (съ винокуренными заводами), или быстро упраздняться, когда экономическія условія края доведутъ до сознанія ихъ вреда, какъ случилось въ восточной Сибири, гдё пали два завода винокуренныхъ въ Иркутской губ. (Николаевскій и Ильгинскій), два въ

Забайкальской области (Михайловскій винокуренный и Селенгин-скій солеваренный), одинъ въ Енис. губ. (Каменскій) и Тель-минская суконная фабрика (въ Иркутской губ.). Исторія у всёхъ одна: либо быстрое выростаніе цёнъ на хлёбъ порождаеть силь-ныя и повсюдныя жалобы, либо дурное хозяйство превращаеть заводы эти въ ветошь. Исторія Тельминской фабрики служить прототипомъ. Вызванная искусственно для приготовленія солдат-скихъ суконъ, она щелкала челноками до тёхъ поръ, пова не стала требовать исправленій. Прорвалась дира въ одномъ мёстѣ, надо бы положить заплату—пишуть, но отвѣта нѣтъ, а въ это время готова уже пругая дира, оцять нишутъ и получають развремя готова уже другая дира, опять пишуть и получають раз-рѣшеніе, но пока—на починку первой. Въ концъ концовъ диръ ръшение, но пока—на починку первои. Въ концъ концовъ диръ накопилось отъ времени такъ много, что ремонтъ сдѣлался огром-нымъ: надо новое платье строить. Такъ и сказано о томъ, кому слѣдуетъ. Но тѣ подумали - было выворотить сукно на изнанку, стали считать и оказалось, что выгоднѣе было продать ветошь старьевщику, отступиться. Позвали покупщиковъ; тѣ осмотрѣли, одумались и нашли, что ветошь никуда не годится и покупать ее не стоитъ. А между тёмъ фабрика приселила и прикормила много рабочихъ: много народу скопилось. Куда его дёвать? Смо-тришь, земли забрали старожилы-крестьяне, разумѣющіе сибир-скія дёла по настоящему, а заводъ изъ ссыльныхъ приготовилъ техниковъ, тотъ знаменитый фабричный народъ, который для поселенческой жизни никуда не годится, ткачи такъ и остались со вдавленною грудью отъ постояннаго нажиманія ея у станка, су-хіе, какъ жимолость, кашляющіе и притомъ гордые сознаніемъ своего достоинства, не позволяющаго имъ смѣшиваться съ поселенцами - вемледбльцами.

Ссыльные, если сами и уходили на пропитаніе, то дѣтьми своими поступались на пользу заводовъ. И хотя до совершеннолѣтія ихъ не велѣно принимать въ работу, но начальство, соображая то, что ихъ все-таки въ это время кормило казеннымъ хлѣбомъ, брало для работъ гдѣ съ 14, гдѣ съ 12, а не рѣдко и съ 10 лѣтъ; и потомъ хвасталось: «сыновья ссыльно-рабочихъ составляли классъ людей самыхъ способныхъ и употребительныхъ при техническихъ работахъ». По 8-й ревизіи (1834 года) всѣхъ ихъ велѣно было приписать въ крестьяне ближайшихъ селеній и заводы попали на новую бѣду, стали жаловаться: «не смотря на всѣ старанія пріохотить ссыльныхъ къ мѣсту, заводскія селенія не распространялись: по минованіи срока работъ всѣ, выходящіе на собственное пропитаніе, отчислялись отъ заводскаго вѣдомства». Уволеннымъ уже «не производилось ни опредѣленной по заводу платы, ни хлюба даже и въ тѣхъ слу-

чаяхъ, если рабочіе отпускались на временное пропитаніе, когда постанавливались заводскія работы (на винокуренныхъ, напр., глухое время бездѣйствія тянулось съ 1-го ноября по 1-е марта). А потому отцы, уходившіе на пропитаніе, брали съ собой и дётей побираться витств съ ними по-міру. Заводскія начальства требовали ихъ возвращения, но «пропитанные» старались уходить такъ далеко, что всё мёры оказывались недёйствительными, и заводы оставались при работахъ изъ вновь присланныхъ ссыльнихъ и вое-какихъ вольнонаемныхъ ¹). Результаты извъстны: вольнонаемныхъ нётъ, конныхъ рабочихъ очень мало, дрова приходять въ истощение, ссыльные бъгуть цёлыми толпами, и заводъ висить на волоскъ, пока не примуть усиленныхъ мъръ. А затёмъ все-таки отвётъ одинъ: «водворить изъ сброда этихъ людей постоянными работниками, сдёлать ихъ домохозяевами и, навонецъ, воннорабочным не представляется къ тому никакой воз**хожности»**.

Во всякомъ случаё, приготовленіе поселенцевъ изъ каторжныхъ чрезъ переходное и странное состояніе пропитанныхъ, еще до сихъ поръ не достигло желаемой цёли и не привело къ тёмъ результатамъ, которыхъ ожидали и которые казались такими красивыми на бумагѣ. На самомъ дёлѣ мѣра эта усилила количество бродягъ, увеличила число нищихъ въ Сибири, организовала въ томъ краю цёлый классъ людей опасныхъ, о которомъ давно пора подумать и позаботиться. Не всегда на пропитаніе уходятъ июди дряхлые и изувѣченные, но и въ этихъ живуща та язва, которая въ силахъ вліять заразительно на здоровые организмы.

Сами ссыльные, долгимъ путемъ страданій, успѣваютъ выработать себѣ кое-какія надежды, заручаются посильнымъ терпѣніемъ и на безвыходности тяжелой жизни умѣютъ еще складывать пѣсни, выливать въ нихъ свое горе. Въ горѣ этомъ проглядываетъ и надежда, и терпѣніе, и вѣра въ будущее; въ тюрьмахъ каторжныхъ поется между прочимъ и такая пѣсня:

> Сёдина ль моя, сёдинушка, Сёдина моя молодецкая! Ты въ чему рано появилася, Во черны кудри вселилася? Ахъ ты, молодость, моя молодость! Ахъ ты, молодость молодецкая! Я не чаялъ тебя измыкати. Ахъ, измыкать я свою молодость

¹) На Иркутскомъ солеваренномъ заводъ отношенія всякихъ заводскихъ рабочихъ разъ выясниянсь въ такой цифръ: ссыльно-рабочихъ 276, пропитанныхъ 311, малочиковъ 197, вольнонаеменихъ — 9.

Не въ житъ бытъ в, богачеств в: Во проклятомъ одиночеств в: Изошолъ-то я, добрый молодецъ, Съ устъя до вершинушки Всю сибирскую сторонушку: Не нашолъ-то я, добрый молодецъ, Ни батюшки, ни матушки, Ни братцевъ-то — ясныхъ соколовъ, Ни сестрицъ-то — бълыхъ лебедушекъ; А нашолъ-то я, добрый молодецъ, Полоняночку — красну дъвицу.

П'есня эта собственно должна принадлежать поселенцамъ, въ житью-бытью которыхъ мы и переходимъ теперь.

٧.

НА ПОСЕЛЕНИИ.

«Поселенецъ, что младенецъ, — что видитъ, то и тащитъ», говоритъ сибирская поговорка, явившаяся результатомъ двухсотлътнихъ наблюденій сибиряковъ-старожиловъ (потомковъ промышленныхъ людей, доброю волею пришедшихъ въ Сибирь на жительство) надъ тъми русскими людьми, которыхъ увела изъ Россіи чужая воля и преступленія и для которыхъ придумано новое названіе поселенцевъ.

«Хоть того лучше посельщивъ (будь самый лучшій поселенецъ): не върь ему!»-выговорилось сибирякомъ другое изреченіе, имѣющее смыслъ пословицы, какъ руководящаго житейскаго правила, съ тёмъ оттёнкомъ въ смыслё, что поселенецъ. названный такъ въ отличіе отъ переселенца (доброю волею покидающаго родину для новыхъ и счастливыхъ мѣстъ), превратился уже въ посельщика. Слово «посельщикъ» на языкъ сибиряковъстарожиловъ сдёлалось браннымъ, и поселенецъ, слыша его обращеннымъ въ себѣ, глубово оскорбляется имъ въ равной степени съ другимъ обиднымъ, бьющимъ прямо въ сердце, и браннымъ сибирскимъ прозвищемъ — варнакомъ. Сибирякъ, готовый называть бродягу, бѣглаго съ каторги, человѣкомъ гульныма, прохожима и даже признавать его на самомъ дълъ таковымъ, сибирякъ, называющій всякаго ссыльнаго, идущаго въ партія по этапамъ, не иначе, какъ несчастнымъ и даже болъзненькимъ, ---того же самаго несчастнаго, умудренный опытомъ и воротвимъ знакомствомъ съ нимъ, обзываетъ уже посельщикомъ, бранитъ варнакомъ и слово «варнакъ» пріурочиваеть именно къ поселенцу

86

(потому что собственно для ссыльно-каторжныхъ у сибиряка при-думаны другія бранныя слова: храпъ, каторжанъ, чалдона). Слову отвѣчаетъ и дѣло. Хорошо извѣстенъ всѣмъ тотъ фактъ, что только такой старожилъ - сибирякъ не задумается выдать свою дочь за пришельца изъ Россіи, за человѣка изъ по-селенческаго сибирскаго люда, только тотъ, который съумѣлъ осилить въ себѣ природное предубѣжденіе и успѣлъ стать внѣ общаго народнаго понятія. И становится поселенецъ затемъ стасенческато снопрскато люда, только тоть, которыя съумъль ократо народнато понятия. И становится поселенець затемъ ста-рожна развъ только въ томъ случав, когда дъёствительно честнымъ житьемъ съумълъ смыть съ себя безъ слъда пятно и иеймо, принесенныя изъ Росси, или на крайны случай такъ вой продительской и отдалась доброму молодну обинимъ си-бирскимъ свадебнымъ способомъ убъл. Въ этомъ отношени полонилъ сердце красной дъвительно безвыходное, и сваты изъ като портельской и отдалась доброму молодну обинимъ си-бирскимъ свадебнымъ способомъ убъл. Въ этомъ отношени положение поселенца дъёствительно безвыходное, и сваты изъ като порть свадебнымъ способомъ и принуждения, до ситить. Взамъвъ того, мы видимъ совершенно противополож-порть епо политически-обязательнымъ, нан экономически-въ-торныть. Взамъвъ того, мы видимъ совершенно противополож-не вяленiе: благодаря предубъждению сибиряковъ противо по-торныть. Взамъвъ того, мы видимъ совершенно противополож-портьс, на ръзмъз. Ленъ, Аддонъ и Маъ объвкутились, а зъ Бай-контолокъ, и отповъ: сибирскихъ казаковъ и русскихъ поселен-трекъ. На Оби русски объостачились, на Енисеъ – отунгури-пъс, на рътка сидера предубъждение сибиряковъ и ротивъ по-теснецевъ, оказивается иножество помъсей съ инородцами, ме-текъ, ва вылось цълое племи карымовъ отъ матерей бурятовъ и оноголокъ, и отповъ: сибирскихъ казаковъ и русскихъ поселен-въто претълний глуши людей славанской расм и русской ко-то Беликъх диковнокъ въ Сибири не маю, но отунждение ста-вото старомяна отъ русскаго пришелада – тамъ не диковника, вътомъ отношении сибирякъ поселбенателенъ и даже заопамъ текъ. Не простить онъ инималах стараго тръха фабрикаци и раковъ и за бунтъ 1721 года, мелъть сабиракъ, что тарот ракънть и да кайную сиду вина, и курганцевъ самоть, и осихъ поръ ва бунтъ 1721 года, мелъть сабиракъ, что поръ раковъ и за бунтъ 1721 года, какъ туринцевъ самоть, и осихъ поръ ва бунтъ 1721 года, какъ туринцевъ самоть, и окъть поръ ва бунтъ 1721 года, какъть тръто, объразамъ, и о сихъ поръ ва бунтъ 1721 года, к чай: Плыла-де по Енисею барка, остановилась у города; на баркѣ этой гробъ стоялъ и лежалъ въ гробу томъ покойникъ; енисейцы приняли гробъ за ящикъ, покойника — за какіе-нибудь продажные пріисковые товары и, когда заснулъ ночной караульный, они этотъ гробъ съ покойникомъ украли съ барки. Про сосъдей ихъ, красноярцевъ, у сибиряковъ для укора придуманъ даже цълый стихъ, извъстный въ сибирскихъ странахъ малому ребенку:

> Краснояры Сердцемъ яры: Любятъ очень они честь, Хоть на нихъ козлина шерсть. Оттого они не сильны, Что отцы ихъ были ссыльны.

Насколько сильно отвращение коренного сибиряка отъ пришельца — ярко свидѣтельствують тѣ факты, что старожилы не только гнушаются принимать и вводить ихъ, посредствомъ браковъ, въ собственныя семейства, но рёдкій изъ сибирскихъ крестьянъ соглашается взять къ себѣ поселенца даже на простыхъ обязательствахъ работника-казака. Хотя законъ 1) и назначаетъ полплаката арестантскаго содержанія старожилу, принявшему къ себѣ поселенца, но законъ этотъ болѣе 15 лѣтъ къ дѣлу не примъняется; старожилъ гнушается поселенцемъ и дълаетъ для него исключение развъ только въ томъ случаъ, когда теребитъ нужда и поселенець стучится къ нему въ лѣтнее время, когда на уборку хлѣба не хватаетъ хозяйскихъ средствъ, а всю траву скосить ни у одного еще сибиряка-хозяина не доставало собственныхъ, не наемныхъ силъ. Лѣтомъ сибирякъ поселенца беретъ, зимой гонить, но, и принявши его въ рабочую страдную пору, стёсняеть во всемъ и обижаетъ чёмъ ни попало, — старожилъ-сибирякъ за грёхъ этого не считаетъ, зная и тотъ коренной законъ, что «посельщику нътъ въры и давать ему ее не вельно». Условную заработную плату хозяинъ охотнъе даетъ поселенцу передъ праздникомъ и на кабакъ, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы и водку-то наймитъ выпилъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. На необхо-димое и полезное для работника хозяинъ давать не любитъ; но у него достаетъ соображенія, что если задавать деньги хорошему работнику изъ поселенцевъ исключительно на выпивку и, задавать впередъ этихъ денегъ больше, — поселенецъ запутается въ тенетахъ неоплатныхъ долговъ и долго удержится на одномъ

¹) Ст. 676 Уст. о ссыл., изд. 1857 г.

88

мъсть при тъхъ условіяхъ, которыя ему, разумъется, весьма не по вкусу, но для сибирскаго сельскаго хозяина весьма на-руку.

Въ притѣсненіяхъ подобнаго рода сибиряки - старожилы послѣдовательны и форма эксплуатаціи чужого труда посредствомъ чрезмѣрныхъ и неправильныхъ задатковъ является въ Сибири особаго рода закономъ даже и у золотопромышленниковъ. Доказательства тому мы увидимъ ниже при послѣдовательномъ разборѣ обоюдныхъ отношеній новыхъ людей къ старымъ, рабочаго къ нанимателю. У самихъ же поселенцевъ выразилось это въ цѣлой пѣснѣ, которую, не смотря на ея искусственность, охотно распѣваютъ въ Сибири повсюду:

> Воля грознаго монарха ---Мы спѣшимъ въ восточный край. Мы ко рѣчкѣ приходили, И садились на несовъ; Тамъ увидъли – увидъли . Слѣпаго старичка на бережкѣ. Не подалеку въ песочкв Посошокъ его стоялъ, Хлѣба чернаго кусочекъ Въ сумкъ положонъ лежалъ. - Ужъ ты, старичевъ любезный! --(Туть одинь изъ насъ спросиль) Отчего ты такой блёдный, Или свътъ тебъ не милъ? - Ты дитя ли, мое милое!-(Отвѣчалъ ему старикъ) Ужъ я тридцать лёть въ Сибири Я спокою не имѣлъ: Винокурные заводы Всѣ состарили меня; Соловарные заводы Скрыли бёлой свёть изъ глазъ. Отъ крестьянскихъ савотъекъ 1) Все мозоли на плечахъ; Отъ пузастаю начальства Все здоровье растерял 2).

¹) Савотъйни въ Сибири-небольшія круглыя булки, съренькія на видъ и дурныя на вкусь. Ихъ выбладывають на окна для прохожнихь бродягь, ихъ подають въ окна прохожниъ и нии же кормять тёхъ изъ бродягь, которые поступають въ работу, оттого-то стрълять савотъекъ – выпрашивать ихъ, на арестантскомъ языкъ – значитъ бродяжить; отгого-то и мозоли на плечахъ, что только ими и умъють расплачиваться сабиряби съ бродягами за тяжелыя работы на запикахъ.

²) Пѣсня эта, говорять, сочинена однимъ ссыльнымъ, въ 20 - хъ годахъ настоящаго столётія, вскорё послё учрежденія этаповъ, по проектамъ и указаніямъ графа Сперанскаго.

Эта пъсня едва ли не единственный гласный отвътъ самихъ поселенцевъ на всъ обвиненія, взводимыя на нихъ, но, во всякомъ случаѣ, она прямѣе и непосредственнѣе силится стать только за тотъ разрядъ ссыльныхъ, которые вышли на поселеніе чрезъ все чистилище, нами уже описанное и для насъ остав-шееся теперь назади. Впереди и прямо передъ нами тотъ разрядъ ссыльно - поселенцевъ, который не озлобляла каторга и не портила въ конецъ безтолковая и бездѣльная бродяжья жизнь. На поселеніе, какъ извѣстно, идутъ изъ Россіи непосредственно осужденные на этотъ родъ наказанія ссыльные, по судебнымъ приговорамъ русскихъ судовъ. На такихъ-то по преимуществу «несчастныхъ», на ихъ-то житейской судьбѣ и бытовой обстановкъ мы намърены теперь сосредоточить вниманіе, въ разсчетъ на частныя видоизмѣненія и кое-какія отличія, хотя въ общемъ всѣ наши данныя не дають намъ никавой возможности рисовать картину самостоятельную и другую. Сами ближайшіе оцёнщики такого дѣленія не признають, и на тоть и другой видъ поселенцевъ кладутъ одинаковое подозрѣніе и взводятъ валовое обвиненіе безразлично. Такъ поступають старожилы, которые изъ практики выводятъ даже такое заключение, что поселенецъ изъ каторжныхъ, уходившійся, достаточно пошалившій, «надуровавшійся» на своемъ вёку, — сходнёе и ручнёе для работь, чёмъ поселенецъ, прямо пришедшій изъ Россіи и предназначенный для тёхъ же цёлей свободнаго труда и вольнонаемныхъ работъ. Пер-вый трудолюбивёе, добросовёстнёе второго и требуетъ только кое-какихъ рѣшительныхъ уступокъ и особенныхъ пріемовъ въ отношеніяхъ съ нимъ; второй, какъ необъѣзженный конь, на-столько еще дикъ и своеобыченъ, что общепринятыхъ пріемовъ и способовъ дъйствія никакъ къ нему не приладишь. Какъ въ первомъ замъчаются задатки къ непремънному исправленію, такъ во второмъ — наклонность въ противную сторону: нельзя ли и въ Сибири походить по той же стезѣ, съ которой свыкся, но, по несчастію, сорвался въ Россіи.

Общественное мнѣніе единогласно остановилось на томъ, что поселенцы, приходящіе изъ Россіи и поступающіе на жительство—люди иснорченные, никуда и ни къ чему негодные. Мало того: они — язва молодой страны, жаждущей свѣжихъ силъ и честнаго труда. Испорченность, безнравственность ихъ до такой степени сильны, что вредно и гибельно дѣйствуютъ на коренное населеніе, заражая его тлетворнымъ своимъ ядомъ. Какъ въ сѣверозападномъ краѣ Россіи невозможно найти такого старожила, который не былъ бы глубоко убѣжденъ въ настоательной необходимости, ради пользы края, въ поголовномъ выселеніи евреевъ

въ вакія угодно трущобы; такъ, рёдкій изъ коренныхъ сибиря-ковъ не желаетъ прекращенія высылки изъ Россіи ссыльныхъ, въ тёхъ же разсчетахъ на несомнённое и даже близкое преуспёя-ніе своей родины во всёхъ отношеніяхъ. Съ общественнымъ ине своен родины во всяхь отношенныхь. Об сощественнымъ мнёніемъ не идуть въ противорёчіе и убѣжденія начальствен-ныхъ лицъ, въ отзывахъ которыхъ по этому дёлу замѣчается изумительное постоянство и сходство. Еще въ 1835 году одинъ изъ сибирскихъ губернаторовъ печаталъ въ своемъ сочиненіи ¹) о ссыльныхъ, между прочимъ, слёдующее: — «Рёдко случается, въ особенности лётомъ, чтобы ссыльный исполнялъ въ точности обязанность свою противъ хозяина и противъ начальства. Онъ беретъ задатокъ, получаетъ одежду и, не смотря на билетъ, ухо-дитъ въ горы и лѣса, воруетъ, мошенничаетъ и живетъ, или едва живетъ; иногда застигаетъ его глубокая зима, и онъ, голодный, замерзаетъ въ пустынѣ; иногда сталкиваются они вмѣстѣ и составляють шайки разбойниковь, оть 8 до 10 человѣкь; отби-вають винтовки у промышленниковь, лошадей у поселянь и, подъ начальствомъ атамана, грабять крестьянъ, рѣдко проѣз-жающихъ и никогда ничего казеннаго. Такихъ шаекъ бываетъ иной годъ двё, три. Они жгутъ домы, пытаютъ на огнё хозяевъ и обираютъ все, что можно обобрать. Для нихъ-то учреждены ведеты отъ Ачинска до Красноярска. Большая дорога совершенно спокойна, но глухія мѣста подвержены опасности. Казаки, съ цомощію крестьянъ, преслѣдуютъ ихъ, уничтожаютъ, ловятъ. Бо-лѣе трехъ лѣтъ не появлялись они въ Енисейской губерніи и, рёшительно съ тёхъ поръ, когда Высочайшей волё угодно было за поимку ихъ наградить одного храбраго крестьянина медалью. Иногда большими толпами бёгутъ ссыльные къ Россіи, но Сибирь есть тюрьма колоссальная, съ безчисленными полисадами: въ которыхъ-нибудь изъ нихъ бъглецовъ ловятъ. Это случается по большей части въ зимѣ, и вотъ, пока идетъ слѣдствіе, пока, собираютъ справки, ибо они безпрестанно обманываютъ, ихъ зимняя квартира есть тюрьма».

ная квартира есть тюрьма». Тридцать лёть позднёе (уже въ 1861 году) печаталось въ одномъ изъ московскихъ ученыхъ изданій²) уже про всёхъ сибирскихъ поселенцевъ тоже самое, но въ такомъ видё:— «Слёдуя общепринятому порядку, ссыльные, по достижении Тобольска, распредёляются по губерніямъ; въ губерніяхъ они расписываются по волостямъ и отправляются на мёста въ сопровождении каза-

¹) А. П. Степановъ, снисейскій гражданскій губернаторъ, въ извёстномъ сочененія своемъ «Енисейская губернія», Сиб. 1835, ч. П.

¹) Чтенія въ Имп. моск. общ. ист. и древ. россійскихъ.

ковъ, которые, по малочисленности своей, служатъ имъ болъе провожатыми, нежели конвоемъ. Въ волостяхъ ссыльные распредѣляются по деревнямъ и отправляются туда уже по одиночвѣ или нестройными толпами, безъ всякаго полицейскаго надзора. Получивъ такимъ образомъ полную свободу, которою не умѣютъ пользоваться, они предаются порочнымъ своимъ наклонностямъ: пускаются въ воровство, мошенничество и неръдко въ грабительства. Тѣ изъ нихъ, которые по необходимости отыскиваютъ ра-боту, по большей части не исполняютъ своихъ обязанностей ни въ отношении къ хозяевамъ, у которыхъ нанимаются, ни въ отношении въ начальству; беруть задатки, получають одежду и, обокравъ часто своего хозяина, бъгутъ отъ него и дълаются бро-дягами. Обширность и малонаселенность края, лишая мъстное управление всякой возможности преслёдовать ихъ, въ свое время, дають имъ всё средства къ укрывательству до тёхъ поръ, пока наступленіе зимы не заставить ихъ сблизиться съ селеніями и искать въ нихъ убъжища отъ холода и голода. Въ этомъ-то положении многие изъ нихъ погибають въ пустыняхъ, а остальние попадаются въ руки мёстныхъ властей. Къ зиме все тюрьмы наполнены бродягами, начинаются розыски объ ихъ происхожденін, а между тёмъ они, обезпеченные человёколюбивымъ правительствомъ во всёхъ естественныхъ нуждахъ своихъ, ведутъ праздную жизнь и, передавая одинъ другому свои преступныя похожденія, еще болье укореняются вь безнравственности. Къ веснь оканчиваются дёла о бродягахъ; они, ежели не отвроется уголовныхъ преступленій, послё легкаго полицейскаго наказанія, отправляются прежнимъ порядкомъ въ волости и деревни, въ воторымъ положительно никогда не присоединяются и возобновляють прежніе безпорядки».

«Крайне трудно (свидѣтельствуеть А. П. Степановъ) изобрѣсть средства со стороны казны, удерживать ссыльныхъ отъ побѣговъ». «Въ 1827 году сентября 15-го (говорить онъ дальше) утвержденъ проектъ поселенія 5,955 ссыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣющій въ предметѣ, чрезъ усредоточенный надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ побѣговъ и праздности. Поселенія сіи должны заключаться въ 22 деревняхъ; отведена 15-ти-десятинная пропорція прекраснѣйшей земли; изъ сихъ поселеній 6 на большой дорогѣ, остальныя въ сторонѣ; въ каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четыремъ посельщикамъ: тремъ, какъ работникамъ и четвертому, какъ хозяину или кашевару. Онъ приготовляетъ все нужное для своихъ товарищей по домашнему хозяйству». «Каждый ссыльный получилъ топоръ — и лѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Я видёлъ уже на большой дорогё прекрасныхъ пять селеній оконченными, и не могъ ими налюбоваться. Я видёлъ семь достигающихъ своего конца; я видёлъ четыре, которые, какъ чертежи, лежали на зеленёющихся долинахъ по берегамъ Кана»...

«На это дёло (прибавляеть вторая статья) употреблено до 270 тыс. руб. асс. безвозвратно и, сверхъ того, на продовольствіе поселенцевь до урожаевь, роздано имъ около 211 тыс. руб. асс., которыя они обязаны были возвратить впослёдствіи, по частямъ. Но благодѣтельная сія мѣра не достигла цѣли. Посельщики, едва водворенные, оставили, по большей части, свои домы и устремились къ глупой волѣ, бродяжничеству и преступленіямъ. Это служить неоспоримымъ доказательствомъ, что безъ дѣйствительнаго хозяйственнаго быта, т. е. безъ семейства, любви къ собственности и надежды на будущее, никакое свободное поселеніе существовать не можеть. Но какъ достигнуть этого, гдѣ взять женщинъ для брачныхъ союзовъ, тогда какъ число ихъ въ Сибири вообще составляетъ только около ⁴/₅ противъ числа мужчинъ, а въ числѣ ссыльныхъ бываетъ ихъ обыкновенно не болѣе ¹/₁₀ части?»

Между тѣмъ, «большинство поселенцевъ не имѣетъ прочнаго домохозяйства и благосостоянія», говоритъ одна изъ позднѣйшихъ не напечатанныхъ, но замѣчательныхъ записовъ о поселенцахъ Томской губерніи¹). «Къ причинамъ этимъ можно отнести: 1) нравственную порчу поселенцевъ и пріобрѣтенную ими до поступленія въ Сибирь привычку жить не своимъ трудомъ; 2) бѣдное и безпомощное положеніе поселенцевъ при первоначальномъ ихъ водвореніи въ Сибири, и 3) общее нерасположеніе къ нимъ сибиряковъ-старожиловъ, выражаемое въ бранномъ словѣ: емрнакъ, посельщикъ!» Прислушайтесь къ разсказамъ туземцевъ, провѣрьте ихъ личнымъ внимательнымъ наблюденіемъ, обращайтесь съ запросомъ къ прошедшему и, въ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ сказаніяхъ, ищите отвѣта, вездѣ и неизбѣжно встрѣчается одинъ непреложный выводъ, что положеніе ссыльнаго поселенца въ Сибири далеко не удовлетворяетъ всѣмъ, даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ человѣколюбія и цивиливаціи.

Замѣчательная правда объясненій этого факта, приведенныхъ въ запискѣ, обязываетъ насъ къ подробному разбору всѣхъ трехъ, высказанныхъ ею, положеній.

На вопросъ, гдъ происходитъ окончательная правственная

¹⁾ Записка принадлежить Мих. Алекс. Гелярову.

порча ссыльныхъ и пріобрётается ими привычка жить чужнить трудомъ? давно уже готовъ отвёть положительный, прочно вкоренившійся въ общественное убѣжденіе и—должно сказать правду отвѣтъ, не подлежащій сомнѣнію. Спрашивайте оффиціальныхъ наблюдателей, спрашивайте самихъ ссыльныхъ о томъ, гдѣ больше и чаще наталкивались они на случаи совращенія своихъ помысловъ и убѣжденій съ прямого пути чести и долга — вамъ единогласно отвѣтятъ: ез тюръмъ !

Вникните въ подробности и глубину смысла этого слова, слѣдите за историческою жизнью этого вида государственныхъ учрежденій (по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя кое-гдѣ разбросаны): вездѣ и всегда вы встрѣтите одно, что тюрьма, или попросту, острогъ — складочное мѣсто всѣхъ тѣхъ нравственныхъ нечистотъ, которыя пораждаются разложеніемъ кое-какихъ частей общественнаго организма. Складчики и носильщики — это тѣ преступные и порочные люди, которыхъ выдѣляютъ изъ общественной среды для ея же безопасности и которые тѣмъ съ большею охотою и рвеніемъ исполняютъ свою обязанность, что находятъ себѣ слушателей и послѣдователей. Въ этомъ смыслѣ тюрьмы, послѣ воровскихъ притоновъ и домовъ разврата, самые благонадежные и прочные резервуары, куда способнѣе входить и гдѣ легче скопляться всѣмъ гнилымъ и заразительнымъ міазмамъ, характеризующимъ въ извѣстный моментъ болѣзнь общественнаго организма.

ственнаго организма. Чего, прежде всего, недостаеть русскимъ тюрьмамъ; въ чемъ главнѣе всего нуждаются русскіе тюремные сидѣльцы? — Отвѣтъ не труденъ: нашимъ тюрьмамъ недостаетъ правильнаго раціональнаго устройства и сосредоточеннаго надзора и вниманія, а заключенные въ нихъ прежде и главнѣе всего нуждаются въ занятіяхъ, въ работѣ. Трудъ. этотъ основной законъ и главный дѣятель нашего существованія, и притомъ такой дѣятель, участіе котораго въ судьбѣ человѣка настолько сильно и важно, что трудъ возвышецъ въ достоинство добродѣтели, — въ нашихъ мѣстахъ заключенія преступниковъ никогда не имѣлъ достаточно-практическаго примѣненія. Трудъ, какъ самая добродѣтель, предохраняющій волю человѣка отъ дурныхъ наклонностей, въ тюрьмахъ забытъ, какъ забыто и то, что можно что̀-нибудъ поставить выше самой добродѣтели, — выше ея встанетъ трудъ, какъ утѣшитель въ нашихъ печаляхъ, какъ всемогущее услажденіе въ нашихъ несчастіяхъ. Тѣми и другими въ избыткѣ преисполнялась жизнь большей части тѣхъ людей, воторые сѣли въ тюрьму; на большую половину этихъ людей, эти неудачи и не-

счастія сложились въ такомъ обиліи, что довели ихъ до преступленія, а затёмъ лишили свободы.

Съ увѣренностью, основанною на фактахъ, можно сказать, что большая часть тюремныхъ сидёльцевъ, а въ особенпости ть оольшал часть порежныхь сидельцевь, а въ осооенности тьхъ, которые приговорены на поселеніе — не что иное, какъ именно жертвы праздности, бродяги. Презрѣніе къ труду выра-ботало изъ этихъ людей особый классъ, организовало ихъ въ самостоятельное цѣлое, обрекло на иной бытъ, не имѣющій ни-чего сходнаго съ обыкновеннымъ, законнымъ и естественнымъ теченіемъ настоящей жизни. Постоянная жизнь въ праздности привела ихъ къ тому, что они лишились всякой предусмотри-тельности, основанной на заботахъ и запасахъ на будущее и всякой энергіи, за отсутствіемъ которой явилось тупое равнодушіе, отнявши у нихъ даже тёнь самостоятельнаго характера. Въ бродягё неизбёжно выяснился первообразъ всёхъ классовъ зло-дѣевъ, на почвё бродяжества свободно улеглось и возрасло вся-кое злое сѣмя, вредное и враждебное обществу, и бродяга, въ видъ дерзкаго вора, смълаго мошенника, конокрада, контрабандиста съль въ тюрьму, чтобы оставить въ ней слёды своей науки и своего опыта и потомъ уже ушелъ въ ссылку на поселеніе, еще болье изуродованный и испорченный. Бродягами людьми легкаго промысла, не требующаго честнаго труда, пере-полнены наши тюрьмы; у бродяги либо совсёмъ нётъ пріюта и онъ (говоря мёткимъ выраженіемъ изъ ихъ искусственнаго языка, ими на досугѣ придуманнаго) — либо куклишъ четырех-угольной губерніи, либо онъ — житель каменнаго мѣшка, студенть палочной академіи или по просту обыватель острога. Острогь достаточно уб'ядиль нась (даже въ Сибири) въ томъ, что бродяжій духъ новсюду вѣетъ и цѣлостно живетъ во всемъ составѣ нашихъ тюремныхъ учрежденій: внутренній порядовъ общежитія устроенъ по уставу, принесенному непосредственно изъ мошенническихъ ассоціацій, бродяжныхъ товариществъ; въ условномъ тюремномъ языкъ ясны слёды того языка, который извёстенъ у столичныхъ жуликовъ и мазуриковъ подъ именемъ му-зыки; тѣже игры и способы препровожденія времени; тѣже карты зыки; тъже игры и способы препровождения времени; тъже карты и пріемы игры какъ въ дальнихъ сибирскихъ тюрьмахъ, такъ и въ объихъ столичныхъ, въ избыткъ наполняемыхъ вориш-ками, карманниками и мошенниками. Бродяга въ тюрьмѣ—при-вилегированное лицо, острожный аристократъ. Именами бро-дятъ преисполнены списки тобольскаго Приказа о ссыльныхъ, и цифра ссылаемыхъ въ Сибирь за преступленія самая большая на сторонѣ такъ называемыхъ непомнящихъ родства, т. е. настоящихъ, воренныхъ бродягъ.

Кавое же понятіе о трудѣ и какія средства къ полезному взаимодъйствію могли внести въ тюрьмы эти люди безъ правилъ, безпечные и лёнивые до самыхъ врайнихъ предёловъ возможности! И могли ли они не вліять вредно, не развивать на досугѣ своихъ правилъ, когда и въ тюрьмѣ встрѣчали они безграничный досугъ въ длинные сроки при казенномъ обезпечения во всемъ томъ, для чего онъ прежде ходилъ, будучи на волѣ, съ легвими орудіями празднаго и порочнаго чедовѣка? Тюрьмы стремились тольво къ одной цёли удержать заключенныхъ въ своихъ стёнахъ (а потому и выстроились предпочтительно каменными и обставлялись вооруженными часовыми), а смотрители старались не уморить сидёльцевъ съ голода (а потому и руководствуются кое-какими урочными положеніями и пользуются кое-какими подаяніями и жертвами благотворителей). О томъ, чтобы занять сидѣльцевъ дѣломъ и по-мѣшать испорченной волѣ развивать себя на бездѣльи и праздности — въ тюрьмахъ не думали. Частные опыты, имёющіе въ общемъ видъ порывистыхъ, временныхъ и неорганизованныхъ предпріятій, давали въ результать только то, что въ одномъ мъсть пріучаютъ всёхъ въ переплетному мастерству, вогда и вниги-то въ томъ городѣ читаются лѣниво и мало; въ другомъ котѣли сдѣлать изъ острога столярное заведеніе въ то время, когда мѣщане этого города были столярами, издѣлія которыхъ пользовались извёстностью и дешевизною далеко за предёлами ихъ губернии. Попадется въ острогъ сапожникъ, на него уже готовы ноги товарищей, которые, въ то время, когда искусникъ тачаетъ дратвой пляшутъ на досугъ трепака; попадется работа съ воли и стало быть съ платою, въ тюрьмё на деньги требо-ванія большія: онъ этцхъ денегь на себь и половины не увидить. На ближайшее тюремное начальство арестанты работають даромъ повсюду, на высшее губернское и утзаное-за самое ничтожное вознаграждение, и работають притомъ самымъ сквернымъ, безтолковымъ и нечестнымъ образомъ, при всегдащнемъ въроятіи риска на порчу и на пропажу матеріала. Казенныя орудія и инструменты до такой степени не достигали цёли, что самое прозвище ихъ обратилось въ насмъщку и заказчикъ, не вадумываясь, прощаетъ недостатки работы, когда не только видълъ, но даже лишь слышалъ о томъ, что мастеръ работалъ кавеннымъ инструментомъ. Обойдите всю Россію, просмотрите слёды арестантскихъ работъ, — что найдете? — либо ванавы, прорытыя въ городъ для стока воды, теперь засорившіяся, либо бульвары, насыпанные такъ, что они значительно уже по бокамъ обсыпаись и на серединѣ обузились, и засоренные деревьями такъ.

<page-header><page-header><text><text><text>

Томъ V. - Свитяврь, 1868.

роны, нельзя не видёть и того, что заключенники совсёмъ не прочь отъ труда, что они все-таки трудятся, хотя трудъ ихъ и не направленъ въ полезную сторону. Кромѣ того, нельзя не видѣть также и того, что руководство и наблюденіе приставниковъ слишкомъ вялы, безцѣльны и непроизводительны, и собственно русскія тюрьмы въ этомъ отношеніи стоятъ по своему уровню даже ниже сибирскихъ.

Вотъ, между прочимъ, къ какимъ видамъ пришло центральное управление (министерство внутреннихъ дѣлъ) изъ сравнения свъдьній, представленныхъ начальниками губерній о настоящемъ положении тюремнаго вопроса 1). «Число устроенныхъ мастерскихъ слишкомъ незначительно. Большая часть арестантовъ остается праздною и валяется на нарахъ. Недостатовъ работъ губительно действуеть на здоровье заключенныхъ, потому что люди молодые, сильные и здоровые, составляющие преимущественно тюремное населеніе, питаясь въ иныхъ тюрьмахъ черезъ мёру сытною пищею, требуютъ постоянной физической дѣятельности и страдають оть избытка силь, остающихся безь приложения. Говоря о недостаткъ работъ въ тюрьмахъ, губернскія начальства указывають, что чистка камеръ, приготовление кушанья, пилка, колка и разноска дровъ, ношение воды изъ колодцевъ и нъкоторыя другія подобныя занятія представляють почти единственныя работы въ тюрьмахъ, но они занимаютъ весьма малое число арестантовъ. Наконецъ въ одной тюрьмъ, весьма обильной населениемъ, какъ оказалось при осмотрѣ ея, даже пища приготовляется наемными поварами, тавъ что арестанты остаются въ полнѣйшей праздности». Къ причинамъ невведенія въ тюрьмахъ работъ губернскія начальства относятъ между прочимъ двѣ, которыя — по нашему мнѣнію — должно считать главнѣйшими: 1) «бездёйствіе ближайшихъ тюремныхъ начальствъ, не дѣлавшихъ даже попытокъ ввести работы до послѣдняго времени», — и потомъ уже 2) «изобильное подаяние въ тюрьмахъ, которое, доставляя арестантамъ весьма обильный столь, отвлоняеть ихъ отъ желанія работать», работать правильнымъ и честнымъ способомъ — прибавимъ мы отъ себя — потому что соб-ственно въ полнъйшей праздности человъкъ находиться не можетъ и наши тюремщики показали намъ достаточно родовъ своей работы, поглощающей не мало силъ и времени.

Если же дёло стоить за случаями, на которые наталкивають осмотры, то мы можемь указать на одну такую тюрьму, гдё

¹) Сѣверная Почта, № 198-й 1867 года, стр. 791-я, статья УП: «О занятія арестантовъ работами».

арестанты на досугѣ и шалостей ради устроили въ острожной вазармѣ малое подобіе питейному откупу со всѣми его департаментами. Въ разныхъ мѣстахъ общирной казармы найдены были застигнутыя въ расплохъ различныя питейныя выставки: въ одномъ углу питейный майданъ назывался ведерною; въ другомъ углу носилъ прозваніе штофной лавочки, въ третьемъ — распивочной. Конечно, въ ведерной продавали не больше косушки, въ штофной производили торговлю стаканами, въ распивочной рюмками. Такое устройство существовало въ этой тюрьмѣ — по сознанію самихъ арестантовъ — не одну недѣлю: до того «недостаточна заботливость о семъ завѣдывающихъ тюрьмами» и до того не «тѣсно помѣщеніе»! Водку доставлялъ въ острогъ тотъ самый сторожъ, который ходилъ съ ящикомъ въ аптеку за лекарствами для больныхъ арестантовъ. На открытіе такого подеального натолкнулъ также случай: разъ онъ, проходя мимо начальства, споткнулся и разбилъ склянки. Начальство, ошеломленное спиртнымъ запахомъ, не менѣе удивлено было тѣмъ, что и сигнатурки были поддѣльныя, а поддѣлывалъ ихъ — какъ показалъ на допросѣ сторожъ—одинъ изъ тюремныхъ фельдшеровъ. Вотъ когда догадался смотритель, отчего отъ многихъ арестантовъ припахивало, а другіе попадались ему и совсѣмъ пьяными.

«Духовныя назиданія совершаются въ немногихъ тюрьмахъ и весьма рёдко (свидётельствуетъ та же статья Сёв. Почты, составленная по оффиціальнымъ даннымъ). Даже тамъ, гдё есть церкви и особые священники, эти послёдніе всю свою дёятельность ограничиваютъ обыкновенно совершеніемъ службы въ праздничные дни и вовсе не заботятся объ исправленіи арестантовъ, не говорятъ имъ ни проповёдей, ни поученій и вообще далеко не выполняютъ той обязанности, которая лежитъ на нихъ въ отношеніи порученныхъ попеченію ихъ арестантовъ. Диревторы тюремныхъ комитетовъ, хотя и принимаютъ въ нёкоторыхъ тюрьмахъ на себя обязанность пещись о нравственномъ совершенствованіи арестантовъ, но дёятельность ихъ, какъ одиночная и совершаемая по преимуществу безъ системы, мало плодотворна. Большинство же между ними остается совершенно равнодушнымъ въ дёлу исправленія преступниковъ. Обученія арестантовъ грамотѣ не было до послёдняго времени, и лишь только въ послёдніе годы заведены въ немногихъ тюрьмахъ школы или, вѣрнѣе, введено обученіе частными лицами изъ благотворительности, безъ всякаго вознагражденія, но и тутъ встрѣчаются затрудненія въ отводѣ помѣщенія. Книги духовно-нравственнаго содержанія находятся въ немногихъ тюрьмахъ, но ихъ арестанты не читаютъ

522685 A

<page-header><page-header><page-header><text><text>

¹) Ө. М. Достоевскій (Мертвый донъ).

чества, ложный стыдъ во многомъ тому причиной». Замѣчательно при этомъ также и то, что руководящія жизненныя начала до того выработаны и дѣятельны, что по всѣмъ тюрьмамъ онѣ поражаютъ сходствомъ и въ русскихъ правила тюремной жизни только преподаются новичкамъ; въ русскихъ тюрьмахъ—однимъ словомъ— начинается та нравственная порча ссыльныхъ, отъ которой въ Сибири не знаютъ, чѣмъ защититься. Вотъ почему тамъ въ общее сознаніе пришло то убѣжденіе и желаніе, чтобы исправленіе ссыльныхъ начинать во время содержанія въ острогахъ при судѣ, т. е. въ русскихъ тюрьмахъ. По числительности преступниковъ, по огромному развитію и разнообразію требованій молодой страны, при недостаткѣ свободныхъ и способныхъ людей на такое дѣло — въ Сибири исправленіе преступниковъ весьма трудно, даже едва ли возможно.

Мы отчасти видѣли прежде, до какой степени безполезно посылать въ Сибирь преступниковъ, присужденныхъ къ работамъ собственно-каторжнымъ; впослѣдствій мы увидимъ это еще яснѣе, но теперь остановимся по поводу занимающаго насъ разряда ссыльныхъ-на поселенцахъ. Вопросъ о каторжныхъ, по гораздо меньшей числительности ихъ въ сравнении съ количествомъ поселенцевъ, намъ кажется нѣсколько менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о поселенцахъ. Исключительное назначение первыхъ --на казенныя работы на промыслахъ и заводахъ, самый способъ примъненія труда ихъ, подробности содержанія ихъ и ничтожность вознагражденія за трудъ, ясно показываютъ намъ, что ссылка этихъ людей имбетъ исключительное значеніе мбры карательной; ссылкою хотять ихъ наказывать; работами безплатными и принудительными имъютъ намърение привести въ чувство и раскаяніе, да кстати и возм'єстить тімь на нихъ неудовольствіе и презр'вніе общества. Совстив противоположное предполагается въ судьбѣ ссыльнаго поселенца: его ссылаютъ, чтобы очистить отъ него испорченное имъ мѣсто и не дать ему возможности еще больше вредить обществу; въ разлукѣ съ родиной ему полагается мёра взысканія и наказанія, но въ актё поселенія его въ новой странѣ видится уже желаніе имѣть въ немъ для новой страны жителя, двятеля, современемъ гражданина, впослъдствіи на честномъ трудъ селянина и семьянина честнаго человѣка. Можетъ ли онъ быть такимъ, выйдя изъ руссвой тюрьмы, пройдя сквозь мытарства этаповь и сибирскихъ тюремъ, наглотавшись ихъ смраднаго и заразительнаго духа?

Русская тюрьма (да и всякая) прежде всего отрицаеть всякую собственность: дэнегь держать при себѣ нельзя, ни табаку, ни водки не имѣть; платье казенное, пища казенная и ремесло и

искусство-также чужое достояние. Тюремная община, сложенная, вакъ мы свазали, бродягами, людьми ничего не имущими, и руководимая и направляемая ими же, — такъ какъ изъ нихъ состоитъ большинство тюремныхъ сидёльцевъ, — въ этомъ отрицаніи соб-ственности ушла еще дальше. Воровство вина у собственниковъ его, табаку у товарищей, заручившихся имъ, — не считается за грѣхъ и не вмѣняется въ преступленіе; да и всякое воровство какихъ бы то ни было вещей у зазъвавшагося соузника до такой степени обычное дёло, что тюрьма воруетъ поголовно. Бездёлье породило игру, внезапные обыски денегь развили пьянство: надо тратить, а то отнимуть. На пьянство нужны деньги, взять негдѣ: надо красть — либо эти деньги, либо такую вещь, которая стоить денегь и которую охотно покупаеть свой же брать арестанть, умѣющій выпустить ее за тюремныя стѣны ¹). Обворованный имѣеть право самъ выслѣдить зазѣвавшагося товарища и на его собственности выместить бѣду свою: въ совмѣстномъ житъё такая круговая порука-дёло понятное. Я и самъ бы сдёлалъ такъ-думаетъ арестантъ, и только слегка ругается для очистки совѣсти. Вотъ почему тюремное воровство безконечно; и эта болѣзнь такъ заразительна, что разъ попавшій на эту стезю, --съ нея не срывается; по пословиць: воръ бъду избудетъ-опять на воровствъ будетъ. Если и существуютъ въ тюрьмахъ замысловатыя и остроумныя хоронушки и дозволяются собственные сундучки, — воровство тамъ одна изъ сильныхъ и приманчивыхъ болѣзней, какъ у людей не имѣющихъ никакой движимой и недвижимой собственности, и у которыхъ всякая тряпка въ цёнё. Исключенія въ добрую сторону до такой степени рёдки, что брать ихъ въ соображение мы совершенно не можемъ. Тюрьма есть и школа воровства и первый пробный камень этого неза-МЫСЛОВАТАГО ИСКУССТВА, И ВОРОВСТВО ВЪ ТЮРЬМАХЪ ДОХОДИТЪ ДО изумительной степени совершенства, воторому не посвященные въ дѣло съ трудомъ могутъ вѣрить²). Отъ легкаго способа прі-обрѣтенія не много шаговъ до страсти къ расточительности послё удачи, а потому въ тюрьмахъ собственникъ пропиваетъ все, потому что одновременно развиваются въ немъ и два другихъ недостатка — непредусмотрительность и вёра въ случай. Послёд-ная очень пригодна для картежной игры, значительно распро-

•

¹) Таковы на большую часть сосланные за контрабанду; они же-ловкіе поставщики вина.

²) Напр., въ одной изъ сибирскихъ тюремъ арестанты украли дошадь, на которой привхалъ подрядчикъ — поставщикъ съёстныхъ припасовъ. Арестанты на подрядчика были сердиты и украденную лошадь спрятали подъ поломъ бани, такъ что искать ее тамъ и въ голову придти никому не могло.

страненной въ тюрьмахъ и любимой этими людьми сильныхъ страстей и живыхъ темпераментовъ.

страстей и живыхъ темпераментовъ. Въ такую-то сферу, подъ вліяніе такихъ-то началъ и правилъ поступаетъ тотъ, кому судьба судитъ потомъ дѣлаться гражданиномъ Сибири, эксплуататоромъ ея богатствъ и сокровищъ! Поступающій изъ бродягъ, разумѣется, не теряетъ присутствія духа; тюрьма его не пугаетъ; время, которое онъ въ ней проведетъ, бродяга сочтетъ за неудачный случай въ его бродяжьей жизни, но вскорѣ и въ томъ успокоится, встрѣчая въ тюремныхъ правилахъ и житейскихъ пріемахъ много знакомаго, много того, чѣмъ онъ и самъ руководился до сихъ поръ. Но трудно овладѣть тюрьмою человѣку, оторванному отъ честнаго крестьянскаго труда какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ, часто невольнымъ и не во всемъ отъ него зависѣвшимъ. Положеніе этихъ людей въ такихъ тюрьмахъ должно преимущественно возбуждать состраданіе и больше всего требуетъ защиты и участія, каковыя въ тому же и дать имъ легче. Насколько не затрудняютъ тюремные обычаи преступниковъ, порождаемыхъ городами, настолько они исключительно и непремѣнно дѣйствуютъ вредно на ссыльныхъ, вышедшихъ изъ деревень и преимущественно попадающихъ на поселеніе (мы это докажемъ впослѣдствіи фактами и цифрами). Остановимся на нихъ.

Пока человёкъ упорно и крёпко держался за семейное и общественное право, пока первое обуздывало его примёрами, а второе — своими учрежденіями, догматами и законами, пока наконецъ трудъ — это самое сильное и вёрное морализующее начало — увлекалъ его, человёкъ былъ крёпокъ обществу, связывался сь нимъ прочно. Но лишь только какое-нибудь внёшнее враждебное возбужденіе, каковы напр. крайняя и безнадежная нищета, чужіе примёры, испорченная и безнравственная общественная среда успёли зародить въ сердцё порочную наклонность и ее воспитать — паденіе не далеко. Кто-то давно уже сказалъ, что въ праздномъ человёкё уже зародился злой и опасный: порокъ уже гнѣздится въ сердцё и преступленіе ждетъ только уреченнаго часу и поводовъ. Та же общественная среда, которая умѣла до сихъ поръ обуздивать человёка, съумѣетъ разнуздать страсти, давая изъ себя избытки зла едва ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько давала она добрыхъ примёровъ и хорошихъ руководствъ. И, терпя въ средё своей только порочнаго человѣка, общество уже не терпитъ преступнаго. Преступленіе обязываеть общество выбросить изъ себя виновнаго и, выбрасывая его вонъ, оно уже отрекается отъ него. Съ этой поры перестаютъ дѣйствовать законы общественные, болѣе уступчивые, мягкіе и терпѣливые. Настаетъ время дёятельности и проявленія силы другихъ законовъ, для которихъ уступка, смягченіе и кротость не составляютъ уже обязательнаго и неизбѣжнаго качества. Карающая сила, ищущая возмездія, заступаетъ мѣсто силы много-прощающей и уступчивой.

Преступникъ, взятый не только изъ среды общества, но и изъ собственнаго семейства, становится въ новое положение зависимое, не свободное. Лишенный правъ располагать своею волею, онъ уже заключенникъ, тюремный сидѣлецъ. На первыхъ порахъ эта огромная разница, этотъ крутой жизненный пере-воротъ для неопытныхъ людей не проходитъ даромъ. Они прежде всего теряютъ всякую волю и обязываютъ себя на исключительное подчинение всёмъ новымъ порядкамъ чужого монастыря. Ихъ даже намбренно и застращивають взятіемъ особой суммы денегъ, такъ называемаго влазного, поступающаго въ общинный тюремный капиталъ; отъ нихъ настойчиво требуютъ подчиненія обрядамъ и обычаямъ общины и серьезно преслёдуютъ и наказы-ваютъ за всякое уклоненіе жгутами, молчаніемъ, лишеніемъ дорогихъ и завѣтныхъ вещей посредствомъ кражи и проч. Стараніе убить волю до такой степени искусно ведется и приспособляется въ тюрьмахъ, что рѣдкіе изъ новичковъ выстаиваютъ, не подчи-няясь боевымъ и бывалымъ, каковы бродяги и другіе, не разъ посидъвшіе въ тюрьмахъ, преступники. Угождение товарищамъ, желаніе подслужиться имъ и подчиниться имъ — единственный выходъ и въ тюремныхъ общинахъ, какъ дѣйствителенъ онъ же и во всякихъ другихъ товариществахъ, хотя бы даже и въ кор-пусныхъ, гимназическихъ и семинарскихъ при прежнихъ положеніяхъ. Человѣкъ съ воли, съ широкаго деревенскаго раздолья, всегда въ этомъ случаѣ играетъ страдательную роль. Замѣчаютъ, что люди подобнаго закала на первыхъ порахъ безропотно покоряются своей участи, покорны и почтительны къ своимъ начальникамъ и спокойны въ своемъ несчастіи до тёхъ только поръ, пока пагубные совѣты старыхъ кадетъ, ихъ опасные примѣры и отчаянность не сдёлають ихъ столько же развратными, какъ и тв. Какимъ образомъ совершается такая перемвиа — это тюремная тайна, но фактъ превращенія совершается замѣчательно скоро. Посидѣвшій въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ (что сплошь и рядомъ случалось при старыхъ судахъ) превращался уже изъ простоплетенаго, добродушнаго человѣка въ скрытнаго, уклон-чиваго, ловкаго, опаснаго плута. Эта опасность можетъ исчезнуть только тогда, когда правительство, обязанное заботиться о благосостояніи и свободѣ своего народа, удалить этого преступника вмѣстѣ съ его товарищами и учителями въ другую и от-

даленную страну. Тамъ, имѣя меньше возможности вредить комулибо, они должны будутъ заняться работой, отказаться отъ своихъ порочныхъ наклонностей, принять убѣжденія болѣе общественныя и правила, болѣе нравственныя, подходящія къ назначенію человѣка.

Общество въ такомъ удаленіи порочныхъ людей нашло для себя залогъ собственнаго спокойствія и нѣкоторой безопасности; правственность много выиграла, потому что ссылка предупредила преступленій больше, чѣмъ всевозможныя наказанія, внушивъ страхъ остальнымъ людямъ, находящимся на пути къ преступленію. Пусть вообразятъ они себѣ то отчаяніе, которое причинила ушедшимъ разлука съ родиной, друзьями и ближними навсегда; между ними могъ попасться мужъ и отецъ, разлученный съ женою и дѣтьми, не пожелавшими слѣдовать въ ссылку. Безъ сомнѣнія, было бы лучше и полезнѣе для человѣчества найти причину преступленій и предупредить ихъ, истребивъ причину въ корнѣ, чѣмъ наказывать преступниковъ: но какъ безполезно стараться уничтожить зло, пока человѣческое сердце служитъ мѣстомъ для страстей, то усиліе отвращать зло—пока единственное къ тому средство, а самый удобный способъ—это ссылка.

Человыть можеть перенести самую тягостную жизнь, потому что, не смотря на всъ страданія и несчастія, онъ видить возможность избавиться отъ нихъ въ будущемъ и эта надежда его утѣшаетъ. Но мысль потерять навсегда то, что ему дорого, -уже свыше его силь. И какой неоцёненный случай застать его въ этихъ размышленіяхъ, развить въ немъ сознаніе преступленія, если бы наши ссыльные наканунь своей ссылки находились въ рукахъ людей, разумѣющихъ и оцѣнивающихъ въ нихъ человъческое достоинство! То ли бываетъ на самомъ дълъ у насъ въ Россіи, которой сознательно и справедливо завидують европейскія государства, не имѣющія подъ руками такихъ удобныхъ и счастливыхъ мъстъ для колонизаціи? Наши ссыльные на пути въ раскаянію попадають въ руки, еще сильнее увлекающія ихъ въ пороку, а на дорогѣ въ ссылку наталкиваются на новыя искушенія и соблазны, еще болёе рёзкіе, грозные и гибельные. Не будемъ же удивляться теперь, послё знакомства со всей пред-шествующей ссылкё обстановкой, — тому, что опытные старожилы сибирскіе встрёчають ихъ недовёріемъ и даже презрёніемъ. Поговорки сибиряковъ потому и сильны своимъ смысломъ, что характеризують одну изъ главныхъ черть поселенцевъ, благопріобрётенную въ тюрьмахъ и развиваемую въ Сибири, на самыхъ мъстахъ поселенія. Дъйствительно, ръдкій поселенецъ свободенъ оть страсти къ воровству, потому что онъ утратилъ въ тюрь-

махъ уважение въ чужой собственности и потерялъ въ дорогѣ по этапамъ, отъ безчисленныхъ вымогательствъ, любовь и надежду на личную собственность. Поселенецъ не отстаетъ отъ тюремной привычки и на мѣстѣ водворенія, потому что — какъ извѣстно — онъ въ Сибири, по прибытіи изъ партіи на «мѣсто причисленія», пособія не получаетъ и самъ ничего не имѣетъ, кромѣ ветхаго рубища и измызганной обуви, прослужившихъ ему на сотняхъ верстъ. Насколько онъ сохранилъ въ себѣ самоуважение, насколько принесъ онъ съ собою сознания человическаго достоинства-это еще вопросъ, подлежащий большому сомнѣнію, послѣ того какъ привели ссыльныхъ гуртомъ, въ стадѣ, которое и гонять къ тому же такъ, какъ будто это не люди, а что-то подобное скотамъ, нѣчто отличное отъ обычныхъ людей. На этапахъ и въ тюрьмахъ нътъ особыхъ протестовъ противъ униженія человѣческаго достоинства. Арестанты одѣты такъ, что . одсжду ихъ, не обинуясь, можно назвать лохмотьями, хотя лохмотья, на всёхъ ступеняхъ человёческихъ состояній, больше всего унижають и безчестять того, кто покрыть ими. Пища, которою кормять ссыльныхъ, завершая полноту униженія, въ тоже время вачествомъ и количествомъ своимъ не много даетъ задатковъ къ тому, чтобы ссыльный могь достаточно сберечь въ себъ силъ для предстоящихъ работъ въ Сибири. Вся обстановка подготовительнаго быта какъ бы намъренно стремится къ тому, чтобы уни-зить, а по возможности и уничтожить въ человъкъ человъка.

Этапное путешествіе производить наклонность къ бродячей жизни даже и въ тѣхъ поселенцахъ, которые не были до сихъ поръ бродягами, и подрываетъ охоту къ болѣе порядочной, осѣдлой жизни; тюрьмы пріучили поселенца къ грубой и праздной жизни, и во всякомъ случаѣ сдѣлали его неспособнымъ къ постоянному усидчивому труду, какого требуетъ и въ правѣ требовать отъ него новая страна, дѣвственная земля, новая и незнакомая бытовая обстановка. Отчужденіе отъ семейной и лишеніе правильно-размѣренной и устроенной жизни въ конецъ довершили ударъ и произвели окончательную порчу надъ этими людьми, которымъ судьба указываетъ быть колонизаторами богатой страны.

Торымъ судьоа указываеть оыть колонизаторами оогатои страны. Внушаеть ли кто до ссылки и во время путешествія арестантовъ въ ссылку о тѣхъ обязанностяхъ, которыя ожидають ихъ на новомъ мѣстѣ? Знакомятъ ди ихъ съ тѣми требованіями, которыя тотчасъ же заявитъ новая страна, и даютъ ли даже какое - либо понятіе о Сибири? Вмѣсто того, чтобы каждый день и каждую минуту внушать о предстоящемъ счастіи для тѣхъ, которые честно исполнятъ свой долгъ, основанный на трудѣ и предусмотрительности, — ссыльные остаются въ томъ же убѣж-

денія, что ихъ гонять въ такую темную безпросвётную даль, гдё, судя по началу, и ждать лучшаго нечего, и надёяться на вакія - либо льготы и уступки никакъ невозможно. По прибытів ихъ на мѣста ссылки принимають ли ихъ лица, спеці-ально назначенныя для попеченія объ нихъ, долго жившія между преступниками, хорошо изучившія посредствомъ долгаго и пристальнаго наблюденія ихъ характеръ, нравы и привычки, и наконецъ лица, хорошо знавомыя съ требованіями страны, съ сельскимъ хозяйствомъ, съ условіями торговли, съ ходомъ ремеслъ, съ нуждами окольнаго люда? — Напротивъ: дѣятельность и зна-ченіе смотрителей поселенцевъ ослаблены; люди, косвеннымъ и прямымъ образомъ вѣдающіе ссыльныхъ, —люди случайные, весьма часто новые, и во всякомъ случаѣ не имѣющіе никакого понятія о томъ, что требуется положеніемъ поселенцевъ. Внимательное изученіе и наблюденіе приведуть даже кь тому заключенію, что быть поселенцевь оставлень на произволь судьбы; люди, воторымь они ввёрены, слишкомъ равнодушны въ нимъ даже до того, что въ отношеніяхъ въ ссыльнымъ повазывають, при постоянномъ равнодушіи, въ моменты вниманія больше раздра-жительности и несправедливостей, чёмъ правды и сердечнаго уча-стія. Какъ будто ссыльные — лишнее бремя и посторонняя инстанція, которая отвлекаеть оть прямыхъ обязанностей по должности, безъ вознагражденія за труды, безъ ежемъсячнаго жалованья и безъ надежды на награду и отличія. Скажемъ настоя-щую правду: на всёхъ дёлахъ по отношенію въ ссыльнымъ лежить печать слишкомъ явнаго равнодушія и распущенности; пре-дупредительныхъ мёръ никакихъ, карательныхъ очень много, и все дёло поселенцевъ такъ запутано и въ такомъ заколдован-номъ кругѣ, какъ будто изъ него и никакого выхода нѣтъ. Покажемъ все это на фактахъ.

На первыхъ шагахъ въ Сибири, послё освобожденія пришельца отъ тюремъ и этаповъ, къ довершенію бёды испорченнаго ими человёка, его встрёчаетъ обязательство податей, наравнё съ крестьянами-старожилами, и 50-ти копѣечный взносъ въ экономическую сумму ссыльныхъ; но отъ повинностей поселенцы освобождаются. Такъ установилъ Уставъ о ссыльныхъ 1822 года. – «Поселенцы должны были по уставу платить подати, по прибытіи въ волость, съ перваго генваря; неуплатившихъ во время уставъ велѣлъ отдавать за приличную плату и содержаніе въ работу старожиламъ. Вообще они состоятъ подъ строгимъ надзоромъ, пока не обзаведутся. Для обзаведенія положенъ пятилѣтній срокъ. Если ссыльный въ это время устроится, то причисляется въ крестьяне и поступаетъ подъ обыкновенный зем-

скій надзоръ; причемъ съ перваго по водвореніи года поль-зуется трехлётнею отъ податей и 20-тилётнею отъ рекрутства льготою и получаетъ собственныя деньги, которыя имёлъ онъ при отправленіи въ Сибирь. Если же въ теченіи пяти лётъ не обзаведется, то платитъ положенную подать, оставаясь въ преж-немъ положении». Вотъ чего желалъ гр. Сперанский и воть что оказалось въ примѣненіи на практикѣ черезъ два-три года, судя оказалось въ примънени на практикъ черезъ два-три года, судя по словамъ генерала - губернатора Восточной Сибири, написан-нымъ 20 марта 1825 года: — «Съ 1823 по февраль 1825 посту-пило въ Енисейскую губернію на поселеніе 5,306 и неспособ-ныхъ 476; всего 5,782. При этомъ найдено, что въ губерніи немного уже остается селеній, къ которымъ можно приселять ссыльныхъ, да и тѣ вскорѣ могутъ наполниться, и въ такомъ случаѣ должно будетъ приступить къ поселеніямъ на счетъ казны. Приселенные ссыльные, бывъ обложены податями, оказываются несостоятельными къ платежу, потому что немногіе изъ старожиловъ могутъ принимать ихъ въ работу и оттого ссыльные, не имѣя пи занятій, ни средствъ къ пропитанію, самовольно переходять въ другія селенія и волости, въ которыхъ или работають изъ-за одного хлёба или проживають праздно, со вредомъ для старожиловъ: мѣры же обыкновенной полиціи не сильны сему поставить преграду». «Нельзя ожидать скораго водворенія ссыльныхъ, ибо сверхъ невозможности выдавать имъ деньги вскорѣ по прибытіи въ волости, они поступаютъ въ мѣста своего на-значенія въ ноябрѣ и декабрѣ и, не успѣвъ осмотрѣться, нахозначения въ ноноръ и декаоръ и, не успъвъ осмотръться, нахо-дятся въ обязанности платить подать, къ пріобрѣтенію которой удобно въ Сибири только лѣтнее время, прочее же затрудняеть ихъ даже и въ пропитаніи. Почему и остаются они у казны въ долгу и едва ли въ продолжительнѣйшее время будутъ въ состояніи водвориться». Тоже самое происходило и въ Западной Сибири. Представленія губернаторовъ разрѣшены были тѣмъ, что ссыльныхъ, поступающихъ на поселение съ сентября до мая велѣно облагать податями и 50-копѣечнымъ сборомъ съ 1 іюля; посту-пающихъ же съ мая по сентябрь облагать съ 1 генваря, «дабы они могли воспользоваться рабочимъ временемъ для пріобрътенія денегъ на подати». Тогда же разръшено выдавать ссыльнымъ собственныя ихъ деньги при началъ поселения. Въ отвътъ на это двёсти человёкъ ссыльныхъ, поступившихъ на приселеніе къ одной изъ волостей Каинской округи, жаловались (и жалоба ихъ дошла до Петербурга) на то, что съ нихъ, едва лишь они начи-наютъ помышлять объ обзаведении домами и скотомъ для хлъбопашества, уже требуютъ подати со всею настойчивостью и, при невозможности уплачивать, продается скудное ихъ достояние

за безцёнокъ, а сами они отдаются за малую плату (по 25 и 30 руб.) въ годъ въ работники въ тёхъ же самыхъ селеніяхъ, къ которымъ причислены, тогда какъ въ другихъ селеніяхъ могли бы они получать гораздо большую плату. Сенаторы, ревизовавmie западную Сибирь, удостовърились на мъстъ въ врайней и величайшей трудности посельщикамъ, по освобождении ихъ изъ тюремнаго заключенія безъ всего, кромѣ полуизношеннаго, оставляемаго имъ казеннаго одбянія, вдругъ найти средства къ пропитанію, къ обзаведенію домоводствомъ и къ платежу податей, и что «собственно отъ сего многіе изъ нихъ впадаютъ въ уныніе и даже отчаяніе, а нёкоторые дерзостнёйшіе, съ того самаго времени, какъ освобождаются изъ тюремнаго заключенія, ищуть случая къ побёгу назадъ въ Россію или начинаютъ въ Сибири новыя преступленія, покушенія на воровство, грабежи и разбои». Эта жалоба вызвала льготные годы, и 9 ноября 1832 года постановлено, тёхъ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые обзаведутся, въ течении льготныхъ трехъ лѣтъ, хозяйствомъ, записывать въ врестьяне и освобождать отъ податей и повинностей еще на три года. Неумѣвшихъ обзавестись велѣно облагать поселенческою податью, отдавать за неплатежъ въ работники и продолжать за ними строгій надзоръ; по совершенномъ же водвореніи записывать въ крестьяне, но безъ вторичной льготы.

Неопредѣленность положенія ссыльно - поселенцевъ мѣрами этими все-таки не исправлена и, черезъ тридцать лътъ послъ того, намъ приходится убѣдиться въ томъ, что прочнаго водво-ренія ссыльныхъ не достигнуто. Сибирь до сихъ поръ представляеть страну, гдъ бродячіе народы мало-по-малу становятся освалыми, но освалые люди сделались бродячими. Ссыльное населеніе этой страны представляеть движущуюся массу, постоянно перемвняющую свое место, где ни одинь индивидуумь не сидить спокойно на мёстё. Если у кочующихъ народовъ замёчается опредѣленный законъ, по которому они совершаютъ свои пере-движенія, за то у кочевниковъ изъ осѣдлаго племени людей вмѣсто закона всталь произволь и передвижениемъ ихъ управляеть какой-то незримый и непонятный рокъ. Только нёкоторая часть этихъ людей обнаруживаетъ определенное стремление на западъ, въ Россію, на родину; остальная безразлично и непосъдно бродить по всёмъ сторонамъ Сибири, наполняя ся тюрьмы съ низу до верху и затрудняя мёстныя власти до крайней степени. Воть что говорятъ правдивыя цифры въ подкрѣпленіе нашей первой мысли. Въ 1833 году принято Сибирью посланныхъ на поселение и на житье 5,011 мужч., 970 женщ. — въ 1838 году возвра-

щено изъ Россіи бѣжавшихъ съ мѣстъ поселенія 995 мужч., 41 женщина (слишкомъ пятая часть всего количества ¹).

Βъ	1834	r.	принято	посел.	4,919 м.	1,291	ж.;	въ	1839	возвр.	бѣжав.	727 м. 14 ж.
	1835		_		5,455	1,538		—	1840	-		813 - 20 -
	1836				7,251 —	1,357			1841	-	—	1,067 - 41 -
	1837				6,550	1,260			1842	_	'	826 - 23 -
	1838	-			5,221 —	1,177		_	1843		_	564 — 15 —
-	1839			-	6,057	1,135		-	1844		-	574 — 10 —
_	1840		-	—	6,284 -	1,256			1845			506 - 28 -
	1841		/		6,203 —	1,129			1846		-	328 — 16 —

Такимъ образомъ, изъ 52,951 мужч. и 11,123 жен., сосланныхъ на житье и на поселение, бъгали въ Россию 5,800 мужч., 208 ж., или съ небольшимъ 10-я часть всего поселенческаго населения, вновь собраннаго въ Сибири за тъ же девять, случайно нами взятыхъ лътъ.

Нѣкогда, въ тридцатыхъ годахъ, подобное яркое явленіе объясняли просто тѣмъ, что «ссыльнымъ не нужно поселеній: ихъ желаніе стремиться въ бродяжеству, глупой волѣ и преступленіямъ», что «побѣги повторяются нѣсколько сряду, пока бѣглецы, узнавъ по опыту невозможность побѣга въ Россію, не сдѣлаются домосѣдами». Теперь намъ нѣтъ нужды прибѣгать въ такимъ голословнымъ выводамъ: мы достаточно видѣли и причину постояннаго скитанья поселенцевъ по чужимъ дворамъ и доказательства слишкомъ яркія для того, чтобы считать побѣги въ Россію не только возможными, но и весьма легкими²). Конечно, всему бываетъ конецъ: ссыльные поселенцы дѣйствительно дѣлаются, послѣ безчисленныхъ шалостей, преступленій и бродажества, осѣдлыми; бываютъ и такіе случаи, что поселенецъ съ перваго раза садится на мѣстѣ, и сидитъ на немъ, не срываясь, не сбѣгая. Но это все частные отдѣльные случаи; общая картина показываетъ другое. Такъ, напримѣръ, въ теченіи тридцати

²) Разсказивають за достовърное люди, лично знавшіе арестанта, бъгавшаго въ Ярославскую губ. для свиданія съ сейействомъ. Три раза онъ уходилъ изъ Сибири и вст три раза дальше Пермской губерніи путь его не простирался. Его ловили, били кнутомъ, отсылали въ рудники; онъ бъжалъ въ четвертый разъ и уже доститъ до цъ́ли, сговорилъ жену, явился съ нею къ тамошнему начальству, попалъ из Ярославскую тюрьму, получнаъ 60 плетей и снова сосланъ на долгій срокъ каторги, но пошелъ въ Сибирь уже съ женою.

¹) Года беремъ на выдержку, но въ сопоставлени ихъ предполагаемъ, что годъ поселенцы жили на новомъ мъстъ, годъ доберались до стараго пепелища, гдъ годъ удалось имъ прожить подъ угръвою и защитою родныхъ; два года посидъть въ тюрьмъ за справками и, послъ долговременныхъ справокъ и стараго суда, черезъ пять лътъ снова явиться на смотръ и учетъ въ Тобольскъ.

ияти л'ътъ 1) сослано въ Сибирь на поселение и на житье 214,583 человѣка (181,822 мужч. и 32,761 жен., а между тѣмъ сибирский край не заселяется въ такой мёрё, какъ это необхоимо для его собственнаго блага и пользы государства вообще. Съ отмѣною, въ 1753 году, смертной казни въ Россіи, изъ руссвихъ губерній отправляется въ Сибирь ежегодно около 10 тысячь человъкъ, изъ которыхъ до 8 тысячъ назначается на поселение. Казалось бы, что народонаселение Сибири должно значительно увеличиться; но факты не оправдывають этого предположенія. Не смотря на естественное умноженіе русскихъ старожиловъ, общее народонаселение Сибири давно уже остается въ одномъ и томъ же положении. Оно составляетъ теперь только до 3,350,000 душъ, раскинутыхъ на пространстве 250,000 кв. миль. и потому далеко не соотвѣтствуетъ потребности края. Къ числу иногихъ причинъ относятъ также и безнравственность поселенцевъ, ихъ распутную жизнь, а вслёдствіе того и ту порчу отъ нихъ, которая пускаетъ глубокіе корни даже между старожилами. Одинъ изъ старожиловъ выражаетъ такое сътование: -- «Исчезло прежнее простодушіе сибиряковъ, которымъ они такъ славились! Обиліе страны и легкость пріобр'втенія всёхъ жизненныхъ потребностей породили лёность, безпечность, и затёмъ плутовства всякаго рода саблались главными основаніями ихъ действій. Отсюда произошло непомёрное возвышеніе цёнъ на хлёбъ и дру-гіе продукты». И все это произошло въ такой странё, гдё «необыкновенное плодородіе почвы, безъ всякаго удобренія, даже плохо обработанной, даетъ неръдко урожан ржи самъ - 15 - ть и болье, и гдъ необъятныя пространства тучныхъ пастбищъ по-крывались прежде многочисленными стадами разнаго рода скота! Леность и нерадение-вотъ главные виновники всего зла, и нужны сильныя мёры, чтобы остановить эту нравственную болёзнь. Для этого необходимо: 1) измёнить въ нёкоторой степени образъ ссылки и водворенія преступниковъ въ Сибири; 2) изыс-

¹) Съ 1823 по 1852 и съ 1854 по 1859 года; за два года промежуточные и за ист последующие мы не имъемъ цифръ подъ руками. Въ этомъ числё мы, разумъется, не считаемъ сосланныхъ на каторжныя работы; число каторжныхъ за извъстные ныть года возрасло до 44,503 человъкъ (40,357 мужч. и 4146 жен.) Такимъ образомъ число всъхъ пришедшихъ въ Сибирь ссыльныхъ (поселенцевъ и каторжныхъ) равняется 259, 086 чел. Считая среднимъ счетомъ на недостающие намъ года только по 8-ия тысячъ на годъ, мы получимъ приблизительную цифру съ 1754 по 1868 годъ всего количества ссыльнаго населения, которое дала Сибири Россия—около девятисоть тысячъ душъ обеего пода. А такъ какъ число каторжныхъ, по отношению къ носеленцамъ, составляетъ ¹/6 часть, то на одно поселение во всъ 113 лътъ постушило въ Сибирь больше 750 изысячъ человъкъ.

кать средства къ ихъ занятіямъ, которыя бы принесли большую пользу какъ имъ самимъ, такъ и обществу и государству; 3) принять мёры къ устраненію, по возможности безбрачной жизни ссыльныхъ; 4) прекратить бродяжничество между ссыльными, нынё въ Сибири находящимися, и 5) устроить всё возможныя мёры къ прекращенію плутовства при всёхъ сдёлкахъ и по всёмъ отраслямъ промышленности.»

Такова картина, представляемая въ настоящее время бытомъ поселенцевъ, когда взглянемъ на нее попристальнѣе и вникнемъ въ частности.

Ни одинъ еще поселенецъ не уходилъ въ Россію тотчасъ по прибытіи на мѣсто, — во всякомъ изъ нихъ довольно еще энергіи, чтобы попытаться: не будеть ли здёсь лучше, нельзя ли пожить на себя и на семью. Даже въ поселенцахъ, пришедшихъ одиночками, достаточно убереглось покорности судьбѣ и жела-нія покориться своей участи. Надо весьма пожить въ тюрьмахъ и тамъ поучиться, надо много и сильно осмотрёться и въ самой и такъ поучитвся, надо шпото и опарно сопотрытал и во опарно Сибири, кругомъ себя, чтобы дерзнуть предпринять такое смѣ-лое и трудное дѣло, каково обратное путешествіе на дальную ро-дину. Если съ одной стороны чрезвычайно сильно развита и весьма знаменательна въ русскомъ человѣкѣ любовь къ роднымъ мъстамъ и, при разлувъ съ ними, желаніе побывать и увидъть ихъ снова, то съ другой стороны, надобится много сильныхъ причинъ, чтобы привести въ исполнение такое дъло, которое на глазахъ самихъ же поселенцевъ не всегда удается. Въ ръдкомъ селеніи нѣтъ такихъ, которые были за то наказаны и, возвращенные вновь, водворены съ новыми стёсненіями въ кое-какихъ щенные вновь, водворены съ новыми стъснениями въ кое-какихъ правахъ и льготахъ (отданы въ работники, записаны въ кре-стьяне безъ вторичной льготы, изъ хорошихъ мѣстъ водворены на худшія, побывали въ заводскихъ работахъ, и проч.). Между тѣмъ не рѣдкость въ Сибири такіе случаи, что бѣгали въ Рос-сію семейные поселенцы и уводили съ собою женъ, дѣтей и родственниковъ, пришедшихъ за ссыльными по собственной волъ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ прочнѣе сидитъ на мѣстѣ семейный поселенець, но опять не диковинка тоть факть, что неудачи и несчастія разбивають семью и члены ея расходятся въ разныя стороны искать пищи и заработка, а отецъ-большакъ дёлается вукушкой въ истинномъ и переносномъ значении слова: либо повидаетъ дътей въ чужомъ гнъздъ, либо бродитъ по лъсамъ и деб-рямъ, на въстяхъ у генерала Кукушкина. Про одиночевъ изъ

HECHACTERIE.

поселенцевъ и говорить много нечего. Для нихъ, разумъется, уже иъть връпкихъ путъ, привязывающихъ въ мъсту; даже и такихъ, не совсъмъ надежныхъ путъ, какими, повидимому, пользуются семейные ихъ товарищи. Одиночку, а въ особенности вновь прибылаго старожилъ всегда встръчаетъ недружелюбно. Сколько бывало такихъ случаевъ, что поселенецъ, получившій надълъ земляного участка, отдавалъ его первому охотнику изъ крестьянъ въ кортомъ, а самъ брелъ искать счастья въ чужихъ и дальныхъ людяхъ.

Противъ одиночекъ изъ поселенцевъ ставятъ преграду - какъ мы выше свазали — сибиряки - старожилы. Въ 1831 году положено было выдавать 150 руб. вазенныхъ денегъ важдому старожилу изъ казенныхъ крестьянъ и мбщанъ, который отдасть за ссыльно-поселенца свою дочь или родственницу и приметь зятя для житья и работь въ собственномъ домѣ: въ 1840 году принуждены были придумать новую мёру, вызванную неудачами первой. Женщинъ свободнаго состояния, вышедшей въ замужество за поселенца, вступающаго въ Сибири въ первый бракъ, велёно выдавать 50 руб. Поселенцу, вступающему въ первый же бракъ со ссыльною, выдается отъ казны 15 руб. сер. безвозвратно и 15 руб. сер., въ десятилѣтнюю ссуду, заимообразно. Но предначертанія не обезсилили предуб'яжденій. Бракъ — этотъ легкій и върный способъ для смягченія сердца, даже у людей жествихъ, влыхъ и сильно-огрубѣвшихъ въ порокахъ, не способствуетъ ни перемѣнѣ испорченныхъ правовъ у поселенцевъ, не служитъ и основаниемъ надежды, что эти несчастные могуть воспользоваться благотворными послёдствіями священнаго союза. Браки поселенцевь въ Сибири — до того большая ръдкость, что многимъ туземцамъ приходила въ голову мысль исправить это зло по-средствомъ переселенія въ Сибирь публичныхъ женщинъ изъ объихъ столицъ и другихъ большихъ городовъ имперіи, по примѣ-рамъ, неоднократно повтореннымъ въ царствованіе Екатерины II ¹).

Томъ У. - Сентяврь, 1868.

¹) Замѣчательно, что предки нынѣшинахъ свбиряковъ, первые пришельцы русскіе, казаки, воровала себѣ женъ въ Россіи, оправдываясь дозволеніемъ царя Грознаго, выраженнымъ въ грамотѣ атаману Кольцу, подписанной дьякомъ Андреевымъ. На эту грамоту ссылались свбиряки въ 1622 г., когда патріархъ Филаретъ вознамѣрплся прекратвтъ здо и послалъ тобольскому архіерею Кипріану обличительную грамоту. Филаретъ приказалъ выслать въ Москву эту грамоту, какъ несовиѣстную съ уставами православной церкви, и поставляетъ на видъ: 1) «что въ Свбири не носятъ крестовъ, не хранятъ постовъ, живутъ съ некрещеными женами, кумами и свояченицами; при отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя чѣмъ выкупить, женятся на другихъ; 2) что духовные вѣнчаютъ безъ оглашенія и потворствуютъ воеводамъ, которые краденыхъ въ Россіи дѣвицъ продаютъ въ замужество и заставляютъ при себѣ ихъ вѣнчать. Монахини уходятъ въъ обители и живуть въ міриъ». Въ 1637 году прислано было

Пособія, выдаваемыя поселенцамъ и ихъ женамъ (по 766 ст. Уст. о ссыл.) для поощренія въ семейной жизни и «для улучшенія домообзаводства», не достигають своего назначенія. Деньги иногда выдаются совершенно бездомнымъ, живущимъ на золотыхъ пріискахъ или въ чужихъ домахъ. Надзора за правильнымъ употреблениемъ денегъ никакого ибтъ: деньги выдають исправники, которымъ нътъ физической возможности наблюдать за тъмъ, вуда истрачены деньги, даже и волостныя правленія не поставлены ими въ подобныя обязательства надзора. Волостныя правленія знають оть экспедиціи о ссыльныхь, что деньги назначены въ выдачв такому-то, а когда и сколько получитъ онъ ихъ --правленіямъ неизвѣстно. Смотрители поселенцевъ не знаютъ даже и того, кому, когда и сколько назначено пособія и сами губернскія правленія, сообщая въ казенныя палаты о выдачѣ денегь, не имъютъ свъдъній ни о времени, ни о количествъ выданнаго. Само собою разумѣется, что и деньги эти, переходя изъ рукъ въ руки, значительно сокращаются, мельчаютъ и доходятъ по принадлежности въ уменьшенномъ размъръ (волостные писаря въ Сибири наживають большіе капиталы). Мы знаемъ случай въ Томской губ. (Каннскаго округа), гдѣ вмѣсто 50 руб. сер. получено тремя поселенцами только по 112 руб. ассигнаціями, т. е. всего 32 руб. сер.: 54 руб. завязли въ карманахъ передатчиковъ ¹).

Если такимъ образомъ уходъ поселенцевъ съ мъстъ водворенія въ русскую сторону, вызывается въ одно время и тоскою по родинъ и негостепріимствомъ новаго мъста и новыхъ сосъдей, то, вообще, тасканье по чужимъ людямъ и въ сосъдствъ вынуждаются другими причинами, въ которыхъ поселенцы также мало повинны и являются страдательными участниками. Въ число бро-

¹) Воть какова процедура выдачи денежнаго пособія на вступленіе въ бракъ: назначаеть деньги губернское правленіе и сообщаеть казенной палатѣ; эта предписываетъ казначейству; казначейство выдаетъ исправнику; исправникъ, если не можетъ выдать поселенцу самъ, — отправляетъ деньги въ волость. Не лучше ли было бы поступать такъ (во избѣжаніе безполезной переписки и излишней проволочки времени): ассигновать на этотъ предметъ ежегодно извѣстную сумму, и тогда назначенныя губернскимъ правленіемъ деньги изъ экспедиціи отсылать прямо въ волостное правленіе, возложивъ на обязанность послѣдняго наблюденіе, а на смотрителей поселенцевъ повѣрку на мѣстѣ, что именно сдѣлано на выданныя деньги, и доносить о томъ экспедиціи? Къ чему тутъ припутанъ исправникъ, когда спеціально для ссыльныхъ учреждены экспедицій, и смотрители поселенцевъ теперь не что иное, какъ писцы экспедицій?

въ Тобольскъ 500 семей и 150 дъвицъ для женитьбы казаковъ, изъ Вологды, Тотьшы, Устюга и Сольвычегодска. Въ 1728 году, сибирики начали женъ уже покупать; такъ въ этомъ году дълается взатствымъ, что русскіе березовцы покупали у остяковъ дъвочекъ и платили за семилѣтиюю остячку 20 коп. мѣдью. Покупали они и мальчиковъ, и мальчикъ того же возраста стоилъ 25 копѣекъ.

дять и въ это звание, поставляемое въ укоръ поселенцамъ, понадають въ Сибири сплошь и рядомъ даже тё изъ нихъ, кото-рыхъ собственно этимъ именемъ и называть несправедливо. Такъ напр., губернскіе остроги и остроги тёхъ городовъ, въ которыхъ бывають торговые и промышленные съёзды (въ видѣ ярмарокъ, базаровъ и събздовъ для найма на золотые промыслы) часто пе-реполняются, подъ видомъ бродягъ, тёми изъ поселенцевъ, ко-торые перешли за предёлы района, дозволеннаго закономъ. Какъ торые перешли за предылы рапона, дозволеннато законоль. извъ извъстно, по распоряженію высшаго начальства, поселенцы, по прибытіи на мёсто, не имёють права отлучаться изъ своей во-лости въ продолженіи двухъ лётъ, полагаемыхъ достаточными для обзаведенія хозяйствомъ. Мёра эта, — благодётельная по принципу, когда сопровождается правильнымъ надзоромъ, — безъ матеріальнаго пособія въ неблагопріятномъ положеніи по-селенцевъ, не приноситъ пользы даже и на половину. Для хозяйства нужны деньги и упорный трудъ: у большей части по-селенцевъ нѣтъ гроша мѣднаго, а новоприбылымъ и собственныхъ денегь ихъ не выдають до окончательнаго ихъ водворенія; въ тому же этапы и тюрьмы выучили враждебнымъ труду началамъ. Ссыльный идетъ въ другую волость, гдъ сильнъе требованіе на работнива, идетъ въ городъ, гдъ всегда върнъе заработокъ — и попадаетъ въ тюрьму. Въ тюрьму попадаетъ безъ разбора даже и такой, который шель по приглашению и съ намърениемъ непремённо заработать деньги для платежа податей и для собственной надобности. Въ томскомъ острогѣ въ концѣ іюля 1859 года сидѣло такихъ поселенцевъ 20 человѣкъ, и такіе мнимые бродяги содержатся нерѣдко отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года и бо-лѣе: всѣ — изъ водворенныхъ въ ближайшихъ къ Томску воло-стяхъ, всѣ — пріѣхавшіе на базаръ и взятые полиціею «за безписменность». Эти люди, просидѣвшіе въ тюрьмѣ лѣтніе мѣсяцы, необходимые для врестьянина, неръдво приходять въ врайнее разореніе, особенно, если таковой поселенецъ — одиновій человъкъ. Пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ, у него растащатъ и послѣд-нее достояніе и только лишь вышелъ изъ нея — онъ уже про-летарій насквозь и не плательщикъ никакихъ податей ¹). Въ томъ же томскомъ острогѣ, пишущій эти строки, въ числѣ этого сорта бродягъ видѣлъ и такого, который при нашемъ появленіи, вслѣдъ за другими, сползъ-было съ наръ, хотёлъ встать на ноги и тот-

B*Google

¹) Отчего бы взятыхъ на базарѣ не приводнть въ экспедици для сличенія примѣть и для отправки на мѣсто? Двойственность власти и на этоть разъ усложняетъ дѣло такъ, что отъ обилія подобнаго рода бродягъ ломятся сибирскія тюрьмы и въ успленной бумажной дѣятельности тонеть живое и настоящее дѣло.

часъ же, противъ собственной воли, грохнулся снова на нары. Этотъ несчастный былъ дряхлый старикъ, сугорбый, съ одышкой, весь искалѣченный и до невозможности слабый, какъ можетъ быть слабъ сибирскій поселенецъ въ 76 лѣтъ, и уже давно записанный въ разрядъ неспособныхъ. Сидѣлъ этотъ безногій старикъ, этотъ живой мертвецъ, также за бродяжество и отвѣтъ его о причинѣ ареста, сказанный громко и съ кашлемъ, вызвалъ неудержимый хохотъ всей серьёзной казармы. Несчастный, вмѣсто богадѣльни, попалъ въ тюрьму!

Изъ богадѣленъ, назначенныхъ для ссыльныхъ поселенцевъ, намъ извѣстны двѣ, обѣ въ Томской губерніи. Выстроенная въ г. Маріинскѣ (недавнемъ селѣ Кіѣ — бойкомъ и достославномъ г. Маріинскѣ (недавнемъ селѣ Кіѣ — бойкомъ и достославномъ нѣкогда пунктѣ найма рабочихъ на золотые промыслы) содержится опрятно и даже щеголевато, но въ ней помѣщается только 20 человѣкъ. На 20 же человѣкъ устроена и другая, намъ извѣст-ная богадѣльня въ Боготолѣ (селеніи Маріинскаго округа). Про третью (и послѣднюю для всей Томской губерніи) богадѣльню въ селѣ Покровскомъ (Каинскаго округа) мы знаемъ то, что она занимаетъ два ветхихъ дома, надѣленныхъ огромнымъ дво-ромъ, который обнесенъ полуразвалившимся плетнемъ. Но и въ этой помѣщаются избранные счастливцы, тогда какъ сотни дру-гихъ «неспособныхъ» терпятъ холодъ и голодъ въ полнѣйшемъ значенія этихъ словъ. Въ тѣхъ селеніяхъ глѣ находятся вогихъ «неспосооныхъ» терпятъ холодъ и голодъ въ полнъишемъ значеніи этихъ словъ. Въ тъхъ селеніяхъ, гдѣ находятся во-лостныя правленія, существуютъ такъ называемыя частныя бога-дѣльни или, вѣрнѣе сказать, «полуразвалившіяся лачужки, гдѣ лежатъ на клочкахъ соломы полунагіе, въ изорванныхъ руби-щахъ, дряхлые и совершенно безпріютные поселенцы безъ вся-каго призрѣнія. Кто изъ нихъ можетъ передвигать ноги и бродить по-міру, тоть собираеть малые вуски для своихъ товари-щей, лишенныхъ силъ просить даже милостыню. Здёсь, такимъ щеи, лишенныхъ силъ просить даже милостыню. Здъсь, такимъ образомъ, бёдность и нищета являются въ самомъ грязномъ и отвратительномъ видѣ» ¹). Между тѣмъ обѣ губерніи, Тобольская и Томская, по силѣ указа сената (15 іюля 1853 г.), предпи-сывающаго отсылать всѣхъ поселенцевъ въ Восточную Сибирь, теперь остаются преимущественно при прежнихъ поселенцахъ, дряхлыхъ и слабыхъ старикахъ, которые не только не могутъ обзавестись домами, но и прокормить себя трудомъ рукъ своихъ²).

¹) Состраданіе и участіе благороднаго человѣка, написавшаго эти строки, вызвали до нѣкоторой степени облегчевіе ихъ участи: 18 поселенцевъ, проживавшихъ въ частвыхъ избушкахъ, получили одежду, обувь, бѣлье и дневное пропитаніе. Хлопотами того же лица составлены были проекты о постройкѣ въ волостяхъ домовъ для призрѣнія поселенцевъ.

²) Высочайте утвержденное митніе государственнаго совъта (15 іюня 1859 г.)

Разрядъ «неспособныхъ», какъ извѣстно, опредѣляется то-больскимъ Приказомъ о ссыльныхъ, который распредѣлялъ всѣхъ ссыльныхъ поселенцевъ по четыремъ губерніямъ и по пяти ка-тегоріямъ (во временные заводскіе рабочіе, въ ремесленники, въ цехъ слугъ, на поселеніе и на житье, и въ неспособные). При этомъ, судя по табели Приказа за 29 лѣтъ (съ 1823 по 1852 г.) замѣчательно то, что во временные заводскіе рабочіе изъ всего числа поступило всего больше въ бывшую Омскую область; ремесленниками обильнѣе заручилась Тобольская губернія, слугами она же (своя рука — владыка); на поселеніе и житье больше ушло въ Енисейскую губернію, а на Томскую, въ утѣшеніе, всего больше досталось люду неспособнаго. При этомъ особенно замѣчательно, что на Томскую губернію во всѣ 29 лѣтъ попало только четыре ремесленника. Предблы статьи не позволяють намъ уходить въ дробныя частности, представляемыя табелями Приказа (смысль которыхъ мы разъясняемъ въ отдёльномъ трактатё). Возвращаемся снова въ поселенцамъ, которые уводятъ насъ снова въ сторону и опять на торную дорогу ихъ бездомовнаго скитанья и безконечнаго бродяжества. На этотъ разъ, вмъстъ сь самими поселенцами, мы радуемся тому счастливому случаю, что нёкоторымъ удается сразиться со всёми трудностями и препятствіями перваго обзаведенія, и они заводятся хозяйствомъ и попадають въ число бродягь только по ошибкѣ, вслѣдствіе недоразумѣній. Другіе, достаточно пошатавшись, находятъ пріютъ, но тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ и такъ, что въ Сибири ихъ за то не одобряютъ. Но первымъ хуже; вторые счастливъе. Докончимъ о первыхъ: намъ остается сказать немногое.

Если благоразумному и предусмотрительному поселенцу удается какимъ-нибудь образомъ выстроить свой домъ и обзавестись собственнымъ маленькимъ хозяйствомъ, — онъ и тогда не избѣгаетъ разныхъ притѣсненій; между прочими ему не даютъ въ достаточномъ количествѣ ни земли, ни луговъ. Поселенцы единогласно и повсюду жалуются, что лучшія земли и покосы остаются въ пользованіи старожиловъ, что старожилы постоянно ихъ окаши-

положило ссыльно-поседенцевъ, для прекращенія праздности и бродяжества, назначать, по особому судебному приговору, въ казенныя работы по западной Сибири. Сосланные на житье, впредь до окончательнаго устройства сибирскихъ поселеній и центральныхъ тюремъ, остаются покуда на прежнихъ правилахъ. Переселенные въ порядкв административномъ, получили право жить исключительно въ западной Сибира (если сами не пожелаютъ водвориться въ восточной), могутъ записываться въ городскія и сельскія сословія и, при хорошемъ образъ жизни, возвращаться даже на жительство въ Россію, только не въ ту губернію, изъ которой удалены и не въ сосъднія съ нею.

вають и опахивають. Во многихъ мъстахъ на притъсненія, дълаемыя въ земляныхъ угодьяхъ, жалуются не только поселенцы, но и бёдные крестьяне-старожилы. На это зло въ Сибири давно сложился врупный типъ міробда-богателя. Ерофей Хабаровъ, знаменитый герой Амура, быль одинь изъ первыхъ, положившихъ начало и корень такимъ алчнымъ пріобрѣтателямъ и обидчикамъ; знаменитый богачъ К..., ворочавшій въ недавнія (уже въ наши) времена всёми торговыми и промышленными дёлами цёлой половины Забайкалья, всего Нерчинскаго врая — быль не послёднимъ. Простодушіе сибирскаго люда привыкло видёть въ такихъ ловкихъ капиталистахъ не только первыхъ и коренныхъ цёновщивовъ ихъ труда, но и совётниковъ во всёхъ житейскихъ дѣлахъ и политическихъ вопросахъ. Если время и ослабило ихъ деспотическую дъятельность и грозный образъ Хабарова, отнявшаго у поселенца жену и поколотившаго и искалёчившаго якутскихъ поселенцевъ, присланныхъ въ Киренскъ на его заимку для поселенія, — значительно поблёднёль теперь и измельчаль, но все-таки идея его живуща и способы эксплуатаціи чужого труда все тѣ же. Не такъ крупны, грубы и жестоки сдёлались припадки, но болёзнь все еще гнёздится въ организмё. Больныхъ такихъ числомъ стало еще больше и нътъ въ Сибири оволодка, гдѣ бы какой-нибудь міровдъ не путалъ въ своихъ крѣпкихъ тенетахъ и простодушныхъ старожиловъ и беззащит-ныхъ поселенцевъ. Въ Россіи такіе люди уже не такъ сильны; въ Сибири они еще поражаютъ силою своего вліянія, прочностію своего положенія, не смотря на то, что со стороны властей ділались на нихъ энергическія вылазки, наскакивала коса на камень, но далеко не вездѣ; а западной Сибири въ этомъ отношеніи счастливилось меньше, чёмъ восточной. Тамъ еще и до сихъ поръ у ръдкаго изъ купцовъ богатыхъ городовъ, въ родъ Тюмени, нътъ своей деревни, въ которую онъ бдетъ какъ въ свое помѣстье, гдѣ его боятся и имъ живутъ. Міроѣды эти, извёстные каждый въ своемъ околодкѣ подъ шутливымъ прозвищемъ «губернаторовъ», во многихъ мъстахъ поражаютъ еще до сихъ поръ крупными дикими чертами, какъ почти все въ этой сильной и дикой странъ, называемой Сибирью. Обидчики въ родѣ купцовъ Л..., П.... и другихъ и для западной Сибири настолько сильны, что бытъ поселенцевъ, успѣвшихъ водво-риться, значительно утѣсненъ и обездоленъ.

Присяжные защитники поселенцевъ, такъ называемые смотрители, настолько слабы значеніемъ своимъ передъ богатыми тузами, умѣющими хорошо кормить и угощать, и настолько ничтожны вліяніемъ своимъ, парализованнымъ вмѣшательствомъ

болёе врупныхъ властей, что на нихъ даже и врестьяне смотрять съ пренебрежениемъ, - только за то, что они хоть и чиновники, но предстатели посельщикова, варнакова. Общее, вкоренившееся недоброжелательство въ поселенцамъ до того сильно въ сибирскихъ крестьянахъ, что они, всегда считая ихъ чуждыми своего общества въ дълахъ интереса, смотрятъ на нихъ какъ на парій; отсюда, передъ крестьяниномъ поселенецъ всегда виновать. Смотрители, вытсто того, чтобы быть адвокатами, посредниками въ дѣлахъ поселенцевъ, имѣть строгое наблюденіе за сборомъ съ поселенцевъ податей, принимать мѣры къ устройству ихъ быта, — на самомъ дёлё остаются безъ правъ (которыхъ имъ не дано), а въ своихъ дъйствіяхъ они постоянно встречаютъ оппозицію со стороны земскаго и волостнаго начальствъ. Оттого положение смотрителей чисто пассивное. Сибирский крестьянинъ, привыкшій передъ всякимъ новымъ человѣкомъ снимать шапку, передъ поселенческими смотрителями этого не дѣлаетъ, смѣло оправдываясь тёмъ, что онъ-де крестьянинъ, а не поселенецъ; волостныя правленія не исполняють никакихъ смотрительскихъ требованій, какъ бы желая, чтобы права смотрителей были болѣе укрѣплены, чтобы административныя и хозяйственныя дѣла поселенцевъ, для пользы и блага послёднихъ, исключительно были переданы въ ихъ въдъніе, и проч. ¹). Когда подъ въдъніемъ земской полиціи поселенческія недоимки стали значительно возрастать и возбудили серьёзную заботу, и когда изслёдованы были ближайшія причины (не во многомъ отъ самихъ поселенцевъ зависѣвшія), то замѣчена была одна любопытная. Подати съ поселенцевъ, какъ извѣстно, собираютъ особые сборщики изъ врестьянъ, отличающіеся добросовъстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей относительно земляковъ-односельцевъ. По отношенію въ поселенческимъ деньгамъ, въ силу общественнаго положенія поселенцевъ и обыкновеннаго взгляда на нихъ. сбор-

¹) Какъ-то: увольневіе поселенцевъ на работы и золотые промыслы, видача билетовъ, сборъ податей, вся отчетность въ денежныхъ сумиахъ, заботы о нуждахъ бытовыхъ, присутствіе въ качествъ депутата при исковыхъ дѣлахъ между поселенцемъ и крестьянами. И теперь на смотрителей возлагаютъ обязавности, подобныя заведенію алфавитовъ, приведенію въ порядокъ всегда сильно запущенныхъ дѣла по поселенческой части, но все это въ формѣ временныхъ обязавностей и частныхъ распоряженій. Права и обязанности смотрителей закономъ совершенно не опредѣлены, а съ 1841 года поселенцы и вст дѣла объ нихъ переданы были въ земскія полиціи. Между тѣмъ уже въ 1852 году замѣчено было, что незаконный поборъ за выдачу билетовъ на золотые промыслы началъ въ особенности возвышаться съ тѣхъ зоръ, какъ выдача билетовъ перешла изъ вѣдѣпія смотрителей въ вѣдѣніе волостныхъ правленій. До 1841 года злоупотребленій было менѣе, сборъ податей шелъ успѣшнѣе, и недоника на носеленцахъ начала значительно накопляться съ 1842 года.

щики податей нередко взысканныя деньги совсёмъ не представляли, или сдавали въ уменьшенномъ количествъ, или наконецъ, дълали такимъ образомъ, что взысканныя съ поселенцевъ подати вносили за крестьянъ-своихъ родственниковъ или пріятелей. Если крестьяне уплачивали, то сборщики взносили за поселенцевъ, въ противномъ случав оставляли такъ, какъ было дёло, и на посе-ленцахъ считалась недоимка увеличенною. Къ тому же волостное начальство, по укоренившемуся съ давнихъ временъ обычаю, собираеть подати съ однихъ наличныхъ поселенцевъ, нанимающихся на пріиски, при выдачѣ имъ билетовъ, и то не всегда, за цёлый годь, а только за половину слёдующаго. Недоимка ростетъ на безчестье поселенцевъ и на валовое обвинение ихъ, а между тёмъ волостныя правленія сами не исключають изъ списковъ умершихъ, бѣжавшихъ и выбывшихъ разными случаями или оказавшихся, по медицинскому свидётельству, неспособными въ работамъ (при чемъ крупнѣе цифра недоимки за умершими, потомъ за неспособными и наконецъ за бѣжавшими). Казначейства считають недоимки также неправильно, насчитывають большія цифры; исправный платежъ податей падаетъ не на общество, а на личную отвётственность каждаго поселенца; между тёмъ поселенцы, уличенные въ новыхъ преступленіяхъ, до ръ́шенія дъла, сидятъ въ тюрьмахъ иногда по нъ́скольку лѣтъ, податей въ это время не платять, а недоимка ростеть. Между тъмъ экономическій капиталь ссыльныхь, наростающій оть взносовъ по-селенцевъ и не идущій на нихь, — огромный (такъ напр., по двумъ губерніямъ: Енисейской и Иркутской, около 300 тысячъ было въ 1862 году)¹). Изъ этого капитала весьма малая часть тратится на леченіе ссыльныхъ въ больницахъ, а добрая доля его прилаживается обыкновенно къ какому-нибудь крупному предпріятію, совершенно стороннему и ничего общаго съ дёломъ ссыльныхъ не имѣющему (въ родѣ напр. пріобрѣтенія Амура, яму котораго до сихъ поръ хорошенько завалить не могутъ). Каторжныхъ уволятъ отъ обязанностей, причислятъ къ какой-нибудь волости, на томъ всъ и заботы покончатъ, а тамъ хоть трава не рости. Стяни что-нибудь, иди въ кабакъ и опять сту-пай на прежнюю дорогу, въ каторгу или на заводы, смотря по преступленію или проступку, обличившему тебя, горемыка!...

• Преступленія, за которыя судятся поселенцы въ Сибири, группируются болъе крупною цифрою около такъ-называемаго

¹) По отчету министра внутреннихъ дълъ, установленный въ 1822 году сборъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ къ 1864 году по всей Сибири возросъ до 853 тысячъ (см. Съв. Почта, 1865, № 245).

преступленія «поб'єв изъ Сибири»; затёмъ слёдуеть воров-ство со взломомъ, — преступленіе, которое служить обыкно-венно коренною причиною ссылки поселенца, а въ Сибири яв-цяется слёдствіемъ безвыходности положенія. Затёмъ поселенцы иется слъдствіемъ оезвыходности положенія. Затъмъ поселенцы ділаются убійцами, потомъ виновными въ развратномъ поведе-ніи (въ особенности поселенки), въ побъгахъ изъ-подъ стражи, во вмомѣ тюремъ и въ діланіи фальшивыхъ билетовъ¹). Число дру-гихъ поселенческихъ преступленій, по воличеству своему и срав-нительно съ предъидущими, довольно незначительно, чтобы ді-лать какія - либо серьёзные выводы. Во всякомъ случаѣ, онѣ не такъ многочисленны, какъ можно бы было ожидать при услоне такъ многочисленны, какъ можно бы было ожидать при усло-віяхъ бродяжьей жизни, при сильно развитомъ въ людяхъ этихъ пьянствѣ и по тому поголовному обвиненію, которое возводятъ на нихъ люди, судящіе не по цифрѣ и скрытому въ ней смыслу, а изъ своекорыстнаго разсчета оправдать свою собственную не-правильную дѣятельность или совершенное бездѣйствіе. Исканіе одной дикой воли и совершеннаго бездѣйствія, въ которыхъ эти юди находятъ оправданіе себѣ и обвиненіе поселенцамъ, — аргументы крупные и сильные на бумагѣ, — на дѣлѣ не выдер-киваютъ критики. Всякій человѣкъ ищетъ для себя лучшаго: таково свойство люксюй природы и вообще всѣми давно притавово свойство людской природы и вообще всёми давно притаково своиство людской природы и восоще встами давно при-знано, что человѣкъ остается охотно тамъ, гдѣ ему хорошо, охотно работаетъ и трудится, когда его положеніе кажется ему сноснымъ и когда постоянныя неудачи и препятствія не дово-дять его до утраты вѣры въ себя, не уничтожаютъ его бодро-сти. Не забудемъ, что поселенцы довольно часто приходятъ съ семействами: въ 29 лѣтъ двѣсти тысячъ сосланныхъ на посемействами: въ 29 лѣтъ двѣсти тысячъ сосланныхъ на по-селеніе лицъ обоего пола увлекли за собою семнадцать тысячъ припедшихъ по собственной волѣ женъ, дѣтей и родственни-вовъ. Въ той же Сибири имѣются доказательства противному, сишкомъ опредѣленныя, но достаточно не изслѣдованныя. Въ Сибири нѣтъ того мѣста, гдѣ бы жили старовѣры или, по та-иошнему, киржаки и гдѣ бы не разсказывали за вѣрное, что рѣдкій изъ этихъ богачей не имѣетъ собственной деревушки, куда онъ ѣдетъ какъ помѣщикъ, и встрѣчается какъ архіерея. Сюда, по завѣту отцовъ, богатые киржаки за удовольствіе пола-гаютъ для своей души принять всякаго странника и тщательно

¹) Въ теченія 9 лѣтъ (съ 1838 по 1847 годъ) всѣхъ поселенцевъ суждено въ Сибиря 6.829 мужч., 301 женщ., — цифра, уступающая однако преступникамъ изъ бродягъ, которыхъ за тѣ же годы осуждено 14,861 мужч., 3,785 женщ. и преступникамъ изъ Кагоржныхъ по числовому отношенію общаго количества тѣхъ и другихъ; число каторжныхъ въ 6 разъ меньше общаго числа поселенцевъ, но всѣхъ каторжныхъ за тѣ же годы осуждено 2,689 мужч., 30 женщинъ.

уберечь его отъ грядущихъ напастей и золъ. Говорятъ, что нѣкоторымъ приводилось прятать и бѣглыхъ каторжныхъ и шатающихся поселенцевъ. При обыскахъ они умѣли откупаться, по древнему способу, котораго не чуждался и самъ Де-Геннингъ основатель города Екатеринбурга, умѣвшій не брезговать бѣглымъ ссыльнымъ и за крѣпкіе подкупы присылавшій къ новому городу даже бѣглыхъ съ каторги. Около Екатеринбурга и около Тюмени испоконъ-вѣку бывали притоны для бродягъ изъ раскольниковъ.

Въ Сибири же повсюду разсказывается недавній случай находки, однимъ изъ земскихъ чиновниковъ, цёлаго селенія, нигдѣ въ книгахъ не записаннаго, нигдѣ на картахъ не нанесеннаго, о которомъ ближайшій становой приставъ (по сибирски, засѣдатель) ничего не зналъ, ни отъ кого не слыхалъ.

Для кого же теперь тайна организаціи свободныхъ, или (какъ привыкли выражаться) самовольныхъ поселеній, не говоря о ежемъсячныхъ приселеніяхъ каторжныхъ къ поселенцамъ и на обо-ротъ? Кому не ясно, что болъе счастливыя плодородіемъ и болѣе защищенныя природою и безопасныя мѣста въ Сибири, охотнъе избираются самовольными поселенцами, для свободныхъ поселеній, и, что между ними Алтай по преимуществу облюбленное мѣсто? Въ томъ обширномъ влинѣ благодатной земли, который връзался между ръками Біей и Катунью, стремящимися слиться въ Обь, давно уже ведется эта опасная игра въ ставки новыхъ деревень по народнымъ образцамъ до-петровскихъ временъ, еще очень живущимъ и хорошо прилаживаемымъ къ Си-бири. Для Сибири вопросъ о свободной народной колонизаціи еще не кончился, хотя, правда, и въ Россіи онъ совершенно убитъ только въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Въ Сибири мы сами видѣли, въ 1861 году, десятовъ малороссовъ, пришедшихъ изъ Кіевской губерніи въ нахваленную имъ Сибирь, поискать хоро-шихъ земель, подъ Омскомъ схваченныхъ за бродягъ и въ омской тюрьмё отвровенно и простосердечно высказывавшихъ намъ то же самое показаніе, какое дали они и по начальству. А сколько сибирсвія экспедиціи о ссыльныхъ записали подъ именемъ поселенцевъ, — также въ недавнія и наши времена, — дворовыхъ людей (преимущественно губерній Московской и Пензенской), бъжав-• шихъ отъ господъ, и връпостныхъ врестьянъ, пришедшихъ изъ густо-населенныхъ губерній на золотые пріиски, полюбившихъ Тусто-населенныхъ гудерния на золотые приксы, пользовышахъ Сибирь больше родины и пожелавшихъ въ ней остаться! Схва-ченные за бродягъ, посаженные въ тюрьмы и выученные тамъ дешевому способу показать себя непомнящими родства—они до-стигали цёли: наказанные при полиціи, они записывались въ званіе

поселенцевъ. Нѣкоторые для вящшаго удостовѣренія въ показаніяхъ своихъ дѣлывали на лицахъ искусственные шрамы, чтобы походить на поселенца, освобожденнаго отъ каторжныхъ работъ ¹).

Внутри Алтая, на правомъ берегу Катуни при устьё рёчки Аколу, до сихъ поръ живутъ инородцы, составляющіе Ойманскую управу. Это—Ойманцы бёглопоповщинской секты, русскаго происхожденія. Предки ихъ — бёглые солдаты и заводскіе рабочіе люди. Придя въ Алтай, они бродили съ мъста на мъсто, отбивались отъ военныхъ отрядовъ, посланныхъ для ихъ поимки и хотёли уйти за границу. Но имъ было объявлено прощеніе императрицы Екатерины Второй и дозволено приписаться въ какоенибо податное состояніе. Они избрали инородческое, и коренные русскіе люди славянской крови поселились здъсь подъ видомъ и именемъ дикарей-инородцевъ!

Раскольники сибирскіе унесли съ собой замѣчательный русскій обычай «брести врозь», чтобы сбиваться въ подворища, отдѣльныя поселенія на новыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церквей. Для этого Алтай и Чернь представляются имъ самыми удобными. Въ Бійскомъ округѣ то и дѣло заводятся повые выселки и называются новые вольные люди «копити слободы, рыбу ловити и пахоты заводити».— «Сюда привлекаютъ ихъ (пишетъ одинъ сибирскій священникъ), какъ выгоды новаго мѣста и сосѣдство съ кочевыми инородцами, такъ и пустынная дикая мѣстность, представляющая удобства къ своевольной жизни». Селятся пришельцы между аулами дикихъ инородцевъ, но заселившись, все-

1) Такимъ же способомъ показанія непомнящими родства, оставались въ Сибири жены, приходившія повидаться съ мужьями и также запертыя въ остроги. Званіемъ непомнящихъ прикрываются бродяги и ссылаются безъ наказанія, и только слёлавнихъ ложное показавіе съкутъ при этомъ. Но требуется много искусства для того, чтобы званіе это оставить за собою: надо хорошо знать увертки и крючки въ уголовныхъ законахъ и сверхъ того запастись духомъ упорства, упрямства, устойчивости и скрытности. Бродяги бывають одарены этими качествами въ высокой степени совершенства: они легко и храбро отказываются на очныхъ ставкахъ (если таковыя дають имъ) отъ родныхъ, родителей, жены и дътей. Неопытные пріобрътають эти способности въ тюрьмахъ. Сдълавшись арестантомъ, непомнящій бродяга стоитъ внѣ опасности въ томъ смыслѣ, что его уже никто ни насазать, ни допрашивать въ тюрьмѣ не имветь права, кромъ его непосредственнаго начальства, каковы на тоть разъ прокурорь и стрянчій. Грубости и дерзости онъ, кромѣ этихъ лицъ, можетъ говорить всёмъ: оттого-то многіе изъ бродягь пользуются этимъ правомъ охотно и отводятъ на томъ свою грёховную душу. Большое количество бёглыхъ дворовыхъ людей въ поселенцахъ служитъ также одною изъ причниъ задерживающихъ въ Сибири развитіе земледізія и ремесль: бывшая дворня гнушается сохи и согласна скоріе идти въ ямщики, ходить въ лъсъ на козуль и сохатыхъ. Нъкоторымъ ямщикамъ счастливится: за Байкаломъ есть такіе, у которыхъ вифется троекъ до 15-ти.

таки состоять причисленными къ другимъ деревнямъ. По лъвую сторону р. Біи уже готовы три селенія, выродившіяся изъ семи селеній раскольничьихъ, находящихся въ Бійскомъ округѣ. Въ одномъ изъ новыхъ селеній (Тайнѣ) было тогда уже 20 дворовъ.

Въ томскомъ острогѣ мы видѣли арестанта, весьма почтеннаго, начитаннаго и солиднаго старика, очень богатаго раскольника томскаго мѣщанина, который судился за образованіе селенія изъ бѣглыхъ въ Томскомъ округѣ и за совращеніе этихъ бѣглыхъ въ старую вѣру. Сходцы завели-было отличное хозяйство, жили, не навлекая на себя преслѣдованій преступленіями и никого не обижая. Засѣдатель зналъ, бралъ поклонное и покорное и не трогалъ. Кто-то сдѣлалъ доносъ: вольныхъ людей схватили, разсажали по тюрьмамъ; завели судъ и дѣло. А селеніе было совсѣмъ готово: большое-пребольшое въ привольномъ и дикомъ мѣстѣ, и лѣсъ, глушь, какъ быть надо людямъ древняго благочестія и староотеческихъ преданій ¹).

Къ таковымъ селеніямъ, на выгодныхъ и пріятныхъ условіяхъ свободнаго выбора, охотно льнутъ и бѣжавшіе съ каторги и оставившіе мѣста поселенія: деньги и подкупъ, и волостные писаря тутъ играютъ существенную и главную роль. Лѣтъ десять тому назадъ волостное начальство открыло въ Иркутскомъ округѣ поселенца, жившаго въ селеніи болѣе 20-ти лѣтъ. Знавшіе его думали, что онъ приписанъ начальствомъ, а потому и не преслѣдовали, да на бѣду, черезъ двадцать лѣтъ мирнаго житія, въ сосѣднемъ селѣ жилъ другой поселенецъ подъ тѣмъ же псевдонимомъ, съ одинаковымъ именемъ и прозвищемъ (что случается между поселенцами сплошь и рядомъ). Этому второму несчастному вздумалось бѣжать; побѣгъ его открылъ и перваго счастливаго. Стали допрашивать: онъ и показалъ фамилію бѣжавшаго и всю его подсудность, а когда сличили примѣты его съ бѣжавшимъ — не то вышло. Сколько ни бились настоящей фамиліи своей поселенецъ не показалъ: такъ и оставили его, — благо, что раньше наказанъ былъ за бродяжество. Поблагодѣялъ же ему писарь сельскій, признавшійся въ такой штукѣ: этого поселенца 20 лѣтъ тому назадъ поймали въ Минусѣ (Минусинскѣ), гдѣ онъ сказалъ, что бѣжалъ изъ-подъ Иркутска. Земскій судъ и послаль его въ волость показать крестья-

¹) Стремленія ссыльныхъ старообрядцевъ къ организація отдёльныхъ хозяйствъ въ видё скитовъ восходитъ до первыхъ временъ ихъ ссылки. Еще при Алекстё Михайловичё сосланные въ Якутскій край устранвали скиты даже на рёчныхъ островахъ. Но суровость климата и невозможность доставать жизненные припасы послужили причиной скораго исчезновенія этихъ колоній.

намъ, тотъ ли-де этотъ: оказалось, не тотъ. Старшина обратилъ его въ волость съ пакетомъ; поселенецъ, смекнувъ, что дѣло не доброе, бѣжалъ отъ ямщика съ дороги, прихвативши съ собой и пакетъ. Съ пакетомъ онъ явился въ другомъ селѣ къ писарю: писарь пакетъ изорвалъ, а поселенцу велѣлъ жить тутъ и сосѣдямъ такъ разсказалъ, что присланъ-де съ пакетомъ. А сколько подобныхъ дѣлъ не наслѣженныхъ, а сколько селеній выросшихъ и окрѣпшихъ не по законнымъ предписаніямъ и обычнымъ программамъ!...

Насколько ссыльные готовы сами вести осёдлую жизнь, свидётельствуетъ между прочимъ слёдующій недавній случай. Къ осени 1862 года, по бродяжьимъ притонамъ прошелъ сильный слухъ о манифестё, въ которомъ будто бы сказано, чтобы всёхъ бродягъ каторжныхъ приписывать на поселеніе, если только они добровольно явятся къ начальству. Слухъ этотъ расшевелилъ и поднялъ бродягъ; многіе изъ нихъ и въ разныхъ мёстахъ объявились и, конечно, попали въ хлопушку, т. е. получили плети и опять каторгу. Особенно много, говорятъ, явилось такихъ охотниковъ по Томской губерніи.

Идя слѣдомъ за поселенцами по всѣмъ ихъ мытарствамъ, мы приходимъ, наконецъ, въ той важной отрасли государственнаго хозяйства, которая доставила столько денегъ Россіи и причинила столько горя и бѣдъ Сибири. Мы говоримъ о золотыхъ промыслахъ, которые нѣкогда разработывались исключительно руками ссыльно-поселенцевъ. Мѣщане изъ амбиціи, а крестьяне отъ домосѣдливости на эти работы не ходили.

Старыя времена миновались; золотопромышленность кончила свою безобразную исторію и начала, по новымъ образцамъ, другую, но слёды стараго еще не совсёмъ остыли, и отъ прошлаго еще кое-что осталось на бѣду поселенцевъ. Нѣтъ теперь той сильной борьбы между партіями золотоискателей, которая нівкогда принимала и грозную, и безчестную, а временами и до нельпости смѣшную форму. Не уливають теперь дорогу гостямь оть города до заимки шампанскимъ сами хозяева, не ъздять ихъ довъренные по улицамъ на бабахъ изъ враждебнаго промысловаго лагеря. Пріутихли хозяева, присмирѣли рабочіе: не ходять послёдніе по улицамъ города въ парчевыхъ курткахъ, и парчевыхъ шараварахъ, не ступаютъ по грязи на вредитныя бумажки, подбрасываемыя подъ сапоги, испробовавшие тальковой грази на разрѣзахъ, чтобы при переходѣ чрезъ улицу изъ ка-бака не загрязниться. Кончилось поголовное безобразіе, ужасавшее своими капризными и неожиданными формами; но кончилось не все.

Неурожаи послёднихъ лёть и развитіе золотопромышленности, поднявъ цёны на жизненные припасы, обратили на этоть промыселъ и мёщанъ и крестьянъ, и даже пришельцевъ изъ Россіи: поселенцамъ отошла честь, но вое-что и осталось ¹). Осталась еще вербовка рабочихъ, перебой, необходимость выдачи задатковъ, тяжелыя, на первобытныхъ пріемахъ основанныя работы, осталось словомъ то, отъ чего и прежде поселенцу бывало скверно и теперь не сдёлалось хорошо. Отъ дурной неэкономической разработки розсыпей промыселъ золотой упадаетъ; открытій новыхъ стало меньше по невозможности отыскать богатыя; самая охота иъ поискамъ оттого замётно ослабёла, прежніе же пріиски постепенно вырабатываются; содержаніе золотоносныхъ песковъ видимо уменьшается, и добыча по частнымъ промысламъ Сибири, особенно западной, ощутительно упала. На поселенцевъ надвигается гроза и съ этой стороны; къ тому же надо сказать правду: безусловный наемъ поселенцевъ въ работы на золотые пріиски мало приноситъ имъ пользы.

До работь ожидаеть поселенца наемъ съ задаткомъ; задатовъ (рублей въ 40, 50, 60 вмъсто дозволеннаго закономъ не свыше 7 руб. 50 коп.) находитъ его послъ долгаго поста и безденежья, а на глазахъ торчать кабаки со всякимъ соблазномъ и господствуетъ старый пріемъ вербовщиковъ нанимать рабочихъ съ подтасовкой; пьяными, умягченными, сговорчивыми. А тамъ, дѣло извъстное: обольстить, обмануть, подсунуть гнилой товаръ — московскую залежь: цѣной повыше, добротой хуже всякой возможности; придумать вычетъ изъ заработка помудренѣй и позапутаннѣй, подвернуть условіе, на которое трезвый человѣкъ не ходитъ, но голодный и пьяный идетъ. Тутъ является и обязательство вопреки законному смыслу всяческихъ контрактовъ, считать рабочіе дни не со дня сдѣлки, а по приходѣ на пріискъ, тутъ и обязательствъ объ одеждѣ нѣтъ, и орудія записаны въ разсчетной, какихъ не дано, и самая работа не приведена въ условную асность—словомъ, цѣлая цѣпь стѣсненій всякаго рода. По этой причинѣ рабочій, обязанный иногда идти мѣсяца полтора и два до пріиска, даромъ тратитъ время и идетъ рваный и голодный, интаясь милостыней, а при случаѣ и воровствомъ. На пріискъ, сверхъ обязательной, рабочій получаетъ работу всякую, какая

¹) Нежегородскіе рабочіе, да и всё русскіе, приходять артелями (что и законь требуеть). Но артельныя правила съ силою общаго голоса за каждаго члена и собственной расправы, нёкоторымъ довёреннымъ не нравятся; ихъ стараются стёснить и ослабить. Между тёмъ артели работають отлично и требують только хорошей пищи и пебольше.

придеть въ голову довѣрителю и прикащикамъ. Жаловаться не кому, жалуется тотъ, вто не знаетъ, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ засѣдатели съ довѣренными.

Извѣстно, что сами золотопромышленники рѣдко въ Сибири **Б**ивуть, дѣйствують прикащики по старымъ образцамъ и наукѣ: изводятъ много хозяйскихъ денегъ на карты, на пиры, на вечера, на смазку сложныхъ колесъ золотопромышленной машины, чтобы она не скрипѣла; траты большія — надо ихъ возмѣстить; другой крѣпко зарвется, а выходу нѣтъ: но отчеты и у нихъ спрашиваютъ. Тутъ и волостной писарь— не малая подмога для того, чтобы показать хозяину выдачу задатковъ большему числу подей, чѣмъ сколько принято на самомъ дѣлѣ. Писарь бумагу такую и казенной печатью припечатать можетъ, а хозяину одинъ отвѣтъ: взяли рабочіе задатки, — на пріискъ не пришли, — извѣстное дѣло: поселенцы, варнаки; кто заглядывалъ въ сибирскіе остроги, тотъ знаетъ, что иного рабочаго схватили съ доиашней печи и по этапамъ высылаютъ на пріискъ для отработки стараго долга; что другіе бѣжали съ самыхъ работъ, на дорогѣ назадъ на счетъ нанимателя, да ждутъ отъ него присылки казачьяго конвоя для путешествія по таежнымъ дорогамъ, воторыя существуютъ только по имени, но не въ самомъ дѣлѣ, хотя на на нихъ истрачено столько, что можно бы имѣть уже желѣзную.

нихъ истрачено столько, что можно бы имѣть уже желѣзную. На самыхъ работахъ, на прівскахъ, поселенцы-рабочіе живуть въ дрянныхъ избушкахъ, помогающихъ развитію цынги. Здѣсь они уже кабальные въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Плети не утратили здѣсь своего внушительнаго значенія, и вообще тѣлесное наказаніе всегда наготовѣ. Напускать страхъ, вымогать исполненіе всякихъ требованій, считается тамъ очень удобнымъ пріемомъ. Сверхъ того, на пріискахъ для рабочихъ большіе уроки, которыхъ они никогда не вырабатывають по невозможности, а задаются на авось: вѣдь и расходъ по пріиску не маленькій: рабочій проситъ рукавицы, чирки, табакъ куритъ, къ кирпичному чаю привыкъ, да къ тому же и задатокъ взялъ больщой. Надо наверстать и то и другое, и себя не обидѣть: и вотъ, въ праздничные и торжественные дни вводятся такъ называемыя старательскія работы, которыя, вмѣстѣ съ усиленными уроками, крайне истощаютъ силы поселенцевъ. Между тѣмъ «старанія» съ платежемъ съ золотника золота, — самая справедливая форма вознагражденія, — теперь вывелись, и «старанія» теперь не что иное, какъ спекуляція на отдыхъ, на истребленіе праздничныхъ дней у рабочихъ. Урокъ становится не подъ силу, и благо еще, что хозяевъ обязываютъ лекарями и лазаретами, хотя и туда иногда не принимаютъ; вмёсто лекарства — казачья команда съ извёстными военными медикаментами, потому что болёзнь можно иногда по ошибкё принять и за лёнь ¹). Впереди рабочему предстоитъ дней сто кипёть какъ въ котлё, урокъ не подъ силу, а между тёмъ магазинный долгъ наростаетъ, что дёлать? — уступчивые и смирные машутъ рукой и въ работё валятъ черезъ пень въ колоду; рёшительные и бывалые бёгутъ съ промысловъ, бёгутъ въ такомъ множествё, что хозяева сильно на это жалуются и просятъ въ свою пользу кое-какихъ уступокъ и новыхъ привилегій²).

И въ самомъ дѣлѣ, лѣтомъ каждый рабочій дорогъ. Другой наймется и придетъ на пріискъ, поработаетъ немного, заберется въ магазинъ, да и объявитъ, что онъ неспособенъ. Станетъ докторъ свидѣтельствовать: либо грыжу найдетъ, либо рука вывихнута, либо другая хворь, закономъ предусмотрѣнная; а въ горячахъ нанимаютъ и совсѣмъ старыхъ людей, въ разсчетѣ на его совѣсть, авось поработаетъ и не скажется. Надо такихъ разсчитать, долгъ ихъ разумѣется смарать со счетовъ. Такимъ образомъ большіе задатки, на перебой совмѣстниковъ, и хозяинуневыгодны и рабочему идутъ на баловство и порчу. Одно хорошо — кормятъ недурно, и на южной системѣ лучше, чѣмъ на сѣверной.

Порчи для рабочихъ не мало и въ примѣрахъ прикащиковъ; воровство золота—укоренившійся обычай; для этого въ окрестности промысловыхъ «резиденцій» и евреи наѣзжаютъ изъ достославныхъ городовъ Каинска, Томска, Красноярска, Баргузина и другихъ. Немного правды и въ разсчетахъ: либо за добровольное стараніе выдаютъ тѣмъ, которые не старались, либо старавшихся обсчитываютъ; за выданныя вещи всегда берется двойная цѣна. Противъ воровства самородковъ, съ давнихъ временъ употребляется система взаимнаго шпіонства. Нѣкоторые хозяева нечестными разсчетами возбуждаютъ противъ себя всѣхъ рабочихъ до того, что никто къ нимъ нейдетъ: надо употребить хитрости, пробивать нечистыя тропы, а для такого

²) Вотъ таблица побѣговъ съ промысловъ частныхъ лицъ, составленная горнымъ псправникомъ южной системы. Бѣжало:

Βъ	1856	Изъ	9,558	рабоч.	67	разнаго	званія	людей,	336	посел.
>	1857	>	9,472	>	83		>		133	>
>	1858	>	7,236	>	33		>		124	>
>	185 9	>	6,569	>	52		>		126	>

¹) Поселенцевъ, сдѣлавшихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ преступленіе, велѣно судить военнымъ судомъ.

дѣла опять употребляють тѣхъ же поселенцевъ половчѣе и посмышленнѣе. Теперь уже не рѣдкость такіе случаи, что послѣ восьмимѣсячнаго тяжелаго труда, рабочіе выходятъ съ промысловъ только съ долгомъ: нѣкоторые ходятъ въ отрепьяхъ, чтобы выгадать на одеждѣ. Тутъ если не поворуешь, не поплутуешь по образцу прикащиковъ, то — и не поживешь. Теперь уже рабочіе ѣдутъ домой съ промысловъ (послѣ 12 сентября, когда кончается разсчетъ, производимый съ 8 числа) человѣкъ по двѣнадцати на одной тройкѣ и въ кабакахъ не скупаютъ цѣлой полки полуштофовъ и шкаликовъ, для того, чтобы имѣть удовольствіе разбить ихъ въ дребезги со всѣмъ содержимымъ; но виходъ рабочихъ все еще нажива кабакамъ и мелкимъ торговцамъ.

говцамъ. Вообще современное устройство промысловъ и обстановка ихъ дѣла не производитъ такой громады вреднаго вліянія на поселенцевъ, какъ это было нѣкогда, въ тѣ времена, когда про-мысловая работа считалась безчестною и позорною. Но многое еще продолжаетъ развращать нравы и вредить краю. Во мно-томъ золотые промыслы послужили тому несчастному явленію, что ссыльные не имѣютъ прочнаго домашняго хозяйства и вѣрному труду предпочитають легкую наживу, являющуюся и до сихь поръ съ наружнымъ обманомъ и соблазномъ въ началѣ и съ горькимъ разочарованіемъ въ концѣ. И теперь еще поселен-, цы за нѣсколько веселыхъ и разгульныхъ дней, обезпеченныхъ задаткомъ, работаютъ цѣлое лѣто на пріискахъ даромъ. И те-перь, по окончаніи работъ, обсчитанные и задолжавшіе праздно скитаются въ ближайшихъ къ промысламъ селеніяхъ въ надеждѣ на то призрачно-счастливое время, когда вновь получать новый задатокь и вновь обманутся. Золотые пріиски въ этомъ смыслё не мало виноваты въ томъ, что поселенцы забывають о домё, еще больше укрѣпляются въ бродячей жизни, тянутся къ мѣстамъ вер-бовокъ и держатся около нихъ всегда на готовѣ: голодные и обо-рванные, а потому и дешевые, избаловавшіе на бродяжествѣ и илутняхъ всякаго рода, а потому и негодные для такого дѣла. Если и худъ поселенецъ въ дѣлахъ золотыхъ промысловъ, то на этотъ разъ по пословицѣ — сама себя раба бьетъ, что не чисто жнетъ. Какія были ремесла — золотопромышленность почти со-всёмъ ихъ убила; земледёліе и скотоводство уменьшились; народъ развратился и пошелъ въ кабакъ, — говорятъ многіе изъ тѣхъ, кто хочетъ говорить правду. Въ Сибири тайга съумѣла изъ лучшихъ людей изъ образованнаго и болѣе устойчиваго класса создать тотъ несимпатичный типъ, который извѣстенъ танъ подъ именемъ «таёжнаго волка». Золотая лихорадка успѣ-

Томъ V. — Сентябрь, 1868.

ваеть искалёчить ихъ до того, что весь мірь перестаеть для нихъ существовать, золото дѣлается богомъ и отыскать новый пріискъ для нихъ задача жизни. Таёжный волкъ ни минуты не вадумывается завладѣть чужимъ пріискомъ; пустить по міру благодѣтеля у такихъ людей за грѣхъ не считается. Сибирскіе суды переполнены тяжебными дѣлами по такимъ вопіющей несправедливости захватамъ. Штука дѣлается просто: довѣренные, дѣйствующіе на деньги капиталистовъ, и сами, имѣющіе право на розысканіе золота, найдя пріискъ, заявляють его на свое имя. Они берутъ хозяйское жалованье, но въ то же время захватъ считають собственностью и творятъ зло въ разсчетѣ на то, что законъ преслѣдовать ихъ не въ силахъ. Презрѣнный металлъ отнялъ совѣсть у многихъ людей недюжинныхъ, подававшихъ большія надежды. Что мудренаго, если подъ вліяніемъ его уродуется менѣе стойкая натура рабочихъ изъ простого люда, и тѣмъ болѣе поселенцевъ. Самъ себя рабочій прозвалъ «окаяннымъ таёжникомъ» и уже мало обижается, получая въ глаза это бранное прозвище отъ другихъ.

сживкожъ» и уже мало обижается, получая въ глаза это оранное прозвище отъ другихъ. На пріискѣ рабочій смиренъ, переносливъ, въ трудѣ терпѣливъ до-нельзя, вездѣ, гдѣ труду его умѣютъ дать надлежащее направленіе. Не тотъ рабочій въ деревнѣ послѣ разсчета, когда онъ прогуливаетъ все, что такъ тяжело ему досталось. Двѣ недѣли онъ совсѣмъ другой человѣкъ и находится въ какомъ-то бѣшенствѣ, какъ будто бѣлая горячка постигаетъ его. Онъ, съ твердымъ намѣреніемъ и убѣжденіемъ въ законности своихъ поступковъ, старается истребить все, что есть у него и какъ будто намѣренно заботится о томъ, чтобы изломать и изуродовать свою крѣпкую природу. Если это ему не удастся, онъ опять отправляется въ тайгу «быгать», — какъ говорятъ они сами. Въ первой же деревнѣ по дорогѣ, онъ снова такой же безотвѣтный труженикъ-горемыка, какимъ былъ до разсчета. Въ январѣ и февралѣ опять время наемки, опять пьяному даютъ деньги впередъ за «окаянную» работу въ потѣ лица въ теченіи 5-ти мѣсяцевъ въ золотоносной слякоти и болотахъ. Нѣкоторымъ удается принести рублей 200—300, которые пропиваются, либо проигрываются засѣдательскимъ же казакамъ и волостнымъ чинамъ. Существующій порядокъ выдачи билетовъ поселенцамъ требуетъ коренной перемѣны, и на этой мысли, не безъ основанія, остановились сибирскія власти.

А между тѣмъ промышленные богатые люди обижаютъ и такихъ поселенцевъ, каковы, напр., якутскіе, заброшенные въ болѣе негостепріимныя страны Сибири. Живутъ они въ юртахъ, или лучше, въ ямахъ, и роютъ ихъ—по возможности—въ сухой землѣ;

HECHACTHER.

но и тогда имъ необходимо поддерживать безпрестанный огонь, чтобы просушивать юрту и просушиваться самимъ. И жилища этихъ осѣдлыхъ людей все-таки похожи на звѣриныя логовища. Устройство не мудрое и очень не завидное: на вертикально-утвер-иденныхъ столбахъ (вилообразныхъ кверху), кладется въ рас-порки или въ эти вилы поперечный брусъ, отъ котораго до бо-ковъ ямы положены мелкія бревна; бревна покрыты вѣтками ельнику, а сверхъ его обложены дерномъ. Среди юрты — очагъ изъ тонкихъ жердей конусомъ, выходящимъ изъ ямы, обмазан-ный глиной внутри и снаружи. Тутъ — и телята и ребята. Лѣ-томъ юрты берестяныя. Скотъ стоитъ на вѣтру: хлѣвовъ по всей Ленѣ нѣтъ и въ заводѣ. И живетъ поселенный народъ такъ бѣдно, что вызываетъ слезы. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Сибири есть съ къмъ слово перекинуть и, пожалуй, у своего же брата-поселенца найти на первый случай и пищу, и пріютъ и состра-даніе; живутъ тамъ поселенцы въ селеніяхъ. Въ Якутской области совсёмъ не то: тамъ поселенцевъ, въ видахъ развитія хлё-бопашества и распространенія прочнаго хозяйства по обычаямъ осёдлыхъ людей, селятъ между инородцами. Якуты живутъ раз-бросанно и больше скотоводы; противъ ссыльныхъ они пред-убѣждены еще сильнёе, чѣмъ сибиряки русскіе. Проходящій сюда ссыльный идетъ, питаясь вислымъ молокомъ съ тарою (древесною ворою) и изръдва рыбой, работы себъ не находитъ и, дойдя до мъста назначенія, беретъ билетъ, чтобы идти въ городъ на заработовъ или на золотые пріиски. Тамъ онъ, если нажилъ плисовыя шаровары, красную рубаху, кунгурскіе сапоги и сукон-ный картузъ — значить богать сталь; если перекинуль черезь илечо красную шаль и взялъ гармонику—значить весель и счаст-ливь, а если пляшеть около кабака — стало быть денегь нѣть, мвъ, а если пляшетъ около кабака — стало быть денегъ нѣтъ, всѣ пропилъ. Бѣжитъ онъ отсюда рѣже, но за то и якутовъ хо-зяйству не выучилъ и еще больше возстановляетъ дикаря про-тивъ себя и противъ будущихъ товарищей, потому что лѣнивъ и ничего дѣлать не хочетъ: двора якуту-хозяину не почиститъ, дровъ не нарубитъ, за скотомъ не присмотритъ... Впрочемъ, въ Якутской области есть и богатые поселенцы и изворотливые люди. Это — переселенные изъ Туруханскаго края (съ Енисея на Лену) скопцы, человѣкъ до 500, поселенные верстахъ въ 15-ти отъ Якутска около Олекмы и по рѣкѣ Ал-ану. Эти не гибнутъ потому ито принести съ собой деньги и

дану. Эти не гибнуть, потому что принесли съ собой деньги, и потому, что знають секреть и искусство торгашества; но за то они и безполезны, и ссылка относительно скопцовь, стремясь въ одной только цёли наказанія, не достигаеть никакой. Эти зябме и дряблые, слабодушные и хитрые люди настолько отчаян-

ные фаталисты, что съ твердостію и стойкостію и безъ ропота покоряются своей участи и не сознають разницы ни между Аландскими островами и Закавказьемъ, ни между Туруханскимъ краемъ и Якутскимъ. Ссылка въ Сибирь для нихъ имъетъ еще тоть религіозно-мистическій смысль, что Сибирь для нихъ обътованная земля, а Иркутскъ — Іерусалимъ, ибо сюда былъ сосланъ ихъ живой богъ, Кондратій Селивановъ. Оттуда, съ Иркутской горы, придетъ онъ, батюшка живой богъ, чтобы сосдиниться съ дѣтками своими. «Они ждутъ его всяко времячко, по суду-глаголу небесному, обогрѣть сердца ихъ нутренни». Пришествіе это они вымаливають и выпрашивають на своихь радъніяхъ, а между тъмъ въ ожиданіи наколачивали копъйку въ Туруханскомъ краю на Енисеб извозомъ, да и на ръкахъ Охотскаго края (Алданъ и Маъ), куда переселяютъ ихъ теперь (съ весны 1860 года) они гроша своего не потеряють, но для края ничего не сдълаютъ. Географическое перемъщение могло только еще болье ожесточить ихъ противъ остальныхъ людей. Извъстпо, что они на помощь погибавшимъ въ мятеляхъ и снѣжныхъ пустыняхъ Туруханскаго края никогда не являлись; тёмъ извѣстны были всѣмъ старожиламъ. Большая часть этихъ скопцовъ были изъ лютеранъ-чухонъ, сосланныхъ изъ Петербургской губернін. Но въ томъ же Туруханскомъ краю, вдоль того же Енисея, двумя селеніями (Мирный и Искупъ) поселены были духоборцы и жили богато. Эти вь другомъ мѣстѣ могли бы принести большую пользу, какъ это доказываютъ молокане, поселенные на Амурѣ.

Вообще ссыльные, судя по природѣ и по благопріобрѣтенному досужеству, кладуть на картину поселенческаго быта своеобразные и новые оттёнки. Если въ Якутской области высылаемыя въ порядкъ административномъ лица, исключенныя изъ духовнаго званія, съумёли сдёлать изъ Киренска и Якутска города, извёстные своими кляузами и ябедами въ цѣлой Сибири, но все-таки несуть бѣдственную участь, за то другія кладуть на ссылку не менье яркія краски, но живуть-не бъдствують. Мъста, гдъ скучили татаръ, славятся вонокрадствомъ; гдъ поселились евреи, - тамъ коммерческая суетня и толкотня. Въ Сибири также думали-было превратить евреевъ въ хлѣбопашцевъ; но и здѣсь, какъ въ западной Россін, народъ этоть съумѣль разбить всякія надежды и остался при своихъ качествахъ. Изъ города Каинска евреи успѣли сдѣлать такой же городъ, какихъ неисчислимое множество во всемъ западномъ краѣ Россіи, и Каинскъ сибиряки справедливо прозвали «жидовскимъ Іерусалимомъ» (еврен составляють ¹/₅ часть всего городского населенія): изъ городка, не имѣющаго никакого промышленнаго и

тортоваго движенія и, какъ всё города Сибири, вообще углубленнаго въ себя и мертвенно-молчаливаго, евреи сдёлали крикинвый, живой и торговый. На площадкё приладился рынокъ, выросли, какъ грибы, лавчонки, въ лавчонкахъ засёли еврейки; евреи, сбиваясь въ многообразныя и многочисленныя кучки, машутъ руками; бѣгая по улицамъ, машутъ фалдами длиннополыхъ казинетовыхъ сюртуковъ своихъ и пейсами, которыя здѣсь, въ Сибири, они таки-отстояли. Словомъ, въ Каинскѣ все, какъ въ любомъ изъ городовъ и мѣстечекъ Бѣлоруссіи: удивляешься тому, съ кѣмъ торгуютъ грудами тряпья и всякой рвани еврейки, но евреи добились до того, что въ Каинскѣ теперь одно изъ главныхъ мѣстъ склада всего пушного товара (особенно бѣличьихъ хвостовъ), отправляемаго за-границу, на Лейпцигскую ярмарку. Потому-то на такой несчастный и убогій городокъ съ 700-ми жителей насчитывается до 70 купцовъ: на десять мѣщанъ русскихъ одинъ еврей маклачитъ коммиссіонерствомъ, факторствомъ по закупкѣ мѣховъ, и въ вознагражденіе за хлопоты получаетъ всякую разнокалиберную мелочь - галантерею, съ которою и таскается потомъ, въ уреченное время, по торжкамъ и ярмаркамъ, по селамъ, городамъ и деревнямъ западной Сибири.

колу, вы уретенное прояна, не териналы и приприлал, не ссзамъ, городамъ и деревнямъ западной Сибири. Въ восточной Сибири евреи устроиваютъ такой же кипучій оборотливый городокъ въ Баргузинѣ, и тамъ еврей не линяетъ и не затеривается : придетъ на каторгу по канату нищъ какъ loвъ, босъ и оборванъ; мѣсяца черезъ три-четыре, при своей юркости, втерся въ урочные работники: дровосѣки, рудовозы, взялъ годовой урокъ, нанялъ за себя охотниковъ изъ заводскихъ крестьинъ, кончилъ, ихъ руками и своей суетней, годовой урокъ этотъ въ недѣлю: сдѣлался по закону на весь годъ свободнымъ. Смотрятъ: у жида уже появился на рукахъ изъ вѣковъ возлюбленный имъ инструментъ-коробочка, на которомъ онъ и играетъ умѣлыми руками до того, что коробочка превращается въ коробку, коробка въ лавчонку и лавку, — и прежній совсѣмъ истренаный еврей только въ грязнаго, но уже въ торговца, умѣющаго ублаготворить мыломъ, табакомъ, желѣзомъ, чаемъ, омуими; мыло варитъ самъ понемножку, свѣчи льетъ, паширосы крутитъ. На омуляхъ онъ обсчиталъ, желѣзо-ворованое изъ казны съ заводовъ, чай держитъ только контрабандный: онъ и самъ пришелъ сюда «за тайный ввозъ заграничныхъ товаровъ». Тѣмъ не менѣе, гдѣ завелись евреи, тамъ мелочная торговля процвѣтаеть; еврей дѣлается образцомъ и примѣромъ для неподвижнаго сибиряка-горожанина, которому есть чѣмъ отъ него поучиться. Для Сибири еврей пригоденъ и полезенъ; въ Сибири для нихъ--широкое поле вмѣсто того, на которомъ они живутъ теперь, и

гдё такъ надоёли всёмъ тувемцамъ. Если не мало возни съними въ Сибири по поводу участія въ перепродажё хищническаго золота и въ продажё заграничныхъ европейскихъ контрабандныхъ товаровъ, то — по пословицё — на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ; евреи сплочиваются въ ассоціаціи, чтобы ссылка не могла нарушить единства и, черезъ живую и непрерывную сѣть изъ ловкихъ евреевъ черезъ города сибирскіе, не обрывалась связь Нерчинска съ Вержболовомъ, Радзивиловымъ и Лейпцигомъ, и напримѣръ, каинскіе евреи, принадлежащіе къ ассоціаціи «Новаго Іерусалима», не утрачивали симпатіи и связей съ сотоварищами, живущими въ Минскѣ ¹). Впрочемъ съ евреемъ въ Сибири, по дѣламъ золотымъ и чайнымъ и по ихъ тайному ввозу и торговлѣ, съ успѣхомъ соперничають туземные казаки и русскіе поселенцы; но за то, гдѣ бы ни отврылась золотая розсыпь и ни начались работы на ней — евреиторговцы не замедлять отправиться туда на-границу дозволенной законами дистанціи съ ситцами, плисомъ, платками, пуговками и иголками, съ винами и водкой, чтобы съ достоинствомъ и выгодою принять на свое попеченіе желтую пішеничку или враденый золотой песокъ. И если попадаются евреи на каторгу, приходятъ туда за убійство, то злодѣи эти бывають настоящіе и на каторгѣ остаются непримиримыми. Евреи - злодѣи (по свидѣтельству заводскихъ начальствъ) совершенно неисправимы, въ родѣ знаменитаго забайкальскаго героя Хаима Аврумова Вульева, котораго мы видѣли и внали сами.

Судя по архивнымъ дёламъ и по наблюденіямъ старожиловъ и начальства, ссыльные изъ инородцевъ финскаго племени, отличающіеся угрюмымъ характеромъ и врайнею неспособностію (въ особенности сосланные изъ Финляндіи), замѣчательны тѣмъ, что безропотно покоряются своей участи, какъ бы она ни была тяжела, и съ мѣстъ водворенія никогда не бѣгутъ. За то инородцы болѣе жгучей крови и болѣе живого темперамента (каковы, напр., кавказскіе горцы) признаютъ волю судьбы только до тѣхъ поръ, пока не истекъ каторжный срокъ; но лишь только сняли съ нихъ кандалы, приливъ тоски по родинѣ становится такъ силенъ, что южные инородцы бѣгутъ тотчасъ же. Насколько прочны и усидчивы на мѣстахъ поселенія рыжіе и бѣлокурые люди съ сѣвера, настолько мало охотятся въ поселенцы черноволосые и статные бѣгуны съ южныхъ горъ²). Кочевниковъ (въ родѣ кир-

¹) Недавно (съ годъ назадъ) въ Минскъ дано было знать каниской полиціей, что тамощніе евреи послали слитокъ зодота, но что этотъ слитокъ краденый.

³) Исключая армянъ, которые, подобно евреямъ, спѣшатъ укрѣинть себя къ Сибири посредствомъ коммерческихъ путъ, и разносвую офенскую торговлю предпочи-

гизъ, калмыковъ и татаръ) никакія силы не удерживають на осѣдлыхъ поселеніяхъ, и стремленіе. въ степь, на свою волю, у нихъ едва ли не сильнѣе горской тоски. Поселенцы изъ поляковъ, по множеству крупныхъ архивныхъ дѣлъ, всегда замѣшиваются въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, приготовленіе которыхъ всегда оправдываютъ тѣмъ, что намѣревались возвратиться на родину и помочь въ той же цѣли остальнымъ товарищамъ своимъ ¹). Въ намѣреніи къ побѣгу шляхтичи и дворяне западныхъ губерній и Царства Польскаго не останавливаются ни передъ какими препятствіями: бѣгутъ, напр., за китайскую границу, самую опасную и ненадежную, но убѣгаютъ и въ Европу по сѣвернымъ тундрамъ, черезъ Швецію и Норвегію, а большая часть, заурядъ со всѣми, попадаетъ въ опасное положеніе искателей приключеній, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый своими похожденіями охотскій герой Беньовскій, убитый въ Африкѣ, на островѣ Мадагаскарѣ.

Руссвіе раскольники отличаются на мѣстахъ поселеній стремленіемъ къ пропагандѣ своего ученія (и не безъ примѣтнаго успѣха, блестящаго въ старыя времена, замѣчательнаго и въ новѣйшія): даже и скопцы уловляли въ свои сѣти (судя по архнвнымъ дѣламъ нерчинскихъ заводовъ), и молокане и духоборцы находили себѣ слушателей и послѣдователей даже между такими извѣрившимися и холодными людьми, каковы наши каторжные. Такъ, по одному архивному дѣлу намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ каторжныхъ «не шли къ священнику, говоря, что они дѣламъ рукъ человѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотять; работы же, какія по службѣ съ нихъ требованы будуть, исполнять не отрекаются и что они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ человѣческихъ называютъ св. Евангеліе и Животворящій Кресть, что они дѣланы руками». По другому дѣлу видно, что нѣкто Ярошенко совратилъ многихъ служителей и ссыльныхъ». Одинъ изъ уклонившихся служителей Кухтинъ, когда тамошнія духовныя власти позвали его для увѣщанія, простеръ свою дерзость до того, что, не уважая святости мѣста, прошелъ по паперти собора, не снимая съ головы шапки и съ рукъ рукавицъ. Въ томъ же самомъ видѣ явился и въ присутствіе духовнаго правленія цередъ зерцало. На спросъ священ-

- тають свядчей; но указъ 1829 года (26 декабря) остановнить ихъ дъятельность въ вредълахъ той губерніп, въ которой они поселены.
- ¹) Въ 1839 г. затѣя эта произведена была въ общирныхъ размѣрахъ, и поролига большое дѣло, хранящееся въ архивѣ Нерчинскаго горнаго правленія.

ника — почему онъ такъ поступаеть?— отвѣчалъ: «что это есть писанное руками человѣка, а потому и не хочу снять предънимъ шапки и рукавицъ». Этого Кухтина судили военнымъ судомъ и велѣли прогнать два раза черезъ 500 человѣкъ ¹).

Рьяные изъ старообрядцевъ, приверженцевъ до-никоновскихъ книгъ и обычаевъ, подцвѣтили исторію ссылки весьма нерѣдкими случаями крайняго отшельничества, начинавшагося исканіемъ одиночества и сосредоточеннаго созерцанія гдѣ - нибудь въ пещерѣ лѣсной и кончавшагося въ нерѣдкихъ случаяхъ собираніемъ маленькой слободки. Указанный нами примѣръ Гурія Васильева въ Сибири не послѣдній. Политическихъ и религіозныхъ убѣжденій ссылка не мѣняетъ; образъ поселенія и пріемы, при этомъ употребляемые, не мѣшаютъ оставаться при томъ же, что принесено въ запасахъ изъ Россіи. Каторга на-время тушитъ огонь, но цепелъ скопляется; впослѣдствіи, на поселеніи, огонь опять разгорается, а тушить его тамъ не умѣютъ.

Въ архивѣ Нерчинскаго Большого завода сохранился разсказъ о приключеніяхъ 20-ти старообрядцевъ изъ уральскихъ казаковъ, сосланныхъ въ 1809 году на Нерчинскіе заводы. Казаки упорно не соглашались получать казенное довольствіе и находиться въ казенныхъ работахъ. Нѣкоторые изъ нихъ довели себя такимъ образомъ до крайней нищеты и, отказываясь отъ казеннаго пайка, предпочитали питаться милостыней. Принятыя противъ этого строгія мѣры, были не дѣйствительны. Сибирскій губернаторъ велѣлъ, при всякомъ случаѣ упорства, давать имъ по десяти ударовъ кнутомъ, но казаки все - таки продолжали говорить свое: «Мы требуемъ Государя Императора именного повелѣнія, почему мы безвинно посланы, но оное намъ не показываютъ; ваша воля, что хотите надъ нашими тѣлами, то и дѣлайте, однакожъ работать не будемъ до конца жизни». Одинъ, истощенный голодомъ и «принеся съ собою малое количество хлѣба», приговаривалъ: «будучи сосланъ невинно, непремѣнное имѣю намѣреніе,

^{•)} Въ пользу молоканства и духоборчества замѣтна между вообще холодными къ върѣ ссильными, большая симпатія. На этихъ примѣрахъ дѣло не остановилось, а шло дальше. Нѣкто Кудрявдевъ подвелъ подъ судъ еще 8 человѣкъ служителей, судъ обратилъ вхъ всѣхъ въ солдаты; служителя Суходолина сослали въ Туруханскъ и велѣли поселить между некрещеными внородцами, какъ негоднаго къ службѣ по лѣтамъ (41 годъ). Одинъ изъ обращенныхъ въ молоканство ссыльныхъ (Нероновъ) оторвалъ иконы въ небытность никого въ церкви и бросилъ ихъ на полъ; вошедшему дъякону говорилъ: «вотъ ваши боги идолы, которые я побросалъ, поди, молись и, если они святые, то пусть встанутъ». На судѣ показалъ, что все это говорилъ въ здравомъ разсудкѣ. Наказаніе не вразумило: нерчинскому начальству удалось уличить еще новыхъ совращенныхъ, изъ которыхъ одинъ расколотую на-двое икону носилъ въ сапогахъ подъ нятор. И-снова судили одного, увърявшаго, что «въ церкви нѣтъ надобности».

несчастные.

хотя и лишиться жизни, но въ работѣ не быть». Одного изъ казаковъ (Якова Краснятова) за таковое упорство успѣли уже два раза наказать плетьми и два раза выбить кнутомъ; послѣдній разъ съ вырѣзаніемъ ноздрей ¹) и постановленіемъ знаковъ. Точно также четыре раза наказанъ былъ другой казакъ (Данило Лифановъ), и пятеро по два раза. Нѣкоторые подчинились, другіе упорствовали; не зная, что съ ними дѣлать, остановились на той мѣрѣ, чтобы выдавать имъ провіантъ въ ограниченной дачѣ, достаточной только для поддержанія жизни, и учрежденъ былъ строжайшій надзоръ за тѣмъ, чтобы казаки ни отъ кого со стороны не получали. Успѣха не было: казаки продолжали стоять на своемъ (какъ доносила Нерчинская горная экспедиція иркутскому гражданскому губернатору). Чѣмъ кончилось все это дѣло но дѣламъ архива не видно.

Случаи невинно сосланныхъ, конечно, большая рёдкость въ сравненіи со всею массою осужденныхъ, и мы не входимъ въ разборъ этого темнаго вопроса за неимѣніемъ данныхъ. Сперанскій нашелъ въ Томскѣ поручика Козлинскаго, который, лечась отъ ранъ или болѣзни въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ въ ссылку; другого сослалъ подъячій изъ какой-то Шенгурской губерніи; нѣкую Кристину Яковлеву гнали уже въ ссылку за рижскую урожденку Редоко-Янъ. Но—по выраженію законодательницы Екатерины—лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного невиннаго наказать. При современныхъ гласныхъ и открытыхъ судахъ такихъ крупныхъ несчастій случаться не можетъ и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и сами ссыльные перестанутъ прибѣгать къ извѣстнымъ проповѣдямъ о томъ, что они совершенно понапрасну сосланы²).

Но въ Сибири и въ настоящее время ссыльные еще продолжають производить такого рода операціи: осужденные на поселеніе мѣняются именами съ каторжными, за какое-нибудь ничтожное вознагражденіе. Настоящій каторжный остается на поселеніи, настоящій поселенецъ, по прибытіи на чужое мѣсто, открываетъ свое званіе. Точно также и поселенцы мѣнялись именами и прозвищами между собою, когда одному приходилось

137.

¹) Рвали ноздри до костей особыми щинцами. На Нерчинскомъ заводъ разъ щинцы эти оказались узки и коротки: налачъ только съ трехъ пріемовъ могъ кончить операців. Старые щищці вельно замѣнить новыми и указано кое-какъ не бросать, а притать.

⁴⁾ Между тъмъ Тобольскій приказь въ партіяхъ, приходящихъ изъ Россія на поселеніе, находитъ очень нерідко рішптельныхъ дураковъ, идіотовъ, и не получаетъ инсакихъ данныхъ, на то, что люди эти стали таковыми въ тюрьмахъ подсудимыхъ им въ бтапахъ и тюрьмахъ пересыльныхъ.

въстникъ Европы.

идти не туда, куда было сподручнёе, а другому беззавётному бродягё, куда ни идти было все равно. Постановили: всякаго ссыльнаго, давшаго на прокатъ свое имя каторжному, оставлять въ каторжной работё пять лётъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстё ста ударами лозъ, прибавлять еще пять лѣтъ сверхъ срочныхъ; обмѣнявшихся между собою именами поселенцевъ указано назначать на два года въ каторжныя заводскія работы. Относительно перемѣны именъ и происходящей оттого путаницы, разсказы сибирскіе безчисленны. Что же касается до того, что весьма многіе поселенцы и каторжные и безъ перемѣны именъ въ былую недавнюю пору попадали туда, куда имъ было сподручнѣе и желательнѣе, то это—тоже не секретъ. Прежде въ приказъ Тобольскій (въ особенности въ первое время его существованія) откомандировывали для занятій тѣхъ же грамотныхъ каторжныхъ и за цѣлый мѣсяцъ усидчиваго писанья отдѣлывались гривной — двумя. За ту же гривну этотъ писарь съ удовольствіемъ отчислялъ собратьевъ туда, куда они просятся: какого - нибудь тюменскаго купца, угодившаго въ каторгу, писалъ на Успенскій винокуренный заводъ, находящійся въ Тюменскомъ округь, и проч. И подобнаго рода слухами сибирская земля полнится.

Съумѣли ли размѣщать ссыльныхъ поселенцевъ такъ, чтобы лѣсной житель не попадалъ въ степь (и на оборотъ) и, спутанный такою независящею отъ него ошибкою, уходилъ въ лѣсъ съ волчьимъ паспортомъ по чужой винѣ? Изучилъ ли Приказъ ввѣренную его дозору и попеченію Сибирь, чтобы знать, гдѣ ей надобятся больше всего люди такихъ-то знаній, такого-то ремесла? Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что цѣль распоряженій Приказа меньше всего карательная, и значеніе поселеній, столь существенно важныхъ для Сибири въ другихъ случаяхъ, должно пониматься такъ, какъ желаетъ Сибирь и указываютъ различными способами сами ссыльные поселенцы. Сколько ушло въ Сибирь всякаго рода ремесленниковъ и нерѣдко мастеровъ замѣчательныхъ: Приказъ знаетъ, по фальшивымъ монетамъ, бумажкамъ и печатямъ, какіе искусные граверы попадаютъ въ число ссыльныхъ и часто въ тѣ мѣста, гдѣ и безъ нихъ этому промыслу дано нѣкоторое развитіе. Мы видѣли въ цифрѣ, составляемой самимъ Приказомъ, какъ много поставлено имъ ремесленниковъ на Тобольскую губ., находящуюся въ этомъ отношени гораздо въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ наприм. Томская; ибо Тобольская ближе въ Россіи и ее захватываетъ огромная дуга отхожихъ промысловъ, издавна и до нашего времени направлающихъ сюда свою дѣятельность изъ лѣсной Россіи (напр. губ. Костромской, Ярославской, Ватской и даже Тверской). И

138

если ссыльный боится сказать за собой ремесло и художество, изъ собственныхъ разсчетовъ; если самъ Приказъ не достаточно опытенъ, чтобы самому отврывать секреты знаній важдаго изъ ссыльныхъ; если онъ удовлетворялся такими глухими показаніями ссыльных; если онъ удовлетворялся такими глухими ноказаниями въ статейныхъ спискахъ, что въ такой-то къ такому-то сословію принадлежалъ (и только) и имбетъ такія-то примѣты (по которымъ ни одного не отличишь отъ другого) — то кто виноватъ во всѣхъ этихъ неясностяхъ, невѣрностяхъ, неточностяхъ и путаницахъ? Сибирь ощущаетъ сильнѣйшій недостатокъ въ опытныхъ рабочихъ Сибирь ощущаеть сильнѣйшій недостатовъ въ опытныхъ рабочихъ и, напр., въ дѣлё плотничества руководится мастерами изъ солдать и приходящими изъ далекой Россіи (какова, между прочими, Ко-стромская губ.). Ремесленниковъ вовсе нѣть и врестьяне самыя необходимыя вещи въ хозяйствѣ, не выучившись приготовлять дома, покупаютъ готовыми. Изъ Кунгура привозятъ сапоги; съ Нижегородской и Ирбитской ярмарокъ готовое платье въ видѣ армяковъ и тѣхъ же сибировъ; модное платье—изъ Москвы; си-бирскіе мѣха, выдѣланные въ Москвѣ, везутъ обратно въ Си-бирь на продажу, даже желѣзные и мѣдные и стеклянные тобирь на продажу, даже желѣзные и мѣдные и стеклянные то-вары — преимущественный сибирскій продукть — привозится съ за-водовъ около Нижняго и отчасти съ Уральскихъ; голландскою сажею, скипидаромъ, сѣрною и соляною кислотами Сибирь, бо-гатая лѣсомъ и ископаемыми химическими матеріалами, доволь-ствуется изъ Россіи, и проч. и проч. При этихъ условіяхъ, ссыльный ремесленникъ и русскій промышленникъ безслѣдно глохнутъ и исчезаютъ въ Сибири со всѣмъ своимъ досужествомъ и знаніями — только потому, что ихъ распредёляють зря, оди-ночками, не группируя въ артели въ необходимыхъ мёстахъ и утёшаясь только какимъ-то призрачнымъ цехомъ какихъ-то слугъ, — который только и остался на бумагѣ. 'А между тёмъ сибирскіе старожилы видять одесскаго мастера въ Курганѣ, сибирскіе старожилы видять одесскаго мастера въ Курганѣ, а не на Байкалѣ, повара въ Березовѣ, а не въ Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ или Барнаулѣ, гдѣ испоконъ-вѣку за-даются такіе роскошные лукулловскіе пиры. Херсонскій степ-някъ ума не приложитъ въ дремучей туринской тайгѣ; вятскій отличный хозяинъ, всю жизнь отбивавшій у лѣса поля и луга, сидитъ на Барабинской степи, гдѣ такъ хорошо было исконнымъ ямщикамъ и извощикамъ; лакей бродитъ безъ дѣла по Пелыму, пока послѣ долгихъ исканій не выучится торговать и обманывать остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ; и тѣ самые ссыльные, кото-рыхъ самъ Приказъ назначаетъ въ цехъ слугъ, бродятъ изъ мѣ-сяца въ мѣсяцъ, отъ одного хозяина къ другому, и при этомъ искусственно-создаваемые слуги—самые невѣрные, самые неспо-собные и самые несчастные люди. собные и самые несчастные люди.

И воть оть всей этой путаницы возрастаеть, постененно увеличиваясь, та громадная масса движущагося вдоль и попереть всей Сибири кочевого населенія бродягь, которые, какъ саранча, временами побдаеть, временами глушить свѣжіе всходы молодой страны, достойной лучшей участи. Вѣдь въ Сибирь не даромъ тянутся и до сихъ поръ вольные переселенцы и поселенцы съ дозволительными и безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ; не да-ромъ люди, обязанные распечатывать и читать поселенскія письма, говорятъ про безконечныя похвалы этой странѣ, расточаемыя на соблазнъ и на уговоръ родныхъ, оставшихся въ Россіи, чтобы шли сюда, въ эту страну, гдѣ рѣдко урожаи не бываютъ самъ-15 и поля не отдыхаютъ года по 3, по 4 даже въ Енисейскомъ округѣ (не говоря о странахъ при-иртышскихъ, минусинскихъ, чабайкальскихъ и иркутскихъ, гдѣ даже коренные инородцы стали лревращаться въ земледѣльцевъ). Не даромъ же старожили, пи-тающіе зло противъ бѣглыхъ и каторжныхъ, на вопросъ бродяти: «нѣтъ ли работы?» — отвѣчаютъ коротко и ясно: «иди въ кла-довую, —и выбирай по рукѣ либо серпъ, либо литовку». Такимъ «нёть ли работы?» — отвёчають коротко и ясно: «иди въ кла-довую, — и выбирай по рукё либо серпь, либо литовку». Такимъ образомъ бёглые, смёло укрывшеся и ловко спратанные, пилять лёсь въ городахъ и селахъ, правять всякую поденщину на заим-кахъ, окашивають роскошныя сибирскія степи, помогають сибир-скимъ крестьянамъ убираться съ пашнями и сёнокосомъ. За одно только укрывательство, за парную баньку, за кирпичный чай, за объёдки отъ стола и за обноски изъ стараго платья, ра-ботаетъ не только поселенцевъ несчастна; несчастны въ ней и сами поселенцы, но несчастнѣе всёхъ изъ нихъ тотъ неболь-шой разрядъ, который пользуется у всёхъ сибираковъ и лаже я сами поселенцы, но несчастнѣе всѣхъ изъ нихъ тотъ неболь-шой разрядъ, который пользуется у всѣхъ сибиряковъ и даже у самихъ поселенцевъ полнѣйшимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Это — палачи: преступники, которымъ судъ и судьба судили по-селеніе, но которые, по доброй. волѣ, и по вызову, рѣшились на извѣстное мастерство, въ разсчетѣ на лучшую участь. Согла-сіе избавило ихъ отъ плетей, служба освободила отъ тѣлес-наго наказанія, особая школа выучила владѣть орудіемъ на-казанія (таковое искусство у нѣкоторыхъ мастеровъ доведено было нѣкогда до такого совершенства, что они могли по про-изволу и разрѣзать, какъ острой бритвой, листъ бумаги и подхва-тить кнутъ, пущенный со всего размаха, такъ, что подставлен-ный листъ бумаги оставался невредимымъ ¹).

¹) По закону, если кто изъ поселенцевъ несоглашался ндти въ палачи, то губернскимъ правленіямъ предоставлено право опредълять въ эту должность: или людей, присужденныхъ къ отдачв въ арестантскія роты, по ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ.

<page-header>ветастиры. 141 Палачъ, на̀ходящійся на службѣ и живущій обыкновенно въ острогѣ при гауптвахтѣ (въ особомъ помѣщеніи), пользуется пол-вкать по имени и по отчеству, а фамиліи, какъ историческія какъ по имени и по отчеству, а фамиліи, какъ историческі какъ по имени и по отчеству. В честь московскаго пылача бархатова всѣ послѣдуюціе заплечные мастера, поступивше в это званіе изъ непомнящихъ родства, предпочитають вы-бархатовы; нѣкогда всѣ палачи были Бархатовы). Если про ебя позволяють еще себѣ арестантны обязнать часть палачей бархатовы; нѣкогда всѣ палачи были Бархатовы). Если про ебя позволяють еще себѣ арестанты обязнать часть палачей позволяють сеце себѣ арестанты обязнать часть палачей рархатовы; нѣкогда всѣ палачи были Бархатовы). Если про ебя позволяють сеце себѣ арестанты обязнать часть палачей рархатовы, накоська – мѣсто казни на языкѣ современ-ныхъ мазуриковъ, Изоська – мбюрскій, Криворотый и проч.), то ъглаза налачу оказывается такое почтене отъ всѣхъ арестантовь, то иоди эти успѣвають забаловываться до высокаго мнѣнія о рабь, на манерь господскихъ кучеровъ и столичныхъ пвейца-ровъ. Палачъ передъ начальствомъ всегда чѣмъ - то недоволены, то коди эти успѣвають забаловываться до высокаго мнѣнія о рабь, на манерь, господскихъ кучеровъ и столичныхъ пвейца-ровъ. Палачъ передъ начальствомъ всегда чѣмъ - то недоволены, кета артель изъ крывахъ на палачь отъ врестантской общин по-такать тѣкъ денегъ, которыя бросаеть народъ на одежду наказы-вемому, удѣляется также палачу подъ особымъ именемъ рогожы, потить тѣкъ денегъ, бывають солдаты и половичи: «кропать сомить секльныхъ, бывають солдаты и половичи: «кропать сомить секльныхъ, бывають солдаты и половичи: «кропать сомить секльныхъ, бывають солдаты и половичи: «кропать сомить свът валачать совъсть») вромѣ обусовленнаго обычаемъ старается вымогать.

чаемъ старается вымогать. Вообще, палачамъ деньги достаются легко: палачу стоитъ пройтись по базару, напримѣръ, на пути къ мѣсту наказанія, чтобы всякій крестьянинъ далъ ему грошъ или пятакъ, какъ бы въ видѣ задатка и по приказу пословицы, повелѣвающей отъ тюрьмы и отъ сумы не отказываться. Если приходится наказывать кого - либо изъ почетныхъ тю-ремныхъ сидѣльцевъ, изъ артельныхъ любимцевъ, тотъ же ста-роста или самъ приговоренный идетъ по казармамъ съ «имянной кружкой» (первой подвернувшейся подъ руку посудиной) и сби-раетъ. Сборъ такой называется «подаркомъ почетныхъ старожи-ловъ». Вообще отъ этихъ подарковъ палачамъ живется хорошо: люди эти на большую половину свою хорошо откормленные, сытые, жирные, толсторожіе; хорошо высыпаются, хорошо отгуливаются,

хота и подъ конвоемъ, и вообще пользуются хорошимъ здоровьемъ. Единственная болёзнь, на которую они чаще всего жалуются: полновровіе, приливъ крови; единственный недугъ, который они испытываютъ—тоска и скука; многіе серьёзно жалуются на то, что имъ не даютъ работы. Бережливые успёваютъ даже накопить достаточное количество денегъ ¹). Во всякомъ случаё, по окоичаніи срока службы, если палачей, вообще очень наклонныхъ къ побёгу, успёли удержать и не выпустить на волю, они выходятъ на волю и деньгами могли бы начинать на волё болёе обезпеченную жизнь; но дёло въ томъ, что отливаются волку овечьи слезы.

Поселенные въ волостяхъ на правахъ государственныхъ врестьянъ, палачи — самые несчастные люди не только въ мъстахъ Тобольсвой губернии, гдё выдумали-было селить ихъ кучкой, но и повсюду. Изъ волости не дозволяютъ имъ выходить. Взрослые сосёди-врестьяне гнушались раздёлить съ ними вусовъ хлёба, посадить ихъ за столъ; женщины боялись подёлиться съ ними хозяйственнымъ запасомъ, считая прикосновение ихъ руки оскверненіемъ, взглядъ брошенный на нихъ — нечистымъ, требующимъ особаго очищенія и молитвы Ивану Воину 2). Мальчишки не упускали на улицахъ случая, чтобы не потравить проходящаго приселенца изъ палачей. Ни купить, ни продать бывшіе палачи ничего не могли и самая жизнь ихъ на волъ являлась хуже каторжной. Нёкоторые сознательно бёжали и въ бёгахъ дёлали преступленія исключительно и намбренно для того только, чтобы попасть именно на каторгу. Только тамъ они еще могли избъгать врайней степени позора³). Устаивали немногіе, но ни одинъ еще изъ палачей не женился на сибирячкъ. Члены экспедиціи, недавно снаряженной сибирскимъ отдёломъ Географическаго Общества въ Туруханскій край, нашли тамъ русскихъ поселенцевъ отунгузившихся. Отцы этихъ метисовъ были русскіе люди, матери-тунгузки; большая часть потомковъ носять фамилію Бархатовыхь: все это потомки палачей.

³) Одинъ тобольскій палачъ убилъ собственную жену, и тогда сділался ссыльнокаторжнымъ.

¹) Извѣстный филантропъ, сенаторъ Мордвиновъ, въ одной изъ записокъ своихъ, возставая противъ истязанія кнутомъ, свидътельствуетъ о примѣрахъ, когда платили палачу до десяти тысячъ рублей, чтобы не увѣчилъ или дѣлалъ бы наказаніе менѣе мучительнымъ, когда для всего процесса наказанія кнутомъ, напр. для 20 ударовъ, потребенъ былъ цѣлый часъ. «При многочисленности ударовъ наказаніе продолжалось отъ восходящаго до заходящаго солица». (см. Чтенія Общества Ист. древ. росс. 1859 г., кинга четвертая).

³) Св. Ивана Вопна, какъ извъстно, чтутъ и арестанты, и изображение этого угодника въ ръдкой сибирской порьмѣ не виситъ въ почетномъ, правомъ отъ входа углу.

Случаются, впрочемъ, въ Сибири и другого рода явленія. Въ Сибири указываютъ на множество ссыльныхъ, которые успѣли сдѣлаться крупными богачами¹). Самый рѣзкій образецъ тому представляетъ Петръ Кандинскій, крестьянинъ, сосланный въ каторжную работу на Нерчинскіе рудники, успѣвшій жениться представляеть петръ кландинский, крестьянинъ, сосланный въ ваторжную работу на Нерчинскіе рудники, успѣвшій жениться и тамъ начать маленькую торговлю офенскимъ способомъ коро-бейника. Сыновья его (Хрисанфъ и Алексѣй) имѣли уже до 5-ти ивлліоновъ оборотнаго капитала, были почетными гражданами и коммерціи совѣтниками. Внуки, теперь уже правнуки Петра, организовавшіеся въ большой торговый домъ, ведутъ обширную торговлю не только въ Сибири и на Амурѣ, но и въ Россіи (въ Москвѣ), пользуясь честнымъ именемъ и широкимъ коммер-ческимъ довѣріемъ. Образецъ подобнаго рода — не послѣдній: почти на каждомъ рудникѣ, почти при каждомъ заводѣ найдется не одинъ каторжный, торгующій съ порядочнымъ капиталомъ; дѣти ихъ пользуются уже всѣми правами людей свободнаго со-стоянія и, не возвращансь въ Россію, служатъ прочнымъ фун-даментомъ для основанія мѣстнаго купеческаго сословія, у ко-тораго впереди такая блестящая будущность, и отъ котораго страна вправѣ ожидать большого подспорья и дѣятельной по-мощи на поступательное шествіе впередъ. Этимъ людямъ грѣхи отцовъ и дѣдовъ давно отпущены и сосѣдями не вспоминаются. Свободнымъ и прямымъ путемъ полезныхъ дѣятелей они стано-вятся безразличными въ массѣ, и во второмъ уже поколѣніи яв-ляются звеньями въ той цѣпи, которую образуютъ коренные кители, такъ называемые сибирскіе старожилы. Политическіе изгнанники и ссыльные нерѣдко бывали благодѣ-

Политическіе изгнанники и ссыльные нерёдко бывали благодётелями тёхъ странъ, въ которыя приводила ихъ судьба. Французскіе изгнанники при Людовикѣ XIV основали въ Англіи фабрики шелковыхъ издёлій; другая партія научила саксонцевъ выдѣлывать сукна и шляпы, составлявшія до того времени монополію Франціи; третьи на мысѣ Доброй Наде́жды развели виноградъ. У насъ, князъ В. В. Голицынъ, любимецъ царевны Софьи Алексѣевны, сосланный въ Пинегу, развелъ тамъ лошадей, и до сихъ поръ извѣстныхъ подъ именемъ мезенокъ; Меншиковы устроили въ Березовѣ богадѣльню, первую въ Сибири; баронъ Менгденъ, сосланный въ 1742 году, съ 4 членами своего семейства, завелъ въ дикомъ Новоколымскѣ коровъ и лошадей, снабжалъ чукчей различными товарами, прі-

^{&#}x27;) Между тъмъ поселенцамъ еще не дозволено производить развъдки золотыхъ присковъ, и люди эти теперь пока участвують въ дълахъ на чужое имя.

обрътаемыми имъ въ Якутскъ. Тогда же сосланный Ивашкинъ обучалъ дътей въ Камчаткъ, и проч.

Сибирь отъ ссылки государственныхъ людей, политическихъ спомрь оть ссылья государственныхъ людеи, политическихъ преступниковъ и другого грамотнаго люда выиграла въ томъ, что въ ней всѣ классы народонаселенія гораздо развитѣе, сво-боднѣе, способнѣе и образованнѣе соотвѣтствующихъ имъ клас-совъ во многихъ другихъ частяхъ Россіи. Политическіе ссыльсовъ во многихъ другихъ частяхъ Россіи. Политическіе ссыль-ные пользовались всёми возможными облегченіями, старожилы не встрѣчали ихъ съ недовѣріемъ; а ссылаемые на житье пользовались значительною долею свободы для примѣненія къ дѣлу своихъ знаній, способностей и плодовъ образованія. Они имѣютъ право селиться обществами, изъ которыхъ и рас-пространялась образованность. Начало этому дѣлу положено еще во времена Петра Великаго. Баронъ Штраленбергъ, одинъ еще во времена петра Беликаго. Баронъ штраленоергъ, одинъ изъ шведскихъ офицеровъ, взятыхъ Петромъ въ сражении подъ Полтавою, вмъстъ съ товарищами своими, принесъ въ во-сточную Сибирь ремесла Европы. Ими основаны тамъ пер-выя училища. Фридрихъ-фонъ-Врехъ (изъ секты піэтистовъ), адъютантъ Михаэлисъ Шлегель и пасторъ Габерманъ основали, адьюганть пихазлись пілегель и пасторь гасермань основали, въ 1715 году, въ Тобольскѣ школу для единовѣрцевъ, а потомъ и для дѣтей русскихъ (въ 1719 году въ школѣ обучалось 96 мальчиковъ). Предпріятіе вызвало сочувствіе въ Европѣ, и знаменитый профессоръ Франке собралъ, за границей по подпискѣ, въ пользу этой школы до 5,000 рублей на тогдашнія русскія деньги. Когда Ништадскій миръ возвратилъ всѣхъ плѣнныхъ въ деныч. погда пиштадски жаръ возвратиль всяхь плыныхъ вы отечество, — школа прекратилась; но въ это время существовала уже другая школа, основанная раньше нёмецкой (въ 1707 году) митрополитомъ Өилофеемъ Лещинскимъ, которая впослёдствіи превратилась въ семинарію, изъ которой и до сихъ поръ выхо-

атъ не только духовныя лица, но и чиновники. Примѣръ шведовъ былъ для Сибири только первымъ по счету; но громадную услугу привелось оказать странѣ позднѣйшимъ дѣятелямъ, труды которыхъ и въ напи дни продолжаютъ быть благотворны. Сибирь знаетъ и благословляетъ имена своихъ учителей, особенно много подвинувшихъ страну на пути образованія во второй четверти текущаго столѣтія. По Сибири слишкомъ живы и ясны слѣды этихъ дѣятелей, и они настолько значительны, что не можетъ быть въ томъ и тѣни сомнѣнія.

Возвращаемся назадъ для нѣсколькихъ заключительныхъ словъ. Бытъ сибирскихъ поселенцевъ не обезпеченъ въ достаточной и надлежащей степени; дѣйствительныя, живыя силы ссыльнаго люда въ надежной мѣрѣ не вызваны и значеніе карательныхъ мѣръ не опредѣлено въ той степени, чтобы взысканіе уже не

<page-header><page-header><text><text><text>

С. Мавсимовъ.

Томъ У. — Сентяврь, 1868.

ГРЪШНИЦА

поэма альфреда виньи.

L'adultère attend le soir, et se dit: Aucunoeil ne me verra; et il se cache le visage, car la lumière est pour lui comme la mort.

Job, ch. XXIV, v. 15-17.

I.

«Благоуханьемъ дивнымъ мирры «Мой одръ роскошный надушонъ, «Съ ковровъ струится нардъ Пальмиры «И ароматный киннамонъ; «Я золотою діадимой «Чело вѣнчала; въ тишинѣ «Приди, мой юноша любимый. «Въ ложницу пышную во мнѣ. «Сегодня мужъ ушелъ далеко: «На ложѣ нѣги у меня «Почій, пока лазурь востока «Не заальеть блескомъ дня!» Такъ съ плоской вровли, въ ароматной Тѣни склонившихся деревъ, Раздался зовъ ся чуть внятный, Но былъ услышанъ этотъ зовъ: Въ тъмъ ночи юноша счастливый

гръшница.

Прокрался въ ней черезъ порогъ, И ведръ рукою торопливой Она замкнула на замовъ; И тамъ, гдъ въ потаенной съни Блестълъ ръзьбою кипарисъ, Онъ нъжно обнялъ ей колъни И ихъ лобзанія слились....

«Любви сіяньемъ озарили «Лучи твоихъ очей мой взглядъ. «Твое чело бѣлѣе лилій, «Уста слова любви струять, «Какъ будто розы ароматы! «О сбрось съ себя одеждъ нарядъ — «И безъ уборовъ хороша ты! — Помедли, милый: капли росъ Рукою нѣжною отру я Съ твоихъ увлаженныхъ волосъ; Дыханьемъ жаркимъ поцёлуя Согрѣю юное чело, Что подъ ночною мглой застыло.... - «О лучше-бъ ты охолодила «То пламя, что во мнѣ зажгло «Мятежныхъ ласвъ твоихъ желанье! «Любви созрѣли грозды; я «Касаюсь къ нимъ, и трепетанье «Ихъ чувствуетъ рука моя.... «Дай мнѣ вкусить отъ наслажденья, «Не отдаляй желанный мигь! - Постой.... Откуда этотъ кривъ И звувъ шаговъ?... – «То звонъ моленья «Полночнаго.... О не блѣднѣй, «Напраснымъ страхомъ грудь волнуя, «И страстнымъ жаромъ поцёлуя «Смири огонь любви моей, «И пусть замреть отказа ропоть «Въ твоихъ устахъ!» И въ смутный шопотъ Слились слова любви.... Огни Въ лампадахъ бронзовыхъ блеснули Въ послѣдній разъ, и потонули Лучи ихъ блѣдные въ тѣни....

въстникъ ввропы.

II.

Въ тотъ часъ, какъ розовымъ отливомъ Восходъ вершины горъ облевъ, И къ зеленъющимъ оливамъ Коснулся утра вѣтерокъ, Въ тотъ тихій часъ, когда верблюды Усталой поступью, въ пыли Склонясь подъ выоками, несли Пустыни дань сынамъ Гуды, Въ тотъ часъ, какъ бълый свой шатеръ Пастухъ открылъ, и бросилъ взоръ На небо, и, звъзды разсвъта Лучъ блёдный встрётивъ, гимнъ привёта Къ свѣтилу Вѣчному простеръ, — Въ тотъ часъ любовникъ пресыщенный Ее покинуль, и блёдна На ложѣ, нѣгой изступленной Измятомъ, поднялась она. Ей страшенъ блескъ луча дневного; Она желаеть, чтобъ сошла Надъ нею тьма ночная снова И скрыла стыдъ ея чела Отъ блеска солнца золотого! Какъ трупъ она недвижна, взглядъ Приникъ въ тоскъ къ дверямъ ложницы, И только слезы на реснице О мукѣ сердца говорятъ.... Такой казалася въ день оный Содома грѣшная жена, Когда съ небесъ воспламененный Лилъ дождь, и бурная волна Сносила бѣшенымъ потокомъ Твердыни храмовъ и дворцовъ Проклятыхъ Богомъ городовъ. Хотѣлось-ли ей грустнымъ окомъ Въ послѣдній разъ послать привѣтъ Мъстамъ, знакомымъ съ дътскихъ лътъ. Иль воли Бога неизвѣстной

грашница.

Постигнуть тайну жаждаль взглядь — Но обернулася назадъ Она, презрѣвъ завѣть небесный; И неподвижно замерла Ея нога въ поспѣшномъ бѣгѣ, И забѣлѣлись, будто въ снѣгѣ, И ливъ и локоны чела. И Лотъ дрожащею стопою Идя въ Сегору, полный мувъ, Не слышалъ больше за собою Ея шаговъ замолкшій звукъ....

Роняя слезы изъ очей, Она сидить на смятомъ ложѣ; И вотъ, пришелъ ребеновъ въ ней; Рыданьемъ матери своей Смущенный, онъ заплавалъ тоже, Кудрявой головой приникъ Къ ея колънямъ, и тоскуя, Боится онъ для поцёлуя Приблизить въ ней свой милый ливъ. Кавъ сладки были ей донынъ Младенца ласки и любовь! Она узнать ихъ хочетъ вновь, Но взоръ остановивъ на сынъ, О мужѣ вспоминаетъ вдругъ, И на лицѣ ея испугъ Ложится блёлностью.... Ужели Она осмѣлится ласкать Его дитя на той постели, Въ покоѣ томъ, гдѣ отзвучать Лобзанья ночи не успѣли?... Увы, невиннаго чела Младенца грѣшными устами Она коснуться не могла; Хотѣла нѣжными словами Его утѣшить: замеръ звукъ Въ ея груди; она вздохнула,

въстникъ квропы.

Какъ будто въ мигъ предсмертныхъ мувъ, И вдругъ ребенка оттолкнула; Стыдомъ и ужасомъ полна, Въ порывѣ дикомъ съ ложа встала, Пошла въ дверямъ и тамъ упала, Какъ бездыханный трупъ блѣдна!

Ш.

Въ тотъ день, съ ограды городской, Былъ видёнъ караванъ богатый, Державшій къ Тиру пойздъ свой: Подъ тяженить выокомъ полосатый Онагръ склонялся; весь въ пыли Бѣжалъ верблюдъ, испуганъ крикомъ Погонщика, и, смуглы ликомъ, Рабы, чело склонивъ, несли Багрецъ и шелкъ; и съ ними рядомъ Скакаль на взмыленномъ конъ Ихъ господинъ. Веселымъ взглядомъ Завидъвъ городъ въ сторонъ, ' Онъ говорилъ: «Теперь Зефора Ждеть мужа, взглядь уставивь въ даль, И на лицѣ ея печаль, И въ сердцѣ дума:-- «Нѣтъ, не скоро «Вернется онъ; давно туманъ «Развѣянъ солнцемъ надъ пустыней, «Но изъ-за дали темносиней «Не выбзжаеть караванъ...» И выбѣжитъ она далеко Ко мнѣ на встрѣчу, и тогда Я ей скажу: «Склони сюда «Блестящее весельемъ око — «Вотъ тканей шелкъ, цвѣтной коверъ, «Вотъ сталь, которой отблескъ чистый «И ликъ твой отразить и взоръ, «Вотъ жемчугъ и янтарь златистый...» Такъ говорилъ онъ, и съ высотъ Сіона узкою тропою Събзжалъ, коня ускоривъ ходъ....

Евреи шумною толпою Въ день праздника бѣгутъ во храмъ: Молва прошла — предстанетъ тамъ Пророкъ, великій чудесами; Цблить онь силой словь святыхъ Разслабленныхъ, нѣмыхъ, слѣпыхъ, Увѣчныхъ, мучимыхъ бѣсами; Къ нему идутъ со всёхъ сторонъ И старцы скорбные и жены; И сонмомъ нищихъ окруженный, Ко всёмъ являетъ милость онъ. По городамъ, по дальнимъ селамъ, Съ толпой своихъ учениковъ Проходить онъ, царь бидняковъ, Съ челомъ, одътымъ ореоломъ Небесной славы, и зоветь Къ себѣ святой любви глаголомъ Рабовъ и страждущій народъ....

٧.

За кудри юнаго чела Толпа во храмъ приволокла Жену преступную. Съ слезами Въ очахъ опущенныхъ, блёдна, Передъ Христомъ стоитъ она, Отягощенная цёпями. Вокругъ сонмъ книжниковъ сёдыхъ; Въ устахъ ихъ осужденья слово, Укоръ въ жестокомъ взорѣ ихъ, И говорятъ они сурово: «Равви! вотъ женщина: она «Виновна и уличена «Въ грѣхѣ преступномъ съ любодѣемъ; 151

«За грёхъ тотъ смерть присуждена «Въ законѣ, данномъ Моисеемъ.» И, возбужденная судомъ Безжалостнымъ, толпа каменья Хватаетъ и кричитъ: «убьемъ, «Убьемъ ее за преступленье!» Внимая грозный смерти крикъ, Съ отчаяньемъ въ безумномъ взглядѣ, Напрасно обращаетъ ликъ Жена съ мольбою о пощадѣ, Напрасно льетъ потоки слезъ....

И на нее воззрѣгъ Христосъ И, вротостью небесной полонъ, Къ толпѣ простеръ святой глаголъ онъ: «Пусть тотъ, кто чуждъ грѣха межъ васъ «Подниметъ первый длань для казни «И броситъ камень безъ боязни.» Сказалъ — и, грустью омрачась, Задумчиво къ землѣ склонился И сталъ на пей чертить перстомъ Слова безвѣстныя....

Смутился

Сонмъ книжниковъ и со стыдомъ Изъ храма тихо удалился....

В. Буренинъ.

152

C

древнъйший періодъ ИСТОРІИ СЛАВЯНЪ

ГЛАВА ВТОРАЯ*).

BEHETH.

I.

древнъйшее название славянъ – в е н в т ы.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами отношеній славянскаго племени въ другимъ отраслямъ арійскаго поколѣнія можно сдёлать тотъ выводъ, что предки славянъ и литовцевъ были послёдніе изъ осбынать арійцевъ, покинувшіе свою родину въ средней Азіи, чтобы перейти въ Европу. Здёсь, естественно, они должны были остаться позади народовъ, предшествовавшихъ имъ въ переселенія. Но странно было бы думать, что арійскія племена, по мёрѣ того, вакъ приходили въ Европу, располагались въ ней тотчасъ по правильнымъ очертаніямъ какихъ-нибудь естественныхъ границъ. Въ такомъ передвижении невозможно, чтобы иныя колъна не отстали или не сбились въ сторону отъ главнаго пути племени, подобно тому, какъ это случилось, напримёръ, съ кельтсвою вътвью киммеріевъ, которые остались на съверномъ берегу Чернаго моря и потомъ, оттуда гонимые, бросились частію въ Малую Азію, тогда какъ главный потокъ кельтскаго переселенія шель на западь Европы. Могло также случиться, что нв-

[•]) См. выше. т. IV, етр. 228 — 291.

которыя колёна опережали главную часть племени и, оставивъ ее за собою, увлекались все далёе и далёе впередъ. Такія явленія представляетъ намъ исторія славянъ въ VI — VIII вѣкѣ по Р. Хр., когда это племя, поднятое сильными переворотами въ своей землѣ, начало снова подвигаться на западъ и югъ Европы. Тогда нерѣдко бывали случан, что толпы переселенцевъ-славянъ, отдѣлившись отъ своего народа, проникали въ глубь чужихъ странъ, попадались цутешественникамъ того времени въ самомъ сердцѣ Германіи, шли до устьевъ Рейна или до оконечностей Греціи. Если такіе случаи были возможны въ 600-тыхъ и 700-тыхъ годахъ нашего лѣтосчисленія, —а въ то время народонаселеніе Европы уже не было незначительно и, конечно, неохотно пропускало этихъ пришельцевъ, —то какъ легко могли совершаться подобныя далекія странствованія отдѣльныхъ обществъ и колѣнъ, пова арійское поколѣніе только начинало водворяться въ нашей части свѣта. Не удивительно, что когда главныя толпы переселявшихся изъ Азіи славянъ должны были остановиться позади предшествовавшихъ имъ въ Европу германцевъ, а на югѣ встрѣтили преграду въ киммеріяхъ, занимавшихъ еще побережье Чернаго моря, и въ еракійцахъ, которые, проходя черезъ Малую Азію, распространялись отъ Архипелага къ Дунаю, — нѣкоторыя славянскія колѣна зашли въ отдаленные края, гдѣ имя славянъ звучитъ странно и загадочно среди чужихъ населеній.

Какое же было имя, которымъ означались славяне въ ту пору? Самое названіе сласяне, или какъ слѣдовало бы писать правильнѣе, словъне, неизвѣстно въ древнѣйшее время. На слѣдъ имени первоначальнаго на́водитъ названіе, которое придавали славянамъ окрестные народы, нѣмцы, финны, греки. До сихъ поръ въ народной рѣчи нѣмцевъ, славянинъ, въ общемъ племенномъ смыслѣ, слыветъ вендомъ или виндомъ, и это имя встрѣчается въ безчисленныхъ названіяхъ мѣстныхъ, въ безчисленныхъ памятникахъ историческихъ, по всей западной границѣ славянскаго племени, гдѣ оно соприкасается или соприкасалось съ германскимъ, отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго. Въ старинныхъ памятникахъ, кромѣ слова вендъ или виндъ, находимъ также венедъ или винидъ.

Всё эти названія для славянъ свойственны собственио языку германцевъ (какъ нёмцевъ, такъ и скандинавовъ), и если они попадаются у другихъ писателей, то именно у такихъ, которые слышали про славянъ отъ нёмцевъ. Поэтому необходимо считать эти формы: вендз, виндз, венедз, винидз¹), прошедшими сквозъ струю нёмецкаго выговора, въ которомъ буква д замёняла сегда коренное m²), такъ, что въ своемъ коренномъ видё на. аніе

это должно было звучать вента или венета, какъ писалъ правильно и Тацитъ (около 100 л. по Р. Хр.), называя венетами, veneti³), общирный народъ, занимавшій пространство между германцами и финнами.

германцами и финнами. Между тёмъ, какъ нёмецъ превращалъ букву *m* въ *д*, финнъ въ этомъ словё не могъ выговорить ни *m* ни *д* послё звука н. Имя вента или венда становилось у него венне. Такъ финны до сихъ поръ называютъ русскихъ веннелайсетъ, т. е. венны (славяне), Россію — веннаен-маа, т. е. венская (славянская) земля⁴).

Наконецъ, третье видоизмѣненіе это имя должно было получить отъ грековъ, потому что они не выговаривали звука е и обращали его, въ началѣ словъ, въ простое придыханіе, либо вовсе опускали. И дѣйствительно, въ извѣстіяхъ греческихъ, славяне, обитавшіе въ странахъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, означаются именемъ: анты, а на среднемъ Дунаѣ⁵), также какъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, греческими писателями упоминается народъ энетовъ. Анты, энеты — это ни что иное, какъ греческая форма выговора вмѣсто ванты и венеты. Таковы древнѣйшія названія, или вѣрнѣе, видоизмѣненія

Таковы древнёйшія названія, или вёрнёе, видоизмёненія одного и того же названія, которыми означаются славяне отъ Финляндіи до Дуная и отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Венеты, венеды, венды, винды, венны, банты (въ сказаніяхъ лангобардскихъ), анты, энеты, такъ развётвилось въ устахъ сосёднихъ славянамъ народовъ имя, которое въ коренной арійской формѣ своей должно было звучать вантас или ванитас.

II.

SHAUEHIE NMEHN BEHETH.

Это имя не могло быть чужое славянамъ. Уже и потому, что народы, столь разобщенные другъ отъ друга, какъ греки, нѣмцы, финны, одинаково означали имъ людей славянскаго племени, невозможно допустить предположенія, будто это было прозвище, данное славянамъ иностранцами. Славяне должны были нѣкогда носить это имя сами; но по мъръ того, какъ они, разселившись въ Европъ, подчинились тутъ новымъ понатымъ и вліяніямъ, первобытное ихъ племенное имя не только вытѣснялось изъ употребленія именами мѣстными, но и въ смыслѣ общаго названія они легко могли предпочесть ему какія-нибудь новыя прозвища, возникавшія вначалѣ у той или другой отдѣльной вётви и съ теченіемъ времени пріобр'ятавшія общую изв'єстность и популярность. Сос'яди же, и вообще иностранцы, разъ узнавъ славянъ подъ древнимъ именемъ венетовъ, не им'єли повода м'єнять установившееся для нихъ названіе на какое-нибудь новое. Такъ точно и грековъ сос'єдніе народы продолжали означать этимъ именемъ, которое д'єйствительно принадлежало имъ встарину ⁶), тогда какъ въ самомъ народѣ греческомъ его вытѣснили поздн'єйшія и частныя названія ахеевъ, эллиновъ и т. п., такъ что имя «греки» стало впослѣдствіи для самихъ грековъ совершенно чужимъ.

Только одна изъ вётвей славянскихъ пребыла вёрна древнему племенному названію до временъ окончательнаго вступленія своего въ жизнь государственную: это была та именно вётвь, которая оставшись на самомъ краю славянскихъ земель къ востоку, въ отдаленнёйшей глуши, на рубежё чудскихъ населеній, въ «дебряхъ»⁷) около Оки, менёе всёхъ другихъ славянъ была доступна новизнё⁸); вётвь, сдёлавшаяся по преимуществу родоначальницей великорусскаго народа — вятичи. Имя это прямо указываетъ на то, что оно было производное отъ слова Вять⁹), какъ, напр., русичи (въ древнихъ нашихъ памятникахъ) отъ Руси. Коренное арійское названіе Вантас или Ванитас, указываемое сличеніемъ различныхъ формъ этого слова у сосёднихъ славянскихъ народовъ, должно было, на нарёчіи восточныхъ славянъ, когда обозначились въ немъ особенности, составившія отличительныя свойства русскаго языка, звучать именно такъ, какъ мы тутъ находимъ: вяты или, въ смыслё собирательномъ, вять и вятичи¹⁰).

По своему значенію, это первобытное имя славянскаго племени есть то же самое, что и арјас, арійцы, т. е. «почтенные, любезные, достохвальные». Въ языкъ древнихъ индусовъ сохранился коренной глаголъ ван (а также ванд) въ смыслъ чтить, выражать почтеніе, хвалить и т. п.; отсюда ванитас — почтенный, любезный, возлюбленный ¹¹). Кромъ этой формы ванитас, употребляемой въ литературномъ языкъ, должна была въ древнъйшую пору существовать и другая, вантас, которая и осталась въ славянскихъ вятахъ, антахъ по греческому, вендахъ или виндахъ по нъмецкому выговору, тогда какъ форма венеты, энеты или венеды, соотвътствуетъ болъе округленной формъ этого слова: ванитас.

Чёмъ глубже мы восходимъ въ древность арійской рёчи, тёмъ большее встрёчаемъ въ ней богатство словъ одинаковыхъ, или весьма близко сходствующихъ по значенію, и этотъ запасъ потомъ распредёлился между арійскими племенами: у однихъ

сталь предпочтительно употребляться одинь какой-нибудь изъ этихъ старинныхъ синонимовъ, у другихъ другой. Такъ, должно полагать, у арійцевъ первоначально существовали оба однозна-чащія слова арјас и ванитас, т. е. любезные, почтенные, какъ выраженія, съ которыми человѣкъ обращался къ своимъ собратіямъ или къ народу и которыми затѣмъ самъ народъ арій-скій сталъ означать себя въ противоположность чужимъ. Изъ

скоратнамъ най къ народу и которыми затъмъ самъ народъ арий-скій сталъ означать себя въ противоположность чужимъ. Изъ этихъ-то двухъ синонимовъ южныя племена и часть западныхъ (индусы, персы, өракійцы и, кажется, кельты¹²) усвоили себѣ слово а р ј à с, а славяне предпочли названіе ванта̀с или вани-та̀с (вяты, венеты), и это, быть можетъ, потому особенно, что первое должно бы было въ ихъ языкъ совпасть въ звукъ съ дру-гимъ, совершенно противоположнымъ по смыслу словомъ, — ярый. Хотя древній корень еан сталъ выходить у славянъ изъ упо-требленія¹³) (что, конечно, способствовало и тому, что самое названіе венеты или вяты такъ скоро устарѣло), однако, еще въ VI вѣкѣ его значеніе не было забыто, по крайней мѣрѣ у от-расли венетовъ, занимавшей восточный уголъ верхней Италіи. Это показываетъ готскій историкъ Іорнандъ, который, говоря о взятів Равенны готскимъ королемъ Аларикомъ, замѣчаетъ, что «обладатели этого города назывались въ старину, по преданію предковъ, еенетами, т. е. достохвальными»¹⁴). Въ книжной своей учености Іорнандъ при этомъ думалъ, можетъ быть, о подхо-дившемъ сюда по значенію греческомъ словѣ (*а́имъто́s*); но, ко-нечно, въ *преданіи предкова*, которое онъ слышалъ, не могло быть рѣчи о такой искусственной этимологіи, и говорилось про-сто, что имя древнихъ жителей этого края, венеты, значило: «достохвальные»¹⁵). «достохвальные» 15).

«достохвальные» ¹⁰). Въ древней азіятской колыбели осёдлому народу арійскому, носившему названіе «почтенныхъ» или «любезныхъ», противо-полагались, какъ намъ извёстно, люди неосёдлые, которыхъ на-зывали дасас — «бёдняки» или турас — «быстро движущіеся, подвижные» (бродники, по старинному русскому выраженію). Съ ихъ именемъ, какъ мы уже упоминали, стало соединяться въ понятіяхъ осёдлаго арійца представленіе о какомъ-то зломъ началь, о враждебной сверхъестественной силь. Особенно ясно виденъ отпечатовъ этого перехода понятій въ языкъ древнихъ индусовъ, которые имя кочевыхъ племенъ дасас или дасјавас индусовъ, которые имя кочевыхъ племенъ дасас или дасјавас (т. е. бъдняки, отъ глагола дас — терпъть нужду) принимали также въ общемъ значении враждебнаго чудовища ¹⁶), а затёмъ, въ дальнъйшемъ развити этого понятія, образовали слова: дасра — чудотворный, волшебный, дасма — чудесный и, нако-нецъ, въ отвлеченномъ смыслъ дансас — чудо. При переходѣ славянъ въ Европу повторилось тоже самое. Они встрѣтили здѣсь племена, не только не знавшія земледѣлія, но стоявшія еще на низшей степени развитія, чѣмъ кочевники арійскаго поколѣнія въ степяхъ средней Азіи, дасы или туры (предки скивовъ); на европейскомъ сѣверѣ славяне встрѣтили людей не арійской крови, бродячихъ лѣсныхъ жителей, звѣроло-вовъ ¹⁷); и назвали они ихъ чудью, т. е. именемъ, которое зна-чило тоже, что турас въ Азіи — подвижные, быстрые: корень въ древне-индійскомъ глаголѣ чуд, чо́да́ми или чо́даја́ми—по-гоняю, тороплю, привожу въ скорое движеніе ¹⁸). И съ этимъ именемъ соединилось понятіе о чудовищи ¹⁹) и о чудъ, какъ явленіи сверхъестественной силы, и о кудесахъ волшебныхъ ²⁰). Венеты или сяты ²¹), какъ названіе народа осѣдлаго, людей «почтенныхъ», и въ противоположность имъ чудъ «подвижная», одаренная нечеловѣческими, волшебными силами, — въ этихъ двухъ именахъ заключается первый слѣдъ исторіи славянскаго илемени, слѣдъ той эпохи, когда они перенесли на сѣверъ Ев-

племени, слъдъ той эпохи, когда они перенесли на съверъ Ев-ропы понятія своей азіятской родины, съ ся «арьями» и «ту--DAMИ>.

III.

Венеты въ Италия. -- Признаве того, что они выли действетельно славяна.

Подъ именемъ ве'нетовъ изв'єстенъ у писателей греческихъ и римскихъ народъ, который съ времени весьма отдаленнаго за-нималъ съверо-восточный уголъ Италіи, отъ Альпійскаго хребта до низовьевъ р. Пада (По) и Адріатическаго моря, и отъ Истріи до Гардскаго озера, —и объ этихъ-то венетахъ имѣемъ мы самыя раннія историческія свѣдѣнія. Естественно, что тѣ венеты, кото-рые жили въ Италіи, по своему положенію ближе соприкасаясь съ образованными народами древности, сдѣлались извѣстными прежде другихъ. Но были ли эти венеты на Адріатическомъ по-морьѣ дѣйствительно славяне? Хотя самое имя «венеты» (чего никто не сталъ бы оспоривать) приналежало по преимуществу никто не сталъ бы оспоривать) принадлежало по преимуществу племени славянскому, однако не могло ли оно здъсь, въ Италіи, обозначать и какой-нибудь другой народъ? Вопросъ разрѣшился бы самъ собою, еслибы до насъ дошелъ

какой-нибудь ясный памятникъ языка древнихъ италійскихъ ве-нетовъ. Но и тѣ немногіе его слѣды, которые сохранились, по-казываютъ явный обликъ славянской рѣчи, и именно въ такомъ древнемъ видѣ, какой она должна была имѣть за двѣ тысячи ЛЬ́ТЪ.

<page-header><page-header><text><text>

сколько дагбе, а другая еще до времени митридатовыхъ войнъ (въ началб I вѣка до Р. Хр.) является въ сосѣдствѣ дардановъ ²⁸), то есть именно около Срѣма на Дунаѣ. Указаніе историческое вполнѣ подтверждается языкомъ. Слово Сирмій или Сирміе (форма древнѣйшая) или Срѣмъ (форма позднѣйшая) ²⁹) имѣетъ до сихъ поръ во всѣхъ почти нарѣчіяхъ славянскихъ многочисленное родство, затемненное то́лько тѣмъ, что нынѣшніе славяне вставляютъ ту́тъ, какъ обыкновенно, букву *т* между *с* и *р*, точно также, какъ мы вмѣсто *срамъ* говоримъ *страмъ*, вмѣсто *осровъ- островъ*, вмѣсто *всрътишъ- встрътишть* и т. д. У ближайшихъ къ венетамъ адріатическихъ словенцевъ стермѣти (вмѣсто сермѣти) значитъ «торчать», «выдаваться впередъ»; стермъ (вмѣсто сермъ) — «крутой», стермина (вмѣсто сермина) — «крутизна»; у насъ стремиина (вмѣсто сремиина), стромвій (областное) высокій, крутой; стремиться, т. е., собственно, подаваться впередъ. Множество другихъ родственныхъ славянскихъ словъ мы опускаемъ; приведенныхъ достаточно: мы видимъ, что Сирмій, Срѣмъ ³⁰) означало выдающееся крутое мѣсто. Свидѣтельство, заключающееся въ этомъ названія, какъ и имя Патавія, особенно важно потому, что слово *серм* со всѣми его развѣтвленіями для означенія чего-либо крутого и выдающагося, не есть одинъ изъ тѣхъ первобытныхъ корней, которые составляютъ общую принадлежность арійскихъ племенъ, а существуетъ исключительно только въ языкѣ славянъ ³¹). На онномъ нацпобномъ цамятникѣ. найленномъ въ Аквилеѣ ³²).

ствуеть исключительно только въ языкѣ славянъ³¹). На одномъ надгробномъ памятникѣ, найденномъ въ Аквилеѣ ³²), мы читаемъ, что эту гробницу сдѣлала Цервонія или Червонія Тиха (Cervonia Tiche) при жизни своей для себя и своихъ вольноотпущенныхъ ³³); затѣмъ она прибавляетъ: «si quis hanc arcam sive hoc monument. vendere aut emere aut exacisclare volet, tum pœnœ nomine h. s. XX reip. aquil. dare debebit>, т. e.: «если вто эту гробницу или этотъ памятникъ захочетъ продать или купить или...., то онъ долженъ будетъ въ видѣ пени заплатить 20,000 сестерціевъ ³⁴) обществу аквилейскому» ³⁵). Смыслъ латинской надписи совершенно ясенъ, но въ серединѣ ея мы находимъ слово неслыханное въ латинскомъ языкѣ, слово

Смыслъ латинской надписи совершенно ясенъ, но въ серединѣ ея мы находимъ слово неслыханное въ латинскомъ языкѣ, слово exacisclare, которое, очевидно, вкралось въ латинскую рѣчь аквилейцевъ изъ мѣстнаго языка. Что же это за слово? Славянскій языкъ дастъ и здѣсь разгадку. Въ нарѣчіи словенцевъ (или такъ назыв. хорутанъ)—именно той вѣтви славянской, которая всѣхъ ближе въ краю древнихъ венетовъ и поселенія которой простираются почти до самаго мѣста, гдѣ стояла Аквилея, слово числати употребляется въ значеніи «чтить, уважать» ³⁶). Въ аквидейской надписи мы видимъ это самое слово съ отрицательнымъ

астория славянь. 161 а (т. е. не —), которое составляло исконную принадлежность арійскихъ языковъ и, хотя исчезло изъ нынѣшней славянской рѣчи (за исключеніемъ немногихъ слѣдовъ), но безъ сомнѣнія употреблялось и въ ней въ ту пору, когда существовала др́евняя Аквилея (разрушенная въ 452 году). Такъ составилось это слово чисто-славянское, только съ латинскимъ предлогомъ и окончаніемъ: еха cis clare, и значило оно «казать неуваженіе», «обезче-стить», «осквернить». Надпись Червоніи Тихи гласила, что если кто захочетъ продать или вупить ея памятникъ или нарушить его неприкосновенность (по-польски можно бы сказать знева-жить, и составь этого слова, з-не-важить буквально воспроиз-велъ бы выраженіе *ex-a-cisclare*), то онъ заплатитъ городскому обществу такую-то сумму. Въ томъ же совершенно смыслѣ упо-треблено это самое выраженіе въ другой, также аквилейской над-циси, въ которой нѣкто Юлій Эпиктетъ, приготовивъ гробницу для своей умершей супруги и себя самого, назначаетъ наказаніе тому, кто бы «эту гробницу отврылъ или нарушилъ ее и поло-жилъ туда другое тѣло»: si quis post dua corpora posita (т. е. послѣ погребенія тѣлъ Эпиктета и его жены) hanc arcam aper-verit aut *exacisclaverit* et aliut corpus posuerit ³⁷). Также какъ названіе «птичьяго города» Патавія, и слово ехасisclare по-тому въ особенности важно, что туть является не простой только корень, который могъ бы быть общій славянамъ съ другими арій-скими народами, но форма производная (числати отъ корня чит, чтить), образованіе которой носить на себѣ отпечатокъ исключительця. исключительно славянскій.

исключительно славянский. Когда нолчища гуннскаго царя Аттилы (въ 452 г.) вторглись въ Италію и прежде всего обрушились на богатую и многолюдную Аквилею, то жители этого города и его окрестностей бъжали въ разныя стороны, и между прочимъ, ближайшимъ для нихъ убъ-жищемъ былъ островокъ, возвышавшійся своими укръпленіями среди окружающихъ лагунъ и связанный съ материкомъ мос-товою, въ древнее время проложенною въ моръ. Эта твердыня, этотъ островъ - кръпость ³⁸) названъ былъ Градъ (Gradus). Какой народъ, кромъ славянскаго, далъ бы ему такое названіе?

Томъ У. - Сентяврь, 1868.

Преданіе о приходъ венетовъ въ Италію. — Связь съ троянскою легендою.

Можно бы привести и много другихъ именъ мёстныхъ и личныхъ, относящихся къ краю италійскихъ венетовъ и въ которыхъ слышны звуки славянской рѣчи³⁹); но, какъ мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній объ ихъ значеніи, то и толкованіе ихъ оставалось бы сомнительнымъ и не прибавило бы ничего къ тѣмъ характеристическимъ словамъ, которыя нами приведены. Достаточно и этихъ четырехъ выраженій — Патавій, Сирмій, ехасisclare и Gradus: они не оставляютъ сомнѣнія, что народъ, поселившійся на сѣверовостокѣ Италіи подъ именемъ венетовъ, были въ дѣйствительности венеты, то-есть славяне⁴⁰). Когда мы видимъ, что при возобновившемся въ VI вѣкѣ по Р. Хр. движеніи славянскаго племени, оно тотчасъ же стало проникать въ сѣверовосточный уголъ Италіи⁴¹), гдѣ удерживается отчасти и донынѣ⁴²), то тѣмъ естественнѣе было занятіе этого края славянскимъ племенемъ при первомъ разселеніи арійцевъ въ Европѣ. Сюда, въ сѣверовосточный уголъ Италіи, лежалъ прямой путь славянамъ, двигавшимся съ востока къ западу и юго-западу. Но Итальянскій полуостровъ былъ уже заселень другими народами, и движеніе славянъ встрѣтило здѣсь сопротивленіе. Они принуждены были остановиться, и только передовая ихъ вѣтвь нашла себѣ мѣсто на окраинѣ полуострова, въ нынѣшней Венеціанской области.

Сохранялось преданіе, что венеты, поселившіеся на Адріатическомъ поморьѣ, были пришельцы съ востока, и хотя ихъ признавали народомъ весьма древнимъ⁴³), однако помнили и то, что они были изъ послѣднихъ переселенцевъ, прибывшихъ въ Италію, и водворились въ ней силою.

Легенда о Троянской войнѣ, сдѣлавшаяся, благодаря вліянію неподражаемыхъ рапсодій іонійскихъ, средоточіемъ, въ которому греви, а вслѣдъ за ними и еще болѣе римляне, старались пріурочить всѣ, по возможности, свои сказанія о вѣкахъ отдаленной древности, — легенда эта втянула въ свой кругъ и повѣсти о пришествіи венетовъ въ Италію. Поводъ къ тому былъ тѣмъ ближе, что нѣкогда и въ Малой Азіи существовалъ народъ имъ соименный, и что Гомеръ приводилъ этихъ азіятскихъ энетовъ въ числѣ союзниковъ осажденной Трои⁴⁴). Не трудно было поэтамъ и историкамъ греческимъ и римскимъ, заникавшимся подборомъ и обработкою древнихъ преданій, принять пришельцевъ съ востока, италійскихъ венетовъ, за потомковъ мало - азійскихъ, связать ихъ переселеніе на Адріатику съ разгромомъ Трои, причислить народнаго венетскаго вождя, основателя Патавія, къ героямъ троянской защиты. Понятно также, почему это толкованіе особенно понравилось въ Римѣ и сдѣлалось тамъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ историческихъ сказаній. Римляне сами, съ того времени, какъ они вошли въ сношенія съ греческимъ міромъ, старались примкнуть свою древность къ троянской; затѣмъ покореніе Греціи еще болѣе утвердило въ нихъ вѣру, что Римъ произошелъ отъ переселенцевъ изъ Трои, завѣщавшихъ своему потомству въ Италіи месть за вѣроломное разрушеніе ихъ родного города. При такомъ взглядѣ, каждая черта, соединявшая Италію съ Троей, была дорога римлянамъ, и они должны были съ радостью ухватиться за представлявшійся случай породнить съ троянцами одинъ изъ извѣстнѣйшихъ народовъ Италіи и особенно такой, какъ венеты, которые издавна и постоянно были сюзниками и друзьями Рима и оказали ему однажды, въ годину наибольшей опасности, усдугу неоцѣнимую.

наибольшей опасности, услугу неоцёнимую. Но прежде, чёмъ будемъ разбирать историческую основу приикнутаго такимъ образомъ къ Троё сказанія о пришествіи венетовъ въ Италію, мы должны уяснить себё, кто такіе были эти мало-азійскіе венеты, которыхъ выдавали за ихъ предковъ.

٧.

Колонии венетовъ въ Малой Азии.

Гомеръ, поименовывая союзниковъ Трои (исчисленіе которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, обнимаетъ почти всѣ вѣтви еракійскаго племени, европейскія и азіятскія, въ противоположность осаждавшимъ Трою народамъ племени греческаго), говоритъ, между прочимъ, что «Пафлагоновъ велъ Пилеменъ, храброе сердце, изъ энетовъ, откуда порода дикихъ лошаковъ: они же владѣли Киторомъ и обитали вокругъ Сесама, имѣли славные дома по рѣкѣ Партенію, населяли Кромну, Эгіалъ и высокіе Эритины.»

Цартенію, населяли Кромну, Эгіалъ и высокіе Эритины.» Партеній (т. е. Дівичья ріка), орошающій «цвітистый край»⁴⁵), гді энеты иміли свои «славные дома», это ныні ріка Бартанъ, впадающая въ Черное море въ Кастамунійской области. Тутъ же лежатъ упоминаемые Гомеромъ города энетовъ: Киторъ, что ныні Кидросъ, Сесамъ, поздніе сділавшійся цитаделью города Амастриса (ныні Амассера), Кромна, ныні разваинны по сосідству этого послідняго ⁴⁶); Эгіалъ (что значитъ бе-

;

регъ)—такъ называлась и деревня близъ Амастриса и вся тамошняя береговая полоса, въ 100 стадій (отъ 15 до 20 верстъ) длины ⁴⁷), доходившая до мыса Карамбиса (Керемби); наконецъ «высокіе Эритины», это — мѣсто замѣчательное двумя красными скалами, недалеко отъ Амастриса ⁴⁸). Такимъ образомъ, все пространство, отводимое Гомеромъ энетамъ, составляетъ крошечный участокъ Малой Азіи, сѣверозападный уголъ области, которая извѣстна была въ древности подъ именемъ Пафлагоніи ⁴⁹), а нынѣ составляетъ лишь часть Кастамунійскаго эялета.

Точность выраженій, которыми Гомеръ опредѣляетъ положеніе энетовъ, устраняетъ всякій поводъ къ сомнѣнію, что тамъ дѣйствительно находилось такое племя, тѣмъ болѣе, что всѣ вообще показанія его о народахъ Малой Азіи, ему хорошо извѣстной, оказываются вполнѣ вѣрными. Впослѣдствіи одинъ изъ сподвижниковъ Александра Македонскаго, извѣстный Каллистенъ, повѣрявшій свидѣтельства Гомера объ этихъ краяхъ, нашелъ энетовъ на восточномъ берегу Партенія. Когда Александръ Македонскій проходилъ чрезъ Пафлагонію, то энеты присоединились къ его войску ⁵⁰). Но спустя триста лѣтъ послѣ походовъ Александра, когда писалъ свою географію Страбонъ, энетовъ тутъ уже не было ⁵¹).

Кромѣ окрестностей нынѣшняго Бартана, слѣды энетовъ являются въ двухъ другихъ мѣстахъ Малой Азіи, дальше къ востоку, на берегу Чернаго моря, около Самсуна, и среди материка, близъ границъ Арменіи. Писатель VI вѣка до Р. Х., Гекатей называлъ Энетой (Еνετή) городъ Амисосъ ⁵²), нынѣшній Самсунъ (на востокъ отъ Синопа). Что въ этой вообще мѣстности, т. е. въ приморской части Каппадокіи (нынѣшнемъ Самсунскомъ и Амазійскомъ краѣ), жили въ древности энеты, на это указывалъ одинъ изъ писателей, изъ которыхъ Страбонъ почерцалъ свои свѣдѣнія ⁵³), а Плиній помѣщалъ тутъ же племя генетовъ (Genetae) ⁵⁴). Другой римскій географъ І-го вѣка по Р. Х., исчисляя племена, жившія на западъ отъ Арменіи, въ средиземной части Каппадокіи, называетъ между ними венетовъ (Venetae) ⁵⁵).

Всёхъ этихъ мало-азійскихъ энетовъ или венетовъ мы считаемъ переселенцами славянскаго племени, попавшими случайно въ тотъ край. Впослёдствіи мы увидимъ, что когда славяне, въ VI и VII вёкё по Р. Х., стали распространяться на югъ отъ Дуная и за Балканы, то цёлыя толпы ихъ переходили въ Малую Азію и селились тамъ, и даже проникали въ Сирію. Еще легче было зайти туда, съ востока, черезъ Кавказъ, какимъ-нибудь, сбившимся съ пути семьямъ славянскимъ во время

иередвиженія всего илемени изъ Азіи въ Европу. Извѣстно, что часть киммеріевъ, жившихъ нѣкогда на сѣверномъ берегу Чернаго моря, ушла этой дорогой въ Малую Азію и заняла здѣсь, между прочимъ, мѣстность, гдѣ потомъ возникъ городъ Синопъ ⁵⁶). Той же дорогой черезъ Кавказскій край ⁵⁷) и изъ той же страны, а можетъ быть даже и вмѣстѣ съ киммеріями ⁵⁸) перешли сюда, по всей вѣроятности, и славянскіе переселенцы. Существовало даже положительное сказаніе, что тѣ энеты, которые жили въ Каппадокіи, были товарищами киммеріевъ въ ихъ походахъ ⁵⁹). Армянскій историкъ, писавшій въ V вѣкѣ нашего лѣтосчисленія (Моисей Хоренскій), говоритъ намъ о переселенцахъ «Булгара Венда», водворившихся въ Басіанѣ, въ Араратской области ⁶⁰). Судя по его выраженіямъ и по имени болгаръ, тутъ встрѣчающемуся, нельзя думать, чтобы эти поселенія возникли ранѣе того времени, въ какое жилъ Моисей Хоренскій; но они ясно указываютъ путь, какимъ славяне попадаля въ Малую Азію и въ прежнее время.

Очевидно однако, что это были одинокія колоніи, мелкіе выселки славянскаго племени, занесенные случаемъ въ среду чужихъ народовъ. Уже въ выраженіи Гомера, когда онъ говорить, что пафлагонцевъ велъ на помощь Трои Пилеменъ изз энетооз, владѣющихъ Киторомъ и т. д., мы видимъ, что энеты, обитавшіе въ Пафлагоніи, составляли нѣчто особое отъ настоящихъ пафлагонцевъ. Эта чужестранность энетовъ и объясняетъ, почему они такъ скоро исчезли въ Малой Азіи. Уже прежде Р. Хр., когда писалъ Страбонъ, самъ уроженецъ края, сосѣдняго съ Пафлагоніей, для него было вопросомъ, что за народъ были эти энеты⁶¹). Если бы они принадлежали въ одной изъ туземныхъ народностей Малой Азіи, то тамошнему уроженцу Страбону не могло бы и представиться подобнаго сомнѣнія; а коль скоро дознано, что мало-азійскіе энеты, или венеты, какъ писалъ латинскій географъ, или венда, какъ писалъ историкъ армянскій, были тамъ переселенцы изъ чужого племени, то къ кому ихъ причислить, какъ не къ племени венетскому, какъ не къ славянамъ?

При незначительности и одинокомъ положеніи этихъ славянскихъ колоній въ Малой Азіи, онѣ не пріобрѣли никакого значенія. Венеты мало-азійскіе прожили незамѣтно для исторіи и незамѣтно слились съ окружающими населеніями ⁶²). Но все же намъ нельзя было не остановиться на нихъ, какъ на первыхъ изъ славянъ, о которыхъ осталась историческая память. Если бы славяне склонны были гордиться своими предками и своимъ прошлымъ, какъ многіе другіе народы, то они могли бы дорожить

VI.

Значение легенды о троянскомъ происхождении венетовъ.—Свидетельство Арріана о движении ихъ съ востока.

Отъ такихъ дробныхъ, одинокихъ колоній, какими являются съ самаго начала венеты въ Малой Азіи, не могли очевидно произойти венеты съверной Италіи, составлявшіе, какъ намъ извъстно, народъ довольно значительный. Несомнѣнно, что въ сказаніяхъ о переходѣ венетовъ изъ-подъ Трои къ устьямъ По соединились двѣ вещи: истинное, жившее въ народной памяти самихъ италійскихъ венетовъ, событіе, именно, что они пришли въ Италію съ востока, и догадка грековъ и римлянъ, читавшихъ Гомера, что пришедшіе съ востока въ Италію венеты были тѣ самые, которые сражались подъ Троею.

гомера, что пришедше съ востока въ италю венеты обли тъ самые, которые сражались подъ Троею. Весьма знаменательно извъстіе, уже разъ нами упомянутое, которое записалъ одинъ изъ добросовъстнъйшихъ историковъ древности, Арріанъ, жившій во ІІ-мъ въкъ по Р. Хр., но пользовавшийся прежними источниками и особенно занимавшийся исторією азіятскихъ народовъ ⁶³). Арріанъ говоритъ ⁶⁴), что энеты пострадали отъ войны съ ассирійцами; это заставило ихъ удалиться въ Европу, и тогда они поселились на ръкъ Падъ (По). Къ несчастію, это извъ-стіе дошло до насъ въ отрывочной выпискъ, такъ что мы не знаемъ ни источника, откуда Арріанъ его заимствовалъ, ни обстоятельствъ, съ которыми онъ его связывалъ. Но если бы можно стоятельствъ, съ которыми онъ его связывалъ. Но если бы можно было, — какъ намъ, кажется, позволяетъ общій характеръ этого писателя, весьма положительнаго и разборчиваго въ переда-ваемыхъ имъ свѣдѣніяхъ, — считать его слова основанными на дѣйствительномъ сказаніи, которое онъ или нашелъ въ какомъ-нибудь старинномъ памятникѣ, или, что̀ болѣе вѣроятно, слы-шалъ самъ при объѣздѣ черноморскаго края⁶⁵), то это освѣ-тило бы намъ всю древнѣйшую исторію славянскаго племени. Мы знаемъ, что предки славянъ жили нѣкогда въ Средней Азіи. Достовѣрно также, что въ отдаленную эпоху, предше-ствовавшую развитію арійскихъ народовъ, ассирійцы (племя семитическое, на верхнемъ Тигрѣ, гдѣ нынѣ Мосулъ съ близ-лежащими развалинами ихъ знаменитой столицы Нинивіи) со-ставляли могущественное царство, простиравшее свои завое-

ванія, между прочимъ, далеко на востовъ въ Прикаспійскія страны. Они покорили западную часть Ирана (землю мидянъ и персовъ) и ихъ войска проникали, по нѣкоторымъ сказаніямъ, даже въ Бактрію. Эти ассирійскіе походы и завоеванія, о котодаже въ Бактрію. Эти ассирійскіе походы и завоеванія, о кото-рыхъ свидѣтельствуютъ не только преданія, записанныя греками, но и недавно одкрытыя надписи царей нинивійскихъ, началисъ, какъ полагаютъ, съ XIII вѣка до Р. Хр. ⁶⁶) и продолжались съ разными перерывами до VIII вѣка. Къ этому - то періоду отно-силось бы, на основаніи извѣстія Арріана, переселеніе славян-скаго племени въ Европу. Это согласовалось бы и съ выводомъ, нами сдѣланнымъ по другимъ признакамъ, что славяне послѣд-ніе изъ осѣдлыхъ племенъ арійскихъ покинули свою родину въ средней Азіи. Побѣды ассирійцевъ не могли не взволновать арій-скаго населенія нынѣпіней Персіи и сопредѣльныхъ краевъ сред-ней Азіи, они не могли не произвести движенія въ племенахъ, которымъ тогда въ первый разъ приходилось встрѣтиться съ ино-страннымъ завоевателемъ, испытать еще небывалое для нихъ иго государственной власти. Это именно движеніе, — такъ слѣдовало бы заключить, если бы мы рѣшились вполнѣ положиться на при-веденное Арріаномъ сказаніе, — это движеніе дало толчокъ къ выселенію предковъ славянъ, побудило ихъ пойти по слѣдамъ другихъ арійскихъ семей, прежде ихъ удалившихся на западъ. Если, такимъ образомъ, выходъ славянскаго племени въ Ев-ропу совпадалъ съ завоеваніями ассирійцевъ, то мы знали бы приблизительно и время этого событія, именно 1200 — 900 года до Р. Хр. То была пора, въ которую зарождалась истори-ческая жизнь Греціи и къ которой относятся преданія о Троян-ской войнѣ. Въ ту самую пору, мы могли бы полагать, на сѣрыхъ свидѣтельствуютъ не только преданія, записанныя греками, ческая жизнь греци и къ которои относится предания о гроян-ской войнѣ. Въ ту самую пору, мы могли бы полагать, на сѣ-веръ Европы прибывали послѣдніе переселенцы арійскіе, славяне, и занявъ земли около Днѣпра и Вислы и подвигаясь вдоль Карпатскихъ горъ и вверхъ по Дунаю, отдѣлили отъ себя вѣтвь, которая направилась на югъ, въ долины восточныхъ Альпъ и къ Адріатическому морю. Альпы въ своемъ восточномъ изгибѣ не со-Адріатическому морю. Альпы въ своемъ восточномъ изгиов не со-ставляли такой неодолимой преграды, какъ съверная и западная часть хребта. Здъсь, черезъ восточныя Альпы былъ древнъйшій путь нашествіямъ въ Италію ⁶⁷). Спускаясь съ высоть, при-шельцы видѣли передъ собой гладкую равнину, орошенную мно-гочисленными ръками и ручьями, на берегахъ ихъ лъса дубовъ, тополей, южной сосны и ели ⁶⁸); кое - гдъ холмы; просторные и тучные луга, а за ними тихія воды лагунъ, усѣянныхъ остро-вами. Они вступали въ одну изъ благодатнъйшихъ странъ Европы. '

Столкновение венетовъ съ туземцами Италин. — Сказания объ Антеноръ.

Въ Италіи венетовъ встрѣтилъ, по словамъ древняго преданія, вооруженною рукой туземный народь эвганеевь, который занималь страну между Альпами и моремъ, съ своимъ царемъ Велесомъ. Но венеты остались побъдителями, выгнали туземцевъ и основались въ странѣ, которой дали свое имя; тутъ вождь ихъ, по указанію отъ птицы, основалъ городъ Патавій 69). Такова сущность разсказовъ о прибыти венетовъ въ Италию. Народная славянская основа преданія проглядываеть и въ имени царя, побѣжденнаго венетами. По своему чисто - славянскому звуку, названіе Велесъ, довольно употребительное у этрус-ковъ⁷⁰) и которое, быть можеть, дъйствительно носиль одинъ изъ вождей туземнаго населенія въ борьбѣ съ пришельцами венетами, могло връзаться въ память этихъ послъднихъ. Даже имя народа, прогнаннаго венетами и принадлежавшаго, мы полагаемъ, къ тому же племени, что реты, этруски и другія насе-ленія при-альпійскаго края ⁷¹), — это имя, мы говоримъ, весьма похоже на славянское. Эвганей, кажется, ничто иное, какъ древняя форма произношенія слова Угоны⁷²), составленнаго точно также какъ названіе «Ускоки», сдёлавшееся въ позднѣйшихъ въкахъ столь извъстнымъ на Адріатическомъ побережьи. Эвганеи значило, въ такомъ случав, просто «прогнанные» и было лишь прозвище, данное славянами туземному племени, ими вытесненному въ Альпамъ и за Гардское озеро. Любопытно, что знаменитый географъ древности, Птолемей (во П-мъ въкъ по Р. Хр.), исчисляя подробно всъ племена Италіи, пропускаетъ эвганеевъ, а на томъ мъстъ, гдъ были города эвганеевъ (за Адижью и на съверной сторонъ Гардскаго озера), приводитъ какое-то племя Бехуновъ (Вехоихої⁷³), никъмъ кромъ его неупоминаемое. Не слъдуетъ-ли читать, вмъсто бехуны — блиуны, и не было ли это название просто синонимомъ имени эвганеевъ?

Какъ называли венеты вождя, который привелъ ихъ въ богатые края Италіи, который сражался съ царемъ Велесомъ и выгналъ эвганеевъ, мы не знаемъ навѣрно; но, по всей вѣроятпости, и они, подобно многимъ другимъ племенамъ, олицетворяли въ немъ свой народъ и придавали ему имя, которое принадлежало самому народу. Какъ вятичи на востокѣ имѣли своего героя - первоименника (эпонима) въ лицѣ Вятка, такъ, должно полагать, и у древнихъ собратій ихъ на Адріатическомъ поморьѣ былъ такой же вождь-

родоначальникъ, котораго именовали Венетомъ или Вантомъ и котораго мы, по нашему нынёшнему произношенію, назвали бы Вятомъ. На это указываеть одинъ изъ римскихъ писателей, приводя извёстіе, что изъ Иллирика пришелъ какой-то царь Энетъ (или по другому чтенію Бенетъ), который и овладѣлъ венетскимъ краемъ, получившимъ отъ него свое названіе⁷⁴). Но это извѣстіе единственное, въ которомъ венетскій вождь сохраняетъ свое народное имя и приходитъ изъ Иллирика, откуда вепеты дѣйствительно должны были спуститься при вторженіи въ Италію. Во всѣхъ другихъ сказаніяхъ этотъ праотецъ ве́нетовъ облеченъ уже въ классическій покровъ троянца Антенора. Въ Иліадѣ Антеноръ является чистымъ троянцемъ, и съ энетами не имѣетъ ничего общаго. Это — родственникъ царя

Пріама, одинъ изъ стариковъ, народныхъ совѣтниковъ, по пре-клонности лѣтъ уже неспособныхъ къ битвамъ, но говорящихъ красно. «Подобно кузнечикамъ, которые въ лѣсу, на деревѣ, куютъ сладкимъ голосомъ», сидятъ они, и между ними мудрый Антеноръ, на городской башнѣ и вмѣстѣ съ женщинами смотрять на сраженіе, происходящее подъ стѣнами города 75). Таковъ былъ Антеноръ, какъ его изображала подлинная легенда троянская ⁷⁶), и въ герои, вожди народа, онъ, конечно, не го-дился. Если его потомъ превратили въ народнаго вождя и ге-роя, то причина тому заключалась въ самомъ его имени: Анте-норъ могло быть истольовано по-гречески антский человъкъ, а норз могло омть истольовано по-гречески антскии человъях, а слово антя было, какъ мы знаемъ, произнесенное по-гречески названіе славянъ, вмѣсто ванта, тоже, что вендз или венета. Такимъ образомъ, подъ имя Антенора, «антскаго человѣка», подходилъ тотъ народный герой венетовъ, который привелъ ихъ съ востока въ Италію, назывался ли онъ Венетомъ, Вантомъ или какъ-нибудь иначе. Вотъ, очевидно, какимъ путемъ греческие тра-гики и между ними Софоклъ⁷⁷) (въ V-мъ вѣкѣ до Р. Хр.), чер-павшіе изъ троянской легенды предметы для своихъ произведе-ній, желая связать Гомеровскихъ энстовъ съ знаменитымъ въ ній, желая связать Гомеровскихъ энетовъ съ знаменитымъ въ ихъ время венетскимъ народомъ въ Италіи, пришли въ тому, чтобы сдёлать троянца Антенора предводителемъ энетовъ, замё-нившимъ, будто бы, ихъ царя Пилемена, убитаго въ сраженіи, и превратили безоружнаго старца, какимъ Антеноръ изображенъ у Гомера, въ смёлаго плавателя и полководца, который счаст-ливо довелъ энетскую дружину изъ Малой Азіи къ берегамъ Адріатики. Но у грековъ эта сказка еще не укоренилась и счи-талась только догадкою нёкоторыхъ поэтовъ, и хотя, конечно, геній такого художника, какъ Софоклъ, могъ доставить ей бле-стящую извёстность, однако она не пользовалась большимъ до-

170 вытникь кыропы.
170 вытникь кыропы.
170 вытникь кыропы.
170 вытникь кыропы
170 вытично собенные поводы дорожить связью италійскихъ
какъ предводителъ для нихъ басня о троянскомъ Антеноръ, какъ предводителъ дивій, которому, какъ уроженцу венетовъ собенно льстило, что онъ могъ соединить ко-консь римлянъ съ колыбелью своего родного племени, — Титъ либій начинаетъ свою величественную исторію Рима повъство-торо и нашелъ новое отечество въ Италія ⁸⁰.
При такомъ значени, данномъ Антенору въ отношени къ венетамъ понатно, что и другія народныя ихъ сказанія стали приписиваться тому же герою. Въроатно венеты тому вождо, который привелъ ихъ съ востока и водворилъ въ землъ изгнан-нихъ звганеевъ, приписывали и построение своего главнаго, древ-тавана былъ признанъ тотъ же Антеноръ. Въ этомъ городъ и приписиватьсь, чрезъ каждыя тридцать лѣтъ⁸¹), каква-то старин и и прица, котория назывались, какъ кажется, четищами, отъ кавана былъ признанъ поть ке Антеноръ. Въ этомъ городъ и приписы значени правильнато собрани или отряда⁸²). Игры и припись, чрезъ каждыя тридцать лѣтъ⁸¹), каква-то старин и и прица, котория назывались, какъ кажется, четищами, отъ кавана былъ признанъ тотъ ке Антеноръ. Въ этомъ городъ и и прица, котория назывались, какъ кажется, четищами, отъ кавана былъ признанъ котъ ке Антеноръ. Въ этомъ торара ⁸²). Игры и и прица, котория назывались, какъ кажется, четищами, отъ кавана облиът, правильнато собрания или отряда⁸²). Игры къ общемъ значени правильнато собрания или отряда⁸²). Игры къ общемъ значени правильнато собрания или отряда⁸²). Игры

VIII.

Сказания о Фартонъ и янтаръ.

Говоря о поэтическихъ именахъ и сказаніяхъ, которыя твор-ческая фантазія грековъ связала съ венетами, необходимо упомя-нуть знаменитую между мивами классической древности басню о Фаэтонѣ. Разсказъ греческихъ поэтовъ заключался въ томъ, что сынъ Солнца, Фаэтонъ, т. е. свптящий, рожденный отъ Кли-мены, т. е. славной, дочери Океана, — чтобы разсѣять сомнѣніе въ своемъ божественномъ происхожденіи, взошелъ на небо и всту-пивъ во дворецъ, гдѣ передъ зарею возсѣдало солнце, сталъ про-сить удостовѣренія, что оно его родитель. Солнце, привѣтство-вавъ сына съ нѣжною любовью, поклялось удостовѣрить его чѣмъ онъ только пожелаетъ. Самонадѣянный юноша попросилъ, чтобы

170

<page-header><page-header><text><text><text>

171

тимъ, славяне боготворили не только свѣтящую, но и жгучую силу, какъ видно изъ того, что солнце называлось у нихъ и Дажьбогомъ, т. е. Жгучимъ-Богомъ⁹¹). Но янтарь, который связывали такимъ образомъ съ солнцемъ, происходитъ изъ воды, онъ капаетъ какъ смола. По всему этому легко было въ сказочныхъ представленіяхъ объяснить его рожденіе «горючими» слезами, капавшими въ сѣверную венетскую рѣку Эриданъ. Въ такомъ видѣ, безъ сомнѣнія, сказка объ янтарѣ перешла къ грекамъ, и они пріурочили ее къ своему Фаэтону, бывшему у нихъ символомъ жгучей силы солнца.

Сказка эта была способна къ богатому поэтическому развитію, и ее полюбили драматическіе писатели авинскіе ⁹²), знакомство которыхъ съ венетскими преданіями намъ уже извѣстно по легендѣ объ Антенорѣ. Но свѣдѣнія тогдашнихъ грековъ о положеніи венетскаго края были еще весьма неопредѣленны. Слыша, что Эриданъ течетъ въ землѣ венетовъ (т. е. славянъ), что янтарь рождается въ Венетскомъ (т. е. Балтійскомъ) морѣ, они воображали, что это тѣ венеты, которые были извѣстны въ Италіи и которые дѣйствительно торговали янтаремъ. Въ ихъ понятіяхъ, Эриданомъ сдѣлалась р. По; острова, на которые море выбрасываетъ янтарь, они сочли за острова венеціанскихъ лагунъ, Янтарное море — за Адріатику ⁹³), и этотъ взглядъ такъ укоренился, что греки продолжали называть рѣку По — Эриданомъ даже тогда, когда болѣе близкое знакомство съ Италіей доказало, что родина янтаря вовсе не тамъ ⁹⁴).

У венетовъ, недалеко отъ Патавія, были ключи горячей минеральной воды, и теперь еще довольно значительные, хотя ихъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе засыпало 95); въ древности же эти ключи, называвшіеся Апономъ 96) (нынѣ Абано), составляли одни изъ самыхъ знаменитыхъ цѣлебныхъ водъ въ мірѣ, гордость и славу венетской земли 97). Извѣстность ихъ восходила къ отдаленнѣйшей древности 98). Изъ-подъ скалъ невысокаго пригорка, принадлежавшаго къ цѣпи такъ назыв. Эвганейскихъ холмовъ, били эти сѣрнистые ключи, клокочущіе какъ кипятокъ 99) и покрытые столбами пара. Стекая ручьями горячей воды, они образовали озеро, голубое и прозрачное, надъ которымъ паръ носился облакомъ 100). Замѣчали, что на днѣ озера росла трава 101). Изъ озера излишекъ воды, уже холодной, уходилъ каналомъ, орошая сосѣднія поля и сливаясь съ Брентою 102).

Весьма естественно, что эти кипящіе ключи могли соединиться, въ представленіяхъ жителей, съ тёмъ жгучимъ божествомъ, которое греки переименовали въ Фаэтона. Въ томъ видъ,

ИСТОРІЯ СЛАВЯНЪ.

четоры славнь. наторы славнь. какъ слышалъ сказку о Фаэтонѣ и венетскомъ янтарѣ Аристо-тель или авторъ приписываемой ему книги о разныхъ чудесныхъ вкленіяхъ природы, Фаэтонъ былъ низринутъ не въ рѣку Эри-анъ, а въ находящееся близъ нея горячее озеро (т. е. въ озеро Апонское). Янтарь, по этому сказанію, есть смола, которая ка-паетъ изъ тополей, окружающихъ чудесное озеро. Издаетъ оно вловредные пары и тяжелый запахъ. Никакое животное изъ него не пьетъ, и птица не смѣетъ летѣть черезъ озеро: пролетая надъ нимъ, она падаетъ мертвая ¹⁰³). Такъ раскрасила доходившая до Греціи молва простые горя-те ключи сѣрнистой воды въ землѣ венетовъ. Потомъ, когда узнали ближе эту страну, когда приглядѣлись къ ключамъ Апона и стали ѣздить даже издалека, чтобы ими пользоваться отъ бо-звленія. Но не такъ легко было разстаться съ завѣщаннымъ ревностью сказаніемъ. И вотъ, мы находимъ у гревовъ позд-нѣйтей эпохи (т. е. временъ римскаго владычества и полнаго вакомства съ Италіею) повтореніе той же самой басни о чу-есномъ озерѣ, испаренія котораго убиваютъ пролетающую птицу: но это озеро перенесено отъ венетовъ при Адріатикѣ; его по-мѣщаютъ на сѣверѣ, въ Сарматіи ¹⁰⁴), т. е. въ странѣ, которая въ ту пору обнимала собою, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, края венетовъ (славянъ) сѣверныхъ, прибалтійскихъ и приднѣпров-сихъ. СКИХЪ.

Мы видимъ тутъ другой примъръ такого же смътенія ита-лійскихъ венетовъ съ ихъ съверными соплеменниками, какъ въ сказаніи объ янтарныхъ островахъ, которые помъщались гре-ками на Адріатическомъ моръ: но только въ этомъ случаъ смъ-шеніе произошло въ обратномъ смыслъ. То, что относилось сперва къ венетамъ въ Италіи, было потомъ присвоено съвернымъ краямъ славянскимъ.

Славянскимъ. Чтобы повончить съ преданіями о венетскомъ янтарѣ, нужно упомянуть еще объ одной баснѣ, въ которой янтарь ужъ вовсе не связывается съ миюами о сынѣ солнца. Именно, Софоклъ выдавалъ янтарь за слезы сестеръ Мелеагра, неутѣшно оплаки-вавшихъ гибель этого знаменитаго героя сѣверозападной Эллады. Превращенныя въ птицъ ¹⁰⁵), утверждалъ Софоклъ, онѣ проли-ваютъ эти слезы гдѣ-то за Индіей ¹⁰⁶). Очевидно, что тутъ скры-вается названіе земли *виндова*, т. е. тѣхъ же венетовъ (славанъ), голько въ другой (преимущественно германской) формѣ произ-ношенія этого имени; но когда названіе «Виндія» дошло до грековъ, оно было принято за Индію, ошибка, другой примѣръ которой мы увидимъ потомъ у римскаго писателя Корнелія Не-

173

пота, разсказывавшаго про Индово, занесенныхъ бурею на берегъ Нёмецкаго моря.

IX.

Положение венетовъ въ Италия. - Вліяние этрусковъ.

Изъ всѣхъ этихъ сказаній, не смотря на ихъ поэтическую и часто баснословную оболочку и на чуждыя имена, мы можемъ вывести нѣсколько положительныхъ свѣдѣній. Мы можемъ признать за несомнѣнное, что въ весьма древнюю пору, но позднѣе другихъ племенъ, составившихъ коренное населеніе Италіи, съ сѣверо-востока, черезъ Альпы, туда проникла вѣтвь венетовъ, т. е. племени славянскаго; что они встрѣтили сопротивленіе мѣстныхъ жителей (по всей вѣроятности, родственныхъ этрускамъ) и принуждены были ограничиться краемъ между Гардскимъ озеромъ, низовьями По и Адріатическимъ моремъ; что у этихъ венетовъ сохранялись преданія о героѣ-родоначальникѣ, который привелъ ихъ съ востока и почитался основателемъ ихъ главнаго города Патавія, т. е. Птичьяго, и котораго греческая поэзія переименовала потомъ въ Антенора; что у нихъ были связи съ сѣверомъ, съ дальнимъ Балтійскимъ побережьемъ, откуда они доставали янтарь и гдѣ, по свидѣтельствамъ древнихъ писателей, жителями были тоже венеты, т. е. такіе же славяне; и что какъ главнымъ, вѣроятно, основаніемъ такихъ связей служила соплеменность славянскаго поселенія на Адріатикѣ съ славянами Балтійскаго побережья, такъ эта самая ихъ соплеменность подала грекамъ поводъ считать край венетовъ въ Италіи за мѣсторожденіе янтаря, добывавшагося у венетовъ же, но только на Балтійскомъ поморьѣ.

Только на Балтискомъ поморъв. Кромѣ того, приведенное выше извѣстіе Арріана, позволяетъ намъ догадку, что приходъ венетовъ въ Италію совершился при общемъ движеніи славянскаго племени, когда оно, вслѣдъ за другими арійскими племенами, выселялось изъ средней Азіи въ Европу, и что это переселеніе славянъ можно съ нѣкоторою вѣроятностью отнести ко времени между XIII-мъ и X-мъ столѣтіемъ до Р. Хр.

тиемъ до Р. др. Мы указали приблизительно границы, которыя заняло славянское племя въ Италіи. Къ западу предѣломъ венетскихъ поселеній было, мы сказали, Гардское озеро, къ югу—низовье По. Однако нельзя полагать, чтобы при первомъ напорѣ вторгшихся на югъ славянъ, эти границы тотчасъ опредѣлились. Венеты проникли и далѣе на югъ за По, какъ можно догадываться по существовавшему преданію ¹⁰⁷), что они нѣкогда владѣли Равенной; но за то городъ Атрія или Адрія, на сѣверной сторонѣ главнаго рукава По, знаменитый въ глубокой древности своею пристанью, остался въ рукахъ этрусковъ ¹⁰⁸). Къ западу, поселенія венетовъ распространялись и за Гардское озеро и вытекающую изъ него р. Минчій ¹⁰⁹). Вообще, западная граница Венетскаго края представляется чѣмъ-то колеблющимся ¹¹⁰). Ни одинъ изъ древнихъ писателей не обозначаетъ ея совершенно точно, и нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что вся полоса отъ р. Адижи до р. Клузія (нынѣ Кьезіо), притока Ольо, — полоса, пересѣкаемая пополамъ теченіемъ Минчія, —заключала въ себѣ смѣсь венетскихъ поселеній съ туземцами. Такимъ образомъ Верона, лекащая на самой Адижи ¹¹¹) (въ древности Athesis, Atagis, или Atison ¹¹²), оставалась въ рукахъ этрусковъ (или ретовъ) и эвганеевъ ¹¹³), а Мантуа, находящаяся гораздо дальше къ югозападу, на Минчіи, имѣла населеніе смѣшанное изъ венетовъ и этрусковъ ¹¹⁴). Знаменитый уроженецъ Мантуи, поэтъ Виргилій, считался венетомъ по происхожденію ¹¹⁵). Въ этой смѣшанной полосѣ венеты, какъ видно, получили съ теченіемъ времени преобладающее вліяніе и наложили свою печать на прочія стихіи тамошняго населенія ¹¹⁶).

На съверъ венеты встръчались съ суровыми и дикими плеиснами альпійскими 117); къ востоку ихъ сосъдями были истры 118), крайняя съ этой стороны вътвь еракійская, а за ними тянулся рядь народовь того же, по всей въроятности, еракійскаго племени. воторыхъ обнимали общимъ именемъ иллирійцевъ и которые владъл всъмъ восточнымъ берегомъ Адріатики и прилегающими въ нему островами: то были яподы, либурны, далматы и далье къ югу иллиры въ собственномъ смыслѣ. Если и существовали тамъ какія-нибудь поселенія славянъ, какъ на то указываеть повидимому своимъ именемъ городъ Слупы (Σλουππι), т. е. Стлъпи или по нашему Столпы, и община Стлупины (Stlupini)¹¹⁹) въ землѣ либурновъ, гдѣ-то въ средней части нынѣшней Далмапін. то это могли быть лишь мелкія, оторванныя отъ своего корня. волоніи, занесенныя въ среду чужого племени. Весь восточный (такъ называемый Иллирійскій) берегъ Адріатическаго моря, отъ Истріи до предѣловъ Греціи, былъ въ древности чуждъ славянамъ ¹²⁰). Его населяли племена горцевъ, для которыхъ главнымъ ремесломъ была война и морскіе разбои. Разсказывають про этихъ дикарей, что они, какъ и всѣ вообще иллиры и еракійцы, расписывали себѣ, для украшенія, тѣло узорами ¹²¹). Походя харак-теромъ совершенно на своихъ потомковъ, пынѣшнихъ албанцевъ. эти иллирійскія племена, въ своемъ дробленіи на мелкія

колѣна, были мало опасны для другихъ народовъ и только изрѣдка, когда нѣсколько такихъ колѣнъ соединялись подъ однимъ вождемъ, рѣшались они на какія-нибудь значительныя предпріятія; но ихъ всегдашніе разбои дѣлали ихъ постоянными врагами ихъ сосѣдей. По замѣчанію Страбона, Иллирійскій берегъ, не смотря на его природныя богатства и превосходныя его гавани, былъ, въ прежнія времена (т. е. до завоеванія римлянами), мало посѣщаемъ по причинѣ дикости жителей и ихъ разбойничьихъ нравовъ ¹²²).

Имѣя на съверъ и востокъ такихъ дикихъ сосъдей, какими были тогдашніе жители Альпійскихъ горъ и восточнаго берега Адріатики, венеты, поселившись въ богатыхъ равнинахъ верхней Италіи, должны были естественно примкнуть ближе къ своимъ западнымъ и южнымъ сосъдямъ, болъе мирнымъ и образованнымъ народамъ италійскимъ. Въ началъ, быть можетъ, они еще не были совстмъ оторваны отъ своихъ соплеменниковъ славянъ, населявшихъ въ ту пору Норикъ, какъ мы покажемъ въ своемъ мѣстѣ; они могли соприкасаться съ ними непосредственно на сѣверо-востокѣ своихъ владёній. Но впослёдствіи Норикъ завоеванъ былъ Кельтами (вёроятно между 450 и 400 г. до Р. Хр.) ¹²³), и ближайшими сосёдями венетовъ въ сёверо-востоку сдёлался гальскій народъ сосъдями венетовъ къ съверо-востоку сдълался галльский народъ карновъ ¹²⁴), занявшій пространство между ретами (въ нынѣшнемъ Тиролѣ) съ одной стороны и истрами и яподами (въ нынѣшней Истріи и приморской Хорватіи) съ другой, т. е. приблизительно нынѣшнюю Краину и, вѣроятно, отчасти также Горицкій и Удин-скій края ¹²⁵). Такимъ образомъ путь, по которому венеты пришли въ Италію и на которомъ лежали единственныя для нихъ возможныя точки соприкосновенія съ остальнымъ славянскимъ племожныя точки сопринссионали он сотальными споними и менемъ, былъ отрёзанъ. Къ тому же на этомъ пути стояла грань Альпійская, заслоняя венетовъ, ее переступившихъ, отъ трины имали, саснопия всистовы, се переступившихь, отъ жителей сёвера. Связи, торговыя сношенія, конечно, были воз-можны и черезъ Альшы и черезъ земли, покоренныя кельтами; мы уже указали на несомнённые признаки такихъ связей; но единство жизни и историческаго развитія между вётвію славянъ въ Италіи и остальными частями славянскаго племени стало невозможнымъ. Все разобщало эту южную вѣтвь славянскую отъ ея соплеменниковъ на сѣверѣ, все втягивало ее въ кругъ народовъ итальянскаго полуострова. Со стороны Италіи всѣ условія благопріятствовали общенію: равнинный край, судоходные пути р. По и его притововъ, наконецъ, тъ, указанныя нами, поселенія, въ которыхъ венеты непосредственно смѣшались съ своими италійскими сосёдями. Эти сосёди были этруски и умбры. И тё, и другіе достигли уже въ глубокой древности значительнаго разви-

тія, въ особенности этруски, знаменитые своею роскошью, славившіеся своею старинною образованностью даже передъ греками ¹²⁶).

Если и въ наше время славяне кажутся самымъ молодымъ народомъ Европы и такъ легко поддаются вліянію странъ, ихъ опередившихъ въ своемъ развитіи, то можно по этому судить, что должно было произойти 2500 лётъ тому назадъ, когда отъ что должно было произойти 2500 лёть тому назадъ, когда отъ славянскаго племени, находившагося въ совершенномъ младен-чествѣ, отдѣлилась одна вѣтвь и попала въ страну, уже кипѣв-шую политическою жизнію, въ сосѣдство народа, какъ этру-ски, который уже имѣлъ свое полное, законченное устройство гражданское и религіозное. Въ новой обстановкѣ должно было наступить у венетовъ быстрое развитіе. Этому особенно способ-ствовала благодатная природа края, имъ доставшагося на долю, одной изъ плодороднѣйшихъ и лучшихъ по климату странъ въ Европѣ. Богатство земли венетской славилось издревле. Грече-скій писатель IV вѣка до Р. Хр. писалъ 127), что это страна превосходная и плодороднѣйшая, такъ что скотъ тамъ рождаетъ дойни; не бываетъ ни снѣта ни зимы, но воздухъ постоянно вижный. Древній географъ Страбонъ точно также говорить о богатствѣ венетскаго края, съ его удивительно плодородными холмами и обильными водою низовьями Пада, которые онъ срав-ниваетъ съ нижнимъ Египтомъ по множеству протоковъ и сдѣ-лянныхъ рукою человѣческою канавъ и дамбъ, окаймляющихъ пахатныя поля 128). Въ такой странѣ могли скоро накопинъся набытки, умножиться населеніе, преуспѣть всѣ матеріальныя сто-роны жизни. И дѣйствительно, за много вѣковъ до того времени, когда у другихъ славнять начались первыя попытки граждан-ственности и образованным, вромышленнымъ, успѣли поров-няться съ накболѣе образованными народами тогдашней Европы; но скороспѣлость этого развитія совершенно убила, какъ видно, ихъ народный духъ и во всемъ древнемъ мірѣ не оказалось на-рода менѣе самостолтельнаго въ политическомъ отношени, охот-нѣе склонившагося подъ чужую власть и легче утратившаго свое бытіе. славянскаго племени, находившагося въ совершенномъ младен*бит*ie.

Извъстие Геродота о венетахъ.

О первыхъ вѣкахъ пребыванія венетовъ въ Италіи не сохранилось историческихъ свѣдѣній, но въ эту первую пору, пред-шествовавшую 400-му году до Р. Хр. ¹²⁹), должно было утвер-диться между венетами вліяніе этрусской образованности, слѣдами котораго остаются надписи, находимыя въ странѣ венетовъ ¹³⁰), и знатнъйшія родовыя ихъ имена ¹³¹). Въ V-мъ сто-лътіи до Р. Хр. они были уже настолько извъстны, настолько занимали внимание гревовъ, что великие творцы греческой драмы старались, какъ мы знаемъ, связать происхождение этого народа съ знаменитою повъстью Троянской войны. Римъ въ то время казался еще такъ ничтожнымъ, что тогдашній историкъ Геродотъ даже не упоминаеть объ его существования: онъ приводить, какъ народы, которымъ принадлежала средняя и съверная Италія, только этрусковъ ¹³²), умбровъ и венетовъ. Къ сожалѣнію, подробное описаніе этихъ народовъ не входило въ планъ его исторіи, сосредоточенной около борьбы грековъ съ персами и касающейся только тёхъ племенъ, которыя имѣли къ ней прямое или косвенное отношеніе. На счетъ венетовъ Геродотъ упоминаетъ мимоходомъ лишь объ одномъ обычаѣ, въ которомъ онъ замѣтилъ у нихъ сходство съ тёмъ, что дёлали вавилоняне. Какъ онъ слышалъ по разсказамъ, у венетовъ въ каждомъ селении разъ въ году собирали и выводили вмёстё всёхъ дёвушевъ, достигшихъ возраста, чтобы выходить замужъ; кругомъ становились мужчины, и въстникъ, начиная съ самой врасивой изъ дёвицъ, выкликалъ ся цёну; когда нашелся охотникъ дать большія деньги, чтобы им'ёть ее женою, глашатай переходиль по очереди въ другой, занимавшей второе мъсто въ ряду красавицъ, и такъ далье; а когда всё невъсты, за которыхъ стоило дать деньги, были разобраны, наступала очередь безобразныхъ и калъкъ, имъ обращались въ приданое деньги, полученныя за красавицъ, и глашатай, начиная въ этомъ случай съ самой непригожей, спрашивалъ, кто ее возьметъ съ самой меньшей приплатой. Такъ пишетъ Геродотъ. Не заключается ли въ его нѣсколько замысловатомъ разсказѣ та простая основа, что у венетовъ, какъ мы это находимъ и у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народовъ въ древнее время, да какъ вообще дълалось у многихъ первобытныхъ племенъ, за невъсту давалъ въно женихъ, и что ихъ браки совершались въ одинъ день, при ка-комъ-нибудь праздникъ или игрищъ? Таковъ былъ, мы знаемъ,

первоначальный обычай и у разныхъ вътвей славянскихъ на Руси; и замъчательно, что потомки венетовъ, позднъйшие венеціанцы, долго наблюдали правило вънчать всъ свадьбы въ одинъ день въ году ¹³³).

XI.

Вторженіе кельтовь въ Съверную Италію. — Столеновеніе ихъ съ венетами. — Венеты спосоествують спасенію Рима.

Вскорѣ послѣ того времени, когда писалъ Геродотъ, венеты италійскіе были вдругъ подняты изъ бездѣйствія. Имъ пришлось обороняться отъ свирѣпаго завоевателя и вмѣстѣ съ тѣмъ сослужить великую службу народу, которому суждено было сосредоточить въ своихъ рукахъ судьбы древняго человѣчества.

Кельты, которые, безъ сомитнія, первые изъ арійцевъ двинулись на западъ и водворились въ Европѣ, первые тоже окрѣпли и размножились въ ней настолько, что могли начать обратное движеніе къ востоку и предпринять въ этомъ направленіи обшир-ныя завоеванія ¹³⁴). Это первое завоевательное движеніе кельтовъ, ныя завоевання ¹⁰⁴). Это первое завоевательное движение кельтовь, и именно галльской ихъ отрасли, занимавшей нынѣшнюю Фран-цію, произошло, какъ должно полагать, двумя путями: сѣверомъ, вдоль Дуная и обходя Альпы съ востока, къ восточнымъ бере-гамъ Адріатическаго моря и въ Иллирійскіе края, и югомъ — въ верхнюю Италію ¹³⁵). Тѣ галльскія дружины, которыя пошли этимъ послѣднимъ путемъ, однимъ натискомъ захватили нынѣшній Цієменна в Дембергію, помочново со рассти раристори. Піемонтъ и Ломбардію, находившіеся во власти этрусковъ. Рас-пространяясь и на югъ отъ р. По, они покорили большую часть страны умбровъ между этою рѣкою и Апеннинскимъ хребтомъ и до Адріатики. Такимъ образомъ они и съ запада и съ юга облегли венетовъ. Одновременно съ этими завоеваніями въ Италін ¹³⁶), галлы налетёли на края къ съверу и востоку отъ Алыпъ и съ этой стороны также овладёли, какъ уже нами было упо-мянуто, ближайшими къ венетамъ странами, Карніей, Норикомъ; они водворились и между яподами въ съверо-восточномъ углу они водворились и между яподами въ съверо-восточномъ углу Адріатики ¹³⁷). Отовсюду налегалъ на венетовъ «врагъ невидан-ный и неслыханный, поднявшійся войною отъ океана и съ око-нечности земли», какъ выражался Титъ Ливій о галльскихъ за-воевателяхъ ¹³⁸). Но венеты устояли ¹³⁹). Дѣло не обошлось, ко-нечно, безъ борьбы, и хотя ея ходъ и событія, ее ознаменовавшія, намъ совершенно неизвѣстны, однако мы можемъ судить, какого напряженія силъ она потребовала отъ венетовъ, по тому, что раз-сказываетъ тотъ же историкъ о жителяхъ главнаго венетскаго

12* Digitized by Google

-

города Патавія, котораго онъ былъ уроженцемъ. «Постоянно держали ихъ подъ оружіемъ сосѣдніе галлы»¹⁴⁰), говоритъ Титъ Ливій, и притомъ по поводу случившагося въ 303 г. до Р. Хр. нечаяннаго нападенія на венетскій край со стороны моря, нападенія, которое имъ удалось тотчасъ же отразить именно благодаря тому, что они всегда стояли во всеоружіи для отпора галламъ. Таково было ихъ положеніе, повторяемъ, въ 303 году, т. е. сто лѣтъ спустя послѣ занятія галлами верхней Италіи, а въ то время въ галлахъ уже успѣлъ остыть первый завоевательный пылъ, они успѣли расположиться какъ дома въ покоренной странѣ, да и силы ихъ были надломлены внутренними раздорами ¹⁴¹). Какова же была для венетовъ опасность въ началѣ, когда въ галлахъ была во всей силѣ стремительность перваго порыва, какою искони и до нашихъ дней отличалось кельтское племя! Какую стойкость нужно было имъ противоставить!

Въ 390 году, галлы, владъя уже всею съверною Италіею, кромъ (угла венетовъ) ¹⁴²), предприняли походъ на югъ отъ Апеннинскихъ горъ и столкнулись съ войсками маленькой въ то время римской республики. Они разбили ихъ на-голову въ въчно памятный римлянамъ день 18 іюля, день аллійскаго пораженія, заняли городъ Римъ и осадили его кръпость (Капитолій). Но тогда случилось нъчто такое, что отвлекло ихъ въ другую сторону: венеты вторглись въ ихъ владънія ¹⁴³).

Это побудило галловъ согласиться на миръ, за который они, какъ извѣстно, взяли съ римлянъ тысячу фунтовъ золота, и оставить ихъ городъ. Галлы удалились, пошли сражаться съ венетами, и Римъ могъ вновь собрать свои силы и возстановить свое первенство въ латинскомъ племени ¹⁴⁴).

Таково свидѣтельство древнѣйшаго и наиболѣе достовѣрнаго изъ историковъ, писавшихъ объ этихъ событіяхъ, Полибія. Онъ прямо приписываетъ спасеніе Рима своевременному вмѣшательству венетовъ.

Хотя, впослёдствіи, народная гордость римлянъ не позволяла имъ сознаваться въ такой услугё и они изобрёли причины избавленія ихъ города, болёе лестныя для ихъ славы ¹⁴⁵), однако съ этого, повидимому, времени установился между Римомъ и венетами союзъ, который уже не прекращался ¹⁴⁶). Галлы оставались врагомъ одинаково опаснымъ и для венетовъ и для Рима. Ихъ связывалъ общій интересъ. Венеты немало помогли Риму въ низложеніи галловъ, служившихъ главною опорою всёмъ противникамъ его первенства и владычества въ Италіи, и сами поспёшили признать это владычество. '

Съ другой стороны, венеты, какъ народъ, по самому своему

положенію призванный къ торговой дѣятельности, къ посредни-честву между странами заальпійскими и юго-востокомъ Европы, зависѣли въ своемъ благосостояніи отъ безопасности плаванія по Адріатическому морю. По природѣ вещей, они становились друзьями всякаго, кто могъ ее обезпечить. Мы знаемъ, какимъ страшнымъ врагомъ для плавающихъ по Адріатикѣ судовъ были прибрежныя племена на восточной сторонѣ этого моря, отъ прибрежныя племена на восточной сторонѣ этого моря, отъ Истріи до границъ греческихъ, племена, которымъ морскіе раз-бои служили издревле главнымъ промысломъ и почти единствен-нымъ источникомъ обогащенія ¹⁴⁷). Въ началѣ IV вѣка до Р. Хр. властитель (тираннъ) сиракузскій Діонисій попытался было осво-бодить Адріатическое море отъ разбойниковъ: для этого онъ вмѣшался въ междоусобія иллирскихъ и эпиротскихъ племенъ и устроилъ (около 385 г.) греческія колоніи, Лиссъ на Иллирій-скомъ берегу и Фаръ на одномъ изъ Далматинскихъ острововъ ¹⁴⁸). Естественно предполагать, что для венетовъ это былъ желанный Естественно предполагать, что для венетовъ это былъ желанный союзникъ, и мы дѣйствительно находимъ намекъ на сношенія ихъ съ сицилійскимъ тиранномъ ¹⁴⁹). Впослѣдствіи Римъ, ставъ во главѣ Италіи, принялъ на себя очищеніе Адріатики отъ разбой-никовъ и приложилъ къ этому дѣлу свою систематическую го-сударственную силу. Вотъ другой существенный интересъ, который, вмѣстѣ съ общею опасностью отъ галловъ, привязывалъ венетовъ къ Риму. Политическій переворотъ, замѣнявшій на Италійскомъ полуостровѣ раздробленную жизнь общинъ и колѣнъ крѣпкимъ единствомъ римской власти, былъ для венетовъ сопряженъ съ прямою торговою выгодою.

XII.

Нападение спартанцевъ.

Мы уже ссылались на разсказъ Ливія о событіи, случившемся въ 303 году и свидѣтельствующемъ о постоянной готовности венетовъ взяться за оружіе для обороны отъ сосѣдей-галловъ. Случай этотъ былъ слѣдующій. Спартанецъ Клеонимъ, изъ царскаго рода, собравъ до 5000 человѣкъ, охотниковъ подраться и пограбить (въ ту пору упавшая нравственно и политически Греція выставялла немало такихъ дружинъ), переправился съ ними въ южную Италію, гдѣ его хотѣли нанятъ противники Рима; дѣло не состоялось, съ римлянами Клеонимъ побоялся вступить въ бой, и отплылъ въ Адріатическое море. Но западный берегъ не представлялъ удобнаго пристанища, а на восточномъ пришлось бы

181

встрётиться съ иллирами, либурнами и истрами, народами дивими встрътиться съ иллирами, либурнами и истрами, народами дикими и которые сами, по большей части, промышляли морскимъ раз-боемъ. Клеонимъ разсудилъ направиться къ берегу венетовъ. Онъ высадилъ нѣсколько человѣкъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Ему донесли, что за узкою полосою берега идутъ болота, наполняю-щіяся морскою водою (лагуны). За ними тотчасъ видны воздѣлан-ныя поля; въ отдаленіи холмы. Тутъ же увидали они устье боль-шой рѣки, видѣли, какъ въ нее вводились корабли на безопасную стоянку. Рѣка эта была Медуакъ (нынѣ Брента, что у Венеціи) ¹⁵⁰. Сюда ведѣтъ Клеонимъ грести. Но какъ въя больщихъ его ко-Сюда велёль Клеонимъ грести. Но вакъ для большихъ его кораблей туть было слишкомъ мелко, то онъ остался съ ними поодаль отъ берега и отрядилъ впередъ суда менѣе тяжелыя, съ во-оруженными людьми для высадки. Отрядъ этотъ направился въ населенному мѣсту, гдѣ находились три приморскія селенія, принадлежавшія въ Патавію. Туть греви причалили, вышли на бе-регь, оставивъ нёсколько человѣкъ для охраненія судовъ, захва-тили селенія, зажгли дома, забрали скотъ и людей и, увлеченные поживою, стали отдаляться отъ своихъ вораблей. Какъ своро извѣстіе объ этомъ пришло въ Патавій, тамошніе жители, ко-торые, какъ приведено было выше, всегда готовы были къ отраженію непріятеля, раздѣлили свою молодежь на два отряда. Одинъ долженъ былъ идти на выручку въ мъста, гдъ происходилъ грабежъ, другой направиться окольною дорогою въ стоянкъ кораблей, находившейся въ 14-ти миляхъ (около 20 верстъ) отъ города. Тутъ они легко справились, убили людей, оставленныхъ при ворабляхъ, и заставили испуганныхъ гребцовъ переправить свои рабляхъ, в заставили испутанныхъ гроздово перепредести суда въ противоположному берегу рѣки. Другой отрядъ имѣлъ такой же успѣхъ. Убѣгая передъ нимъ къ кораблямъ, греки натакой же успъхъ. Уобгая передъ нимъ къ кораолямъ, греки на-ткнулись на венетовъ, завладѣвшихъ ихъ судами. Окруженные отовсюду, они были убиты или забраны въ плѣнъ; плѣнные ука-зали, гдѣ находится Клеонимъ, стоявшій 'съ своими большими кораблями въ 3-хъ миляхъ (около 4 верстъ) отъ этого мѣста. Венеты, оставивъ плѣнныхъ подъ присмотромъ въ ближайшемъ селеніи, сѣли частью на плоскодонныя суда, нарочно приспособлявшіяся у нихъ къ плаванію по лагунамъ, частью на захваченныя у грековъ, и направились къ флоту спартанскаго царевича, окружили его корабли, которые стояли неподвижно, вакъ кича, окружили его кораоли, которые стояли неподзижно, какв отъ овладъвшаго всъми испуга, такъ еще болъе отъ незнаком-ства съ мъстностью. Не смъя вступить въ битву, греки стара-лись уйти въ открытое море, но венеты преслъдовали ихъ, за-хватили и сожгли корабли, которые въ поспъшности бъгства съли на мель. Клеонимъ спасся едва съ пятою частью своихъ кораблей. Корабельные носы доставшихся венетамъ судовъ и доспъхи

спартанцевъ помѣстили въ Патавіи въ старинномъ храмѣ богини, которую римляне означали именемъ Юноны: «еще въ живыхъ иногіе, прибавляетъ Титъ Ливій, которые ихъ видѣли, а памятъ морского сраженія ежегодно празднуется, въ день битвы, торже-ственнымъ состязаніемъ кораблей на рѣкѣ среди города» ¹⁵¹). Таковъ первый обстоятельный разсказъ, въ которомъ славяне являются передъ нами какъ живыя дѣйствующія лица, гдѣ мы видимъ въ живомъ образѣ славянскую страну съ ея пашнями, селами, городомъ, съ ея храмомъ и праздникомъ. Записанный Титомъ Ливіемъ разсказъ носитъ на себѣ явный отпечатовъ сочувствія, которое онъ, уроженецъ Патавія, хотя уже вполнѣ римлянинъ по духу и образу мыслей, питалъ къ своему родпому илемени. Къ сожалѣнію, разсказъ этотъ, какъ-то случайно внеплемени. Къ сожалъню, разсказъ этотъ, какъ-то случаино вне-сенный имъ въ римсвую исторію, остался единственнымъ, и свѣ-дѣнія наши о внутреннемъ состояніи и бытѣ этихъ древнихъ славянъ ограничиваются немногими отрывочными чертами и ука-заніями, которыя мы съ трудомъ отыскиваемъ въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей большею частію такого вре-мени, когда венеты, войдя въ составъ римскаго государства, уже утрачивали свои народныя особенности.

XIII.

Быть венетовъ. - Развитие городской жизни. - Судоходство. - Торговая, деятельность.

Разсказъ Ливія, какъ бы ни свтовали мы на его краткость и отрывочность, во всякомъ случав свидътельствуетъ о томъ, что у венетовъ общественная жизнь была довольно развита. На-родъ, который въ своемъ городъ держитъ постоянно въ сборв готовую вооруженную силу; народъ, который способенъ на сво-ихъ корабляхъ состязаться не безъ успѣха съ лучшими въ то нхъ корабляхъ состязаться не безъ успѣха съ лучшими въ то время мореходцами, греками, и устраиваетъ *регаты* (гонки су-довъ), подобно тому, какъ это дѣлала потомъ Венеція въ лучшіе вѣка своего процвѣтанія, — такой народъ, очевидно, не былъ чуждъ гражданственнаго общежитія. Вообще древніе писатели, отзываю-щіеся о другихъ народахъ сѣверной Италіи, именно о кельтахъ и игурахъ, какъ о грубыхъ дикаряхъ и разбойникахъ, ничѣмъ не намекаютъ, чтобы венеты въ образованности уступали этру-скамъ, умбрамъ, латинамъ и прочимъ образованнымъ народамъ Италійскаго полуострова. Мы уже указывали на тѣ вліянія, которыя должны были вызвать такъ рано развитіе гражданствен-ности у этой древней отрасли славянъ. Жившій въ IV вѣкѣ до Р. Хр. писатель греческій изображаеть цвётущее состояніе венетовъ чертами, которыя кажутся даже преувеличенными. У венетовъ, по его словамъ, было пятьдесятъ городовъ ¹⁵²), а населеніе страны, въ которой они жили, простиралось до полутора милліона ¹⁵³). На это древнее процвѣтаніе венетовъ указываетъ и то, что говоритъ извѣстный географъ Страбонъ (жившій около времени Р. Хр.) о значеніи, какое имѣлъ въ прежнее время ихъ главный городъ Патавій. По словамъ его, Патавій въ старину выставлялъ въ поле 1 20.000 человѣкъ войска ¹⁵⁴). Если и должно полагать, что въ этомъ извѣстіи Страбона разумѣлось войско не изъ одного города Патавія, но изо всей вообще страны венетской, которой Патавій былъ главою, то, во всякомъ случаѣ, оно свидѣтельствуетъ объ огромномъ накопленіи силъ у этого народа: ибо и въ наше время Венеціанская область, совпадающая приблизительно съ землею древнихъ венетовъ, при самомъ большомъ напряженіи, едва ли могла бы ополчить болѣе многочисленную рать. А что извѣстіе о стотысячномъ войскѣ венетовъ не могло быть выдумано и преувеличено, въ томъ удостовѣряютъ событія: не будь у нихъ дѣйствительно весьма большой вооруженной силы, развѣ бы они, въ своей плоской, открытой съ запада странѣ, могли отразить натискъ такихъ многочисленныхъ и стремительныхъ дружинъ, какъ галльскія, сокрушившія разомъ этрусковъ, а за ними и римлянъ, и перейти даже- къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ этого страшнаго врага, когда онъ держалъ Римъ въ своихъ рукахъ?

Гражданское общежитіе у венетовъ, какъ и у этрусковъ, умбровъ, латиновъ, приняло преимущественно складъ городской. Городской бытъ преобладалъ въ венетскомъ краѣ, насколько мы можемъ судить, по крайней мѣрѣ начиная съ IV в. до Р. Хр. Конечно, это не лежало въ коренномъ народномъ характерѣ венетовъ, ибо славянское племя вообще отличалось всегда, сколько извѣстно, предпочтеніемъ къ земледѣлію и сельскому быту. Но могли ли они сохранить свой народный бытъ среди тѣхъ вліяній, которыл ихъ окружали? Притомъ, кромѣ вліянія сосѣднихъ народовъ, нельзя сомнѣваться, что преобладаніе городской жизни вызывалось тутъ естественно развитіемъ торговли. Нѣтъ во всей Италіи края, по природѣ своей столь благопріятнаго для дѣятельности торговой, какъ сѣверо-восточный уголъ полуострова. Изрѣзанный рѣками, несущими въ море снѣга альпійскаго хребта, и многочисленными протоками, на которые раздѣляется р. По въ своемъ низовьи и которые легко было превратить въ цѣлую сѣть каналовъ ¹⁵⁵), венетскій край съ своею широкою полосою берега, наводненнаго морскими «лагунами», долженъ былъ вос-

питать населеніе судостроителей и мореходцевь. И тогда уже нѣкоторые изъ венетскихъ городовъ, подобно нынѣшней Венеціи, выстроились среди воды и стояли въ ней какъ острова ¹⁵⁶). Сообщенія шли по всей странѣ водою ¹⁵⁷). «Большая часть венетскаго края, мы читаемъ въ одномъ древнемъ извѣстіи ¹⁵⁸), производитъ всѣ сношенія на лодкахъ, какъ напримѣръ Равенна и Альтинумъ, гдѣ и звѣриная ловля и охота за птицами и хлѣбопашество производятся на лодкахъ». Плиній дополняетъ это слѣдующею чертою, свидѣтельствующею, между прочимъ, и о развнтіи между венетами пчеловодства: «Гостилія (Hostilia), говоритъ онъ, село, омываемое Падомъ. Его жители, когда въ окрестности недостанетъ корму (для пчелъ), ставятъ улья на суда и каждую ночь поднимаются съ ними вверхъ по рѣкѣ тысячъ на 5 шаговъ. На разсвѣтѣ пчелы вылетаютъ и потомъ возвращаются, ежедневно мѣняя мѣсто, пока грузъ судна покажетъ, что улья наполнены; тогда везутъ ихъ обратно и вынимаютъ медъ» ¹⁵⁹).

каждую ночь поднимаются съ ними вверхъ по рѣкѣ тысячъ на 5 шаговъ. На разсвѣтѣ пчелы вылетаютъ и потомъ возвращаются, ежедневно мѣняя мѣсто, пока грузъ судна покажетъ, что улья наполнены; тогда везутъ ихъ обратно и вынимаютъ медъ»¹⁵⁹). Суда строились частью скороходныя¹⁶⁰), для перевозки путешественниковъ, частью грузныя, для товаровъ. Суда эти носили разныя названія, которыя дошли до насъ только въ римской передѣлкѣ: сеlосеs, holcades, lintres; послѣднія были лодки, выдолбленныя изъ одного дерева¹⁶¹). Для рѣчного судоходства имѣлись сборныя мѣста, какъ-то Арилика (у нынѣшней Пескьеры) у выхода р. Минчія изъ Гардскаго озера, гдѣ существовало братство лодочниковъ¹⁶²), и въ вышеупомянутой Гостиліп ниже впаденія того же Минчія въ По¹⁶³). Венетскіе гребцы содержали сообщенія и внѣ своего края, напр. по Тичину въ вынѣшней Ломбардіи¹⁶⁴). Что у венетовъ, кромѣ рѣчныхъ, были и большія мореходныя суда, приспособленныя къ плаванію по лагунамъ, мы видѣли изъ приведеннаго выше разсказа Тита Ливія.

в большія мореходныя суда, приспособленныя къ плаванію по лагунамъ, мы видѣли изъ приведеннаго выше разсказа Тита Ливія.
Этотъ народъ судостроителей и мореходцевъ, владѣя краемъ, составляющимъ удобнѣйшій спускъ отъ альпійскаго хребта къ морю, былъ естественнымъ посредникомъ сѣверо-восточной Европы съ Италіею и вообще странами около Адріатики ¹⁶⁵). Тому же способствовала и родственная ихъ связь съ главнымъ племенемъ сѣверо-востока Европы. Мы уже говорили о торговлѣ венетовъ янгаремъ. Но торговая дѣятельность ихъ этимъ не ограничивалась. Ее изображаетъ намъ Страбонъ, но описаніе его относится къ тому времени, когда первенствующимъ складочнымъ мѣстомъ торговли иежду Адріатикой и сѣверо-восточной Европой успѣлъ сдѣлаться новый городъ, Аквилея, заложенный римлянами на восточномъ краю венетской земли, у самаго сѣвернаго угла Адріатическаго моря. Аквилея, говоритъ Страбонъ, служитъ рынкомъ для иллирійскихъ народовъ около Дуная ¹⁶⁶). Они снабжаются тамъ предметами морского привоза, а также виномъ, которое они въ деревянныхъ бочкахъ нагружаютъ на воза, и деревяннымъ масломъ, а сами доставляютъ рабовъ, скотъ и мѣха ¹⁶⁷).

Чёмъ стала Аквилея подъ римскимъ владычествомъ, тёмъ быль прежде, безъ сомнѣнія, старинный городъ венетовъ, Патавій. Примыкая къ покрытымъ виноградниками холмамъ ¹⁶⁸), Патавій сообщался съ моремъ нижнимъ теченіемъ р. Медуава (нын. Брента) и лагунами, въ которыя она впадаеть ¹⁶⁹). Что тутъ было н'ёкогда главное средоточіе венетской торговли, на это указываетъ извѣстіе Страбона объ огромномъ значеніи этого города въ древнее время. Но еще и въ ту пору, когда писалъ Страбонъ, Патавій считался лучшимъ городомъ верхней Италіи 170) и велъ съ Римомъ обширную торговлю, поставляя туда множество разныхъ товаровъ и въ особенности предметы одежды 171). Въ самомъ Патавіи, по словамъ Страбона, производились издѣлія изъ шерсти ¹⁷²), драгоцённые ковры, мохнатыя съ одной и съ обеихъ сторонъ сувна и разныя ткани. Этой промышленности, конечно, способствовало овцеводство, особенно процвѣтавшее въ венетскомъ краѣ 173).

Послѣ Патавія, важнѣйшимъ городомъ у венетовъ былъ, кажется, Альтинумъ¹⁷⁴) (такъ называли его римляне), лежавшій у лагуны при устьѣ р. Плависъ (Piave), недалеко къ сѣверу отъ нынѣшней Венеціи¹⁷⁵), и имѣвшій важное торговое значеніе. Вся окрестность этого города славилась своимъ богатствомъ¹⁷⁶). Въ исходѣ I вѣка по Р. Хр. римскій писатель уподоблялъ ее усѣяннымъ великолѣпными виллами берегамъ Неаполитанскаго залива¹⁷⁷). Южнѣе Альтинума, пристани въ лагунахъ были Эдронъи Брундулумъ¹⁷⁸).

Внутри страны венеты имѣли города: Атесте (нын. Este)—къ югу, Вѣкетія (Veicetia, нынѣ Vicenza)¹⁷⁹) и Атинумъ (Tiene) къ сѣверо-западу, Акелумъ (Asolo) къ сѣверу отъ Патавія, далѣе къ востоку Опитергіумъ (Oderzo); на сѣверѣ, подъ Альпами Белунумъ (Belluno), Кѣлина или Цѣлина (Caclina, нынѣ Zelina, деревня въ Фріульскомъ краѣ) и др. ¹⁸⁰). Наконецъ, въ составъ Венетскаго края входила также Адріа, древнѣйшая, какъ кажется, пристань на Адріатикѣ, основанная еще этрусками на главномъ рукавѣ Пада и сохранявшая, какъ кажется, этруское населеніе ¹⁸¹). Сосѣдніе города умбровъ на южной сторонѣ Пада, Спина, Бутріумъ, Равенна, находились, по сообщенію каналами, въ тѣсной связи съ венетскимъ краемъ и имѣли, кажется, отчасти венетское населеніе ¹⁸²).

Но какъ бы сильно ни развилась у венетовъ городская жизнь, мы можемъ полагать, что въ нихъ не совсёмъ изгладились свой-

ства первоначальнаго ихъ народнаго быта, что городъ, по крайней мѣрѣ пока венеты не угратили своихъ племенныхъ особенностей подъ объединяющимъ дѣйствіемъ Рима, не пріобрѣлъ у нихъ такого полнаго преобладанія надъ селомъ, какъ у другихъ италійскихъ народовъ или у грековъ. Это замѣтилъ историкъ Полибій (жившій во II вѣкѣ до Р. Хр.). Онъ говоритъ про венетовъ, что народъ этотъ обычаями и образомъ жизни мало отичается отъ кельтовъ; а что особенно поражало грека Полибія въ кельтахъ, было то, что они живутъ въ деревняхъ, не огороженныхъ стѣнами, и что, кромѣ войны, главное ихъ занятіе составляетъ земледѣліе ¹⁸³). Отъ писателя древнѣе Полибія (Θеопомпа, жившаго въ IV в. до Р. Хр.) мы узнаемъ черту, относящуюся къ земледѣльческому быту венетовъ, а именно, что они, трижды перепахавъ поле и приступая къ посѣву, клали на землю какіе-то пироги и лепешки изъ муки, старательно умѣшенной ¹⁸⁴). Эти лепешки и пироги были, какъ увѣралъ беопомпъ, приношенія галкамъ ¹⁸⁵), чтобы ихъ умилостивить – не выклевывать изъ земли посѣянныхъ зеренъ. Положивъ свое жертвоприношеніе на-земъ, они отходили. Тогда птицы, которыхъ стаи уже собирались и поджидали по близости, высылали сперва впередъ двоихъ или троихъ; прилетѣвъ на мѣсто и осмотрѣвшись, эти соглядатан возвращались къ своимъ и подавали вѣсть. Венеты наблюдали, и если оказывалось, что галки вкушали ихъ дара, то они считали это предвѣстіемъ мирнаго года; въ противномъ случаѣ, ожидали непріятельскаго нашествія.

Быть можетъ, привычкамъ сельскаго быта, столь свойственнаго всѣмъ славянамъ, венеты въ Италіи были обязаны тѣмъ, что они признавались лучшими въ древнемъ мірѣ коневодами. Слава венетскихъ коней относится къ V и IV вѣкамъ до Р. Хр.; потомъ она стала исчезать, конечно, по мѣрѣ того, какъ венеты, отдаваясь болѣе и болѣе городскимъ промысламъ, теряли охоту къ коневодству вмѣстѣ съ другими преданіями сельской жизни ¹⁸⁶). Впослѣдствіи, у другихъ славянъ, мы увидимъ, что разныя илемена или колѣна, на которыя въ древности дѣлились славяне, въ свою очередь подраздѣлялись на общества, состоявшія

Впослѣдствіи, у другихъ славянъ, мы увидимъ, что разныя илемена или колѣна, на которыя въ древности дѣлились славяне, въ свою очередь подраздѣлялись на общества, состоявшія изъ болѣе или менѣе значительнаго числа селеній (такъ-назыв. *верои или жупы*). Каждое подобное общество, или, чтобы выравиться болѣе наглядно, волость, имѣло свое средоточіе, городъ, т. е., какъ это было въ началѣ, огороженное мѣсто, безъ постояннаго населенія, но гдѣ жители составлявшихъ общество селеній сходились для общихъ дѣлъ, для совѣщаній, богослуженія и торга, а въ случаѣ непріятельскаго нападенія находили для себя и стадъ своихъ убѣжище и оборону. Съ теченіемъ вре-

мени, въ городѣ, когда положеніе его было выгодное, водворялись постоянные жители, а гдѣ особенно благопріятствовали обстоятельства, тамъ городъ получалъ значеніе преобладающее, дѣлался не только средоточіемъ, но и господиномъ селеній своего округа. Такой ходъ дѣлъ, примѣрами котораго изобилуетъ исторія славянъ, совершился, вѣроятно, и у венетовъ послѣ переселенія ихъ въ Италію, по мѣрѣ развитія между ними городской жизни. Сколько можно судить по скуднымъ указаніямъ, до насъ дошедшимъ, деревни у нихъ считались какъ бы принадлежностью городовъ ¹⁸⁷); города съ своими деревнями составляли отдѣльныя общества, такъ что, напримѣръ, городъ Атесте спорилъ о границахъ съ одной стороны съ Патавіемъ, съ другой — съ Вѣкетiей ¹⁸⁸). Эти города находятся въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, что тутъ не могло быть рѣчи о межахъ городской земли, а споръ шелъ, очевидно, о границахъ округовъ, принадлежавшихъ названнымъ городамъ. Но какая была форма правленія у этихъ венетскихъ обществъ—о томъ нѣтъ никакого извѣстія. Только можно, во всякомъ случаѣ, предполагать, что общей государственной власти, а тѣмъ менѣе власти монархической, венеты не имѣли; иначе присоединеніе ихъ къ римской республикѣ не могло бы совершиться, какъ это случилось, безъ всякаго сопротивленія и переворота.

XIV.

Религия венетовъ. -- Ихъ семейный выть.

Вѣрованія, которыя венеты принесли съ собою въ Италію, были, конечно, столь же неопредѣленны, столь же далеки отъ догматической системы, какъ и у другихъ славянъ въ древнюю языческую пору и у всѣхъ первобытныхъ арійцевъ вообще. Древняя религія славянъ, не чуждая понятія объ единомъ высшемъ Богѣ, заключалась, однако, во вседневной жизни, въ поклоненіи разнымъ явленіямъ или силамъ природы. Онѣ олицетворялись какъ особыя божества, но еще не изображались истуканами, имъ не воздвигали храмовъ. Славяне искали присутствія своихъ боговъ въ таинственной тѣни лѣса или у какого-нибудь родника и т. п. Явный отпечатокъ такого именно поклоненія носитъ на себѣ святилище венетовъ, описанное Страбономъ. Это замѣчательпое, по словамъ Страбона, святилище называлось Тимавомъ ¹⁸⁹). Въ самой глубинѣ крайняго къ сѣверу залива, обравуемаго Адріатическимъ моремъ, били изъ-подъ горы семь род-

1

никовъ, которые, сливаясь по близости, широкимъ и глубокимъ потокомъ несли свою воду въ море. Эти родники почитались у жителей источникомъ и матерью моря ¹⁹⁰). По близости было озеро и двѣ рощи, посвященныя богинямъ, которыхъ греки при-нимали одну за Геру (Юнону), какъ ее обожали въ Аргосѣ, т. е. за олицетвореніе плодородной силы природы, другую—за Арте-миду (Діану), какъ ей поклонялись въ Этоліи, гдѣ она была пред-ставительницею холоднаго свѣта луны, богинею дѣвственной чи-стоты и свободной жизни въ горахъ и лѣсахъ ¹⁹¹). Въ этихъ ро-щахъ, увѣряли жители, и дикіе звѣри становились смирными, волки собирались въ поужное стало съ оленями и человѣкъ могъ волки собирались въ дружное стадо съ оленями и человѣкъ могъ волки собирались въ дружное стадо съ оленями и человѣкъ могъ подходить къ нимъ и ихъ трогать руками, собаки останавлива-лись въ своей травлѣ, когда звѣрь уходилъ въ священную рощу ¹⁹²). Съ этимъ таинственнымъ святилищемъ венетовъ греческій писа-тель соединяетъ имя Діомеда: ему, говоритъ Страбонъ, было по-священо Тимаво ($\tau \circ T' \mu \alpha v o \nu$); венеты воздавали ему почести и приносили въ жертву бѣлаго коня ¹⁹³). Діомедъ, вмѣстѣ съ Улис-сомъ, были, какъ извѣстно, тѣ два греческіе героя Иліады, стран-ствованія которыхъ связывались съ Италіей; какъ Улисса усвоили себѣ преимущественно жители западнаго побережья полуострова, такъ Діомедъ сдѣлался героемъ сказаній, относящихся къ вос-точнымъ берегамъ Италіи, и въ особенности къ Умбріи ¹⁹⁴). Въ понятіяхъ грековъ, а потомъ и римлянъ, имя Діомеда столь же тёсно соединилось съ умбрами, какъ имя Антенора съ ве-нетами. Отъ Умбріи легенда о Діомедѣ легко могла быть пере-несена на сосѣдній съ нею венетскій край. Венеты, по словамъ Страбона, утверждали, что Діомедъ у нихъ кончилъ жизнь свою и сдѣлался богомъ¹⁹⁵). Очевидно, что въ этомъ подразумѣвался какой-нибудь народный герой или полубогъ венетовъ, которому они поклонялись въ своемъ тимавскомъ святилищѣ и приносили въ жертву коня (дъйствительно, и у другихъ славянъ конь счи-тался существомъ особенно любимымъ богами); а имя Діомеда также случайно придожено къ этому полубогу или герою тимав-скаго святилища, какъ имя Антенора къ баснословному родона-чальнику венетовъ и основателю Патавія ¹⁹⁶).

Скопившимся въ городъ людямъ уже негдъ поклоняться своимъ богамъ въ таинственныхъ лъсахъ; обливъ каждаго божества становится опредъленнъе и требуетъ себъ изображенія. Сооружаются кумиры и имъ строятъ храмы. Это стали дълать греки и народы италійскіе; венеты не могли не послъдовать ихъ примъру. Титъ Ливій, какъ читатель вспомнитъ, даетъ намъ положительное указаніе, что венеты еще во время своей независимости имъли въ Патавіи старинный храмъ, и богиню, которой

посвященъ былъ этотъ храмъ, отождествляетъ опять-таки съ Юноной ¹⁹⁷), какъ Страбонъ именемъ той же Юноны, т. е. Геры Аргивской, означаетъ одну изъ богинь тимавскаго святилища. Есть также извѣстіе, что на «Янтарныхъ островахъ» Адріатическаго моря, — подъ этимъ именемъ, какъ мы знаемъ, греки въ древнюю пору разумѣли острова венетскаго края, — находились два истукана, на подобіе лежачаго человѣка, одинъ мѣдный, другой оловяный. Работа ихъ была стариннаго образца или, по крайней мѣрѣ, казалась такою грекамъ и поэтому, вѣроятно, греки приписывали ихъ происхожденіе Дедалу, родоначальнику художествъ въ эллинской миеологіи.

Первобытная религія арійцевъ, а между ними и славянъ, не нуждалась въ особыхъ жрецахъ; старшій въ семьѣ приносилъ жертву Богу или богамъ и возглашалъ слова молитвы. Но коль скоро возникалъ храмъ, ощущалась вмѣстѣ съ тѣмъ и потреб-ность въ богослуженіи болѣе опредѣленномъ и торжественномъ, и долженъ былъ явиться жрецъ. Жрецы были, безъ сомнѣнія, и у венетовъ ¹⁹⁸); были прорицатели ¹⁹⁹) и даже открылся у`нихъ оракулъ, пользовавшійся большою славою около времени Р. Хр. Оракулъ этотъ находился вблизи Патавія у знаменитыхъ минеральныхъ ключей апонскихъ, о которыхъ мы уже говорили. Га-данье состояло въ томъ, что въ воду Апона бросали играль-ныя кости ²⁰⁰). Бросали также въ Апонское озеро копья, для га-данья ли или въ видѣ жертвоприношенія ²⁰¹). Свѣдѣнія наши о существованіи оракула при Апонскомъ источникѣ относятся только ко времени римскаго владычества; потому можно бы предполагать, что оракулъ образовался подъ вліяніемъ греческихъ и римскихъ понятій, когда венеты уже утратили свою независимость ²⁰²); но иътъ сомития, что само мъстное населеніе, которое, какъ было упомянуто выше, связывало эти ключи съ сказаніями о низвергнутомъ сынѣ Солнца, приписывало водѣ Апона какую-то таинственную силу и способность открывать людямъ загадочное. Если кто - нибудь обвинялся въ покражѣ скотины, то испытаніе про-изводилось кипяткомъ Апонскаго источника: жители вѣрили, что имъ не ошпаривалась шкура у краденаго животнаго ²⁰³). Вѣро-ятно, изъ какихъ - нибудь религіозныхъ представленій возникла также мысль не допускать женщинъ къ купанью въ струяхъ

Также мысль не допускать женщинъ къ купанью въ струялъ Апона: думали, что это купанье, освѣжающее и крѣпительное для мужчинъ, напротивъ, жгло тѣло женщины ²⁰⁴). О семейномъ бытѣ венетовъ ²⁰⁵) мы, послѣ приведеннаго уже разсказа Геродота о способѣ заключенія ихъ браковъ, не находимъ никакихъ прямыхъ извѣстій ²⁰⁶). Слова Геродота мы объяснили себѣ въ томъ смыслѣ, что невѣсты покупались жени-

<page-header><page-header><text>

191

сомнѣнія, семейная жизнь была чиста, семейная связь сильна у древнихъ венетовъ.

Рабство существовало у нихъ. Хотя это намъ извѣстно только по свидѣтельству, относящемуся до времени римскаго владычества, однако нельзя предполагать, чтобы и въ пору независимости своей венеты остались чужды учрежденія, которое было такъ сильно вкоренено у этрусковъ и другихъ народовъ въ ихъ сосѣдствѣ. Развитіе городской жизни, накопленіе богатствъ, торговая дѣятельность, всѣ эти условія, при господствовавшихъ въ древнемъ мірѣ понятіяхъ и привычкахъ, порождали спросъ на рабовъ и облегчали ихъ пріобрѣтеніе. Но единственное дошедшее до насъ извѣстіе, въ которомъ идетъ рѣчь о рабахъ у венетовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о добрыхъ отношеніяхъ между ними и ихъ господами. Именно, одинъ римскій писатель разсказываетъ, что когда въ Италіи, послѣ убіенія Юлія Цезаря, кипѣла междоусобная война и одинъ изъ вождей республиканской партіи, Азиній Полліонъ, занялъ городъ Патавій (венеты были на сторонѣ приверженцевъ Цезаря), то онъ сталъ требовать отъ жителей выдачи денегъ и оружія; а какъ хозяева вслѣдствіе этого попрятались, то Полліонъ обѣщалъ свободу и награжденіе рабамъ, которые укажутъ своихъ господъ; и не нашлось между патавинскими рабами ни одного, который бы, польстясь на это, выдалъ своего господина²¹⁴): — черта нравовъ, вполнѣ согласная съ тѣмъ, что мы знаемъ о семейномъ бытѣ венетовъ.

XV.

Связи венетовъ съ Римомъ. — Они добровольно подчиняются его государственной власти.

Римляне, послё долгой борьбы съ самнитами за обладаніе среднею Италіею, послё многихъ войнъ съ галлами, часто помогавшими самнитамъ, одолёвъ тёхъ и другихъ и упрочивъ свое господство на южной сторонё Апенниновъ, въ началё Ш вёка до Р. Хр. перенесли войну за этотъ хребетъ, въ самыя владёнія галловъ. Они покорили ближайшіе ихъ края и, прогнавъ или истребивъ тутъ галльское населеніе, устроили на берегу Адріатическаго моря колоніи: Сеногаллію (нынёшн. Синигалья) въ 283, Ариминумъ (Римини) въ 268 г. Такимъ образомъ границы римскаго лосударства приблизились къ венетской землё. Между венетами и владёніями Рима оставался теперь только край галльскаго колёна боіевъ, обнимавшій города Парму, Мутину (Мо-

дена), Бононію (Болонья). Начались съ ними столкновенія. За боіевъ вооружились другія галльскія колѣна и въ особенности сильнѣйшее изъ нихъ, инсубры, владѣвшіе нынѣшней Ломбардіей. Венеты помогали римлянамъ²¹⁵), и замѣчательно, что въ этихъ войнахъ, вмѣстѣ съ венетами сторону Рима принимали и ближайшіе сосѣди ихъ къ западу, кеноманы, галльское колѣно, водворившееся около Гардскаго озера и по обѣимъ сторонамъ Минчія: объясняется ли дружба эта тѣмъ, что кеноманы успѣли уже смѣшаться съ венетами, какъ полагаетъ историкъ Моммзенъ²¹⁶), или какими-нибудь другими обстоятельствами, мы не знаемъ.

Въ 238 г. боіи, уже прежде испытавшіе на себѣ силу рим-скаго оружія, возобновили съ ними войну, призвавъ помощь отъ заальпійскихъ галловъ. Война велась нѣсколько лѣтъ; наконецъ, инсубры и боіи собрались нанести Риму рѣшительный ударъ. Римъ, заблаговременно отправивъ посольство къ венетамъ и ке-номанамъ, обезпечилъ себѣ ихъ содѣйствіе. Они собрали 20,000 человъкъ войска, готоваго вступить въ предѣлы боіевъ, такъ что галлы принуждены были оставить дома часть своихъ силъ для зациты. Остальное, вторгнувшееся въ римскія владѣнія, войско по-терпѣло совершенное пораженіе (225 г.). Римляне перенесли войну въ собственные предѣлы галловъ, утвердились въ землѣ боіевъ и за тѣмъ перешли и за р. По. Миланъ и Комо, главные гои за тъмъ перешли и за р. по. пиланъ и помо, главшае го рода инсубровъ, были заняты (222 г.); венеты сдѣлались непосред-ственно сосѣдями римскаго государства. Въ то же время Римъ приступилъ къ дѣятельнымъ предпріятіямъ для уничтоженія пи-ратовъ, гнѣздившихся на берегахъ Далмаціи и Иллиріи (нынѣ Албаніи) и состоявшихъ подъ покровительствомъ, часто даже на службв, тамошнихъ внязей. Въ 229 г. римлянамъ удалось сло-мить силу значительнѣйшаго изъ этихъ разбойническихъ княмить силу значительнышаго изъ этихъ разобиническихъ кнл-жествъ, Скодрскаго (Скодра — нынѣ Скадаръ или Скутари, въ сѣверной Албаніи). Условія мира, наложенныя Римомъ, отняли у владѣльцевъ Скодры средства вредить торговлѣ на Адріатикѣ. Вскорѣ потомъ римляне предприняли (221 г.) походъ противъ истровъ ²¹⁷), чтобы также положить конецъ ихъ разбоямъ. Мы уже указывали на то, какъ подобныя дъйствія должны были при-влекать венетовъ къ Риму. Походъ въ Истрію былъ бы невоз-моженъ, если бы римляне не имѣли точкою опоры землю венетовъ, и не распоряжались вполнѣ ея средствами. Это первое предпріятіе противъ истровъ не повело еще однако къ завоеванію ихъ края. Въ то время надъ самимъ Римомъ скоплялась гроза. Ему приходилось защищать свое собственное бытіе отъ смѣлаго предпріятія Ганнибала. Инсубры, боіи, впослѣдствіи и самниты

Томъ У. - Скнтябрь, 1868.

и всё недавніе соперники Рима въ Италін, присоединились къ геніальному кареагенскому вождю; венеты, а съ ними и вено-маны, остались непоколебимы. Они не только поддерживали дёло Рима въ сёверной Италіи, но венеты доставляли, какъ кажется, и вспомогательные отряды римскому войску ²¹⁸). Страшная борьба, называемая второю пуническою войною, кончилась, какъ извёстно, полною побёдою римлянъ (201 г.) и измёненіемъ всёхъ политическихъ отношеній. Римъ, поставляв-тій себё пёлію только облаганіе Италіей, сталъ теперь первен-

шій себѣ цѣлію только обладаніе Италіей, сталь теперь первен-ствующею державою міра²¹⁹) и непреднамѣренно, нехотя, одною силой вещей, долженъ былъ подчинить себѣ поочередно всѣ страны вокругъ Средиземнаго моря.

При самомъ исходѣ пунической войны, когда главное войско Рима сражалось въ Африкѣ, галлы сѣверной Италіи, служившіе передъ тѣмъ точкою опоры Ганнибалу, сдѣлали новую попытку къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Рима. Къ боіямъ и инсубрамъ присоединились въ этотъ разъ и кеноманы. Кровопро-литная война (201—193) привела къ совершенному истребленію бојевъ и къ порабощенію всёхъ кельтскихъ колёнъ въ сёверной Италін. «Такъ кончилась, — повторимъ слова современника, грека Полибія, — война съ кельтами: война, по отвагѣ и мужеству соперниковъ, по значительности битвъ и множеству людей въ нихъ сражавшихся и погибавшихъ, не уступающая ни одной изъ из-въстныхъ въ исторіи, но, что касается до задуманнаго плана и способа исполненія, совершенно безсмысленная; ибо не въ иъ-которыхъ только случаяхъ, но постоянно и вообще все, что дъ-

которыхъ только случаяхъ, но постоянно и воооще все, что дв-лаютъ галлы, внушается страстью болѣе чѣмъ разсудкомъ»²²⁰). Какъ скоро владычество Рима, съ покореніемъ боіевъ и инсу-бровъ и другихъ галльскихъ колѣнъ, распространилось до р. По, Гардскаго озера и Альпъ, — венеты сами собою вошли въ составъ римскаго государства. Это совершилось такъ легко и, можно сказать, такъ естественно, что присоединеніе ихъ прошло вовсе незамѣченнымъ. Ни единымъ словомъ не упоминается о пріобрѣтеніи Римомъ столь важной и богатой области, даже въ подробномъ и часто мелочномъ разсказѣ Тита Ливія. Если бы какая-нибудь часто мелочномъ разсказъ Гита Ливія. Если об какая-ниоудь борьба или какой-нибудь переворотъ ознаменовали паденіе незави-симости венетовъ, то менѣе всѣхъ патавинецъ Ливій оставилъ бы ихъ безъ вниманія. Изъ хода его разсказа очевидно, что распро-страненіе римской государственной власти на венетскій край не потребовало никакихъ особенныхъ распоряженій и усилій, и что въ 186 г., т. е. не болѣе какъ 7 лѣтъ спустя послѣ покоренія галльскихъ владѣній въ Италіи, венеты состояли уже подъ управ-леніемъ римскаго начальника. Вотъ случай, который это обнару-

живаеть. Въ 186 г., по извѣстію Ливія, галлы сдѣлали новую попытку перейти изъ-за Альпъ въ Италію. Въ этотъ разъ они шли черезъ восточную часть Альпъ (вѣроятно изъ Норика или Карніи) къ Адріатическому морю и шли уже не завоевателями, а мирными переселенцами. Никого не трогая, вступили они въ землю венетовъ и расположившись въ пустой мѣстности, гдѣ потомъ возникла Аквилея, стали тутъ обстроиваться. Римскій сенатъ, при первомъ извѣстіи объ этомъ, отправилъ посольство, съ жалобою и угрозами, къ тому галльскому племени за альпами, отъ котораго вышли переселенцы. «Какъ смѣли они, говорили между прочимъ послы, прійти безъ спросу въ Италію, нарушивъ неприкосновенность альпійской границы, и безъ позволенія римскаго начальника, правившаго областью, строить городъ на чужой землѣ²²¹)!...» Дѣло кончилось тѣмъ, что Римъ выпроводилъ мирнымъ образомъ непрошенныхъ колонистовъ обратно изъ венетскаго края за Альпы.

Итакъ, въ 186 году земля венетовъ была уже римскимъ владёніемъ. Римляне были до того увёрены въ добровольной покорности венетовъ, что не сочли даже нужнымъ обезпечить ихъ послушание устройствомъ колоний въ ихъ землё, подобно тому, какъ они это дёлали среди всёхъ другихъ племенъ Италіи. Колонія, которую Римъ съ перваго же раза отправилъ въ эту сторону, не только не имѣла значенія угрозы для венетовъ, а на-противъ, могла существовать только при ихъ опорѣ и преднавначалась для дёйствій противъ прилегавшихъ къ венетамъ съ востока и съвера враждебныхъ племенъ истровъ и карновъ. Эта колонія была Аквилея, устроенная, по выраженію Страбона, для обороны отъ жившихъ за венетскимъ краемъ варваровъ²²²), въ той самой мѣстности, гдѣ хотѣли поселиться пришедшіе изъ-за восточныхъ Альпъ галлы. Она была основана тотчасъ послё ихъ удаленія, въ 183 году ²²³). За тёмъ и всё дальнёйшія извёстія о венетскомъ крав подтверждаютъ полную зависимость его отъ Рима. Такъ, подъ 174 годомъ, разсказывается, что въ Патавіи произошелъ между жителями города раздоръ, дошедшій до вро-вопролитія. Патавинцы тотчасъ отправили посольство съ донесеніемъ объ этомъ въ Римъ, и сенатъ поручилъ консулу Марку Эмилію бхать на мѣсто и разобрать дѣло²²⁴). Были также у венетовъ, какъ нами упомянуто, споры между разными городами о границахъ ихъ округовъ: городъ Атесте спорилъ съ Патавіемъ и Въкетіей. Постановленія римскаго сената разръшили эти тяжбы, и римскіе проконсулы (въ 141 и 135 гг.) утвердили межи и поставили граничные знаки: три такихъ камня, съ высёченными на нихъ надписями на латинскомъ языкъ, уцѣлѣли понынѣ ²²⁵).

XVI.

Венеты исчезають въ римской народности.

Ни одинъ, даже изъ незначительнъйшихъ народовъ Италіи, не отказался отъ своей независимости, не поворился Риму такъ легко и просто, какъ это сдёлали венеты. Всё, и этруски, и умбры, и самниты, и лигуры, и кельты, даже мелкія кольна латинскія, упорно, а нъвоторыя до совершеннаго истощенія силъ, защищали свою свободу; добровольно, вакъ венеты, никто изъ нихъ ею не жертвоваль. Изъ новѣйшихъ историковъ иные объясняли это малодушіемъ или изнѣженностью со стороны венетовъ; другіе, не допуская возможности, чтобы они безъ борьбы подчинились чужой власти, предполагають, что извёстія объ этой борьбё какъ-нибудь пропущены древними писателями. Но такой пропускъ былъ бы слишвомъ невѣроятенъ, и особенно трудно ожидать его отъ патавинца Ливія 226). А что венеты, хотя природа и влимать ихъ страны и считались располагающими въ нъгъ 227), не были лишены мужества и, когда хотёли, умёли храбро защищаться, доказываеть ихъ стойкость противъ галловъ, ихъ образъ дъйствій противъ спартанца Клеонима. Дёло туть не въ малодушіи, не въ отсутствій личной доблести, а въ общественной неразвитости. Отдёлившись отъ славянскаго племени въ тавое время, вогда его политическая жизнь еще не начиналась, венеты не могли принести съ собою въ Италію нивакихъ задатвовъ для самостоятельнаго устройства государственнаго. Отъ галловъ, отъ спартанскихъ пиратовъ они оборонялись, потому что тё врывались къ нимъ какъ грабители; но когда они увидёли передъ собою римлянъ, съ ихъ стройнымъ государственнымъ порядвомъ, съ ихъ твердыми правительственными учрежденіями, венеты поспёшили въ нимъ на встрёчу, добровольно въ нимъ пристали, безпревословно поддались ихъ правленію.

Съ этого времени судьба италійскихъ венетовъ перестаетъ принадлежать славянскому міру. Венеты весьма скоро усвоили себѣ и латинскій языкъ и всѣ признаки римской народности. Уже въ 141 г. латинскій языкъ, какъ показываютъ надписи о разграниченіи между венетскими обществами, былъ тамъ языкомть правительственнымъ. И въ прежнее уже время, мы видѣли, городская жизнь начинала преобладать у венетовъ надъ сельсвою. Венеты были, такимъ образомъ, совершенно подготовлены принять образъ жизни и учрежденія римлянъ. Наконецъ, и религіозныя представленія венетовъ легко было приладить къ мисологіи рим-

ской или заимствованной римлянами греческой. Только главный народный богъ венетовъ, Бѣлинъ, который, вѣроятно, подобно Бѣлъ-богу у другихъ славянъ, былъ олицетвореніемъ свѣта, — сохранилъ до нѣкоторой степени значеніе отдѣльнаго мѣстнаго

было сочтено до 500 человѣкъ, имѣвшихъ по цензу право на вваніе всадниковъ, т. е. имѣвшихъ состояніе не менѣе 400,000 сестерцій (около 20,000 р. на наши деньги) ²³⁴). Но, получая рим-ское гражданство, «провинціалъ» римскаго государства подчи-нялся всѣмъ условіямъ и обязательствамъ римскаго права, не только въ общественномъ, но и въ семейномъ быту, онъ обык-новенно принималъ римское имя и фамилію и считалъ бы для себя униженіемъ не быть вполнѣ римляниномъ, сохранять какія-нибудь примѣты своего не-римскаго происхожденія ²³⁵). Ко-нечно, въ низшихъ слояхъ населенія, народные обычаи, вѣрованія и языкъ не могли скоро исчезнуть. Память о венетахъ, какъ особой народности, жила еще долго и долго еще проявлялись ея признаки подъ оболочкою римскихъ формъ ²³⁶). Вліяніе Рима шло сверху внизъ. Римъ всегда сманивалъ въ себъ сначала мъстную знать своихъ провинцій и вообще высшій классъ народа, и черезъ него держалъ въ рукахъ остальное населеніе, мало по малу распространяя и въ немъ латинскій языкъ и формы римизлу распространая и во немо латинский понию и корим ра-ской жизни. Коль скоро высшій классь успёль сдёлаться рим-скимъ, вся страна была упрочена за Римомъ и казалась принад-лежащею латинской народности. Такимъ образомъ, уже полтораста лётъ послё присоединенія венетскаго края къ римскому государству, географъ Страбонъ писалъ: «тамошніе жители называются венетами, но они римляне» ²³⁷). Явились въ это время изъ среды венетовъ люди замѣчательные, знаменитые: великій изъ среды венетовъ люди замѣчательные, знаменитые: великій поэть Виргилій, уроженець Мантуи, венетъ по происхожденію ²³⁸); историкъ Титъ Ливій, патавинскій уроженецъ; Трасеа Пэть, осмѣлившійся хранить честность свободнаго гражданина подъ правленіемъ Нерона и имъ умерщвленный, Трасеа, уроженецъ того же Патавія и о которомъ, также, какъ о доблестномъ его семействѣ, мы уже упоминали. Это семейство и самъ Трасеа, идеалъ мужества соединеннаго съ кротостью, и поэтъ Виргилій, и историкъ Титъ Ливій, всѣ они принадлежали римскому міру; ихъ мѣсто въ римской исторіи ²³⁹).

Наконецъ, когда, послѣ шестисотъ лѣтъ процвѣтанія и постепеннаго упадка въ составѣ римскаго государства, земля венетская сдѣлалась добычею сѣверной орды гунновъ и воинственныхъ дружинъ нѣмецкихъ, ругіевъ, готовъ, лангобардовъ, и потомки древнихъ венетовъ, спасаясь отъ насилія и истребленія, укрылись среди приморскихъ лагунъ и основали здѣсь общину рыбаковъ и мореходцевъ, которая превратилась со временемъ въ великолѣпную царицу Адріатики, — въ этомъ новомъ росткѣ венетскаго племени, въ этихъ венеціанцахъ не оставалось слѣда славянскаго происхожденія. Люди эти по языку, по духу, по

всёмъ преданіямъ и стремленіямъ стали уже въ полномъ смыслё латинцами, и когда имъ впослёдствіи приходилось имёть дёло съ славянскими народами, то они были имъ такіе же чужіе, какъ и прочіе жители Италіи ²⁴⁰).

А. Гильфврдингъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

¹) Были и другія второстепенныя видоизмѣненія этого названія, напр., гвиниды, винеды, венацы, weonod и т. п. Исчислепіе ихъ можно найти въ «Славянскихъ Древностяхъ» Шафарика.

³) Коренное t у германцевъ сперва переходнао въ th (какъ въ готскомъ языкѣ), а потомъ въ d (какъ въ древне-нѣмецкомъ), но очень часто уже и въ готскомъ языкѣ являлось d. См. Grimm. Gesch. des deutsch. Spr. I, 289. Schleicher, Compendium der vergl. Gramm. 327 (2-е изд.). Въ названія, насъ занимающемъ, встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ и формы съ th, соотвѣтствующія готскому произношенію, напр. у Павла Діак. 1, 13: Anthaib, Banthaib, о которыхъ будетъ сказано впосяѣдствін.

•) Тас. Germ. 46. Во всёхъ рукописяхъ читается Veneti, если же въ нёкоторыхъ изданіяхъ печатается Venedi, то это произвольная и неумѣстная поправка.

4) Другія сходныя финскія формы этого имени см. у Шафарика (Слав. Др., пер. Бодянскаго І, 1, 154).

•) Βτ состаствъ трибалловъ и дардановъ, народовъ өракійскаго поколтина, занинавшихъ имитшиюю Сербію. См. Appian. de bello Mithrid. 55. Кай Σύλλας την έν τοσώδε άργίαν διατιθέμενος, Ένετους και Δαρδανέας και Σίντους, περίοικα Μακεδόνων έθνη, συνεχώς ές Μακεδνίαν έμβάλλοντα, έπιων έπόρθει. Eustath. ad Iliad. β 852 ην δε κατά τον άναγράφεα των έθνικών και έθνος παρά Τριβαλλοῖς Ένετοί. Βτ греческихъ кингахъ имя это пишется двояко: Ένετοί и Ένετοί.

•) По Аристотелю, народь додонскій назывался вь древности *греками*; но это ими употреблялось и въ болѣе общемъ сиыслѣ: Граїхеς де пара Алхийи аі таї 'Едди́иши и́птереς хай пара Σофохлеї си Поги́сии. Steph. Вуг. Евставій (ad Il. XII. 20 р. 890 (указываетъ также, что Софоклъ, слѣдуя древнимъ, и Ликофронъ употребляли имя грековъ вмѣсто эллиновъ (таї Граїхаї... ойς й ист оитйдега, хай Σофохдії dí пои хата тойς падагойс, хай д Лихо́фран dè dia той си архії у проферовани состали состали и употребляется не только римлянами, нѣмцами, славянами, но и ближайшими состалим элиновъ, албанцами: гэркь или грек.

7) Ср. древнюю форму имени вятицкаго города Брянска (Орловской губернін)— Дебрянскъ.

•) Вятичи, какъ видно изъ первыхъ русскихъ свидътельствъ, были единственное, въ древнюю пору, славянское племя, жилища котораго принадлежали вполиъ бассейну Волги (т. е. Окъ и другимъ ея притокамъ). Медленность историческаго развитія вятичей выказывается, между прочимъ, въ томъ, что они долъе всъхъ другихъ славянскихъ племснъ на Руси оставались въ сторонъ отъ возникавшей въ ней государственной жизни, долъе сохравяли свою мъстную особенность и свое племенное имя и послъдніе изъ русскихъ славянъ обратились въ христіанство.

9) Мы изумляемся тому, какъ до сихъ поръ даже самыми серьезными исто-

риками нашими (см. между прочимъ Соловьева, Исторія Россія, т. І, издан. 4-е, стран. 61) повторяется, какъ исторический фактъ, сказание древи-вишаго русскаго абтописца о двухъ братьяхъ, Радимъ и Вяткъ, какъ родоначальникахъ радимичей и вятичей и о томъ, что племена эти пришли «отъ ляховъ»,--тогда какъ въ наше время никто уже не ръшился бы выдать за исторический факть, легенду о происхождения греческихъ племенъ отъ братьевъ Дора п Эола, сыновей вессалійскаго царя Эллина, и племянника ихъ Іона. Г. Соловьевъ утверждаетъ даже, что «мы не имъемъ никакого права заподозрить это преданіе»-о происхожденіи радимичей и вятичей отъ дяховъ. Спрашивается только: есть ли какая-либо возможность, чтобы самое восточное изъ славянскихъ племенъ на Руси, какъ вятичи, происходили отъ одной изъ крайнихъ къ западу вътвей славянскихъ, какъ ляхи? Есть ли малъйшая въроятность въ передвижении двухъ славянскихъ вътвей съ запада на дальний востокъ, когда, напротивъ, вся исторія показываеть, что, по крайней мёрь, до IX въка переселеніе славянъ шло всегда съ востока на западъ? Наконецъ, даже если бы какая-нибудь вътвь ляховъ предприняла движение въ обратномъ смыслѣ, то не отодвинула ли бы она скорѣе другія, банжайшія къ ней племена, вмъсто того, чтобы пройти вширь всю славянскую землю и поселиться на краю ся? Нельзя же вятичей и радимичей, племена, занимавтія своими жилищами столь общирныя пространства (итсколько нынтанных губерній), принять за какія-нибудь подвижныя дружины искателей приключеній.

¹⁰) Пока въ произношени восточныхъ славянъ еще удерживались носовые звуки (сохранявшіеся доселё у поляковъ и отчасти у болгаръ), слово вятичи выговаривалось, въроятно, какъ-енбудь въ родё вантичи вли унтичи, и въ этомъ видё мы находимъ это имя у баварскаго землецисца (см. Шафарикъ, Слав. Древн., прилож. стр. 70): Sebbirozi, Unlizi (читай Untizi), т. е. съверцы, вятичи. О вятичахъ землеписецъ прибавляетъ замёчаніе, что это «народъ многочисленный», рориlus multus. Впрочемъ, объ этомъ памятникъ, который Шафарикъ, повидимому, совершенно основательно относитъ къ концу IX въка, будетъ говорено впослѣдствін. •

¹¹) Несмотря на близкое созвучіе, вмя вяты и т. п. не имѣеть ничего общаго съ словомъ вящ шій. Въ первомъ коренная согласная *m*, въ послѣднемъ к. Вящ шій замѣняетъ коренную форму вакь шій (въ глагольск. цамятникахъ мы и читаемъ, напр., векше вм. вяще; сравн. польск. векши), соотвѣтствующую точь-въ-точь древнеиндійскому бажхûјас, сравнит. степени слова бахула—густой, толстый, большой. Корень словъ вякь шій, вящ шій и бажхûјас заключается въ древне-индійск. бахуобяльный в, какъ нарѣчiе (очень, вполнѣ), въ древне - болгарск. памятникахъ бъхъ: вполнѣ, совершенно и др.

¹²) Оракійцы звали свою землю Аріей. Steph. Byz. Θράχη: έστι δε ή Θράχη χώρα, ή Πέρχη έχαλεϊτο χαί Αρία). Что касается кельтовъ, то, по мићнію Пикте, имя Эринъ (Ирландія), пры и т. д. происходить оть корня арја.

¹³) Остатки его представляются еще въ наръчін штпрійскихъ словенцевъ; именно въ крав около ръкъ Песници, Щавници и Дравы, въ юго-восточномъ углу Штиріи, словенци употребляютъ выраженія: «на мой ванъ, па твой ванъ, на ванъ Божьи», въ смыслѣ: ради меня или любя меня, ради тебя, «на волю Божью». (Novice 1859 г., № 14). Къ этому же корню относятся слова, сохраннвшіяся въ памятинкахъ древнеболгарскихъ: оунити, оун ко-предпочитать; оуній, оунь ши-лучшій (собств. предпочтительный), оуне — предпочитатьсьно, оунь шина — лучшее.

¹⁴) Jord. 29. cuius (urbis Ravennæ) dudum, ut tradunt maiores, possessores Venetii (по другому чтенію Enctii), id est laudabiles, dicebantur. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ вмѣсто Venetii ставится греческое слово *Aiverol*; но это произвольная поправка, неуклюжесть которой очевидна.

¹⁶) То же преданіе перешло къ Павлу Діакону (Hist. Langob. II, 14) и въ древнюю венеціанскую лѣтопись, извѣстную подъ названіемъ Chronicon Altinate (Archivio storico italiano, appendice, V, 103): «Tote iste quas supra diximus civitates.... edificaverant ipsi Troiani, qui cum Enea illorum princeps, quos antea gentiles fuerunt, venientes de illa antiqua magna Troia. Que modo, ab Enea nomine, Andreati (urrafi: Adreati) Enetici nuncupantur, Enetici namque laudabiles dicuntur».

¹⁶) Въ этомъ отношенін сохраннлось оно и у славянъ: чешское *дася* или *даселя*злой духъ, чортъ (въ Mater. Verb. *дая*: genius; въ старинныхъ чешскихъ памятникахъ *дося*-чудовищный змъй? левіаванъ), откуда *дъсити*-устрашать, ужасать и т. д. Замътниъ, что по формъ своей чешское *дяся соотвътствуетъ древне-индъйскому дасуу*, съ нереходомъ смягченія въ первый слогъ, а форма *дяселя* (родит. дясла) представяетъ тоже слово *дасуу* въ расширенномъ видъ, *дасјава*, при чемъ конечное *в* перешо въ *л*, какъ весьма часто бываетъ у славянъ.

¹⁷) Бродячими звѣроловами онисывають финскія племена всѣ древиѣйшія свидѣтельства, см. въ особенности Тацита, Germ. 46.

¹⁰) Въ языкѣ древне-индійскомъ, подлѣ глагода чуд, погонять и т. п., стоить совершенно одиноко слово чб дјам, изумленіе, удивленіе. Если это слово дѣйствительный обломокъ старины, а не какое-инбудь позднѣйшее книжное порожденіе, то можно бы подумать, что названіе чуди, какъ синонима туровъ или дасовъ, существовало уже въ азіятской родинѣ арійцевь и тамъ соединилось съ понятіемъ о сверхъестественной силѣ, и что славяне перенесли это, уже готовое, названіе на европейскихъ своихъ сосѣдей финскаго поколѣнія.

¹⁹) Таково было первое, матеріальное значеніе слова чудо, какъ показываеть баснословное чудо-юдо, то есть, слово въ слово, «чудовище, водяное животное»: юдо соотвѣтствуетъ древне-индійскому јада с (средн. рода: родит. јада са с) водяное животное.

20) Не слъдуеть причислять сюда слова чужой и другихъ, принадлежащихъ къ одному съ ними корню. Корень слова чудо и нераздъльнаго съ нимъ названія чудь есть куд, какъ показываеть русское кудесникъ и присутстве звука ч какъ въ древне-индійскомъ глагол чуд, такъ и въ формахъ древне-болгарской (чудо, чулитися, удивляться), сербской (чудо, чудитисе), и словацкой (чудъ, чудоватиса). Между тѣмъ, корень слова чужой — тюд, н ч тутъ свойственно только русской рачи, а въ древне-болгарскихъ памятникахъ это слово звучитъ штуждь, щуждь (форма чуждь есть позливищи руссизмъ), по-сербски — тудь, по-словации цуза, по-чешски цизи (древние цюзи, цузи). Поляки правильно по законамь своего наричия, образовавь форму цудзы (чужой) изъ корня тюд, сибшали съ нимъ и слово чудо, нэт котораго сдёлали цудъ; но это исключительная и случайная неправильность. Къ тому же корню тюд, отъ котораго провсходнтъ слово чужой, относятся и встричаеное въ древне-болгарскихъ намятникахъ выражение штуда, щуда въ смыслѣ и споаннъ (усуас); хотя вногда встръчается и форма чуда, но это опять-таки позднъйшій руссизмъ, и ния это не должно быть сибшиваемо съ словами чудо и чудь; о происхожленія его мы скажемъ впослёдствін.

^{\$1}) Читай: Ванты.

²³⁾ Servius in Aen. I, 242: Antenor — urbem Patavium condidit, id enim responsi acceptrat eo loco condere urbem, quo sagittis avem petisset, ideo ex avis petitae auspicio Patavium nominatum. Idem in Aen. I, 247: Patavium autem dictum vel a Padi vicinitate, quasi Padavium (это этимологія, придуманная, какъ видно, самимъ комментаторомъ, и неявная тёмъ болёе, что р. Падъ течетъ совсёмъ не бливео отъ Патавія); vel'and той пе́га адаа, quasi Petavium, quod captato augurio dicitur condita; vel quod avem telo petiisse dicitur et eo loco condidisse civitatem. Комментаторъ Виргилія, приводя сказанія о происхожденіи имени Патавія отъ птицы, старается подвести ихъ нодъ какудо-инбудь этимологію взъ греческаго или датинскаго языка и изобрѣтаетъ казваніе Petavium виѣсто Patavium, чтобы оно подходило иодъ слово πе́гаадаа (летать) или petere (цёлить), но очевидно, что это искусственный обороть, данный народной легендь.

²³) См. словарь Востокова подъ словомъ пъта. Что была и соотвътствующая форма въ мужескомъ родъ, патъ или пътъ, свидътельствуетъ, между прочимъ, производное пътишть, т. е. птенецъ: пътишти оръли, птенцы орлиные, въ Сборникъ 1073 года.

³⁴) Въ языкѣ древне-нидійскомъ пат, патами, греч. летаµа.

²⁵⁾ Во всёхъ другихъ языкахъ мы находимъ производныя болёе сложныя, напр. древне-индійск. патага-с или патанга-с и паттрин, древне-бактр. (зендск.) перенин (вмёсто патренин), греч. *летенобс*, латышск. путис.

³⁶) Другой «птичій» городъ, Петовій (Petovium, Pœtovium, Petovio), находится въ Паннонів, на границѣ Норика, въ стравѣ тоже издревле населенной славянами, какъ мы ниже увидимъ. Это нынѣшній Pettau въ Штиріи. Тамошніе словенцы называють этотъ городъ Птуй, сосѣдніе хорваты Оптуй (вмѣсто Пътуй), сокративъ окончаніе овій точно также, какъ вмѣсто воловій мы читаемъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ волуй.

27) Catull. Carm. 81. Peninsularum, Sirmio, insularumque

Ocelle.....

Salve, o venusta Sirmio, et hero gaude H T. J.

Другія свидътельства см. у Филіаси, Memorie storiche de'Veneti primi e secondi, 2-е изд. I, 165 и слёд.

28) См. выше, прим. 5.

²⁰) Извѣстно, что славяне перестановляли гласную, раздѣлявшую *р* отъ предъидущей согласной въ началѣ словъ, и что перестановка эта происходила въ эпоху, относительно, довольно позднюю, такъ что ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно прослѣдить по письменнымъ памятникамъ.

³⁰) Не удивительно, что собственное имя Срёмъ сохранило чистую форму безъ вставочнаго *m*, вкравшагося во всё принадлежащія бъ этому корню слова. Имена собственныя медленнёе подвергаются звуковымъ измёненіямъ, чёмъ нарицательныя. Мы говоримъ теперь *перенять* вмёсто *переять*, но городъ продолжаемъ называть Переяславомъ.

³¹) Въ языкѣ древне-яндійскомъ мы находниъ первоначальный, обще-арійскій корень сар въ смыслѣ двигаться, итти, течь и т. под., и производное отъ него отвлеченное слово сарма-ходъ, движепіе. Это-то второобразное слово обращено, уже исключительно въ языкѣ славянскомъ, въ новый корень, который нами здѣсь указапъ.

³⁸) Аквилея была римская колонія, основанная въ 183 г. до Р. Хр. на восточномъ краю венетской земля и сдълавшаяся впослѣдствін самымъ значительнымъ и многолюднымъ городомъ на Адріатическомъ поморьѣ. Нынѣ это Оглей (по-славянски) или Агларъ, мѣстечко на западъ отъ Тріеста.

⁸⁸) Таковъ былъ обычай римскій, что прахъ вольноотпущенныхъ клали въ одну гробницу съ ихъ прежнимъ господнномъ или госпожею.

³⁴) Около 1000 рублей на наши деньги.

⁸⁵) Вотъ полный тексть этой замѣчательной аквилейской надинси:

CERVONIA. TICHE. V. F. SIBI. ET. LIB. LIBQ. POSTQ. EOR SI. QVIS. HANC. ARCAM. SIVE. HOC MONVMENT. VENDERE. AVT. EMERE AVT. EXACISCLARE. VOLET TVM. POENAE. NOMINE. H. S. XX REIP. AQVIL. DARE. DEBEBIT

36) Такъ и слово число въ этомъ нарѣчіи значить не только число, какъ у насъ,

но и уважение: корень чит — чтить, почитать и считать. Какъ примъръ употребления глагола числати въ словенскомъ наръчін, приведсмъ заглавіе статейки, напечатанной въ Люблянскихъ «Новицахъ» 1858 года № 9: «kako Slovenci kruh čislajo», т. е. «какъ словенцы чтутъ хлѣбъ».

⁸⁷) Текстъ надписи слѣдующій:

ATILIAE, ONESIMENI CVM. QVA. VIXI. ANNIS. XV CONIVGI. CARISSIMAE C. IVLIVS. EPICTETVS. QVI ET. FATO. VIVVS POSVIT. ET. SIBI SI. QVIS. POST. DVA (sic). CORPORA POSITA, HANC. ARCAM. APERVERIT AVT. EXACISCLAVERIT. ET. ALIVT CORPVS. POSVERIT. IN. F. L. EL. CO. NS. MN.

Въ концѣ послѣдней строки, по замѣчанію издателя, буквы стерты и неправильно прочтены; по его предположению, было написано: «inferet poenae nomine», и затемъ слѣдовало обозначеніе самой суммы пени, которое не уцѣлѣло. Издатель этотъ, напечатавшій въ первый разъ какъ эту надпись, такъ и другую, которая приведена выше, быль монсиньорь Филиппъ дель-Toppe (въ Monumenta veteris Antii etc. Rome, 1700, стр. 356). Въ то время, а также когда писалъ каноникъ Бертоли (Le antichità di Aquileja profane e sucre. Venezia, 1739), памятникъ Червонін Тихи стояль на площади построеннаго на развалинахъ древней Аквилеи мъстечка, а камень съ надписью Эпнктета служилъ покрышкою гробницы какихъ-то монахниь въ церкви монастыря близъ Аквилен. Куда дъвался впослъдствін первый памятникъ, неизвъстно; второго намъ также не удалось отыскать. Наднись Червонін Тихи воспроизведена во многихь изданіяхъ: у Муратори (MXXVIII, 2), Катанчича (Istri adcolarum Geogr. vetus I, 199), Зандонати (Guida storica dell'antica Aquileja, crp. 203). Слово exacisclare останавливало ученыхъ издателей, Филиппа дель-Торре и Муратори; они производили этотъ «варварскій» глаголь (barbaricum verbum: Мураторн) оть латинскаго ascia (топорь, а также каменшичья лоцатка), уменьшительное отъ котораго asciola, будто бы, по глоссамъ Изндора, произносилось также acisculum или acisclum, откуда aciscularius каменщикъ. То же объяснение повторяеть, но также бездоказательно, Фабретти въ своемъ новъй пемъ Glossarium Italicum, стр. 35 и 373. Переходъ asciola въ acisculum кажется слишкомъ неестественнымъ и самое существование подобной формы весьма сомнительно; во всякомъ же случав отъ слова, обозначающаго каменщичью лопату, не могъ бы произойти глаголь, смысль котораго соотвётствоваль бы выражению exacisclare въ двухъ приведенныхъ надписяхъ.

³⁸) Constant. Porphyrog. de themat. 7. Подробности объ этомъ укрѣниенномъ островѣ (Gradense castrum; Gradus, — altis moenibus decorata и т. п.) читатель найдетъ у Филіаси (Memorie de'Veneti т. Ш гл. II) и у Романина (Storia documentata di Venezia I, 33 и слѣд.); тамъже помѣщены и выписки взъ источниковъ.

⁵⁰) Напримѣръ Аропия, такъ назывался источникъ горячей минеральной воды бинзъ Падуи (нынѣ Abano); древніе писатели называють его дымнымъ (Aponus fumifer. Lucan, VII, 139); клокочущимъ и извергающимъ густые пары (Cassiodor. Var. Ep. II, 39..... salutiferi Aponi...... caeruleum fontem vidimus concavis hiatibus acstusntem, et fornaces anhelantium aquarum, quae calidae nebulosos vapores exhalant и проч.). Въ этомъ смыслѣ, названіе Aponus есть ничто иное, какъ славинское слово апно, употребляемое нынѣ, опять-таки у словенцевъ (хорутанъ), въ значеніи извествь (сербск. япно или вапно, польск. вапно, древне - болг. рапьно и т. д.). Имена рыть: Plavis (пынѣшняя Piave: замѣтимъ при этомъ названіе одной мѣстности у р. Плавы—Duplavilis: складъ этой формы, съ предлогомъ до въ началѣ и окончанісмъ на им, совершенной славянскій); Тітаvus — сравн. древне-болг. тимівно н тимъние-грязь, болото. Тимавомъ называлась цълая болотистая мъстность, съ озеромъ, родниками и ръкою, такъ что объяснение этого имени изъ кория тимъдреви.-инд. тим, быть мокрымъ, теманам, сырость, откуда Тимъ, мъстное название въ Россіи, тимъно и т. д., кажется наиболте въроятнымъ. Но венетскій Тимавъ славнися также двумя священными рощами, и потому можно бы связать его и съ словомъ тьмавъ, темный, употребительнымъ у хорутанъ, чеховъ и др.-Города: Belunum, сравн.: Велунь, Волынь, весьма древнее и распространенное название городовъ славянскихъ; Tergeste,-т. е. Тръгиште, Торжище; Osopus (имя города или селенія дежавшаго на скалистой горь, см. Филаси I, 404); название происходить очевидно отъ глагола осыпать; Ravenna, — Равьна; Ateste, — сравн. корень от — отецъ; Coelina,--сравн., хорутанск. цёлина, terra non avata; въ одной Кроаціи насчитыварть пять местностей съ названиемъ Целине.-Одна изъ устроенныхъ римлянами, для перемѣны лошадей, станцій близь Аквилен носить названіе viam Belojo (Itiner. Anton.): не слышится ли въ этомъ словѣ, особенно въ окончаніи его ою, славянская форма прилагательнаго, хотя трудно рѣшить, какъ следуеть возстановить эту форму: бѣлою, нан, согласуя съ випительнымъ надежомъ женскаго рода латинскаго viam, читать бъджи, съ опущеннымъ носовымъ звукомъ? Къ этимъ примърамъ, которыхъ можно бы набрать и больше, следуеть прибавить въ особенности Patavium, Sirmio и Gradus, упомянутые выше. Вообще нельзя не замётить, что число именъ городовъ и селеній, отзывающихся славянскимъ происхожденіемъ, сравнительно гораздо значительнѣе въ венетскомъ край, чёмъ число такихъ же именъ рёкъ, ручьевъ и протоковъ. Это совершенно понятно, такъ какъ венеты быле здёсь завоевателями, занявшими мёсто прежнихъ жителей; а извъстно, что за ръками обыкновенно остаются названія, данныя имъ первоначальными обитателями страны, тогда какъ города или селенія, возникающія вновь, получають имена оть новыхь поселенцевь, а и тв, которыя существовали прежде, нерёдко ими переименовываются. Тоже явленіе представляють намъ мёстныя ямена въ земляхъ задунайскихъ, которыви славяне овладёли въ VI и VII стояттіяхъ, также какъ и въ средней и съверной Россіи, гдъ славянское населеніе вытеснию финское.

Возвращаясь из венетскимъ именамъ, приведемъ еще ибсколько собственныхъ имень лиць: Miline (женщина: падуанская надпись, Katancsich, I, 179); Priata (тоже; тамъ же 191); Visena (женское имя, четыре раза повторяющееся въ одномъ семействв; аквилейская надпись, тамъ же 221); Нев danus (мальчикъ; падуанская надпись, тамъ же 191); Licovius и Ipaius Venzoi filius (на аквилейской надписи, тамъ же 203) и мн. друг. --- Замѣтимъ наконецъ, что до насъ дошло одно древневенетское названіе растенія; именно Плиній иншеть: «Halus autem, quod Galli sil vocant: Veneti cotoneam (подругому чтенію cotonia или cotoniam), medetur lateri, item renibus convolsisque et ruptis; similis est cunilae bubulae, cacuminibus thymo, dulcis et sitim sedans, radicis alibi albae, alibi nigrae (Hist. Nat. XXVI, 7)». Ho это слово не прибавляеть ничего определеннаго къ нашимъ сведеніямъ о древнихъ венетахъ, потому что не вполнъ извъстно, о какомъ растения тутъ идеть ръчь. «Всего въроятнъе (извлекаемъ изъ замътки, обязательно доставленной намъ барономъ Ө. Р. Остенъ-Сакеномъ), что cotonia есть губоцвѣтное растеніе (labiata), а именно Satureja рудтеа (corniela по итальянски); но это растение не имъетъ у славянъ особеннато народнаго названія; всего ближе подходить къ нему Satureja hortensis, называемая въ южной Россін чаберъ. Есть одно губоцевтное растеніе, Nepeta cataria, котораго пародное русское названіе---кото в úкъ-казалось бы родственнымъ венетской соton е а; но его отличительные признаки не совсёмъ сходятся съ растеніемъ, которое описываеть Плиній». Другое венетское слово есть зева, кагь названіе коровы: Columella de re rust. IV, 24. Melius etiam in hos usus (T. e. для вскормленія телять). Altinae vaccae

204

ИСТОРІЯ СЛАВЯНЪ.

рагапtur, quas eius regionis incolae Geuas (другое, какъ намъ кажется, менъе правильное чтение Cevas) appelant. Eae sunt humilis staturae, lactis abundantes etc. Это слово впрочемъ не можетъ служитъ признакомъ для опредъленія народности венетовъ, ибо оно, очевидно, есть ничто иное, какъ общее арійское названіе для рогатаго скога, *газ или* и, къ которому принадлежитъ и славянская уменьшительная форма гов-адо и т. д.— Не изъ венетскаго ли языка заимствовано названіе тимавской рыбы laneus, которое приводитъ Марціалъ и надъ которымъ ломали себъ голову коментаторы (XIII, 89)?

Laneus Euganei lupus excipit ora Timacri-aequoreo dulces cum sale pastus aquas. Изъ этихъ словъ видно, что laneus была рыба хищная, входившая изъ морской воды въ ричную. Не знаемъ, соотвитствуетъ ли она рыби линь, какъ называется у русскихъ и хорватовъ Cyprinus tinca.

По указанию Филіаси (ПП, 404), венеціанцы въ старину устронваля мельницы на особыхъ баркахъ, которыя могли передвигаться по каналамъ и ставиться тамъ, гдъ теченіе было довольно сильно, чтобы приводить въ дъйствіе мельничное колесо. Эти барки имъли особое названіе—s andoni. Не есть ли это—славянское слово с ждъно, наше с у дно, въ которомъ у замъняеть первоначальный носовой звукъ ам?

Другое чисто-славянское слово мы находних въ названии barene, которымъ, по сицтистельству того же Филіаси (II, 232), означаются болота съ соляной водою, приимкающія къ лагунт у окрестностей древняго Альтинума. До сихъ поръ въ нарти словенцевъ бара и барина значитъ болото; у чеховъ барина употребляется въ томъ же смысли; у сербовъ мы находниъ бара въ значения лужа, а также (въ Хорвати) лугъ, такъ что слово это, очевидно, коренное славянское.

Въ немногихъ названіяхъ, сохраненныхъ древними изъ кран венетовъ, можно замътить по крайней мъръ одно отличительное свойство славянской ръчи, а именно силонность приставлять звукъ е къ словамъ, начинающимся съ гласныхъ: Плиній пшетъ: (ostium) Volane, quod ante Olane vocabatur; онъ же говоритъ: «portus qui Vatreni dicitur и Vatrenus amnis», но тамъ же продолжаетъ «Atrianorum pahudes... nobili portu oppidi Tuscorum Atriae a quo Atriaticum mare ante appellabatur, quod nune Hadriaticum».

⁴⁰) Уже Шафарикъ предполагалъ славянство италійскихъ венетовъ (Слав. Древи. верев. Бодянск. I, 2, 188 — 140), котя, къ сожалънио, не отвелъ ниъ того иъста въ древней исторіи славянь, какого они заслуживають. Большая же часть историковь, и особевно намецкие, не давая себа труда вникнуть въ вопросъ, повторяють до сняъ поръ другъ за другомъ фразу, что «венеты были племя илиройскос». Это основыва-DT. на одномъ словѣ Геродота, который, называя венетовъ, замѣчаетъ, что они «няъ плирійцевь» (Плицийи Енегойс. I, 196). Но нельзя внинть Геродота въ этомъ ошисочномъ опредълении, потому что онъ самъ же объясняеть, что не имълъ никакихъ свідіній о народахь, обитавшихь за оракійцами, что земля за Дунаемь казалась ену «пустынною и безконечною», и что онъ успъль получить свъдънія объ одномъ только вародъ тамъ обитавшемъ, называвшемся сигиннами и простиравшемся до венетовъ на Апріатний (У. 9). Въ такомъ же мраки находились, для Геродота, сами иллирійцы, о которыхъ онъ упоминаетъ только мимоходомъ, не дълая имъ никакой характеристики, тогда какъ всякій разъ, когда рёчь зайдеть о народё ему сколько нибудь извёстномъ, Геродоть на немъ останавливается и старается изобразить его подробно. Удивительно 4, что при совершенномъ отсутствія свёдёній и объ иллирійцахъ и обо всёхъ вообще странахъ и народахъ, которые находились къ съверозападу отъ Греціи, онъ могъ вриченить венетовъ въ илирийцамъ, которые были ихъ сосъдяни? Но на этомъ однонь выражении Геродота твиъ менее следовало опираться, что никто другой изъ исателей древности его не подтверждаеть и даже не повторяеть.

44) Письмо папы св. Григорія I, іюля 600 г. «de Sclavorum gente conturbor, quia per Histriae aditum jam ad Italiam intrare coeperunt» (Erben, Reg. Boh. 1). 49) Именно, въ долинѣ Резія, въ Венеціанской области имиѣшияго Итальянскаго королевства и долинѣ Сочи (Isonzo) въ Горицеомъ враѣ, пограничномъ съ втою областью.

43) Полябій (умершій въ 122 году до Р. Хр.), разсказывая о завоеванія галлами принадлежавшихъ этрускамъ земель въ съверной Италія, замѣчаеть, что край, прилегающій къ Адріатическому морю, занимало другое племя, весьма древнее, называемое венетами; обычаями и образомъ жизни они не много отличаются отъ кельтовъ, но употребляютъ другой языкъ: II, 17.

44) Иліада, П, 852:

Παφλαγόνων δ'ήγειτο Πυλαιμένεος λάσιον κήρ εξ Ἐνετῶν, ὅθεν ήμιόνων γένος ἀγροτεράων, οξ ρα Κύτωρον ἔχον καὶ Σήσαμον ἀμφενέμοντο, ἀμφί τε Παρθένιον Ποταμον κλυτά δώματ ἕναιον, Κρωμνάν τ' Λίγίαλόν τε καὶ δψηλοῦς, Ἐρυθένους.

Гомеръ упомиваетъ въ другомъ мѣстѣ, что этотъ Пилеменъ былъ убитъ подъ Троей Менелаемъ, и что тотъ же Менелай, въ другомъ сраженіи, убилъ и сына его Гарпаліона. (Ил. V, 576. XIII, 648).

45) Страбонъ XII, 3, § 8: δια χωρίων ανθηρών φερόμενος.

4) Развалины эти называются Каруджачиле - бурунъ и призникаются учеными изслёдователями за остатки г. Кромны.

⁴⁷) Болѣе 100 стадій, по опредѣленію Страбона, ХП, 3, § 10. Относительно бывтей туть деревни Страбонъ замѣчаетъ, что вмѣсто «Эгіалъ» ниме читали у Гомера «Кобіалъ» (или «Кробіалъ»). См. Eustath. ad. Il. II v. 855.

48) Гдѣ нынѣ Чакрасъ-кой. По другимъ извѣстіямъ, Эритины быль городь въ Пафлагоніи: Eustath. ad. II. II v. 855: Έρυθινοι δέ, πόλις Παφλαγονίας και αστή, παρά το έρευθος, ώς λέγει δ γράψας τα έθνικα, δ δέ γεωγράφος (τ. ε. Страбонъ) φησίν δτι δύο είσι σχόπελοι οί νῦν Ἐρυθινοι. λέγεται δέ οΰτως από τῆς χρόας.

⁴⁰) См. Отрабона XII, 3. § 5. Западный, лёвый берегъ Партенія Каллистенъ считаль принадлежавшимъ другому племени, а именно кавконамъ, и хотёлъ въ этомъ смыслё исправить чтеніе вышеприведеннаго мёста Иліады. Свидётельство Каллистена объ энетахъ на р. Партеній особенно важно, потому что онъ, какъ участникъ походовъ Александра Великаго, который проходилъ черезъ эту страну, могъ имёть о ней самыя точныя свёдёнія.

50) КВИНТЪ Курцій (III, 1): Jamque ad urbem Ancyram (ВЫН. Ангора) ventum crat, ubi numero copiarum inito, Paphlagoniam intrat; huic iuncti erant Eneti, unde quidam Venetos trahere originem credunt.

⁵¹) Страбонъ XII. 3. § 5. ой уйо деіхичодаі фась ийи Енетойс ён тё Пафдауонія. Хотя Корнелій Непоть (современникъ императора Августа) называль энетами жителей г. Кромны (Plin. VI, 2), однако показаніе Страбона, что энетовъ въ его время уже не было въ Пафлагоніи, заслуживаеть большаго втроятія, такъ какъ самъ онъ быль уроженецъ состанято города Амасіи. Корнелій Непоть, повидимому, основывался не на современныхъ данныхъ, а на словахъ Иліады.

⁵²) Страбонъ XII, 3, § 25. При этомъ Страбонъ замѣчаетъ (тамъ же и § 8), что ученый Зеподотъ (умершій въ 245 г. до Р. Х.) въ приведенномъ мѣстѣ Гомера вмѣсто *ξξ* Ἐνετῶν (изъ Энетовъ) предлагалъ чтеніе: *ξξ* Ἐνετῆς (изъ Энеты) и относилъ эти слова къ городу Амису. См. объ этомъ также коммептарія Евстаеія къ Иліадѣ, β. 852.

⁵³) Βυ эτοй μέςτности быль и Генетейскій мысь: Страб. XII, 3 § 17. άχρα Ίασόνιον χαί δ Γενήτης (нынь Вона-бурунь). Ο немь упоминается два раза и въ Аргонавтикахь Аполлонія: Άγχι δε ναιετάοσσι πολύρρηνες Τιβαρηνοι—Ζηνός Έυξείνοιο Γενηταίην υπέρ άχρην (II 378); Β Γενηταίου Διος άχρην γνάμψαντες (II, 1009—1010).

M) Plin. VI, 4: (oppida) Amazonium, Themiscyra, Sotira, Amasia, Comana, nune

Matium. Gentes Genetarum, Chalybum, oppidum Cotyorum, gentes Tibareni etc. Впрочемъ, слѣдуеть замѣтить, что по мнѣнію Меандрія, приводямому Страбономъ, тамошніе энеты съ теченіемъ времени слынсь съ каппадоками. По этому можно закнючить, что Плиній, писавшій нѣсколько десятковъ лѣть послѣ Страбона, заимствоваль свѣдѣніе о генетахъ въ этой странѣ нвъ какого-нибудь стараго источника, въ дѣйствительности же они не составлями особаго народа въ его время.

⁵⁵) Pomponius Mela I, 2. Medi, Armenii, Commageni, Murrani, Veneti, Cappadoces, Gallograeci и проч. Судя по порядку этого исчисленія, венетовъ нужно пом'єстить на верховьяхъ Галиса (Кизиль-Ирмака), гді былъ небольшой край Муріана и область Каппадокія.

••) Геродотъ, IV, 12.

⁵⁷) Геродогъ увъряетъ, что книжерія шли въ Малую Азію берегомъ Чернаго моря, тогда какъ скнем, въ своихъ вторженіяхъ изъ черноморскихъ степей въ занадную Азію, держались средиземнаго пути, «пивъ Кавказскія горы на правой рукъ». Нъкоторые учение оспариваютъ первое изъ этихъ показаній, по причинѣ естественныхъ преградъ на пути по черноморскому берегу, и полагаютъ, что книмеріи тоже должны были проходить такъ - называемыми Кавказскими воротами (см. Herodotus, by Rawlinson, I, 370. III, 11). Впрочемъ, этотъ вопросъ не имѣетъ существеннаго значенія.

⁵⁰) Книмерін нёсколько разъ вторгались въ Малую Азію. Если, какъ это весьма вёроятно и какъ утверждаетъ Геродотъ, эти вторженія были въ связи съ переходомъ сквеовъ въ Европу, то они начались еще прежде времени Гомера. Это признавали и древніе. Страбонъ прямо говоритъ, что первыя вторженія киммеріевъ, въ Малую Азію случились около времеви Гомера или нёсколько прежде (I, 2, § 9. Ш 2, § 12), а Евсевій полагаетъ первое нашествіе киммеріевъ въ Малую Азію за 300 лѣтъ до 1-ой олимпіады, что составляетъ 1076-й годъ до Р. Хр.

⁵⁰) Страбовъ XII, 3 § 8: άλλοι δὲ (Ἐνετούς φασι) φῦλον τι τοῖς Καππάδοξιν Εμορον ςτρατεῦσαι μετὰ Κιμμερίων, εἶτ ἐκπεσεῖν εἰς τὸν ἀδρίαν.

••) Исторія Арменін, Монсея Хоренскаго, переводъ Эмина, стр. 81: «Отпустивъ такныть образомъ дюдей западныхъ странъ, (царь армянскій) Вахаршакъ (149 - 127 то Р. Хр.) спускается на пастбищныя мёста близь владеній Шарая, называемыя превними Верхнимъ или Безлфснымъ Басіаномъ; мфста, которыя впослядствій были заселены переселенцами Вёхёндуръ (?) Булгара Вёнда, и по имени его (?) названы Ванандомъ. Селенія этихъ переселенцевъ до сихь порь называются именами братьевъ и потонковъ его (Венда).» Г. Ланглуа (Collection des historiens .de l'Arménie, I 45), который также признаеть упоминаемых армянскимъ историкомъ переселенцевъ за вендовъ или антовъ, т. с. славянъ, переводить это замъчательное мъсто следующимъ образомъ: «Ayant ainsi congédié les hommes de l'occident, (le roi Valarsace) descend dans les prairies verdoyantes, pèes des domaines de Schara, que les anciens appelaient Pasène supérieure ou déboisée. Plus tard, et par suite de l'établissement dans ces lieux de la colonie de Veghentour Boulgar de Vount (Ventour Poulgar de Vent, selon quelques msc.), le pays fut appelé de son nom Vanant; et les villages sont appelés jusqu'à présent du nom de ses frères et de ses descendants».-Bce это мѣсто заключается въ той (древнъйшей) части исторіи Арменіи, которую Монсей Хоренскій, по его собственному показанию, заимствоваль изъ сочинения сприйца Маръ-Апасъ-Катина, получившаго отъ упоминаемаго здъсь царя Вахаршака поручение изложить происхождение и сульбы Армянскаго народа. Книга этого сирійскаго писателя относится ко второй половинѣ II-го вѣка до Р. Хр. (она кончается царствованіемъ Аршака I, преемника Вахаршакова, 127 — 114 до Р. Хр.). Такинъ образомъ, если бы извъстіе о переходъ коловія вендовъ въ Араратскую область принадлежало самому Маръ-Апасъ-Катинъ. то событие это относнаось бы во П-му в. до нашего абтосчисления и могло бы быть

207

въ связи съ образованіемъ тѣхъ поселеній венетовъ нли генетовъ въ Каппадоків, о которыхъ упоминаютъ Страбонъ, Помполій, Мела и Плиній. Но при чтеніи армянскаго историка нельзя, кажется, не прійти къ убъжденію, что въ оригиналѣ Маръ-Апасъ-Катины говорилось просто о прибытіи царя Вахаршака въ Басіану, слова же, что впослѣдствіи этотъ край занятъ былъ переселенцами Булгара-Венда и т. д., приблыены Монсеемъ Хоренскимъ, ибо все это мѣсто имѣеть вполнѣ характеръ юскинтельнаго примѣчанія, вставленнаго въ тексть.

61) Страб. ХП, З § 8: ζητοῦσι δὲ, τίνας λέγει τοὺς Ἐνετοὺς ὁ ποιητής... οὐ γὰρ δείχνυσθαί φασι νῦν Ἐνετοὺς ἐν τῆ Παφλαγονίς; οἱ δὲ χώμην ἐν τῷ Λεγιαλῷ φασι δεχὰ σχοίνους ἀπὸ Αμάστρεως διέχουσαν κ υρου. Изъ послѣднихъ словъ кожно, кажется, заключить, что въ этой послѣдней деревиѣ (см. выше, примѣч. 47) всего долѣе удерживалась память объ энетахъ.

ся) Можно бы указать, въ тёхъ мёстностяхъ, гдё жили эти энеты или венеты, нъсколько именъ, напоминающихъ славянские звуки, какъ напр. гомеровскую Кромии. Заюру (Záyweor, Záyw ea) въ Пафлагонін (нынь гора Загра на югь оть Кидроса), Блаэна, названіе плодородной містности въ Пафлагоніи у подошвы горы Омассиса, Страб. XII, 3. § 40, (сравн. слав. корен. блана, блона, развинна) и т. д., но нельзя решить, не принадлежали ли эти слова и какому-либо изъ туземныхъ арійскихъ нарёчій. Также слишкомъ опасно бы было относить въ славянскому корию те имена, которыя Страбонъ (тамъ же, § 25) приводить въ подтверждение показания Меандрия о каппановійскихъ энетахъ (см. выше, примѣч. 53). «Съ этимъ обстоятельствомъ (т. е., что энеты некогда жили въ Канпадокія), говорить онъ, согласуется по видимому то, что вся Каппадокія близъ Галиса (нынѣшняго Кизиль-Ирмакъ), сопредѣльная съ Пафлагоніей, употребляеть оба языка и полна пафлагонскихъ именъ, какъ-то Багасъ и Біасась в Айніатесь, в Ратотесь в Зардокесь в Тибіось, в Гасись в Одигасись и Манесъ». Здёсь Страбонъ, очевидно, принималь древнихъ жителей Пафлагонін, энетовъ, за коренныхъ пафлагонцевъ н'доказывалъ прежнее присутствіе энетовъ въ Каппадокін тёмъ, что тамъ, кромѣ канпадокійскаго языка (принадлежавшаго, кажется, къ семитическому корию), употреблялся и пафлагонскій. Дъйствительно, ниена, которыя онъ приводить, большею частію сходны съ именами, встр'вчающимися у разныхъ народовъ оракійскаго племени, въ составъ котораго входили, безъ сомитнія, и пафлагонцы; впрочемъ, въ нёкоторыхъ изъ этихъ именъ, быть можетъ, слышится и славянскій звукъ.

⁶⁰) Онъ написалъ, кромъ извъстныхъ намъ его сочиненій о походахъ Александра Македонскаго и объ Индін, книги о пареянахъ (Παρθικά), объ аланахъ (*πλανικά*), о Виеннін (Βιθυνικά). Самъ онъ былъ родомъ изъ Никомидіи и при императоръ Адріанъ правилъ Каппадокіею.

4) ΕΒςταθίκ ΒΣ ΠΡΗΜΆΥΔΗΊΑΧΣ ΚЪ ДΙΟΗΗCID Περίειτετ (CTHX. 378): την δέ οηθείσαν Ένετίαν νῦν μέν Βενετίαν φαμέν, χαθότι χαὶ 'Αρριανός φησίν ὅτι Ἐνετοὶ πονήσαντες ἐν μάχη χατὰ 'Ασσυρίους χαὶ ἀποπεράσαντες εἰς Εὐρώπην, ϣێίσθησαν πρός Πάδω τῷ ποταμῷ, χαὶ τῆ ἐπιχωρίω γλώττη Βενετοὶ ἐς τοῦτο ἔτι ἀντὶ Ἐνετῶν χληῖξονται.... Φασὶ δὲ αὐτοὺς ἐξ Ενετῶν τινων ἀνδρῶν Ασιανῶν χατάγεσθαι, οἰ πονήσαντες, ὡς ἐρρέθη ἔν τινι πολέμω, εἰς την Εὐρώπην ἔφυγον. ᾿Αλλοι δὲ ἐχ τῶν χατὰ Παφλαγονίαν Ἐνετῶν αὐτοὺς τὴν τοῦ γένους ῥίζαν ἑλχειν φασὶ, φύλουἀ ξιολόγου πλανηθέντος μετὰ τὴν τὴς Τροίας ἅλωσιν Η προψ.

⁶⁶) Онъ объёзжалъ берега Чернаго моря и отдавалъ о своемъ плаваніи отчетъ императору Адріану; онъ старался между прочимъ собирать, въ видахъ политическихъ, свёдёнія о Воспорскомъ царствё по случаю кончины тамошняго царя Котиса (въ 132 г.). Вотъ, кажется, прямой источникъ свёдёній Арріана о венетахъ и о сказаніяхъ, существовавшихъ на счетъ перехода ихъ изъ Азія въ Европу.

66) 1270 годъ считается началомъ, 744 годъ концомъ великаго завоевательнаго

ИСТОРІЯ СЛАВЯНЪ.

государства ассирійскаго: см. между прочниъ: Essay on the Chronology and history of the great Assyrian empire, въ приложеніяхъ къ I-му тому Раулинсонова изданія Геродота. Его же: The five great monarchies of the ancient eastern world.

⁶⁷) Lucan. Pharsal. I.... Quoties Romam fortuna lacessit,

Hac iter est bellis.

Западные Альпы, какъ извъстно, считались непроходимыми до вторжения галловъ.

⁶⁶) Объ взобилін лёсовъ въ венетскомъ край еще во времена римскаго влаличества см. Filiasi, Memorie storiche de'Veneti primi e secondi, т. П. стр. 30 и слъд. У Филаси приведены всё свидътельства о разныхъ древесныхъ породахъ, упоминаемихъ древними авторами въ этой странъ.

⁶⁹) Servius ad Aen. I, 242. Capto Ilio Menelaus memor se et Ulixen beneficio Antenoris servatos cum repetentes Helenam ab eo essent suscepti, ac pene a Paride aliisque iuvenibus interempti essent, parem gratiam reddens inviolatum dimisit, qui cum uxore Theano et filiis Helicaone et Polidamante ceterisque sociis in Illyricum pervenit et bello exceptus ab Euganeis et rege Veleso, victor urbem Patavium condidit; id enim responsi acceperat # DDOL, (CM. BHINE UDHNEL 21)—Liv. I, 1. Casibus variis Antenorem cum multitudine Henetum, qui, seditione ex Paphlagonia pulsi, et sedes et ducem, rege Pylaemene ad Troiam amisso, quaerebant, venisse (constat) in intimum maris Hadriatici sinum; Euganeisque, qui inter mare Alpesque incolebant, pulsis, Henetos Troianosque eas temisse terras; et in quem primum egressi sunt locum, Troia vocatar, pagoque inde Troiano nomen, est; gens universa Veneti appellati. Sil. Ital. VIII, 604-606: Tum Troiana manus, tellure antiquitus orti—Euganea profugique sacris Antenoris oris;—nec non cum Venetis Aquileia superfluit armis.

⁷⁰) Въ этрусскихъ надинсяхъ мы находниъ ния женское Velesa и родовое назвяне Velsi, повторяющееся въ разныхъ формахъ: Velsi, Velsial, Velsis и т. I. (см. Fabretti 1918, 1919). Какой-то Velesus является и въ римской исторіи при парѣ Нумѣ (Plutarch. Numa 5).

¹¹) CM. OCOGEHHO: Liv. V. 33. (Tuscorum colonize) trans Padum omnia loca, excepto Venetorum angulo, qui sinum circumcolunt maris, usque ad Alpes tenuere. Alpinis quoque ea (T. E. OTE STPYCKORE) gentibus haud dubie origo est, maxime Raetis; quos loca ipsa efferarunt, ne quid ex antiquo, praeter sonum linguze, nec eum incorruptum, retinerent.—Plin. III. 19. Raetorum et Euganeorum Verona... Raetos Tuscorum prolem arbitrantur a Gallis pulsos duce Raeto. Verso deinde Italiam pectore Alpium Latini inris Euganess gentes, quarum oppida XXXIIII enumerat Cato. Ex iis Triumpilini, venalis cum agris suis populus, dein Camuni H T. J. TAME SE CAOBA ALENIE SPAHERECEATO TPOФES ABFYCTA. Gentes Alpinae devictas Triumpilini Camuni H проч. Имена ЭТНХХ ЭВГАНЕЙСКИХЪ ЕОЛЪЯТЬ СХХРАНЯЦИТСЯ ДО СИХЪ ПОРЪ ВЪ АЛЬШЙСКИХЪ ДОЛИНАХЪ: val di Trompia H val Camonica.

²³) Eu — ganei: eu coorstruteyert древне-арійскому предлогу ава, поздніе сопращенному славянами въ у; во второй части слова мы предполагаемъ арійскій корень зан, слав. гон — ударять, гнать.

¹³) ПТОЛ. III, 1. § 32. Вехоичыч, об ейсич алд бисемс Ойенетиас. Оданчиа Каффаха, Воетича, Андинов (блиатис). Эти мъста нынь, какъ кажется, называются: Fane, Caravaggio, Brentonico и Borgo d'Egna, — первое недалеко отъ Вероны къ съверу, три постъднія въ южной оконечности Тяроля (Тріентскомъ краз). Сравн. о тождествъ. Птолемеевыхъ бехуновъ съ эвганеями, Forbiger, Handbuch der alten Geogr. III. 560.

²⁴) Servius in Aeu. I. 243. Antenor non Illyricum, non Liburniam, sed Venetiam tenuit. Ideo autem Virgilius dicit Illyricos sinus, quod inde venit quidam Henetus (10 Apyrums чтеніямь: Enetus, Benetus) rex, qui Venetiam tenuit, a cuius nomine Henetiam dictam, posteri Venetiam nominaverunt. Ha этого же царя Венета указызаеть безъяменный разеннскій космографь, составлявшій въ IX в. свою княгу по раз-

Томъ V. -- Сентяврь, 1868.

Digitized by Google

٩

HEND'S, GOLDMED VACTIO APERHAN'S HOTOVHHEAN'S: Rav. Cosmogr. IV, 30. Item in regione Veneciarum est civitas ipsa Venecia appellata, sed veteri more Venecia nuncupata, eo quod ita a quodam rege nominata est, que valde convicinatur cum Altino atque Tarbision civitatibus, nec non Petavio urbe vetustissima.

⁷⁵) Иліада, 3, 148-154.

⁷⁶) Этоть характерь выдерживается и въ другихъ мъстахъ Иліады, а также въ эпическихъ поэмахъ, которыя потомъ писались въ ея дополненіе. См. также Euripid. fragm. apud Athen. XV, p. 665:

Εί μοι το Νεστόρειον εύγλιοσσον μέλος,

Αντήνορος δέ του Φρυγός δοίη θεός

Здѣсь Антеноръ ставится на ряду не съ воинственными героями, а съ извѣстнымъ въ Иліадѣ краснорѣчивымъ, но уже не владѣющимъ оружіемъ, старцемъ Несторомъ.

¹⁷) Полнбій (II, 17), не придававшій еще особеннаго историческаго значенія сакзанію о троянскомъ происхожденіи италійскихъ венетовъ, замѣчаетъ просто, говоря объ этихъ венетахъ, что «про нихъ составители трагедій сочинили много какихъ-то басепъ и разсказываютъ много дибовиннаго». Страбонъ (XIII, 1. § 53) указываетъ на Софокла, какъ на того писателя, который въ своей (до насъ не дошедшей) трагедія «Взятіе Иліона» представилъ, что Антеноръ съ своими сыновъями сталъ во главъ уцѣлѣвшихъ энетовъ и спасся съ ими во Оракію, откуда онъ затѣмъ привелъ ихъ въ «такъ-называемую Энетику на Адріатическомъ морѣ».

¹⁸) Сравни вышеприведенный презрительный отзывъ Полибія о «диковинахъ», разсказанныхъ сочнинтелями трагедій про венетовъ. Страбонъ (XII, 3, § 8) замѣчаетъ, что «по миѣнію, наиболѣе распространенному признается», что пафлагонскіе энеты, потерявъ своего вождя Пилемена подъ Троею, послѣ взятія этого города, перешли во Фракію и, скитаясь, прибыли, наконецъ, въ Италію: «имкоторые же, прибавляетъ онъ, soeopятя, что и Антенорз съ своими сыновьями участвовалъ въ этомъ походѣ и поселился въ углу Адріатики». Самъ же Страбонъ (IV, 4. § 1) не считалъ вообще происхожденіе венетовъ изъ Малой Азін вѣроятнымъ; а Діонъ Хрисостомъ (Півс.) положительно отвергалъ, какъ нелѣпость, миѣніе о приходѣ Антенора съ энетами изъ-подъ Трои въ Италію.

¹⁰) Какъ извѣстно, современные пуристы упрекали Ливія въ «патавинствѣ» (раtavinitas), т. е. въ оборотахъ рѣчи, не чисто-римскихъ, въ которыхъ отзывалось его патавинское происхожденіе. Слѣдовало бы нашимъ ученымъ натинистамъ изучить слогъ Ливія: можно сказать навѣрно, что эти чуждые обороты, которые ставились ему въ упрекъ, носять на себѣ отпечатокъ славянскагоЕсклада рѣчи, и ихъ могло бы почувствовать только. славянское ухо.

⁶⁰) Liv. I, 1. Судя по словамъ Плинія, Катонъ (умершій въ 149 г. до Р. Хр.) пустилъ въ ходъ' между римлянами мнънне о троянскомъ происхожденія венетовъ: Venetos Troiana stirpe ortos auctor est Cato (III, 19). Всябдъ за нимъ тоже утверждалъ Корнелій Непотъ (Plin. VI. 2). Cromna, quo loco Enetos adicit Nepos Cornelius, a quibus in Italia ortos cognomines eorum Venetos credere postulat. Затъмъ сказанія объ Антеноръ повториютъ: Впргилій (Aen. I, 242 и слъд.), Силій Италикъ (VIII, 604), Юстинъ (ХХ, 1), Эліапъ (Nat. Anim. XIV, 8), Аврелій Викторъ (I, 1) и др. Что, вирочемъ, и римяне не совсъмъ забыли, что Антеноромъ былъ замъненъ вождь, называвшійся Венетомъ, показываютъ приведенныя выше слова комментатора къ Виргилію, Сервія. Замътимъ еще, что въ подтвержденіе сказки о прибытіи родоначальника венетовъ изъподъ Трон, указывали на мъстность венетскаго побережья, называвшуюся «Троянскою волостью»; говорили, будто имя это она получила оттого, что мъсто, гдъ Антеноръ ступилъ на берегъ, онъ назвалъ Троею (Ливій: in quem primum egressi sunt locum, Troia vocatur, pagoque inde Troiano nomen est). Если, какъ нъть повода въ томъ со-

инваться, была такая мёстность на венетскомъ берегу, то имя это могло, конечно, считаться весьма убідительнымъ доказательствомъ троянскаго происхожденія венетовъ; между тёмъ «трояне» есть самое обыкновенное въ славянскихъ земляхъ названіе: въ одномъ Царствё Польскомъ мы находимъ 3 мёстности Трояновъ, 1 Трояново, 3 Трояны, 1 Трояновице, 1 Трояновэкъ; въ Чехіи тоже: Троя, Троянъ, Троянь, Трояновъ и т. д.

⁸¹) Dio Cass. LXII, 26 (Θρασίας) έν Παταβίο τη πατρίδι τραγοδίαν κατά τι πάτριον έν έορτη τινι τριακονταετηρίδι δποκρινάμενος. Замвчательно, что изъ христіанскихъ святыхъ Падуа усвоила себв Антонія, который считается покровителемъ этого города и пользуется тамъ необыкновеннымъ почитаніемъ. Въ день св. Антонія бываютъ въ Падув, на главной площади, конскія скачки, начало которыхъ, по разсказамъ жителей, восходить до глубокой древности. Нётъ ли въ этомъ Антоніи какого-нибудь отголоска прежняго Антенора?

⁸²) Въ древне-болгарскихъ памятникахъ словомъ чета переводятся: φάλαγξ, τάγμα, τάξις, συμμορία, φρατρία (см. словари Востокова и Миклопича); хорутанск. чета отрядъ войска, полкъ; сербск. чета — отрядъ и т. д. Корень въ древне-индійск. глаголъ чи, чи-ийми — собираю, причастіе чита-с — собранный въ рядъ (gereiht, geschaart).

⁶³) Тасіt. Ann. XVI, 21. Thrasea Patavi, unde ortus erat, ludis cetastis a Troiano Antenore institutis habitu tragico cecinerat. Это названіе ludi cetasti снаьно мучило ученыхъ издателей и комментаторовъ Тацита, и они придумывали разныя чтенія, чтобы замѣвить это непонятное названіе. Обыкновенно вмѣсто «cetastis» подлинника, поправляють «cesticis», производя имя патавійскихъ игръ отъ кожаныхъ «цестовъ», которыми обвивали себѣ руки для кулачнаго боя. Нелѣпость толкованія очевидна: такой человѣкъ, какъ Трасеа, едва ли выступнать бы на кулачномъ бою, да еще съ пѣніемъ «въ трагическомъ образѣ», какъ говоритъ Тацитъ. Гораздо проще объясняется дѣло, если, привявъ имя cetasti, какъ это п очевидно, за туземное венетское названіе, мы провзведемъ его отъ слова чета, въ смыслѣ собранія, отряда, дружины. Подлинность чтенія «cetasti» подтверждается найденною у древняго Апона надписью, въ которой мы находимъ это слово въ сокращении: cetaes., и гдѣ рѣчь идетъ, очевидно, объ мграхъ, хотя не все въ этой надписк понятно.

> q. magvrivs, g f. fab ferox lus. epidixib. et. cetaes. I. II. III. in greg. vetvrian quae. et. ivni orvm. a. a. dicavit. evras. VIII et. pertic. vncinor. XII. n. CCL. IX^a

(Katancsich, Geogr. epigr. I. 171. Historia di Padova di Sertorio Orsato 100).

⁸⁴) Ovid. Metam. I. 750 и сятд.; Нудів. 154; Nonnos 38, 108 — 435. Посятдяній эннзодъ обязанъ былъ, въроятно, своимъ происхожденіемъ необыкновенному обнаію дебедей на р. По и ся рукавахъ и вообще на водахъ венетскаго края. Сравн. Serv. ad Aen. XI, 457: Padusa, pars est Padi; nam Padus licet unus sit fluvius, habet tamen fluenta plurima e quibus est Padusa, quae quibusdam locis facit paludem, quae plena est cygnorum. Claudian. epist. ad Sevénam: olor iferi ab amne Padi.

⁸⁵) У Гомера Фаэтонъ есть просто эпитетъ самого солнца. Гезіодъ, въ своей Өеогонін, называетъ Фаэтона сыномъ злря, похищеннымъ выобленною въ него Афродитою; но въ другой, приписываемой тому же Гезіоду, поэмћ, судя по словамъ позднёйшаго инсателя Гигина, Фаэтонъ является съ чертами сходными съ тъмъ сказаніемъ, которое потомъ установилось о немъ; но объ Эриданъ тогда еще не было ръчи, какъ видно изъ замъчанія того же Гигина, что первый изъ грековъ упомянулъ объ этой ръкъ Ферекидъ (жившій отъ 600 до 515 г. до Р. Хр.).

⁶⁶) Негод. III. 115. Геродотъ приводитъ это мийніе, но объявляетъ при этомъ, что онъ съ своей стороны ему не върить, такъ какъ имя Эриданъ ему кажется греческимъ, сочиненнымъ какимъ-нибудь поэтомъ, да и онъ не встричалъ никого, кто могъ бы удостовирить, какъ очевидецъ, что въ той сторонъ Европы есть дъйствительно море. Этотъ отвывъ Геродота объясняется гъмъ, что онъ вообще не имълъ свъдъній о странахъ средней и западной Европы (ср. выше примъч. 40).

⁶⁷) Сложеніе словь: ара или ари, являющагося въ славянскомъ ярый и сроднаго древне-индійскому ара, быстрый, ар н, жадный (т. е., собственно, стремительный), враждебный, и дан въ смыслѣ «рѣка», слово, о которымъ было говорено выше (см. гл. L).

⁸⁶) Древніе ставния янтарь на ряду съ драгоцёнными камнями, которымъ, какъ извѣстно, приписывались разныя таниственныя и лечебныя свойства. Въ этомъ отношенія янтаремъ особенно дорожили греки: у римлянъ (въроятно, вслѣдствіе ихъ блязкихъ сношеній съ венетами, у которыхъ янтарь сдѣлался столь обыкновенною вещью, что янтаримя украшенія носили въ деревняхъ) онъ потерялъ значеніе и, по крайней мъръ во времена Плинія, въ І въкъ по Р. Хр., вышелъ изъ моды; въ силу янтаря върили тогда уже однъ женщины: см. Plin. XXXVII, 2.

⁸⁹) Plin. XXXVII, 3. Adfertur (sucinum) в Germanis in Pannoniam maxume, et inde Veneti primum, quos Enetos Graeci vocaverunt, famam rei fecere proxumique Pannoniae et agentes circa mare Hadriaticum. Обиліе янтаря, привознишагося къ венетамъ въ Италію, видно изъ того, что, по словамъ Плинія (тамъ же), въ его время поселянки края за Падомъ (т. е. венетской области и вообще верхней Италів) носили янтарныя ожерелья преимущественно какъ украшеніе, но отчасти и какъ цълебное средство: янтарь считался лёкарствомъ отъ желѣзъ и горловыхъ болѣзней, особенно распространенныхъ въ тѣхъ мѣстахъ.

*) Тождество русскаго баснословнаго камня датыря или адатыря съ янтаренъ и греческимъ *йлектооч*, тождество, на которое первый, кажется, указалъ Надеждинъ, не подлежитъ ни малъйшему сомнѣнію. Нельзя однако считать славянскаго слова заимствованіемъ отъ грековъ. Оба произошли изъ общаго арійскаго корня радж (или ардж, арч), блествть, съ извёстнымъ окончаніемъ тар, тра, означающимъ существо или предметъ, производящія какое-нибудь дъйствіе. Въ греческомъ виденъ и префиксь у (древне-индійск. предлогъ в), который можно бы было признать и въ руссвоиъ азатырь, озатырь, если бы эта форма не казалась позднёйшимъ иссаженіемъ въ выговоръ слова, сдълавшагося непонятнымъ, такъ какъ въ стихъ о Голубиной книгъ и въ былинахъ является простая форма датырь (камень-латырь, латырь-море,о чемъ будеть сказано въ другомъ мѣстѣ). Разница между греческимъ и славянскимъ словомъ та, что въ греческомъ сохранилась гортанная согласная корня передъ приставкою тра (*й-лежтеоч,* съ которымъ, замвтямъ кстати, совпадаетъ слово *длехтор*, блестящій, говоря о солицё), у славянъ же эта согласная пропала: ла-тырь вмёсто лак-тырь, точно также какъ въ древне-индійскомъ ра - тнам вмъсто рак - тнам, жемчугъ, драгодъеный камень (собств. блестящее). Что это слово латырь не было заниствовано отъ греческаго Пехтрои, а существовало у славянъ независимо, доказывается тъмъ, что была и другая форма свалатырь (самосвёть), сохраненная намъ Плиніемъ (XXXVII, 2.), ссылающимся на греческаго писателя Филемона (III въка до Р. Хр.): «Philemon fossile esse (sucinum) et in Scythia erui duobus locis, conditum atque cerei coloris, quod vocaretur electrum, in alio fulvom quod appellaretur sualiternicum». Tars sans cooственно въ Скноји, т. е. около Чернаго моря, янтаря нътъ, то нельзя сомнъваться, что это послёднее название sualiternicum (свалатырника) заниствовано было отъ славянъ или литовцевъ.

91) Корень въ древне-инд. дах, жечь, литовское дегу, дегти, жгу, жечь. У славить корень дег измѣнялся въ жег, но звукъ d сохраняется еще въ словѣ деготь.

⁹⁸) Эсхняъ посвятняъ баснѣ о Фаэтонѣ трагедію "Геліады", до насъ не дошед-

пую; Эвренната также пользовался этою басней для своей трагедін "Фаэтонъ", равнымъ образомъ утраченной.

⁹³) Эсхиль отождествляль Эрндань съ р. Роданомъ (Роной), но думаль, что она виздаеть въ Адріатику. Эврипидь принималь Эрндань прямо за итальянскую рѣку (По). У Платона мы читаемъ имя рѣки Эрндана (Critias III), но безь всякихъ указаній на ея мѣстоположеніе. Еще болѣе двухъ соть лѣть послѣ Эврипида (около 200 г. до Р. Хр.) Аполлоній Родосскій опять-таки помѣщаеть Эридань въ Италіи, а Роданъ (Рону) принимаеть за притокъ этого Эрндана (см. Argon. IV, 505 — 628). Аполлоній приводить при этомъ мимоходомъ, что кельты (безъ сомнѣнія, въ Италіи, гдѣ они ужэ находнянсь въ то время, когда писалъ Аполлоній, около 200 л. до Р. Хр.), считали янтарь за слезы Аполлона, несущіяся въ морской пучннѣ, слезы, которыя овъ пролыть безъ числа, когда, прогнѣвивъ своего отца (т. е. небеснаго бога Зевса), принуждевъ былъ покинуть небо и удалиться къ гипербореямъ, т. е. жителямъ Сѣвера (Argon. IV, 611 — 617). И здѣсь мы видимъ ту же связь янтаря съ солицемъ (Аполлонъ—богъ солица), и съ народомъ Сѣвера.

⁶⁴) См. Полнб. П, 16: Ό δέ Πάδος ποταμός, ύπὸ δὲ τῶν ποιητῶν Ἐριδανός ϑρυλλούμενος.... τάλλα δε τα περί του ποταμού τούτου ίστορούμενα παρα τοις Έλλησι λέλω δή τα περί Φαέθοντα χαί την εχείνου πτωσιν, έτι δε τα δάχρυα των αίγείρων, παι τους μελανείμονας τους περί τον ποταμόν οίχοῦντας, οὕς φασι τὰς ἐσθήτας εἰσέτι νυν φορείν τοιαύτας από του χατά Φαέθοντα πένθους, χαι πασαν δη την τραγικήν хаі тайту пробеськиїач йлуч — бпердубіцеда. Поздивите писатели иногда переносили Эриданъ въ область басни и отождествляли это имя съ самимъ Фаэтономъ: Serv. ad Aen. VI, 659: Eridanum Aratus in coelo esse dixit, haud longe a coelo. Hic et in terris est, qui in Italia, id est in Venetia, Padus vocatur: quem alii etiam ad inferos volunt tendere, alii nasci apud inferos et exire in terras.... Fabula haec est: Eridanus Solis filius fuit. Hic a patre impetrato curru agitare non potuit, et cum eius errore mundus arderet, fulminatus in fluvium cecidit; et tunc a luce ardoris sui Phaeton appellatus est et pristinum nomen fluvio dedit. Unde mixta haec duo nomina inter solis filium et fluvium invenimus. Къ баснословному характеру Эридана относится, кажется, пословица, вошедшая въ употребление у Римлянъ: "de Mincio in Eridanum emigrare", въ смыслѣ "перейти отъ върнаго къ невърному" (Mincius, или Минчіо — притокъ р. Пада): см. Augustin. ad Dioscorum ep. 118 (Op. II, 250) Non enim sic te prohibemus in incerto famse finem ponere, ut tanquam de Mincio in Eridanum emigres.

⁶⁵) См. объ этомъ Filiasi, I, 806 и слёд. Между прочимъ, озеро минеральной воды, о которомъ единогласно твердять всё древніе писатели, уже не существуетъ. Изъ письма у Кассіодора (П, 89) видно, что уже въ то время (т. е. въ VI столётіи) Апонскія воды начинали засоряться; готскій король Теодорикъ хлопоталъ объ ихъ возстановленіи.

⁹⁶) Догадка о значенія этого имени приведена выше, прим'я. 39

97) Lucan, Pharsal.: Venetae ex ordine gentes - Atque Apono gaudens populus.

Claudian. Idyll. Aponus:

Salve Pæoniae largitor nobilis undae,

Dardanii salve gloria magna soli,

Publica morborum requies, commune medentum

Auxilium, præsens numen, inempta salus.

9) Извістіе объ этихъ водахъ встрічается уже, какъ мы увидимъ ниже, въ книгіз Аристотеля (нін ему приписываемой, и во всякомъ случаї весьма древней) περί θαυμασίων άχουσμάτων.

⁹⁹) Вода эта была такъ горяча, что жители, по словамъ Плинія, употребляли ее какъ кипитокъ, чтобы варить зелень, и она сводила шерсть со шкуры ошпаренныхъ ею животныхъ (Cassiodor. II, 39).

¹⁰⁰) Claudian., тамъ же: Alto colle minor, planis erectior arvis, etc. Сравни длинное описаніе этихъ минеральныхъ водъ у Кассіодора (П, 39) и повёрку древнихъ показаній по нынѣшней мѣстности у Филіаси (І, 290—329).

101) Plin. II, 102: Patavinorum aquis calidis herbae virentes innascuntur. Klasgians ynomhuaers o томъ же.

102) Filiasi I, 305.

103) Aristotel. de mirab. auscult. 82. Ταύτας δε τάς νήσους (τ. θ. ήλεκτρίδας) φασί προκείωχεται τον Ήριδανον ποταμόν. Έτι δε λίμνη ξοικε πλησίον του ποταμού, υδωρ ξχουσα θερμόν etc.

104) Ορηδαςif (Collection médicale V, 3, πο παρηжск. нэд.), выписывая изъ Руфа, жнышаго около 100 л. по Р. Хр., говорить: αυτίχα υσως έν Λεοντίνοις έστιν, ου ην τις πίη, αποθνήσχει. τοϊον δε άλλο εν Φενεώ της Λοχασίας δ χαλουσιν υσως Στυγος, τοϊον δε άλλο έν Θραχη. χαι η λίμνη ή έν Σαυρομάταις, ήν ου δε δρνις υπερπτήναι φθάνει. Ποςιβαμία выраженія явно намекають на сказанів общензв стиое.

106) Греки считали цыцарокъ за превращенныхъ въ птицъ сестеръ Мелеагра.

106) Plin. XXXVII, 2. Sophocles... (sucinum) ultra Indiam fluere dixit e lacrimis meleagridum avium Meleagrum deflentium.

¹⁰⁷) Iordan. 29; см. выше. прим. 13.

¹⁰⁸) Plin. III 16: nobili portu oppidi Tuscorum Atrize, a quo Atriaticum mare ante appellabatur, nunc Hadriaticum.

¹⁰⁹) По нѣкоторымъ указаніямъ, Венетскій край прикасался только съ востока къ Гардскому озеру; но яногда озеро это включалось въ землю венетовъ: Serv. ad Aen. X, 205. Benacus lacus est Venetiae, de quo fluvius nascitur Mincius.

¹¹⁰) Оттого граница эта опредѣляется новѣйшими писателями такъ различно. Форбигеръ (Handbuch der alt. Geogr. III, 577) и др. считаютъ западною границею венетовъ р. Адижь; Филіаси (Memorie storiche de'Veneti, 2 изд. I 74) распространяетъ ихъ до Минчія; Маффен (Verona illustrata) — до Кьезія.

¹¹¹) Рѣка Адижь, сохрэняющая и въ равнинѣ какъ би характеръ горнаго потока, замѣчательна своимъ быстримъ и шумнымъ теченіемъ, тогда какъ параллельный ей Минчій, выходящій изъ озера, течетъ совершенно тихо и спокойно. Эта противоположность двухъ сосёднихъ рѣкъ замѣчена древними. См. въ особенности Claudian. Еріthalam. Pallad. et Celerinae:

> Undique concurrunt volucres, quaecumque frementem Permulcent Athesin cantu, quas Larius audit, Quas Benacus alit, quas excipit amne quieto Mincius; ereptis obnuduit unda querelis Eridani ripas, et raucae stagna Padusae Diffugiens nudavit olor.

¹¹³) Эти три формы употребляются древними писателями безразлично. Мы не внаемъ, произошло ли несходство ихъ отъ неодинаковаго произношенія этого имени у разныхъ туземныхъ народовъ, да и самое имя это темное; но, во всякомъ случаъ, оно имъетъ коренное сродство съ названіемъ другой ръки въ Венетскомъ же краъ, съ *Написономя* (нынъ Nadisone, по-словенски Надижа), протекающимъ къ востоку отъ Аквилен.

113) Plin. III, 19. Raetorum ct Euganeorum Verona.

¹¹⁴) Serv. ad Aen. X, 201. Origo Mantuanorum et a Tuscis venit, qui in Mantua regnabant, et a Venetis, nam in Venetia posita est. — Plin. III, 19. Mantua Tuscorum trans Padum sola reliqua. Sidon. Apoll. Epist. IX, 15. Venetam lacessat Mantuam. Виргилій, уроженець Мантун, говорить, что населеніе ся составляли три племени, вёроятно венеты, этруски и кромъ того умбры. Его комментаторъ Сервій признаваль, кажется, первенство за венетскою стихією въ населеніи Мантун, потому что предводи-

теля мантуанской рати въ Энендъ, Окна (Ocnus—fatidicae Mantus et Tusci filius amnis) онъ выдаваль за венета. Въ примѣчанія къ словамъ поэта: «quingentos—quos patre Benaco velatus arundine glauca—Mincius infesta ducebat in aequora pinu» (Aen. X, 204—206) Сервій иншетъ: Beuacus lacus est Venetiae, de quo fluvius nascitur Mincius. Jure ergo dux Venetus (рѣчь идетъ о вышеприведенномъ мантуанскомъ вождѣ Окнѣ) fluv ium provinciae suae depinxit in navi, quem Benaci filium, quia ex ipso habet originem, dicit.

¹³⁶) Macrob. Saturn V. 2. Unde enim Veneto, rusticis parentibus nato, inter silvas et fvtices edruo, vel levis Graecarum notitia literarum.

¹¹⁶) Это сябдуеть заключить изъ теперешней разности нарфчій, замбчаемой между населеніемъ на востокъ отъ р. Минчіо, т. е. вероцезцами, и брешіанцами, ихъ сосбдями къ западу. «Есть поразительное различіе въ произношеніи между брешіанцами и веронезцами, пишетъ Филіаси, а также въ нарбчіи тбхъ и другихъ. Брешіанцам имѣютъ шероховатый и жесткій выговоръ, какъ и другіе жители Ломбардіи, а у веронезцевъ выговоръ мягкій и нѣжный, совершенно сходный съ нарбчіемъ вичентинцевъ, падуанцевъ и остальныхъ венеціанцевъ»: Filiasi, I, 77 (сравни также Maffei, Ver. ill. I, 12). По замѣчанію того же автора, пограпичную черту между обонми нарѣчіями, ломбардскимъ и венеціанскимъ, составляетъ Гардское озеро и р. Минчіо.

¹¹⁷) Восточная часть Альпійскаго хребта, тамъ, гдѣ онъ ограничивалъ землю венетовъ, называлась въ древнѣйшее время венетскими Альпами и впослѣдствін, подъ римскимъ владычествомъ, получила имя юлійскихъ (Amm. Marc. XXXI, 16: Alpium Juliarum, quas Venetas appellabat antiquitas). Венеты, какъ видно по всему, заняли только равнину до подошвы этихъ горъ, приблизительно въ предѣлахъ вынѣшпей Венецізнской области. Нагорная страна осталась въ рукахъ туземнаго племени, которое обнимали общимъ именемъ ретовъ и къ которому принадлежали и эвганеи. Самое подробное исчисленіе колѣнъ этого племени на Альпійскомъ трофеѣ Августа (см. Plin. III, 20). О дикости альпійскихъ горцевъ въ древности ми имѣемъ множество свидѣтельствъ, которыя было бы лишнимъ помѣщать здѣсь. Приведемъ только одно, потому что въ немъ рѣчь ядетъ о венетскомъ Антенорѣ. Serv. ad Aen. I, 243 примѣч. къ стихамъ: «Antenor potuit, mediis elapsus Achivis — Illyricos penetrare sinus atque intima tutus — regna liburnorum»: *tutus*: ideo tutus, quia Raeti Vindelici ipsi sunt Liburni, sa evissimi ad mo dum populi.

¹¹⁸) Границу между землею венстовъ и истровъ составляла, по крайней мъръ во времена римскаго владычества, мъстность, называвшаяся Тимавомъ (Страб. V, 1 § 9), между нынъшнимъ г. Тержичемъ (а по-итал. Монфальконе) и станціей Набрежиной; о Тимавъ см. ниже.

¹¹⁹) Плин. III, 21. Conventum Scardonitanum petunt Japydes et Liburnorum civitates XIII, e quibus Lacinienses, Stlupinos, Burnistas, Olbonensis nominare non pigeat. Птолемей приводить въ числь городовъ Либурніи Σλούππι. Шафарикъ вполит справедливо отождествляеть этоть городъ съ Столпомъ, Στόλπον, въ приморской Хорватін, упоминаемымъ у Константива Багрянороднаго между Хлѣвномъ (имит Ливно въ Босніи) и Тинномъ (имит Книнъ въ Далмаціи); но положеніе его можетъ быть опредѣлено только приблизительно по этимъ указаніямъ.

¹⁵⁰) Это несомићено доказывается какъ всћиъ, что намъ извъстно о характерѣ народовъ, обитавшихъ тамъ въ древности, такъ и совершенно не-славянскимъ типомъ именъ мъстныхъ и личныхъ того края. Славяне, занявшіе его въ VI или VII столѣтіи по Р. Хр., передѣлали эти имена на свой ладъ; но и самяя эта передѣлка показываетъ, что славяне имѣли тутъ дѣло съ словами изъ чужого языкв. Наконецъ, и саммя племена, населявшія этотъ край въ древности, носять названія совершенпо чуждыя славянской рѣчи, кромѣ приведсныхъ выше стлупиновъ. ¹⁹¹) Crpa6. VII, 5 § 4. «Ιάποσες χατάστιχοι δμοίως τοις άλλοις Ίλλυριοις χαί Θραξί.

¹³²⁾ Strab. VII, 5 § X. Ливій (X, 2) говорить также, по поводу событій 301 г. до Р. Хр.: Illyrii Liburnique et Istri, gentes ferae et magna ex parte latrociniis maritimis infames. Свидътельствъ объ этомъ историческомъ характеръ племенъ, владъвшихъ восточнымъ берегомъ Адріатики, можно бы привести множество изъ всъхъ писателей древности, которые только ихъ касались. См. въ особенности Polib. II, 8; Diodor. XV, 13; Appian. Illyrica.

¹³⁸) Время кельтскихъ завоеваній къ свверу и югу отъ Альпъ опредъляется съ одной стороны тёмъ, что эти завоеванія совершились посать времени, когда инсалъ Геродоть (450 лётъ до Р. Хр.) и должны были предшествовать нападенію кельтовъ на Римъ (390 или 388 г.), а также ихъ сношеніямъ съ Алебсандромъ Македонскимъ (335 г.), когда они являются обладателями страны на съверъ отъ Адріатическаго моря. См. Contzen, die Wanderungen der Kelten, 102—104, гдъ внолить доказана несостоятельность извёстія Ливія, отдъляющаго долгимъ срокомъ (200 л.) вторженіе галловъ въ Италію отъ ихъ нападенія на Римъ. По извёстію, сохраненному Аппіаномъ, вторженіе въ Италію случилось въ 392 году до Р. Хр. (97-я олимпіада); показанія о нападеніи на Римъ колеблются между 390 и 386 годами.

¹²⁴) О томъ, что карны принадлежали къ кельтскому племени, мы имбемъ свидътельства несомифиныя (см. Contzen 54). Впрочемъ самое имя ихъ кельтское и значитъ до сихъ поръ у кельтовъ: скала.

¹²⁶) Нынѣшнее населеніе альпійскаго предгорья и бликайшихъ къ Альпамъ равнинъ въ восточной части Венеціанской области (Удинскомъ или, по-славянски, Видеискомъ краз), отъ границъ славянскаго племени` по р. Сочѣ (Изонцо) до р. Ливенцы, говорить особымъ романскимъ нарѣчіемъ, рѣзко отличающимся своими шероховатыми звуками отъ мягкаго, плавнаго нарѣчія венеціанскаго. Это нарѣчіе такъ называемое фріульское или фурлянское. Весьма вѣроятно, что оно обозначаетъ собою потомковъ карновъ, также какъ нарѣчіе венеціанское — потомковъ венетовъ. Въ самой Краниѣ кельтскіе карны исчезли подъ новою волною славянской, захлынувшею эту страну въ VI вѣкѣ по Р. Хр.

126) Воть слова, какими греческій историкъ Діодоръ (писавшій въ І-мъ вѣкѣ до Р. Хр.) характеризуеть этоть народь, быть котораго должень быль имъть самое решительное вліяніе на венетовъ, вытёснившихъ его изъ сёверо-восточной Италін: «Тиррены (такъ называли греки этрусковъ), въ древности отличавшіеся своимъ мужествоиъ, владели общирною страною и построили много значительныхъ городовъ. Также обладали они большими морскими силами и долго властвовали на моръ, давъ свое ния омывающему (западный) берегь Италія морю. Стараясь объ усовершенствовани пъшаго строя, они изобръзи военную трубу;... чтобы возвысить власть военачальниковъ, окружнан ихъ жезлоносцами (ликторами), дали имъ съдалище изъ слоновой кости и мантію, окаймленную пурпуромъ. Чтобы удалить отъ себя шумъ толим служителей, придумали строить портнии у домовъ.... Особенно занимались они письмевностью, изучениемъ природы и боговъ (фильдориан хай деодориан) и более всъхъ людей выработали проридание по молнин..... Обладая страною плодородною, они не только живуть въ довольстве, по имеють даже излишки, позволяюще наслаждения и роскошь. Два раза въ день изготовляють они себѣ обильную трапезу и, не говоря о другихъ предметахъ роскоши, у нихъ іля возлежанія ковры съ рисунками цвётовъ; на столъ ставится множество серебряныхъ ковшей; прислуживаетъ не малое число рабовъ, наз которыхъ один отличаются красотою, другіе щеголяютъ богатствомъ одежды болве чёмъ пристойно рабскому состоянию...» (Diodor. V, 40).

¹²⁷) Скимиъ Хіосскій, ст. 375—390. — Скимиъ (писавшій около 90 г. до Р. Хр.). самъ указываеть, что онъ почеринулъ свое описавіе Адріатическаго поморья у Өеопомпа (жнышаго въ 374—305 г.), и потому его показанія относятся въ этомъ случай по времени сего послёдняго. Онъ прибавляеть, на счеть климатическихъ особенностей ' всистскаго края, что страна эта замёчательна внезапными перемёнами въ воздухё, особливо лётомъ, вихрями, грозами и смерчами. Справедливость этого наблюденія подтверждается и теперь: см. Филіаси, II, 8.

¹³⁸) Страбонъ V, 1 § 4, 5.—Влажность и теплота климата имѣли конечно послѣдствіемъ и то, что венетскій край изобиловалъ насѣкомыми. Изобиліе это было таково, что существовало народное миѣніе, булто сами деревья въ землѣ венетской порождали изъ себя червей. Augustinus contra Faustum VI (t. VIII, p. 150): animalium corpora, quae non de concubitu oriuntur, sicut sunt innumerabilia genera vermium, quorum nonnullos vulgo edunt quaedam Venetiæ regiones ex arboribus natos.

¹⁸⁹) См. выше примъч. 123. Вторженіемъ галловъ, совершившимся около 400 г., этруски были оттѣснены далеко отъ гранидъ венетовъ.

¹³⁰) До сихъ поръ въ странѣ венетской, въ Патавін, Виченцѣ, Атесте, а также въ Адрін и Веронѣ, найдено до 27 памятинковъ съ остатками письменъ неримскихъ (см. Fabretti, Glossarium italicum, inscr. Italiae superioris n.n. 13—40, и Mommsen, die nordetruskischen Alphabete). Но изъ нихъ только 7 или 8 представляютъ два или нѣсколько цѣихъ словъ. Слова эти писаны буквами, весьма похожими на этрусскія, и по звукамъ ногазываютъ, насколько можно судить при такомъ недостаточномъ матеріалѣ, сходство съ надписями, найденными въ Тиролѣ, Тессинѣ и другихъ альпійскихъ странахъ. Это заставляетъ думать, что надписи венетскаго края принадлежатъ нарѣчію первоначальныхъ, сродныхъ этрускамъ и альпійскимъ ретамъ, жителей этой страны, или такъ называемыхъ эвганеевъ. Вѣроятно, что венеты, при завоеваніи сѣверо-восточваго угла Италіи не обладавшіе знаніемъ письменъ и на той ступени развитія, на которой они остались, не ощущавшіе особенной потребности въ грамотѣ, прибѣгали въ сијчаяхъ необходимости къ письменности туземцевъ. Извѣстна только одна, найденная бизъ Гардскаго озера, надпись, которая вовсе отличается по характеру отъ эвганейсинъ. Первыя четыре строки представляють слова:

TETVMVSSEXTIDVGIAVA $SA|\mathbf{X}|ADIS;$

затьих ндуть двъ строки, писанныя совершенно оригинальными, непонятными письменами.-Подробности о всъхъ этихъ надписяхъ см. въ вышеприведенномъ сочиненіи Момизена.

¹³¹) Такъ извъстныя въ исторіи имена Arrius, Paetus, Caecina происхожденія этрусскаго, какъ видно по сравненію этихъ именъ съ именами на этрусскихъ гробиндахъ (см. эти имена въ словарѣ Фабретти). Впрочемъ, нітъ причины полагать, что сами роды, носившіе ихъ, были изъ Этруріи. Имена могли быть заимствованы, каєъ общчаи, наряды и т. под. Съ другой стороны замѣтимъ, что на нѣсколькихъ этрусскихъ гробницахъ встрѣчаются имена Venete, Venetia.

193) Подъ греческимъ именемъ Тирреновъ.

183) Романинъ, Storia documentata di Venezia I, 18.

¹³⁴) Прежде кельтовъ начало такого движенія съ запада на востовъ было сдѣлано греческимъ племенемъ, но пе сплошными массами, а отдѣльными колоніями, выселявчимися на берега Малой Азіи, на побережье Черпаго моря и т. д.

185) Liv. V, 34. Iustin. XXIV, 4. Cu. Contzen, die Wanderungen der Kelten.

186) На одновременность указывають какъ разсказъ Ливія и Трога Помпея (въ влеченія Юстина), такъ и приведенныя выше хронологическія данныя.

¹³⁷) Crpa6. IV, 6 § 10.

189) Liv. V, 37. invisitato et inaudito hoste ab Oceano terrarumque ultimis oris bel-

lum ciente. Нашествіе галловъ на Италію, Норнкъ и Иляпрійскія земли въ IV въкъ до Р. Хр. имъетъ такъ много сходнаго съ позднъйшимъ вторженіемъ кимбровъ и тевтоновъ, извъстнымъ намъ по весьма подробнымъ и совершенно достовърнымъ описаніямъ, что всякое сомнѣніе насчетъ огромности и внезапности этого завоеванія устраняется.

189) Полнбій, V, 17.

140) Liv. X, 2. semper autem cos in armis accolae Galli habebant.

141) Полнбій, П, 18.

¹⁴²) Excepto Venetorum angulo, qui sinum circumcolunt maris, такъ выразняся Ливій (**V**, 33) о владъніяхъ этрусковъ въ верхней Италіи, доставшихся потомъ галламъ.

148) Πολμό. Π, 18. (Κελτοί) χατέσχον αὐτήν τὴν Ῥώμην, πλὴν τοῦ Καπιτωλίου, γενομένου ở ἀαντισπάσματος, χαὶ τῶν Οὐενέτων ἐμβαλοντων εἰς τὴν χώραν αὐτῶν, τότε μὲν ποιησάμενοι συνθήχας πρός Ῥωμαίους, χαὶ τὴν πόλιν ἀποδόντες, ἐπανῆλθον εἰς τὴν οἰχείαν.

144) Полибій, тамъ же. Послѣ вторженія вснетовъ, по словамъ того же историка, пропазошли у галловъ междоусобныя войны, и сверхъ того «нѣкоторые изъ живущихъ у Альпъ народовъ вооружались на нихъ и часто собирались противъ нихъ общими силами» (Polyb. II, 18). Въ виду того, что намъ говоритъ Ливій о постоянной враждѣ венетовъ противъ галловъ, нельза сомиѣваться, что они принимали участіе въ этихъ предпріятіяхъ.

¹⁴⁵) Какъ напр. побъду Камилла надъ галлами, которая оказывается чистымъ вымысломъ: см. Mommsen, гот. Gesch. 1, 306. Contzen, 117.

¹⁴⁰) Память объ этой дружбѣ высказывается, между прочимъ, н въ римской поэзін, дѣлающей венетовъ вѣрными поборниками родоначальника римлянъ Энея въ его войнахъ съ вождями этрусковъ и другихъ племенъ Италін. См. Serv. in Acn. VII, 715; IX, 505.

¹⁴¹) См. выше, § IX.

¹⁴⁰) Diodor. XV, 13.—Лиссъ, нынѣ Алессіо или по-славянски Лешъ, въ сѣверной Албанія, у впаденія въ море р. Дринъ (въ древн. Дриловъ); Фаръ — на островѣ того же имени, что нынѣ Лесина, по-славянски Хваръ.

149) Страбонъ, V, 1 § 4; сравн. ниже, примъч. 186.

¹⁸⁰) Рѣка эта в въ старину называлась также Brentesia (Messal. Aug. 10: Brentesia, idem ac Medoacus maior flumen Patavium urbem prætervehens). Нѣкогда Брента текла черезъ самый городъ Патавій, находившійся, какъ кажется, у сліянія ея съ рѣчкою Бакильоне (древн. Meduacus minor или Retron). Въ настоящее время сліяніе это отошло ниже Патавія: теперешняя Падуа стоить на одномъ Бакильоне. См. топографическія подробности у Филіаси, т. II, гл. 7. По объясненію того же Филіаси, спартанцы въ въмъти въ пынѣшнюю laguna di Chioggia и оттуда въ устье Бренты. Описаніе Ливія, по его словамъ, черта-въ-черту соотвѣтствуетъ этой мѣстности. Имя Медуака осталось за однимъ изъ въвъздовъ въ лагуну, въ которую втекаетъ Брента, въ формѣ Matamaucus или Medomaucus (въ средне-вѣковыхъ памятникахъ), нынѣ Malamocco.

161) Лявій, Х, 2.

152) Өеопомпъ, изъ котораго черпалъ Скимнъ Хіосскій, см. выше примѣч. 127.

¹⁶⁵) Скимиъ Хіосскій, выписывающій и туть изь Феопомпа, въ этомъ мѣстѣ (ст. 875 и слѣд.) какъ будто говорить вообще о населеніи края при Адріатикѣ, но туть же описываетъ его природу, его постоянно влажный климать и т. д., такими словами, которыя могуть отвоситься только до венетской страны, и затѣмъ переходитъ къ взвѣстію, что у венетовъ считается 50 городовъ.

154) Orpad. V. 1, § 7.

¹⁵⁵) Главныхъ рукавовъ или протоковъ считали семь (Mela II, 4; Plin. III, 16, гдъ

218

они исчислены). Лагуны въ мѣстности, гдё сѣверный рукавъ Пада, fossae Philistinae, соединялся каналами съ низовьями Адижи. т. е. около нынѣшней Венеціи, назывались «семью морями» septem maria (Plin. тамъ же; Herod. VIII, 7). Судя по словамъ Плинія, каналы въ этихъ мѣстахъ были сдѣланы еще этрусками, т. е. первоначальными обитателями края, предшествовавшими венетамъ: omnia са Flavia fossa, quam primi a Sagi fecere Tusci egesto amnis impetu per transversum in Atrianorum paludes quae septem maria appellantur, nobili portu oppidi Tuscorum Atriae, a quo Atriaticum mare ante appellabatur quod nunc Hadriaticum. Подробную топографію низовьевъ Пада со всѣми его рукавами и каналами по древнимъ свидѣтельствамъ сравнительно съ настоящимъ положеніемъ края читатель найдетъ у Филіаси, томъ II, гл. 2, 3, 4.

156) Crpa6. V, 1 § 5.

187) Страбонъ, тамъ же.

¹⁵⁶) Servius in Georg. I, 262 *Lintres*: fluviatiles naviculas. Sane non sine ratione linrium meminit, quia pleraque pars Venetiarum fluminibus abundans, lintribus exercet omne commercium, ut Ravenna, Altinum, ubi et venatio et aucupia et agrorum cultura lintribus exercetur.

159) Plin. H. N. XXI, 12.

100) Sidon. Apollin. Ep. I, 5: cursoriam (sic navigio nomen) ascendi.

¹⁶¹) Virgil. Georg. I, 262: cavat arbore lintres.

162) Collegium nautarum arilicensium: надпись въ Веронскомъ музев.

163) См. обо всемъ этомъ подробности у Филіаси, I, 171. 202. II, 35.

¹⁶⁴) Такъ было по крайней м[†]р[±]во время Римской имперіи. См. Сидонія Аполлинарія, который, отправляясь изъ Галлін въ Равенну, посл[±] пере[±]зда черезъ Альшы, свять на Тични[±] въ скороходку (cursoria) съ гребцомъ-венетомъ (venetus remex); этотъ гребецъ доставилъ его до Бриксиллы (Brixilla), гд[±] см[±]нился другимъ судохозянномъ (Sidon. Apoll. ер. I, 15).

165) Veneti.... proxumique Pannonize et agentes circa mare Hadriaticum, говоритъ Плиній (XXXVII, 2).

166) Страб. V, I § 8. *диєїтає б' єµπо́деои того педі той Ідтерои тый Ціходейи Ебнесии*. Здѣсь имя илирійцевъ принято, разумѣется, не въ смыслѣ этнографическомъ, а какъ общее, употреблявшееся особенно тогдашнею римскою администраціею, обозвачение народовъ между Альпами и среднямъ теченіемъ Дуная.

¹⁶⁷) Страбонъ, тамъ же. — О цвътущемъ состоянін Аквилен, которая въ эпоху римскихъ императоровъ сдъладась вторымъ нослів Рима городомъ Италіи, объ ея обширной торговлё мы имъемъ много свидѣтельствъ. Такъ, между прочими, Геродіанъ, по случаю осады Аквилен Максиминомъ въ 238 г., говорить, что это былъ «весьма большой и многолюдный городъ, который, находясь у моря, служилъ для Италіи и всѣхъ народовъ Иллирика рынкомъ, гдъ произведени материка, привозимыя сухимъ путемъ или по ръкамъ, нагружались для отвоза за море, а къ народамъ материка оправлянись заморскіе товары и также импер. Коліана (Orat. II, р. 71). Аивоп. Clar. urbes. Aquilea:

> Nona inter claras Aquilea cieberis urbes, Itala ad Illyrios obiecta colonia montes, Moenibus et portu celeberrima....

¹⁶⁸) Martial. Х, 93, говорить объ Эвганейскихъ берегахъ Геликаона (Геликаонъ былъ по Иліадѣ одинъ изъ сыновей Антенора), т. е. о Патавинскомъ краѣ:

Si prior Euganeas, Clemens, Helicaonis oras

Pictaque pampineis videris arva jugis,

Perfer Atestinæ nondum vulgata Sabinæ.

Carmina purpurea sed modo tuta toga etc. Окрестности Аквилен доставляли много для вывоза вина къ сѣвернымъ народамъ (см. прим. 167).

169) См. выше, примѣч. 147. — Переходъ центра Адріатической торговін изъ Патавія въ Аквилею точь-въ-точь соотвётствуетъ такому же переходу, совершившемуся въ новое время — изъ Венецін, сосёдки древняго Патавія, въ сосёдство Аквилен, Тріестъ.

¹⁷⁰) Страб. V, 1. § 7. Патаобиог, павой селот той тавту полем. Сравни Мелу II, 4: urbium opulentissimæ Patavium etc.

171) Страбонъ, тамъ же.

¹⁷³) Именно, онъ говоритъ, что употреблявшаяся въ Патавіи шерсть была средняго сорта, т. е. не самаго мягкаго и не самаго грубаго. О патавійскихъ тканяхъ упоминаетъ и Марціалъ (XIV, 148):

Vellera cum sumant Patavinæ multa trilices,

Et pingues tunicas serra secare potest (т. е.: «Хотя и много шерсти идеть на патавійскія ткани, но пилой можно разсичь и самое толстое сукно»).

¹⁷⁸) Columella de re rust. VII, 2. Nunc Gallicæ (oves) pretiosiores habentur, præcipue Altinates. Martial. XIV, 155: Velleribus primis Apulia, Parma secundis-nobilis; Altinum tertia laudat ovis. Tertullian. de pallio, 3: nec de ovibus dico Milesiis et Selgicis et Altinis.

¹⁷⁴) Альтино? Сравн. извъстное въ древней Руси названіе ръки Альта; Олты и я — деревня со старинными укрѣпленіями въ Чехін (въ Таборскомъ краѣ).

¹⁷⁵) Нынё это деревня Altino. Бёжавшіе передъ гуннами жители Альтинума составния зерно населенія Венеція, точно также какъ ея дворцы строились въ начагё преимущественно изъ мрамора и камня, привозившагося изъ развалинъ этого древняго города: поэтому можно судить о населенности Альтинума и великолёціи его зданій. См. Филіаси т. П. гл. 7 и 9.

¹⁷⁶) Martial. IV, 25. Cpash. TAKE Strab. V, 1. § 7. Mela, VI, 4. Tacit. Histor. III, 6. Herodian, VIII, 6.

¹⁷⁷) Martial. IV, 25. Aemula Baianis Altini litora villis.

¹⁷⁸) Plin. III, 16. Эдронъ-нынѣ Chioggia, Брундулумъ - Brondolo.

¹⁷⁹) Городъ этотъ упоминается, между прочими, Эліаномъ (Ovizeria. Nat. Anim. XIV, 8), который подробно разсказываетъ о томъ, какъ ловная угрей въ протекадщей у Вѣкетін рѣкѣ, называемой Эретеномъ ('Неє́ганос: у другихъ писателей рѣка эта, нынѣшній Бакильоне, носитъ названіе Retron или Meduacus minor). Для этой ловли бросались въ воду прикрѣпленные къ трости куски свѣжихъ бараньихъ кишекъ, въ которые эта рыба вцѣплялась. И въ настоящее время рѣки въ той мѣстности изобилуютъ угрями: см. Филіаси, II, 135.

180) Всё эти города приводятся Плиниемъ III, 19: in mediterraneo regionis decumes.... Venetorum Ateste et oppida Acelum, Patavium, Opitergium, Vicetia.... dein (говоря о подгорьё Альпъ).... ex Venetis Atina et Caelina, Carnis Segeste et Ocra, Tauriscis Noreia. — Встрёчаются также въ разныхъ намятникахъ и надинсяхъ имена многихъ другихъ городовъ въ венетскомъ краż. Читатель найдеть ихъ перечень, между прочимъ, у Форбитера, Handb. der alten Geographie, III, 582—584.

¹⁸¹) Plin. III, 16. Strab. V, I, § 8. Plutarch. Camill. 16.

¹⁸³) Strab. V, 1, § 7. Plin. III, 16. Serv. in Georg. I, 262 (см. выше примѣч. 158). Iord. 29. Городъ Спина, лежавшій нѣсколько сѣвернѣе Равенны, гдѣ нынѣ сел. Spinazino, былъ нѣкогда морскою пристанью у одного изъ южныхъ рукавовъ Пада, навывавшагося Ватреномъ (нын. Santerno); въ отдаленной древности жители Синин Властвовали надъ моремъ. Но засореніе морского берега шло здѣсь такъ быстро, что уже во время Страбона Спина очутилась въ 90 стадіяхъ (10—18 верстъ) отъ моря и сощла до степени незначительной деревни. Основателемъ Спины почитался Діомедъ,

т. е. конечно народный герой умбровъ, котораго греки отождествели съ Діомедомъ. Во время процебтанія этого города, онъ находнися въ сношеніяхъ съ Греціею, какъ видно по богатымъ приношеніямъ спинетовъ, іхранившимся въ Дельфійскомъ храмѣ (Страбонъ V, 1, § 7. IX, 3, § 8). Этимъ, въроятно, объясняется существовавшее во время Страбона миѣніе, будто Спина была греческою колоніею.

183) Polyb. II, 17.

184) Тheopomp. fragm. 143. Ψαιστά άττα καὶ μεμαγμέναι μᾶζαι καλῶς τε καὶ εὖ. Разсказъ Θеопомпа приводится Эліаномъ и другими писателями. Сходное съ Θеопомпомъ извѣстіе читаемъ въ приписываемой Аристотелю кнагѣ de mirab. auscult. (гл. 129), съ тою только разницею, что по этому извѣстію венеты клали галкамъ не пироги, а зерна разныхъ клѣбовъ.—Въ настоящее время этотъ край изобнлуетъ, если не галками, то воронами, которыя, по словамъ Филіаси (I, 239), живутъ огромными стаями около лагувъ и развалинъ Альтичума, Конкордін и Аквилен.

185) TOIS XOLOIOS.

186) Венетскія лошади вошли въ особенную славу въ Греціи съ того времени, вакъ спартанецъ Леонъ, въ 440 г. до Р. Хр., вынгралъ на нихъ призъ на Олимпійскихъ нграхъ (Eustath. ad H. II, 852). Діонисій, тираниъ Сиракузскій, о которомъ мы упоменали выше (онъ властвовалъ съ 405 по 367 г. до Р. Хр.) выпесалъ отъ венетовъ породу бъговыхъ лошадей для завода (битей деи вппотобфиои виневтибато тый άθλητών ίππων (Strab. V, 1. § 4). Особенно цённансь венетскія кобылы для упряжи: Eutath. l. c. ίστορει δε (ό αναγραφεύς των έθνιχων) ότι al θήλειαι ίπποι των Ένετων прод бенуплатан аритан). Страбонъ, свидвтельствуя о славв, которою венетсеія лотвали встарину пользовались, утверждаеть вмёстё съ тёмь, что въ его время ничего TAKOFO YERE BOBCE HE GUID ($\nu \bar{\nu} \nu \mu \epsilon \nu \tau \epsilon \lambda \epsilon \lambda \delta \lambda o i \pi \epsilon$). (V, 1, § 4; CM. TAKEE § 9). Впрочемъ и въ позднѣйтіе вѣка, даже при византійскихъ императорахъ, имя венетовъ играло большую роль на конскихъ ристалищахъ. Замътниъ, что у грековъ венетская порода лошадей называлась не только енетібеς, но и енбіеς: Hesych. Endies έπποι. έν τω, Αδρία έπποι. χαὶ λυχοσπάδες, χαὶ λυχοφόροι (οδъ этихъ двухъ поснѣднихь выраженіяхь см. ниже, примвч. 192). Егетіваς похооу: отефагофорог апо της περί την 'Αδρίαν 'Ενετίδος. διαφέρουσι γάρ εχεί. Ηαзваніе «9 Η μί Η» ένδίες 10болытно, какъ примёръ, что и къ грекамъ доходила другая форма имени венетъ, Венда. Мы уже видёли такой примёръ тамъ, где Софокль говорить объ Индахъ, у которыхъ рождается янтарь (см. выше, примъч. 105).

¹⁸¹) Liv. X, 2. tribus maritimis Patavinorum vicis colentibus eam oram.

188) См. ниже примъч. 225.

¹⁶⁹) Страб., V, 1, § 8. *і*ν αυτῷ δὲ τῷ μυχῷ τοῦ Ἀδρίου καὶ ἰερὸν τοῦ Διομήδους *ἐστὶν ἄξιον μνήμης*, τὸ Τίμαυον. Χοτя въ затинскомъ переводѣ Страбона слова «ἰερὸν ἄξιον μνήμης» передаются «templum memorabile», однако, изъ дальнѣйшаго описанія ясно, что тутъ собственно храма никакого не было и что подъ словомъ ἰερόν Страбонъ разумѣлъ «святилище» вообще, святилище, состоявшее, какъ онъ разсказываеть, изъ двухъ священныхъ рощъ и священнаго родника.

¹⁹⁰) Это сказаніе можно привнать несомићно принадлежавшимъ венетамъ, потому что Страбонъ, приводя его, ссылается на Полибія, писателя весьма разборчиваго и жившаго притомъ въ такое время, когда венеты еще сохраняли вполиѣ свои народныя особенности; см. Страб. V, 1, § 8: лийга уде ёхсі (то̀ Тіµачоч) хай йлоос ёхпестдеядся хай плуда є́лта потаµίоυ ўбатоς εὐθυς εἰς την βάλασσαν ἐхπίπτοντος πλαтеї хаі βαθεї потаµώ. Πολύβιος σ΄ εἴζηχε πλην µίας τας ἄλλασ άλµυροῦ ϋбатоς, хай дὴ хай τοὺς є́лιχωρίους πηγήν хай µητέρα τῆς βαλάττης ὀνοµάζειν τόν τόπον. Также Плиній (Ш, 30): clarae ante ostia Timavi calidorum fontium cum aestu maris concrescentium (insulae) Подъ именемъ Тимава разумѣли какъ всю вообще эту священную для венетовъ мѣствость, что видно изъ приведенныхъ словъ Страбона, такъ въ частности иногда родники, иногда ръку, иногда озеро, тамъ находнишияся. См. Liv. XLI, 5, 6: ad lacum Timavi. Virgil. Aen. I, 242:

Antenor potuit, mediis elapsus Achivis Illyricos penetrare sinus atque intima tutus Regna diburnorum, et fontem superare Timavi, Unde per ora novem vasto cum murmure montis It mare proruptum et pelago premit arva sonanti.

Claudian. de III Consul. Honorii, v. 120: Phrygii numerantur stagna Timavi. Plin. III, 18 amnis Timavos Auson. Clar urb. XIV aequoreo non plenior amne Timavus. KJABEZIAH5 (de VI consul. Honorii, 196), HCHECHER BEHETCKIR PERH (Venctos amnes) говорнтъ: velox Athesis tardusque meatu Mincius inque novem consurgens ora Timavus.

Въ настоящее время не видно семи (или девяти) отдельныхъ родниковъ Тимава; они слились, такъ что осталось всего два, которые по-прежнему образують широкій потокъ, низющій весьма короткое теченіе, но судоходный до самой своей вершины. Онь находится въ 1/4 часа разстояния отъ местечка Девинь (по-итальянски Дунно), лежащаго между г. Тержичемъ (по-итал. Монфальконе) и станцією желѣзной дороги Набрежиной. Мъстность эта совпадаетъ, въ настоящее время, съ этнографическою границею словенцевъ и италіянцевъ, у съвернаго угла Тріестскаго залива. У итальянцевъ, тутъ живущихъ, описанный нами потокъ сохраняетъ свое древнее нанменование: Тимаво; словенцы обысновенно называють его Штиванска вода, сокращенно витето Шентиванска вода, по церкви св. Іоанна, находящейся близъ источниковъ. Въ этой же мъстности есть два озера, но неизвъстно, которое изъ нихъ обозначалось у древнихъ подъ именемъ Тимавскаго; одно, ближайшее къ потоку, но меньшее, называется теперь Езеро при Сабличу; другое, подальше, довольно больmoe — Езеро Добердобско, отъ имени деревни Доберъ-добъ (т. е. Добрый-дубъ), лежащей у озера. Сведения эти сообщены намъ уроженцемъ той местности, г. Маришичемъ, профессоромъ въ Горицѣ. Сравн. также Филіаси, I, 485 и слѣд. Объясненія Катанчича (Orb. antiq. I, 425), полагавшаго Тимавъ западиве, близь устья Сочи (Isonzo), основаны на педоразумѣнін.

¹⁹¹) Страб., V, 1, § 8. О значения Геры въ Аргосъ и Артемиды въ Этолии, см. Preller, Griech. Mythologie, I, 125, 235. П, 303.

¹⁹⁹) Приведемъ здёсь сказаніе, сохраненное Страбономъ и относящееся къ священнымъ рощамъ венетовъ на Тимавѣ. Былъ человѣкъ, изъ числа знатныхъ, отличавшійся своею самонадѣянностью и подсмѣивавшійся надъ вѣрованьемъ въ священное значеніе этихъ рощъ. Онъ встрѣтился случайно съ охотниками, державшими волка въ сѣтяхъ. Они въ шутку предложили ему взять волка на поруки и обѣщали выпустить его изъ сѣтей, если онъ заплатитъ за убытки, которые волкъ сталъ бы причинять. Тотъ согласился. Тогда волкъ, получивъ свободу, загналъ къ своему избавителю на конюшню прекрасный табунъ лошадей, ненмѣвшихъ тавра. Тотъ взялъ лошадей себѣ, наложилъ на вихъ тавро, изображавшее волка. Этихъ лошадей прозвали «волконосцами» и онѣ отличались не столько красотою, сколько быстротою. Наслѣдники человѣка, который ихъ такимъ образомъ пріобрѣлъ, сохраняли знакъ тавра и имя породы, сдѣлавшейся знаменитою, и, чтобы она велась только у нихъ, положили за правило инкогда не отчуждать кобыль этой породы.

198) Страб., V, 1, § 8: см. выше примѣч. 185.

194) См. Scylax, 16. Оµвріхоі... тойто бе то ёдгоς тіµқ Люµйбην, ейеруетпден Оп айтой каі іерог ейтіг айтой. Есть объ этомъ и множество другихъ свидѣтельствъ.

185) Crpa6., VI, 3, § 9, έχεινοι (Ένετοι) παρά σφισί πως την χαταστροφήν αυτοί μυθεύουσιν ην αποθέωσιν χαλούσι.

¹⁹⁶) Изъ намековъ Марціала видно, что съ Тимавомъ соединялось также какоето сказаніе, относимое въ Кастору и въ его коню Киллару (IV, 25):

Aemula Baianis Altini litora villis

Et Phaëtontei conscia sylva rogi;

Quaeque Antenoreo Dryadum pulcherrima Fauno

Nupsit ad Euganeos Sola puella lacus;

Et tu Ledaeo felix Aquileia Timavo,

Hic ubi septenos Cyllarus hausit aquas:

Vos eritis nostrae portus requiesque senectae,

Si juris fuerint otia nostra sui.

Также въ другомъ стихотвореніи (VIII, 28) Марціалъ спраниваеть у своей тоги, «считали зи овци, клъ мерсти которыхъ она соткана, иногочисленныя русла Тимава, откуда нёкогда пиль звёздоносець Килларъ?».

An tua multifidum numeravit lana Timavum,

Quem pius astrifero Cyllarus ore bibit?

Въ выписанномъ выше стихотворения, Марціалъ упоминаеть также о какой то Соль, новидимому, одной изъ нимфъ венетскаго края: «тамъ, гдв у Эвганейскихъ сверъ, говорить онъ, прекрасибйщая изъ дріадъ, дъва Сола сочеталась съ антеноровымъ (т. е. патавинскимъ) фавномъ». Мы ничего больще не знаемъ объ этомъ мией.

¹⁹⁷) Liv. X 2. Rostra navium spoliaque Laconum in aede Iunonis veteri fixa, multi supersunt qui viderunt Patavi.

¹⁹⁸) См. ниже примѣч. 202. Жрецы упоминаются въ нѣсколькихъ лагинскихъ надписяхъ, принадлежащихъ венетскому краю (см. Катанчича Istri adcol. geogr. I, 259, гдъ приведены эти надпися). Хотя встрѣчающіяся въ нихъ жреческія должности (pontifex; augur; quindecimviri sacris faciundis и т. д.) принадлежатъ iepapxin римлянъ, однако существованіе храма въ Патавін еще задолго до римскаго владычества заставляеть предполагать, что венеты и тогда уже имѣли своихъ жрецовъ, къ которымъ потомъ примѣнили употреблявшіеся въ Рямѣ твтулы.

¹⁹⁹) Особенно прославнася жрецъ и проринатель Апонскаго оракула Корнелій, про котораго разсказывали, будто бы онъ въ день Фарсальской битвы между Цезаремъ и Помпеемъ, находясь въ Патавія, видѣлъ передъ собою и объявлялъ народу ходъ сраженія и наконецъ провозгласилъ побѣду Цезаря. Aul. Gell. XV, 18. Quo C. Caesar et Cn. Pompeius die per civile bellum signis conlatis in Thessalia conflixerunt, res accidit Patavi in Transpadana Italia memorari digna. Cornelius quidam sacerdos, et nobilis et sacerdotii religionibus venerandus et castitate vitae sanctus, repente mota mente conspicere se procul dixit, pugnam acerrinam pugnari ac deinde alios cedere, alios urgere, cacdem, fugam, tela volantia instaurationem pugnae, impressionem, gemitus, vulnera, proinde ut si ipse in proelio versaretur, coram videre sese vociferatus est ac postea subito exclamavit, Caesarem vicisse. O томъ же Луканъ, Pharsal. VII:

> Euganeo, si vera fides memorantibus, augur Colle sedens, Aponus terris ubi fumifer exit Atque Antenorei dispergitur unda Timavi: «Venit summa dies, geritur res maxima, dixit, Impia concurrunt Pompeii et Cesaris arma» etc.

200) Клавдіанъ говоритъ объ Апонѣ:

Publica morborum requies, commune medentum Auxilium, præsens numen, inempta salus.

Ср. также описание этого источника у Кассіодора Ер. П, 39.

²⁰¹) Claudian. Idyll. VI (Aponus):

Turbidus impulsu venti quum spargitur aër, Glaucaque fumiferae terga serenat aquae, Tunc omnem liquidi vallem mirabere fundi: Tunc veteres hastae, regia dona, micant.

⁵⁰³) Это видно изъ разсказа Светонія объ императорѣ Тиберіѣ, обращавшемся иъ Апонскому оракулу: Suet in Tib. 14: mox, cum Illyrcium petens (Tiberius) iuxta Patavium adisset Geryonis oraculum, sorte tracta, qua monebatur, ut de consultationibus in Aponi fontem talos aureos iaceret, evenit, ut summum numerum iacti ab eo ostenderent; hodieque visuntur sub aqua hi tali. Мы должны упомянуть, что еще въ исходѣ III вѣка по Р. Хр., императоръ Клавдій (268 — 270) спрашивалъ булущее у Апонскаго оракула и получилъ отъ него, по словамъ историка (Trebell. Pollio c. 10), отировеніе о судьбѣ своеѣ, своего брата и потоиства. Требеллій Полліонъ даже приводитъ эти изреченія. Другоѣ историкъ того же времени упоминаетъ также объ «Апонскихъ жребіяхъ» (Аррепіпае — читай Аропіпае — sortes), служившихъ оракуломъ императору Авреліану (270 — 275): см. Flav. Vopiscus in Firmo c. 3.

Изъ выписанныхъ выше словъ Световія видно, что Апонскій оракулъ соединялся съ именемъ Геріона. Геріономъ называли извъстное въ греческой мноологіи чудовище, ирылатое, о трехъ головахъ, оберегавшее на дальнемъ западъ стядо похищенное у Солнца, — словомъ, олицетвореніе темной и враждебной силы, существо, которое, можетъ быть, слёдуетъ отождествить съ славянскимъ Змѣемъ-Горынычемъ. По греческимъ сказаніямъ, Геркулесъ пошелъ побороть это чудовище и освободить стадо Солица. Къ странствованію Геркулеса, когда онъ черезъ землю кельтовъ и скисовъ возвращался домой съ освобожденнымъ стадомъ, греки привъязали много мѣстныхъ сказаній (напр. о происхожденіи скисскаго народа, о чемъ впослёдствіи, и мн. друг. См. Preller Griech. Муth. II, 202 — 216); такимъ образомъ можно объяснить сочетаніе имени Геріона съ оракуломъ въ Венетскомъ краѣ. Тамъ показывались какія-то борозды въ скалахъ и называли ихъ слёдами Геркулесова плуга. Кландіанъ (Idyll.) говоритъ объ Анонѣ:

Prætere grandes effosso marmore sulci Saucia longinquo limite saxa secant; Herculei (sic fama refert) monstrantur aratri Semita, nec casus vomeris egit opus.

³⁰⁸) Cassiodor. Ep. II, 39. Sed non his tantum beneficiis Antenorea terra foecunda est. Infert et alia, quae multo grandius obstupescas. Corda illa (ut ita dixerim) montium in vicemsecretarii, negotia contentiosa distingunt. Nam si quis forte pecus furatum pilis nativis solito more spoliare præsumpserit, undis ardentibus frequenter immersum, necesse est, ut antea decoquat, quam emundare prævaleat. O vere secretarium iure reverendum! quando in his aquis non solum sensum, sed etiam verum constat esse iudicium, et quod humana nequit altercatione dissolvi, fontium datum est aequitate definiri.

³⁰⁴) Тамъ zee. Sed ut ipsum quoque lavacrum mundius redderetur, stupenda quaedam continentize disciplina in undam, qua viri recreantur, si mulier descendat, incenditur, Cpas. Martial. VI, 43: fontes Aponi rudes puellis.

³⁰⁵) О томъ, какъ одъвались венеты и о домашней обстановкъ ихъ быта почти инчего неизвъстно. Историкъ Венеціи, Романинъ говорить, что, судя по изображевіямъ древнихъ памятниковъ, венеты носили шляпы и короткіе волосы; прочее, что разсказываетъ Романинъ (I, 15), будто ихъ костюмъ быль похожъ на азіятскій, съ широкими шароварами и т. п., основано на чистомъ недоразумѣвіи: Романинъ примѣнилъ къ венетамъ извѣстіе о сигиннахъ, вѣтви персидскаго племени, которая не имѣетъ съ ними ничего общаго. Римскій сатирикъ Ювеналъ (Sat. VIII) упоминаетъ о «жестокомъ венетскомъ куколю или капишонѣ» (contentusque ille Veneto duroque cucullo). Такого рода головной уборъ, по словамъ Ромавина, сохраняли и впослѣдствіщ жители Венеціанскихъ острововъ, гдѣ долгое время и знать и простой народъ носили капишоны. Тотъ же историкъ, ссылаясь на то, что у римлянъ слово venetus стадо унотребляться въ смыслё голубого, полагаеть, что голубой цвёть быль любинымь у венетовь и находить тому замёчательное подтвержденіе въ томъ, что еще въ XII въкъ венеціанцы носили одежду преимущественно голубого цвёта. Мы встрёчаемъ у нъкоторыхъ греческихъ писателей извъстіе, будто жителя прибрежья Эридана (р. 110) носили черное платье, въ знакъ траура по Фаэтонъ (Polyb. II, 16. Scymn. v. 400. Plutarch. Moral. de numinis vindicta, 12); но трудно рѣшпть, была ли это просто выдумка греческой фантазін, или дѣйствительно венеты любили темный цвётъ въ одеждѣ, и это послужило поводомъ къ баснѣ объ ихъ траурѣ. Полибій высказывается такъ, какъ будто самый фактъ ношенія черной одежды призпавался имъ за вымыселъ: та́лла дѐ та педі потацо̀ν тойтом (Πάδον) істодойμема лада̀ тоіς Έλλησι, λέγω dì τα πεді фаѓдоота каі τіν έχείνου πιῶσιν, ἔτι dὲ τα δάχουα τῶν ἀἰγείρων, καὶ τούς μελανείμονας τοὺς πεді τὸ ποταμὸν οἰχοῦντας, οὕς φασι τὰς ἐσθῆτας εἰσίτι νῦν φορεῖν τοιαύτας απὸ τοῦ χατα Φαίξοντα πένδους, καὶ πᾶσαν dì τὴν τραγικὴν καὶ ταύτη πρоσεοιχυῖαν ὕλην... ὑπερθήσο μεθа.

Переходя отъ одежды въ пищъ, ны можемъ указать только на самыя отрывочные извъстія. Если върнть Марціалу, венеты даже при изысканномъ столь начинали объдъ съ мелкой рыбы, которой и теперь множество въ лагунахъ, въ родъ пискаря: XIII, 88:

In Venetis sint lauta licet convivia terris,

Principium cocnae gobius esse solet.

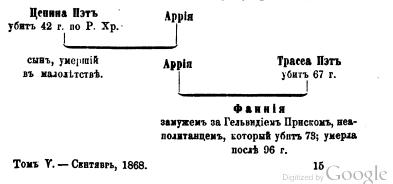
Сравн. Colum. de re rust. VIII, 17: exiguus gobio. Рыбу венеты умълн готовить какимъто особеннымъ способомъ, сохранявшямъ ея природный цвътъ: Lamprid. Heliogab. 23. Pisces semper quasi in marina aqua cum colore suo coctos conditura veneta comedit.

208) Можно привести только одну отрывочную черту, именно, что венеты, наи по крайней мёрё жители волости Andes близъ Мантун (in pago qui Andes dicitur, qui est a Mantua non procul), гдё роднася Виргилій, венеть по происхожденію, садили въ землю, при рожденія младенца, ростокъ тоцоля. Donat. de Virgilii vita: virga populca, more regionis in puerperiis eodem statim loco depacta.

^{\$07}) Plin. jun. Ep. I, 14. Habet Minucius aviam maternam Serranam Proculam e manicipio Patavino. Nosti loci mores. Serrana tamen Patavinis quoque severitatis exemplum est.
 ^{\$66}) Martial. XI, 17.

Tu quoque nequitias nostri lususque libelli Uda puella leges, sis Patavina licet. Erubuit, posuitque meum Lucretia librum; Sed coram Bruto: Brute, recede, — leget.

³⁰⁰) Патавинское происхождение этой семьи несомитино доказывають сохранившеся надгробные памятника рода Пэтовъ и рода Арріевъ, которымъ она принадлежала съ мужской и женской стороны. Итсколько такихъ памятниковъ открыты въ Патавии, одинъ въ венетскомъ же городт Опитергіи (Historia di Padova di Sertorio Orsato, 55, 56). О патавинскомъ пропсхождении Трасен Пэта свидательствуютъ также Тацитъ щ Діонъ Кассій. Для наглядности представляемъ слѣдующую родословную таблицу:

³¹⁰) Нѣсколько подробностей изъ жизни Арріи старшей сохранены Плиніенъ и. (Ер. III, 15). Особенно знаменита ся смерть. Въ царствованіе императора Клавдія (въ 41 г.) мужъ Арріи, Цецина Пэть, принадлежавшій къ числу высшихъ римскихъ сановниковъ, былъ приговоренъ къ смерти за участіе въ попыткѣ возстановить республиканское правленіе и древнюю свободу. По обычаю того времени, ему, какъ знатному римлянину, было предоставлено исполнить надъ собою приговоръ. Онъ уже взялъ въ руки кинжалъ, но не доставало рѣшимости, онъ колебался. Видя это, Аррія выхватываетъ у него кинжалъ, ударяетъ себя въ грудъ, выдергиваетъ кинжалъ и подаетъ мужу со словами: "Пэтъ, не больно" (Paete, non dolet). См. Plin. Ер. III, 16, Martial I, 14; Тас. Annal. XVI, 34; Dio Cass. LX, 16.

²¹¹) Тацитъ (Annal. XVI, 21) называетъ его "virtutem ipsam". Martial. IV, 54: Divitior Crispo, Thrasea constantior ipso. Плин. мл. (Ер. VIII, 22) говоритъ о немъ, vir mitissimus et ob hoc quoque maximus. Его мужественная и честная оппознијя Нерону, кроткое спокойствје, съ которымъ онъ принялъ приговоръ смерти, его прощаніе съ Арріей, его предсмертное возліяніе "Юпитеру-освободителю", все это столь извъстно изъ Тацита, что мы этого здъсь не повторяемъ.

³¹³) Plin. Ер. VII, 19. Тацить (Ann. XVI, 34) разсказываеть, что жена Трасея, Аррія младшая, пыталась послёдовать примёру своей матери и окончить жизнь вийстё съ мужемъ, но Трасеа убёдиль ее пощадить себя для дочери, которой она оставалась единственной опорою. Дочь ся Фаннія была выдана за Гельвидія Приска, челов'яка достойнаго вступить въ родство съ Трасеей, который нашель въ немъ друга по своему сердцу и послёдователя своихъ благородныхъ уб'яжденій (Тас. Hist. IV, 5). Прекрасную характеристику Фанніи и ся матери мы находимъ въ вышеприведенномъ нисьмё Плинія младшаго.

³¹⁸) Какъ сильна была связь этого семейства съ роднной, видно уже изъ того, что Трасеа, уже римскій сенаторъ и притомъ одинъ изъ знативищихъ сенаторовъ Рима, не пренебрегъ явиться въ Патавій, чтобы принять участіе въ тамошнемъ старинномъ народномъ праздникѣ (см. выше примвч. 81, 83).

^{\$14}) Macrob. Saturnal. I, 11. Asinio Pollione acerbe cogente Patavinos, ut pecuniam et arma conferrent, dominisque ob hoc latentibus, præmio servis cum libertate proposito, qui dominos suos proderent, constat servorum nullum, victum præmio, dominum prodidisse.

²¹⁵) Полнбій II, 23, 24. Страб. V, 1 § 9.

^{\$16}) Röm. Gesch. I. 527.

⁹¹⁷) Въ нын±шней Истрін.

²¹⁶) Sil. Ital. Punic. VIII, 590, 606. XII. 212. Въ несчастной для Рима битвъ при Каннахъ (216 г.), съ особеннымъ геройствомъ сражался, по словамъ Силія Италика, венетскій вождь Педіанъ, "который велъ свой родъ отъ Антенора и съ которымъ среди родовъ венетскихъ (Venetae ex ordine gentes) не могъ сравняться никто, подымался ин овъ на войну или кротко предавался музамъ и уединенной жизни ученаго и пъсноптавца".

²¹⁹) См. Момизена, Röm. Gesch. I. 637 н въ другихъ мѣстахъ.

²³⁰) Полнбій II, 85. Этотъ характеристическій отзывъ пом'ящень имъ при обоичанія въ 225 г. первой войны съ боіями и инсубрами въ с'яверной Италія.

³⁹¹) Liv. XXXIX, 22, 54. "Neque illos recte fecisse, quum in Italiam venerint, oppidnímque in alieno agro, nullius Romani magistratus, qui ei provincize pracesset, permissa, aedificare conati sint; neque senatui placere, deditos spoliari.... Alpes prope inexsuperabilem finem in medio esse".

²³²³) Strab. V, 1 § 8): έπιτειχισθέν τοῖς ὑπερπειμένοις βαφβάφοις. Cp. Liv. XLIII, 1: Aquileiensium.... coloniam... novam et infirmam... inter infestas nationes Istrorum et Illyriorum. Ποграничное положеніе Аквилен было причиной, что ее причисляли то къ венетскому крац) (Лявій XXXIX, 22), то къ Карвін (Плин. III, 18. Птол. III, 1 § 29). Но что Аквилея привадлежна точно къ владеніямъ венетовъ, явствуетъ изъ того, что Тиинассое святалище, лежавшее отъ нея дальше къ востоку, по всёмъ безъ исключенія свидётельствамъ, входило въ составъ венетской земли. Потому, когда Страбонъ, который совершенно справедливо называетъ Тимавъ погравичнымъ мѣстомъ венетовъ со стороны Истрін (V, 1 § 9), тутъ же говоритъ, что «Аквилея находится виё венетскихъ предѣловъ» (§ 8: *ёём б'е́атіч тŵч 'Ечетский о́соич й Ахиди́са*), то это или простое недоразумѣніе, или Страбонъ хотѣлъ выразить, что Аквилея въ административвомъ отношеній была отдълена отъ венетскаго края: послѣднее предложеніе весьма въроятно, какъ потому, что Аквилея составляла римскую колонію, такъ и потому, что ся значеніе, какъ большого складочнаго мѣста для торговли, могло требовать, чтобы этоть городъ выдѣленъ былъ изъ общаго управленія венетской области.

³¹³) Впослёдствін, тоже для обороны отъ истровъ и отъ заальнійскихъ племенъ, основаны были въ восточной полосъ венетскаго края, называвшейся также Карніед, повыя колонін Конкордія и Forum Julii (иын. Чивидале, по-славянски Старо-мъсто); по внутри страны венетовъ не было учреждено ни одной римской колоніи, и лишь въ царствованіе Нерона высланы почему-то римскіе поселевцы въ венетскій городъ Атниу (Julii Frontini de coloniis: Atina, muro ducta, colonia: deduxit Nero Claudius Caeeax).

114) JEBİR XLI, 27.

³⁷⁶) Mommsen, Corpus inscript, latin. I, 153, No 547, 548 H 549.

³⁰) Часть исторіи Ливія, обнимающая періодъ съ 218 по 179 г., сохранилась въ прасти, а яменно только въ продолженія этого временя могло совершиться подчишевіе венетовъ Риму.

227) Hor. III. 3. in Venetia, quo fere tractu Italia molissima est.

200) Herodian. VIII. 3: χρησμά δέ τινες έδιδόντο τώς δή τοῦ έπιχωρίου (phus agers ofs Armiei) θεού γίχην υπισχνουμένου. Βέλιν δε χαλούσι τούτον, σέβουσί τε υπερφυώς, Ало́дога свгал воблогтес. Накоторые наз новаятних ученних, и въ томъ числа г. Георгіевскій въ своей книги: «Галлы въ эпоху Кайя Юлія Цезаря» приняли этого Билина за вельтскаго бога. У кельтовъ Цезарь въ числе второстепенныхъ боговъ приводить и Аполлона, замёчая только, что онъ «отгоняеть болёзни» (В. G. VI, 17); но, нать называли кельты этого бога, мы не знаемь; въ извёстныхъ намъ надписяхъ, принадлежащихъ кельтскому краю, имя Бтлина или Белена не встрвчается. Напротить того, многочисленныя надписи, найденныя въ Аквилей. Гради и около нынищвей Вевеція показывають, что Білинь быль містнымь богомь этой стравы; но, колечно, никто не станеть выдавать жителей Аквилен, Града и венеціанскаго края за пельтовъ. Тертулліанъ називаеть Бълнна боговъ норвковъ (Apolog. с. 24) Unicuique stiam provincia et civitati suus deus est... ut Noricis Belenus etc. Ad Nation, II, 8. Belenum Noricum (deum). Это свядательство указываеть также не на гальское, а на славянское происхождение Вълна, ибо главное население Норика, какъ им увилить внослёдствін, составляли славяне. Единственное указаніе на то, что Бёлинъ наricreas Guirs a rallans, nu scrpevaens y Associa, a ameneo: Profess. IV (Attius Patera):

Tu Baiocassis stirpe Druidarum satus

Si fama non fallit fidem,

Beleni sacratum ducis e templo genus.

Idem, Profess. X.

Nec reticebo senem Nomine Phoebicium, Qui Beleni aedituus Nil opis inde tulit; Sed tamen, ut placitum Stirpe satus Druidum Gentis Aremoricæ, Burdigelæ cathedram Nati opera obtinuit.

Но эти слова Авзонія не опровергають вышеприведенныхь свидътельствь, доказывающихь, что поклоненіе Бтлину принадлежало, собственно, венетскому краю и Норику. Можно предположить только, что галлы, владтвшіе долгое время Норикомъ, заимствовали Бтлина оть тамошнихь коренныхъ жителей-славянъ и что этимъ путемъ Бтлинъ сдълался извъстенъ и въ Галлін. Илп. быть можеть, колонія венетовъ, которая, какъ будетъ показано въ своемъ мтстъ, пересся́н зась въ галльскую Арморику, перепесла туда и своего бога? Храмъ Бтлина, о которомъ говоритъ Авзоній, находился именно въ Арморикъ (въ мъстности, гдъ теперь Ваусих, городъ древняго колтна Бајокассовъ, въ Нормандін).

Что Белень или Белинь быль действительно главным в народнымь божествомь венетовъ въ Италін, подтверждается тъмъ, что ему, судя по уцълъвшимъ остаткамъ, воздвигнуто было въ ихъ странъ наибольшее число памятниковъ. На это же указываетъ п выраженіе Геродіана, что ему особенно (или «чрезвычайно», ύπερφυώς) поклоняются жители Акьилен. Этому значению Билина, какъ выс паго бога венетскаго, не противоръчить то, что римляне отождествляли его съ Аноллононъ, т. е. съ богомъ второстененнымъ; въ этомъ отношения древние руководствовались преимущественно витлении признаками, аттрибутами боговъ, а не значениемъ п степенью власти, которыя имъ приписывались. Такъ, напр., Цезарь называетъ главнаго бога, которому поклонялись галым, Меркуріемъ, хотя Меркурій былъ весьма неважнымъ лицомъ въ римскомъ соныть боговъ, но потому, что Цезарь ваходилъ въ признакахъ высшаго галльскаго божества (Теутата) сходство съ представленіями римлянъ о Меркуріи (см. В. G. I, VI, 17). Такимъ же точно образомъ, безъ сомитнія, и главный богъ венотовъ саблался Аполлономъ. Самое название Бълина нан Бълена указываетъ на то, что это было божество свётлое,-вёроятно тоть же представитель свётлого начала, какъ Бюль-богь, котораго ны находимъ у другихъ славянъ. Такъ какъ по основному, существенному своему значению Аполлонъ быль также богомъ солнца и сивта (си. Preller, Griech. Myth. I. 182), то отождествление Бѣлина съ Аполлономъ еще более подтверждаетъ это предположение. -- Кромъ приведеннаго извъстия Геродіана, о поклоненія Білину свидітельствують, какъ замізчено выше, надписи, найденныя въ венетскоить краз. Воть тв, которыя напечатаны Катанчичемъ (Istri adcolarum geographia vetus т. I). Belino sacr (на островѣ Градъ, стр. 180; другая такая же (тамъ же стр. 208); Beleno aug. sacr. (T. e. Beleno augusto sacravit; BT. AKBILICT, CTD 200); Beleno aug. (тамъ же); Belen. aug. (тамъ же); Belin. aug. sac. (тамъ же, стр. 203); Belino aug. sacrum (тамъ же, стр. 207); Belieno aug (въ Вснеція, стр. 185); Beleno (въ Аквилећ, стр. 199); другая то же Beleno (тамъ же, стр. 216); Belino (тамъ же, стр. 209); Ареllini Beleno aug. (B5 Benenin, crp. 185); Apollini Beleno (B5 ARBNJC'B, crp. 201); Apollini Beleno aug. (тамъ me, стр. 213); Domno B sacrum (чит. Domno Beleno; въ Аквилећ, стр. 210); Fonti Beleno (тамъ же, стр 208); Fonti B. (чит. Beleno; въ Венеція, стр. 185). Замъчательны эти двъ послъднія надписи, посвященныя «источнику Бълену». Имя Белсна слышно до сихъ поръ въ названии деревна у разваливъ Аквилен, Беленья (Beligna).

²²⁰) Надпись въ Венеція: bono (deo) Brontoni. Другая надинсь, въ которой упоминается тоже божество, найдена въ Римъ: Jovi sancto Brontonti (Катанч., стр. 185). Имя этого божества представляетъ нъкоторое сходство съ албанскимъ словомъ Перенда или Перида, Богъ; но ин то ни другое для насъ необъясними. Впрочемъ,

ИСТОРІЯ СЛАВЯНЪ.

вазвание «Brontoni» сравнивали съ греческимъ *боо»та́*с—гремлю и съ этрусскимъ словомъ fruntac, которое въ одной двуязычной этрусско-латинской надписи, соотвётствуетъ, повидимому, слову fulgurator (Fabretti n. 69; см. его же подъ сл. fruntac).

²⁸⁰) «Deo Gavto pat» надинсь въ Джемонъ, въ Венеціанской области, Катанч. стр. 215. Не есть ин ими это старинная форма причастія оть корня гов-вть, чтить набожно, тождественнаго, кажется, съ древне-индійск. ху (виъсто гу) дѣлать воззіявіе, жертвоприношенія, откуда причастіе хута (вм. 1ута) тоть, кому приносять тертвы, съ которымъ сравнивають готское Guth, древне-нѣмец. Соt, боть? Совершенно загадочны для насъ еще два мнеологическія названія, встрѣчаемыя на надписихъ венетскаго края, именно: Fonio въ двухъ аквилейскихъ надписяхъ (тамъ же, стр. 214: 1) Fonioni sacr Seia. Ionis mag d. d. н 2) Annia M. f. Magna. et Scialonis. et. Cornelia. Ephire Magistrae. b. d. porticvm. restitvervnt ædicvlam. Fonionis), а также Cuslanus въ веронской надписи (тамъ же стр. 186 и Fabretti, Glossar. 974: Cvslano sac L. Octavivs C. f Crassvs L. C. Octavi L. f Martialis. et Macer. По звуку, ими Cuslanus напоминаетъ славянск. (чешск.) кузло-чародъйство; но этимодогія синикомъ сомнительна, тѣмъ болѣе, что надпись найдена у Вероны, стало быть въ мъстности, населенной отчасти этрусками, напому нельзя съ увѣренностью считать это божество за венетское.

³³¹) Muratori II, p. 84, Vita S. Aureliani (въ Agnelli, liber pontificalis): De hoc denique viro (Aureliano) non potui aliqua facta reperire, nisi tentum rcs quas Ursiana ecclesia in territorio Comaclensi in loco qui dicitur Ignis et Bajas, idem idolorum nomine, non longe ubi ecclesia b. Mariæ de Pado vetere sita est, ipse adquisivit 3ftcb им видимъ прямое указаніе на двѣ мѣстности (лежавшія близъ устья По, гдѣ нынѣ Комакьо), которыя были названы по языческимъ божествамъ: ния Ignis адѣсь очевидно замѣнило славянское огнь (мы знаемъ, что римляне, при боготворенія огна, накогда не давали ему этого простаго названія); *Bajas*, какъ кажется, объясняется сохранившимся доселѣ въ славянскомъ (хорутанскомъ) нарѣчін словомъ бая, въ смыссѣ жребій, чары, обаяніе, словомъ, имѣющимъ общирное родство во всѣхъ вѣтвяхъ языка славянскаго. Такимъ образомъ, можно бы полагать, что у венетовъ была богиня Бая, соотвѣтствовавшая римской Фортунѣ.—Памятникъ, въ которомъ мы читаемъ это любопытное извѣстіе, писанъ въ цервой половинѣ IX вѣка; а жизнь епископа Аврезіана принадлежить VI вѣку (онъ былъ современникомъ паны Горинздаса, 514 - 523 гг.).

202) Liv. Epit. CX. Flor. Epit. IV. Lucan. Pharsal. IV, 402.

²³³) Сдълавшись полнымъ властителемъ Рима, Цезарь включилъ въ чисно сенаторовъ многихъ провинціаловъ даже изъ Испаніи и Галлін; нътъ сомитнія, что вмъстѣ съ ними приняты были въ сенатъ и важитейшіе изъ гражданъ Венетскаго края. Тацитъ разсказываетъ, что когда (въ 48 г. по Р. Хр.) сдълано было предложеніе принять въ сенатъ знатитйшихъ лицъ Галлін, то римскіе консерваторы восклицали: «мало ли съ насъ еще, что венеты и инсубры вторглись въ сенать! Хотятъ ли насъ сдълатъ совствиъ плънниками въ толпѣ иноземцевъ» (an parum quod Veneti et Insubres сигіат inruperint, nisi созна alienigenarum, nisi captivitas inferatur?). Напротивъ того, императоръ Клавдій, защищая предложеніе, говорилъ сенату.между прочимъ: «съ тѣхъ поръ именно водворилось у насъ дома прочное спокойствіе и вителня дѣда наши стали процвѣтатъ, когда транспаданцы (т. е жители края между По и Альпами, стало быть венеты и ихъ сосѣди) приняты въ число гражданъ» (Tacit. Annal. XI, 23, 24).

284) Crpa6. V, 1 § 7.

²³³) Характеристиченъ въ этомъ отношенія разсказъ Тацита о томъ, какъ жители городовъ около Пида били возмущены, когда одниъ изъ ихъ соотечественниковъ, уроженецъ венетскаго города Вицетіи (Vicenza), Цецина Аліенъ, полководецъ императора. Вителлія, йвелся къ нимъ въ «варварскомъ» одіянія, цвётномъ плащё и штанахъ, и какъ они обижались, что онъ въ этомъ видё осмёливался держать рёчь передъ людьми, облаченными въ римскую тогу (Hist. II, 20).

²³⁶) Такъ мы замѣтныя славянское слово въ латянской надпися, найденной въ Аквилев. Въ то время, когда писалъ свою географію Помпоній Меда (въ царствованіе императора Клавдія, 41 — 54 г.), венеты, вмѣстѣ съ ихъ сосѣдями къ сѣверо-востоку карнами, еще не причислялись, какъ кажется, къ народамъ собственно италійскимъ: Mela II, 2: sinistra parte (Italiæ) Carni et Veneti colunt Togatam Galliam; tum Italici populi, Picentes, Frentani, Dauni, Apuli, Calabri, Sallentini. Память о венетахъ, какъ имѣвшихъ нѣкогда особую народность и особый языкъ, можно найти еще въ IV впо Р. Хр., въ сочиненіяхъ императора Юліана: Отаt. II, р. 71.

²³⁷) Crpa6. V, 1, § 10. Cp. Julian. imp. Orat. II p. 72. Έδτι δέ έν αύτη (1080 μα ο странь Πρυαιδιήματού) τό τε τών Ενετών έθνος και Λίγυξς τινες και τών άλλων Γαλατών ού φαυλη μοῖρα. τα μέν ἀρχαία σφῶν ὀνόματα σώζειν (οι Ρωμαΐοι) οὐ διεκώλυσαν, τῷ κοινῷ δὲ τῶν Ἱταλῶν ξυγχωρεῖν κατηνάγκασαν.

²³⁸) См выше примѣч. 92.

²³⁰) Подробное исчисление извъстныхъ въ рямской исторіи лицъ, уроженцевъ венетской земли, можно найти въ IV томъ сочинения Филіаси, гдъ помъщевъ рядъ главъ объ этихъ лицахъ, подъ заглавиемъ «Veneti celebri».

³⁴⁰) Что славяне, въ началѣ среднихъ вѣковъ водворняшіеся въ Венеціанскомъ краѣ, считались у туземцевъ за чужихъ, видно, между прочимъ, изъ мѣстныхъ названій какъ напр. riva dei Schiavoni въ Венецін, деревня Sclavonia, нѣсколько на ютъ отъ Эсте, древняго Атесте (означена на картѣ Патавинскаго края, приложенной къ кингѣ Historia di Padova di Sertorio Orsato); villa de Slavoni, находявшаяся близъlaguna di Caprula или Caorle; урочище Schiavonia близъ лагуны но направлению къ Мольяно (Филіаси, V, 238); Pasian Schiavonesco, станція желѣзной дороги на. западъ отъ Удине; Sclaunico, деревня на ютъ отъ Удине; Schie venin, деревня у р. Піаве на ютъ отъ Фельтре и т. дал.

РОССІЙСКОЕ

БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.

II *).

Внутренній характерь Общества, его составь и тенденціи. — Свойство англійскихь вліяній. — Дъйствія Общества: въротерпимость, филантропія, ланкастерскія школы, «религіозные трактаты»; значеніе библейскихъ изданій Общества. — Вліяніе нравовь и «почвы». — Офиціальная натянутость библейскаго дъла; распространеніе піэтизма; мистическія врайности; обскурантизмъ.

Судьба русскаго Библейскаго Общества есть судьба многихъ начинаній въ русской общественной жизни: начало его было несмѣло, даже черезъ мѣру осторожно и окружено всякими оговорками; Общество укрѣпляется только получивъ оффиціальную санкцію, — въ силу которой оно потомъ быстро распространяется, такъ что охватываеть положительно всё края имперіи и вездё нитеть своихъ членовъ, благотворителей и сотоварищей; затёмъ оно вдругъ рушится, хотя мы напрасно ищемъ причины паденія въ его собственныхъ действіяхъ, потому что ничего новаго въ немъ не произошло, и оно падаетъ въ томъ самомъ видъ, въ какомъ еще незадолго передъ тъмъ оно ободрялось и поощрялось высшими властями; причина закрытія отыскивается въ обстоятельствахъ, постороннихъ его сущности; въ вонцѣ, осужденіе падаеть на все цёликомъ, не разбирая правыхъ и виноватыхъ... А правые, конечно, были; это были люди, въ которыхъ жила лучшая, просвётительно - человёколюбивая сторона библейской дёя-

^{*)} Cm. Billine, T. IV, crp. 639-712.

тельности, и съ этимъ внезапнымъ, нежданнымъ упраздненіемъ всёхъ ихъ надеждъ и стремленій, упразднялся, конечно, одинъ изъ шансовъ правильнаго послёдовательнаго развитія общественныхъ понятій, которое могло бы нёкогда принести благотворный результатъ, потому что, проведши общественную мысль черезъ извѣстныя усилія, борьбу убѣжденій, даже (всегда неизбѣжныя) ошибки, могло бы дать ей наконецъ какую-нибудь устойчивость и самостоятельность. Такой ходъ исторіи Библейскаго Общества, очевидно, совершенно соотвѣтствуетъ всему характеру нашей жизни, въ которой общественная дѣятельность во времена императора Александра еще дѣлала свои первые шаги и была потому легко открыта всѣмъ случайностямъ... Въ частности, исторія Библейскаго Общества представляетъ

Въ частности, исторія Библейскаго Общества представляеть одно изъ самыхъ характеристическихъ явленій второй половины царствованія императора Александра, какъ извѣстно, отличавшейся своими особенными чертами и очень непохожей на первую: это было время торжества надъ Наполеономъ и новой политики, наставшей теперь послѣ Священнаго Союза и вѣнскаго конгресса, когда въ обществахъ Европы происходило однако свое неопредѣленное броженіе, остатокъ и продолженіе революціонныхъ потрясеній, — время мистическихъ увлеченій самого императора, и время сильной реавціи... Всѣ эти событія прямо или посредственно отражались и на русской жизни, и исторія Библейскаго Общества, въ особенности, богата подобными чертами времени. Библейское Общество, которое и появилось у насъ по чужой иниціативѣ, представляетъ очень часто факты непосредственныхъ свропейскихъ вліяній, но при всемъ томъ въ его дѣйствіяхъ и въ цѣломъ его характерѣ столько чисто-русскихъ свойствъ и пріемовъ, что намъ не трудно узнавать, въ его русскихъ руководителяхъ, своихъ соотечественниковъ.

По объяспеннымъ прежде причинамъ, нашъ очеркъ не имѣетъ притязанія на какую-нибудь полноту: мы соберемъ только главныя черты и неполнота изложенія нашего сама указываетъ, гдѣ нужны еще историческія разъясненія, которыхъ надобно ждать отъ публикаціи документовъ, относящихся къ исторіи Общества, и отъ разъясненій его современниковъ.

Мы довели изложеніе внѣшней дѣятельности Общества до 1824 года. Паденіе Общества, начавшееся съ удаленіемъ кн. Голицына, было отчасти слѣдствіемъ грязныхъ личныхъ интригъ, отчасти результатомъ столкновенія двухъ различныхъ взглядовъ, господствовавшихъ въ разныхъ кругахъ общества, — двухъ «на-

правленій», объемъ которыхъ выходилъ, конечно, за предѣлы самого библейскаго вопроса. Библейское Общество еще до 1824 г., а съ этого года въ особенности, стало предметомъ ожесточенныхъ инкриминацій, со стороны людей, выдававшихъ себя и считавшихся пламенными сынами отечества и защитниками вѣры, чѣмъ однако считали себя и библейскіе дѣятели. То, что̀ по словамъ ревнителей Библейскаго Общества, было «явнымъ свидѣтельствомъ милости Промысла» и «истиннымъ благодѣяніемъ для русскаго народа», врагами его выдавалось теперь за покушеніе противъ религіи и революціонный подкопъ подъ самыя основанія государственнаго порядка. Чтобы оріентироваться въ этихъ противорѣчіяхъ, мы предварительно должны составить себѣ понятіе о самой сущности дѣла и войти для того въ нѣкоторыя подробности объ устройствѣ и характерѣ русскаго Библейскаго Общества. Мы остановимся поэтому на его отношеніяхъ къ Британскому Обществу, его личномъ составѣ, способахъ распространенія, различныхъ тенденціяхъ, въ какихъ совершалась библейская дѣятельность и т. д.

Вакость и т. д. Въ «Библейскомъ Обществѣ» къ нашей жизни прививалось учрежденіе, созданное чужими нравами и чужой образованностью, — какъ это случалось у насъ множество разъ прежде и послѣ. При такихъ прививкахъ европейскія идеи въ нашей жизни всегда извѣстнымъ образомъ измѣнались по требованіамъ домашнихъ условій: онѣ всего чаще съуживались и укорачивались, когда это были идеи просвѣтительныя, потому что для должнаго ихъ примѣненія у насъ не оказывалось достаточно обравованности, и нововведеніе затруднялось враждой со стороны мюдей стараго вѣка. На этотъ разъ прививка сопровождалась также своими изъянами и странностями, и ихъ было тѣмъ больше, что теперь шло дѣло объ учрежденіи чисто общественномъ, и усвоеніе чужой идеи должно было совершаться не административнымъ порядкомъ, а дѣятельностью частныхъ лицъ. Правда, Общество могло и осуществиться только съ высочайшаго соизвоценія, все время было подъ непосредственнымъ вліяніемъ власти, постоянно привлекало вниманіе самого императора, но дѣятельность его тѣмъ не менѣе считалась не отправленісмъ оффиціальнаго вѣдомства, а добровольнымъ дѣломъ частныхъ лицъ, дѣломъ общества... Но элементы общественной дѣятельности были однако такъ слабы въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, что трудно было ожидать, чтобы учрежденіе, какъ Библейское Общество, основанное англійской общественной и религіозной свободой и вѣротерпимостью, могло сохранить эти свойства на русской почвѣ, могло здѣсь существовать сохранно и безболзненно, какъ тамъ, и принести тѣже плоды... Результать повазаль, что это действительно было невозможно.

было невозможно. Первая разница была въ разницѣ этихъ главныхъ основа-ній: Британское Общество имѣло свою опору въ свободѣ обще-ственныхъ учрежденій; у насъ оно было дѣломъ административ-наго дозволенія, которое могло быть дано и отнято, когда въ самыхъ русскихъ нравахъ и привычкахъ дѣятельность этого рода еще не успѣла пріобрѣсти себѣ права на существованіе... До иностранцевъ, живущихъ въ Россіи, это не касалось; и послѣ того, какъ въ 1826 г. русское Общество было окончательно за-крыто и истреблялась всякая память о немъ, въ 1831 г. от-крыто было вновь Библейское Общество протестантское, кото-рому разрѣшено было воспользоваться частью наслѣдства отъ бывшаго русскаго Общества (въ изданіяхъ, и отчасти въ сум-махъ), президентомъ котораго могъ сдѣлаться бывшій вице-пре-видентъ прежняго русскаго Общества (кн. К. А. Ливенъ, тогда министръ народнаго просвѣщенія), и которое существуеть до сихъ поръ... поръ...

Русская жизнь до тѣхъ поръ не представляла, кажется, ни-какихъ примѣровъ общественной дѣятельности подобнаго рода, и это едва ли не быль первый случай соединенія частныхь уси-лій въ обширномъ предпріатіи на общую пользу. До царствова-нія императора Александра можно указать нѣчто подобное развѣ въ учрежденіи Вольнаго Экономическаго Общества. Потребность однавоже была, и однимъ изъ доказательствъ ея существованія однакоже была, и однимъ изъ доказательствъ ея существованія должно считаться распространеніе масонскихъ ложъ въ XVIII-мъ въкъ, выражавшее собой именно такую попытку общественнаго самосознанія. Въ началъ царствованія императора Александра, когда, по словамъ современниковъ, «вст почувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклон-нѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе» ¹), эта потребность стала чувствоваться сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и къ этому времени дѣйствительно относится множество и правительствен-ныхъ учрежденій на общую пользу, и замѣчательныхъ частныхъ пожертвованій на университеты, училища и т. п., и наконецъ раз-нообразныхъ «обществъ»... Послѣ 1801 года, который произвелъ въ русской жизни такое благотворное движеніе. въ другой разъ носоразныхъ «обществъ»... послъ 1801 года, который произвелъ въ русской жизни такое благотворное движеніе, въ другой разъ оно дано было 1812-мъ годомъ. Онъ до высшей степени возбу-дилъ чувство общей безопасности и патріотическій энтузіазмъ; это возбужденіе еще нѣсколько лѣтъ питалось чрезвычайными собы-тіями, сильно дѣйствовало на умы и усиливало потребность въ

Digitized by Google

¹) Записки Вителя I, 189.

общественной дёятельности, — въ томъ или другомъ смыслё.... Для иностранныхъ агентовъ Британскаго Общества, конечно, не могло быть удобнёе минуты основать въ Россіи Библейское Общество, какъ именно конецъ 1812 года. Проектъ Общества былъ утвержденъ; въ сентябръ 1814 года, Общество изъ частнаго петербургскаго сдёлалось «Россійскимъ», и получило полный про-сторъ. Но какъ ни было благопріятно время, какъ ни сильно возбуждены были правственные интересы въ образованной части публики, самые нравы не могли передблаться такъ скоро, чтобы двятельность руссваго Общества могла идти въ томъ же смыслв. какъ шло это дёло въ Англіи. Общество должно было дёйствовать именно въ большинствѣ, но не только въ этомъ большинствѣ, но и въ самомъ образованномъ влассѣ еще нужно было возбуждать тъ интересы, какими проникались основатели русскаго Общества, и даже послѣ, когда наконецъ оно установилось, его члены и благотворители не знали иногда, что дёлать съ ихъ новыми понятіями, какъ выражать ихъ или сообразно съ ними действовать... Мы увидимъ дальше, въ чему приводило тавое положеніе вещей: основателями библейскихъ комитетовъ въ губерніяхъ дѣлались начальники губерній, а агентами и распространителями Библін въ народѣ дѣлались становые пристава и земскіе исправники...

Какъ ни было благопріятно время, какъ, повидимому, ни близка была идея Общества къ пониманію благочестиво настроенной массы, но очевидно, что первымъ условіемъ его существованія и успѣха было участіе къ нему самого императора. Это одно давало полный просторъ для дѣйствій комитета, и вызвало ту предупредительность, которая сильно помогала Обществу въ административныхъ вѣдомствахъ и въ частныхъ людяхъ. Какъ скоро это участіе императора стало извѣстно, число ревнителей чрезвычайно увеличилось: понятно, что значительное число ихъ было привлечено именно только этимъ обстоятельствомъ... Въ отчетахъ всегда съ особеннымъ удареніемъ говорится о вниманіи императора Александра, и знаки этого вниманія были, дѣйствительно, главной опорой Общества. Императоръ поддерживалъ всѣ мѣры комитета, даже самъ настаивалъ на возможно-быстромъ распространеніи книгъ св. писанія, приказывая дѣлать большія закупки книгъ для армія, разсылать въ достаточномъ количествѣ но епархіямъ; жертвовалъ для Общества значительныя суммы денегъ, дарилъ ему дома въ Петербургѣ и Москвѣ. Отчеты приписываютъ ему самую иниціативу русскаго перевода св. писанія. Въ 1816 году, онъ высказалъ свои мысли объ этомъ предметѣ въ средѣ самаго Общества, во время посѣщенія Москвы.

«Двадцать седьмое число августа прошедшаго 1816 года, -разсказывають отчеты, — пребудеть вѣчно достопамятнымъ въ лѣтописяхъ московскаго отдѣленія. Его императорское величество, во время пребыванія своего въ Москвѣ, удостоить изволиль высочайшаго своего благоволенія членовь комитета московскаго, которые представлены были его величеству въ Кремлев-скомъ дворцѣ преосв. своимъ вице-президентомъ ¹). Поднесенные при семъ случаѣ Государю Императору экземпляры каждаго изъ отпечатанныхъ на счетъ московскаго Общества изданій книгъ писанія, тавже отчеты комитета и книжва объ отврытія CB. онаго, приняты были его императорскимъ величествомъ съ отличнымъ благоволеніемъ, и его величество, изъявивъ совершенное удовольствіе въ отношеніи къ трудамъ и успѣхамъ Общества, соизволилъ изъясниться при семъ случав, что открытие Библейскихъ Обществъ въ Россіи, во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ и другихъ частяхъ свъта, величайшіе успъхи сихъ Обществъ въ распространени Слова Божія не только между христіанами, но даже между идолопоклонниками и магометанами, признаеть онъ особенною милостію и благословеніемъ Божінмъ въ роду человѣческому, а потому соизволилъ воспріять на себя звание члена Российскаго Библейскаго Общества, и покровительствуетъ оному щедрыми благотвореніями, дабы благодатный свѣть откровенія распространить въ предблахъ Россіи, между народами, скипетру его подвластными»²). Много лётъ спустя, Пин-кертонъ, упоминая въ своей книгъ о религіозномъ движеніи въ Россіи, говорить: «но главнымъ источникомъ всёхъ этихъ христіансвихъ и человѣколюбивыхъ трудовъ былъ, безъ сомнѣнія, императоръ; потому что, въ такой странѣ какъ Россія, ничто въ подобномъ родѣ не могло бы совершаться безъ одобренія власти» 3). Одинъ компетентный свидѣтель тѣхъ временъ изображаетъ самое Общество, какъ результать личнаго настроенія и личныхъ желаній императора Александра⁴).

Таково было, слѣдовательно, первое условіе, подъ которымъ дѣйствовало Общество. Основавшись такимъ образомъ, Общество конечно не удовольствовалось одной медленной пропагандой своей идеи; оно имѣло прямое покровительство и широко воспользовалось имъ, и если это покровительство избавило его отъ мно-

¹) Архіеп. Августинъ.

⁹) Отч. 1816, стр. 99 — 100.

^{*)} Russia, p. 360.

⁴⁾ Cp. La Russie et les Jésuites de 1772 à 1820, par Henri Lutteroth (H. Typreners). Paris 1845, p. 48 m c15g.

гихъ затрудненій, то, съ другой стороны, оно позволяло ему и существовать только до тѣхъ поръ, пока покровительство продолжалось. Съ прекращеніемъ покровительства, Общество не просто предоставлялось самому себѣ, оно теряло всѣ гражданскія права: при первомъ поводѣ оно закрывалось совсѣмъ...

При такомъ положени вещей, самый успѣхъ Общества, указанный нами въ цифрахъ отчетовъ, невольно вызываетъ сомнѣніе. Потому что, если, съ одной стороны, были въ Обществѣ люди, очевидно убѣжденные и искренно преданные дѣлу, то съ другой было много такихъ, которые были привлечены къ нему совсѣмъ иными побужденіями, — воторые бросались исполнять то, что было на ту пору пріятно предержащимъ властямъ: теперь они становились внезапно благочестивы и открывали отдѣленія и сотоварищества, — черезъ годъ они же отбирали Библіи...

Обратимся въ тёмъ вліяніямъ, какія исходили изъ Британскаго Общества.

Мы уже говорили отчасти объ его отношеніяхъ къ русскому Обществу и свойствё его вліяній; но считаемъ не лишнимъ возвратиться еще разъ къ этому предмету, такъ какъ эти вліянія играютъ важную роль въ дъйствіяхъ нашего Общества, и притомъ Британское Общество впослёдствіи несло свою долю инкриминацій со стороны обвинитслей нашего Общества, — и намъ необходимо составить себъ понятіе о въроподобности этихъ обвиненій.

Тоть основной характеръ воззрѣній и дѣйствій, который приняло при своемъ основаніи Британское Общество, выражается и во всѣхъ его отношеніяхъ въ русскому. Это были религіозно-человѣколюбивыя стремленія, соединенныя съ трудами на пользу просвѣщенія народныхъ массъ и съ полной вѣротерпимостью. Разсматривая всѣ отношенія Британскаго Общества въ русскому комитету, читая его переписку, слѣдя за дѣйствіями его агентовъ въ Россіи, нельзя не почувствовать уваженія къ той силѣ убѣжденія, къ той энергіи и безкорыстію. съ какими оно приносило свое нравственное и матеріальное содѣйствіе на пользу библейскаго дѣла въ Россіи.

Мы приводили примёры того, съ какимъ сочувствіемъ встрёчало Британское Общество успёхи библейской дёятельности въ Россіи. Письма президента, и секретарей Британскаго Общества къ англійскимъ агентамъ, къ президенту и секретарямъ Библейскаго Общества въ Петербургѣ, переполнены этимъ горячимъ сочувствіемъ, искренность котораго доказывается всёмъ характеромъ этихъ лицъ: Овенъ, Штейнкопфъ, Гьюгсъ и самъ президентъ были пламенные энтузіасты библейскаго дёла, и ихъ слова были, вонечно, вёрнымъ выраженіемъ ихъ мысли. Успёхн русскаго Общества въ особенности радовали ихъ, потому что (при упомянутыхъ выше условіяхъ) оно распространялось быстрёе и шире, чёмъ гдё бы то ни было тогда, вромё самой Анлліи. Отчеты русскаго вомитета постоянно производили впечатлёніе въ собраніяхъ Британскаго Общества.

..... «Предъ самымъ засёданіемъ (Брит. вомитета), — пишетъ Штейнкопфъ въ Петербургъ, къ Пинкертону и Гендерсону, въ іюль 1817 г., — получено было ваше письмо, содержащее въ себъ описание генеральнаго собрания Российскаго Библейскаго Общества, и было прочтено предъ всёмъ засёданіемъ. Невозможно изобразить впечатлёнія, ваковое произвело письмо сіе. Каждая строка, казалось, возбуждала въ новому живѣйшему соучастію. Многіе изъ членовъ, не въ силахъ будучи удерживать чувствъ своихъ, прерывали неоднократно чтеніе своими восторгами. «Слышите ли? слышите ли?» восвлицали одни; «слава Богу!» произносили другіе.... Иные проливали слезы.... Почтенный пасторь, г. Масонъ, секретарь Американскаго Библейскаго Общества, былъ также въ семъ засъдании. Вся душа его устремлена была во вниманіе на читаемое. По окончаніи же, всѣ въ одинъ голосъ сказали: «надобно напечатать это письмо». Такъ положено; и чрезъ нѣсколько недѣль разойдется оно по всей Великобрита-ніи; и г. Масонъ беретъ съ собою большое число экземпляровъ ни, и г. насон в осрет в св сосок ослышее число заземплирова въ Америку»¹). Мы повѣримъ всей искренности этихъ востор-говъ, когда вспомнимъ, что засѣданіе состояло изъ ревностныхъ приверженцевъ Библіи. И эти восторги не оставались фразой; каждый разъ они сопровождались новыми приношеніями въ пользу библейскаго дѣла въ Россіи. Эти приношенія въ очень немногіе годы дошли до весьма врупной суммы.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ отчетовъ, петербургскій комитетъ, упоминая объ одномъ изъ такихъ англійскихъ пособій, говорилъ, что «принялъ сіе новое вспомоществованіе (въ 2,000 ф. ст., или 50,000 руб.) отъ содружественнаго ему лондонскаго вомитета, съ тѣмъ вящшимъ удовольствіемъ, что въ ономъ видитъ подтвержденіе 'святости дѣла, занимающаго оба комитета, которые, одушевляясь совокупно духомъ любви христіанской, желаютъ успѣховъ Слова Божія между встьми человъками, повсюду, гдѣ бы они ни обрѣтались, и потому не полагають никакого раздъленія между собою. Тотъ же духъ, который въ первыя времена христіанства содѣлывалъ между многими вѣрующими «сердце едино» и «душу едину», такъ что и

¹) Отч. 1817, Приб. XIII.

имущество было общее у нихъ, производить и нынѣ подобныя дѣйствія между ревнителями распространенія Слова Божія»¹).

Русскій комитеть сдёлаль немного, что давало бы ему право относить подобныя выраженія къ себё; но объ Обществё Британскомъ эти выраженія были очень возможны, и дёйствительно дають понятіе о духё безкорыстнаго человёколюбія, въ которомъ онъ дёйствоваль.... Русскій комитеть, по крайней мёрё, старался подражать ему.

Этоть общій характерь одушевляль вообще всё дёйствія Британскаго Общества относительно Россіи, и придаеть его вліяніямь истинно-цивилизующее значеніе. Мы убёдимся въ этомъ, взглянувь на нёкоторыя частности.

Поднимая у насъ вопросъ о распространени Библи на на-родныхъ языкахъ, Британское Общество несомнѣнно поднимало вопросъ великой важности. Онъ, конечно, долженъ выступить на общественную сцену, если только будеть считаться сколько-нибудь нужнымъ образованіе народа, который у нась и до сей поры обрѣтается въ крайнемъ невѣжествѣ, — между прочимъ и невъжествъ религіозномъ, какъ бы ни было велико въ народъ обычное обрядовое благочестие. - Вопросъ о чтении Библи, конечно, не стояль въ нашей церковной жизни такъ, какъ онъ былъ поставленъ въ католицизмѣ. Но тѣмъ не менѣе, Британское Общество и вносило къ намъ новую мысль, потому что указывало на потребцость въ Библін на народному языкѣ; объ этомъ у насъ еще никто не думаль, по врайней мъръ такъ ясно и опредъленно. Вмёстё съ тёмъ, въ идеяхъ Общества переводъ Библін на народный языкъ означалъ, что источнихи религи должны быть отврыты равно для всёхъ и религиозное образование должно стать общимъ достояніемъ, безъ разлачія васть и сословій... Эта мысль могла имъть много серьёзнаго значенія въ тъхъ обществахъ, гдъ для массы христіанское образованіе сводилось почти только въ одному внѣшнему обряду и, слѣдовательно, почти не существовало. Заговорить о Бабліи на народномъ язывѣ, вначило-напомнить обществу объ его религии, и показать, къ чему оно, по меньшей мёрё, должно быть обязано, если понимаеть религію сколько-нибудь серьёзно.

Для этого религіознаго образованія народовъ, въ идеяхъ Британскаго Общества должна была служить главнымъ образомъ Библія, т. е. самые источники откровенной религіи, одинаково принимаемые всёми исповёданіями. Поэтому, основнымъ принципомъ его стала полная вёротерпимость: Британское Общество

¹) Отч. за 1821 г., стр. 30.

помогало одинаково всёмъ христіанскимъ исповёданіямъ, не дёлая между ними никакого различія, — оно не желало только дёлать уступокъ тёмъ конфессіональнымъ притязаніямъ, которыя покушались на самый смыслъ и текстъ Библіи¹), — и потому издавало свои Библіи безъ всякихъ примёчаній и объясненій.... Эта впротерпимость входила теперь, новымъ элементомъ, въ понятія русскаго общества, и не только въ мірской его части, но, что особенно важно, въ его духовномъ сословіи, крайне исключительномъ издавна и даже наканунѣ своего участія въ Библейскомъ Обществѣ. Въ главномъ комитетѣ русскаго Общества, на ряду съ представителями православной іерархіи сидѣли духовныя лица исповѣданій католическаго, протестантскаго, армянскаго и греко-уніатскаго. Въ трудахъ по изданіямъ одно время приняли участіе даже «отцы-iезуиты».

Британское Общество не довольствовалось однимъ печатаніемъ книгъ; при распространеніи Библіи имъ руководили вмѣстѣ и филантропическія побужденія: значительное количество книгъ раздавалось неимущимъ даромъ; оно доставляло Библіи въ заведенія для бѣдныхъ и въ мѣста содержанія заключенныхъ. Съ другой стороны, для того, чтобы Библія могла быть читана народомъ, нужно было позаботиться о иколаха, и эта забота была также близка Британскому Обществу. Такъ, одинъ изъ первыхъ людей, возъимѣвшихъ мысль о Библейскомъ Обществѣ, Чарльзъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ Библіи, дѣятельно работалъ и для школы. Конечно, заведеніе школы не входило прямо въ кругь дѣйствій Общества, тѣмъ болѣе, что въ Англіи этотъ трудъ нашелъ много своихъ усердныхъ исполнителей; но мысль о школѣ постоянно соединялась съ мыслью о Библіи, и дѣятели Британскаго Общества, въ своихъ сношеніяхъ съ русскими, указывали на эту необходимость, рекомендовали имъ ланкастерскія школы, описывали воскресныя и переходящія школы, существовавшія въ Англіи, и мы увидимъ, что въ числѣ приверженцевъ и распространителей ланкастерской методы у насъ члены Библейскаго Общества играли не малую, если не главную роль.

Далѣе, существеннымъ принцикомъ «Британскаго и Иностраннаго Общества» было распространение Библіи на языкахъ всѣхъ народовъ вообще, имѣющихъ нужду въ Библіи, не только народовъ, живущихъ въ государствѣ, но и всякихъ другихъ. Такимъ образомъ, труды Общества должны были принять характеръ миссіонерскій, потому что многимъ чужимъ народамъ при-

¹⁾ Хотя, впрочемъ, оно издавало и католические переводы Библин, или оказывало пособіе ихъ изданію.

ходняюсь доставлять Библію въ первый разъ: сдёлать переводъ ея и принести къ нимъ этотъ переводъ. Естественно, что въ категорін чужихъ народовъ всего скорѣе представлялись вниманію народы, болбе близкіе и болбе нуждавшіеся въ религіозномъ воспитанін; для англичанъ, это были языческія племена Инліи и колоній; для русскихъ — это были, во-первыхъ, многочисленные инородиы, жившіе въ предблахъ имперіи и остававшіеся не только магометанами, по даже язычниками, и во-вторыхъ, народы единовърные, но лишенные средствъ доставить себъ сами это духовное образование, потому что были подавлены гнетомъ чужого владычества. Британское Общество указывало нашему и на тьхъ и на другихъ; и мало того, оно своими собственными трудами предупредило русскихъ въ исполнении этой цёли. Такъ, еще за нъсколько лътъ до открытія Библейскаго Общества въ Россія, на кавказской линія въ Каррась, основалась шотландская волонія, имѣвшая въ виду миссіонерскую дѣятельность между тувемнымъ татарскимъ и инымъ не-русскимъ населеніемъ. Странствующіе агенты Британскаго Общества жили между бурятами, и свою практику распространяли до Охотска. Тоже было и въ другомъ направлении. Мы упоминали выше о странствованіяхъ Пинкертона. Ему главнымъ образомъ принадлежить устройство библейскихъ обществъ въ Греціи, утвержденіе библейскихъ сношений русскаго Общества съ греческими населениями турецкой имперіи, и, наконецъ, мысль о содъйствія религіозному образованію въ болгарскомъ населеніи. Пинкертонъ, во время своего пребыванія въ Константинополь, заботился о прінсканіи переводчика св. писанія на болгарскій языкъ. Англійскимъ агентамъ принадлежитъ, кажется, и мысль о сербскомъ переводѣ, который взялъ тогда на себя извёстный Вукъ Караджичъ¹).

Тонъ У. -- Сентяврь, 1868.

¹) Судьба этого перевода была довольно несчаствая. Вукъ Караджичъ былъ въ Россіи въ 1819—1820 годахъ; въ Петербургѣ онъ вознакомился и съ Библейскимъ Обществомъ, которое поручило переводъ Н. Завѣта ему, какъ «навѣстному сербскому интератору». Караджичъ принялся за работу, въ которой пользовался также содѣйствіемъ извѣстнало слависта Копптара. Но, когда онъ представилъ свой переводъ, Библейское Общество поручило пересмотръ его нѣкоему Аванасію Сгойковичу, тогдашнему профессору въ харьковскомъ университетѣ, родомъ сербу. Но Стойковичъ былъ сербъ старой литературной школы, не знавшей чистаго народнаго языка, введеніе котораго въ сѐрбскую литературу было задачей всей дъятельности Караджича. Переводъ Вука показался Стойковичу не достаточно возвышеннымъ, даже пизкимъ и площаднымъ; онъ взялся передѣлать его по своему, и дъйствительно передѣлалъ: отъ Вукова перевода остались едва замѣтные слѣды, и народный его языкъ Стойковичъ замѣнытъ множествомъ славяно-русскихъ словъ и оборотовъ, — такъ что для серба онъ требовалъ новаго перевода. Библейское Общество напечатало этотъ переводъ; и Вуку въ ограждение своего дѣда осталось представить образчики своего собственнаго труда;

Всё эти возбужденія были больше или меньше новы для людей русскаго Общества, и библейская дёятельность, своими ближайшими подробностями, отврывала имъ новыя перспективы нравственныхъ интересовъ. Само Британское Общество представляло примёръ неутомимыхъ стремлений въ разъ поставленной цёли, и это могло действовать темъ больше на русскихъ библейскихъ ревнителей, что живые примёры были постоянно на глазахъ руссваго комитета. Это были не разъ упомянутые агенты Британсваго Общества, прожившіе тогда много лёть въ Россіи на служении библейскимъ интересамъ-Патерсонъ, Пинкертонъ и Гендерсонъ. Въ самомъ деле, въроятно только очень немногіе изъ самихъ русскихъ столько трудились для библейскаго дёла въ Россіи, какъ эти три иностранца. Мы видёли, съ какимъ великимъ уважениемъ комитетъ русскаго Общества признавалъ всегда труды перваго изъ нихъ, и они вполнѣ заслуживали тавого уваженія: ему принадлежала первая иниціатива, на немъ лежали труды организаціи, зав'єдываніе складами книгохранилища, устройство стереотипной типографіи, трудъ надъ самыми изданіями, переписка съ Британскимъ Обществомъ и т. д. Очевидно, что этоть человёкь не отказывался ни оть какой работы на пользу дъла. Мы упоминали о путешествіяхъ Пинкертона и Гендерсона внутри и внѣ Россіи; и тоть и другой отдавались делу руссваго , Библейскаго Общества какъ своему собственному, -- безъ всякихъ севтаторскихъ тенденцій (въ кавихъ послѣ хотѣли ихъ обвинить), а, напротивъ, въ духѣ полной вѣротерпимости и, наконецъ, съ исвренней любовью въ той націи, среди которой они дъйствовали. Впослъдствіи, когда русское Библейское Обществоуже не существовало, они оставили память своей деятельности въ Россіи въ своихъ книгахъ; эти книгп-описаніе ихъ путешествій по Россіи съ библейскими цёлями — послужать для историковъ Библейскаго Общества свидътельствомъ ихъ безкорыстной ревности и той привязанности къ самому народу, которой не охладило и прискорбное для нихъ паденіе самаго дѣла ¹).

1) Книга Гендерсона вышая въ самый годъ сакрытія русскаго Общества; она навывается "Biblical Researches and Travels in Russia; including a tour in the Crimea, and the passage of the Caucasus: with observations on the state of the rabbinical and

онь и издаль эти образчики («Огледи светога писма на српском језниу») въ тоже время. Впоследствін, Вукъ еще разъ пересмотраль и исправиль свой переводь и издаль его вполить въ 1847 году. Британское Общество, убедившись, что это и есть действительный сербскій переводъ, пріобрёло у Вука право изданія. Ср. Шафарика, Gesch. der südslaw. Literatur, III, 455-456; Е. Henderson, Biblical researches and travels in Russia, p. 262.

Въ такомъ духѣ совершались вліянія, которыя исходили отъ Британскаго Общества. Правда, этимъ вліяніямъ можно приписать и нѣкоторыя несовсѣмъ благопріятныя послѣдствія, оказаввняся въ средѣ русскаго Общества и состоявшія въ піэтистическихъ крайностяхъ, — но принадлежитъ ли вина этихъ послѣдствій Британскому Обществу, это еще вопросъ, и со всѣмъ тѣмъ, какъ бы строго мы ни судили о нихъ, нельзя не признать, что вообще британскія вліянія были вліянія благотворныя, исходившія изъ хорошаго источника, и несомнѣнно цивилизующія для такого общества, каково было тогда русское.

Понятно, что результаты, вышедшіе изъ этого, въ большой ибрѣ, если не исключительно, зависѣли уже отъ русской «почвы»; къ этимъ результатамъ, т. е. къ опредѣленію характера дѣйствій русскаго Общества мы теперь и перейдемъ.

Прежде всего, вто были исполнители?

Ихъ имена любопытны между прочимъ въ томъ отношении, что въ ихъ средѣ мы должны искать тѣхъ враговъ порядка, будто бы распространявшихъ вредныя мысли, ради которыхъ Общество немного лѣтъ спустя было заврыто.

Но мы напрасно стали бы искать этихъ враговъ порядка между лицами, которымъ принадлежало главное вліяніе на дёла, какъ въ началё, такъ и въ концё Общества, — и хотя въ средё петербургскаго комитета были, дёйствительно, лица сомнительнаго нравственнаго достоинства, то это были люди, которымъ или вовсе не приписывалось вредныхъ замысловъ врагами Общества (иные изъ нихъ успёли перебёжать заранёе въ другой лагерь, и были тамъ друзьями), или же они вовсе не были такъ страшны для общественнаго спокойствія.....

Выше быль указань составь петербургсваго вомитета (которому и принадлежало главное веденіе діла) за первые два года. Составленный первоначально изъ свётскихъ лицъ, именно изъ

Karaite Jews, and the Mohammedan and Pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Bussian Empire. With maps and plates». By E. Henderson, London MDCCCXXVI, 538 crp. Гендерсовъ написалъ также нёсколько другихъ сочиненій, относящихся къ библейской археологіи и къ библейской его деятельности, между прочимъ, книгу о пребыванім своемъ въ Исландін. Пинкертону принадлежитъ, во-первыхъ, книга «О настоящемъ состоявія греческой церкви въ Россіи», п цотомъ другое сочиненіе, которымъ мы пользовались, — «Russia: or, Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants. Compiled from notes made on the spot, during travels, at different times, in the service of the Bible Society, and a residence of many years in that country». By Robert *Pinkerton*, London MDCCCXXXIII. 486 crp.

нёсколькихъ, между прочимъ первостепенныхъ, сановниковъ, коинтетъ уже въ 1814-мъ году увеличился выборомъ многихъ духовныхъ лицъ, различныхъ вёроисповёданій. Въ слёдующіе годы выборы приводили въ комитетъ новыхъ людей, выбиравшихся по тому же принципу: обыкновенно это были православные и иновёрцы, лица свётскія и духовныя, люди чиновные и купцы. Лица, разъ вступившія въ комитетъ, въ качествё вице-президента или директора, обыкновенно оставались въ немъ постоянно; предполагалось, что дёло соотвётствовало ихъ взглядамъ на вещи — ихъ вычеркивала изъ списка только смерть. Только немногіе выходили изъ комитета: или люди, мало нужные для дёла, которыхъ, для нёкотораго обновленія комитета, должны были смёнять другіе, или же люди, въ которыхъ можно предположить причину выхода тенденціозную, какъ напр. у С. С. Уварова (онъ былъ директоромъ комитета только первые три года, 1813—15). Но Уваровъ едва ли не былъ единственнымъ примёромъ этого рода.

Такимъ образомъ, въ спискѣ вице-президентовъ, начиная съ первыхъ годовъ (или со времени избранія) и до конца мы встрѣчаемъ людей, какъ гр. В. П. Кочубей, гр. А. К. Разумовскій (до 1816 министръ нар. просвѣщенія), О. П. Козодавлевъ, Р. А. Кошелевъ, гр. К. А. Ливенъ (въ 1813 директоръ, потомъ вицепрезидентъ), З. Я. Карнѣевъ (съ 1815 г.); какъ митрополиты Серапіонъ, Амвросій; архіеп. (потомъ митр.) Михаилъ и Серафимъ; католическое исповѣданіе представлялъ митр. Сестренцевичъ-Богушъ; армянское—архіеп. Іоаннесъ. Въ 1818 году встуиилъ въ число вице-президентовъ епископъ (впослѣдствіи архіеп. и митр.) Филаретъ, до того бывшій директоромъ комитета, и уніатскій митр. Іосафатъ Булгакъ; затѣмъ въ слѣдующіе годы митр. Варлаамъ и новые архіепископы и епископы Симеонъ, Іона, Григорій, — евантелическій епископъ Сигнеусъ; изъ свѣтскихъ лицъ М. Л. Магницкій, съ 1819, какъ вице-президентъ провинціальнаго отдѣленія, жившій въ Петербургѣ; гр. М. А. Милорадовичъ; М. М. Сперанскій (съ 1822) и др.

Въ томъ же родъ составлялся и списокъ директоровъ, гдъ мы находимъ людей съ менъе важнымъ общественнымъ положеніемъ. Съ 1814 года вступили въ число директоровъ архимандритъ Филаретъ, съ самаго начала одинъ изъ дъятельнъйшихъ членовъ комитета, съ 1818 г. вступившій въ число вице-президентовъ¹); далъе аббатъ Мангень, пасторъ Рейнботъ, извъстный

¹) Филареть уже рано быль въ дружескихъ связяхъ съ кн. Голицынымъ. Съ 1812 г. онъ быль ректоромъ и профессоромъ петерб. дух. академіи; съ 1817 членомъ

мистикъ А. Ө. Лабзинъ; затёмъ въ слёдующіе годы—арх. Инновентій, свящ. Павскій (съ 1817), свящ. А. Маловъ; пасторы Фольбортъ и Янъ; католическій патеръ Госнеръ (съ 1820 г.); изъ св'ётскихъ лицъ: Поміанъ Пезаровіусъ, бывшій вмёстё и секретаремъ комитета (съ 1817); съ 1819 г. Д. П. Руничъ, до того времени находившійся директоромъ въ московскомъ комитетѣ.

Наконецъ, президентомъ цёлаго Общества былъ кн. А. Н. Голицынъ, одинъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ людей императора Александра, еще до основанія Библейскаго Общества предавшійся религіознымъ стремленіямъ и мистицизму. Въ Библейскомъ Обществѣ онъ былъ дѣйствительнымъ главой всѣхъ предпріятій, которыя въ немъ находили своего представителя передъ властью; на помощь библейскому дѣлу онъ распоряжался огромнымъ вліяніемъ и сильными административными средствами.

нымъ вліяніемъ и сильными административными средствами. Понятно, что подобный составъ комитета ручался за полную благонамъренность Общества. Безсмысленно было бы думать, чтобы на глазахъ или даже подъ руководствомъ упомянутыхъ сановниковъ и іерарховъ могли совершаться какіе-нибудь систематическіе вредные умыслы, какъ увъряли враги Общества, дикіе фанатики и интриганы, и простодушные люди, бывшіе ихъ орудіемъ. Князь А. Н. Голицынъ былъ, конечно, не менѣе благонамѣренъ, въ смыслѣ преданности императору Александру, чѣмъ графъ Аракчеевъ или А. С. Шишковъ, и большинство библейскихъ дѣятелей точно также мудрено было бы обвинить въ какой-нибудь политической неблагонадежности или вольнодумствѣ.... На нихъ, напротивъ, ложится обвиненіе совсѣмъ иного рода, —и почти тоже, какое падаетъ на тѣхъ противниковъ ихъ, которые были причиной паденія Общества: и многіе друзья и эти противники Общества были одинаковые обскуранты.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ комитетѣ были люди, дѣйствовавшіе съ искреннимъ убѣжденіемъ и желаніемъ пользы. Конечно, теперь, когда намъ еще такъ мало извѣстны подробности тогдашнихъ событій, еще трудно опредѣлить степень этой искренности въ различныхъ дѣятеляхъ Библейскаго Общества; но нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, не на однихъ словахъ принимали правила вѣротерпимости и человѣколюбія, которыя старалось внушать Британское Общество. По крайней мѣрѣ комитетъ дѣйствительно соединилъ въ себѣ элементы, которые еще

главнаго правленія училищъ (до 1822) и тогда же посвященъ въ епископа; съ 1819 быль архіепископомъ тверскимъ; съ 1820 арх. ярославскимъ; съ 1821 архіеп. мосжовской епархін; въ санъ митрополита возведенъ въ августѣ 1826.

нивогда до тёхъ поръ не были соединимы въ русской жизни: мы говоримъ о религіозной терпимости, соединившей въ одномъ, *религіозномъ*, дёлё православныхъ іерарховъ съ иновёрнымъ духовенствомъ. Эти православные іерархи, находившіеся въ комитетѣ, были лица такого духовнаго авторитета, что выше его тогда не было другого; замѣтимъ, что къ именамъ этихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ нужно присоединить еще много другихъ первостепенныхъ духовныхъ лицъ, работавшихъ для библейскаго дѣла во всѣхъ провинціальныхъ отдѣленіяхъ Общества. Особенная воля императора Александра, конечно, внушала имъ усердіе къ библейскому дѣлу; но, во всякомъ случаѣ, имѣли здѣсь свою долю религіозныя увлеченія, открывавшія путь внушеніямъ Британскаго Общества. Изъ свѣтскихъ лицъ, многія извѣстны были искреннимъ благочестіемъ, какъ гр. Ливенъ, Габлицъ, даже Сперанскій, и др.

Эти увлеченія, забывавшія о вёроисповёдныхъ различіяхъ, были съ другой стороны тёмъ возможнёе, что въ средё коми-тета мы встрёчаемъ цёлый рядъ людей, воспитанныхъ еще въ тета мы встрёчаемъ цёлый рядъ людей, воспитанныхъ еще въ старомъ масонскомъ мистицизмѣ, и людей Дружескаго Общества. Такъ къ нимъ принадлежали прежде всего два митрополита: Михаилъ (ум. 1821) и Серафимъ (хотя, правда, послѣдній по общимъ отзывамъ не отличался силой ума и опредѣленностью взгля́довъ, и едва ли сберегъ идеи Дружескаго Общества); далѣе, это были Р. А. Кошелевъ, старый масонъ, который поучался еще у самого Сенъ-Мартена; З. Я. Карнѣевъ, бывшій въ свое еще у самого Сень-Мартена; 5. л. паривевь, оввши вы свос время главой ложи «теоретическаго градуса», уцѣлѣвшій при Екатеринѣ и покровительствуемый Павломъ; А. Ө. Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника», представлявшій въ литературѣ какъ будто продолженіе розенкрейцерства; Лѣнивцевъ, изъ чи-сла «теоретическихъ братьевъ», возведенныхъ въ эту степень еще въ блестящія новиковскія времена, потомъ послѣдователь польскаго мистика и пророка Грабянки. Къ этой же мистиче-ской категоріи принадлежалъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, ревностно содъйствовавшій основанію московскаго отдѣленія Общества. А. И. Тургеневъ, секретарь Общества съ его начала и до па-денія вн. Голицына, менъе удобно можетъ быть отнесенъ къ этой категоріи, но повидимому, въ немъ остались, до нъкоторой степени, отголоски тёхъ же вліяній: отецъ его, И. П. Тургеневъ, былъ однимъ изъ главныхъ членовъ новиковскаго кружка и типографической компаніи. Первымъ секретаремъ библейскаго комитета съ начала Общества и до отставки кн. Голицына былъ В. М. Поповъ, одинъ изъ самыхъ крайнихъ мистиковъ, имя ко-

тораго было замёшано въ процессъ Госнера, послужившій однимъ изъ предлоговъ для уголовныхъ нападеній на Общество. Такимъ образомъ въ составё комитета были представители

Такимъ образомъ въ составѣ комитета были представители iepapxin, присутствіе которыхъ могло ручаться за достаточное православіе въ собственныхъ дѣйствіяхъ самого Общества; ближайшіе представители власти, присутствіе которыхъ могло ручаться, что Общество не впадетъ въ противозаконный способъ дѣйствій; были люди съ искренними религіозными убѣжденіями, но также и люди съ мистическимъ фанатизмомъ или съ крайнимъ лицемѣрнымъ изувѣрствомъ, какъ Магницкій.... Комитетъ естественно привлекалъ изъ общества людей съ религіознымъ настроеніемъ, какого требовалъ самый характеръ дѣла; и потому нечего, конечно, ожидать въ числѣ членовъ комитета, или особенныхъ его друзей, лицъ чисто свѣтскаго образованія и дѣятелей тогдашней литературы. Почти единственный человѣвъ этого послѣдняго разряда былъ Уваровъ, но, какъ мы видѣли, онъ оставался въ комитетѣ недолго ¹).

При началѣ дѣла комитетъ очевидно старался дѣйствовать такъ, какъ внушали принципы Британскаго Общества; повидимому, онъ находился еще подъ свѣжими вліяніями этого Общества, по крайней мѣрѣ въ первые годы, онъ оставался въ предѣлахъ умѣренности и не допускалъ еще дѣйствовать тѣмъ мрачнымъ наклонностямъ, которыя обнаруживаются въ его отдѣльныхъ членахъ впослѣдствіи. Тѣ идеи вѣротерпимости, религіознаго просвѣщенія и человѣколюбія, которыя всего лучше соотвѣтствовали библейской дѣятельности Общества, находятъ послѣдователей и въ членахъ русскаго комитета. Англійская программа исполнялась въ самыхъ внѣшнихъ пріемахъ.

въ самыхъ внъшнихъ приемахъ. Относительно главной своей цѣли — изданія и распространенія книгъ св. писанія — Общество успѣло сдѣлать очень много: оно достигло рѣшенія важнаго вопроса о переводѣ Библіи на русскій языкъ, и успѣло въ большомъ числѣ экземпляровъ распространить русскій Н. Завѣтъ. По примѣру Британскаго, русское Общество съ большой ревностью заботилось въ тоже время о переводахъ писанія на языки многоразличныхъ инородцевъ имперіи, и наконецъ даже о переводахъ, которые бы служили не столько внутри, сколько внѣ русскихъ предѣловъ, какъ переводы армянскій, болгарскій, сербскій, изданія на греческомъ языкѣ и т. д.

Увскорѣ въ комитетѣ заняли мѣсто Магницкій и Руничъ; и вѣроятно выходъ Уварова имѣлъ свою причину въ томъ, что въ комитетѣ уже начали обнаруживаться предвѣстія того эдемента, который представляли собой въ особенности эти двѣ личности.

Внѣшная организація Общества устроена была также по англійскому образцу: отъ центральнаго петербургскаго комитета основались мѣстныя отдѣленія, комитеты и сотоварищества, заводимы были «корреспонденты» и «коллекторы»; комитеты устроивали ежегодныя собранія или «акты», на которыхъ говорились рѣчи и совершались приличныя случаю духовныя торжестга. Дѣйствіямъ комитета давалась публичность печатаніемъ отчетовъ, корреспонденцій, извѣстій, воззваній и т. п. Наконецъ, по примѣру англійскаго Общества, устроивались путешествія агентовъ комитета для обзора дѣятельности частныхъ комитетовъ и для новой пропаганды; таковы были два путешествія Пинкертона (въ 1816 и 1822), и въ особенности путешествія Патерсона и Гендерсона съ помощникомъ секретаря петерб. комитета Сѣровымъ въ 1821 году ¹); они объѣхали почти всю среднюю и южную Россію, посѣщая отдѣленія Общества, освѣдомлялсь объ ихъ дѣятельности, оказывая имъ нужное содѣйствіе и т. д. Правило вѣротерпимости, принятое въ Британскомъ Обществѣ;

Правило въротернимости, принятое въ Британскомъ Обществъ, и въ нашемъ Обществъ выполнялось въ самомъ составъ комитета, въ которомъ, во все время существованія Общества, соединены были свътскія и духовныя лица различныхъ исповъданій.

Библейская религіозность, возбужденная Британскимъ Обществомъ, обращаясь къ источникамъ христіанства, устраняла сама по себѣ вѣроисповѣдные споры и несогласія, и мы увидимъ дальше, что этотъ библейскій интересъ обновилъ въ нашемъ обществѣ тѣ стремленія, которымъ предавались мистики XVIII-го вѣка. Рѣчь шла уже не о томъ или другомъ исповѣданіи, а гораздо больше — о достиженіи высшей религіозности, объ основаніи «внутренней» церкви, о непосредственномъ сліяніи съ божественнымъ духомъ.... То, что только общимъ образомъ указывалось Британскимъ Обществомъ, развилось подъ вліяніемъ всѣхъ обстоятельствъ времени: Библейскимъ Обществомъ овладѣла мистика, элементы которой и независимо отъ того проникали въ тогдашнюю европейскую литературу и жизнь, и изъ нихъ проникали къ намъ.

Мы скажемъ дальше подробнѣе объ этомъ распространении мистицизма, а теперь замѣтимъ только, что въ первоначальныхъ вліяніяхъ Британскаго Общества было, безъ сомнѣнія, много благотворнаго и цивилизующаго: библейскій комитетъ изъ разновѣрныхъ представителей былъ нѣчто совершенно невиданное въ рус-

¹) Они сдъзали тогда путь изъ Петербурга, черезъ Новгородъ и Тверь въ Москву, потомъ въ Калугу, Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Черинговъ, Кіевъ, Острогъ, Каменецъ-Подольскъ, Кишиневъ, Одессу, Херсонъ, Крымь, Таганрогъ, Новочеркасскъ, Воронежъ, Рязань, Москву и т. д.

ской жизни, — отказываясь отъ той нетерпимости, которая назегла съ среднихъ въковъ на народныя понятія и конечно была однимъ изъ сильнъйшихъ препятствій для успѣховъ цивилизаціи, Библейское Общество, конечно, дъйствовало въ смыслѣ этой цивилизаціи. Правда, примѣненія, которыя сдѣланы были имъ впослѣдствіи изъ этого принципа, были часто слишкомъ странны и даже превратны, но основа, положенная Британскимъ Обществомъ, едва ли была въ этомъ виновата.

Религіозное возбужденіе забывало религіозную и племенцую вражду, и многія дъйствія комитета показались бы очень странными въ другое время, напримъръ въ наше. Петербургскій комитеть поощряетъ библейскихъ дъятелей за границей, какъ напр. Леандра фанъ-Эсса и Госнера, и поддерживаетъ ихъ даже на перекоръ мъстнымъ католическимъ властямъ. Московскій комитетъ радуется, что могъ оказать услугу своимъ соотечественникамъ полякамъ, напечатавши для нихъ большой запасъ польской Библіи и Н. Завѣта.

Биоли и п. Завъта. Едва ли подлежить сомнѣнію, что этоть принципъ вѣротерпимости внушаль въ кругѣ приверженцевъ Библейскаго Общества и большую терпимость къ расколу. До тѣхъ временъ обычное отношеніе къ расколу въ духовенствѣ было или питиримовское ожесточеніе, или полное равнодушіе и пренебреженіе. Основаніе единовѣрія при митр. Платонѣ, было важнымъ нововведеніемъ; теперь, въ Библейскомъ Обществѣ отдѣльныя лица (по крайней мѣрѣ). кажется, сдѣлали еще шагъ впередъ.

піскі, тепері, віз ізнолечском сооществі отдытный янца (по крайней мѣрѣ). кажется, сдѣлали еще шагъ впередъ.
Это было, конечно, совершенно послѣдовательно и, во всякомъ случаѣ, было успѣхомъ относительно прежнихъ порядковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если наши библейскіе дѣятели соглашались видѣть такихъ же равноправныхъ христіанъ въ католикахъ и уніатахъ, прогестантахъ и армянахъ, методистахъ и квакерахъ, и всякихъ другихъ иностранныхъ диссентерахъ, то естественно было взглянуть болѣе мирнымъ образомъ и на нашихъ собственныхъ диссентеровъ. Иностранные агенты Британскаго Общества, дѣйствовавше тогда въ Россіи, такъ дѣйствительно и смотрѣли на нашихъ раскольниковъ; одинъ изъ этихъ агентовъ, Пинкертонъ, оченъ интересовался расколомъ (онъ зналъ по русски) и посвятилъ ему иного страницъ въ своихъ книгахъ о Россіи и русской церкви ¹). Изъ русскихъ сектъ его интересовали всего больше духоборцы, которые возбуждали въ немъ особенную симпатію характеромъ своихъ крузей», т. е. съ квакерами. Подобное

^{&#}x27;) Hanp., Russia, crp. 165 H cutz.

отношение въ расколу было, однимъ словомъ, совершенно не похоже на то, что представляли тогда обычные русские нравы 1), и, при тогдашнемъ брожении религіозныхъ идей, такіе взгляди легко прививались и у русскихъ друзей британскихъ проповёдниковъ чистой Библін. Пинкертонъ встрѣтилъ духоборца «въ дожё русскаго знатнаго человёка», и вёроятно духоборець пональ туда не случайно. Какъ извёстно, терпимость къ расколу стала въ то время проникать иногда и въ правительственныя мёры.... Въ біографія митр. Филарета, изданной г. Сушвовымъ, отмѣчены факты, повазывающіе, повидимому, что митрополить и въ позднёйшую эпоху своей жизни сохраняль иногда взгляды временъ Библейскаго Общества и относился къ расколу съ снисходительностью, которая не была вообще въ привычвахъ нашей ісрархіи. Въ самомъ расколъ должны были почувствоваться эти новыя черты времени, и смягчаться старая вражи въ господствующей цервви. Привывши прежде чуждаться всего, что только исходило отъ этой церкви и отъ образованныхъ классовъ общества, теперь они, повидимому, интересовались дъйствіями Библейскаго Общества, и не остались чужам библейскому движенію.

Отчеты Общества обращають вниманіе на эти факты и ин не находимъ, напр., основанія сомнѣваться въ извѣстіяхъ богородскаго корреспондента московскаго комитета, который увѣдоилялъ (въ первой половинѣ 1824 г.), что «изъ числа экземпляровъ Новаго Завѣта на одномъ русскомъ языкѣ, большая часть раскуплена старообрядцами, которые съ великимъ вниманіемъ и радостію читаютъ сію божественную и душеспасительную книгу на природномъ своемъ языкѣ»²).

Рядомъ съ библейской дёятельностью въ нашемъ Обществё выказалось и то филантропическое направление, какое отличало его первообразъ. Это опять совпадало съ характеромъ времени.

У Извѣстія о Библейскихъ Обществахъ 1824, сент., стр. 861. Противъ этого въ вѣстія потомъ, какъ уведниъ, сверѣиствовалъ Шешковъ.

¹) Вотъ, для образчика, одниъ изъ отзывовъ Пинкертона:

[«]Въ мартѣ 1822 я встрѣтился съ однимъ чрезвычайно интереснымъ духовнымъ христіаниномъ (Spiritual Christian, т. е. духоборцемъ), священникомъ одного изъ ихъ собраній въ Петербургѣ, и имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ въ домѣ одного знатнаго русскаго... Я говорилъ съ нимъ почти три часа о главнѣйшихъ ученіяхъ Евангелія, и нашелъ его вообще очень здравомыслящимъ (very sound). Его знанія были заимствованы исключительно изъ Слова Божія, котораго онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ знатоковъ (most powerful quoters), съ какими только мнѣ случалось говорить. Его понятія о вѣрѣ и жизни (practice) христіанина, извлеченным изъ этого источника, были удивительно простыя и гармоническія (beautifully simple and harmonious), и проч. Вussia, стр. 185 и слѣд.

Императоръ Александръ въ самомъ началѣ своего царствованія возбудиль въ обществе стремления въ общей пользе и благотво-. ренію: университеты, лицеи, благотворительныя учрежденія основывались пе только средствами казны, но и богатыми пожертвованіями частныхъ лицъ. Общество радовалось тогда ожидаемому счастливому правленію и стремилось содбиствовать благимъ наивреніямъ правительства. Послѣ 1812 года филантропія явилась естественнымъ слѣдствіемъ страшнаго потрясенія, вынесеннаго народомъ. Частныя филантропическія общества уже съ этого времени содъйствовали правительству въ пособіи потерпъвшимъ отъ войны, и Библейское Общество различнымъ образомъ связано было съ этимъ филантропическимъ движеніемъ. Его президенть вн. Голицынъ, былъ вмёстё съ тёмъ «главнымъ попечителенъ» основаннаго тогда Императорскаго Челов волюбиваго Общества. Онъ же быль первымъ «попечителемъ» открывшагося въ 1816 году Вольнаго Общества Любителей Российской Словесности, въ которомъ собралось преимущественно молодое литера-турное поколѣніе: это общество издавало свой журналъ ¹) и деньги, выручаемыя изданіемъ, назначало на «постоянныя и временныя пособія неимущимъ ученымъ и учащимся», и т. п. Имя вн. Голицына, главной опоры Библейскаго Общества, встрёчается почти всегда тамъ, гдъ шло дъло о подобныхъ предпріятіяхъ общественной благотворительности. Въ 1821 году, онъ, съ высочайшаго соизволенія, предпринялъ подписку въ пользу «обита-телей Греціи», оставлявшихъ тогда Грецію, обнятую возстаніемъ и войной, и приходившихъ толпами въ Россію. Въ своемъ воззваніи, на манеръ библейскихъ воззваній, онъ обращался въ ду-ховнымъ властямъ православнымъ, католическимъ, уніатскимъ и армянскимъ, призывая ихъ открывать подписки для облегчения участи бъдствующихъ единовърцевъ 2). Въ 1823 г. кн. Голицинъ предпринималь благотворительный сборь въ пользу бѣлоруссвихъ губерній, терпѣвшихъ отъ неурожая и т. д. Само Библейское Общество снабжало тюрьмы и богадѣльни книгами св. писанія.. Имена другихъ членовъ Общества также связаны съ филантро-пическими предпріятіями: Тургеневъ участвовалъ въ управленіи дѣлами Женскаго благотворительнаго Общества, основавшагося

¹) «Соревнователь просв'ященія в благотворенія» нли «Труды В. Общества» и пр., съ 1818 по ноябрь 1825 г. По характеру своихъ тенденцій, по связямъ съ масовскими ложами и по лицамъ, его составлявшимъ, это Общество, повидниому, было какъ бы посредствующимъ зв'вномъ между библейскимъ Обществомъ и либеральными стремленіями молодого поколівнія.

³) Со второй половник 1821 г. до первыхъ мъсяцевъ 1823 г. собранная сумка показана въ 1,090,000 руб. См. Спб. Вѣдом. 1823, № 25.

нослё 1812 года; извёстный мистикъ Пезаровіусъ, секретарь и директоръ библейскаго комитета, въ 1813 г. основалъ «Русскій Инвалидъ», вся выручка котораго, за покрытіемъ издержекъ изданія, должна была идти въ пользу инвалидовъ, и уже въ 1815 г. иредставилъ 395.000 руб. асс., которыя положили начало инвалидному капиталу, возросшему потомъ до многихъ милліоновъ¹). Благотворительныя стремленія примёнялись и въ другомъ

направленіи, — въ распространеніи ланкастерскихъ школъ, котонаправленіи, — въ распространеніи ланкастерскихъ школъ, кото-рыя, какъ выше упомянуто, прямо рекомендовались членами Бри-танскаго Общества. Ланкастерскія школы обращали на себя вни-маніе, какъ новѣйшее изобрѣтеніе педагогіи, удобное въ особен-ности въ школахъ для бѣдныхъ. Въ 1816 г., министерство на-роднаго просвѣщенія послало за-границу четырехъ студентовъ главнаго педагогическаго института, которые, изучивъ методу вза-пмнаго обученія, вернулись въ 1819 году; съ этого времени на-чинается систематическое распространеніе ланкастерской методы въ училищахъ министерства и другихъ школахъ. Въ нѣкоторыхъ военнихъ министерства и другихъ школахъ. Въ нѣкоторыхъ въ училищахъ министерства и другихъ школахъ. Въ нёкоторыхъ военныхъ училищахъ ланкастерова метода принята была еще съ 1817 года... Кн. Голицынъ и Библейское Общество, повидимому, принимали особенное участіе въ ея распространеніи. Въ январѣ 1819 г. утверждено было особое «С.-Петербургское Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія», и въ тоже время открыта была ланкастерская школа, имѣвшая въ теченіе своего существованія большой успѣхъ и очень много учениковъ²). Другая школа, для безденежнаго обученія бѣдныхъ дѣтей ино-странцевъ, учреждена была въ 1821 г. по плану иностранца Веннинга, получившему высочайшее утвержденіе по докладу кн. Голицына. Въ школѣ Веннинга главнымъ смотрителемъ былъ уленъ Великобританскаго Миссіонерскаго Общества Ниль: самъ Голицына. Въ школъ Веннинга главнымъ смотрителемъ былъ членъ Великобританскаго Миссіонерскаго Общества Нилль; самъ Веннингъ былъ, въроятно, тотъ самый, который съ 1819 года находился въ числъ директоровъ петербургскаго комитета Биб-лейскаго Общества. Въ 1822 году, по докладу кн. Голицына, по-лучено было высочайшее соизволеніе на открытіе ланкастерской школы, устроенной англичаниномъ Гердомъ для бъдныхъ рус-скихъ мальчиковъ. Какъ упомянутый Нилль и его помощникъ, такъ и Гердъ получили, по высочайшему повелѣнію, казенное жалованье, и школамъ ихъ выдавались значительныя пособія. Для бёдныхъ дёвочевъ отврыта была въ Петербургѣ, въ 1821 г., ланкастерская школа англичанкой Саррой Кильгамъ. Въ тоже время ланкастерскія школы отврывались въ большомъ числѣ по

²) Она закрылась въ 1827.

¹) Зая. Панаева, В. Евр. 1867, IV, стр. 108.

провинціальнымъ городамъ... При главномъ правленіи училищъ вн. Голицынъ учредилъ особый комитетъ для составленія учебныхъ пособій по ланкастерской методѣ и для управленія всѣмъ, относящимся къ училищамъ взаимнаго обученія. Этотъ комитетъ составленъ былъ изъ Магницкаго и Рунича, въ то время партизановъ Библейскаго Общества, и Мартынова, и началъ дѣйствовать съ іюня 1820. Еще до основанія комитета, въ 1819 г., при главномъ правленіи училищъ напечатаны были, между прочимъ, таблицы чтенія изъ св. писанія, составленныя по ланкастеровой методѣ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Библейскаго Общества, Филаретомъ...

Далѣе. Общество наше уже вскорѣ произвело и свою собственную литературу. Распространеніе библейскихъ обществъ сопровождалось обыкновенно и учрежденіемъ обществъ для изданія религіозныхъ сочиненій. Первообразомъ ихъ было англійское общество этого рода, Religious Tracts Society, существовавшее еще раньше библейскаго. У насъ не было основано для этой цѣли особеннаго формальнаго общества, но изданіе религіозныхъ книгъ и брошюрокъ для назидательнаго популярнаго чтенія уже съ первыхъ годовъ стало предметомъ систематической заботы у людей, стоявшихъ близко къ библейскому дѣлу. Трудами этого рода въ особенности извѣстна кн. Софья Серг. Мещерская ¹), стоявшая въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Александру.

Княгиня Мещерская, — разсказываеть о ней Пинкертонъ, еще до основанія Библейскаго Общества ревностно предалась дъламъ благочестія и человѣколюбія. Въ 1811 году она была въ числѣ первыхъ людей, поддерживавшихъ Пинкертона въ его стараніяхъ устроить библейское общество въ Москвѣ, что осуществилось въ 1813. Кн. Мещерская пріѣхала въ Москвѣ, что осуществилось въ 1813. Кн. Мещерская пріѣхала въ Москвѣ, что осуществилось въ 1813. Кн. Мещерская пріѣхала въ Москвъ, что осуществилось въ 1813. Кн. Мещерская пріѣхала въ Москвъ, что осуществилось въ 1813. Кн. Мещерская пріѣхала въ Москвъ, что осуществилось въ 1813. кн. Мещерская пріѣхала въ Москвъ, что осуществилось въ 1813. кн. Мещерская пріѣхала въ Москвъ, что осуществилось въ 1813. кн. Мещерская пріѣхала въ Москвъ, что осуществилось въ 1813. кн. Мещерская пріѣхала въ Москвъ, что осуществилось въ 1813. кн. Мещерская пріѣхала въ Москвъ, что осуществилось въ 1813. кн. Мещерская пріѣхала въ Москвъ, что осуществилось въ 1813. кн. Мещерская пріѣхала въ Москвъ, въ съ принимала потомъ живой интересъ въ дѣятельности Общества, съ членами котораго была въ дружескихъ сношеніяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она была однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ попечительнаго общества о тюрьмахъ; по примѣру извѣстной г-жи Фрей по нѣскольку разъ въ недѣлю читала и объясняла заключеннымъ св. писаніе; посѣщала больницы и благотворительныя учрежденія и т. д. Еще съ 1813 года она занялась изданіемъ упомянутыхъ назидательныхъ книгъ, предназначавшихся одинаково для читателей изъ всѣхъ классовъ. Первымъ ея трудомъ въ этомъ родѣ

¹) Слѣдующія дальше указанія находятся у Пинкертона, Russia, стр. 357 и слѣд.

было, по указанію Пинкертона, воззваніе «въ страждущимъ», изданное тотчасъ послё того, какъ французы оставили Москву ¹). Съ этихъ поръ и до того времени, когда Пинкертонъ оставилъ-Россію, внягиня Мещерская издала 93 вниги и брошюры, въ числё болёе 400,000 экземпляровъ; всё вмёстё эти изданія составляли до 18 томовъ; книжки продавались по дешевымъ цѣнамъ или раздавались даромъ. Почти весь матеріаль этихъ изданій заимствовань быль изъ англійской литературы, и изъ изданій англійскаго Общества трактатовъ. Самыми значительными въ числѣ ихъ были: проповѣди Уовера (Walker of Truro), «Христіанскія Изысканія» Буканана, и собственные труды княгини Мещерской: «Разговоры матери съ дътьми о духовныхъ предметахъ» и составленная ею книга о протестантскихъ миссіяхъ въ язычникамъ. Остальное составляли: трактаты Ричмонда (Legh Richmond), — книжка Аддисона о христіанстве, — выборъ изъ • трактатовъ Ганны Моръ (плодовитой англійской писательницы вонца прошлаго и начала нынёшняго столётій, знаменитой вромё того по своей религіозно - филантропической и образовательной двятельности на пользу низшихъ влассовъ, и вмёсте ревностной сотрудницы Британскаго Общества), — главныя изданія лондонскаго Tracts Society, — нёсколько внижевъ, переведенныхъ съ нъмецкаго, -- двъ книжки самого Пинкертона, -- наконецъ выборъ изъ сочинений Тихона Задонскаго и митрополита Миханда²). Пинкертонъ оказывалъ кн. Мещерской постоянное содбиствіе въ изготовления этихъ изданий, самая мысль которыхъ, вёроятно, вознивла подъ его вліяніемъ. Издержки изданія княгиня Мещерская. долго несла одна; и хотя распространение внигь, которому содъйствовали многія лица изъ высшаго духовенства, приносиле выручку, но она истратила больше 10,000 руб. на эти изданія. Наконецъ, императоръ Александръ также выразнаъ желаніе част-

¹) Изданіе, о которомъ упомвнаетъ Пинкертонъ, есть конечно брошюра: «Ебстраждущниъ», Спб. 1813; потомъ еще изданія 1813, 1817, 1819. (Смирд. Ж 962).

 Христіаннить (и пр.), Самунла Валкера; переводъ съ англійскаго. Спб. 1815 (Смирд. № 757).

— «Христіанскія пзысканія въ Азів, в проч. соч. Клавдія Бубанана; пер. съ англ. Спб. 1815 (Смирд. № 818).

- «Разговоры» и проч. ibid. 1817 (Смирд. № 995).

- Княжка о миссіяхъ, составленная кн. Мещерской, есть вёроятно: «Извёстія о распространенія христіанства между языч. народами и магометанами во всёхъ частяхъ свёта». Сиб. 1817 (Смирд. № 918).

— «Историческія доказательства божественности Інсуса Христа, соч. Адиссона; пер. съ англ. Спб., два изданія, 1817. 1819. (Смирд. № 778), и др.

Къ этихъ изданіямъ вёроятно принадзежать также многія наь книжекъ, означенныхъ у Смирдина № 969-1005. Ср. Р. Архивъ, 1868. ст. 1113.

нымъ образомъ содъйствовать этому дълу, и въ разное время употребилъ на него 12,000 руб. Впослъдстви внягиня Мещерская удалилась въ свое помъстье, и дъло изданія этихъ трактатовъ перешло въ руки ея благочестивыхъ друзей, и наприм. въ 1832 они издали 120,000 экземпляровъ такихъ книжекъ.

Пинкертонъ, который въ этомъ случай, безъ сомнина, высказываль также и мнёнія своихъ русскихъ друзей, придаваль этимъ изданіямъ внягини Мещерской большую важность для религіознаго воспитанія русскаго общества. «Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ онъ, — эти изданія составили въ Россіи новую эру относительно религіозныхъ внигъ, потому что главнъйшія догматическія и религіозныя книги у русскихъ всѣ написаны по-славянски; такъ что, когда эти трактаты появились на новъйшемъ руссвоиъ язывѣ, и притомъ написаны были въ простомъ и изящнонь стиль, вибсто тяжелой схоластической манеры церковныхъ сочиненій, религія какъ будто облеклась въ болье привлекатель-ную одежду, была приближена и сдёлана болёе понятною читателямъ изъ всёхъ классовъ. И только съ тёхъ поръ, какъ появились эти внижки, Новый Завѣтъ сняль съ себя густое древнеславянское покрывало десятаго въка, и Христосъ и апостолы могли говорить въ русской націи на ея новъйшемъ языкъ 1)». Дъ́йствительно, какъ бы мы ни думали вообще о цъ́нности «трак-татовъ» для религіознаго воспитанія, едва ли сомнительно, что въ нашей литературъ они опять были нъчто новое и имъли свое вы нашен антературь она опать онал полго полос и поло вначеніе, какъ попытка говорить о религіозной морали на обык-новенномъ языкѣ общества, въ знакомыхъ образахъ его дѣй-ствительной жизни, — взамѣнъ искусственно - схоластическаго стиля, воторый составляль почти неизбёжную принадлежность этого отдёла литературы....

Въ появленіи на русскомъ языкѣ общирнаго количества этихъ «трактатовъ» опять выражается та солидарность съ дѣйствіями европейскихъ обществъ, какую мы имѣли вообще случай указывать между ними и русскимъ Б. Обществомъ. Наше Общество слѣдило за тѣмъ, что дѣлалось въ другихъ странахъ, дѣлало пособія иностраннымъ библейскимъ дѣятелямъ, даже вызывало ихъ въ Россію; наконецъ, ихъ сочиненія являлись и на русскомъ языкѣ. Такъ оно поддерживало не разъ упомянутаго фанъ-Эсса, работавшаго для распространенія Библіи между католиками, въ южной Германіи. Наше Общество, вслѣдъ за Британскимъ, слѣдило за его трудами, печатало его воззванія и оказало ему со-

¹) Russia, p. 359-360.

дъйствіе при изданіи сдъланнаго имъ перевода Новаго Завъта ¹). Наконецъ были переведены и изданныя имъ внижен ²).

Два другіе католика, пасторы Линдль и Госнеръ, дѣйствовавшіе въ томъ же смыслѣ въ южной Германіи, вызваны были около 1820 г. въ Петербургъ, и опять на русскомъ языкѣ появились и ихъ сочиненія. Такъ переведены были проповѣди Линдля; и секретарь Библейскаго Общества В. М. Поповъ перевелъ книгу Госнера, изданіе которой было остановлено въ 1824 г. и подверглось судебному преслѣдованію, косвенно осуждавшему само Библейское Общество ³).

Не знаемъ, насколько появленіе упомянутыхъ изданій княгини Мещерской могло содъйствовать появленію русскаго перевода Новаго Завъта, — какъ, повидимому, хочетъ сказать это Пинвертонъ, — но стремленіе вывести религіозные предметы изъ старой схоластической сферы въ кругъ болъе живой литературы и одъть ихъ въ болъе легкую форму, несомнънно совпадаетъ съ тъми стремленіями, какія принесены были въ намъ Библейскимъ Обществомъ и какія внушались другими параллельными вліяніями европейскаго религіознаро движенія.

Однимъ изъ любопытныхъ примёровъ этого стремленія было первоначальное изданіе Филаретова Катихизиса (Спб. 1823). Оно отличается отъ послёдующихъ тёмъ, что въ немъ десять заповёдей, символъ вёры, и всё тексты св. писанія изложены были на русскомъ языкё и, кромё того, въ началё помёщена статья о естественномъ познаніи Бога изъ видимой природы. Это было

3) Линдаь прибыль въ Петербургъ въ 1819 году и оставался здъсь до 1820 года. Тогда же явились и переводы его пропосъдей:

— «Три проповѣди Игнатія Линдля, произнесенныя въ Германія»; перев. съ иѣм. Спб. 1820. (Смирд. № 627).

— «Проповѣдь, говоренная И. Линделемъ, во второе воскресеніе по Пасхѣ 1820 г.; перев. съ нѣм.» Спб. 1821 (Смирд. № 616).

Госнеру, кромъ книги, переведенной Поновымъ, принадлежитъ также, если не ошибаемся, извъстная, по нелъпой грубости своихъ піэтистическихъ наставленій, книжка: «Сердце человъческое есть храмъ Божій или жилище сатаны» и пр., съ соотвътственными картинками, изображающими это сердце въ тойъ и другомъ видъ (1-е изданіе ея было въроятно, Сиб. 1822, указанное у Смирд. № 964).

¹) Выписка изъ. его «Окружнаго письма ко всѣмъ Бибźейскимъ Обществамъ» и проч. въ. Отч. 1818, приб. XIV. См. также Отч. 1820, приб. XXII. Его благодарственное письмо въ русское Общество, въ. Отч. 1821, приб. XVI, и др.

э) Выписка изъ писаній св. церковно-учителей и другихъ писателей, о необходнмости и пользѣ чтенія св. писанія; издаль Леандръ фанъ-Эссъ; перев. съ нѣм. Сиб., въ типогр. Греча, 1817 (Смирд. № 911).

^{— «}О томъ, что была Библія у первыхъ христіанъ, съ какимъ расположеніемъ духа и съ какимъ намъреніемъ они ее читали; соч. Леандра фань-Эсса; переводъ съ итм. ibid. 1818 (Смирд. № 989).

большимъ нововведеніемъ въ нашихъ нравахъ, потому что церковный языкъ считался вообще непремённой принадлежностью въ подобныхъ случаяхъ. Конечно, это нововведеніе было довольно естественно, когда Новый Завётъ и Псалтирь были уже изданы на русскомъ языкѣ, и библейское дѣло еще пользовалось успѣхомъ: «Катихизисъ» не только получилъ одобреніе св. синода, но Финаретъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, при рескриптѣ (отъ 2-го іюня 1823), «за назидательные труды въ поученіе паствѣ и начертаніе по духу православной восточной церкви и въ разумѣ евангельской истины катихизиса, одобреннаго св. синодомъ» ¹). До какой степени однако это нововведеніе было непривычно и даже ненавистно для ревнителей старыхъ обычаевъ, можно судить по тѣмъ ожесточеннымъ обвиненіямъ, которыя потомъ поднаты были противъ этого изданія, какъ и вообще противъ дѣйствій Библейскаго Общества. Наконецъ, къ Библейскому Обществу примкнула извѣстнымъ

тивъ дѣйствій Библейскаго Общества. Наконецъ, къ Библейскому Обществу примкнула извѣстнымъ образомъ и та литература, которан была собственно продолженіемъ масонской мистики. Это— «Сіонскій вѣстникъ» Лабзина, «Другъ юношества» Невзорова, и масса переводовъ изъ Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена, новѣйшихъ мистическихъ авторитетовъ, рядомъ съ которыми были обновлены и старые: вновь появнись Іоаннъ Масонъ и Арндтъ, Оома Кемпійскій, Таулеръ, г-жа Гюйонъ, «Таинство Креста», «Божественная Философія», «Гармонія міра» и т. д. Мы упомянемъ дальше, какимъ образомъ развитіе мистицизма въ средѣ Библейскаго Общества жалкимъ образомъ извратило его основную цѣль и произвело солидарность съ необузданной мистикой Лабзина и компаніи. Такимъ образомъ, Библейское Общество—по главнымъ осно-

Такимъ образомъ, Библейское Общество — по главнымъ основаніамъ своей задачи — заключало въ себѣ возможность полезнаго общественнаго вліянія, потому что возбуждало потребность въ извѣстномъ сознательномъ убѣжденіи. Дѣйствія Общества проникали въ слои жизни, до которыхъ рѣдко касались какія-нибудь подобныя вліянія; и для людей, не задававшихъ себѣ никакихъ вопросовъ, проводившихъ жизнь по принятому обычаю и переставшихъ что-нибудь думать о ней, такое возбужденіе реигіозно-нравственныхъ вопросовъ, все-таки, могло быть шагомъ впередъ, какъ пробужденіе изъ нравственной спячки.... Что Общество попадало на подобную потребность, можно судить по саиому его успѣху, особенно за то первое время, когда Общество еще только начинало свою дѣятельность и когда участвовать въ

 ¹) О Катихизисъ, см. книгу Сушкова, стр. 102—103, 115—118; тамъ же сдълана внинска, изъ прежняго издапія Катихизиса, о естественномъ богопознанія. Томъ У. — Сентяврь, 1868. немъ еще не значило только исполнить приказаніе начальства или подслуживаться ему. Трудно, конечно, навѣрное судить о голыхъ фактахъ, сообщаемыхъ отчетами, но въ числё ихъ были кажется такіе, значеніе которыхъ несомнительно. Пожертвованія въ Общество начали стекаться въ значительномъ изобиліи, и въ спискахъ жертвователей, которые печатались сначала цѣликомъ, мы видимъ множество людей изъ такъ-называемаго простого народа. Эти жертвованія были, конечно, искренни. Въ 1814 году крестьяне села Новой Чиголки, Воронежской губерніи, прислали въ Общество собранную ими складчину въ 370 руб., —фактъ, возбудившій удивленіе въ Британскомъ Обществѣ. Въ 1815, крестьяне села Верхотишанки, той же губерніи, прислали складчину въ 109 руб.; изъ Владимірской губерніи прислана была такая же крестьянская складчина въ 70 руб. и т. д. Общество давало какуюнибудь пищу заброшеннымъ нравственнымъ интересамъ народной массы, и въ этомъ смыслѣ представляло свои сочувственныя стороны для людей образованныхъ и съ либеральнымъ взглядомъ на вещи; по крайней мѣрѣ въ средѣ его членовъ были и люди этого рода, ожидавшіе отъ библейской дѣятельности пользы народному просвѣщенію.

Однимъ словомъ, Общество, въ той формѣ, въ какой передано было къ намъ первоначально изъ англійскаго источника, представляло возможность приносить пользу, потому что въ основной его идеѣ лежало извѣстное просвѣщеніе и филантропія относительно невѣжественныхъ и заброшенныхъ классовъ. Непосредственный результатъ библейской дѣятельности – новыя изданія Библіи, и въ особенности изданія на русскомъ языкѣ, и переводы на различныя инородческія нарѣчія, во всякомъ случаѣ были явленіемъ высокой важности въ исторіи русскаго образованія. Переводъ Библіи на живой языкъ народа составлялъ вообще важный моментъ въ историческомъ развитіи европейскихъ народовъ; это не одинъ разъ было симптомомъ оживленія самой народной мысли и успѣхомъ въ религіозномъ развитіи, потому что такой переводъ, обыкновенно, въ первый разъ дѣлалъ источники религіи доступными для всѣхъ, желающихъ изучать ихъ и въ нихъ углубляться. Католицизмъ не даромъ боялся распространенія Библіи въ народѣ, потому что этого одного было достаточно, чтобы подорвать кредить средневѣковыхъ притязаній его властолюбія, его схоластической теологіи и казуистики... Такъ стоялъ библейскій вопросъ въ Европѣ, и потому онъ почти вездѣ рѣшался только послѣ тяжкой борьбы, цѣной страшныхъ преслѣдованій со стороны католицизма. Въ нашей церкви вопросъ стоялъ иначе; у православныхъ славянскихъ племенъ съ

<page-header><page-header><text><text>

17* Google

было событіемъ, которому можно было придавать важность не только съ точки зрѣнія членовъ Библейскаго Общества. Появленіе этихъ переводовъ было первымъ признаніемъ потребностей религіознаго образованія, оказавшихся уже цѣлые вѣка тому назадъ и остававшихся неудовлетворенными; труды Общества были первой попыткой удовлетворить ихъ. Мы оцѣнимъ эту попытку еще больше, когда вспомнимъ, что русская нація и до настоящей минуты не имѣетъ полной Библіи на своемъ языкѣ...

минуты не имѣетъ полной Библіи на своемъ языкѣ... Другимъ цѣннымъ трудомъ Общества были новые переводы отдѣльныхъ частей св. писанія, въ особенности евангелій, на языки различныхъ инородцевъ имперіи и сосѣднихъ азіатскихъ племенъ, до которыхъ христіанство или еще не доходило вовсе, или которыхъ оно касалось только внѣшнимъ формальнымъ об-разомъ. Здѣсь представлялся опять серьсзный интересъ образо-ванія и цивилизаціи. Если Россіи дѣйствительно предстояла (поятъ сбилиовонно тихоратъ в россоятъ) миссія на Востовѣ пріе ванія и цивилизаціи. Если Россіи дъйствительно предстояла (какъ обыкновенно думаютъ и говорятъ) миссія на Востокъ, прі-обрътеніе для цивилизаціи полуварварскихъ азіатскихъ племенъ, до тъхъ поръ ей чуждыхъ, то введеніе христіанства составляетъ, въроятно, неизбъжную ступень, черезъ которую должны пройти эти народы; такимъ образомъ введеніе христіанства между этими племенами становится дъломъ цивилизаціи, и мало того, — дъ-ломъ политической пеобходимости. Относительно инородцевъ, жи-вущихъ въ предълахъ самой имперіи, забота объ ихъ возмож-номъ просвъщеніи становилась и вопросомъ національнаго досто-инства. Въ такомъ видъ представляется предпріятіе, за которое бралось Библейское Общество. Дъло было громадно, потому что, хотя исторія русской церкви разсказываетъ о многочисленныхъ трудахъ русскихъ подвижниковъ по обращенію инородцевъ, но обращеніе очень часто было слишкомъ поверхностно и нетрудахъ русскихъ подвижниковъ по обращеню инородцевъ, но обращеніе очень часто было слишкомъ поверхностно и не-прочно, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, для его прочности не доставало понятныхъ инородцамъ книгъ и не доставало школъ, гдѣ бы они могли выучиться читать эти книги. Общество ду-мало о томъ и о другомъ, и мы пересчитали въ предъидущей статьѣ переводы св. писанія, которые были или исполнены или предприняты.

Этотъ вопросъ, опять, съ тѣхъ поръ еще далеко не рѣшенъ, и какъ велики еще задачи, которыя надо здѣсь рѣшить и какъ много еще нужно дѣлать, — это достаточно извѣстно, и еще разъ въ послѣднее время указывалось дѣлами нынѣшняго Миссіонерскаго Общества....

Для обстоятельной оцёнки трудовъ Библ. Общества необходимо было бы опредёлить достоинство переводовъ, имъ совершенныхъ; но подобная оцёнка не въ нашей возможности, — это дёло

спеціалистовь по тѣмъ языкамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Мы предоставляемъ спеціалистамъ и оцѣнку русскаго перевода Новаго Завѣта, Псалтири и первыхъ 8-ми книгъ Ветхаго Завѣта, напечатанныхъ Библейскимъ Обществомъ. Но, если (какъ вѣроятно) въ этихъ трудахъ есть свои недостатки, это не уменьшаетъ значенія предпріятія, которое останется заслугой Библейскаго Общества.

Къ великому сожалѣнію однако, Библейское Общество не удержалось на той чертѣ, гдѣ бы опо могло возбуждать нашу симпатію и выдержать критическій судъ; оно перешло эту черту, и память его не осталась чистой отъ порицаній, совершенно справедливыхъ. Замѣтимъ только, что осужденіе, которое должна произнести надъ нимъ исторія, вовсе не такъ рѣшительно, какъ то осужденіе, которое стало причиной его закрытія; и осужденіе исторіи падаетъ не совсѣмъ на тѣ пункты, за которые оно подвергалось ожесточеннымъ обвиненіямъ; въ концѣ концовъ это осужденіе кажется падетъ одинаково и на Общество, и на его противниковъ.

Многое, что можетъ непріятно поражать насъ въ дѣйствіяхъ Библейскаго Общества, принадлежало не столько самимъ его дѣятелямъ, или не только имъ однимъ, сколько цѣлому характеру жизни и нравовъ. Вліяніе этихъ нравовъ мы замѣчаемъ съ самыхъ первыхъ шаговъ и до послѣднихъ минутъ существованія Общества, и здѣсь мы должны искать объясненія для тѣхъ странностей, преувеличеній и даже нелѣпостей, которыя поражаютъ иногда въ этой исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ: въ среду русской жизни, совершающейся на чисто патріархальныхъ началахъ, вводится учрежденіе, выросшее въ странѣ съ высокимъ политическимъ развитіемъ и общественной свободой. Изъ одного этого намъ понятно теперь, что учрежденіе это не могло существовать въ русской жизни такъ, какъ существовало въ англійской, что оно или должно было отклониться отъ своей цѣли и смысла на другія дороги, или не могло удержаться вовсе. Между тѣмъ и руководители Британскаго Общества (кажется) и дѣятели русскаго думали, что состакляютъ одно нравственное цѣлое, дѣлаютъ одно дѣло какъ товарищи. Они, конечно, жестоко ошибались, и послѣдніе должны были поплатиться за ошибку. На дѣлѣ съ самыхъ первыхъ дѣйствій русскаго Общества, между имъ и его прототипомъ оказывается совершенная, радикальная разница. И какъ русскіе ни старались подражать во всемъ своимъ англійскимъ друзьямъ, они по неволѣ чувствовали себя и должны были дѣйствовать иначе.

Прежде всего, наше Общество не имбло той свободной иниціативы, какая создала Британское Общество, — и оно могло су-ществовать только при благосклонности власти (которая въ Англіи вовсе и не вмѣшивалась). Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе правы были такъ мало привычны къ открытой общественной дѣятельности, что вмѣшательство власти становилось для руководителей дѣла почти необходимостью, — безъ этого вмѣшательства они были какъ будто совсёмъ безсильны и не могли ожидать себё никакой опоры отъ общества ¹). Такимъ образомъ, когда основыва-лось Британское Общество, оно прямо обратилось къ самой публикѣ и привлекло къ себѣ ту часть ея, которая ему сочувствовала; у него явились добровольные и, тёмъ самымъ, прочные и надежные сотрудники и приверженцы, которые дали ему сред-ства и стали его опорой. Въ англійской публикъ нашлись и другіе люди, которые враждебно взглянули на начинанія Библейскаго Общества: они тогда же заявили свою оппозицію, и Об-щество при самомъ началѣ знало, съ кѣмъ и изъ-за чего ему слѣдуетъ считаться. Но затѣмъ обѣ противныя стороны стояли въ предѣлахъ и подъ покровительствомъ закона: правительство и не думало вмёшиваться и брать чью-нибудь сторону, — время должно было разъяснить отношенія, и дёйствительно ихъ разъяснило, и Общество спокойно существовало и существуеть по сію минуту. У насъ дѣло становилось совершенно иначе. Общество подобнаго рода могло существовать только при оффиціальной санкціи, потому что у насъ не было ни свободы собраній, ни свободы вѣроисповѣдной; и въ настоящемъ случаѣ, эта санкція требовалась тѣмъ больше, что вмѣшательство частныхъ и свѣт-скихъ лицъ въ религіозные вопросы было дѣломъ совершенно ствовало крайне осторожно, даже робко. Но случилось, что власть не только разрѣшила существованіе Общества, но вскорѣ и сама очень заинтересовалась имъ; это обезпечило ему блестящій ус-иѣхъ. Успѣхъ былъ однако до значительной степени фиктивный, потому что именно этотъ интересъ власти къ дѣлу Общества привлекъ въ это послёднее массу людей, которые безъ того едва ли бы стали много думать о Библіи и о христіанской любви.— Какъ скоро власть стала относиться къ Обществу иначе, въ ту же минуту упаль и весь авторитеть, какой быль этимъ путемъ пріобрѣтенъ, и само Общество стало какъ бы внѣ закона. Тогда

 $\mathbf{262}$

¹⁾ Мы сейчась ук: вывали такой примерь въ вопросе о русскомъ переводе Библін.

произошло то странное и прискорбно-соблазнительное явленіе, что тёже самыя вещи, которыя въ теченіе многихъ лётъ пуб-лично называемы были дёйствіемъ Божественной Десницы, зна-комъ особенной милости Провидёнія, благословеніемъ для всего русскаго народа, — стали вдругъ называться крайнимъ вредомъ и подкапываніемъ церкви и государства... Средствомъ дёйствій противъ Общества никогда не былъ открытый споръ и борьба равноправныхъ мнёній, а только закулисная темная интрига и гнусная или глупая клевета передъ той властью, отъ которой зависёло существованіе Общества. — Какъ это случилось, мы увилимъ дальше.

зависью существование Оощества. — какь это случилось, мы уви-дямъ дальше. Въ самомъ дѣлѣ, Обществу мудрено было не сохранить тѣхъ же нравовъ, какие господствовали вообще. Первые приверженцы библейскаго дѣла нашлись между первостепенными сановниками; они естественно стали дѣйствовать такъ, какъ привыкли дѣйствовать въ своемъ оффиціальномъ значеніи. Общество должно было раз-считывать на участіе публики, и чтобы объяснить этой публикѣ цѣль Общества и пригласить ее къ пожертвованіямъ, комитетъ нашелъ самымъ удобнымъ подѣйствовать на нее черезъ «началь-ствующихъ особъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Приглашеніе, полу-ченное «начальствующими особами» въ провинціяхъ, подписано было главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій, ищомъ сильнымъ, пользовавшимся большимъ довѣріемъ импера-тора; далѣе, «начальствующимъ особамъ» было извѣстно изъ пи-семъ, газетъ или изъ самыхъ сообщеній, что въ комитетѣ Об-щества находятся также министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ народнаго просвѣщенія, другія важныя лица, оберъ-гофмейстеры, сенаторы, а вскорѣ и первостепенныя духовныя лица, и этого было довольно, чтобы комитетъ Библейскаго Общества съ пер-выхъ минутъ сталъ въ ихъ глазахъ особымъ «вѣдомствомъ», очень сильнымъ по лицамъ, его составляющимъ, и особенно по мило-стивому расположенію и участію самого императора, которое также вскорѣ сдѣлалось извѣстно. Воззваніе къ библейскому дѣлу принимало видъ административнаго циркуляра. принимало видъ административнаго циркуляра. Понятно, что циркуляръ былъ исполненъ, и распоряженію

дань должный ходъ.

данъ должный ходъ. Едва ли можно сомнѣваться, что именно тавъ должны были подѣйствовать первыя обращенія библейскаго комитета къ пуб-ликѣ. Правда, дѣло было добровольное и цѣль слишкомъ дале-кая отъ житейскихъ разсчетовъ; правда и то, что было безъ сомнѣнія и много примѣровъ искренняго сочувствія къ предпрія-тію, — но, тѣмъ не менѣе, дѣло получило въ этомъ видѣ нѣсколько странный оборотъ, который и отразился потомъ своеобразными

послѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ первые годы Библейскаго Общества, нельзя не замѣтить, что въ заявленіяхъ сочувствія, ' содѣйствія, въ пожертвованіяхъ и письмахъ является нѣчто слиш-комъ искусственное, натянутое и явно фальшивое. Корреспонденты Общества спѣшили заговорить тѣмъ церковно - книжнымъ язы-комъ, какимъ заговорило само Общество, и сразу попали въ ре-торику, чтеніе которой мало возбуждаетъ сочувствія. Примѣровъ, къ сожалѣнію, представляютъ слишкомъ много самые отчеты Об-шества. Мы готоры отнасти объяснить эти фальшивость топо искъ сожалѣнію, представляютъ слишкомъ много самые отчеты Об-щества. Мы готовы отчасти объяснить эту фальшивость тона но-востью предмета, неумѣньемъ выражаться, или простодушіемъ корреспондентовъ; но едва ли можно отвергать, что способъ дѣй-ствій комитета или «начальствующихъ особъ» и нравы самой публики вызвали много лицемѣрія... Многочисленныя корреспон-денціи, напечатанныя комитетомъ въ прибавленіяхъ къ его от-четамъ, переполнены благочестивой реторикой: какъ только комитетъ началъ указывать на получаемыя имъ письма, онъ былъ, въроятно, засыпанъ посланіями, гдъ писавшіе, заявляя о своемъ сочувствіи дълу, заявляли кстати и о собственныхъ добродътевъроятно, засыпанъ посланіями, гдъ писавшіе, заявляя о своемъ сочувствіи дѣлу, заявляли кстати и о собственныхъ добродѣте-ляхъ. Одинъ, прося прислать ему книгу, извѣщаетъ, что онъ вообще услаждается чтеніемъ священныхъ книгъ; другой сооб-щаетъ, что онъ хочетъ сдѣлать доброе дѣло — подарить внигу неимущимъ или сиротамъ; всѣ выражаются фигурнымъ славян-скимъ языкомъ, и, кто можетъ, приводитъ тексты... Нѣкоторая дѣвица, прося прислать ей книгу, выражалась такимъ образомъ (1814): «не рясны златыми украшать бренность, а душу свя-тыми истинами желаю. Пропу почтенное Общество, не лишитъ изліянія въ душу мою воды живыя отъ источника благочестивыя вѣры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе своего благочестивыя вѣры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе своего благочестивыя въры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе своего благочестивыя въры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе своего благочестивыя въры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе своего благочестивыя въры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе своего благочестивыя въры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе своего благочестивыя въры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе своего благочестивыя въры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе, своето благочестивыя въры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе, своето благочестивыя въры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе, своето благочестивыя въры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе, своето благочестивыя въриа. Въ 1819 году отчеть упоминаеть такой факть: въ Тобольскій комитеть— «недавно прислана была просьба оть бу-харца Кульмаметскихъ юрть, Сангея Апсалова, который про-силь себѣ Библіи, и между прочимъ писаль, что онъ чувствуетъ *душевную жажду* отъ суетнаго житая, и пустоту ев сердию (!!) отъ недостатка внутренняго духовнаго просвѣщенія, свѣтомъ ко-его озаряются и просвѣщаются воспитанники Слова Божія и ис-полнители онаго, христіане ¹)». Какъ могло произойти у бу-харца такое посланіе, мы не понимаемъ.

¹⁾ Отч. за 1819, стр. 21.

²⁶⁴

исправникамъ, для жителей сельскихъ»; комитетъ имъ «препоисправникамъ, для жителеи сельскихъ»; комитетъ имъ «препо-давалъ совѣты», и подчиненнымъ просто «ставилось въ обязан-ность» имѣть самимъ книги, собирать пожертвованія и т. п. ³) Та-кимъ образомъ дѣло личнаго убѣжденія и добровольнаго выбора ста-новилось исполненіемъ приказа, — и такихъ случаевъ было ко-нечно множество. Такой порядокъ могъ господствовать тѣмъ болѣе, что примѣръ подавали сами высшія инстанціи: по епархіямъ,

³) Изв. о Библ. Общ. 1824, стр. 297 — 298.

¹) Приб. къ Отч. 1816, LXXII.

³) Ср. тамъ же, XLVI: «Здъшней спархія благочинные, исполняя волю архипа-спира, тщательно содъйствують намъренію здъшняго комитета, въ назначенных имъ порученіяхъ».

вслёдствіе высшихъ распоряженій обязательно разсылались вниги; для арміи дѣлались закупки по особымъ приказаніямъ; директоръ комитета, и вмѣстѣ директоръ почтоваго департамента Жулковскій находиль удобнымь «относиться къ начальствующимъ почтовыми мѣстами» (т. е. къ его прямымъ подчиненнымъ въ провинціи и т. д. Результаты были самые дъйствительные: губернаторы начали говорить ръчи въ собраніяхъ своихъ губернскихъ отдѣленій, — совершенно похожія на проповѣди, съ текстами и славянско-церковнымъ слогомъ; почтовые экспедиторы съ успѣхомъ распространяли св. писаніе, и доносили о томъ директору почтоваго департамента въ благочестивыхъ письмахъ, переполненныхъ текстами; командиры полковъ брались объяснять воинскимъ чинамъ цѣль Библейскаго Общества и спасительное авиствіе слова Божія. У одного исполнительнаго командира дивизія доставила въ годъ до 7,000 руб. пожертвованій «въ Биб-лейское Общество; нижніе чины одной артиллерійской бригады, стоявшей въ провинціи, прислали въ провинціальный комитеть письмо, «исполненное самыхъ благоговъйныхъ чувствованій», и изъявляли готовность каждый вносить въ кассу Библейскаго Общества по 50 воп. въ треть года (изъ солдатскаго жалованья!), ит. д. ит. д.¹).

Наконецъ, даже тѣ самые люди, которыхъ еще слѣдовало обращать въ христіанство, обнаруживаютъ изумительную податливость, пишутъ не хуже православныхъ корреспондентовъ, и развѣ только откровеннѣе выражаются о сущности дѣла. Напримѣръ: калмыцкій князь Тюмень (калмыковъ въ особенности хотѣли обратить въ христіанство) пишетъ къ президенту Общества (въ 1815 г.), что «соотвѣтствуя приказанію» его, онъ, Тюмень, читаетъ присланную ему книгу (монгольскій переводъ евангелія) и намѣревается «заставить» читать ее всенародно передъ его подданными ²). Эти странныя корреспонденціи дохо-

«Писанное ко мий прошлаго деревяннаго свинаго года (Модонъ Гошай Джихъ) 1-го числа мышьяго мйсяца, письмо ваше, съ приложеніемъ въ переводъ на наять монтольскій языкъ Исторіи милосердаго Бога Інсуса Христа, въ двухъ экземплярахъ, одного въ желтомъ, а другаго въ красномъ переплетѣ, я къ удовольствію моему получилъ 19 числа перваго тигрова мѣсяца (тереонъ барсъ сарранъ), и читаю оную. Вы препоручаете мнѣ, во-первыхъ, содержащееся въ сей книгѣ слово Божіе читать самому для моего собственнаго спасенія, а также подвластнымъ мнѣ доставить случай смышать и поучаться наъ сей книги», есс.

«Соотвётствуя первому приказанію вашему не только я читаю Слово и ученіе все-

¹) Отч. 1820, стр. 5, 13; Приб. IX; Извѣст. 1824, стр. 114 -- 117 и др.

⁹) Огч. 1815, Првб. ХС. Читателю, можеть быть, не безъинтересно будеть познакомиться съ мёстнымъ колоритомъ калмыцкаго посланія. — Выписавши титулъ ки. Голицына, калмыцкій киязь говорить:

дили до того, что, какъ мы видёли, бухарецъ Апсаловъ нашелъ нужнымъ извёщать Библейское Общество о своей душевной жаждё оть суетнаго житія и о пустотё въ своемъ сердцё....

Пропаганда дѣятелей Библейскаго Общества распространилась наконець на учебныя заведенія и на дѣтей.... Первую мысль заводчикамъ «дётскихъ сотовариществъ» у насъ дали вонечно англійскія juvenile и school-associations. Не знаемъ, въ **вакой форм**ѣ и въ какомъ тонѣ существовали эти ассоціація въ Англиг, но у насъ онѣ имѣли очень странный видъ. Распространяются они въ особенности съ 1818 – 1819 г., когда сталъ заявлять свою ревноств Магницкій. Извѣстно, до какихъ невозможныхъ крайностей довелъ онъ свое библейское усердіе въ подчиненномъ ему казанскомъ университетъ и округъ. Въ казанскомъ университетѣ, не покупая почти никакихъ книгъ для его библіотеки, Магницкій пріобрѣлъ однако для университета на 10,000 руб. Библій и Н. Завѣтовъ; каждый студентъ обязанъ былъ имѣть эти изданія; въ училищахъ безпрерывно происхо-дили сборы пожертвованій въ пользу Библейскаго Общества ¹). Въ учебныхъ заведеніяхъ его округа и въ другихъ округахъ повторялось то же усиленное ревнование. Директоры училищъ знали, конечно, вкусы своего министра и министерства, поэтому почти всегда бывали членами мъстныхъ библейскихъ комитетовъ. и очень легко могли вводить въ училищахъ соотвѣтственныя мѣры: училища выдавали въ награду за прилежание вниги св. писания, вводили ежедневное его чтеніе въ классахъ, или употребленіе его учениками для переводовъ; выше было также упомянуто, до вакой тонкости довели это вятскія училища гражданскія и духовныя.... Наконецъ, стали учреждаться формальныя детскія Библейскія Общества. Первымъ образчикомъ подобнаго общества было кажется «Детское Библейское Сотоварищество», учредившееся въ Одессѣ изъ воспитанниковъ Ришельевскаго лицея, и открытое торжественно 27 декабря 1818. «Отчетъ» Общества съ восторгомъ упоминаетъ объ этомъ события.... «Торжество открытия

Послапіе, кажется, достаточно говорить за себя.

267

иносердаго Бога Інсуса Христа; но доставиль и нашему ламь одинь экземилярь, который онъ также читаеть съ духовенствомъ. Что касается до прочихъ подданныхъ монхъ, то я желаль бы еще ныпѣшнею же зимою собрать ихъ и заставить предъ ними читать сію книгу всенародно; по сіе неудобно теперь по причипѣ суроваго времени годоваго. А какъ въ маѣ мѣсяцѣ между 8 и 15 числомъ, знатиѣйшіе изъ моего народа стекутся на богослужебный (т. е. калмыцкій) праздникъ и соберутся для моленія: то я и вслю въ то время читать книгу сію предъ всъмъ благочестивымъ (т. е. по калмыцкой вѣрѣ) собраніемъ, и тѣмъ потщусь исполнить приказаніе ваше», etc.

¹) Өсоктистова, Магинцкій, стр. 130.

сего сотоварищества было восхитительно, не только для членовь одесскаго комитета, но и вообще для посѣтителей, при томъ находившихся, и въ особенности для родителей и родственниковъ. Всѣ приняли искреинѣйшее соучастіе въ семъ новомъ соединеніи возрастающаго поколѣнія, проникнутаго и восиламененнаго истинами Евангелія и любовію къ Господу и Спасителю нашему Інсусу Христу, пріуготовляемаго въ семъ юномъ возрастѣ къ желанію общей пользы и трудамъ для оной. Какое новое и вѣрное свидѣтельство силы Слова Божія, совершающей хвалу Господу посредствомъ сихъ дѣтей»! 1) Въ прибавленіяхъ напечатанъ и самый «актъ» торжественнаго открытія сотоварищества, который для образчика мы предложимъ любопытному читателю въ выноскѣ²).

Одесский пасторъ Беттигеръ отписалъ объ этомъ событи въ

²) Открытіе совершилось такимъ порядкомъ:

«Въ 9 часовъ съ половипою исутру, дли, обучающіеся во вийшнихъ классахъ Ришельевскаго лицея, собрались въ одесскую соборную церковь, изъ коей, по выслушанія божественной литургія, въ сопровожденія родственниковъ и учителей, отправились въ залу лицея, гдѣ ожидали ихъ члены комитета одесскаго отдѣленія

«По прибытій вь залу, півчіе воспіли концерть: Пебеса повыдають славу Божію. Пс. XVIII. Между темь члены комитета запяли свои места. После сего, секретарь комитета, изъяснивъ причину собрания, читалъ письмо отъ ділей къ вице-президенту комитета, при которомъ они, отъ избытка любви своей къ Гослоду Інсусу Христу, представили собранные въ кругу своемъ 113 рублей, на распространение книгъ Слова Божія, и, не ограничась сниъ приношеніемъ, изъявили желапіе составить сотоварищество одесскаго отделения. За симъ были слушаны два отношения, одно отъ комитета Россійскаго Библейскаго Общества, который, изъявляя живійлее участіе въ благочестивомъ подвигѣ дѣтей, поручаетъ комитету одесскому утвердить существованіе сего сотоварищества, и, принявъ его подъ особенное свое покровительство, преподать юнымъ сотрудникамъ въ дълѣ Общества надлежащее руководство; другое отъ г. президента Россійскаго Библейскаго Общества князя Александра Николаевича Голицина, къ ввце-президенту комитета (т. е. одесскаго) и законоучителю воспитавниковъ лицея, отцу архимандриту Өеофилу, исполненное благосклонной признательности къ благочестивымъ трудамъ его. Послѣ того сей ревнитель Слова Божія (т. е. архим. Өсофилъ) произнесь приличную на сей случай рёчь, за которою читапъ быль списокъ членовъ. избранныхъ къ составлению дътскаго комитета; пъвчіе же въ сіе время спова воспъли: Слава вз вышнихь Богу! Потомъ прочтены были правила для дётскаго сотоварищества. Въ заключение всего совершено благодарственное молебствие Спасителю, явившему новое доказательство, какъ упраздняется премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ въка сего, и прогозглашено многольтие Е. И. В. ву, яко августъйшему покровителю Библейскихъ Обществъ.

«Члены Общества, родственники дѣтей и они сами, были въ неонисанномъ восторгв. На глазахъ первыхъ, блистали слезы сердечнаго умиленія; а на лицахъ нослѣднихъ изображалась та небесная рядость, коею одушевлялись иѣкогда еврейскіе дѣти, взывавшія: Осанна сыну Давидову! Осанна!»

Отч. 1818, Приб. XXII.

¹) Отч. 1818, стр. 11 — 12.

Базель, и комитеть базельскаго библейскаго общества съ своей стороны въ восторгѣ отъ дѣтскаго сотоварищества. О томъ же узнаетъ некій Золотницкій. Опъ вычиталь въ Московскихъ Веиомостяхъ о «великомъ подвигъ» воспитанниковъ Ришельевскаго лицея, и тотчасъ пишетъ въ Одесский комитетъ, изъявляя свою радость и желание быть членомъ «сего ангелообразнаго комитета» (!!); и «желая — пишетъ онъ – дилома доказать сердечную мою радость симъ юнымъ отраслямъ, коимъ, по ветхости дней моихъ, я начинаю уже уподобляться, не въ ангельской ихъ невинности, но въ простотъ сердца, препровождаю при семъ пять рублей» 1). Простота действительно детская... Вся эта исторія и корреспонденціи печатались въ отчетахъ Общества и. конечно, это могло быть читано и самими дътьми. Непонятно, какимъ образомъ никому изъ людей, придумавшихъ устройство сотоварищества (сами д'ьти, конечно, не могли устроить всего этого). не приходило въ голову, какъ все это было странно и какъ даже непозволительно это было относительно самихъ дѣтей. Дѣти могли быть благочестивы, но конечно не въ дѣтскихъ понятіяхъ и не въ дътской природъ было дълаться прозелитами, какими ихъ выставляли: нужно было или фанатизировать дѣтей, или обманывать ихъ и играть ими...

Въ нѣсколько иномъ родѣ было, кажется, сотоварищество, устроенное въ началѣ 1821 г. между учениками и студентами харьковскаго университета, подъ вліяніемъ тогдашняго попечителя харьковскаго округа, З. Я. Карнѣева. Сотоварищество харьковскаго отдѣленія, по словамъ его, желало, «по мѣрѣ силъ и способовъ своихъ, не только способствовать ему (Отдѣленію) къ достиженію его цѣли, взносомъ жертвуемыхъ суммъ, но само составляя нючто цплое, одушевлять духомъ любви къ Слову Божію всѣхъ сочленовъ своихъ» и проч. Здѣсь были болѣе взрослые люди, чѣмъ въ лицеѣ, и въ ихъ собраніяхъ читались между прочимъ собственные труды студентовъ о религіозныхъ предметахъ²). Карнѣевъ былъ въ старыя времена однимъ изъ усерд-

¹) Отч. 1819, Приб. П.

³) Напримѣръ, собраніе, на которомъ присутствовали путешествовавшіе тогда Патерсонъ, Гендерсонъ и Сѣровъ, происходило такъ: "Достопочтенный попечитель открылъ собраніе изъявленіемъ удовольствія своего студентамъ за похвальное и полезное ихъ вамѣреніе, и пожелалъ быть въ числѣ членовъ сотоварищества ихъ; потомъ одинъ изъ студентовъ читалъ рѣчь, въ которой изъяснены были чувства студентовъ относительно предпріемлемаго ими дѣла, о божественности Библіи, и о необходимости соединенія тѣлеснаго обученія (!) съ евангельскимъ просвѣщеніемъ, безъ котораго не можетъ существовать истинное просвѣщеніе; а въ заключеніе собранія читано было однимъ въ студентовъ же весьма хорошее изложеніе 65 псадма". Отч. 1821, приб. XI, стр. 69. Ср. также Отч. 1820, приб. XIV. Henderson, Bibl. Researches, р. 161—162.

нѣйшихъ послѣдователей новиковской школы, и собранія студентовъ едва ли не напоминали ему собраній «теоретическаго градуса», въ которыхъ онъ игралъ нѣкогда руководящую роль ¹).... Въ отчетахъ Общества напечатана также рѣчь архимандрита Θеофана при открытіи такого же сотоварищества при казан-

Въ отчетахъ Общества напечатана также ръчь архимандрита Θеофана при открытіи такого же сотоварищества при казанскомъ университетъ, 12 марта 1820. Сотоварищество открыто было вскорѣ послѣ того, какъ университетъ получилъ знаменитыя «инструкціи», составленныя Магницкимъ, и ръчь написана конечно въ томъ же самомъ смыслѣ. «Въ нашемъ благочестивомъ обществѣ, —говоритъ Θеофанъ, —въ коемъ самые помазанники Божіи вѣнчанныя главы свои благоговѣйно преклоняютъ къ подножію креста Христова, и за первую вмѣняютъ себѣ честъ подавать примѣръ истиннаго благочестія людямъ и народу, духъ злобы поднебесныя, не имѣя дерзости возставать видимо противу Слова Божія, и гнать явно исповѣдниковъ его, продолжаетъ впрочемъ тайно, но тѣмъ не менѣе опасно, распространять свои пагубныя мудрованія. Есть и теперь люди, кои, по внушенію его, не увѣрены ещс въ пользѣ и необходимости введенія сего свѣта въ мѣсто сie. Они признаютъ его здѣсь ненужнымъ, или излишнимъ, не смѣя сказать болѣе. Но это послюднія усилія ерага: время наступаетъ, когда Господь духомъ устъ своихъ ублетя сего нечестиваго духа ²)». Въ переводѣ на практическій языкъ, эти слова предвѣщали ожидаемое торжество Магницкаго надъ его противниками, — въ которомъ онъ тогда, кажется, не сомнѣвался....

Мы скажемъ дальше объ этой системѣ обскурантизма, свившей себѣ гнѣздо въ Библейскомъ Обществѣ, а теперь приведемъ еще нѣкоторыя подробности.

При томъ оффиціально - чиновническомъ характерѣ, который все больше и больше стали принимать библейскія общества, трудно было вообще ожидать здраваго способа дѣйствій и простого отношенія къ дѣлу. Стремясь подражать англичанамъ, наши библейскіе дѣятели также думали заняться миссіонерствомъ: были въ этомъ родѣ сдѣланы полезныя работы, — какими надобно назвать священническіе переводы Новаго Завѣта на нарѣчія инородцевъ восточной Россіи и Сибири; но затѣмъ, миссіонерство

²) Отч. 1820, Приб. 1L

270

¹) Въ Публичной Библіотекъ находится между прочниъ два тома "Разсужденій", 1789 и 1791 г. (ПІ. F. № 47—48); это сборники статей, представляющихъ собой такъ называемыя "работы" теоретическаго градуса. Эти работы происходили подъ управзеніемъ З. Я. Кариъена, начальствовавшаго тогда надъ ложей теоретической стечени розенкрейцерства въ Ордъ. Разсужденія студентовъ въ харьковсковъ библейскомъ сотовариществъ 1821 г., очевидно сродия "разсужденіямъ" 1789—91 года.

неръдко принимало самый странный видъ. Мы видъли, что калмыцкій внязь Тюмень понималь (вонечно, не безь своихь основаній) присланныя ему ув'єщанія за *приказь*. Корреспонденты Общества считали нужнымъ изв'єщать петербургскій комитеть о ходѣ дѣлъ, и астраханскій корреспондентъ замѣчаетъ (въ 1816) о тѣхъ же калмыкахъ: «многіе калмыки, впроятно, по простотѣ понятій и невѣжеству (!!), не совсѣмъ охотно пользуются симъ даромъ всеблагаго Бога» — т. е. присланной книгой. Очевидно, ворреспонденть (ревторь астраханской семинаріи) имёль самыя смутныя понятія о миссіонерскомъ дёль: онъ какъ будто не равумбеть, что дать книгу людямъ, которые еще кланяются своимъ бурханамъ, вовсе не значило обратить ихъ въ христіанство; что если такой калмыкъ и бралъ книгу по приказу, то онъ могъ просто положить ее въ сторону, или, если бы даже заинтересовался ею, могъ ничего не понять въ ней безъ объясненія..... Рядомъ съ этимъ, въ 1817 г., о тъхъ же калмыкахъ говоритъ англичанинъ Фразеръ, изъ шотландской колоніи, и говорить совершенно разсудительно. Онъ отправился въ кочевье самъ, жилъ вибсть съ калмыками и правдиво разсказываетъ о своихъ испытаніяхь: онъ бралъ на себя дъйствительный трудъ, видёль степень развитія народа и его нравы, и сомнёваясь въ успёхё, имѣлъ очень ясное понятіе о томъ, почему калмыки «не польвуются даромъ».

Часто не знаешь, что видёть въ различныхъ фактахъ, собранныхъ въ самыхъ отчетахъ Общества: крайнюю ли наивность увлекавшихся членовъ комитета, или — непозволительное ханжество и лицемъріе. Реторика, напыщенныя фразы дълаютъ подъ конецъ почти невыносимымъ чтеніе отчетовъ и особенно ихъ прибавленій, наполненныхъ корреспонденціей. И это въ особенности бросается иногда въ глаза, когда рядомъ съ посланіями русскими стоятъ письма Британскаго Общества, гдъ при всемъ длагочестіи и даже сильномъ піэтизмъ бывало практическое собержаніе и здравый смыслъ... Одинъ изъ самыхъ антипатичныхъ образчиковъ поддѣльнаго сантиментальнаго піэтизма есть, кажется, помъщенное въ одномъ изъ отчетовъ письмо одного мальчика изъ Съ́вска. Письмо, очевидно, писано не самимъ мальчикомъ, и ему придана фальшивая народность того времени въ стилъ́ «Фрола Силина» и «Бѣдной Лизы» ¹).

Нѣтъ надобности говорить, что въ Британскомъ Обществѣ не было ничего подобнаго этой казенной, канцелярской пропагандѣ,

¹) См. Отч. 1819, Приб. XVIII. Пясьмо сочинено вонечно въ Съвскъ, — во въ Петербургъ надо было бы по врайней мъръ понять, что это подлогъ.

и что она вполнѣ была произведеніемъ нашихъ нравовъ. Брии что она вполнъ оыла произведениемъ нашихъ нравовъ. Бри-танское Общество было и осталось дёломъ частныхъ лицъ съ своими убёжденіями, дёйствовавшихъ на тёхъ же правахъ, какія были доступны всёмъ, между прочимъ и ихъ противникамъ. Ре-лигіозная пропаганда того разряда, какой мы видимъ потомъ въ библейскихъ обществахъ, существовала и до нихъ, въ формъ ме-тодизма, квакерства, миссіонерскихъ обществъ разнаго рода. тодизма, квакерства, миссіонерскихъ обществъ разнаго рода. Наша общественная жизнь давала для этого учрежденія совсёмъ иныя условія: такъ называемая самодёятельность общества была въ состояніи младенчества; надъ всёми отраслями общественныхъ интересовъ стояла административная опека и чиновническій ав-торитетъ, и оттого, когда общество, такъ или иначе, вызвано было къ библейской дёятельности, мы и видимъ такое странное явленіе, какъ чиновническое, почти полицейское распространеніе Библіи. Административныя власти, крупныя и мелкія, вмѣшались въ дѣло совершенно естественно, потому что онѣ и вообще за-правляли всевозможными общественными отправленіями. Отсюда тѣ странности и нелѣпости, которыя мы указывали... Но какъ это ни способствовало лицемѣрію, и какъ это ни спутываетъ на-щи сужденія о дѣйствительныхъ результатахъ библейской проото ин спососотвоваю индемърно, и мамъ ото ин спутиметъ на ши сужденія о дѣйствительныхъ результатахъ библейской про-паганды, ихъ нельзя однако не оцѣнять довольно высоко. Масса общества и не ожидала другого способа дѣйствій, и многіе, слѣ-довательно, могли искренно принимать «воззванія» и увлекаться ими. Такъ увлекались прежде всего многіе изъ членовъ библей-скихъ комитетовъ, личный характеръ которыхъ извѣстенъ неза-висимо отъ того и которые остались вѣрны себѣ и послѣ, когда Библейское Общество уже не существовало. Искреннее увлеченіе проникало даже и въ простонародную сферу; объ этомъ доста-точно свидѣтельствуетъ то «чувство безпокойства», которое, какъ упоминаютъ невзначай отчеты Общества, овладѣвало многими въ народѣ при слушаніи его піэтистическихъ воззваній. Въ самомъ дѣлѣ, это «безпокойство», — отъ почувствованной, но еще не удовлетворенной потребности въ сознательной религіи — должно было явиться первымъ послѣдствіемъ подобныхъ внушеній. Въ народѣ, библейская пропаганда должна была дѣйствовать такъ именно на людей, которые въ другое время уходили, изъ-за тѣхъ же религіозныхъ потребностей, въ расколъ.... ши сужденія о дёйствительныхъ результатахъ библейской про-

Къ сожалѣнію, религіозный интересъ — искренній или фальшивый, — дѣйствовавшій въ библейскихъ обществахъ, не удержался въ здравыхъ предѣлахъ. Время Библейскаго Общества стало временемъ врайней мистики и піэтизма. Теперь еще да-

272

леко не собраны факты для исторіи этого общественнаго направ-ленія второй половины царствованія императора Александра, и мы упомянемъ только немногое. Въ ряду фактовъ этого рода, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ судьбѣ Библейскаго Обще-ства, одинъ изъ главныхъ и любопытнѣйшихъ есть душевное настроеніе самого императора, — въ которомъ съ 1812 г. совер-шается сильный переломъ, впослёдствіи наполняющій всю его нравственную и политическую жизнь борьбой двухъ элементовъ-прежнихъ замѣчательно либеральныхъ и великодушныхъ идей и стремленій съ новыми вліяніями, мистическими и реакціонными.

Мы не можемъ имѣть здѣсь въ виду сколько-нибудь полныхъ ука-заній объ этой внутренней жизни императора Александра: намъ достаточно нѣсколько фактовъ, которые способны характеризовать его личное настроеніе¹). Во время событій 1812 года стремленіе къ религіозному успокоенію явилось въ первый разъ съ из-вѣстной силой въ императорѣ Александрѣ, и въ послѣдовавшіе затѣмъ годы пріобрѣло чрезвычайное развитіе. Оно отразилось всего сильнѣе и знаменательнѣе въ актѣ Священнаго Союза. Самыя разнообразныя религіозныя возбужденія окружають въ это время императора, который, отдаваясь своему чувству, подчи-нился вліяніямъ религіозной экзальтація, овладѣвавшей умами въ Европѣ и, наконецъ, открыто перенесъ свои личныя идеальнопіэтистическія воззрѣнія въ политическій манифесть, который задуманъ былъ, безъ сомнѣнія, съ искренними благородными побужденіями, но уже вскорѣ подвергся самой печальной эксплуата-ціи въ смыслѣ крайней реакціи и обскурантизма. Лица, съ ко-торыми встрѣчался и сближался тогда императоръ Александръ торыми встричался и солижался тогда императори тлександри въ своемъ мистическомъ настроеніи, прямо или косвенно дѣй-ствовали и на характеръ нашего Библейскаго Общества. Самое извѣстное изъ этихъ лицъ была г-жа Крюднеръ, игравшая тогда въ извѣстной части общества роль, чрезвычайно своеобразную: сошедшись съ южно-германскими піэтистами и мистиками, она сама незадолго до своей встрёчи съ императоромъ Александромъ (въ 1815 г.), стала проповёдовать нёчто въ родё первобытнаго христіанства и аскетической филантропіи, бросилась въ ревностный прозелитизмъ и, для дружескаго круга, даже предсказывала будущее. Такъ, напримъръ, она «предсказывала» возвращение На-полеона съ Эльбы въ то время, когда побъдители торжествовали

¹⁾ Въ числѣ разсказовъ объ этихъ событіяхъ одниъ изъ любопытит.йшихъ нахоинтся въ "Vie de madame de Krudener, par Ch. Eynard" Paris, 1849 t. I, p. 323-342 и большая доля II-го тома. Авторъ пользовался многими компетентными источниками, между прочимъ, указаніями русскихъ свидітелей тогдашнихъ событій. Томъ V. — Сентябрь, 1868.

на вѣнскомъ конгрессѣ. Предсказанія, конечно, были весьма тем-ныя и широкія, но очень многіе приняли ихъ за дѣйствитель-ныя пророчества, сама она — больше всѣхъ, и это придало еще больше интереса проповѣдницѣ христіанства, явившейся при-томъ изъ аристократическаго круга. Съ теченіемъ времени она все больше и больше убѣждалась въ своемъ посланничествѣ, и, какъ ни слаба была ея теологія, которой не берутся защищать даже ея пламенные поклонники, г-жа Крюднеръ пріобрѣла много приверженцевъ, которыхъ увлекала своимъ свѣтскимъ даромъ слова, примѣненнымъ теперь къ евангельской проповѣди смире-нія и уничиженія. Она явилась въ первый разъ къ императору (въ 1815 г.), въ Гейльброннѣ, на пути его изъ Вѣны къ дѣй-ствующей арміи, и въ тогдашнемъ его тревожномъ настроеніи ствующей арміи, и въ тогдашнемъ его тревожномъ настроеніи ствующей арми, и въ тогдашнеть его тревожноть настроени произвела на него сильное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе усили-лось во время пребыванія императора въ Парижѣ послѣ окон-чательнаго низложенія Наполеона: императоръ проводилъ вечера у г-жи Крюднеръ, и религіозная мечтательность его въ это время достигла высокой степени....

у гами прюдперы, и религовый истательность его вы ото преми достигла высокой степени.... Но начало ен относится еще къ предыдущимъ годамъ. Еще до этого времени онъ искалъ людей, особенно извёстныхъ своей върой и благочестіемъ и охотно вступалъ съ ними въ бесъды. Мы видъли, что въ 1814 г. императоръ Александръ принималъ депутацію Британскаго Библейскаго Общества и выражалъ свое сочувствіе къ его дъятельности. Въ это же пребываніе его въ Лондонъ онъ принималъ депутацію квакеровъ и имълъ съ ними длинный разговоръ: это были Стефенъ Грелье, Джемсъ Вилькин-сонъ и Вильямъ Алденъ, которые излагали ему свои идеи о не-посредственномъ вліяніи святого Духа... Вильямъ Алденъ сохра-нилъ разсказъ объ этомъ свиданіи ¹). Въ томъ же году кн. Го-лицынъ (повидимому, служившій только исполнителемъ даннаго ему порученія) прислалъ значительный денежный подарокъ зна-менитому мистику Юнгу Штиллингу²), который, между прочимъ, содъйствовалъ піэтистическому образованію самой г-жи Крюднеръ и имълъ ревностныхъ почитателей въ средъ нашихъ мистиковъ. Въ 1818—1819 г. упомянутый Грелье былъ въ Россіи. Онъ опять видълся съ государемъ, — какъ разсказываетъ въ своемъ «Дневникъ», —два или три раза и молился съ нимъ молчаливой молитвой съ колѣнопреклоненіемъ, въ чалніи соществія на обоихъ св. Духа ³).

св. Духа³).

¹⁾ Ch. Eynard, Vie de madame de Krudener, t. I, p. 335.

²) Тамъ же, I, p. 304.

³) См. Сушкова, Записки о жизни Филарета, М. 1868, стр. 104, 266. Приложение, стр. 105-106.

Мы удовольствуемся пока этими примѣрами, которые достаточно характеризують свойства религіозности, овладѣвавшей теперь императоромъ Александромъ. Въ мысляхъ императора носилась перспектива новаго порядка вещей, который долженъ былъ состоять въ господствѣ христіанско - патріархальнаго правленія народами. Къ этому періоду, именно ко времени, непосредственно слѣдовавшему за объявленіемъ акта Священнаго Союза, относится и усиленное вниманіе императора къ русскому Библейскому Обществу. Онъ вызываетъ его на новые труды, самъ лично усиливаетъ его дѣятельность, участвуетъ въ распространеніи книгъ св. писанія, содѣйствуетъ княгинѣ Мещерской, наконецъ требуетъ перевода Библіи на русскій языкъ....

Понятно, какое вліяніе должно было произвести это личное настроеніе императора Александра, когда онъ рѣшился проводить его на дѣлѣ, и когда Библейское Общество представлялось для этого удобнымъ орудіемъ.

Личные взгляды и воля императора произвели сильное дъйствіе на умы уже тёмъ, что открывали новымъ религіознымъ вкусамъ путь въ общество, въ которомъ и прежде, и послѣ, они вовсе не имѣли права гражданства. Вниманіе императора въ Юнгу Штиллингу, къ г-жѣ Крюднеръ, къ Стефену Грелье до-ставило имъ и въ обществѣ друзей и практику, такъ что люди стараго вѣка, вовсе не привычные къ какой-нибудь религіозной свободѣ, подняли, наконецъ, въ своихъ кругахъ тревогу о нару-теніи стараго благочестія.... Г-жа Крюднеръ съ 1815 года находить больше и больше почитателей въ высшемъ русскомъ обществѣ, вступаетъ въ сношенія съ кн. Голицынымъ и съ членами библейскаго общества, въ комитетѣ котораго, съ самаго его основанія, находился неизмѣнно ея братъ, баронъ Б. И. Фитингофъ. Ея экзальтація часто именно совпадала съ тѣмъ настроеніемъ, какое библейскія общества принимали болѣе или менѣе повсюду въ континентальной Европѣ: однимъ изъ ближай-шихъ ея друзей былъ пасторъ Оберлинъ (въ Ban de la Roche, въ Эльзасѣ), одинъ изъ первыхъ и наиболѣе энтузіастическихъ корреспондентовъ Британскаго Общества на континентѣ.... Для ввакера Грелье, во время его путешествія по Россіи, также открывалась своего рода пропаганда. Въ Петербургъ онъ познаоткрывалась своего рода пропаганда. Въ Петероургъ онъ позна-комился съ вн. А. Н. Голицынымъ, съ митрополитомъ Михаи-ломъ, еписв. Филаретомъ, съ упомянутой выше вн. Соф. Серг. Мещерской и со многими другими лицами духовными и свът-скими. Кн. Голицынъ, съ однимъ молодымъ секретаремъ своимъ, молился также съ Грелье ввакерской молитвой, ожидая соше-ствія святого Духа. Въ Новороссійскомъ краъ Грелье раздавалъ

18*

275

Библія, интересовался меннонитами и молоканами; въ Одессѣ онъ свелъ знакомство съ попечителемъ колоній южнаго края, генераломъ И. М. Инзовымъ, который былъ усерднымъ дѣятелемъ мѣстпаго библейскаго комитета.... Въ дневникѣ Грелье подробно описаны его посѣщенія къ митр. Михаилу и бесѣды его съ викаріемъ Филаретомъ, которыя доставили квакеру большое удовольствіе. На прощаньѣ, Филаретъ снабдилъ Грелье и его товарища рекомендательными письмами къ лицамъ, «извѣстнымъ ему своей духовностью», которыхъ квакеры намѣревались посѣтить по дорогѣ своей въ Одессу¹). Эти лица, извѣстныя своею духовностью, были конечно члены и корреспонденты Библейскаго Общества, какъ и названный сейчасъ генералъ Инзовъ.

Такимъ образомъ наши библейскіе дѣятели непосредственно сближались съ европейскими піэтистами и, копечно, заимствовались отъ нихъ новыми теоретическими и практическими пріемами мистицизма, примѣняя ихъ потомъ на свой ладъ. Иногда это сходилось прямо съ ихъ дѣлами по Обществу. Мы говорили выше, что по примѣру Британскаго, русскій комитетъ старался поддерживать библейскую дѣятельность и въ другихъ странахъ, напр. въ Германіи (гдѣ, кажется, библейское дѣло могло бы обойтись и безъ русской поддержки). Такъ нашъ комитетъ оказывалъ вниманіе Леандру фанъ-Эссу и помогалъ его библейской дѣятельности въ католической Германіи. Еще большее вниманіе оказано было римско-католическому священнику Госнеру, дѣйствовавшему въ Баваріи²). На Госнерѣ Библейское Общество скомпрометировалось.

Іоганнъ Госнеръ (род. 1773, ум. 1858 г.) былъ опять не только библейскій ревнитель, но и особенно-восторженный мистикъ, почти сектаторъ.

Въ Германіи еще съ прошлаго столѣтія явилась особая группа экзальтированныхъ піэтистовъ, которые назывались «пробужденными» (Erweckten). Это были ученики извѣстнаго графа Цинцендорфа († 1760), которому принадлежало помѣстье Геррнгутъ (въ Силезіи), гдѣ онъ далъ пріютъ моравскимъ братьямъ, получившимъ отсюда названіе геррнгутеровъ. Это «пробужденіе» (подразумѣвается—къ новой, возвышенной, внутренней религіозности) иашло тогда немало послѣдователей даже между аристо-

¹) Сушк., стр. 266—269. Въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», который издаваемъ былъ упомянутымъ выше «Вольнымъ Обществомъ любителей» есс., за это же время помѣщена была особая статья о квакерахъ, гдѣ эта секта описывается съ особевнымъ сочувствіемъ.

³) Johannes Gossner. Von v. Bethmann · Hollweg. Berl, 1858 (1833: Deutsche Zeitschrift für christl. Wissenschaft und chr. Leben).

кратическими фамиліями въ Германіи. Въ концё прошлаго и въ началё нынёшняго столётія, новые «пробужденные» явились въ южной Германіи, особенно въ Баваріи. Здёсь «пробужденіе» овладѣвало низшимъ классомъ народа: простые люди «наполня-лись духомъ» и получали высшее религіозное прозрѣніе. «Пробужденіе» было вообще одно изъ тѣхъ экзальтированныхъ сектаоуждение» оыло воооще одно изъ тъхъ экзальтированныхъ секта-торскихъ движений, которыя очень часто единственнымъ своимъ поводомъ имѣютъ формализмъ и сухость оффиціальной церкви, слишкомъ небрегущей нравственными потребностями массы. Оф-фиціальное католичество возстало противъ «пробужденныхъ»; ихъ главный руководитель, Мартинъ Боосъ, былъ преслѣдуемъ инквизиціей и полиціей, былъ заключаемъ въ тюрьму, но дѣло продолжалось. У Бооса явились ревностные помощники, число послёдователей умножалось и средоточіемъ «пробужденныхъ» сталъ, наконецъ, пасторъ Госнеръ, дъйствовавшій въ Мюнхенъ. Его проповѣди привлекали толпу слушателей, и вругъ дѣятельности его расширялся, въ особенности съ учрежденіемъ библей-скихъ обществъ. Госнеръ сдѣлалъ новый переводъ Новаго Завѣта, по отзывамъ протестантовъ замѣчательно близкій къ подлиннику. Переводъ Госнера, съ помощью иностранныхъ библей-скихъ обществъ, былъ распространенъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ; британскій библейскій комитетъ доставилъ Госнеру значительную денежную поддержку. Еще раньше, кажется, у него завязались другія отношенія. Онъ вступиль въ сношенія съ благочестивыми кружками евангелической церкви въ Нюрнбергв, Кочестивыми кружками евангелической церкви въ пюрноергъ, Базелѣ, Геррнгутѣ; въ Базелѣ было тогда библейское общество, потомъ основалось «Общество религіозныхъ трактатовъ», отча-сти подъ вліяніемъ г-жи Крюднеръ, которая имѣла здѣсь са-мыхъ усердныхъ друзей ¹). Проповѣдь Госнера уже теперь вы-ходила за предѣлы чистаго католицизма, какъ было, впрочемъ, вообще у «пробужденныхъ»; онъ еще не думалъ отдёляться отъ церкви, но стремленія его одухотворить догматы религіи давали его мнѣніямъ протестантскій оттѣнокъ, и протестантскіе піэтисты возбуждали всю его симпатію; сочиненія графа Цинцендорфа принадлежали въ его любимому чтенію, въ его мысляхъ бродилъ планъ основать въ средъ католической церкви живую «братскую общину», на подобіе геррнгутерской. Возстановленіе папской власти, послѣ паденія Наполеона, и

Возстановленіе папской власти, послѣ паденія Наполеона, и возобновленіе іезуитскаго ордена, естественно отозвались для «пробужденныхъ» новыми преслѣдованіями. Въ 1817 г. въ Баваріи шли переговоры о конкордатѣ, въ Мюнхенѣ ожидали пап-

¹⁾ Ch. Eynard, II, 110.

скаго нунція; власти рѣшили искоренить севту, и Госнера потребовали къ отвѣту. Онъ высказался отвровенно и былъ лишенъ правительствомъ своего мѣста; товарищъ его, другой пасторъ, Линдль, нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ провести въ заключеніи и переведенъ былъ въ другое мѣсто. Госнеръ еще нѣсколько времени оставался съ своей мюнхенской паствой, но, наконецъ, ему невозможно было держаться дольше, и онъ удалился въ рейнскія провинціи, которыя достались послѣ вѣнскаго конгресса Пруссіи. Для католическаго населенія этихъ провинцій, прусское правительство вызвало сначала Мартина Бооса, потомъ Госнера (1819), который занялъ, оставленное Боосомъ по болѣзни, мѣсто профессора въ дюссельдорфской гимназіи и городского священника. Госнеръ продолжалъ здѣсь съ большимъ успѣхомъ свою проповѣдь, которая и здѣсь опять навлекла на него ненависть ортодоксальныхъ католиковъ и іезуитовъ.

Линдль также вскорѣ оставилъ Баварію, гдѣ преслѣдованіе католическихъ властей грозило ему тюрьмой. Въ это время онъ получилъ призывъ въ Петербургъ, куда и отправился въ октябрѣ 1819 г. Въ Петербургѣ онъ, какъ разсказываютъ, нашелъ самый благосклонный пріемъ не только у внязя Голицына, но у самого императора. Онъ получилъ мѣсто проповѣдника при мальтійской церкви, гдѣ собирались къ нему слушатели всякихъ исповѣданій ¹).... Но Линдль недолго оставался въ Петербургѣ; весной слѣдующаго года онъ получилъ мѣсто въ Одессѣ, съ правами католическаго епископа ²). На его мѣсто въ Одессѣ, съ правами католическаго епископа ²). На его мѣсто въ Петербургѣ призванъ былъ тогда же Госнеръ. Имя Госнера уже задолго передъ тѣмъ упоминается въ отчетахъ нашего Общества, какъ имя ревностнаго библейскаго дѣятеля. Членъ британскаго комитета Штейнкопфъ, въ письмѣ къ Пинкертону (сентябрь 1817 г.), называлъ его «неустрашимымъ и неутомимымъ сѣятелемъ Слова Божія», и лондонскій комитетъ назначилъ ему, какъ упомянуто выше, пособіе — въ 500 ф. стерл. ³). Впослѣдствіи, русскій комитетъ, конечно по этимъ (и другимъ подобнымъ) рекомендац;амъ

³) Отч. 1817, Приб. XVIII.

¹) Біографія Госнера, изъ которой мы беремъ эти указанія, разсказываеть сявдующее:

[«]Am 17. October 1819 hielt er (Lindl) seine Abschiedspredigt und reiste am 18 nach Petersburg ab, wo er aufs Freundlichste und Ehrenvollste aufgenommen wurde. Fürst Gallizin, der Kaiser selbst empfing ihn und bat ihn knieend um seinen Segen. Von so hoher Gunst musste selbst der katholische Mitropolitan sich beugen» etc. Hackobbeo BÉRHN ЭТИ ПОДРОбНОСТИ — МЫ ПОКА НЕ ЗНАЕМЪ.

³) Это было почетное удаление вслёдствие столкновения съ православными интересами. О такихъ столкновенияхъ мы еще упомянемъ ниже.

и самъ вступилъ съ Госнеромъ въ сношенія, результатомъ которыхъ и было приглашеніе его въ Петербургъ.

Въ іюлѣ 1820 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ первыхъ письмахъ въ друзьямъ не могъ нахвалиться теплымъ пріемомъ, какой онъ здѣсь нашелъ. Князь Голицынъ и ему оказывалъ большое вниманіе, и Госнеръ еще въ томъ же году выбранъ былъ въ число директоровъ петербургскаго комитета Библейскаго Общества¹). Сколько можно судить по немногимъ разсказамъ объ этихъ обстоятельствахъ, Госнеръ, какъ проповѣдникъ, имѣлъ большой успѣхъ не только между своей ближайшей паствой, но и между нѣмецкими протестантами и русскими искателями мистической религіозности. Госнеръ пробылъ въ Петербургѣ четыре года; въ 1824 году онъ былъ высланъ за-границу, — на этомъ такъ-называемомъ «госнеровскомъ дѣлѣ» мы остановимся дальше....

Указанные нами факты обозначають свойство религіозныхь тенденцій, овладѣвавшихъ Библейскимъ Обществомъ, члены котораго были самыми искателями всякой мистики. Успѣхъ этой послѣдней, какъ мы уже замѣчали, былъ тѣмъ возможнѣе, что въ обществѣ еще продолжались вліянія стараго масонскаго мистицизма XVIII вѣка. Еще живы были Новиковъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Поздѣевъ, кн. Репнинъ, Кошелевъ и др. Почти всѣ они вынесли тяжелое давленіе враждебныхъ обстоятельствъ и пріобрѣли мрачное упорство понятій, обыкновенное слѣдствіе преслѣдованій. Нѣкоторые изъ нихъ, или ихъ ученики, приняли прамое участіе въ библейскомъ дѣлѣ; тѣ, которые не принимали этого участія, все-таки дѣйствовали для него своимъ личнымъ

1) «So kalt hier das Klima, — писаль Госнерь взъ Петербурга, — so warm fühlen die Herzen. Der Minister, Fürst Gallizin, ist ein lieber, vortrefflicher Mann, und so sind noch viele Grosse sehr klein (т. е въ христіанскомъ смыслѣ; смыренны) und demüthig und hungrig und durstig nach Gerechtigkeit». Біографъ говорить дальше о прибытія Госнера въ Петербургъ и успѣхахъ его проповѣди: «Der Herr hatte ihm die Thüre weit aufgethan, alle hemmenden Schranken fielen, der Kaiser selbst hatte ihm einen grossen Saal einrichten lassen, der an 2000 Menschen fasste und wo er vor Personen jeglichen Standes und Bekenntnisses Zeugniss ablegte von dem Heil in Christo. Der engere Kreis der Freunde verharrte Tag und Nacht mit ihm im Gebet, und der Herr blieb auch diesmal die Antwort nicht schuldig. Ströme seines Geistes kamen herab und erweckten Tausende zu einem tiefen, innigen Glaubensleben» etc. Къ этому тѣсному кружку принадлежалъ, вѣроятно, и секретарь Библейскаго Общества, В. М. Поповъ, переводчикъ кныги Госнера, о которой мы будемъ говорить дальше.

Панаевъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ: «Пріемъ, оказанный Госнеру, былъ еще благосклоните (чъмъ пріемъ Линдля), а краснортчіе его блистательнате, такъ что жители столицы встахъ втроиспонтданій, не исключая и православнаго, толпами сбираись по вечерамъ въ католическую церковь слушать его проповъди». «Въсти. Бър.» 1867 г., IV, стр. 83. вліяніемъ. Ихъ мистицизмъ превращался въ асветическую суровость, въ подозрительное недовъріе къ новымъ движеніямъ въ литературъ и обществъ и въ самое ребяческое легковъріе ко всему, что казалось имъ выполненіемъ ихъ маго-кабалистическихъ теорій. Въ тѣхъ нововведеніяхъ, которыя прорывались въ жизнь, они видѣли одну гибель и козни вѣчнаго врага человѣчества: въ новыхъ литературныхъ идеяхъ имъ мерещилось то «иллюминатство», которымъ нѣкогда напугали ихъ берлинскіе наставники; они не любили университетовъ, противъ которыхъ вооружали ихъ старые алхимическіе авторитеты и на которые начала теперь доносить пошлая толпа обскурантовъ реставраціи. Въ своихъ взглядахъ на вещи, эти старые мистики сошлись теперь съ графомъ Жозефомъ де-Местромъ, который также не любилъ науки и также находилъ нужнымъ искоренить «лжеименный разумъ». Наконецъ, высшимъ пунктомъ ихъ желаній было стремленіе къ надзвѣзднымъ областямъ, которыя такъ подробно описывались въ ихъ книгахъ. Мистическое истолкованіе Библіи уже издавна было предметомъ ихъ величайшаго любопытства и стараній.

Старании. Характеристическимъ представителемъ ихъ школы былъ теперь Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника», начатаго имъ въ первые год 1 царствованія императора Александра и вскорѣ запрещеннаго, потомъ начатаго вновь и опять запрещеннаго. Старыя масонскія преданія Лабзинъ подновлялъ послѣдними изобрѣтеніями мистицизма, преимущественно Юнгомъ Штиллингомъ и Эккартсгаузеномъ. Его журналъ въ особенности можетъ считаться выраженіемъ тенденцій, которыми отличались послѣ всѣ ревностные члены Библейскаго Общества. Лабзинъ, какъ и его наставники, вообще не удовлетворялся обычнымъ церковнымъ порядкомъ: этотъ порядокъ казался ему слишкомъ сухимъ и недѣятельнымъ, и его собственные вкусы клонились въ ту сторону, куда вели тогдашніе фантазеры и фанатики. Его новѣйшій мистицизмъ доставилъ ему друзей и въ той части духовенства, которая пристала къ Библейскому Обществу съ надеждами и ожиданіями. Лабзинъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ библейскаго комитета, и въ числѣ людей, стоявшихъ съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, былъ Филаретъ, который въ эту пору своей жизни отдалъ не малую дань тогдашнему мистицизму ¹).

¹) Сушковъ, стр. 258. «Встрѣчи, знакомство, связи съ такъ-называемыми мистиками имѣли на него (Филарета), хотя не безусловное и не продолжительное вліяніе. Кн. Голицынъ, Лабзинъ, Серафимъ и Миханлъ навели его вниманіе на труды восторженнаго Сведенборга, на гаданія Эккартсгаузена, на мечтанія поэтическія Юнга

Наконецъ, еще въ первой половинѣ царствованія императора Александра возобновились и дрганы масонства—ложи, особенное распространеніе которыхъ опять совпадаетъ съ наиболѣе оживленными годами Библейскаго Общества. Дѣятельность этихъ ложъ до сихъ поръ еще мало извѣстна и мы затрудняемся опредѣлить направленія, получавшія въ нихъ мѣсто. Повидимому, здѣсь соединялись весьма различныя тенденціи, и въ масонскихъ ложахъ того времени жило какъ старое розенкрейцерство и библейскій мистицизмъ, такъ и тенденціи новаго политическаго либерализма, —это послѣднее, конечно, только въ отдѣльныхъ случаяхъ и отдѣльныхъ личностяхъ, потому что люди радикальныхъ наклонностей выдѣлились тогда, какъ извѣстно, въ особые кружки и общества, изъ которыхъ вышли потомъ такъ называемые декабристы. Но масонство и теперь сохраняло многое изъ прежнято характера и давало новыхъ послѣдователей піэтизму.

Когда піэтистическія наклонности библейскихъ дѣятелей получили достаточное развитіе и силу, онѣ естественно должны были найти себѣ и извѣстное практическое выраженіе. Піэтистамъ недостаточно казалось обыкновенныхъ формъ благочестія, и они усвоиваютъ себѣ различные пріемы піэтизма, какіе находили у своихъ иностранныхъ друзей и наставниковъ. Самъ императоръ Александръ, какъ разсказываютъ, молился съ квакеромъ Грелье; еще прежде онъ участвовалъ въ моленіяхъ г-жи Крюднеръ, въ которыхъ было нѣчто похожее на методизмъ. Князъ Голицынъ повидимому особенно стремился къ изысканной религіозности и также совершалъ квакерскія моленія въ ожиданіи осѣненія святымъ Духомъ¹). Князь Ливенъ, одинъ изъ вице - президентовъ комитета, былъ настоящій геррнгутеръ²). Баронъ Б. И. Фитинговъ, братъ г-жи Крюднеръ, также вице-президентъ петербургскаго комитета, сочувствовалъ религіознымъ идеямъ своей сестры и участвовалъ въ ен особеннаго рода молитвахъ³) Госнеръ и Линдль

Штиллинга и госножи Гіонъ. Была пора довърчивости и увлечевій» и проч. Г. Сушковъ можетъ быть слишкомъ ствсияетъ періодъ мистическихъ воззрѣній Филарета; потому что, въ въсколько иной формъ, онъ продолжались и послъ, какъ видно изъ самой квиги г. Сушкова.

¹) Зап. Вигеля III, ч. VI, 38. «Онъ (кн. Голицинъ) посъщалъ богослуженія различныхъ раскольничьихъ сектъ, находнешихся въ Петербургъ, и одной изъ нихъ ужълъ выпросить помъщение въ императорскомъ дворцъ». Это — общество Татариновой, помъщавшееся въ Инженерномъ замкъ.

²) «Mon frère est arrivé, — говорнть г-жа Крюднеръ въ одномъ инсьмѣ (около 1818 г.): sa piété est vraie et active.... Nous priâmes l'autre jour ensemble, en larmes et prières ferventes. Eynard, II, 307.

^{•)} Заг. Вигеля III, ч. YII, 140 — 141. «На лицѣ его (К. А. Ливена) было написано благодушіе, изображающее совершенно спокойное состояніе духа, плодъ истинно

привлекали въ себъ и русскихъ слушателей; методисты и квакеры дѣлались предметомъ особеннаго вниманія и удивленія. Это быль піэтизмь европейскій. Но вмёстё сь нимь были вь Библейскомъ Обществъ образчики своего болѣе домашняго піэтизма. Такъ Витель разсказываетъ о Бантышъ-Каменскомъ, - котораго мы упоминали какъ одного изъ главныхъ лицъ, содъйствовавшихъ учрежденію библейскаго Общества въ Москвѣ и который лично собраль для него большую сумму пожертвований, ---черты, которыя, въ менте сильной степени, могуть быть характеристичны для многихъ другихъ библейскихъ дъятелей. Воспитанный въ славяно-грево-латинской академін, Бантышъ-Каменскій еще съ молода удаленъ былъ отъ общественной жизни физическимъ недостаткомъ (глухотой) и склонностью въ кабинетнымъ занятіямъ, и сталъ суровъ и нелюдимъ. «Лицо примѣчательное, -- говорить Вигель, — которое рѣшительно не принадлежало ни къ одному изъ двухъ состояний; это былъ старый семинаристь, бѣлый монахъ, свътский архиерей. Со всъми преосвященными велъ онъ обширную и частую переписку, и былъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во встать ихъ делахъ; онъ умственно жилъ въ духовномъ мірѣ семъ, и такъ сказать былъ цѣпью его съ грѣшнымъ нашимъ свътомъ....» ¹).

Такихъ свётскихъ архіереевъ, или по крайней мёрё іеромонаховъ было много въ Библейскомъ Обществё; эти свётскіе іеромонахи принимали на себя тонъ благочестія и подвижничества, подобающій ихъ значенію, и мы упоминали выше, что корреспонденты общества съ самаго начала стали даже писать не иначе, какъ въ церковномъ стилё. Въ теченіе немногихъ лётъ существованія Общества, его дёятели составили особый общественный слой, съ своими типическими примётами.

Наконецъ для этихъ дѣятелей потребовалось высшее піэтистическое возбужденіе, которое удовлетворило бы ихъ экзальтаціи, и это возбужденіе доставлено было извѣстнымъ обществоиъ Татариновой. Объ этомъ Обществѣ въ послѣднее время явилось довольно много разсказовъ въ нашей литературѣ, и намъ нѣтъ

1) Записки I, ч. I, 171.

христіанскихъ чувствованій, конми былъ онъ проникнуть.... Онъ принадлежалъ къ секта гернгутеровъ или моравскихъ братій, германскихъ старовъровъ... Въ остзейскихъ губерніяхъ дворянство его ненавидъло за быстрое распространеніе сей секти между жителями; въ короткое время число сектаторовъ его стараніями отъ трехъ тысячъ возрасло до сорока.... Случалось иногда, что присланный откуда инбудь чиновникъ, съ важнымъ порученіемъ, застанетъ его въ залѣ, громко распѣвающаго псалмы передъ налоемъ. Онъ обернется къ нему, выслушаетъ его, но не отвѣчая ему, продолжаетъ свою литургию. Уже по окончанія ея примется за дѣло».

надобности повторять ихъ: достаточно сказать, что собраніе общества было странной религіозной оргіей, напоминающей шамановъ, хлыстовъ и т. п. ¹) и для насъ важно упомянуть только тотъ фактъ, что наиболѣе ревностные друзья Татариновой и участники ея изувѣрныхъ вакханалій нашлись именно между членами Библейскаго Общества. Главнѣйшіе изъ этихъ друзей были: Лабзинъ и В. М. Поповъ, одинъ—директоръ, другой—секретарь Библейскаго Общества; кромѣ того были здѣсь Ө. И. Прянишниковъ, Ю. Н. Бартеневъ; бывалъ здѣсь и кн. Голицынъ, превидентъ Библейскаго Общества. Любопытно, наконецъ, какъ императоръ Александръ отзывался объ одномъ изъ членовъ секты, А. Г. Милорадовичѣ, въ письмѣ къ его отцу (въ 1818 году), который встревожился участіемъ сына въ этихъ собраніяхъ. Похваливъ его ревность къ службѣ (въ Семеновскомъ полку) и нравственность, императоръ писалъ: «Я старался проникнуть его связи и, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ ²), нашелъ, что тутъ ничего такого нѣтъ, чтобы отводило отъ религи; напротива, онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности»³).

Со всёми этими религіозными увлеченіями и блужданіями еще можно было бы мириться, если бы они остались дёломъ частнаго личнаго мнёнія; ихъ можно было нёсколько извинить въ обществё, которое въ первый разъ попадало на дорогу религіознаго броженія и не умёло справиться съ новыми предметами; но самое дурное и зловредное было здёсь то, что этотъ піэтизмъ и мистика, терявшія всякую мёру, превращались въ открытый, наглый и злостный обскурантизмъ, безраздёльно господствовавшій въ теченіе нёсколькихъ послёднихъ годовъ правленія императора Александра. Библейскому Обществу печальная судьба

э) Зап. Вигеля III, ч. VI, стр. 38 — 39. «.... Верховная жрица, нёкая госпожа. Татаринова, посреди залы садилась въ кресла, мужчины садились вдоль по стёнамъ, женщины становились передъ нею, ожидая отъ нея знака; когда она подавала его, женщины начинали вертёться, а мужчины пёть, подъ тактъ ударяя себя въ колёна, сперва тихо и плавно, а потомъ все громче и быстрёе.... Въ изнеможени, въ изступлевіи, тѣмъ и другимъ начинало что-то чудиться. Тогда изъ среды ихъ выступали вдохновенные, иногда мужикъ, иногда простая дёвка, и начинали импровизировать вѣчто ни на что непохожее. Наконецъ, едва передвигая ноги, всѣ спѣщили къ тралевѣ, отъ которой нерѣдко вкушалъ самъ министръ духовныхъ дѣлъ» и т. д.

Ср. также Сушкова, Зап. о жизни матрополита Филарета, стр. 75 — 78; Записки Панаева. В. Европы, 1867, IV, стр. 85.

²) Полученнымъ, въроятно, черезъ того же кн. Голицына.

^в) Р. Архивъ, 1864, 2-е изд., ст. 784.

привела быть главнымъ соединеніемъ людей подобныхъ тенден-цій, и хотя собственная дѣятельность Общества, состоявшая въ изданіи и распространеніи книгъ, вовсе не предполагала необхо-димо этихъ тенденцій и могла бы остаться чистой отъ этой грязи, но присутствіе злѣйшихъ обскурантовъ именно въ средѣ Библейскаго Общества, поставило ихъ въ естественную связь, и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ набросило на все Общество не-завидную репутацію этихъ лицъ. Когда обскуранты перешли мѣру и новое наступившее правительство рѣшилось положить конецъ ихъ дѣяніямъ, — для этого найдено было нужнымъ за-крыть само Библейское Общество, и въ понятіяхъ времени это казалось послѣдовательнымъ.... Закрытіе Общества конечно не рѣшило коренного вопроса, который былъ замѣшанъ въ его су-ществованіи: его лучшія стороны были уничтожены; его обску-рантизмъ уничтоженъ не былъ, — онъ тотчасъ воротился въ нѣ-сколько иныхъ формахъ.... сколько иныхъ формахъ....

Откуда явился этотъ обскурантизмъ?

Откуда явился этоть обскурантизмъ? Онъ всегда бываетъ естественнымъ спутникомъ необузданной мистики, и слабость общественнаго образованія въ особенности способна давать ему силу. Въ тогдашнихъ условіяхъ господству его способствовали вообще реакціонный характеръ времени и личные взгляды самого императора. Библейское Общество втя-гивалось въ обскурантизмъ мало-по-малу. Въ русскомъ Обществѣ, всего болѣе должны были конечно отразиться тѣ изъ идей Британскаго Общества, которыя больше соотвѣтствовали степени развитія общественнаго ума. У насъ не столько получила силу филантропическая забота о низшихъ классахъ, или стремленіе къ народному образованію, или инте-ресъ въ положенію единовѣрныхъ единоплеменниковъ, или мис-сіонерство между языческими и магометанскими инородцами, — сколько піэтизмъ. Для своего развитія, піэтизмъ вообще не требуетъ особаго ума или образованности (въ отдѣльномъ человѣкѣ или сколько піэтизмъ. Для своего развитія, піэтизмъ вообще не требуеть особаго ума или образованности (въ отдѣльномъ человѣкѣ или въ обществѣ—все равно), и даже бываетъ обыкновенно тѣмъ силь-нѣе, чѣмъ ихъ меньше; поэтому онъ распространялся такъ сильно у насъ. Общество не было привычно къ строгой мысли, и піэ-тизмъ еще облегчалъ его въ этомъ отношеніи, потому что, пре-вознося силу вѣры, онъ усиленно унижалъ «тщету знанія» и «лжеименный разумъ». Филиппики нашихъ библейскихъ ревнителей противъ этого бѣднаго «лжеименнаго разума» были тѣмъ забав-нѣе, что эти ревнители въ сущности были очень мало знакомы съ тѣмъ, что собственно тогда говорилъ и дѣлалъ этотъ разумъ... Они, конечно, не могли скрыть своего незнанія отъ самихъ себя, и вопли противъ разума служили какъ будто нѣкоторымъ изви-

неніемъ ихъ нев'ёжества: если этотъ разумъ, т. е. тогдашняя наука, есть лжеименный, то къ чему же и трудиться надъ тёмъ, что онъ выдумываетъ? Наши ревнители обыкновенно и не трудились....

Имъ казалось, что также думають и въ Европѣ. Были конечно и въ Европѣ обскуранты подобнаго сорта, какъ другъ іезуитовъ, графъ де-Местръ, бесѣдами котораго услаждался гр. Разумовскій, — до Голицына, министръ народнаго просвѣщенія и вицс-президенть Библейскаго Общества; — но вообще уровень европейскаго образованія былъ такъ высокъ, что не могъ допустить надолго господства такихъ дикихъ крайностей, какія потомъ обильно процвѣли у насъ. Членамъ нашего Библейскаго Общества могло казаться, напримѣръ, что въ борьбѣ противъ разума съ ними согласно и Британское Общество. И дѣйствительно, оно не было свободно отъ піэтизма, и въ отдѣльныхъ случаяхъ его ворреспонденціи заключали въ себѣ фразы, которыя можно было толковать въ подобномъ смыслѣ. Наши ревнители не замѣчали только, что за этими нѣсколькими фразами идетъ однако нѣчто другое, идетъ энергическій трудъ, прямая практическая дѣятельность, школьная, миссіонерская, филантропическая, — такъ что и фразы говорили въ сущности не то, что вычитывали въ нихъ наши «свѣтскіе архіереи».

Напримѣръ. Въ корреспонденціи 1816 года, въ одномъ письмѣ Штейнкопфа мы читаемъ о «новыхъ опроверженіяхъ противъ Библейскаго Общества» и новыхъ противникахъ, нападающихъ на Общество. «Я не удивляюсь, — говоритъ Штейнкопфъ, — что число ихъ возрастаетъ; ибо дѣйствительно торжество библейскаго дѣла въ разныхъ странахъ свѣта столь велико, что сладычество гръха и заблужденія сотрясается уже въ основаніи своемъ, и царство Христово возстаетъ на его развалинахъ. Мы быстро подвигаемся къ тому преславному періоду времени, которое предвозвѣщено пророчествами, и столь долго и нетерпѣливо ожидаемо было благомыслящими людьми во всѣхъ вѣкахъ. Но и сопостать нашъ не престанетъ напрягать силы свои, для обороны твердыни своей, изъ которой онъ угрожается теперь быть изгнаннымъ 1)».

Эта тема множество разъ повторена была нашими библейскими дёятелями; но въ сущности она имёла одинъ смыслъ, сказанная Штейнкопфомъ, и другой — сказанная напр. Лабзинымъ, Руничемъ или архим. Өеофаномъ: первый былъ все-таки

^{•)} Отч. 1816, Приб. ХХҮ.

образованнѣе послѣднихъ, и борьба съ «сопостатомъ» была у нихъ разная....

Въ томъ же 1816 г. президентъ Британскаго Общества пишетъ къ кн. Голицыну: «Намъ остается только молить Бога, чтобы сей истинный духъ вѣры день со дня болѣе утверждался и распространался, чтобы духовное *царствое Божсе* преуспѣвало чрезъ сіяніе святаго Слова Его, и чтобы подъ вліяніемъ онаго *міръ*, столь долгое время являвшій ужасное зрѣлище неустройства и разврата, возмогъ отнынѣ начать новый періодъ благоденствія и общественнаго порядка, чтобы тишина и дружелюбіе поселились между всѣми народами» ¹). Не трудно видѣтъ, что этотъ идеалъ тишины и дружелюбія, благоденствія и порядка вовсе не былъ похожъ на то, къ чему стремились наши доморощенные обличители «горделивыхъ мнимо просвѣщенныхъ», «ученія и мудрости бѣсовской» и т. п. Мы безпрестанно находимъ эти мысли и выраженія въ рѣчахъ князя Голицына, Серафима, Магницкаго и множества другихъ предводителей библеѣскаго дѣла и т. д., и припомнимъ, что въ категорію «горделивыхъ мнимо просвѣщенныхъ» нопадали, въ глазахъ библевѣскихъ прозелитовъ, такіе люди, какъ Уваровъ и Карамзинъ.... Это мракобѣсie, какъ мы замѣтили, естественно выходило

Это мракобѣсіе, какъ мы замѣтили, естественно выходило изъ того піэтизма, который съ самаго начала овладѣвалъ Библейскимъ Обществомъ. Мистики вообще воображаютъ себя единственными и особенно уполномоченными хранителями высшей истины и оттого отличаются обыкновенно крайней нетерпимостью. Свѣтское, скептическое знаніе составляетъ для нихъ предметъ крайняго отвращенія и ненависти, и мракобѣсіе бываетъ тѣмъ сильнѣе и безсмысленнѣе, чѣмъ грубѣе піэтизмъ и чѣмъ ограниченнѣе собственное образованіе, —а у нашихъ піэтистовъ образованіе вообще было весьма поверхностно. Припомнимъ изъ біографіи Магницкаго, въ какое глупое положеніе становился цѣлый университетъ, затѣвавшій обличать «мнимое просвѣщеніе» по программѣ своего попечителя....

Итакъ, если обскурантизмъ долженъ былъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ усиливались піэтистическія тенденціи, то теперь для этого наступало замѣчательно благопріятное время. Извѣстно, какимъ образомъ Священный Союзъ сталъ оффиціальнымъ фундаментомъ для реакціи; какимъ образомъ европейскія волненія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ постоянно представляемы были императору и, наконецъ, приняты имъ какъ именно тотъ врагъ, съ которымъ онъ обязалъ себя бороться

286

¹) Тамъ же, Приб. XLI.

встми силами — нравственными и военными. При такомъ положеніи вещей, въ общественной жизни понятнымъ образомъ отступили на задній планъ прежнія, либеральныя и просвітительныя тенденціи, и мёсто ихъ занялъ піэтистическій консерватизмъ и «сервилизмъ», какъ называлъ это Карамзинъ. Кн. Голицынъ, предсъдательствующій въ Библейскомъ Обществъ, управляющій народнымъ просв'єщеніемъ и духовными д'блами, молящійся съ квакерами, бывающій въ собраніяхъ Татариновой, гнетущій и преслѣдующій литературу, превращающій университеты въ какія-то казармы піэтизма, —былъ однимъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ императора, однимъ изъ сильнѣйшихъ людей въ государствъ и былъ чрезвычайно характеристическимъ представителемъ всей системы.... Для честолюбивыхъ интригановъ въ это время всего выгодние было надить на себя маску благочестиваго смиренія, выставить себя бойцомъ противъ разрушительныхъ, «адскихъ» силъ, и т. п., и эта маска давала имъ полный успёхъ. Таковъ былъ Магницкій. Онъ думалъ, что совершенно понялъ характеръ времени, и наглымъ образомъ эксплуатировалъ кн. Голицына, который легко ему подчинился. Магницкій сыпаль звонкими фразами въ духѣ времени, говоря безпрестанно о небъ и объ адъ, о спасении и гибели, о Богъ и о внязё тьмы: въ служителямъ Бога онъ относилъ самого себя и своихъ покровителей, къ служителямъ князя тьмы онъ безцеремонно причислядь всѣхъ и все, что ему было непріятно и мѣиало, — и пугалъ всъкъ и все, что ему окло непринно и шь-шало, — и пугалъ всъмъ этимъ благочестиво-легковърныхъ лю-дей. Въ министерствъ онъ сталъ правой рукой кн. Голицына, или даже просто распоряжался имъ какъ хотълъ; въ Библей-скомъ Обществъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ гнусныхъ ханжей и обскурантовъ, сдълавшихъ все Общество ненавистнымъ для порядочныхъ людей....

Личность самого кн. Голицына еще ждетъ своего историческаго опредѣленія; не знаемъ, насколько ясны были его представленія о томъ, какое дѣло онъ дѣлалъ; несомнѣнно только, что въ устроенной имъ самимъ его обстановкѣ, если и были люди искренніе, то все-таки на большую долю это были вредные фанатики; а затѣмъ были и самые отвратительные интриганы и обманщики, надѣлавшіе подъ его руководствомъ много вреда. Легкость свѣтскаго образованія не позволяла кн. Голицыну понять окружающихъ обстоятельствъ и свою собственную задачу, какъ въ министерствѣ, такъ и въ Библейскомъ Обществѣ. Министръ просвѣщенія сталъ врагомъ и гонителемъ просвѣщенія.

И въ томъ, и въ другомъ въ числе главныхъ действующихъ

лицъ были одни и тѣ же люди. Самъ министръ былъ президентомъ Общества; секретарями библейскаго комитета были ближайшіе чиновники министра, директоры департаментовъ—Поповъ и Тургеневъ; попечители университетовъ и ученыхъ округовъ, гр. К. А. Ливенъ (въ Дерптѣ), З. Я. Карнѣевъ (въ Харьковѣ), М. Л. Магницкій (въ Казани), впослѣдствіи Руничъ (въ Петербургѣ), кн. А. П. Оболенскій (въ Москвѣ) были вице - президенты или директоры библейскихъ комитетовъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ (въ качествѣ членовъ главнаго правленія училищъ, попечители могли проживать въ Петербургѣ); другіе члены правленія училищъ и ученаго комитета, Н. И. Фусъ, Адеркасъ, И. И. Мартыновъ, А. С. Стурдза, были членами библейскаго комитета или, по крайней мѣрѣ, ревностными «благотворителями» или приверженцами тѣхъ же идей. Библейское Общество почти отождествлялось съ министерствомъ; и понятно само собою, что надо было сдѣлаться ревностнѣйшимъ библейскимъ дѣятелемъ, чтобы получить роль въ министерствѣ или вообще въ той сферѣ, которая находилась подъ вліяніемъ кн. Голицына.

Магницкій воспользовался европейскими происшествіями въ 1819 году, чтобы еще больше напугать правительство и доказывать необходимость предлагаемой имъ системы ¹). Но мнѣнія свои въ этомъ смыслѣ онъ началъ излагать еще раньше, что и доставило ему расположеніе кн. Голицына и мѣсто въ министерствѣ. Магницкій, конечно, скоро сообразилъ, ито ему надо сдѣлаться библейскимъ дѣятелемъ. Въ 1817 г., когда онъ былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, начались приготовленія къ основанію здѣсь библейскаго отдѣленія, которое и было открыто 1 января 1818 г. При открытіи его, Магницкій сказалъ рѣчь, въ высшей степени характеристичную, какъ образчикъ той системы, которую онъ проповѣдовалъ впослѣдствіи и осуществлялъ на практикѣ въ несчастномъ казанскомъ университетѣ. Мы считаемъ не лишнимъ привести изъ нея нѣсколько отрывковъ²). Вся рѣчь построена на противоположеніи «политики міра сего» и «вндовъ Провидѣнія», которые, — надобно было предполагать, были ему совершенно извѣстны; къ этому Магницкій сводитъ всю исторію міра и всю современную исторію и проповѣдуетъ борьбу противъ «духа тьмы», подлаживаясь, конечно, подъ «актъ Свя-

288

¹) См. объ этомъ годѣ въ Р. Арх. 1867 г., ст. 861-878.

²) Тѣмъ больше, что біографъ Магницкаго не воспользовался ею. Другія свѣдѣнія о библейской дѣятельности Магницкаго см. въ статьѣ г. Понова о Казанскомъ обществѣ любителей отеч. словесности («Р. Вѣсти.» 1859 г., т. ХХІП), и въ кингѣ г. Өеоктистова.

щеннаго Союза», которымъ онъ всегда нагло закрывался. По всегдашнему обыкновенію Магницкаго, рёчь написана съ напыщеннымъ драматизмомъ, которымъ онъ надѣялся достигать эффекта, и въ извѣстной публикѣ, кажется, достигалъ его. Читая эту рѣчь теперь, удивляешься только, какимъ образомъ эта пошлая ложь и отвратительно - лицемѣрная реторика могла кого-нибудь обма-нывать? — Впрочемъ, подобная литература, въ немного только иной формѣ, существовала и послѣ, и до нашихъ дней; Магницвій есть, конечно, первый родоначальникъ этой позднёйшей, и нынёшней, литературы лицемёрія и доноса.

Призвавъ Божіе благословеніе на начинаемое «святое и веливое дѣло», Магницкій прямо приступаеть къ предмету. «Всѣ царства и народы земные очевидно движутся двумя си-

лами: политикой міра сего, и тѣмъ, что въ обществѣ называется-судьба, то-есть, видами Провидѣнія. Глава политики міра сего есть князь его. Глава Провидѣнія небеснаго — Господь нашъ Іисусъ Христосъ. По первой, народы земные отъ поклоненія Богу истинному, пришли къ идолопоклонству: воскурились фиміамы въ капищахъ; на жертвенникахъ пролилась кровь челопамы въ капищахъ, на жертвенникахъ пролилась кровь чело-въческая. Идолы, духами тьмы одушевленные (!), стали прори-цать будущее (!). Послѣ многихъ народовъ, истребленныхъ и воз-никшихъ, толпа разбойниковъ¹) основала обширнѣйшую въ свѣтѣ идолопоклонническую имперію. Торжество князя тьмы казалось совершеннымъ. Вся извѣстная вселенная ему поклонялась. По видамъ Провидѣнія небеснаго, въ уголку міра, въ одной изъ от-даленнѣйшихъ провинцій римской имперіи, горѣло всесожженіе на алтарѣ истиннаго Бога, окруженное малочисленнымъ, непросвъщеннымъ народомъ.

«Дотолѣ ходъ Провидѣнія состоялъ въ томъ, чтобы огонь чистой вѣры въ истиннаго Бога теплился, не угасая, посреди бурь, княземъ тьмы воздвигаемыхъ, покуда не придетъ время обратиться ему въ пламень и объять вселенную.

«Движение свѣтилъ небесныхъ показало великую сію годину....»

«Совершается Рождество Іисуса Христа. «Глава политики міра сего, не понимавшій, какъ видно, до-толѣ сего таинства, узналъ его; всѣ силы ада устремились на истребленіе Божественнаго Младенца. Но воинства небесныя не подвиглись на Его ограждение: старецъ и младая Матерь защитили Его одни, отъ соединенныхъ силъ земли и ада — уединениемъ. Посягнувший на убийство Его — живой пожирается червями».

1) Т. е. римляне. Томъ У. -- Сентяврь, 1868.

Дальше, съ такой же фантазіей изображается проповёдь Іисуса Христа и противодёйствіе ей со стороны внязя тьмы, съ явными намеками и параллелями. — Проповёдь ученія начинается, но его окружають трудности:

нается, но его окружають трудности: «....Какъ понять его (ученіе)? Оно отвратно уму, ибо совершенно ему противуположно (!) и требуеть отъ него одной покорности и молчанія. Оно противно страстямъ, ибо требуеть ихъ умерщвленія, и не того совершенства, котораго требовала философія, не той пышной добродѣтели, за которую такъ щедро вознаграждала она самолюбіе; оно требуеть смерти сего самолюбія, требуеть въ жертву всѣхъ благороднѣйшихъ чувствъ сердца, и обѣщаеть за то, что же? — гоненія, презрѣніе, ненависть отъ людей и казни. Какъ понять и полюбить такое ученіе?

«Правда, что чудеса подкрѣпляють его. Законы природы измѣняются по гласу Учителя. Но что до того? Князь тьмы берется и умѣетъ изъяснить все сіе по своему: ученіе найдено противнымъ разуму, а чудеса Учителя приписаны тому, что Онъ бѣса имѣетъ. Но какъ, въ то же время, Онъ называетъ себя Сыпомъ Божіимъ и Царемъ, то признанъ общественному порядку опаснымъ, и опредѣленъ на казнь. Нѣсколько разъ посягаютъ сіе исполнить; но часъ еще не пришелъ».

Наконецъ, время пришло: «въ часъ тьмы, настало время минутнаго торжества князя тьмы». Но страданіе и смерть Христа совершились. Ученики его, двѣнадцать простолюдиновъ, идутъ на проповѣдь, и римскіе императоры испугались; начались гоненія, но казни только умножали число христіанъ.

«Такъ восторжествовало тогда Провидъніе небесное, средствами тихими, простыми и таинственными, надъ политивою ада».

Царство внязя тьмы поволебалось; идолы умолкли и пали. Свёть Христовъ озарилъ, мало-по-малу, всю вселенную. «Политика внязя тьмы, не могшаго уничтожить открыто преобладанія Искупителя, измёнилась въ дёйствіяхъ своихъ; но не въ предметё». Начались ереси и раздёленія въ самой церкви.

«Но для князя тьмы сего не довольно. Нужно, чтобъ было поклоненіе ему въ видѣ какихъ либо идоловъ. Наружныхъ возстановить было уже невозможно: просвѣщенные народы не стали бы имъ поклоняться. Выдуманъ новый идолъ—разумъ человъческій. Богословія сего идола — философія. Жрецы его — славнышіе писатели разныхъ въковъ и странъ¹). Началось поклоненіе

¹) Курсивы въ подлинникѣ.

идолу разума. Мракъ философіи затемниль опять свёть Хри-стовъ. Просъбщеннъйшій изъ народовъ сбросилъ съ себя златыя цёпи гражданскаго порядка; опрокинулъ алтари Христовы; воз-двигнулъ капища правственныя идоламъ, и какъ потокъ, наду-тый всёми мерзостями злочестія и разврата, выступилъ изъ береговъ своихъ, и не разъ угрожалъ затопить всю христіанскую Европу. Волканъ революціи выбросилъ изъ себя истиннаго сподвижника князя міра сего — сподвижника, доселѣ невиданнаго: безбоженъ — онъ возстановляетъ религію; возстановивъ ее, онъ оскверняеть алтари и разрушаеть ся храмы; въ буйствѣ и бе-зуміи своемъ мечтаеть о покореніи вселенной, и все ему благо-пріятствуеть. Падають троны, покоряются народы...>

Это, конечно, Наполеонъ.

«На враю порабощенной Европы остается одна Россія. Въ разсчетахъ земной политики, и она должна покориться соеди-неннымъ силамъ двадцати народовъ. Войско, ее защищающее, отступаетъ: взята Москва. Всѣ вѣроятія земныя были, что и Осступаеть. взята люсква. Эсв въроятия земныя обли, что и Россія, подобно другимъ, купитъ постыдный миръ пожертвова-ніемъ силы и славы своей, и, наконецъ, падетъ подъ иго спод-вижника внязя тъмы. Все такъ казалось; но не такъ быть дол-женствовало по планамъ Провидънія Царя небеснаго...» Россія одерживаетъ побъду, — торжество было ея предна-

вначеніемъ.

«Врагъ выгнанъ. Предѣлы святой Руси очищены отъ бого-мерзкаго его присутствія. Но сего не довольно. Въ видахъ Про-видънія Парижъ долженъ пасть къ ногамъ крестнаго Рыцаря, который на торжищъ его водрузитъ крестъ Христовъ, и заставя превлонить предъ нимъ колѣна тѣхъ самыхъ, кои поругались ему посреди разрушенныхъ и оскверненныхъ храмовъ нашихъ, отмститъ за оскорбленіе Москвы христіанскимъ милосердіемъ. Онъ, вмѣсто присвоенія себѣ всей славы великихъ событій, йсповѣдуетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, что былъ единымъ исполните-лемъ воли Того, за чье Царство ратоборствуетъ, и всѣ неслы-ханные дотолѣ сіи подвиги заключилъ вѣчнымъ союзомъ царей, посвящающихъ себя служенію царства Божія.

«Не очевидно ли изъ сихъ веливихъ, быстро и токмо мимоходомъ мною пробѣгаемыхъ событій, что на земли царство тьмы борется непрестанно съ царствомъ свѣта; что борьба сія непре-станно увеличивается, измѣняясь только въ видахъ своихъ... Не одна война составляеть борьбу царства тьмы съ царствомъ свёта. Князь міра сего и идолопоклонствомъ, и развращеніемъ нравовъ, и философіею, на распространеніе своего владычества дёйствуетъ.......

Князь тьмы не дремлетъ и нынѣ.... ¹).

Такимъ образомъ представлена была исторія борьбы свёта съ тьмою отъ начала міра и до открытія симбирскаго отдёленія Библейскаго Общества: «великій ратоборецъ царства свёта, вложивъ обвитый лаврами мечъ въ ножны, воюетъ мечемъ Слова Божія», то-есть, «примёромъ благочестія и распространеніемъ благовёстія книгъ священныхъ», и т. д.

Итакъ, Магницкій ставилъ дѣятельность библейскихъ обществъ исполнениемъ той программы, которая принята была союзомъ царей противъ внязя тъмы. Свои правила онъ приложилъ въ дѣлу сначала основаніемъ симбирскаго библейскаго отдѣленія. потомъ знаменитой ревизіей казанскаго университета. Сдёлавшись потомъ попечителемъ этого университета и членомъ главнаго правленія училищъ, Магницкій сталъ дъйствовать шире и задумывалъ планы смълъе; въ 1821 году, по его инстигаціямъ, устроена извѣстная возмутительная исторія съ петербургскимъ университетомъ, въ воторой Руничъ былъ, вонечно, тольво его усерднымъ орудіемъ. Смыслъ этой исторіи, кажется, ясенъ: Магницкому мѣшали не Германъ или Раупахъ; они пригодились ему какъ аргументы, чтобы доказать распространение гибельнаго вольнодумства, слёдовательно свергнуть Уварова, въ которомъ онъ видель опаснаго противнива своимъ планамъ. Планы состояли въ распространении его системы изувѣрства и обскурантизма на всѣ остальные университеты, послѣ чего онъ надѣялся, конечно, стать во главѣ управленія, устроеннаго по его мысли. Судя по разсказамъ, его планы на этомъ не кончились: разсказываютъ, что въ нашихъ архивахъ долженъ существовать документъ, заключающій въ себъ проектъ Магницкаго о цълой государственной системѣ управленія, строго основанной на его принципахъ: все государство должно было управляться такъ, какъ онъ правилъ казанскимъ университетомъ....

Впрочемъ характеръ его взглядовъ достаточно ясенъ и изъ тѣхъ документовъ, какіе извѣстны²).

Во всемъ этомъ способѣ представлять вещи, сыпать эффектными и шумящими фразами, пугать революціей и дьяволомъ, Магницкій чрезвычайно напоминаетъ одного знаменитаго писателя по этой части — графа Жозефа де-Местра, ревностнаго и вѣрнаго друга іезуитовъ. Это была одна и таже іезуитская си-

¹) Отч. 1817 г., Приб. XXVIII.

⁹) См., кромѣ книги г. Өеоктистова, "Матеріалы для ист. образованія въ Россія въ царствованіе императ. Александра I", г. Сухомлинова; различные документы въ Р. Архивѣ и проч.

стема, которая, въ концё концовъ, желала возвращенія настоящей инквизиціи; графъ Жозефъ де-Местръ—въ своихъ размышленіяхъ о правленіи народами—пришелъ къ извёстной апотеозѣ палача, въ которомъ онъ прямо видёлъ главнёйшую основу общества; Магницкій, въ гнусномъ каламбурѣ, выражалъ желаніе иллюминовать какого-то писателя, который показался ему иллюминатомъ. Теперь невозможно читать безъ отвращенія эти вопли обезумѣвшихъ отъ мракобѣсія фанатиковъ, и безъ глубокаго сожалѣнія подумать о тѣхъ людяхъ, въ рукахъ которыхъ было обширное вліяніе на общественныя дѣла и которые руководились подобными наставленіями, пе сознавая, что творятъ... Обществу, и цѣлой націи приходилось платиться новымъ распространеніемъ невѣжества.

невъжества. Мы привели ръчь Магницкаго какъ одинъ изъ характерныхъ образчиковъ теоретическихъ положеній обскурантизма, который сталъ властвовать въ послёдніе годы императора Александра. Само собою разумѣется, что мы могли бы привести еще множество подобныхъ цитатъ. Изъ нихъ мы выберемъ еще одну, —изъ ръчи одного лица, которое впослѣдствіи дало врагамъ Общества свой вліятельный голосъ, —хотя теперь возлагало на дѣятельность Общества тъже самыя надежды, какъ и всъ его приверженцы, и выражало тѣже наклонности къ обскурантизму, какія отличали самыхъ фанатическихъ изъ этихъ приверженцевъ.

Въ этой рѣчи, произнесенной въ генеральномъ собраніи московскаго общества изображается, по обыкновенію, спасительное дѣйствіе Слова Божія, и «неимовѣрное распространеніе библейскими обществами книгъ св. писанія» между народами названо прямо исполненіемъ пророчества¹). Затѣмъ ораторъ продолжаетъ:

сками обществами книгь св. писания мещду народами названо прямо исполненіемъ пророчества ¹). Затёмъ ораторъ продолжаетъ: «Между тёмъ и врагъ рода человѣческаго не дремлетъ; и онъ также отъ самаго начала вѣка началъ сѣять злыя и горькія слова своего сѣмена, сперва самъ собою во образъ змія, а потомъ чрезъ подобныхъ себѣ рабовъ и служителей своихъ, чрезъ коихъ и нынѣ неутомимо продолжаетъ сѣять оныя на селѣ міра сего... Онъ сѣетъ повсюду вольнодумство, невѣрiе, ереси, развратъ; и дабы тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе успѣть въ предпріятіи своемъ, онъ адскую сію тьму свою выдаетъ за просвъщеніе ума, за высокую доблесть духа. И какой же видимъ мы плодъ отъ сего ученія его, отъ сего просвъщенія? Мы видимъ самовольство, непокореніе власти, самимъ Богомъ для блага обществъ установ-

¹) "Нынѣ-то исполнилось оное пророчество: не имать научити киждо искреняяю своего, и киждо брата своего, глаголя, познай Господа, яко вси увъдять Мя оты мала даже и до велика ихъ".

ленной; видимъ крамолы, бунты, междоусобія, убійства, кровь, слезы рѣками текущія; все сіе видимъ мы здѣсь на земли; а тамъ въ вѣчности? — тамъ уготовляется рабамъ и послѣдователямъ его (т. е. просвѣщенія) червь неумирающій, оннь неугасающій, плачь и скрежета зубома: — таковъ есть плодъ ученія и мудрости бъсовскія!»¹) (!!)

Настоящее ученіе и просв'єщеніе въ этомъ вкусѣ было опять то, какое вводилъ Магницкій.

То, какое высдаль магницких. Замѣтимъ еще одну черту этого обскурантизма. Онъ питалъ какую-то надежду на скорое окончательное господство своихъ идей и слѣдовательно, на совершенную гибель просвѣщенія. Магницкій, въ своей рѣчи, рекомендуя чтеніе писанія, какъ орудіе борьбы противъ духа тьмы, восклицаетъ:

противъ духа тъмы, восклицаетъ: «Посему раздавать книги св. писанія, сей ковчегъ премудрости и благодати божественной, значитъ, содъйствуя высокому предопредѣленію правительства нашего, столь видимо особеннымъ благословеніемъ Божіимъ осѣняемаго, набирать воинство подъ внамена Креста, и къ великому дню ръшительнаго сраженія царства тьмы съ царствомъ Свѣта, раздавать тотъ мечь, обоюду острый, которымъ долженъ быть пораженъ навсегда древній вмій²).

зми -). Архимандритъ Өеофанъ, въ рѣчи, произнесенной при открытіи библейскаго сотоварищества въ казанскомъ университетъ (вскорѣ послѣ полученія знаменитыхъ инструкцій ректору и директору университета), возбуждалъ членовъ новаго сотоварищества содѣйствовать «спасительнымъ успѣхамъ священнаго дѣла Библейскаго», и также счелъ нужнымъ вооружиться противъ «духа злобы поднебесныя» и его пагубныхъ мудрованій и внушеній:

иени: «Есть и теперь люди, кои, по внушенію его, не увѣрены еще въ пользѣ и необходимости сего свѣта (библейской дѣятельности) въ мѣсто сіе. Они признаютъ его здѣсь ненужнымъ, или излишнимъ, не смѣя сказать болѣе. Но это послъднія усилія орага: время наступаетъ, когда Господь духомъ устъ своихъ убіетъ сего нечестиваго духа ³».

Въ тоже время, митрополить Серафимъ говорилъ въ Москвѣ, что врагъ рода человѣческаго въ послѣднее время сѣетъ злыя сѣмена свои «съ большею, нежели когда-либо прежде, злобою и

¹) Рѣчь преосвящ. Серафима, митрополита московскаго и коломенскаго, — Отч. 1820, Приб. I.

²) Отч. 1817, Приб. XXVIII, стр. 83.

³) Отч. 1820, Приб. П, стр. 11.

неистовствомъ: ибо предвидита, что конецъ темному царству его приближается и есть уже при двереха», и проч. ¹).

Чего они собственно ожидали? Одни, вакъ Өеофанъ, конечно всего скорѣе повторяли безсознательно чужія слова. Но Магницкій могъ имѣть въ виду болѣе опредѣленныя надежды; съ самаго начала, когда онъ выбралъ библейскую дорогу, онъ питалъ честолюбивые замыслы основать на этой дорогѣ свою карьеру, и пораженіе древняго змія было для него — утвержденіе той правительственной системы, въ которой онъ разсчитывалъ играть заправляющую роль...

Но въ подобныхъ ожиданіяхъ торжества надъ древнимъ зміемъ, раздѣлявшихся и многими другими, безъ сомнѣнія, были тавже и мотивы другого рода... Піэтистическое движеніе, въ кото-ромъ библейскія общества были только однимъ симптомомъ, неръдко до врайней степени возбуждало фантазію, и его партизаны ожидали чего-то въ родъ второго пришествія. Такой фантазіей преисполнены были дёянія г-жи Крюднеръ, которая можеть доставить намъ тёмъ болёе близкій примёръ, что въ ней особенно рёзко выдавались странныя увлеченія, овладёвавшія извъстной долей библейскихъ дъятелей, съ которыми она различнымъ образомъ была связана. Г-жа Крюднеръ, какъ мы замъчали, уже издавна занималась прорицательствомъ. Ей представлялось, что она возвращаеть на землѣ первобытную церковь, которая со временемъ водворится между всіми народами. Себѣ она присвоивала роль предвозвёстницы, и время утвержденія новой, первобытно христіанской церкви, казалось ей очень близкимъ. Предсказанія ея говорили о близкомъ крушеніи всего ложнаго порядка вещей. Еще въ 1814-15 году она писала: «Une grande époque approche. Tout va être renversé, écoles, sciences humaines, états, trônes. Les enfants de Dieu vont être rassemblés», и проч. Тогда это привязывалось какъ-то къ возобновлению наполеоновскихъ войнъ. Послъ второй реставраціи она опять однако продолжала зловѣщія предсказанія. Въ 1817 г., въ манифестѣ, которымъ г-жа Крюднеръ оправдывала свою пропаганду въ южной Германім и Швейцаріи, она говорить, что пришло время возрож-денія, что Господь долготерпѣливъ и еще жалѣетъ слѣпцовъ, но что и его терпѣніе утомилось: «Онъ долготерпѣливъ, потому что онъ вѣченъ, говоритъ святой Августинъ; но, наконецъ, онъ утомляется, и дерзновенный, который противится ему, будетъ сметенъ съ земли; вихрь разрушения унесетъ его на страшный судъ. Пришло также время, когда царства земныя возопіють, и имъ

¹⁾ Тамъ же, Приб. I, стр. 8.

будутъ отвѣчать только бури».... Дальше: «Всѣ правительства должны подумать о томъ, что я говорю. Это — древняя борьба тьмы протива свъта. Государи и правители бывають только рабами этой силы, если Христосъ не будетъ для нихъ царемъ и избавителемъ, и Евангеліе — ихъ закономъ, Его жизнь — примѣромъ... Горе государствамъ, которыя не живутъ имъ! Скоро раздастся шума иха паденія!» Тогдашнее время представлялось ей полнымъ страшной опасности: «мы живемъ въ такое время, когда адъ имъетъ больше миссіонеровъ, чёмъ небо. Господу нужно выбрать себѣ народъ, который бы проповѣдовалъ покаяніе и возвѣщалъ казни, какія постигнутъ тѣхъ, кто не покорится!» Ей представлялось, наконецъ, что утверждение царства Христова воспослёдуеть послё страшной борьбы и битвы: «Въ наше время (говорила она въ 1817 году) это бъгство изъ истинной церкви Христовой дошло до крайняго предбла; теперь неизбъжно произойдеть битва, страшная битва невпрія противв впры, ложныхъ христіанъ противъ истинныхъ поклонниковъ Христа... Французская революція была только предисловіемъ къ этой битвѣ»... Въ 1818 г., когда она возвратилась въ Россію, она опять предвъщала: «Востовъ открывается, приближаются бъдствія, которыя падутъ на Европу» и т. д. ¹).

Читая эти вещи нельзя не видёть сходства этихъ предвъщаній съ тёмъ, что говорили Серафимъ и Магницкій: Eulesca быль, очевидно, свой общій мотивь... Въ той масонско-ми -ческой, библейско-піэтистической литературь, которая чрезвычайно размножилась у насъ въ эпоху процвътанія Библейскаго Общества, мы не разъ встретимся съ подобными темными ожиданіями перерожденія міра, какія мы здѣсь видимъ. Библейскіе мистики ждали, что общество и государство возродятся, что лживый разумъ и созданное имъ просвъщение падуть передъ силой этого религіознаго возрожденія и на землѣ водворится первобытная христіанская церковь. Г-жѣ Крюднеръ это время казалось даже очень близвимъ, какъ вѣроятно казалось и многимъ другимъ. Понятно, что съ такими идеями библейскіе мистики становились часто тёмъ, что называють теперь «отрицателями»: съ своей точки зрёнія они отвергали существующій порядовъ, и тѣ враги Библейскаго Общества, которые вооружались противъ него по чисто консервативнымъ основаніямъ, съ своей точки зрънія могли, съ нъкоторымъ основаниемъ, указывать въ подобныхъ откровенияхъ прямо революціонные замыслы. Библейскіе мистики не довольствовались традиціонной церковію: она давала слишкомъ мало пищи воз-

296

¹) Eynard. I, crp. 306; II, crp. 200, 211, 260, 287, 307.

бужденной религіозности и разгоряченной фантазіи; они искали внутренней церкви, стремились въ высшимъ религіознымъ состояніямъ, чудесамъ, видѣніямъ, сошествіямъ св. Духа... Они пытались отчасти переводить въ жизнь правила дѣятельной христіанской любви, думали достигать этого своей филантропіей, и опять возставали противъ существующихъ нравовъ. Ожиданіе возрожденія и пришествія Христовой церкви выражаемы были иногда въ рѣзкихъ фразахъ, и людямъ стараго вѣка казалось, что эти фразы говорятъ о революціи.

Для обыкновенныхъ здравомыслящихъ людей все это должно было представляться просто дикимъ, необузданнымъ обскурантизмомъ, потому что библейскіе мистики, приготовляя свою новую церковь, свирѣиствовали противъ образованія, въ которомъ видѣли главную препону къ достиженію своихъ цѣлей, преслѣдовали литературу, — это было удобно потому, что цензурная власть была въ ихъ рукахъ, — и наконецъ, дали своему мракобѣсію такіе размѣры, что оно начинало тревожить людей самыхъ мирныхъ и возбуждать противъ себя другого рода фанатиковъ.

ł

2

ť

į,

ţ.

ŀ

E E

H-0-. VC Cb 3Отсюда двоякое столкновеніе, въ которое пришло Библейское Общество съ двумя разными направленіями и элементами общественныхъ понятій: со взглядами крайнихъ консерваторовъ, возставшихъ противъ него въ защиту православія, и съ мнѣніями об~`юванныхъ людей, которымъ его тенденціи справедливо предс. ялись распространеніемъ грубѣйшаго невѣжества и фанатическаго изувѣрства.

На этихъ отношеніяхъ мы остановимся въ слёдующей статьё.

(Окончание слъдуеть).

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ

N

ЕГО ЖИЗНЬ.

(По новымъ свѣдѣніямъ).

H. Heines Leben und Werke, von Adolf Strodtmann. Erster Band. Berlin. 1867-68.

Исторія Германіи съ начала нынѣшняго столѣтія и до послёднихъ лётъ представляетъ поздній переходъ націи отъ феодализма, сохранившагося въ формъ государственной и въ формъ общественной, въ гражданской равноправности и въ уничтоженію феодальной разрозненности, — но опять не путемъ свободнаго развитія, а прусскимъ объединительнымъ милитаризмомъ. Среди многоразличныхъ элементовъ этого броженія и представителей каждаго изъ нихъ въ литературѣ, явился въ Германіи поэть, который не сошелся окончательно ни съ чёмъ изъ того, что только проявлялось во время этого брожения. Не было ни одной школы, которой бы онъ остался въренъ или согласился быть послушнымъ, постояннымъ ученикомъ и учителемъ; не появилось пи одной мысли, на которой бы онъ окончательно остановился и сказалъ: вотъ это правда, правда абсолютная въ настоящую минуту! Единственный девизъ, котораго онъ держался, всегда было слово: впередъ! Но какимъ путемъ — этого поэтъ не приказываль. Въ каждомъ изъ предъявляемыхъ его современниками, онъ находилъ тёсноту и гналъ общество дальше, чтобы

оно не застаивалось тамъ. Среди броженія онъ собственно только усиливаль ферменть.

Это быль — Генрихь Гейне. Будь онъ живъ теперь, — безъ сомнѣнія, и теперь мы не увидѣли бы его въ числѣ удовлетворенныхъ, и онъ гналъ бы Германію опять впередъ, потому что и тотъ пунктъ, на которомъ она стоитъ теперь, есть еще станція далекая отъ того устройства общественныхъ дѣлъ, которое соотвѣтствовало бы величію нѣмецкаго разума въ дѣлѣ науки, въ дѣлѣ мышленія. Милитаризмъ только приводитъ ее къ единству. Но затѣмъ вопросъ: что̀ дѣлать съ единствомъ? Не могутъ же нѣмцы завидовать нынѣшней судьбѣ французовъ, у которыхъ давно есть единство, и единство это у нихъ наоборотъ, по сравненію съ Германіею, само произвело милитаризмъ. Неужели же вся цѣль великой, разумной націи можетъ состоять въ томъ, чтобы обезпечить Рейнъ, и наслаждаться заставами одинаковаго цвѣта?

Воть почему дѣятельность Гейне, его борьба и самыя его отступленія отъ борьбы весьма поучительны. Дѣятельность его какъ борца, какъ «рыцаря духа», состояла въ созданіи вѣчноживущаго, всегда готоваго для пораженія «мрачныхъ силъ». А гдѣ нѣтъ этой борьбы?! Она есть вездѣ, потому что вездѣ можно встрѣтить фанатизмъ, національное самопреувеличеніе, самовахваливаніе, застой?

Настоящимъ поводомъ къ бесёдё о Гейне намъ служитъ недавно появившійся въ нѣмецкой литературѣ трудъ Штродтманна — такъ сказать, спеціалиста по части Гейне. Онъ издалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ полное собраніе сочиненій Гейне, съ критическими примѣчаніями. Для нынѣшняго труда онъ собралъ много новыхъ, частныхъ свѣдѣній отъ людей бывшихъ близкими къ Гейне, и сгруппировалъ все, что въ настоящую минуту могло быть найдено въ его перепискѣ съ друзьями ¹), или въ печатныхъ, рукописныхъ и даже словесныхъ сообщеніяхъ о Гейне, переданныхъ автору.

Критическаго взгляда Штродтманна на дѣятельность Гейне еще нельзя опредѣлить вѣрно, такъ какъ трудъ еще не оконченъ; но его молчаливое согласіе съ приводимыми имъ критиками заставляетъ полагать, что критическая сторона у автора будетъ наиболѣе слабая, что во взглядѣ на поэта, котораго Штродтманнъ избралъ себѣ предметомъ, онъ едва ли возвысится надъ общими мѣстами нравственно-эстетической критики.

¹) Письма Гейне помѣщены въ томахъ 19—21 Полнаго собранія его сочиненій, язданіе Гоффмана_и Камие, вышедшаго 1863—1866 г.

Наша цёль—познакомить читателя съ книгой Штродтманна, сдёлать по ней нёсколько-подробный очеркъ жизни поэта въ пору его молодости, но въ тоже время представить опытъ характеристики Гейне, какъ общественнаго дёятеля. Мнёнія, какія мы встрёчали о Гейне, довольно однообразны. Всё они сводятся къ «разрозненности, болёзненности и противорёчію». Намъ кажется, что они во многомъ несовсёмъ основательны.

Возьмемъ, напримъръ, мнъніе о Гейне одного изъ старъйшихъ, университетскихъ друзей его, именно Іоганна-Баптиста-Руссо. «Гейне — говоритъ онъ — принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые стыдятся, если имъ случилось заплакать..... Изъ этого неблагороднаго стыда, который онъ ощущаетъ высказавъ тихое и трогательное чувство, у Гейне возникаетъ стремление послать во слёдъ выраженію чего-либо священнаго — маленьвое кощунство, придать своему амуру шутовскую шапку и своей граціи — ногу сатира. Похвала его обращается въ иронію, порицаніе — въ юморъ, каждое сопоставленіе дѣлается остротою, за любовью слѣдуетъ глумленіе, за восторгомъ — укушеніе змѣи, или хоть осы, — и все это выражено въ пъсняхъ, которыя васаются сокровеннѣйшей духовной жизни самого автора»! Мы привели это мити потому, что оно показываетъ, какъ мало понимали внутреннія побужденія великаго поэта и его значеніе именно ближайшіе друзья его. Совершенно несправедливо, будто Гейне всегда и всему священному посылаеть во слёдъ кощун-ство, что онъ самъ стыдится своего увлеченія. Возьмите любую пьесу, въ которой онъ говоритъ съ увлеченіемъ о какой-нибудь серьёзной идеѣ, или хотя бы вспоминаетъ о «великой арміи», которая прошлась по Германіи революціонною волной; — есть ли хоть въ одномъ изъ нихъ поворотъ къ кощунству послё увлече-нія? Ни въ одномъ. Упрекъ, высказанный въ мнёніи Руссо, вёчно повторялся всёми критиками Гейне, даже почитателями его таланта, и Штродтманнъ, приводя въ разныхъ мъстахъ своего сочиненія не малое число мнѣній, въ которыхъ повторяется этотъ упрекъ, не протестуетъ противъ него, какъ бы то слѣдовало.

Ни одинъ изъ критиковъ Гейне, какихъ намъ удавалось читать, не обращаетъ вниманія на самый важный вопросъ: когда именно Гейне дозволяетъ себѣ такъ называемое кощунство, и когда нѣтъ. Для писателя и поэта священна только пропагандируемая имъ иdея; вотъ обстоятельство, которое объясняетъ предѣлъ «кощунства» Гейне. Если онъ, повидимому, билъ иногда лозунги сходные съ его идеею и дѣятелей, которые стремились къ ней же, то все это имѣло свои особыя, частныя причины. Напримѣръ,

извъстно, какъ презрительно и неизящно онъ отнесся къ «будущности» Германіи, въ своей поэмѣ «Deutschland». Почему онъ это сдѣлалъ: изъ кощунства, изъ отсутствія принциповъ, изъ противорѣчія съ самимъ собою, такъ какъ онъ горячо любилъ Германію? Нисколько. Онъ сдёлалъ это потому, что одна изъ наиболёв возмущавшихъ его комедій, была современная ему ко-медія влюбленности нёмцевъ въ самихъ себя. Эти исключительные «тевтоны», эти «французойды» были ему или ненавистны, или въ высшей степени смёшны: ненавистны тё изъ нихъ, коили въ высшей степени смъшны: ненавистны тъ изъ нихъ, ко-торые свою тевтономанію обращали въ поддержку германскаго деспотизма и на поруганіе идеи свободы, которая являлась въ нимъ въ «вельшской» одеждъ; смѣшны ему были тѣ, которые сантиментальничали съ черно - красно - золотымъ знаменемъ, не имѣя мужества даже срѣзать для него древка, не имѣя ни возможности, ни желанія предпринять что̀ - либо серьёзное для осуществленія единства. Осмбивая такихъ людей, такія направленія, развё онъ противорёчилъ своему увлеченію, кощун-ствовалъ? Напротивъ. Здёсь не кощунство, а сатира, и сатира совершенно согласная съ увлеченіемъ, одушевлявшимъ поэта. Замѣтимъ, что кромѣ идеи, которой Гейне преданъ, и надъ ко-торою ему и въ голову не приходитъ глумиться (другое дѣло надъ ся искаженіями), вы никогда не найдете саркастическаго поворота послѣ одного изъ его обращеній къ его матери. Эти чудныя, проникнутыя глубокимъ чувствомъ и неподражаемою поэзіею воспоминанія никогда не сопровождаются ироніею. И такъ, кощунства надъ священнымъ ему, у Гейне вовсе нѣтъ и онъ неръдко высказываетъ страстное увлечение или тихое, трогательное чувство, нисколько не стыдясь его и не считая нужнымъ искупать его ироніею.

Накъ ислупать ого прошех. Но иронія въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ почти всегда за его любовными изліяніями; это такъ. Но почему же они — священны? Здѣсь его иронія является въ двойномъ значеніи: прежде всего, она характеризуетъ просто надломленность его души результатомъ несчастной любви. Этотъ фактъ былъ, конечно, очень серьёзенъ для самого Гейне; скорбь эта, какъ мы уже сказали, вѣчно преслѣдовала его и слышится у него вездѣ, даже недосказанная. Но могъ ли этотъ поэтъ, стоявшій по природѣ неизмѣримо выше романтиковъ, навязывать другимъ свои любовныя страданія, не ощущая въ ту же минуту, что постороннимъ до нихъ вовсе нѣтъ дѣла, что все это не серьёзно, наконецъ, что масса даже не повѣритъ этой чрезмѣрной раздражительности поэта? Отсюда естественное побужденіе лить тотчасъ воду на проявившійся нескромно внутренній романтическій огонь, задвигать пискливою

задвижкою ироніи ту дверь въ душу, которая мимо воли его отворилась? Говоримъ — мимо воли, потому что поэтъ неволенъ въ выборё своихъ сюжетовъ и тотъ изъ нихъ, кто до нѣкоторой степени не рабъ своей фантазіи — вовсе не поэтъ. Все дѣло тутъ въ томъ, какъ поэтъ относится потомъ въ этимъ капризамъ фантазіи.

Итакъ, въ его отношеніи къ своей любви и къ самому себѣ, къ своей собственной внутренней жизни, иронія, сарказмъ, являются у Гейне, во-первыхъ, какъ неизбѣжный симптомъ его страданія, во-вторыхъ, дѣйствительно, какъ попытка скрыть его серьёзность, устранить отъ себя сожалѣніе толпы; такъ больной смѣняетъ шуткою или улыбкою стонъ, вырванный у него страданіемъ, если не хочетъ сожалѣнія свидѣтелей, или если видитъ съ ихъ стороны недовѣріе къ снѣдающей его боли.

Въ этомъ двоякомъ значении, ирония, смъняющая слёзы у Гейне въ одно время и вполнъ понятна, вполнъ логична и вполнѣ художественна; она возвышаетъ трагизмъ и въ тоже время какъ бы извиняетъ возведение личнаго чувства на высоту трагизма. Вотъ чего не хотятъ понять критики Гейне. Къ числу ихъ принадлежитъ нѣкто «Schm.», который, по мнѣнію Штродтманна, съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ произнесъ приговоръ о Гейне по первымъ его поэтическимъ опытамъ. Авторъ этого приговора разсуждаеть такъ (сокращаемъ длинную статью): «Поэзія Гейне состоить вся изъ грѣховъ противъ поэзіи; страстность и смѣлость его, производимое имъ гальваническое дѣйствіе несогласно съ истинною цёлью поэзіи; поэзія должна дъйствовать какъ религія, возвышая духъ и т. д. Успѣхъ Гейне зависить оть того, что грѣхъ интереснѣе добродѣтели и что чѣмъ менѣе произведенія его согласны съ иплью поэзіи, тёмъ болёе они проникнуты ея сущностью (!)». Въ заключение, критикъ похвалиетъ поэта за то, что онъ не увлекся послѣднимъ результатомъ романтики, прославленіемъ феодализма и замѣчаетъ: «Гейне это-поэтъ третьяго сословія (tiers-état)». Можеть ли быть что-нибудь ограниченнѣе и несправедливье этого мнѣнія? Гейне употребилъ силы свои на борьбу за идею свободы, умственной и политической; своею сатирою онъ наносилъ жестокіе удары и защитнивамъ всякаго обскурантизма, съ одной стороны, и тупымъ, пустымъ декламаторамъ, вредившимъ идеѣ свободы, опошленіемъ ея, -съ другой. Въ томъ и другомъ отношении, онъ честно исполнялъ долгъ сатирика, долгъ писателя, служащаго пользамъ человъчества. Но при этомъ, когда случалось, что богатый, могущественный геній его уклонялся на время отъ утилитаризма и сосредоточивался въ себѣ самомъ и впадалъ въ фантастичность. — а такія уклоненія

богатой натуры неизбъжны, — то онъ туть же бичеваль самъ себя проявляя вмъстъ и всю глубину своего личнаго горя и всю ма-ловажность его для человъчества. Вотъ взглядъ на Гейне, который, кажется намъ, можетъ дать настоящій ключъ къ его поэзія. Только въ сантиментальной Германіи ироническія выходки

среди любовнаго бреда могли казаться кощунствомъ, насмѣшкою надъ «священнымъ». Если бы Гейне, воспитавшійся романтиз-момъ, въ самомъ дѣлѣ остался романтикомъ, то сатира его заможь, вы саможы для оснался рошанныемы, то сатыра сто за-молкла бы, а сарказмъ проявлялся бы порою только въ байро-новскомъ смыслѣ, въ смыслѣ разочарованія; но въ томъ-то и дѣло, что Гейне романтикомъ не остался. Въ дальнѣйшей фазѣ своего развитія, онъ см'ялся надъ романтизмомъ, который сталъ на сторону сильнаго. Гейне пошелъ дальше, а видпла еще дальше, чты пошель.

I.

Въ Дюссельдорфѣ, на «Болькерштрассе», на домѣ подъ № 53 красуется надпись: «Домъ, гдѣ родился Генрихъ Гейне». «Городъ Дюссельдорфъ, — говоритъ самъ поэтъ въ «Reisebilder», — очень красивъ, и когда о немъ издали думаешь, случайно родившись въ немъ, то становится какъ-то странно. Я тамъ родился и мнѣ представляется, точно вотъ сейчасъ надо идти домой. Когда говорю «домой», то разумѣю Болькерштрассе и домъ, въ которомъ я родился. Домъ этотъ, современемъ, будетъ весьма примѣчателенъ, и старушка, его владълица, предупреждена мною - сохрани Богь — не продавать дома. Потому что за весь домъ она теперь не получила бы столько, сколько составить одинъ тринкгельдъ, воторый стануть давать служанкё важныя англичанки съ зеле-ными вуалями, когда имъ будутъ показывать комнату, въ которой я узрѣлъ свѣтъ, и черную коморку, куда меня обыкновенно пряталь отець, когда я таскаль виноградь, а также и темнопряталь отець, когда я таскаль виноградь, а также и темно-цвётную дверь, на которой мать учила меня выписывать буквы мёломъ: О Боже! Сударыня, если я сдёлаюсь знаменитымъ со-чинителемъ, то это стоило матери моей не мало труда». Но домъ № 53 только стоить на томъ мёстё, гдё былъ домъ, въ которомъ родился Гейне; прежній сломанъ давно, былъ сломанъ еще прежде, чёмъ Гейне написалъ приведенныя

строви.

Генрихъ Гейне родился въ одинъ изъ послёднихъ дней восьм-надцатаго столётія, именно 13 декабря 1799 года. Отецъ его въ то время торговалъ сукнами. Онъ былъ человѣкъ живой, веселый, впослёдствіи офицерь гражданской стражи и страстный поклонникь Наполеона, но посредственнаго ума. Зато мать поэта, урожденная фонъ-Гельдернъ (дочь врача-еврея, имёвшаго претензію на дворянство), отличалась природнымъ умомъ и развитіемъ. Сынъ называетъ ее ученицею Руссо, а братъ Генриха Максимиліанъ сообщаетъ, что любимымъ писателемъ ихъ матери былъ Гёте. Итакъ, поэтъ въ дётствё нашелъ такую обстановку: бёдная еврейская среда, увлеченіе французскими порядками, которые вносили въ Германію гражданскую цивилизацію, и интимное общеніе съ великимъ духомъ интеллектуальной Германіи, доставленное ему умною матерью.

ставленное ему умною матерью. Генриху быль седьмой годь, когда въ великомъ герцогствѣ Клеве-бергскомъ воцарился Іоахимъ Мюрать, и девятый годь, когда это владѣніе, въ одной изъ наполеоновскихъ передѣлокъ карты Европы, было записано за старшимъ сыномъ короля гол-ландскаго Людовика Бонапарта, Наполеономъ - Людовикомъ ¹). Воть почему Гейне, конечно въ шутку, говорилъ впослѣдствіи, что нынѣшній императоръ французовъ — его законный государь, такъ какъ онъ — наслѣдникъ правъ, отъ которыхъ старшій братъ его никогда не отрекался. Французское управленіе отмѣнило коръ́нисть наслѣдникъ правъ, отъ которыхъ старшій брать врёпостное право, уничтожило ленное владёніе, уврёпивъ землю за ленниками въ полную собственность, отмёнило всякаго рода барщину, вычеркнуло прусскій законъ, запрещавшій браки между дворянствомъ и низшими сословіями, ввело полное гражданское равенство всёхъ ихъ, отдёлило судебную власть отъ админи-стративной, распространило на герцогство французское граж-данское право и судоустройство; въ 1812-мъ году открытъ былъ въ Дюссельдорфѣ первый судъ присяжныхъ. Пресловутый «принципъ» національности въ то время еще не былъ изобрѣ-тенъ, а съ отсутствіемъ политической свободы, подъ владыче-ствомъ Наполеона, прирейнскіе жители мирились тѣмъ легче, что они и прежде ея не имѣли. Итакъ, немудрено, что они, кромѣ дворянства, были очень довольны французскими поряд-ками и, если бы не тяжесть конскрипціи, то никогда не поже-лали бы возвращенія своего легитимнаго «ландесфатера». Но, собственно, для евреевъ и самая конскрипція была полнымъ, окончательнымъ признаніемъ ихъ равенства съ христіанами во всѣхъ отношеніяхъ. врѣпостное право, уничтожило ленное владѣніе, укрѣпивъ землю всѣхъ отношеніяхъ.

¹) Штродтманнъ дъдаетъ тутъ промахъ, называя кронпринцемъ голландскимъ имнъшняго императора французовъ, и хотя исправляетъ этотъ промахъ на обертиъ перваго тома, въ видъ опечатки, но оставляетъ безъ исправления ошибочныя слова: «тотъ же самый принцъ». Старший братъ Наполеона III умеръ въ Форли, въ 1831 году, отъ кори.

Эти порядки подверглись существенному измѣненію, когда «иго было сброшено». Въ Пруссіи евреямъ были дарованы гражданскія права въ 1812 году, но по «сверженіи ига» евреи, дослужившіеся до офицерскихъ чиновъ, были изгнаны изъ прусской арміи, если не соглашались на разжалованіе въ рядовые, а исполненіе обѣщаній равноправности евреевъ было препоручено вѣнскимъ конгрессомъ союзному сейму, т. е. отложено на неопредѣленное время.

опредѣленное время. Немудрено, что Генрихъ Гейне, на юный умъ котораго должны были сильно подѣйствовать и возвышеніе племени его француз-скими завоевателями, и самая слава этихъ завоевателей, на-всегда сохранилъ не только расположеніе къ Франціи, но и сан-тиментальное отношеніе къ «великой арміи» и побѣдоносному ея вождю, котораго онъ имѣлъ случай видѣть лично. Доброе воспоминаніе о французахъ и сочувствіе къ славѣ великой ар-міи долгое время сохранялись въ прирейнскихъ провинціяхъ и не одними евреями. Л. Бамбергеръ, въ интересной статьѣ: «Die Französelei am Rhein (1790 bis heute)», говорить, что въ Майнцѣ изже самое пораженіе французской арміи. стращныя конскриц-Französelei am Rhein (1790 bis heute)», говорить, что въ Майнцѣ даже самое пораженіе французской арміи, страшныя конскрип-ціи 1811, 12 и 13 годовъ, и распространенныя великою вой-ною болѣзни нисколько не пробудили мысли объ освобожденіи, ни чувства ненависти къ Франціи, ни склонности къ Германіи. Сѣверогерманское національное движеніе не отозвалось тамъ ни сколько; а когда «иго» было свергнуто, то нѣмцы, служившіе нѣ-когда въ «великой арміи», ежегодно собирались 5 мая на тор-жественныя поминки своего вождя и на перекличкѣ съ гордостью отзывались: présent ¹)! Генрихъ Гейне, какъ извѣстно, никогда не примирился съ «тевтонами» и разными Franzosenfresser, которые изъ представителей національнаго движенія сѣверной Германіи впослѣдствіи обратились во враговъ свободы и въ самую надежную армію подновленныхъ «среднихъ вѣковъ» и картоннаго рыцарства, которое опиралось на піэтизмъ, уродливо выработан-ный какъ бы на зло протестантству, на тайную полицію и пред-варительную цензуру. варительную цензуру.

варительную цензуру. Лучшими памятниками этого настроенія Гейне служать: его внига о Легранв и стихотвореніе «Два гренадера». Это стихотвореніе было написано Генрихомъ, когда ему было 20 лёть. Другъ его юношества, Нейнцигъ, разсказываеть, что Генрихъ однажды вбёжалъ къ нему раскраснёвшись отъ увлеченія и сталъ читать только-что написанныхъ имъ «Двухъ гренадеровъ», и Нейнцигъ никогда не могъ забыть того выраженія глубокой

Demokratische Studien, herausgegeben von Ludv, Walesrode. 2 B. S. 278. TONT V. - CEHTERPE, 1868.

скорби, съ которымъ Гейне сказалъ стихъ: «Und mein Kaiser, mein Kaiser gefangen!» Дюссельдорфскій музыкантъ Крейцеръ написалъ музыку къ этому романсу и посвятилъ его маршалу Сульту.

Штродтманнъ замёчаетъ: «Нётъ сомнёнія, что главнымъ образомъ именно это раннее и близкое сообщеніе со смёлыми и подвижными элементами французской національности дало ему самому ту подвижную смёлость и самоувѣренность, а можетъ быть и ту грацію, съ которыми онъ поражалъ старое общество. Съ другой стороны, этимъ сообщеніемъ не менѣе были вложены въ душу мальчика первыя сѣмена той легкости характера, которая впослѣдствіи часто представляла въ столь сомнительномъ свѣтѣ серьезность его убѣжденій».

Молодой Генрихъ или Гарри (какъ онъ былъ названъ при рожденіи въ честь одного торговаго корреспондента его отца въ Англіи) посѣщалъ сперва частную еврейскую школу. Друзьями мальчика были уже названный Іосифъ Нейнцигъ и Фердинандъ Вицевскій, который, бросившись, по просьбѣ Гейне, спасать утопавшаго котенка, самъ утонулъ въ дюссельдорфскомъ пруду. О немъ вспоминаетъ Гейне въ одной изъ пѣсенъ «Романсеро», гдѣ нѣсколько разъ возвращается стихъ: Doch die Katz die Katz' ist gerettet! Мальчики называли Гейне Rother Harry, такъ какъ онъ въ дѣтствѣ былъ рыжеватъ.

Въ семействѣ мальчика строго соблюдались еврейскіе религіозные обряды и обычаи. Вѣрованія и жизнь еврейства были очень хорошо извѣстны Гейне, и онъ, въ своихъ сочиненіяхъ, часто обращается къ столь долго отверженному народу, то превознося его надъ всѣми народами, какъ страдальца за убѣжденія, какъ величайшій примѣръ долготерпѣнія въ мученичествѣ, то проклиная его какъ главнаго представителя «египетскихъ преданій», «лейб-гвардію теогоніи».

Вспомнимъ остроумную параллель, которую онъ проводитъ между евреями и эллинами, въ книгѣ о Бёрне, расширая понятія объ эллинахъ и евреяхъ на цѣлыя міросозерцанія и объявляя себѣ эллиномъ.

Генрихъ былъ старшій сынъ въ семьѣ, предводитель игръ своихъ братьевъ Густава, Максимиліана и своей сестры Шарлотты. Отецъ иногда выходилъ изъ себя отъ шалостей мальчика, но—замѣчательный фактъ—никогда не билъ его, а только пряталъ въ «черную каморку», туда, гдѣ былъ курятникъ. Но мальчикъ скоро пересталъ бояться этого наказанія и забавлялся въ курятникѣ такимъ удачнымъ подражаніемъ пѣтуху, что на крикъ его во всѣхъ сосѣднихъ дворахъ домашняя птица поднимала тревогу.

Богатое воображеніе указало ему въ темномъ углу на множество предметовъ для забавъ, которые раздѣляли съ нимъ братья и сестра. Объ этихъ-то играхъ въ чуланѣ упоминаетъ чудное стихотвореніе, написанное имъ сестрѣ: «Mein Kind, wir waren Kinder»....

На десятомъ году, Гейне поступилъ въ учрежденный французами лицей для всѣхъ сословій и всѣхъ исповѣданій. Этотъ лицей помѣщался въ конфискованномъ зданіи францисканскаго монастыря. Въ лицеяхъ, открытыхъ французскимъ правленіемъ въ Германіи, заведены были полу-военные порядки: барабанъ означалъ начало и окончаніе уроковъ, воспитанники были въ мундирахъ. Учителя были, по большой части, німцы, и въ прирейнскихъ провинціяхъ въ числѣ ихъ находилось не мало бывшихъ монаховъ. Такъ въ дюссельдорфскомъ заведеніи, между преподавателями были даже іезуиты. Ректоръ этого заведенія, тоже католическій духовный, читалъ философію и со всею откровенностью излагалъ самыя «вольнодумныя» системы мыслителей древней Греціи. До такой степени, въ системѣ классическаго образованія, школа была раздвоена съ жизнью, что католическій священникъ не считалъ опаснымъ излагать воспитанникамъ философію совершенно несогласную съ христіанствомъ. Піэтисты, какъ католическіе, такъ протестантскіе, съ тѣхъ поръ значительно измѣнили воспитательный методъ.

Ректоръ Шалльмейеръ совѣтовалъ матери Гейне посвятить сына католическому духовному званію и отправить его въ Римъ, для изученія богословскихъ наукъ въ тамошней семинаріи. Гейне иногда вспоминалъ въ бесѣдахъ съ друзьями объ этомъ совѣтѣ и смѣшилъ ихъ, представляя себя раздающимъ благословенія. Будучи въ лицеѣ, Гейне влюбился въ дочь президента апелляціоннаго суда, и разъ на публичномъ экзаменѣ, декламируя Шиллера и дойдя до стиха: «Und der König der lieblichen Tochter winkt» — увидалъ предметъ своей страсти; онъ вдругъ забылъ остальное, все только повторялъ этотъ стихъ и наконецъ упалъ въ обморокъ. «Какъ невиненъ былъ я въ то время»! говорилъ онъ послѣ; но нельзя не замѣтить, какъ сильны были страсти въ этомъ мальчикѣ.

Первыя чтенія, — мы разумѣемъ чтенія независимыя, не по приказанію, а еще лучше украдкой — въ дѣтствѣ оставляютъ неизгладимыя впечатлѣнія и нерѣдко имѣютъ преобладающее вліяніе на всю судьбу человѣка, сообщая ему извѣстное направленіе. Такими чтеніями Гейне - ребенка были «Донъ-Кихотъ» и «Приключенія Гулливера». Ему попались именно два замѣчательнѣйшіе юмористы, Сервантесъ и Свифтъ. Гейне описалъ впечатление, воторое произвели на него эти вниги. Донъ-Кихота онъ читалъ съ полной паивностью дътства, не понимая иронія, сочувствуя вполнѣ несчастному герою, принимая его неудачи за неизбѣжныя непріятности героизма и быль врайне несчастливь, вогда дочиталъ книгу до того злосчастнаго поединка, въ которомъ переодѣтый цирюльникъ одерживаетъ побѣду надъ бѣднымъ рыцаремъ. «Я прежде думалъ, — говоритъ Гейне въ остроумной параллели между самимъ собой и ламанчскимъ героемъ, — что смѣшная сторона донкихотства состоить въ попыткахъ воскресить старое, причемъ бъдная спина героя вступаетъ въ печальныя столкновенія съ фактами настоящаго; но ахъ, я узналъ съ тъхъ поръ, что столь же неблагодарное безуміе-вызывать слишвомъ рано въ настоящее будущность и при такой борьбѣ съ интересами дня, обладать только худою клячею, ветхимъ вооружениемъ и столь же слабымъ тёломъ»... Въ Гулливерѣ, опутанномъ пигмелми, Гейне указываеть Наполеона въ заточения.

Гейне, подростая, сталъ учиться въ лицев очень хорошо; за то приватные уроки музыки и танцованія положительно не удавались. Музыкальнаго учителя онъ заставлялъ играть разныя пьесы, а самъ лежалъ на диванѣ; танцовальнаго же учителя, большого грубіяна, онъ вытолкнулъ въ окно, откуда тотъ упаль на кучу навоза. Кончивъ гимназический курсъ, Гейне едва не остановился на этомъ. У отца не было средствъ вести его дальше, въ университетъ, и приходилось браться за хлъбное ремесло. Въ 1815 году отецъ свезъ его въ Франкфуртъ, на армарку, и опре-дёлилъ его тамъ въ банкирскую контору. Но Гейне оставался тамъ всего двѣ недѣли, хотя и прожилъ во Франкфуртѣ болѣе года. Ему не правились ни конторская работа, ни униженное положение евреевъ во Франкфурть. Пребывание во Франкфуртѣ и воспоминаніе о вѣковыхъ преслѣдованіяхъ, претерпѣн-ныхъ евреями въ старой имперской столицѣ, впослѣдствіи внушили Гейне поэму «Бахарахскій раввинъ». Во время пребыванія во Франкфурть, Гейне въ первый разъ встрѣтился съ Людвигомъ Бёрне, который въ то время былъ извъстенъ по театральнымъ рецензіямъ.

Изъ Франкфурта молодой Гейне возвратился въ Дюссельдорфъ, а оттуда, въ 1816 или 1817 году, отправился снова искать счастья по коммерческой части, въ Гамбургѣ. Въ Гамбургѣ у него былъ родной дядя, богатый банкиръ, который сперва былъ участникомъ фирмы «Гекшеръ и К⁰», а съ 1819 года открылъ банкъ подъ своимъ именемъ. Въ первый разъ, у Штродтманна, мы находимъ, что Генрихъ Гейне самъ, въ началѣ 1818 года, открылъ въ Гамбургѣ коммиссіонерскую контору, подъ фир-

• 4

занялся правовъдъніемъ, пріобрълъ докторскій дипломъ и сдълался адвокатомъ. Послёднее условіе предполагало переходъ въ христіанство, но Соломонъ Гейне, хотя самъ оставался въренъ еврейству, никогда не препятствовалъ обращенію своихъ родственниковъ: дочери его всъ вышли замужъ за христіанъ.

II.

Генрихъ въ восторгѣ поспѣшилъ, въ 1819 году, къ родите-лямъ въ Дюссельдорфъ и сталъ готовиться въ университетъ, пе-ремѣшивая латинскій языкъ со стихами. Въ это время онъ наремѣшивая латинскій языкъ со стихами. Въ это время онъ на-нисалъ «Двухъ гренадеровъ» и въ томъ же 1819 г. вступилъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Іосифомъ Нейнцигомъ, въ боннскій университетъ. Боннскій университетъ былъ въ то время славенъ. На юридическомъ факультетѣ Гейне нашелъ профессорами Мит-термайера, Макельдея, на философскомъ — Августа-Вильгельма Шлегеля, Дельбрюка, Дистервега, и др. Студенчество въ Герма-ніи въ то время вступало въ кризисъ: стремленіе національнаго патріотизма, такъ сильно возбужденное въ 1813 году, одушев-ляло всю академическую молодежь и давало ея жизни, бесѣдамъ, отношеніямъ и занятіямъ студентовъ смыслъ возвышенный; по-литика не только не была изгнана изъ академическихъ круж-ковъ. но составляла ихъ лушу. Изъ всѣхъ этихъ мечтаній, политика не только не была изгнана изъ академическихъ круж-ковъ, но составляла ихъ душу. Изъ всѣхъ этихъ мечтаній, по-рывовъ къ свободѣ — не вышло ничего. Исторія паденія нѣмец-каго студенчества въ двадцатыхъ годахъ есть исторія герман-скаго народа того времени. Сослуживъ владѣтелямъ службу, ока-завъ имъ помощь въ возстановленіи ихъ престоловъ, народъ на-прасно ожидалъ исполненія обѣщаній о свободѣ, такъ щедро разсыпаемыхъ въ моментъ опасности. Обѣщанія эти получили въ 13-мъ параграфѣ акта вѣнскаго конгресса даже юридическую, международную форму, но вскорѣ самое напоминаніе объ этомъ параграфѣ сдѣлалось государственнымъ преступленіемъ. Реакція возникала быстро, распространялась по всей Германіи, и первой жертвою ея было пылкое студенчество, которое, разочаровавшись въ правительствахъ, вѣрило въ силу народа и преждевременно на нее разсчитывало. Убійство, совершенное Зандомъ въ 1819 году, какъ извѣстно, подало сигналъ къ строгому преслѣдованію всякихъ политическихъ обществъ между студентами. Реакція оживсякихъ политическихъ обществъ между студентами. Реакція оживила даже союзный сеймъ; въ самомъ дѣлѣ, единственныя дѣла, гдѣ союзный сеймъ выказалъ какую-нибудь жизнь, было принятіе «общихъ» мѣръ для преслѣдованія либеральныхъ обществъ, за-прещеніе либеральныхъ книгъ, изгнаніе писателей изъ всей территоріи союза. Воть этимъ только и высказалось германское единство, о которомъ мечтали волонтеры 1813 года. Подъ вліяніемъ этихъ преслѣдованій, вскорѣ совсѣмъ измѣнился характеръ нѣмецкаго студенчества; корпораціи утратили смыслъ, собранія утратили цѣль; благородныя, если и не всегда благоразумныя бесѣды смѣнились грубыми оргіями; воспоминаніе о волонтерствѣ ва независимость, надежда на борьбу за свободу, представлявшіяся студенческимъ эспадрономъ, смѣнились пѣтушиною страстью въ дракамъ въ формѣ торжественныҳъ дуэлей. Слова: Kommersch, Mensur, Renommist, Komment — дорогія до сихъ поръ устарѣвшимъ сердцамъ многихъ филистеровъ, въ сущности представляли уже, съ начала двадцатыхъ годовъ, не что иное, какъ разгульную, грубую жизнь съ нѣкоторыми педантскими формами. Правительства никогда не стѣсняли этихъ забавъ; напротивъ.

Гейне засталъ въ Боннѣ именно послѣднія вспышки прежняго огня и наступленіе первыхъ признаковъ разложенія студенчества. У него есть стихотвореніе, которое описываетъ одно изъ послѣднихъ поэтически-политическихъ собраній боннскихъ студентовъ на Драхенфельсѣ. Тамъ съ восторгомъ провозглашались вскорѣ надолго умолкнувшія слова о чести Германіи и т. д. Еще хорошо было, что академическимъ судьею былъ въ то время Миттермайеръ, «а то — говоритъ Штродтманнъ — не миновать бы Бонну ужасовъ майнцской слѣдственной коммисіи и преслѣдованій демагоговъ Кампцемъ и Цшоппе».

Студенческую жизнь, превратившуюся въ безсмысленное буйство и оргіи, Гейне не любилъ, устранялся отъ нея — тѣмъ болѣе, что былъ неохотникъ пить, а пива, которымъ нѣмцы напиваются — терпѣть не могъ въ особенности. Онъ всегда относился съ насмѣшкою къ этимъ *Landsmannschaften*, потерявшимъ смыслъ, и ихъ ребячески-педантскимъ формамъ и обычаямъ.

При вступительномъ экзаменѣ, Генрихъ Гейне долженъ былъ представить сочиненіе «о цѣли академическаго ученья», и обработалъ эту тему юмористически. Сочиненіе было принято, съ замѣчаніемъ, что «хотя авторъ напрасно отклонился отъ предмета, изложеніе его представляетъ замѣчательную сатирическую способность». Въ декабрѣ 1819 г. онъ матрикулировался въ качествѣ студента юридическаго и камеральнаго факультета, но слушалъ болѣе лекцій философскаго факультета, чѣмъ того, въ который былъ записанъ. Въ числѣ товарищей Гейне были извѣстные поэты Зимрокъ и Гоффманъ фонъ-Фаллерслебенъ, Ярке, впослѣдствіи продажный писатель, на жалованьи у вѣнскаго кабинета, Генгстенбергъ, впослѣдствіи основатель «новолютеранскаго правовѣрія», возстановитель въ протестантствѣ католиче-

мою Harry Heine u. К⁰. Изъ «Гамбургской адресной книги» видно, что контора эта пом'ящалась, въ разное время, на двухъ улицахъ. Но она была закрыта въ томъ же, 1819 году. Коммерція р'яшительно не давалась Генриху Гейне. Онъ не любилъ впосл'ядствіи воспоминанія объ этомъ первомъ пребываніи своемъ въ Гамбургъ. Изв'ястно, что если изъ вс'яхъ н'ямецкихъ городовъ онъ ненавид'ялъ наиболѣе Берлинъ, то см'ялся всего больше надъ Гамбургомъ. Въ «Reisebilder» и «Deutschland» онъ не можетъ вспомнить объ этомъ центръ съверогерманской торговли, не приклеивъ каждый разъ къ его имени нъсколькихъ сарказмовъ.

Въ Гамбургѣ же онъ влюбился, уже не ребяческимъ, а юношескимъ сердцемъ, влюбился на всю жизнь. Никогда Генрихъ Гейне не забылъ этой любви; онъ воспѣлъ ее во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, и сердечная рана дала ему именно тотъ диссонансъ, который слышится въ самыхъ сильныхъ его порывахъ, какъ будто у орла одно крыло подбито.

Возлюбленная является у него въ разныхъ случаяхъ подъ разными именами: донны Клары, Оттиліи, Берты и др., но подъ ними скрывается все тотъ же образъ, въчно носящійся передъ поэтомъ. Даже тогда, когда Гейне ни словомъ не поминаетъ объ этой любви, она какъ-то чувствуется у него, невидимо присутствуетъ во всёхъ его пёсняхъ, особенно въ тѣхъ оборотахъ отъ смѣха ко вздоху, которые у него встрѣчаются также часто, какъ юмористическіе диссонансы, которыми онъ любитъ заканчивать порывы своего лиризма. Въ тѣ поэтическіе вѣнки, которые онъ бросалъ на могилу своей любви, онъ нерѣдко вплеталъ нѣсколько вульгарныхъ листьевъ, и это горько-насмѣшливое отношеніе къ самой дорогой мечтѣ составляеть одну изъ личныхъ особенностей Гейне; она не встрѣчается у другихъ поэтовъ. Для примѣра, приведемъ одно извѣстное стихотвореніе:

> Ein Jüngling liebt ein Mädchen Die hat einen Andern erwählt; Der Andere liebt eine Andre, Und hat sich mit Dieser vermählt. Das Mädchen heirathet aus Ärger Den ersten, besten Mann, Der ihr in den Weg gelaufen; Der Jüngling ist übel dran. Es ist eine alte Geschichte, Doch bleibt sie immer neu; Und wem sie just passieret, Dem bricht das Herz entzwei.

Это совсѣмъ не «глумленіе надъ любовью», какъ понимаютъ филистеры; никакія пышныя и страстныя фразы не передали бы такъ сильно глубокой скорби поэта.

Гейне никогда, даже въ частныхъ письмахъ къ ближайшимъ друзьямъ, не назвалъ настоящаго имени своей возлюбленной. Штродтманнъ положительно отвергаетъ показаніе одного изъ друзей Гейне, Штейнманна, что эта дъвушка была кузина поэта, Эвелина фонъ-Гельдернъ, и жила въ Дюссельдорфѣ, — но самъ не сообщаетъ таинственнаго имени и только говоритъ, что предметомъ любви Гейне была другая кузина его, жившая въ Гамбургѣ. Біографъ считаетъ лишнимъ называть ее и выводить критически изъ разныхъ отзывовъ поэта, въ самомъ ли дѣлѣ она измѣнила ему или не давала ему надежды и т. д. Онъ справедливо замѣчаетъ, что подобныя изслѣдованія были бы не серьёзны, и что факты, сами по себѣ, не уяснили бы тѣхъ образовъ, въ которыхъ они отразились въ душѣ поэта. Біографъ ссылается при этомъ на слова самого Гейне: «Какъ часто бываетъ, что внѣшняя постройка нашей исторіи очень мало согласуется съ дѣйствительною, внутреннею нашею исторіею; у меня, по крайней мѣрѣ, онѣ никогда не согласовались».

Первыя стихотворенія Гейне принадлежать ко времени его пребыванія въ Дюссельдорфѣ по возвращеніи изъ Франкфурта; въ то время ему было 16—17 лѣть. Эти первые опыты, въ романтическомъ родѣ, уже замѣчательны и простотою формы и мелодичностью стиха, и игрою антитезъ, существенными принадлежностями гейневскаго стихосложенія. Въ газетѣ «Hamburg's Wächter», въ 1817 году, явилось нѣсколько стихотвореній молодого Гейне, подъ псевдонимомъ «Sy Freudhold Riesenharf». Этотъ удивительный псевдонимъ представлялъ анаграмму имени Дюссельдорфа и Гарри Гейне. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣтскинаивны, но въ другихъ уже является тотъ звукъ недосказанной и несказанной скорби, которымъ отличаются воспоминанія Гейне о его любви. Между ними была и баллада «Донъ - Рамиро», сперва названная «Донъ-Родриго», въ которой замѣчается уже врѣлость таланта.

Эти поэтическіе опыты уб'ёдили даже дядю-банкира, Соломона Гейне, что Генрихъ не им'ёстъ призванія къ коммерческимъ дЁламъ. Онъ впосл'ёдствіи относился къ самой славѣ своего племянника со всей надутостью мѣшка червонцевъ: «Еслибъ этотъ дурень чему-нибудь научился, то не имѣлъ бы нужды писать книги», говаривалъ онъ. Однако, онъ согласился дать «дурню» средства научиться чему-нибудь «путному» и взялся содержать Генриха въ университетѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ серьёзно

<page-header><page-header> временъ Сезостриса».

Бремень Сезостриса». Гейне посѣщалъ въ Боннѣ также лекціи доцента Гундесга-гена, объ искусствѣ и жизни среднихъ вѣковъ и вообще усвои-валъ себѣ то знакомство съ древнимъ языкомъ Германіи и съ памятниками ея, которое проявляется въ его сочиненіяхъ. Въ то время всего нѣсколько лѣтъ была издана санкт-галленская то время всего нѣсколько лѣтъ была издана санкт-галленская рукопись поэмы Нибелунговъ и общее вниманіе было обращено на этотъ памятникъ первоначальной германской поэзіи; Шлегель разбиралъ красоты его въ своихъ лекціяхъ, и на Гейне пѣсня о Нибелунгахъ производила большое впечатлѣніе, какъ то видно изъ его позднѣйшаго разсказа. Съ Гундесгагеномъ онъ посѣ-щалъ памятники романской архитектуры въ Боннѣ и въ бесѣ-дахъ съ Радлофомъ погружался въ германскую старину.

Но болѣе всѣхъ вліяніе на него имѣлъ А. В. Шлегель, зна-менитый критикъ, проповѣдникъ романтизма. Онъ дѣйствовалъ на молодое воображеніе и блестящимъ изложеніемъ, и необычною, на молодое воображеніе и блестящимъ изложеніемъ, и необычною, для нѣмецкаго профессора того времени, свѣтскою обстановкою. Аудиторія Шлегеля была всегда полна; въ ней со студентами толпились и профессора, и чиновники; на Гейне производили большое впечатлѣніе и содержаніе его лекцій, его литературныя воззрѣнія, и его слава, и лайковыя перчатки, которыхъ онъ не снималъ въ аудиторіи. Шлегелю Гейне повѣрялъ свои поэтиче-скіе опыты и, по словамъ Штродтманна, вліяніе Шлегеля спо-собствовало той художественной округленности и законченности, которою отличаются произведенія автора «Книги пѣсенъ». Гейне, которою отличаются произведеныя автора «Книги пъсенъ». Гейне, какъ всякій истинный талантъ, у котораго цёли и образы, соз-дающіеся въ умѣ, гораздо выше того выраженія, какое можно дать имъ въ словахъ, нерѣдко падалъ духомъ и отчаявался въ своихъ силахъ въ то время. «Съ Шекспиромъ — писалъ онъ къ пріятелю своему Мозеру — я чувствую себя какъ-то неловко; я слишкомъ ясно сознаю, что не принадлежу къ ему подобнымъ, что онъ — всемогущій министръ, а я простой надворный совѣтникъ, и мнъ кажется, точно онъ каждую минуту можетъ меня отставить». Вліяніе Шлегеля на Гейне было благотворно уже тёмъ, что онъ ободрилъ его, поддержалъ его въ минуты такого сомнѣнія въ себѣ. Благодарность свою Гейне выразилъ въ «вѣнкѣ сомнънія въ сеоъ. Благодарность свою 1 еине выразилъ въ «вънкъ сонетовъ», который онъ посвятилъ Шлегелю. Онъ защищалъ Шле-геля и вообще романтизмъ въ одной газетной статьѣ, появившейся въ то время. Изъ этой статьи обнаруживается, во-первыхъ, сила литературнаго анализа, которою уже обладалъ Гейне на 21 году жизни; во вторыхъ — приступленіе его, подъ вліяніемъ любимаго учителя, къ романтизму, не только въ отношеніи къ его сюжетамъ и средствамъ, но и въ отношении его взглядовъ на чисто-эстетическое назначение поэзии и беллетристики вообще. Гейне ез то время не видълъ ничего далѣе, ничего серьезнѣе, какъ «искусство для искусства». Впослѣдствіи, онъ же сильнѣе всѣхъ возсталъ противъ вредности романтическаго направленія. Сборникъ первыхъ стихотвореній Гейне «Junge Leiden», написан-ныхъ частью въ Гамбургѣ, частью въ Дюссельдорфѣ и Боннѣ, еще чуждъ всякой мысли о пользѣ человѣчества и о борьбѣ съ еще чуждъ всякой мысли о пользв человвчества и о борьов съ врагами его развитія. Но иронія, характеризующая собственно внутреннюю скорбь, мъстами уже является въ нихъ. Штродт-маннъ дълаетъ, по поводу «фресковыхъ сонетовъ» Гейне, вър-ное и остроумное замъчаніе вообще о сонетахъ этого поэта: «употребленіе сонета, этой самой гармонической и красивой формы стихотворенія для взрывовъ отчаянія и каррикатурныхъ

314

315 изліяній гибва, жже характеризуеть вбрно отличительную черту юморизма: онъ разрываеть сосудъ искусства, употребляя его не по назначенію». Въ 1830-году, во время своего пребыванія въ Боньв, Гейне предпринялъ трагедію «Альманзоръ», въ которой хотблъ дать полное выраженіе отчаянію своей любви. Осенью того же года, по неизвёстной причинь, онъ оставилъ Боннъ и переселился въ Гёттингенъ. Въ очень неихрио

иереселился въ Гёттингенъ. Въ очень недурно написанномъ краткомъ обзорѣ развитія философской идеи и движенія литературы въ Германіи отъ Лю-тера до двадцатыхъ годовъ, Штродтманнъ излагаетъ постепен-ную эманципацію человѣческаго ума до того кульминаціоннаго пункта, какого онъ могъ достигнуть путемъ отвлеченнаго мы-шленія, до гегелевскаго ученія о тождествѣ идеи безусловнаго съ идеею человѣчества, и, обращаясь къ нѣмецкой литературѣ, бѣгло проходитъ періоды протестантско - церковный, подража-тельно-французскій, классическій, послѣдовавшій за Лессинговою реформою и нашедшій высшее выраженіе въ Гсте и Шиллерѣ, и останавливается на романтизмѣ. Въ этомъ сжатомъ и ясномъ обзорѣ, конечно, не можетъ быть ничего новаго. Классическій періодъ, вдохновенный идеею древней добродѣ-

и останавливается на романтизмъ. Бъ этомъ сжатомъ и ясномъ обворѣ, конечно, не можетъ быть ничего новаго. Классическій періодъ, вдохновенный идеею древней добродѣ-тели и преобладаніемъ съ одной стороны идеи общечеловѣче-ской — идеи единственно плодотворной, которой въ литературѣ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ будущность, а съ другой — совер-шенно лишней, напускной и ребяческой подражательности, даже раболѣпства эллинскимъ формамъ, вызвалъ реакцію. Романтизмъ явился и какъ протестъ живыхъ національностей противъ формъ и образовъ чуждаго, мертваго свѣта, и какъ протестъ поэтиче-ской фантазіи противъ всякаго утилитарнаго назначенія, какъ протестъ правъ независимой личности противъ пользъ, понятій и цѣлей общества и даже человѣчества. Романтизмъ былъ правъ, какъ реакція противъ ига классицизма, противъ его условныхъ формъ, противъ этой аффектаціи «букетовъ Хлорѣ» и всѣхъ этихъ Фебовъ, музъ, всего Олимпа, Парнасса, Иліона, и нѣжно-стей временъ Перикла. Онъ былъ правъ, какъ заявленіе въ ли-тературѣ живыхъ національностей, которыя какъ фавты реаль-ные, должны были войти и въ литературу. Опущеніе важнаго реальнаго факта есть всегда не только пробълъ въ литературѣ, но и симптомъ ея фальшивости. Романтизмъ сломалъ старыя формы и внесъ въ литературу почтенныя богатства національно в симптомъ ен фальшивости. Гомантизмъ сломалъ старыя формы и внесъ въ литературу почтенныя богатства національ-ной исторіи, національной жизни. Съ точки зрѣнія собственно поэзіи, романтизмъ былъ правъ и въ томъ отношеніи, что онъ ставилъ личность выше всего, смѣло предъявлялъ права индиви-дуальности, даже право дѣлать вредъ. Надо было, чтобы этотъ

моменть прошель чрезь литературу, дабы изгнать классическое преданіе о самоотверженіи и приготовить то поле, на которомъ общество мирится съ индивидуальностью и заключаеть съ ней контракть, основанный не на баснословномъ самоотверженіи, а на обоюдной, взаимно-ограничительной выгодѣ.

Но романтизмъ, какъ всякое направленіе, былъ самъ по себѣ безусловенъ; онъ вовсе не считалъ себя преходящимъ, назначеннымъ только для достиженія временной цѣли моментомъ; онъ мнилъ себя окончательнымъ откровеніемъ, послѣднимъ словомъ правды. Такая исключительность — общій законъ умственныхъ движеній человѣчества. Современный безусловный утилитаризмъ также исключителенъ; быть можетъ, никакая новая идея, необходимая для развитія, не могла бы исполнить своего назначенія одержать побѣды, если бы представители ея не были увѣрены въ ней, какъ въ безусловной правдѣ, еслибы они сами принимали ее только sous bénéfice d'inventaire. Эта роль принадлежитъ уже преемникамъ ихъ.

«Первоначальное условіе всякой поэзія—писаль законодатель романтизма, Фридрихъ Шлегель—заключается въ томъ, что оно пріостанавливаетъ ходъ и законы ума, мыслящаго благоразумно, и снова повергаетъ насъ въ прекрасную путаницу фантазіи, въпервоначальный хаосъ человѣческой природы». Этимъ девизомъ, котораго романтики держались буквально, отвергается, во-первыхъ, всякое соотношеніе литературнаго творчества съ фактами дѣйствительной жизни, съ реальностью. Уже это было огромной ошибкой, такъ какъ значительная доля законности и успѣха самого романтизма заключалась именно въ томъ, что онъ внесъ въ литературу реальный моментъ — живыхъ народностей. Но этого мало. Проповѣдуя безусловность и необузданность фантазіи, романтики и современные послѣдователи ихъ — эстетики отказываютъ литературрѣ во всякомъ серьёзномъ значеніи, такъ какъ они исключаютъ изъ нея общечеловѣческую идею, стремленіе человѣчества къ общему освобожденію и общему счастью. За тѣмъ, что же остается полезнаго въ литературѣ, по такому мнѣнію? Развѣ только тривіальное: emollit mores....

Что соблюденіе реальности требуется образованнымъ вкусомъ; что презрѣніе къ реальности производитъ на развитаго человѣка впечатлѣніе охлаждающее, а не увлекающее; наконецъ, что союзъ съ идеею общечеловѣческой пользы, братство поэзіи и истиннаго идеала человѣчества представляютъ для поэзіи самое могущественное средство, самый прочный пьедесталъ славы и самую звонкую струну, — всего этого романтики не хотѣли

знать, а немногіе, остающіеся въ живыхъ эстетики, отрицають это до сихъ поръ.

знать, а нежнопе, остающеся взяжных эстегным, отрицають это до сихъ поръ. Самую поэзію, конечно, нельзя смѣшивать съ стремленіемъ къ той высокой цѣли, которой и она должна служить, какъ ей слу-жить вся сознательная дѣятельность человѣчества. Что поэзія можеть быть и внѣ собственно утилитаризма, что утилитаривмъ, какъ безусловная исключительная система, напрасно хочеть со-здать для поэзіи клѣтку—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, какъ нѣтъ сомнѣнія, что и наука можетъ быть внѣ утилитаризма. Что все-гда найдутся истинные таланты, которые, по временамъ, будутъ дѣлать фантастическіе скачки, что въ жизни поэта всегда бу-дутъ минуты, когда его собственная личность, фантазія, причуда покажутся ему превыше, законнѣе всѣхъ цѣлей человѣчества — это естественно; что такіе скачки и порывы могуть быть истин-ной поэзіей, хотя и не имѣютъ ничего общаго съ обществен-ною пользою, —въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, потому что польза со-всѣмъ не составляетъ существа поэзіи. Требовать неотлучной службы поэта обществу нельзя, какъ нельзя обратить всѣ сред-ства нашего общества на благотворительныя цѣли: часть ихъ непремѣно пройдетъ на вино. Но провозглашать совершенное от-уужденіе искусства отъ судьбы человѣчества, значить кастриро-вать искусство, осуждать его на безплодность. Романтизмъ, въ конечномъ результатѣ, пришелъ къ нелѣйо-

вать искусство, осуждать его на оезплодность. Романтизмъ, въ конечномъ результатѣ, пришелъ къ нелѣпо-сти и сталъ вреденъ; отрицая реальность, онъ выродился въ по-ложительную нелѣпость; отрицая служеніе человѣчеству, отвора-чиваясь отъ будущности, онъ заглохъ въ прошедшемъ, влюбился въ красивѣйшіе изъ своихъ образовъ, и наконецъ, изъ рыцар-скаго, изъ христіанскаго, сталъ слугою нѣмецкой аристократіи, опиравшейся на полицію и слугою современнаго піэтизма, опирающагося на цензуру.

рающагося на цензуру. Чтобы показать собственно нелёпость, до какой дошель ро-мантизмъ, мы не можемъ отказать себё въ удовольствіи выпи-сать у Штродтманна одну цитату изъ романа Лебена, Guido: «Шире и шире становился кругъ и перевивалась пляска. Вверху, въ воздухѣ плясали орелъ съ фениксомъ, нарциссъ съ гіацин-томъ; они непрестанно описывали круги около солнца, осѣняв-шаго главу короля. И вотъ, планеты обнялись другъ съ друж-кой и устремились вокругъ новаго солнца, звѣзды обнялись и зашумѣли вокругъ безконечности, млечные пути восплясали съ илечными путями и вѣчности схватились съ вѣчностями, и все быстрѣе и быстрѣе мелькали они, одни за другими, подымались приливомъ и били вверхъ, и разсыпались за новой юностью, на-васъ, въ таявшее время, и міровое радостно восклицало огнен-

ными искрами, и вальсы летёли вокругъ Бога». Это восклицающее «міровое» можно бы принять за образецъ пародіи; между тёмъ, все это написано совершенно серьёзно и наивно, въ заключеніе названнаго выше романа.

Вредность направленія романтизма высказалась вполнѣ, когда по пути, приготовленному Фридрихомъ Шлегелемъ и другими представителями романтизма, пошелъ Галлеръ съ его «возстановленіемъ государственныхъ наукъ» въ духѣ абсолютизма, сословности и піэтизма.

Гейне былъ воспитанъ романтизмомъ, и первая часть его творчества можетъ быть рѣшительно отнесена въ романтизму; таковы и нѣкоторые литературные пріемы его, напр., склонность въ архаизмамъ языка; сверхъ того, по самому своему характеру онъ долженъ былъ чаще чѣмъ какой-либо поэтъ, сбрасывать съ себя иго долга и впадать въ безцѣльную фантастичность; но цѣли онъ не упускалъ изъ виду и никогда не противорѣчилъ ей, такъ что романтикомъ и чистымъ эстетикомъ онъ не былъ. Напротивъ, онъ безпощадно преслѣдовалъ то вредное направленіе, какое принялъ романтизмъ и сарказмы его впивались именно въ враговъ развитія или въ глупцовъ, искажавшихъ и опошлявшихъ идею свободы.

Въ Гёттингенѣ Гейне не засталъ уже настоящаго періода славы этого университета. Великаго Шлёцера — этого историкапублициста, который первый сказалъ: «гласность, это пульсъ свободы», про котораго сама Марія-Терезія говорила въ своемъ совѣтѣ: «а что скажетъ объ этомъ Шлёцеръ?» — уже не было; не было и его духа. Въ Гёттингенѣ процвѣтали точныя науки, представляемыя Гауссомъ, Штромейеромъ, Лангенбекомъ, но въ философіи этотъ университетъ отставалъ. Филологическій факультетъ имѣлъ только двухъ такихъ профессоровъ, которые старались о сближеніи науки съ жизнью: Іоганна-Готфрида Эйхгорна и Сарторіуса. Послѣдній, въ 1820 году, уже въ разгарѣ лекцій, напечаталъ брошюру, въ которой требовалъ исполненія параграфа 13-го союзнаго акта, обѣщавшаго конституцію, и доказывалъ необходимость свободы печати. Гейне пользовался расположеніемъ этого человѣка и вспоминалъ о немъ всегда съ почтеніемъ.

этого человъка и вспоминалъ о немъ всегда съ почтениемъ. Вообще же въ Гёттингенъ преобладала въ то время та ученость, которая «споритъ о точкъ надъ *i*» и «разсъкаетъ волосъ на десять частей». Студентовъ было болъ 1,000, и въ ихъ средъ дворяне держали себя строго въ сторонъ отъ другихъ сословій: отсюда, между прочимъ, нескончаемыя дуэли. Все это не могло нравиться Генриху Гейне и не могло не вызвать въ немъ враждебнаго чувства. Объ обычаяхъ студентовъ онъ говоритъ, что

они еще не далеко ушли отъ временъ «переселенія народовь». Регламентъ корпорацій онъ прямо причисляетъ къ leges barbarorum, а объ ученомъ значеніи университета говоритъ (Harzreise): «Гёттингенъ слыветъ за германскую Болонью, но между ними уже та разница, что въ Болоньѣ находятся самыя маленькія собачки и самые большіе ученые, а въ Гёттингенѣ именно самые мелкіе ученые и самыя крупныя собаки».

Юриспруденцією Гейне мало занимался и въ Гёттингенѣ, хотя и отправился туда собственно «чтобы долбить», а слушалъ болѣе литературу и исторію. Выходъ Гейне изъ Гёттингена ознаменовался случаемъ, который характеризуетъ тогдашніе нравы германскихъ университетовъ. Студентъ Вибель за общимъ столомъ заявилъ недовѣріе къ одному случаю, разсказанному Гейне, и сдѣлалъ ему грубое замѣчаніе. Гейне, какъ ни далекъ онъ билъ отъ подобныхъ дѣлъ, долженъ былъ вызвать его. Проректоръ узналъ объ исторіи, призвалъ къ себѣ обѣ стороны и добился того, что Вибель обѣщалъ взять назадъ, за столомъ же, свое замѣчаніе. Но за столомъ онъ сказалъ только, что «проректоръ склонилъ его взять назадъ свои слова»; примиреніе не состоялось, начальство должно было снова призвать ихъ и заставить Вибеля извиниться хорошенько. Но и этимъ дѣло не кончилось. Впослѣдствіи возникло сомнѣніе, какъ слѣдуетъ смотрѣть на несбывшуюся дуэль: какъ на устраненный примиреніемъ споръ или какъ на несостоявшйся вслѣдствіе вмѣшательства уннверситетскаго суда? Съ этимъ вопросомъ стороны обратились въ королевско - ганноверскому университетскому попечительство, дало отвѣть, что дуэль слѣдуетъ въ дѣйствительности разсматривать, какъ не состоявшуюся только вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ. Само собою разумѣется, что это поставило дѣло въ прежнее положеніе, и, вслѣдствіе того, начальство подвергло Вибеля/ спѣдствію, а Гейне дало consilium abeundi на полгода.

Онъ выпросилъ себѣ позволеніе пробыть въ Гёттингенѣ еще иѣсколько дней, а пробылъ нѣсколько недѣль, ожидая отвѣта отъ родителей, которымъ описалъ эту исторію, съ просьбою указать, гдѣ они желаютъ, чтобы онъ продолжалъ курсъ. Въ отвѣтѣ былъ указанъ Берлинъ, куда онъ и отправился.

III.

Въ Берлинѣ въ то время процвѣтала реакція и романтизмъ. Студенческія корпораціи вскорѣ послѣ прибытія Гейне были заврыты, около тридцати человъкъ было исключено за участие въ недозволенныхъ обществахъ, а изъ 70-ти поляковъ, которые тамъ находились, многихъ посадили въ тюрьму по одному подозрѣнію, такъ что они всѣ, за исключеніемъ шести, поспѣшно разъѣхались; всѣ періодическія изданія и книги строго цензуровались; цензора требовали даже, чтобы авторы сами сшивали раны, наносимыя ихъ сочинениямъ цензурою, такъ чтобы не было замѣтно «слѣдовъ краснаго карандаша», какъ говоритъ Штродтманнъ. За то и авторы боролись съ цензурою мелкими уловками. Редакторъ одной газеты, особенно много страдавшей отъ цензуры, восполнилъ однажды всъ тъ мъста, по которымъ прошелся грозный карандашъ - старымъ анекдотомъ, давно пропущеннымъ цензурою, такъ что нёсколько разъ повторялся все тотъ же анекдотъ. Интересно сравнение, какое дълалъ Гейне между тогдашнимъ положеніемъ печати и общества въ Пруссіи и въ другихъ странахъ: «Часто, прочитавъ Morning-Chronicle и усмотрѣвъ въ каждой его строкѣ англійскій народъ, съ его національною жизнью, съ его скачками, боксами, пѣтушьими боями, его ассизами, и парламентскими преніями и т. д., я беру въ руки какую-нибудь нъмецьую газету, ищу въ ней моменты народной жизни и не нахожу ничего, кромъ литературной и театральной сплётни! Да ничего иного и ожидать нельзя. Когда въ народѣ общественная жизнь подавлена, онъ все-таки ищетъ себъ предметовъ для общественнаго обсужденія и находить ихъ въ своихъ писателяхъ и своихъ комедіантахъ.... Вмѣсто пѣтушьихъ боевъ у нихъ есть газеты, въ которыхъ бѣдняки, кормимые съ этой цѣлью, рвутъ другъ на другѣ доброе имя, а филистеръ кричцтъ, въ восторгѣ: «вотъ этотъ — молодецъ! Каково этому натрепали гребень-то! Пусть-ка у этого молодого пётушка подростуть перья; надо его окуражить» и т. п. У насъ есть и свои гласные уголовные суды; это саксонскія литературныя газетки, печатаемыя на оберточной бумагь; тамъ каждый глупецъ судится судомъ себъ равныхъ, по правиламъ кодекса, основаннаго на теоріи устрашенія, и наказующаго за каждую книгу какъ за преступление. Если авторъ сколько-нибудь уменъ, то это служитъ отягощающимъ об-стоятельствомъ; если же онъ можетъ доказать въ свою пользу alibi ума, то кара облегчается. У насъ есть даже въ нѣкото-ромъ родѣ парламентскія пренія, я разумѣю — театральныя кри-

320

тики; такъ и самая наша сцена можетъ справедливо быть названа «низкою палатой»¹) отъ многихъ низостей, тамъ процвѣтающихъ; въ числѣ ихъ—взятыя съ французскаго театра поплости, которыя публика потребляетъ съ удовольствіемъ, даже послѣ какой-нибудь комедіи Раупаха, подобно мухѣ, которая, если ее согнать съ горшка меду, тотчасъ садится съ наилучшимъ аппетитомъ къ плевку и заканчиваетъ имъ свой обѣдъ. Трагедія—наша верхняя палата—обнаруживаетъ болѣе блеска. Я разумѣю это относительно кулисъ, декорацій и костюмовъ. Но вѣдь и въ этомъ есть предѣлъ. Въ театрѣ римлянъ слоны плясали на канатахъ и совершали прыжки; далѣе же этого человѣкъ дойти не могъ, и римская имперія пала, а при этомъ случаѣ палъ и римскій театръ». Съ этими чертами и мы нѣсколько - фамиліярны, частью по

Съ этими чертами и мы нъсколько - фамиліярны, частью по прошлому, частью и по настоящему. Искусство процвътало въ Германіи и ему воздавался усерд-

Искусство процвётало въ Германіи и ему воздавался усердный культъ, искусство отвлеченное отъ жизни, безобидное, романтическое, томившееся въ мечтахъ или въ страданіяхъ и стремленіяхъ, которыя не имѣли ничего общаго со страданіями и стремленіями народа. Даже въ сатирическихъ своихъ драмахъ, романтики избирали предметомъ сатиры самую сцену, а не жизнь. «У насъ—говоритъ Гейне въ другомъ мѣстѣ—вовсе нѣтъ разсуждающихъ политическихъ газетъ, за то есть неисчислимое множество эстетическихъ листковъ, которые содержатъ только праздныя сказки и театральныя рецензіи, такъ что можно подумать, будто весь германскій народъ состоитъ исключительно изъ болтливыхъ нянекъ да театральныхъ рецензентовъ».

Власти, конечно, благопріятствовали «чистому служенію искусству». И это чистое служеніе обращалось въ «серьёзное дѣло». Въ своемъ «Путемествіи по Гарцу», Гейне смѣется надъ необыкновенной заботливостью и тщаніемъ, съ какимъ придворный интендантъ графъ Брюль распоряжался театральною костюмировкою. «Интендантство всего больше заботится о цвѣтѣ бороды, съ какою играется роль, о вѣрности костюмовъ, которыхъ рисунки дѣлаются присяжными историками и которые шьются научнообразованными портными. И это-необходимо. Ибо, если бы Марія Стюартъ надѣла передникъ, относящійся ко временамъ королевы Анны, то банкиръ Христіанъ Гумпель вполнѣ основательно сталъ бы жаловаться, что это лишаетъ его всякой иллюзіи; еслибы лордъ Борлей, по случаю, надѣлъ штаны Генриха IV, то, безъ сомнѣнія, военная совѣтница фонъ-Штейнцонде, урожд. Ли-

¹) Haus der Gemeinen — «палата общинъ» или «домъ пошляковъ».

ліентау, не упустила бы этого анахронизма изъ глазъ впродолжени всего вечера».

пентау, не упустила ом этого анахронизма изъ глазъ впродол-женіи всего вечера». Среди этой «жизни искусствомъ» или этой искусственной жизни, наиболѣе популярнымъ и несомнѣнно преобладающимъ писателемъ былъ фантастикъ Гоффманъ. Тикъ не пользовался въ Берлинѣ особеннымъ сочувствіемъ; Ламоттъ-Фукѐ читался пре-имущественно въ аристократическихъ кружкахъ (особенная «ари-стократическая» литература — явленіе намъ также знакомое). Громаднымъ успѣхомъ пользовались романы Вальтеръ-Скотта. Надо всѣмъ господствовала музыка, «самое романтическое изъ всѣхъ искусствъ», какъ справедливо замѣчаетъ Штродтманнъ. Въ музыкальномъ мірѣ въ то время были двѣ партіи: спонтинисты и веберовцы. «Фрейшюцъ» Вебера недавно былъ поставленъ и положительно осилилъ все мышленіе добрыхъ берлинцевъ, такъ что Гейне, въ своихъ письмахъ изъ Берлина, съ комическимъ отчаяніемъ жалуется на вѣчно и вездѣ преслѣдующее его напѣ-ваніе мотивовъ изъ новой оперы. Особенно тираннически гос-подствовалъ Jungfern-kranz (свадебный хоръ). Спонтини былъ, какъ то въ природѣ вещей, любимецъ двора и аристократін, Веберъ имѣлъ сильнѣйшую партію въ народѣ; само собою ра-зумѣется, что въ дѣлѣ Вебера видѣли нѣчто какъ будто поли-тически-прогрессивное, такъ какъ Спонтини пользовался неспра-ведливымъ оффиціальнымъ предпочтеніемъ. Спонтини, пользуясь своимъ положеніемъ, не допустилъ ангажемента Вебера при во-ролевской оперѣ. ролевской оперѣ.

ролевской оперъ. Въ книгѣ Штродтманна дано слишкомъ много мѣста описа-нію берлинской жизни, берлинскихъ театровъ, баловъ, аристо-кратическихъ и артистическихъ кружковъ того времени. Для самихъ нѣмцевъ вообще картина эта, какъ бы представляющая время, которое миновалось, но главныя черты котораго памятны, — не представляетъ интереса; она можетъ интересовать развѣ спе-

не представляетъ интереса; она можетъ интересовать развѣ спе-ціально берлинцевъ. Мы пропустимъ нѣкоторыя подробности, относящіяся даже къ самому Гейне, потому что это завлекло бы насъ въ изложеніе разныхъ неинтересныхъ мѣстныхъ фактовъ. Гейне, записавшись въ берлинскій университетъ весною 1821 года, началъ жить въ прусской столицѣ уже не прежнею сту-денческою, а собственною и даже свѣтскою жизнью. Отъ сту-денческою, а собственною и даже свѣтскою жизнью. Отъ сту-денческихъ кружковъ онъ, наконецъ, совершенно удалился вслѣд-ствіе одной дуэли, которой не могъ избѣгнуть, не смотря на свое отвращеніе отъ ребяческихъ обрядностей буршества. Въ свѣтѣ онъ познакомился съ барономъ Фарнгагеномъ фонъ-Энзе, просвѣщеннымъ дипломатомъ, котораго жена, Рахиль Левинъ, была другомъ Гёте и имѣла въ Берлинѣ «салонъ» въ томъ смы-

слѣ, какой имѣло это слово нѣкогда въ Парижѣ. Вокругъ нея собирались и съ нею переписывались и корифеи романтической школы: Фридрихъ Шлегель, Лудвигъ Тикъ, Ламоттъ-Фуке и др.

Салонъ Рахили Левинъ сдѣлался для Гейне какъ бы вторымъ домомъ, болѣе привлекательнымъ чѣмъ его одинокая квартира уже потому, что у Рахили онъ встрѣтилъ сочувствіе къ своему любовному горю: Рахиль умѣла касаться нѣжною рукою этой раны и успокоивать раздраженный, озлобленный умъ поэта. Гейне казалось, что она одна умѣетъ понимать его. Въ одномъ письмѣ къ Фарнгагену, онъ говоритъ объ этомъ: «Когда я читалъ ея письмо, мнѣ казалось, какъ будто я во снѣ сталъ передъ зеркаломъ и разговаривалъ самъ съ собою, при чемъ нѣсколько хвастался.... Г-жѣ Фарнгагенъ мнѣ нечего писать: она знаетъ все то, что̀ я могъ бы сказать ей, знаетъ, что̀ я чувствую, знаетъ даже то, что̀ я думаю и чего не думаю».... Онъ любилъ находить сходство междў своими взглядами, вкусами, даже почеркомъ и тѣмъ же у Рахили, Левинъ.

Ей онъ посвятилъ свой сборникъ пѣсенъ: «Heimkehr», и писалъ въ то время Фарнгагену, что посвященіемъ этимъ онъ хотѣлъ выразить, что онъ принадлежитъ ей: «пусть на моемъ ошейникѣ стоитъ: j'appartiens à Madame Varnhagen». Онъ сохранилъ глубокую благодарность къ ней за тотъ дружескій привѣтъ и ту умно-нѣжную заботливость, которыя считалъ благодѣяніемъ для себя. И дѣйствительно, такой человѣкъ, какъ Гейне, долженъ былъ высоко цѣнить благодѣяніе, имъ принятое, потому именно, что не многія благодѣянія онъ могъ принять; чтобы благотворно подѣйствовать на эту больную душу и на этотъ умъ, не терпѣвшій никакого условнаго ограниченія, ненавидѣвшій самое покушеніе на себя, надо было стоять на его высотѣ, или, по крайней мѣрѣ, имѣть тотъ тонкій тактъ, тотъ, если можно такъ выразиться—умъ сердца, которымъ отличался самъ Гейне.

Онъ не забылъ своихъ берлинскихъ друзей и тогда, когда жилъ далеко отъ нихъ, въ Парижъ, и находился на вершинъ славы: «Сознаніе вашего и вашей жены участія во мнъ—писалъ онъ въ то время Фарнгагену—нужно мнъ и теперь столько же, какъ при началъ моей карьеры, потому что теперь я также одинокъ въ свътъ какъ и тогда. Только враговъ у меня теперь больше, что хотя и есть всегда утъшеніе, но недостаточное».

Рахиль и ен мужъ были страстные почитатели Гёте. Извѣстно, что Гёте пользовался въ Германіи, при жизни, настоящимъ культомъ. Жрецами этого культа были ближайшіе друзья и ученики Гёте. Рахиль завербовала и Гейне въ сонмъ почитателей его, отчасти на томъ основаніи, что замѣчала сходство между нѣкоторыми сторонами поэтическаго характера обоихъ. Повидимому, что можетъ представлять менѣе сходства, какъ сопоставленіе неудержимаго, пылкаго, всегда и со всѣмъ воюющаго Гейне со спокойно величавымъ, ученымъ и поэтомъ, поэтомъ и министромъ — Гёте? Одинъ доходилъ до крайности есегда, другой никогда. У одного диссонансъ былъ преобладающимъ тономъ, у другого величіе заключалось въ полной гармоніи. Но мы должны однакоже признать среди этого, повидимому, рѣзкаго несходства нѣкоторыя родственныя черты, очень важныя потому именно, что онѣ относятся къ направленію.

именно, что онѣ относятся къ направленію. И во-первыхъ, — Гейне былъ «языческій поэтъ», какъ и Гёте. Онъ ставилъ свое вдохновеніе и чувства, возбуждаемыя въ немъ внѣшнею природою и собственною жизнью, выше всякихъ духовныхъ традицій и воззрѣній. А когда Гейне, не терпя рабства, питая отвращеніе къ «школамъ», сталъ искать освѣженія отъ романтической субъективности и туманности въ реальной поэзіи природы, и отъ эксцентричности — въ классическихъ образцахъ (на него находили и такія минуты), наконецъ, въ то время, когда онъ въ душѣ былъ пантеистомъ, — то всѣмъ этимъ онъ приближался въ Гёте. Сверхъ того, его роднила mit dem grossen Heiden, та законченностъ и выработанность формы, которою они отличались оба. У Гёте эта законченность была внѣшнимъ проявленіемъ той гармоніи, духомъ которой проникнуто его творчество; у Гейне совершенство формы составляло бле́стящій контрастъ необузданности фантазіи и увеличивало эффектъ противорѣчіемъ красоты отрицанію, насмѣшки — любовному увлеченію.

они отличались оба. У Гёте эта законченность была внѣшнимъ проявленіемъ той гармоніи, духомъ которой проникнуто его творчество; у Гейне совершенство формы составляло оле́стящій контрастъ необузданности фантазіи и увеличивало эффектъ противорѣчіемъ красоты отрицанію, насмѣшки — любовному увлеченію. Нѣтъ сомнѣнія, что внѣ этихъ родственныхъ чертъ, трудно найти болѣе различные типы, чѣмъ Гёте и Гейне, и по пріемамъ, и по намѣренію творчества, не говоря уже о жизни. Гёте никогда не сходилъ съ Олимпа, не вмѣшивался въ великую, но уличную борьбу. Гейне посвятилъ себя именно ей. Но на него какъ то едва-ли не будетъ со всякимъ сильнымъ талантомъ, сколько бы онъ ни былъ преданъ служенію человѣчеству — даже и тогда, когда онъ отрицалъ романтическую распущенность и безцѣльность, приходили минуты, въ которыя онъ отворачивался отъ всякаго утилитаризма, не хотѣлъ знать ни человѣчества, ни его цѣлей, почти ненавидѣлъ ихъ, готовъ былъ считать ихъ низкими, и снова весь погружался въ самого себя, увлекался только лепетомъ своей собственной мечты, плакалъ только надъ своими личными страданіями....

Свою постоянную, серьёзную цёль Гейне такъ характеризовалъ въ письмё къ Иммерману, заключая съ нимъ союзъ для взаимнаго содёйствія въ работь: «Бой съ стародавнею неправ-

дою, съ господствующею глупостью и со зломъ! Хотите имъть меня товарищемъ въ этой священной борьбъ, — я съ радостію подаю вамъ руку. Въдъ сама поэзія, ез сущности — только препрасное, но побочное дъло». Мы не можемъ не возвращаться такъ часто въ этому серьёзному направленію Гейне, въ сознательности его въ борьбъ со зломъ, потому именно, что особенно теперь въ Германіи обнаруживается стремленіе отрицать у Гейне серьёзность, считать его только ученикомъ романтизма и эгонстическимъ пъвцомъ собственныхъ чувствъ, приписывать даже безспорно-практическія его нападенія на «темныя силы» однимъ капризамъ раздраженнаго характера.

Но иногда, повторяемъ, геній Гейне, даже въ позднѣйшемъ періодѣ своего развитія, положительно отрѣшался отъ призванія къ борьбѣ и удалялся въ безусловныя, фантастическія сферы или сосредоточивался надъ собственной его личностью, или погружался въ бесѣду съ природою. Вотъ въ эти минуты, онъ приближался къ характеру Гёте, котораго, въ обыкновенномъ серьёзномъ своемъ настроеніи, онъ осуждалъ именно за равнодушіе къ судьбамъ человѣчества и безучастность къ борьбѣ.

Это осужденіе онъ, не стёсняясь, развиль еще въ Берлинѣ, въ салонѣ Фарнгагеновъ, то-есть въ самомъ храмѣ гётевскаго культа, тамъ, гдѣ господствовало слѣпое обожаніе съ земными поклонами славному лирику, тамъ, гдѣ тайный совѣтникъ Шульцъ декламировалъ, въ годовщину дня рожденія божества, стихи, въ которыхъ выражалъ сожалѣніе, что ему не посчастливилось быть той рыбой, которую подаютъ зажаренную на столъ Гёте.

Но почитателемъ Гёте молодой Гейне все-тави быль; только не безусловнымъ. Гёте, съ своей стороны, не былъ расположенъ въ молодому поэту. И это понятно. То, что въ Гёте было несходнаго съ Гейне, аристократичность его искусства, его пренебреженіе въ современности-могло только отталкивать Гейне; но то, что въ Гейне было несходнаго съ Гёте, имѣло такой характерь, который додженъ былъ возмущать Гёте. Сверхъ того, себялюбивому старцу, окруженному густыми облаками онміама, могла казаться какъ бы дерзкою и самая оригинальность, какую смѣлъ имѣть Гейне. Однажды, когда Гсте неблагосклонно отозвался о Гейне, Фарнгагенъ поспѣшилъ писать молодому поэту, чтобы предупредить какое-либо враждебное заявление съ его стороны, какую-нибудь выходку, которая бы глубоко оскорбила его берлинскихъ друзей. «Что это вамъ пришло въ мысль»!--отвѣчалъ Гейне. «Чтобы я, я-сталъ писать противъ Гёте! Еслибы звѣзды небесныя стали мнѣ врагами, развѣ я могъ бы за это объявить ихъ болотными огоньками? Въдь ничто мнъ не про-

тивно до такой степени, какъ именно проявляющіеся нынё, противоположные гётевскому образу мыслей нёмецкая національная узкость и жалкій піэтизмъ. Воть почему, я все-таки остаюсь при великомъ язычникё, quand méme, а если и принадлежу къ недовольнымъ, то никогда не перейду къ мятежникамъ». Разъ, въ 1823 году, Гейне, по просьбё Фарнгагена, написалъ даже большую статью для сборника, который печатался въ честь Гёте, ко дню его рожденія, и въ этой статьё именно развилъ тоть контрастъ между его міросозерцаніемъ и піэтизмомъ, воцарившимся въ Пруссіи, о которомъ сейчасъ упомянуто. Но статья эта въ сборникъ не вошла подъ тёмъ предлогомъ, будто она была доставлена слишкомъ поздно; а въ самомъ дѣлё просто потому, что обожатели Гёте сочли нескромнымъ втягивать даже его имя «въ современныя дрязги», то-есть въ серьёзное дѣло борьбы съ тупоуміемъ и нетерпимостью. Самъ Гейне хорошо понялъ это, и насмѣшливо писалъ объ этомъ фактѣ къ одному изъ своихъ друзей, Мозеру: «Право, мои сочиненія всегда выходятъ плохи, какъ только я вложу въ нихъ разумную мысль».

друзся, можеру. Справо, жой сочинский всегда выходить наожи, какъ только я вложу въ нихъ разумную мысль». Другой берлинскій литературный салонъ, въ которомъ бывалъ Гейне, былъ въ домё женщины-поэта, Элизы фонъ-Гогенгаузенъ. Рахиль Левинъ предсёдательствовала и здёсь; здёсь сходились поэтъ Шамиссо, юристъ Гансъ, самъ Фарнгагенъ и разные великосвётскіе литераторы. Украшеніемъ этого салона была невёстка Рахили, Фридерика Робертъ, «красивѣйшая изъ женщинъ». Здёсь Гейне читалъ свои несчастныя трагедіи: «Ратклиффа» и «Альманзора» и «Лирическое интермеццо», съ которымъ онъ впослёдствіи напечаталъ ихъ. Сама хозяйка признавала въ Гейне замѣчательнаго поэта—чинъ этоть еще оспаривалси у него въ то время—и находила въ его поэзіи сходство съ байроновскою. Гейне за это и къ ней сохранилъ глубокую благодарность.

Вотъ портретъ Гейне, какимъ онъ былъ въ то время, при началѣ своей извѣстности, начертанный дочерью г-жи Гогенгаузенъ: «Гейне былъ небольшого роста, тщедушный, безбородый, блѣдный блондинъ, безъ всякой особенно выдающейся черты въ лицѣ, но съ такой оригинальной физіономіею, что обращалъ на себя тотчасъ вниманіе и не легко могъ быть забытъ. Внѣшній характеръ его въ то время былъ еще мягкій, жало сарказма еще не выработалось, то жало, которое впослѣдствіи было какъ бы шипомъ на розѣ его поэзіи; онъ былъ скорѣе самъ впечатлителенъ къ насмѣшкѣ, чѣмъ расположенъ насмѣхаться надъ другими».

Вотъ какъ дополняетъ это изображение одинъ изъ родствен-

никовъ Гейне, Германъ Шиффъ, посъщавшій въ то время вмъстъ съ нимъ лекціи въ берлинскомъ университетъ (Шиффъ написалъ, по просьбъ Штродтманна, свои воспоминанія о Гейне, часть которыхъ еще не издана и находится въ рукахъ Штродтманна): «Фигура Гейне не имъла ничего внушительнаго; онъ былъ блъденъ и слабъ, и взглядъ его былъ усталый. Онъ часто жмурился, какъ дѣлаютъ близорукіе; когда онъ это дѣлалъ, то между глазами и высокими скулами у него образовывались тѣ морщинки, которыя указывали на польско-еврейское происхожденіе. Во всемъ остальномъ еврей не былъ въ немъ замѣтенъ. Волосы его были «скромнаго» цвѣта, и носилъ онъ ихъ гладко-причесанными. Онъ нюбилъ показывать свои бѣлыя руки. Держался онъ съ тихою важностью, какъ будто скрывалъ свое достоинство передъ другими подъ инкогнито. Рѣдко онъ обнаруживалъ живость. Въ дамскомъ обществѣ я никогда не слышалъ, чтобъ онъ говорилъ компименты. Говорилъ онъ тихо, монотонно и медленно, какъ бы желая придать значеніе каждому слову. Когда ему случалось бросить острое или блестящее слово, то губы его слагались въ неописанную, какую-то четыреугольную улыбку». Кромѣ салоновъ, Гейне въ Берлинѣ являлся и въ тѣхъ ар-

Кромѣ салоновъ, Гейне въ Берлинѣ являлся и въ тѣхъ артистическихъ кружкахъ, которые собирались въ кофейняхъ. Здѣсь процвѣтала буйная «геніальность», среди оргій и грубости нравовъ. Представителями этого, много о себѣ мнящаго, но тѣмъ не менѣе обращающагося къ вину за подкрѣпительнымъ вдохновеніемъ, цыганства были въ Берлинѣ того времени драматургъ Граббе и внаменитый актеръ Лудвигъ Девріентъ. Въ этомъ кружкѣ вращался также, болѣе чѣмъ то было для него здорово, талантливый фантастъ Гоффманъ. Граббе однажды оскорбилъ Гейне одною изъ непростительныхъ выходокъ своей грубой натуры и до конца своей жизни не могъ утѣшиться, что Гейне презрѣлъ оскорбленіе со стороны такого человѣка. «Ему слѣдовало умертвить меня!» — увѣрялъ онъ.

вить меня!» — увёряль онь. Въ жизнь этого кружка Гейне быль увлечень временно очень важнымъ для него лично обстоятельствомъ. Весною 1821 года онъ узналъ, что любимая имъ дёвушка вышла замужъ. Она вышла замужъ за человёка богатаго, но Гейне думалъ, что она сдёлала это только по настоянію своихъ родственниковъ, враждебныхъ поэту. Изливая свое горе то въ глубоко - меланхолическихъ, то въ пропитанныхъ эпиграммою стихахъ, Гейне любилъ представлять себѣ свое несчастіе плодомъ недоразумѣнія и разлуку свою съ возлюбленною — дѣломъ «злыхъ людей». «Много они тебѣ насказали, много нажаловались на меня; но того, что мучило мою душу—они не сказали. Они съ важностью и сѣ со-

болёзнованіемъ повачивали надо мною головами, они называли меня злымъ и ты всему повёрила»...

>«И тамъ сидѣли мы безмолвны и унылы, Смотрѣли другъ на друга, и грустите Все становилось намъ... Высовій дубъ шумѣлъ, Въ немъ слышался какъ будто вздохъ предсмертный... Съ глубокой грустию пель съ ветки соловей... Но красный огонекъ вдругъ пробъжалъ межъ листьевъ И освѣтилъ Марін блѣдный образъ, Изъ глазъ тупыхъ онъ вызвалъ декій пламень, И, прежнимъ, сладкимъ голосомъ, она Сказала мив: «Какъ ты узналъ, что я Страдаю такъ? Недавно это Въ твоихъ я дикихъ пъсняхъ прочитала»... Грудь холодъ ледяной сдавилъ мнѣ... Ужаснулся Я своего безумья, что прозрѣло Въ грядущее, - и содрогнулся мозгъ, И въ ужасѣ, я пробудился 1).

Онъ любилъ ласкать себя иллюзіями, думать, что и она не можеть быть счастлива безъ него. Между тёмъ, ничто не подаеть повода предполагать это. Приведенные стихи заимствованы изъ пьесы «Сонъ Ратклиффа», написанной въ 1823 году. Штродтманнъ, въ прибавленіяхъ къ своей книгь, помъстилъ пошлъйшую пародію на эту пьесу, пародію, въ которой нѣтъ ни капли остроумія и которой авторъ (баронъ Шиллингъ) съ мѣшковатостью и наивностью, свойственными только инымъ изъ его единоплеменниковъ, оспаривалъ самую дъйствительность горя Гейне, утверждая, что «горе, однажды разсказанное, уже не чувствуется». Филистеры, которыхъ много въ образованныхъ сословіяхъ всёхъ странъ, вообще нерѣдко относились съ недовѣріемъ въ страданіямъ поэта. Теперь, когда напечатана переписка Гейне съ друзьями и воспоминанія о немъ разныхъ лицъ, когда критикъ предлежить такая масса біографическаго матеріала о немъ, что можно слёдить въ его творчестве шагъ за шагомъ за его жизнью, -- обнаруживается документальнымъ образомъ фактъ, что у Гейне нъть ни одной строчки, которая бы не была прочувствована, не истекала бы изъ его жизни, не была бы рефлексомъ столкновенія его чувства или его мысли, съ реальнымъ фактомъ или действительно пережитой имъ мыслью. Когда онъ, напримёръ, жалуется, что его вёчно мучили и тё вто ненавидёль, и тё вто любиль его, то филистерь можеть усомниться въ истинности послёдняго: съ какой-де стати привязанность

¹) Переводъ П. И. Вейнберга.

могла быть мучительною! Но стоить только познакомиться съ отношеніями Генриха Гейне въ попечительному его дядѣ, банкиру Соломону Гейне, который давалъ ему деньги на ученье, но выговоровъ и правоученій давалъ еще больше чѣмъ денегъ, чтобы понять реальное значеніе и этой фразы. Точно такъ и всѣ скачки и противорѣчія, встрѣчающіеся въ поэзіи Гейне, вошли туда прямо изъ его жизни.

туда прямо изъ его жизни. Оть печали, усиленной тёмъ извёстіемъ, о воторомъ мы упоманули, Гейне искалъ разсѣянія въ дикомъ и распущенномъ обществѣ нѣкоторыхъ литераторовъ. Но онъ не нашелъ тамъ ни утѣшенія, ни даже разсѣянія и скоро бросилъ это общество. Нѣкоторое утѣшеніе доставила ему поэзія, а разсѣяніе, вѣрнѣе чѣмъ кутежъ, доставила ему работа. Онъ сталъ усерднѣе заниматься университетскими курсами и даже юриспруденціею, къ которой далеко не былъ расположенъ. Въ это время приватъдоцентъ Эдуардъ Гансъ привлекъ его къ ней своими попытками философской обработки законовѣдѣнія на началахъ гегелевой снстемы. Берлинскій университетъ былъ основанъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, послѣ тильзитскаго мира, по проекту Вильгельма Гумбольдта, чтобы вознаградить потерю для прусскаго государства университета въ Галле, такъ какъ этотъ городъ остался въ рукахъ французовъ. Берлинскому университету дано было практическое направленіе въ томъ смыслѣ, что учредитель предназначилъ его именно для возбужденія въ юношествѣ патріотическихъ стремленій и для преобразованія самого государства наукою. Фихте и Шлейермахеръ своими пламенными рѣчами исполняли мысль короля.

государства наукою. Фихте и Шленермахеръ своими пламенными рвчами исполняли мысль вороля. Такое серьёзное, практическое назначеніе берлинскаго университета съ самаго начала дало его студенчеству нравы и обычаи болве солидные, чвмъ тв, которыми славились ворпораціи другихъ университетовъ Германіи. Фихте и Шлейермахеръ лично употребляли всв усилія, чтобы искоренить корпораціи и преобразовать духъ студенчества. Это направленіе осталось въ берлинскомъ университетв и въ позднвищее время, и духъ студенческой исключительности, студенческаго молодечества исчезъ именно въ берлинскомъ университетв ранве, чвмъ гдв-либо. Въ началв двадцатыхъ годовъ, этотъ университетъ соединялъ въ себв много преподавательскихъ силъ, и силы эти, въ противоположность тогдашнему вырожденію Геттингена, направлялись преимущественки ъ сближенію науки съ жизнью, и въ изгнанію изъ самой науно безплоднаго «разсвканія волоса на двое». Филологъ Фридрихъ-Августъ Вольфъ, историкъ Нибуръ, юристъ и историкъ Савинь, и пристъ Карлъ Эйхгорнъ, медицинскіе профессора Гуфеландъи Грефе-вотъ имена первостепенныхъ, европейскихъ ученыхъ, ко-торые, вмѣстѣ съ Фихте и Шлейермахеромъ, украшали берлин-

торые, вмѣстѣ съ Фихте и Шлейермахеромъ, украшали берлин-скій университетъ въ первый періодъ его существованія. Въ то время, какъ его посѣщалъ Генрихъ Гейне, въ этомъ университетѣ царствовалъ Гегель, наслѣдовавшій каоедру Фихте. Гейне подвергся вліянію Гегеля, но не сдѣлался его рабомъ, какъ не сдѣлался рабомъ и другихъ дѣйствовавшихъ на него, по-очередно, вліяній. Онъ, можно сказать, «прошелъ» черезъ школу Гегеля, точно такъ, какъ прежде чрезъ школу Шлегеля и чрезъ школу Гёте. Всѣ эти направленія въ ихъ исключительности и притязательности на безусловную, конечную истинность, онъ могъ впослѣдствіи отрицать; но онъ и отрицалъ ихъ именно только какъ системы, стѣснявшія его свободу, а не какъ элементы сво-его развитія. Онъ смѣялся надъ профессоромъ, который своимъ колпакомъ и халатомъ хочетъ заткнуть «пробѣлы мірозданія», но всегда признавалъ вліяніе пройденныхъ имъ школъ на его развитіе. развитіе.

но всегда признаваль влинге проиденныхь имъ школь на сто развитіе. Что вліяніе Гегеля не подчинило его себѣ окончательно, а между тѣмъ, заставило сдѣлать его мышленіе шагъ впередъ, — въ томъ и другомъ насъ убѣждаютъ признанія самого поэта. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ въ Мозеру онъ говоритъ: «Я вообще никогда не ощущалъ особеннаго восторга къ этой фи-лософіи, а объ убѣжденіи по отношенію къ ней не могло быть и рѣчи. Я никогда не былъ отвлеченнымъ мыслителемъ и при-нялъ синтезисъ гегелева ученія безъ разбора потому, что выводы его льстили моему тщеславію. Я былъ молодъ и гордъ, и моему высокомѣрію льстило то, что я услышалъ отъ Гегеля, именно, что Богъ не живетъ на небесахъ, какъ думала моя бабушка, а что я самъ—Богъ, здѣсь, на землѣ. Эта безумная гордость не про-извела никакого вреднаго дѣйствія на мои чувства, напротивъ, возвысила ихъ до геройства; и я въ то время дѣлалъ такой расходъ великодушія и самоножертвованія, что навѣрное затем-нялъ самые блестящіе подвиги тѣхъ добродушныхъ простачковъ добродѣтели, которые дѣйствуютъ только по побужденію чувства долга и на основаніи закона морали. Вѣдь самъ я былъ жи-вымъ правственнымъ закономъ, источникомъ всякаго права и всякой обязанности. Я былъ весь—любовь и совсѣмъ свободенъ отъ ненависти». отъ ненависти».

Теперь послушаемъ, что разсказываетъ Фердинандъ Лассалль (въ газетв «Der Gedanke», которую издавалъ берлинский Мишеле), со словъ самого Гейне о вліяніи, произведенномъ на него Геге-лемъ (Гейне разсказывалъ этотъ анекдотъ Лассаллю въ 1846 г.): «Гейне признавалъ, что онъ не много понималъ изъ гегелевской

Философіи; однако онъ всегда былъ убѣжденъ, что это ученіе было кульминаціонною точкою современнаго знанія, и вотъ какъ въ нему привилось это впечатлѣніе. Однажды, онъ поздно вечеромъ пришелъ въ Гегелю, котораго посѣщалъ часто, будучи студентомъ въ Берлинѣ. Гегель былъ еще занятъ, и Гейне подошелъ къ окну, и долго смотрѣлъ на звѣздную ночь. Имъ овладѣло романтическое настроеніе, какъ то часто бывало съ нимъ въ молодости, и онъ сталъ, сперва про себя, а потомъ — невольно — вслухъ фантазировать о звѣздномъ небѣ, о безконечной любви и силѣ, отразившейся въ немъ и т. д. Онъ совсѣмъ забылъ, гдѣ онъ. Вдругъ онъ почувствоваль, что кто-то положилъ ему руку на плечо и сказалъ: «все это не сами звѣзды, а что человѣкъ влагаетъ въ нихъ, вотъ то тамъ и есть!» Онъ обернулся и увидѣлъ передъ собою Гегеля. Съ этой минуты, онъ узналъ, что въ этомъ человѣкѣ, какъ ни было непроницаемо его ученіе, бьется пульсъ времени. Никогда онъ не забылъ впечатлѣнія, произведеннаго на него этою сценою, и всякій разъ, какъ думалъ о Гегелѣ, вспоминалъ о ней».

думаль о Гегель, вспоминаль о ней». Самь Гейне въ своихъ «Признаніяхъ» дополняеть этоть факть, но разсказываеть его нёсколько иначе: «Я только-что хорошо покушаль и напился кофе, и воть съ мечтательностью сталь говорить о звёздахъ, называя ихъ жилищемъ блаженныхъ. Учитель же бормоталъ себё подъ носъ: гм-гм! звёзды, это—свётлая сыпь на небё. Боже мой, воскликнулъ я....? Онъ же, посмотрёвъ на меня пристально своими блёдными глазами, сказалъ рёзко: «Такъ вамъ еще хочется на водку за то, что вы ходили за матерью, когда она была больна, или за то, что не отравили брата»? Сказавъ это, онъ быстро повернулся и съ боязнью посмотрёлъ вокругь, но тотчасъ успокоился, увидавъ, что вошедшій былъ только глупый Генрихъ Бэръ, который сталъ звать его на висть.»

на висть.» Гейне, какъ уже сказано выше, не любилъ ребяческихъ игръ студенчества; онъ совсёмъ удалился отъ студенческихъ кружковъ, послё того какъ, въ 1822 году, былъ принужденъ къ дуэли. На фехтованіе и дуэлированіе онъ смотрёлъ съ презрёніемъ, и разъ сказалъ съ ироніею своему родственнику, жившему вмёстё съ нимъ, Шиффу: «вёдь ты такой же трусъ какъ я; и драться-то ты выучился изъ трусости». Случай его берлинской дуэли разсказанъ Штродтманну Шиффомъ, со словъ живущаго еще, въ Гамбургѣ, доктора Шмидта. Гейне разъ пришелъ къ Шмидту и, встрѣтивъ двоюроднаго брата его, Шиллера, который только-что поступилъ въ университетъ, спросилъ его, по общепринятому обычаю: «фуксъ, что твой брать — дома?» Шиллера

разсердило это выраженіе, и онъ отвѣчалъ условною дерзостью, которая служила вызовомъ. Шмидтъ, воротясь домой, пробовалъ устроить дѣло, но Шиллеръ не хотѣлъ извиниться. «Я — Шиллеръ, а не фуксъ, — твердилъ онъ, — и Берлинъ— не Гёттингенъ. Да впрочемъ, я хотѣлъ бы поучиться, какъ стоять на мензурѣ, и Гейне не будетъ мнѣ слишкомъ опасенъ».

Когда противники скрестили эспадроны, то оказалось, что ни одинъ изъ нихъ не умъетъ дъйствовать оружіемъ. Они держали эспадроны какъ шпаги, и выпадали почти спиною другъ къ другу, такъ, что опасности подвергались не они, а секунданты. Наконецъ, Гейне наскочилъ правымъ бедромъ на конецъ эспадрона своего противника, и съ крикомъ Stich! упалъ. Рана была не опасна, но Гейне потерялъ много крови. Черезъ недълю онъ вылечился и совсёмъ устранился отъ студенческаго общества.

IV.

Обратимся теперь къ произведеніямъ Гейне, въ первомъ періодѣ его развитія. Еще будучи въ Боннѣ, онъ предложилъ лейпцигскому издателю Бровгаузу рукопись своихъ первыхъ стихотвореній, но получилъ ее обратно, съ обычнымъ извиненіемъ, что у издателя «въ настоящую минуту слишкомъ много матеріала». Фарнгагенъ познакомилъ поэта съ профессоромъ Губицомъ, который издавалъ вліятельную литературную газету «der Gesellschafter». Въ этой-то газетѣ Гейне и выступилъ, въ 1821 году, съ небольшими стихотвореніями, къ числу которыхъ принадлежатъ сонеты Шлегелю, «Миннезингеры», «Баллада Мавра», «Грозная ночь» и др.

Эти стихотворенія своєю новизною и силою произвели тотчась вначительное впечатлёніе, и издатель Мауреръ согласился напечатать стихотворенія молодого автора, предоставивь ему въ гонорарій только сорокъ экземпляровъ книжки. «Моментъ, въ который г. Гейне выступилъ въ литературъ – говоритъ Штродтманнъ – былъ вообще благопріятенъ для дебюта новаго значительнаго поэтическаго дарованія. Великій классическій періодъ веймарской школы вакрылся; школа романтическая, не смотря на свои оппозиціонныя замашки и самыя разностороннія стремленія и попытки, не дала ни одного художественнаго произведенія прочной цѣнности. Но она пробудила прочнымъ образомъ въ современникахъ интересъ къ искусству и поэзіи, и разочарованные умы народа, постів неудачи политическихъ надеждъ, съ ропотомъ устремились снова въ область философіи и литературы. Сверхъ того, въ Бер-

иней, въ описанныхъ вружкахъ, зорко слёдили за всякимъ новымъ, сколько-нибудь объщавшимъ моментомъ философскаго и литературнаго движенія. Итакъ, можно было ожидать съ нёкоторою достовёрностью, что столь оригинальное, такъ рёшительно выходящее изъ обычной колеи творчество, какое обнаружилось уже въ первомъ собраніи пёсенъ Гейне, не могло пройти тамъ незамёченнымъ». Фарнгагенъ и Иммерманнъ написали критическіе отзывы объ этой попыткё, въ которыхъ довольно вёрно (особенно Иммерманнъ) объяснили особенное ихъ значеніе. Но уже съ этого перваго дебюта филистеры возстали именно противъ самаго цённаго, что было въ этихъ произведеніяхъ — противъ ихъ оригинальности.

Въ Берлинъ, Гейне окончилъ въ 1821 г. трагедію «Альманзоръ», начатую въ Гёттингенъ, а въ 1822 году написалъ другую трагедію: «Вилліямъ Ратклиффъ». Эту послъднюю онъ написалъ въ три дня, безъ черновой, и въ добавленіе къ ней написалъ «Сонъ Ратклиффа», изъ котораго мы привели нъсколько стиховъ. Къ 1822 году принадлежитъ и большая часть стихотвореній, помъщенныхъ въ «Лирическомъ интермеццо». Кромъ этихъ работъ, литературная дъятельность Гейне за это время проявлялась еще въ критическихъ статьяхъ для журналовъ и въ «Письмахъ изъ Берлина», которыя онъ писалъ для «Рейнсковестфальскаго Указателя».

Эти письма изъ Берлина, нёкоторыя мёста которыхъ авторъ вставилъ потомъ въ свои Reisebilder, представляютъ много свёжести, даже наивности (интересно, напр., что Гейне съ любовью говоритъ о принцахъ прусской королевской фамиліи и добродушно описываетъ свадъбу одной изъ принцессъ), но и въ нихъ уже преобладаетъ сатирическое, и именно осмысленное сатирическое направленіе. Онъ боролся противъ піэтизма, противъ той тевтономаніи, которая дёло національной независимости, уже окончательно обезпеченное, преднамъренно смъшивала съ дёломъ свободы или, лучше сказать, подставляла одно вмъсто другого, занимаясь тою подтасовкою вещей и названій, которою многіе занимаются понынѣ съ такимъ успѣхомъ, смѣялся надъ ненавистью къ французамъ, и не стѣсняясь вставлялъ въ свои картины описанія живыхъ лицъ, съ полными именами. «Напрасно писалъ онъ— нѣкоторые людишки полагаютъ, что я и всю картину нарисовалъ только для того, чтобъ вставить туда ихъ портреты; я вставляю людей, только для оживленія ландшафта, но вёдь въ ландшафтѣ можно обойтись и безъ фигуръ, какъ супъ можно кушать и безъ соли. Что касается до полныхъ именъ, то а держусь мнѣнія Боало, и не вижу надобности въ иносказаніяхъ.

Пусть газетные публицисты не называють Пруссіи по имени, а говорять «одна сѣверо-германская великая держава». Я нахожу это смѣшнымъ; точно въ маскарадѣ сняли маски и считаются все-таки замаскированными».

Въ одномъ изъ этихъ писемъ Гейне, по поводу бывшаго уголовнаго процесса, проповѣдуетъ гласность судопроизводства, судъ присяжныхъ и Наполеоновъ кодексъ, существовавшіе въ его отечествѣ, на Рейнѣ, со времени французскаго господства. «Здѣсь — говорить онъ — неблагосклонно смотрять на это достояніе прирейнцевъ и охотно взялись бы освободить ихъ отъ этихъ «оковъ французской тиранніи» — какъ нѣкогда называлъ французскіе законы Юсть Грунерь, вѣчная ему память. Но дай Богъ, чтобы любезная прирейнская земля еще долго носила эти оковы, и чтобы на нее возложены были и другія подобныя цёпи! Пусть еще долго на Рейнѣ процвѣтаетъ та истинная любовь къ свободѣ, которая основана не на ненависти къ французамъ и національномъ эгоизмё, и та истинная сила и юношескій жаръ, которые не заимствованы изъ бутылки съ водкою, и та истинная вёра Христова, которая не имбеть ничего общаго съ изступленіемъ, обличающимъ ереси, и со сладенькимъ прозелитизмомъ».

_ Тевтономанія, самообожаніе нѣмцевъ, происшедшее изъ войны за независимость, доставляло автору берлинскихъ писемъ обильные матеріалы для эпиграммъ, и онъ давалъ здёсь волю всёмъ своимъ насмѣшливымъ причудамъ, хотя очень хорошо зналъ, что затрогиваетъ «патріотическое чувство» массы, которая никогда не можетъ возвыситься надъ мелочами и которой мелочи, по большей части, дороже, чёмъ самая сущность дёла. Вотъ одна изъ оговорокъ, къ которымъ онъ иногда чувствовалъ себя вынужденнымъ:--- «Я примѣчаю, любезнѣйшій, что вы смотрите на меня съ кислою миною, вы сердитесь на горькій насмѣшливый тонъ, съ которымъ я иногда говорю о вещахъ, дорогихъ другимъ людямъ, и въ самомъ дѣлѣ уважительныхъ. Но я не могу иначе. Душа моя слишкомъ горячо привязана въ свободъ истинной, и я не могу освободиться отъ негодованія, когда посмотрю на нашихъ велеръчивыхъ героевъ, въ ихъ съренькомъ убожествѣ; въ душѣ моей слишкомъ сильно живеть любовь къ Германіи и почитаніе германскаго величія, такъ что мнѣ невозможно припъвать съ хоромъ тъхъ копъечныхъ людей, которые кокетничають съ германствомъ. И воть, порою шевелится во мне, даже какъ-то судорожно, охота смелою рукою сорвать святое сіяніе со старой лжи, и потянуть кожу съ самаго льва, потому именно, что въ немъ я подозрѣваю осла».

334

Въ изданіи «der Gesellschafter» Гейне помѣстилъ и свои путевыя впечатлѣнія изъ Польши, куда онъ ѣздилъ по приглашенію одного изъ своихъ пріятелей, польскаго помѣщика. Въ этихъ письмахъ Гейне, между прочимъ, высказывалъ мысль, что любовь поляковъ къ свободѣ имѣетъ исключительно дворян-

Въ этихъ письмахъ Гейне, между прочимъ, высказывалъ мысль, что любовь поляковъ къ свободѣ имѣетъ исключительно дворянскій характеръ (исключеніе онъ дѣлаетъ для Косцюшки), и что рабство крестьянъ польскіе помѣщики не думали уничтожать. Онъ проводитъ также параллель между исторіею Польши и исторіею Римско-германской имперіи, видя въ той и другой одно и тоже начало. Эти письма изъ Познани Гейне не включилъ въ изданныя при немъ собранія его сочиненій.

Стихотворенія Гейне, помѣщенныя въ «Gesellschafter» тотчасъ вызвали подражанія, даже настоящія контрафакціи, такъ что въ одномъ случаё онъ счелъ обязанностью протестовать. Трагедіи Гейне, съ «Лирическимъ интермеццо» вышли также въ Берлинѣ, въ 1823 году. Отдѣльныя сцены «Альманзора» были напечатаны еще въ 1821 году, въ «Gesellschafter». Гейне давалъ большую цѣну своимъ трагедіямъ, и это можно объяснить только тѣмъ, что онъ «вложилъ въ нихъ свою душу». Несчастная любовь въ обѣихъ доходитъ до трагизма, но трагизма истекающаго не изъ дѣйствія, а изъ чувствъ приписанныхъ лицамъ. Однимъ словомъ, трагедіи эти — лирическія, и самъ Гейне понялъ это впослѣдствіи и даже допускалъ, въ перепискѣ съ друзьями, что у него не было драматическаго таланта. Но онъ всегда сохранилъ убѣжденіе, что онѣ принадлежатъ къ лучшимъ его поэтическимъ произведеніямъ, а въ началѣ даже писалъ своему другу Штейнманну объ этихъ трагедіяхъ: «Я знаю, что на цихъ будутъ сильно нападать; но скажу тебѣ по секрету—онѣ очень хороши, лучше моихъ стихотвореній, которыя не стоютъ одного заряда пороху». Насчетъ «Ратклиффа» онъ такъ ошибался, что въ одномъ посвященіи написалъ строки:

> Ich und mein Name werden untergehen, Doch dieses Lied muss ewiglich bestehen.

Вотъ какъ онъ характеризовалъ вторую свою трагедію въ предисловін къ «Ратклиффу», писанномъ въ 1851 году: «Этой трагедіи или драматизированной балладъ (Штродтманнъ замѣчаетъ, что это второе названіе одно вѣрно) я недаромъ даю мѣсто въ собраніи моихъ стихотвореній, потому что она составляетъ важный документъ въ подлинномъ дѣлѣ о моей стихотворческой жизни. Она резюмируетъ въ себѣ мой поэтическій періодъ «порывовъ» (Sturm- und Drang-Periode), который слишкомъ пеполно высказывается въ «Junge Leiden», помѣщенныхъ въ «Книгѣ пѣсенъ». Молодой авторъ, который въ нихъ еще только лепечетъ, тяжелымъ, неловкимъ языкомъ, одни природные звуки – говоритъ въ «Ратклиффѣ» яснымъ, возмужалымъ языкомъ и высказываетъ открыто свое послёднее слово. Это – то слово, которое съ того времени обратилось въ лозунгъ, вызывающій пламенную краску на лицахъ несчастныхъ и известковую блёдность на красныхъ щекахъ сыновъ фортуны. На очагѣ честнаго Тома, въ «Ратклиффѣ» уже кипитъ великій вопросъ о похлебкѣ, вопросъ, въ который теперь суютъ ложки тысячи дурныхъ поваровъ, и который съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе перекипаеть.»

Чтобы пояснить этотъ намекъ, приведемъ одно мѣсто изъ «Ратвлиффа», въ которомъ герой говорить о разбойникѣ Робинѣ:

> «Не бойся; онъ въ аду горѣть не станеть, Небесный судъ - не то, что судъ британскій. Робинъ вѣдь мужа, а мужа здо беретъ При видѣ этихъ дюжинныхъ душоновъ, Чья жизнь - разврать, обжорство, пресыщеные, -Счастливцевъ, въ шолкъ и бархатъ разодѣтыхъ, Которые купаются въ шампанскомъ И, въ золотыхъ каретахъ развалившись, Надменный взоръ на бъдняка бросають, Бредущаго съ поникшей годовою Закладывать послёднюю рубаху! О сытые! Какъ вы благоразумны! Вы обнесли себя ствной закона Оть натиска голодныхъ бѣдняковъ. Смущавшихъ вашъ покой докучнымъ крикомъ, --И горе тёмъ, кто стену перелезетъ! Готово все: судья, палачъ и петля.... Да вотъ бъда: есть удальцы, которыхъ Вамъ застращать всёмъ этимъ не дается !» 1).

Но элементъ протеста въ этой трагедіи почти-что и ограничивается только приведеннымъ мёстомъ. Этотъ протестъ — нёчто вводное, и вся трагедія построена на несчастной любви и весь трагизмъ заключается именно въ этомъ чувствё.

«Альманзоръ», въ которому Гейне впослѣдствіи относился гораздо холоднѣе, чѣмъ въ «Ратклиффу», хотя тоже построенъ на несчастной любви, но въ первой изъ названныхъ трагедій несомнѣнно полнѣе выражена идея, примѣшанная въ любовнымъ страданіямъ. Дѣятели здѣсь — преслѣдуемые мавры, и вся трагедія имѣетъ видъ возраженія, представляемаго христіанской нетерпимости. Принявшій христіанство Али видитъ, какъ разру-

336

¹) Переводъ А. Н. Плещеева.

шается все то, въ чемъ было его земное счастье, и затёмъ бросаетъ слова, которыя мы приведемъ потому, что ими характеризуется то, что въ этой трагедіи принадлежитъ не къ чувству, а къ идев:

> Теперь, Христось, твое мнв нужно слово, И утвшенье въ скорби, и примвръ. Я не могу понать всесильной воли; Но тайное мнв чувство говоритъ: И лилія, и мирта истребятся Тамъ, гдв Господь въ победной колеснице Въ могуществе величія пройдетъ!» ').

«Альманзоръ» былъ представленъ одинъ разъ, на брауншвейгскомъ театрѣ. Поставилъ его директоръ Клингеманнъ, который впервые рѣшился поставить на сцену гётева «Фауста». Стараніе артистовъ и красота стиховъ поддерживали вниманіе публики, какъ вдругъ случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное: какой-то грубіянъ вошелъ въ театръ и, услыхавъ, чья пьеса, принялъ автора за одного еврея - мѣнялу, и громко крикнулъ: «Какъ, неужели слушать глупости этого безумнаго жида? Нѣтъ, мы этого не потерпимъ! Давайте-ка, отдѣлаемъ пьесу»! Толпа поддержала эту грубую выходку, и занавѣсъ опустили раньше конца. Критики подтвердили это рѣшеніе толпы, напавъ на «Альманзора» именно какъ на анти-христіанскую выходку жида - Гейне. Послѣ такой. судьбы, испытанной «Альманзоромъ», Гейне не рѣшался отдать на сцену «Ратклиффа», который такъ никогда и не былъ игранъ.

Имя «жида» преслѣдовало Гейне въ Германіи и составляло серьёзное препятствіе для его карьеры, какъ юриста. Чтобы получить мѣсто, слѣдовало креститься. Это сознаніе было очень непріятно поэту, хотя онъ далеко не былъ евреемъ по убѣжденію. Ему однажды даже пришла мысль переселиться во Францію, гдѣ его не стали бы ругать за происхожденіе, и сдѣлаться французскимъ публицистомъ, съ той цѣлью, чтобы проложить себѣ путь во французскую дипломатію, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять на себя роль посредника между германскою литературою и французами, роль, которую онъ отчасти исполнилъ впослѣдствіи, находясь въ изгнаніи.

Съ цёлью приготовиться въ осуществленію этого плана, а также, чтобы отдыхомъ освободиться отъ частой нервной головной боли, воторою онъ сильно страдалъ уже въ то время, Гейне въ 1823 году поёхалъ въ родителямъ, въ Люнебургъ. Отецъ его ликвидировалъ свои дёла въ Дюссельдорфё, и семейство жило

¹) Переводъ Ө. Б. Миллера. Томъ V. — Синтявръ, 1868.

почти въ бѣдности, доходомъ съ небольшого вырученнаго капитала. Въ семействѣ своемъ, Гейне не нашелъ сколько-нибудь сочувственной оцѣнки своихъ литературныхъ произведеній. Родители даже испугались-было его выступленія въ литературѣ. Въ то время вся Германія бредила славнымъ Гёте, и семейство Гейне было также подъ вліяніемъ гётеманіи. Отцу Генриха Гёте представлялся въ коммерческомъ свѣтѣ, какъ монополистъ, съ которымъ сыну его нельзя будетъ выдержать конкурренціи. Онъ за это даже возненавидѣлъ Гёте.

за это даже возненавидъть Гёте. Дядя-попечитель, банкиръ Соломонъ Гейне видълся въ это время съ племянникомъ на свадьбъ сестры Генриха, Шарлотты. Но Генриху не удалось переговорить съ нимъ окончательно о своихъ видахъ и о денежныхъ отношеніяхъ между ними. Желая устроить это дѣло прямымъ объясненіемъ съ дядею, парализовать враждебныя ему интриги родственниковъ, которые окружали Соломона, Гейне поѣхалъ въ Гамбургъ, но безуспѣшно, такъ какъ дядя въ это именно время уѣзжалъ оттуда. Весною 1824 года, Генрихъ возвратился въ Берлинъ. Но посѣщеніе Гамбурга не прошло для него безслѣдно: оно раскрыло рану его сердца и возродившееся съ новою силою горе вдохновило его пѣсни «Возвращенія» («die Heimkehr»). Эти воспоминанія такъ разстроили поэта, что онъ поѣхалъ лечиться въ Куксгавенъ на морскія купанья. Изъ сильной бури, которой онъ подвергся однажды отправившись на Гельголандъ, онъ вынесъ тѣ великолѣпные образы, которые даютъ такую величавость его «Сѣверному морю».

«Сѣверному морю». Среди этихъ сердечныхъ тревогъ и поэтическихъ грёзъ непривлекательнымъ диссонансомъ отзывались денежныя дѣла. Изъ Куксгавена онъ опять поѣхалъ въ Гамбургъ, вслѣдствіе разногласія съ дядею. Дядя выплачивалъ ему «на ученье», для пріобрѣтенія хлѣбнаго юридическаго промысла по сту талеровъ, каждую четверть года и въ 1822 далъ ему знать въ Берлинъ, что на эту поддержку онъ могъ разсчитывать еще два года. Издержавшись въ Куксгавенѣ, Гейне распорядился о полученіи ста талеровъ въ Берлинѣ, у банкира, чрезъ котораго дядя присылалъ ему деньги, двумя мѣсяцами ранѣе срока, а тотъ и перевелъ эту сумму тотчасъ на счетъ Соломона Гейне. Дядя написалъ племяннику досадное письмо, давая ему понять, что больше платить не намѣренъ. Дѣло устроилось напоминаніемъ дядѣ отъ берлинскаго банкира о данномъ имъ обѣщаніи продолжать пособіе еще два года.

Въ перепискъ по этому предмету съ дядею, Гейне выказывалъ оскорбленную гордость и раздражительность, которую въ

немъ возбуждали, — по его выраженію — «тѣ крещеные и некре-щеные источники», изъ воторыхъ исходили подобныя непріятности.

ности. Для массы деньги имѣють необыкновенное свойство рѣшать всякаго рода спорные или сомнительные вопросы. Тоть, кто деньги даеть, какъ бы мало и неохотно онъ ни даваль, какими бы оскорбительными условіями ни сопровождаль свои благодѣя-нія, будеть всегда правъ; всегда виновать будеть тоть, кому деньги давали; каковы бы ни были прочія обстоятельства — деньги, въ глазахъ массы, несомнѣнно рѣшають всякій нравствен-ный вопросъ, и рѣшають его противъ слабѣйшей стороны. Такъ, и въ отношеніяхъ Гейне къ его богатому дядѣ, филистерамъ представляется жалкимъ не положеніе великаго ноэта, который долженъ былъ претерпѣвать униженія изъ-за грошей богатаго банкира, а самая личность поэта, и потому что онъ принималъ подачку, хотя бы отъ дяди, и потому даже, что подачка эта была такъ мала. Можетъ ли быть великимъ человѣкомъ тотъ, вто нуждается въ четырехстахъ рубляхъ, и изъ-за нихъ сносить вто нуждается въ четырехстахъ рубляхъ, и изъ-за нихъ сносить униженія?

Но людямъ мыслящимъ, не допускающимъ, чтобы золотникъ золота въсилъ на въсахъ болёе, чъмъ золотникъ чего бы то ни было, должно представиться отвратительнымъ именно высокомъ-ріе, съ какимъ проявлялась скаредность дяди. Что касается са-мого Генриха Гейне, то его въ этомъ дълъ можно упрекать ре, съ какимъ проявлялась скаредность дади. Что касается са-мого Генриха Гейне, то его въ этомъ дѣлѣ можно упрекать только въ невыдержанности характера. Онъ принималъ помощь, даже просилъ ея, а между тѣмъ, «третировалъ» дядю съ высоты онимпійскаго величія; онъ относился къ нему съ понятною гор-достью, но въ то же время позволялъ себѣ съ нимъ такія ша-лости, какъ напримѣръ получить деньги, на которыя ему предо-ставлено было только номинальное право. Такъ онъ поступилъ разъ съ траттою, которую Соломонъ далъ ему на Джемса Ротшильда, въ Лондонѣ. Эта тратта — въ 400 фунтовъ — была дана Генриху только для вящшаго подкрѣпленія рекомендательнаго письма, а онъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, тотчасъ получилъ эти деньги и тѣмъ привелъ дядю въ ярость. Узнавъ объ этомъ, скаредный дядя но-сился по всему Гамбургу съ этою исторіею, и жаловался, что Генрихъ Гейне можетъ «разорить его». При свиданіи съ нимъ, поэтъ сказалъ ему, выслушавъ всѣ ето упреки: «Знаешь ли что̀, дядя; вѣдь самое лучшее въ тебѣ именно то, что ты носишь мое имя!» Вообще Гейне думалъ своей строптивостью по отношенію въ дядѣ охранить свое до-стоинство, но она свидѣтельствовала только объ его безхарав-терности. Онъ полагалъ, что, принимая помощь отъ дяди, дол-

женъ проявлять гордость, чтобы отклонить самую мысль объ унижении, но это было нёчто среднее и фальшивое, хотя, конечно, слишкомъ извинительное чувство въ молодомъ человъкъ, которому давался кусокъ хлъба и который все-таки не могъ обой-тись безъ этого куска. Вотъ что писалъ онъ къ дядъ въ 1828 году, изъ Италіи, по поводу ихъ отношеній: «Не хочу думать о тѣхъ жалобахъ на васъ, которыя я имѣю, и которыя, быть можеть, значительнье, чыть вы когда-либо подозръвали. Прошу васъ, поэтому, выкиньте и вы вое-что изъ вашихъ жалобъ на меня, такъ какъ всё онё все-таки могутъ быть подведены только въ денежному итогу. Если ихъ всё исчислимъ до полушки въ банковыхъ маркахъ, то выйдетъ все таки такая сумма, которая для милліонера — ничто, между тёмъ какъ мои жалобы не-оцёнимы и неисчислимы, потому что онё — нравственнаго ха-рактера и гнёздятся въ глубинё болёзненныхъ ощущеній. Если бы я, вогда-нибудь, однимъ словомъ, хотя бы однимъ взглядомъ нарушилъ уваженіе къ вамъ или вашему дому—а я только былъ къ вамъ привязанъ—вотъ тогда вы имѣли бы право сердиться. Теперь же, вы не имъете такого права; если сложить всъ ваши жалобы, то онѣ все-таки влёзуть въ мёшокъ, которому не надо быть даже очень большимъ, и помёстятся въ немъ весьма удобно. Предположу навонецъ, что этотъ спертый мёшовъ оказался бы слишвомъ тяжелъ, чтобы вмёстить жалобы Соломона Гейне на меня, и что этотъ мѣшокъ разорвался бы, — думаете ли вы, что это было бы равносильно тому, когда разрывается сердце, переполненное оскорбленіями?.... Теперь прощайте. Я радъ, что не могу сообщить вамъ впередъ, гдв вашъ отвътъ могъ бы застать меня; это убъдить васъ еще болье, что настоящее письмо ничего не вымогаеть отъ васъ. Оно не что иное, какъ только вздохъ. Мнѣ очень жаль, что я не могу франкировать этого вздоха, онъ будеть вамъ стоить денегъ — опять предметъ для жалобъ. Прощай же, любезный, великодушный, ворчливый, благородный, безконечно любимый дядя!»

А дядя, въ разговорахъ съ приближенными, жаловался, что Генрихъ считаетъ еще за особенную милость то, что не требуетъ съ него спеціальнаго гонорарія за письма, которыя пишетъ ему. Неправда-ли, характеристичный контрастъ воззрѣній на вещи? Кто въ этомъ контрастѣ терпѣлъ больше — угадать не трудно.

Въ 1823 году осенью, Гейне возвратился въ Люнебургъ и сталъ сильно работать надъ своими «хлёбными» учебными предметами, чтобъ скорёе можно было обходиться безъ помощи дяди. Онъ инсалъ въ это время въ Мозеру, что занимается исключительно своими Brodstudien: «стихотворство я отложилъ до лучшихъ временъ. Да и въ чему писать? Господствуетъ одно пошлое и злое, а я не хочу признать этого господства. Еще менѣе жажду я терновыхъ вѣнцовъ». Между тѣмъ, именно въ это время возникла большая часть чудныхъ пѣсенъ «Возвращенія», баллада «Лорелеи» и др.

За довторскимъ дипломомъ Гейне въ концѣ 1823 года отправился въ Геттингенъ и, вступивъ опять въ январъ 1824 г. въ этотъ университетъ, сталъ приготовляться къ экзамену. Въ своей перепискъ съ друзьями за это время, онъ жаловался на головную боль, которая мучила его постоянно, и на юриспруденцію, воторая мучила его еще болье. Въ отчаянной работь надъ нею, онъ терялъ увъренность въ своихъ силахъ, и жаловался иногда, что онъ ни юристомъ, ни поэтомъ не будетъ, что въ Германіи всѣ геніи, исключая его. «Чтобы быть геніемъговорить онъ — надо ум'еть удерживать въ голов' вырванные, отрывочные листки знанія и носиться съ ними, а я этого не могу; въ поэзіи мало быть геніемъ, надо еще имъть талантъ, а у меня его нѣтъ.» Но въ тоже время, онъ не могъ оторваться совсёмъ и отъ литературныхъ работъ. Онъ послалъ въ берлинсвій Gesellschafter пісни «Возвращенія». Вскорі онъ совсімь сосвучился въ Гёттингенѣ и воспользовался двухнедѣльными ваваціями, чтобы съёздить въ Берлинъ. Тамъ его приняли прежніе друзья: Фарнгагены (съ которыми онъ-было нъсколько разошелся), прекрасная Фредерика Роберть, Шиффъ и др. съ распростертыми объятіями. Послёднія его стихотворенія произвели фурорь, и въ берлинскомъ обществѣ его встрѣтили уже съ почетомъ. Слава его распространилась уже не въ одномъ Берлинѣ, и не въ однихъ образованныхъ кружвахъ. Въ Геттингенъ онъ вмъстъ съ дугими студентами часто хаживалъ ужинать въ одну кухмистерскую, гдб была служанка замбчательной красоты. Разъ онъ хотѣлъ поцаловать ее насильно, но дѣвушка защитилась съ такимъ достоинствомъ, что онъ со стыдомъ ушелъ домой. Чрезъ нѣсколько времени, когда онъ опять пришелъ въ этотъ трактирь, дъвушка сама подошла въ нему и дружески сказала: «вы въдь не то, что другіе господа студенты; вы столько же знамениты; какъ сами наши профессора̀; я знаю наизусть нѣкоторыя изъ вашихъ стихотвореній и люблю ихъ; поцалуйте же меня теперь, при всѣхъ». Гейне говаривалъ, что эта награда показалась ему цѣннѣе, чѣмъ впослѣдствіи даже талеры Гоффмана и Кампе.

Но и самый успёхъ не дёлалъ его мягче, снисходительнёе къ тому, что тогда господствовало въ Германіи, въ ея политической жизни, ся тогдашней литературь, и самымъ воззръніямъ большинства нѣмцевъ. «Я самъ въ сущности не нѣмецъ-писалъ онъ Мозеру изъ Гёттингена. Впрочемъ, еслибы я и былъ нёмецъ, то не много бы вообразиль о себъ вслъдствіе того. Oh, ce sont des barbares! Есть только три образованные, цивилизованные народа: французы. китайцы и персіяне. Я самъ персіянинъ, принужденный писать по-нёмецки. Ахъ, какъ это ужасно для персидскаго поэта, что его до смерти мучите вы, съ вашими тряскими почтовыми варетами, съ вашей скверной погодой, вашими табачными лицами, вашими римскими пандектами, вашей философской ерундою и прочею вашею поплостью. О Фирдуси! О Ишами! О Саади! Какъ несчастливъ вашъ братъ! Ахъ, какъ я стремлюсь въ розамъ Шираза! Конечно, у Германіи есть свое хорошее; не хочу обижать ее. Есть у нея и великіе поэты: Карль Мюхлерь, КлауренъРюквертъ, Мюллеръ, Иммерманнъ, Уландъ, Гёте. Но что они значатъ въ сравнении съ Гафизомъ и Нисамомъ? Хотя я и персіянинъ, но долженъ признать, что величайшій изъ всёхъ по-этовъ все-таки ты, великій пророкъ Мекки, и твой Коранъ не легко выйдеть у меня изъ памяти, хотя я и знаю его только изъ сквернаго перевода Байзена».

Пріятель Гейне, Руссо издаваль въ то время, на Рейнъ, литературный журналъ «Agrippina». Гейне послалъ туда пъсню весьма не цензурную, хотя и обставленную для цензуры оговоркою, что эта пъсня — народная, списанная въ Ганноверъ. Это пъсня солдата, который жалуется, что въ жизни его ничего нътъ, кромъ маршировки и тълеснаго наказанія. За эту пъсню «Agrippina» была тотчасъ запрещена, по распоряженію изъ Берлина.

Но главною литературною заботою Гейне, во время его приготовленій къ юридическому экзамену, быль романъ «Бахарахскій раввинъ», въ которомъ онъ хотѣлъ изобразить бѣдствія претерпѣнныя еврейскимъ народомъ отъ гоненій въ христіанскихъ странахъ. Онъ много читалъ для этого романа, изучалъ источники и погрузился даже въ литературу реформаціи. Этотъ романъ остался неоконченнымъ, отчасти быть можетъ именно потому, что антихристіанское направленіе его вызвало сильную вражду, а происхожденіе самого автора лишало его въ извѣстномъ смы-

слѣ авторитета для веденія этой борьбы. Въ то время, какъ онъ занимался этою работой, Гейне однажды идя по улицѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ, импровизовалъ надпись, съ которою онъ хотѣлъ послать экземпляръ своего романа къ Мозеру. Приводимъ здѣсь, къ сожалѣнію, въ неудовлетворительномъ переводѣ эти чудные стихи:

> Прорывайся громкимъ плачемъ, Пъсня скорби въковой; Сердце, гдъ давно ты ноешь Въ міръ укоръ бросаетъ твой.

Онъ у всёхъ въ ушахъ раздастся, Въ сердце всёмъ ударить онъ; Въ эту притчу заколдованъ Мной — тысячелётній стонъ.

Плачуть всё — и старь, и молодь, Женщины, цвёты — вь слезахь, И блеснули всё слезами Звёзды вь дальнихъ небесахъ!

А тёхъ слезъ струн, въ согласьн, Тихо, къ югу потекутъ И съ журчаньемъ томнымъ, скорбнымъ, Въ Іорданъ онѣ впадутъ.

Въ 1825 и 1826 годахъ Гейне носился съ мыслью о новой трагедіи, на сюжетъ Фауста и даже написалъ нъсколько сценъ. Посылая Фарнгагену первый томъ своихъ Reisebilder, онъ писалъ: «Съ васъ не довольно, что я касаюсь поочередно всёхъ струнъ моей лиры; вы хотите еще, чтобы всё они зазвучали въ одномъ, полномъ концертъ́—это и будетъ «Фаустъ», котораго я пишу для васъ.» Впослъдствіи, то-есть лътъ черезъ двадцать, Гейне употребилъ матерьялы, приготовленные для «Фауста», на комическую «танцовальную» поэму.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гейне велъ и мемуары, «Zeit-Memoiren», о которыхъ упоминаетъ еще съ 1823 года. Вотъ что говоритъ о нихъ самъ Гейне, въ письмѣ къ Людвигу Роберту: «Быть можетъ доживемъ еще, что вы будете читать мои признанія и увидите, ка̀къ я смотрѣлъ на свое время и своихъ современниковъ, и какимъ образомъ вся моя, смутная и полная порывовъ жизнь переходила въ самое безкорыстное — въ идею. Для меня важно, очень важно признаніе со стороны массы, и все-таки нѣтъ никого, кто бы такъ презиралъ выраженіе народнаго одобренія и такъ пряталъ свою личность отъ его проявленій». Меиуары Гейне! Какая драгоцѣнность для оцѣнки времени, и въ особенности для исторіи развитія самого поэта. И мы узнаемъ, это — кусокъ земли. Что же сказать объ уничтожени унаслѣ-дованнаго произведения ума, уничтожени, которое явно идетъ противъ воли автора создавшаго это произведение, исключая, если онъ именно выразилъ желание объ уничтожении своего труда? Или Генрихъ Гейне не возвратилъ своему брату Густаву занятыхъ у него подз залогъ мемуаровъ деньги, и г. Густавъ Гейне счелъ себя вправъ продать залогъ, на общемъ основания ростовщичества? Все это внушаетъ отвращение. Въ сентябръ 1824 года, Гейне предпринялъ путешествие по Гарцу и Тюрингенскимъ землямъ, описание котораго онъ пред-назначалъ сперва также для «Gesellschafter», но по просьбъ «красивъйшей женщины въ міръ», Фредерики Робертъ, отдалъ въ альманахъ. «Rheinblüthen», хотя очень неохотно, во-первыхъ

потому, что не чувствоваль расположенія въ этой формѣ издательства, а во вторыхъ, что многое нри этомъ пришлось и выпустить. Между тѣмъ, альманахъ этотъ вовсе не вышелъ и напечатаніе «Путешествія по Гарцу» замедлилось такимъ образомъ на цѣлый годъ. Оно появилось наконецъ въ «Gesellschafter», въ 1826 году, съ большими пропусками и измѣненіями. Дядя продолжалъ грозить, что отниметъ у поэта свою субсидію, если тотъ не поторопится сдать экзаменъ. Гейне уже объщалъ было сдать экзаменъ въ 1824 году, но болѣзнь принудила его просить еще шестимѣсячной отсрочки, на которую иля и согласился великолушно. Наконецъ, весною 1825 года

Дядя продолжаль грозить, что отниметь у поэта свою субсидію, если тоть не поторопится сдать экзаменъ. Гейне уже об'ящаль было сдать экзаменъ въ 1824 году, но бол'язнь принудила его просить еще шестим'есячной отсрочки, на которую дядя и согласился великодушно. Наконецъ, весною 1825 года онъ подвергся испытанію на степень доктора правъ. Вотъ тезисы, которые онъ защищаль при этомъ: 1) приданое принадлежить супругу; 2) кредиторъ обязанъ давать росписку; 3) судопроизводство должно быть открытое (гласное); 4) присяга не составляетъ обязательства, и 5) древнъйшей формой супружескаго союза была confarreatio.

Скаго союза оыла соптагтеалю. Гейне быль удостоень степени доктора, хотя экзамень быль не изъ самыхъ блестящихъ. Разъ онъ даже сдѣлалъ грамматическую ошибку въ латинскомъ языкѣ (испытаніе производилось, разумѣется, по-латыни) и вызвалъ общій смѣхъ. Проректоръ, поздравляя докторанта съ успѣхомъ, говорилъ менѣе о его юридическихъ познаніяхъ, чѣмъ о его славѣ какъ поэта, и даже выразилъ мнѣніе, что стихи его имѣютъ право быть поставлены рядомъ со стихами Гёте.

Чтобы получить докторскій дипломъ, Гейне долженъ быль обратиться въ христіанство. Этотъ актъ прошелъ въ его жизни также безслёдно, какъ и обращеніе поэта въ доктора. Мы говоримъ «безслёдно», въ томъ смыслё, что ни тотъ, ни другой изъ этихъ актовъ не истекали изъ свободнаго влеченія, и не были усвоены поэтомъ и составляли по отношенію къ его развитію чисто-внёшнія событія. Никогда онъ не ненавидѣлъ до такой степени юриспруденцію, какъ тогда, когда дѣлался doctor juris; никогда онъ не былъ менѣе расположенъ къ христіанству, какъ именно непосредственно передъ своимъ обращеніемъ и тотчасъ послѣ этого акта. Онъ писалъ даже къ Мозеру, что иногда становится передъ зеркаломъ и вслухъ себя ругаетъ; «если бы законъ дозволялъ красть серебряныя ложки, то я непремѣнно предпочелъ бы послѣднее, когда бы понадобилось». Вотъ какихъ прозелитовъ приготовляетъ нетерпимость! Гейне въ то время ноучилъ извѣстіе, что бывшій учитель его въ Берлинѣ, Гансъ, нѣкогда вмѣстѣ съ нимъ работавшій надъ развитіемъ и защитою еврейства, обратился въ христіанство, тоже изъ-за

карьеры, и въ письмахъ къ Мозеру осуждалъ самымъ безжалостнымъ образомъ и Ганса, и себя. Приведемъ нѣсколько мыслей, высказанныхъ имъ по поводу своего обращенія въ перепискѣ съ Мозеромъ: «Теперь я вполнѣ понялъ слова цсалмиста: «Господи, дай мнѣ дневной хлѣбъ, чтобы я не посягнулъ на имя твое....» Какъ Солонъ говоритъ, что никого не надо называть счастливымъ до его смерти, такъ можно еще сказать, что никого не слѣдовало бы называть честнымъ человѣкомъ, пока онъ еще живъ. Я радуюсь, что Фридлендеръ и Бендавидъ стары, и скоро умрутъ, — такъ что ихъ, по крайней мѣрѣ, мы уже сохранимъ въ цѣлости, и затѣмъ нельзя будетъ сказать про наше время, что оно не произвело ни одного безупречнаго.... Воображаю, что сказалъ бы Гансъ Моисею, если бы тотъ воскресъ; вѣдь Моисей во всякомъ случаѣ первостепенный юристъ, такъ какъ его законодательство держалось дольше всѣхъ и держится по сіе время.... Какъ глубоко значеніе миеа о вѣчномъ жидѣ! Мы сами — герои этой легенды, не зная того».

по сле время.... какъ глуооко значене миза о ввчномъ жидв: Мы сами — герои этой легенды, не зная того». Когда въ одномъ вѣнскомъ журналѣ появилась, вслѣдъ за обращеніемъ Гейне, критика Альманзора, въ которой антихристіанское направленіе этой трагедіи прямо приписывалась происхожденію автора, то Гейне писалъ: «Не смѣшно ли это? Только что я окрестился, какъ меня ругаютъ жидомъ. Теперь я сталъ ненавистенъ и жиду, и христіанину. Я сильно раскаяваюсь и не вижу еще вовсе, чтобы даже мои дѣла сколько-нибудь поправились моимъ обращеніемъ — напротивъ, съ тѣхъ поръ, мнѣ рѣшительно не везетъ». И въ самомъ дѣлѣ, «Гейне не достигъ своимъ обращеніемъ ничего изъ того, что̀ ожидалъ: оно не доставило ему мѣста и не освободило его отъ зависимости отъ дяди» — замѣчаетъ Штродтманнъ въ заключеніе изданнаго имъ перваго тома.

٧I.

Первый томъ сочиненія Штродтманна оканчивается на обращеніи Гейне, т. е. на 1825 годѣ. Второй томъ, обѣщанный авторомъ къ веснѣ, до сихъ поръ еще не вышелъ. Тѣ факты изъ жизни поэта, которые разсказаны до сихъ поръ и тѣ сочиненія его, о которыхъ мы имѣли случай упомянуть, далеко не представляютъ не только полной характеристики Гейне, но даже и достаточнаго матеріала для подкрѣпленія того мнѣнія, которое мы о немъ выразили, тѣмъ болѣе, что важнѣйшая часть творчества Гейне, какъ политическаго писателя, принадлежитъ позд-

нъйшему періоду. Необходимо дополнить этоть очеркъ взглядомъ на эту дальнъйшую дъятельность, для того, чтобы характеристика не вышла бездоказательною.

Стика не вышла осздоказательною. Важную эпоху въ развити Гейне составила французская революція 1830 года. То, что онъ предчувствоваль или къ чему стремился, осуществилось; правда, не въ «странѣ дубовъ», но на ся границѣ, на другомъ берегу родимой рѣки Генриха Гейне. Свобода нанесла первый, сильный ударъ реставраціи, не только реставраціи французской, но всей европейской реставраціи, въ общей ся связи. За изверженіемъ въ Парижѣ, послѣдовали сильные волканическіе отклики въ разныхъ мѣстахъ Европы, и Германія, съ ся гегелевскимъ раціонализмомъ и романтизмомъ, служившимъ реставраціи подпорнымъ столбомъ, въ изумленіи и съ трепетомъ остановилась и смотрѣла на движеніе, происходившее во Франціи. И это движеніе имѣло свою замѣчательную особенность: оно не такъ сильно дѣйствовало на мѣстѣ, какъ сильно было вліяніе, отражавшееся отъ него вдаль. Революція 1830 года была искажена во Франціи въ полумѣру; она собственно во Франціи не составила даже эпохи въ литературѣ. Но велика была именно ся экспансивность и эта сила вызвала революціи въ разныхъ мѣстахъ и произвела литературную эпоху не во Франціи, а въ Германіи. Романтизмъ вдругъ какъ бы растаялъ отъ этого огня, и согрѣтая имъ, возникла новая литературная плеяда, если не школа, — «юная Германія».

На Гейне революція 1830 года подвиствовала электрически; она повергла его въ восторгъ и тъмъ, что исполнила, и тъмъ въ особенности, что объщала. Итакъ, недаромъ онъ бичевалъ ненависть тевтономановъ къ французамъ, недаромъ смъялся надъ профессоромъ, который чинитъ свътъ кусками изъ своего халата, недаромъ высказывалъ презръніе къ національной исключительности или самососредоточенію, самовосхваленію! Издавая послъдній томъ «Reisebilder», уже сильно проникнутый публицистическимъ характеромъ, борьбою противъ фарисейства, онъ приписалъ, въ ноябръ 1830 года: «Напрасно ожидаю я услышать слово тъхъ смълыхъ ораторовъ, которые бывало, въ буршескихъ собраніяхъ, такъ часто просили голоса, такъ часто побъждали меня своимъ риторскимъ талантомъ и говорили столь знаменитымъ языкомъ. Они были такъ громогласны, и стали вдругъ такъ тихи! Какъ ругали они въ то время «франковъ» и «вельшскій Вавилонъ» и того не-германскаго, легкомысленнаго измѣнника отечеству, который хвалилъ французское. А похвала эта оправдалась великою недѣлею. О великая парижская недѣля! И вотъ, и у насъ мужество свободы, навѣянное оттуда на Германію, коегдѣ сбило запоры, такъ что загорѣлись-было красныя гардины.... Но вѣрные ловчіе, коимъ поручена союзная полиція, уже тащать гасительныя ведра, и еще бдительнѣе стали нюхать, и еще крѣпче ковать тайныя цѣпи, и я чувствую уже, какъ невидимо сводится надъ нѣмецкимъ народомъ еще болѣе плотная, тюремная стѣна! Бѣдный, заключенный народъ! Не отчаявайся въ бѣдѣ твоей; — о, еслибъ я могъ говорить катапультами!».... «У меня на сердцѣ таетъ горделивая ледяная кора, странное, сладко-тоскливое чувство овладѣваетъ мною — что это? не любовь-ли, любовь къ нѣмецкому народу? Или это — болѣзнь? Душа содрагается, и въ глазахъ у меня горить, и это — неудобное обстоятельство для сочинителя, который долженъ господствовать надъ своимъ матерьяломъ и оставаться прилично-обыкновеннымъ, какъ того требуетъ школа искусства и какъ то всегда дѣлалъ Гёте; — такъ-то онъ дѣлалъ до восьмидесяти лѣть, и былъ министромъ, и жилъ въ достаткѣ — бѣдный нѣмецкій народъ! — Это-то самый великій изъ твоихъ мужей ¹)»!

Не безсознательно, увлеченный духомъ времени, выступилъ Гейне союзникомъ переворота, поколебавшаго реставрадію средневѣкового; онъ открыто, положительно обѣщалъ ему свой союзъ. «Прочь моя жажда спокойствія», писалъ опъ, услыхавъ о трехъ дняхъ: «я опять знаю чего хочу, къ чему я обязанъ, что я сдѣлаю. Сынъ революціи, я берусь опять за оружіе, благословенное волшебницею-матерью. Цвѣтовъ, цвѣтовъ! Я хочу надѣть вѣнокъ для боя на-смерть. И лиру дайте мнѣ — я спою пѣснь борьбы. Слова, подобныя огненнымъ звѣздамъ, которыя сожгуть замки и освѣтятъ хижины. Слова, подобныя пламеннымъ копьямъ, которыя долетятъ до блаженствующихъ на седьмомъ небѣ. Я весь — радость и пѣсна, весь — оружіе и пламя²)»!

весь — радость и пѣсня, весь — оружіе и пламя²)»! И другая модуляція той же темы, въ другомъ мѣстѣ:... «Что за пѣсня! Подъ нее я содрагаюсь отъ радости и во мнѣ зажигаются и звѣзды восторга, и ракеты насмѣшки. Да, въ нихъ не должно быть недостатка при великомъ фейерверкѣ времени. Какъ Гангъ бросается съ Гималая, такъ потекутъ огненныя и звонкія рѣки пѣсни съ высоты наслажденія свободою! И ты, прекрасная Сатира, дочъ справедливой Өемиды и козлоногаго Пана, помоги мнѣ, вѣдь и ты, со стороны матери вышла изъ рода титановъ, и одинаково со мною ненавидишь враговъ твоей семьи, слабосильныхъ узурпаторовъ Олимпа. Дай мнѣ мечъ твоей

¹⁾ Reisebilder. IV. Schlusswort, 1830.

^{*)} Ludwig Börne. Tagebuch aus Helgoland.

матери, чтобы судить ихъ и дай свистёлку твоего отца, чтобы

<text><text><text><text><text><footnote>

¹) Beisebilder, III. Nachschrift, 1830.

одинъ изъ представителей «Молодой Германіи» — который недавно напечаталъ несовсёмъ точную, мёстами невёрную, статью о Гейне¹), выражаетъ мнёніе, что Гейне совсёмъ иначе отзывался бы о Людовикё-Филиппё и доктринерствё, еслибы Гизо не «позолотилъ» ему его изгнаніе. «Гизо, конечно, не былъ натурою симпатичною для Гейне», говоритъ онъ; «онъ былъ въ дѣйствительности въ нѣкоторомъ родѣ Атта-Тролль, а вѣдь все равно подъ нѣмецкую или французскую мелодію пляшутъ такіе «медвѣди направленія. Доктринерство должно было внушать Гейне рѣшительное отвращеніе потому, что было противно самой сущности его природы». Замѣтимъ прежде всего, что субсидію въ 1,500 франковъ, которую получалъ Гейне, только развѣ иронія можетъ назвать «озолоченіемъ изгнанія».

Что касается несовмѣстимости доктринерства съ гейневскою ненавистью ко всякимъ «законченнымъ» школамъ и несродства особенно этой школы съ его личнымъ характеромъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но сомнительно, что онъ сталъ бы писать въ нѣмецкую газету противъ парламентскаго порядка, существовавшаго во Франціи, если бы и не былъ связанъ; это очень сомнительно. Газетныя корреспонденціи и догматическія статьи не то, что поэтическія выходки. Тутъ приходится принимать въ соображеніе не только то, что хочется сказать, но и то, когда и гдѣ чего нельзя говорить. Самъ Рудольфъ Готшаль въ своей статьѣ о Гейне и въ разныхъ другихъ новѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, развѣ предается безъ оглядки тому увлеченію, которое вдохновило его «Богиню» и «Карла Зено?» Нѣтъ, онъ занесъ въ свою памятную книгу ту перемѣну, какая произошла въ Германіи и особенно теперь не скажетъ въ холодной, трезвой журнальной бесѣдѣ того, что̀ воспѣвалъ въ стихахъ, въ иную пору.

Правда, Гейне менѣе тѣмъ вто-либо стѣснялся подобными соображеніями; иначе онъ не написалъ бы вниги «о Бёрне», а пожалуй и поэмы «Атта-Тролль». Но въ корреспонденціяхъ въ политической газетѣ и онъ, конечно, былъ доступенъ приведеннымъ соображеніямъ, хотя отрицалъ ихъ въ внигахъ, имѣвшихъ спеціальное назначеніе. На что̀ бы было похоже, еслибы послѣ всѣхъ своихъ стараній указать нѣмцамъ на примѣръ Франціи и на свободныя учрежденія, какъ на ближайшую цѣль, къ которой слѣдовало стремиться, онъ, изгнанный изъ Германіи старымъ порядкомъ, пріѣхавъ во Францію сталъ смѣяться надъ нею и доказывать нѣмцамъ, въ нѣмецкой политической газетѣ,

¹) Unsere Zeit. 1 März, 1868.

да еще въ аугсбургской Allgemeine Zeitung, что и новый порядовъ — ложь? Вёдь онъ работалъ бы прямо въ руку господину Менцелю.

Итакъ, мы не можемъ допустить мысли, чтобы французсвое «золото» — какъ его называетъ Рудольфъ Готшалль, повліяло на характеръ дѣятельности Гейне, даже и въ этомъ отдѣльномъ случав. Мы должны были остановиться на фактё этой помощи, которой пользовался Гейне, именно потому, что онъ служить теперь для пруссо-восторженныхъ нёмцевъ однимъ изъ поводовъ въ тому, чтобы смотръть свысова на единственнаго великаго ихъ сатирика, умалять значение единственнаго собственнаго бича, воторый нарушиль ихъ олимпійское самоуслажденіе своею нарозностью. Гейне самъ говорилъ объ упомянутомъ пособіи просто и съ достоинствомъ: «Помощь, которую я получилъ отъ министерства Гизд, не была платою; она такъ и была просто вспоиоществованіемъ, назову вещь по имени — великою милостынею, которую подаваль французский народъ столькимъ тысячамъ тёхъ иностранцевъ, которые своимъ усердіемъ въ дёлё революців съ большею или меньшею славою компрометировались въ свонхъ странахъ и искали убъжища у гостепримнаго очага Франціи».

Въ первые годы своего пребыванія во Франціи, Гейне исполнить отчасти ту задачу посредника между нѣмецкою и французсвою литературою, о которой онъ мечталъ во время первой по-<u>тзави въ Люнебургъ. Онъ прочелъ въ Парижъ популярный курсъ</u> объ умственномъ движении въ Германии и эти лекции, предназначавшіяся сперва для Revue des deux mondes, напечаталь въ 1834 году подъ названіемъ: «Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland ¹). Въ предисловін 1852 года, самъ Гейне называетъ это сочиненіе «отрывкомъ». Въ Германіи его называли поверхностнымъ. Но оно хорошо удовлетворяло своей цёли: ознакомленію массы образованной парижской публики съ развитіемъ германскаго духа. Блестящее изложеніе Гейне, воторое не придаетъ, конечно, ученаго значенія этому сочиненію, было огромнымъ достоинствомъ популярныхъ лекцій. Зам'єчателенъ, по нынёшнимъ обстоятельствамъ, тотъ совёть французамъ, которымъ онъ заключалъ этотъ небольшой курсъ: «Во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ, будьте осторожны. Пусть въ Германіи случится что можеть, пусть господство въ ней захватить крон-принцъ прусскій или докторъ Вирть, вы оставайтесь вооружен-

¹⁾ Онѣ составляють теперь 2-й томъ «Салона», въ изданія Гоффмана и Кампе 1852 года.

ными, стойте сповойно на-сторожѣ, съ ружьемъ въ рукахъ. Я желаю вамъ хорошаго и меня весьма испугало, когда я недавно услыхалъ, что ваши министры намъреваются обезоружить Францію. Такъ какъ вы, не смотря на вашъ романтизмъ — классики по рожденію, то Олимпъ вамъ знакомъ. Среди голыхъ боговъ и богинь, которые услаждаются тамъ нектаромъ и амброзіею, вы видите одну богиню, которая хотя и окружена подобною радостью и успѣхомъ, однакоже постоянно носитъ на себѣ панцырь и шлемъ на головѣ, и копье въ рукѣ. Она-то и есть богиня мудрости». То, что было сказано нѣмецкимъ поэтомъ францувамъ въ эпоху политическаго безсилія и уничиженія Германіи съ цѣлью возвысить ее въ ихъ глазахъ, оказывается нынѣ совсѣмъ вѣрнымъ только въ иномъ смыслѣ.

VII.

Книгу о Бёрне и поэму «Атта-Тролль» мы должны поставить отдёльно оть другихъ сочиненій второго періода Гейне и поставить ихъ именно рядомъ, хотя онё писаны въ разное время, именно первая въ 1840, а послёдняя въ 1841 году, хотя послёдняя поставлена самимъ авторомъ какъ pendant къ поэмѣ «Германія» ¹). Различіе, которое мы проводимъ здёсь, отказываясь сопоставлять «Германію» и Атта-Тролль», какъ то дѣлаютъ нѣмецкіе критики, очень важно. Нѣмцамъ, которые вообще чувствуютъ себя unbehaglich подъ сатирою Гейне потому именно, что они не сатирическій народъ, неспособный къ самообличенію, очень пріятно видѣть въ безцѣльномъ «Атта-Троллѣ» продолженіе чисто-политической «Германіи». Какъ «Атта-Троллѣ» продолженіе чисто политической «Германіи». Какъ «Атта-Троллѣ» продолженіе чисто таланта противъ утилитаризма, — о чемъ мы говорили выше, — какъ эта поэма есть возвращеніе къ субъективному романтизму и злая насмѣшка надъ деспотическими вымогательствами политическаго призванія поэта, то для національнаго тщеславія очень удобно видѣть въ «Германіи» только прологъ къ ней, вндѣть въ этой чисто-политической эпиграммѣ тоть же индифферентизмъ, котораго послѣднее слово сказано въ «Атта-Троллѣ». Такое сопоставленіе отнимаетъ у ядовитыхъ насмѣшекъ «Германіи» ихъ истинное значеніе, представляя автора ихъ индифферентомъ.

Но всё эти усилія падають уже передь тёмь фактомь, что

352

¹⁾ Deutschland, ein Wintermärchen.-Atta-Troll, ein Sommernachtstraum.

не «Атта-Тролль» написанъ послё «Германіи», а наобороть, «Германія» написана три года послё «Атта-Тролля». Сатира, которую мы находимъ въ «Германіи», —та самая, цёлесообразная сатира, которою дышатъ и другія политическія произведенія Гейне. Что общаго между великолёпнымъ протестомъ противъ мрачной клерикальной силы, по поводу кёльнскаго собора, и между романтическими прыжками «Атта-Тролля», въ которыхъ поэть обороняется шпильками отъ преслёдующаго его «служенія обществу»? Что общаго между «медвёдемъ тенденціи», «Атта-Троллемъ» и серьезнымъ отношеніемъ въ имперской идеё, въ инцё Барбароссы, въ «Германіи»? Скажемъ болёе: нигдё такъ ясно, какъ именно въ этомъ послёднемъ произведеніи, Гейне не обрисовалъ убѣжденія своего въ политическомъ призваніи поэта, въ призваніи его служить человёчеству. Вспомнимъ о мрачномъ ликторѣ, который сопровождаетъ поэта на улицахъ древняго Кельна. Кёльна.

никторѣ, который сопровождаеть поэта на улицахъ древняго Кельна. «Я встрѣчаю тебя именно въ тѣ часи, когда въ груди моей козникають міровыя чувства и въ мозгѣ проносятся молніи духа.»— «Кажи, что сврываешь ты здѣсь, подъ плащемъ, что тайно бле-стить? Кто ты, и что тебѣ надо»?— А тоть отвѣчалъ сухо, даже флегматично: пожалуйста не заклинай меня, и не пускайся выпедпій вът гроба, я не привидѣніе прошлаго, не призракъ выпедпій вът гроба, я не кобоко реторики, да и философство-нать и спокоенъ. Но знай, то, что ты создалъ въ духѣ, то я исполняю, то я дѣлаю. И хоть года пройдуть я не отдохну пока не обращу въ дѣйствительность то, что ты произнесь, хота бы по бращу въ дѣйствительность то, что ты произнесь, хота бы на я дѣйствую. Ты судья, я приставъ, и съ послушаніемъ хо-опа а исполняю приговоръ, тотъ, что ты произнесь, хота бы на былъ и несправеднивъ. Въ Римѣ, во дни древности, консулу редносили топоръ, и у тебя есть ликторъ, но стопоръ несто стидимъ топоръ, и у тебя есть ликторъ, но топоръ несто замътъ въ кладса къ нему въ послѣдніе года, то есть во время, кототь не являдса къ нему въ послѣдніе года, то есть во время, кототь не являдса къ нему въ послѣдніе года, то есть во время, кототь не являдса къ нему въ послѣдніе года, то есть во время, кототь не являдса къ нему въ послѣдніе года, то есть во время, кототь не являдса къ нему въ послѣдніе года, то есть во время, кототь не являдса къ нему въ послѣдніе года, то есть во время, кототь не являдса къ нему въ послѣдніе года, то есть во время, котать Продала». Все это доказиваеть до очевидности, что духое-майніе пункти противоподожныхъ направленій, и грѣхъ «Атта-Голь Х.—Сентаеть, 1868.

Томъ V. - Свитябрь, 1868.

тичнаго, фальшиваго и смёшного: на генгстенберговъ влерикализмъ, на прусскую солдатчину, на умственную ограниченность нѣмецкихъ «почвенниковъ»-тевтономановъ, на либеральничанье съ черно-врасно-золотымъ знаменемъ, само не сознававшее правтической цёли и проявлявшееся болёе рѣчами, чѣмъ дѣлами и т. д. Серьезная критика не позволитъ нѣмецкому тщеславію смывать шутками «Атта-Тролля» ту чисто-политическую каррикатуру, которую Гейне нарисовалъ въ поэмѣ «Германія» острымъ карандашемъ истиннаго сатирика-прогрессиста.

аюторую тейне нарисоваль въ поэмъ стержани» острыжь наракдашемъ истиннаго сатирика-прогрессиста. «Атта-Тролль» — это минутное возмущеніе противъ пропаганды, какъ и внига о Бёрне; обоимъ этимъ произведеніямъ не слѣдовало бы быть, еслибы поэтъ былъ строго обязанъ ко всей сдержанности публициста, если бы можно было требовать ея отъ него, еслибы, выражаясь классически, можно было кастрировать пегаса, запрягаемаго подъ колесницу человѣческаго культа. Мы согласны, что «Атта-Тролль» какъ насмѣшка надъ серьезными вещами, была шалость, незаслуживающая похвалы; что касается книги о Бёрне, то она была даже положительно - дурнымъ поступкомъ, такъ какъ въ ней Гейне доводилъ протестъ своей поэтической индивидуальности, своей субъективности, антитезу между «талантомъ» и политическимъ «характеромъ», до оскорбленія честныхъ дѣятелей, движимый соперничествомъ къ Бёрне, однимъ словомъ уступая нехорошему чувству. Но «Германія», это — пропаганда, блестящая пропаганда, могущественная настолько, насколько дѣйствительны самыя острыя стрѣлы сатиры на человѣчество, управляемое, послѣ интереса, болѣе всего тщеславіемъ. Только мелочность могла принимать за посягательство на идею тѣ нападки на искаженія ея, которыя встрѣчаются вавъ въ

Только мелочность могла принимать за посягательство на идею тв нападки на искаженія ея, которыя встрвчаются какъ въ «Германіи», такъ и во многихъ другихъ сочиненіяхъ Гейне, за исключеніемъ книги о Бёрне и «Атта-Тролля», гдв нападки на ивкоторую деспотичность искреннихъ служителей этой идев преднамвренны. Такая же мелочность нужна была, чтобы принять сатиру на враговъ и нелвпыхъ друзей Германіи, и на бездвйствіе ея народа за проявленіе нелюбви поэта къ своему отечеству. Въ эту ошибку впалъ одинъ изъ нашихъ критиковъ, А. А. Григорьевъ, который, въ своей характеристикв Гейне 1), приписываетъ сатиру Гейне его космополитизму по происхожденію, т. е. иными словами утверждаеть, что Гейне не любилъ Германіи потому, что былъ еврей. «Космополитизмъ такой, какъ у Гейне— говоритъ нашъ критикъ — былъ бы противенъ во всякой другой натуръ (?), и напиши поэму «Deutschland» всякій дру-

¹) Предисловіе въ сочиненіямъ Гейне, въ русскомъ переводѣ.

гой, кромѣ Гейне, ее было бы омерзительно читать (!). Но здѣсь, въ его поэмѣ, вы чувствуете на каждомъ шагу, что не сынъ ругается туть надъ родной матерью, а вѣчный пришлецъ и вѣчный скиталецъ надъ страною, когда-то бывшею его мѣстопребываніемъ». Мнѣніе это понятно со стороны изобрѣтателя одного изъ старыхъ нашихъ литературныхъ девизовъ: «почвы». А. Григорьевъ только въ «оторванномъ отъ почвы», въ странникѣ допускалъ сатиру; стой Гейне на нѣмецкой почвѣ ногами не еврейскими, а нѣмецкими, и его сатиру было бы омерзительно читать! Сатиру онъ принимаетъ за ругательство! Почему? Потому что въ сатирѣ нѣтъ «любви», а намъ «всего нужнѣе любовь», проповѣдовалъ нѣкогда органъ, въ которомъ писалъ Григорьевъ. Замѣчательно: и Гёте сказалъ о Гейне именно, что «ему недостаетъ любви». У Гейне мало любви! Да Гейне весь былъ любовь, какъ онъ справедливо самъ сказалъ: весь любовь, правда и весь ненависть! И въ самомъ дѣлѣ, какую цѣну можетъ имѣть у писателя любовь, безъ соотвѣтствующей ненависти въ тому, что будетъ оскорблять эту любовь? Такая любовь годится развѣ на надписи къ конфектамъ. По крайней мѣрѣ, не такою любовью любили Россію Гоголь и Грибоѣдовъ. Не такою любовью любиль Германію Гейне, у ко-

По крайней мёрё, не такою любовью любили Россію Гоголь и Грибоёдовъ. Не такою любовью любилъ Германію Гейне, у котораго однако вездё просвёчиваетъ горячая привязанность къ родинё, а во многихъ стихотвореніяхъ его доходитъ до увлекательнаго лиризма. Нётъ любви у Гейне! И кто же сказалъ это? веймарскій индифферентистъ, классическій грекъ въ Германіи — Гёте!

Относительно упрека въ космополитизмѣ Гейне самъ выскавался въ предисловіи къ «Германіи»: «Что я предвижу съ наибольшимъ соболѣзнованіемъ—говоритъ онъ иронически—это вопль тѣхъ фарисеевъ народности, которые идутъ теперь рука объ руку съ антипатіями правительствъ, равно пользуются любовью и почтеніемъ цензуры и могутъ давать тонъ въ журналистикѣ, тамъ, гдѣ дѣло въ томъ, чтобы нападать на тѣхъ противниковъ, которые въ то же время противники господъ этихъ людей. Впрочемъ сердце наше покрыто бронею противъ неудовольствія этихъ лакеевъ въ черно-красно-голубой ливреѣ. Я уже слышу ихъ пивные голосà: ты кощунствуешь даже надъ нашими цвѣтами, святотатецъ отечества, другъ французовъ, которымъ ты хочешь устуиить свободный Рейнъ! Успокойтесь. Я стану уважать ваши цвѣтѐ, когда они это заслужатъ, когда они перестанутъ быть праздною или холопскою забавою. Водрузите черно-красно-золотое знамя на высоту германской мысли, сдѣлайте изъ нея хоругвь свободнаго человѣчества, и я отдамъ за нее лучшую кровь сердца. Усповойтесь, я люблю отечество не менёе, чёмъ вы. Изъ-за этой-то любви я прожилъ тринадцать лётъ въ изгнанія, и ради ся же возвращаюсь опять въ изгнаніе». Затёмъ онъ объясняетъ нёмцамъ, что только сильнёйшимъ содёйствіемъ во всемірномъ человёческомъ дёлё, самымъ ревностнымъ участіемъ въ борьбё, примёромъ свободы они могутъ возвысить свою національность надъ другими, и что тогда не только Эльзасъ и Лотарингія, но и весь свётъ сдёлаются нёмецкими. Для этого-то онъ призываетъ нёмцевъ «довершить то, что французы начали, превзойти французовъ въ дёлё, какъ нёмцы уже превзошли ихъ въ мышленіи», и предсказывая 1'ерманіи на этомъ пути славную будущность, говоритъ: «Объ этомъ-то призваніи и всемірномъ господствё Германіи часто я мечтаю, когда хожу въ тёни дубовъ. Таковъ мой патріотизмъ». Подумайте, чему принадлежитъ будущность.—этому ли возвышенному, раціональному, единственному патріотизму, свободному отъ посягательствъ нетерпимости; или той Franzosenfresserei, которую преслёдовалъ Гейне; или тому взаимному отчужденію народовъ, самовосхваленію національностей, и неизбёжной, вѣчной борьбё, наконецъ предпочтенію роднаго прыщика, родной гнили, силё и свёту, когда ихъ являетъ чужой примёръ.... Затёмъ рёшите: значить-ли сатира Гейне ругательство и глумленіе, или она значить прижиганіе родного прыщика и родной язвы.

«Salon» написанъ между 1831 и 1838 годами. Впрочемъ, въ это собраніе вошелъ и отрывокъ «Бахарахскій раввинъ», писанный еще въ Гёттингенѣ. Книга о Бёрне написана въ 1840 году. Съ этой книгой сопряжены были для Гейне два событія: дуэль и женитьба. Его вызвалъ мужъ одной оскорбленной имъ пріятельницы Бёрне, г-жи Штрауссъ, о которой онъ сказалъ, что она «похожа на медицейскую Венеру, тѣмъ, что также стара, также лишена зубовъ, и подбородокъ ея, когда она выбрѣется, также гладокъ, какъ у мраморной богини.» Дуэль произошла въ сентябрѣ 1841 года въ Сенъ-Жерменѣ, и Гейне былъ раненъ пулею въ ляжку. Передъ дуэлью, онъ придалъ законность своему сожительству съ искренно любившею его, и любимою имъ француженкою, Матильдою.

Сожительству съ искренно люоившею его, и люоимою имъ француженкою, Матильдою. «Атта-Тролль», какъ мы уже сказали, писанъ въ 1841 году, но изданъ онъ былъ въ 1846. «Германія» — повторяемъ для общаго перечня — писана въ 1844 году «послѣ путешествія, которое Гейне предпринялъ въ Германію зимою». Въ этомъ же году явились «Neue Gedichte», но въ этотъ сборникъ вошли многія стихотворенія, писанныя гораздо раньше, въ тридцатыхъ и даже двадцатыхъ годахъ. Такъ, къ 1839 году относится испол-

ненное трогательной любовью въ родинѣ, не смотря на неизбѣжную иронію, которая всегда аккомпанируетъ своимъ диссолансомъ тѣ поэтическія увлеченія Гейне, въ которыхъ онъ самъ видѣлъ одну мечтательность:

Сборникъ «Neue Gedichte» явился послѣ кратковременнаго и неудачнаго политическаго движенія въ Германіи 1840 года. Въ немъ есть откликъ на это событіе, и откликъ этотъ заключается въ ѣдкихъ насмѣшкахъ надъ риторствомъ вождей, незрѣлостью мысли движенія, и бездѣйствіемъ народа, его лѣностью и его разочарованіемъ при встрѣчѣ съ первымъ препятствіемъ. Такъ, въ стихотвореніяхъ, обращенныхъ къ поэтамъ Дингельштедту и Гервегу, и въ стихотвореніи «Tendenz» Гейне издѣвался надъ самообольщеніемъ литературы, которая считала народъ зрѣлымъ къ движенію и самое движеніе 1840 года серьезнымъ. Гервегу онъ говоритъ:

> Doch als der holde Rausch entwich, Mein theurer Freund, du warst betroffen — Das Volk die katzenjämmerlich, Das eben noch so schön besoffen!

Когда возникло въ Германіи движеніе болёе серьезное, хотя все-таки еще далеко не народное, именно въ 1848 году, Гейне уже былъ надломленъ и болѣзнью, и разочарованіемъ. Въ это время онъ уже не могъ быть практическимъ участникомъ движенія, уже по той причинѣ, что съ 1848 года не вставалъ съ постели, да сверхъ того, въ это время, въ его развитіи наступила новая пора: ему стало понятно, что однѣ пожитическія реформы не искоренятъ зла и неправды, и что онѣ будутъ даже непрочны и безсильны передъ произволомъ, если съ ними не будетъ связана ближайшими интересами народная масса. Но пойти самъ ио этому новому пути, углубиться въ самый фундаментъ общественныхъ отношеній, на которомъ приходится строить такую нлй иную, всякую политическую форму, — онъ уже

не чувствоваль въ себѣ силъ. Онъ сознаваль, что настаеть для этой новой борьбы новое поколёніе, и не безъ нёкотораго ужаса, но съ покорностью признавалъ его призвание. Въ запискахъ Фарнгагена находится трогательное мибніе, высказанное Генрихомъ Гейне о Фердинандъ Лассаллъ. Больной и разочарованный боецъ сознавалъ, что это-одинъ изъ новыхъ людей, людей здоровыхъ и нѣсколько крутыхъ, свободныхъ отъ разрозненности переходнаго времени; сознаваль, что они поведуть общество далее, чёмъ предполагали либералы, въ томъ числё и самъ Гейне, и отврыто поворялся этому, признавая свою роль сыгранною, свой невольный страхъ тщетныма. Онъ сравнивалъ себя и своихъ современнивовъ съ курицей, которая сама высидёла утиныя яйца и потомъ съ ужасомъ видитъ, какъ вылупившіяся малютки поплыли по водв.

Въ «Romanzero», изданномъ въ 1851 году, уже во время продолжительной агоніи поэта, встр'вчаются еще великол'впные проблески поэтическаго генія, но постепенно чувствуешь, что человѣкъ уже сломленъ. Всего лучше характеризовалъ онъ самъ свое положение въ одномъ изъ стихотворений этого сборника, Enfant perdu:

> Verlor'ner Posten in dem Freiheitskriege, Hielt ich seit dreissig Jahren treulich aus. Ich kämpfte ohne Hoffnung, das ich siege, Ich wusste, nie komm' ich gesund nach Haus. Ein Posten ist vacant! — Die Wunden klaffen — Der eine fällt, die andern rücken nach ----Doch fall' ich unbesiegt, und meine Waffen Sind nicht gebrochen - Nur mein Herze brach.

Приведемъ еще одно стихотвореніе изъ Romanzero:

Конецъ! Опущена завѣса! 🖕 ss. fmarr Къ разътву публика спъшитъ.... Ну что-жъ, успѣхъ имѣла пьеса? О да! въ ушахъ монхъ звучить Еще досель страстный шопоть И крикъ, и вызовы, и топотъ.... Ушли.... и зала ужъ темна, Потухли свечи.... тишина.... Чу! что-то глухо прозвению, Во тымв, близъ сцены опустьлой.... Иль это лопнула струна На старой скрипкѣ... Тамъ что? Крысы Грызуть ненужныя кулисы.... И лампы гаснуть, и чадить

358

Digitized by Google

CAMULU,

генрихъ гейне и его жизнь.

Оть нихъ дымящееся масло.... Одна осталась.... воть — шипить, Шипить.... чуть тлѣеть.... и угасла... Ахъ, эта лампа.... то друзья Была, увы, душа моя ¹).

Считаемъ излишнимъ какъ продолжать эти выписки, такъ и приводить тѣ признанія въ прозѣ, приложенныя къ «Romanzero», изъ которыхъ видно, что поэтъ возвратился къ мысли религіозной, хотя и вовсе не согласной ни съ какою церковью.

Юморъ, легко переходившій въ сарказмъ, не оставлялъ Гейне н въ послѣдніе года, среди страшныхъ страданій спинного мозга. Съ 1848 года онъ не вставалъ съ постели, наконецъ почти ослѣнъ, и когда хотѣлъ посмотрѣть на кого-нибудь, то поднималъ рукою вѣку на одномъ глазу. Такъ онъ посмотрѣлъ на маленькую жену брата своего Густава и сравнивъ ее со своею Матильдою, особою высокаго роста, сказалъ: «братъ, ты умнѣе, ты изъ золъ выбралъ меньшее». Ему же Гейне, при прощаніи (въ 1851 году) говорилъ: «Пріѣзжай еще разъ повидаться; не безпокойся, я теперь еще не умру, потому что мнѣ некогда. Надо привесть въ порядокъ полное собраніе моихъ сочиненій; а обѣщалъ это Кампе; ты его знаешь, прежде онъ не позволитъ умереть». И въ самомъ дѣлѣ, Гейне прожилъ еще шесть съ половиною лѣтъ послѣ посѣщенія его братомъ, и успѣлъ привесть въ порядокъ изданіе, предпринятое Кампе, и продиктовать предисловія и примѣчанія къ главнымъ своимъ произведеніямъ. Онъ умеръ 17 февраля 1856 года.

За четырнадцать дней до смерти онъ написалъ фантастическое стихотвореніе на свою смерть, въ которомъ представляеть себя лежащимъ въ гробу.

Такой траурной фантазіею кончиль поэть, который началь свое поприще пёснью любви. Любовь его долго переживеть его самого, воспётая въ образцовыхъ созданіяхъ. Но не одну ее онъ завёщалъ міру. Вспомнимъ его стихи:

> Der eine fällt — die andern rücken nach — Doch fall' ich unbesiegt, und meine Waffen Sind nicht gebrochen...

> > Л. Полонский.

¹) Въ цереводѣ А. Григорьева.

359

ЯНЪ ГУСЪ

X

ЧЕШСКАЯ НАЦІОНАЛЬНОСТЬ.

Höfler, Magister Iohannes Hus und der Abzug der deutschen Professoren und Studenten aus Prag, 1409. Prag 1864.

Palacky, Die Geschichte des Hussitenthums und Professor Constantin Höfler. Prag. 1868.

Народное движеніе въ Богеміи, не прекращавшееся съ тѣхъ поръ, какъ началась въ Австріи внутренняя преобразовательная работа. принимаетъ все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Не довольствуясь немногими уступками, сдёланными министерствомъ Белькреди, чехи хотять образованія чешскаго королевства, которое обнимало бы собою Богемію и Моравію и австрійскую Силезію, и было бы поставлено на одинъ уровень съ королевствомъ венгерскимъ, т. е. соединено съ имперіей на тъхъ же основаніяхъ, на какихъ соединена съ ней Венгрія законодательствомъ Право свое на самостоятельность чехи защищають, 1867 г. между прочимъ, аргументами, почерпнутыми изъ исторіи; такими же аргументами возражаетъ имъ и противная сторона. По мнбнію чеховъ, страна съ такимъ прошедшимъ, какимъ гордитса Богемія, не можетъ низойти на степень обыкновенной провинціи; народъ, постоянно шедшій своимъ особымъ путемъ, создавшій самобытную цивилизацію и съумѣвшій сохранить себя при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не можетъ быть обреченъ на безусловное сліяніе съ другимъ народомъ. Порядовъ вещей,

уничтоженный исключительно съ помощью грубой силы, долженъ быть возстановленъ, какъ только руководящимъ началомъ въ государственной жизни, вибсто силы, является право. Противники чеховь отвѣчають на это, что зависимость Чехіи оть Германіи, не только политическая, но и умственная, началась почти одновременно съ существованіемъ чешскаго государства; что Чехія обязана Германіи всёми лучшими сторонами своего общественнаго устройства; что разрывъ между Чехіей и Германіей, совер-шившійся въ XV въкъ, былъ уклоненіемъ съ настоящей дороги — уклоненіемъ, тяжело отозвавшимся на виновникахъ его, т. е. на чехахъ; что требовать равноправности съ Венгріей Богемія не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ Венгрія, за исвлючениемъ короткаго перерыва, не переставала пользоваться своими старинными правами, а Богемія потеряла ихъ безвозвратно два съ половиною вѣка тому назадъ. Понятно, что споръ, перенесенный такимъ образомъ на историческую почву, долженъ быль сосредоточиться преимущественно на критическихь эпо-хахь, на главныхь двятеляхь богемской исторіи. Въ ряду этихъ эпохъ стоить на первомъ планѣ эпоха гусситизма, въ ряду этихъ двателей — Янъ Гусъ. Имя Гуса нивогда еще не пользовалось въ Богеміи такою громадною популярностью, вавъ въ послѣднее время. Оно становится девизомъ борьбы за самостоятельность Чехіи, сигналомъ народныхъ демонстрацій противъ владычества нёмцевъ. Къ могилё Гуса отправляются цёлыя сотни чешсвихъ пилигримовь; въ день его смерти память его чествуется всёмъ чешскимъ народомъ. Не менве страстны, съ другой стороны, на-паденія нвмецкой партіи противъ Гуса. Появляется цвлый рядъ сочинений, исключительно направленныхъ къ тому, чтобы помрачить его славу, унизить его заслуги, выставить его узкимъ, близорукимъ фанатикомъ, принесшимъ не пользу, а только вредъ своему народу. Къ числу самыхъ упорныхъ противниковъ Гуса иринадлежить профессорь пражскаго университета Константинъ Гёфлерь, издатель историческихъ памятниковъ, относящихся къ эпохѣ гусситизма (Scriptores rerum hussiticarum). Комментаріи его къ этимъ памятникамъ, а также отдѣльное сочиненіе его о Гусѣ, названное въ заглавіи нашей статьи, представляютъ собою длинный рядъ обвиненій противъ Гуса и гусситизма. На нѣко-торыя изъ этихъ обвиненій отвѣчалъ недавно глава чешской историчесвой шволы, Палацкій. Мы хотимъ коснуться только одного порической школа, налацкий. На хотям'я коснуться только одного пункта полемики между Гефлеромъ и Палацкимъ, а именно во-проса о томъ, можно ли считать Гуса систематическимъ врагомъ нѣмецкой народности, представителемъ слѣпого, до нетерпимости крайняго чешскаго патріотизма? Для разрѣшенія этого вопроса

необходимо прежде всего бросить бъглый дзглядъ на исторію Богеміи до Гуса.

Не подлежить никакому сомнѣнію, что Богемія и сосѣднія съ нею славянскія земли (Моравія, Силезія, Лузація) подверглись очень рано вліянію Германіи. Уже Карль Великій обложилъ ихъ данью, отъ которой, впрочемъ, онъ нъсколько разъ освобожданись при слабыхъ преемникахъ его. Христіанство проникло въ Богемію почти одновременно и съ запада, и съ востока; главными распространателями его, однако, были славянскіе апостолы Кириллъ и Меводій. Проповѣдь единоплеменниковъ не встрѣтила тѣхъ препятствій, съ которыми должна была бороться пропов'язь чужеземцевь. Меводій крестиль богемскаго внязя Боривоя. Но уже въ концѣ IX вѣка Богемія присоединилась въ регенсбургской епархіи, и латинская литургія стала оспаривать господство у славянской. Вратиславъ и св. Вячеславъ, царствовавшій въ началѣ Х вѣка, старались возстановить самостоятельность чешской церкви, но безъ успёха; въ то же самое время счастливый походъ императора Генриха I въ Богемию заставилъ Вячеслава возобновить прерванный платежъ дани въ пользу имперіи. Въ концъ Х въка Богемія отдёлилась отъ регенсбургской епархіи и образовала, вмѣстѣ съ сосѣдними славянскими землями, особую церковную область, центромъ которой сдѣлалась Прага; но это не повлекло за собою возвращенія въ славянскимъ обрядамъ, почти вездё уступившимъ мъсто латинской литургін. Новая епархія была подчинена архіепископу Майнцскому, первому духовному сановнику германской имперін. Въ большей части богемскихъ монастырей, основанныхъ въ-Х и XI вѣкѣ, дѣйствовалъ уставъ одного изъ западныхъ монашесвихъ орденовъ — ордена бенедивтинцевъ. Въ концъ XI в. монастырь св. Провопія на Сазавѣ, главный оплоть славянскаго богослуженія, былъ переданъ герцогомъ Врепиславомъ П-мъ въ руки бенедиктинцевъ. Политическая связь между Богеміей и германской имперіей также становилась все тёснёе и тёснёе — герцогъ Вратиславъ II-й поддерживалъ императора Генриха ІУ въ борьбѣ его съ папой и мятежными князьями; король Владиславъ І-й сражался въ Италіи подъ знаменами Фридриха Барбароссы. Императоры Генрихъ V, Генрихъ VI играютъ роль верховнаго судьи въ семейныхъ распряхъ богемскаго княжескаго дома. Начиная съ XI въка, богемские князья вступають въ бракъ почти исключительно съ нѣмецкими принцессами; нѣмецкій элементь при княжескомъ дворѣ становится все сильнѣе и сильнѣе. Находя въ нёмецкихъ монастыряхъ опору противъ увеличивающейся власти дворянства, князья заботятся объ умножении числа.

этихъ монастырей, надъляютъ ихъ землями, даютъ имъ привилегін разнаго рода. Позже, въ XIII вёкё, начинается основаніе городовь нёмецкими выходцами, поощряемое, вызываемое внязьями не только для развитія промышленности и торговли, но и въ видахъ противодъйствія вліянію аристократіи. Нѣмецкое населеніе приносить съ собою нёмецкіе обычая, нёмецкія юридическія установленія и взгляды. Королевское достоинство было даровано богемскимъ герцогамъ императорскою властью и утверждено за ними папой Иннокентіемъ III; короли богемскіе получили, въ свою очередь, право участвовать въ избрании императора. Во время междуцарствія, король богемскій Оттокаръ II, овладѣвшій, кромѣ Богеміи, Австріей и Штиріей, быль однимъ изъ самыхъ могущественныхъ имперскихъ князей; онъ могъ бы, если бы захотълъ, возложить на себя императорскую корону. Эта эпоха высшаго могущества богемскихъ королей была вмъстъ съ твить эпохой наибольшей германизаціи Богеміи. При Оттоварѣ ІІ-мъ нѣмецкій элементъ сдѣлался преобладающимъ даже въ столицѣ государства-Прагѣ. Въ началѣ XIV вѣка пресѣкся родъ Премыслидовъ, туземныхъ, хотя и сильно обнѣмеченныхъ госу-дарей Богеміи, и богемскій престолъ достался князьямъ нѣмецваго происхожденія. Іоаннъ, первый богемскій король изъ люксембургскаго дома, быль чуждъ всему чешскому и равнодушенъ въ дѣламъ своего государства. Сынъ его Карлъ любилъ Богемію, водворилъ въ ней благосостояніе, до тёхъ поръ небывалоено вакъ императоръ германскій, онъ не могъ быть для Богеміи государемъ національнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова 1).

Ни смѣшеніе нѣмецкаго населенія съ чешскимъ, ни распространеніе нѣмецкихъ обрядовъ, обычаевъ, законовъ не могло однако подавить жизненную силу чешской народности. Она сохранила свой языкъ, выработала свое право, свою литературу и нриняла участіе въ общемъ движеніи Запада, не исчезая въ иемъ безслѣдно. Въ 1348 г. Карлъ IV учредилъ въ Прагѣ университетъ, по образцу Парижа и Болоньи. Въ Германіи въ это время не было еще ни одного университета; пражскій университетъ, по мысли основателя его, долженъ былъ сдѣлаться ис-

¹) Матеріалы для этого краткаго обзора чешской исторін до XIV в. мы почерпнуля, между прочимъ, изъ «Исторіи чешскаго королевства» В. Томка, переведенной недавно на русскій языкъ (Спб. 1868, изданіе кингопродавца Звонарева). За ненийнісмъ на русскомъ языкъ другихъ сочиненій, спеціально посвященныхъ богемской исторіи, нельзя не порадоваться появленію въ свъть этого перевода, хотя книга Томка написаня довольно сухо и едва ли возбудитъ въ русскихъ читателяхъ большой интересъ къ исторіи Богеміи, да и самый переводъ не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ.

точникомъ и средоточіемъ образованія для всёхъ земель къ во-стоку отъ Рейна и къ сёверу отъ Альповъ. И дёйствительно, студенты стекались въ Прагу изъ всёхъ нёмецкихъ владёній, изъ всёхъ славянскихъ странъ, тяготёвшихъ болёе къ западу, чёмъ къ востоку. Они раздёлялись на четыре нации: богемскую, польскую, саксонскую и баварскую. Каждая нація им'яла одинъ голосъ при избрании ректора и при рѣшении другихъ дѣлъ, обцихъ для всего университета 1). Канцлеромъ университета былъ архіепископъ пражскій, верховнымъ покровителемъ его и главою — папа, буллами котораго было окончательно утверждено устройство университета. Весьма въроятно, что господствующимъ элементомъ въ университетъ первоначально былъ элементъ нѣмецкій, не только потому, что на сторонѣ нѣмцевъ былъ перевѣсъ численный, но и потому, что образование въ это время было болѣе распространено въ Германіи нежели въ Чехіи. Чѣмъ дольше существоваль университеть, тёмъ меньше становилось, въ этомъ отношении, различие между чехами и нёмцами; съ развитіемъ образованія у чеховъ усиливалось и чувство народной гордости, усиливалось стремление къ независимости отъ чужеземныхъ вліяній. Изъ числа четырехъ націй, на которыя дѣлился университеть, нёмецкихъ по имени было двѣ, но на самомъ дѣлѣ три, потому что польская нація состояла преимущественно изъ нъмцевъ (уроженцевъ Силезіи, Пруссіи, Помераніи). Располагая большинствомъ голосовъ, нѣмцы присвоивали себя почетныя мѣста въ университетъ, наполняли учрежденныя при немъ коллегін, занимали одну за другою высшія церковныя должности въ Богеміи. Понятно, что такой порядокъ вещей не могъ не возбудить неудовольствіе чеховъ. Уже въ 1384 г., въ началѣ царствованія Вячеслава, возникаеть спорь о числь мьсть, которыя должны принадлежать чехамъ въ коллегіяхъ университета споръ, окончившійся нёкоторыми уступками остальныхъ трехъ націй въ пользу богемской. Въ началь XV вёка національное соперничество усложняется религіозною враждою, оппозиція противъ нёмцевъ и противъ господствующей церкви находитъ пред-ставителя въ лицѣ Яна Гуса, — и движеніе, до тѣхъ поръ но-сившее на себѣ характеръ домашней распри, становится однимъ изъ важнёйшихъ событій всемірной исторіи.

До вонца XIV-го въка, антикатолическія ученія, возникая большею частью во Франціи, въ Италіи, среди племенъ романскихъ, имъли въ Германіи отдёльныхъ приверженцевъ, но не образо-

¹) Право голоса принадлежало не студентамъ, а магистрамъ, которые также распредблялись по націямъ.

вали въ ней могущественныхъ сектъ, подобныхъ альбигойской. То же самое слъдуетъ сказать и о Богеміи. Въ лътописяхъ ея встрѣчаются извѣстія о еретикахъ, казненныхъ въ 1257, въ 1335 г.; но о свойствѣ ереси и о степени распространенія ея не сохранилось положительныхъ свѣдѣній. Можно только пред-полагать, что она находилась въ тѣсной связи съ ученіемъ валь-денцевъ, проникшимъ въ то же самое время въ Баварію и въ Ав-стрію. Въ XIV-мъ вѣкѣ въ Богеміи, накъ и вездѣ, слышатся гром-кія жалобы на испорченность духовенства, въ особенности монаше-сияхъ орденовъ. Онѣ раздаются съ одинаковою силой въ устахъ нѣмца — Конрада Вальдгаузера, и чеха — Яна Милича, лю-бимыхъ народныхъ проповѣдниковъ въ Прагѣ при Карлѣ IV. Сначала эти нападенія не заключаютъ въ себѣ ничего против-наго догматамъ и уставамъ католической церкви; но переходъ билых народных проповѣдниковь въ Прагѣ при Карлѣ IV. Свачала эти нападенія не заключають въ себѣ ничего против-наго догматамъ и уставамъ католической церкви; но переходь оть послѣдствій къ причинѣ, оть распущенности духовенства къ усювіямъ, при которыхъ она сдѣлалась возможной, былъ неиз-бѣкено обвиненіе въ ереси, мотивированное тѣмъ, что онъ не при-даеть надлежащаго значенія карательнымъ мѣрамъ, которымъ располагаеть церковь, и отвергаеть право духовенства на личную собственность. Ученикъ Милича, Матвѣй изъ Янова, сомнѣвалься къ необходимости поклоненія мощамъ и иконамъ и совѣтовалъ пранамъ какъ можно чаще, даже ежедневно пріобщаться св. танът, т. е. рабпространалъ на нихъ право, по тогдашнимъ по-нятіякъ, принадлежащее только духовенству. По нѣкоторымъ, впрочемъ не вполнѣ достовѣрнымъ съвѣдъніямъ, Матвѣй изъ Анова требовалъ для мірянъ даже причащенія подъ обоими ви-дамя, т. е. былъ непосредственнымъ предпественникомъ гусситизма. Прада, когда высшія духовныя власти въ Прагѣ осудали уче-пе Матвѣа, онъ тотчасъ же подчинился ихъ приговору; но это котокововъ сочиненія Вилеефа, пронявлия въ Богемію можетъ бусоскововъ сочиненія Вилефа, пронявлия въ Богемію макетъ бусослововъ сочиненія Вилефа, пронявлия въ Богемію макетъ кото сокововъ сочиненія Вилефа, пронявлия въ Богемію макетъ кото вражая противъ господствующаго ученія номиналистовъ каривалъ свободу воли и развивалъ теорію предопредѣленія; нарява, со богословскія сочиненія, въ которыхъ онъ возставаль противъ богатствъ, накопленныхъ духовенствомъ, на вообще про-противъ богатствъ, накопленныхъ духовенствомъ на кометь, на отаритье, кака противъ валатиень, противъ на его въ свѣтскія дѣда, противъ палской власти, противъ ка его въ свѣтскія дѣда, противъ палской власти, противъ

ства, противъ монашествующихъ орденовъ и т. п. Въ 1403 г. учение Виклефа было распространено въ Богемии уже такъ сильно, что церковная власть сочла нужнымъ принять противъ него дбятельныя мёры. Собранію магистровъ, созванному ректоромъ по приглашенію епархіальнаго начальства, были предложены на обсуждение сорокъ пять положеній, извлеченныхъ изъ сочиненій Виклефа. Открыто защищать эти положенія не рѣшился почти никто изъ присутствующихть но нѣсколько богемскихъ магист-ровъ — въ томъ числь и Гусъ, пользовавшійся уже, не смотря на молодость свою, большою извъстностью въ университетѣ, и занимавший незадолго переть тЕмъ должность ректора, — старались доказать, что такихъ положений у Виклефа вовсе нётъ, что они формулированы обвинителями его неточно или даже преднамфренно-фальшиво. Большинство голосовъ высказалось противъ всѣхъ сорока пяти положеній, и преподаваніе ихъ, какъ публичное, такъ и тайное, было запрещено всёмъ магистрамъ и бак-калаврамъ пражскаго университета. Это запрещеніе не достигло своей цели; учение Виклефа продолжало распространяться въ Богемии, на что уже въ 1405 г. были приносимы жалобы пражскому архіепископу и папѣ. Архіепископъ Збинекъ призвалъ къ своему суду нѣсколькихъ священниковъ-магистровъ; одинъ изъ нихъ былъ подвергнутъ тюремному заключенію. Самого Гуса обвиняли въ томъ, что онъ своими обличительными проповѣдями возбуждаеть ненависть народа противъ духовенства. Но обвиненія эти не мѣшали Гусу идти все дальше и дальше; сильный поддержкою королевы и многихъ дворянъ, онъ возставалъ на каеедрѣ виелеемской часовни, не только противъ явныхъ злоупотребленій духовенства, но и противъ обычаевъ, въ которыхъ церковь не видѣла до тѣхъ поръ ничего дурного. Такъ, напримъръ, онъ провозгласилъ ересью получение священниками какого бы то ни было вознагражденія отъ частныхъ лицъ за совершеніе таинствъ. Въ 1408 г. собраніе магистровъ богемской націи еще разъ запретило распространять положенія Виклефа, но съ знаменательною оговоркой: «in sensibus eorum haereticis, aut erroneis, aut scandalosis» (въ смыслѣ еретическомъ, ошибочномъ или соблазнительномъ). Другими словами, запрещение было уже не безусловное, какъ въ 1403 г., и неопредёленность формулы, въ которой оно было выражено, значительно ослабляло его силу. Приверженцамъ Виклефа была дана возможность развивать его идеи, только слегка смягчая ть изъ нихъ, которыя противоръчили слишкомъ прямо ученію господствующей церкви. И дъй-ствительно, постановленіе богемской націи послужило сигналомъ въ открытому разрыву между церковною властью и защитниками

366 .

новаго ученія. Архіепискоцъ цотребоваль, чтобы всё имёющівся въ Богеміи экземпляры сочиненій Виклефа были представлены на его разсмотрёніе; противъ этого съ нёсколькихъ сторонъ были принесены апелляціи папё. Осенью 1408 г., Гусъ, по распоряженію архіепископа, былъ лишенъ права говорить проповёди народу. По мпёнію Гефлера, это распоряженіе находилось въ связи съ мёрами, принятыми противъ послёдователей Виклефа; по мпёнію Палацкаго ¹), оно было вызвано возникшимъ въ это время споромъ о повиновеніи или неповиновеніи папѣ Григорію XII.

Такъ-называемый великій расколъ западной церкви, начавшійся въ 1378 г. избраніемъ анти-паны Климента VII, вступиль, въ 1408 г., въ новый періодь своего развитія. Какъ римскій папа Григорій XII, такъ и авиньонскій Бенедикть XIII обязались. при самомъ избрании, сложить съ себя свое достоянство, какъ только это сделается необходимымъ для возстановления церковнаго единства; но ни тотъ, ни другой не были расположены исполнить это обязательство. Тогда большинство кардиналовъ, какъ римскихъ, такъ и авиньонскихъ, рѣшились пристуцить къ низложенію обоихъ папъ и избранію новаго, для чего и былъ созванъ соборъ въ Пизѣ на 25-е марта 1409 г. Богемія, съ самаго начала раскола, держала сторону римскаго папы; но Григорій XII возбудиль противъ себя гнѣвъ Вячеслава, признавъ воролемъ римскимъ соперника его, пфальцграфа Рупрехта. Этимъ объясняется посибшность, съ которою Вячеславъ высказался въ пользу рѣшенія кардиналовъ и объщалъ подчиниться постановленію собора, а до тёхъ поръ сохранять нейтралитетъ между обоими папами. Противъ этого возсталъ архіепископъ пражскій, находя, что нёть достаточной причины отказывать въ повиновени законному папѣ, Григорію XII. Спорный вопросъ былъ предложенъ на обсуждение университета; за мнѣние вороля понала голосъ одна богемская нація, остальныя три согласились съ архіепископомъ. Тогда Вячеславъ издалъ указъ (18 января 1409 г.), которымъ предоставилъ богемской націи, во всёхъ дёлахъ университета три голоса, а тремъ остальнымъ націямъ, вмёств взятымъ — только одинъ. Другими словами, чехамъ было дано въ университетъ то мъсто, которое принадлежало нъмцамъ. Само собою разумѣется, что нѣмцы не могли отнестись въ этому равнодушно; они направили всё усилія свои къ тому, чтобы достигнуть отмёны указа 18-го января, а между тёмъ обязались другъ передъ другомъ выселиться изъ Праги, если не буиеть возстановлень прежний порядовъ вещей. Переговоры, нача-

¹⁾ Palacky, Geschichte von Böhmen, T. III, отдѣленіе 1-е, стр. 227.

въстникъ европы.

тые по этому предмету, не привели ни въ какому результату, и въ май. 1409 г. огромное большинство нѣмецкихъ магистровъ, бажалавровъ и студентовъ навсегда оставили Прагу. Движеніе это не коснулось впрочемь юридическаго факультета, который образоваль самостоятельное цѣлое и не принималь участія въ общихъ дѣлахъ университета. Число профессоровъ и студентовъ, оставившихъ Прагу въ 1409 г., опредѣляется весьма различно; по словамъ однихъ историковъ, оно доходитъ до 20,000, но словамъ другихъ, не превышаетъ 5,000. Многіе изъ числа выхощевъ направились въ Лейпцигъ и положили начало тамошнему университету; другіе примкнули къ университетамъ уже прежде существовавшимъ, напр. Эрфуртскому, который съ этихъ поръ сталъ быстро возвышаться. Матеріальная потеря для учителей Праги была весьма значительна, такъ какъ между нѣмецкими студентами было много людей достаточныхъ; пѣкоторые изъ нихъ, посѣщая университетъ, занимались вмѣстѣ съ тѣмъ промышленностью или торговлей.

Остановимся на этомъ событіи, потому что оно служитъ главнымъ и почти единственнымъ матеріаломъ для харавтеристики Гуса, какъ бойца чешской народности протцевъ нѣмецкой. Историки нѣмецкой партіи, въ особенности Гёфлеръ, не находять достаточно рёзкихъ словъ, чтобы выставить на видъ всю несправедливость указа 18 января 1409 г., вск бёдственныя послёдствія его для Богеміи, для Германіи, вообще для Западной Европы; за тёмъ они стараются доказать, что отвётственность за эту катастрофу упадаетъ преимущественно на Гуса, врага нѣмцевъ и всего нѣмецкаго. Чешсије историки соглаша-ются съ тѣмъ, что указъ 18 января 1409 г. уменьшилъ значе-ніе пражскаго университета; но они признаютъ его вполнѣ основательнымъ и справедливымъ. Не совсёмъ одинаково они относятся только въ вопросу о томъ, какая доля участія въ событіяхъ 1409 г. принадлежитъ собственно Гусу. Одни, напримѣръ-Томекъ, приписываютъ ему первенствующу роль въ измѣненіи отношеній между четырьмя націями университета. «Гусь-говорить Томекь ¹) — нашель удобный случай выполнить давнишнія желанія чешской націи и искоренить господство иностранцевъ въ университетъ. Съ помощью дворянъ, которые держали сторону народа, онъ довелъ дёло до изданія указа 16 января

¹⁾ Сочиненіе г. Новикова «Гусъ и Лютеръ», напечатанное въ «Русской Бесіді» и «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1857 — 1859 г., трудъ вполив добросовістный и во многихъ отношеніяхъ весьма замізчательный, хотя и односторонній, —осталось, къ сожалізнію, почти незамізченнымъ нашею критикою.

1409 г.». Точно также смотрить на дѣло и русский историкв Гуса, г. Новиковъ, говоря о рѣшимости Гуса «очистить университеть оть незванныхъ гостей» и называя его «илайныйъ виновникомъ изгнанія нѣмцевъ». Палацкій держится другого мпѣнія; онъ находить, что указъ 18 января 1409 г. быть изданъ не столько подъ вліяніемъ Гуса, сколько по собственному побужденію Вячеслава, раздраженнаго сопротивленіемъ трехъ націй въ дѣлѣ признанія или непризнанія паны Григорія XII. Г. Новиковъ утверждаетъ, что между Гусомъ и нѣмцами существовала отъявленная вражда, что Гусъ чувствовалт инстинктивное отврищение къ нѣмцамъ, преслѣдовалъ ихъ, какъ враговъ чешскаго народа, и помирился съ ними только въ концѣ своей жизни, что главной его задачей была борьба противъ «враждебнаго западнаго элемента» и «гибельной германоманіи». Отправляясь отъ различныхъ исходныхъ пунктовъ и стремясь къ совершенно различныхъ исходныхъ пунктовъ и Гефлеръ сходятся, такимъ образомъ, въ выводахъ своихъ относительно одной стороны дѣятельности Гуса. Палацкій, полагаетъ, напротивъ того, что Гусъ былъ совершенно чуждъ ненависти къ вѣмцамъ. Который же изъ этихъ взглядовъ ближе въ исторической истинѣ?

Когда именно возникла въ средѣ чешской націи мысль объ измѣненіи порядка вещей, до тѣхъ поръ существовавшаго въ университетѣ, вто первый возбудилъ ее и первый принялъ мѣры къ ея осуществленію, — объ этомъ не сохранилось точныхъ свѣдѣній. Съ достовѣрностью извѣстно только то, что чешская нація обращалась къ къролю съ ходатайствомъ по этому предмету еще до изданія указа 18 января 1409 года, и что, въ числѣ ходатаевъ, находился Янъ Гусъ. Самъ Гусъ объявилъ на Констанцскомъ соборѣ, что онъ, по совѣту магистра Андрея изъ Бродъ (тогда принадлежавшаго къ числу близкихъ друзей Гуса, но впослѣдствіи перешедшаго на сторону его враговъ и явившагося однимъ изъ винителей его на соборѣ), охотно способствовалъ изданію указа 18 января. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что Гусъ дѣйствовалъ на короля черезъ посредство одного изъ его любимцевъ, Николая изъ Лобковицъ. Послѣ обнародованія указа Гусъ открыто заявлялъ права этого вельможи на благодарность чешской націи, «которой онъ, по нашей просибл, доставилъ побѣду при дворѣ». Но этимъ и ограничивается участіе Гуса въ изданіи указа 18 января. Когда депутаты чешской націи въ первый разъ явились къ Вячеславу въ Кутну-гору съ жалобой на преобладаніе нѣмцевъ, онъ принялъ ихъ весьма немилостиво, съ гнѣвомъ упрекалъ Гуса за волненія, имъ возбуж-

Томъ V. — Сентяврь, 1868.

даемыя, и грозилъ ему смертью на кострв, если онъ не перестанеть навлекать на Богемію обвиненіе въ ереси. Гусь возвратился въ Прагу и тяжко заболёлъ; указъ 18 январа состоялся именно во время его болёзни. Отсюда слёдуеть заключить, что не вліяніе Гуса было существенною причиной перемёны, проистедшей въ положеніи университета. Онъ желаль этой перемёны, употребляль различныя усилія для того, чтобы ея достигнуть, радовался ей, когда она совершилась, — но не быль ни единственнымъ, ни даже главнымъ виновникомъ ея. Приписывать ее только стараніямъ Николая изъ Лобковицъ было бы также большой ошнокой; она была естественнымъ результатомъ той роли, которую приняли на себя три націи въ спорѣ между королемъ и папой Григоріемъ XII. Для короля вопрось о низложеніи Григорія былъ вопросомъ слишкомъ важнымъ, потому что на этомъ были основаны всё его надежды возвратить утраченную имъ римскую ворону. Сопротивленіе, которое онъ встрѣтилъ со стороны трехъ націй, поддержка, которую онъ нашелъ въ націи чешской, неизбѣжно должны были привести его къ попыткѣ сломить господство нѣмцевъ въ пражскомъ университетѣ. Но правы ли были чехи, становясь на сторону короля противъ папы, законность котораго они до тѣхъ поръ сами признавали? Руководствовались ли они при этомъ добросовѣстнымъ желаніемъ возстановить церковное единство, или жертвовали интересами церкви въ пользу своихъ эгоистическихъ цѣлей?

Само собою разумѣется, что Гёфлеръ разрѣшаеть этотъ вопросъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для чеховъ. Возставая противъ Григорія XII, —говоритъ онъ, — чехи прежде всего налагали руку на самихъ себя, на свой университетъ, привилегіи котораго были большею частью основаны на буллахъ, данныхъ непосредственными предшественниками Григорія. Отвергая законность Григорія, а слѣдовательно и всѣхъ другихъ римскихъ папъ, съ самаго начала великаго раскола, они отвергали законность всего сдѣланнаго этими папами въ пользу Богеміи, они осуждали самихъ себя, своихъ предковъ, своего великаго короля Карла, который не поколебался принять сторону Рима противъ Авиньона. Если бы Вачеславъ и пражскій университетъ остались вѣрны Григорію XII, то католическая церковь была бы, можетъ быть, избавлена отъ зрѣлища трехъ папъ, одновременно предъявляющихъ свои права на римскій престолъ; она была бы избавлена отъ позора, причиненнаго ей избраніемъ такого папы, какъ Бальтазаръ Косса (Іоаннъ XXIII). Однимъ словомъ, на чеховъ — т. е. преимущественно на Гуса — упадаетъ, по мнѣнію Гефлера, самая тажкая доля отвѣтствейности за всѣ бѣдствія,

которымъ подверглась церковь, а вмёстё съ нею и народы За-падной Европы, въ промежутокъ времени между 1409 и 1415 г. Это миёніе кажется намъ рёшительно недостойнымъ серьезнаго историка. Прежде всего, нельзя не замѣтить, что спорный во-просъ касался вовсе не законности избранія Григорія XII или Бенединта XIII, а только устраненія раскола посредствомъ низ-ложенія обоихъ папъ и избранія новаго. Кардиналы, воявніе на себя иниціативу созванія Пизанскаго собора, сами принимали участіе въ избраніи Григорія XII и Бенедикта XIII, и уже по этому одному не могли оспорить законность того или другого избранія. Пизанскій соборъ, низлагая обоихъ папъ, мотивировалъ свои рѣшенія не законностью избранія ихъ, а необходимостью положить конець расколу, котораго они не хотёли превратить добровольнымъ отреченіемъ отъ своего достоинства. Соглашаясь на *такое* низложение Григорія XII, чехи не впа-дали, слёдовательно, въ противорёчіе съ своимъ прежнимъ образомъ двиствій, не колебали законной силы постановленій, изданныхъ предшественниками Григорія. Предположеніе Гёфлера, что Вячеславъ и пражский университеть могли помѣшать низложению Григорія XII, лишено всякаго основанія. Вячеславъ, оставленный большинствомъ курфирстовъ и имперскихъ князей, два раза подвергавшійся изгнанію изъ своего собственнаго государства, не имѣлъ ни могущества, ни авторитета, необходимыхъ для управленія соборомъ. Пражскій университетъ едва ли бы одержаль верхъ надъ парижскимъ, привыкшимъ имѣть рѣшительный голось во всёхъ богословскихъ спорахъ, — а парижскій университеть, руководимый самымъ извёстнымъ изъ всёхъ тогдашнихъ богослововъ (Жерсономъ), стоялъ за низложение обоихъ папъ и держалъ сторону Пизанскаго собора 1). И дъйствительно, низложеніе обоихъ папъ представлялось единственнымъ правтическимъ средствомъ къ прекращенію раскола. На отреченіе папъ нельзя было разсчитывать; въ случат смерти одного изъ нихъ кардиналы, его окружавшіе, немедленно — какъ этому уже было нѣсколько примѣровъ — избрали бы на его мѣсто другое лицо. Пизанскій соборъ имѣлъ право надѣяться, что его приговору подчинится вся западная церковь; онъ не могъ предвидёть, что рядомъ съ

¹) Въ другомъ мъсть своей книги Гефлеръ упрекаеть пражскій университеть за то, что онъ (въ спорахъ объ ученія Виклефа) не послёдовалъ примъру парижскаго университета (безусловно осудившаго это ученіе). Это можетъ служить образцомъ противоръчій, въ которыя безпрестанно впадаетъ Гефлеръ: когда онъ одобряетъ образъ дъйствій парижскаго университета, тогда онъ негодуетъ на Прагу за то, что она не идетъ по стопамъ Парижа; и на оборотъ, когда онъ недоволенъ Парижемъ, то ставитъ въ вину Прагъ, что она не пошла на перекоръ парижскому университету.

папой, имъ поставленнымъ, останутся и оба прежніе, такъ, что вмѣсто двухъ папъ явятся три. Въ пользу дороги, избранной Пизанскимъ соборомъ, говоритъ уже то обстоятельство, что ею же пошель Констанцскій соборь, хотя онь и имѣль въ виду результать рёшенія 1409 г., хотя онъ и рисковаль прибавить въ тремъ папамъ еще четвертаго. Можно сказать утвердительно, что если Констанцскому собору удалось прекратить расколъ, то этому много содъйствовало негодование, возбужденное одновременнымъ появленіємь трехъ папъ, и что, слёдовательно, самая неудача мёръ, принятыхъ Пизанскимъ соборомъ, облегчила возстановление цервознаго единства. Что избрание Бальтазара Коссы было позоромъ для. католической церкви — это не подлежить никакому сомньнію; но чёмъ же тутъ виноваты Пизанскій соборъ, Вячеславъ, пражскій университеть? Могли ли они знать заранье, что на мѣсто недостойныхъ Григорія XII и Бенедивта XIII будетъ поставленъ еще менѣе достойный Іоаннъ XXIII? Въ избраніи папы Пизанскій соборъ, а тёмъ болёе свётскіе покровители его, участія не принимали; оно было, какъ всегда, дёломъ кардиналовъ. Притомъ, въ 1409 г. папой былъ избранъ Александръ V, нравственность котораго была безупречна; Іоаннъ XXIII былъ избранъ уже послъ смерти Александра, въ 1410 году. Итакъ, чешская нація, соглашаясь, вмѣстѣ съ королемъ Вячеславомъ, на низложение Григорія XII, дъйствовала въ интересахъ церкви, вавъ ихъ понимало въ то время огромное большинство католивовъ. Руководилась ли она при этомъ и эгоистическими цѣлями, разсчитывала ли она заранбе на награду со стороны короля --опредёлить довольно трудно; но столь же трудно поручиться и за безкорыстіе поддержки, оказанной Григорію XII тремя другими націями и архіепископомъ пражскимъ (черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подчинившимся, впрочемъ, рѣшенію короля и Пизансваго собора). Если чехи могли считать для себя выгоднымъ нарушеніе церковнаго statu quo, то нѣмцы, по той же причинѣ, могли считать для себя выгоднымъ сохранение его.

Обращаясь въ самому содержанію указа, 18 января 1409 г., Гефлеръ утверждаетъ, что чешская нація выманила его у вороля обманомъ, что она увърила Вячеслава, будто бы первоначально, при Карлъ IV-мъ, нъмцы располагали только однимъ голосомъ въ дѣлахъ университетскихъ, и уже потомъ присвоили себъ большинство голосовъ. И здѣсь, конечно, главнымъ виновникомъ обмана является Гусъ. Обвиненіе формулировано Гефлеромъ съ большою рѣзкостью, но вовсе не подкрѣплено фактическими данными. Онъ не доказалъ, чтобы первоначальное распредѣленіе голосовъ было именно таково, какъ въ 1408 г.; овъ не дока-

залъ, чтобы преобладаніе нѣмцевъ было основано на ясномъ, положительномъ законѣ, а не на обычаѣ, лишенномъ обязатель-ной силы. Впрочемъ, этотъ вопросъ второстепенный; гораздо важ-нѣе опредѣлить, справедлива ли была мѣра, принятая Вячесла-вомъ, была ли она согласна съ интересами Богеміи и пражскаго университета. Забудемъ на время о результатахъ этой мѣры (мы увидимъ ниже, что они были случайнымъ, а не необходимымъ послѣдствіемъ ея); постараемся представить дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ самый моментъ изданія уназа января 1409 года.

января 1409 года. Въ 1348 г., при основаніи пражскаго университета, въ Герл маніи, какъ и въ славянскихъ земляхъ, не было еще ни одного университета; нѣмцы и славяне, желавшіе получить высшее бо-гословское или юридическое образованіе, должны были отправ-ляться въ Парижъ, Оксфордъ или Болонью. Карлъ IV, учреж-дая университетъ, хотѣлъ устранить этотъ недостатокъ, какъ для Богеміи, такъ и для Германіи. Онъ былъ въ одно и тоже время королемъ богемскимъ и императоромъ германскима. Пракъ королемъ богемскимъ и императоромъ германскимъ; Прага была при немъ какъ бы столицей Германіи. Понятно, что заботливоролемъ богемскимъ и императоромъ германскимъ; Прага была при немъ какъ бы столицей Германіи. Понятно, что заботли-вость его не ограничивалась одною Чехіей, а распространялась, наравнѣ съ нею, на всѣ области имперіи. При Вячеславѣ, въ началѣ XV вѣка, положеніе дѣлъ было совершенно другое. Ва-чеславъ съ самаго начала былъ императоромъ только по имени; съ 1400 г. германскіе князья, за немногими исключеніями, не признавали за нимъ болѣе даже внѣшнихъ правъ, сопряжен-ныхъ съ этимъ достоинствомъ. Прага перестала быть средото-чіемъ обще-нѣмецкихъ дѣлъ, обще-нѣмецкой политики; она пе-рестала быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и средоточіемъ обще - нѣмецкаго образованія. Во второй половинѣ XIV вѣка, одинъ за другимъ возникли университеты въ Вѣпѣ, въ Гейдельбергѣ, въ Кельнѣ, въ Эрфуртѣ. Съ учрежденіемъ ихъ, пражскій университетъ утра-тилъ первоначальное значеніе слое. Пока онъ не имѣлъ сопер-никовъ въ Германіи, до тѣхъ поръ онъ могъ сохранять космо-иолитическій харавтеръ, до тѣхъ поръ чехи могли переносить преобладаніе чужеземцевъ, потому, что объ университетахъ на-ціональныхъ въ то время не было и рѣчи. Но когда нѣмецкіе города начали слѣдовать примѣру Праги, когда полвились уни-верситеты съ исключительно нѣмецкить оттѣнкомъ, тогда стре-исеніе чеховъ имѣть *соой, чешский* университетъ сдѣлалось не-избѣжнымъ и вполнѣ законнымъ. Оно усиливалось по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала политическая связь между Богеміей и Герма-ніей, какъ увеличивался запасъ знаній, пріобрѣтенный чехами.

перемёну, которая должна была совершиться сама собою. Въ XV-мъ вёкё число нёмецкихъ университетовъ постоянно возрастало; сообразно съ этимъ естественно должно было уменьшаться число нёмецкихъ профессоровъ и студентовъ въ Прагѣ, городѣ по преи-муществу славянскомъ. Можно ли удивлаться тому, что чехи хотѣли быть хозяевами у себя дома, что они считали себя въ правѣ занимать первое мѣсто въ университетѣ, основанномъ и содержимомъ на ихъ сродства? Вотъ собственныя слова Гуса по этому предмету: — «Въ богемскомъ государствѣ, богемцы, и по Бо-жiему закону, и по естественному праву, должны быть первыми, точно' также какъ французы — во Франціи, нѣмцы — въ Гер-маніи. Положимъ, что богемецъ быль бы поставленъ во главѣ нѣмецкой общины; какая была бы отъ этого польза для об-щины, еслибы онъ не зналъ нѣмецкаго языка ')? Не все ли это равно, что сдѣлать нѣмую собаку сторожемъ стада? Тоже самое слѣдуетъ сказать и о нѣмцахъ въ Богемін». Итакъ, каковъ бы ни былъ порядокъ, первоначально установленный Карломъ IV-мъ, каковы бы ни были преимущества, дарованныя имъ нѣмцамъ, Вячеславъ имѣлъ полное право и полное основаніе измѣннъ втотъ порядокъ, уменьшить эти преимущества. Господство нѣ-мецкаго элемента угрожало опасностью чешскому языку, чешской интературѣ, — и на оборотъ, усиленіе чешскаго элемента было лучшимъ средствомъ къ развитію и усовершенствованію ихъ. Гусъ и другіе представители чешской націи, принимавшіе уча-стіе въ движеніи 1408 г., руководились при этомъ чувствомъ самосохраненія и правильно понятыми интересами своего народа. Антагонизмъ между чешскою націей и тремя остальными, имѣлъ годовъ XV-го столѣтія, пражскій университеть былъ те атромъ религіозной борьбы, принимавшей все болѣе к болѣ се-рьезный характерь. Въ этой борьбѣ большинство чешской на-ціи стояло на сторонѣ движенія, нѣмцы, почти безъ исключеперемёну, которая должна была совершиться сама собою. Въ ХУ-мъ въкъ число нёмецкихъ университетовъ постоянно возрастало;

Антагонизмъ между чешскою націей и тремя остальными, имѣлъ еще другую, не менѣе глубокую причину. Начиная съ первыхъ годовъ XV-го столѣтія, пражскій университетъ былъ театромъ религіозной борьбы, принимавшей все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Въ этой борьбѣ большинство чешской націи стояло на сторонѣ движенія, нѣмцы, почти безъ исключенія — на сторонѣ сопротивленія, или на сторонѣ существующаго порядка вещей. Въ какой степени къ религіозному спору присоединялся и философскій, въ какой степени справедливо предположеніе Гёфлера, что послѣдователи Виклефа были всѣ реалистами (въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова), противники его — номиналистами, и что разногласіе въ теоретическихъ возврѣніяхъ усиливало вражду между націями — это вопросъ, раз-

¹) Не сладуетъ забывать, что однимъ изъ посладствій преобладанія намцевъ въ пражскомъ университеть было предоставленіе имъ значительнаго числа должностей въ Богемів, особенно духовныхъ.

смотрѣніе котораго повело бы насъ слишкомъ далеко. Для насъ достаточно того несомнѣннаго факта, что чешская нація, ста-раясь ограничить вліяніе нѣмцевъ, надѣялась, между прочимъ, устранить одно изъ главныхъ препятствій къ распространенію ученія, которое она считала единственнымъ правильнымъ отвѣ-томъ на важнѣйшіе вопросы христіанской вѣры. Понятно, что это обстоятельство вносило въ борьбу эдементъ совершенно но-вый и возвышало ее далеко надъ простымъ столкновеніемъ на-ціональныхъ самолюбій и антипатій. Нѣмецкіе магистры быля, въ глазахъ Гуса и его партіи, не только пришлецами зани-мающими непринадлежащее имъ мѣсто, но и врагами истины, защитниками всего того, что было фальшиваго, безиравствен-наго, вреднаго въ ученіи и обычаяхъ тогдашней католической церкви. Самая готовность нѣмцевъ оставаться, во что бы то ни стало, покорными Григорію ХП-му, казалась друзьямъ Гуса постыд-нымъ отказомъ отъ прирожденнаго каждому христіанину права повѣрять законность приказаній, которыя онъ получаетъ отъ церковной власти. Противодѣйствіе подобнымъ взглядамъ при-верженцы Гуса считали не только правомъ, но и обязанностью своею. своею.

верженцы Гуса считали не только правомъ, но и ооязанностью своею. Указъ 18-го января 1409 года не закрывалъ нѣмцамъ до-ступа въ пражскій университетъ, не вытѣснялъ ихъ оттуда, даже не ограничивалъ правъ, принадлежавшихъ каждому нѣмецкому студенту наравнѣ съ чешскимъ, —а уменьшалъ только долю уча-стія нѣмцевъ въ управленіи университетомъ, передавая чехамъ большинство голосовъ, которое до тѣхъ поръ принадлежало нѣм-цамъ. Ничто не мѣшало нѣмцамъ подчиниться этому порядку, ничто не мѣшало имъ искать на будущее время болѣе прочныхъ средствъ вліянія въ нраственномъ или умственномъ превосход-ствѣ надъ чехами. И при дѣйствіи указа 18-го января, они со-хранили бы въ Прагѣ положеніе болѣе привилегированное, чѣмъ то, которое принадлежало чехамъ, напримѣръ, въ Гейдельбергѣ им въ Кёльнѣ. Но они не хотѣли понять, что Прага — не гейдельбергъ и не Кёльнъ, не хотѣли отказаться отъ преобла-анія надъ чехами или, по крайней мѣрѣ, отъ совершеннаго ра-венства съ ними (т. е. равенства голосовъ въ общихъ дѣлахъ университета). Преувеличивая свое значеніе и свою силу, раз-синтывая на слабость Вачеслава, они были вполнѣ увѣрены, что побѣда останется за ними, и потому обязались, другъ передъ ав-го января. Они видѣли въ этомъ обязательствѣ средство за-нугать, если не чешскую партію въ университетѣ, то по край-вей мърѣ короля, придворныхъ и жителей Праги, извлекавшихъ

столько выгодъ изъ пребыванія въ ней нёмецкихъ студентовъ. Разсчеть оказался ошибочнымъ; указъ 18-го января остался въ полной силѣ — и нѣмцы, связанные неосторожнымъ обязательствомъ, предпочли выселиться изъ Праги, чѣмъ уступить своимъ противникамъ. Таковъ былъ результатъ указа 18-го января; но предвидѣли-ли, могли-ли предвидѣть его чехи? Входилъ-ли онъ въ составъ ихъ плана, когда они задумали измѣнить организацію университета? Хотіль-ли Гусь, какъ выражается Гефлерь, выщать нёмцевъ изъ университета и изъ Праги? Не только Палацкій, но и всё сколько-нибудь безпристрастные нёмецкіе писатели ¹) разрѣшають этоть вопросъ отрицательно, самъ Гёфлерь даетъ на него противоръчивые отвъты. Въ одномъ мъстъ онъ говорить, что всё чехи единственно хотёли изинанія нёмцевь, что изгнание пёмцевъ входило въ составъ системы, которой слёдоваль Гусь 2); въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаеть, что удаление нъмцевъ принадлежало въ числу событій *непредвидинныхв*, что партія движенія его не ожидала³). Очевидно, что на этотъ разъ желаніе Гефлера найти новый пункть обвиненія противъ Гуса овазался менъе сильнымъ, чъмъ факты, его оправдывающіе. «Нивто не изгонялъ нѣмецкихъ студентовъ изъ Праги», -- таковы собственныя слова Гуса по этому предмету, — «ихъ изгнала оттуда лишь клятва, ими самими принесенная» (т. е. взаимное обязательство, упомянутое выше). Истина этихъ словъ не подлежить никакому сомнѣнію. Между указомъ 18-го января и удаленіемъ нѣмцевъ изъ Праги нѣтъ никакой разумной, логической связи; первое изъ этихъ событій относится въ послёднему только вавъ предлогъ или поводъ, а отнюдь не какъ причина. По мнѣнію Гефлера, нѣмецкіе профессоры и студенты не могли оставаться въ Прагъ, безъ явнаго нарушенія своей чести. Если онъ разумветь подъ этимъ нарушение обязательства, ими даннаго, то онъ до извъстной степени правъ; но развъ вто-нибудь принуждаль нёмцевь къ подобному обязательству? Развё чехи могли знать заранёе, что нёмцы, въ увлеченіи страсти, поступять такъ необдуманно, такъ безразсудно? Если же Гефлеръ видитъ нарушеніе чести въ простомъ подчиненіи указу 18-го января, то это мнѣніе кажется намъ, по меньшей мѣрѣ, весьма страннымъ. Чехи, въ продолжение нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, довольствовались

¹⁾ Напримъръ Бёрнигеръ (Böhringer), въ сочинени своемъ: «Die Vorreformatoren des vierzehnten und fünfzehnten Jahrhunderts (Zürich, 1856—58). Zweite Hälfte. S. 153 и 154.

²) Magister Iohannes Hus, S. 285 H 295.

³⁾ Тамъ же, стр. 287.

однимъ голосомъ противъ трехъ, принадлежащихъ нѣмцамъ—и никто, конечно, не назоветъ ихъ за это лишенными чувства чести; почему же такой же точно образъ дѣйствій былъ бы безчестнымъ со стороны нѣмцевъ? Нѣтъ, указомъ 18-го января затрогивалась не честь нѣмцевъ, а только тщеславіе и властолюбіе ихъ. Упрекъ въ безмѣрной гордости, обращенный Гёфлеромъ противъ чеховъ, можетъ быть отнёсенъ съ гораздо большимъ правомъ къ нѣмецкимъ профессорамъ и магистрамъ пражскаго университета¹).

правомъ къ нъмецкимъ профессорамъ и магистрамъ пражскаго университета¹). Удаленіе нѣмцевъ изъ Праги, конечно, не осталось безѣ влія-нія на' дальнѣйшую судьбу университета, и вліяніе это, ко-нечно, не можетъ быть названо благопріятнымъ. Но если праж-скій университеть отсталъ отъ нѣмецкихъ, если онъ не игралъ почти никакой роли въ распространеніи гуманизма, то главную причину этого факта слѣдуетъ искать не въ событіяхъ 1409 г., а въ междоусобныхъ и внѣшнихъ войнахъ, такъ долго разоряв-шихъ Богемію и истощавшихъ ея силы, въ гуситскомъ движе-ніи, отклонившемъ на время вниманіе чеховъ отъ чисто - науч-ныхъ занятій. Историки, подобные Гёфлеру, готовы, правда, ут-верждать, что удаленіе нѣмцевъ изъ Праги заключало въ себѣ зародышъ всѣхъ дальнѣйшихъ катастрофъ, постигшихъ Богемію, начиная съ ужасовъ гуситской войны и оканчивая сраженіемъ при Бѣлой-горѣ въ 1620 году; но такія гипотезы не заслужи-вають серьезнаго опроверженія. Не слѣдуетъ забывать также, что главные проповѣдники гуманизма въ Германіи (Рейхлинъ, Эразмъ, Муціанъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ) не были университет-скими профессорами, что большинство нѣмецкихъ университет-товъ упорно держало сторону темныха людей (viri obscuri), и что слѣдовательно потеря, понесенная Богеміей въ 1409 году, не такъ велика, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Мы готовы даже признать, что удаленіе нѣмцевъ способствовало Мы готовы даже признать, что удаленіе нёмцевъ способствовало развитію и распространенію гуситизма. Одно свободное слово о церковномъ устройствѣ, сказанное въ началѣ XV-го вѣка, безъ со-инѣнія, было несравненно важнѣе, чѣмъ тысяча самыхъ ученыхъ схоластическихъ лекцій.

Побѣда чеховъ надъ нѣмцами имѣла, по словамъ Гёфлера, еще одно пагубное послѣдствіе; она усилила вліяніе правительства на дѣла университета и ограничила, такимъ образомъ, его внутреннюю свободу. Уже въ началѣ 1409 года, когда нѣмцы

¹) Это признають и итмецкие писатели, вообще мало расположенные къ славянапъ, напримъръ Густавъ Фрейтагъ (Bilder aus der deutschen Vergangenheit. Т. П, ч. I, стр. 328).

не хотѣли приступить къ избранію ректора и декана по новымъ правиламъ, установленнымъ 18-го января, ректоръ и деканъ были *назначены* королевскимъ указомъ, да и впослѣдствіи времени Гусъ и приверженцы его постоянно ссылались на авторитетъ Гусъ и приверженцы его постоянно ссылались на авторитетъ вороны, прятались за нее въ борьбѣ своей съ архіепископомъ, обвиняли своихъ враговъ въ измѣнѣ государству. Мнѣніе Гефлера было бы совершенно справедливо, еслибы дѣло шло о XVIII-мъ и XIX-мъ вѣкѣ; но въ примѣненіи къ XV-му вѣку оно кажется намъ лишеннымъ всякаго основанія. Въ XV-мъ вѣкѣ правитель-ства еще не боялись свободы преподаванія, потому что не при-давали ей большого значенія, потому что не видѣли въ ней ничего опаснаго для своей власти. Единственнымъ серьезнымъ врагомъ ея была въ то время католическая церковь, считавшая университеты какъ бы достояніемъ своимъ, ревниво устранявшая изъ нихъ все то, что казалось ей несовмъстнымъ съ ея ученіемъ и нихъ все то, что казалось ей несовмѣстнымъ съ ея ученіемъ и съ ея интересами. Періодъ времени съ 1403 до 1409 года пред-ставляетъ намъ цѣлый рядъ посягательствъ на свободу препо-даванія въ пражскомъ университетѣ; отъ кого они исходили? Отъ архіепископа пражскаго, отъ капитула, отъ его приверженцевъ въ средѣ трехъ націй. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ правитель-ство было только орудіемъ въ рукахъ духовенства. Отсюда слѣ-дуетъ заключить, что событія 1409 года, уменьшивъ вліяніе ду-ховенства на дѣла университета, были чистымъ выигрышемъ для послѣдняго, хотя они и увеличили зависимость его отъ прави-тельства. И въ наше время, конечно, свобода преподаванія на западѣ Европы не имѣетъ противника болѣе опаснаго и упор-наго, чѣмъ духовенство; но оно почти вездѣ лишено возможности западъ Европы не имъетъ противника оолве опаснаго и упор-наго, чёмъ духовенство; но оно почти вездё лишено возможности дёйствовать самостоятельно на университеты, между тёмъ какъ правительства имѣютъ къ тому и охоту, и силу. Въ XV-мъ вѣкѣ могущество духовенства было такъ велико, что одержать надъ нимъ побѣду можно было только съ помощью свѣтской власти; неудивительно, поэтому, что Гусъ искалъ ея поддержки. При-помнимъ, что точно также дѣйствовали и всѣ реформаторы XVI-го вѣка.

въка. Мы старались доказать, что движеніе 1408—9 г. было вполнѣ законно и разумно; что чехи имѣли полное право требовать для себя перваго мѣста въ своемъ университетѣ; что, стремясь къ ограниченію вліянія нѣмцевъ, они хотѣли обезпечить, а не стѣснить свободу изслѣдованія и преподаванія, облегчить, а не затруднить внутреннее обновленіе церкви; что они вовсе не желали совершеннаго удаленія нѣмцевъ изъ Праги. Нужно ли опровергать, послѣ этого, обвиненіе Гуса въ слѣпой ненависти къ нѣмцамъ, — обвиненіе, основываемое Гефлеромъ преимущественно

на участіи Гуса въ событіяхъ 1409 г.? Не ясно ли, что дѣя-тельность его была вызвана и руководима другими, болѣе глу-бокими и чистыми причинами? Но можетъ быть исторія Гуса представляетъ какіе - либо другіе фавты, подтверждающіе ненависть его къ нѣмцамъ? Гёфлеръ утверждаетъ, что ненависть эта возникла еще въ 1400 г., вогда баварцы и саксонцы, вторгнувшись въ Богемію, произвели въ ней страшныя опустошенія; но прежде, чёмъ объяснять происхождение извёстнаго чувства, нужно доказать самое существование его. Гефлеръ ссылается, далже, на то обстоятельство, что пражское духовенство, уже въ 1408 г., обвиняло Гуса въ возбуждении народа противъ нёмцевъ. Самый фактъ обвиненія представляется безспорнымъ; но довазательствъ справедливости его мы напрасно стали бы искать у Гёфлера. Все дёло, безъ сомнёнія, заключается въ томъ, что Гусь возставаль противь преобладанія нёмцевь вь пражскомъ университетъ и въ средъ высшаго богемскаго духовенства; отсюда до возбужденія ненависти къ цёлому народу еще очень да-леко. Данныя, приводимыя г. Новиковымъ — заботливость Гуса о чистотъ и о распространении чешскаго языка, гордость, съ которою онъ называлъ себя уроженцемъ христіаннъйшаго богемскаго государства, — свидетельствують только о патріотизме Гуса, но отнюдь не о національной нетерпимости его. По увѣренію Палацкаго, ни въ латинскихъ, ни въ чешскихъ сочиненіяхъ Гуса нътъ и слёда ненависти къ нъмцамъ. «Я предпочитаю добраго нѣща дурному чеху», говоритъ Гусъ въ оправдани своемъ противъ обвиненій духовенства, составленномъ въ 1409 г.; «я воз-стаю одинаково противъ нѣмцевъ и чеховъ, когда они стоятъ за неправое дѣло». Г. Новиковъ полагаетъ, что въ концѣ своей жизни Гусъ примирился съ нѣмцами, вслѣдствіе ласковаго пріема, который онъ у нихъ встратиль во время путешествія своего изъ Праги въ Констанцъ. Мы не знаемъ, какъ совмёстить это предположение съ ненавистью къ нёмцамъ, съ инстинктивнымъ отвращеніемъ къ нимъ, которыя приписываетъ Гусу г. Новиковъ. Ненависть и отвращеніе не исчезаютъ такъ своро и подъ вліяніемъ причинъ, до такой степени незначительныхъ. Дружелюбное чувство, съ которымъ Гусъ относился въ нёмцамъ, на пути въ Констанцъ и въ самомъ Констанцё, доказываетъ только одно — что Гусъ никогда не ненавидёлъ нёмцевъ и боролся съ ними лишь настолько, насколько этого требовали политическія и, въ особенности, религіозныя убъжденія его. После 1409 г. религіозная борьба одна наполняеть всю жизнь Гуса, — и противниками его, какъ до Констанцскаго со-

бора, такъ и на соборѣ, являются не только нѣмцы, но и чехи, враждебные реформѣ.

Историки измецкой партіи, убъжденные въ томъ, что Богемія не можеть быть ни чёмь инымь, какь только сателлитомъ Германіи, что чехи неспособны въ самостоятельной политичегермани, что чехи неспосооны къ самостоятельной политиче-ской и умственной жизни, что всею цивилизаціею своею они обязаны нѣмцамъ, — считаютъ дѣятельность Гуса и его послѣдо-вателей насильственнымъ перерывомъ въ исторіи Богеміи, не-счастнымъ уклоненіемъ съ пути, которымъ она шла до тѣхъ поръ и должна была идти постоянно. Никто не станеть отвергать, что чехи многое заимствовали у нѣмцевъ, что судьба Бо-геміи, до конца XIV-го вѣка, была связана съ судьбою Германін; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы чехи были обречены на вѣчное подражаніе нёмцамъ, на вёчную зависимость отъ нихъ. Ци-вилизація проникла въ Богемію позже, чёмъ въ Германію; но въ началѣ XV-го вѣка она была распространена въ обѣихъ стра-нахъ почти одинаково. Ничто не мѣшало чехамъ идти рука объ руку съ другими европейскими народами, не отступая, въ то же самое время, отъ національныхъ особенностей своихъ. Далево не всѣ учрежденія, перенесенныя въ Богемію изъ Германін, были необходимы для народнаго блага; далеко не всё черты, воторыми Богемія еще отличалась отъ Германіи, были для него вредны. Феодализмъ и католицизмъ были нѣмецкими подарками, безъ которыхъ Богемія могла бы обойтись очень хорошо. Ограниченное, сравнительно съ Германіей, вліяніе духовенства на об-щія государственныя дёла было, напротивъ того, такимъ пре-имуществомъ, которымъ Богемія не могла не дорожить и не гордиться. Въ XIII-мъ вѣкѣ основаніе городовъ нѣмецкими поселенцами ускорило развитіе промышленности и торговли въ Богемін; но это еще не значить, что Богемія нуждалась въ постоянномя наплывѣ нѣмецкихъ выходцевъ и что городское сословіе не могло пополняться изъ среды самихъ чеховъ. Еслибы Гусъ и его приверженцы хотѣли совершенно уничтожить всякую связь между Богеміей и Германіей, вырвать съ корнями изъ богемской почвы все взятое отъ нѣмцевъ, лишить Богемію всѣхъ выгодъ общенія съ другими образованными народами, тогда предпріятіе ихъ могло бы быть названо преступнымъ безумствомъ; но мы уже знаемъ, что они не думали ни о чемъ подобномъ. Они желали только устранить тѣ преграды, которыя останавливали свободное, естественное, мирное развитіе чешскаго народа. За д'я-тельность позднів шихъ гуситовъ Гусь отвізчать не можеть, точно тавже, какъ руководители учредительнаго собранія 1789 г.—за

террорь 1793 и 1794 г. Фанатизмъ гуситовъ не былъ неизбѣжнымъ послёдствіемъ ученія Гуса; онъ былъ вызванъ насильственными мёрами, воторыми католическая Европа хотѣла подавить это ученіе. Констанцскій соборъ, парижскіе схоластики, папа Мартинъ V и его преемники, императоръ Сигизмундъ—вотъ настоящіе виновники грозы, разразившейся надъ Богеміей и надъ Германіей, послё 1415 г. Источникъ всёхъ бёдствій, испытанныхъ Богеміей въ четыре послёдніе вёка ея исторіи, заключается не въ гуситизмѣ, а въ католицизмѣ.

Какое же заключеніе слёдуеть вывести изъ всего сказаннаго нами? Какой урокъ могуть почерпнуть чехи изъ исторіи Гуса для борьбы, которую они ведуть въ настоящее время? Должно для обрьбы, которую они ведуть въ настоящее время? Должно ли имя Гуса возбуждать въ нихъ чувство непримиримой вражды въ нёмцамъ и во всему нёмецкому? Должны ли они, призывая это имя, стремиться въ искорененію всего того, что дано Чехіи извнё, а не выработано ею самою? Должны ли они, руководясь примёромъ своего героя, ставить выше всего свою національную особность-выше политическаго развитія, выше религіозной и умственной свободы? Такъ полагають наиболье увлекающиеся изъ числа чешскихъ патріотовъ; къ этому мнѣнію склоняется, какъ мы видѣли, и г. Новиковъ, писавшій въ «Русской Бесѣдѣ», т. е. говорившій какъ бы отъ имени всёхъ нашихъ славянофиловъ; но не таковъ глубокій смыслъ дёятельности Гуса и его мученической смерти. Въ патріотизмѣ Гуса не было ничего ис-ключительнаго, ничего фанатическаго. Главною задачей его жи-зни было освобожденіе умовъ изъ-подъ ига, наложеннаго на нихъ цѣлыми вѣками правственнаго рабства — и въ этомъ отношении его жизнь принадлежить столько же чехамь, сколько и всёмь другимъ образованнымъ народамъ. Вопреки г. Новикову, мы со-гласны съ «безжизненными теоріями кабинетныхъ ученыхъ, на-чинающихъ съ Гуса обновленіе всего западнаго человѣчества», или, по крайней мёрё, приписывающихъ ему важную роль въ этомъ великомъ дёлё. Онъ отстаивалъ самостоятельность чеховъ противъ нѣмцевъ — но отстаивалъ ее преимущественно потому, что это было необходимо для успёха его преобразовательныхъ илановъ. Его вражда была направлена противъ тѣхъ, вто стоялъ за злоупотребленія, за несправедливыя притязанія католической церкви — все-равно, были ли это чехи или нѣмцы. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ часто нападалъ въ одно и то же время на Teutones и на Boëmos inimicos. Онъ хотѣлъ, чтобы первое мѣсто въ Чехін занимали чехи; но онъ никогда не оспариваль у нѣм-цевъ права на мѣсто рядомъ съ чехами. Со временъ Гуса, во-

просъ о взаниномъ отношении чеховъ и нёмцевъ усложнился еще больше увеличениемъ числа ибмцевъ въ Богемии и земляхъ, съ нею состанихъ. Богемія не можетъ быть названа теперь страною исключительно чешской, точно такъ же, какъ Венгрія не можеть быть названа страною исключительно мадьярской. Если венгерскіе славяне имѣютъ полное право жаловаться на сосредоточение правительственной власти въ рукахъ мадьяровъ, то точно такое же право имѣли бы и богемскіе нѣмцы, еслибы управленіе Богеміей перешло въ руки однихъ чеховъ. Оставляя за нёмцами одинъ голосъ изъ четырехъ въ дёлахъ пражсваго университета, Гусъ какъ бы указалъ своему народу тотъ путь, которымъ онъ долженъ идти и въ настоящее время. На этомъ пути нётъ мёста для компромиссовъ съ принципами, хотя бы они и были направлены къ торжеству чешской народности надъ нъмецкой. На этомъ пути нътъ мъста для союзовъ, хотя бы в временныхъ, съ католическимъ духовенствомъ, съ аристократией, враждебной движению. Противиться отмень конкордата, освобожденію государства изъ-подъ власти церкви, уничтоженію слёдовь реавція пятидесятыхъ годовъ — противиться этому благому ділу только потому, что оно предпринято въ Вѣнѣ, значило бы изиънить идеямъ, которыя завёщалъ чехамъ великій реформаторъ ХV-го въка. Стремленіе къ національной самобытности законно только тогда, вогда оно есть вмёстё съ тёмъ стремленіе впередъ во всѣхъ областяхъ политической, общественной и умственной жизни, — и въ соединении этихъ стремлений, въ преобладани послёдняго надъ первымъ заключается истинное величе Гуса.

Конст. Арсвиьевъ.

382

НОВЫЙ

ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФЪ

по европейской торговль.

При указъ правительствующему сенату, отъ 5-го іюля 1868 года, обнародованъ новый высочайше утвержденный таможенный тарифъ по европейской торговлѣ. Насколько онъ можетъ успоконть опасенія нашего промышленнаго міра, начавшіяся ровно годъ тому назадъ, при иервомъ извѣстіи о пересмотрѣ тарифа 1857 года, и оживить нашу международную торговлю къ облегченію потребителей, покажетъ, конечно, только опыть несколькихъ лётъ. Но и на основани опыта прежнихъ тарифовъ и вообще развитія, подъ вліяніемъ ихъ, нашей промышленности, можно и теперь съ нѣкоторою, даже довольно значительною въроятностію, опредълить, какія измъненія звъ прежнемъ тарифъ объщають усиление потребления и удешевление на нашихъ рынкахъ изділій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, и какія напротивъ угрожають стёсненіемь потребленія и замедленіемь развитія промышленности, или, по крайней мёрё, застоемъ того и другого. Поэтому прежде чёмъ дёлать оцёнку вновь обнародованнаго таможеннаго тарифа, мы представимъ бъглый очеркъ исторіи нашего таможеннаго законодательства и за твиъ уже постараемся опредблить, какое мвсто должно принадлежать въ этой исторіи тарифу 1868 года.

До Петра Великаго таможенный тарифъ былъ у насъ исключительно орудіемъ фискальнымъ. Пошлина взималась въ размѣрѣ 4-хъ в 5-ти процентовъ съ цёны товаровъ, смотря по тому, какъ исчислялись товары—вѣсомъ или мѣрою, и при томъ пошлина принималась неиначе какъ иностранною серебряною монетою, по опредѣленному

курсу, отчего иностранные купцы терпёли значительный убытокъ. Унвренность привозныхъ таможенныхъ пошлинъ уничтожалась другими многочисленными стёснительными сборами, падавшими на товаръ при дальныйшей перевозкы его до мыста потребленія. Петръ Великія, желая привлечь торговлю въ Петербургскому порту, даровалъ ему разныя льготы и, между прочимъ, уменьшилъ пошлины съ привознимъ къ нему вностранныхъ товаровъ. Но какъ въ то же время его постоянно занимала и другая забота о развитии у насъ разныхъ мануфактурныхъ производствъ, а система поощренія тувемной промышленности тарифнымъ путемъ была въ то время господствующею во всей Европф, то потому онъ старался обратить таможенный тарифъ и въ орудіе покровительства и возбужденія народной промышленности. Но чтобы это повровительство не усыпляло деятельности промышлениековъ и не обращалось во вредъ потребителямъ, Петръ Великій объщалъ его лишь подъ условіемъ дъйствительныхъ успѣховъ отечественной промышленности. Съ этою целію, указомъ 6-го ноября 1723 года, онъ постановилъ, чтобы на товары иноземнаго привоза, которыхъ производство въ Россін увеличится въ четверть противъ привоза изъ-за границы, наложить четверть пошлины сверхъ обыкновенной, которыхъ же въ треть — наложить треть, а которыхъ въ половину-половану, и наконецъ, на товары, размножившіеся въ количествѣ равномъ съ привозомъ, наложить двойную пошлину. Между тёмъ, учрежденная Петромъ Великимъ въ 1719 году, для завѣдыванія торговыми дѣлащя, коммерцъ-коллегія работала надъ систематическимъ проектомъ полнаго таможеннаго тарифа. Уже въ 1721 году готовъ былъ и представленъ на утверждение государя такой проектъ, но, повиденому, онъ остался имъ недоволенъ, ибо не утвердилъ его, и лишь въ январъ 1724 года обнародованъ тарифъ, утвержденный Петромъ для портовъ Бѣлаго и Балтійскаго морей. По этому тарифу нѣкоторые привозные иностранные товары были обложены съ въсу и мъры, другіе же, въ особенности галантерейныя и фабричныя издѣлія-съ цѣны. отъ 10-ти до 371/2%. Отпускныя же пошлины были назначены, напротивъ, большею частію съ мѣры и вѣсу, и сообразно тогдашнимъ цѣнамъ составляли для однихъ товаровъ отъ 2 до 4%, для нѣкоторыхъ же до 18-ти, 25-ти и даже 371/20/0.

Столь высокое обложение отпускныхъ товаровъ, отъ котораго не только терийло убытокъ купечество, но и теряла казна, по случаю уменьшения таможеннаго дохода, возбудило жалобы торговаго сослови и побудило сенатъ поручить коммерцъ-коллегии, совокупно съ кавмеръколлегието и магистратомъ, разсмотрѣть и донести—дѣйствуетъ-ли тарифъ въ пользу или въ тягостъ русскому купечеству, не происходитъли уменьшения въ сборѣ пошлинъ, и какимъ образомъ отвратить это неудобство.

Учрежденная по этому поводу коммиссія, въ донесеніи своемъ сенату, высказала между прочимъ слѣдующія интересныя соображенія.

Высокія пошлины въ прежнемъ тарифъ (1724 г.) положены были, вивсто совершеннаго ихъ запрещения, въ томъ предположении, что отечественныя фабрики могутъ удовлетворить внутреннему спросу; но таковое высокое обложение произвело лишь тайный ввозъ товаровъ и потерю для казны пошлиннаго дохода, а между твиъ русскія фабрики. хотя и производили и вкоторыя однородныя съ иностранными издвлія, но не могли довести ихъ до одинаковой съ ними доброты, а другихъ и вовсе не работали. По этимъ уваженіямъ коммиссія рѣшилась наложить на тв товары, которые выдёлывались въ Россіи, пошлины въ 10% съ цёны ихъ, а на тё, которыхъ у насъ или выдёлывалось мало, или вовсе не делалось, по 5%. Къ этому коммиссія присовокупляла, что хотя и съ предлагаемою пошлиною, иностранные ввозные товары могуть повредить русскимь фабрикамь, но если исчислеть наложенную пошлену, привозные, страховые и коммиссіонные расходы иностранныхъ фабрикъ, то русския все - таки будутъ имѣть преимущество и самою дешевизною своихъ издёлій могутъ остановить привозъ иностранныхъ. При томъ коммиссія опредѣляла пошлины не сь объявленной купцами цёны, но съ вссу и меры, по соображении съ дъйствительною стоимостію вещей. На этихъ основаніяхъ былъ составленъ и обнародованъ таможенный тарифъ 1731 года. Не смотря на.значительное понижение пошлинъ съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ по этому тарифу, онъ показался голландскимъ купцамъ обременительнымъ, и нидерландское правительство заявило о томъ, чрезъ своего посланника, коллеги иностранныхъ дёлъ. Но протестъ этотъ оставленъ былъ безъ вниманія, и тарифъ 1731 года сохранялъ свою снлу до 1766 года, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій въ пошлинахъ, въ видахъ покровительства отечественнымъ фабривамъ и общаго повышенія ихъ въ 1754 году на 13%, вслёдствіе уничтоженія внутреннихъ таможенныхъ сборовъ и сокращенія отъ того государственнаго дохода почти на 1 милліонъ рублей.

Императрица Екатерина II-я, по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1763 году учредила особую коммиссію, для разсмотрѣнія положенія, въ которомъ находилась въ то время русская торговля, и для изысканія средствъ къ устраненію стѣснявшихъ ее причинъ, къ открытію сбыта отечественнымъ сырымъ произведеніямъ и издѣліямъ и къ упроченію торговаго кредита. Однимъ изъ средствъ къ достиженію указанныхъ ей цѣлей, коммиссія признала составленіе новаго тарифа, такъ какъ дѣйствовавшій тарифъ оказывался составленнымъ

Томъ У. — Скнтябрь, 1868.

385

Digitiz 25 by Google

въстникъ Европы.

безъ надлежащей системы, и пошлины имъ установленныя-весьма неравномѣрными.

Поэтому коммиссіи о коммерцін поручено было составить проекть новаго тарифа, руководствуясь сл'ядующими высочайше указанными ей основаніями: 1) Чтобы тайный привозъ (контрабанда) былъ отвращенъ; 2) чтобы нужные для Россіи иностранные товары были облегчены въ пошлинахъ, а служащіе къ излишней роскоши — обременены или и вовсе запрещены; 3) чтобы сырые чужеземные товары были отличены отъ выработанныхъ въ пользу зд'яшняго рукод'ялія; 4) чтобы выпускъ русскихъ товаровъ, особенно мануфактурныхъ, былъ поощренъ, и напротивъ того, чтобы нужныя для Россіи отечественныя произведенія быля удержаны или запрещеніемъ ихъ отпуска, или тяжелою пошлиною; 5) чтобы все, что потребно къ сохраненію здоровья челов'яческаго и къ необходимой надобности въ жизни, или облегчено было пошлиною, или совершенно безпошлинно допускалось въ государство.

Составленный на этихъ основаніяхъ тарифъ былъ обнародованъ при манефестѣ 18-го августа 1766 года, которымъ объявлено было, что государынѣ угодно, дабы всѣ вышеизложенныя цѣли были достигнуты въ тарифѣ, въ видахъ приведенія россійской коммерціи въ цвѣтущее состояніе и не взирая на могущее быть отъ того уменьшеніе пошлинныхъ сборовъ въ казну.

Въ 1782 году тарифъ былъ вновь пересмотрѣнъ и дѣйствіе его распространено на всѣ европейскія таможни съ уничтоженіемъ внутреннихъ таможень, существовавшихъ въ рижской, ревельской и выборгской губерніяхъ.

Въ 1793 году, вслъдствіе прекращенія политическихъ и торговыхъ сношеній съ Францією, запрещенъ былъ ввозъ въ Россію французскихъ товаровъ, а въ избъжаніе подложнаго привоза ихъ, запрещеніе это распространено было на многіе однородные товары.

Расширеніе предбловъ государства и учрежденіе новыхъ портовъ и таможень, а также измбненіе, въ теченіи 15-ти лютъ, цбнъ на товары, побудили правительство издать въ 1797 году новый тарифъ, съ распространеніемъ силы его на всё портовыя и сухопутныя таможни, кромѣ губерній Астраханской, Оренбургской и Симбирской. Привозныя пошлины по этому тарифу были и всколько возвышены, отпускныя же оставлены болющею частію въ прежнихъ размѣрахъ.

Въ 1800 году, по случаю разрыва съ Англіею, запрещенъ быль отпускъ изъ балтійскихъ портовъ и по западной сухопутной границѣ не только хлѣба, но и всѣхъ русскихъ товаровъ, даже въ Пруссію, дабы лишить Англію возможности получать наши произведенія даже чрезъ

386

посредство другой страны. Но запрещение это было уничтожено, въ слѣдующемъ же году, императоромъ Александромъ.

Въ тоже время сняли запрещеніе и на привозъ изъ заграницы изкоторыхъ иностранныхъ товаровъ, подвергшихся таковому запрещенію въ 1793 году. Но облегченіе это было лишь временное. Вскорѣ правительство возвратилось съ большею силою къ запретительнымъ мѣрамъ для огражденія русскихъ фабрикъ отъ соперничества иностранныхъ издѣлій. Съ этою цѣлію особымъ указомъ строго предписано было не употреблять даже при дворѣ такихъ предметовъ, которыхъ привозъ въ Россію былъ запрещенъ, и приняты разныя запретительныя мѣры въ пользу нашихъ ситцевыхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикъ. За тѣмъ Россія примкнула къ такъ-называемой континентальной системѣ, введенной Наполеономъ І-мъ на материкѣ Европы и исключавшей привозъ всякихъ товаровъ и произведеній англійскаго и колоніальнаго происхожденія, кѣмъ бы онѣ привозимы ни были. Принятіе таковой торговой политики возвѣщено было Россіи манифестомъ 19-го декабря 1810 года.

Тарифъ 1810 года долженъ былъ дъйствовать липь одинъ годъ, но указомъ 21-го января 1812 года, постановлено было продолжить его и на 1812 годъ, съ дозволениемъ привоза нъкоторыхъ новыхъ товаровъ и съ возвышениемъ, по соображениямъ внутренней промышленности, пошлинъ на нъкоторыя статьи, къ привозу прежде дозволенныя.

Хотя тарифъ 1810 года былъ принятъ вслъдствіе исключительныхъ обстоятельствъ и не столько по видамъ торговымъ, сколько по видамъ политическимъ, однако онъ далъ сильный толчекъ русской фабричной промышленности и возбудилъ надежды на совершенную возможность долгаго, если не всегдашняго устраненія на русскихъ рынкахъ иностранныхъ товаровъ. Заявление о распространении этого тарифа только на 1812 годъ и допущение къ привозу и вкоторыхъ товаровъ, хотя и непмѣвшихъ особеннаго значенія ни для тогдашней русской промышленности, ни для торговли, сильно встревожили фабрикантовъ, особенно московскихъ, опасавшихся, что, подъ видомъ дозволенныхъ, будутъ приходить и другіе запрещенные къ привозу иностранные товары. Вслёдствіе этого уже въ марть 1812 года подана была тогдашнему министру внутреннихъ дълъ О. П. Козодавлеву тремя московскими купцами, Ө. Пантелфевымъ, Александровымъ и Герасимовымъ, записка о вредѣ иностраннаго соперничества для развитія русскихъ фабрикъ. Примѣру ихъ послѣдовали и многіе другіе купцы, заводчики и фабриканты. Распространившиеся въ 1814 году слухи о предстоящемъ разрѣшеніи къ привозу всѣхъ иностранныхъ товаровъ и о ходатайствѣ по этому предмету иностранныхъ, особенно же англійскихъ купцовъ, еще болѣе встревожили русскихъ фабрикантовъ и вы-

звали съ ихъ стороны подачу министру внутреннихъ дѣлъ многочнсленныхъ прошеній, покрытыхъ множествомъ подписей ¹).

Заключая въ себѣ много интересныхъ данныхъ о состояніи, въ которомъ находилась въ то время русская промышленность, и нэлагая затрудиенія, которымъ подвергалась она, вслѣдствіе оказаннаго ей временного чрезмѣрнаго покровительства и угрожавшей опасности отъ иностраннаго соперничества, нѣкоторыя изъ этихъ прошеній поражаютъ однако требованіемъ какой-то абсолютной замкнутости и изолнрованія Россіи отъ остального промышленнаго міра. Такъ въ одномъ прошеніи фабриканты просили: удостовѣрить навсенда о запрещеніи ввоза вспяхъ иностранныхъ издѣлій, обѣщая, «что это вызоветъ столь быстрое и знатное умноженіе и даже усовершенствованіе россійскихъ фабрикъ, что русскіе, по своей способности и охотѣ, въ немногіе годы будутъ имѣть столь совершенныя мануфактуры, какихъ нностранцы въ нѣсколько вѣковъ не имѣли».

Въ заключение фабриканты заявляли, что доколь не будетъ возстановлено прочное существование отечественныхъ мануфактуръ всеидашнимъ, вспъхъ вообще иностранныхъ издплий, запрещениемъ, н не будетъ пріостановлено тъмъ столь гибельное для Россіи и чрезвычайное иностранцами овладъние вкуса и роскоши, словомъ, не отвращена будетъ вредная наша отъ нихъ зависимость, дотолъ никакъ нельзя ожидать ни возвышения курса, ни выгодъ общественныхъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ въ концѣ 1812 года по нѣкоторымъ изъ поступившихъ къ нему просьбъ государю, объясняя при этомъ, что «по тогдашнимъ обстоятельствамъ невозможно оставить тарифъ совершенно безъ всякой перемѣны, но что однакожъ и перемѣны въ немъ должны быть сдѣланы съ осторожностію и ограниченіемъ, дабы не разстроитъ и не подорвать совсѣмъ существующихъ въ Россіи фабрикъ». Вслѣдствіе сего предположено было передать всѣ ходатайства фабрикъ» на обсужденіе особаго комитета; однако комитета подобнаго учреждено не было, и ходатайства фабрикантовъ передаваемы были въ государственный совѣтъ, куда уже былъ внесенъ министромъ финансовъ новый проектъ тарифа.

Изданіе новаго тарифа для европейской Россіи посл'ядовало въ 1816 году. Въ манифестъ, при которомъ обнародованъ этотъ тарифъ, сказано было, что по возстановленіи свободныхъ политическихъ и торговыхъ сношеній между европейскими державами, признано за благо, для пользы общественной, допустить нъкоторыя перемъны въ запре-

¹) См. № 10-й «Сборника сопдний и матеріалово по впдомству министерства Финансово за 1865 годъ, статыю: Ходатайства московских и других русских фабрикантово и заводчиково между 1811 и 1816 годами.

тительной торговой системѣ; но на многіе иностранные товары оставлено прежнее запрещеніе въ своей силѣ еще на 12 лѣтъ.

Между тёмъ, по заключенія въ 1815 году вёнскаго трактата, составлена была въ Варшавё особенная на то коммиссія, изъ коммисаровъ русскихъ, польскихъ, австрійскихъ и прусскихъ, которая должна была, по взаимному соглашенію, начертать проектъ тарифа на привозъ и вывозъ товаровъ въ Царство Польское и присоединенныя къ Россіи западныя губерніи, а равно и въ области бывшаго королевства польскаго, подвластныя Австріи и Пруссіи.

По представленіи сего проекта на высочайшее утвержденіе, повелёно было сообразить его съ послёдне-изданнымъ для Россіи въ 1816 году тарифомъ по европейской торговлё, съ тёмъ, чтобы составить одинъ уже общій тарифъ, какъ для ниперія, такъ и для царства польскаго, и дёло это въ 1817 году было поручено особой коммиссіи, подъ предсёдательствомъ министра финансовъ. По обстоятельствамъ, открывшимся при семъ соображенів, оказалось необходимымъ приступить вновь къ переговорамъ съ дворами австрійскимъ и прусскимъ. Эти переговоры кончились дополнительными конвенціями, заключенными съ Австріею 8 августа, а съ Пруссіею 7 декабря 1818 года.

Составленный на основаніи этихъ трактатовъ и конвенцій общій тарнфъ для европейской торговли имперіи и царства польскаго, былъ внесенъ министромъ финансовъ, по высочайшему повелёнію, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и, по окончательномъ утвержденіи его, распубликованъ 20 ноября 1819 года. Срокомъ введенія новаго тарифа въ дѣйствіе назначено было 1 января 1820 года.

Тарифъ 1819 года былъ составленъ на широко-раціональныхъ основаніяхъ, но безъ всякаго соображенія съ состояніемъ нашей промышленности, выросшей подъ свнію строгой запретительной системы, н потому, какъ ръзкій переходъ отъ одной крайности къ другой, не могъ не подъйствовать разрушительно на развитие нашей мануфактурной промышленности, что и обнаружилось весьма скоро. Потому неудивительно, что въ 1821 году, по поводу предпринятаго правительствомъ возвращенія отъ раціональной торговой политики 1819 года къ прежней запретительной системь, графъ Нессельроде, въ циркулярь своемъ къ представителямъ Россіи за-границею, писалъ, что «Россія вынуждена основать систему независимой торговля, что продукты имперіи не находять болве рынковь за-границею, что мануфактуры ся крайне подавлены, что монета быстро утекаетъ въ отдаленныя страны, что солиднайшие торговые дома находятся въ опасности, и что сельское хозяйство и торговля, равно какъ и фабричная промышленность, не только ослаблены, но стоятъ на краю банкротства».

Въ 1822 году былъ обнародованъ новый тарифъ, основанный на запретительныхъ началахъ, что признавалось въ то время тъмъ болъе необходимымъ, что и торговыя постановленія Англіи и Франціи въ то время были неблагопріятны для нашей торговли съ этими странами.

Въ манифестѣ 12 марта 1822 года, при которомъ обнародованъ былъ тарифъ, сказано было: «Внимательное наблюдение оборотовъ и хода внѣшней торговли, служащее руководствомъ при изданіи таможенныхъ узаконеній, показываетъ намъ, что разръшеніе привоза всёхъ иностранныхъ мануфактурныхъ издълій съ продолженіемъ времени обратиться можеть къ стёсненію собственной промышленности вёрноподданныхъ нашихъ и къ угнетенію мануфактуръ и фабрикъ, въ значительномъ количествъ уже умножившихся, но требующихъ еще особеннаго покровительства. Въ отвращение сего и для вящшаго ободренія и распространенія сихъ общеполезныхъ заведеній, признали мы за нужное поручить особенному комитету разсмотрѣніе дѣйствующихъ нынѣ правилъ на привозъ и вывозъ товаровъ по европейскимъ границамъ имперіи нашей, и въ сообразность съ успѣхами собственной промышленности, равно и съ учреждениями въ другихъ государствахъ, на сей конецъ издаваемыми, составить проектъ новаго тарифа». По представления сего проекта на предварительное высочайшее разсиотрѣніе, онъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ и за тѣмъ уже окончательно утвержденъ и распубликованъ, при чемъ повелѣно было привести его въ двиствіе во всёхъ портахъ имперія съ 31-го марта 1822 года, а въ сухопутныхъ таможняхъ --- со дня полученія. Это колебаніе торговой полнтики правительства въ началѣ XIX-го столѣтія и частые переходы отъ запретительной системы къ раціональной и обратно, мало внушали въ началѣ довѣрія купечеству и къ новому запретительному тарифу 1822, какъ это видно изъ мибнія московскаго купеческаго общества о причинахъ упадка торговли въ Россіи, представленнаго министру финансовъ въ 1823), и лишь вступленіе въ управленіе министерствомъ финансовъ гр. Канкрина и его непреклон-ное слёдованіе запретительной системѣ успоконло промышленное сословіе и вызвало основаніе въ Россіи многочисленныхъ фабрикъ.

Тарифъ 1822 года дъйствовалъ почти непрерывно до 1851 года, съ небольшими лишь измъненіями. Въ 1832 году высокія пошлины, установленныя по тарифу 1822 года, были даже еще болѣе возвишены, по видамъ финансовымъ, на красильныя вещества, вина, сахаръ и сверхъ того со встхъ привозныхъ товаровъ опредѣлено взимать по $\overline{12}^{1}/_{2}^{0}/_{0}$ съ каждаго пошлиннаго рубля. Но уже въ 1836 году признано было возможнымъ разрѣшить привозъ нѣкоторыхъ товаровъ ирежде

¹⁾ Сборникъ свёдёній и матеріаловъ по вёдомству министерства финансовъ. 1865. Ж 11, стр. 291.

запрещенныхъ и уменьшить пошлины съ бумажныхъ, льняныхъ и шелковыхъ издѣлій и съ привозимыхъ въ черноморскіе и азовскіе порты австрійскихъ и венгерскихъ винъ. При этомъ въ указѣ было между прочимъ выражено, что правительство, убѣдившись въ необходимости временныхъ охранительныхъ мѣръ, находитъ возможнымъ, по мѣрѣ развитія промышленности, умѣрять дѣйствіе этихъ мѣръ не только безъ вреда дальнѣйшимъ ея успѣхамъ, но и съ увѣренностію, что раскрытіе входа иностраннымъ издѣліямъ высшаго достоинства, при соразмѣрной съ нихъ пошлинѣ, поощритъ производительныя сословія къ вящшей дѣятельности посредствомъ соревнованія.

Для бо́льшаго удобства въ таможенномъ производствѣ и облегченія въ разсчетахъ, исчислявшіеся до того отдѣльно, карантинные и прибавочные $12^{1/2}$ °/₀ сборы присоединены былп къ коренной пошлинѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самыя пошлины, вообще соотвѣтственно ходу торговли, съ однихъ товаровъ были усилены, а съ другихъ уменьшены; изъ числа же запрещенныхъ дозволены къ привозу тѣ, которыхъ виускъ не могъ обращаться во вредъ собственной промышленности.

Въ 1842 году и въ слёдующіе годы уменьшены пошлины съ льняныхъ издёлій, привозимыхъ по сухопутной границё изъ Пруссіи и Австріи, и на нёкоторые матеріалы; также разрёшены были къ привозу съ пошлиной образцовыя гадантерейныя и другія дотолё запрещенныя статьи.

Въ 1846 году понижены были пошлины съ привозныхъ матеріаловъ потребныхъ русскимъ фабрикамъ, а также съ хрусталя и фаянсовой посуды.

Болье чемъ двадцатилетний опыть запретительнаго тарифа 1822 года показалъ, что установленныя имъ высокія пошлины и запрещенія не принесли особенной пользы отечественной промышленности и обращались лишь во вредъ государственному казначейству, поощряя развитие контрабандной торговля. Подъ свнию ограждавшихъ ихъ чрезмёрныхъ пошлянъ, которыя устраняли всякую возможность иностраннаго соперничества, фабриканты наши мало заботились объ усовершенствовании своихъ издълий и о введении у себя такихъ изобрвтеній и улучшеній, которыя быстро смѣняли одно другое за-границею и содъйствовали постояннымъ успъхамъ тамошней промышленности. Поэтому наша туземная фабричная промышленность все болье и боле отставала отъ загравичной, отчего, конечно, всего болѣе терифли потребители, ибо, не смотря на недоброкачественность издѣлій нашихъ фабрикъ, онъ продавались весьма дорого, хотя у насъ главныя жизненныя потребности и рабочія руки были дешевле, чѣмъ за-границей. Большіе барыши обогощали немногочисленный классь фабрикантовъ, на счеть милліоновъ потребителей.

Неблагопріятное для развитія нашей промышленности, продолжн-

тельное дъйствіе запретительной системы 1822 года и безпечность нашихъ фабрикантовъ къ введенію у себя заграничныхъ улучшеній откровенно высказаны даже въ мићніи постоянной депутаціи москвоскихъ купеческихъ съёздовъ, изданномъ по поводу предложенія германской депутаціи, при обзорѣ нѣкоторыхъ отраслей промышленности, сдѣданномъ самими промышленниками. Правительство, заявившее, какъ мы видѣли, уже въ 1836 году, взглядъ свой на временное значеніе таможеннаго покровительства отечественной производительности, чрезъ 10 лѣтъ рѣшилось сдѣлать болѣе смѣлый шагъ по пути въ расширенію нашей виѣшней торговли и возбужденію нашихъ фабрикантовъ, посредствомъ усиленія иностраннаго соперничества, къ улучшенію туземныхъ вздѣлій и пониженію на нихъ цѣнъ. Дѣло это было поручено особому комитету, во главѣ котораго поставленъ былъ извѣстный нашъ экономистъ, членъ государственнаго совѣта Тенгоборскій.

Плодомъ занятій этого комитета, продолжавшихся около 3 лѣтъ, былъ тарифъ высочайше утвержденный 13 октября 1850 года и введенный въ дѣйствіе съ 1 января 1851 года. Изданіемъ этого тарифа. правительство сдѣлало рѣшительный переходъ отъ запретительной системы къ охранительной.

Въ тарифѣ 1850 года улучшена классификація товаровъ и упрощено расположеніе тарифныхъ статей: самое число ихъ сокращено было съ 1176 до 442. Изъ 89 статей запрещенныхъ прежде къ привозу, разрѣшено 76 статей; по 725 статьямъ пошлины сбавлены въ такомъ размѣрѣ, что по таможенному сбору 1846 года это уменьшеніе могло составить до 1¹/₂ милл. рублей.

Опыть скоро показаль однако, что не смотря на значительное, повидимому, уменьшеніе пошлинъ въ 1850 году, для нёкоторыхъ товаровъ на четверть, треть и даже половину, уменьшеніе это осталось безъ ощутительнаго вліянія на уменьшеніе контрабанды н на оживленіе внёщней торговли, потому что по тарифу 1822 года многія пошлины были до того высоки, что нерёдко превышали самую цённость облагаемыхъ предметовъ; сверхъ того, вслёдствіе пониженія фабричныхъ цёнъ на всё почти мануфактурные товары въ періодъ времени между тарифами 1822 и 1850 годовъ, подъ вліяніемъ успёховъ, сдёланныхъ промышленностію отъ приложенія научныхъ внаній къ усовершенствованію техническихъ пріемовъ производства, пошлины, составлявшія въ 20-хъ годахъ отъ 30 до 40% съ цёны товаровъ, въ 40-хъ годахъ составляли уже отъ 80-100% противъ тогдашней ихъ цёны.

Такое положеніе діла служило лишь поводомъ и поощреніемъ для развитія контрабанды. Къ этому присоединилась еще значительная неравномізрность между портовыми и сухопутными пошлинами, установленная въ 1854 году во время блокады нашихъ портовъ, для поощ-

ренія сухопутной торговли. Съ возстановленіемъ мира, такой порядокъ вещей содбиствовалъ лишь искуственному усиленію сухопутной торговли въ ущербъ портовой.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, побуждали правительство вновь пересмотрѣть таможенный тарифъ, въ духѣ принятой уже охранительной системы. Составленіе новаго тарифа поручено было особому комитету также подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Тенгоборскаго.

По разсмотрѣній въ государственномъ совѣтѣ, новый тарифъ былъ утвержденъ высочайшею властію 25 мая 1857 года и введенъ въ дѣйствіе со дня полученія его въ таможняхъ. По тарифу 1857 года классификація привозныхъ товаровъ была вновь упрощена и сокращена съ 442 до 368; изъ числа 19-ти статей, остававшихся запрещенными, разрѣшено 7; по 299 статьямъ пошлина сбавлена почти на 2 милліона противъ средняго таможеннаго сбора 1851—54 годовъ.

Изъ всеподданнъйшаго доклада министра финансовъ 11 іюля 1867 года, представленнаго по поводу нын вшияго пересмотра тарифа, видно, что при составлении тарифа 1857 года принято было въ соображение, чтобы вообще употребятельнъйшія издълія обложены были пошлиною, сравнительно съ ихъ цённостію въ высшемъ размёрё, для огражденія отечественной промышленности въ такихъ ся отрасляхъ, которыя занимають большое число рукъ и удовлетворяють нуждамъ многочисленнъйшаго класса потребителей, а болёе умъренныя пошлины опредълены были превмущественно для такихъ вностранныхъ издълій, которыя не представляють для нашихъ опаснаго соперничества. Вифств съ темъ сбавлены пошлины на вспомогательные для фабрикъ и ремеслъ матеріалы и допущена, въ видахъ возвышенія таможеннаго дохода, сбавка пошлинъ съ разныхъ жизненныхъ припасовъ, какъ-то: съ винъ, кофе, пряностей, фруктовъ и т. п. Кромъ того, для оживленія портовой торговли, въ тарифъ 1857 года уравнены портовыя и сухопутныя пошлины на некоторые товары. По многимъ статьямъ однако сохранены уменьшенныя для сухопутнаго привоза пошлины частію съ цёлію облегченія пограничнымъ населеніямъ возможности пріобрѣтенія такихъ предметовъ, которые при доставкѣ ихъ изъ отдаленныхъ портовъ или внутреннихъ губерній, обходятся въ ближайнихъ къ границь местностяхъ слишкомъ дорого, частию для ограниченія контрабанды тіми товарами, которые водворялись тайно только чрезъ сухопутную границу, вслъдствіе огромнаго ся протяженія и по затрудивтельности таможеннаго надъ ней надзора.

Понижение пошлинъ по тарифу 1857 года не было повальнымъ, но по тъмъ статьямъ, по которымъ было допущено, оно было довольно

чувствительно. Многія пошлины уменьшены на-половину, а н'вкоторыя на четверть и на одну треть. Такимъ образомъ, тарифъ 1857 г. былъ весьма значительнымъ шагомъ впередъ на пути улучшения охранительной системы, принятой въ 1850 году. Правительство не остановилось, впрочемъ, на этомъ. Въ 1861 году оно разрѣшило привозъ чая по европейской торговлё, бывшій дотолё запрещеннымъ, а затёмъ, въ 1863 году, уменьшило пошлины на сахаръ, нѣкоторые напитки и кодоніальные товары, а также па шелкъ, фаянсъ, бумажныя, льняныя и шерстяныя издѣлія и другіе товары. Въ 1864 г. сняты были почти всѣ отпускныя пошляны съ вывозныхъ нашихъ товаровъ, исключая кости, пьявокъ, тряпья и янчекъ шелковичныхъ червей. Снятіе отпускныхъ пошлинъ составляло со стороны государственнаго казначейства жертву около 2 милл. руб., для оживленія нашей вывозной торговли. Жертва эта принесена была, можетъ быть, уже нѣсколько поздно, ибо Россія еще во время крымской кампанія потеряла значительную часть прежнихъ рынковъ для сбыта своихъ сырыхъ произведений и нашла опасныхъ соперницъ въ отдаленныхъ, но за то щедро надвленныхъ природою, странахъ Остъ-Индіи, Америки и Австраліи. Русская пшеница замѣнилась отчасти сѣверо-американскою и египетскою; русская пенька уступила мисто ость-индскому джуту, русское салосалу, привозимому изъ разныхъ странъ.

По возстановления мира, намъ не легко было возстанавливать утраченныя во время войны торговыя связи, и оказалось совершенно невозможнымъ разрушить новыя торговыя связи, завязавшіяся между Европою и заатлантическими народами. Какъ ни тяжело было народному самолюбію разставаться съ своими любимыми понятіями, будто бы мы шапками можемъ закидать Европу, и будто бы безъ нашего хлѣба она умретъ съ голоду, однаво, всеобщее разочарованіе, бывшее результатомъ восточной войны, и пробуждение, послѣдовавшее за долголѣтнею, спокойною дремотою, подъ упоеніемъ своею непобѣдимою силою и неистощимыми богатствами, заставили насъ отрезвиться, и съ бодростью, свойственною нашей натурѣ, смѣло взглянуть въ лицо тяжелымъ обстоятельствамъ и бодро приняться за дело. Пробудившееся общественное мизніе громко требовало внутреннихъ рефориъ, и правительство деятельно воспользовалось этимъ общественнымъ настроеніемъ и энергически принялось за изученіе и измѣненіе нашихъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Въ истекшее десятилѣтіе мы пережили уже многія изъ этихъ достославныхъ реформъ и успёли оцёнить ихъ значеніе и благодётельное вліяніе на развитіе нашей народной жизни. Таможенная реформа 1857 года, безспорно, принадлежитъ къ тому же ряду великихъ общественныхъ реформъ настоящаго времени, хотя и блёднееть предъ такими явленіями, какъ уначтожение крипостного состояния, введение гласности въ финансовое

394

управленіе, учрежденіе гласныхъ судовъ, введеніе земскихъ учрежденій и др.

Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ указанныхъ выше министромъ финансовъ побужденій къ пересмотру тарифа 1857 г., не послѣднюю роль играло и сознаніе необходимости оживить нашу пострадавшую отъ войны внѣшнюю торговлю, привлеченіемъ иностранныхъ произведеній на наши внутренніе рынки и соотвѣтственнымъ усиленіемъ нашего заграничнаго отпуска, и возбудить нашу туземную промышленность посредствомъ усиленія иностранной конкурренціи. Но таможенная реформа всегда и вездѣ затрогиваетъ столько личныхъ и часто могущественныхъ интересовъ, что принятіе ея не можетъ не сопровождаться болѣе или менѣе сильною борьбою со стороны заинтересованныхъ лицъ. Чѣмъ бо́льшею свободою пользуется страна, тѣмъ открытѣе и свободнѣе ведется эта борьба.

Тарифъ 1857 года совпалъ у насъ съ значительнымъ расширеніемъ свободы печатнаго слова, а потому ему предшествовала н его сопровождала довольно оживленная въ литературѣ полемика въ защиту, съ одной стороны, такъ-называемой свободы торговли, съ другой-въ защиту такъ-называемаго покровительства или охраненія народной промышленности. Объ стороны съ жаромъ отстаивали каждая свою любничю тему, при чемъ наши протекціонисти забывали, по обыкновению, что удары, направляемые ими противъ ихъ противниковъ, фритредеровъ, не относятся собственно въ нимъ, ибо никто изъ нихъ никогда не требовалъ немедленнаго введенія у насъ полной свободы торговли, и потому что тарифъ 1857 г. былъ еще слишкомъ далекъ отъ идеала либеральнаго тарифа. Москва, какъ центръ мануфактурной промышленности Россін, естественно сделалась и главнымъ средоточіемъ протекціонистскаго движенія. Съ 1858 года въ ней появилось даже особенное періодическое изданіе, «В'єстникъ проимшленности», посвященное исключительно интересамъ промышленности и всесторовнему развитию началъ покровительственной системы. Къ сожальнію, изданіе это, исполненное во многихъ отношеніяхъ интереса, скоро прекратилось, и съ техъ поръ, до появления «Торговаго Сборника» и газеты «Москва», русские протекціонисты не имъли своего особаго спеціальнаго органа, за то тёмъ съ большею силою и увлечениемъ принялись имъ служить оба означенныя издания.

Въ послѣдніе годы, впрочемъ, и нѣкоторыя другія изданія стали на сторону протекціонизма, отождествляя систему протекціонизма, или такъ-называемаго охраненія народнаго труда, съ національными стремленіями, которыя пробудплись во всѣхъ слояхъ русскаго общества, и почти смѣшивая протекціонизмъ съ патріотизмомъ. Приверженцы же такъ-называемой свободы торговли, защищавшіе ее въ принципѣ и далекіе отъ мысли, чтобы полное осуществленіе ся возможно было у насъ те-

перь, въ виду многочисленныхъ интересовъ и значительныхъ канитадовъ, связанныхъ съ промышленностію, выростею на почвѣ запрещеній и высокнахъ тарнфовъ, но убѣждевные въ необходимости сохраненія нашей промышленности извістной доли покровительства, съ постепеннымъ ослабленіемъ его, по мѣрѣ успѣховъ промышленности и народнаго развитія, въ посл'вднее время какъ бы смолкли, наскученные частымъ и безплоднымъ повтореніемъ однёхъ и тёхъ же идей, и тыть доставнии, повидимому, торжество протекціонизму, успёвшему завоевать себѣ не только часть литературы, но и значительную часть образованнаго общества, безразлично смотрѣвшаго на борьбу двухъ лагорей и искусно поддерживаемаго въ уважении къ протекціонизму всякних более или менее значительнымъ, более или менее удачнымъ ивиженіемъ въ пользу этого ученія въ законодательныхъ собраніяхъ Европы. Протекціонисты наши обыкновенно выставляли, особенно въ послёднее время, тарифъ 1857 г., какъ весьма радикальный и имёвшій самое неблагопріятное вліяніе на развитіе нашей промышленности; всё торговыя банкротства, болёе или менёе близкія ко времени изданія этого тарифа, должны были, по миснию протекціонистовъ, нисть свое начало въ немъ.

Нёть сомнёнія, что какъ всякій переходъ въ общественной жизни отъ одного состоянія въ другому всегда сопровождается нёкоторымъ замѣшательствомъ, то потому в тарнфъ 1857 г. могъ произвести нѣкоторыя волненія въ нашемъ промышленномъ мірь и не позволнлъ удержаться нёкоторымъ предпріятіямъ, основаннымъ безъ достаточныхъ оборотныхъ капиталовъ и разсчитанныхъ единственно на одномъ високомъ огражденіи ихъ тарифомъ; но что тарифъ 1857 г. не нивлъ вреднаго вліянія на отечественную промышленность и не остановиль ея развитіе, это доказывается цифрами нашей торговой статистики. Чесло фабрикъ, простиравшееся въ 1854 году до 9,444, увеличилось въ 1864 г. до 13,226; цённость же ихъ производства въ то же десятильтіе возрасла съ 151.985,000 р.—до 278.428,000 р. О развитін нануфактурной промышленности у насъ свидетельствуетъ и увеличивающійся привозъ въ намъ матеріаловъ для фабрикъ и ремеслъ. Въ 1851-53 годахъ привозъ этихъ матеріаловъ достигалъ 20 милліоновъ рублей, въ періодъ же 1859-64 годовъ до 311/2 мвлл., т. е. увеличился на 50%/. Въ то же время привозъ бумажной пражн уменьшнася слишкомъ втрое, съ 280,000 до 72,000 пудовъ, а пряжи изъ гребенной шерсти на 25%, съ 90,000 до 67,000 пудовъ.

Бумагопрядильная промышленность и выдълка шерстяныхъ издълій въ послѣднее пятнадцатилѣтіе удвоили свое производство, первое съ 15 милл. до 40 милл., а второе съ 23 милл. до 40 ½ милл.; въ то же время получило у насъ начало механическое пряденіе шерсти, механическое же пряденіе льна съ 1863 г. увеличило свое производство въ 3½ раза.

396

Но тарифъ 1857 г., не смотря на свое пренмущество предъ тарифомъ 1850 г., въ ряду европейскихъ тарифовъ, оказывался однимъ изъ наименѣе благопріятныхъ для международной торговли особенно съ тѣхъ поръ, какъ всѣ почти европейскія государства, по примѣру Англіи и Франціи, заключили между собою торговые трактаты, по которымъ каждое допустило въ пользу другого значительныя уменьшенія въ пошлинахъ, сравнительно съ общимъ тарифомъ, установленнымъ для прочихъ не заключившихъ трактата державъ.

При такомъ стремленіи всёхъ главнёйшихъ европейскихъ государствъ къ торговому сближенію между собою на обоюдно-выгодныхъ условіяхъ, весьма естественно, что тё страны, которыя вели главный торгъ съ Россіею, должны были домогаться какихъ - либо уступокъ и съ ея стороны. Первое заявленіе пошло со стороны Пруссіи и выравилось въ «Запискъ о закмочении торгово-таможеннаго договора между Таможеннымъ Союзомъ и Россіею, представленной правительствамъ Союза депутаціею постояннаго германскаго коммерческаго съпзда». Изъ ваписки этой видно, что представители и въкоторыхъ торговыхъ корпорацій, по преимуществу изъ смежныхъ съ Россіею прусскихъ провинцій, неоднократно заявляли мысль о пользъ заключенія торговаго трактата между Россіею и Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ.

По заключенія, 2 августа 1861 года, торговаго договора между Францією и Таможеннымъ Союзомъ, торговое и фабричное сословіє обратило особенное вниманіе на ноложеніе обширныхъ сверовосточныхъ границъ Таможеннаго Союза, гдѣ, по выраженію записки, естественное развитіе и процвѣтаніе международной торговли крайне стѣснено существующею въ Россін запретительно - покровительственною торговою системою. Вслѣдствіе особенваго представленія по этому предмету познанской коммерческой палаты, непремѣнный комитетъ второго германскаго торговаго съѣзда, занялся изслѣдованіемъ этого вопроса. Прежде всего комитетъ призналъ нужнымъ собрать, привести въ извѣстность и обсудить всѣ мнѣнія и предположенія различныхъ германскихъ коммерческихъ корпорацій относительно главныхъ предметовъ, долженствующихъ послужить основаніемъ торговаго договора съ Россіею. Плодомъ этого обсужденія и была вышеозначенная записка.

Сознавая, что при совершенномъ различіи существующаго положенія дёлъ въ Россіи, въ сравненіи съ положеніемъ дёлъ Англіи, Франціи и Таможеннаго Союза, заключившихъ между собою торговые договоры въ 1860 и 1861 годахъ, не можетъ быть и рёчи о заключеніи съ Россією договора, вполнѣ тождественнаго съ этими договорами, составители записки удержали въ ней лишь основныя мысли этихъ договоровъ, всё же частности русско-германскаго таможеннаго договора должны быть, по мнѣнію ихъ, разработаны съ полною самостоательностью.

При этомъ высказана, между прочимъ, одна капптальная мысль, что предположеніе о заключеніи таможеннаго и торговаго трактата между Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ и Россією по существу самаго дѣла и силѣ современныхъ требованій, возможно только въ томъ случаѣ, если заключенію подобнаго трактата будетъ предшествовать преобразованіе въ системѣ русскаго таможеннаго законодательства и нѣкоторыхъ тѣсно связанныхъ съ нимъ учрежденій, или же если это преобразованіе состоится одновременно съ заключеніемъ трактата. Въ противномъ случаѣ, записка отвергаетъ приведеніе въ исполненіе мысли о торговомъ договорѣ съ Россіею до осуществленія означенной таможенной реформы.

Сдёлавъ бёглый очеркъ развитія русскаго таможеннаго законодательства съ 1822 года и указавъ на возникшія у насъ, благодаря покровительству запретительной системы промышленности, германская депутація справедливо замѣчаетъ, что при этомъ было упущено изъ виду главное, какою цѣною пріобрѣталось это искусственное развитіе отечественной промышленности и какой ущербъ этимъ наносился общимъ національнымъ интересамъ; развитіе контрабанды, искусственное отвлеченіе капиталовъ отъ земледѣлія, отсталость земледѣльческой промышленности и связанныхъ съ нею другихъ отраслей хозяйства, составляющихъ предметы настоящихъ національныхъ интересовъ, какъ-то: улучшеніе обработки льна, пеньки, кожевеннаго производства и т. п. и вслѣдствіе того ограниченіе нашей отпускной торговли.

При этомъ не менёе справедливо германская депутація замёчаеть, что лица, принадлежавшія высшему правительственному кружку, основываясь на офиціальныхъ отчетахъ торговой статистики, съ видимымъ удовольствіемъ указывали на огромные капиталы, затраченные въ привилегированныя фабрики, и на число дъйствующихъ на нихъ рабочихъ рукъ и въ то же время исчисляли, сколько такимъ образомъ сохранится внутри края денегъ, которыя бы въ противномъ случав ушли за-границу. Но какъ върное пониманіе экономическихъ интересовъ было въ то время рѣдкимъ исключеніемъ, какъ въ средѣ государственныхъ дѣятелей, такъ и въ общественномъ мнѣніи всѣхъ странъ, то посему, по выраженію германской записки, и нельзя упрекать русское правительство въ томъ, что, подчинившись общему предразсудку, оно ввело запретительную систему.

Указавъ затёмъ на нёкоторые недостатки нынёшняго русскаго таможеннаго устава, германская депутація дёлаетъ довольно бёглую оцёнку главныхъ тарифныхъ статей, выводя процентное отношение русскихъ ввозныхъ пошлинъ и принимая въ основаніе разсчетовъ среднія гамбургскія цёны за пятилётіе 1858—62 годовъ. При этомъ она приходитъ къ заключенію, что главнёйшія пошлины русскаго тарифа,

сравнительно съ пошлинами на тв же предметы въ другихъ государствахъ, чрезмѣрно высоки и что значительное и одновременное пониженіе ихъ путемъ тщательнаго и кореннаго пересмотра тарифа должно быть главныйшею задачею русскаго правительства, если оно хочеть поднять внашнюю торговлю Россіи и заманить существующую обширную контрабанду правильною и законною торговлею. При этомъ германская депутація сознаетъ, что при существующихъ условіяхъ и финансовомъ положении страны, русское правительство находится въ необходимости обратить особенное внимание на то, чтобы значительный таможенный доходъ казны не уменьшился отъ предполагаемаго преобразованія тарифа, и указываеть на уменьшеніе пошлины съ жпзненныхъ припасовъ, какъ на главный источникъ таможенныхъ сборовъ во всѣхъ странахъ, напоминая при этомъ, что по опыту всѣхъ странъ, незначительное понижение, напр., на 10 или на 20% этихъ пошлинъ не можетъ имъть вліянія ни на таможенный сборъ, ни на усиленный привозъ этихъ товаровъ въ страну.

Относительно сырыхъ и полуобработанныхъ фабричныхъ матеріаловъ, германская депутація предлагаетъ также придать привознымъ съ нихъ пошлинамъ характеръ болѣе фискальныхъ, чѣмъ покровительственныхъ, въ видахъ развитія туземной промышленности и предоставленія ей возможности пріобрѣтать необходимые заграничные сырые матеріалы. Что касается изделій, составляющихъ Ш-й разрядъ русскаго тарифа, то, по выводамъ германской депутація, пошлины на эти товары составляли, по тарифу 1857 г., для бумажныхъ тканей отъ 58 до 132%, для львяныхъ и пеньковыхъ изделій отъ 25 до 171%, для шелковыхъ и полушелковыхъ отъ 44 до 71%, для шерстяныхъ отъ 42 до 185%, для желѣзныхъ издѣлій отъ 2 до 104%. На основани всёхъ этихъ выводовъ германская депутація приходила въ заключенію, что русскій тарифъ, не смотря даже на сдѣланныя въ немъ въ 1857 г. и позже сбавки пошлинъ, все-таки имеетъ враждебный торговлѣ характеръ и, по сравнению съ тарифами другихъ государствъ, содержитъ чрезитрно высокія пошлины, а потому требуетъ коренного преобразованія.

Кромѣ того, германская депутація заявляла о пользѣ совершеннаго уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, значительнаго пониженія отвозныхъ пошлинъ и отмѣны всѣхъ запретительныхъ статей, на томъ основаніи, что взиманіе отпускныхъ пошлинъ, затрудняя торговыя дѣла, возвышаетъ цѣны товаровъ въ мѣрѣ совершенно несоотвѣтствующей проистекающимъ отъ этой статьи доходамъ казны, а тотъ небольшой ущербъ, который понесла бы казна, вслѣдствіе освобождевія отъ пошлицъ всѣхъ отпускныхъ статей, вполнѣ вознаградился бы возрастающимъ благосостояніемъ производителей, при помощи облегченной конкурренціи русскихъ товаровъ на заграничныхъ рынкахъ.

Извѣстно, что въ то время, когда германская постоянная депутація разсуждала о пользѣ уничтоженія или даже только пониженія отпускныхъ пошлинъ съ нашихъ товаровъ, мѣра эта уже обсуждалась въ министерствѣ финансовъ и затѣмъ, по разсмотрѣніи ея въ государственномъ совѣтѣ, утверждена была Высочайшею властью въ маѣ 1864 года.

Кромѣ заявленія о необходимости радикальнаго пересмотра тарифа, германская депутація изложила и о нѣкоторыхъ другихъ стѣсненіяхъ для торговли отъ нынѣшняго способа взиманія пошлинъ.

Такъ она указала на неудобство разныхъ, установленныхъ послѣ изданія тарифа 1857 г., добавочныхъ сборовъ не только для однихъ государственныхъ цѣлей, но и въ пользу обществъ или корпорацій и въ нѣкоторыхъ городахъ для разныхъ мѣстныхъ потребностей. Такъ, въ 1858 году, былъ установленъ 5% надбавочный сборъ со всѣхъ отпускныхъ и привозныхъ пошлинъ для покрытія издержекъ на устройство желѣзныхъ дорогъ и пристаней, а въ 1861 г. надбавочный же сборъ съ привозныхъ пошлинъ по случаю всеобщей дороговизны и проистекающаго отъ того увеличенія государственныхъ расходовъ. Вслѣдствіе этого не только всѣ пошлины повысились противъ тарифа 1857 г. на 10%, но нѣкоторыя оставшіяся неизмѣненными въ 1857 г. оказались выше даже пошлинъ 1850 года.

Далѣе германская депутація указывала на неудобство нлаты караульнымъ артельщикамъ и замѣчала, что нерѣдко надбавочные таможенные сборы и разные экспедиціонные расходы приближаются къ средней пошлинѣ съ товара, а иногда даже превышаютъ ее. Клеймевіе и пломбированіе товаровъ, система опредѣленія взысқаній за ошибки въ объявленіяхъ или такъ - называемая система акциденцій, недостаточность постановленій о перевозкѣ товаровъ изъ впускныхъ таможень въ складочныя, недостатокъ складочныхъ мѣстъ на подобіе ваграничныхъ entrepôts, Freilager, и нѣкоторые другіе недостатки нашихъ внутреннихъ торговыхъ постаповленій и учрежденій, также возбуждало жалобы германской депутаціи и нашли мѣсто въ ея запискѣ.

Домогаясь заключенія съ Россією торговаго трактата съ поннженіємъ пошлинъ и съ устраненіемъ многихъ дѣйствительныхъ или только мнимыхъ затрудненій и неудобствъ, созданныхъ русскимъ таможеннымъ уставомъ и установившеюся таможенною практикою, германская депутація требовала еще допущенія свободнаго каботажнаго судоходства какъ для русскихъ, такъ и для германскихъ судовъ, между портами Россіп и Таможеннаго Союза, и возсгавала противъ уничтоженія дифференціальныхъ пошлинъ по сухопутному и морскому привозу, указывая на необходимость оказать покровительство сухопутной торговлъ, въ уваженіе дешевизны привоза моремъ и исключительнаго положенія Россіи и въ виду интересовъ торговли, освященныхъ временемъ и важными торговыми соображеніями. Такова была сущность предложеній депутаціи постояннаго германскаго коммерческаго съёзда.

Находя весьма желательнымъ вызвать со стороны русскихъ торговцевъ и промышленниковъ критическую оцёнку мнёній, высказанныхъ прусскимъ купеческимъ сословіемъ, департаментъ вибшней торговли озаботился съ этою цёлію составленісмъ пространнаго извлеченія изъ означенной записки и переводомъ его на русскій языкъ и разослаль его въ разные биржевые комитеты, съ просьбою доставить по содержанию германской записки свое мивние. Серьезиве всъхъ отнесся къ этому дѣлу московскій биржевой комитеть. Онъ пригласилъ изъ среды биржевого купечества извъстнъйшихъ фабрикантовъ и негодіантовъ, для совмѣстнаго съ биржевымъ комитетомъ обсужденія германской записки. Собраніе московскаго купечества выразило по этому поводу желаніе устроить въ Москвѣ купеческіе съѣзды и предоставить имъ обсудить предложенія германской депутаціи, а вмѣстѣ съ твиъ изложить и свое мивніе о нуждахъ и потребностяхъ русской промышленности и торговли. На первомъ съёздё московскаго и иногороднаго купечества, бывшемъ 14 января 1865 года, приняли участіе 271 человѣкъ, которые и избрали 40 человѣкъ въ постоянную де-HYTANIE.

Результатомъ занятій московскихъ купеческихъ съёздовъ было изданіе въ свётъ, въ 1865 г., особою книгою «Милия постоянной депутаціи» этихъ съёздовъ, заключающаго въ себѣ какъ общій отвётъ на главные пувкты германской записки, такъ и рядъ отдѣльныхъ отвѣтовъ по всёмъ главнѣйшимъ отраслямъ русской промышленности, съ изложеніемъ ихъ состоянія, средствъ къ ихъ поощренію и степени возможности принятія предложеній нѣмецкаго Таможеннаго Союза.

Московская депутація въ своемъ отвѣтѣ исходила изъ того положенія, что въ практической жизни и, особенно въ дѣлѣ вопросовъ промышленныхъ и торговыхъ, точно также, какъ и въ политикѣ, безпрерывно приходится уклоняться отъ строго научной теоріи, искать опоры въ практической жизни и соображаться съ потребностями и выгодами народными. На этомъ основаніи московская депутація выражаетъ, съ своей стороны, совершенное убъжденіе въ идеальной истинѣ началъ свободной торговли, но признаетъ, что ради этого великаго начала, каждый народъ долженъ идти на встрѣчу свободному международному соперничеству въ торговлѣ и промышленности осторожно, шагъ за шагомъ, строго взвѣшивая всѣ потребности и нужды своей страны.

Томъ У. - Сентяврь, 1868.

Заявляя что «наша внутренняя промышленность потрясена въ своемъ основаніи несвоевременнымъ и въ высшей степени нераціональнымъ пониженіемъ тарифа 1857 года, что великія реформы настоящаго царствованія, объщая дать плоды еще въ будущемъ, пошатнули весь экономическій организмъ нашъ, и что потрясеніе нашей денежной системы не могло не отозваться тяжело на нашихъ торговыхъ дѣлахъ», московская депутація выражаетъ сомнѣніе, чтобы, при такомъ всеобщемъ потрясенін нашей отечественной промышленности, была какая-нибудь возможность приступить къ заключенію торговаго трактата въ смыслѣ пониженія тарифа, и связывать себя каквим бы то ни было обязательствами. Но, возставая противъ заключенія трактата, московская депутація тѣмъ не менѣе заявила, «что русская промышленность готова въ настоящее время во многомъ отношеніи не только измѣнить тарифъ, но по многимъ статьямъ сбавить даже пошлины».

Большую часть замвчаний, которыя касаются ственений, проистевающихъ отъ таможенныхъ обрядностей, московская депутація признавала справедливыми, но нёсколько запоздалыми, ибо, по отзыву ея, въ проектѣ преобразованія таможеннаго нашего устава предположено уже сдёлать значительныя облегченія для торговли. Отвергнувъ, и совершенно справедливо, настояние германской депутации о необходимости удержанія разницы пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ сухимъ путемъ и моремъ, а также о предоставлении нѣмецкимъ судамъ свободнаго каботажнаго судоходства, московская депутація указываеть на легкость и незнание дѣла, съ которыми нѣмецкая депутація отнеслась въ нёкоторымъ учрежденіямъ и условіямъ, стёсняющемъ будто бы торговыя сношенія иностранцевъ съ Россією. Не смотря на все искусство изложенія этой части отвёта московской депутаціи, самую зам'вчательную часть ся работы представляють приложенія, составленныя спеціалистами по каждой отрасли промышленности и выражающія сводъ взглядовъ промышленнаго сословія на состояніе своего промысла. Эта работа, не смотря на всю свою односторонность, останется надолго полезною справочною книгою, и мы будемъ еще имъть случай обратиться въ ней, говоря о вновь установленныхъ пошлинахъ на разные предметы.

Другіе биржевые комитеты наши отнеслись съ большею легкостыю къ нѣмецкой запискѣ и ограничились болѣе краткими и общими отзывами. Такъ, рижскій комитеть напечаталъ свой отвѣтъ на 20-ти страницахъ. Отвергая, подобно московской депутаціи, всякую мысль о возможности и своевременности для насъ заключенія торговаго трактата съ какою бы то ни было державою, рижскій биржевой комитетъ выразилъ миѣніе о пользѣ преслѣдованія правительствомъ начатаго уже имъ постепеннаго улучшенія тарифа, и о необходимости съ этою цѣ-

лю, въ извѣстные правильно возвращающіеся промежутки времени, пересматривать какъ законы и постановленія, касающіяся торговли, такъ и самый таможенный тарифъ, съ приглашениемъ болѣе замѣчательныхъ спеціалистовъ для устранения всёхъ стёснительныхъ для торговли постановлений и для опредъления степени покровительства, которое потребно для отечественной промышленности, дабы она не была подавлена иностраннымъ соперничествомъ и въ тоже время была поощряема въ дальнъйшимъ успѣхамъ. Находя своевременнымъ приступить уже въ настоящее время въ таковому пересмотру тарифа, рижский биржевой комитеть заявиль при этомъ о тёхъ главныхъ началахъ, на которыхъ можетъ совершиться этотъ пересмотръ: значительное понижение ввозныхъ пошлинъ на колоніальные товары и на необходимыя для русской промышленности сырыя и полуобработанныя произведенія, уравновѣшеніе пошлинъ съ мануфактурныхъ издѣлій, въ мъръ необходимаго ограждения отечественной производительности какъ отъ опаснаго иностраннаго соперничества, такъ и отъ излишняго застоя, и уничтожение дифференціальныхъ пошлинъ по морской и сухопутной торговлё, дабы лишить поощренія прусскую морскую торговлю, производимую въ ущербъ таковой же россійской; таковы основанія предложеннаго рижскимъ купечествомъ пересмотра тарифа.

Вслёдъ за Пруссіею, и Австрія также поднимала вопросъ о заключенін съ своей стороны съ Россіею новаго таможеннаго и торговаго трактата. О необходимости такого договора заявлено было въ 1864 году на пражскихъ таможенныхъ конференціяхъ и, наконецъ, подана была формальная петиція отъ имени различныхъ фирмъ вёнской торговой и промышленной палатѣ.

Вѣнская палата рѣшилась точнѣе изслѣдовать этоть вопрось, чтоби яснѣе указать на желательныя измѣненія въ договорѣ о торговлѣ и судоходствѣ, заключенномъ между Австріею и Россіею въ 1860 году, и формулировать условія этого измѣненія вообще и въ частности для предложенія ихъ правительству. Свѣдѣнія, собранныя вслѣдствіе того вѣнскою палатою отъ разныхъ корпорацій и лицъ близко знакомыхъ, по собственному опыту или по своему общественному положенію, съ состояніемъ торговли между Россіею и Австріею, были наиечатаны вѣнскою палатою въ видѣ особой брошюры подъ заглавіемъ: Materialien zur Frage der Abschliessung eines neuen Zoll-und Handelsvertrages zwischen Oesterreich und Russland. Gesammelt von der Handels-und Gewerbsкаттеr in Wien. Wien, 1865. Переводъ этой брошюры на русскомъ языкѣ появился въ № 9 — 12-мъ «Сборника свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ» за 1865 годъ.

Въ тоже время и другія австрійскія торговыя и промышленныя

1

палаты, равно какъ и нёкоторыя частныя торговыя и промышленныя общества въ Австріи, по отзыву вёнской палаты, самостоятельно разбирали этотъ вопросъ и признали желательнымъ заключеніе торговаго и таможеннаго договора съ Россіею.

Оставляя въ сторонѣ частные вопросы, разбираемые въ матеріалахъ, изданныхъ вънскою палатою, относительно невыгоднаго вліянія. оказываемаго на торговлю Австріи съ Россіею русскимъ тарифомъ 1857 года и русскими торговыми и таможенными постановленіями, остановамся только на нёкоторыхъ главныхъ выводахъ, вытекающихъ изъ разсмотрѣнія означенныхъ матеріаловъ и доказывающихъ, чтоавстрійское промышленное сословіе относилось къ Россін съ большимъ безпристрастіемъ, нежели прусское. Оно сознаетъ, что незначительность австрійской торговли съ Россіею, составляющей не бодбе 4%. общей ценности внешней русской торговли, проистекаеть не столько отъ вліянія высокихъ пошлинъ русскаго тарифа 1857 года, сколько главнымъ образомъ отъ недостатка вниціативы со стороны австрійскаго купечества, отъ неудовлетворительнаго состоянія австрійскихъ консульствъ въ Россін, отъ недостатка прямыхъ сношеній съ русскими вупцами, оть дорогого посредничества коммиссіонеровь, живущихь въ Россін. Отдавая полную справедливость прогрессивному движенію русскаго общества, поощряемому уже втечени 10-ть лёть правительствомъ, признавая полную безопасность сношеній въ Россіи и ожндая отъ судебной реформы всевозможныхъ гарантій не только личности, но и имуществу, австрійскіе матеріалы только недостаткомъ ни вющихся за границею сведений о внутреннихъ условіяхъ и отношеніяхъ Россін, объясняють неправильность сужденій о ходѣ ся политическаго развитія.

Будущая роль австрійской торговли съ Россією, по мнѣнію «Матеріаловъ», не на сѣверѣ этого государства, гдѣ уже утвердились Пруссія, Англія и Франція, а скорѣе въ юго-восточныхъ частяхъ ся, куда еще мало проникала ихъ конкурренція; Австрія могла бы съ выгодою привозить изъ Россіи то, что доставлялъ сй Таможенный Союзъ, и съ своей стороны могла бы посылать туда тѣ товары, которые до сихъпоръ посылались въ эту страну другими государствами.

Указывая на быстрое развитіе желёзныхъ дорогъ въ Россіи, австрійскіе «Матеріалы» видять въ этомъ доказательство, что «Россія нисколько не желаетъ изолировать себя отъ прочихъ государствъ и народовъ, какъ утверждаютъ съ своей точки зрѣнія англійскіе фритредеры и германскій коммерческій съѣздъ, на томъ основаніи, что въ Россіи не дѣлается либеральнаго пониженія пошлинъ. Каждое государство, говорится въ Матеріалахъ, должно основательно взвѣспть этотъ щекотливый пунктъ, тѣмъ болѣе, что младшая въ промышленномъ отношеніи изъ европейскихъ государствъ Россія ничуть не обя-

404

зана вично разыгрывать роль врестьянскаго государства (Bauernstaat) между другими народами и давать другимъ возможность становиться богатыми властителями торговли».

«Достовѣрно, говорится далѣе, что начало промышленности, хоти и съ трудомъ, но положено въ Россіи, и доказано, что русскіе вполнѣ способны быть промышленниками; къ сожалѣнію, образовавшееся промышленное населеніе и фабрики находятся не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, т. е. въ мѣстахъ, лишенныхъ угля. Но во многихъ мѣстахъ были открыты громадныя залежи каменнаго угля и для утвержденія промышленности на прочномъ основаніи, промышленному населенію необходимо будетъ переселиться къ каменно-угольнымъ бассейнамъ. Какъ ни странно это переселеніе, но оно, вѣроятно, легко устроится, когда вниманіе всѣхъ классовъ общества не будетъ такъ исключнтельно устремлено на высшія государственныя реформы.

«Экономисты, которые хотять осудить русскаго исключительно на роль земледѣльца, должны также рѣшить вопросъ, какими земледѣльческими работами онъ можетъ заниматься въ продолженіе 6-ти мѣсячной зимы, когда земля промерзаетъ на сажень и на сажень также покрывается снѣгомъ. Если онъ не будетъ спать какъ кротъ въ теченіе всего долгаго времени, когда сама природа дѣлаетъ невозможными сельско-хозяйственныя занятія, то единственнымъ препровожденіемъ времени, на которое указываютъ ему обстоятельства, остается промышленность.

«Въ угоду другимъ народамъ заниматься исключительно сельскимъ козяйствомъ, оставляя безъ всякой пользы каменный уголь, желёзныя руды и множество другихъ промышленныхъ богатствъ, Россія нисколько не желаетъ. Если до сихъ поръ производилось въ Россіи такъ много хлёба и прочихъ сырыхъ продуктовъ, что для сбыта ихъ недостаточно было ни заграничнаго отпуска, ни внутренняго потребленія, если во внутреннихъ губерніяхъ, по недостатку путей сообщенія для вывоза излишняго количества, цёлыя жатвы оставались невымолоченными и шли на солому, то—спрашивается—куда будутъ дёваться сельско-хозяйственныя произведенія, когда свободный трудъ будетъ доставлять вдвое больше прежняго и когда желёзныя дороги и правильные водяные пути сдёлаютъ возможнымъ вывозъ изнутри страны?

«Потребленіе въ остальной Европь имъетъ все-таки извъстные предълы, и въ урожайные годы оно очень ограничено сравнительно съ тъмъ, что можетъ доставлять Россія. Такимъ образомъ сами обстоятельства принудятъ часть русскаго населенія сдълаться промышленнымъ, и правительство не можетъ неоградить его въ началъ отъ заграничнаго соперничества посредствомъ высокнять пошлинъ. Въ этомъ стремленія долженъ его укръпить еще опытъ, добытый главнымъ образомъ въ послъднее время и доказывающій, что усиленный вывозъ

сырыхъ продуктовъ начинаетъ имѣть вредныя послѣдствія для самой земли, что гарантія будущаго плодородія полей заключаетси внутри страны.

«Изъ всего этого слёдуетъ, что русскіе совершенно правильно судятъ о своихъ интересахъ и мы не можемъ претендовать на нихъ за то, что они имѣютъ въ виду прежде всего себя и что не намѣрены другимъ государствамъ позволять истощать себя. Точно также и мы не хотимъ убѣждать ихъ соглашаться съ ошибочнымъ мнѣніемъ, будто свободная торговля примѣнима во всякое время повсюду, и будто въ ихъ интересѣ переходъ къ подобной системѣ, между тѣмъ какъ западная Европа объявляетъ себя готовою къ ней послѣ столѣтней подготовки.

«Поэтому мы не соглашаемся съ мнвніемъ германскаго коммерческаго съёзда и не хотимъ требовать невозможныхъ уступовъ. Если ны будемъ считать большимъ одолжениемъ съ нашей стороны облегченіе привоза къ намъ взъ Россіи сырыхъ продуктовъ, то въ сущности мы должны созпаться, что одолжение это воображаемое, ибо если мы привозимъ къ себѣ эти вещества, то значить они для насъ необходимы, и даже послѣ потребленія сохраняють неразрушимую цѣнность, которой навсегда лишается Россія. Мы разумбемъ подъ этипъ большую пользу, которую въ виде удобренія они приносять нашему сельскому хозяйству, инсколько не страдающему отъ ихъ привоза. Мы не выставляемъ в альтернативы германскаго коммерческаго съвзда, утверждающаго, что съ Россісю можно заключить торговый договоръ не вначе, какъ если она оставитъ свою охранительную систему, нбо намъ могутъ отвѣтить также, какъ Таможенному Союзу, что для того не наступило еще время. А тогда пришлось бы еще долго дожидаться благопріятной минуты...

«Общаго пересмотра и поннженія русскаго тарифа вообще мы не предлагаемъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) «Мы не хотимъ преслѣдовать недостижимыхъ цѣлей, такъ какъ Россія рѣшительно отклонила подобныя предложенія со стороны другихъ государствъ, имѣя для этого достаточныя причины въ охраненіи интересовъ собственной промышленности.

2) «Ради послѣдовательности, мы не желаемъ вступать въ борьбу за такіе принципы, приложенія которыхъ мы не желали бы видѣть и у самихъ себя.

3) «Мы не видямъ въ этомъ никакой выгоды для Австрін, ибо общее пониженіе пошлинъ было бы одинаково для всёхъ народовъ и принесло бы намъ незначительную пользу».

«Итакъ, будемъ искать возможнаго. Удовлетворимъ дъйствительныя взаимныя потребности и допустимъ введеніе дифференціальныхъ пошлинъ, которыя облегчатъ взаимный обмънъ товаровъ, находящихся

въ недостаточномъ количествъ или вовсе не производимыхъ у одного народа, или необходпмыхъ другому и привозимыхъ уже изъ другихъ государствъ. Само собою разумъется, что эти дифференціальныя пошлины должны быть соразмърны высотъ русскихъ таможенныхъ пошлинъ. Поэтому, въ договоръ 2/14 сентября 1860 года нечего измънять, можно было бы только прибавить, въ видъ дополненій, добавочныя условія соотвътственно измънпвшимся обстоятельствамъ.

«Мы можемъ предоставить Россіи довольно значительную область сбыта и дѣйствительный интересъ Россіи, а не созданный теоріею свободной торговли, заключается въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ ей вести съ нами торговлю, которую она желаетъ поддерживать съ иностранными государствами».

Нельзя не признать, что мысли, выраженныя такимъ образомъ австрійскими промышленниками, до того умёренны, что могли бы быть сказаны отъ лица русскихъ промышленниковъ, еслибы они были одушевлены меньшею нетерпимостію и бо́льшимъ уваженіемъ къ экономическимъ истинамъ.

Большая часть торговыхъ палатъ и промышленныхъ лицъ, спрошенныхъ вѣнскою палатою, выразились положительно въ пользу заключенія новаго торговаго и таможеннаго договора съ Россіею и ожидала отъ него не только благодѣтельныхъ экономическихъ послѣдствій для обѣихъ странъ, но и прекращенія контрабандной торговли, которая, благодаря высокимъ пошлинамъ, на всемъ протяженіи длинной русской границы, превратилась въ цвѣтущую промышленность и сдѣлалась истинною язвою, какъ для Россіи, такъ и для Австріи.

Послё отпора, даннаго русскимъ промышленнымъ сословіемъ заявленіямъ германскаго купечества о желанін заключить съ Россією торгово-таможенный трактатъ, понятно, что и подобныя же заявленія австрійскихъ торгово-промышленныхъ корпорацій должны были также остаться безъ всякихъ послёдствій. Заявленія эти прошли даже почти незамёченными, не смотря на всю умёренность ихъ тона.

Гораздо болѣе обратила на себя вниманія записка англійскаго генеральнаго консула въ С.-Петербургѣ г. Мичеля, составленная съ цѣлію обратить вниманіе на упадокъ торговли между Великобританіею и Россіею и указать средства къ устраненію этого явленія. По поводу бывшей въ 1864 г. въ Москвѣ очередной промышленной выставки, отъ англійскихъ соединенныхъ торговыхъ палатъ присланы были для изученія этой выставки депутатами, секретарь означенныхъ палатъ г. Самсонъ Лойдъ и президентъ бирмингемской торговой палаты г. Гудманъ. Содѣйствіе этимъ лицамъ поручено было англійскимъ Правительствомъ г. Мичелю, хорошо знающему русскій языкъ. Это обстоя-

тельство и послужнаю поводомъ для составленія г. Мичелемъ, по совѣту лорда Кларендона, его записки или «Отчета о современномъ состояніи торговли между Великобританіею и Россіею». Записка эта была представлена англійскому парламенту, напечатапа въ числѣ его изданій и препровождена къ англійскому посланнику въ С.-Петербургѣ лорду Буканану, съ выраженіемъ надежды, «что публикованіе этого отчета и отчета депутаціи соединенныхъ торговыхъ палатъ повлечетъ за собою совѣщанія между представителями промышленныхъ и торговыхъ интересовъ обѣихъ странъ, могущія принести лишь взаимную пользу».

Г. Мичель старается доказать несостоятельность охранительной системы, которой держится еще Россія и удержанія которой домогаются русскіе фабриканты, указывая при этомъ на неблагопріятное будто бы, во многихъ случаяхъ, для разныхъ финансовыхъ операцій, особенно займовъ, заключаемыхъ въ Англіи, вліяніе нашей таможенной спстемы. Упадокъ торговли между Россіею и Великобританіею въ 5 - тилѣтіе 1859 — 1863 гг. на 11%, ввозъ контрабандныхъ товаровъ въ Россію въ тотъ же періодъ времени на 75 милліоновъ рублей, вслѣдствіе этого потеря дохода казны, даже при самомъ умѣренномъ тарифѣ въ 15%, на 11½ милліоновъ, таковы, по миѣнію г. Мичеля, главные результаты нашего высокаго тарифа.

Указавъ на неосновательность опасеній, выраженныхъ руссйими фабрикантами по поводу пониженія тарифа въ 1857 г., на противодъйствіе оказанное всёми промышленными корпораціями въ Россіи предложеніямъ германскихъ коммерческихъ съёздовъ, г. Мичель утёшаетъ себя мыслію, что эта оппозиція небольшой части русскаго общества, вёроятно, уменьшится, когда оно уразумёетъ, что свобода торговли вовсе не предполагаетъ непремѣнной и полной отмѣны всѣхъ пошлинъ и пожертвованія всѣми существующими интересами. При этомъ онъ желаетъ пониженія русскаго тарифа настолько, чтобы онъ предоставлялъ еще русскому фабриканту преимущество въ 15 или 20% предъ его заграничными соперниками, и полагаетъ, что, въ случаѣ, еслибы это желаніе не было въ скоромъ времени удовлетворено, то торговля, издавна существующая между Англіею и Россіею, должна еще болѣе придти въ упадокъ, а вмѣстѣ съ нею пасть и довѣріе къ Россіи, какъ странѣ преуспѣвающей, просвѣщенной и совершенствующейся.

Понятно, что появленіе подобнаго рода брошюры, особенно въ русскомъ переводѣ, и притомъ вслѣдъ за прусской и австрійской записками, написанными тономъ сравнительно болѣе умѣреннымъ и нерѣдко даже безпристрастнымъ, не могло не поднять цѣлой бури въ русской журналистикѣ, особенно при усилившемся съ особенною силою въ это время духѣ протекціонизма.

Краткость брошюры г. Мичеля, ся ришительный тонъ, ся слиш-

конъ смёлые числовые выводы относительно цённости контрабандныхъ товаровъ, и наконецъ слишкомъ либеральное предложение о понижении Россиею всёхъ ввозныхъ пошлинъ до 15 или 20%, все это не могло не сдёлать большого контраста съ болёе солидными и спокойными выводами и соображениями нёмецкихъ и австрийскихъ промышленныхъ сословий и не усилить недовърия къ предложениямъ представителя ангийскихъ торговыхъ иптересовъ.

Всѣ эти попытки убѣдить русское промышленное сословіе въ пользѣ н необходимости отречься отъ охраняющаго его высокаго тарифа, не переходя въ сферу офиціальную, остались предметомъ свободнаго гласнаго обсужденія со стороны русскихъ промышленниковъ; но нѣтъ сомнѣнія, что правительство извлекло изъ этого гласнаго обсужденія вст нужную для себя пользу.

Не увлекаясь ни чрезмѣрнымъ стремленіемъ къ широкой либеральной торговой политикѣ, и не поддаваясь заявленнымъ Пруссіею, Австріею и Англіею требованіямъ объ уступкахъ со стороны Россіи, правительство не могло, однако, не сознавать и особенно не ощущать, насколько сохраненіе высокаго тарифа вредно для интересовъ государственнаго казначейства, самой туземной промышленности и многочислевныхъ потребителей.

Не смотря на двукратное преобразованіе въ таможенномъ тарифѣ 1850 и 1857 гг. и на увеличеніе пошлиннаго сбора по тѣмъ статьямъ, которыхъ коснулись эти преобразованія, таможенный доходъ по европейской торговль, въ общемъ итогь, остался безъ всякаго почти приращенія. Въ 1844 году онъ составлялъ 24¹/₂ милліона рублей, въ томъ числѣ съ сахара п бумажной пряжи 12 мил. и съ прочихъ предметовъ 12¹/₂ мил. Спустя двадцать лѣтъ, именно въ 1864 году, таможенный сборъ достигалъ 26¹/₂ милліоновъ руб. Увеличеніе на 2 милліона было только фиктивное, ибо сборъ 1864 года заключалъ въ себѣ доходъ, взимавшійся по таможнямъ Царства Польскаго, котораго въ сборѣ 1844 г. не было показано. Доходъ съ сахара п бумажной пряжи въ то же время уменьшился до 5¹/₂ мил., а по прочимъ статьямъ увеличился до 21 мил., т. е. на 8¹/₂ мил. Это увеличеніе было главнымъ образомъ результатомъ пониженія тарифовъ 1850 и 1857 г. и доказало, что лишь, благодаря переходу отъ запретительной системы къ охранительной, таможенный доходъ могъ удержаться въ прежнемъ размѣрѣ.

Подъ вліяніемъ тарифа 1857 г., таможенные сборы въ первый же годъ, т. е. въ 1858, увеличились на 2,750,000 р., а затѣмъ въ трехлѣтіе 1862 — 1864 г. достигли 27,250,000 р.; но это новое увеличеніе въ 3¹/₂ мил. р. было послѣдствіемъ разрѣшенія въ 1861 г. къ морскому привозу чая, который доставляеть отъ 3 до 4 мил. р. ежегодной пошлины. По другимъ же статьямъ никакого приращенія въ тарифѣ не оказывалось. Такая неподвижность таможенныхъ доходовъ явно обнаруживала медленное приращеніе самыхъ торговыхъ оборотовъ и доказывала, что сдѣланныя доселѣ въ тарифѣ измѣненія были еще недостаточны для столь значительнаго усиленія прпвоза къ намъ иностранныхъ произведеній, чтобы таможенный доходъ могъ въ общемъ результатѣ возвыситься съ пользою для государственнаго казначейства. Средиій ежегодный привозъ иностранныхъ товаровъ, достигавшій до 1851 года 90 мил. р., послѣ крымской кампаніп въ 1856 г. достигъ 100 мил. р.; въ пятилѣтіе же 1857 — 1861 г., т. е. послѣ введенія тарифа 1857 г. возвысился до 138 мил. р. и затѣмъ оставался почти въ томъ же размѣрѣ, исключая 1866 и 1867 годовъ совершенно исключительныхъ.

Обязанность, лежащая на министерствъ финансовъ къ изысканію средствъ для покрытія возрастающихъ, особенно въ послъднее время, государственныхъ расходовъ, на удовлетвореніе вновь возникающимъ неотложнымъ государственнымъ нуждамъ, и невозможность дальнъйшаго возвышенія прямыхъ налоговъ, прямо указывали министру финансовъ необходимость искать новые источники государственныхъ доходовъ въ косвенныхъ налогахъ. Таможенный доходъ представлялся для этого особенно сподручнымъ, такъ какъ съ устраненіемъ дороговизны товаровъ, искусственно производимой и поддерживаемой, могло усилиться народное потребленіе, а вмъстъ съ тъмъ и производительность, и полагалось начало образованію капиталовъ и умноженію средняго зажиточнаго класса людей, въ которомъ заключается вся податная сила каждаго государства.

Ущербъ, приносимый государственнымъ доходамъ огромнымъ развитіемъ правильно организованной контрабанды на границахъ Россія, былъ не менѣе побудительною причиною къ уменьшенію таможенныхъ пошлинъ, наиболѣе поощряющихъ развитіе контрабанды. Фактъ существованія на нашей прусско-австрійской границѣ правильно организованныхъ конторъ, принимающихъ перевозку и страхованіе контрабандныхъ товаровъ за премію около 35% съ пошлинъ, которыми обложены товары по русскому тарифу, не подлежить никакому сомнѣнію.

Какъ прусскія, такъ и австрійскія торговыя палаты заявили желаніе положить конецъ этому безнравственному способу веденія торговли, развращающему цѣлыя мѣстныя населенія и лишающему честныхъ торговцевъ возможности выдерживать соперничество съ торговцами торгующими контрабандою. Не только государственный доходъ страдаетъ отъ этого, но и самая внутренняя торговля парализуется неизвѣстностью мѣры соперничества, которымъ ей угрожаетъ тайный привозъ товаровъ.

Изъ «Видовъ внѣшней торговли» видно, что цѣнность конфискованныхъ товаровъ по таможенной оцѣнкѣ и суммы, за которыя они были проданы въ 1866 и 1867 г. простирались:

410

Цённость. Сумма выручаемая оть продажи. Въ 1866 г. 561,600 р. 246,235 р. > 1867 > 715,926 > 295,572 >

Доказательствомъ, что высокія пошлины поощряють контрабандную торговлю, служить значительность тайнаго водворенія особенно нѣкоторыхъ высоко обложенныхъ товаровъ. Такъ конфискованныхъ бумажныхъ товаровъ продавалось съ таможенныхъ аукціоновъ ежегодно:

> въ 1851 — 53 г. на 87,240 р. » 1859 — 61 » » 230,434 » » 1862 — 64 » » 124,338 »

Уменьшение за послѣднее трехлѣтие объясняется тѣмъ, что въ означенные тоды привозъ бумажныхъ товаровъ вообще сократился значительно, по случаю вздорожанія ихъ и притомъ самыя поимки контрабанды въ 1862 и 1863 г. должны были уменьшиться, за снятіемъ мѣстами пограничной стражи въ Царстве Польскомъ и северозападныхъ губерніяхъ, вслёдствіе бывшихъ тамъ безпорядковъ. Въ 1859-1861 г. конфискованные бумажные товары составляли, по вырученной за нихъ суммѣ, почти 2/3 цѣнности всѣхъ прочихъ задержанныхъ товаровъ, воторая составляла 377,660 р. По вышеисчисленному разсчету цвнность контрабандою водворенныхъ бумажныхъ товаровъ составляла 3,450,000 р., - цёвность же правильно привезенныхъ бумажныхъ товаровъ 4,750,000 р. Въ какой степени страдаетъ отъ этого государственный доходъ, видно изъ того, что между тѣмъ вакъ потребленіе бунажныхъ товаровъ въ Россіи болѣе и болѣе распространяется, таможенный доходъ остается весьма незначительнымъ. Въ 1859 - 61 г. пошлиннаго сбора съ бумажныхъ изделий поступило 1.757.616 р., а въ 1865 --- 66 г. 759,449 руб.

Явленіе это было прямымъ послѣдствіемъ системы, положенной въ основаніе тарифа 1857 г., по которой отечественная промышленность ограждалась отъ иностраннаго соперничества, пренмущественно по сбыту самыхъ употребительныхъ предметовъ, почему пошлины съ малоцѣнныхъ низкаго качества издѣлій опредѣлены были высокія, почти запретптельныя, а издѣлія высокаго разбора, напротивъ того, обложены весьма умѣренными, даже низкими пошлинами. Оттого одни только издѣлія послѣдняго рода и провозятся къ намъ черезъ таможин съ уплатою таможенныхъ пошлинъ, а другія, для которыхъ эти пошлины слишкомъ высоки, водворяются почти исключительно тайно, черезъ сухопутную граннцу, и притомъ въ весьма большомъ количествѣ.

Не отвергая, что противодъйствіе развитію контрабанды можетъ быть отчасти достигнуто посредствомъ улучшенія таможеннаго надвора, какъ это и доказали уже принятыя въ послёднее время мёры, министръ финансовъ не находилъ однако возможнымъ, при огромномъ протяженіи нашей сухопутной границы, усилить нашъ таможенный надзоръ въ той мёрё, которая необходима для совершеннаго уничтоженія контрабанднаго торга, и потому считалъ необходимымъ, кромѣ преслёдованія контрабанды на границѣ, сдёлать и нёкоторыя измёненія въ тарифѣ.

При этомъ онъ полагалъ, что если для противодъйствія контрабандѣ допустить нѣкоторое уменьшеніе чрезмѣрныхъ пошлинъ, которыми обложены низшіе сорты издѣлій, насколько это представляется возможнымъ безъ вреда для отечественной промышленности, то мѣра эта обратилась бы въ пользу не только таможеннаго дохода, но и самыхъ фабрикантовъ, потому что дѣйствительное покровительство оказываютъ имъ только такія пошлины, при коихъ возможна правильная торговля, а не тѣ, которыя обращаются въ премію для контрабанди и приносятъ пользу исключительно однимъ контрабандирамъ, подрывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякую правильную торговлю. Цѣли этой министръ финансовъ полагалъ достигнуть посредствомъ установленія большей соразиѣрности между цѣнами товаровъ и пошлинами.

Поэтому, не увлекаясь несбыточною мечтою, при современномъ развитіи нашей мануфактурной промышленности, возникшей подъ сѣнію запрещеній и требующей еще довольно значительнаго покровительства, достигнуть такого возвышенія таможеннаго дохода, какого онъ достигь въ большей части европейскихъ государствъ, въ которыхъ внутренняя промышленность получила уже самостоятельное развитіе, министръ финансовъ считалъ однако возможнымъ, сохраняя даже общій размѣръ охраны, принятый въ тарифѣ 1857 г., достигнуть нѣкотораго увеличенія государственнаго дохода, посредствомъ соотвѣтственнаго измѣненія тарифа.

Въ этихъ видахъ министръ финансовъ испросилъ 30 йоня 1867 г. Высочайшее повелѣніе на пересмотръ тарифа въ особой коминссіи, съ тѣмъ, чтобы она приняла для своего руководства слѣдующія главныя основанія: 1) установленіе большей соразмѣрности, въ видахъ ограниченія контрабанды, между тарифными пошлинами и цѣнами такихъ товаровъ, которые въ настоящее время правильнымъ путемъ почти совершенно не привозятся, а водворяются контрабандою; 2) упрощеніе тарифной классификаціи и облегченіе таможеннаго счетоводства установленіемъ тарифныхъ пошлинъ, со включеніемъ добавочныхъ сборовъ и съ освобожденіемъ отъ сихъ послѣднихъ тѣхъ статей, которыя и безъ того уже обложены достаточною пошлиною; 3) уравненіе пошлинъ по морскому и сухопутному привозу, каковое уравненіе является необходимымъ, во-первыхъ, вслѣдствіе совершившагося уже уравновѣшенія выгодъ морского и сухопутнаго сообщенія, отъ соединенія им-

нерін и царства польскаго съ нёкоторыми государствами посредствомъ желёзныхъ дорогъ, и во-вторыхъ, съ цёлію предотвращенія дальнёйшаго искусственнаго отклоненія привозной торговли отъ морского пути въ ущербъ нашимъ портамъ, тёмъ болёв, что таковое отклоненіе, по необходимости, увеличиваетъ число кораблей приходящихъ съ балластомъ и возвышаетъ фрахтъ въ подрывъ нашей отпускной торговлё; 4) пониженіе пошлинъ съ фабричныхъ матеріаловъ, насколько это позволяютъ настоящія средства государственнаго казначейства.

Всего этого предполагалось достигнуть на началахъ самостоятельной торговой политики.

Для предупреждения вреднаго вліянія на промышленную дівятельность страны, которое могли бы имъть слухи о намърении правительства приступить въ измёнению таможенныхъ пошлинъ, при совершенной неизвъстности на счетъ направленія и разитровъ предполагаемыхъ измѣненій, непзвѣстности, дающей поводъ къ разнымъ опасеніямъ и превратнымъ толкамъ, а равно для приданія пересмотру таможеннаго таряфа сколь можно большей гласностя и для открытія свободнаго доступа выражению постороннихъ мивний въ двля, касающемся самыхъ разнородныхъ интересовъ, всѣ матеріалы, собранные предварительно въ министерствъ финансовъ по этому дълу были своевременно напечатаны и публикованы во всеобщее свъдъніе. Матеріалы эти закиючали въ себв подробный разборъ всёхъ тарифныхъ статей и соображеній о предполагаемыхъ въ няхъ измёнсвіяхъ, краткій обзоръ главныхъ отраслей нашей фабричной и заводской промышленности и числовыя давныя о привозѣ и таможенныхъ пошлинахъ по европейской торговля, подъ вліяніемъ тарифовъ 1850 и 1857 гг. и о пошлинахъ по общимъ тарифамъ прусскому, австрійскому и французскому. Въ то же время матеріалы эти были предварительно разосланы во всв промышленныя и торговыя учрежденія и по таможенному вёдомству, съ твиъ, чтобы облегчить, по возможности, доставление критическихъ замѣчаній и вызвать частныя сужденія. Самая коммиссія для пересмотра тарифа, согласно Высочайше утвержденному въ 6-й день октября всеподданнъйшему докладу министра финансовъ, составлена была подъ предстдательствомъ сенатора, нынъ члена государственнаго совъта, тайнаго совѣтника Небольсина, изъ 23 членовъ (кромѣ предсѣдателя) а именно 7 должностныхъ лицъ по министерству финансовъ и 4 отъ другихъ вѣдомствъ, имѣющихъ близкое соотношеніе въ торговымъ и промышленнымъ интересамъ страны: отъ государственной канцеляріи и министерствъ иностранныхъ дълъ, внутреннихъ дълъ и государственныхъ вмуществъ, и изъ 12 членовъ отъ промышленнаго и торговаго сословій. Въ числѣ этихъ 12 постоянныхъ депутатовъ купечества и фабрикантовъ, назначенныхъ большею частію по ихъ собственному избранию, были представители: С.-Петербурга (З чел.), Москвы (З),

Владнијра (1), Риги (1), Одессы (1), Таганрога (1), Ростова на Дону (1) и Варшавы (1). Для облегченія депутатовъ, каждому изъ нихъ предоставлялось имѣть еще кандидата, со всѣми правами депутата, въ случаѣ его отсутствія. Правомъ этимъ особенно широко воспользовались московские депутаты, которые постоянно смѣнялись новыми кандидатами. На 3 московскихъ депутата было 12 кандидатовъ, участвовавшихъ въ занятіяхъ коммиссіи, каждый по своей спеціальности.

Всв эти мёры были приняты правительствомъ очевидно въ видахъ доставленія промышленному и торговому сословіямъ полной возможности принять непосредственное участие въ обсуждении столь близкаго ниъ дъла, какъ пересмотръ таможеннаго тарифа. Дъйствительно, ни одинъ еще пересмотръ тарифа въ Россіи не производился съ такою гласностію и осторожностію, какъ нынѣшній. Не смотря на то, уже одно извъстіе о предстоящемъ пересмотрѣ и о назначеніи 15 сентября срокомъ для присылки въ менистерство финансовъ отзывовъ торговымъ и промышленнымъ сословіемъ, послужили сигналомъ для самыхъ тревожныхъ толковъ среди нашего промышленнаго міра и въ главныхъ органахъ протекціонизма, «Торговомъ Сборникв» и «Москвв». Не смотря на отсрочку означеннаго срока до 15 ноября и пріема замѣчаній даже позже этого, такъ что это дало возможность тарифной коммиссіи получить около 800 офиціальныхъ и частныхъ замѣчаній на «Матеріалы», что составило 4 печатныхъ выпуска Свода зам'вчаній, принятыхъ въ соображение коммиссиею; не смотря на призывъ въ тарифную коммиссію, кромѣ депутатовъ, до 239 постороннихъ лицъ, приглашенныхъ въ качествѣ экспертовъ, нэъ разныхъ техниковъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ и торговцевъ, при обсуждени разныхъ тарифныхъ статей и поступившихъ въ коммиссию ходатайствъ и заявленій; не смотря на учрежденіе въ средъ тарифной коммиссіи, для большаго удобства разсмотрвнія нанболве важныхъ тарифныхъ отдвловъ, нѣсколькихъ экспертныхъ коммиссій, посвятившихъ 64 засѣданія этому дёлу, всё дёйствія коммиссіи подвергались неутомимому и нерѣдко весьма бездеремонному пориданію устно и печатно со стороны главныхъ представителей протекціонизма и ихъ печатныхъ органовъ.

Эта ожесточенная агитація не умолкала до самаго конца работь тарифной коммиссіи, и до передачи ихъ на окончательное разсмотрѣніе государственнаго совѣта, гдѣ, вмѣсто разсмотрѣнія ихъ по общему порядку въ департаментѣ государственной экономін, дѣло это, по важности своей, согласно высочайшему повелѣнію, возложено было на особое соединенное присутствіе, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента государственной экономіи, генералъ-адъютанта Чевкина и съ участіемъ государя Наслѣдника Цесаревича.

Разсмотрънный этимъ порядкомъ новый таможенный тарифъ по европейской торговлъ утвержденъ высочайшею властю 5 июля сего

года и распубликованъ при указѣ правительствующаго сената 13 іюля. Новый тарифъ повелёно привести въ действие какъ въ империя, такъ и въ царствѣ польскомъ, съ 1 января 1869 г., съ прекращениемъ въ тоже время взиманія установленныхъ указами 14 марта 1858 г. и 30 декабря 1861 г., двухъ добавочныхъ къ таможеннымъ пошлинамъ 5°/о сборовъ. — Какія же измѣненія вноситъ новый тарифъ въ наше таможенное законодательство? Действующій ныне тарифъ состоить изъ трехъ раздѣловъ: І. Товары безпошлинные; ІІ. товары обложенные пошлиною — раздѣлъ этотъ распадается на три отдѣла: а) жизненние припасы; б) матеріалы сырые и полуобработанные для заводской, фабричной, ремесленной и земледѣльческой промышлепности и в) издѣлія фабричныя, заводскія и ремесленныя, и Ш. товары къ привозу запрещенные. Сверхъ того къ тарифу приложена роспись аптекар-скимъ матеріаламъ и лекарствамъ. Тоже раздѣленіе сохранено и въ новожъ тарифѣ, съ тою лишь разницею, что общее число статей, достигавшее въ 1857 г. - 368, а по послѣдней изданной редакціи до 296, сократилось нынѣ до 253, т. е. на 115 статей противъ редакціи 1857 г., не смотря на то, что въ нынѣшній тарифъ включена и роспись аптекарскимъ матеріаламъ, заключавшая въ себѣ 309 самостоятельныхъ статей.

При дальнёйшемъ разсмотрёніи новаго тарифа мы будемъ слёдовать тому же порядку, какой принятъ и въ самомъ тарифё, пользуясь для объясненія поводовъ и мотивовъ сдёланныхъ въ немъ измененій «Трудами тарифной коммиссіи», напечатанными въ двухъ томахъ, и заключающими въ себё богатый запасъ свёдёній и данныхъ о состояніи нашей промышленности.

Первый отдёлъ тарифа, т. е. роспись товаровъ пропускаемыхъ безпошлинно, заключавшая прежде 59 статей, сокращена нынѣ до 42 всябяствіе соединенія нёкоторыхъ отдёльныхъ прежнихъ статей въ одну, но вмѣстѣ съ тѣмъ она уменьшена еще и вслѣдствіе исключенія слёдующихъ товаровъ, обложенныхъ по новому тарифу пошлиною: машины и ихъ части, дрожжи пивныя сухія и прессованныя, уголь каменный и коксъ привозимые къ таможнямъ царства польскаго. Но въ тоже время роспись безпошлинныхъ товаровъ увеличена включеніемъ нёкоторыхъ другихъ товаровъ, платившихъ донынё пошлину, но по незначительности привоза доставлявшихъ ничтожный доходъ казив. Таковы: хлёбъ въ зерив всякій, кромв риса, ависъ, тминъ, бадьянъ, кишнецъ, горчица сухая, неприготовленная, корка лимонная, апельсинная и померанцевая сухая, не въ сахаръ, померанцевая соленая и орѣхи померанцевые (незрѣлые сушеные померанцы), шишки ворсильныя, кость жженая и тертая и костаной уголь, усъ китовый въ сиромъ видѣ, неочищенный.

Всѣ эти статьи вмѣстѣ взятыя доставляли около 16,000 р. таможеннаго дохода, и лишь обременяли таможенное вѣдомство и торговое сословіе излишними формальностями, неокупая этого выгодами казны. Обложеніе же пошлиною такихъ предметовъ, какъ напр. хлѣбъ въ зернѣ, представлялось даже стѣснительнымъ, ибо оно возвышало цѣну на него именно тогда, когда въ немъ являлась особенная нужда для мѣстнаго населенія, именно во время неурожаевъ.

Обращаясь за симъ къ первому отдёлу товаровъ, обложенныхъ пошлиною, вменно къ отдёлу жизненныхъ припасовъ, надо замётнъ, что изъ числа 42 статей этого отдёла по тарифу 1857 г., только 10 имѣли охранительный характеръ, именно пошлины на сахаръ, патоку сахарную и медовую, вина, напитки, воды шипучія, конфекты, макароны, сыръ, соль и кантонскій чай, въ видахъ покровительства кяхтинской торговль; остальныя же 32 статьп инстли лишь фискальное значеніе. И дѣйствительно, доходъ, получаемый отъ пошлиннаго сбора съ жизненныхъ припасовъ всегда составлялъ главный и самый върный источникъ нашихъ таможенныхъ доходовъ. Такъ, въ первые три года дъйствія тарифа 1850 г., т. е. съ 1851 — 53 г. привозныхъ пошлинъ съ жизненныхъ припасовъ, кромѣ кантонскаго чая, бывшаго тогда запрещеннымъ, поступило по средней сложности 15,637,421 р. въ годъ, а при дъйствія тарифа 1857 г. по средней сложности 6 лътъ 1859 - 64 г. сумма привозныхъ пошлинъ съ жизненныхъ припасовъ, кромѣ чая, составляла 14,286,268 р. въ годъ, т. е. противъ 1851-53 г. мепће на 1,351,153 р. Этотъ ущербъ въ доходѣ послѣдовалъ главнъйше отъ уменьшения привоза сахара, пошлина съ коего была оставлена безъ измѣненія. Въ 1859 — 64 г. пошлиннаго сбора по этой стать в было 3,942,558 р., т. е. на 2,451,944 р. менье противь 1851-1853 г.

Затёмъ изъ числа статей, съ конхъ пошлины по тарифу 1857 г. были сбавлены, ущербъ въ доходѣ оказался главнымъ образомъ на крёпкихъ напиткахъ и виноградныхъ винахъ, за уменьшеніемъ ихъ привоза, не смотря на сбавку пошлинъ. Уменьшеніе же привоза внноградныхъ винъ, и въ особенности французскихъ, было послѣдствіемъ 1) вздорожанія этихъ винъ, почти втрое, по причинѣ распространившейся болѣзни винограда; 2) значительнаго развитія русскаго винодѣлія въ Бессарабіи, въ Крыму и на Кавказѣ и распространенія въ Россіи лучшихъ сортовъ бессарабскихъ и крымскихъ винъ подъ названіемъ французскихъ; 3) повсемѣстно распространяющагося въ Россіи употребленія ягодныхъ настоекъ, наливокъ, ратафій н т. п. послѣ отмѣны въ 1862 г. откуповъ н 4) уменьшенія потребленія иностранныхъ винъ по случаю всеобщаго сокращенія предметовъ роскоши. Въ 1859 — 64 г. пошлиннаго сбора съ напитковъ поступило 2,731,681 р., противъ 1851 — 53 г. менѣе на 642,161 р. По прочимъ статьямъ от-

діла жизненных припасовъ, по коимъ пошлины большею частію были ионижены въ тарифі 1857 г., доходъ увеличился такъ, что въ общей сложности со всёхъ такихъ статей поступило въ 1859—64 г. 7,612,029 р. въ годъ, или противъ 1851 — 53 г. болѣе на 1,742,952 р., не смотри на то, что возможная потеря въ доходѣ казны отъ сбавки пошлинъ съ жизненныхъ припасовъ въ 1857 г. была исчислена по привозу 1851 — 53 г. до 300,000 рублей.

По новому тарифу число статей въ отдёлѣ жизненныхъ припасовъ оставлено почти тоже, что и прежде, именно 40 вмѣсто 42.

Классификація товаровъ, вошедшихъ въ этотъ отдёлъ, приведена въ большую систему, чёмъ въ тарифе 1857 года, и подведена подъ сявдующие 6 разрядовъ: 1) хлебные припасы, 2) соль, 3) овощи и фрукты, 4) бакалейные товары, 5) колоніальные товары, 6) напитки. По всёмъ статьямъ этого отдёла уничтожены дифференціальныя пошлины по морскому и сухопутному привозу. Почти половина статей оставлена безъ измѣненія, или же въ нихъ сдѣланы весьма незначительныя изменныя для округления. Пошлины на сахаръ, соль и спиртные напитки сохранены въ прежнемъ размъръ, по причинъ связи ихъ съ внутренними акцизами на тв же предметы, а на чай-по видамъ поддержанія кяхтинской торговли. По нікоторымъ статьямъ пошлины увеличены, частію отъ округленія, частію отъ отнесенія къ однороднымъ статьямъ, обложеннымъ высшею пошлиною. Такъ: на трюфели, шампиньоны и пр. пошлина возвышена съ 3 р. 96 (моремъ) и 1 р. 32 в. (сухопутно) до 4 р., на конфекты съ 4 р. 95 в. (м.) и 4 р. 40 к. (с.) до 5 р., на шипучія вина въ бутылкахъ съ 99 к. до 1 р., на каперцы съ 55 к. до 1 р. для сухихъ и до 3 р. для приготовлен-ныхъ въ маслъ, на оливы и маслины, въ маслъ и уксусъ, съ 1 р. 76 и 1 р. 32 к. до 3 р., на сельди, соленые въ бочкахъ съ 99 к. до 1 р.; на совн фруктовые съ 44 к. до 45, а въ случав примъси алкоголя еще по 8 к. за всякій % спирта, и на бекмесъ (вываренный виноградъ) съ 44 до 50 к.

По большей части статей, пошлины уменьшены отъ 10% до 60%, а на кофейный суррогать даже до 100%, и это уменьшеніе, по разсчету средняго привоза этихъ товаровъ и поступленія пошлиннаго сбора въ 1865 и 1866 годахъ составляеть около 850,000 р. риска для таможенныхъ доходовъ. Но если результатъ будетъ столь же благопріятный, какъ и при таможенной реформъ 1857 г., когда предполагаемый недоборъ въ 300,000 р. обратился въ приращеніе дохода на 1,742,000 р., т. е. почти въ 6 разъ выше противъ исчисленнаго недобора, то по аналогіи и отъ сдѣланнаго нынѣ уменьшенія пошлинъ слѣдуетъ ожидать увеличенія доходовъ по крайней мѣрѣ на 5 мил. р., тѣмъ болѣе, что финансовая практика всѣхъ государствъ доказала уже, что приращеніе таможеннаго дохода можетъ быть достигаемо отнюдь не

Томъ У. -- Скнтябръ, 1868.

возвышеніемъ, а только сбавкою въ достаточномъ количествё тёхъ высокихъ фискальныхъ пошлинъ, которыя, ограничивая потребленіе и поощряя контрабанду, только препятствуютъ увеличенію таможеннаго дохода.

Самыя значительныя сбавки по отдёлу жизненныхъ припасовъ, какъ по своему размёру, такъ и по количеству доставляемаго тёми статьями таможеннаго дохода, сдёланы:

	Пошлина по та- рифу 1857 годи.		Средній тамо- 4.:: за ко- женный доходъ парковини 1865 — 66 г. У оу ходу стана Каканана Какана Какана Какана Каканана Каканана Каканана Каканана Каканана Каканана Каканана Какананана Каканана Какананана Каканананананананананананананананананана
На кофейный суррогать	мор. 2 р. 75 к. сух. 2 — 58 ¹ / ₂	25 к.	показанъ въ об- нельзя щей цифоъ до- исчис- хода отъ кофе. лить.
— кофе	Mop. $2 - 75$ cvx. $2 - 58^{1/2}$	1 p. 50 —	924,510 417,000
— табакъ вълистахъ, ца- пушахъ и пр			767,950 255,987
 волоніальные товары: гвоздику, мушкатный 			
цвѣтъ	мор. 3— 85 сух. 3— 30	2 p. 50—	
— перецъ	мор. 2 — 57 сух. 1 — 98) 1 n 50	198,024 58,969
— инбирь	мор. 2—20 сух. 1—65)
— Портеръ и пиво:	•		
въ бочкахъ · · · · въ бутылкахъ · · · ·	22	15—	165,575 76,412
— сыръ	мор. 4 — 9 8 сух. 4 — 4 0	4 p.	189,818 33,371

Уменьшеніе дохода, могущее произойти по прочимъ статьямъ, въ случаћ, если бы привозъ ихъ не увеличился, можетъ составить около 20,000 р., изъ коихъ 11,000 р. приходятся на долю риса, не смотря на сбавку пошлины только на $10^{0}/_{0}$ для морского привоза (съ 55 до 50 к.) и на увеличеніе на $1/_{2}$ к. по сухопутному (съ 49 $1/_{2}$ до 50 к.), такъ значителенъ привозъ этого товара: въ $18^{63}/_{66}$ году, онъ достигалъ 278,000 пуд. и давалъ 150,000 р. дохода. Что пониженіе по отдћлу жизненныхъ припасовъ объщаетъ въ будущемъ усиленіе привоза и возвышеніе таможеннаго дохода, это доказывается примѣромъ вліянія прежнихъ тарифовъ. Такъ, напр., въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе привозъ кофе къ намъ удвоился. Съ 1840 по 1846 г. при пошлинѣ въ 6 р. и 6 р. 15 к. съ пуда, привозъ кофе въ Россію составлялъ среднимъ числомъ около 150,000 пудовъ. При дѣйствіи тарифа 1850 г. при пошлинѣ въ 2 р. 58 и 2 р. 75 к. онъ составлялъ съ

1857 по 1865 г. 309,744 п., а въ 1866 г. возросъ до 346,000 пудовъ. При болѣе умѣренной цѣнѣ на кофе и при значительности населенія имперіи, потребленіе кофе можетъ долго еще рости прогрессивно, безъ ущерба даже для потребленія чая, какъ это доказывается примѣромъ другихъ странъ, наприм. Англіи. Пошлина на цикорій и другіе кофейные суррогаты уменьшена болѣе чѣмъ въ 10 разъ, для отвращенія огромной контрабанды, производившейся на нашей западной границѣ и почти совершенно исключавшей возможность правильной торговли этимъ товаромъ.

Пониженіе пошлинъ на разные колоніальные товары такъ же объщаетъ усиленіе ихъ привоза, такъ какъ средній привозъ ихъ въ 1851 — 52 г. составлялъ 56,727 пуд., въ 1859 — 61 г. 70,223 п., въ 1865 — 66 г. 88,351 п. Также и привозъ сыру постоянно возрасталъ по мѣрѣ пониженія пошлинъ на него; въ 1851 — 53 г. онъ составлялъ 23,782 пуд., въ 1859 — 61 г. 31,708 п., въ 1862 — 64 г. 33,821 и въ 1865 — 66 г. 39,000 п. Этотъ усиливающійся привозъ не воспрепятствовалъ развитію у насъ собственнаго сыродѣлія, которое въ низкихъ и нѣкоторыхъ среднихъ сортахъ достигло значительнаго совершенства и лишь въ высшихъ сортахъ уступаетъ иногда иностранному. Новое пониженіе пошлины на сыръ до 20% можетъ лишь уменьшить контрабанду иностранными сырами и возбудить отечественныхъ сыроваровъ къ дальнѣйшему усовершенствованію своихъ сыровъ.

Пониженія пошлинъ на табакъ, не только въ листахъ, но и въ издвліяхъ домогались сами представители московскаго промышленнаго сословія, какъ въ отвѣтѣ своемъ германскому коммерческому съѣзду, такъ п въ печатной запискѣ, присланной въ министерство финансовъ, по поводу пересмотра тарифа. Двйствительно, табаководство сдвлало въ послѣдніе годы значительные успѣхи, особенно въ Крыму и Бессарабін, гдё производится нынё табакъ, неуступающій даже хорошему турецкому. Улучшение качества русскихъ табаковъ усилило употреблевіе ихъ на табачныхъ фабрикахъ въ примѣсь въ табаву иностранному, уменьшило привозъ иностраннаго табаку и усилило вывозъ русскихъ табаковъ за границу. Въ новомъ тарифѣ поплина понижена только на листовой табакъ, вёроятно потому, что этимъ путемъ предполагается вызвать болёе усиленный привозъ иностраннаго табаку безъ вреда для отечественнаго табаководства и съ прямою пользою для улучшенія качества, удешевленія русскихъ табаковъ и для распространения ихъ сбыта. Сбавка же пошлинъ на табачныя издълия, какъ предлагало московское купечество, не принята изъ опасенія ущерба, какъ таможеннаго дохода, такъ и акцизнаго сбора.

Пошлина на вина оставлена прежняя, съ округленіемъ ея до 2 р. 30 к., котя въ тарифной коммисіи, какъ извѣстно, и предполагалась сбавка этой пошлины до 1 р. 50 к. Нельзя не признать этой мѣры

весьма осторожною, ибо хотя она и объщала удешевить столовыя вина, привозимыя въ бочкахъ, но трудно было ожидать скораго возмѣщенія потери въ таможенномъ доходѣ до 400,000 р., которая бы произошла въ случав неувеличенія привоза къ намъ иностранныхъ винъ, такъ какъ опытъ послѣднихъ лѣтъ уже доказалъ, что потребленіе иностранныхъ винъ у насъ постоянно уменьшается, не смотря на понижение пошлинъ въ 1857 г. Въ новомъ тарифъ уменьшена пошлина до 1 р. 45 к. только на вина греческія, привозимыя въ бочкахъ и боченкахъ. Пошлина эта уже существовала по тарифу 1850 года и давала весьма хорошій результать, ибо привозъ греческихъ и молдавскихъ винъ приблизительно составлялъ въ 1851 - 53 г. 307,770 п., съ возвышениемъ же пошлины сперва до 2 р. 10 к., а затёмъ до 2 р. 31 к., привозъ этихъ винъ упалъ до 70,000 пуд. Нътъ сомнѣнія, что нынѣшнее уменьшение пошлины для греческихъ винъ усилить ввозъ ихъ къ намъ; но не будетъ ли конкуренція ихъ опасна для нашихъ бессарабскихъ и крымскихъ винъ, особенно послѣ кризиса, который они переживають вслёдствіе болёзни винограда и экономическихъ затрудненій м'ёстныхъ землевладёльцевъ, и не повлечеть ли на практикв исключеніе, сдѣланное въ пользу одной страны, въ разнымъ недоразуменіямъ между таможнями и торгующими и къ ввозу, подъ видомъ греческихъ винъ, --- винъ молдавскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ? Можно сказать только одно, что уменьшение пошлины съ грече-СКИХЪ ВИНЪ ВОЗВЫСИТЬ ТАМОЖЕННЫЙ ДОХОДЪ ЭТОЙ СТАТЬЕ, ДАВНО УЖЕ НАходящійся въ упадкв.

Второй отдёль тарифа пошлинныхь товаровь, заключающій въ себё матеріалы сырые и полуобработанные для заводской, фабричной, ремесленной и земледъльческой промышленности, содержаль въ себё по послёднему изданію тарифа 1857 г. 70 статей, изъ коихъ 30 обложены были пошлинами въ видахъ покровительства отечественной промышленности, а остальныя, не добываемыя въ Россіи, по видамъ фискальнымъ. Покровительственная пошлина назначена на бумагу пряденую, кожи выдёланныя, марену толченую, лаки, краски миніатюрныя и особо непоименованныя, крахмалъ, льняную и пеньковую пряжу, масла летучія для освёщенія, чугунъ и желёзо не въ дёлё, сталь, мёдь, цинкъ, свётильню бумажную, скипидаръ, химическія произведенія, чернила, шелкъ и шерсть.

По тарифу 1857 г. пошлины со многихъ фабричныхъ матеріаловъ были частію сбавлены, частію вовсе отмёнены и, вслёдствіе того, возможный недоборъ въ таможенномъ доходѣ, въ случаѣ неувеличенія привоза по тѣмъ статьямъ исчисленъ былъ приблизительно въ 400,000 р.; результатъ былъ однако тотъ, котораго и слёдовало ожидать, именно,

пошлинный сборъ, вийсто уменьшенія, увеличился въ 1856 — 64 г. противъ сбора 1851 — 53 годовъ на 27%, именно на 508,219 р. По но-вому тарифу въ этомъ отдѣлѣ, такъ же, какъ и въ предъидущемъ принята болѣе правильная и систематическая классификація. Число статей оставлено почти тоже, какъ и въ тарифѣ 1857 г., именно 69, не смотря на то, что сюда же вошла вся роспись аптекарскихъ матеріаловъ. Уменьшеніе пошлинъ по этому отдѣлу допущено въ такомъ разиврв, что по среднему таможенному доходу 1865 и 66 г. недоборъ можетъ составить около 200,000 р.; но оцытъ прежнихъ лътъ уже ручается за то, что это исчисление недобора останется лишь на бумагь; въ дъйствительности же будеть приращение дохода, ибо этотъ отдѣлъ имветъ существенное значеніе для промышленности, доставляя ей всё тё матеріалы, которыхъ она не имветь у себя дома подъ рукою или не можеть пріобрѣсти столь же дешево и тѣхъ же высокихъ качествъ, какъ за границею. Къ сожалвнію, усиленіе привоза фабричныхъ матеріаловъ и возвышеніе таможеннаго дохода можеть быть отчасти парализовано допущеніемъ въ новомъ тарифѣ по нѣкоторымъ статьямъ возвышенія пошлинъ. Хотя это возвышеніе и вычисляется ариеметически приблизительною цифрою около 16,000 р., но какъ въ полнтической экономіи дважды два не всегда четыре, то посему и адъсь слъдуетъ скорте ожидать по этимъ статьямъ упадка привоза, а вийсть и таможеннаго дохода, стесненія фабричной промышленности и возвышенія цёны на ть произведенія, для коихъ требуются означенные сырые матеріалы, обложенные высшею противъ тарифа 1857 г. HOILINGOD.

Во второмъ отдѣлѣ пошлинныхъ товаровъ, въ разрядѣ разныхъ растительныхъ и животныхъ матеріаловъ, обращаетъ на себя вниманіе пониженіе пошлинъ на выдѣланныя кожи и на мягкую рухлядь.

Кожевенное производство издавна составляеть одну изъ нашихъ коревныхъ промышленностей. Оно представляетъ цённость около 56 милл. руб. и занимаетъ до 13,000 рабочихъ рукъ, занятыхъ дубленіемъ и выдёлкою кожъ на 2,500 заведеніяхъ. Кожи выдёланныя съ давнихъ временъ составляютъ одну изъ важныхъ статей нашего заграничнаго отпуска. Съ 1860 по 1866 годъ отпускалось въ Европу среднимъ числомъ ежегодно около 22,000 п. юфти и другихъ выдёланныхъ кожъ. Не смотря на все это, къ намъ привозится и изъ заграницы ежегодно небольшое количество выдёланныхъ кожъ высшаго достоинства, потому что, кожи русской выдёланныхъ кожъ высшаго достоинства, потому что, кожи русской выдёланныхъ кожъ высшаго достоинства, потому что, кожи русской выдёланныхъ кожъ высшаго ния причины отсталости нашей кожевенной фабрикаціи отъ заграничной заключаются въ томъ, что за-границей кожи снимаются болѣе тщательнымъ образомъ, для выдёлки употребляются болѣе совершенные пріемы и, наконецъ, дешевизна капиталовъ даетъ возможность

въстникъ ввропы.

продолжать дубленіе подошвеннаго товара отъ одного до 3 лётъ, тогда какъ у насъ дубленіе продолжается лишь нёсколько мёсяцевъ, отъ чего кожа выходитъ не совсёмъ продубленною—съ закаломъ. Выдёлка большихъ лакированныхъ кожъ у насъ не развивается потому, что для приготовленія лучшихъ сортовъ требуется свёжее заграничное сырье, а наши заводчики могутъ получать его не иначе, какъ соленое или сушеное; кромѣ того, успѣшной выдёлкѣ лакированныхъ кожъ препятствуютъ, по крайней мёръ въ сѣверной полосѣ Россіи, климатическія условія, неблагопріятныя для сушки кожъ.

По тарифу 1850 года, выдѣланныя кожи большія и малыя были обложены одинаковою привозною пошлиною по 10 руб. съ пуда; по тарифу же 1857 года эта пошлина была удержана только для малыхъ кожъ, а для большихъ уменьшена до 4 р. съ пуда. Вслѣдствіе столь значительной сбавки пошлины привозъ большихъ кожъ замѣтно усилился. Въ 1851—53 годахъ привознлось кожъ большихъ и малыхъ 1,927 пуд., а въ 1859—61 г. однихъ большихъ 3,130 п., въ 1862—64 г.— 6110 п., въ 1865—66 г.—9,190 пудовъ. Но въ сравненіи съ внутреннимъ производствомъ кожевеннаго товара все это составляетъ слишкомъ ничтожное количество и притомъ пошлины на кожи имѣютъ характеръ не покровительственный, а фискальный. По новому тарифу пошлина на малыя кожи, бывшая слишкомъ высокою, понижена съ 11 руб. до 8 руб., на большихъ, такъ и малыхъ установлена въ 6 руб. съ пуда. Такое рѣшеніе вопроса нельзя не признать удовлетворительнымъ.

Пошлины на мягкую рухлядь даже наиболёе употребительныхъ сортовъ составляли, по тарифу 1850 года, отъ 20 до 60 руб. съ пуда, и вслёдствіе того содёйствовали развитію контрабанды мёхами. Для противодсиствія контрабандь, въ 1857 году, пошлины эти были понижены вдвое и даже втрое; результатомъ было то, что и привозъ мѣховъ увеличился, и таможенный сборъ остался почти на той же высотѣ, на какой стоялъ при прежнихъ высокихъ пошлинахъ, именно около 200,000 руб. Но съ общимъ возвышеніемъ пошлинъ 10% добавочными сборами, ввозъ мягкой рухляди вновь началъ уменьшаться и пошлинный сборъ упалъ въ 1862-64 г. до 183,000, а въ 1865-66 до 155,000 р. О значительности контрабанды свидетельствуютъ огромныя партіп конфискованной мягкой рухляди, нерѣдко продаваемыя съ аукціона, даже въ удаленныхъ отъ границъ таможняхъ. Даже депутація московскихъ купеческихъ съёздовъ, въ отвётной запискѣ своей по поводу германскихъ предложеній, находила возможнымъ единообразное понижение до 20 коп. съ фунта или до 8 руб. съ пуда пошлины на всякого рода мягкую рухлядь и не считала этого стёснительнымъ для отечественной промышленности, ибо пушныхъ звърей, съ

422

коихъ получаются привозные изъ за-границъ шкуры, исключая красной лисицы, у насъ совсёмъ не водится, или водятся они въ самомъ незначительномъ количествъ. Въ новомъ тарифѣ установлена троякая пошлина для разнаго рода мягкой рухляди: для самыхъ дорогихъ, какъ: собольи, чернобурой лисицы, ильковые, шеншилла, лебяжьи и куньи по 20 р. съ пуда; для самыхъ дешевыхъ, какъ: выхухольи, лисьи, куньи и выдровые, привозимые въ порты Архангельской губерніи поморами 5 р., для всёхъ прочихъ по 8 р. съ пуда. Возможный недоборъ таможеннаго дохода отъ такого уменьшенія пошлинъ исчисляется приблизительно въ 70,000 р., но съ прекращеніемъ контрабанды можно ожидать лишь усиленія таможенныхъ сборовъ по этой статьъ.

Пошлины на прядяльные и ткацкіе матеріалы мы разсмотримъ въ связи съ пошлипами, установленными по 3-му отдѣлу тарифа для издѣлій хлопчато-бумажной, льняной, шерстяной и шелковой промышлевности.

Теперь же обратимся въ пошлинамъ на металлы не въ дёлѣ.

По отдёлу о металлахъ не въ дёлё почти всё пошлины сбавлены въ размърѣ, достигающемъ до 100,000 р. по средней сложности таможеннаго дохода 1865 и 1866 года. Уменьшеніе это должно оказать самое благодѣтельное вліяніе, такъ какъ до сихъ поръ самонужнѣйшіе металлы были у насъ чрезмѣрно дороги, по причинѣ удаленности большей части горныхъ заводовъ, долговременнаго и излишняго покровнтельства имъ и неудовлетворительнаго состоянія многихъ изъ нихъ въ техническомъ отношеніи. Чугунъ и желѣзо до 1857 года были совершенно запрещены къ привозу; по тарифу же 1857 года, съ разрѣшеніемъ привоза чугупа и желѣза, установлены были пошлины на чугунъ 15 к. съ пуда, а на желѣзо, смотря по сортамъ, отъ 50 до 90 к.; для бѣломорскихъ портовъ до 40 к., а для сухопутной границы до 30 к. съ пуда.

Такія пошлины составляли оть 40 до 70% съ цёны среднихъ сортовъ англійскаго желёза и были установлены съ тою цёлію, чтобы въ центральныхъ мёстностяхъ имперіи, а именно въ Москвё и въ Нижнемъ-Новгородё, иностранные чугунъ и желёзо даже среднихъ сортовъ обходились нёсколько дороже русскаго, и чтобы, напротивъ того, металлы эти сдёлались болёе доступными по цёнё въ тёхъ только отдаленныхъ отъ Урала мёстностяхъ, гдё чугунъ и желёзо уральскихъ заводовъ по дальности привоза обходятся чрезмёрно дорого.

Опытъ вскорѣ указалъ однако, что пошлины 1857 года очень велики и что онѣ могутъ быть поннжены безъ вреда для нашихъ горныхъ заводовъ. Въ 1859 году пошлины были понижены и съ надбавочнымъ 10% сборомъ составили нынѣшній размѣръ пошлинъ.

Въ 1861 году, для содъйствія развитію механическихъ заводовъ

въстникъ Европы.

разрътенъ былъ безпошлинный привозъ чугуна и желъза по особымъ правиламъ.

Пошлина на сталь до 1850 года составляла 1 р. 25 к. съ пуда, въ 1857 же году была уменьшена до 75 к., что съ 10⁰/₀ надбавочнымъ сборомъ составило нынѣшнюю пошлину 82¹/₂ коп.

Привозъ иностраннаго чугуна въ Россію, составлявшій въ 1859—61 годахъ около 400,000 пудовъ, достигъ въ послёдніе годы, особенно въ 1864 и 1866 годахъ, до 900,000 пуд., изъ числа конхъ впрочемъ болёе 600,000 пудовъ ввозятся безпошлинно для машиностроительныхъ заведеній. Безпошлинный ввозъ финландскаго чугуна представлялъ значительныя колебанія отъ 125 и 238 пудовъ въ нёкоторые годы (1862 и 1865) до 149,500 пуд. въ другіе (1864). Обыкновенный же ввозъ его составляетъ около 10,000 нудовъ.

Ввозъ иностраннаго желѣза съ 500,000 пуд., въ 1859 — 61 г., возросъ до 3 милліоновъ пуд. въ годъ. Съ пошлиною впрочемъ ввозится не болѣе ¹/₄ или ¹/₃ всего количества, остальное же идетъ безпошлинно для правительственныхъ цѣлей или для механическихъ заведеній. Послѣднія выписываютъ около 400,000 пуд. въ годъ, и лпшь въ 1863 году ими было выписано 720,000 пуд. Желѣза финландскаго выпускается къ намъ безпошлинно около 350,000 пудовъ.

Привозъ иностранной стали, возрастая съ 40,000 пуд. въ годъ, достигъ нынѣ уже 100,000 пуд. въ годъ.

Пошлинный сборъ съ иностраннаго чугуна, желёза и стали въ 1865 — 66 г. составлялъ 347,199. Выдёлка чугуна и желёза у насъ съ 1857 года, т. е. со времени разрёшенія ихъ привоза, до 1861 года, постоянно возрастала и съ 13 милл. пуд. достигала уже 18 милліоновъ. Съ измёненіемъ же отношеній горнозаводскихъ крестьянъ къ ихъ помёщикамъ, обнаружился временно, въ 1861—62 и 63 годахъ нёкоторый упадокъ добычи металловъ.

Выдѣлка стали на нашихъ ваводахъ, составлявшая въ 1857 году около 120,000 пуд. въ годъ, достигла въ 1864 г. 178,000, а въ 1866 г. 236,000 пуд. и вообще замѣтно усиливается.

Отпускъ нашихъ металловъ за-границу дастъ весьма различные результаты: отпускъ чугуна постоянно падаетъ:— съ 135,000 пуд. онъ упалъ до 6,000; отпускъ желѣза былъ гораздо значительнѣе въ 1862 и 1866, чѣмъ въ промежуточные годы и достигалъ до 800,000 пуд. Отпускъ стали съ 10,000 пуд. въ 1862 году, возросшій въ 1864 году до 70,000, потомъ вновь уменьшился до 12,000 пудовъ.

Изъ всёхъ этихъ цифръ очевидно, что ввозъ въ намъ иностраннаго чугуна и желѣза не имѣлъ прямого вліянія на сокращеніе горнозаводскаго производства. Въ виду всёхъ этихъ данныхъ и выясненныхъ въ экспертной коммиссіи, при бывшей тарифной коммиссіи, обстоятельствъ, пошлины на чугунъ и сталь оставлены нынѣшнія, съ

округленіемъ первой до 5 к., а второй до 80 коп. съ пуда, пошлины же на желѣзо, не взирая на домогательство уральскихъ заводчиковъ о сохраненіи нынѣшнихъ размѣровъ и даже о повышеніи ихъ для нѣкоторыхъ сортовъ, понижены, а именно для желѣза полосового, сортового, прокатнаго и въ лому съ $38^{1}/_{2}$ и $49^{1}/_{2}$ к. до 35 коп. съ пуда; для рельсоваго съ $38^{1}/_{2}$ до 20 коп., а для броневаго, котельнаго, кубоваго н листового съ 77 до 50 коп.

Въ виду возрастающей потребности въ желѣзѣ какъ для земледѣльческой, такъ и для мануфактурной промышленности, а равно для строющихся у насъ желѣзныхъ дорогъ, пониженіе пошлинъ на него составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній новаго тарифа, и нѣтъ сомнѣнія, что казна не понесетъ той потери около 90,000 руб., которой угрожаетъ ей простой ариометическій разсчетъ недобора по привозу желѣза въ 1865 — 66 годахъ.

Пошлины на мѣдь, олово и свинецъ оставлены тѣже, какія были установлены по тарифу 1857 года, со скидкою лишь надбавочныхъ сборовъ, а на ртуть и безъ скидки. Для мѣди и свинца пошлины имѣютъ покровительственный характеръ, нбо первой добывается у насъ отъ 240 до 280 т. пуд. въ годъ, а второго до 100 т. пуд.; для олова же и ртути пошлина чисто фискальная и составляетъ не болѣе 2% нли 3% съ цѣны этихъ металловъ, въ Россіи недобываемыхъ.

Для цинка въ кускахъ пошлина уменьшена на половину-съ 60 до 30 коп., а въ листахъ на 40% именно съ 99 до 60 коп. При добычъ цинка въ Царстве Польскомъ ежегодно въ количестве до 200,000 пуд., изъ конхъ половина приходится на долю частныхъ заводовъ, а остальная казенныхъ, пошлина на цинкъ не имфетъ особенно охранительнаго значенія, ибо онъ служить предметомъ довольно значительнаго отпуска за-границу --- съ 1859 по 1866 г. отпускалось по сухопутной вападной границь до 117,000 пуд. цинка, и ввозилось изъ Царства Польскаго въ С.-Петербургъ безъ пошлины до 65,000 пуд. Понижение пошлины на цинкъ можетъ способствовать только удешевлению цинка на руссвихъ рынкахъ и распространенію этого полезнаго матеріала. Вибств съ темъ, для поддержанія цинковаго производства въ Царствѣ Польскомъ и доставленія ему возможности соперничать заграницею съ цинкомъ силезскихъ заводовъ, находящихся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ и нуждающяхся даже въ привозъ цинковой руды или галмея изъ Россіи, по новому тарифу наложена на него отпускная пошлина въ 21/2 коп. съ пуда.

По отдѣлу москательныхъ товаровъ пошлины большею частію или оставлены прежнія, со скидкою лишь надбавочныхъ сборовъ, или же повышены. Въ числѣ повышеній обращаетъ на себя особеннос вниманіе возвышеніе пошлины на берлинскую лазурь и парижскую синь съ 1 р. 76 к. до 2 р., на гарансинъ съ 1 р. 76 к. до 2 руб. 50 коп., на

.

квасцы съ 11 до 20 к. п на соду съ 11 до 20 п 30 к. съ пуда. Пошлина на берлинскую лазурь и парижскую синь возвышена въ видахъ развитія фабрикаціп этихъ необходимыхъ красокъ. Пошлина на гарансинъ возвышена въ виду нетвердаго состоянія кавказскаго мареневодства, обложеннаго еще мёстнымъ налогомъ. и значительнаго колебанія цёнъ на кавказскую марену. Пошлина на квасцы удвоена въ видахъ покровительства квасцовому производству, достигающему до 100,000 пуд. въ годъ, и вытёсняющему съ каждымъ годомъ заграничные квасцы, такъ что привозъ ихъ съ 96,000 пуд. упалъ до 58,000; это возвышеніе пошлины даетъ возможность русскимъ квасцамъ, производство которыхъ развилось во время дороговизны заграничныхъ, выдерживать соперничество съ сими послёдними, въ случаѣ поннженія на нихъ цёнъ.

О возвышеніи пошлины на соду усиленно ходатайствовали химическіе заводчики. Сбавка пошлины въ 1857 году съ 20 до 10 коп. съ нуда вызвала усиленіе привоза соды съ 185,000 до 500,000 пуд., доказывающее огромную потребность въ этомъ матеріалѣ для бѣлильнаго, красильнаго, набивного, химическаго, мыловареннаго и стекляннаго производствъ. Въ Россіи же содоваго производства до сихъ поръ не существовало по дороговизнѣ соли, составляющей главный матеріалъ этой фабрикаціи и по недостатку дешеваго горючаго матеріала въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя нзобилуютъ солью.

Съ разрѣшеніемъ въ 1867 г. безъакцизнаго отпуска соли на содовое производство, являются уже попытки къ основанію у насъ содовыхъ заводовъ. Поэтому, въ видахъ поддержанія и поощренія этихъ попытокъ, въ новомъ тарифѣ пошлина на соду жженую или кальцинированную возвышена до 20 к., на ѣдкую до 30 к. съ пуда, а на кристаллическую оставлена прежняя, т. е. 10 коп.

Вообще по отдѣлу химическихъ произведеній, хотя выдѣлка ихъ въ Россіи составляетъ цѣнность не болѣе 21/2 милліоновъ руб. и занимаетъ около 1500 рабочихъ, тогда какъ фабрики, нуждающіяся въ нихъ, производятъ на сотни милліоновъ руб. и занимаютъ сотни тысячъ рабочихъ, въ новомъ тарифѣ сдѣлана большая уступка химическимъ заводчикамъ, не перестававшимъ доказывать, какъ въ отвѣтной заппскѣ германскому купечеству, такъ и во время работъ тарифной коммиссія, будто бы нераціональное пониженіе поплинъ въ 1857 году убило у насъ многія отрасли химическихъ производствъ, уже начинавшіяся, или не дало развиться тѣмъ, которыя имѣли будущность.

Въ числѣ пониженій, сдѣланныхъ въ нынѣшнемъ тарифѣ по москательнымъ товарамъ, нельзя не обратить вниманія на пониженіе пошлины на оливковое, деревянное и всякое другое растительное масло, на которое пошлины понижены съ 2 р. 64 и 2 р. 3½ к. до 1 р. 80 к.

Пониженіе это является, впрочемъ, повышеніемъ для сухопутной границы, для масла, привозимаго въ деревянныхъ и кожаныхъ сосудахъ. При огромномъ потребленіи масла въ промышленности и въ домашней жизни, достигающемъ при нынѣшнихъ пошлинахъ до 900,000 пуд. въ годъ, надо надѣяться, что пониженіе пошлины вызоветъ еще большій привозъ.

Обращаясь къ третьему отдѣлу пошлинныхъ товаровъ, именно издълямъ фабричнымъ, заводскимъ и ремесленнымъ, мы видимъ, что ближайшимъ послѣдствіемъ таможенной реформы 1857 года было увеличеніе привоза иностранныхъ издѣлій, въ 1859—61 г. почти на 67%, а пошлиннаго сбора на 74 процента. Въ трехлѣтіе 1862—64 г. увеличеніе противъ 1851—53 г. составляло только 24% по привозу и почти 29% въ пошлинномъ сборѣ; а въ сравненіи съ 1859—61 г. какъ привозъ, такъ и пошлинный сборъ уменьшился около 26%.

Увеличеніе или уменьшеніе привоза иностранныхъ издѣлій и связаннаго съ нимъ таможеннаго дохода, по характеру таможенныхъ реформъ 1850 и 1857 г. зависѣло отъ большей или меньшей степени потребленія преимущественно такихъ товаровъ, которые удовлетворяютъ вкусу и нуждамъ образованной массы зажиточнато класса, такъ какъ подобнаго рода товары были ограждены сравнительно низшею пошлиною, чѣмъ товары дешевые и употребляемые большинствомъ населенія. Вслѣдъ за изданіемъ тарифа потребляемые большинствомъ населенія. Вслѣдъ за изданіемъ тарифа потребляеніе мануфактурныхъ товаровъ, съ коихъ пошлины были сбавлены, усилилось; съ сокращеніемъ же вообще потребленія предметовъ роскоши, что́ было временнымъ, ближайшимъ послѣдствіемъ крестьянской реформы, совратился и привозъ иностранныхъ издѣлій, въ особенности же шелковыхъ, кружевныхъ и мелкихъ цѣнныхъ вещей.

Новый тарифъ, какъ уже изложено было выше, долженъ исправить эту неуравнительность обложенія товаровъ малоцівныхъ сравнительно съ многоцівными. Насколько это достигнуто новымъ тарифомъ, мы постараемся вывести изъ разбора допущенныхъ въ новомъ тарифі на разнаго рода изділія измівненій.

Отдѣлъ тарифа объ издѣліяхъ распадается на 7 подраздѣленій, смотря по роду матеріаловъ, изъ коихъ выдѣланы издѣлія.

Подъ первою рубрикою издълій изъ камня, глины и т. п. минераловъ, болъ всего, конечно, останавливаютъ на себъ вниманіе издълія гончарныя, фаянсовыя, фарфоровыя, хрустальныя, стеклянныя и зеркальныя. Для гончарной посуды и всъхъ вообще гончарныхъ издълій, въ новомъ тарифъ установлена пошлина, существовавшая для сухопутнаго привоза, именно 20 к. съ пуда, для предметовъ же, служащихъ комнатнымъ украшеніемъ и при томъ раскрашенныхъ и позолоченныхъ, она возвышена до 1 р.

Для фаянсовыхъ издёлій, цёна производства коихъ въ Россіи достигаетъ до 200,000 р., пошлины понижены только отчасти и принята новая классификація на три категоріи, вмёсто прежнихъ двухъ.

Для бѣлыхъ и одноцвѣтныхъ, въ массѣ крашеныхъ, безъ украшеній, хотя бы и съ отлитыми узорами, назначено 75 к., вмѣсто прежнихъ 1 р. 21 к. моремъ, и 66 к. сухопутомъ, слѣдовательно, для самой простой категоріи этого товара при перевозкѣ сухимъ путемъ, пошлина не много повышена; для тѣхъ же издѣлій съ одноцвѣтными узорами, отводками, краями и каймами, пошлина назначена въ 1 р., вмѣсто прежнихъ 1 р. 21 к. и 66 к.; для тѣхъ же издѣлій съ живописью, поволотой и разноцвѣтными узорами, пошлина понижена съ 3 руб. 85 к. и 3 руб. 30 к. до 2 руб. 50 к. Слѣдовательно, пониженіе пошлины на этого рода издѣлія сдѣлано лишь для наиболѣе цѣнныхъ.

По фарфоровымъ издѣліямъ, производство конхъ въ Россін занимаетъ 30 заводовъ съ 1,775 рабочими и достигало въ 1865 году цѣнности 776,000 р., пошлины понижены по чрезмѣрности пошлинъ, установленныхъ въ 1857 году, что признано было даже экспертами, призванными въ тарифную коммиссію. По новому тарифу, пошлина на болѣе простыя фарфоровыя издѣлія понижена съ 6 р. 60 к. и 5 р. 50 к. до 4 р., а для болѣе цѣнныхъ съ украшеніями, позолотой и т. п. съ 13 р. 20 к. и 12 р. 10 к. до 8 р.; для фарфоровыхъ вещей, служащихъ украшеніями, пошлина понижена съ 25 р. до 16 р. Такія ношлины, ограждая туземную промышленность, должны содѣйствовать удешевленію у насъ фарфоровыхъ издѣлій, распространенію ихъ сбыта и усиленію привоза, въ послѣдніе годы уменьшающагоса.

Провзводство стеклянныхъ и хрустальныхъ издълий составляеть одну изъ довольно обширныхъ фабрикацій въ Россіи. Въ 1865 г. оно занимало 219 заводовъ и свыше 10,000 рабочихъ и, по цённости производства, достигало до 4 милл. руб. Тарифная охрана была всегда очень значительна для этой отрасли промышленности и плачевные результаты этого долговременнаго и чрезмърнаго покровительства нынъ сознаются откровенно самыми представителями этой фабрикаців. Въ отвътъ на предложения германской записки по хрустальному производству, составленномъ, очевидно, лицами, знающими это дёло и живо въ немъ заинтересованными, мы читаемъ слѣдующее добросовѣстное признание: «Существовавший до 1857 г. высокий таможенный тарифъ на заграничныя хрустальныя произведенія и невозможность сношенія съ иностранными государствами вслёдствіе узаконеній, имѣвшихъ силу до 1857 года, были главною причиною того, что наше отечественное хрустальное производство съ двадцатыхъ годовъ не подвинулось впередъ, тогда какъ заграничные заводы съ каждымъ годомъ совершенствовались. Когда, наконець, послѣ столь продолжительнаго

428

застоя, тарифъ на эти произведенія быль внезапно такъ сильно понижень, то результатомъ этого было наводнение нашихъ отечественныхъ рынковъ иностранными хрустальными и стеклянными произведеніями. Наши заводы, настигнутые въ расплохъ, не въ силахъ были выдержать конкуренцію, какъ по превосходству въ добротв заграничныхъ издѣлій, такъ и по поразительной ихъ дешевизнѣ: многіе заволы заврылись, а остальные, еще понынѣ дѣйствующіе, страдають и не могуть оправиться.» Указывая за тёмъ на необходимость коренной технической реформы въ нашихъ хрустальныхъ заводахъ, на тъхъ же началахъ, воторыя приняты на богемскихъ заводахъ, депутація московскихъ купеческихъ съёздовъ говоритъ, что въ такомъ случат, еслибы даже разрѣшенъ былъ безпошлинно ввозъ хрустальныхъ и стеклянныхъ издѣлій, то и тогда конкурренція германскихъ заводовъ намъ не была бы опасна; напротивъ того, если Таможенный Союзъ не наложитъ выше пошлину на привозныя въ Германію хрустальныя и стеклянныя издёлія, то наши заводчики могуть легко найти сбыть своимъ произведеніямъ за границею.» Нужно ли болѣе краснорѣчивое доказательство, что высовій тарифъ приносить лишь вредъ для промышленности и вовсе не служить къ ся упрочению и усовершенствованію, и что тамъ, гдѣ онъ, къ сожалѣнію, въ силу историческихъ предразсудковъ времени, былъ однажды установленъ, необходимо идти неуклонно путемъ постояннаго и постепеннаго его пониженія.

Въ новомъ тарифѣ принята классификація стеклянныхъ и хрустальныхъ издѣлій, предложенная экспертами, приглашенными въ тарифную коммисію и основанная на группировкѣ издѣлій, по стоимости обработки и издержкамъ производства, что дало возможность соразмѣрить и самыя пошлины болѣе пропорціонально со стоимостію издѣлій.

Для простыхъ бутылочныхъ издёлій изъ зеленаго стекла принятъ размёръ пошлинъ въ 50 коп. вмёсто 1 р. 10 к. и 1 р. 65 к. Для оконнаго стекла всякаго, бёлаго, полу-бёлаго и бутылочнаго цвёта и издёлій изъ него назначено 1 р. 10 к. вмёсто тёхъ же пошлинъ; для оконнаго стекла цвётного, въ массё крашенаго, молочнаго цвёта, матоваго, морщиноватаго и издёлій изъ него положена пошлина въ 2 р.; для издёлій изъ бёлаго стекла и хрусталя, граненыхъ и шлифованныхъ, а также для издёлій изъ всякаго стекла съ живописью и украшеніями назначена пошлина въ 8 р. вмёсто прежнихъ 10 р. 45 к. и 9 р. 90 к.

Привозъ стеклянныхъ и хрустальныхъ издѣлій, увеличившійся послѣ 1857 г., началъ упадать съ 1864 г. Пониженіе пошлинъ на эти издѣлія можетъ не только предотвратить упадокъ таможенныхъ доходовъ по этой статьѣ, но и значительно облегчить потребителей, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удалены отъ стеклянныхъ и хрустальныхъ заводовъ, сосредоточенныхъ преимущественно въ нѣвоторыхъ центральныхъ губерніяхъ.

Зеркальное производство пользовалось у насъ еще большею охраною, нежели стеклянное и хрустальное, ибо до 1856 года зеркала были безусловно запрещены къ привозу; въ 1856 же году установлены высокія покровительственныя пошлины, составлявшія отъ 50 до 100% съ цёны товара. По отзыву московскихъ купеческихъ съёздовъ, наше туземное зеркальное производство, развившееся при запретительномъ тарифѣ и достигавшее цѣнности 1 мил. руб., рушилось съ открытіемъ доступа въ Россію иностраннымъ зеркаламъ, и изъ семи существовавшихъ прежде заводовъ удержался одинъ заводъ г. Смольянинова въ Рязанской губерни. Но нътъ никакого сомнънія, что не соперничество высоко обложенныхъ иностранныхъ зеркалъ, цѣна конхъ увеличивается еще на 25% по крайней мърв отъ перевозочныхъ расходовъ, убило наши зеркальные заводы, а самая дороговизна зеркалъ и малое ихъ распространение. Если же заводъ г. Смольянинова выдерживаетъ соперничество пностранныхъ зеркальныхъ заводовъ, то это есть лучшее доказательство, что фабрикація, въ которой введены всв лучшія взвёстныя усовершенствованія, носить въ себё всё задатки успъха.

Въ новомъ тарифѣ пошлина на зеркала понижена въ размѣрѣ, составляющемъ отъ 20 до 68% съ пѣны ихъ, при чемъ для зеркалъ, имѣющихъ болѣе 100 квад. вершк., назначена съ квадратнаго вершка и постоянно увеличивается въ извѣстной, впрочемъ слабо воврастающей прогрессіи. Для самыхъ большихъ зеркалъ — свыше 1200 вершковъ—назначена пошлина въ 30 р. Трудно было найти способъ, болѣе удовлетворяющій справедливости и избѣгающій рѣзкихъ переходовъ и неравномѣрности нынѣшней системы обложенія зеркалъ различными пошлинами по 11-ти различнымъ нормамъ пхъ величины.

По издѣліямъ изъ металловъ въ новомъ тарифѣ строго проведено начало, указанное одною изъ главныхъ цѣлей пересмотра новаго тарифа, именно сорагмѣреніе пошлинъ съ цѣнами и нѣкоторое облегченіе къ привозу издѣлій, болѣе общедоступныхъ. Такъ, въ этомъ отдѣлѣ пошлины оставлены прежнія на золотыя и серебряныя издѣлія, но понижены на бронзовыя, чугунныя, желѣзныя, стальныя, на иглы стальныя и желѣзныя, швейныя и вязальныя, на ножевой товаръ и другія. Но за то въ этомъ отдѣлѣ является, и притомъ не съ пониженіемъ, а съ повышеніемъ пошлины, въ первый разъ въ нашемъ тарифѣ товаръ, который болѣе 60-ти лѣтъ не подлежалъ никогда обложенію, именно машины н аппараты.

Вопросъ о пользё и своевременности обложенія нынё машинъ пошлинами не разъ печатно обсуждался въ послёдне время на страницахъ разныхъ нашихъ журналовъ, а русское техническое общество

посвятило даже этому вопросу цёлый рядъ своихъ публичныхъ засёданій или бесёдь, и результать этихь совёщаній, въ формё особой записки, представило министру финансовъ съ просьбою принять ее въ соображение при пересмотр'в тарифа. Фабриканты и заводчики разнаго рода также большею частью подали свой голось въ пользу установленія охранительнаго тарифа на машины, не смотря на то, что въ мивнія московской депутація ність почти ни одного производства, по поводу котораго не было бы заявлено, въ числѣ препятствій къ его развитию, дороговизны иностранныхъ машинъ, выписываемыхъ нынѣ безпошлинно. О механическихъ заводчикахъ и говорить нечего; по мизнію ихъ, самая дороговизна этихъ машинъ есть слёдствіе недостатка у насъ собственныхъ механическихъ заведеній. Между темъ факты доказывають, что рядомъ съ увеличивающеюся постоянно выпискою загравичныхъ машинъ, развивается у насъ и наше собственное машиностроительное производство. Между тёмъ какъ привозъ къ намъ иностранныхъ машинъ съ 2 милл. рублей, въ началѣ 50-хъ годовъ, возросъ до 10 мнлл. рублей, а въ нъкоторые годы и до 11, внутреннее производство возросло въ тоже время съ 2 милл. до 12 и даже 16 иналіоновъ руб. серебромъ. Около трети всёхъ механическихъ заводовъ находится въ Петербургской и Московской губерніяхъ и, занимая до 12,000 рабочихъ, производятъ на 11 почти милліоновъ рублей, несмотря на то, что въ этихъ именно пунктакъ конкурренція иностранныхъ машинъ особенно сильна и опасна. Всѣ эти факты не могли однако перевѣсить доводовъ приверженцевъ огражденія отечественнаго машиностроенія ввозными пошлинами. Значительность казенныхъ заказовъ, которыми поддерживаются многіе изъ нашихъ механическихъ заводовъ, и опасность, угрожаемая этпиъ заводамъ съ прекращеніемъ этихъ заказовъ, недостатовъ мастеровъ для починки выписываемыхъ изъ-за границы машинъ, и необходимость образовать ихъ развитиемъ у насъ собственнаго машиностроенія, отсутствіе поощренія существующаго для издѣлій всякаго рода и сомнительность выгодъ отъ учрежденія у насъ механическихъ заводовъ-таковы были главныя побужденія въ установленію у насъ охранительныхъ пошлинъ на машины.

Къ этому присоединилось еще сознаніе въ необходимости поставить Россію въ независимость отъ иностранныхъ механическихъ заводовъ, какъ для защиты государства, такъ и для улучшенія нашихъ путей сообщенія.

Впрочемъ, большая часть ходатайствъ о наложение попілниъ на машины, заключали заявление о необходимости лишь временного охранения нашихъ заводовъ тарифомъ и о возможности возстановления безпошлиннаго ввоза иностранныхъ машинъ чрезъ 10 или 15 лётъ, когда механическое дёло у насъ достаточно окрённетъ. Къ счастію, правительство не увлеклось тёми высокими размёрами пошлинъ, о которыхъ ходатайствовали механическіе заводчики и ихъ защитники, и даже не подвергло обложенію пошлинами всёхъ безъ изъятія машинъ, какъ того домогались эти лица. По новому тарифу для машинъ и аппаратовъ установлены три оклада пошлинъ.

Для паровозовъ, мѣдныхъ аппаратовъ и мѣдныхъ частей и принадлежностей по 75 к. съ пуда. Для локомобилей и паровыхъ двигателей всякихъ, пожарныхъ паровыхъ трубъ и снарядовъ, и всякихъ другихъ машинъ, кромѣ вышепоименованныхъ и нѣкоторыхъ необложенныхъ пошлиною, согласно 36-й статьѣ тарифа—назначено по 30 к. съ пуда.

Та же пошлина назначена и для частей машинъ, а равно для приводныхъ и передаточныхъ ремней и металлическихъ полотенъ, въ фабричномъ дѣлѣ употребляемыхъ.

Безпошлинными по 75-й стать новаго тарифа оставлены машины сельско-хозяйственныя, машины для обработки волокнистыхъ веществъ, модели всякаго рода машинъ и аппаратовъ, берды ткальныя, трости и прутья для изготовленія ихъ, лозы и челноки для ткацкихъ станковъ, зубья для чесалокъ, чесалки для льна и пеньки и карды всякаго рода.

Какой результать будеть новой системы тарифа относительно машинь? разовьеть ли она у нась механические заводы? Конечно, толь ко опыть рёшить эти вопросы. Но можно опасаться, что по прошествии нёсколькихъ лёть наши механические заводчики найдуть на опытё данную имъ нынё охрану недостаточною и будуть домогаться возвышенія нынё установленныхъ пошлинь. И, конечно, тогда достигнуть этого будеть уже легче, ибо начало положено, останется лишь искусно воспользоваться однажды принятымъ направлениемъ въ пользу обложенія машинъ. За то съ другой стороны другие фабриканты и заводчики, безъ сомнёнія, найдуть лишь новый поводъ впослёдствия въ жалобамъ на вздорожание машинъ и къ оправданию своихъ ходатайствъ о возвышении пошлинъ на вностранныя издёлія.

Говоря о машинахъ, кстати будетъ сказать объ экипажахъ и вагонахъ. Нынѣ тѣ и другіе пропускались по одной статьѣ съ пошлинами въ 110 и 55 р. ресорные, смотря потому о 4-хъ или о 2-хъ они колесахъ, или въ 11 р. нересорные и дѣтскіе ручные. Въ новомъ тарифѣ для экипажей, смотря по свойству и назначенію ихъ, установлено четыре разряда пошливъ въ 100, 70, 30 и 10 руб.; для вагоновъ же, пропускавшихся съ пошлиною въ 110 р., въ видахъ поощренія выдѣлки ихъ въ Россіи, назначено четыре разряда: 75 р. для платформъ, 100 р. для вагоновъ товарныхъ крытыхъ, 175 р. для пассажирскихъ 3-го класса, и 300 р. для пассажирскихъ 1-го и 2-го класса и почтовыхъ.

За тѣмъ, оставляя въ сторонѣ всякаго рода незначительныя издѣлія, замѣтимъ, что въ новомъ тарифѣ понижена пошлина на каучуковыя издѣлія, производство коихъ въ Россіи достигло высокой степени совершенства, такъ что имъ открылся уже довольно значительный сбытъ за границу, а также пошлина на писчебумажныя издѣлія. На бумагу для печати пошлина понижена съ 5 р. 50 к. и 6 р. 5 к. до 2 руб. съ пуда, для писчей съ тѣхъ же размѣровъ до 3 руб., а на обон до 4 р. 50 к.

Наконецъ, намъ остается разсмотръть самую главную категорію фабричныхъ издълій—издълія ткацкія, плетення и вязаныя, т. е. издълія льняныя и пеньковыя, шелковыя, шерстяныя и хлопчатобумажныя, а также тюль и кружева.

По мнёнію депутацій московскихъ купеческихъ съёздовъ, «до тридцатыхъ годовъ настоящаго столётія льняная промышленность и торговля льняными издёліями были у насъ въ цвётущемъ положеніи, удовлетворительно вознаграждая труды земледёльца, воздёлывающаго ленъ, простыхъ пряхъ, ткачей и самихъ фабрикантовъ, отправлявшихъ за границу, въ большомъ количествё, наши издёлія, которыя особенно славились въ Америкъ.

«Троякаго рода причины привели въ упадокъ нашу льняную промышленность и при существующихъ обстоятельствахъ ставятъ ее въ невозможность соперничать съ иностранцами. Во-первыхъ, мы не слѣдили своевременно за тѣми преобразованіями, которыя совершались въ этой промышленности въ чужихъ краяхъ и которыя, съ одной стороны, измѣняли требованія или вводили новыя, а съ другой — совершенствовали и удешевляли самыя издѣлія.

«Во-вторыхъ, не только настоящій, но и всв предшествовавшіе наши тарифы не соотвётствовали обстоятельствамъ, и не могли содействовать къ поддержанію у насъ этой промышленности и особенно къ введенію въ ней новыхъ преобразованій.

«Въ-третьихъ, мы не только не заботились о поддержаніи у насъ этой промышленности и вообще производства льняныхъ издѣлій, но полагали, что и не должны заботиться о поддержаніи фабричнаго дѣла въ этой промышленности, а должны только стараться объ усовершенствованіи и развитіи льновоздѣлыванія для удовлетворенія иностранныхъ фабрикъ, сбывая имъ ленъ въ сыромъ видѣ. Мы не обращали вниманія на то, что этого развитія и совершенствованія льна нельзя достигнуть безъ внутренняго сбыта его на домашнія фабрикы».

Далве, говоря о паденіи нашихъ полотняныхъ фабрикъ, московская депутація указываетъ, въ числё причинъ этого паденія: развитіе хлопчатобумажной промышленности, издёлія которой замёнили въ нёкоторыхъ случаяхъ льняныя; изобрётеніе парового двигателя, примёненнаго въ плаванію морскихъ судовъ, которыя прежде много по-

Томъ V. -- Свитябръ, 1868.

купали парусины и которыя стали требовать ся гораздо менѣе; и, наконецъ, реформу въ производствѣ льняныхъ издѣлій, совершенную въ Англіи, реформу, за которой мы не слѣдили, которой мы не перенимали у Англіи и даже не постигали всей ся силы и послѣдовавшихъ за тѣмъ результатовъ.

Далёе, московская депутація указываеть на дороговизну машинь, которыя обходятся нашимь фабрикантамь съ перевозкой и коммиссіей на 50% и даже 60% дороже, нежели англійскимь и германскимь, на дороговизну и недостатокь опытныхь мастеровь, на дороговизну у нась соды, соляной кислоты и хлористой извести. Затёмь указывается на развитіе у нась льнопрядилень, которое началось съ успёхомъ уже подъ вліяніемъ тарифа 1857 г., и на благопріятствовавшія развитію льняной промышленности, хлопчато-бумажный кризись и польское возстаніе, по случаю усиленнаго требованія казною сукна для обмундированія войска. Для поправленія и поддержанія нашей льнопромышленности московская депутація требуеть раціональнаго тарифа, объявляя, впрочемъ, что какъ недостаточныя, такъ и излишнія пошлины равно не раціональны.

Какое, въ дъйствительности, имъли вліяніе тарифи 1850 и 1857 годовъ на привозъ льняныхъ издълій и, въ особенности, полотенъ и на развитіе вообще льняной промышленности, о томъ пожно судить по слёдующимъ цифрамъ:

По тарифу 1850 г.	Средній привозъ полотенъ по объявленнымъ цёнамъ.	Пошлинный сборъ.
Въ 1851—1853 г.	773,881 p.	233,028 p.
По тарифу 1857 г.	·	
Въ 1859—1861 г.	1,718,785 p.	423,739 —
— 1862—1864 —	1,376,161 —	353,955 —
<u> </u>	1,765,970 —	453,310 -

Такимъ образомъ, правильный ввозъ полотенъ по введеніи тарифа 1857 г., увеличился слишкомъ вдвое и въ такой же соразмѣрности уменьшилась контрабанда, судя по конфискаціямъ этого товара. Затѣмъ привозъ полотенъ, хотя и уменьшился въ 1862 — 1864 г. наравнѣ съ другими иностранными товарами вообще, однако превышалъ привозъ 1851—53 г. на 80%, а увеличеніе пошлиннаго сбора составляло почти 55%. Нынѣ привозъ полотенъ превзошелъ даже привозъ 1859—61 г. Контрабандою же водворяются нынѣ почти исключительно только тѣ льняныя издѣлія, которыя обложены вѣсовою, а не цѣновною пошлиною.

Въ 1858—1860 г. цённость годового льно-пеньковаго производства въ Россін простпралась до 135 мил. рублей, а съ тёхъ поръ, по объявленію самихъ фабрикантовъ, именно съ 1863 г. число механическихъ веретенъ увеличилось съ 17,000 до 60,000, а выдёлка механической льняной пряжи съ 200,000 до 700,000 пудовъ, такъ что въ-

настоящее время все льно-пеньковое производство оцёнивають въ 144 мил. рублей, тогда какъ всёхъ льняныхъ и пеньковыхъ издёлій. не исключая и батиста, у насъ невыдълываемаго, привозится изъ за границы на сумму около 2 мил. рублей, что составляетъ менње 2% всего внутренняго производства, и что, очевидно, не можетъ быть признано стъснительнымъ для нашей фабрикаціи.

Не смотря на столь враснорѣчивыя цифры, голосъ фабрикантовъ, очевидно, былъ услышанъ при установлении пошлинъ на льняныя и пеньковыя издёлія, ибо большая часть пошлинъ по этой категорін не только не понижены, но нікоторыя пошлины даже и повыпены. Такъ, на льняную пряжу вмѣсто 3 р. 30 к., положено 4 руб., на полотна выёсто 25 и 27 1/2%, 30%, на грубыя льняныя ткани витсто 11 к., --- 15 к. съ фунта. Съ остальныхъ пошлинъ скинуты 10% надбавочные сборы, и лишь коломенка, платившая 71 1/2-обложена 45 копъйками.

Шелковой промышленности также посчастливилось въ новомъ тарифѣ, какъ и льняной, хотя, впрочемъ, она ограничена весьма небольшимъ райономъ и, по приблизительной оцёнкѣ, достигаетъ не более какъ 71/2 мил. рублей. Шелководствомъ занимаются у насъ пренущественно на Кавказѣ, гдѣ добивается до 60,000 иуд. шелка сырца. Изъ нихъ до 30,000 отпускается за границу, а остальное количество переработывается на московскихъ фабрикахъ. Въ южной Россіи шелководство представляетъ лишь попытки къ водворению его, и не имъетъ того народнаго характера, которымъ оно отличается на Кавказѣ. Лучшій шелкъ у насъ на югв доставляють колонисты, но въ количествв, не превышающемъ 500 пуд. Шелка привозилось къ намъ въ послѣднее время отъ 500 до 1000 пуд. сырца, и отъ 5000 до 6000 пряденаго.

Производство шелковыхъ тканей сосредоточивается, преимущественно, въ Московской и Петербургской губерніяхъ, на Кавказѣ же шелкоткацыя заведенія имфють болбе ремесленный характерь.

Въ послѣдніе годы шелковая фабрикація не только въ Россін, но и за границей значительно упала, вслёдствіе распространившейся повсюду болѣзни шелковичнаго червя и вздорожанія шелка сырца. Этимъ же объясняется и упадокъ привоза къ намъ шелковыхъ тканей. Составляя въ 1851-53 году 7645 пуд., ценностью въ 3,914,000 р., и доставляя 1,497,000 пошлиннаго сбора, онъ, послѣ тарифа 1857 г., возвысился въ 1859-61 г. до 10,623 пуд., ценностью въ 4.799,000 р., съ коихъ поступило 1.305,000 р. таможеннаго дохода, а затёмъ упалъ до 6,700 пуд., не достигающихъ ни по цённости своей-3.360,000 руб., ни по таможенному доходу, около 800,000 р., — тёхъ цифръ, которыя представлялъ даже привозъ 1851-53 годовъ. Отчасти, конечно, на уженьшение привоза шелковыхъ издълій имъло вліяніе общее сокращение потребления предметовъ роскоши, вслъдствие временныхъ

Вліяніе тарифа 1857 года на сокращеніе внутренняго производства шелковыхъ тканей должно быть отвергнуто; этотъ тарифъ не уменьшилъ даже контрабанды.

Тъмъ не менъе, въ новомъ тарифъ пошлины на шелкъ, сырецъ и шелковыя ткани измънены, отчасти, въ смыслъ повышенія ихъ; принятая же въ новомъ тарифъ классификація шелковыхъ товаровъ несравненно лучше прежней.

Пошлина на шелкъ сырецъ съ 44 коп. поднята на 50, а на шелкъ крученый съ 4 р. 40 и 4 р. 95 на 5 р. Затёмъ всё матеріи и ленты раздёлены на шелковыя и полушелковыя; первыя обложены 5-ю рублями съ фунта, послёднія — 2 р. 20 к., вмёсто прежнихъ 4 р. 40 к. 6 р. 60 к., 7 р. 70 к., 2 р. 20 к., 3 р. 30 к. Сита шелковыя, вмёсто 11 коптекъ съ фунта, обложены 5 рублями. Возвышеніе пошлины по нёкоторымъ шелковымъ товарамъ есть очевидная уступка неблагопріятнымъ условіямъ, въ коихъ находится эта фабрикація отъ дороговизны своего первообразнаго матеріала.

Пронзводство шерстяных издрайй составляеть одну изъ важивишихъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россіи. Она не только удовлетворяеть внутреннему потреблению, какъ частному, такъ и казенному, по обмундировании армии, но и доставляетъ издёлия для сбыта за границу, преимущественно въ Авію. Фабрикація эта основывается, главнымъ образомъ, на переработкъ туземнаго сырого матеріала, доставляемаго обширными стадами овець, разводнымихъ въ Росси. Изъ-за границы привозится къ намъ самое ограниченное количество, отъ 10 т. до 30,000 пуд. высокихъ сортовъ шерсти сырца, н нѣкоторое количество пряжи изъ гребенной шерсти. Изъ 3 1/2 инл. пудовъ добываемой у насъ шерсти, мы отпускаемъ за границу около 1.300,000 пуд. въ годъ. Въ послёднее время наши овцеводы были встревожены опасеніями, что развивающееся съ неимовърною быстротою австралійское овцеводство можеть вытёснить нашу шерсть съ иностранныхъ рынковъ и даже наводнить наши собственные. До сихъ поръ, однако, факты не подтверждаютъ вполнъ этихъ опасеній; въ нынъшнемъ году, какъ о чемъ-то особенномъ, писали и даже печатали телеграммы о появлении на варшавскомъ рынкъ нъсколькихъ десятковъ пудовъ австралійской шерсти. Дай Богъ, чтобы эти излишнія онасенія заставили пашихъ хозяевъ обратить большее вниманіе на улучшение своихъ стадъ и особенно на сортировку шерстей. Поэтому нельзя не порадоваться, что въ новомъ тарифѣ пошлина на шерсть сырецъ не повышена, и не запрещена къ привозу, какъ того домогались южные хозяева.

Всю шерстяную фабрикацію можно раздѣлить на три категоріи: на фабрикацію матерій валеныхъ или имѣющихъ ворсу, на фабрикацію матерій неваленыхъ или безворсныхъ, изъ гребенной шерсти, и на фабрикацію ковровъ.

Производство валеныхъ шерстаныхъ матерій занимаеть въ Имперіи 397 фабрикъ и до 78,000 рабочихъ, а въ Царствѣ Польскомъ 2,398 станковъ и 6,046 рабочихъ. Общая же цѣнность этого производства составляетъ около 35 мил. руб. Фабрикація эта, безспорно, сдѣлала у насъ наибольшіе успѣхи, благодаря усовершенствованіямъ, которыя введены многими фабрикантами. На фабрикахъ остзейскихъ, гродненскихъ и польскихъ изготовляются самые высокіе сорты суконъ и трико отъ 4 р. аршинъ и выше; московскія же фабрики выдѣлываютъ преимущественно дешевый товаръ, 1 р. 75 до 3 руб. за аршинъ, товаръ, въ которомъ, при этихъ цѣнахъ, даже иностранныя фабрики не могутъ конкуррировать съ русскими сукнами.

Въ привозѣ шерстяныхъ валеныхъ матерій изъ-за границы замѣчается тоже явленіе, какъ и по другимъ мануфактурнымъ товарамъ. По введеніи тарифа 1857 г. послѣдовало въ 1859—61 г. увеличеніе привоза по количеству, на 55%, а по суммѣ пошлиннаго сбора только на 15% противъ 1851—53 г.; но въ 1862—64 г. привозъ сократился до прежняго размѣра, бывшаго при тарифѣ 1850 г., а доходъ уменьшился почти на 24%. Въ 1866 году привозъ превзошелъ привозъ 1859—61 г., а пошлинный сборъ почти приблизился въ цифрѣ сбора того же трехлѣтія и почти на 10% превзошелъ доходъ 1851—53 года.

Въ новомъ тарифѣ для сукна, полусукна, казимира и трико-казимира (satin de laine) пошлина понижена съ 1 р. 40 до 1 руб. 20 к. съ фунта; для бѣлой фланели, байковыхъ одѣялъ и шерстяныхъ попонъ съ 88 к. до 40 к., а для всѣхъ прочихъ съ 88 к. до 85 к.

Пропзводство шерстяныхъ матерій неваленыхъ, изъ гребенной шерсти, занимаетъ 143 фабрики съ 15,000 рабочихъ и оцёнивается въ 10 мил. рублей. Привозъ шерстяныхъ неваленыхъ матерій въ первые годы, послё введенія тарифа 1857 г., по количеству увеличился виятеро, по цённости удвоился, а пошлинный сборъ утроился. Послё временного уменьшенія количества привоза, хотя по цённости товара привозъ возрасталъ, въ 1866 г. онъ вновь достигнулъ размёровъ болёе благопріятныхъ, нежели въ 1859—61 г.

Вибсто двухъ категорій, бывшихъ по тарпфу 1857 г., нынѣ установлено три категоріи для неваленыхъ шерстаныхъ матерій.

Имѣющія въ фунтѣ не болѣе 5 кв. арш. обложены вмѣсто 55 к.— 50 к.

Имъющія въ фунть отъ 5 до 9 кв. арш. обложены вмъсто 1 р. 32 к.—85 к.

Имѣющія болѣе 9 кв. арш. обложены вмѣсто 1 р. 32 к.—1 р. 10 к. Для набивныхъ вмѣсто 77 к. и 1 р. 76 к. назначена надбавочная пошлина въ 30% съ предъидущихъ размѣровъ.

На ковры, производство коихъ въ Россіи еще весьма ограниченно и занимаетъ только 7 фабрикъ и 280 рабочихъ, пошлина въ новомъ тарифѣ уменьшена съ 44 к. до 30 к. съ фунта, такъ какъ прежняя пошлина, составляя отъ 60 до 80% съ иностранныхъ ковровъ, поддерживала лишь дороговизну туземныхъ ковровъ и препятствовала большему ихъ распространению. Возможность дешсвой фабрикации у насъ ковровъ основывается на томъ, что всѣ матеріалы для этого у насъ подъ рукой и даже дешевле, чѣмъ за границей.

Хлопчато-бумажная фабрикація, съ 1822 года особенно внимательно поддерживаемая въ Россіи путемъ тарифной охраны, сділала у насъ огромные успіхи и, въ посліднія 15 літь, почти утроилась по цівнности своего производства. З5 бумагопрядиленъ занимають ныні до 25,000 рабочаго народа. Около 2.200,000 пудовъ бумажной пряжи приготовляется этими заведеніями, доставляя матеріалъ для ткацкихъ изділій низкихъ и среднихъ сортовъ; лишь для тонкихъ бумажныхъ тканей, какъ жаконетъ н кисея, употребляется привозная бумажная пряжа. Привозъ бумажной пряжи къ намъ составляль:

Въ 1842—1844 г.	570,000 пуд.
- 1845-1847 -	469,825 -
- 1848-1850 -	248,568 -
— 1859—1861 —	115,000 -
- 1862-1864 -	62,000 —
- 1865-1866 -	90,000

За то привозъ хлопка для нашихъ бумагопрядиленъ быстро увеличивался: въ 1824—1834 г. его привозилось не болѣе 100,000 пудовъ; въ 1858—1860 г. привозъ составлялъ 2¹/₂ мил. пуд.—2,300,000 американскаго и до 200,000 азіатскаго, а въ 1866 году привезено 2,952,207 пудовъ.

Выдѣлка самыхъ простыхъ и депевыхъ бумажныхъ издѣлій, назначаемыхъ въ краску или набивку, производится кустарнымъ способомъ крестьянами въ своихъ домахъ. Крестьяне сосѣднихъ съ Московскою губерній занимаются ткачествомъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время, получая матеріалъ отъ содержателей набивныхъ заведеній за самое умѣренное вознагражденіе. При такихъ условіяхъ машинное ткачество не можетъ еще развиться успѣшно въ Россіи. Самоткацкихъ станковъ числится на бумаго-прядильняхъ около 7,400, н кромѣ того до 3,000 на ткацкихъ, собственно, фабрикахъ.

Между бумажными издѣліями у насъ первое мѣсто занимаетъ миткаль. Машинный товаръ этого рода не уступаетъ англійскому и американскому и до хлопковаго кризиса продавался по 8 коп. аршинъ, ручные же миткали простые стоили отъ 5 до 7 к. аршинъ, а довольно хорошіе отъ 8 до 10 к. Стоимость нашихъ ситцевъ, набивныхъ издѣлій, соразмѣряется съ достоинствомъ товара. Дешевые ситцы продаются отъ 7 до 14 к. аршинъ, и набивка ихъ обходится отъ 2 до 2¹/₂ к., но и при этой дешевизнѣ наши ситцы дороже англійскихъ: манчестерскіе ситцы, набитые даже шестью яркими красками, продаются по 7 и 8 к. аршинъ. Чёмъ выше добротность нашихъ ситцевъ, тёмъ дороже они сравнительно съ иностранными.

Правозъ къ намъ бумажныхъ издълій составляль:

	Количество пудовъ	Цѣнность.	Пэшлинный сборъ.
Въ 1851—53	23,437	1.381,672	534,032
1859—61	85,751	4,752,780	1,757,616
» 1862−64	84,615	2,175,470	768,102
» 1865	33,660	2,179,292	672,036
• 1866	42,709	2,679,802	846,861

Сравнивая два нормальныя трехлётія 1859—61 и 1851—53, мы видимъ, что привозъ бумажныхъ издёлій, подъ вліяніемъ тарифа 1857 г. возросъ почти въ 3¹/₂ раза, и почти въ такой же нропорція увеличился пошлинный сборъ. Въ тоже время внутреннее производство бумажныхъ издёлій увеличилось на 927,000 пудовъ, такъ что увеличеніе привоза иностранныхъ бумажныхъ издёлій на 60,000 пудовъ составляло не болёе ¹/₁₅ того количества, на которое увеличилась наша внутренняя фабрикація.

По тарифу 1850 года, бумажныя ткани были раздѣлены, по размѣрамъ пошлинъ, на три категоріи, соотвѣтственно тонинѣ тканей, измѣряемой числомъ квадратныхъ аршинъ въ фунтѣ, а именно: а) на ткани до 10 кв. арш.; б) отъ 10 до 12¹/₂, и в) свыше 12¹/₂ кв. арш. въ фунтѣ. Каждая изъ этихъ категорій, по размѣрамъ пошлинъ, распадалась еще на три разряда: на ткани одноцвѣтныя, на ткани печатныя или набивныя.

По тарифу 1857 г., въ видахъ облегченія таможеннаго досмотра, число категорій по тонинѣ тканей сокращено до двухъ а именно: имѣющія до 15 кв. арш. въ фунтѣ названы плотными, а имѣющія болѣе 15 кв. арш. легкими, съ подраздѣленіемъ той и другой категоріи, по роду отдѣлки тканей, на два разряда: а) ненабивныя; и б) набивныя и вышитыя. Кромѣ того, для противодѣйствія контрабандѣ, по сухопутной границѣ пошлины были еще уменьшены, сравнительно съ морскимъ привозомъ. Мы видѣли впрочемъ, что, не смотря на все это самая значительная контрабанда у насъ производится бумажными издѣліями, по причинѣ слишкомъ высокаго еще ихъ обложенія.

По новому тарифу, пошлина на бумагу пряденую понижена съ 3 р. 85 к. до 3 р., а на крашеную съ 5 р. 50 к. до 4 р. Затѣмъ для бумажныхъ тканей принято дѣленіе ихъ на четыре категоріи, смотря по содержанію въ фунтѣ: до 8 кв. арш., отъ 8 до 12; отъ 12 до 16 и болѣе 16. Вмѣсто двухъ окладовъ пошлины, по тарифу 1857—38¹/₂ к. и 1 р. 10 к. для ненабивныхъ—являются теперь четыре оклада: 28 к., 38 к., 50 к. и 1 р. 10 к.; для набивныхъ же, вмѣсто 71¹/₂ к. и 1 р. 54 к. назначены слѣдующіе оклады: 50 к., 60 к., 75 к. и 1 р. 20 к.

Слёдовательно, для большей части товаровъ этого рода будетъ скорёе повышеніе, нежели пониженіе.

На тюль и кружева, вмёсто прежней однообразной пошлины въ 4 р. 40 к. съ фунта, назвачены нынё три оклада пошлинъ, а именно для мебельнаго тюля (антигри) и занавёсокъ—40 к. съ фунта, для всякаго другого тюля 2 р.; для кружевъ 3 р. съ фунта.

Роспись отпускныхъ товаровъ осталась почти безъ измѣненія, исключая пониженія пошлины съ 60 в. до 45 к. съ пуда для тряпья по балтійскимъ и бѣломорскимъ портамъ, и обложенія галмея, или цинковой руды пошлиной въ 2¹/₂ к. съ пуда.

По разсмотрѣнія важнѣйшихъ статей новаго тарифа, намъ остается подвести общій итогъ нашимъ частнымъ выводамъ по отдѣльнымъ категоріямъ товаровъ и сдѣлать общее заключеніе.

Въ новомъ тарифѣ понижены довольно значительно пошлины съ жизневныхъ припасовъ, металловъ не въ дёлѣ, съ хрустальныхъ, стеклянныхъ, зервальныхъ, фарфоровыхъ, исталлическихъ, каучуковыхъ и ч шерстяныхъ издёлій; понижены, но довольно слабо, пошлины съ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ, но за то возвышены пошлны на нѣкоторые изъ сихъ матеріаловъ, а также на нѣкоторые сорты льняныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ товаровъ, и наложены вновь пошлины на нёкоторыя машины и орудія. Такимъ образомъ, новый тарифъ не является, конечно, неуклоннымъ продолжениемъ тарифовъ 1850 и 1857 годовъ; ибо, представляя понижение для большей части товаровъ, онъ не оставляеть прочихь при statu quo, при пошлинахъ, къ которымъ промышленность должна бы была привыкнуть въ теченіе 10 лётъ. Но онъ дълаетъ шагъ назадъ, усиливая тарифное охранение для нъкоторыхъ, хотя и немногихъ товаровъ. Нельзя не признать, что это, конечно, уступка, сдёланная настояніямъ промышленнаго сословія, уступка, проистекающая, какъ намъ кажется, изъ того, что въ ръшении тарифнаго вопроса представителямъ промышленности былъ данъ голосъ не совъщательный, а ръшительный. Такой порядовъ, не соблюдаемый ни въ одной странѣ, и у насъ былъ новостію. Но, вслѣдствіе уступовъ, сдѣланныхъ для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, едва ли можно думать, что промышленное сословіе можеть считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ новымъ тарифомъ. Судя по тѣмъ основаніямъ раціональнаго тарифа, которыя пропов'ядуются нашими протекціонистами, и по темъ образчикамъ этого тарифа, которыя сделались известны, едва ли можно думать, что и вкоторое, впрочемъ, весьма ограниченное повышеніе на нѣкоторые вностранные матеріалы и издѣлія, а тѣмъ менте допущенныя въ тарифв пониженія могуть удовлетворить нашихъ фабрикантовъ. Но неужели опыть послёднихъ десяти лётъ и наши

440

успёхи въ промышленности, послё тарифа 1857, недостаточны, чтобы разубёдить общественное мнёніе, что умёренное и осторожное пониженіе поплинъ, какимъ является и нынёшнее, не можеть подорвать нашей промышленности, а можетъ пойти ей лишь на пользу?!

Впрочемъ, для человека безпристрастнаго, понимающаго, при какихъ обстоятельствахъ пересматривался нынѣ тарифъ 1857 г. и подъ вакных напоромъ протекціонистскаго движенія производились всё тарифныя работы, будетъ понятно, что и то, что сдълано въ нашемъ тарифв, составляеть некоторое завоевание для нашей внешней торговли, для милліоновъ потребителей русскаго народа и для самой промышленности. Требовать большаго едва-ли было возможно, при настоящемъ уровнъ развитія экономическихъ идей въ нашемъ обществъ, и при соответствующей тому оппозиціи такъ-называемыхъ защитниковъ повровительственной системы. Исключеній было не много, или лучше сказать, одно. Только одно отделение Одесскаго Коммерческаго Совета. взглянуло иначе на вопросъ о тарифъ. Въ своемъ отвътъ, оно выразилось положительно, что нашъ покровительственный тарифъ, давая поводъ къ развитию контрабанды и не увеличивая финансовыхъ средствъ правительства, идетъ въ разръзъ съ народными интересами, облагая всёхъ жителей имперія огромными налогами въ исключительную пользу нѣсколькихъ промышленниковъ. Находя, что Россія принесла уже достаточно жертвъ для искусственнаго поддержанія своей фабричной и заводской промышленности, Одесское отделение полагаеть, что торговая политика Россіи не можеть долбе оставаться изолированною и во всякомъ случаѣ, въ интересахъ своей промышленности и торговли, должна послёдовать разумному экономическому прогрессу, сдёлавъ радикальныя измѣненія въ тарифѣ и таможенныхъ постановленіяхъ. Но для извлеченія всей пользы, ожидаемой отъ введенія либеральной тарифной системы, Одесское отдёленіе считаеть прежде необходимымъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ отъ центра имперіи и хлѣбородныхъ мъстностей къ главнымъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, улучшить рѣчные пути я исправить главные порты посредствомъ возведенія удобныхъ гидротехническихъ сооруженій. Результатомъ таможенной реформы при такихъ условіяхъ, будетъ, по мнѣнію Одесскаго отдъленія, такой вывозъ естественно-русскихъ произведеній южной Рос-сіи, который уравновѣситъ какой бы то ни было привозъ иностранныхъ товаровъ, и слёдовательно возстановление торговаго баланса.

ЕЖЕМЪСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го сентября, 1868.

Кто читалъ «Мертвыя души» Гоголя (а вто же ихъ не читалъ) тотъ знастъ, что эпитетъ: «исторический» въ примънении къ извъстнымъ личностямъ, какъ наприм. Ноздревъ, имветъ не совсвиъ завидное значение. Мы вспомнили это невольно, когда въ одной изъ послёднихъ внижекъ «Русскаго Вёстника» встрётили цёлое изслёдованіе подъ заглавіемъ: «Университетская исторія». Это не исторія московскаго университета; совсёмъ нътъ! Это - исторія, сдёланная московскимъ университетомъ, исторія, которая не д'влаетъ однако своихъ авторовъ «историческими» въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Мы не воснулись бы этого предмета, совершенно исчерпаннаго въ отношенін своихъ подробностей, еслибы не видѣли себя вынужденными согласиться съ авторомъ «Университетской исторіи», что «въ общественномъ быту нётъ предмета, который не могъ бы вести къ заключеніямъ болѣе или менѣе интереснымъ и полезнымъ». На этихъ-то заключеніяхъ мы и остановимся, тімъ боліве, что почтенный авторъ ограничился одними объщаніями привести насъ въ «интереснымъ и полезнымъ заключеніямъ», а на дёлё старался доказать правоту однихъ и «вопіющія» несправедливости другихъ, между тѣмъ какъ для публики совершенно безразлична утонченная полемика партій. Туть важень вопросъ изъ нашей общественной патологіи: какимъ образомъ расширеніе правъ университетскаго совѣта новымъ Уставомъ, болѣе раціональное опредбление отношений членовъ соввта между собою и къ административнымъ властямъ, однямъ словомъ, автономія университетовъ дала такіе жалкіе плоды и даже вызвала печальныя наклонности къ «исторической» славѣ? Есть опасность — напасть на правильную, повидимому, мысль, что если у насъ автономія даже и такой корпораціи, которая должна состоять изъ высшей интеллигенціи страны, приводитъ къ однимъ «наговорамъ и сплетнямъ» --- то чего же ожидать отъ автономіи въ другихъ корпораціяхъ болѣе обширныхъ и не составленныхъ такъ роскошно, какъ можетъ составляться совѣть уни-

верситета — этотъ сенатъ, какъ его называютъ и теперь въ Германіи? Есть еще и другой вопросъ: справедливъ ли авторъ той «Университетской исторіи», проповёдуя без условную пользу автономіи; извёстно, что и іезунты всегда проповёдуютъ безусловную свободу религіи, въ той увёренности, что съ ними никто не въ состояніи соперничать; не могутъ ли имѣть иногда подобныхъ соображеній иные защитники автономіи?

Все это несравненно болѣе интересно, чѣмъ вопросъ: кто былъ правъ въ университетской исторіи, и былъ ли такой-то профессоръ въжливъ въ своихъ выраженіяхъ и т. п. Публика знаетъ одно, что московскому университету угрожала опасность, и отчасти исполнилась-потерять лучшихъ своихъ профессоровъ, служившихъ ему украшеніемъ, и ни въ какомъ случав эта публика не отнесется сочувственно къ тбмъ, которые такъ или иначе послужили къ тому поводомъ, думая, что для общества число несравненно важнѣе-качества. Точно также публику мудрено убѣдить, что несравненно лучше, чтобы совѣтъ избралъ плохого профессора, нежели министерство назначило хорошаго, но забаллотированнаго совѣтомъ. А именно это и случилось недавно въ московскомъ университетѣ, для довершенія удара его автономіи. Авторъ «Университетской исторіп» хочеть заманить публику на извъстное выражение древней юриспруденции: «Fiat justitia. pereat mundus»! — что значило бы въ настоящемъ случат: «да процвътаетъ автономія совъта, а объ университеть намъ дъла мало!» Но на всякую пословиду есть пословица, и пожалуй кто-нибудь припомнить, что-«Maximum jus summa injuria»!

«Сов'вть университета — разсуждаеть нашъ авторъ — можетъ избрать не совсѣмъ достойнаго и не избрать достойнаго; но если ему предоставлена нѣкоторая доля самостоятельности, то съ тѣмъ вмѣстѣ, въ извѣстной мѣрѣ, должно быть предоставлено его собственному опыту убѣждаться въ своихъ ошибкахъ и исправлять ихъ (замѣтимъ мимоходомъ, что въ настоящемъ случав, т. е. въ случав выбора недостойнаго, исправление такой ошнбки можеть воспослёдовать черезъ 25 льтъ, да и то не всегда бываетъ возможно, какъ мы видъли именно въ этой же самой университетской исторіи, где шло дело объ удержанія прежнихъ членовъ на новое четвертьстольтіе). Развѣ административныя лица, облеченныя властью назначать людей на разныя должности и посылать ихъ по службѣ, обезпечены отъ всякихъ ошибокъ? Развѣ министры и губернаторы всегда назначаютъ или повышають самыхь достойныхъ»? Совершенно справедливо; хотя вредъ отъ назначенія профессора недостойнаго, даже и избраннаго сов'єтомъ, несравненно сильнье уже и потому, что такой профессоръ- не чиновникъ, и его нельзя совъту смънить, какъ губернаторъ можетъ распорядиться въ случав ошибочнаго назначения. Не въ этомъ однако дело: мы осуждаемъ витстѣ съ авторомъ всякое витёшательство администраціи въ автономію кого бы то ни было, не основанное на законѣ; но каковъ долженъ быть преобладающій духъ того учрежденія, которое своимъ образомъ дѣйствій внолнѣ оправдываетъ витёшательство администраціи въ свою автономію, даетъ ей къ тому законный поводъ, и возбуждаетъ въ обществѣ одобреніе къ такому витёшательству, потому что тотъ «молодой доцентъ, недавно возвратившійся изъ-за границы» и забаллотированный совѣтомъ, успѣлъ составить себѣ имя, лучшее многихъ, давно возвратившихся изъ-за границы и благополучно выбаллотированныхъ во время óно! «Какую же мораль приходится извлечь изъ этой длинной и жалкой исторіи»? — восклицаетъ авторъ.

Во всякомъ случаѣ, далеко не ту, которая извлечена въ статъѣ. Авторъ не останавливается даже на мысли, что вообще всякое вмѣшательство администраціи въ автономію вредно, и настаиваетъ только на томъ, что въ данномъ случаѣ оно было неодобрительно, потому что «дѣйствовало на основаніи невѣрныхъ и недостаточныхъ свѣдѣній»; но публика уже знаетъ цѣну подобныхъ доводовъ: не то худо, что начальство вмѣшалось, а то худо, что оно не къ намъ-молъ обратилось за свѣдѣніями, и вообще рѣшило дѣло не въ нашу пользу! Результатъ слишкомъ ничтожный для того, чтобы взяться за перо для начертанія университетской исторіи, «длинной и жалкой».

Между тёмъ, въ этой исторіи, какова бы она ни была, нашла себѣ новое подтверждение древняя истина, что «хорошие нравы лучше хорошихъ законовъ». Другое заключеніе-не менѣе интересно: обыкновенно, когда дело идеть о какихъ-нибудь улучшеніяхъ въ нашемъ государственномъ быть, то часто повторяють: «да, все это хорошо, но общество наше еще не дозрѣло». Какой же наибольшей зрѣлости можно ожидать отъ общества, по сравнению, напримъръ, съ врълостью членовъ университетской корпораціи. Когда же можно дождаться, чтобы все население России было такъ высоко развито и политически образовано, какъ члены совѣта московскаго университета? Между тѣмъ, что же?! Мы видимъ, что врестьянская реформа, судебная реформа, земскія учрежденія, не привели къ той междоусобиць членовъ колоссальной семьи, называемой Россіей, и которая обнаружилась въ корпораціи московскаго университета. Не следуеть ли изъ этого, что всякое общество, не утратившее простого здраваго смысла и пониманія своихъ интересовъ, не можетъ быть названо незрълымъ для реформъ, и что, къ сожадению, бывають случан, когда, при самомъ высовомъ умственномъ развитія, люди до того утратили «добрые нравы», что для автономіи они оказываются менте зрёлы, чёмъ нашъ простолюдинъ. Вотъ чему поучаетъ насъ «длинная и жалкая» университетская исторія въ Москвѣ.

Н. И. Тургеневъ, авторъ недавно вышедшей въ свѣтъ брошюры: «Чего желать для Россін ? - могъ бы хорошо воспользоваться этою университетскою исторією, какъ новымъ доводомъ въ пользу своихъ соображеній. Его, именно, занимаетъ вопросъ: можно-ли Россія желать одинаковаго широкаго гражданскаго и политическаго развития со всвми остальными западными государствами? Нельзя не согласиться съ авторомъ, что «въ подобномъ желаніи не слёдуетъ искать богохульства, если никто не считаетъ безиравственнымъ обращаться даже къ Творцу неба и земли съ молитвами о спасени въ опасностяхъ, естественно постигающихъ или ихъ самихъ или ихъ ближнихъ, съ молитвами о благорастворении воздуховъ и изобили плодовъ земныхъ; никто, конечно, въ такой молитвѣ не видитъ покушенія на неограниченную волю Творца». Дъйствительно, авторъ остается во всемъ своемъ изслёдованіи вёрнымъ себё, ссылаясь справедливо на то, что желательное для Россія въ будущемъ-будеть и должно истекать изъ того же высокаго источника, изъ котораго мы недавно уже получили многое, что такъ давно было желательно для Россів.

«Скажемъ-повторяетъ авторъ-еще разъ: на самодержавіе мы не посягаемъ. И не намъ посягать на него, не намъ, которые нъкогда (еще въ 1817 г., въ своемъ сочинении: «Опыть теоріи налоговъ») видели въ немъ якорь спасенія для Россів; ибо оно, одно, могло уничтожить рабство, — и нашъ взглядъ былъ не ошибоченъ. Даже и теперь мы обращаемъ всв наши желанія и надежды къ тому же самодержавію. Но мы возстаемъ противъ язвъ, коихъ самодержавіе излечить не въ силахъ. И если при такомъ государѣ, каковымъ былъ Александръ I, соединявшій въ себѣ лучшія качества человѣка и императора, были возможны военныя поселенія; то кто можеть заснуть спокойно, съ увѣренностію, что во имя его не совершается самыхъ горестныхъ и ужасныхъ дёлъ? Мы возстаемъ противъ этихъ золъ тавъ, какъ возставалъ Карамзинъ, сожалъя при томъ, что мы лишены того великаго таланта и того авторитета, которые имбль этотъ геніяльный и вытств честнайшій и благороднайшій человать. Только Карамзинь, признавая зло, искаль излеченія не въ тёхь средствахь, въ какихъ мы его ищемъ. Онъ, съ чистващими намереніями и полною искренностью, находиль средства исцёленія, или, по крайней мёрё, великаго исправленія, въ избраніи, прежде всего, четырехъ вполнѣ честныхъ и притомъ образованныхъ людей. Всякій согласится — говорилъ онъ — что найти этихъ четырехъ людей не трудно. Эти четыре человѣка должны избрать, каждый, опять четырехъ человъкъ, такихъ же честныхъ и просвъщенныхъ и т. д. – дотолъ, пока всъ мъста въ имперіи будуть заняты самыми лучшими людьми. Предложенное къмъ - либо другимъ, такое средство позволило бы сомнѣваться въ искренности совѣта. Карамзину всѣ знавшіе его вѣрили безусловно. Такія мнѣнія и совѣты

въстникъ ввропы.

покажутся еще болёе странными, неизъяснимыми, когда мы вспомнимъ, что Карамзинъ былъ истинно либеральнымъ человѣкомъ, въ лучшемъ смыслѣ сего слова, и что въ порывахъ его благородной души ко благу людей, къ свободѣ человѣческой, онъ иногда восклицалъ: «Я?---я въ душѣ республиканецъ! но Россія, дабы быть великою и сильною, такъ чтобы ее боялись другіе народы, Россія должна сохранить самодержавіе.» Карамзинъ не дожилъ до крымской войны... Онъ не дожилъ и до 19-го февраля 1861 года, но, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ не знать и не видѣть, что есть на свѣтѣ великія и свободныя государства, въ конхъ народъ живетъ въ полной гражданской и политической свободѣ. Если, къ сожалѣнію, и такихъ государствъ иногда боятся, то ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ уважаютъ, удивляются и завидуютъ имъ. Уваженіе, во всякомъ случаѣ, лучше боязни.»

Взгляды Карамянна—впрочемъ съ этямъ согласенъ и Н. И. Тургеневъ — вытекали правильно изъ современнаго ему общественнаго положенія Россіи: могъ ли онъ думать о повышевіи и дальнѣйшемъ развитіи политическаго смысла націи, при милліонахъ крѣпостныхъ, при отсутствіи равенства предъ закономъ? Настолько онъ зналъ исторію, чтобы понимать, какъ печальны результаты той политической жизни народа, которая развилась въ пользу одного сословія и на счеть другихъ. Но почтенный авторъ, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если мы, отдавая всю справедливость его великодушнымъ намѣреніямъ, не остановимся долѣе на содержаніи его брошюры; притомъ, весьма часто, правильное рѣшеніе вѣковыхъ и даже годовыхъ задачъ, зависитъ отъ правильнаго и честнаго разрѣшенія небольшихъ задачъ каждаго дня, съ которыми прежде всего приходится намъ имѣть дѣло въ нашей хроникѣ.

На нижегородской ярмаркѣ оказалось изобиліе товаровъ и относительно слабый спросъ. Это совершенно естественно, въ особенности по отношенію къ товарамъ мануфактурнымъ. Экономическое положеніе огромнаго большинства русскаго народа еще таково, что сбытъ даже самыхъ дешевыхъ сортовъ товаровъ, служащихъ для удовлетворенія самыхъ первобытныхъ потребностей, и тотъ совершенно подчиненъ результатамъ жатвы. Прошлогодній голодъ, или какъ его для благозвучія называли — «недостатокъ хлѣба», показалъ, что наше сельское населеніе даже въ губерніяхъ не самыхъ бѣдныхъ живетъ положительно «изо дня въ день». Хлѣбные запасы или денежныя сбереженія составляютъ исключеніе. Да и откуда имъ было взяться? Вслучаѣ неурожая гдѣ уже крестьянину покупать мануфактурныя издѣлія; онъ благодаритъ Бога и за тѣ лохмотья, какія остались при немъ. «Движимое имущество поселянъ, какъ-то: свиты, тулупы, халаты, сукно и

446

проч., пишетъ одинъ корреспондентъ, или продано или заложено евреямъ, часть скота также продана» ¹), вотъ что оказывается въ иныхъ мъстахъ.

Послѣдствія прошлогодняго бѣдствія едва-ли исчезнуть втеченіи предстоящаго года. Сельское, земледѣльческое дѣло, во всѣхъ отношеніяхъ — трудно поправимое. Это зависитъ и отъ медленности процесса этого рода производительности, и отъ той неразрывной связи, которая соединяетъ всѣ ея элементы: скотъ и поле, прошлую жатву съ нынѣшнимъ удобреніемъ и посѣвомъ и т. д.

Результаты нын вшией жатвы, сами по себв, не очень утвшительны. Свверныя губернии пострадали отъ засухи, что особенно отразится на скоть — по недостатву овса и свна, а некоторыя изъ южныхъ-отъ дождей. Въ средней полосъ и части южной не было неурожая, но результаты все-таки посредственные 2). Этотъ фактъ, являясь за прошлогоднимъ, получаетъ такое первостепенное значение, что на него заранфе слёдовало бы сосредоточить возможныя усилія всего государства, дать ему первое мѣсто въ нашей «политикѣ». Въ виду этого истинно-бъдственнаго положенія, какое ждетъ некоторыя местности зимою, невольно припоминается факть, что нашь бюджеть расходовьпревосходить бюджеты всёхъ государствъ, кроме одной Франція, а нри такихъ условіяхъ производительности и сбыта, при безденежности нашихъ селъ представляетъ тягость весьма чувствительную. Нътъ сомевнія, что нашему крестьянину трудно уплатить приходящіеся на душу десять, пятнадцать рублей, а если онь и уплачиваеть ихъ, то немудрено, что сбережений у него образоваться не можеть.

На это у нёкоторыхъ господъ всегда готовъ отвётъ, что сколько бы у русскаго крестьянина ни было денегъ, сбереженій у него всетаки не будетъ потому, что тяжеле государственнаго бюджета—«бюджетъ нашего пьянства». Къ сожалёнію, оба эти, столь противорёчащіе по цёли «бюджета», въ самомъ дёлё солидарны, тёмъ, что при существующей у насъ системъ податей, питейный сборъ составляетъ главный въ ряду государственныхъ доходовъ.

Въ образованномъ сословіи не мало людей, которые всю неудовлетворительность экономическаго положенія нашего сельскаго народа объясняютъ пьянствомъ. Есть даже въ печати о́рганы, которые съ особенною энергіею провозглашаютъ, что пьянство годъ отъ году усиливается и что народное хозяйство идетъ къ полному упадку именно подъ вліяніемъ пьянства. Этотъ вопросъ не разъ уже служалъ пред-

¹) Могилевскій корр. газеты «Москва» (№ 105-й). Онъ прибавляеть, что въ настоящее время нельзя думать о выкупів этихъ закладовъ, и они, по всей выроятности, такъ и пропадутъ для крестьянъ.

²) За исключеніемъ Саратовской полосы.

метомъ газетной полемики. Но полемика ничего не выяснила, потому именно, что экономические вопросы не могутъ быть съ успѣхомъ выясняемы на почвѣ политической, съ политическими «задними мысдями». Рѣшение даже политическихъ вопросовъ съ наибольшею пользою для государства можетъ быть достигаемо именно при экономической нхъ постановкѣ. Но поступать совсѣмъ на оборотъ, вопросы народнаго хозяйства, народной нравственности, общественнаго быта, разработывать съ цѣлями политическими, значитъ просто эксилуатировать первые и на мѣсто серьёзнаго изслѣдованія ставить безплодную, н апріорическую аргументацію.

Извёстно, съ какою цёлью раздаются сётованія въ печати надъ народнымъ пьянствомъ и объясняются имъ всѣ недостатки нашего хозяйства. Это-послёдній, ретроспективный аргументь въ пользу крепостного права или предоставления сельской полиции въ руки помвщиковъ. Такая аргументація излишня потому, что осуществленіе ея цёлп невозможно. Есть такія условія быта, чрезъ которыя общество проходить, въ своемъ историческомъ развити, какъ путникъ проходить чревъ болога, но къ которымъ общество не возвращается. Опека одного сословія надъ другимъ-это въ нашемъ историческомъ развитія уже-überwundener Standpunkt. Даже для политической цёли, напримъръ, для поддержанія консервативныхъ элементовъ, такой поворотъ назадъ-не нуженъ и невозможенъ потому, что тв консерваторы, воторые хлопочуть собственно объ охранении принципа авторитета или власти, а не о блесткахъ аристократизма или спеціальныхъ выгодахъ одного сословія, ---имѣли достаточно времени и причинъ, чтобы примириться съ мыслыю о «демократической» Россіи, и могуть на нее положиться лучше, чёмъ на кого-либо.

Но въ полемикъ съ проповъдниками привилегій и сословной опеки, по вопросу о народномъ хозяйствъ, и противная сторона оставалась доселѣ тоже на политической почвъ; на обвиненія народа въ пьянствѣ, она отвѣчала или безусловнымъ отрицаніемъ самого этого факта, съ тою только цѣлью, чтобы опровергнуть необходимость сословной опеки, или обвиняла помѣщиковъ въ томъ, что они сами пользовались развращеніемъ народа, или наконецъ, доказывала, что если народъ и пьетъ «нераціонально», то дѣлаетъ это потому только, что общее экономическое положеніе его неудовлетворительно, что ему нѣтъ исхода, не предвидится улучшенія быта и т. д. Такимъ образомъ, защитники нравственности народной, оставаясь на политической почвѣ, а потому ведя свою защиту безусловно, приводили вопросъ о пьянствѣ къ тому, что «чѣвъ меньше людямъ ѣсть, тѣмъ больше они пьютъ».

Мысль эта остроумна, и такъ, какъ примѣровъ, что человѣкъ пьетъ съ горя—не мало, то мысль эта многимъ могла показаться убѣдитель-

ною. Но, въ сущности, она — не больше какъ умозрѣніе, умозрѣніе произвольное, вызванное ложною политическою потребностью, во что бы то ни стало защитить народъ отъ обвиненія. Если бы было справедливо, что народъ пьетъ тѣмъ больше, чѣмъ у него меньше денегъ, то въ исурожайные годы потребленіе вина было бы сильнѣе, чѣмъ въ годы неурожайные. Между тѣмъ, колебанія въ питейномъ сборѣ у насъ вовсе не совпадаютъ съ колебаніями урожаевъ.

Питейный сборъ (разумбя акцизный и патентный вместв) съ 1863 года (первый годъ действія новой акцизной системы) колебался между цифрами 108 и 133 милл. рублей. Сборъ этотъ на 1868 годъ по смътъ предположенъ почти въ 1281/2 милл. р., что представило бы самую высшую цифру со времени введенія акцизной системы, за исключевіемъ одного 1865 года. Но слёдуетъ ли думать, что, предполагая такую возвышенную цифру, министерство финансовъ разсчитывало именно на прошлогодній неурожай, основываясь на томъ мнёніи, которое утверждаетъ, что народъ пьетъ отъ нужды и, что чёмъ меньше ему всть, темъ больше онъ пьетъ? Конечно, нетъ. Въ смете именно сказано, что возвышение питейнаго сбора ожидается просто вслёдствіе ограниченія безпошлиннаго перекура и увеличенія цёны нёкоторыхъ патентовъ. Намъ кажется даже едва-ли подлежащимъ сомнѣнію, что въ отчетѣ государственнаго контроля по исполнению смѣты 1867 года найдется въ питейномъ сборѣ недоборъ болѣе значительный, чѣмъ тотъ, который показанъ въ отчетъ контроля за 1866 годъ (З милл. руб.), и что недоборъ этотъ будетъ прямо зависѣть отъ голода.

Защитники народа имѣютъ цѣль, которой нельзя не сочувствовать. Они стараются опровергнуть то толкованіе, которымъ и пьянство, и неурожан, и убійства, и пожары, и едва-ли не наводненія и градобитія представляются какъ аргументы противъ освобожденія народа отъ крѣпостныхъ узъ, какъ аргументы въ пользу возстановленія чего-нибудь въ родѣ этихъ узъ. Пріемъ этихъ обвинителей тотъ же, какой употреблялся «доносчиками съ политической цѣлью». Эти господа доносятъ на руссвій народъ, для того, чтобы ему снова закрутили руки назадъ. Защитники русскаго народа руководятся цѣлью благонамѣренною, но они заходятъ слишкомъ далеко. Тотъ лагерь, съ которымъ они борятся, слишкомъ безсиленъ, и замышляемое имъ дѣло, повторяемъ, совсѣмъ невозможное. Итакъ, сто́итъ-ли напрягать всѣ уснлія, чтобы бороться съ нимъ, чтобы предотвратить то, что́ ни въ какомъ случаѣ осуществиться не можетъ?

Конечно, не сто́итъ. Нельзя не замѣтить еще, что относясь къ вопросу о распространеніи пьянства съ пріемами адвокатовъ-защитниковъ во что̀ бы то ни стало, мы нисколько не уяснимъ вопроса, а напротивъ, запутаемъ его еще болѣе. Политическому намѣренію, вовсе ненужному, мы принесемъ въ жертву правду, которая можетъ быть

Тойъ У. - Скнтяврь, 1868.

въстникъ европы.

уяснена только при хладнокровномъ, безтенденціозномъ обсужденія этого вопроса, при постановкъ нравственно-экономической. Въ послъднія лѣтъ пять у насъ снова богато зацвъли въ печати двъ системы полнтическихъ доносовъ и самообожанія, самовосхваленія. Въ настоящемъ случаъ, обвинители народа взялись за первую систему; неужели же друзья народа непремѣнно должны впадать въ послъднюю?

Можно бы представить забавный отчеть изъ наблюденій за всёми пріемами «вёжливыхъ» друзей народа въ этомъ случав: одни совсёмъ отрицають, что пьянство усилплось, другіе говорять, что народъ много пьетъ только оттого, что пицается растительною пищею (!), третьи, что народъ пьетъ оттого, что пищи у него вообще мало, а налоги высоки. Всё защитники этого рода берутъ на себя утверждать, что постоянное, но умѣренное потребленіе водки «особенно въ сѣверномъ климатѣ» полезно для организма '). Всѣ эти аргументы — чисто-адвокатскія натяжки, вызванныя единственно политическою цѣлью разсужденія. Ихъ не подкрѣпляютъ никакими статистическими данными потому, что данныхъ въ пользу такихъ «маниловскихъ» соображеній можно бы отыскать только въ «маниловской» же статистикѣ. А какъ статистика съ «маниловщиною» ничего общаго не имѣетъ, то данныхъ и нѣтъ.

Относясь въ этому вопросу безъ задней мысли и видя въ немъ чрезвычайно важный, но исключительно нравственио - экономический вопросъ, мы должны начать съ признания, что пьянство въ народъ развплось въ обширныхъ размѣрахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ несомивниый фактъ: если въ послѣдній годъ откупа интейный сборъ составилъ 123 милл. рублей, а нынъ онъ составляетъ 124—128 милліоновъ, при громадномъ понижения цънъ на вино, то откуда же берется эта почти равная прежней цифра, кавъ не изъ распространения пьянства? Вѣдь теперь казна получаетъ не болѣе половины продажной цѣны вина, а цѣна эта чрезвычайно понизилась и все-таки доходъ остался тотъ же. Намъ скажутъ, пожалуй, что теперь часть выгодъ самихъ откупщиковъ поступаетъ въ казну, но можно-ли допустить, чтобы весь нынѣшній, громадный, кабачный персоналъ поглощалъ менѣе, чѣмъ прежніе откупщики?

Размножение кабаковъ свидѣтельствуетъ, что не только потребление вина, но именно пьянство усилилось въ значительной степени. Закрывать глаза предъ этимъ фактомъ не только безполезно, а рѣшительно вредно. Мнѣние, что народъ пьетъ оттого, что у него денегъ мало—совершенно несостоятельно. Напротивъ, вездѣ гдѣ заработки выше, больше и пьянства, въ городахъ пьютъ болѣе чѣмъ въ се-

450

¹⁾ Любопытно было бы вилѣть подпись физиката подъ этимъ миѣнiемъ оїполезности постояннаго употребленія возбуждающаго, т. е. лекарственнаго средства.

лахъ; а въ селахъ пъютъ болѣе всего именно осенью, т. е. во время достатка. Въ это время народъ пьетъ безобразно, чему много способствуютъ свадьбы.

«Растительная пища» тоже не много значить. Нигдѣ не ѣдятъ бодѣе мяса чѣмъ въ Англін, нигдѣ менѣе, чѣмъ въ Италіи и особенно въ Греціи, и въ тоже время въ Англіи пьютъ очень много, а именно въ Италіи и особенно въ Греціп пьянство почти не существуетъ, да и вообще потребленіе алькоголя ничтожно. Да и у насъ, въ городахъ, рабочимъ, конечно, доступнѣе пища мясная, чѣмъ въ деревнахъ, а между тѣмъ, въ городахъ пьютъ больше. «Сѣверный климатъ» здѣсь конечно, нграетъ роль, но не преобладающую. Что вино ковсе не необходимо для организма, даже на сѣверѣ, это доказывается примѣромъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ раскольниковъ, п нѣкоторыхъ мѣстпостей Финляндів. Нѣтъ никакого сомпѣнія, что въ Малороссіи пьютъ болѣе, чѣмъ въ Финляндів.

Замѣтимъ еще, что и среди русскаго населенія нашего сѣвера, въ хорошихъ крестьянскихъ домахъ ¹) человѣкъ начинаетъ инть не рано; нной только послѣ 25-лѣтняго возраста, иной только когда женится, однимъ словомъ, когда дѣлается вполнѣ самостоятельнымъ. Парии 16—21 и даже до 25-лѣтняво возраста не пьютъ и, не смотря на «сѣверный климатъ» и «растительную пищу», бываютъ здоровы и хорошіе работники. Что касается недостатка денегъ, то у инхъ-то именно денегъ и бываетъ всего меньше. Между тѣмъ, въ Малороссіи пьютъ Даже мальчики, почти дѣти, а женщины пьютъ почти всѣ.

Главная причина пьянства, безъ сомнѣнія, — нравственная: неразвитость, отсутствіе жизни умственной и совершенное отсутствіе чувства личнаго достоинства. Въ свое время, письма изъ деревни г. Фета послужили темою для упражненій нашихъ сатприковъ, и «гусн» его обратвлись въ анекдотъ. Но главная мысль этихъ писемъ, именно: слабость въ нашемъ народъ нравственныхъ самоограниченій и чувства личнаго достоинства — была совершенно справеллива, хоть и не нова. Всякій народъ, какъ и человѣкъ—то, чѣмъ сдѣлало его восинтаніе. Народъ воспитывается и перевоснитывается вѣками. Главные враги пьянства, именно воля и школа.

Мы не намфрены здфсь касаться вопроса объ образовани, къ которому такъ неизбъжно приходишь при обсуждении каждаго общественнаго вопроса. Что касается воли, которая еще важнѣе школы, потому что служитъ необходимымъ ея основаниемъ, то понятно, что, втечения восьми лѣтъ, она не могла измѣпить весь правственный складъ народа. Другое дѣло — дешевизна водки. Вотъ этотъ фактъ и сознается скоро, и непосредственно производитъ результаты.

^{&#}x27;) За исключеніемъ, конечно, пригородныхъ мъстностей, особенно же окрестностей Петербурга.

Мы совершенно не раздъляемъ желанія, часто высказываемаго въ иечати, чтобы «количество потребляемаго вина у насъ увеличилось, съ темъ только, чтобы оно потреблялось более раціонально». Побужденіе въ такому желанію, заключающееся въ томъ, что пятейный доходъ-главный доходъ государства, мы не можемъ не признать весьма печальнымъ. Это соображение препятствуетъ и государству обусловить законодательство по питейной части такъ, чтобы все устройство ся вело къ ограничению потребления вина. Напротивъ, вся акцизная система основана, по необходимости, на совсёмъ иной мысли. Передъ нами «Уставъ о питейномъ сборѣ, изданія 1867 года, со всѣми послёдовавшими въ немъ измѣненіями», изданный особою книгою, въ которую включенъ также сводъ распоряжений по управлению питейнымъ сборомъ по 1-е минувшаго іюля. Масса этихъ дополнительныхъ распоряжений-огромна и нельзя не удивиться памяти и проницательности гг. акцизныхъ чиновниковъ, если большинство ихъ, въ самомъ дёль, можеть усвоить себь всё эти определения и удовлетворить всёмь этимъ предписаннымъ формальностямъ. Но въ числѣ этихъ разъясненій и дополненій, нізть, да и не можеть быть ни одного, которое бы клонилось рѣшительно въ сторону отъ казенной выгоды, принося ее въ жертву общему экономическому благосостоянию народа. Возвышеніе цёны некоторыхъ патентовъ, послёдовавшее въ 1867 году, обусловлено казеннымъ интересомъ, хотя оно все-таки можетъ принесть хоть нёкоторую пользу и ограниченіемъ числа заведеній. Нелёпо было бы ожидать отъ устава по акцизному управленію покровительства обществамъ трезвости или чего - нибудь въ этомъ родв. Нравственноэкономические интересы народа могутъ быть достаточно приняты въ соображение питейнымъ уставомъ только тогда, когда питейный сборъ перестанеть быть главнымъ источникомъ бюджета.

Между тёмъ, въ ожиданія могущественныхъ и благотворныхъ результатовъ воли и школы на всё условія народной жизни, вся надежда въ ограниченіи разрушительнаго распространенія пьянства возлагается нами именно на государство: оно должно преобразовать свою систему налоговъ такъ, чтобы питейный сборь пересталъ быть главнымъ доходомъ, чтобы русское государство перестало быть откупщикомъ русскаго народа.

Въ Англіи акцизный сборь съ

кръпкихъ напитковъ состав-

¹) По отчету за 1865—1866 г. На 1867—1868 г. предположено нѣсколько, именно на 120 г. фунтовъ менѣс. Обѣ сравниваемыя цифры — валовыя. Цѣну фунта принимаемъ въ 6¹/₂ руб., такъ какъ рѣчь о внутреннихъ отношеніяхъ.

452

У насъ питейный доходъ, по смътъ на 1868 г., предполагается въ 128.390,507 р. 231/2 к. ³).

Итакъ, въ Англіи доходъ съ питей однимъ милліономъ больше нашего. Но при сравненіи надо обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

Итогъ доходовъ Англіи составляетъ почти 86 милл. фунтовъ, то есть, почти 600 милл. рублей; нашъ же бюджетъ представляетъ цифру около 480¹/₂ милл. рублей. Стало быть отношенія питейнаго дохода къ общему итогу, въ Англіи меньше, чёмъ у насъ. Въ Англіи онъ и не является первымъ по важности; первое мѣсто принадлежитъ доходу таможенному. Сверхъ того, въ приведенную цифру питейнаго акциза въ Англіп мы включили пошлину съ солода, и эта пошлина доставляетъ казнѣ 6 милл. 663 тыс. фунтовъ. Для сравненія съ нашимъ акцизнымъ сборомъ, мы должны были причислить эту цифру въ цифрѣ акциза собственно со спиртныхъ напитковъ; но она составляетъ цѣлую треть послѣдней. Это показываетъ, какъ сильно въ Англіи потребленіе пива.

Наше законодательство должно бы благопріятствовать потребленію ппва и меда, для того, чтобы какъ можно скорѣе перенесть, хотя бы цѣлую треть питейнаго дохода, какъ въ Англіи, на эти, менѣе вредные напнтки. Для этого прежде всего слѣдовало бы, конечно, совсѣмъ освободить ихъ отъ акциза, и возстановить его уже тогда, когда потребленіе пива въ значительной степени замѣнитъ потребленіе водки. При нынѣшнихъ цѣнахъ пива и меда (хотя онѣ все-таки почти вдвое понизвлись противъ существовавшихъ при откупѣ), народъ въ деревияхъ не покупаетъ ихъ, а пьетъ только пиво и медъ домашняго приготовленія ²).

Возвышеніе цёны на хлёбное вино, безъ сомнёнія, уменьшило бы пьянство, какъ пониженіе этой цёны увеличило его, хотя, быть можетъ, и не такъ быстро. Нельзя отрицать также пользу всякаго рода ограничительныхъ мёръ относительно пьянства и, болёе всего—пользы ватрудненія дозволеній открывать кабаки. Можно было бы, напримёръ, предоставить губернскимъ и уёзднымъ земскимъ собраніямъ право опредёлять тахітит числа винныхъ продажъ въ губерніи и уёздахъ. Противъ подобныхъ ограниченій обыкновенно возражаютъ, что при стёсненіи открытой продажи, развилась бы тайная; но въ этомъ отношеніи можно бы возложить наблюденіе прямо на отвётственность

¹) Количество патентнаго сбора въ смътъ не опредълено; онъ доставлялъ въ 1865 и 1866 годахъ 8¹/₂ и 8¹/₃ милл. р., а съ 1867 г. долженъ былъ значительно увеличиться.

²) Такое пиво никакъ не можетъ ограничивать употребленія спирта—оно слабо; пранкаго, горькаго пива народъ не знаетъ, а оно одно и могло бы (какъ эль въ Англів) соперинчать съ водкой.

волостныхъ правленій, подъ опасеніемъ штрафовъ. Шинка не спрячешь; шинокъ, о которомъ знали бы немногіе — невозможенъ. Успленіе опеки! скажутъ намъ. Да мы и не полагаемъ, что наши сельскія общества доросли до того развитія, при которомъ уже вовсе не нужна опека. Весь вопросъ въ томъ, чтобы опека была, по возможности, поручена людямъ выборнымъ отъ всего населенія, никакъ не одному сословію и даже пе чиновникамъ. Странно было бы не признавать, что опека еще очень нужна, и непростительно было бы не высказывать этого открыто, изъ пустого либеральничанья.

Мы сказали выше о многосложности самого питейнаго устава и, въ особенности, дополненій къ нему. Замѣтимъ, что, не смотря на массу этихъ разъясненій и дополненій, въ нихъ не было столь простой, повидимому, вещи, какъ дозволенія продавать русское виноградное вино во всѣхъ питейныхъ заведеніяхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ родится виноградъ. Для этого потребовался особый циркуляръ, который и вышелъ недавно ¹), уже послѣ изданія книжки, о которой мы упомянулп, и служитъ, между прочимъ, доказательствомъ, какая масса дополненій еще можетъ потребоваться впередъ, если такая простая вещь не была предусмотрѣна самымъ уставомъ.

Мѣра эта въ циркулярѣ, между прочимъ, мотивируется такъ: «въ виду гигіенической пользы отъ замѣны хлѣбнаго вина винограднымъ, какъ менѣе крѣпкимъ и вреднымъ для здоровья». Итакъ, министерство финансовъ и вынѣ не прочь принимать къ свѣдѣнію такой мотивъ; только главнымъ онъ, конечно, быть не можетъ. Остается пожелать, чтобы къ іюлю будущаго года, когда предполагается допустить измѣненія въ нынѣшнемъ акцизномъ уставѣ, посиѣло давно ожидаемое и крайне-необходимое преобразованіе нашей податной системы.

Обратимся теперь къ другому вопросу, въ которомъ наши органыпроповѣдники безправности цѣлыхъ населеній или сословій мѣняются ролями: къ вопросу о положенін западнаго края. По отношенію къ нему, какъ извѣстно, нѣкоторые псевдо - демократическіе органы являются безусловными защитниками такой частной безправности, между тѣмъ, какъ нѣкоторые ультра-консервативные органы тутъ только и либеральничаютъ. Еще нсдавно одна московская газета, возражая на замѣчаніе одной изъ петербургскихъ, въ пользу отмѣны исключн-

¹) Цяркуляръ департамента неокл. сборовъ, 18 июля. Имъ дозволяется продажа виноградныхъ винъ въ интейныхъ заведеніяхъ въ Таврической, Астраханской, Подольской и Ставропольской губерніяхъ, въ областякъ: Бессарабской, Терской и Кубанской, и въ землѣ Войска Донского, безъ пріобрѣтенія для этой продажи особаго патента.

вженъсячная хроника.

тельнаго положенія въ западномъ крав, энергически высказывалась противъ введенія въ немъ судебной реформы. Другая, на этотъ разъ петербургская газета, выражала полное удовольствіе, что постепенное распространеніе новыхъ судебныхъ учрежденій касается только тѣхъ губерній, въ которыхъ уже введены земскія учрежденія.

Но утѣшительная сторона въ подвижничествѣ нашихъ ultras, дѣлающихъ на востокъ одну гримасу, а на западъ другую — представляется полнымъ равнодушіемъ къ нимъ той сферы,

> Dove si puote Ciò che si vuole....

употребляя выражение Данте. По безвліятельности, безсильности своей, старания ревнителей авторитета совершенно равны твиъ «безумнымъ мечтаниямъ утопистовъ», надъ которыми эти «люди двла» мнятъ себя столь возвышенными, и отъ которыхъ отличаются только твмъ, что тв бвгутъ впередъ, а эти тащатся сзади.

Органъ администраціп сѣверозападнаго края возвѣстилъ, что этому краю предстоитъ введеніе судебной реформы. Министръ юстиціи сообщилъ главному начальнику края, что Высочайше утвержденнымъ положеніемъ государственнаго совѣта, ему, мпнпстру, предоставлено войти съ представленіемъ о введеніи мпровыхъ судебныхъ установленій въ губерніяхъ, гдѣ не дѣйствуютъ земскія учрежденія. Вслѣдствіе того, въ западномъ краѣ составляются уже временныя уѣздныя коммиссін для предположеній по образованію мировыхъ участковъ.

Нельзя достаточно уяснить себѣ той истины, что ассимиляція края возможна только посредствомъ внесенія въ него того, что у насъ самихъ есть хорошаго, тъхъ цивилизаціонныхъ элементовъ, которые у насъ выработались. Прежняя система могла быть нужна въ свое время, когда было нужно употребление оружия. Но вћав это и было только оружіе, а не организующая система. Пушкой не пашуть и штыкомъ не жнуть. Если бы мы рѣшились оставить западный край еще на долгое время въ положени исключительномъ, пменно съ цълью обрусения, то это значило бы, что мы стараемся ассимелировать его съ Россіею прежнею, отжившею, уже не существующею; это значило бы ожидать, что оторванная рука или нога прирастеть къ мертвому тьлу. Нътъ, пусть живая, нынъшняя Россія протянетъ кръпкую, но не полицейскую, а гражданскую руку этому краю и ведеть его, въ полной равноправности съ собою, къ тому будущему, когда все русское общество само будетъ равноправно съ европейскимъ, а въ одномъ — великой важности пунктѣ — даже полноправнѣе его.

Въ наукъ истинности абсолютной — въ алгебръ — результатъ повидимому ислъпый бываетъ доказательствомъ върности всего процесса числительной операціи, но не върности постановки вопроса. Алгебраическія псевдо - величины $\frac{A}{\circ}$ или $\frac{\circ}{\circ}$ представляютъ выводы не примънимие къ реальности, но логически совершенно върные, вполнъ законные.

Такимъ выводомъ $\frac{\circ}{\circ}$ является рѣшеніе присяжныхъ въ новгородскомъ окружномъ судѣ по вопросу объ убіеніи Иваномъ Петровымъ его жены. Это рѣшеніе надѣлало много шуму въ обществѣ, рѣшеніе это представляется какою-то нелѣпостью. Ну какъ же преступникъ, который самъ сознался въ преступленіи, объявленъ присяжными невиновнымъ! Значитъ новый судъ несовершененъ — вотъ выводъ, который слышится съ иной стороны. Но развѣ результатъ х = $\frac{\circ}{\circ}$ свидѣтельствуетъ о невѣрности алгебраическаго уравненія? Напротивъ, онъ логически вполнѣ подтверждаетъ вѣрность процесса.

Присяжные просили, чтобы судъ раздѣлилъ предложенный имъ вопросъ, находя его «многосложнымъ». Дѣло въ томъ, что послѣдняя фраза вопроса включала въ себѣ, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, положеніе о преднамѣренности убійства. Когда судъ не измѣнилъ вопроса, присяжные отвѣчали: «нѣтъ, не виновенъ», и это рѣшеніе свидѣтельствуетъ о замѣчательной прочности и вѣрности дѣйствія института присяжныхъ: имъ предложили неопредѣленное уравненіе; они отвѣчали математически вѣрно : $\frac{2}{9}$.

Но неужели же ошибки, сдёланныя судомъ въ постановкѣ вопроса, могутъ обращаться къ оправданію уличенныхъ убійцъ? Можно только напомнить, что по ст. 912 однимъ изъ поводовъ къ отмѣнѣ приговора указано: «нарушеніе обрядовъ и формъ столь существенныхъ, что безъ соблюденія ихъ невозможно признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія». Очевидно неправильность въ постановкѣ вопроса могла бы подать поводъ къ кассаціи ¹).

Въ области международной политики лѣто обыкновенно бываетъ самою обильною порою слуховъ и предположеній всякаго рода. На этотъ разъ урожай вѣстей и ипотезъ выпалъ на долю весны, такъ что втеченіи лѣта «политика» этого рода безмятежно отдыхала. Слухи о союзахъ то Франціи съ Пруссіею, то Франціи съ Австріею, то Австріи въ Пруссіею замолкли. Даже повядку королевы Викторіи на

¹) О порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ въ случаяхъ сомнѣній присяжныхъ по постановкѣ вопроса см. рѣшеніе кассаціонпаго суда 1 ноября 1867 г. въ кнюгѣ г. Утина «Сводъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго севата», ч. І, стр. 364.

континентъ нувеллисты не обставили глубокими политическими комбинаціями. Ограничились только слухомъ, что лордъ Стэнли, въ равговорѣ съ маркизомъ Муть́е, протестовалъ противъ привлеченія Швейцаріи, Бельгіи и Голландіи въ «систему французскаго могущества». Но ничѣмъ не подтверждалось, что французское правительство замышляло что̀-нибудь подобное. Швейцарскій союзный совѣтъ даже ваявилъ, что никакихъ предложеній ему не было сдѣлано.

Однакожъ, не смотря на недостатокъ опредѣленныхъ тревожныхъ слуховъ, въ общественномъ мнѣній Европы присутствуетъ, какъ скрытый теплородъ въ газѣ, сознаніе, что время тревоги не прошло; правительства знаютъ, что каждое изъ нихъ выдало въ минуты необходимости нѣсколько векселей, по которымъ уплачивать не хочетъ, и боится, чтобы кто-либо изъ соперниковъ — достаточно могущественный для того — не протестовалъ какого-нибудь изъ этихъ векселей. Итальянскій министръ-президентъ, генералъ Менабреа, при закрытіи парламента выразился, что нельзя предвидѣть, что́ готовитъ ближайшая будущность; что «всѣ говорятъ о мирѣ, но было бы лучше, если бы о немъ не говорили такъ много».

Императоръ французовъ, за которимъ чающіе новостей политиканы усвоили положеніе современнаго оракула, напрасно увърялъ недавно въ Труа́, что войны не предвидится; общественное мивніе увидѣло даже намекъ на какую-то опасность въ его словахъ Dieu protège la France, хотя это изръченіе долгое время совершенно невиннымъ образомъ украшало францувскую монету.

Но не была ли и вся рѣчь, произнесенная въ Труа, немножко разсчитана на money-making? Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ за нею послѣдовала подписка на новый заемъ въ 450¹/₂ милл. франковъ. Подписка эта была, повидимому, краснорѣчивымъ отвѣтомъ на оптимистскую нампанскую рѣчь. Публика подписалась, вмѣсто 450¹/₂ милл., на 25 милліардовъ франковъ, т. е. на капиталъ въ тридцатъ четыре раза большій требованнаго правительствомъ. Правда, примѣры прежнихъ займовъ, при которыхъ бывала разверстка, побуждали подписчиковъ преувеличивать свои требованія, именно въ ожиданіи разверстки. Но вѣдь однихъ залоговъ при подпискѣ паличными деньгами, и именно звонкою монетою было внесено, втеченія всего восьми дней, пока продолжалась подписка, на 660 милліоновъ.

«Какое богатство сбереженій во Франціи!» кричать оптимисты. «Какое доказательство довѣрія страны къ императору и его династіи!» убѣдительно восклицаютъ слуги второй имперіи. Въ результатахъ подниски на заемъ они готовы видѣть новое, подтвердительное голосованіе въ пользу наполеоновской династіи.

И не одни гордящіеся этимъ результатомъ объясняютъ его въ этомъ смыслѣ: въ берлинской «Національной-газетѣ» мы прочли статью, которая въ результатѣ займа видитъ свидѣтельство политической несостоятельности французской націи. «Когда правительство предложило заемъ—говоритъ она—страна встрѣтила его очень неблагосклонно, и въ печати и въ палатѣ произнесено было не мало напоминаній о дороговизнѣ второй имперія для Франціи, о нерасположеніи Франціи къ дальнѣйшимъ войнамъ, и т. д. А между тѣмъ заемъ пошелъ на расхватъ, и страна предложила правительству для поддержанія безконтрольной политики гораздо бо́льшую сумму, чѣмъ оно требовало. Это доказываетъ, что французская нація не способна ограничивать свое правительство, руководить его дѣйствіями».

Въ этихъ словахъ есть правда, хотя и странно ихъ читать въ органѣ, нѣкогда столь жестоко враждебномъ г. Бисмарку, а теперь покорно служащей его партіи.

Но вотъ органъ страны, гораздо болѣе компетентный въ дѣлѣ политическаго самоуправленія, чѣмъ Пруссія, — Тіmes, и тотъ говоритъ: «Ясно, что въ наличности много незанятаго капптала, и ясно, что даже новый заемъ въ 18 милл. фунтовъ, не поколебалъ довърія капиталистовъ». При этомъ, однако, англійская газета дастъ понять, что въ дѣйствительности цифры подписки можно сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что въ балансѣ банка не показано по счету казны 660 милл., которые должны были быть внесены въ залогъ.

Но едва ли высокая цифра подписки на заемъ, если она и дѣйствительна, можетъ быть принимаема за мѣрило довѣрія страны къ правительству. Курсъ выпуска займа (69.25) былъ выгоденъ сравнительно съ послѣдними курсами ренты (до 71). Нажить на 6000 фр.— 100 фр. самымъ легкимъ образомъ — достаточная приманка для спекулянтовъ. А какой парижсый буржуа́ не спекулянтъ? Что спекуляція или просто выгодность курса вынуска играла тутъ главную роль въ этомъ убѣждаютъ насъ и приведенныя въ докладѣ мпнистра финансовъ цифры: онѣ показываютъ, что главная часть подписаннаго капитала, около ⁴/₅, была подписана пменно въ Парижѣ (въ Парижѣ около 501 милл., въ провинціи около 109 милл. ренты).

«Обнліе сбереженій — хорошій знакъ», говорять оптимисты. Но «сбереженіе» можно въ иныхъ случаяхъ скорѣе назвать спрятаннымъ. Если капиталъ во Франціи прячется, боится предпріятій, особенно долговременныхъ, каковы всё большія промышленныя предпріятія, что капиталъ этотъ рѣшается только на быстрыя спекуляціи и потомъ опять прячется — это фактъ не подлежащій сомнѣнію. Во французскихъ журналахъ уже не первый годъ встрѣчаются обсужденія вопроса о такъ-называемомъ «прогулѣ милліярда» (la grève du milliard). Вотъ этотъ-то «гулящій», но прячущійся отъ производительнаго употребленія милліярдъ и отрядилъ отъ себя 660 милліоновъ въ залогъ подински на заемъ. Сумма же 25 милліярдовъ требованій значить не-

много; она болѣе всего свидѣтельствуетъ о жадности французскаго капитала къ наживѣ легкой, хотя даже и не особенно выгодною спекуляціею.

Выше мы назвали глашатаевъ торжества второй имперія «слугами» ея; мы сдѣлали это не изъ желанія употребить непремѣнно колкое выраженіе. Мы охотно сказали бы «приверженцы» второй имперіи. Но имѣетъ ли она искреннихъ приверженцевъ, создала ли она хотя бы партію, но партію дѣйствительно національную, а не бюджетную только? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать утвердительно. Мы видимъ, что «либеральная эра», открытая 19 января прошлаго года, и илоды ея: облегченіе постановленій о печати и правѣ сходокъ и т. д. до сихъ поръ привели только къ усиленнымъ заявленіямъ оппозиціи.

Новыйшіе факты именно въ печати показывають, что страна и династія все еще остаются связаны единственно силою; уступки со стороны правплельства не укрѣпляють его, а, напротивь, обращаются противъ него въ оружіе. Конечно, опповиція есть вездѣ; вездѣ есть и болѣе или мепѣе энергическіе оппозиціонные органы. Но едва ли найдется въ Европѣ другая страна, гдѣ журналисть, подобный Рошфору, не пробудивъ въ обществѣ никакой новой идеи, не открывъ въ существующей системѣ правленія никакого новаго недостатка, могъ бы, втеченіи самаго короткаго времени, сдѣлаться настоящимъ героемъ дня, просто смѣлостью выходокъ противъ правительственныхъ личностей. Этотъ и другіе подобные факты ведутъ къ предположенію, что во Франціи оппозиція есть дѣло національное, а не стремленіе слабѣйшей части народа.

Не одинъ «Фонарь» Ротфора воспользовался новымъ закономъ о печати для того, чтобы враждовать противъ самыхъ учрежденій, и вслъдствіе того подвергся строгости этого самаго закона. Втеченія всего двухъ недъль до Наполеонова дня, произнесено противъ разныхъ органовъ печати приговоровъ и принято административныхъ мъръ тринадцать (списокъ напечатанъ въ Temps). Почти по одной каръ въ день!

Тв изъ статей, подвергшихся карв, которыя намъ извъстны, дъйствительно одушевлены явно-враждебнымъ чувствомъ къ самымъ учрежденіямъ страны. Этимъ, само собою разумъется, мы не хотимъ сказать, что принятыя «укротительныя» мъры полезны и справедливы. Мы только констатируемъ фактъ, что уступки правительства обращаются не въ пользу ему, что если оно и попробуетъ быть либеральнымъ, то, въ виду явной вражды, тотчасъ же опять обращается къ преслъдованію.

Вражда проявляется не къ однимъ министрамъ, даже не къ одной личности императора, а ко всему, что принадлежитъ второй имперіи. На смотръ въ день св. Наполеона императоръ призвалъ въ первый

въстникъ ввропы.

разъ, кромѣ регулярныхъ войскъ, и національную гвардію, т. е. вооруженное буржуазію, тѣхъ самыхъ представителей собственности и порядка, которые въ 1848 году «спасли Францію отъ демагоговъ». Замѣчено было, что императорскій принцъ на этотъ смотръ явился не въ мундирѣ, и все это поняли такъ, что императоръ хотѣлъ представить своего наслѣдника буржуазіи. Но буржуазія, не смотря на то, что ее самое мундиръ обязывалъ къ оффиціальности, не привѣтствовала принца ожиданнымъ «восторгомъ».

Не только въ печати—и на площади проявляются эти несомивные признаки нерасположенія; еще громче, безцеремоннѣе, высказываются они въ школѣ. Юноши — современники принца, тѣ, надъ кѣмъ онъ готовится царствовать, въ присутствіи его выражаютъ, со всей запальчивостью своего возраста, влобу, еще конечно не сознательную, но инстинктивную. При раздачѣ наградъ въ Сорбоннѣ, ученики привѣтствовали съ восторгомъ молодого Кавеньяка, за то, что онъ отказался принять награду изъ рукъ невиннаго, но императорскаго принца. А голосъ дѣтей важенъ потому, что имъ выказывается сущность семейныхъ, интимныхъ, искреннихъ разговоровъ.

Слёдуеть ли думать, что французская буржуазія, которая изъ двухъ «спасителей общества» отдала предпочтеніе принцу Бонапарту, избравъ имя, объщавшее имперію — теперь раскаявается въ своемъ тогдашнемъ выборѣ?

Слѣдуетъ ли сказать теперь о Фрапціи то, что она говорила нѣкогда про Бурбоновъ: что они ничего не забыли и ничему не научились? Эти вѣчныя напомпнанія раздражительнаго прошлаго въ устахъ законодателей страны, эта живучесть «старыхъ партій», и эта популярность всякаго рода оппозиців—овначаетъ ли все это, что Франція неисправима, что она несостоятельна въ политической самодѣятельности, что на каждое облегченіе въ строгости полицейской дисциплины она смотритъ, какъ дѣти на звонокъ, возвѣщающій конецъ школьной натяжки, что духъ оппозиціи есть не что иное какъ спеціально-французское dénigrement?

Или Франція, если ничего и не забыла, то научилась кое-чему? Вотъ вопросъ, на который едва ли не приходится отвѣтить, что Франція ничею не забыла, потому что народъ забываетъ только собственныя, ясно-сознанныя заблужденія, а не нанесенныя ему обиды; но Франція ничему не научилась потому, что ей никогда не давали учиться. Съ самой той поры, когда политическое воспитаніе сдѣлалось доступно французскому обществу, оно было устранено оть воспитанія практическаго; вопросы рѣшались за него, рѣшались посредствомъ такихъ пріемовъ, отъ которыхъ масса или содрогалась или путалась.

Еслибы Франція чему-нибудь научилась, то будучи недовольна настоящимъ, она сознавала бы хотя одинъ возможный выходъ. Но этого-

то и нѣтъ. Всѣ европейскіе народы заняты какою-нибудь ясно-сознанною цѣлью, все равно раціональна ли она или нѣтъ. Спросите себя, чѣмъ пренмущественно занятъ любой народъ въ Европѣ, куда онъ прежде всего стремится — и вы тотчасъ отвѣтите себѣ на этотъ вопросъ. Одни заняты важнымъ внутреннимъ преобразованіемъ, другіе, къ сожалѣнію, менѣе заняты серьезнымъ дѣломъ, чѣмъ удовлетвореніемъ національнаго самолюбія. Но все-таки, у каждаго изъ нихъ ясна національная мысль.

Въ чемъ же заключается національная мысль, національное стремленіе Франція? На это не прінщешь отвѣта. То-есть, отвѣтъ навязывается самъ собою: Франція недовольна нынѣшнимъ положеніемъ; ей невыносимы и это стѣсненіе, и это среднее, ни на что не похожее положеніе между миромъ и войною; Франція стремится къ переминю. Но это — отвѣтъ неудовлетворительный. Чего же именно желаетъ Франція, къ какой перемѣнѣ стремится она, гдѣ ся прямой идеалъ, гдѣ привлекающій ее практическій путь для выхода изъ нынѣшняго состоянія? Несомнѣнно, что каждый народъ, какъ каждый человѣкъ, желаетъ себѣ лучшаго; но этого недостаточно: надо знать *ид*ю лучшее.

Прибавить въ розни порожденной революціями еще одну революцію? Число старыхъ партій увеличить еще одною партією бонапартистами, т. е. бывшими слугами второй имперія? Возстановить трижды изгнанныхъ бурбоновъ или орлеанцевъ съ ихъ парламентаризмомъ, основаннымъ на цензв и подкупахъ, съ ихъ силою въ спекуляціи и безсиліемъ въ политикѣ? Да неужели же все дѣло въ одной личности; вѣдь противъ господствующей временно партіи одной личности, точно также соединятся партіи остальныхъ претендующихъ личностей. Или попытаться въ третій разъ установить декретомъ въ парижской Думѣ республику, отъ которой дважды отреклись?

Но должно же быть — скажуть намъ — во Франціц внѣ партій личныхъ не малое число людей независимыхъ, искренно либеральныхъ, которые просто хотатъ мира и свободнаго развитія, въ какой бы то формѣ ни было; вѣрно они додумались до чего-нибудь. Смѣемъ увѣрить читателя, что и они додумались только до сознанія нестерпимости нынѣшняго положенія, а не до практическаго выхода изъ него.

Недавно происходила между двумя искренно либеральными органами въ Парижъ полемика; полемика, чуждая личностей во всъхъ отношенияхъ. Органы эти — газеты Temps и Réveil. Temps придумала нѣчто смутное, которое она называетъ «либеральнымъ сорзомъ;» что этотъ союзъ долженъ сдълать, покамъстъ не ясно; ясно только, что онъ долженъ служить новой силою для оппозиции. Réveil смъется надъ этимъ «союзомъ» и не безъ основания говоритъ, что массы не пойдутъ за «тощею говядиною парламентаризма» и тъхъ «необходимыхъ свободъ», которыми онъ готовъ удовольствоваться; что все это уже было, и не пустило корней и т. д. Тетря на это отвѣчаетъ: «Чтожъ, имѣетъ ли Réveil ключъ отъ двери? Пусть онъ покажетъ его намъ и мы скромно пойдемъ за нимъ.»

Ключъ отъ двери! Вотъ въ этомъ-то весь вопросъ во Франція. Замѣчательно, какъ иногда одно слово навязывается вдругъ общественной мысли, резюмпруя въ себъ смыслъ проходпмаго ею момента. «Дверь должна быть или заперта или отворена», пишетъ въ ту же минуту Шарль Мазадъ въ Revue des deux Mondes; «но у насъ нѣтъ ключа, чгобы дверь эту отворить или запереть: въ этомъ именно и заключается секретъ того положенія, и двусмысленнаго и безпокойнаго, въ которомъ п правительство и общественное мнѣніе тревожно глядятъ другъ на друга.»

Эта встрѣча двухъ разныхъ, но равно замѣчательныхъ органовъ въ тождественномъ выражении показываетъ, что оно навязалось имъ сущностью пынѣшияго положения дѣлъ.

Скоро ли найдетъ Франція «ключъ къ двери» — предвидѣтъ нельзя; но пока она будетъ заниматься поисками за нимъ, можно навѣрное сказать, что и Европа будетъ находиться въ состояніи напряженномъ. Если знаменитое изрѣченіе: «когда Франція довольна — міръ спокоенъ» и вмѣщаетъ въ себѣ долю риторскаго помпа, то всетаки можно сказать съ нѣкоторою увѣренностью, что пока Франція недовольна, Европа не можетъ быть покойна.

Намъ случилось выше упомянуть?о"народахъ, которые заняты серьезнымъ дѣломъ работы надъ самими собою и о тѣхъ, которыхъ отвлекаетъ отъ самопознапія и самоулучщенія самолюбіе національное. Англійскій народъ и народы составляющіе австрійское государство принадлежатъ къ первой категорія. Великобританія занята болѣе всего первымъ примѣненіемъ; своей избирательной реформы и устройствомъ отношеній къ Ирландіи. Народы Австріи впервые входятъ въ искреннюю систему самоуправленія и устройство взаимныхъ между ними отношеній дѣло хотя и успѣтно подвигающееся, однако еще неоконченное и серьезное до такой степени, что, повидимому, оно не должно было бы оставлять простора для какихъ-либо мечтаній.

Однакоже, недавно въ Въ́иъ происходило торжество, бывшее выраженіемъ именно мечтаній, національныхъ мечтаній австрійскихъ нѣмцевъ, отторгнутыхъ отъ Германіи, по утѣшающихъ себя провозглашеніемъ «неразрывности своей національной связи съ общимъ отечествомъ.» Конечно, никто не сомиѣвается, что связь, представляемая языкомъ и жизнью литературною пли аргистическою останется неразрывною, песмотря на вѣискій трактатъ. Гёге, Бетховенъ, Гумбольдтъ останутся общимъ достояніемъ нѣмцевъ. И худо было бы сѣверной Германіи, еслибы она порвала эту связь съ германствомъ австрійскимъ. Въ одной берлинской газетв мы встретили надняхъ замечание. что даже лучшие бельлетристы свверной Германии несутъ свои произведения въ столицы австрийскихъ журналовъ.

Но политическая связь порвалась совершенно и останется разорванною до тёхъ поръ, пока будетъ существовать австрійская имперія. Между тёмъ, въ рёчахъ, произнесепныхъ на празднествё стрёлковъ въ Вёнё, — празднествё, на которомъ присутствовали даже министры и которое посётилъ самъ императоръ — упоминалось объ иной связи, именно о связи политической, «объ общемъ національномъ чувствё» (Fühlung) и т. д. Даже одинъ изъ цислейтанскихъ министровъ, любимецъ вёнскаго бюргерства, первый бюргеръ-министръ, какъ онъ самъ себя назвалъ въ рёчи, въ красивыхъ, но нёсколько риторическихъ выраженіяхъ торжественно провозглашалъ какую-то общегерманскую связь, обнимающую и австрійскихъ нёмцевъ. Г. Гискра, еслибы его попросили опредёлить точнѣе, въ чемъ эта связь можетъ состоять при нынѣшнемъ положеніи дёлъ, вёроятно, затруднился бы дать такое опредѣленіе.

Другіе ораторы, собравшіеся со всёхъ концовъ южной Германіи, не будучи стёснены оффиціяльностью, не обязанные даже подчинять свои порывы условіямъ положенія собственно Австріи, говорили гораздо яснёе. Нёкоторые изъ нихъ даже упрекали г. Бисмарка въ недостаткѣ патріотизма. За то, что онъ оторвалъ сѣверную Германію отъ южной? Нётъ, за то, что онъ остановился на полиути и не забралъ и южную Германію въ созданное имъ единство! Долго упрекали нѣмцевъ въ нерѣшительности, медлительности, недостаткѣ почина въ политическихъ дѣлахъ. Но нашелся человѣкъ энергическій и вотъ, теперь оказывается, что большинство нѣмсцкихъ патріотовъ еще энергичнѣе его. Въ недостаткѣ почина этихъ южногерманскихъ политиковъ-стрѣдковъ также упрекать невозможно. Всего два года тому, какъ дѣйствія г. Бисмарка вызывали въ южной Германіи глубокое негодованіе; и вотъ теперь южные германцы уже жалуются, что онъ остановился на полиути!

Но какъ всѣ этп «турн-шюцен-и зинг-ферейны» въ свое время ничего не могли сдѣлать противъ г. Бисмарка, такъ вѣроятно имъ не удастся теперь и побудить его къ чему-либо.

Серьёзная сторона германской демоистраціи въ Вѣнѣ заключается не въ этомъ, а въ томъ, что она должна была неблагопріятно отозваться по ту сторону Лейты, да и вообще у всѣхъ не-нѣмецкихъ народовъ, входящнхъ въ составъ имперіи. Съ того времени, какъ пала германоримская имперія, народы Австріи слишкомъ много пострадали отъ того, что вѣнское правительство не хотѣло примириться съ фактомъ лишенія его власти надъ Германіею. Германская внѣшняя политика въ Австріи привела ее къ германизаціи внутри.

Понятно, что въ особенности ръчь Гискры, министра, должна была

вызвать неудовольствіе въ не-нѣмецкихъ народностяхъ Австріи. Неужели у Австріи мало своихъ собственныхъ задачъ, неужели средства и силы славянскаго большинства и мадьярскаго успѣха будутъ снова посвящаемы на достиженіе чуждой имъ цѣли? Органъ партіи Деака Pesti-Naplo сильно протестовалъ противъ самой мысли о такомъ отчужденіи дѣятельности имперіи, которая должна перестать считать себя нѣмецкою, такъ какъ реальный центръ силы ея находится, особенно теперь, уже положительно внѣ германства.

Канцлеръ бар. Бейстъ, въ нѣсколькихъ словахъ счелъ нужнытъ устранить это проявившееся недовѣріе. Увѣренія его, что Австрія не помышляетъ о возстановленін прошлаго и рѣшительно отказалась отъ будущности «германской», были совершенно необходимы. Замѣчательно, что хотя берлинскій оффиціальный міръ счелъ нужныть высказать по этому случаю удовольствіе, однако въ прусской печати нашлись о́рганы, которые отнеслись къ этому отрицанію будущности германизма для Австріи съ худо-скрытою досадою. Но развѣ мы были бы довольнѣе, еслибы г. Бейстъ сказалъ, что Австрія еще когда-нибудь «отмѣнить» Кенигсгрецъ и Никольсбургъ? А развѣ могла бы «германская» полисика Австріи имѣть иной смыслъ, какъ смыслъ прямо-непріязненный Пруссіи? Но въ томъ-то и состоитъ вредная особенность національнаго фанатизма. Ему бы хотѣлось, чтобы осуществленію требуемаго имъ единства не мѣшали, но въ тоже время не отказывались подготовлять ему въ жертву другія народности.

Что напіонализмъ вовсе не есть раціональный принципъ, а просто совокупность національныхъ, взаимно-противорѣчащихъ притязаній, это обнаруживается лучше всего тою опорою, какую націонализмъ видить для себя въ «историческомъ правѣ». Такъ, въ іюлѣ, на собраніи шведскихъ журналистовъ, рѣшено было печатать извѣстія изъ Даніи. Норвегін и Финляндіи подъ рубрикою «внутреннихъ». Правия. эта демонстрація только забавна; она напомянаетъ вопрось поднятый во французскомъ законодательномъ корпусв о томъ, чтобы препятствовать мысли панславизма, посредствомъ учреждения каеедръ нюскольких славянскихъ языковъ въ Парижѣ. Но шведская демонстрація" (хотя бы она даже ограничилась, какъ наивно уверяла St. Реtersbarger Zeitung — причислениемъ Финляндии въ Nebenländer, т. е. не къ сосъднимъ, а къ «соединеннымъ» землямъ) все-таки замъчательна, какъ одно изъ уродливыхъ проявленій націонализма. Шведы разсуждають такъ: Финляндія принадлежить намъ, потому, что она была покорена нами, хотя масса населенія въ ней не шведы; а русскимъ она не принадлежитъ потому, что она послю покорена ими. Націоналисты забывають, что историческое право-опирается на землю. а не на племя, и потому имъ служить не можетъ.

Принятіе англійскою палатою общинъ гладстонова билля объ от-

464

мѣненія протестантскаго учрежденія въ Ирландіи, пока еще не осуществило самой этой мѣры, но по общему убѣжденію произвело всетаки хорошій результать: представило Ирландіи ручательство, что въ Англіи измѣнились уже взгляды на естественныя отношенія къ соединенной съ нею странѣ.

Но недавно одпиъ случай, бывшій близъ Типперари, надѣлалъ въ Соединенномъ Королевствѣ не малую тревогу: нѣкто Скёлли, землевладѣлецъ, отличающійся жестокосердіемъ къ своимъ арендаторамъ, явился съ констеблями сбирать оброки и вмѣстѣ объявлять нѣкоторымъ фермерамъ, чтобы они убирались съ его земли, не собравъ даже хлѣба, который выростили на ней своими трудами. Нѣсколько выстрѣловъ, которые ранили самого Скёлли и, къ сожалѣнію, убили двоихъ констеблэй, пфревожили оптимистское настроеніе въ Англіи. Они должны бы припомнить ей слова одного изъ ея радикальныхъ ораторовъ, что корень ирландскаго вопроса не въ церкви, а въ землѣ, что революція была бы вредна самой Ирландіи, но была бы всетаки полезнѣе нынѣшняго положенія. «Ибо всякая революція въ Ирландіи прибавилъ тотъ ораторъ—отдала бы землю съемщикамъ-рабочимъ».

Впрочемъ, нынѣшней Англія надо отдать справедливость: она благоразумние всёхъ государствъ Европы. Мысль о вмишательстви въ европейскія дёла, о поддержаній своего международнаго авторитета она окончательно отбросила въ сторону и принялась за серьёзную работу: тронула все здание своей въковой политической системы. Ожиданія, которыми утёшали себя консерваторы, — что къ новымъ выборамъ не поспъють избирательные списки на основании реформы — не оправдаются. Правда, министерство нарочно спѣшить съ выборами: иарламентъ будетъ распущенъ уже въ концѣ октября (9 ноября н. с.) и выборы произойдуть ровно черезъ месяцъ (16 дек. н. с.). Но составление новыхъ списковъ ведется съ замѣчательной энергиею, самими заинтересованными въ дёлё избирателями. При составлении списковъ, практически возникъ вопросъ о правѣ женщинъ участвовать въ нихъ. Такъ какъ англійское избирательное право основано на цензѣ, стало быть есть право имущественное, то нать никакого юридическаго повода къ устранению женщинъ отъ пользования имъ. И действительно, сообщаютъ, что уже 1,200 женщинъ внесли себя въ сински. Мы еще возвратимся къ этому интересному вопросу, а теперь окончимъ нашу ричь на утишительномъ факти, что есть же страны, которыя не помышляють о захвать единоплеменниковь на основании склоненій и спряженій, а вырабатывають для всего человічества новыя, болфе человфиныя общественныя условія. Къ такимъ странамъ --скажемъ съ гордостью-принадлежитъ въ настоящую минуту и Россія.

ОЧЕРКИ И ЗАМЪТКИ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ БАРОНА Н. А. КОРФА.

(Отвѣтъ на «сообщенное» возраженіе.)

М. Г.

Приступивъ къ чтенію статьи, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» (августъ, 1868 года), мы сначала подумали, что авторъ ез совершенно незнакомъ съ условіями той мѣстности, о которой онъ ппшетъ; такъ, напр., оппонентъ нашъ (на стр. 834) утверждаетъ, будто бы «суслики исключительно (?!) водятся на толокахъ и оттуда дѣлаютъ набѣги на хлѣбныя поля»; что «такъ какъ крестьянамъ, на своихъ дачахъ, по отсутствію толочныхъ мѣстъ, придется истребить весьма немного (?!) сусликовъ, то, охраняя посѣвы свои отъ набѣга ихъ съ толокъ сосѣднихъ владпольцевъ, они должны волею неволею истреблять сусликовъ на владпольцевъ, они должны волею неволею истреблять сусликовъ на владпольцевъ, они должны волею неволею истреблять сусликовъ на владпольцевъ, они должны волею неволею истреблять сусликовъ на владпольцевъ, они должны волею неволею истреблять сусликовъ на владпольцевъ, они должны волею неволею истреблять сусликовъ на владпольцевъ, они должны волею неволею истреблять сусликовъ на владпольцевъ, они должны волею неволею истреблять сусликовъ на владпольцевъ, они должны волею неволею истреблять сусликовъ на владпольцевъ съ подвисью статьи; но мы прочли подъ статьей— «сообщено» и должны были убѣдиться въ томъ, что имѣемъ дѣло съ мъстною властью.

Авторъ возраженія утверждаетъ, съ цълью доказать, какъ въ Александровскомъ утадъ Екатеринославской губерній гг. землевладъльцы загребаютъ жаръ руками крестьянъ, что овражки плодятся «исключительно» на владельческихъ', т. е. овечьихъ толокахъ, отъ которыхъ по неволѣ должны отбиваться крестьяне. Въ отвѣтъ на это им позволимъ себф замфтить, что на степныхъ толокахъ овражковъ очень мало; что овражковъ всего более на выгонахъ, окружающихъ посёлки; что овражковъ очень много на пахатныхъ поляхъ и тъмъ болѣе, чъмъ мельче засѣянные участки, и что, наконецъ, на степныхъ толокахъ овражковъ всего меньше. Совершенно несправедливо также, будто бы въ Александровскомъ увздѣ «крестьянскіе надѣлы большею частью расположены такъ, что, връзываясь во владъльческія дачи, они окружены землями помъщиковъ»; если бы авторъ возраженія потрудплся хоть заглянуть на карту, то онъ бы убѣдился въ томъ, что къ сѣверу отъ рѣки Волчьей, къ востоку отъ ръки Яловъ и Кобыльной и къ югу отъ ръки Конской, т. е. въ большей половинъ утада совершенно нътъ землевладъльцевъ; прогулка по утзду могла бы удостовърить его въ томъ, что именно въ этой части увзда, гдъ помъщиковъ нътъ, овражковъ всегда больше; водно тутъ дёло не во владёльческихъ толокахъ, какъ представилось почтенному автору! Точно также совершенно несправедливо, будто бы

у н вмецкихъ колонистовъ «нюто» овражковъ, какъ утверждаетъ оппонентъ, вслѣдствіе какого-то «особаго способа веденія полеводства». У колонистовъ овражки есть, но ихъ мало, по той простой причинѣ, что до открытія земскихъ учрежденій тамъ истребляли овражковъ, не на бумань, какъ въ остальной части утзда, и потому, что равномфрность населения колоніальнаго участва значительно облегчаетъ борьбу съ врагомъ полеводства. Образцомъ исключительно бумажной дъятельности по уничтоженію вредныхъ животныхъ можетъ служить длинный перечень цпркуляровъ губернатора, содержание которыхъ излагается оппонентомъ нашимъ (стр. 829 - 833) в которые, съ открытіемъ земскихъ учрежденій въ Александровскомъ убздѣ, ни разу, ни на одинъ мигъ, здѣсь не осуществлялись на дълъ. Но, какъ бы то ни было, въ настоящемъ случав важно то, что на мелкихъ полевыхъ участкахъ, засвянныхъ хлъбомъ, всего больше овражковъ. Если екатеринославская администрація признаетъ себя гораздо болве насъ компетентною для того, чтобы говорить о хозяйственныхъ условіяхъ крестьянъ и количествъ овражковъ на различныхъ поземельныхъ угодьяхъ, то мы охотно уступаемъ ей пальму первенства; но мы позволяемъ себѣ надѣяться на то, что администрація не заявить притязанія знать положеніе крестьянскаго хозяйства лучше самихъ крестьянь. Поэтому, не вступая въ состязание, мы приведемъ подлинныя выражения протокола (Сборникъ постановлений апръльской сессія 1866 года, стр. 43), въ которомъ записаны слова гласиаго Гавриленко, крестьянина, настолько заслуживающаго дов рія, что онъ избранъ членомъ Алевсандровск. утзд. земской управы; въ протоколъ читаемъ: «Гласный Гавриленко доказываетъ, что уже потому справедливо обложить врестынские участки большею овражковою нормою, чтомь землевладольческие, что на первыхъ, по малости засвянныхъ пространствъ, овражковъ больше и сл'ёдовательно истребление ихъ легче и нуживе».... Гласный Миллеръ (также крестьянинъ) присоединяется къ заявленію гласнаго Гавриленко.... (стр. 42) «Докладчикъ коммиссии объясняетъ, что, по настоянию крестьянь, коммиссія припила въ заключению припять по иысли гласнаго Эмниха, регрессивное распредъление подесятинной овражковой пормы».... «Гласный Гончаровъ (священникъ, вѣроятно, нѣсколько болѣе автора возраженія знакомый съ бытомъ народа) соглашается съ принципомъ, положеннымъ коммиссиею въ основание составленнаго ею росписанія подесятинной овражковой нормы.... Глассный Біянтовскій (также священникъ) выражаетъ, что съ принципомъ объ уменьшении овражковой нормы, съ возрастаниемъ размъра поземельнаго владения, онъ согласенъ...» Вотъ, что гласитъ протоколъ, вапечатанный съ разрѣшенія губернатора и, вѣроятно, не безъизвѣстный и нашему оппоненту; но теперь, по возражению, оказывается, что всв крестьяне и духовенство, ихъ ближайшій защитникъ, обма-

467

Digitized BoGoogle

нуты Александровскимъ убзднымъ вемскимъ собраніемъ, такъ какъ на престъянскихъ поляхъ почти вовсе нѣтъ овражковъ; это открытіе сдѣлано защитникомъ екатеринославской администраціи, вѣроятно, съ цѣлью водворенія добраго согласія между различными элементами, входящими въ составъ всего сословнаго земства. Считая, однако, оскорбительнымъ для достоинства собранія защищать его отъ бездоказательныхъ нареканій, перейдемъ къ остальнымъ доводамъ, направленнаго противъ статьи нашей, возраженія.

Оппоненть доказываеть, будто бы землевладѣльцу въ 16,000 десятинъ земли обязательное истребление 5,000 овражковъ обойдется только въ 100 руб. сер., т. е. представляетъ, для него, самую ничтожную денежную повинность; но если это справедливо, то поимка въ течения мѣсяца лицомъ, владъющимъ 12-ти десятинами, 66 овражковъ,-представить денежную повинность до того ничтожную, что и вычислить ее невозможно, такъ какъ эта охота на овражковъ не отнимаетъ ни одного рабочаго часа и совершится между деломъ и вместе съ другимъ дѣломъ: ставить ловушки на овражковъ, даже выливать ихъ могутъ врестьяне во время посъвныхъ работъ, или дъти такого возраста, что никто не нанялъ бы ихъ ни за какую цену. Таково положение дѣла, пока требуютъ доставленья овражковъ натурою, но оно совершенно бы изибнилось, если бы установить денежную повинность для истребленія сусликовъ; понятно, само по себь, что регрессивная денежная повинность была бы столь же нелогична, какъ если бы ктонибудь изъ того, что Петръ Ивановъ, отъ 12-ти десятинъ, поймалъ за мѣсяцъ 60 овражковъ, вздумалъ выводить то, что другой Петръ Ивановъ будетъ имъть физическую возможность издовить 80,000 овражковъ, за одинъ мѣсяцъ, отъ 16,000 десятинъ земли. Для того, чтобы регрессивная овражковая норма не превращалась de facto въ регрессивную денежную повинность, необходимо установить штрафъ за всякій недоставленный овражковый хвость въ такомъ размізрі, который нёсколько разъ превосходилъ бы продажную цёну овражковаго хвоста. Впрочемъ, мы обращаемся со всеми этими разсужденіями къ читателямъ, а не къ автору возраженія, у котораго мы считаемъ совершенно излишнимъ обсуждение лучшихъ способовъ истребления сусликовъ земствомъ, такъ какъ администраціи не предоставлено по закону, при проверке постановления земства, вникать въ хозяйственную пользу мъстности; ея дъло блюсти за пользой государства и ненарушимостію закона; по той же причинѣ мы оставляемъ безъ отвѣта всѣ разсужденія автора возраженія о томъ, что лучше всего поступило бы земство, если бы установило денежный налогъ-видно, что по мивнио автора, въ народѣ много деневъ.

Мы понимаемъ, что можно пламенно желать отстоять свои убѣжденія, хотя бы самыя неправильныя; мы понимаемъ это, извиняя че-

лов'вческое самолюбіе до т'вхъ поръ, впрочемъ, пока оно не вредитъ д'влу. Но мы считаемъ сознаніемъ оппонента въ собственной слабости его стремленіе утверждать то, чею нютъ н исказить слова противника своего, не дописывая его р'вчи доконца. Съ сожал'вніемъ должны мы указать на подобные пріемы автора возраженія:

а) На стр. 829, утверждается, что обязательное истребление сусликовъ названо самимъ «собраниемъ» натуральною повинностию и ссылаются, при этомъ, на страницу 132-ю протоколовъ октября 1866 года. Между тѣмъ тщетно сталъ бы искать читатель на указанной, или иной страницѣ того, чтобы собрание называло обязательное истребление сусликовъ натуральною повинностию; такую неточность въ выраженияхъ читатель нашелъ бы на этой страницѣ только въ рѣчи одного изъ гласныхъ, съ которымъ собрание не согласилось.

6) На стр. 829, авторъ возраженія доказываеть, что «постановленіе Александровскаго собранія признано недъйствительнымъ лишь (?) по отношенію къ тъйъ дъйствіямъ администраціи, которыя должны бы быть вызваны этимъ постановлевіемъ, если бы оно вошло въ силу». Между тъмъ изъ текста отзыва г. Екатеринославскаго губернатора, В. Д. Дунина-Борковскаго, напечатаннаго въ мартовской книгѣ Въстника Европы видно, что, кромѣ того довода, который признается нынѣ нашимъ оппонентомъ, было направлено противъ постановленія собранія еще два другихъ, о которыхъ теперь умалчиваютъ и что губернаторъ призналъ недѣйствительнымъ все (NB.) постановленіе собранія, а не только ту часть его, въ которой говорилось о содѣйствіи администраціи къ истребленію сусликовъ, согласно распоряженіямъ собранія.

в) Оставляя безъ отвѣта вопросъ, обращенный къ намъ авторомъ, не станемъ-ли мы отрицать «невольное усердіе врестьянъ въ истребленін сусликовъ» на нашихъ собственныхъ поляхъ, какъ гораздо болве игривый вопросъ, чёмъ идущій къ дёлу (на бёду г. оппонента именно поля нашихъ бывшихъ крестьянъ не окружены владъльческими толоками, а касаются ихъ лишь съ одной стороны, самой узкой), мы не можемъ не указать на слѣдующее обстоятельство. На стр. 836 приводится авторомъ возражения выписка изъ протокола, доказывающаго, что гласный Гнёдинъ предлагалъ предоставить истребленіе сусликовъ администраціи съ тімъ, что заплатять деньги за истребление тв, на земль которыхъ будутъ истреблять овражкокъ, какъ «паціентъ платитъ медику, если онъ ему нуженъ». Послѣ этого выписываются слова, нами произнесенныя, но опускается конецъ рѣчи, вслёдствіе чего и самая рёчь теряеть сиысль; пропущено авторомъ возраженія изъ моихъ словъ: «есть медики, которымъ платятъ деньги и которые не дѣлаютъ польвы паціентамъ; наконецъ леченіе медиками нами испытано и настала пора полечиться самимъ». Исказить

слова противника и сочинить за него другое, еще не значить убѣдить публику, къ которой авторъ обращается. Повидимому, нашъ опнонентъ считаетъ вполнѣ состоятельнымъ то предложеніе почтеннаго гласнаго, которое мы находили несбыточнымъ п едва-ли не выводитъ изъ словъ г. Гнѣдина того, что г. Гнѣдинъ, будто бы, не довѣряетъ дѣятельности земскихъ учрежденій по борьбѣ съ овражками. Поэтому считаемъ долгомъ заявптъ, что г. Гнѣдинъ принадлежитъ къ числу самыхъ усердныхъ слугъ земства; что онъ состоитъ въ числѣ участковыхъ попечителей по уничтоженію овражковъ земствомъ, н что г. Гиѣдинымъ же представлено въ управу о томъ, что становой приставъ, по предписанию начальника избернии, отказалъ г. Гнѣднну, какъ попечителю, въ содъйствія понудить недонмщиковъ къ истребленію овражковъ, т. е. къ исполненію постановленія чрезвычайнаго февральскаго собранія, оставленнаго безъ протеста и созывавшагося для обсужденія октябрскаго протеста губернатора.

Г. начальникъ Екатеринославской губерния, В. Д. Дунинъ-Борковский, пропустивь семидневный срокъ, въ отношении отъ 23 февраля 1868 года, сообщилъ управъ, будто бы чрезвычайнымъ собраніемъ разъяснено, что истребленіе сусликовъ необязательно, и что, поэтому, онъ не считаетъ возможнымъ «поручать полиціи принятіе какихъ-лпбо принудительныхъ мфръ по пстреблению сусликовъ». Межау тёмъ, изъ рапорта Александровской утздной управы въ правительствующій сенать, состоявшагося вслидствіе означеннаго отзыва губернатора, видно, что чрезвычайное февральское собрание, обсудивъ протестъ, установило, какъ и прежнія собранія, обязательное истреблепіе сусликовъ. Управа, жалуясь на прямое противодъйствіе начальника губерии постановлению собрания, вошедшему въ законную силу, называетъ разсужденія губернатора о томъ, «что сознаніе каждымъ своей собственной пользы заставитъ каждаго, и безъ нонужденія, исполнить распоряженія управы — ироніею надъ успліями земскихъ учреждений въ борьбѣ со зломъ».

Изложеніемъ вышеуказанныхъ фактовъ мы отвічали на слова нашего оппонента, которыми онъ старается убѣлпть читателей въ томъ, что губернаторъ не отказывалъ въ содъйствін къ уничтоженію земствомъ бича Александровскаго уѣзда. Опасеніе, выраженное нами въ мартовской статьѣ, что протестъ губернатора помѣшаетъ усиѣху истребленія, подтверждается корреспонденціею («Спб. Вѣд.», № 206), объ авторѣ которой мы не имѣсмъ ни малѣйшаго понятія, и изъ которой публика узнаетъ, что распоряженія администраціи были, отчасти, причиной тому, что истребленіе сусликовъ минувшей весной производилось весьма слабо, отчего, въ нѣкоторой мѣрѣ, и произошелъ общій неурожай яровыхъ хлѣбовъ. Но этими указаніями вопросъ для насъ не исчерпывается; намъ бы хотѣлось найти ключъ къ тому, ка-

Digitized by Google

470

кями соображеніями руководятся: 1) оставляя безъ протеста два постановленія и протестуя противъ третьяю повторенія неопротестованныхъ постановлений, и 2) оставляя вновь безъ протеста четвертое повторение два раза неопротестованнаго и одинъ разъ опротестованнаго постановленія... и, въ то же время, предписывая полиціи не оказывать содъйствія къ псполненію резолюціп собранія, вошедшей въ законную силу?... Мы находных ключъ къ этой загадет въ следующихъ строкахъ разсматриваемой статьи: «Въ Полож. о земск. учр. (ст. 6) говорится, что законъ опредъляетъ случан и порядокъ, въ которыхъ дъйствія и распоряженія земскихъ учрежденій подлежатъ утвержденію и наблюденію общихъ правительственныхъ властей, а въ ст. 90 и 92 означено, по какимъ именно предметамъ постановленія земскихъ собраній требують на приведеніе ихъ въ исполненіе согласія правительственной власти. Постановленія Александровскаго собранія пе принадлежать къ числу тіхъ, кон указаны въ вышеприведенныхъ статьяхъ 90 и 92 Полож.; онъ могутъ лишь вызвать, по ст. 9 Полож., пріостановленіе исполненія пхъ, еслибы признаны были противными законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ. Останавливать подобныя постановленія есть право, но никакъ не обязанность (!!!) правительственныхъ властей предъ земскими учрежденіями и считать, что постановленія собраній, не пріостановленныя ими въ исполненів, получають силу закона, нють никакого основанія».

Мы видѣли, что нашъ оппонентъ нисколько не затрудияется объяснять, что еслибы губернаторъ усмотрѣлъ что-либо противузаконное въ постановлении собрания, то онъ имълъ бы право поступить по собственному усмотрению — протестовать или неть. Воть до какихъ заключеній можетъ увлекать полемика! Эта новая теорія, признающая за губернаторомъ одни права и непризнающая за нимъ обязанностей, выводится изъ 9 статьи Полож.; но упускается изъ виду, что въ той же стать в сказано, что въ «порядки и срокахъ такого распоряжения соблюдаются правила, указанныя въ ст. 94, 95 и 96 сего Положенія». Въ статъ в 94 говорится: «если отзыва въ эти сроки не послъдуетъ, то постановленія собранія считаются получившими согласіе начальника пубернии»; что всякое постановление, а не только поименованныя въ ст. 90 и 92, требуетъ согласия начальника губерніи (перечисленныя въ этихъ статьяхъ требуютъ согласія губернатора, выраженнаго словами; на всъ прочія постановленія губернаторъ выражаеть согласие молчаниемъ своимъ въ течение семи дней, со дня представленія ему протокола), доказывается 1) тёмъ, что по ст. 93 «вст» постановленія, «безь замедленія», представляются губернатору и 2) тёмъ, что, по ст. 9, «всякое» постановление, а не только перечисленныя въ ст. 90 и 92, можетъ быть признано имъ недъйствительнымъ, въ семидневный срокъ. Доказывать, что право на протестъ есть только

право, а не обязанность; доказывать, что отсутствіе протеста, въ узаконенный срокъ, не исключаетъ возможности противоръчія и противодъйствія постановленію, по истеченія этого срока — значить доказывать, что можно спорить противъ того, на что уже изъявлено согласие, по буквальному выражению 94 ст. Полож. о земск. учр. Въ такомъ точно смыски разъяснено дело г. министромъ внутреннихъ делъ Екатеринославской губернской управѣ, что должно бы быть извѣстно и на-Шему оппоне⊾ту; г. министръ разъяснилъ, что даже ходатайства не изъемлются изъ контроля губернатора и что по ходатайствамъ о предметахъ, вѣдѣнію земскихъ учрежденій не подлежащихъ «необходимо (NB.) слъдовать указаніямъ ст. 9, 94 и 95, т. е. необходимо, для губернатора, протестовать въ семидневный срокъ и считать постановление подлежащимъ дальнъйшему производству и состоявшимся, если срокъ пропущенъ (ст. 94). Если же допустить толкование закона, представленное авторомъ возраженія, то можетъ не оказаться, на практикѣ, ни одного постановленія, исполненіе котораго было бы зарантировано: состоялся ли протесть во-время, или нѣтъ, а достаточно личнаго усмотрвнія его превосходительства, хотя бы и три года послв неопротестованнаю постановленія, для того, чтобы препятствовать его исполнению, если бы его превосходительству, по истечении этихъ трехъ лётъ, повазалось, что постановленіе несогласно съ закономъ, и это право губернаторъ сохраняетъ за собою на неопредъленное время. Но не проще ли въ такомъ случав просить о томъ, чтобы всякое постановление подписывалось губернаторомъ въ знакъ согласия и было недвиствительно безъ этой подписи, и чтобы уничтожили статью закона, предоставившую земскому самоуправлению действовать самостоятельно (ст. 6)?

Мы далеко не исчерпали всёхъ доводовъ; возражения, такъ какъ желали только указать на характеристическия особенности его, существенныя для дёла. Что же васается главнаго вопроса о правѣ земсвихъ учреждений на самостоятельное истребление вредныхъ животныхъ, то онъ уже ръшенъ, какъ извъстно, новъйшимъ закономъ, дозволившимъ не только обложение десятины извъстнымъ числомъ убитыхъ сусликовъ, но и привлечение всёхъ сословий въ натуральной повинности, для борьбы съ врагами полей, подъ угрозами пени за неистребленіе ихъ. Привътствуемъ этотъ новый знакъ довърія и расположенія высшаго правительства къ земскимъ) учрежденіямъ и отъ души желаемъ того, чтобы вездъ и мъстная администрація послёдовала, наконецъ, примъру и неоднократнымъ указаніямъ высшаго правительства. BAP. H. 20P05.

Алевсандр. увздъ Екатеринослався. губернін.

КРИТИКА

I

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВЪСТІЯ.

АВГУСТЪ.

Русско-ливонскіе акты. Russisch — Livländische Urkunden, собранные К. Е. Напьерскима. Изданы Археографическою коммиссіею. С.-Пб. въ типографія Имп. Акад. Н. 1868. Большое in quarto, 462 стр. Цёна 2 р.

Понски за документами по исторія западной Россін долгое время не касались пункта, воторый быль подь рукою, именно рижскихъ архивовъ. Архивы эти, издавна помѣщенные въ каменныхъ зданіяхъ, сохранили отъ пожаровь и иныхъ гибельныхъ случайностей множество документовъ относящихся къ періодамъ отдаленнымъ. Заслуга разработки этихъ архивовъ принандежить К. Е. Напьерскому. Первое сочинение его о ливонскихъ летописяхъ явилось въ 1824 году. Въ 1829 году онъ былъ опрекысевь въ Ригѣ директоромъ училищъ и съ тъхъ поръ занимался до самой смерти разработкою тамошнихъ архивовъ. Одною изъ главныхъ его работъ было собрание болѣе 200 документовъ на русскомъ, нижне-нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, относящихся къ исторіи Лефіяндін. а между прочимъ и отношеній Лифляндін и Ганзы къ Россіи. Документы эти онъ кументами.

нашель частью въ архивё рижскаго магистрата, а частью добыль изъ мёстнаго дворянскаго архива, въ которомъ есть собраніе списковъ Кёнигсбергскаго архива.

Въ этотъ сборникъ, г. Напьерскій велючилъ нѣсколько грамать, уже прежде напечатанныхъ, но важныхъ для смысла сборника или же напечатанныхъ прежде въ неудовлетворительномъ видь. Приготовивь этоть сборникь, Напьерскій, по соглашению съ академикомъ Куникомъ, прислаль его въ Петербургъ, для дальнъйшей обработки и напечатанія, а А. А. Куникъ передаль эту рукопись Археографической коммиссіи. При этомъ, почти всѣ русскіе подлинники и старинныя коціи, съ потерянныхъ оригиналовъ, Напьерскій также прислаль въ Петербургъ. Коммиссія съ древнёйшихъ изъ нихъ сдёлала литографическіе снимки и издала ихъ сперва. отдѣльно, въ 1857 году («Граматы касающіеся до сношеній свверно-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV ВББЪ»).

Теперь коммиссія издала весь сборникъ Напьерскаго, дополнивъ его еще нъсколькими документами.

Изъ документовъ, напечатанныхъ въ этомъ сборникъ, къ XII-му въку относится собственно только грамата новгородскаго князя Ярослава Владиміровича, въ древне-русскомъ спискъ. Эту грамату, на которой годъ не обозначенъ, по имени упоминаемаго въ ней посадника (Мирошка Нердиничъ) относять ко времени 1189-1199. Въ ней излагаются постановленія древнъйшаго мирнаго договора Новгорода «съ всъин Нѣмьцвыми сыны, и съ Г-ты (готландцы), и съ всемь Латиньскымь языкомь». Въ договорѣ опредълены пени за обиды и т. д. Въ сборникъ есть документы связанные съ именами Александра Невскаго, брата его Ярослава Ярославича новгородскаго, князя Герлена литовскаго, князя Изяслава полоцко-литовскаго, и князя смоленскаго Өедора Ростиславича.

Къ ХІУ-му вѣку относится нѣсколько рус-СКИХЪ рамать, изъ которыхъ важна грамата неизвъстнаго до сихъ поръ полоцкаго православнаго епископа Іакова (относится въ дъламъ торговымъ) и одна челобитная, поданвая витебскому князю Миханлу Констаптиновичу. также неизвъстному досель. Къ ХІУ-му же въку принадлежать документы, въ которыхъ проявляются сношенія съ Ригою Литвы. Къ исторіи Полоцка и великаго княжества литовскаго относятся многіе изъ документовъ XV-го стод., воторыхъ въ сборникѣ болѣе сотни. Наконецъ, документы XVI-го в. относятся преимущественно въ отношеніямъ между Ливоніею и государствомъ Московскимъ. Есть нѣсколько граматъ Бориса Годунова.

Большая часть документовъ, вошедшихъ въ составъ сборника, писаны па нѣмецкомъ языкѣ, именно на plattdeutsch, который употреблялся въ орденѣ меченосцевъ; такихъ граматъ-167. Нельзя не пожалъть, что коммиссія, въ число дополненій къ работъ Напьерскаго, о которыхъ она говоритъ, не сочла нужнымъ помѣстить русскаго перевода этихъ и латинскихъ документовь; особенно затруднительны для чтенія документы, писанные на нижне-германскомъ наръчін. Сборникъ назначенъ для спеціалистовъ-это такъ, и мы не принадлежимъ въ числу усердствующихъ, вопіющихъ объ изданіи на казенный счеть каждаго иностраннаго слова, но вѣдь и для спеціалиста, для не-нѣмца, этотъ тексть plattdeutsch составить немаловажное затруднение. Даже близкаго знакомства съ лнтературнымъ нёмецкимъ языкомъ недостаточно прочтены съ внтересомъ и не-спеціалистами.

для уразумѣнія этихъ документовъ. Пусть уж коммиссія, «дополнившая» работу Напьерскага оставила безъ перевода всѣ оглавленія и кон ментаріи его, т. е. существенную часть все работы; но издать безъ перевода на непонят номъ и для встхъ спеціалистовъ-не-нтацева языкъ значительно-большую часть всего сбор вика — непростительно ¹).

Въ приложеніяхъ къ сборнику помѣщены торговый договоръ смоленскаго князя Мсти слава II Давыдовича съ Ригою и Готландовъ другой торговый договоръ смоленскаго (ненэвѣстнаго) внязя съ Ригой и Готландомъ и пе речень актовъ, съ распредфленіемъ ихъ по владъніянъ и государствамъ, къ которынь онъ относятся. Академикъ Куникъ, при провърочныхъ работахъ, нашелъ въ связкъ древнѣйшихъ договоровъ Смоленска съ Ригою в Готландомъ нѣсколько пергаментныхъ списковъ съ граматы Мстислава Давыдовича (торговаго договора) и напечаталъ текстъ ся въ няти спискахъ, съ комментаріями также на итмецкомъ языкъ; другая изъ приложенныхъ бъ сборнику грамать также открыта г. Куникомь.

О капиталъ и трудъ невещественномъ в (ихъ зпачении и положении въ политической экономін. Д-ра Владислава Рикера. Переводъ сь чешскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. Щемова. С.П.Б. 1868. 82 стр.

Извѣстный чешскій патріоть Ригеръ предпринялъ, въ 1850 году въ Парижѣ, написать «простонародное» сочинение о политической экономін на чешскомъ языкѣ. Но, когда онъ перечитывалъ авторовъ, ему показалось странно, что политическая экономія не признаеть значение богатствъ за невещественными дарами, и трудъ невещественный, за нѣкоторыми исключеніями, производительнымъ не считаетъ-Чешскій писатель попробоваль опровергнуть это мивніе, и вопросъ такъ увлекъ его, что витсто какого-нибудь параграфа популярной книги, у него вышло цѣлое, впрочемъ небольшое, разсуждение, нѣчто въ родъ сывау, которое онъ и напечаталь.

Политическая экономія досель во многихь свопхъ частяхъ наука - умозрительная, даже

¹) Замѣтниъ, что въ числѣ этнхъ нѣмецияхъ граматъ многія, судя по оглавленію, были бы

вука однихъ «опредѣленій». Опредѣленіе такве легко опровергнуть, какъ легко его сдъать — и все это одинаково безполезно. Здісь се зависить оть словь, и даже серьёзнаго разитія во взглядѣ, хотя и часто умозрительномъ, туть быть не можеть. Само собою разумъется, по труды Папена и Уатта следуеть признать в высшей степени производительными, хотя ни и не представляли непосредственнаго удометворенія потреблости. Но также, само собою разумъется, что трудъ скрипача можно признать производительнымъ только въ особонъ смыслѣ, а не въ тонъ, въ какомъ понимается производство богатствь прочныхъ, подижащихъ мънъ, имъющихъ неоспоримую и повсемѣстную цѣнность.

Небольшое разсужденіе д-ра Ригера, напримѣръ: трудъ безспорно не производительвый, потому что онъ ровно ничего не прибавляеть къ тому, что известно, кромъ развъ цитать (совершенно лишнихъ) изъ нѣкоторыхъ почти забытыхъ авторовъ. Въ этомъ разсуждени сперва протестуется противь отрицания производительности труда, напр. проповѣдниковъ, а въ заключеніе протестуется противъ уравненія результатовь такихъ трудовъ съ результатами труда матерьяльнаго. Г. Ригеръ хочеть, чтобы трудъ проповѣдника, который спасаеть душу, быль сочтень производительвымъ, но не хочетъ, чтобы онъ подлежалъ обцимъ законамъ о распредълении богатствъ. Но въ одномъ отношени подобное уравнение не отрицають ни сами проповѣдники, ни писатели, нартисты: всв они стараются получить за свой трудъ какъ можно большій гонораръ, и знають, что цённость ихъ труда зависить отъ отношения спроса къ предложению, точно также, какъ цѣнность всякой услуги.

Въ названной брошюръ примъчательнъе всего мысли переводчика, г. Щеглова. Экономическое разсуждение г. Ригера онъ снаблилъ предисловіемъ, въ которомъ выражаетъ уввревность, что «славянское племя не погнбнеть». Затёмъ онъ подёлаль въ разныхъ мфстахъ выноски, въ которыхъ переводчикъ спорить съ переводимымъ авторомъ. Наконецъ, чъ-же дважды высказываетъ мысль, что «русскаго человѣка» и «славянина» не можетъ мовлетворить матеріялистическое воззрѣвіе міра романскаго и германскаго на невещественний трудъ, что и здѣсь славянское «міровоз- кое это дѣло, стараться надъ пашнею! Нигдѣ

зрѣніе» не можеть сложиться въ нѣмецкую рамку. Итакъ, нужно создать особую славянскую политическую экономію. Но только цусть почтенный комментаторъ Ригера и всѣ одномыслящіе съ нимъ и впередъ не забывають, что это будеть не наука, а именно только «міровоззрѣніе».

О сельскомъ хозяйствъ. В. Кренке. Гродна, 1868 г. 386 стр. Цѣна 75 к.

Авторъ соглашается съ сътованіями нашихъ теоретиковь сельскаго хозяйства, что «большинство нашихъ хозяевъ немудреные, что наши хозяева пе върятъ въ почвознаніе, называя это химизмомъ, что большинство нашихъ хозяевъ не охотно даже читаютъ сочиненія о сельскомъ хозяйствв». Все это върно, но намъ кажется иначе и быть не могло до сихъ поръ. Вспомнимъ, что еще очень недавно главнымъ элементомъ доходности въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ были вовсе не введеніе улучшеній, даже не практическое умѣнье, а просто — даровой, обязанный трудъ рабочихъ. Кчему туть теорія, когда, получивъ въ наслѣдство извѣстное пространство земли, можно было предоставить его самому себь, зншь бы только не разстроивать хозяйства непомфрными долгами, и получать доходъ? машина была завелена слѣдовало только не трогать ее - пусть дъйствуеть. А не дъйствовать она не могла потому, что у этой машины была такая особенность: въ составъ ел колесъ и пружинъ входили и рабочіе.

Это положение дёла измёнилось. Но до сихъ поръ сельскихъ хозяевъ самый фактъ этой перемѣны занимаетъ едва ли не больше, чѣмъ изыскание средствъ къ отстранению неизовжныхъ произведенныхъ ею потрясений. Когда только-что потрясена вся система обработки, когда рабочихъ надо искать, надо имъ платить, когда часто платить нечъмъ, а иногда и управа съ рабочими трудна, — многіе ли хозяева сохранили довольно спокойствія духа, чтобы дѣлать тв опыты съ свменами, какіе рекомендують теоретики, между прочими и г. Кренке.

Надо надъяться, что этоть періодъ временного паралича пройдеть, какъ прошелъ-увыперіодъ полнокровія на счеть рабочихъ. При-* дется взяться за умъ, стараться. И нелег-³

478

улучшеніе не вводится и не ощущается такъ медленно, нигді повороть къ дурному не разстранваеть діла такъ скоро, на столь долгій періодъ.

Свехъ того, нельзя не согласнться, что нёть такого дёла, въ которомъ равнодушіе къ теоріи было бы такъ извинительно, какъ именно въ дёлё сельскаго хозяйства. Это совсёмъ не то, что фабрикація. Въ предварительныхъ работахъ фабриканта есть только два пеизвъстныхъ: цёна нужнаго ему сырого матерьяла и спросъ на его продуктъ въ данное время, опредёляющій цёну этого продукта.

Само же производство все въего рукахъ и и втъ ничего естествени ве, что онъ такъ заботится объ улучшении его способовъ: онъ знаетъ, сколько ему можетъ принесть каждый рубль, затраченный на новую машину.

А между тёмъ, можно ли признать, что большинство нашихъ фабрикантовъ — «мудреные», что они очень слёдять за теоріею и гонятся за примёненіемъ всёхъ новёйшихъ изобрётеній? Нётъ, и иютъ главнымъ образомъ потому, что и у нихъ главный элементъ доходности—искуственный, какъ прежде у помёщиковъ. Какъ тё прежде извлекали доходъ на счетъ большинства, даровымъ трудомъ крестьянъ, такъ за нашихъ фабрикантовъ работаетъ не новое «мудреное» изобрётеніе механики, сколько изобрётеніе очень старое и вовсе не мудреное—высокій покровительственный тарифъ.

Но сельскій хозяинъ поставленъ относнтельно улучшеній въ положеніе гораздо менѣе благопріятное, чѣмъ фабриканть: сельскому хозянну неизвѣстны самыя условія его производства; онъ прежде всего — рабъ природы, и теорія можетъ только указать ему средства немного облегчить отъ рабства.

Мало того: тѣ познанія, умѣнье, которыя требуются отъ хозяина, чтобы примѣнять указаніе науки успѣшно, сами по себѣ гораздо важнѣе въ хозяйствѣ, чѣмъ все, что можетъ дать теорія. Возьмемъ примѣръ самый близкій; открываемъ книгу г. Кренке на страницѣ 67, гдѣ говорится о томъ на какой почвѣ, какую траву пригоднѣе сѣять. Здѣсь теорія, повидимому, всего болѣе можетъ дать указаній; но послушаемъ, что говорить она:

«Лисій хвоств считается однимъ (?) изъ лучшихъ и выгодиъйшихъ для свнокосовъ. Эта трава любитъ почву средияю качества, но сохраняющую въ себъ довольно влажности, туть она скоро растеть, на тощихъ же сухихъ лугахъ не родится. Тимооссоя тре са побитъ влажную иочву, все равно будеть ли ти глинистая, песчаная, или торфяная» и т. д. Полезица биваетъ разныхъ видовъ, растеть на всякой почвѣ, даже на мокрой и холодной.... Мятлими цвѣточное высокое растеніе, сѣно это съѣдлется коровами съ наслажденіемъ. трава растеть и на самыхъ мокрыхъ лугахъ.... Рейграсз или име, ничный костеря, высокая трава съ мягения, нѣъными листьями, сѣно изъ нея превосходно, но надобно косить ранѣе. Хорошо родится на глинистыхъ, сырыхъ почвахъ»....

Теперь, положимъ, вы желаете засѣять лугь, представляющій почву влажную. Которой же изъ этихъ травь по описанію вы отдадите предпочтеніе? Вы, конечно, попробуете посъять ихъ всѣ, и затѣмъ увидите, которыя взойдутъ лучше, тѣхъ и будете держаться далѣе. Стало быть научитесь вы всетаям только опытомъ. Теорія научитъ васъ только тому, что выгодно вообще, но не тому, что наиболѣе выгодно, именно для васъ, потому для этого всего важные знать совокупность условій нашего хозяйства. А если вы умѣете хорощо оцѣнить всѣ эти условія и знаете, которое изъ нихъ болѣе, которое менѣе важно, то сумма этого вашего знанія важнѣе для успѣха, чѣмъ всякая теорія.

Едва ли нужно оговариваться, что мы не отрицаемъ науки сельскаго хозяйства; практическій хозяинъ, вооруженный наукою, имѣеть, конечно, болѣе свѣтлый и широкій взгладь, не подчиняется рутинѣ, и только наука можеть въ самомъ дѣлѣ поднять сельское хозяйство цѣлой страны. Но мы сочли нелишнить указать на поверхностность тѣхъ упрековъ въ слѣпой нелюбви къ теоріи, которые наши теоретики расточаютъ нашимъ хозяевамъ и причины нѣсколько высокомѣрнаго отношенія не только первыхъ къ послѣднимъ, но и этихъ къ тѣмъ.

Мы увѣрены, что внига г. Кренке, между прочимъ, принесетъ пользу потому именно, что авторъ постарался избѣгнуть того именно, что для большинства хозяевъ дѣлаетъ сочиненіе по сельскому хозяйству «закрытоко книгою» — научныхъ терминовъ, иностранныхъ словъ, слишкомъ «большой учености», ссылокъ на разные параграфы, щедро расточаемихъ примѣровъ изъ практики англійской или бельгійской, наконецъ, постановки дѣла на слишкомъ большую ногу.

Онъ имъль въ виду собственно обыкновенное | Восточный вопрось и Болгарія, сочиненіе И. П. руссвое хозяйство и пріемы самые простые, и наставления свои формулируеть безъ всякихъ научныхъ поясненій. Нельзя впрочемъ не пожалъть, что онъ не включиль въ свою книжку главы хоть о простейшихъ земленельческихъ нашинахъ, и что средства мъстной типографін не позволили ему присоединить къ книгъ рисунки. Умъренная цъна книги какъ нельзя болье соотвътствуетъ популярному назначению изганія.

Участь раненыхъ и больпыхъ во время войны.

Соч. Ф. Затлера. 165 стр. Цена 20 к.

Рядомъ съ успѣхомъ изысканій по части возиожно-болье смертоносныхъ снаряловъ, человвчество съ нъкотораго времени стало пріисвивать средства для облегчения участи тёхъ, на комъ всѣ эти усовершенствованія получають примѣненіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ первая въ своемъ родѣ международная конвенція, бывшая въ Женевъ въ 1864 году, и такая же конференція, бывшая въ 1867 году, въ Парижв. Составились благотворительныя общества со спеціальною пѣлью оказывать помощь раненымъ и больнымъ во время войны. Въ Америкъ и Пруссіи эти общества организовансь въ большихъ размѣрахъ и въ послѣднія войны принесли въ самомъ дълъ большую пользу.

У насъ въ 1867 г. тоже учреждено такое общество, подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, изъ членовъ, которые вносять не менње 10 р. въ годъ или единовременно не менье 200 р., членовъ-благотворителей, соревнователей и т. п. обоего пола. Этому обществу, котораго уставъ недавно вышелъ въ печати отдъльною брошюрою, предоставлено, вслучаѣ войны, сноситься съ военнымъ министерствомъ ия образования санитарной части на самомъ театрѣ дѣйствій.

Печать со знакомъ этого общества мы нахоинь на книжив г. Затлера. Г. Затлеру приванежить несколько основательныхъ сочинепій по разнымъ отраслямъ военнаго хозяйства. Настоящее сочинение его интересно какъ по полноть сравнительныхъ сведений, собранныхъ шъ, объ устройствѣ санитарной части во время войны въ Пруссіи, Австріи, Франціи, Англін, Ссединенныхъ Штатовъ, такъ и по основательности разбора устройства и условій, спасенія раненыхъ и больныхъ во время кампаніи.

Липранди. Москва 1868, 139 стр.

«Надо быть на мѣстахъ и изучить всѣ условія края, чтобы получить понятіе о томъ, что пишуть»-такъ замѣчаеть въ одной выноскѣ г. Липранди. Г. Липранди, какъ мы узнаемъ изъ его сочиненія о Болгаріи, близко знакомъ съ Балканскимъ полуостровомъ; онъ провелъ тамъ десять лётъ. Но нельзя не усмотрёть изъ книгъ, что за Балканами онъ былъ давно. Такъ у него принимается все еще прежнее административное деленіе Турдіи и нёть ни слова о томъ, какъ отразились на Болгаріи новъйшія турецкія реформы; о церковномъ движении въ ней упоминается только вскользь и т. п. Сочиненіе это, повидимому, написано въ прошломъ году 1), по поводу попытовъ въ возстанію. Но для оценки степени серьезности этого возстанія у автора, очевидно, не было данныхъ. Онъ ограничивается въ этомъ отношеніи такимъ приговоромъ: «Я думаю, что если дъйствительно болгары задумали общее движеніе, то восточный вопросъ или, правильнѣе сказать, существование европейской Турции всевонечно можеть быть поколеблено.» Но изъ другихъ мѣстъ книги не видно, чтобы авторъ допускаль возможность этого если, и даже предвидълъ, отъ самой мысли о немъ, что-нибудь хорошее для Болгарін. Выпишемъ два мѣста, которыя характеризуютъ ктому же и общій образъ мыслей и языкъ автора: «Коль скоро притъсненія болгаръ (т. е. претерпъваемыя болгарами) доходили до Порты, всегда почти, чрезъ посредство отправленныхъ къ ней выборныхъ отъ возставшихъ, она удовлетворяла большею частію справедливымъ ихъ требованіямъ, и болгары, хотя всегда убъжденные, что рано или поздно они опять потерпять оть мёстныхъ властей тоже самое, возвращались къ мирнымъ, любимымъ своимъ занятіямъ, вовсе не помышляя объ избавлении себя отъ ига иновърныхъ, тольво одни гайдуки ихъ были всегда на стражѣ, чтобы истить за частныя притесненія ...»

Въ другомъ месть, авторъ разсуждаеть такъ:

¹) Непонимаемъ однако, какъ 1867 году можно было сказать, что греческое королевство имветь всего едва 800 т. жителей. Неужели автору неизвъстно о присоединения къ нему Іоническихъ острововъ? Да и безъ нихъ – цифра слешкомъ ниже современной.

«Ухищреніе процагандистовь нынѣшняго времени обратило главное свое вниманіе (sic) на то, чтобъ начинать съ религіозныхъ смуть, а потомъ преобразовать ихъ въ политическія ... » О комъ же это говоритъ авторъ? Объ Аши Буэ, Сипріенъ Роберъ, Ламартинъ, Сен-Маркъ Жирарденъ, Ройе и Бланки. Первые два такъ сказать классические писатели о Болгарии и такъ же похожи на революціонеровъ, какъ современникъ Лежанъ. Но и Ламартинъ едва ли оказался бы безбожникомъ и революціонеромъ, если бы вто бы то нибыло поставилъ ему вопросные пункты, кромѣ г. Липранди. «Въ послѣдніе 20 или 30 лѣтъ этѣ идеологи начали разсматривать и Болгарію съ этой (?) точки эрѣнія. Въ сочиненіяхъ своихъ они ловко умѣли прежде польстить народу, напоминая ему прежнюю его историческую славу, потомъ исчисляли его силу и средства,» и т. д.; «потомъ въ яркихъ краскахъ описывають его страдание подъ игомъ иновѣрныхъ, и наконецъ, указывають на возможность стряхнуть съ себя (?) это иго, избъгая всячески сочувствія единовѣрной имъ Россіи, стремиться къ самостоятельности.»

Что туть стоить «избъгая сочувствія Россія,» это только деталь, а дъло въ томъ, что г. Липранди помянутыя попытки писателей называеть: «уче́ніемъ антимонархическимъ» и хочеть заклеймить ихъ напоминаніемъ, что «впрочемъ, такъ начали и энциклопедисты.»

Итакъ, если турецкое правительство «большею частію» удовлетворяло справедливыя желанія болгаръ, и они тотчасъ же успокоивались, то очевидно, нельзя ожидать, да не слѣдуетъ и желать, чтобы нынѣшнее болгарское возстаніе «всеконечно поколебало» «восточный вопросъ»; тѣмъ болѣе, что дѣло это прямо «антимонархическое», да и затѣяли его въ Болгаріи, повидимому, только какіе-то иностранцы - идеологи, вдобавокъ — безбожники и сыновья энциклопедистовъ.

Стало быть, сочиненіе это—курьёзъ, думаеть теперь читатель; оно во всякомъ случав не безъ курьёзовъ, но еслибы оно было только курьёзъ, то мы и упомянули бы его всего двумя словами. Но дѣло въ томъ, что средн этихъ въ высшей степени оригинальныхъ сужденій, изложенныхъ неменѣе оригинальнымъ языкомъ, который достоннъ впредь носить наименованіе «Липрандіевскаго», въ курьезной этой книгъ

видно въ самомъ дѣлѣ близкое знакоиство с мъстностью и народами, и этнографичен указанія заслуживають даже особаго внимый только новыхъ фактовъ нътъ и точныхъ цефи быть не можеть. Интереспо описание физіоно мін народностей: болгаръ, босняковъ, алон цовъ, румыновъ; въ ссылкахъ и приводимыт подробностяхъ видно полное знакомство с людьми и мѣстностями. Но все это перепу тано вмѣстѣ съ курьезнѣйшими соображе ніями. Такъ, напримѣръ, въ числѣ затру неній для предполагавшейся (по слуху, в 1867 г.) гарибальдійской экспедиціи въ Турци авторъ приводитъ то, что гарибальдійцы в пути къ Румыніи «не найдуть ни мессияских! апельсина, или неаполитанскихъ макарона, бел чею Италіянець немыслимъ». Однако г. Лиг ранди вѣдь мыслилъ же объ итальянцѣ п тешествующемъ въ то мѣсто, и даже отряцаеть возможность его успъха безъ «анельсинь и макаронъ».

Поэтическую сторону въ сочинени г. Лепранди представляють отихи Хераскова и изтрополита Платона.

Повторяемъ однако, что книга г. Липрандя, несмотря на всѣ эти приправы, заслуживает внимапія, какъ показаніе очевидца, хотя Г бывшаго въ описываемой имъ странѣ давно. Въ ней есть нелишенные интереса свъзви для этнографіи и военной исторіи, особевно въ отношении албанцовъ, народа едва и ванменње обследованнаго изъ всехъ обитающихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Краткій очербь исторіи Болгарін авторъ доводить только 10 разрушенія болгарскаго царства Святославонь кіевскимъ; почему онъ остановился на этоль фактѣ — непонятно. Г. Липранди порядочно свысока относится къ гъмъ свъдъпіямъ, баби есть уже въ наличности о дѣлахъ христіянъ подвластныхъ Портъ. Въ началь своей книч, онъ даже говоритъ такъ: «Полагаю въ настоящее время не будетъ излишнимъ ознакомить общество съ Болгаріей и Болгарами, тель 60лѣе, что изъ всего до днесь писаннаго видно неточное познание врая и его обитателей (!)». Такая надутость совсёмъ неумѣстна въ авторѣ книги-почти брошюры, которой значительная часть наполнена вещами не идущни къ дѣлу, а остальная хотя представляеть очеркъ нелишенный интереса, но далеко ве

48

гакой богатой литературь, какъ литература о Гурціи, восточномъ вопросв и проч. Авторъ, напримѣръ, напрасно думаеть, что никто еще не касался вопроса объ отношеніяхъ между низшимъ, національнымъ духовенствомъ и высшимъ, фанаріотскимъ, въ Болгаріи. Мало того: хотя «изъ всего до днесь писаннаго видно неточное познаніе края и его обитателей» и хотя «публицисты западной Европы мало, а иногда и вовсе не знакомы съ христіанскими областями Балканскаго полуострова», --- однако утѣшительно видѣть, что хотя тоть же Сипріенъ Роберъ, причисленный авторомъ къ «идеологамъ» составляеть исключеніе, такъ какъ одну изъ самыхъ интересныхъ частей своей внижки, именно очеркъ прежнихъ возстаній болгаръ, г. Липранди почти буквально взялъ у Сипріена Робера, не считая даже нужнымъ оговорить это позаимствование.

А. Большаковъ. Романъ въ двухъ частяхъ Н. Д. Кошкарова, 173 стр. Цѣна 1 р.

Это одно изъ разсужденій, написанныхъ на тему: какъ можетъ русскій человѣкъ быть дѣльнымъ человѣкомъ, и виѣстѣ «убрасить свою жизнь». Цёль туть, какъ видите, дёльная, даже дъловая, и еслибы все сочинение на эту тему было изложено въ той формѣ, какъ обыкновенно пишутся разсужденія на заданную учителемъ тему, то вышло бы нѣчто неоспоримо дѣловое и серьезное: оказалось бы, сь достаточною убѣдительностью, что русскій человѣкъ можетъ исправно проходить службу, принося на оной посильную пользу; если же сердце его не лежить къ строгой дисциплинъ, то онъ можетъ служить по земскимъ учрежденямъ, предполагая, конечно, что подходитъ въ цензу; наконецъ, онъ же можетъ содъйствовать «кл. развитію общественнаго мнѣнія» и опять-таки служить, но уже служить столномъ такого миѣнія въ своей провинціи. Оказалось бы также, что дельная женщина можеть отпрыть пансіонъ и тёмъ удовлетворпть свое стремление въ независимости, такъ какъ ужъ время такое, что мужчина долженъ быть «развитой», а женщина «заявлять» стремление къ независимости. Оказалось бы, съ неменьшею убъдительностью, что эти мужчина и женщина могуть соединиться бракомь, что де противно ни законамъ, ни дѣльности, и тогда имъ легче будеть «служить» общественному мнёнію, ко- і ніямь, можно принесть посильную пользу.

торое мужъ будетъ развивать въ кабинетѣ, жена за чайнымъ столомъ...

Все это изложено и въ романѣ Н. Д. Коп карова «А. Большаковъ», могло бы быть точн также изложено и въ романъ А. Большаков «Н. Д. Кошкаровъ». Но форма романа, пре данная разсужденію, только вредить его убі дительности. Чувствуешь, что для романа тут какъ-будто чего-то не достаетъ. Впрочемъ, дл литературной оцѣнки достаточно выписать пер выя строки: «Вы, навърное, думаете, что глан ное мое желаніе состоить въ томъ, чтобы узнаті въ какомъ положении находится весьма важ ное для меня дёло о наслёдстве моемъ посл покойнаго мужа (а № дѣла?), но я имѣю дру гую цёль писать къ вамъ нёсколько иначе чъмъ дълала это до сихъ поръ...».

Воспоминанія и впечатлбнія. Стихотворенія Александра Висконти. Спб. 1868 г., 100 стр Ц. 65 коп.

Поэтъ, хотя и носитъ знаменитую италіян скую фамилію-русскій, и именно-кавказскії офицеръ. Стихотворенія посвящены сослужив цамъ. Причина обнародованія во всеобщее свѣдъніе стишковъ, писанныхъ въ видъ посланії знакомымъ и т. п. – не объяснена. Впрочемъ почему г. Висконти пишеть стихи, это ясно:

«Ты знаешь, прозой объясняться Давно терить я не могу. Я лишь минуту стерегу, Чтобъ только къ случаю придраться И листиковъ четыре, пять Любимой риемой навалять».

Г.^зВисконти «навалялъ» не четыре, а пятьдесятъ «листиковъ», что вовсе не удивительно такъ какъ онъ уже давно терпѣть не можетъ прозы. Прибавных, что пушкинскимъ ямбомъ онъ пишетъ бъгло, предпочитая даже и риомы брать именно у Пушкина.

- Г. Висконти разочарованъ:
 - «Что служба наша --- только бремя,
 - Подъ часъ и старшихъ произволъ;
 - Я прослужилъ златое время
 - И пустоту во всемъ нашелъ».

Г. Висконти мы совътовали бы прочесть романъ «А. Большаковъ» Н. Д. Кошкарова; онъ бы увидѣлъ, что далеко не все пустота, и что на службѣ, хотя по земскимъ или инымъ учрежде-

48

. . . Digitized by Google

А г. Кошкарову посовѣтовали бы мы пронесть «Воспоминанія и впечатлѣнія» г. Висконти; онъ могъ бы позаниствовать «сдѣся» какъ пишетъ г. Липранди см. выше), нѣкоторую негкость формы. Только пусть пропустить стихи:

«Въ родномъ Петрополѣ холодномъ, Разстался съ коимъ я едва», и т. д.

Георія счастья. — Врачъ н его пацієнты. Двѣ естественно-научныя лекцін доктора Пидерита. Переводъ Н. Вейнберга. Спб. 1868, in-16°. 77 странницъ.

Книжечку эту можно назвать спекулятивною голько потому, что она, очевидно, спекулиуеть на свое прилагательное: «естественнозаучныя». Научною ее нельзя назвать: это просто болтовня человѣка, знакомаго съ медициною. Но болтовня эта неглупая: содержаніе жой книжки состоить изъ двухъ недурныхъ рельетоновъ на темы: о счастьи и объ исторіи иедицины. Кромѣ неизбѣжныхъ при подобныхъ зазмышленіяхъ общихъ мѣсть, что «ни одинъ неловъкъ не долженъ до конца своей жизни)ТЧАЯВАТЬСЯ ВЪ НЕСЧАСТЬИ, ТАКЪ КАКЪ ВЪ НЕучастьи лежить зародышь его новаго счастья», и что «богатый обжора, привыкшій утолять голько-что зарождающійся голодъ самыми изыжанными блюдами, не имбеть никакого понягія объ удовольствін, съ которымъ цоденьщикъ всть свой хлѣбъ послѣ тяжелой дневной работы»; въ брошюркъ этой есть и върные взгляцы, и парадоксы болье оригинальные, болье изящные. Мивніе автора объ «американскомъ направления въ жизни, выражается словами, которыя онъ влагаетъ въ поучение американца сыну: «Сынъ мой, колоти деньги! Гдъ возможно - честнымъ образомъ; но во всякомъ случав колоти деньги!>

Общій выводъ автора тотъ, что каждый самъ производитель своего счастья: «Счастіе не есть подарокъ случая, но необходимая награда, не психологическая загадка, но физіологическая необходимость; счастіе распредѣляется съ непогрѣшимой строгостью и правильностью за-

кона природы.» Взглядъ на исторію медицина интересенъ для непосвященныхъ, но филиппика автора противъ популярныхъ медицин скихъ книгъ, которыя, однакоже, однъ распро страняютъ правильныя понятія хотя бы о ги гіенъ, обнаруживаетъ увлеченіе врача по про фессіи.

Мессіада. Сочинскіє Клопштока. Перевель сти хами Сергій Писаревь. Въ трехъ частяхи С.-Петербургь, 1868 г. 2 тома, 864 стр. Цівн 4 рубля.

Перевесть стихами «Мессіаду» — трудъ не маловажный. Переводчикъ исполнилъ его до бросовѣстно; но стихъ его нерѣдко ослабляетс дѣепричастіями и вообще тяжелыми формам языка. Языкъ не всегда правиленъ; напр. гы голъ «сопутствовать» у него управляетъ вини тельнымъ падежемъ; даже прилагательныя жег скаго рода не вездѣ согласованы. Впрочем это ошибки исправимыя и не уменьшающі вѣрности перевода.

Исторіц чешскаго народа. Сочинскіє В. Толки Переводъ съ чешскаго, подъ редакцією І Яковлева. С.-Петербургь, 1868 г. Одинъ томи 398 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненіе В. Томка представляеть скор' учебникъ, назначенный для чеховъ; чёмъ кри тическую, самостоятельную разработку пред мета. Исторія Чехіи доведена зд'ась до даро ванія Австріи конституціи 1860 г. Для уразј м'анія нын'ашняго отношенія чешской націс нальной партіи къ в'анскому правительству зд'ась н'атъ матеріадовъ. Книга переведена в удовлетворительно.

0 ноземельномъ налогъ. Соч. В. Лебедева. С.-Пе тербургъ, 1868 г. 153 стр. Цъва 85 к.

Это-монографія собственно теорін поземен наго налога, съ прибавленіемъ основаній дл введенія его въ Россіи. Авторъ имѣлъ въ вид содѣйствовать рѣшенію одного изъ вопросом разсматриваемыхъ коммиссіею, которой пору ченъ пересмотръ нашей податной системы.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

tschichte der Jahre 1860 bis 1867, von Eduard Arndt. Erster Band. Leipzig. 1868. 352 crp.

Посябднія восемь я́ъть исторіи Европы предавляють черту, которая связываеть ихъ въ но цѣлое, отдѣляя ихъ отъ предшествовавихъ періодовъ. Года эти составляють эпоху, которую принципъ національностей въ Евпѣ изъ децентрализующаго обращается въ игрализаторскій; преобладающій характеръ ого періода — объединеніе.

Вь исторін нынѣшняго столѣтія мы должны анчать въ массахъ двоякія политическія ремленія: стремленія народныя и стремленія ціональныя. Народъ, въ смыслѣ общества акдань, стремится къ освобожденію гражвской личности и къ самоуправленію въ обствѣ. Это мы называемъ стремленіями надными. Стремленія національныя заключаются стараніяхъ передѣлать политическую карту масно съ мыслью, что каждая національсть должна имѣть отдѣльное политическое цествованіе и что предѣлы національнаго ударства должны быть не тѣспѣе этнограческихъ предѣловъ національности.

Цъть нужды говорить, что одни стремленія раго рода дъльны, реальны, потому что они воть цълью человъческое развитіе и мирс достиженіе возможно большаго и болье обто блага. Стремленія національныя опиотся только на индифферентномъ для блага ювъчества фактъ національной особности, прий съ каждымъ годомъ исчезаетъ и, наецъ, долженъ обратиться въ мноъ, — быть кеть къ тому самому времени, когда на ованіи его будетъ перекроена карта Европы аниоматическими ножницами, а при пои всего хирургическаго кабинета гг. Дрейзе, оспо, Круппа, Армстронга и т. д.

акъ называемый принципъ національностей самаго начала явился врагомъ стремленія ражданскому, общественному освобожденію. немъ еще посылаеть намъ послѣднее свое ю средневѣковая всесторонняя рознь. Поденная уравненіемъ сословій и сближеть народовъ во имя общаго прогресса, нная сила среднихъ вѣковъ явилась въ обіенной формѣ, опутала Европу новымъ ту-

Томъ У. -- Сентябрь, 1868.

маномъ; и вотъ Европа отвлекается отъ дѣла, истощая свои силы на исполненіе причудъ націонализма. И посмотрите на національности, какъ онѣ предъявляютъ свои несогласимыя, противорѣчивыя притязанія: точно такъ, какъ бароны-феодалы, онѣ ссылаются на историческое право, ставятъ выше общей пользы—принципъ крови, племени, на мѣсто законовъ развитія ставятъ фамильныя преданія... Тратятся силы, мало того — тратится кровь для серьезнаго дѣла перемѣщенія и перекраски заставъ; а между тѣмъ, прогрессъ несется впередъ по желѣзной дорогѣ и смѣется надъ этими безполезными заставами.

Было время, когда можно было ожидать отъ принципа національностей нѣкоторой пользы; это было именно то время, когда можно было видѣть въ немъ союзника для ослабленія слишкомъ сильныхъ централизаціею преградъ стремленіямъ къ гражданской свободѣ; когда націонализмъ обѣщалъ сдѣлаться въ политикѣ силою раздробляющею. Но этотъ періодъ, повидимому, прошелъ.

Вотъ въ томъ - то и состоитъ особенность періода, начавшагося съ 1860 года, что принципъ націонализма поступилъ на службу къ принципу сплоченія Европы въ громадныя, неизбѣжно - милитарный государства. Между освобожденіемъ Италіи въ 1853 году и объединеніемъ ся въ 1860 году, а въ особенности между изгнаніемъ австрійцевъ изъ Ломбардіи и захватомъ Шлезвига Пруссіею, а также и сплоченіемъ съвера Германіи въ прусское государство важный, многозначительный предълъ. На этомъ предълъ стоитъ годъ 1860. Вотъ достаточная причина начинать исторію новъйшаго періода исторіи Европы именно съ этого года.

Предлежащая внига посвящена изображению этихъ національныхъ споровъ и войнъ. Въ изложени спорныхъ вопросовъ авторъ является по возможности безпристрастнымъ. Впрочемъ, безпристрастіе его слѣдуетъ скорѣе назвать объективностью. Само собою разумѣется, что въ новѣйшей исторіи, исторіи періода переживаемаго, полнаго нерѣшенныхъ еще процессовъ и еще кипящихъ страстей объективный пріемъ

Digitized by G910gle

наиболье умъстенъ. Иначе, сочинение неизбъжно отвлонилось бы отъ своей прямой цёлипредставить исторію, вошло бы въ область политическо-полемической литературы.

Какъ оно есть, сочинение Аридта-полезная справочная внига, составленная съ достаточнымъ равновессимъ между полнотою фактовъ, точностью свёдёній и литературнымъ условіемъ — удобочитаемости. По изложенію она похожа на статьи сборника «Unsere Zeit».

Приведемъ изъ статън о приготовленіяхъ къ войнѣ 1866 года мѣсто, относящееся къ предварительнымъ соглашеніямъ между берлинскимъ и флорентинскимъ кабинетами, которыя недавно были предметомъ полемики, вслёдствіе сообщеній генерала Ламарморы:

«Прусскій кабянеть еще до заключенія Гаштейнской конвенціи, открыль переговоры съ Италіею, которой склонность къ двяжению на Австрию была ему извъстна, но потомъ прекратилъ эти переговоры. Теперь (въ февралт 1866 г.) онъ возобновплъ эти переговоры и итальянскій генералъ Говане отправняся, въ началъ марта, изъ Флоренціи въ Берлинъ, какъ говорилось, для ознакомления съ прусскими военными учрежденіями, но въ дъйствительности для подготовленія на случай нужды союза противъ Австрін и необходимыхъ соглашеній относительно взаниных действій. Итальянскій министръ-президентъ, генералъ Ламармора сообщиль парламенту, что правительство предвиить важныя событія и готовится къ нимъ. Пруссія не ожидала отъ итальянской арміи, въ настоящемъ ея, еще несовершенномъ устройствъ, не смотря на храбрость войскъ, большихъ успеховъ, но для нея было чрезвычайно важно отвлечь диверсією со стороны Италіи значительную часть австрійскихъ военныхъ силъ».

Это мнѣніе, высказываемое писателемъ, расположеннымъ въ пользу Пруссін, несогласно сь нынѣшними увѣреніями прусскихъ газеть, будто прусское правительство, гораздо раньше объявленія войны, условилось съ итальянскимъ, чтобы войска короля Виктора-Эмманунда шли на Дунай; если прусское правительство не ожидало большихъ успѣховъ для итальянскихъ тренній политическій вопросъ.

войскъ, то могло ли оно разсчитывать, что пойдуть на Дунай?

Относительно другого таниственнаго п та-вопрось о томъ, были ли прежде этой во соглашенія между кабинетами берлинских тюльерійскимъ, были ли сдёланы первымъ рому хотя бы неясные намеки о возможно территоріяльныхъ уступовъ за его нейтре теть — Арндть умалчиваеть. Попытка Дру: де-Люн потребовать такого вознагражде послѣ войны, является у него какъ бы неос ванною ни на чемъ предшествовавшемъ. допастить трудно; подобныя притязанія об новенно не заявляются внезално, ни съ т ни съ другого. Друзиъ-де-Люн, какъ извѣс поплатился министерскимъ мѣстомъ за эт неуспѣхъ; еслибы все дѣло ограничилось легь не подготовленною заранье и не настойчно попыткою-какъ полагаетъ авторъ-то едва бы министръ былъ смѣненъ. Гораздо вѣроятя что прусская липломатія слівлала въ свое вре объщанія, а потомъ не сочла нужнымъ всв нить ихъ; иначе, едва ли бы Франція оста лась нейтральною, или допустила бы сов Италія съ Пруссіею.

Само собою разумвется, что если въ че у автора проглядываеть некоторое не обы тивное увлечение, то это въ оптенкъ предус трвній, распорядительности, энергіи и пр г. Бисмарка. И не одни нѣмцы смотрать ни на прусскаго министра, какъ на нѣчто еще I бывалое по всеобъемлемости его концепи Такъ прежде смотръли на Наполеона Ш. европейскомъ обществъ все еще очень сни потребность въ предметахъ для культа.

Въ книгъ Арндта посвящено нъсколько ницъ и исторіи внутренняго развитія Рос для которой періодъ 1860 — 1867 года 6 важнее, чемъ для какой-либо страны, да возвеличившейся Германіи. Зд'всь Арнать Л выходить изъ своей роли объективнаго л ствователя и рѣшаетъ вопросы, которын нась еще никто практически и не занный Такъ напримъръ, онъ ставитъ и ръшаетъ

· Digitized by Google

М. Стасюлевичь.

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ө. БАЗУНОВА

На Невскомъ Проспекть, № 30.

Въ теченіе августа вновь поступили слѣдующія книги:

- ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ. Теоретич. и практич. изслъдованія В. Безобразова, І. Актовые налоги. Спб. 1868 г. Цэна 1 руб. 50, съ перес. 1 руб. 80 к.
- СВОДЪ РЪШЕНИЙ Кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и разъясненныя ими законоположенія. Изд. Я. И. Утина. Двѣ части. Спб. 1868. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 40 к.
- СВОДЪ СУЖДЕНИЙ И ПОСТАНОВЛЕНИЙ Земскихъ собраний о земскихъ повинностяхъ. Составилъ С. А. Ольхинъ. Спб. 1868. Цъна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.
- МОНАСТЫРСКИЙ ПРИКАЗЪ. (1649 1725 г.) Опыть историко-юридическаго изследованія, свящ. М. Горчакова. Спб. 1868 г. Ціна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.
- УХОДЪ ЗА ДЪТЪМИ физіологическій и нравственный. Сост. преимущ. для родителей А. Комбъ. Пер. съ англійскаго 9-го изданія Д. Кляркъ, изд. 2-е, Спб. 1868. Пъна 1 руб., съ перес. 1 руб. 30 к.
- КУРСЪ ГРАЖДАНСКАТО ПРАВА. Вотчинныя права. Соч. К. Победоносцева, т. I, 2 части. Спб. 1868 г. Цена 3 руб. 50 к., съ перес. 4 руб.
- О ПОГРЕБАЛЬНЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ языческихъ славянъ. Изсгедованіе А. Котляревскаго. М. 1868 г. Цёна 2 руб., съ перес. 2 руб. 40 к.
- ЗАМЪТКИ по средне-азіатскому вопросу, Д. И. Романовскаго, съ приложеніями и картою Туркестанскаго генераль-губернаторства. Спб. 1868 г. Цёна 1 р. 25 к., съ перес. 1 руб. 50 к.
- СБОРНИКЪ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 2-й. Спб. 1868 г. Цфна 2 р. съ перес. 2 руб. 30 к.
- МАДЬЯРСКИЙ ИСТОРИКЪ ВЛАДИСЛАВЪ САЛАИ и исторія Венгріи отъ Ариада до прагматической санкціи. Сост. Нилъ Поповъ. Сиб. 1868 г. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 30 к.

объявления.

КНИЖНАЯ ИНОСТРАННАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ Я. А. ИСАКОВА.

На Невскомъ Проспектъ, Гостиный Дворъ, № 24.

Въ теченіе августа вновь поступили слѣдующія книги:

PRADIER-FODERÉ. P. Nouveau droit international public. 2 vol. in 8, 1868, 4 p. 50 g.

ACTUALITÉS POLITIQUES, 1 vol. in 8, 1868. 1 py6.

BARNI. La Morale dans la Démocratie, 1 vol. in 8, 1868. 1 p. 50 K.

SIMON. La Politique radicale, 1 vol. in 8, 1868. 1 p. 50 K.

HOUSSAYE. (Arsène). Les grandes dames. II. Madame Venus, 1 vol. in 8, 1868. 1 p. 50 K.

CROUSSE FRANZ. Les Luttes de L'Autriche en 1866. Tome 1-r, in 8, 1868. 2 p. 25 g.

EN ORIENT, impressions et réminiscences, 2 vol. in 8, 1867. 6 py6.

KANITZ. Serbien. Historisch-Ethnographische Reisestudien, 1859-1868. 1 vol. in 8. 7 p. 60 g.

GASPARIN. La liberté morale. 2 vol. 1 p. 80 K.

FUNCK-BRENTANO. Sciences humaines. La Philosophie. 2 p. 25 E.

COURCELLE-SENEUIL. Liberté et Socialisme. 1 vol. in 8. 2 p. 25 K.

MOET DE LA FORTE MAISON. Les Francs, leur origine et leur histoire. 2 vol., 4 p. 50 k.

MASSA. Démétrius l'imposteur, 1601 - 1610. 2 p. 50 f.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Солгани: сочинский А. Гильфендинга. Сиб. 1868. Для тома: стр. 440 и 490.

Ва небольшой среда нашихъ знатоковъ литерауры а исторія народовъ славляскаго племени, ния А. О. Гильфердинга занимаеть, безь сомпѣнія, воченное жесто. Не ограничиваясь тёснымъ крусояз научныхъ изслідованій, онъ не пропускаль ни одного случая, чтобы не пысказаться по тому ала другому жавотревенущему вопросу политика, юторая выдерживала за посліднее время не мало невытаній и прошла не череть одинь фазись. По ю сихъ поръ имя А. Ө. Гильфердинга оставалось лолько же популярно, сколько трудно было имъть и рукахъ его труды, такъ какъ они являлись разлянно въ различныхъ изданіяхъ, Настоящее "Собрапіе сочиненій А. Гильфердинга" восполняеть тоть недостатокъ, и вмёсть соотвётствуеть, какъ нызя больн, тому серьезному нитересу, который бнаруживается из последнее время вы общестий ть изсл'ядованиямы исторія и литературы славянжихъ народовъ. Въ первомъ томѣ помѣщены: 1) Исторія сербовь в болгарь; 2) Карилль в Меодій: и 3) Обзоръ чешской исторія. Содержаніе порого тома составляють самыя разнообразныя татын по современнымъ славанскимъ вопросамъ, сань-то: Славянские народы въ Австрия и Турция, Развитіе народности у западныхъ славянъ, Вепты и Славяне, Ваглядь запалныхъ славянъ на Россію, Польскій вопросъ, и ми. др. Серьезное этношение къ предмету своихъ изслъдований и есьма положительныя и общирныя научныя свёдёнія автора обращали всегла внаманіе на его труна, вый всякой точки зрѣнія партій. Можно не соглашаться со многими его выводами, но нельзи не дорожьть произведеніями его пера и не признавать, что аги произведения обогащали бы пашу антературу, даже и въ томъ случаѣ, если бы она не была такъ скудна, какою мы се видимъ въ на-TOSBICC PRENE.

История міястнаго управлення въ Россия. Томъ І. Введеніе. Укадь Московскаго государства. А. Д. Гуандовскаго. Спб. 1868. Стр. 384. Ц. 2 р.

отношеній сословій къ государству и другь и другу. Выходи ниъ такой точки врінія, автор остановался превмущественно на исторія дворни ства и общань сельскихь и городскихъ, какъ важ изйшихъ составнихъ частей нашего древниго об ластного общества. Отдавля справедливость тру долобію автора и его начитанности, ви опасасмо: что основная вдея его произведенія приведет его къ простому котриперству, во вредъ истини вітъ никакой причини бояться видъть въ на инхъ земскихъ упрежденіяхъ — новкй успіхъ за размо-свропейской плинаназація; даже это обстоя топоталенное родство съ нашинъ дрекним містимиъ управленіенъ.

Уходь за датьии физiологический и правственный Составл. преимущественно для родителей А Комбъ. Перев. съ англ. 9-го изд. Сиб. 1868 Стр. 322. Ц. 1 р.

Мы считаемъ необходимымъ приготовлять себ заблаговременно для всикаго діла, более или ме ите важнаго, запасаться свъденіяни, справляться но въ уходъ за детьми, въ этопъ случав, самом важномь изъ всёхъ, госполствуеть рутина, и боли шниство родителей считаеть это скорье далом няньси и сормилицы, нежели своимъ собствен нымъ. Книга Комба, имъвшая огромный услъх въ Англін, принесеть не мало пользы для буду щихъ покольній, если родители пъ труду рождат афтей присоединать небольшой трудь прочесть т эдравыя в простыя начала, которыя изложены в этой книгь, по поводу воспитания датей, кака фи зическаго, такъ и правственнаго. Въ этомъ случа: всего чаще встричается пеонытность и, скажем прямо, круглое невѣжество, и трудъ Комба ме жеть весьма содийствовать из установлению здри выхъ началъ въ такомъ важномъ предметь, как воспитание будущаго человѣка.

Справочная книга для судостроителей, инжено ровъ, архитекторовъ и заводчиковъ, служаща пособіемъ для составленія спесификацій, смѣти производства техническиха учетовъ. Состав. А. Прозоровыма и А. Рудыковскимъ. Сиб. 1866 Стр. 150 и чертежа. Ц. 3 р.

Намъ не встръчалось въ литературъ этого род: на русскомъ языкъ, что нибудь подобное настоя щей справочной книгъ, но тщательности ся вы полненія, изяществу рисунковъ и богатству сят дъній. Для спеціалистовъ, это взданіе—настоящі кладъ; желательно было бы, чтобъ опо послужия образцомъ всімъ налателяцъ подобныхъ трудовт вогорые, въ сожалівнію, у насъ случаевъ являются г

и жалкахъ спекулян

"ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

журналь истории, политики, литературы

выходить въ 1868 году, 1-го числа еженфолчно, отдёльными книгами, отд 25 до 30 листоръ: два мфояца составляють одинь томъ, около 1000 следоншесть томовъ въ годъ.

цъна подписки

СЪ ДОСТАНБОЮ И ПЕРЕСЫЛЕОЮ:

С.-Петербургъ в Москва Годъ, 15 руб. — Полгода, S руб. Губерија 16 " - " 9 "

За-траницу водовски пранимается только на годь, съ приложениеть их цёнё за туберніца, за пересылку по почтё въ бандеролахь: 2 руб. въ *Пруссио* и въ *Германио;* 2 лого зъ Бенгію; 4 руб. во Францію и Данію; — 5 руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалос-6 руб. въ Швейцарію; — 7 руб. въ Италію и Римь.

Городская подинска принимается, въ Петербуриз: въ Главной Конторѣ «Въстника Европы» (открыта, при книж. маг. А. Ө. Базунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по будиямъ отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздинкамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ Москевъ: въ книжномъ магазинъ И. Г. Соловьева. Нногородная и заграничная цойниска высыдается, по почтив, исключительно: съ Редакцію журнала «Вѣстникъ Европи» (Галерная, 20), или прямо въ Галетную Экспедицю С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіска лично обращаются въ иѣста, указанныя для городской подписки.

Подписывающіска лично въ Главной Конторф «Въстника Европы», для обелнеченія себъ правильной и своевременной доставки канжекъ, требують надачи билета, выръзаннаго изъ книгь Конторы журнала, а не книжнаю магазина, и съ помъткою дня выдачи билета.

Подниска безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) прилимется въ м'юстахъ, указанныхъ для городской подписка.

NB. Редакція отвичаеть за точную и своёвременную сдачу экземплярот вь Почтамть только предь тими, кто сообщаеть ей кумерь и часле масяца: име почтовой квитанціи, ими билета, выръзаннаго изъ книга Раськой Конторы «Въстника Европи».

Въ случий педостники Поттантовъ сданныхъ, ему въ порядкѣ эккенпларфеъ, редакція обябуется номедленно выслать повый заземнлярь въ замбиъ утраченниго поттов, но не иначе, какъ по предъявленія подинскиховъ свидътельства отъ мъстион Почтовой Контора, это требусаній пумерь книги пе былъ сисланъ на его имя нах Газетной Экспедица.

Желлющіе пріобръсти поликій экземиларъ «Въстипка Екропка- за 1962 гогь (четкаре тона: 8 руб. безъ доставки) обращаются въ Главную Контору журивал. – Гг. Иногородные – неключительно въ редакцію (Сиб. Глаериан, 20), съ приложеніств 1 руб. для пересылия годового экземиляра.

M. CTACOЛЕВИЧЪ

HEREICHER HEREICHER HEREICHER HEREICHER HEREICHER

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-ая.

ОКТЯБРЬ. 1868.

ПСТСРБУРГЪ.

ТНЕ NEW YORK ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 10-ая. - ОКТЯБРЬ, 1868.

НАТАНЪ МУДРЫЙ. — Драматическое стихотворение Лессинга, въ цаги дъйствихъ. – Первыя три дъйствия.

П. — ДАЧА НА РЕЙНЪ. — Романъ Б. Ауэрбаха, въ пятя частяхъ. — Часть первая, цяла первая. — IX - XII.

ДП. - РУССКІЯ КЛИКУШИ, - I-IV. - H. Прыжова.

522686A

ILDEN-TOUNDATIONS

. 4

1у. — МОЛОКАНЕ И ДУХОБОРЦЫ ВЪ УКРАИНЪ И НОВОРОССИИ (ХУШ-на выл), — I-У.—Причны бъгства изъ всъхъ концовъ Россія въ Украину; настроеніе умоль на Украинъ; переселеніе русскато раціонализна въ Укранну; молокане в духоборци из Харьковской и Екатеринославской губерніи: Силуанъ Колесниковъ и его преемпана; образъ жизни азовскихъ духоборцевъ; върованіе духоборцевъ и ихъ политически воззрѣнія.— 0. Ликанова.

У. — ДРЕВНЪЙШАЯ ПОВЪСТЬ ВЪ МІРЪ. — Древне-египетскій напррусь. — «Романь двух» братьевь». — В. В. Стасова.

УІ. – ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ 1870-го ГОДА. – Нерешенный копросъ. – L-Ш. – И. И. Колюпанова.

VII. — ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ВО ФРАНЦИИ. — Статья первая. — І. САРДУ. – П. БАРЬЕРЪ.

VIII. — ЕЖЕМВСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ. —

Виўт ченные Обозранць: Культурная сила церкви вообще, и у нась ва частноетн-Характерь послёднихь реформь въ духовныхь училищахь и окончательный ихъ резратать. — Выборное начало въ духовенствё, и вопрось объ обезпечении инстато духвенства въ связи съ состояниемъ нашнях финансовъ. —Новая брошюра о нашихъ финансахъ, вышедшая въ Лондонѣ, и мёры, предлагаемыя сю къ ихъ исправлению. — Проэкть особой «Кредитной Коммиссии».

Ипостганнок Овозръник: Разлядъ между общественными стремлениями в латными видами вравительствъ по вопросу о войнъ и миръ.—Новая программа «либеранной лиги» во Франціи, ся побъды и неудачи, императорскія и министерскія ръчи ак из противоръчія съ дъйствіями.—Междувародные конгрессы.—Франція и Пруссія преду судомъ Гизо. — Путешествія и ръчи врусскаго короля. — Индифферонтивать Антлія.— Результаты австрійскаго дуализма. — Итальянская опнозиція. — Пиришейскій полуостровъ.

IX. - НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМЪТКИ, - Хроника общественной жизни. - о -

Х. - НЕКРОЛОГЪ. - Егорь Петровичь Ковадевскій. - М. С.

XI. — КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВЪСТІЯ. — Іюнь. — І. Русская Литератик Военно-статиствческій сборнига на 1868 г. Ван. 2. — Сказалія князя Курбска Н. Устрадова. — Современные французскіе писателя: Дооза, Дома-сынъ, Ромфора.-Мальтусъ, Ошать о законт народопаселенія. — Мадьярскій историкъ Владиславъ Саны и исторія Венгрія отъ Ариада. Сост. Н. Поновъ. — Собраніе сочиненій М. Н. Загоскина. — Внучка нанцырнаго бозрина. И. П. Лажечинкова. — И. Иностранный Литература. Geschichte der deutschen Einwanderung in Amerika, v. Fr. Карр.

XII. - ОБЪЯВЛЕНИЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ. - Новыя канги.

Объявление о подпискъ на 1869 годъ прилагается особо.

НАТАНЪ МУДРЫЙ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ВЪ ПЯТИ ДЪЙСТВІЯХЪ*).

(1779 г.)

(Лессинга)

Introite, nam et heic dii sunt! Apud Gellium.

лица.

САЛАДИНЪ, султанъ. ЗИТТА, сестра его. НАТАНЪ, богатый еврей въ Іерусалимѣ. РЭХА, его пріемная дочь. ДАЙА, христіанка, живущая въ домѣ еврея, какъ собесѣдинца Рэхи. МОЛОДОЙ ХРАМОВНИКЪ. ДЕРВИШЪ. ПАТРІАРХЪ Іерусалимскій. МОНАСТЫРСКІЙ СЛУЖКА. ЭМИРЪ и МАМЕЛЮКИ Саладина.

Дъйствіе происходить въ Іерусалимъ.

*) Издавая въ русскомъ переводѣ въ первый разъ одно изъ капитальныхъ пронаведеній прошедшаго столітія, мы викли въ виду прежде всего восполнить пробъть въ нашей переводной литературі классическихъ произведеній, а викств познакомить бинже публику съ лучшимъ трудомъ того инсателя, о жизни и значеніи котораго мы имѣемъ въ виду помъстить вскорѣ спеціальное изслѣдованіе. Р. Гоше, издатель «Jahrbuch für Literaturgeschicht», полагаетъ, что самая фабула о Натанѣ Мудромъ заимствована авторомъ изъ «Декамерона» Боккаччіо (Х, З); но основная идея драмы вытекла изъ тѣхъ вопросовъ, которые въ прошедшемъ столѣтіи волновали современное поэту-философу европейское общество. Иго католичества породило, если можно такъ выразиться, отрицательную цивилизацію, сложившуюся изъ закоснѣлыхъ предразсудковъ, интаемыхъ невѣжествомъ массъ. Поэть удачно выбралъ мѣстомъ дѣйствія

Томъ V. - Октяврь, 1868.

Digitized by Google

•

ПЕРВОЕ ДЪЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ І.

Передняя комната въ домѣ Натана.

НАТАНЪ, только-что вернувшійся язъ путешествія.-ДАЙА его встрѣчаеть.

дайа.

Такъ! онъ и есть! ну, слава Богу, Натанъ, Что наконецъ-то возвратились вы.

НАТАНЪ.

Да, слава Богу, Дайа; но зачёмъ-же Ты прибавляешь—наконецъ-то? Развё Хотёлъ я, развё могъ вернуться раньше?— Вёдь отъ Іерусалима къ Вавилону Двё сотни миль, навёрно, надо сдёлать, Когда приходится, какъ мнё, съ дороги На право и на лёво заёзжать. Да и собрать долги — задача тоже Не легкая, и сразу не дается.

ДАЙА.

А между тёмъ какимъ несчастнымъ, Натанъ, Вы сдёлаться могли: — вашъ домъ....

НАТАНЪ.

Я знаю:

Мой домъ горѣлъ. Я слышалъ, и дай Богъ, Чтобъ больше нечего мнѣ было слышать.

Палестину, и моментомъ — эпоху крестовыхъ походовъ, когда католичество столкнулось лицомъ къ лицу съ магометанствомъ и іуданзмомъ; но на сценѣ происходитъ борьба просвѣщенія съ католичествомъ собственно въ западной Европѣ и въ XVIII-мъ столѣтіи. Въ теченіе XII-го вѣка Іерусалимъ принадлежалъ католичеству, а потому для драматура было возможно перенести католическія иден и борьбу съ ними на почву Палестини, вскорѣ послѣ того, какъ Саладинъ овладѣлъ Іерусалимомъ и выдержалъ счастливо борьбу съ Филиппомъ II, французскимъ королемъ, и Рачардомъ I Льванымъ-Сердцемъ, предпринимавшими въ 1190 году третій крестовый походъ. — Ред.

дайа.

Едва до тла онъ не сгорѣлъ.

НАТАНЪ.

Что-жъ, Дайа! Мы новый-бы построили себѣ — И даже болѣе удобный.

ДАЙА.

Правда — Но въдь едва съ нимъ не сгоръла Рэха! Она была на волосокъ отъ смерти.

НАТАНЪ.

Сгорѣла? — Рэха? — Дочь моя сгорѣла? Нѣтъ, этого я не слыхалъ. Тогда-бъ мнѣ Не нужно было никакого дома. На волосокъ отъ смерти! — Ты скрываешь! Ея ужъ нѣтъ! — она совсѣмъ сгорѣла! — Высказывай, высказывай мнѣ прамо: Убей меня; но долѣе не мучь.. Она сгорѣла?

дайа.

Еслибъ такъ случилось, Не отъ меня-бы вы узнали это.

НАТАНЪ.

Зачёмъ-же ты меня пугаешь. — Рэха! — Моя родная Рэха!

ДАЙА.

Рэха — ваша?

НАТАНЪ.

О! еслибъ снова отвыкать пришлось мнѣ Отъ мысли называть ее своею....

въстникъ европы.

дайа.

Итакъ, своимъ считаете вы все, Что но такому-жъ праву вамъ досталось.

НАТАНЪ.

Ничёмъ я не владёю съ большимъ правомъ. Все остальное даръ природы, счастья, Но тутъ я добродётели обязанъ.

дайа.

Какъ дорого приходится платиться За вашу доброту; — и доброта-ли, Что дѣлаютъ съ подобной цѣлью?

НАТАНЪ.

Съ цѣлью?

Съ какой-же цёлью?

ДАЙА.

Совѣсть, Натанъ, совѣсть!

НАТАНЪ.

Постой-ва, Дайа, слушай; дай сперва Поразсвазать тебё....

дайа.

Я говорю вамъ

Про совѣсть.

НАТАНЪ.

Ну! какую для тебя Матерію купилъ я въ Вавилонѣ! Богатство, вкусъ! едва-ли даже Рэхѣ Я лучшую привезъ.

ДАЙА.

Тавъ что-же въ этомъ? — Разъ навсегда я вамъ должна сказать, Что дольше совъсть усыплять не въ силахъ...

• НАТАНЪ МУДРЫЙ.

НАТАНЪ.

Хотѣлось-бы мнѣ видѣть, какъ тебѣ Понравятся мои подарки, — право, Я выбраль для тебя въ Дамаскѣ серыги, Кольцо, цѣпочку, пряжку.

дайа.

Вотъ, какой вы! Вамъ только-бы дарить, дарить-бы только!

НАТАНЪ.

Бери мои подарки такъ радушно, Какъ я тебъ даю ихъ — и молчи.

дайа.

Молчи! — Да вто-же сомнѣвался, Натанъ, Что честны вы, что вы великодушны? — И все-тави....

НАТАНЪ.

И все-таки я жидъ! Вёдь это ты сказать хотѣла? — Правда?

ДАЙА.

Вамъ лучше знать, что я сказать хотела.

НАТАНЪ.

Такъ и молчи.

дайа.

Молчу. — Но если что Отъ этого случится, и чего Перемѣнить, чему сопротивляться Я не могу, не въ силахъ, — то падетъ На васъ-же.

НАТАНЪ.

На меня. — Но гдё-же Рэха? — Да правду-ль говоришь ты? — Ей извёстно, Что я вернулся? 497

дайа.

Разъясните сами: — Еще она отъ страха не очнулась, И ей огонь рисуется во всемъ, Чѣмъ занято ея воображенье. Во время сна въ ней бодрствуетъ душа, Въ минуту пробужденья засыпаетъ. Она подчасъ безпомощнѣй ягненка, Подчасъ сильнѣе ангела....

НАТАНЪ.

Бѣдняжка!

Что? — всв мы, — люди?

дайа.

Ныньче воть лежала Она съ закрытыми глазами долго, Какъ мертвая; но вдругъ приподнялась И закричала: «Чу! — идутъ верблюды! — Чу! — милый голосъ моего отца!» — Потомъ глаза опять открылись. Руки Поддерживать головку перестали — И снова на постель она упала. Я поскоръй бъгу къ дверямъ — и что-же? Гляжу, вы въ самомъ дълъ возвратились.... Но что мудренаго? — ея душа Была все это время только съ вами — Да съ нимъ.

НАТАНЪ.

Да съ нимъ? а съ въмъ-же это?

ДАЙА.

Съ нимъ,

Который спась ее....

НАТАНЪ.

Но кто-жъ онъ? — Гдѣ онъ? — Кто спасъ мнѣ Рэху? —

ДАЙА.

Молодой храмовникъ.

• НАТАНЪ МУДРЫЙ.

Онъ плѣннымъ привезепъ сюда недавно, И Саладинъ помиловалъ его.

НАТАНЪ.

Храмовникъ — и султаномъ не казненный? — Да, — чудо меньшее мнѣ не спасло-бы Мое дитя. О! Господи!

ДАЙА.

И если-бъ

Онъ не рѣшился жертвовать отважно Своею жизнью, только-что снасенной, Ея не стало-бы.

НАТАНЪ.

Но гдё онъ, Дайа? Мой честный рыцарь! — гдё? — веди меня Къ его ногамъ.... Вёдь вы на первый случай Все отдали ему, что изъ сокровищъ Вамъ оставалось здёсь? — Вы обёщали Гораздо больше?

ДАЙА.

Какъ могли мы?

НАТАНЪ.

Нѣть!

ДАЙА.

Явился онъ — откуда? — неизвёстно.... Ушелъ онъ — а куда? — никто не знаетъ. Слёдя за крикомъ, призывавшимъ насъ На помощь, — онъ, не зная дома, смёло, Едва плащемъ прикрывшись отъ огня, Ворвался въ комнаты сквозь дымъ и пламя. Ужъ мы его погибшимъ называли, Какъ вдругъ онъ очутился передъ нами, Держа ее въ рукахъ. — На наши крики Глубокой благодарности, спокойно — Холодный, безучастный — положилъ онъ Свою добычу — и исчезъ въ толпѣ.

НАТАНЪ.

Не навсегда надѣюсь!

ДАЙА.

Мы встрѣчали Его потомъ гуляющимъ у пальмъ, Гдѣ гробъ Снасителя. Къ нему съ восторгомъ Я подошла, его благодарила; — Потомъ, то требуя, то умоляя, Просила я, чтобъ онъ хоть только разъ Пришелъ взглянуть на чистое созданье, Которое не можетъ быть покойно, Пока у ногъ его и со слезами Не выскажетъ признательность свою.

НАТАНЪ.

Ну что?

дайа.

Онъ и не слушалъ наши просьбы. — Да горько издъвался, особливо Все надо мной.

НАТАНЪ. -

И напугалъ? —

дайа.

Нисколько.

Я снова каждый день его просила — И слушала насмѣшки каждый день. Чего не вытерпѣла я? — Чего-бы Охотно я не вынесла еще?! — Но вотъ ужъ много дней, какъ не приходитъ Онъ къ пальмамъ, осѣняющимъ гробницу Спасителя Христа. — Никто не знаетъ, Куда онъ скрылся. — Вы удивлены? Задумались?

НАТАНЪ.

Меня взяло раздумье: Какое впечатлѣнье это все Должно произвести на душу Рэхи. — Какъ принимать презрѣнье отъ того,

500

Кого цёнить такъ высоко обязань? Какъ чувствовать невольное влеченье Къ тому, кто васъ отталкиваеть? Право, Разсудокъ съ сердцемъ тутъ должны бороться. Что побёдитъ? унынье и печаль? Иль ненависть къ людскому роду? — Часто Ни то не побѣждаетъ, ни другое, — Въ борьбу вмѣшается воображенье — И явится мечтательность, въ которой То голова порой замѣнитъ сердце, То сердце голову. — Плохой обмѣнъ! И ежели я въ ней не ошибаюсь, Такъ и она къ послѣднему придетъ: Она мечтаетъ.

дайа.

Но въдь такъ пріятно — Благочестиво....

НАТАНЪ.

Все-таки мечтаеть.

ДАЙА.

Ей особливо очень дорога Одна — причуда, если вы хотите. Она считаетъ неземнымъ созданьемъ Храмовника, и думаетъ, что ангелъ, Котораго защитѣ съ юныхъ лѣтъ Любила довѣрять свое сердечко, Въ огнѣ, сокрытый облакомъ, надъ нею Парилъ и вдругъ храмовникомъ явился. Смѣетесь вы? — Кто знаетъ! — Но оставьте По крайней мѣрѣ ей мечту, въ которой Слились въ одно: еврей и христіанинъ И мусульманинъ, — сладкую мечту! —

НАТАНЪ.

Да, сладкую! — Ступай! — Ступай же, Дайа. Взгляни, что Рэха дёлаеть, узнай, Могу-ль съ ней говорить? А тамъ отправлюсь Я ангела-хранителя искать, Причудливаго дикаря! — И если

Ему еще угодно по землѣ У насъ бродить и рыцарствовать грубо, Такъ я найду его и приведу Сюда.

ДАЙА.

Вы много на себя берете.

НАТАНЪ.

Тогда пускай же сладкая мечта Уступить мѣсто сладкой правдѣ. — Дайа, Повѣрь мнѣ: — человѣкъ для человѣка Милѣе ангела, — и ты пенять Не будешь на меня, какъ исцѣлится Отъ ангеловъ мечтательница наша.

ДАЙА.

Вы тавъ добры! — Но зла въ васъ тоже много; Иду, иду.... Да вотъ она сама...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и РЭХА.

PЭXA.

Такъ это правда!? это вы? отецъ мой! Я думала, что выслали впередъ Вы только голосъ свой. — Чего-жъ вы ждете? — Какія-жъ горы, ръки и пустыни Теперь насъ разлучаютъ? Какъ? ужъ въ домъ, И не спъшите вы въ объятья Рэхи, Которая горъла здъсь безъ васъ? — Почти горъла, не пугайтесь — только Почти.... О! отвратительная смерть — Совсъмъ сгоръть.

НАТАНЪ.

Дитя мое родное! Безпённое литя!

PЭXA.

Вамъ приходилось

502

Перебзжать чрезъ Іордань, Евфрать И Тигръ — Богъ знаетъ, чрезъ какія воды, — И часто, до пожара, я объ этомъ Со страхомъ и тревогой вспоминала. Съ тбхъ поръ же, какъ въ огнѣ я побыла, Мнѣ кажется, что смерть въ водѣ—спасенье. Въ ней такъ свѣжо, отрадно. — Но вѣдь вы Не утонули — я вѣдь не сгорѣла — Такъ будемъ рады и восхвалимъ Бога. Невидимо онъ по волнамъ коварнымъ Переносилъ и васъ, и вашу лодку На крыльяхъ ангеловъ, — и въ то же время Онъ повелѣлъ, чтобъ ангелъ мой хранитель Явился видимый ко мнѣ и вынесъ Меня на бѣлыхъ крыльяхъ изъ огня....

НАТАНЪ — про себя.

На бѣлыхъ крыльяхъ? — Да! — Онъ ей набросилъ Свой бѣлый плащъ.

· PƏXA. ·

Чтобъ видимый онъ вынесъ, — Чтобъ онъ развѣялъ крыльями огонь. — Итакъ, мнѣ ангела пришлось увидѣть, Лицомъ къ лицу, и моего....

НАТАНЪ.

Ты, — Рэха, Была-бъ достойна этого — и онъ Тебѣ не показался бы прекраснѣй, Чѣмъ ты ему.

РЭХА, усмѣхнувшись.

Кому отецъ мой льстить? Себѣ иль ангелу?

НАТАНЪ.

Но еслибъ даже Тебѣ услугу эту оказалъ Обыкновенный человѣкъ, какими Насъ каждый день природа надѣляетъ, —

Digitized by Google

ť

въстникъ ввропы.

То для тебя онъ ангелъ. — Такъ должно быть, Такъ было бы....

PƏXA.

Нѣть, ангель не такой, А настоящій; — право настоящій. — Не сами-ль вы учили про возможность Существованья ангеловь на свёть? Про то, что Богъ для любящихъ его И чудо можетъ сдёлать? — Такъ вѣдь я же Люблю Его.

НАТАНЪ.

Тебя Онъ тоже любитъ — И для тебя и для тебѣ подобныхъ Свершаетъ ежедневно чудеса. Свершилъ ихъ даже до начала вѣка Для насъ.

РЭХА.

Воть это мив пріятно слушать.

НАТАНЪ.

Какъ? неужели, если спасъ тебя Простой храмовникъ, это не должно-бы Считаться чудомъ только потому, Что кажется весьма обыкновеннымъ! Вѣдь чудо величайшее ужъ въ томъ: Что истинно чудесное — и можетъ — Да и должно обыкновеннымъ быть. Безъ этого всеобщаго-то чуда Наврядъ-бы мыслящій чудеснымъ назвалъ, Что чудомъ звать одни должны-бы дѣти, Которыхъ только новость поражаетъ, Необычайность случая.

ДАЙА — Натану.

Вы вёрно... Хотите, чтобъ отъ тонкостей такихъ И безъ того ужъ тронутый разсудокъ Ея совсёмъ-бы помёшался.

НАТАНЪ.

Дайа,

Оставь меня. Свое спасенье Рэха Достаточно чудеснымъ не считала-бъ, Когда бы спасъ ее простой храмовникъ, Который самъ спасенъ былъ чудомъ — да, Не малымъ чудомъ, потому-что вто-же Не знаетъ, что храмовникамъ донынѣ Пощады не было отъ Саладина, Что никогда храмовникъ и не ждалъ, Не требовалъ пощады? — что не больше Какъ развѣ только кожаный свой поясъ — И много если мечъ свой за нее Онъ предлагалъ?

PƏXA.

Такъ думаетъ отецъ мой. Но потому-то въдь и не былъ это Храмовникъ, а казался только имъ. Является-ль иначе, какъ не на смерть Храмовникъ плённикомъ въ Іерусалимё? Гуляетъ-ли по городу свободно Хоть кто нибудь изъ нихъ? Такъ какъ-же могъ Храмовникъ, ночью и по доброй волъ, Меня спасти?

НАТАНЪ.

Гляди, какъ остроумно! Ну, Дайа, объясняй! — Въдь ты сказала, Что плънникомъ его сюда прислали; Но върно ты и больше знаешь.

дайа.

Да. — Такъ говорятъ. — Еще болтаютъ, будто Храмовникъ пощаженъ былъ оттого, Что Саладинъ нашелъ въ немъ сходство съ братомъ, Когда-то имъ особенно любимымъ; — Но такъ какъ брата этого лѣтъ двадцать Ужъ нѣтъ въ живыхъ — не знаю, что съ нимъ сталось И какъ онъ назывался — это все Звучитъ такъ странно, такъ невѣроятно, Что весь разсказъ навѣрно пустяки.

НАТАНЪ.

Ну почему невѣроятно, Дайа? Ужъ не затѣмъ-ли, какъ оно бываетъ, Чтобъ лучше что-нибудь самой придумать Еще невѣроятнѣй. — Отчего-же Не могъ султанъ любить во дни былые Особенной любовью брата, если Онъ и теперь къ роднѣ своей привязанъ? Какъ? - развѣ невозможно сходство лицъ? Какъ? — развъ впечатлънье дней минувшихъ Съ годами пропадаетъ навсегда? Съ вавихъ-же поръ — и почему-же будетъ Одно и то-же дъйствовать не такъ-же? Что-жъ тутъ невъроятнаго? - Но это, Для мудрой Дайи, было-бы не чудо. — Конечно! — Только чудеса ея Нуждаются — нѣтъ, я хотѣлъ сказать — Достойны вѣры.

ДАЙА.

Вы смѣетесь, Натанъ!

НАТАНЪ.

Да вѣдь и ты смѣешься надо мной. Но согласись, и такъ оно чудесно, Твое спасенье, Рэха, и возможно Лишь одному тому, кто въ состояньи Ничтожною причиной отклонить Неукротимыя предначертанья, Строжайшія рѣшенія царей, — Предъ кѣмъ они безсильны.

P 9 X A.

Ахъ! Отецъ мой!

Вы знаете, что я сама не рада Моимъ невольнымъ заблужденьямъ.

НАТАНЪ.

Больше, —

Ты рада наставленіе принять. Взгляни: вотъ черепъ, такъ иль такъ построенъ; Вотъ носъ, очерченъ больше такъ, чёмъ этакъ; Вотъ брови на кости тупой-йль острой, Вотъ пятнышко, изгибъ, одна морщинка: — Ничтожная черта въ лицѣ суровомъ У европейца — въ Азіи тебя Изъ пламени спасаетъ! — Развѣ это Не чудо? — Такъ чего-же вы хотите? — На что-жъ еще вамъ ангела тревожить?

ДАЙА.

Но, Натанъ, если смѣю говорить, — Кому тутъ вредъ, коль намъ пріятнѣй думать, Что насъ не человѣкъ спасалъ, а ангелъ? Не будемъ-ли отъ этого мы ближе Къ первоначальной и непостижимой Причинѣ чуднаго спасенья?

НАТАНЪ.

Гордость!

Тщеславье пошлое! Котель чугунный Хлопочетъ, чтобы вынули его Изъ пламени серебряннымъ ухватомъ, Чтобъ самому серебряннымъ казаться. Кому туть вредь? - ты спрашиваешь, Дайа. Кому туть польза? — могъ-бы я спросить. Ты говоришь, мы будемъ ближе въ Богу: Но это глупость или богохульство. --Однако есть и вредъ въ мечтаньяхъ этихъ. Навърно вредъ. — Послушайте. Не правда-ль? Тому, вто спасъ тебя, — и будь онъ ангелъ Иль человѣвъ — желали-бы вы обѣ, И особливо ты, насколько можно Услугой отплатить свое спасенье? Какую-же великую услугу Вы ангелу способны оказать? Благодарить его, вздыхать, молиться, ---Съ восторгомъ преклоняться передъ нимъ, Въ день праздника его поститься — или Почтить его дёлами милосердья? Но это все ничто! — Себѣ всѣмъ этимъ И ближнему приносите вы пользу, А не ему. Не будеть онъ богаче

507

въстникъ европы.

Отъ вашей милостыни — и тучнѣе Отъ вашего поста. Не будетъ онъ Славнѣй, прекраснѣй отъ восторговъ вашихъ — И мощнѣе отъ вашихъ упованій. Неправда-ли? Тогда какъ человѣкъ...

дайа.

Конечно, человѣкъ-бы далъ намъ больше Возможности услугу отплатить. И знаетъ Богъ, какъ мы того желали. — Ни въ чемъ онъ не нуждался, ничего Онъ не хотѣлъ, — и такъ самимъ собою — Въ себѣ самомъ довольствовался онъ, Какъ только ангелы одни бываютъ, Какъ ангелы одни и могутъ быть.

РЭХА.

И наконецъ, когда совсѣмъ исчезъ...

НАТАНЪ.

Исчезъ! — но какъ? — Что подлѣ пальмъ ужъ больше Не появлялся? — Или вы искали Его еще въ другихъ мѣстахъ?

дайа.

Ну нѣтъ.

НАТАНЪ.

Нѣтъ? — Дайа! — нѣтъ? вотъ видишь вредъ? — вотъ видишь? Жестокія мечтательницы вы! Что если боленъ сдѣлался вашъ ангелъ?

РЭХА.

Онъ боленъ!

дѧй́ѧ.

Боленъ? — врядъ-ли!

PƏXA.

Дайа! Дайа!

508

натанъ мудрый.

Я чувствую: меня бросаеть въ дрожь, Мнѣ страшно стало!

НАТАНЪ.

Что-жъ? — Онъ иностранецъ, Ему нашъ климатъ жаркій непривыченъ, Онъ молодъ, и впервые, вёроятно, Приходится испытывать ему Тяжелый трудъ храмовника, и голодъ, И рядъ ночей безсонныхъ.

PƏXA.

Боленъ! боленъ!

дайа.

Въдь только такъ предполагаетъ Натанъ.

НАТАНЪ.

И вотъ лежитъ онъ! — ни друзей, ни денегъ, Чтобъ хоть купить себъ друзей.

PЭXA.

Отець мой!

НАТАНЪ.

Лежить безъ попеченій, безъ совѣта, — Одинъ, — добычею болѣзни, смерти.

PƏXA.

Гађ?

НАТАНЪ.

Онъ! — воторый кинулся въ огонь Для дѣвушки не виданной ни разу И вовсе неизвѣстной — все равно: — Для человѣка.

ДАЙА.

- Натанъ, пощадите Ее!

Тонъ У. - Октяврь, 1868.

Digitized by Google

509

въстникъ ввропы.

НАТАНЪ,

Который не хотѣлъ ни видѣть, Ни знать спасеннаго, чтобъ не заставить Благодарить.

дайа.

О! Пощадите! Натанъ. —

НАТАНЪ.

Который и не требовалъ свиданья. — Ужъ развѣ, еслибъ снова нужно было Спасать ее, — чтобъ снова человѣка Спасти.

ДАЙА.

Да перестаньте! поглядите!

НАТАНЪ.

Которому и при смерти-то нѣтъ Иного утѣшенья, какъ сознанье Прекраснаго поступка.

ДАЙА.

Сжальтесь! Вы

Ее убьете.

НАТАНЪ.

Ты его убила. Могла убить. — Нётъ, Рэха, я даю Тебѣ лекарство, а не ядъ. Не бойся. — Приди въ себя. — Онъ живъ, не боленъ даже.

P9XA.

Навърно? и не умеръ и не боленъ?

НАТАНЪ.

Не умеръ онъ навёрно, потому что Господь за добродётели земныя И награждаетъ на землё. Пойми же, Насколько легче набожно мечтать,

Чёмъ поступать и честно, и разумно! Такъ вялый, неразвитый человёкъ Съ любовью набожно мечтаетъ — только Чтобъ не посмёть, — подчасъ не сознавая Причины этой самъ, — чтобъ не посмёть На дёлё быть хорошимъ человёкомъ.

РЭХА.

Ахъ, мой отецъ, не оставляйте больше Вы вашу Рэху никогда одну. — Онъ, можетъ быть, куда нибудь убхалъ? Не правда-ли?

НАТАНЪ.

Ступайте. — Безъ сомнѣнья! — Я вижу — мусульманинъ на моихъ Навьюченныхъ верблюдовъ засмотрѣлся. Вы знаете его?

ДАЙА.

Вашъ дервишъ.

НАТАНЪ.

Кто?

ДАЙА.

Вашъ дервишъ; - шахматный игровъ.

НАТАНЪ.

Ал-Гафи?-

Вонъ тотъ?

ДАЙА.

Теперь султанъ его назначилъ Своимъ казнохранителемъ.

НАТАНЪ.

Ал-Гафи? Не бредишь-ли ты снова? — Онъ и есть! Идетъ сюда. — Скоръе уходите! — Ну что-то мнъ придется услыхать?

ЯВЛЕНІЕ III.

НАТАНЪ и ДЕРВИШЪ.

дервишъ.

Раскройте же глаза! — Какъ можно больше!

НАТАНЪ.

Какъ? — это ты? — иль нѣтъ? — Въ такомъ роскошномъ Нарядѣ? — дервишъ?

дервишъ.

Отчего же нѣтъ? — Чтожъ? развѣ дервишъ ни на что не годенъ? — И ровно ни на что?

НАТАНЪ.

Нётъ, очень годенъ; Я только думалъ, дервишъ настоящій И самъ не захотёлъ бы пригодиться.

ДЕРВИШЪ.

Клянусь пророкомъ! — Можеть быть и правда, Что я не настоящій; но когда Бываешь принужденъ....

НАТАНЪ.

И дервишъ? дервишъ? Никто не принужденъ быть принужденнымъ, А дервишъ былъ-таки! — Но въ чемъ же?

дервишъ.

Въ томъ,

О чемъ его старательно просили — И что онъ самъ считаетъ добрымъ. — Вотъ въ чемъ.

НАТАНЪ.

Какъ святъ нашъ Богъ, сказалъ ты правду. – Дай же Обнять тебя, ты все еще мнѣ другъ.

дервишъ.

И вы сперва не спросите, чѣмъ сталъ я?

НАТАНЪ.

Мић все равно.

дервишъ.

А ну, какъ получилъ Я должность, при которой наша дружба Вамъ будетъ неудобна?

НАТАНЪ.

Если сердцемъ

Ты прежній дервишь — я рискну дружиться. Что значить должность? — платье!

дервишъ.

Чтожъ? — и платье Нуждается въ почетѣ. — Ну, скажите! — Чѣмъ былъ бы я, служа у васъ?

НАТАНЪ.

Ты былъ бы Не болёе, какъ дервишемъ. — Пожалуй, Вдобавокъ — поваромъ.

дервишъ.

Чтобъ загубить Мон таланты ! — Поваромъ! — Прекрасно! — Ужъ не слугой ли? — Согласитесь, Натанъ, Что Саладинъ меня получше знаетъ. — Я у него казнохранитель.

НАТАНЪ.

Ты? —

И у него?

дервишъ.

Поймите: я хранитель Сокровищъ небольшихъ, казны домашней:

Большой казной, какъ прежде, заправляетъ Его отецъ.

НАТАНЪ.

Ну, домъ его великъ.

дервишъ.

И больше, чёмъ вы думаете, Натанъ. Къ нему всёхъ нищихъ надобно причислить.

НАТАНЪ.

Но Саладинъ такъ нищихъ ненавидитъ....

дервишъ.

Что хочетъ уничтожить всёхъ; хотя бы Для этого пришлось и самому Быть нищимъ.

НАТАНЪ.

Славно! — Это я и думалъ.

дервишъ.

Да онъ и такъ ужъ нищій. Ежедневно Теперь его казна къ закату солнца Становится пустёе пустоты, — И что потокъ не принесеть поутру, Глядь, все до канли въ полдень уплыло.

НАТАНЪ.

Да, многое каналы поглощають, Которыхъ невозможно ни наполнить, Ни запрудить.

дервишъ.

Вотъ именно.

НАТАНЪ.

Понятно.

дервишъ.

Конечно, плохо, ежели властитель На подданныхъ своихъ глядитъ, какъ коршунъ На падаль, — но ужъ если самъ онъ падаль, А коршуны они — такъ сто разъ хуже.

НАТАНЪ.

Нѣтъ, дервишъ.

дервишъ.

Хорошо вамъ говорить! Хотите ли, я уступлю вамъ мѣсто. Вы много ли дадите за него?

НАТАНЪ.

А что оно тебѣ приносить?

дервишъ.

Мало,

Но вамъ большую прибыль можетъ дать. Въ казнѣ отливъ бываетъ часто; тотчасъ Свои вы шлюзы можете открыть — И брать потомъ процентъ какой угодно.

НАТАНЪ.

А тамъ процентъ съ процента.

дервишъ.

Ужъ вонечно.

НАТАНЪ.

До той поры, когда весь капиталь Я сдёлаю процентами.

дервишъ.

Какъ видно,

Васъ это не прелъщаеть. Такъ пишите Разводную и нашей дружбѣ. Право — Я сильно вѣдь разсчитывалъ на васъ.

НАТАНЪ.

По правдѣ? дервишъ! Какъ же такъ?

дервишъ.

Что вы мив

Поможете мой долгъ исполнить съ честью, Что ваша касса будетъ для меня Всегда отврыта. — Нѣть?

НАТАНЪ.

Но объяснимся. — Тутъ есть различье. — Если для тебя, — Такъ отчего же нътъ. — Ал-Гафи, дервишъ, — Я все, что въ состояньи, для него Исполню, — но прислужникъ Саладина, Ал-Гафи, для котораго.... который....

дервишъ.

Не угадаль я это? вы всегда Добры, какъ и умны, — умны, какъ мудры. Но подождите; чёмъ теперь Ал-Гафи Вы отличаете, исчезнетъ скоро. Вотъ платье данное мнё Саладиномъ, Какъ знакъ отличья! Прежде, чёмъ оно Повыцвётетъ, износится въ лохмотья, Чтобъ дервишу служить, оно́ ужъ будетъ Висёть въ Іерусалимё на гвоздё — И снова босоногій я отправлюсь Скитаться по горячему песку Съ учителями нашими у Ганга.

НАТАНЪ.

Ты въ этому способенъ.

дервишъ.

Да засяду

За шахматы.

НАТАНЪ.

Въ нихъ все твое богатство.

натанъ мудрый.

дервишъ.

Подумайте-ка, чѣмъ меня прельстили: Что пересталъ я нищенствовать самъ, Что богачемъ предъ нищими являюсь, Что превратить богатство нищеты Могу я мигомъ въ нищету богатства.

НАТАНЪ.

Не этой-же возможностью, конечно.

дервишъ.

Но кое-чёмъ пошлёе. — Я впервые Себя польщеннымъ чувствовалъ. — Я былъ Польщенъ добросердечнымъ заблужденьемъ Султана...

НАТАНЪ.

Именно?

дервишъ.

«Что только нищій И знаетъ, каково быть нищимъ, — будто, Что только нищій и съумбеть нищихъ Какъ должно надёлять». — Онъ говорилъ мнѣ: «Предмѣстникъ твой, по мнѣ, былъ слишкомъ жёсткъ И холоденъ, -- давалъ такъ неохотно, Такъ неотвязчиво разузнавалъ Все, что просителя касалось. - Мало, Что зналь нужду, вывёдываль причину Нужды, чтобъ, съ ней сообразуясь, скупо Помочь несчастному. — Такимъ не будетъ Ал-Гафи, и, въ его лицъ, султанъ Такимъ немилосердо - милосердымъ Не явится. — Ал-Гафи не напомнитъ Собою засоренную трубу, Которая струю воды чиствишей Выбрасываетъ мутною. — Ал-Гафи И думаеть, и чувствуеть, какъ я.» ---Свистокъ ловца звучалъ такъ сладко, нѣжно, Пока снигирь таки попался въ съти! ---Я шуть шута.

НАТАНЪ.

Ну полно, усповойся,

Мой дервишъ. —

дервишъ.

Эхъ! — да что! не шутовство-ли, Что другомъ человѣчества онъ хочетъ, Какъ видите — единственнымъ казаться, — А рядомъ сотни тысячъ душатъ, грабятъ, Гнетутъ и истощаютъ родъ людской?! — Не шутовство-ль разыгрывать намъ Бога, Который въ милосердьи безъ различья Дождемъ и солнцемъ надѣляетъ равно Цвѣтущій лугъ и голую пустыню, На это не имѣя божьихъ рукъ Неистощимо щедрыхъ? — Ну, скажите, Не шутовство?

НАТАНЪ.

Довольно, — перестань.

дервишъ.

Постойте, дайте мнѣ еще напомнить, Какого я шута играю. — Какъ? Не шутовство: все это знать — и все-же Тутъ сторону хорошую искать? — И въ этомъ шутовствѣ принять участье Изъ-за нее? Неправда?

НАТАНЪ.

Постарайся Ты поскорѣе снова воротиться Въ свою пустыню. — Я боюсь, Ал-Гафи, Что именно среди людей ты здѣсь Разучищься быть человѣкомъ.

ДЕРВИШЪ.

Правда. И самъ я этого боюсь. — Прощайте.

НАТАНЪ.

Куда спѣшить? Ал-Гафи, погоди! — Не убѣжить твоя пустыня! — слушай! Ал-Гафи! эй! — Ушель. А мнѣ хотѣлось Про нашего храмовника спросить. Его онъ вѣрно знаетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДАИА входить поспѣшно. — НАТАНЪ.

ДАЙА.

Натанъ! Натанъ!

НАТАНЪ.

Ну, что случилось?

ДАЙА.

Онъ явился снова! —

Явился снова онъ.

НАТАНЪ.

Кто, Дайа?

ДАЙА.

Онъ.

НАТАНЪ.

Онъ! — онъ какой-нибудь всегда являлся. Ахъ да! — вёдь только вашъ зовется такъ. — Напрасно! — Онъ не долженъ-бы являться, — И даже еслибъ ангеломъ онъ былъ.

дайа.

Онъ тамъ опять подъ пальмами гуляетъ, Рветъ финики...

НАТАНЪ.

И всть ихъ, какъ храмовникъ?

дайа.

Не мучьте вы меня. Она его Ужъ угадала жаднымъ взоромъ въ чащѣ Густого ряда пальмъ, и неотступно Теперь слѣдитъ за нимъ. — Она васъ проситъ, Она васъ умоляетъ, чтобъ сейчасъ Вы шли въ нему. Скорѣе! — Торопитесь. Она въ окно показывать вамъ будетъ, Въ какую сторону онъ повернетъ. Ступайте-же!

НАТАНЪ.

Едва сойдя съ верблюда? — Годится-ль это? — нѣтъ. Пойди сама. Спѣши! сважи ему, что я вернулся. Смотри, что честный малый, не желая Въ моемъ отсутствіи въ мой домъ являться, По приглашенію отца охотно Придетъ. — Ступай! — сважи, что я прошу, Что исвренно прошу его.

д⊾й⊾.

Напрасно.

Онъ не пойдетъ въ вамъ. — Словомъ, не пойдетъ Къ еврею.

НАТАНЪ.

Такъ ступай, ступай скорѣе, Чтобъ удержать его по крайней мъ́рѣ, Чтобъ издали за нимъ слъ́дить. — Ступай. Вслѣдъ за тобой и я приду сейчасъ-же.

Натанъ послѣшно входитъ во внутреннія комнати; Дайа выходить изъ дому.

натанъ мудрый.

ЯВЛЕНІЕ V.

Площадь съ нальмами, подъ которыми ХРАМОВНИКЪ гуляеть взадъ и впередъ. Монастырскій СЛУЖКА слёдуеть за нимъ въ сторонт на иткоторомъ разстояния, безпрестанно порываясь съ нимъ заговорить.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, онъ слѣдитъ за мной не отъ бездѣлья. Онъ на руки косится. — Добрый братъ! — Но, можетъ быть, отцомъ васъ называютъ?

СЛУЖКА.

Нёть — братомъ. Такъ. — Я служва монастырскій. Къ услугамъ вашимъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Добрый брать мой, если-бъ Хоть что-нибудь имёль я! — видить Богь, Что ничего. —

СЛУЖВА.

И все-таки — спасибо! Подай вамъ Боже въ тысячу разъ больше, Чёмъ сами вы хотѣли бы подать. — Въ готовности весь подвигъ милосердья, Не въ томъ, что подается. — И прислали Меня къ вамъ не затѣмъ. —

ХРАМОВНИЕЪ.

Однако васъ

Прислали?

СЛУЖЕА.

Изъ монастыря.

ХРАМОВНИКЪ.

Въ который Я только-что ходилъ, надёясь тщетно, Что мнѣ дадуть поѣсть? СЛУЖКА.

Столы ужъ были Всё заняты. — Но если вамъ угодно Со мной туда опять пойти....

ХРАМОВНИКЪ.

Зачёмъ? Давно мнё мяса ёсть не приходилось. Что за бёда? — Вёдь финики созрёли.

СЛУЖКА.

О, будьте осторожны съ ними. Много Ихъ всть нельзя. Они сгущаютъ кровь И могутъ меланхоликомъ васъ сдёлать.

ХРАМОВНИКЪ,

А ежели миѣ самому пріятно Быть меланхоликомъ? — Но васъ ужъ вѣрно Сюда не съ этимъ предостереженьемъ Прислали.

СЛУЖКА.

Нѣтъ. Я долженъ васъ узнать. — Узнать какъ можно покороче.

ХРАМОВНИКЪ.

Это Мив самому въ глаза вы говорите?

СЛУЖЕА.

Да почему-же нѣтъ?

ХРАМОВНИКЪ — про себя.

Монахъ прехитрый.

Служкћ.

А много васъ такихъ въ монастырѣ?

CIVÆRA.

Не знаю, я повиноваться долженъ.

ХРАМОВНИЕЪ.

И тутъ вы повинуетесь, конечно, Безъ дальнихъ размышленій.

СЛУЖКА.

А иначе

Вѣдь это-бъ не было повиновенье.

ХРАМОВНИЕЪ — про себя.

Такъ простота всегда права бываетъ. Служкѣ. Но вѣрно вы мнѣ можете открыть: Кто̀ пожелалъ узнать меня короче.

Что вамъ самимъ до этого нѣтъ дѣла, Готовъ я влясться.

СЛУЖЕА.

Могъ-ли я? — Какая Миѣ польза въ томъ?

ХРАМОВНИЕЪ.

Кто-жъ могъ? кому полезно Такое любопытство?

СЛУЖВА.

Надо думать,

Что патріарху, потому-что онъ Меня прислалъ въ вамъ.

ХРАМОВНИЕЪ.

Патріархъ? Тавъ развѣ Не знаетъ онъ, что значатъ бѣлый плащъ И красный крестъ.

СЛУЖВА.

И мнѣ извѣстно это.

ХРАМОВНИКЪ.

Ну! брать мой, ну! такъ что-же? — Я храмовникъ,

И плённый. — Да прибавьте: въ плёнъ попался При крёпостцё Тебнинё. — Мы явились Туда по окончаньи перемирья, Чтобъ ближе было на Сидонъ напасть. Я взятъ въ числё осьмнадцати, и только Одинъ изъ всёхъ помилованъ султаномъ. — Вотъ все, что патріарху нужно знать, — И болёе чёмъ нужно.

СЛУЖКА.

Врядъ-ли больше, Чѣ́мъ то, что̀ онъ ужъ знаетъ. — Но еще Ему хотѣлось бы узнать причину: За что одни лишь вы пощажены Султаномъ?

ХРАМОВНИЕЪ.

Развѣ самъ я это зналъ? — Ужъ я на плащъ колѣна преклонилъ, Открывши шею — ожидалъ удара, — Вдругъ — Саладинъ взглянулъ, подходитъ ближе, Махнулъ рукой, — я поднятъ, я раскованъ, Хочу благодарить — и вижу слезы Въ его глазахъ. Безмолвенъ онъ, я тоже. — Но молча онъ ушелъ, и я остался. — Какъ это все сплелось, пускай рѣшаетъ Самъ патріархъ.

СЛУЖКА.

Тутъ знаменье онъ видитъ: Что для великихъ дёлъ васъ сохранилъ Господь Создатель.

ХРАМОВНИКЪ.

Для великихъ, правда: Чтобъ вынести жидовку изъ огня, Да любопытнымъ богомольцамъ гору Синай показывать — и въ этомъ родѣ.

СЛУЖКА.

Не все же въ томъ. Пока и то не худо. И можетъ быть у патріарха есть Для васъ занятье поважнѣе.

ХРАМОВНИЕЪ.

Вотъ какъ? — Вы думаете? — Онъ, пожалуй, далъ Вамъ кое-что замётить.

СЛУЖКА.

Да, — конечно. Но прежде долженъ я узнать васъ ближе: Такой-ли человёкъ вы...

ХРАМОВНИВЪ.

Узнавайте.

Про себя.

Хотвль-бы знать, какъ этотъ узнаётъ.

СЛУЖЕА.

Я думаю всего короче будетъ, Когда я вамъ открою напрямикъ Желанье патріарха.

храмовникъ.

И прекрасно.

СЛУЖВА.

Онъ письмецо вамъ поручить хотѣлъ-бы.

ХРАМОВНИКЪ.

Что я за въстникъ? — Это-то занятье По вашему славнъе, чъмъ спасти Жидовку? — да?

служка.

Должно быть. Потому что, Сказалъ нашъ патріархъ, письмо такое Большую пользу можеть принести Всёмъ христіанамъ. Кто его доставитъ, Сказалъ нашъ патріархъ, получитъ въ небѣ Вёнецъ совсёмъ особенный отъ Бога

Томъ У. - Октябрь, 1868.

въстникъ Европы.

Въ награду, — и никто такъ не достоинъ Того вънца, по мнънью патріарха, Какъ вы.

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ я?

СЛУЖКА.

Затёмъ, что тотъ вёнецъ, Сказалъ нашъ патріархъ, другой кто врядъ-ли Съумёетъ такъ искусно заслужить, Какъ вы.

ХРАМОВНИЕЪ.

Какъ я?

СЛУЖКА:

Вы здёсь свободны. Всюду И все вамъ можно осмотрѣть. — Притомъ Вы знаете, какъ охраняють городъ, И какъ его штурмуютъ. — Вы вѣрнѣе Оцѣните, сказалъ нашъ патріархъ, И чѣмъ сильна, и чѣмъ слаба ограда, Которую недавно Саладинъ Построилъ, и толковѣе все это Опишите, сказалъ нашъ патріархъ, Поборникамъ Христа.

ХРАМОВНИКЪ.

Но — добрый братъ мой, Могу-ль я содержанье письмеца Узнать подробнѣе.

служна.

Конечно. — Самъ я Еще его не знаю хорошенько, Но письмецо къ Филиппу королю. Нашъ патріархъ... Не разъ ужъ я дивился, Какъ этакій святой, который больше Живетъ небеснымъ, въ то-же время можетъ Настолько нисходить, чтобъ узнавать Все, что творится на землѣ. Вѣдь это Претрудно.

526

ХРАМОВНИКЪ.

Ну, такъ патріархъ —

СЛУЖКА.

Все знаетъ — И знаетъ достовѣрно — гдѣ и какъ, Съ которой стороны, съ какою силой, Начнетъ свой приступъ Саладинъ, коль снова Откроется война.

ХРАМОВНИКЪ.

Все это знаетъ?

СЛУЖКА.

И извѣстить объ этомъ онъ хотѣлъ-бы Филиппа короля, чтобъ тотъ заранѣ Обдумать могъ: дѣйствительно-ль опасность Такъ велика, что ужъ нельзя никакъ Рѣшиться уничтожить перемирье, Которое нарушилъ такъ отважно Вашъ орденъ.

ХРАМОВНИЕЪ.

Что за патріархъ! Такъ вотъ какъ! Любезный, храбрый мужъ желаетъ сдѣлать Не вѣстника простого изъ меня, А просто-на-просто шпіона! — Ну, такъ Скажите патріарху, добрый братъ мой, Что я — насколько вы меня узнали — Къ такому дѣлу вовсе не способенъ. Еще себя считать я долженъ плѣннымъ. Притомъ-же долгъ храмовника сражаться, А не шпіонить.

СЛУЖКА.

Я вѣдь тоже думалъ. Вы, господинъ, не гнѣвайтесь, прошу васъ. — Однако лучшее еще не въ этомъ. — Нашъ патріархъ узналъ, гдѣ на Ливанѣ Находится и какъ зовется крѣпость, Куда заботливый отецъ Султана Сложилъ большія денежныя суммы.

въстникъ европы.

Изъ нихъ онъ платитъ жалованье войску И всѣ военныя издержки. — Время Отъ времени окольными путями Къ отцу въ ту крѣпость ходитъ Саладинъ — Почти совсѣмъ безъ провожатыхъ. — Что-же? Вы поняли, въ чемъ дѣло тутъ? —

ХРАМОВНИКЪ.

Нисколько.

СЛУЖЕА.

Чего же легче было бы при этомъ Напасть на Саладина — и покончить Съ нимъ разомъ. — Вы боитесь? — О, у насъ Ужъ вызвались на то два маронита, Богобоязливые люди, если Ихъ поведетъ отважный человѣкъ.

ХРАМОВНИКЪ.

И этого отважнаго во мнѣ-же Вашъ патріархъ хотѣлъ найти?

СЛУЖЕА.

Онъ думалъ,

Что въ этомъ дѣлѣ королю Филиппу Легко изъ Птоломеи намъ помочь. —

ХРАМОВНИКЪ.

Миф? — братъ мой, миф? — Вы слышали, вонечно, Хоть только слышали: чёмъ я обязанъ Султану?

СЛУЖКА.

Да.

ХРАМОВНИКЪ.

И все-таки рѣшились?

СЛУЖКА.

По мнѣнью патріарха, это все Преврасно, но Господь и орденъ...

натанъ мудрый.

ХРАМОВНИКЪ.

Вѣрно,

Поступка не измёнятъ — и не станутъ Предписывать разбойничьей продёлки!

СЛУЖЕА.

Навѣрно!—Но, по мнѣнью патріарха, Кого разбойникомъ считаютъ люди, Тотъ не всегда разбойникъ передъ Богомъ.

ХРАМОВНИЕЪ.

Какъ? — Я обязанъ Саладину жизнью — И жизнь его отнять я долженъ.

СЛУЖКА.

Низво!

Безчестно! Но, по мнѣнью патріарха, Врага въ султанѣ видитъ христіанство, И потому онъ не имѣетъ права Разсчитывать на вашу дружбу.

ХРАМОВНИКЪ.

Дружбу? — Я только не хочу быть негодяемъ, Неблагодарнымъ, гнуснымъ.

СЛУЖКА.

Ни за что!

Однако-же, — по мнѣнью патріарха, Отъ благодарности ужъ мы свободны, Свободны передъ Богомъ и людьми, Когда не ради насъ самихъ услугу Намъ оказали. — И, какъ всюду слышно, Сказалъ нашъ патріархъ, что Саладиномъ Пощажены вы были оттого, Что вы ему лицомъ своимъ и станомъ Напоминали брата...

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ? — и это

въстникъ европы.

Извёстно патріарху? — и онъ думаль! — Но будь все это правда? — Саладинъ! — Какъ? — Неужели, если ужъ природа Въ мою наружность хоть одну черту Родного брата твоего вложила, Въ душѣ моей ничто ей не отвѣтитъ? А если и отвѣтитъ, такъ обязанъ Я подавить въ угоду патріарху? — Природа такъ не можетъ обмануть! Не можетъ Богъ себѣ противорѣчить Въ своихъ созданьяхъ! — Нѣтъ! — Ступайте, братъ мой! Не возмущайте желчь мою! — ступайте!

СЛУЖКА.

Иду, — охотнѣй, чѣмъ пришелъ. — Простите. Мы, слуги монастырскіе, должны Повиноваться старшимъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ХРАМОВНИКЪ и ДАЙА, которая нѣкоторое время за нимъ уже присматривала и теперь къ нему подходить.

дайа.

Этотъ служка Его оставилъ, кажется, не въ добромъ Расположеньи духа. — А должна Я все-таки ръщиться.

ХРАМОВНИКЪ.

Превосходно !! — Ну вотъ, не справедлива-ль поговорка, Что баба и монахъ — монахъ и баба, Двѣ лапы чорта. — Онъ меня сегодня Бросаетъ изъ одной въ другую.

дайа.

Васъ-ли Я вижу, благородный рыцарь. — Васъ? — Сто тысячъ разъ благодаренье Богу!

натанъ мудрый.

Да гдѣ же вы такъ долго пропадали, Надѣюсь, что вы не были больны?

ХРАМОВНИВЪ.

Нѣтъ.

.

дайа.

Стало-быть здоровы?

ХРАМОВНИКЪ.

Да.

дайа.

Мы много

Объ васъ тревожились все время.

ХРАМОВНИВЪ.

Будто?

дайа.

Вы вѣрно уѣзжали?

ХРАМОВНИЕЪ.

Дa.

ДАЙА.

И только

Сегодня вы вернулись?

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, вчера.

ДАЙА.

И въ нашей Рэхѣ тоже возвратился Отецъ ея сегодня. — Такъ могла-бы Она теперь надѣяться....

ХРАМОВНИКЪ.

На что?

дайа.

О чемъ такъ часто васъ просила. Скоро Придетъ отецъ ея, чтобъ неотступно Васъ приглашать. — Изъ Вавилона онъ Вернулся и привелъ съ собою двадцать Навьюченныхъ верблюдовъ. — Сколько тутъ Душистыхъ травъ и камней драгоцѣнныхъ, Матерій и всего, чѣмъ такъ богаты — И Персія, и Индія, и страны, Лежащія за ними.

ХРАМОВНИКЪ.

Ничего

Я не вуплю.

дайа.

Своимъ народомъ всюду Онъ уважаемъ, какъ иной властитель. Хоть часто удивлялась я, что прозванъ Онъ мудрымъ Натаномъ, а не богатымъ.

ХРАМОВНИВЪ.

Въ устахъ его народа, можетъ быть, Названья эти однозначны.

дайа.

Яже

Скоръй всего его звала бы добрымъ. — Въдь вы не можете себъ представить, Какой онъ добрый. — О! чего-бъ не сдълалъ, Чего-бъ онъ вамъ не отдалъ въ ту минуту, Какъ услыхалъ, что Рэху вы спасли.

ХРАМОВНИЕЪ.

Неужли? —

дайа.

Испытайте. — Приходите

Взглянуть.

ХРАМОВНИКЪ.

На что? — Какъ скоро миновала Минута?

дайа.

Развѣ я бы оставалась

Такъ долго у него, когда-бъ онъ не былъ Такъ добръ. — Вы думаете, не цёню я Свое достоинство, какъ христіанка? — И мнё никто не напророчилъ въ дётствё, Что только для того я въ Палестину Съ моимъ супругомъ потащусь, чтобъ тамъ Воспитывать жидовскаго ребенка? Любезный мой супругъ былъ честный конюхъ, Онъ въ войскё императорскомъ служилъ — Въ походё Фридриха....

ХРАМОВНИКЪ.

Швейцарецъ родомъ, Который въ тотъ походъ добился чести И счастья утонуть въ одной ръкъ Съ его величествомъ. — Ужъ сколько разъ вы Все это говорили мнъ. — Когда же Вы перестанете меня повсюду Преслъдовать?

дайа.

Преслѣдовать!

ХРАМОВНИЕЪ.

Да, да — Преслѣдовать. Я не хочу васъ больше Ни видѣть и ни слышать: не хочу, Чтобъ вы напоминали безпрестанно Мнѣ о моемъ поступкѣ, о которомъ Я совсѣмъ не думалъ — и который Мнѣ самому становится загадкой, Когда теперь подумаю о немъ. — Я-бъ не хотѣлъ жалѣть о томъ, что сдѣлалъ; Но, видите, коль что-нибудь такое Опять со мной случится, такъ ужъ вы — 533

въстникъ квропы.

Вы будете виною, если быстро Я дѣйствовать не стану, — если прежде Начну справляться — и въ огнѣ оставлю Все, что горить.

дайа.

О! Боже сохрани.

ХРАМОВНИКЪ.

Я васъ теперь прошу, какъ одолженья, Хоть съ этихъ поръ не знайте вы меня — И отъ отца отъ этого избавьте. Кто жидъ — тотъ жидъ. Я неуклюжій швабъ. И если образъ дёвушки являлся Когда-нибудь въ душё моей, такъ снова Давно исчезъ.

дайа.

Да вашъ-то не исчезъ

Въ ея душѣ.

ХРАМОВНИЕЪ.

Такъ что же въ томъ?

дайа.

Кто знаетъ? —

Вѣдь не всегда всѣ люди таковы, Какими кажутся.

ХРАМОВНИКЪ.

Но рѣдко лучше! Онъ идетъ.

ДАЙА.

Куда же вы? постойте....

ХРАМОВНИКЪ.

Я прошу вась, Не дёлайте мнё ненавистнымъ мёсто Подъ пальмами, гдё было такъ пріятно Прогуливаться мнё.

ДАЙА.

Ну, убирайся! — Медвёдь нёмецкій. — Все-таки слёдъ звёря Мнё изъ виду не надобно терять. Она вздали слёдуеть за нимъ.

второе дъйствіе.

ЯВЛЕНІЕ І.

Во дворцѣ Султана.

САЛАДИНЪ и ЗИТТА играють въ шахматы.

ЗИТТА.

Да гдѣ ты? — Какъ играешь ты сегодня?

.

САЛАДИНЪ.

Не хорошо? — а мнѣ-таки казалось....

ЗИТТА.

И для меня едва-ли было-бъ сносно. Возьми свой ходъ назадъ.

САЛАДИНЪ.

А почему бы?

3MTTA.

Коня ты отврываешь.

САЛАДИНЪ.

Справедливо.

Ну такъ.

ЗИТТА.

Возьму слона.

САЛАДИНЪ.

И то. — Ну — шахъ.

3MTTA.

Что̀ толку? — Я цойду сюда, и снова. Ты остаешься съ твмъ, — что̀ было.

САЛАДИНЪ.

Вижу,

Что изъ тисковъ не вырвусь безъ потери. Пускай! бери коня.

3MTTA.

Онъ мнѣ не нуженъ. — Я прохожу впередъ.

САЛАДИНЪ

Ты ничего

Мић этимъ не даришь. — Такое мѣсто Тебѣ дороже моего коня.

3MTTA.

Быть можеть....

САЛАДИНЪ.

Рано пташечка запѣла. Смотри-ка! — Что̀? — Поспорить я готовъ, Ты этого никакъ не ожидала.

SMTTA.

Конечно, нётъ. Могла-ль я ожидать, Что будешь ты такъ сильно тяготиться Своей же королевой.

САЛАДИНЪ.

Королевой?

3MTTA.

Ну, видно, тысячу динарь не больше, Я выиграть должна сегодня.

536

САЛАДИНЪ,

Какъ?

ЗИТТА.

Да, — спрашивай еще! — Ты такъ прилежно, Стараешься нарочно проиграть, А это мнѣ невыгодно ни мало. Не только потому — что такъ играть Не занимательно, — но тоже — развѣ, Когда тебѣ проигрывала я, Не въ большемъ выигрышѣ оставалась? — Ты мнѣ всегда дарилъ двойную ставку, Чтобъ я утѣшилась.

САЛАДИНЪ.

Смотри, — пожалуй, Когда проигрывала ты, сестрица, Ты это дълала всегда нарочно.

SHTTA.

По крайней м'тр', мой любезный братецъ, Коль я играть не научилась лучше, Такъ этому виной твоя же щедрость.

САЛАДИНЪ.

Мы отступаемъ отъ игры. — Кончай.

ЗИТТА.

Ты оставляешь ходъ? — Такъ шахъ, — и даже Двойной.

САЛАДИНЪ.

Да, — этого я не предвидѣлъ. Приходится разстаться съ королевой.

3MTTA.

А развѣ было чѣмъ еще помочь? Посмотримъ.

въстникъ вврошы.

САЛАДИНЪ.

Нѣтъ, — берц и королеву. — Мнѣ съ этой шашкой вѣчное несчастье.

ЗИТТА.

И только съ шашкой?

САЛАДИНЪ.

Прочь ее! — мнѣ это Не повредитъ. Вотъ, видишь, все опять Защищено.

ЗИТТА.

У брата я училась, Насколько обращенье съ королевой Должно быть в'яжливо.

Она оставляеть шашку.

САЛАДИНЪ.

Бери ее Иль не бери — ужъ я ее не трону.

3MTTA.

Зачёмъ же брать? — Шахъ! — шахъ!

САЛАДИНЪ.

Ну, дальше!

ЗИТТА.

Шахъ!

И шахъ!

САЛАДИНЪ.

И матъ.

ЗИТТА.

Нѣтъ, не совсѣмъ: ты можешь Конемъ заставить, или — какъ съумѣешь. Но все равно....

САЛАДИНЪ.

Ты выиграла. — Да.

538

НАТАНЪ МУДРЫЙ.

И я плачу. — Позвать сюда Ал-Гафи! Отчасти, Зитта, ты была права: Я невнимательно играль сегодня, Разсѣянно. И кто всегда приносить Намъ эти шашки гладкія, въ которыхъ Фигуры ничего не представляють? Съ Имамомъ, что-ли, я игралъ? Но полно! Я оправдать мой проигрышъ хочу: Не шашки, нѣтъ, меня твое искусство Заставило сегодня проиграть, Твой взглядъ спокойный, быстрый.

ЗИТТА.

Этимъ тоже

Ты только притупить хотёль бы жало Убытка моего. Довольно! Правда, Ты быль разсёянь болёе, чёмь я.

САЛАДИНЪ.

Чёмъ ты? — а что тебя могло разсёять?

ЗИТТА.

Конечно, не разсѣянность твоя. Ахъ, Саладинъ! Когда-то снова также Прилежно поиграть съ тобой придется?

САЛАДИНЪ.

Тёмъ больше страсти въ этакой игрѣ. Ахъ, да! — ты вспомнила о томъ, что снова Готовится война. Пускай идутъ! Смѣлѣй! — не мною сдѣлано начало. Я-бъ наше перемиріе охотно Продолжилъ за̀-ново. Да тутъ же Зиттѣ Хорошаго бы мужа подъискалъ. И выбралъ бы я Ричардова брата. Вѣдь Ричарду онъ братъ!

SHTTA.

Да, если стоитъ

Твой Ричардъ похвалы.

саладинъ.

Къ тому же, еслибъ Женою брату нашему, Мелеку, Досталась Ричарда сестра! — Такъ вотъ бы Семья была! Изъ всѣхъ семействъ на свѣтѣ, Изъ лучшихъ лучшая семья была бы. Какъ видишь, не лѣнюсь я и себя Расхваливать. Надѣюсь, я достоинъ Моихъ друзей. — Вотъ были-бъ люди! Вотъ!!

ЗИТТА.

Всѣ эти сладкія мечты мнѣ были Всегда смѣшны! Ты христіанъ не знаешь, Не хочешь знать. Ихъ гордость въ томъ, чтобъ только Быть христіанами, а не людьми. И даже то, что отъ Христа осталось Имъ человѣчнаго въ ихъ суевѣрьи, Они взлюбили не за человѣчность, А потому, что такъ Христосъ училъ ихъ, Тавъ поступалъ Христосъ. И благо имъ, Что быль еще онь добрымь человёкомь, И что его слова и добродѣтель Они на въру могутъ взять. Да что! Какая добродътель — имя! имя Его должно распространяться всюду, Должно уничтожать, должно позорить Всѣ имена другихъ людей хорошихъ. Объ имени, въдь, только и хлопочутъ.

САЛАДИНЪ.

Ты думаешь: зачёмъ же бы иначе Имъ нужно было требовать отъ васъ, Чтобъ христіанами вы назывались, И ты, и Мелевъ, прежде, чёмъ подумать Любить ихъ какъ супруговъ-христіанъ?

ЗИТТА.

Само собой! Какъ будто христіане Какъ христіане — только и способны Къ любви, которой надёлилъ Творецъ Жену и мужа.

САЛАДИНЪ.

Христіане вѣрять Такъ часто вздору, что повѣрить могутъ И этому. Но все-таки, сестра, Ты не права: храмовники виновны, Не христіане; не какъ христіане, А какъ храмовники, они виновны — И изъ-за нихъ не выйдетъ ничего. Теперь они отстаивають Акку, Которая должна-бъ достаться брату Въ приданое за Ричарда сестрой, И принялись разыгрывать монаховъ, Боясь, чтобъ рыцарство не потеряло Иныя выгоды. Монаховъ глупыхъ!! Въ надеждѣ, что при первой суматохѣ, Ударъ хорошій, можетъ быть, удастся, Они едва-едва могли дождаться, Чтобъ миновало время перемирья. Прекрасно! продолжайте, господа! Я самъ доволенъ этимъ, - продолжайте. --Лишь было-бъ остальное все въ порядкъ.

ЗИТТА.

Ну? Что-жъ еще могло тебя встревожить, Разстроить?

САЛАДИНЪ.

Что всегда меня приводить Въ разстройство. Снова быль я на Ливанъ У нашего отца: его совсъмъ Заботы одолъли.

ЗИТТА.

Бѣдный!

1

САЛАДИНЪ.

SHTTA.

Просто

Не справится никакъ. Повсюду плохо, То здъсь, то тамъ недостаетъ.

Чего?

Томъ У. - Октяврь, 1868.

въстникъ ввропы.

САЛАДИНЪ. ,

Чего-жъ, какъ не того, что я едва-ли Названья удостоиваю! что, Когда имъ́ю, кажется мнѣ лишнимъ, Когда же нѣтъ — необходимымъ. — Гдѣ-же Ал-Гафи? Кто пошелъ его позвать? Недостаетъ проклятыхъ, гнусныхъ денегъ! Ал-Гафи! наконецъ-то ты явился.

ЯВЛЕНІЕ II.

Дервишъ АЛ-ГАФИ, САЛАДИНЪ в ЗИТТА.

АЛ-ГАФИ.

Знать изъ Египта деньги намъ прислали? Побольше-бъ ихъ.

САЛАДИНЪ.

Ты получиль извѣстье?

АЛ-ГАФИ.

Я? — Нѣтъ, не получалъ; но мнѣ казалось, Что я сюда принять ихъ призванъ.

САЛАДИНЪ -- задумчиво прохаживаясь взадъ и впередъ.

Выдай

Сейчасъ же Зиттѣ тысячу динаръ.

АЛ-ГАФИ.

Все: выдай — вмѣсто: получи. Прекрасно! Вѣдь это менѣе, чѣмъ ничего. Опять проиграно, и снова Зиттѣ! Все въ шахматы! И вонъ она игра Еще стоитъ.

SMTTA.

Ты радъ, что я счастлива.

АЛ-ГАФИ — разсматривая игру.

Что радъ? Когда — вы знаете....

ЗИТТА — дълая ему знаки.

Ст!!... Гафи....

АЛ-ГАФИ — глядя все на игру.

Вы сами-то порадуйтесь сперва.

3HTTA.

Ал-Гафи! — ст!!..

АЛ-ГАФИ — Зитть.

Вы бѣлыми играли?

И дѣлаете — шахъ.

ЗИТТА.

Какое счастье,

Что онъ не слышалъ.

АЛ-ГАФИ.

Ходъ теперь его.

ЗИТТА — подойдя къ нему ближе.

Ну, что же ты не скажешь мнѣ, что деньги Могу я получить.

АЛ-ГАФИ — все еще прикованный къ игръ.

Ну, да. Вы ихъ Получите, вакъ прежде получали.

SHTTA.

Что? что? Въ умѣ ли ты?

1

АЛ-ГАФИ.

Игра не ваша. Вы, Саладинъ, еще не проиграли.

САЛАДИНЪ — едва слушая.

Я проиграль! — плати! плати!

АЛ-ГАФИ.

Плати!

Но посмотрите, ваша королева....

САЛАДИНЪ.

Не значитъ ничего. Она къ игрѣ Ужъ больше не принадлежитъ.

3MTTA.

Скажи же,

Что я за деньгами могу прислать.

АЛ-ГАФИ --- все еще углубленный въ нгру.

Понятно! — какъ всегда. Но если даже И ничего не значитъ королева, Вамъ все-таки не матъ.

САЛАДИНЪ --- подходить и опровидываеть шашки.

Мић матъ — довольно.

Я такъ хочу.

АЛ-ГАФИ.

Что-жъ? Какова игра,

Таковъ и выигрышъ — и такъ же будемъ

Платить.

САЛАДИНЪ — Зитть.

Что говорить онь? что?

ЗИТТА — время отъ времени дълая знаки Ал-Гафи.

Ты знаешь,

Digitized by Google

Онъ любитъ поупрямиться, заставить Себя упрашивать. Немножко даже Завистливъ онъ.

САЛАДИНЪ.

Но не въ тебѣ же, Зитта?

544

натанъ мудрый.

Къ моей сестръ? Ал-Гафи, что я слышу? Завистливъ, ты завистливъ?

АЛ-ГАФИ.

Можетъ быть! — Я-бъ самъ не прочь имъть ея разсудокъ И доброту.

3MTTA.

Но, не смотря на то, Онъ до сихъ поръ всегда платилъ исправно. Заплатитъ и теперь. Оставь его. Ступай себъ, Ал-Гафи; — я сегодня За деньгами пришлю.

АЛ-ГАФИ.

Такъ нѣтъ! — не стану Я больше притворяться. — Вѣдь узнать Когда-нибудь онъ долженъ.

САЛАДИНЪ.

Кто? — и что?

3MTTA.

Такъ вотъ какъ объщаешь ты, Ал-Гафи? Такъ вотъ какъ слово держишь ты?

АЛ-ГАФИ.

Кто-жъ думалъ,

Что нашъ обманъ пойдетъ такъ далеко!

саладинъ.

Ну? — ничего я не узнаю?

SMTTA.

Гафи,

Прошу тебя, будь свроменъ.

САЛАДИНЪ.

Это странно! — Объ чемъ упрашивать могла-бы Зитта Такъ горячо, торжественно чужого И дервиша — скорѣе чѣмъ меня, Родного брата. — Я теперь, Ал-Гафи, Приказываю. — Дервишъ — говори.

ЗИТТА.

Мой братъ, не придавай такую важность Бездѣлицѣ, не стоющей того. — Ты знаешь, у тебя такую-жъ сумму Выигрывать случалось мнѣ не разъ, Но какъ теперь я въ деньгахъ не нуждаюсь, А у Ал-Гафи ихъ пока не много, То долгъ я не брала. — Не безпокойся, — Я не намѣрена его дарить Ни въ кассу, ни тебѣ, и ни Ал-Гафи.

АЛ-ГАФИ.

Да-если-бъ только это было! -- это!...

SMTTA.

Такой-же вздоръ: — я не брала тѣхъ денегъ, Которыя ты мнѣ назначилъ прежде. Съ недавнихъ поръ я только не брала.

АЛ-ГАФИ.

И тутъ еще не все...

САЛАДИНЪ.

Не все? — Ал-Гафи,

Ты скажешь-ли?...

АЛ-ГАФИ.

Съ тѣхъ поръ, какъ изъ Египта. Мы денегъ ждемъ, она...

ЗИТТА — Саладину.

Не стоитъ слушать...

АЈ-ГАФИ.

Не только ничего не получила, — Но...

САЛАДИНЪ.

Добрая моя! — еще пожалуй Меня ссужала? — Нътъ? —

АЛ-ГАФИ.

Но содержала Весь дворъ; — одна платила всѣ издержки.

САЛАДИНЪ --- обнимая ее.

А! — воть она — сестра моя!

ЗИТТА.

Мой брать, Могла-ли безъ тебя я это сдёлать? Кто-жъ, какъ не ты, мнё далъ мое богатство?

АЛ-ГАФИ.

И сдѣлаетъ опять такой-же нищей Каковъ и самъ онъ.

САЛАДИНЪ.

Братъ ея — и нищій? Я нищій! Я? — когда-жъ имѣлъ я больше? Когда-же меньше? — Мечъ, коня, одежду — И Бога. — Что̀-же больше нужно мнѣ? Когда-жъ мнѣ въ этомъ будетъ недостатокъ? — Но все-таки, Ал-Гафи, я бы могъ Съ тобой поссориться.

ЗИТТА.

Не ссорься, брать мой. Ахъ! если-бы и нашему отцу Могла я также облегчить заботы.

САЛАДИНЪ.

И этимъ вдругъ ты снова разрушаешь

Мое веселье. — Мић и для меня Не можетъ быть, не будетъ недостатва; Ему недостаетъ, а съ нимъ и всѣмъ намъ. — Скажите, что намъ дблать? - Изъ Египта, Быть можеть, намъ пришлють еще не скоро. Богъ в'бдаетъ, какая тутъ причина! Вѣдь тамъ еще спокойно все. — Я радъ бы Стёсниться, усчитать, сберечь во всемъ, Что олного меня касаться можетъ ---И гдѣ другой никто не пострадаетъ. Но что могу я сдёлать? Мнё-же нужно Имѣть воня, одежду, мечъ! — и тоже У Бога нечего мнѣ оттянуть; И такъ ужъ онъ довольствуется малымъ: — Моимъ смиреннымъ сердцемъ. — Я, Ал-Гафи, Разсчитываль вполнѣ на твой остатовъ.

АЛ-ГАФИ.

Остатокъ! — Согласитесь сами: вы-бы Велёли на колъ посадить меня, Велёли-бъ удавить, по меньшей мёрё, Когда-бъ въ моей казнё нашли остатокъ. — Утаивать! — осмёлься только?

САЛАДИНЪ.

Что-же Мы станемъ дѣлать ?! — Будто ужъ нигдѣ Не могъ занять ты прежде, чѣмъ у Зитты.

ЗИТТА.

Да развѣ я позволю, чтобъ меня Такого преимущества лишилъ онъ? — Я и теперь стою на томъ. — Пока Я далеко еще не обнищала.

САЛАДИНЪ.

Не доставало только обнищать! — Ступай, Ал-Гафи, дёлай какъ умёсшь. Займи, гдё можешь, — обёщай, что хочешь. — Но только, Гафи, не проси у тёхъ,

натанъ мудрый.

Кто мной обогащенъ, — иначе это Считалось-бы, что требую обратно. Ступай въ скупъйшимъ. — Мнъ они дадутъ Охотнъй всъхъ другихъ, — въдь имъ извъстно, Какъ хорошо ихъ деньги наростаютъ Въ моихъ рукахъ.

АЛ-ГАФИ.

Я этакихъ не знаю.

SUTTA

Мнѣ только-что сейчасъ пришло на память: Я слышала, Ал-Гафи, что вернулся Твой другъ.

АЛ-ГАФИ.

Мой другь? — Кто-жъ могъ-бы это быть?

SMTTA.

Твой высоко-хваленый жидъ.

АЛ-ГАФИ.

Хваленый — И жидъ? — и мною высоко хваленый?

3HTTA.

Который богомъ, — я еще прекрасно Могу припомнить, какъ объ немъ когда-то Ты выразился мнѣ, — который богомъ Своимъ въ полнѣйшей мѣрѣ надѣленъ Отъ высшихъ и отъ низшихъ благъ вселенной.

АЛ-ГАФИ.

Я такъ сказалъ? — Что-жъ это означало?

SHTTA.

Ты низшимъ благомъ называлъ богатство, А высшимъ — мудрость.

АЛ-ГАФИ.

Какъ? — и про жида

Я такъ сказалъ вамъ?

SMTTA.

· Развѣ не сказалъ ты Мнѣ этого про Натана?

АЛ-ГАФИ.

Ахъ, да!

Вы про него! — про Натана! — объ немъ-то Никакъ не могъ я вспомнить. — Въ самомъ дѣлѣ Вернулся онъ? — Такъ стало быть дѣла Его идутъ не дурпо. — Правда, правда: Его народъ когда-то назвалъ мудрымъ, — Богатымъ тоже.

ЗИТТА.

Болѣе чѣмъ прежде Народъ теперь зоветъ его богатымъ, Всѣ говорятъ про драгоцѣнность Сокровищъ, привезенныхъ имъ сюда.

АЛ-ГАФИ.

Ну, если онъ по прежнему богатый, — То върно онъ по прежнему и мудрый.

SHTTA.

Кавъ думаешь, Ал-Гафи, если-бъ ты Къ нему толвнулся?

АЛ-ГАФИ.

Для чего бы это? Не занимать-ли? Воть такъ угадали!— Онъ дастъ взаймы! Да въ томъ его вся мудрость, Что никому взаймы онъ не даеть.

SMTTA.

Но ты его описывалъ мнѣ прежде Совсѣмъ иначе.

550

Α J - ΓΑΦΗ.

Въ случав нужды

Товаромъ онъ ссудитъ; — но денегъ! — денегъ Не дастъ вамъ никогда. — Хотя, конечно, Такихъ жидовъ, какъ онъ, встръчаешь ръдко: Въ немъ много смыслу, онъ умъетъ жить, И превосходно въ шахматы играетъ. Но и въ дурномъ, не меньше-чъмъ въ хорошемъ, Онъ не похожъ на всъхъ другихъ жидовъ. — Нътъ, — на него разсчитывать не стоитъ. Онъ, правда, часто помогаетъ бъднымъ — И можетъ быть, какъ Саладинъ, даетъ, Хотя не такъ-же много, но съ такой-же Готовностью и безъ лицепріятья: Еврей-ли, христіанинъ, мусульманинъ, Огнепоклонникъ — всъ ему равны.

SHTTA.

И у такого....

САЛАДИНЪ.

Какъ могло случиться, Что никогда объ немъ я не слыхалъ?

ЗИТТА.

И денегъ въ долгъ не дастъ онъ Саладину? — Тому не дастъ, кто только для другихъ Нуждается², — не для себя?..

АЛ-ГАФИ.

Вотъ въ этомъ Сейчасъ опять вы видите жида, — Обыкновеннаго жида — повѣрьте. Въ благодѣяньи онъ ревнивъ, завистливъ, — Хотѣлъ-бы такъ, чтобъ одному ему Всѣ нищіе на свѣтѣ говорили: «Спаси васъ Богъ за ваше милосердье!» Затѣмъ-то онъ и не даетъ взаймы, Чтобъ къ подаянью быть всегда готовымъ, — И, такъ какъ сказано ему въ законѣ Про милосердіе, а не услугу,

въстникъ европы.

То для того, чтобъ милосердымъ быть Онъ самый неуслужливый товарищъ. Мы съ нёкоторыхъ поръ таки не ладимъ, Другъ съ другомъ. Не подумайте, однако, Что я за то къ нему несправедливъ; Онъ добръ на все, — но только не на это. Повѣрьте — не на это. Я сейчасъ Пойду просить кого-нибудь другого. Мнѣ помнится, здѣсь жилъ богатый мавръ. Онъ очень скупъ, пойду-ка попытаюсь.

ЗИТТА.

Зачёмъ спёшить?!

САЛАДИНЪ.

Оставь его! Оставь!...

ЯВЛЕНІЕ III.

ЗИТТА, САЛАДИНЪ.

ЗИТТА.

Спёшить онь, словно только избёгаеть Распросовь. Что-же это?—Точно-ль самъ онъ Ошибся—или только хочеть насъ Онъ обмануть?

САЛАДИНЪ.

Могу-ли я отвѣтить? — Вѣдь мнѣ едва извѣстно про кого Вы говорите. Я сегодня слышу Объ этомъ вашемъ Натанѣ впервые.

SMTTA.

Возможно-ль, чтобъ совсѣмъ ты не слыхалъ Про человѣка, о которомъ всюду Молва твердитъ, что будто отыскалъ онъ Гробницы Соломона и Давида,— Что ихъ замки умѣетъ отпирать Всесильнымъ тайнымъ словомъ, и выноситъ Отъ времени до времени оттуда

натанъ мудрый.

Несмѣтныя совровища, которыхъ Источникъ меньшій дать не въ состояньи.

САЛАДИНЪ.

Ну, если изъ гробницъ его богатство, Такъ вѣрно не Давидъ, не Соломонъ, А дураки лежатъ въ гробницахъ этихъ.

3MTTA.

Не-то злодѣи. И притомъ источникъ Его богатствъ гораздо изобильнѣй, Неистощимѣе сокровищъ всякой Гробницы.

САЛАДИНЪ.

Вы сказали: онъ торгусть?

ЗИТТА.

Онъ въ пристаняхъ имъетъ корабли Вездѣ — и вьючный скотъ его гоняютъ По всѣмъ дорогамъ и степямъ. Все это Мнѣ самъ Ал-Гафи говорилъ когда-то. Восторженно разсказывалъ онъ мнѣ: Какъ этотъ другъ его умѣетъ честно, Великодушно пользоваться тѣмъ, Что добывать съ умомъ, трудолюбиво Онъ не считаетъ слишкомъ мелкимъ дѣломъ; Разсказывалъ—какъ чуждъ онъ предразсудковъ, Какъ сердце и душа его открыты Для всякой добродѣтели — всему Прекрасному доступны.

САЛАДИНЪ.

А сегодня Объ немъ Ал-Гафи говоритъ такъ сухо, Такъ неувъренно.

ЗИТТА.

Скорѣй смѣшавшись, Какъ будто похвалить его считаетъ 553

Опаснымъ, и не хочетъ безъ причины, Его бранить. Кавъ?—неужели правда, Что даже лучшій человѣкъ не можетъ Отстать вполнѣ отъ племенныхъ привычекъ, И что Ал-Гафи съ этой стороны Стыдился друга. — Но пускай, какъ знаетъ, Пусть больше или меньше въ немъ еврейства, Но онъ богатъ — намъ этого и нужно.

САЛАДИНЪ.

Вѣдь ты-же не захочешь у него Насильно отнимать его богатство.

ЗИТТА.

Что называешь ты: отнять насильно? Огнемъ? — Мечемъ? — Нѣ́тъ, нѣ́тъ, — въ борьбѣ со слабымъ И слабости его одной довольно. Какое тутъ насиліе! — Пойдемъ-ка Покамѣстъ въ мой гаремъ послушать пѣ́нье Невольницы, мной купленной вчера. Я между тѣ́мъ придумаю, быть можетъ, Какъ приступить намъ къ На̀тану ловчѣй.

ЯВЛЕНІЕ ІУ.

Передъ домомъ Натана въ той сторонѣ, которая соприкасается съ пальмами. РЭХА и НАТАНЪ выходять изъ дому; имъ на встрѣчу ДАЙА.

РЭХА.

Вы очень позамѣшкались, отецъ мой, Теперь его застанете едва-ли.

НАТАНЪ.

Ну, если не подъ пальмами, не здѣсь, Такъ гдѣ-нибудь да сыщемъ, будь покойна. Не Дайа-ли идетъ сюда? смотри-ка. —

PЭXA.

Не потеряла-ль изъ виду его!?

Ну — вѣрно нѣтъ.

РЭХА.

Тогда-бы шла скорбе.

НАТАНЪ.

Должно быть насъ еще не увидала.

РЭХА.

Ну вотъ и видитъ.

НАТАНЪ.

И спѣшить — смотри — Но будь спокойнѣй, Рэха.

РЭХА.

Вы хотите Такую дочь, которая-бы туть Спокойна оставалась, — не заботясь Нисколько: чьимъ благодвяньемъ снова Дана ей жизнь, любимая за то, Что жизнью вы — вы первый обязали.

НАТАНЪ.

Нётъ, — я хочу, чтобъ ты всегда была Такой, какая есть. — И еслибъ даже Я зналъ, что кое-что совсёмъ другое Въ твоей душё гнёздится...

PƏXA.

Что? — отецъ мой!

НАТАНЪ.

Меня спросила ты? — Меня? — такъ робко? — Природа и невинность порождаютъ Все то, что совершается въ тебъ. Ты этимъ не тревожься. — Я спокоенъ — Но только объщай мнъ, что — когда

въстникъ европы.

Тебѣ яснѣй желанья сердца будутъ — Ты отъ меня ни одного не скроешь.

РЭХА.

Скрывать отъ васъ? — Мнѣ даже и подумать Объ этомъ страшно!

НАТАНЪ.

Такъ ни слова больше. Разъ навсегда мы это порѣшили. А вотъ и Дайа. — Ну?

дайа.

Еще гуляетъ

Онъ тутъ подъ пальмами. — Сейчасъ онъ выйдетъ, Вонъ изъ-за той стѣны. — Смотрите: вотъ онъ!

РЭХА.

И словно самъ не знаетъ какъ идти: На лѣво-ли, на право, иль вернуться.

ДАЙА.

Нётъ, онъ не разъ обходитъ монастырь. Бьюсь объ закладъ, что здёсь пройти онъ долженъ.

PЭXA.

Да. Такъ и есть. Ты говорила съ нимъ? Каковъ онъ ныньче?

ДАЙА.

Какъ всегда.

НАТАНЪ.

Такъ станьте

Подальше, чтобъ не могъ онъ васъ замѣтить; А лучше, если вы совсѣмъ уйдете.

PЭXA.

Еще хоть разъ взглянуть! — Нѣтъ! у меня Его опять укралъ заборъ...

дайа.

Пойдемте!

Отецъ вашъ правъ: бѣда намъ, если онъ Увидить васъ — сейчасъ назадъ вернется.

РЭХА.

Ахъ, Господи! — заборъ...

НАТАНЪ.

Но если рыцарь

Изъ-за него появится внезапно, Такъ онъ не можетъ не увидъть васъ.

дайа.

Пойдемте-же! я знаю тамъ мъстечко, Гдъ изъ окна мы ихъ увидимъ...

РЭХА.

Да?...

Обѣ входять въ домъ.

ЯВЛЕНІЕ ∨.

НАТАНЪ, и вскорћ потомъ ХРАМОВНИКЪ.

НАТАНЪ.

Почти страшить чудакь — почти смущаеть Суровой добродѣтелью своей. — И надо-жъ человѣка Въ такое затрудненье приводить. — Идеть. — И юноша, а смотрить мужемъ! Люблю я этоть добрый, дерзкій взглядь — И смѣлый шагь. — Подъ грубой скорлупою Навѣрно не такое-же ядро. Но гдѣ черты подобныя встрѣчалъ я? — Простите, честный рыцарь...

ХРАМОВНИКЪ.

Томъ V. -- Октявръ, 1868.

Digitized 86 Google

Н▲Т▲НЪ.

Позвольте...

ХРАМОВНИКЪ.

Въ чемъ дёло, жидъ?

НАТАНЪ.

Осмѣлиться мнѣ съ вами

Заговорить.

ХРАМОВНИВЪ.

Могу-ль я помѣшать?! Но все-таки короче.

НАТАНЪ.

Извините —

И не спѣшите проходить такъ гордо, Съ такимъ презрѣньемъ мимо человѣка, Котораго къ себѣ вы привязали Навѣки.

ХРАМОВНИВЪ.

Кавъ? — Но чуть-ли я не понялъ: Вы...

НАТАНЪ.

Натаномъ зовутъ меня. — Мнѣ ваше Веливодушье дочь спасло, — и я Пришелъ...

ХРАМОВНИКЪ.

Не съ благодарностью-ль? — Избавьте. И такъ ужъ благодарности довольно Мнѣ выстрадать пришлось за этоть вздоръ. Я ровно ничего для васъ не сдѣлалъ. Я и не вналъ, что вашу дочь спасалъ. Храмовникамъ ихъ долгъ велитъ бросаться На помощь всякому, кто призываетъ. — Притомъ-же въ ту минуту жизнь моя И безъ того была мнѣ слишкомъ въ тягость, — Я ухватился съ радостью за случай, Дававший мнѣ возможность этой жизнью

Digitized by Google

558

натанъ мудрый.

Порисвовать, чужую жизнь спасая — Хотя-бы жизнь какой-нибудь жидовки! —

НАТАНЪ.

И отвратительно — и величаво! — Я понимаю цёль подобныхъ словъ: За этой отвратительною рёчью Себя величье скромное скрываетъ, Чтобъ удивленья избёжать. — Но если Ему противны жертвы удивленій, Какая жертва въ немъ встрёчаетъ меньше Презрёнья? — Рыцарь, я-бы не спросилъ Такъ прямо, если-бъ не были вы плённымъ, Чужимъ у насъ. — Скажите! — Прикажите, Чёмъ я могу служить вамъ? —

ХРАМОВНИКЪ.

Вы? — ничёмъ.

Digitized by Google

Но я богатъ.

ХРАМОВНИКЪ.

НАТАНЪ.

Ни разу жидъ богатый Миѣ не казался лучшимъ.

НАТАНЪ.

Развѣ это

Мѣшаетъ вамъ воспользоваться тѣмъ, Что онъ имѣетъ лучшаго? — Богатствомъ Его воспользоваться?

ХРАМОВНИКЪ.

Хорошо.

Объ этомъ я не стану много спорить, — Не стану — ради моего плаща. Когда онъ весь износится, не будетъ Ни лоскутка надежнаго — пожалуй Я въ вамъ приду занять сукна иль денегъ, Чтобъ новый сшить. — Вы, впрочемъ, не печальтесь. —

въстникъ ввропы.

Теперь пока вамъ нечего бояться: Онъ далеко еще не истрепался. Вы видите — въдь онъ еще изряденъ. Вотъ только скверное пятно въ углу, Должно быть, прожжено, какъ на пожаръ Я несъ чрезъ пламя вашу дочь.

НАТАНЪ. — схвативши край плаща и разсматривая его.

Какъ странно,

Что этотъ опаленный врай плаща, Что гадвое пятно о человѣкѣ Свидѣтельствуетъ лучше, чѣмъ онъ самъ. Позвольте мнѣ!—Пятно я поцѣлую!— Простите!— это ненарочно.

ХРАМОВНИКЪ.

Что?

ዘልፐልዘዄ.

Слеза упала на него.

ХРАМОВНИКЪ.

Пустое! — Одною ваплей больше. — Про себя Этотъ жидъ Меня въ смущенье, наконецъ, приводитъ.

НАТАНЪ.

O! если-бы вы были такъ добры И къ дочери моей, хоть на минутку, Прислали этотъ плащъ.

ХРАМОВНИКЪ.

На что онъ нуженъ?

НАТАНЪ.

Чтобъ и она могла прижать въ губамъ Его пятно, вогда ужъ тавъ напрасно Надбется обнять у васъ колѣни.

ХРАМОВНИКЪ.

Но жидъ, — васъ Натаномъ зовутъ? — но, Натанъ, Вы вашу ръчь слагаете прекрасно, Остро и ловко. — Я смущенъ. — Конечно...

НАТАНЪ.

Старайтесь притворяться, какь угодно — Я вась и туть найду: — вы слишкомъ честны, Добры, чтобъ вѣжливѣе быть. — Вы знали, Какъ много чувства ожидать могли Въ спасенной вами дѣвушкѣ, — какъ много Готовности могли найти въ слугѣ; Отецъ былъ далеко — и ваше имя Отъ нареканья вы оберегали. Боясь ее подвергнуть испытанью, Боясь побѣды, вы бѣжали, рыцарь. Спасибо вамъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Я долженъ согласиться, Что вамъ извёстно, какъ обязанъ думать Храмовникъ.

НАТАНЪ.

Все такъ, храмовникъ только! И какъ обязанъ! — словно потому, Что орденъ такъ велитъ ему. — Я знаю Какъ думаетъ хорошій человѣкъ. Я знаю, что повсюду можно встрѣтитъ Людей хорошихъ.

. ХРАМОВНИКЪ.

Но съ различьемъ тоже,

Надѣюсь.

НАТАНЪ.

Да. — Съ различьемъ въ цвѣтѣ вожи, Въ сложеніи, въ одеждѣ.

ХРАМОВНИВЪ.

И при этомъ Въ одной странѣ ихъ больше, чѣмъ въ другой.

Ну тутъ еще не велико различье. — Большому кораблю повсюду нужно Большое плаванье — и если много Большихъ деревьевъ близко насажать — Ихъ вѣтви станутъ сохнуть и ломаться. Нѣтъ, по-просту, какъ мы, людей хорошихъ Во всѣхъ странахъ вы встрѣтите не мало. — Но только надо, чтобъ одинъ другого Не порицалъ, — чтобъ терпѣливо наросль Корявый сукъ сносила, — чтобъ верхушка Не вздумала гордиться, что она Одна изъ-подъ земли не выростала.

ХРАМОВНИКЪ.

Прекрасно сказано. — Но вѣрно тоже Вы знаете, какой народъ впервые Сталъ порицать другіе; - вамъ извѣстно, Какой народъ впервые называлъ Себя народомъ избраннымъ у Бога. Чтожъ, - если въ этому народу я И не питаю ненависти? - если Я только удержаться не могу, Чтобъ гордость въ немъ не презирать?.- Ту гордость, Которую онъ передалъ въ наслѣдство Какъ мусульманамъ, такъ и христіанамъ: — Что только Бога, признаннаго ими, Обязанъ всякій истиннымъ считать!? Вы удивляетесь, что я — храмовникъ, Я — христіанинъ — говорю вамъ это? Когда-жъ и гдѣ въ такомъ ужасномъ видѣ, Какъ здёсь, какъ въ наше время, проявлялось Благочестивое безумство — думать, Что Бога лучшаго мы ночитаемъ -И потому навязывать его, Какъ лучшаго, насильно, всей вселенной. Кто здъсь? Кто въ наше время видить ясно? Но будь слёнымъ вто хочетъ — позабудьте Мои слова! — Оставьте вы меня.... Хочеть нати.

А! — вы не знаете насколько крёпче Меня теперь въ себѣ вы привязали. Постойте! — Мы должны друзьями быть. Народъ мой презирайте, какъ хотите: Не мы себѣ народъ свой выбирали И мы еще народъ не составляемъ. Да что народъ? — Вѣдь люди остаются Людьми и въ христіанствѣ, и въ еврействѣ. Ахъ! — Еслибы мнѣ въ васъ пришлось найти Хотя однимъ бы человѣкомъ больше, Которому довольно и того, Что носитъ онъ названье человѣка.

ХРАМОВНИЕЪ.

Да! видитъ Богъ, что вы нашли такого. Да, Натанъ, вашу руку! — я стыжусь, Что на мгновенье могъ въ васъ ошибаться.

НАТАНЪ.

Мий это льстить. — Вйдь рйдко ошибешься Въ обыкновенномъ только.

ХРАМОВНИБЪ.

И не скоро Забудешь рёдкое. — Вы правы, Натанъ, Должны мы быть друзьями.

НАТАНЪ.

Мы друзья. Какъ рада будетъ Рэха — и какую Я будущность прекрасную предвижу. Узнайте только дочь мою!

ХРАМОВНИВЪ.

Объ этомъ Я съ нетериѣньемъ думаю. — Но кто-то Выходить изъ дому у васъ. — Не Дайа?

563

Она. — Какъ робко!

ХРАМОВНИКЪ.

Можеть, съ нашей Рэхой Случилось что-нибудь....

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и ДАЙА — входять поситанно.

дайа.

Ахъ! Натанъ!

НАТАНЪ.

Hy?

дайа.

Простите, честный рыцарь, что должна я Прервать васъ....

НАТАНЪ.

Что тамъ?

ХРАМОВНИКЪ.

· Что случилось, Дайа?

ДАЙА.

Султанъ прислалъ, — султанъ къ себѣ зоветъ васъ. Ахъ, Господи! — султанъ!

НАТАНЪ.

Меня? — султанъ? Онъ вѣрно привезенныя новинки Желаетъ посмотрѣть. — Поди, скажи, Что мы еще товаръ не разбирали.

дайа.

Нътъ, нътъ! Онъ ничего не хочетъ видъть ---

натанъ мудрый.

Ему угодно съ вами говорить, — И лично съ вами, и скоръй — какъ можно.

НАТАНЪ.

Сейчасъ приду. — Ступай.

ДАЙА.

Ужъ вы

На насъ не прогнѣвитесь, храбрый рыцарь. Ахъ, Господи, мы всѣ въ такой тревогѣ — На что султанъ васъ можетъ звать?

НАЛАНЪ.

Увидимъ.

Ступай!

ЯВЛЕНІЕ УП.

НАТАНЪ в ХРАМОВНИКЪ.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ вы не знаете его? Я разумѣю: лично.

НАТАНЪ.

Саладина? —

Я не искаль, хоть и не изб'вгаль Знакомства съ нимъ. — Молва объ немъ такъ много Хорошаго твердитъ, что лучше в'врить Чъмъ видъть. — Но теперь, когда бы даже Неправду говорили, такъ одна Пощада вашей жизни....

ХРАМОВНИКЪ.

Правду! — правду! — Навѣрно. — Жизнь моя — его подарокъ...

НАТАНЪ.

Которымъ вдвое, втрое жизнь и мнѣ

Digitized by Google

۰,

Онъ подарилъ, — и это между нами Мъ́няетъ все, накинуло мнѣ петлю, Которой вѣчно буду я отнынѣ Къ нему привязанъ. — Съ нетерпѣньемъ жду Я первыхъ приказаній Саладина. Я ко всему готовъ! — Готовъ сознаться, Что ради васъ ему настолько преданъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Я самъ, хоть и не рёдко съ нимъ встрёчался, Еще не могъ его благодарить. Мгновенно произвелъ я впечатлёнье — И вновь оно мгновенно миновало. Кто знаетъ, помнить-ли онъ обо мнѣ, А все-таки еще придется вспомнить Хоть разъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ рѣшить Мою судьбу. Вѣдь мало, что живу я По волѣ, по приказу Саладина, Въ его рукахъ вся будущность моя.

НАТАНЪ.

Не иначе! — Тёмъ больше, я спёщу. Быть можеть, выдастся еще словечко — И мы заговоримъ объ васъ. Прощайте. Позвольте мнё, — я тороплюсь въ нему. Когда же у себя мы васъ увидимъ?

ХРАМОВНИВЪ.

Когда позволите.

НАТАНЪ.

Когда хотите.

ХРАМОВНИКЪ.

Сегодня.

Н▲ТАНЪ.

Ваше имя?

ХРАМОВНИКЪ.

Было прежде — Меня зовуть — фонъ-Штауфенъ, Курдъ фонъ-Штауфенъ.

Фонъ-Штауфенъ? — Штауфенъ!...

ХРАМОВНИКЪ.

Чтожъ вась удивляеть?

НАТАНЪ.

Фонъ-Штауфенъ? — такъ! — изъ вашего семейства Ужъ многіе....

ХРАМОВНИКЪ.

Бывали здёсь? — Еще бы! Останки многихъ догниваютъ здёсь. Мой дядя даже, то-есть нётъ — отецъ мой, Хотёлось мнё сказать.... Но отчего Вы на меня такъ пристально глядите?

НАТАНЪ.

O! — ничего! могу ли я на васъ Довольно наглядёться.

ХРАМОВНИВЪ.

Потому - то ,

Я первый оставляю васъ. — Нерѣдко Взглядъ испытующій находитъ больше, Чѣмъ хочетъ, — я таки его боюсь. Пускай же насъ не любопытство, Натанъ, А время понемногу познакомитъ.

Уходить.

НАТАНЪ — взумленный глядить ему всябдь.

«Взглядъ испытующій находить больше, Чёмъ хочеть». — Словно мысль мою прочель.... Да, это можеть и со мной случиться. Не только рость, походка, — голосъ Вольфа. Точь-въ-точь какъ Вольфъ, онъ носить мечь у ловтя. Какъ Вольфъ рукой проводить по бровямъ, Скрывая жгучій взглядъ. Какъ Вольфъ, бывало, Закидываетъ голову назадъ. — Такъ иногда сповойно дремлють въ насъ Когда-то сердцу близкія картины, Покам'єсть слово, звукъ какой-нибудь Ихъ не разбудитъ. Штауфенъ — да! — конечно, Фонъ-Фильнекъ и фонъ-Штауфенъ — да! — Я скоро Подробн'е узнаю это все.... Но прежде къ Саладину. — Кто тамъ? — Дайа — Зачѣмъ-то снова крадется. Иди!...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДАЙА, НАТАНЪ.

НАТАНЪ.

Ну что? — Опять сердца въ васъ истомились-Желаньемъ знать, но не объ томъ, что нужно Султану.

дайа.

Какъ винить ее за это? Вы только-что довѣрчивѣе стали Съ нимъ разговаривать, какъ насъ пугнуло Посланіе султана отъ окна.

НАТАНЪ.

Ты ей скажи, чтобъ каждую минуту Она ждала его.

ДАЙА.

Навѣрно?

НАТАНЪ.

Дайа, —`

Могу ли на тебя я положиться? Прошу тебя, будь осторожна съ нимъ. Ты въ этомъ не раскаешься, — и даже Сведешь ты счеты съ совъстью своей. Смотри же, только планъ мой не испорти. Въ разсказахъ и разспросахъ будь скромна, Умъренна.

натанъ мудрый.

дайа.

Нашли что поминать! Иду. И вы ступайте. Вонъ, глядите: Не къ вамъ ли снова посланный султана, Ал-Гафи вашъ?

٩

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ IX.

натанъ, ал-гафп.

АЛ-ГАФИ.

А я шелъ въ вамъ опять.

НАТАНЪ.

Тавъ дѣло спѣшное? Чего онъ хочетъ?

АЛ-ГАФИ.

Кто?

НАТАНЪ.

Саладинъ. Иду, иду.

АЛ-ГАФИ.

Куда?

Къ султану?

НАТАНЪ.

Развѣ ты ко мнѣ не присланъ Султаномъ?

АЛ-ГАФИ.

Нѣтъ. Такъ онъ ужъ присылалъ?

НАТАНЪ.

Конечно.

АЛ-ГАФИ.

Ну, понятно.

Что понятно?

АЛ-ГАФИ.

Но видить Богъ, что я не виновать. Чего, чего про васъ не говориль я, Чего не лгаль, чтобъ только отклонить.

НАТАНЪ.

Что отклонить?

АЛ-ГАФИ.

Онъ васъ теперь назначитъ Своимъ казнохранителемъ. Мнъ жаль васъ, Но видёть этого я не намъренъ, И ухожу сейчасъ же. А куда? Вы слышали — дорога вамъ извъстна. Не нужно-ль, по пути, послать со мною Чего-нибудь? Скажите, — я въ услугамъ. Конечно, только что голявъ тащить Съ собою можетъ. Говорите живо. Я ухожу.

НАТАНЪ.

Ал-Гафи, образумься. Въдь я еще не знаю ничего. О чемъ ты говоришь?

АЛ-ГАФИ.

Вы ихъ возьмете Съ собой сейчасъ, мѣшки?

НАТАНЪ.

Мѣшки?

АЛ-ГАФИ.

Ну, деньги,

Которыя дадите въ долгъ султану.

НАТАНЪ.

И только?

АЛ-ГАФИ.

Мић смотрћъь, какъ онъ день-за-день Васъ до послћдней нитки оберетъ? Какъ занимать, и занимать онъ будетъ На мотовство, покамћстъ даже мыши Не околћютъ съ голоду въ амбарахъ, Гдћ много добраго всегда хранилось На милосердье мудрое? Постойте! Вы, можетъ быть, себћ вообразили, Что тотъ, кто золото у васъ беретъ, Послћдуетъ и вашему совћту? — Совћту? онъ? Когда же Саладинъ Совћта слушалъ? Знаете ли, Натанъ, Что только-что онъ сдћлалъ?

НАТАНЪ.

Hy?

АЛ-ГАФИ.

Къ нему

Являюсь я. А до меня съ сестрою Онъ въ шахматы игралъ. Она умбетъ Порядочно играть. Еще стояла Игра неконченною на доскб; Но онъ рбшилъ, что выиграла Зитта. Гляжу: ну, нбтъ! Еще игру далеко Нельзя назвать проигранною.

НАТАНЪ.

Ea!

Ла это для тебя была находка.

АЛ-ГАФИ.

Онъ долженъ былъ, подвинувъ короля, Приврыться пѣшкой. Еслибъ можно было Вамъ показать....

НАТАНЪ.

О! я и такъ повѣрю....

АЛ-ГАФИ.

Такъ открывалъ онъ ходъ слону, и Зитта Погибла бы навѣрно. Я хотѣлъ ужъ Ему все это ясно доказать. Зову его — и что-жъ?

НАТАНЪ.

Онъ не согласенъ?

АЛ-ГАФИ.

Онъ и не слушаеть. Онъ опрокинулъ Презрительно всѣ шашки.

НАТАНЪ.

Быть не можетъ!

АЛ-ГАФИ.

Сказаль: «Мнѣ мать — я такъ хочу!» Онъ хочетъ! Что-жъ это за игра?

НАТАНЪ.

Игра игрою.

АЛ-ГАФИ.

Во всякомъ случаѣ, игра такая И скорлупы орѣховой не стоитъ.

НАТАНЪ.

Грёхъ не великъ, что деньгами соритъ онъ, Но что тебя не выслушалъ, — что въ дѣлѣ Подобной важности не слушалъ вовсе, Что твой орлиный взглядъ не оцѣнилъ, — За это онъ достоинъ мщенья. Такъ ли?

АЛ-ГАФИ.

Ахъ, что?! Я говорю вамъ это только, Чтобъ знали вы, что онъ за голова.

Ну, словомъ, жизпь мнъ съ нимъ невыносима. Вотъ, шляюсь я ко всякимъ грязнымъ маврамъ И ихъ прошу, не дастъ ли кто взаймы. Я! — я, который для себя ни разу Руки не протянуль за подачныемъ. ---Я для другихъ обязанъ занимать. А, право, занимать не многимъ лучше Выпрашиванья милостыни; такъ же, Какъ въ долгъ давать, съ разсчетомъ на проценты, Не многимъ лучше, чъмъ украсть. У Ганга Все это чуждо мнъ. Тамъ я не долженъ Служить орудіемъ такимъ продълкамъ, И только тамъ людей встрвчаешь. Здесь же Изъ всѣхъ, кого я знаю, вы одни Достойны жить у Ганга. Не хогите ль? Пойдемте вмѣстѣ. Гросьте вы ему Весь этотъ хламъ, которымъ онъ такъ занятъ. Въдь понемногу все огниметъ -- все! А этакъ вы, по крайней мерь, разомъ Отъ всёхъ хлопоть избавитесь. Пойдемте, Я васъ одёну дервишемъ.

НАТАН'Ь.

Я думалъ,

Что это сдёлать мы всегда успёемъ. Но все-таки я поразмыслю, Гафи. Постой....

АЛ-ГАФИ.

Въ такихъ дёлахъ не размышльютъ.

НАТАНЪ.

Дай мнѣ сходить въ султану. Дай проститься.

АЛ-ГАФИ.

Кто хочеть размышлять, тогъ ищетъ поводъ, Чтобь не посмѣть рышиться. Кто не можетъ Рѣшиться разомъ жить, какъ хочеть самъ, Тотъ будетъ вѣчно жить рабомъ другого. Какъ знаете! Ну, будьте же счастливы, Пока вамъ это кажется возмо.кнымъ. Моя дорога тамъ, а ваша — здѣсь.

Томъ V. - Октяврь, 1868.

въстникъ ввропы.

НАТАНЪ.

Вѣдь ты сперва провѣрить счеты долженъ?

АЛ-ГАФИ.

Эхъ! Пустяки. Не стоить и считать Остатокъ кассы. А что счеты върны — Въ томъ вы поручитесь; не вы, такъ Зитта. Желаю счастья вамъ.

Уходить.

НАТАНЪ.

Я поручусь.

Ты! — дикій, добрый, честный, — какъ назвать мнѣ Его?! Да, только настоящій нищій Единственный и настоящій царь!

Уходить въ другую комнату.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ І.

Въ домв Натана.

РЭХА и ДАЙА.

PЭXA.

Какъ, Дайа, какъ сказалъ тебѣ отецъ мой: «Чтобъ каждую минуту ждать его?» — Вѣдь это значить, что придетъ онъ скоро; А между тѣмъ, ужъ множество минутъ Прошло! Пускай! что думать о прошедшемъ? Нѣтъ, лучше каждой будущей минутой Я стану жить; придетъ-таки одна — И принесетъ его.

дайа.

Ужъ это, право, Провлятое посольство! — не оно бы, Тавъ Натанъ непремънно бы теперь же Привелъ его съ собою.

натанъ мудрый.

PƏXA.

Но вогда

Минута эта, наконецъ, наступитъ... Когда исполнится мое желанье Горячее, сильнъйшее изъ всъхъ, — Тогда-то что же?

дайа.

Что тогда? Надеюсь,

Тогда исполнится и то, что я Желаю горячо.

P9XA.

Я такъ привыкла Имѣть одно, сильнѣйшее желанье. Когда его не будетъ, что̀-жъ тогда Его замѣнитъ мнѣ? Ничто? Мнѣ̀ страшно.

дайа.

Мое желанье, слышишь ли, мое Заступить мёсто прежняго: желанье — Въ Европё увидать тебя, въ рукахъ Тебя достойныхъ.

P9XA.

Нёть, ты въ заблужденьи. Не тоже-ль самое, что заставляеть Тебя мечтать объ этомъ, не допустить, Чтобъ и мон желанья были тё же? Тебя манить на родину твою, А я свою безъ сожалёнья брошу? Картины твоего воспоминанья Должны сильнёе дёйствовать, чёмъ то, Что я могу сама здёсь видёть, слышать, И оснзать....

дайа.

Упорствуй сколько хочешь. Господень путь — есть путь Господень. Что же, Коль рыцарь твой у Бога своего, У Бога, за котораго онъ бьется, На то и выбранъ именно, чтобъ имъ

въстникъ ввропы.

Ты свезена была въ иныя страны, Къ народамъ, для которыхъ родилась? —

PЭXA.

Ну что ты мнѣ опять болтаешь? Право — Вѣдь у тебя престранныя понятья: У Бога своего! — какой-же Богъ, Ему лишь одному принадлежащій, — И — за котораго онъ бьется! — Дайа! Какому Богу нужно, чтобы люди Изъ-за него другъ друга убивали? — . И почему мы знаемъ, для какого Клочка земли мы рождены на свътъ, Когда не для того, гдѣ мы родились? Ну если-бы отецъ мой это слышалъ? Что сдёлаль онь тебё? — Зачёмь всегда Какъ можно дальше отъ него ты ищешь Мић счастья? — Что тебћ онъ сдблалъ, Дайа, Что ты мѣшаешь съ сорною травой ---Съ цвѣтами родины твоей любезной — То сѣмя разума, которымъ въ душу Такъ чисто свялъ мнв отецъ мой? Дайа, Дружовъ ты мой, онъ наконецъ не хочеть, Чтобъ пестрые цвѣты твои росли На почвѣ моего разсудка. — Знаещь, И я сама должна тебѣ признаться, Что хоть они блестящи и врасивы, Но истощають силы молодыя — И запахъ ихъ удунцивъ и тяжелъ. Твой мозгъ къ нимъ более привыченъ, Дайа. — И этимъ я не осуждаю нерв Которыя выносять этоть запахь; Но только онъ меня-то одуряетъ. Вотъ, напримъръ, хоть давича — твой ангелъ! Какой было меня онъ глупой сдёлаль! Я этой глупости и до сихъ поръ Стыжусь передъ отцемъ.

дайа.

Гм! — глупость! — Словно Встрѣчаешь умныхъ только въ здѣшнемъ домѣ. О! — если-бы я смѣда говорить.

576

РЭХА.

А развѣ ты не смѣешь? - Но когда-жъ я Не слушала со всёмъ вниманьемъ все, Что ты мнѣ говорила о герояхъ Твоей религи? И развѣ я Не удивлялась ихъ дѣламъ и жизни? Не плакала объ ихъ тяжелыхъ мукахъ? Въ нихъ, правда, наиболѣе геройскимъ Считала я не въру; но тъмъ больше Миѣ было утѣшительно ученье: Что не зависить отъ мечтаній нашихъ О Богѣ — наша преданность ему. Какъ часто намъ говаривалъ объ этомъ Отецъ мой, и сама ты, Дайа, часто Съ нимъ соглашалась, такъ зачѣмъ-же снова Стараешься разрушить, что бывало Съ нимъ вмёстё строила? - Мы не должны-бы Объ этомъ спорить въ ожиданьи друга. — А впрочемъ, для меня оно и кстати: Какъ безконечно-бы хотѣлось мнѣ, Чтобъ то-же онъ... Чу! слышала ты, Дайа? Къ намъ, кажется, вошли? - Ахъ! еслибъ это Былъ онъ!...

ЯВЛЕНІЕ II.

РЭХА, ДАЙА и ХРАМОВНИКЪ, которому кто-то отворниъ дверь, говоря:

Войдите.

РЭХА, вэдрагиваеть, но сдерживаеть себя и хочеть упасть передь нимь на кольни. Онъ! — О мой спаситель!

ХРАМОВНИКЪ.

Чтобъ этого избѣгнуть, медлилъ я Сюда идти — и все-таки...

PƏXA.

Простите.

Я передъ этимъ гордымъ человѣкомъ --- .

У ногъ его, хочу еще хоть разъ

.

Благодарить, но не его, а Бога. Онъ благодарности моей не приметъ, Какъ и ведро, работавшее то-же И съ пользой, и усердно, на пожаръ. Нальють его водой — и выльють снова — Оно того не чувствуеть. — Онъ тоже Случайно только брошенъ былъ въ огонь. Потомъ къ нему я на руки попала, Кавъ искра налетъвшая на плащъ, ---И, наконецъ, не знаю что оттуда Обоихъ вмѣстѣ выбросило насъ. — За что-же туть благодарить? - Въ Европъ Иной разъ, подъ вліяніемъ вина, И не такіе подвиги творятся; Храмовники должны тавъ поступать, Должны — вакъ тъ ученыя собаки, Которыя и оть огня спасають И изъ воды выносять.

> ХРАМОВНИКЪ — который все время глядаль на Рэху съ удивленіемъ и безпокойствоиъ.

Дайа, Дайа! Я знаю, что тебя я оскорблялъ Въ минуту раздраженія и горя; Но для чего-же ей передавать Всё глупости, которыя срывались Въ то время съ языка? — Вёдь это значить, Что слишкомъ зло ты мстила за обиду. — Быть можетъ, Дайа, ты теперь словечко Замолвишь за меня.

дайа.

Мой добрый рыцарь, Не думаю, чтобъ колкость вашихъ словъ, Затронувши сердечко Рэхи, сильно Вамъ повредило въ немъ.

PƏXA.

Вы были въ горё? И вашимъ горемъ вы скупились больше, Чёмъ вашей жизнью.

ХРАМОВНИЕЪ.

Доброе дитя! Моя душа двоится передъ вами: Смотрѣть-ли мнѣ, иль слушать, самъ не знаю. Нѣтъ, нѣтъ! не эту дѣвочку я вынесъ Изъ пламени! Кто сталъ-бы ждать меня? Кто могъ-бы знать ее — и въ тоже время Не броситься въ огонь ее спасти? — Но, впрочемъ, страхъ мѣняетъ человѣка. Модчаніе. Овъ какъ-бы забывается любуясь ер.

P 9XA.

А я васъ пахожу еще все твмъ-же.

Опять молчаніе, которое она прерываеть, чтобъ прекратить его задумчивое созерданіе.

Ну, разсважите, рыцарь, гдё вы были Такъ долго? — Я почти могу спросить: Теперь - то гдё вы?

ХРАМОВНИКЪ.

Тамъ, — гдѣ, можетъ статься, Не слѣдуетъ мнѣ быть.

PЭXA.

А гдё вы были? Опять гдё вамъ не слёдовало быть? — Не хорошо.

ХРАМОВНИКЪ.

Я быль на той горѣ... Ну, какъ бишь — на Синаѣ.

P9XA.

На Синаъ́? Прекрасно. — Наконецъ, я достовърно Узнаю...

ХРАМОВНИКЪ.

Что? — Дъ́йствительно-ли видно То мъ́сто, гдъ когда-то Моисей Стоялъ предъ Богомъ?...

РЭXА.

Только ужъ не это. — Гдѣ онъ стоялъ, тамъ онъ стоялъ предъ Богомъ, — И этого съ меня вполив довольно. — Нѣтъ. Правда-ли, хотѣла я спросить, Что будто-бы всходить на эту гору Гораздо легче, чѣмъ съ нее сходить? — Что до меня — мнѣ сколько ни случалось Взбираться на горы — всегда бывало Наоборотъ. — Ну, рыцарь? — Что? — Зачѣмъ-же Вы отвернулись? — На меня глядѣть Вы не хотите.

ХРАМОВНИКЪ.

Я хочу васъ слушать.

РЭХА.

Вы не хотите дать замѣтить мнѣ, Что простотѣ моей вы улыбнулись, — Что вамъ забавно — какъ про эту гору, — Святѣйшую изъ горъ, — я не съумѣла Спросить чего-нибудь важнѣй? -- не такъ-ли?

ХРАМОВНИКЪ.

Совсѣмъ не то! Опять вамъ буду прямо Глядѣть въ глаза. Что? — вы ихъ опустили? Теперь ужъ вы хотите скрыть улыбку! — Но для чего я отыскать стараюсь Въ неясномъ выражении лица, Что я такъ внятно слышу — что вы молча Мнѣ сами высказали. — Рэха! Рэха! Какую правду онъ сказалъ: «узнайте Ее — узнайте только»!

РЭХА.

Кто сказалъ вамъ? ---

И про вого?

храмовникъ.

«Узнайте дочь мою!» — Мнѣ говорилъ про васъ отецъ вашъ.

дайа.

Развѣ

Не тоже говорила вамъ и я?

ХРАМОВНИКЪ.

• Но гдѣ-же онъ? отецъ вашъ. — Неужели Онъ у султана до сихъ поръ?

РЭХА.

Конечно.

ХРАМОВНИКЪ.

Все тамъ еще? — Нътъ, нътъ! Какъ я забывчивъ! — Онъ врядъ-ли тамъ. Онъ върно ждетъ меня Внизу — у монастырскихъ стънъ. — Мы въ этомъ, Какъ помнится, условились. — Его Я приведу. Позвольте...

дайа.

Это дѣло

Мое. — Останьтесь, рыцарь; — я сейчасъ За нимъ схожу.

ХРА МОВНИКЪ.

Меня онъ хочетъ видёть — Не васъ. — Притомъ — кто знаетъ? — онъ легко Могъ у султана — могъ легко смутиться. — Въдь вы не знаете султана. — Върьте, Тутъ есть опасность. — Мнѣ необходимо Идти.

PЭXA.

Опасность?

ХРАМОВНИКЪ.

Для меня! — Для васъ! И для него опасность, — если тотчасъ Я не уйду. Уходить.

ЯВЛЕНІЕ III.

РЭХА в ДАЙА.

P9XA.

Такъ скоро! — Дайа, — что-же Все это значитъ? Что его сразило? Что выгнало его?

дайа.

Пускай себѣ; Я думаю, что это знакъ хорошій.

PЭXA.

Какой же?

дайа.

Кое-что въ немъ происходитъ: Оно внутри випитъ — и не должно Перекипѣть. Пускай! — за вами дѣло.

PЭXA.

За мной? — и ты становишься, какъ онъ, Мнъ ненонятной.

дайа.

Скоро можно будеть Вамъ поплатиться съ нимъ за безпокойство, Которымъ онъ васъ мучилъ. — Только вы Не будьте слишкомъ мстительны и строги.

P9XA.

Ну, понимай сама, о чемъ болтаешь.

дайл.

Такъ вы опять совсёмъ сповойны?

PƏXA.

Да. —

Да, я сповойна.

дайа.

Но, по крайней мъ́ръ́, Сознайтесь: вамъ пріятно видъть въ немъ Такое безпокойство? И спокойны Вы оттого, что не спокоенъ онъ.

PЭXA.

Мић это совершенно непонятно. Одно еще, въ чемъ я могу сознаться, Такъ это въ томъ, что я сама дивлюсь, Какъ, тотчасъ послѣ бурнаго волненья, Мић стало вдругъ такъ тихо и отрадно.---Его слова, его пріятный взглядъ Меня....

дайа.

Пресытили?

PЭXA.

О, нѣтъ, конечно,

Нѣтъ, далево не то.

дайа.

Такъ первый голодъ

Поутолили?

РЭХА.

Если хочешь — да!

дайа.

Ну, я не то хочу.

P9XA.

Онъ вёчно будетъ Мнё дорогъ; онъ останется мнё вёчно Дороже жизни; хоть теперь ужъ больше При имени его не бьется сердце Во мнё сильнёе. Не вздыхаю грустно, Когда задумаюсь объ немъ. Да что я Болтаю.... Дайа, милая, пойдемъ Опять къ окну, гдё можно видёть пальмы.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

дѧӥ҄ѧ.

Такъ, стало быть, еще и первый голодъ Не заморенъ?

РЭХА.

Теперь и пальмы тоже Я буду видёть, — а не одного Его подъ пальмами.

дайа.

Холодность эта Ведеть къ началу новой лихорадки.

PЭXA.

Холодность?! — я не холодна; и право Не съ меньшимъ наслажденьемъ вижу то, На что могу смотръть я безъ волненья.

SBJEHIE IV.

Аудіенцъ-зала во дворцъ Саладина.

САЛАДИНЪ и ЗИТТА.

САЛАДИНЪ — входя, говорить въ дверь.

Когда придетъ еврей, его сейчасъ же Ввести сюда. Какъ видно, не привыкъ Онъ торопиться.

SMTTA.

Върно, не былъ дома, И своро не могли его найти.

САЛАДИНЪ.

Cecrpa! cecrpa!

ЗИТТА.

Ты, право, словно въ битвъ

Готовишься.

натанъ мудрый.

САЛАДИНЪ.

Притомъ, такимъ оружьемъ, Которымъ и владѣть я не умѣю: Я долженъ сѣть разставить, притворяться, Обманывать, лукавить. Гдѣ же мнѣ Все это знать? — и для чего все это? Чтобъ деньги выудить, чтобъ деньги страхомъ Сорвать съ жида. Неужли, наконецъ, Мнѣ мелочною хитростью придется Добыть мельчайшую изъ мелочей?

SHTTA.

И мелочью пренебрегать не надо, Иль худо можетъ быть.

САЛАДИНЪ.

Къ несчастью, да! А если этотъ жидъ и въ самомъ дѣлѣ Хорошій и разумный человѣкъ, Какъ прежде говорилъ о немъ Ал-Гафи?

SMTTA.

Что нужды въ томъ? Вёдь западню разставишь Ты только для жида, который скупъ, И боязливъ, и недовёрчивъ. Если-жъ Онъ точно добрый, мудрый человёкъ, Такъ нашимъ будетъ онъ и безъ обмана. При этомъ ты еще себё въ добавокъ Доставишь удовольствіе — узнать: Какъ смёло, какъ разумно онъ отвётитъ; Какъ смъло, какъ разомъ перерветъ, Иль осторожно обойдетъ опасность.

САЛАДИНЪ.

Да, да! Я буду радъ его послушать.

ЗИТТА.

Тавъ больше вёдь и нечёмъ затрудняться; Ужъ вёрно, если онъ одинъ изъ многихъ, -

въстникъ вврощи.

И только жидъ, какъ жидъ — не станешь ты Стыдиться, что ему такимъ являлся, Какими всёхъ считаетъ онъ. И больше: Кто захотёлъ бы лучшимъ показаться — Ему казаться будетъ вздорнымъ, глупымъ.

САЛАДИНЪ.

По твоему, чтобъ человѣкъ дурной Не думалъ дурно обо мнѣ, и самъ я Обязанъ дурно поступать.

ЗИТТА.

Пожалуй, Когда считаешь ты дурнымъ поступкомъ — Умѣнье пользоваться всякой вещью, Сообразуясь съ ней.

САЛАДИНЪ.

Когда-жъ бывало, Чтобъ женскій мозгъ свое изобрѣтенье Да разуврасить не съумѣлъ?

SHTTA.

Украсить?

САЛАДИНЪ.

Боюсь я, эта тонкая вещица, — Съ моей неловкостью, въ моей рукѣ — Какъ разъ сломиться можетъ. Тутъ бы нужно И́дѣйствовать, какъ выдумано было: Хитро и ловко. — Ну! пускай себѣ! Я пропляшу, какъ знаю. Хоть, конечно, Я радъ бы лучше дурно проплясать, Чѣмъ хорошо.

SMTTA.

Не будь такъ недовърчивъ Къ себъ. И если только ты захочешь — Ручаюсь за тебя. Но это страсть Людей, тебъ подобныхъ: увърять насъ,

натанъ мудрый.

Что до всего они добились только Однимъ мечемъ. Хоть льву, вонечно, стыдно Гоняться за лисицей; — но лисицы Стыдится онъ: не хитрости ея.

САЛАДИНЪ.

И вотъ какъ любитъ женщина понизить Мужчину въ уровень съ собой. Ступай. Я думаю, что выполнить съумѣю Урокъ свой.

SMTTA.

Мић уйти?

САЛАДИНЪ.

А ты хотѣла

Остаться вдёсь?

ЗИТТА.

Ну, хоть не здѣсь, но рядомъ, Въ сосѣдней комнатѣ.

САЛАДИНЪ.

Подслушать? — нёть. И тамъ нельзя сестра; чтобъ не мёшать мнё, Ступай, ступай! мнё слышатся шаги. — Но не подслушивать, я все увижу. Въ то время, какъ Знтта выходить въ одну дверь, входать Натанъ въ другую, и Саладанъ садится.

SBJEHIE V.

САЛАДИНЪ в НАТАНЪ.

САЛАДИНЪ.

Смѣлѣе, жидъ! смѣлѣе подходи Сюда поближе! — ближе. Безъ боязни.

Н▲ТАНЪ.

Внушай ее врагу.

САЛАДИНЪ.

Ты Натань?

НАТАНЪ.

Ja.

САЛАДИНЪ.

И Натанъ мудрый?

НАТАНЪ.

Нѣтъ.

САЛАДИНЪ.

Я понимаю, Что самъ себя ты такъ не называешь; Но твой народъ.

НАТАНЪ.

Да, можетъ быть, народъ.

САЛАДИНЪ.

Не думай, что съ презрѣньемъ говорю я О голосѣ народа. Мнѣ давно ужъ Хотѣлось знать того, кому народъ Даетъ названье мудраго.

НАТАНЪ.

А если

Я прозванъ такъ въ насмѣшку? если мудрый, Въ устахъ народа, значитъ только — умный? А умный тотъ, кто выгоду свою Умѣетъ соблюдать?

САЛАДИНЪ.

Предполагая

Тутъ истинную выгоду.

НАТАНЪ.

Тогда

. НАТАНЪ МУДРЫЙ.

Своекорыстный всёхъ умнёй; а мудрость И умъ — одно и то же.

САЛАДИНЪ.

Этимъ ты Доказываешь то, что опровергнуть Стараешься: — народу неизвѣстно, Въ чемъ истинная выгода людей; Но ты узналъ ее; — по крайней мѣрѣ, Узнатъ старался, размышлялъ. За это Одно — ты вправѣ называться мудрымъ...

НАТАНЪ.

Какимъ себя считаетъ всякій.

САЛАДИНЪ.

Полно.

Противна мнѣ уклончивая скромность. Простой и здравый смысль мнѣ нуженъ. Къ дѣлу. Встаетъ.

Но только искреннимъ ты долженъ быть,

И искреннимъ вполнѣ.

НАТАНЪ.

Я постараюсь Тебѣ настолько услужить, что буду И впредь достоинъ твоего знакомства.

САЛАДИНЪ.

Какъ услужить?

НАТАНЪ.

Ты отъ меня получишь Все лучшее и по дешевымъ цѣнамъ.

САЛАДИНЪ.

Про что ты говоришь? Не про товаръ ли? Съ моей сестрой ты будешь торговаться. Про себя. Пускай подслушаетъ. А мнѣ купецъ

Не нуженъ. Томъ V. — Октябрь, 1868.

въстникъ Европы.

НАТАНЪ.

Такъ навърно ты хотълъ бы Развъдать, что въ дорогъ я подмътилъ Насчетъ враговъ твоихъ? Они опять Повсюду поднялись. Сказать по правдъ...

САЛАДИНЪ.

И не туда къ тебъ я пробираюсь. Я знаю все, что знать мнъ нужно. Словомъ....

НАТАНЪ.

Приказывай, султанъ.

САЛАДИНЪ.

Я о другомъ,

Совсѣмъ другомъ хотѣлъ бы слышать, Натанъ, Твое сужденье. Такъ какъ ты здѣсь мудрымъ Слывешь у всѣхъ, скажи мнѣ откровенно: Какую вѣру и ея законы Ты лучшими считаешь?

НАТАНЪ.

Но, султанъ,

Ты знаешь, я еврей.

САЛАДИНЪ.

Я мусульманинъ, И христіанинъ между нами средній. Но вѣдь одна изъ этихъ трехъ религій Должна быть истинной, и человѣкъ, Такой, какъ ты, не можетъ оставаться При томъ, куда случайно онъ заброшенъ Своимъ рожденьемъ. Если-жъ остается, — То у него на это есть причины, То это выборъ зрѣлаго сознанья. Такъ подѣлись же имъ и объясни Причины, до которыхъ допытаться Мнѣ самому не приходилось. Дай мнѣ Узнать твой выборъ и его основы, Чтобъ я и самъ принять ихъ могъ. Понятно, Что это между нами будеть... Какъ? / Ты удивленъ? ты смотришь такъ пытливо? Да, можетъ быть, султану въ первый разъ Пришла на умъ подобная причуда. Надѣюсь, что она не унижаетъ Султана. Что-жъ? не такъ-ли? Говори! Иль хочешь ты съ минутку поразмыслить. Ну, хорошо — даю тебѣ ее. Про себя.

Подслушиваеть-ли сестра? посмотримъ. Спрошу ее: довольна-ли началомъ? Натану.

Обдумай, но скоръй — я не замедлю, Я тотчасъ ворочусь.

Уходить въ дверь, въ которую вышла и Зитта.

ЯВЛЕНІЕ VI.

НАТАНЪ --- ОДИНЪ.

Гм! гм!... Чудесно! Но вавъ-же это? Но чего-же хочетъ Султанъ? Я ждаль, что спросить денегь. Онъ-же... Онъ правды требуетъ, онъ хочетъ правды! Притомъ наличной, ясной, какъ монета. Еще добро-бы старая монета, Которую по вѣсу оцѣняли: Но эта новая, что выдается По счету; новая, которой пёну Мы только по чекану узнаемъ! Такой монетой правда не бываетъ. Какъ золото въ мѣшокъ, онъ хочетъ разомъ И правду загребать себѣ въ разсудокъ. Да кто-жъ тутъ жидъ? Неужли я? не онъ-ли? Но точно-ли о правдѣ онъ хлопочетъ? Что, если онъ изъ правды хочетъ сдёлать Ловушку? Нѣтъ! Какое подозрѣнье! Ведь это было-бъ слишкомъ мелко... Мелко? Что мелко для великаго?!.. Да, да!... Онъ неожиданно ко мнѣ толкнулся. Онъ не предупредилъ меня ничѣмъ. Когда-жъ подходять другомъ — окликають.

ВЭСТНИКЪ ВВРОПЫ.

Я буду остороженъ. Что-жъ отвѣтить? Быть яростнымъ приверженцемъ еврейства Не слѣдуетъ; тѣмъ больше не годится Мнѣ вовсе отъ еврейства отказаться. Понятно, что тогда спросить онъ можетъ: Зачѣмъ не мусульманинъ я. Да вотъ!... Меня легко спасти могло-бы это. Вѣдь не одни ребята жадны къ сказкамъ.... Идетъ! Добро пожаловать! прекрасно.

явление VII.

САЛАДИНЪ и НАТАНЪ.

САЛАДИНЪ.

Про себя. Ну, поле тамъ очищено.

Натану.

Что-жъ? Натанъ,

Вѣдь я не слишкомъ скоро воротился? Ты все успѣлъ обдумать? Говори. Никто не слышитъ насъ.

НАТАНЪ.

Пускай услышить

Хоть цёлый міръ.

САЛАДИНЪ.

Такъ ты въ себѣ увѣренъ. Вотъ это называю я быть мудрымъ: Кто никогда не измѣняетъ правдѣ! Кто ради правды жертвовать готовъ Имѣньемъ, счастьемъ, жизнью!

НАТАНЪ.

Если нужно,

И есть въ томъ польза, – да!

САЛАДИНЪ.

Теперь я смѣю

Надѣяться, что я по праву буду Носить мой громкій титуль: улучшитель Законовь и вселенной.

ПАТАНЪ.

Славный титуль! Но прежде, чёмъ я выскажусь открыто, Позволь мнё сказку разсказать, султанъ.

САЛАДИНЪ.

Пожалуй! почему-же нѣтъ? Я сказки Всегда любиль, когда мнѣ хорошо Разсказывали ихъ.

НАТАНЪ.

Ну, этимъ врядъ-ли

Могу я похвалиться.

САЛАДИНЪ.

Униженье

Туть паче гордости. Но въ дёлу, къ дёлу! Разсказывай.

НАТАНЪ.

Во дни давно былые Жиль на востокѣ нѣкій человѣкъ, Который изъ любимыхъ рукъ — въ подарокъ — Владѣлъ кольцомъ цѣны необычайной. Въ кольцо былъ вставленъ камень драгоцённый, Игравшій ярко множествомъ цвѣтовъ — И силу тайную имѣвшій: дѣлать Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми Того, кому носить его случалось Съ надеждой и довъріемъ. Понятно, Что не снималъ его съ своей руки Восточный житель никогда, что даже На въки сохранить его ръшился Въ своемъ потомствѣ-именно вотъ такъ: Кольцо свое оставилъ онъ въ наслѣдство Любимвишему сыну, завещая, Чтобъ этотъ сынъ опять отлалъ его

s,

Тому изъ сыновей своихъ, который Заслужить наибольшую любовь... И чтобъ всегда любимый сынъ былъ первымъ Въ своей семьё, чтобъ — не смотря на лѣта — Однимъ значеніемъ кольца — онъ всёми Былъ уважаемъ, какъ глава и князь. Понятно-ли, султанъ?

саладинъ.

Понятно, — дальше.

НАТАНЪ.

Итакъ, переходя отъ сына къ сыну, Кольцо досталось одному отцу, Имѣвшему трехъ сыновей, въ которыхъ Онъ послушанье равное встрвчалъ, А потому и самъ любилъ ихъ равно. Порой одинъ, порой другой — иль третій Ему казался болёе достойнымъ Кольца, и съ къмъ изъ нихъ наединъ Онъ оставался, тотъ его любовью И пользовался въ ту минуту больше, Чёмъ братья; такъ-что каждому изъ нихъ Онъ объщаль кольцо тайкомъ оть прочихъ. Такъ дѣло шло, - подходитъ время смерти. Старикъ приходитъ въ затрудненье. — Больно Двухъ сыновей обидёть въ ихъ довърьи Отцовскимъ объщаньямъ. Что тутъ дълать? Онъ посылаетъ къ мастеру тайкомъ Свое кольцо, и поручаетъ сдѣлать Другія два по образцу его. Онъ просить не жалъть труда и денегь, Чтобъ только вышли совершенно схожи Всѣ три вольца. И это удалось. Когда въ отцу ихъ принесли, такъ даже Онъ самъ свое кольцо не могъ узнать. Довольный и счастливый призываеть Старикъ по одиночкъ сыновей, Благословляеть ихъ по одиночвѣ, Даетъ имъ по кольцу – и умираетъ. Ты слушаешь, султанъ?

594

САЛАДИНЪ — смущенный, отвернувшись отъ него.

Я слышу — дальше. Кончай скорѣе сказку — ну?..

НАТАНЪ.

Я кончилъ.

Что слёдуеть — само собой понятно. Едва скончался онъ, приходить каждый Съ своимъ кольцомъ и каждый хочеть быть Главою дома. Смотрять кольца, спорять, Хотять судиться. Тщетно все! не можеть Никто изъ нихъ представить доказательствъ Въ защиту своего кольца — Посят молчанія, во время котораго онъ ждеть оть сулгана отвѣта. Почти-что Какъ нѣтъ вѣдь доказательствъ и у насъ Въ защиту правой вѣры...

саладинъ.

Какъ? и это

Отвѣтъ на мой вопросъ?

НАТАНЪ.

Нѣтъ, это только Хотѣлось мнѣ представить въ извиненье, Что различать я не рѣшаюсь колецъ, Которыя отецъ велѣлъ поддѣлать, Чтобъ различить ихъ было невозможно.

САЛАДИНЪ.

Какія кольца? Не играй словами.... Я думаю, что есть-таки различье Въ религіяхъ, мной названныхъ тебъ; Различье даже въ пищъ и одеждъ.

НАТАНЪ.

Но только въ ихъ основахъ нѣтъ различья. Не на исторіи-ль основаны онѣ, 595

въстникъ ввропы.

Изустно въ намъ иль письменно дошедшей? И какъ же, какъ не на слово, должны мы Принять преданья старины? — не такъ ли? Къ кому же мы съ сомнѣньемъ наименьшимъ Относимся, какъ не къ своимъ роднымъ? Не къ тѣмъ, чья кровь и въ насъ течетъ? — кто съ дѣтства Свою любовь доказывалъ намъ часто? Кто не обманывалъ насъ никогда? И развѣ только, чтобъ принесть намъ пользу. Какъ можетъ кто-нибудь изъ насъ скорѣе Чужимъ отцамъ повѣрить, чѣмъ своимъ? Какъ можно требовать, чтобъ нашихъ предковъ Во лжи мы уличали для того, Чтобъ соглашаться въ мнѣніяхъ съ чужими? Для христіанъ — не тоже-ль будетъ? — Нѣтъ?

САЛАДИНЪ — про себя.

Клянусь Творцомъ, что говоритъ онъ правду — И я невольно должепъ замолчать.

НАТАНЪ.

Но возвратимся снова къ нашимъ кольцамъ. — Какъ сказано, судиться стали братья И каждый поклялся судьѣ, что прямо Изъ рукъ отца свое кольцо имбетъ, ---Оно в'єдь такъ и было, — что отецъ Исполнилъ этимъ только объщанье, Которое давно наединъ Ему давалъ. — Что тоже такъ и было. «Отецъ не могъ», — такъ каждый увърялъ, — «Не могъ бы обмануть меня — и въ этомъ Его я никогда не заподозрю. Скорѣй я ожидать могу отъ братьевъ Такой продѣлки, хоть они казались Миѣ до сихъ поръ хорошими людьми. Но я найти обманщика съумѣю! Съумѣю разсчитаться за обманъ!»

САЛАДИНЪ.

Ну что-жъ судья? — мнѣ любопытно слышать, Какъ ты судью заставишь говорить.

НАТАНЪ.

Судья сказалъ: «Коль вы сію минуту Ко мнѣ отца не приведете, всѣхъ васъ Спроважу вонъ. Не думаете-ль вы, Что долженъ я вамъ разрѣшать загадки? Иль ждать, чтобъ неподлёльное кольпо Само заговорило? Но, постойте, --Я слышаль: то кольцо имветь силу Владѣльца своего любимымъ дѣлать, Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми. Пусть это все решить: — въ поддельныхъ кольцахъ Въль силы нътъ? -- Кто-жъ больше всъхъ изъ васъ Любимъ двумя другими, -- говорите. Какъ? — вы молчите? — значитъ ваши кольца Обратно действуютъ на васъ? - и только На васъ, а для другихъ они безсильны? И каждый любить больше всѣхъ себя? О! - если такъ, всѣ три кольца поддѣльны! Обманщики обманутые вы! ---А неподдѣльное кольцо, конечно, Потеряно. Чтобъ скрыть ловчей потерю, Отецъ велёлъ взамёнъ его вамъ сдёлать Другія три».

САЛАДИНЪ.

Прелестно! Превосходно!

НАТАНЪ.

«Такъ если ждете вы — сказалъ судья — Ръ́шенья моего, а не совъ́та, Ступайте прочь. — Но мой совъ́тъ таковъ: Останьтесь вы при томъ, что есть. Пусть каждый Свое кольцо считаетъ неподдѣльнымъ, Коль отъ отца его онъ получилъ. Отецъ, быть можетъ, думалъ уничтожить Въ своей семъѣ то право старшинства, Которое кольцомъ пріобрѣталось. Быть можетъ, васъ отецъ любилъ всѣхъ равно, И не хотѣлъ двоихъ изъ васъ обидѣть, Давая предпочтенье одному. Такой любви пусть каждый соревнуетъ: Любви безъ предразсудковъ, неподкупной;

ВЪСТНИКЪ ВВРОПЫ.

Пусть выкажеть одинь передь другимъ Всю силу своего кольца; пусть въ жизни — И миролюбіемъ ее проявить, И кротостью, и добрыми дѣлами, И искреннею преданностью Богу, — И ежели вліянье вашихъ колецъ Въ потомствѣ вашемъ скажется, то снова — Чрезъ сотню тысячъ лѣть — я васъ зову. Тогда другой судья сидѣть здѣсь будетъ На этомъ стулѣ, — онъ мудрѣй меня, — И онъ отвѣтитъ вамъ. Ступайте». — Вотъ что̀ Сказалъ судья.

САЛАДИНЪ.

О Господи!...

НАТАНЪ.

Султанъ, Коль ты себя считаешь этимъ мудрымъ, Объщаннымъ судьей....

САЛАДИНЪ --- оживленно схватываетъ его.за руку.

!отрин в — ?R

Я прахъ!

НАТАНЪ.

Султанъ, что сдѣлалось съ тобою?...

САЛАДИНЪ.

Нётъ, добрый На̀танъ, сотни тысячъ лётъ, Твоимъ судьей предсказанныя братьямъ, Еще не миновали, и не я Засяду на его судейскомъ креслѣ. Ступай. Но будь мнъ другомъ, На̀танъ....

НАТАНЪ.

Какъ?

И больше ничего ты не желаешь Миѣ сообщить?

саладинъ.

Нѣтъ.

НАТАНЪ МУДРЫЙ.

НАТАНЪ.

Ничего?

САЛАДИНЪ.

Ну да.

А что?

НАТАНЪ.

Тавъ я при случав хотелъ бы Тебя просить....

САЛАДИНЪ.

Какъ будто нуженъ случай Для просьбы? — Говори.

НАТАНЪ.

Я только ныньче Вернулся изъ далекихъ странъ. — Доро̀гой Я пособралъ долги — и у меня Едваль не слишкомъ много накопилось Наличныхъ денегъ. — Наши времена Становятся сомнительны. Я, право, Не знаю, какъ бы мнѣ въ̀рнѣй пристроить Мой капиталъ, и вотъ я думалъ, — можетъ, Захочешь ты воспользоваться имъ. Того гляди война опять начнется, И деньги въ̀рно будутъ нужны....

САЛАДИНЪ — пристально глядя ему въ глаза.

Натанъ,

522686A

Я спрашивать не стану: заходилъ ли Къ тебѣ Ал-Гафи? — Не намѣренъ я Разузнавать, твое ли подозрѣнье Заставило тебя мнѣ предложить....

НАТАНЪ.

Кавое подозрѣнье?

САЛАДИНЪ.

Но — я стою

въстникъ европы.

Его. Прости мнѣ. — И къ чему скрывать? Я долженъ все-таки тебѣ сознаться, Что я хотѣлъ....

НАТАНЪ.

Не денегъ же съ меня

Потребовать?

САЛАДИНЪ.

Конечно, денегъ! денегъ!

НАТАНЪ.

Такъ это намъ обоимъ очень кстати. Я, правда, не могу доставить все, Что̀ на лицо имѣю; прежде долженъ Я выплатить значительную сумму Храмовнику, котораго ты знаешь.

САЛАДИНЪ.

Храмовнику? — Вѣдь не захочешь ты Поддерживать своимъ богатствомъ злѣйшихъ Моихъ враговъ?

НАТАНЪ.

Про одного сказалъ я, И жизнь его тобой пощажена.

САЛАДИНЪ.

Ахъ! — Что̀ ты мнѣ напоминаешь, На̀танъ. Объ немъ совсѣмъ забылъ я. Такъ его Ты знаешь? — Гдѣ онъ?

НАТАНЪ.

Digitized by Google

Развѣ не слыхалъ ты, Какъ много счастья отъ твоей пощады Мнѣ чрезъ него досталось? — Ты не знаешь, Что дочь мою онъ вынесъ изъ огня, Съ опасностью едва спасенной жизни?

САЛАДИНЪ.

Такъ сдёлаль онъ?! — такимъ онъ быль и съ виду. Иначе бы не поступилъ и брать мой, Съ которымъ у него такъ много сходства. Онъ развѣ здѣсь еще? — Прошу позвать Его ко мнѣ. — Я говорилъ такъ часто Моей сестрѣ объ этомъ нашемъ братѣ, Ей вовсе неизвѣстномъ, что ужъ надо И двойника его ей показать. Ступай, зови храмовника. Такъ вотъ какъ За добрымъ дѣломъ, — хоть бы только страсть Къ нему насъ побуждала, — идутъ слѣдомъ Другія добрыя дѣла! — Ступай.

НАТАНЪ — оставляя руку Саладина.

Сейчасъ. — Но ты вѣдь и на то согласенъ О чемъ мы прежде говорили?...

Уходить.

САЛАДИНЪ.

Жаль мнв,

Что не далъ я сестрѣ подслушать насъ. Ну какъ теперь ей разсказать все это?

Уходить въ другую сторону.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Подъ пальмами, вблизи монастыря, гдѣ ХРАМОВНИКЪ поджидаетъ Натана.

ХРАМОВНИКЪ — ходитъ взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи, потомъ вдругъ останавливается и начинаеть говорить.

Усталый звёрь! — на жертву обреченный, Остановись! — Ну да — я не хочу Подробно разбирать, что происходить Теперь въ моей душё. — Я не хочу Заранё предугадывать, что будеть. Довольно! — Я напрасно убъжалъ. Напрасно! — Впрочемъ, чтожъ мнё было дёлать Какъ не бѣжать? — Ну! будь себѣ, что будеть! Ударъ, котораго я избѣгалъ Такъ долго, — поразилъ внезапно, быстро,

И я посторониться не успѣлъ. Ее увидѣть, -- что такъ мало прежде Казалось миб заманчивымъ, — увидбть — И въ тотъ же мигъ рѣшиться никогда Не разставаться съ ней.... ръшиться? - такъ ли? Рѣшенье есть обдуманный поступовъ, А я туть быль страдательнымъ лицомъ. Ее увидъть было въ то же время Мгновеннымъ чувствомъ близости какой-то, Сліянья съ ней, — и тѣмъ же остается. Мић какъ-то и немыслимо, чтобъ могъ Я жить въ разлукъ съ ней. — Разлука эта Была-бы смертью мнф! — Была-бы смертью И тамъ, гдъ послъ смерти будемъ мы. Любовь-ли это? — Да, — храмовникъ любитъ — И дочь еврея любить — христіанинь. Такъ что-жъ? — въдь я не мало предразсудковъ Отбросиль здёсь, въ прославленной земль; --За что и самъ готовъ ее прославить. Что нужно ордену? — Храмовникъ умеръ. Для ордена я умеръ съ той минуты, Какъ пленникомъ попался Саладину ---И голова, подаренная имъ, Не прежняя. Ей чуждо все, что прежней Отъ дътства натолковано насильно, Что прежнюю стёсняло. — Эта лучше — И родственнъй отеческому небу. Я это чувствую: — вёдь здёсь впервые Я начинаю мыслить, вавъ отецъ мой Когда-то мыслилъ здѣсь, коль про него Не сказку мнѣ разсказывали. — Сказку? Но очень вѣроятную — и ей Ни разу я не в врилъ такъ охотно, Какъ вбрю ей теперь, вогда и мнъ Грозить паденіе, габ паль отець мой. Но я скорѣе пасть готовъ со взрослымъ, Чёмъ устоять съ дётьми. — За одобренье Отца поручится его примёръ, А больше отъ вого-жъ оно мнѣ нужно? Отъ Натана? - Не только онъ одобритъ -Онъ поощритъ навѣрно. — Что за жидъ!? И хочетъ такъ простымъ жидомъ казаться. — А! — вотъ онъ! Какъ торопится; но веселъ,

натанъ мудрый.

Съ лицомъ довольнымъ. — Кто отъ Саладина Иначе возвращался?! — Натанъ! Натанъ!..

ЯВЛЕНІЕ IX.

НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ.

НАТАНЪ.

Кавъ? - Это вы?

храмовникъ.

Скажите, что такъ долго Вы были у султана?...

НАТАНЪ.

Нѣтъ, не очень. Я на ходьбѣ замѣшкался. — Ну, Курдъ— Онъ стоитъ славы, про него гремящей; – И слава только тѣнь его. — Но прежде Всего я долженъ сообщить вамъ...

ХРАМОВНИКЪ.

Что?

НАТАНЪ.

Онъ хочетъ съ вами говорить. — Онъ хочетъ, Чтобъ вы немедленно къ нему пришли. Зайдемте-же ко мнѣ домой; мнѣ надо Сперва кой-что ему поприготовить; А тамъ къ нему.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, Натанъ, въ домъ вашъ – больше Я не войду; пока....

НАТАНЪ.

Такъ вы ужъ были У насъ? — Вы говорили съ ней? — Ну что-же? Скажите, какъ понравилась вамъ Рэха?

603

въстникъ Европы.

ХРАМОВНИЕЪ.

О! — Выше всякихъ выраженій, Натанъ! Но никогда я снова, — никогда Съ ней не увижусь, если вы сейчасъ-же Мнъ не дадите ваше объщанье, Что я всегда съ ней видъться могу! Всегда! всегда!..

НАТАНЪ.

Какъ понимать мнѣ это?

ХРАМОВНИЕЪ — послѣ минутнаго молчанія, внезанно общимая его.

Отецъ мой!..

НАТАНЪ.

Юноша!..

ХРАМОВНИКЪ — также внезапно оставляя его.

Не сынъ? Ахъ! — Натанъ!

Прошу васъ...

НАТАНЪ.

Добрый юноша...

ХРАМОВНИКЪ.

Не сынъ?!

Прошу васъ, Натанъ! — заклинаю ради Перв'яйщихъ узъ природы! — Позабудьте Поздн'вишія оковы нашей жизни — Довольствуйтесь быть челов'вкомъ, Натанъ, И отъ себя меня не оттолкните.

НАТАНЪ.

Мой милый другъ.

ХРАМОВНИКЪ.

И сынъ вашъ! Нѣтъ?! — не сынъ?! И даже если къ сердцу вашей Рэхи Ужъ для любви проложена дорога Признательностью? — Если оба чувства,

натанъ мудрый.

Чтобъ слиться во едино, лишь отъ васъ Намека ждуть? — И то не буду сыномъ?!

НАТАНЪ.

Вы, рыцарь, озадачили меня.

ХРАМО ВНИКЪ.

Я озадачилъ васъ? — Передавая Вамъ ваши собственныя мысли — Натанъ! Вы ихъ не узнаёте оттого, Что я ихъ высказалъ?...

НАТАНЪ.

Я прежде долженъ Узнать, который Штауфенъ быль отець вашь?

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ? — Что вы говорите? — Неужели Подобная минута возбуждаетъ Въ васъ только любопытство?

НАТАНЪ.

Потому-что Я тоже Штауфена знавалъ когда-то. Онъ назывался Конрадомъ.

ХРАМОВНИКЪ.

А если

И моего отца такъ называли?

НАТАНЪ.

И вашего?

ХРАМОВНИКЪ.

Я названъ по отцу. Вѣдь Курдъ — есть Конрадъ.

НАТАНЪ.

Все-таки же не былъ Мой Конрадъ вашъ отецъ. — Онъ былъ храмовникъ, Какъ вы; — онъ не былъ никогда женатъ.

Томъ V. - Октяврь, 1868.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ что-же?

НАТАНЪ.

Какъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Ужъ въ этомъ-то, конечно, Причины нѣтъ, чтобъ онъ не могъ мнѣ быть Отцомъ.

НАТАНЪ.

Вы шутите.

ХРАМОВНИЕЪ.

А вы такъ слишкомъ Придирчивы. — Что-жъ, если-бы и такъ? Ну, незаконный сынъ! — и ихъ породу Нельзя считать презрѣнной. — Но оставимъ Въ покоѣ нашихъ предковъ. — Я и тѣни Сомнѣнья вамъ не заявлю, повѣрьте, На вашу родословную таблицу, Избави Боже! — Вы могли-бы смѣло Ее писать, хоть вплоть до Авраама. А дальше такъ и самъ ее я знаю — . И даже самъ поклясться въ ней готовъ.

НАТАНЪ.

Вы злы становитесь. — Но заслужилъ-ли Я это? — Развѣ я вамъ отказалъ? Я только не хотѣлъ-бы такъ поспѣшно Связать васъ словомъ, больше ничего.

ХРАМОВНИВЪ.

И только? — если такъ, простите, Натанъ.

ዘልፐለዘዄ.

Пойдемте...

ХРАМОВНИВЪ.

Съ вами? — въ домъ вашъ? — тамъ пылаетъ! — Нётъ, нётъ! — Я лучше здёсь васъ подожду.

606

Ступайте. Если суждено мић снова Съ ней видѣться — успѣю наглядѣться; А если нѣтъ, — такъ я и безъ того Глядѣлъ ужъ слишкомъ много...

НАТАНЪ.

Постараюсь Управиться, какъ можно поскорей.

ЯВЛЕНІЕ Х.

ХРАМОВНИКЪ, и вскорѣ потомъ ДАЙА.

ХРАМОВНИКЪ.

И больше, чёмъ довольно. — Умъ нашъ можетъ Столь безконечно много обнимать —
И все-таки иной разъ вдругъ бываетъ Такъ совершенно полонъ — и одною Ничтожной мыслью полонъ — Это дурно; Хотя-бъ онъ чёмъ угодно полонъ былъ. —
Терпёнье нужно. На больное тёло Подёйствуетъ живительная сила Души — найдетъ себѣ просторъ — и снова Мнѣ возвратитъ спокойствіе и ясность. Впервые что-ли я люблю? иль то, Что прежде за любовь мной принималось, Любовью вовсе не было — и только Теперь я это чувство познаю.

ДАЙА — подкравшаяся со стороны.

Тсс! рыцарь!..

ХРАМОВНИКЪ.

Кто зоветъ меня? — А! Дайа...

ДАЙА.

Я передъ нимъ украдкой проскользнула, Но все-таки онъ можетъ насъ увидѣть Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоите вы... Идите За дерево, сюда, поближе...

ХРАМОВНИКЪ.

Что̀ тамъ? — Таинственность какая! — что̀ случилось?

ДАЙА.

Да, ради тайны я сюда пришла. И — больше — ради двухъ еще пожалуй... Одна изъ нихъ извъстна только миѣ, Другая только вамъ. Давайте, рыцарь, Мѣняться. — Вы довѣрьте миѣ свою, А я мою довѣрю вамъ...

ХРАМОВНИКЪ.

Извольте,

Какъ только будеть мнѣ извѣстно: что̀ вы Считаете моимъ. — Но, вѣроятно, Изъ вашей тайны это объяснится. Такъ начинайте.

дайа.

Вотъ какой вы? — Нѣтъ; Вы прежде — я потомъ: — вамъ безполезно Мое довѣріе, покамѣстъ я Не знаю вашей тайны. — Ну, скорѣе! Вѣдь что сама я выспрошу, не буду Считать довѣріемъ — и вашу тайну Мнѣ высказавъ, моей вамъ не узнать. Ахъ, бѣдный рыцарь! — Вотъ вѣдь вы мужчины Вообразили, что отъ насъ, отъ женщинъ, Вы можете имѣть такую тайну...

ХРАМОВНИКЪ.

Которой часто не подозрѣваемъ Мы сами.

ДАЙА.

Можеть быть, — и потому, Конечно, я должна сама по дружбѣ Васъ познакомить съ ней. — Скажите, чѣмъ-бы Намъ объяснить, что вдругъ вы убѣжали, Что такъ внезапно бросили вы насъ, Что съ Натаномъ теперь не воротились, Иль Рэха вамъ понравилась такъ мало? Иль можетъ быть такъ много? — А? — такъ много? Давайте — взглянемъ: какъ трепещетъ птичка, Попавшаяся въ съть? — Короче: — рыцарь, Сознайтесь мнъ сейчасъ, что влюблены вы; Что до безумства влюблены въ нее — И я скажу вамъ тоже....

храмовникъ.

До безумства!? Какъ вижу — въ этомъ дёлё вы знатокъ.

дайа.

Сознайтесь только хоть въ любви — безумство Я уступлю вамъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ какъ ужъ оно

Само собой понятно: — Я, храмовникъ, . Люблю еврейку!...

дайа.

Да, оно безумнымъ Казалось бы; но вѣдь иныя вещи, Частехонько, имѣютъ больше смыслу, Чѣмъ мы предполагаемъ. И притомъ — Не такъ неслыханно, что нашъ Спаситель Насъ направляетъ на пути къ себѣ, Которыхъ самъ собою даже умный Легко не отыскалъ бы никогда.

ХРАМОВНИКЪ.

Торжественно! —

- Про себя.

Но ставя осторожность

Взамѣнъ Спасителя — тутъ есть и правда. дайъ.

Вы заставляете меня невольно Быть любопытнёе, чёмъ я бываль Когда-либо.

ДАЙА.

О! Здёсь страна чудесъ.

въстникъ ввропы.

ХРАМОВНИКЪ.

Про себя.

Страна чудеснаго! — Тавъ и должно быть: Весь міръ столпился здѣсь.

Дайь.

Положимъ, Дайа,

Ужъ ежели вы требуете это, Что я люблю ее, — что непонятна Мнѣ жизнь безъ милой Рэхи, — что она....

дайа.

Такъ это правда? — Дайте же мнѣ клятву Къ своимъ ее причислить и спасти. — Спасти для жизни временной и вѣчной.

ХРАМОВНИКЪ.

Но какъ? Могу ли я дать клятву въ томъ, Что у меня нисколько не во власти?

ДАЙА.

Оно у васъ во власти — и скажи я Одно словцо — во власти вашей будетъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Что даже и отецъ противорѣчить Не станетъ?

ДАЙА.

Что отецъ?! — отецъ ужъ долженъ Себя принудить.

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ принудить, Дайа? Къ разбойникамъ еще онъ не попалъ, — И принуждать себя ему не нужно.

дайа.

Такъ, наконецъ, онъ долженъ пожелать — И съ радостью.

610

ХРАМОВНИКЪ.

И съ радостью — и долженъ! А если я скажу вамъ, что ужъ Попробовалъ я тронуть эту струнку....

ДАЙА.

И онъ не вторилъ вамъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Его отвътъ Звучалъ нескладно какъ-то и обидно.

дайа.

Скажите!! Неужели, если вы Хотя бы тёнь желанья заявили Взять Рэху, онъ отъ радости не прыгнуль? Онъ холодно отвётилъ? Затрудненья Вамъ дёлалъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Въ этомъ родв.

дайа.

Такъ минуты

Я больше не задумаюсь.

Молчаніе.

ХРАМОВНИКЪ.

Однако

Задумались.

дайа.

Онъ, впрочемъ, очень добръ. Ему сама обязана я многимъ, Да вѣдь не слушаетъ! Ей Богу, этимъ • Мнѣ заставлять его невыносимо.

ХРАМОВНИВЪ.

Прошу васъ, Дайа, вы меня избавьте Отъ этой неизвёстности. Когда же

въстникъ ввропы.

Самимъ вамъ неизвъстно: хорошо Иль дурно, и похвально иль позорно, Что вы въ виду имѣли, — такъ молчите. И я готовъ забыть, что есть у васъ Кой-что, о чемъ молчать вамъ надо.

дайа.

Это

Не сдержитъ, а скорѣе побудитъ. Узнайте же, что Рэха не еврейка, Что Рэха христіанка.

ХРАМОВНИКЪ — холодно.

Дай Богъ счастья! Ну, не легко на свътъ оно явилось. Но не потуги страшны, вы не бойтесь, И продолжайте распложать усердно Небесныхъ странъ святое населенье, Ужъ если на землъ къ такому дълу Вы больше неспособны.

дайа.

Рыцарь! какъ? Заслуживаетъ ли такой насмѣшки Извѣстіе мое? Вы христіанинъ, Храмовникъ, — Рэху любите — и васъ Не радуетъ, что Рэха христіанка?

ХРАМОВНИКЪ.

Особенно, что христіанка вашей Работы.

дайа.

Такъ вы поняли меня? Прекрасно! Нѣтъ, хотѣла бы я видѣть, Кто можетъ обратить ее. И благо Ей будетъ, если вновь она вернется Къ тому, что въ ней испорчено давно.

ХРАМОВНИКЪ.

Скажите ясно — или уходите.

дайа.

Она родилась христіанкой, рыцарь, Отъ христіанъ — и крещена.

ХРАМОВНИКЪ — оживленно.

А Натань?

дайа.

Онъ не отецъ ей.

ХРАМОВНИКЪ.

Не отецъ ей? Натанъ? Увѣрены ли въ томъ, что вы сказали...

дайа.

Правду,

Которую оплакивала часто. Онъ не отецъ ей, нётъ.

ХРАМОВНИКЪ.

И воспиталъ Ее, какъ дочь свою? и христіанку Онъ воспиталъ жидовкой?

дайа.

Безъ сомнѣнья.

ХРАМОВНИКЪ.

И этого она сама не знаетъ? Онъ Рэхѣ никогда не говорилъ, Что христіанкою, что не жидовкой Она родилась?

дайа.

Никогда.

ХРАМОВНИКЪ.

Итакъ,

Ие только онъ воспитывалъ въ обманъ́ Ребенка, — онъ въ обманъ́ оставляетъ И дъ́вушку?

въстнивъ Европы.

дайа.

Къ несчастью!

ХРАМОВНИЕЪ.

Натанъ! Какъ?! И мудрый, добрый Натанъ былъ способенъ Къ такой поддѣлкѣ голоса природы? Рѣшился отклонить стремленья сердца, Которыя иной бы путь избрали, Когда-бъ не онъ на нихъ вліялъ. Вы, Дайа, Довѣрили мнѣ, правда, кое-что Немаловажное. Все это можетъ Имѣть послѣдствія. Я съ толку сбитъ. Не знаю, что начать. Уйдите, Дайа. Мнѣ нужно время. Онъ пройдетъ здѣсь снова — Еще, пожалуй, насъ вдвоемъ застанетъ....

дайа.

Тогда ложись, да умирай....

ХРАМОВНИКЪ.

Теперь Я не могу съ нимъ говорить, и если Вы встрѣтите его, скажите только, Что онъ меня увидитъ у султана.

дайа.

Не дайте-жъ ничего ему замѣтить. Пусть это будетъ вамъ послѣднимъ средствомъ, Чтобъ въ отношеньи Рэхи вы могли бы Отбросить всякое сомнѣнье.... Но, Когда потомъ ее вы увезете Въ Европу — ужъ меня вы не оставьте...

ХРАМОВНИЕЪ.

Увидимъ.... Уходите, уходите!...

(Окончание слъдуеть.)

ДАЧА на РЕЙНЂ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ КНИГАХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА ІХ*).

РАЗСКАЗЪ ЭРИХА.

«Мнѣ двадцать восемь лѣть, и оглядываясь на свою прошлую жизнь, я вижу, что до сихъ поръ это были только поиски. Спеціальное призваніе всегда оставляеть въ насъ много силъ безъ всякой дѣятельности, и однако же тяжелый выборъ долженъ быть когда-нибудь сдѣланъ, а въ концѣ концовъ человѣкъ можетъ уйти весь во всякую профессію и дѣйствовать всѣми силами.

Я родился отъ самаго счастливаго брака, и вы знаете, что это значить. Съ третьяго года я воспитывался вмёстё съ принцемъ Леонгардомъ. Между нами постоянно былъ какой-то разладъ—я не знаю, откуда это происходило, но впервые мнё сдёлалось все яснымъ уже послё, когда дёло дошло до явнаго разрыва. Тогда только я увидёлъ, что извёстнаго рода лицемёріе, которое совершенно не идетъ къ товарищескимъ отношеніямъ, дёлало меня снаружи податливымъ, а внутри безпокойнымъ и раздражительнымъ. Притомъ ничто, быть можетъ, такъ не противорёчитъ дётскому характеру, какъ безпрерывная почтительность и услужливая покорность.

^{*)} См. выше, стр. 5-54.

Я поступиль въ кадетскій корпусь, и пользовался тамъ осо-беннымъ почтеніемъ, потому что былъ товарищемъ принца. Мой отецъ былъ здёсь монмъ исключительнымъ наставникомъ, и въ это же время я прожиль два года вмёстё съ братомъ вашей жены. Учился я не особенно хорошо. Однимъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни былъ тотъ, когда

я въ первый разъ надѣлъ эполеты, и если, быть можетъ, не меньше счастливъ былъ и другой день, когда я снялъ мундиръ, то это говоритъ только о моей способности противорѣчить себѣ. У меня и до сихъ поръ бьется сердце, когда мимо меня ѣдетъ баттарея.

Впрочемъ, я забѣгаю впередъ и далеко ухожу назадъ; изви-ните, мнѣ трудно сосредоточиваться. Даже сегодня я пережилъ такъ много; но постараюсь быть послѣдовательнѣе. Вскорѣ послѣ того, какъ я сдѣланъ былъ лейтенантомъ, мон

родители переселились въ университетский городъ; я остался одинъ. Цёлый годъ я былъ доволенъ и счастливъ, какъ и все окружавшее меня. Еще и теперь помню часъ, — это былъ пол-день превраснаго свётлаго осенняго дня — помню даже дерево, день прекраснаго свътлаго осенняго дня — помню даже дерево, слышу еще сороку, сидъвшую на этомъ деревъ, — когда я вдругъ остановилъ свою лошадь, и во мнъ зашевелился впервые во-просъ: «Что же я, однако, дълаю на свътъ? Учусь самъ и учу рекрутъ самому искусному способу убивать себъ подобныхъ». — Позвольте мнъ спросить васъ прервалъ его скромно Клод-

Позвольте мнъ спросить васъ прерваль его скровно плод-вигъ. Развъ вамъ никогда не представлялась солдатская шко-ла, какъ школа вообще человъка и дъло вашей профессия? Эрихъ былъ удивленъ и отвъчалъ отрицательно; затъмъ, со-бравшись съ мыслями, онъ продолжалъ:
 Я отгонялъ всъ эти тяжелыя мысли, но они уже не остав-

ляли меня. Во мнё происходиль разладь съ самимъ собой и съ своимъ дёломъ. Я не могу сказать, какимъ безплоднымъ казал-ся я себё въ мірё; все было пусто, все потеряло значеніе. Бы-

ся я себѣ въ мірѣ; все было пусто, все потеряло значеніе. Бы-ли дни, когда я стыдился своей одежды, стыдился, что я, здо-ровый, крѣпкій молодой человѣкъ брожу безъ дѣла, одѣтъ хо-рошо, а моя лошадь, быть можеть, ѣстъ овесъ бѣднаго человѣка. — Преувеличеніе, замѣтилъ Клодвигъ. — Конечно, я также объясняю это теперь, но тогда, при пер-вомъ напорѣ ощущенія, со мною было иначе. Вспыхнула италь-янская война, я сталъ просить отпуска, чтобы изучить настоя-щую войну. Мой начальникъ, принцъ Леонгардъ, во время уп-ражненій въ стрѣльбѣ, спросилъ меня нечаянно, въ которомъ изъ двухъ войскъ я буду сражаться, и прежде, чѣмъ я могъ от-вѣтить, рѣзко прибавилъ: «Вы, вѣроятно, охотнѣе пойдете въ

такъ-называемое войско свободы, къ союзникамъ, французамъ и итальянцамъ, противъ соединенной Австрін и Германіи»? Я не нашелся ничего сказать и мнѣ стала очевидна неясность моихъ понятій. Я былъ уничтоженъ и не зналъ больше, что я такое, п что такое окружающій меня міръ. Съ тѣхъ поръ въ моихъ внѣшнихъ отношеніяхъ наступнлъ такой же разладъ, какъ во мнѣ самомъ. Нужно ли разсказывать вамъ эти мелкія мученія? Я заслуживалъ ихъ, потому что во мнѣ не было ничего, кромѣ противорѣчія; все мое существованіе представлялось мнѣ одной большой ложью. Мнѣ дали мундиръ; я былъ самъ не свой, и въ тоже время чувствовалъ себя плохимъ солдатомъ, потому что углубился въ изученіе философіи и хотѣлъ рѣшать загадку бытія. Собственно говоря, у меня общительная, мягкая натура, и однако же постоянная жизнь среди товарищей была для меня невозможна.

Два года я еще выдерживаль это, но затёмь — потребоваль отставки. Мнё дали отставку съ чиномъ капитана, какъ я думаю, изъ уваженія къ моимъ родителямъ. Теперь я былъ свободенъ! и—я уже сказалъ—глубоко опечаленъ, что оставилъ эту жизнь. Въ одиночествё я сдёлался вялымъ—но надобно было съ этимъ покончить.

этимъ повончить. Я былъ свободенъ. Странно, конечно, задавать міру вопроси. Міръ, чего ты хочешь отъ меня? Міръ, что я долженъ для тебя сдёлать? Есть тысячи родовъ дёятельности: какую я долженъ выбрать? Я былъ готовъ на все. У меня былъ хорошій голосъ; многіе думали, что я сдёлаюсь пёвцомъ. Я даже получалъ приглашенія. Но какъ далеко было отъ этого мое внутреннее настроеніе. Во мнѣ было пламенное и глубокое стремленіе принести какую-нибудь жертву для моихъ ближнихъ. Если бы я былъ добрымъ католикомъ, я вѣроятно пошолъ бы въ монахи.»

Клодвигъ открылъ глаза и встрѣтилъ блистающіе взоры Эриха. Настала вороткая пауза. Клодвигъ кивнулъ Эриху, потомъ снова сложилъ руви на груди, закинулъ немного голову назадъ, еще разъ кивнулъ головой и закрылъ глаза. Эрихъ продолжалъ.

должаль. «Когда я шелъ въ первый разъ по улицё въ партикулярномъ платьё, мнё казалось, что я будто иду совсёмъ раздётый, какъ иногда мы видимъ это со страхомъ во снё. Когда человёкъ растеряется такимъ образомъ, онъ легко дёлается суевёрнымъ и подчиняется случайностямъ. Первый человёкъ, который мнё встрётился и пристально вглядывался въ меня недоумёвая, меня ли онъ видитъ, былъ мой старый капитанъ, который перешелъ въ гражданскую службу и былъ начальникомъ исправительнаго заведенія. Онъ читалъ о моей отставкѣ, и вспоминая мои старыя попытки, спросилъ, не хочу ли я вполнѣ посвятить себя поэзіи. Я отвѣчалъ отрицательно, и услышалъ отъ него, что онъ пріѣхалъ сюда съ цѣлю найти себѣ помощника. Я тутъ же рѣшился; мнѣ захотѣлось посвятить себя новому дѣлу—руководить и поднимать своихъ падшихъ собратій. Вступивъ въ новую должность, я написалъ немедленно къ своимъ родителямъ. Отецъ отвѣчалъ, что онъ вполнѣ цѣнитъ мои стремленія, но впередъ предвидитъ, что извѣстная потребность прекраснаго сдѣлаетъ для меня невозможной жизнь между преступниками. Онъ былъ правъ. Я всѣми силами старался подавить въ себѣ прежнее стремленіе къ высшей росвоши бытія; это мнѣ не удалось; мнѣ недоставало запаса юмора и той свободной точки зрѣнія, которая разсматриваетъ и принимаетъ явленія жизни какъ научные феномены. Я сдѣлалъ попытку, и она испугала меня какъ привидѣніе. Въ своей капитанской формѣ я получалъ отъ арестантовъ больше уваженія, чѣмъ въ своемъ гражданскомъ платьѣ. Жизнь между арестантами, по большей части людьми совершенно загрубѣлыми или хитрыми лицемѣрами, стала для меня адомъ, и въ этомъ аду было еще одно мученіе особаго рода.

Меня одолѣвало тогда уныніе и раздумье, потому что я не могъ совсѣмъ забыть прежняго міра; я невольно заботился о томъ, что обо мнѣ продолжаютъ думать въ свѣтѣ. Такимъ образомъ меня постоянно преслѣдовали мысли о томъ, какъ люди разсуждаютъ и говорятъ о моихъ поступкахъ; представляя себя по чужимъ глазамъ, я казался себѣ—извините за краткость выраженія — идеалистическимъ бродягой. Я не былъ имъ и не хотѣлъ быть, а, главное, мои враги и насмѣшники не должны были имѣть того тріумфа, что я пропаду отъ небрежности и непостоянства.

Я напрасно мучился, потому что—у кого есть время, охота и потребность слёдить за жизнью удалившагося человёка? Люди хоронять мертвыхъ, и возвращаются потомъ къ своей ежедневной жизни; точно такъ они хоронятъ и живыхъ. Теперь я больше не упрекаю ихъ за это; это такъ должно быть.

Мив стало ясно, что я неспособенъ къ избранной мною профессіи, я еще слишкомъ жилъ въ себв самомъ, безпрестанно держалъ предъ глазами совершившееся и старался изслъдовать основаніе и происхожденіе характеровъ. Я еще не хотѣлъ тогда понять, что сущность и дъйствія людей развиваются не такъ послъдовательно, какъ я то полагалъ, притомъ я былъ еще слиш-

618

комъ страстенъ и особенно находился подъ господствомъ ностояннаго стремленія къ прекрасному.

Я думаль о переселеніи въ Новый Свёть. Но что такое я быль бы тамь? Боролся ли я столько и усвоиль ли себѣ столько опытности, чтобы быть въ состояніи превратить клочекь первобытнаго лѣса въ плодоносное поле? Правда, у меня было особое основаніе, которое влекло меня въ Америку. Тамъ жилъ единственный брать моего отца, и о немъ не было никакихъ извѣстій. У него былъ ювелирный магазинъ. Дядя любилъ сестру моей матери, и когда сдѣланное имъ предложеніе было отвергнуто нѣсколько рѣзко, оставилъ Европу и отправился въ Новый Свѣтъ. Онъ прервалъ всякія сношенія съ родиной и семействомъ, и когда другъ моего отца посѣтилъ его въ Нью-Йоркѣ, и наконецъ сталъ осторожно разсказывать объ насъ, дядя съ бранью выгналъ его изъ дома. Онъ не хотѣлъ рѣшительно ничего знать ни объ насъ, ни объ Европѣ.

Я вообразилъ себѣ, что я могъ бы расположить къ себѣ дядю, и вы знаете, что люди въ отчаянномъ положеніи любятъ ожидать спасенія отъ какихъ-нибудь необыкновенныхъ приключеній.

Мой добрый отецъ помогъ мнё. Теперь мнё стало ясно то, что онъ всегда считалъ моимъ призваніемъ, и чему я сопротивлялся, только увлекшись блескомъ военной службы. Во мнё пробудилась жажда уединенія; мнё представлялось, какъ будто я долженъ отыскать себѣ клочекъ земли, гдѣ никакой звукъ не могъ бы нарушить моей внутренней жизни, гдѣ я могъ бы утопать въ уединеніи. Это уединеніе, заключающее однако въ себѣ всю жизнь, дала мнѣ наука. Отецъ помогъ, объяснивши мнѣ, что мое прошлое не потеряно, но что оно придаетъ мнѣ особенность и новый опытъ. Онъ вышелъ и принесъ мнѣ подарокъ, положенный въ мою колыбель: сенатъ университета, въ которомъ отецъ мой былъ преподавателемъ до того времени, когда назначенъ былъ воспитателемъ принца, — подарилъ мнѣ вскорѣ послѣ моего рожденія университетскую матрикулу, какъ новорожденнымъ принцамъ даютъ военную должность».

Клодвигъ расхохотался; онъ вытеръ себѣ глаза, наклонился, положилъ руки на колѣни, взглянулъ дружелюбно на Эриха и попросилъ его продолжать.

— Мнѣ остается немного разсказывать. Я рано привыкъ, или върнѣе сказать, отецъ рано пріучилъ меня жить только для общаго и, сколько возможно, удалять отъ себя все личное. Я отдался изученію древности, и то стремленіе къ прекрасному, которое представляло мнѣ въ будущемъ поэтическую дѣятельность, теперь нашло себѣ удовлетвореніе въ усвоеніи классиче-скаго міра. Своимъ прилежаніемъ всякій можетъ хвалиться, ска-залъ поэтъ. Я работалъ добросовѣстно, и только въ родитель-скомъ домѣ видѣлъ счастье ребенка, а юношей имѣлъ радость. духовнаго развитія. Отецъ мой надѣялся, что мнѣ суждено счаст-ливое достиженіе того, чего не достигъ онъ самъ; онъ передалъ мнѣ наслѣдство своихъ идей, которыхъ онъ не могъ ни внести въ науку, ни высказать на каоедрѣ. Если когда-нибудь былъ счастливый домъ, исполненный святости храма, это былъ домъ моих в родителей.

моихъ родителей.
Тогда умеръ мой младшій братъ; скоро будетъ годъ, какъ мы его похоронили; мой отецъ, который кромѣ того носилъ въ душѣ оскорбленіе, при всей силѣ своего стоицизма, не перенесъ этого удара. Вотъ уже два мѣсяца, какъ умеръ и онъ. Я преодолѣлъ горе сиротства и кончилъ свои ученыя занятія; нѣсколько дней тому назадъ я получилъ свою докторскую степень. Моя мать и я имѣли множество плановъ, но я еще ничего не рѣшилъ. По совѣту матери, сдѣлана мною прогулка по Рейну, потому что я работалъ слишкомъ много, и только послѣ моего возвращенія мы хотѣли остановиться на чемъ - нибудь. Тутъ я встрѣтилъ брата вашей жены и счелъ своей обязанностью не отстранять представившагося мнѣ случая. Я готовъ вступить на частную службу. Я знаю, что могу дѣлать, и полагаю, что достаточно приготовленъ къ своему дѣлу. Было время, когда я думалъ, что могу найти себѣ удовлетвореніе, только дѣйствуя на большую массу людей. Теперь я удовольствовался бы, если бы мнѣ удалось помочь образованію одного ребенка, и притомъ такого, который, по своему большому богатству, способенъ къ очень разнообразной жизни, — образовать въ человѣка, дѣйствующаго благородно и должнымъ образовать приготовленнаго къ своей широкой задачъ. рокой задачѣ.

рокой задачѣ. Я кончилъ. Я не хочу, чтобы кто-нибудь думалъ обо мнѣ лучше, чѣмъ я заслуживаю, но я хочу, чтобы меня цѣнили ва-столько, сколько я считаю справедливымъ. Я ни слишкомъ скро-менъ, ни самолюбивъ, я могу находиться въ опасномъ невѣдѣ-ніи, потому что не знаю, какъ смотрятъ на меня другіе; я только выдаю себя такимъ, какъ я самъ считаю себя по чест-ному признанію. Я думаю быть учителемъ. Кто хочетъ имѣть духовную жизнь и не можетъ быть творческимъ художникомъ, тотъ долженъ быть учителемъ; учитель, если можно такъ сѣа-зать, — ремесленникъ духа, и, какъ всякій ремесленникъ, бываетъ тѣмъ лучше, чѣмъ онъ больше имѣетъ и обнаруживаетъ художе-ственности. Самое лучшее, что можетъ дать человѣкъ человѣку,

это — дать ему мысль, и то, что я даю своему ученику, черезъ это становится еще более моимъ. Впрочемъ, извините, что я и съ вами впадаю въ наставнический тонъ. Я отдалъ вамъ въ руки все мое существо, сколько я его знаю; если гдё-нибудь есть еще пробёлы, спрашивайте меня.»

— Этого довольно, — сказалъ Клодвигъ, вставая и спокойно кладя въ сторону плюшевое одбяло. Развъ только одинъ вопросъ. Не было у васъ никогда расположенія жениться, или не было никогда случая?

— Нѣтъ, я не женюсь. Я слышалъ, какъ многіе говорятъ: да, идеалы! я также имѣлъ ихъ, но теперь я живу въ семействѣ и для семейства. `А для каприза красиваго существа я не хочу жертвовать всѣми высшими интересами. Я знаю, я стою въ противорѣчіи со свѣтомъ, я не могу лицемѣрить, не могу ни въ чемъ убѣждать себя и другихъ. Я поставилъ себѣ трудную жизненную задачу, и исполнять ее всего лучше одному.

Клодвигъ быстро подошелъ въ нему и сказалъ:

— Еще разъ даю вамъ мою руку. Пока въ этой рукѣ есть еще жизнь, она не измѣнитъ вамъ. Я предполагалъ о васъ нѣчто другое; теперь я уже не могу сказать вамъ этого, теперь это и не нужно больше; я превозмогаю самого себя. Но довольно. Идите спокойно и твердо къ своей цѣли; вы вправѣ требовать отъ меня, что я могу сдѣлать для ея достиженія. Послушайте; вы имѣете право на меня во всякомъ жизненномъ положеніи, всякимъ образомъ. Вы не можете представить всего, что вы мнѣ дали и еще даете. Доброй ночи, молодой мой другъ.

Графъ поспѣшно вышелъ, какъ будто для того, чтобы скрыть овладѣвавшее имъ чувство. Эрихъ стоялъ еще нѣсколько времени и смотрѣлъ на пустой стулъ и на одѣяло; точно все это былъ сонъ.

Вошелъ слуга и весьма почтительно проводилъ Эриха въ его комнату.

ГЛАВА Х.

доврый гость.

Когда человѣкъ перескажетъ всю свою жизнь, ему кажется какъ-то пусто, онъ точно все отдалъ, — что же еще остается затѣмъ? Какъ тогда кажется онъ себѣ медокъ и разбитъ.

Съ Эрихомъ было совершенно иначе.

Внизу, въ долинѣ, ясно раздавался полуночный, серебряный звувъ колокола съ башни, которая въ старыя времена выстроена

Томъ У. --- Октяврь, 1868.

Digitized 40 Google

была какой-то благородной дамой и должна была указывать за-блудившимся въ лёсу человёческое жилище. Эрихъ слушалъ эти звуки, и ему представилась исповёдь въ церкви; вёрующіе от-крывали свою жизнь, и подкрёпленные благословеніемъ, вновь вступали въ жизнь. Онъ исповёдался человёку, носившему въ себё внутреннее духовное освященіе; и въ своемъ сознаніи онъ чувствовалъ себя не обёднёвшимъ, а напротивъ укрёпленнымъ и приготовленнымъ ко всякимъ добрымъ отношеніямъ къ ближнему. Эрихъ открылъ окно и вдыхалъ свёжій, ароматный ночной

воздухъ. Внизу въ долинъ двигался тонкій туманъ, въ деревняхъ колокола звонили полночь, тихо и скромно звонилъ также коло-колъ въ Вольфсгартенъ. Юноша погрузился въ жизнь природы: деревья шумъли, вътви двигались, и каждая почка напоялась влагой. Вдалевъ гудълъ еще ночной поъздъ желъзной дороги, соловыи громко пѣли и вдругъ перестали, какъ будто побѣжденные сномъ.

Подобно массъ облаковъ, вся жизнь, своя и чужая, двига-лась около Эриха. Сколько пережито имъ въ одинъ этотъ день, и однако онъ еще не переступалъ порога того дома, гдѣ, быть можетъ, приготовлялось все его будущее! Онъ обновилъ передъ собой свое прошедшее и подумаль о пріютѣ, о которомъ еще вчера и не подозрѣваль. О, какъ міръ великъ и богать! въ немъ часто живутъ наши наилучшіе друзья, ожидая только призыва и привътственнаго взгляда.

Вся полнота жизни, заключенной въ безконечности природи и человъческаго духа, излилась на Эриха, и опъ съ блажен-ствомъ виталъ въ ней; въ эту минуту, онъ отдалъ свою жизнь, она была взята у него, онъ былъ свободенъ, но онъ уже не быль самь собой, онь жиль и виталь въ безконечности.

Надъ горами по ту сторону рѣки взошла луна; проливной дождь прошумѣлъ по лѣсу; соловей снова громко запѣлъ, ту-

дождь прошумѣлъ по лѣсу; соловей снова громко запѣлъ, ту-манъ въ долинѣ поднялся и исчезъ, и широкій лучъ засверкалъ вдали на стеклянномъ куполѣ. Тамъ вилла Эдемъ! Только съ большой борьбой Эрихъ уступилъ наконецъ уста-лости и затворилъ окно. Черный коммодъ съ гербомъ принца Леонгарда прежде всего приковалъ его взглядъ. Эрихъ улюб-нулся. Клодвигъ показалъ въ домѣ и передъ всѣми слугами, какъ онъ уважаетъ своего гостя; здѣсь еще нѣсколько дней тому на-задъ жилъ принцъ. Эрихъ долго смотрѣлъ на бюстъ Медузы; это большое, энергическое и прекрасное лицо было поразительно. На головѣ съ дико разбросанными ловонами лежали два крыла; подъ нахмуренными бровями смотрѣли неподвижно большіе глаза уничтожающимъ взглядомъ; ротъ искривленъ гнѣвомъ, и на гу-

бахъ лежатъ слова насмёшки и злорадства; нодъ подбородкомъ, какъ платокъ, завязались въ узелъ двё змёи. Видъ этой головы былъ отталкивающій и вмёстё привлекательный.

Противъ Медузы стоялъ бюстъ «Побѣды», Рауха, — удивительная женская фигура, напоминающая черты королевы Луизы; благородная голова съ дубовымъ вѣнкомъ, не поднятая, а наклоненная, какъ будто обдумывала и удерживала... Какую странную противоположность представляли эти два бюста! Сегодня некогда уже думать объ этомъ; сонъ одолѣваетъ Эриха; но прошло немного времени, начало чуть свѣтать, и Эрихъ уже проснулся.

Есть часы и дни, когда на сердцѣ бываетъ радость и увѣренность въ себѣ, какъ будто человѣкъ нашелъ ключъ, отпирающій всѣ сердца, какъ будто онъ держитъ въ рукахъ волшебную палочку, разверзающую всѣ источники, и сближаетъ насъ съ каждымъ человѣкомъ, какъ товарищемъ и братомъ. Міръ просвѣтляется, и душа свѣжѣетъ чувствомъ чистѣйшаго счастія, которое есть не что иное, какъ бытіе, жизнь, дыханіе, любовь.

Обнятый этимъ чувствомъ, Эрихъ стоялъ у окна и смотрѣлъ черезъ ръку на горы другого берега, на замки, городки, деревни по берегу и на высотахъ. Вездъ человъкъ дома здъсь, и живетъ въ чудномъ міръ!

Эрихъ скоро уже былъ на воздухѣ; онъ прошелъ черезъ паркъ и лѣсъ, шелъ какъ будто не самъ, его точно несла какая-то неизвѣстная сила. На свѣжихъ весеннихъ листьяхъ деревьевъ, на травѣ и цвѣтахъ еще висѣли капли ночного дождя; воздухъ былъ неподвиженъ, и однако же деревья, шумя какъ въ непогоду, часто вдругъ отряхали съ себя лежавшія на нихъ капли дождя. Это солнечный лучъ, который падаетъ теперь на вѣтви и листья, и производитъ непонятное для насъ движеніе. Въ кустарникѣ громко и ясно выкрикивалъ черный дроздъ, выдаваясь въ перекрестномъ веселомъ щебетаньи своихъ лѣсныхъ товарищей.

Эрихъ остановился у крытой галлереи на гребнѣ горы и долго смотрѣлъ на коршуна, который свободно леталъ и взвивался надъ горой, и потомъ опустился въ зарѣчномъ лѣсу.

Отчего это ему вдругъ вспомнился господинъ Зонненкампъ?

Не была ли это зависть и страхъ маленькихъ птицъ, которыя влословятъ сильнаго, какъ будто этотъ послъдний не имъетъ права жить по своей силъ?

Потомъ Эрихъ подумалъ о мальчикъ, словно' ему хотълось проникнуть въ его сонъ и сказать ему: Я скоро приду въ тебъ.

Эрихъ долго осматривался вругомъ, не увидить ли онъ стев-

• 40 Google

ляннаго купола, но не нашелъ его. Онъ пошелъ дальше по возвышенности, гдъ своро опять появились долины, высоты и горы.

Онъ остановился на большомъ полѣ и сталъ смотръть въ первый разъ, какъ сажали новый виноградъ. Рабочіе держали въ рукахъ свои орудія въ родѣ большихъ буравовъ, втыкали ихъ въ рыхлую землю и затъмъ, правильными рядами, сажали молодыя растенія. Онъ поздоровался съ рабочими, они весело отвѣчали ему; по тону его голоса они могли слышать, что онъ каж-даго новаго человёка привётствуеть какъ брата. Онъ распрашиваль ихъ, сколько нужно времени, пока въ первый разъ можно будетъ приготовлять изъ этого винограда вино, и старшій изъ рабочихъ подробно объяснилъ ему все; разговоръ съ поселянами освѣжилъ Эриха и снова свелъ его изъ блужданій въ безконечномъ- на землю. Уходя оттуда, онъ чувствовалъ, что ему слъдуетъ успокоить высоко поднявшійся полетъ своихъ ощущеній для спокойной, деятельной жизни. Онъ узналь отъ рабочихъ, что эта мыза принадлежала графу, который однако все отдавалъ въ аренду и не велъ также хозяйства и въ собственномъ имѣніи.

Эриху показали также находившуюся не подалеву цементную фабрику, смотритель которой дружески его принялъ; онъ видѣлъ здѣсь изразцы, сдѣланные по лучшимъ рисункамъ изъ временъ «возрожденія». Клодвигъ рекомендовалъ эти формы для производства, и работа имѣла хорошій сбытъ.

Эрихъ возвратился въ замокъ, освѣженный дыханіемъ природы и картиной дѣятельной человѣческой жизни. Слуга доложилъ, что графъ ожидаетъ его. Клодвигъ, уже одѣтый по всѣмъ приличіямъ свѣта, подалъ гостю руку и сказалъ: — Я буду еще спрашивать васъ обо многомъ, а теперь только

— Я буду еще спрашивать васъ обо многомъ, а теперь только объ одномъ: отчаялся ли въ концѣ жизни вашъ отецъ... или, какъ это сказать?.. въ законно - примиряющемъ, нравственномъ управлении міра?

Со всей силой своихъ воспоминаній и вновь оживленный отраднымъ вліяніемъ утреннихъ впечатлѣній, Эрихъ разсказалъ, какъ его отецъ, еще въ послѣднюю ночь наканунѣ смерти, называлъ своего сына счастливымъ, что онъ вступаетъ въ новое время, которое не ограничивается только тѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ противорѣчій и насилія. «Сынъ мой—говорилъ онъ у меня сердце трепенцетъ отъ радости, при мысли о тѣхъ грядущихъ вѣкахъ, когда распустится та красота, свобода, заботливость о нашихъ ближнихъ, — все, что у насъ существуетъ теперь только въ зародышѣ. Взгляни сынъ мой, древніе только желали, чтобы государство воспитывало дѣтей, а теперь оно на дѣлѣ вос-

питываеть ихъ, и притомъ такъ, какъ этого не воображали себѣ никакой Солонъ, никакой Сократъ. Ты доживешь до того времени, когда едва будутъ понимать, что были рабы, крѣпостные, подчиненные, что были цехи и весь хламъ этой жизни, которая обманываетъ сама себя».

Эрихъ нрибавилъ, какъ онъ счастливъ, что отецъ его умеръ съ такимъ радостнымъ настроеніемъ, и онъ, его сынъ, можетъ съ такой полнотой жить въ его надеждахъ. Эрихъ говорилъ съ такимъ одушевленіемъ, что Клодвигъ, положивъ ему руку на илечо, сказалъ:

- Довольно объ этомъ на сегодняшнее утро!

Графъ только выразилъ при этомъ еще свою радость, что онъ можетъ такъ сходиться съ выростающимъ поколѣніемъ, его всегда мучила мысль, что онъ когда-нибудь потеряетъ связи съ новымъ временемъ.

--- Мы кончили свою утреннюю молитву, давайте теперь завтракать --- заключилъ Клодвигъ вставая, и слегка поворачиваясь, чтобъ идти. Впрочемъ, еще одинъ вопросъ. Не говорилъ вамъ никогда отецъ, что предшествовало... внезапному разрыву съ дворомъ... вы знаете, о чемъ я говорю?

- Конечно; отецъ разсказывалъ мнѣ это со всѣми подробностями.

- И онъ не запретилъ вамъ сообщать это другимъ?

— Другимъ — да, но вамъ — нѣтъ.

— Онъ называлъ мое имя?

--- Нѣтъ, но онъ положительно разрѣшилъ мнѣ сообщать это тѣмъ, кого я уважаю отъ всей души, и вамъ я могу это сказать.

--- Говорите немного потише, попросиль Клодвигь, и Эрихъ продолжаль:

— На той послѣдней аудіенціи, о которой никто не могъ ничего узнать, отецъ мой долженъ былъ получить отъ герцога дипломъ на дворянство, чтобы имѣть возможность занять мѣсто при дворѣ. Онъ сказалъ герцогу: Ваше высочество, вы уничтожаете весь плодъ моего долголѣтняго труда, въ которомъ я посвятилъ лучшія мои силы образованію молодого принца — если думаете, что я приму этотъ даръ, или что я вообще считаю это за что̀-нибудь, соотвѣтствующее нашему времени. — Я не шучу съ подобными вещами, отвѣчалъ герцогъ. — И я также, возразилъ мой отецъ. — Послѣ того прошли годы, какъ онъ мнѣ это разсказывалъ, и его губы еще дрожали, при воспоминаніи о той минутѣ, когда онъ и его воспитанникъ въ послѣдній разъ стояли молча другъ противъ друга; эта минута была самая горькая въ его жизни.

Между Эрихомъ и Клодвигомъ снова наступила нѣмая пауза, пока, наконецъ, послѣдній сказалъ:

- Я понимаю, понимаю. Пойдемте.

Они вошли въ залу нижняго этажа, двери которой были затворены. Вскоръ явилась и Белла; она чувствовала, что Эрихъ внимательно смотрълъ на нее и, быстро отвернувшись, стала приготовлять кофе за другимъ столомъ.

— Моя жена, сказалъ Клодвигъ, послала уже сегодня записку фрейлейнъ Пэрини, а я велълъ посланному сказать господину Зонненкампу, что вы, любезный Дорнэ, будете у него только сегодня вечеромъ, или, еще скоръе, завтра утромъ.

— А я должна извиниться передъ вами за брата; сегодня рано утромъ онъ отправился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго называютъ здѣсь «кавалеромъ бутылки», на конную ярмарку въ Мангеймъ. Хотите кофе или чаю?

- Если можно, кофе.

— Это хорошо, и въ этомъ случаѣ мы съ вами хорошіе друзья, сказала Белла. По моему, нѣтъ ничего отвратительнѣе той вѣжливости, когда люди отвѣчаютъ на такой вопросъ: мнѣ все равно! Если вамъ—думаю я — все равно, милая деликатная душа, такъ выберите себѣ что-нибудь опредѣленное, и не взваливайте этого рѣшенія на меня.

Такъ начался разговоръ въ веселомъ тонъ, и всъ съли за столъ.

Белла знала, что Эрихъ смотритъ на нее, и знала, что въ изящномъ утреннемъ нарядѣ она казалась еще прелестнѣе, чѣмъ когда она одѣта для гостиной. Ея движенія были эластичны и граціозны. По фигурѣ, Белла была тонкое, стройное и горделивое созданье; ея мягкіе темнорусые волосы, на половину распущенные, сдерживались кружевной косынкой, которая, повидимому, наброшена была невзначай и небрежно, какъ бы безъ совѣщаній съ зеркаломъ, и завязана подъ подбородкомъ. Цвѣтъ лица былъ свѣжъ, какъ будто Белла только-что вымылась молокомъ, и она дѣйствительно умывала его молокомъ каждое утро и вечеръ. Выраженіе ея лица было рѣзко и изящно, черты благородны, и только на верхней губѣ была впадинка, которую одинъ злоязычный кавалеръ при дворѣ назвалъ однажды примѣтой отравительницы; досадно было для Беллы одно, а именно, что голосъ у нея собственно былъ мужской.

Въ легкомъ разговоръ за завтракомъ, она выказала всю свою привлекательность, задушевность и вмъстъ лукавство. По вре-

Digitized by Google

626

менамъ она пристально вглядывалась въ Эриха, и была поражена его наружностью; вчера она видёла его только въ сумерки и потомъ при огнё. Теперь онъ являлся днемъ; его лице блестёло еще и потому, что наружность отражала на себё счастливо возбужденную внутреннюю жизнь; онъ смотрёлъ на Беллу, какъ будто хотёлъ ей сказать: Я сдёлался почти сыномъ вашему мужу; пусть и между нами возникнетъ благородная симпатія!

Белла была необыкновенно любезна, быть можетъ чувствуя, что сегодня она уже прибъгла въ маленькому коварству. Написанная по-итальянски записка въ фрейлейнъ Парини заключала въ себъ осторожно выраженный, но въ сущности положительный намекъ, что новаго гостя надо внимательно извъдать.

Когда же Клодвигъ прибавилъ посланному, что Эрихъ прі детъ въ Эдемъ только вечеромъ или на другой день, она подумала, что употребленное ею коварство было встати, и совсъмъ успокоилась, такъ какъ Клодвигъ еще никогда съ такою настойчивостью не удерживалъ у себя гостя, и никто еще не могъ похвалиться, чтобы ему удалось вывести графа изъ собственнаго его самодовольнаго спокойствія.

Клодвигъ и Белла взаимно обѣщали жить только другъ для друга, и до сихъ поръ они вѣрно сдерживали обѣщаніе. Я человѣкъ усталый, сказалъ Клодвигъ Беллѣ, когда предлагалъ ей свою руку; а она отвѣчала, что соглашается успокоить усталаго. Съ тѣхъ поръ Белла прекратила всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ; она знала, что дружескія посѣщенія наполняютъ только извѣстные часы и дни, и затѣмъ уединеніе дѣлается еще болѣе чувствительнымъ.

Белла была очень мила со всёми и всегда, если только всё и всегда дёлали и жили такъ, какъ ей хотёлось. Но въ сущности она не любила людей, она не имёла въ нихъ никакой потребности, ничего не хотёла отъ другихъ, и другіе также должны были оставить ее въ покоъ. Прежнія многочисленныя знакомства Клодвига, холостыя и семейныя, были ей противны, и Клодвигъ подчинился желанію живущей только для него жены, ограничить до послёдней мёры свою обширную переписку и свои личныя отношенія. На время у нихъ остались связи только съ двумя кружками общества въ ближайшей окрестности. Одно бюргерское общество, или общество «холодной закуски», какъ навывали его здёсь на верху, мы видёли вчера; съ другой стороны, два раза въ году они приглашали къ себё разсёянно жившую аристократію. Неужели этотъ дезертировавшій капитанъ нарушилъ теперь все это?

Торжествуя при мысли, что она удалить его, Белла стано-

вилась все краснорѣчивѣе, а Эрихъ восхищался тѣмъ веселымъ настроеніемъ, которое проникаетъ рейнскій край и охватываетъ каждаго, кто вступаетъ въ кругъ его обитателей. Наконецъ, онъ свелъ разговоръ опять на Зонненкампа и замѣтилъ, что ему ка-жется очень загадочнымъ тотъ оборотъ, съ какимъ вчера уномянуто было имя этого человѣка.

Белла съ большой поспѣшностью объяснила, что напереворъ упрямому филистерству, она находить этого человѣка весьма при-влекательнымъ; это завоеватель, смѣлый герой, а въ этомъ мірѣ, устроенномъ на акціяхъ, конечно, нечего больше и завоевывать, кромѣ денегъ.

Казалось, между странностями въ Зонненкампъ и въ Беллъ была какая-то родственная связь. Клодвигъ весьма обдуманно прибавилъ:

оавиль: — Мнѣ часто случалось видѣть, что пока у человѣка бо-гатство еще растетъ, его счастье представляется людямъ какъ справедливый результатъ житейскаго благоразумія; всѣмъ пріятно, какъ будто всѣ выростаютъ также вмѣстѣ съ нимъ. Но когда человѣкъ достигъ своей цѣли, люди измѣняютъ ему, и то же житейское благоразуміе, которое прежде такъ одобряло, теперь осуждаетъ его. Понимаете-ли вы что-нибудь въ садоводствѣ?

- Нать.

— Нѣтъ. — Господинъ Зонненкампъ весьма замѣчательный садоводъ. И не странно-ли, въ устройствѣ парковъ мы превзошли фран-цузское садоводство, которое налагало на родную растительность свой стиль, а теперь ушло въ огородничество, и такимъ обра-зомъ находитъ себѣ сильную защиту въ господствующей надо всѣмъ пользѣ. Англичане мастерски разводятъ свиней, до того, что у нихъ свиньи обращаются въ кусокъ жиру на четырехъ ногахъ; напротивъ, французы выбрали себѣ обработку овощей, и достигаютъ тутъ почти баснословныхъ результатовъ. Да, да, сказалъ онъ усмѣхаясь, господинъ Зонненкампъ воспитываетъ леревья, но воспитывая. онъ леспотически домаетъ ихъ. Сеголна сказалъ онъ усмѣхаясь, господинъ Зонненкампъ воспитываетъ деревья, но воспитывая, онъ деспотически ломаетъ ихъ. Сегодня я могу говорить съ вами откровеннѣе; господинъ Зонненкампъ всегда былъ мнѣ чуждъ и всегда такимъ останется чуждымъ. При всемъ хорошемъ обращеніи и даже при старательной за-ботливости о хорошемъ обращеніи, въ его характерѣ прогляды-ваетъ какая-то дикая грубость; я понимаю грубость въ перво-начальномъ смыслѣ грубости дикаря. — Да, прибавила Белла, ваше положеніе тамъ будетъ трул-ное, и особенно съ Роландомъ. — Ст. Роленкомт²

- Съ Роландомъ?

- Да, такъ зовутъ мальчика; мальчику хотёлось бы, пожалуй, много знать, и ничему не учиться.

Белла осмотрѣлась съ удовольствіемъ, что она выразилась такъ удачно. Попугай въ большой клѣткъ, стоявшей на верандѣ, громко закричалъ, какъ будто разсердясь.

— Посмотрите, сказала вставая Белла, вотъ мой тиранъ, ученикъ, который страшно мучитъ свою учительницу. Она взяла попугая изъ клътки, посадила его себъ на плечо,

Она взяла попугая изъ клётки, посадила его себё на плечо, ласкала и гладила его, такъ что можно было почти позавидовать этой расточительности; всё ея движенія были граціозны, въ особенности поворотъ шеи и наклоненіе затылка.

ГЛАВА ХІ.

«МЕДУЗА» И «ПОВЪДА».

Когда Белла ущла, Клодвигъ долго сидёлъ, опустивъ глаза. Наконецъ, онъ кивнулъ Эриху, какъ будто только-что увидёлъ его. Между тёмъ Белла воротилась опять, держа на рукё и гладя попугая. Она ходила по комнатё и часто оборачивалась назадъ, когда Эрихъ разсказывалъ, что сегодня онъ, какъ будто насильно отрываясь отъ картины Рейна, отправился въ противоположную сторону, и уже говорилъ со многими.

Клодвигъ при этомъ нѣсколько длинно распространился на счетъ своей любимой мысли, что въ физіономіи и характерѣ здѣшнихъ жителей еще видны слѣды римскихъ колонистовъ. Беллѣ, кажется, досадно было слышать это еще разъ, и она сказала какимъ-то раздражительнымъ тономъ:

- Когда удаляешься отъ Рейна, то чувствуешь, - по крайней мёрё я чувствую это, что кто-то, вёроятно, батюшка-Рейнъ, смотритъ мнё вслёдъ и какъ будто зоветъ: оглянись-же.

- Мы, мужчины, не всегда имѣемъ это чувство, чтобы на насъ какъ будто кто-нибудь смотрѣлъ, проговорилъ Клодвигъ, и обратился въ Эриху съ просьбою опредѣлить древность глинянаго сосуда, который стоялъ въ столовой на столикѣ; это былъ вчерашній подарокъ мирового судьи. Эрихъ сдѣлалъ это легко, и они перешли потомъ въ сосѣднюю комнату, которая наполнена была пестрыми разнообразными предметами, найденными при раскопкахъ. Эрихъ, только-что оставившій научныя занятія, говорилъ съ такимъ знаніемъ обо всѣхъ предметахъ, встрѣчавшихся въ разговорѣ, что Белла не могла не высказать ему своего удивленія.

въстникъ европы.

— Вы хорошій наставникъ, и учиться у васъ должно быть пріятно.

Эрихъ поблагодарилъ. Белла съ любезной говорливостью продолжала:

— Да, да, многіе сообщаютъ свои знанія, чтобы блеснуть ими; другіе выдаютъ ихъ опять съ неохотой; а вы, довторь, учите какъ добрый другъ, который радуется, что можетъ одарить, а еще больше радуется, что его даръ благотворенъ для получающаго. И вы учите такъ, что не только убъждаешься въ вашемъ знаніи, но думаешь, что и самъ начинаещь понимать.

Клодвигъ взглянулъ съ удивленіемъ; совершенно тѣми же словами, наканунѣ вечеромъ, онъ разсказывалъ объ отцѣ Эриха, когда вспоминалъ, что едипственное маленькое его сочиненіе написано было при самомъ безкорыстномъ содѣйствіи профессора Дорнэ.

Белла, выказавши себя столь неожиданно любезной, ушла. Мужчины еще долго оставались одни; они отправились въ комнату Эриха, и здъсь Эрихъ подалъ Клодвигу экземпляръ своей докторской диссертаціи; только теперь пришло ему въ голову, какъ странно все это складывалось. Онъ писалъ свое изслъдованіе объ апокрифическомъ сочинении Платона «О богатствѣ», а теперь ему именно приходилось руководить воспитаніемъ въ богатствѣ. Оба они какъ будто удивились этому обстоятельству.

Клодвигъ просилъ Эриха прочитать ему по-нѣмецки диссертацію, написанную по-латыни. Эрихъ исполнилъ просьбу, и это было для обоихъ глубоко пріятныя минуты. Когда они опять встали, Клодвигъ замѣтилъ, какъ должно казаться страннымъ найти здѣсь «Медузу» и «Побѣду» поставленными одна противъ другой; онъ признается въ ереси, которая, быть можетъ, и осуждается наукой, но нравится ему лично. Медуза кажется ему изображеніемъ всепожирающей страстности, которая, при взглядѣ на нее заблудшагося, способна удержать его въ оцѣпенѣніи передъ собою; весьма знаменательно, говорилъ онъ, то, что древніе представляли этотъ крайній душевный хаосъ въ видѣ женщины, потому что именно въ женщинѣ безпредѣльная страсть, въ силу противоположности, обнаруживается еще рѣзче. «Побѣда» Рауха, напротивъ, представляется ему воплощеніемъ высоконравственнаго духовнаго настроенія новыхъ временъ.

— Это лицо удивительно похоже — онъ не кончилъ одной фразы, и запинаясь перешелъ въ другую: это не та богиня Побѣды, которая гордо и возвышенно носитъ вѣнецъ на свѣтломъ челѣ, это изображеніе Побѣды, которая въ душѣ печалится о томъ, что должна была побѣждать противника. Этого мало; по

моему мнѣнію, это богиня Побѣды надъ самимъ собой, что, во всякомъ случаѣ, есть величайшая побѣда. Сказавши это, онъ прибавилъ:

— Теперь оставлю васъ; сегодня и вчера я уже слишкомъ много васъ безпокоилъ.

Эрихъ остался одинъ; между тъмъ какъ онъ писалъ своей матери. Клодвигъ говорилъ Беллъ:

— Этотъ молодой человѣкъ—идеальная натура; не ему жить связаннымъ подобной службой; ему слѣдуетъ быть свободнымъ, какъ свободна птица на вѣткѣ; она поеть, летаетъ безъ всякой предназначенной цѣли, безъ всякаго опредѣленія времени, и всегда одна. Встрѣтить такую родниковую натуру—это счастіе.

— Не слишкомъ ли онъ самъ сознаетъ свою натуру? спросила Белла, съ враждебнымъ блескомъ въ глазахъ.

— О, нѣтъ! Онъ не хочетъ радоваться; это чистый свѣтъ; когда я бываю съ нимъ, я точно возвышаюсь въ свѣтыя области духа; это человѣкъ чистыхъ воззрѣній, и съ нимъ я чувствую себя дома, какъ въ собственной душѣ.

Белла молчала, а Клодвигъ продолжалъ:

— Въ особенности мнѣ нравится въ немъ то, что въ разговорѣ онъ даетъ кончить мысль, не прерываетъ ся ни миной, ни движеніемъ; при такомъ живомъ и такъ хорошо снабженномъ умѣ, это вдвойнѣ дорого, это больше чѣмъ просто хорошая манера.

Белла все молчала и прилежно занималась вышиваніемъ, совсёмъ наклонившись надъ своей работой. Наконецъ, она подняла голову и сказала, — въ лицё ея было ясное выраженіе:

— Я радуюсь твоей радости.

--- И я желаль бы всегда имёть эту радость, сказалъ Клодвигь. Зачёмъ мнё уступать этого человёка другому, и особенно этому господину Зонненкампу? Я въ состоянии дать ему свободный пріютъ на цёлые годы. Почему мнё не сдёлать этого?

- Почему не сдѣлать? возразила Белла и бросила въ сторону свое шитье. Мнѣ нѣтъ надобности говорить тебѣ, что я не знаю другой радости въ жизни, кромѣ твоей. Но оставь въ покоѣ это короткое счастье, твою дѣтскую вѣру въ эту благородную личность. Я также нахожу, что въ немъ есть нѣчто возвышенное, онъ даетъ много и охотно, и въ пемъ есть что̀-то нравственно возбуждающее.

— Но отчего же однако не сдблать этого?

— Потому что мы хотимъ оставаться одни! Клодвигъ, останемся одни! Я желаю, чтобы и братъ вскоръ опять оставилъ насъ; всякій третій, будь это ближайшій родственникъ или ближайшій нравственно человѣкъ, дѣлаетъ однако то, что ты для меня становишься не одинъ, и я для тебя не одна.

Говоря это, она держала руку на рукѣ Клодвига; теперь она взяла его за руку и стала гладить ее.

Клодвигь ушель, и Белла смотрѣла на него вслѣдъ, качая головой.

Къ завтраку Белла вышла прекрасно одѣтая, съ единственною розою въ волосахъ. Между тѣмъ, какъ мужчины казались утомленными, она была чрезвычайно жива и много разсказывала о томъ, какой счастливой она всегда чувствовала себя въ домѣ родителей Эриха; это было семейство, гдѣ не произносилось ни одного неблагороднаго слова, потому что мать всегда лелѣяла въ себѣ новую идеальную мысль; она похожа была на жрицу, которая всегда поддерживала чистый огонекъ на домашнемъ алтарѣ. Эрихъ, доведенный до послѣдней степени восторга, испытывалъ новое восхищеніе.

Днемъ они поѣхали на прогулку; Белла была въ началѣ молчалива. Они посѣтили остатки стараго римскаго лагеря. Белла сидѣла одна на скамейкѣ подъ деревомъ, пока мужчины бродили кругомъ...

Когда они собрались вечеромъ при лампѣ, Белла опять явилась переодѣтою; въ этотъ день она перемѣнила платье въ третій разъ; и теперь она опять была чрезвычайно оживлена.

Во всю свою жизнь Белла никогда не была недовольна собой; она никогда не раскаявалась въ томъ, что сдѣлала, потому что всегда говорила себѣ: въ тотъ моментъ, когда я это сдѣлала, я, конечно, имѣла на это основаніе. Нынѣшній разъ она прежде всего никакъ не хотѣла показаться новому любимцу своего мужа въ ложномъ свѣтѣ или одной ничтожной привѣской къ мужу; Эрихъ долженъ бы́лъ понять, кто она. Она не только жена Клодвига, но и Белла фонъ-Пранкенъ.

Едва Клодвигъ выразилъ желаніе, чтобы она что-нибудь съиграла, она была тотчасъ готова. Торопливость и быстрота, съ какой она снимала съ рукъ бренчащіе браслеты, которые Эрихъ тотчасъ съ большою внимательностью принялъ у нея и положилъ на мраморный столикъ подъ зеркаломъ, манера, съ которой она повела руками, какъ порхающими крыльями, въ воздухѣ и потомъ опустила на клавиши, какъ пловецъ, когда онъ попадаетъ въ свою стихію—все это показывало, что она рѣшилась не оставаться на второмъ планѣ. Еще никогда съ тѣхъ поръ, какъ она была женой Клодвига, она не играла такъ въ присутствіи третьяго; всегда одинъ Клодвигъ слышалъ ея мастерскую игру на фортепьяно. Сегодня она играла съ такимъ наслажде-

Digitized by Google

632

ніемъ и такимъ мастерствомъ, что даже Клодвигъ, знавщій всѣ особенности ея игры, былъ снова изумленъ и восхищенъ.

Во время одной паузы Эрихъ, кажется, попалъ въ тонъ, замътивъ, что послъ счастья, испытаннаго имъ въ обществъ съ возвышенными людьми, и наслажденія свободной природой, для души не оставалось ничего, какъ искать новыхъ ощущеній въ безграничномъ и безбрежномъ эеиръ музыки. Тутъ зиждется въ насъ царство мечты на яву, глубокихъ впечатлъній, которыя за предълами слова и зрънія творятъ нъчто, чего нътъ никогда въ видимой и слышимой жизни природы, и что раскрывается изъ загадочно-глубокой основы человъческаго духа.

Когда Моцарта спросили, что происходить въ немъ передъ тѣмъ, какъ онъ пишетъ свои произведенія, онъ далъ отвѣтъ: «ничего, кромѣ именно музыки, которая ищетъ себѣ выхода; это—чистая фантазія безъ опредѣленнаго ощущенія и безъ опредѣленныхъ мыслей; какое-то ритмическое волненіе тоновъ» такъ и мы, послѣ всѣхъ рефлексій и наблюденій, переносимся при посредствѣ музыки въ то чистое, неопредѣленное, но все проникающее царство звуковъ, которое есть освобожденный и замкнутый въ себѣ хаосъ.

Белла сидѣла на большомъ стулѣ и откинулась назадъ, она была удивительно хороша, такъ-что Эрихъ, смотрѣвшій на нее въ забытьи, опустилъ глаза.

Къ изумленію обоихъ собесѣдниковъ она вдругъ встала и простилась; она подала руку сначала Клодвигу, потомъ Эриху, потомъ еще разъ Клодвигу, и быстро вышла.

Клодвигь оставался недолго съ своимъ гостемъ, потомъ простился и онъ.

Словно отуманенный шелъ Эрихъ въ свою комнату. Какъ богатъ міръ! что-за день былъ сегодня, отъ утра въ росистомъ лъсу и до сихъ поръ; человъческое счастіе — истина! 'Подъ этой кровлей два существа достигли спокойствія и счастія, какія въ дъйствительномъ міръ считаются едва мыслимыми.

На устланной ковромъ лёстницё онъ вдругъ остановился, и, среди неясной мысли о богатомъ домё, въ который онъ хотёлъ войти и среди созпательной мысли о полнотё человёческой жизни здёсь, его вдругъ остановилъ вопросъ: такая прекрасная жизнь, такая полнота души въ свободномъ наслажденіи природой, и затёмъ опять свободное насыщеніе всёмъ прекраснымъ въ наукё и искусствё, — не остается ли все это возможнымъ только для одного богатства, освобождающаго отъ всёхъ заботь и нуждъ, отъ всякаго труда ради насущныхъ потребностей?

Когда Эрихъ вошелъ со свёчой въ верхнюю залу, онъ оста-

въстникъ Европы.

новился въ страхъ: передъ нимъ, какъ привидъніе, стояло изображеніе Медузы, которая смотръла на него съ открытымъ ртомъ и неподвижными глазами съ такимъ сильнымъ и подавляющимъ выраженіемъ.

Что это? Откуда вдругъ въ этомъ изображении такое сходство? Подозръваетъ ли это Клодвигъ? И въ тоже время, оно такъ страшно.

Эрихъ оглянулся, — это точно игра злого духа.... и прямая противоположность Медузы, — «Побъда», также похожа на Белгу, когда она тихо и спокойно, покорно и скромно опускаетъ голову.

Подозрѣваетъ-ли Клодвигъ эту удивительную игру контраста, и не это ли онъ хотѣлъ выразить, когда сегодня утромъ признавался въ своей ереси?

Виски у Эриха сильно бились.

Онъ потушилъ свѣчу и долго еще смотрѣлъ въ темноту ночи, стараясь вновь пробудить въ воспоминаніи веселую полноту прошедшаго дня.

ГЛАВА XII.

FRAU AVENTIURE.

Утромъ Эрихъ надѣлъ свой капитанскій мундиръ, потому что Клодвигъ совѣтовалъ ему это, осторожно ссылаясь на одинъ прежній опытъ. Онъ далъ ему въ распоряженіе и лошадь; а багажъ хотѣлъ прислать послѣ.

Морщинистое лицо Клодвига разгладилось, когда красивый молодой человѣкъ, которому военное платье было къ лицу, вошелъ въ комнату. Поздоро́вавшись съ нимъ, онъ указалъ на руку Эриха и замѣтилъ:

— Снимите этотъ трауръ.

Эрихъ взглянулъ на него съ удивленіемъ, и Клодвигъ объясниль:

— Вы не можете быть сантиментальны, и согласитесь со мной, что не идеть въ первый разъ являться въ чужомъ домѣ съ знаками траура. Этимъ мы какъ бы требуемъ участія, котораго собственно не можемъ еще требовать. Вамъ слѣдуетъ сказать себѣ разъ совершенно опредѣленно, и потомъ вы будете за то совершенно спокойны: вы вступаете на службу и притомъ у чрезвычайно богатаго человѣка, который удаляетъ изъ круга своего зрѣнія все непріятное для глаза. Чѣмъ больше вы будете беречь свою личную жизнь для одного себя, тѣмъ вы свободнѣе.

Клодвигъ съ усмѣшкой прибавилъ цитату изъ Лукіановой публичной продажи философскихъ сектъ, гдѣ стоикъ, въ качествѣ раба, восклицаетъ: «хоть я и проданъ, но въ себѣ самомъ п свободенъ!»

Эрихъ съ добродушной улыбкой снялъ съ руки трауръ.

Белла просила извинить ее, что не выйдетъ въ завтраку; она прощается съ Эрихомъ до свиданья.

Итакъ, мужчины остались одни. Клодвигъ передалъ Эриху письмо, которое онъ долженъ былъ вручить Зонненкампу; при этомъ онъ настоятельно и нёсколько разъ повторялъ Эриху, чтобы не кончать дёла, пока не увидится съ нимъ еще разъ. Скороговоркой онъ прибавилъ:

- Быть можеть, я все-таки удержу вась для одного себя.

Какъ мать передъ отъёздомъ сына, отправляющагося въ чужую сторону, все еще набиваетъ ему карманы, такъ Клодвигъ старался еще снабдить своего молодого друга всевозможными наставленіями.

- Я мало знаю мальчика -- говориль онъ -- я знаю только, что онъ очень хорошъ собой. И вы, въроятно, согласитесь, чтобыло бы совершенно превратно сообщать молодой душъ великіе принципы, которые должны давать направленіе жизни, -- прежде, чъмъ эта молодая душа овладъетъ матеріаломъ жизни и сознаетъ собственныя стремленія.

- Конечно, отвѣчалъ Эрихъ: это совершенно тоже, что строить въ неразработанныхъ и полуцивилизованныхъ странахъ желѣзныя дороги, пока нѣтъ другихъ дорогъ, для подвоза зеиледѣльческихъ и промышленныхъ продуктовъ. Причина болѣзни новѣйшаго человѣчества, какъ часто говорилъ мой отецъ, заключается въ томъ, что ребенку догматически внушаютъ законы ирового правленія; это роскошь, разсчитанная на обманъ глаза; никакихъ результатовъ, потому что «есть прыжокъ мимо первой ступени».

Клодвить нёсколько разъ выражаль свое согласіе. Этого человёка можно спокойно пустить въ открытое море; у него есть съ собой компасъ.

Наконецъ, пришло время отправляться.

Клодвигъ сказалъ: «Я еще провожу васъ немного». Эрихъ взялъ лошадь за поводъ. Идя рядомъ, Клодвигъ часто взглядывалъ на своего молодого друга съ любовью и заботливостью. Сначала онъ повторилъ, что считаетъ въ высшей степени достойной задачей образовать изъ молодого американца способнаго человѣка; затѣмъ еще разъ совѣтовалъ ему имѣть въ виду только одно это и рѣшительно не слушать никакихъ толковъ о Зон4

ненкампѣ. «Быть можеть, господинъ Зонненкампъ предоставляеть говорить о себѣ что угодно, или потому, что онъ достаточно честенъ и порядоченъ, чтобы заботиться о людской молвѣ, или, честенъ и порядоченъ, чтобы заботиться о людской молвѣ, или, быть можетъ, въ его жизни есть факты, которые онъ охотне приписываетъ ложнымъ слухамъ. Странно, конечно, что госпо-динъ Зонненкампъ, хотя онъ по происхожденію нѣмецъ, еще никогда не видѣлъ въ своемъ домѣ никакихъ родственниковъ. Между тѣмъ, вѣроятно, что онъ человѣкъ нростого происхожде-нія, что онъ дѣлаетъ добро своимъ родственникамъ подъ усло-віемъ, чтобы они избѣгали всякихъ сношеній съ нимъ. Майоръ Краслеръ говорилъ разъ нѣчто подобное».

— Еще одно, сказалъ Клодвигъ и остановился. Не говорите ничего господину Зонненкампу, что вы нѣсколько времени за-вѣдывали арестантами. Я не хочу этимъ бросать никакого пятна на господина Зонненкампа, но многіе боятся людей подобной практики.

Эрихъ поблагодарилъ; онъ видѣлъ сердечныя старанія этого человѣка уровнять ему жизненный путь. Они тихо пошли дальше. — Здѣсь я ворочусь, сказалъ наконецъ Клодвигъ. Позволь-

те мнъ дать вамъ еще одно предостережение.

 Предостереженіе?
 Быть можеть, я употребиль не то слово, я хотѣль только еще сказать вамъ: позаботьтесь о томъ, чтобы въ свѣтѣ васъ не считали экзальтированнымъ. Кто ищеть въ жизни чего-нибудь, кром'я пользы, удовольствія и почестей, тоть вообще ри-скусть показаться экзальтированнымъ для многихъ, которые не подозр'явають возможности такихъ стремленій; св'ятъ не можетъ быть справедливъ къ такимъ людямъ; онъ долженъ осуждать ихъ, потому что въ этихъ людяхъ онъ видитъ осуждение собственныхъ стремленій. Если вы останетесь вѣрны себѣ-а я полагаю такъ, — вамъ всю жизнь придется нести мученичество; несите его въ своемъ гордомъ сознании и знайте, что новый старый другъ признаеть вась и продолжаеть жить съ вами.

Старикъ быстро положилъ руки на плеча Эриха, поцаловалъ его, торопливо отвернулся и ушелъ. Онъ больше не оглядывался.

дывался. Эрихъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ. Поворачивая за уголъ лѣса, онъ оглянулся еще разъ, и увидѣлъ, что Клодвигъ стоитъ. Белла смотрѣла на нихъ обоихъ съ балкона, откуда видна была вся дорога; теперь она пошла на встрѣчу мужу и была не мало удивлена, взглянувъ на его лицо. Въ немъ выражалось такое волненіе, какого она еще не видѣла. Онъ, кажется, плакаль. Клолвигъ поспѣшно сказаль:

— Ты говорила правду, намъ лучше оставаться однимъ. Но я радуюсь этой новой молодежи; она не такова, какъ были мы; она уже не колеблется между этими двумя полюсами — восторгомъ и отчаяніемъ; въ ней, напротивъ, замѣтно, — если можно такъ сказать, — извъстное интеллектуальное воодушевленіе, и я думаю, что она сдёлаетъ больше нашего. Я счастливъ, что еще не такъ старъ и могу понимать эту юность. Удивляюсь нашему настоящему и люблю его. Еще ни въ какія времена не бывало какъ теперь, чтобы каждый и въ каждомъ призваніи такъ опре-дёленно зналъ, чего онъ хочетъ и что долженъ дёлать; такъ теперь и въ наувъ, такъ и въ жизни.

Белла нашла нужнымъ что-нибудь отвѣчать и сказала, что для молодого Зонненкампа большое счастье получить такого руковолителя.

— А мнё прискорбно, что онъ попадаетъ въ этотъ домъ. — И однако-же ты самъ рекомендовалъ его.

— и однако-же ты самъ рекомендовалъ его. — Да, это правда. Человѣку рано или поздно отмщается за то, что онъ предпринимаетъ не вполнѣ правдиво или съ проти-ворѣчіемъ въ душѣ. Теперь я поставилъ себя ближе къ этому Зонненкампу, а собственно говоря, я не хочу этого. Въ этомъ домѣ я всегда испытываю такое ощущеніе, какъ въ семействѣ, гдѣ ѣдятъ лошадиное мясо. Боже мой! Быть можетъ, это пред-разсудокъ, привычка; лошадиное мясо есть также кушанье. Но теперь мнѣ нечего заботиться объ этомъ прекрасномъ молодомъ исстотита. человѣкѣ.

Клодвигъ, повидимому, не могъ наговориться объ Эрихъ, и удивлялся вспоминая теперь все, что онъ услышалъ отъ него въ это короткое время; показывая на цвётущую вишню, онъ сказалъ :

--- Посмотри на это цвътущее дерево; таковъ и этотъ Дорнэ. Оно отряхиваетъ съ себя цвъты и каждаго осыпаетъ ими, а все-таки остается по прежнему богато.

Белла отвѣчала, что когда о человѣкѣ такъ говорятъ и думаютъ, для него должно быть трудной задачей — остаться всегда достойнымъ этого мивнія.

--- Нельзя ли, однако, спросила она скромнымъ тономъ, ви-дѣть въ этой сообщительности преувеличенное чувство своего достоинства или даже тщеславія?

- О, нётъ. У этого молодого человёка нётъ желанія блеснуть, онъ хочетъ только, чтобы ни одна минута жизни не про-носилась мимо его безплодно. Онъ заставляетъ дъйствовать ся движущую силу, и что онъ при этомъ радуется другимъ, ихъ вниманію и участію, это необходимо; безъ этой радости сооб-

Томъ V. - Обтябрь, 1868.

шительность не была бы возможна. Это-вёра, которая можеть сдвинуть съ мѣста горы предразсудковъ.

- Въра? Белла усмъхнулась и очень встати усмъхнулась впередъ своему остроумію. — Мнѣ кажется, что это скорѣе непрерывный восторгь невѣрія.

Клодвигъ съ большой ревностью старался объяснить ей, что, напротивъ, въ этомъ состоитъ трудное усиліе постигнуть жизнь. Онъ говорилъ очень горячо и очень долго. Белла дѣлала видъ, что слушаетъ, но она едва слушала его; она подсмънвалась въ душѣ надъ старымъ дипломатомъ, въ которомъ все еще было что-то непонятно простодушное, почти ребяческое. Разъ только она гордо откинула назадъ голову, сознавая постоянство своей добродътели, которая сама энергически защищалась противъ мужа, хотвышаго приблизить въ ней такъ богато одареннаго молодого человъва....

Между тёмъ Эрихъ ёхалъ лёсомъ, оживленный и довольный выпавшимъ ему счастьемъ. Онъ твердо держалъ поводья лошади, и чувствовалъ себя въ томъ настроеніи, когда человѣкъ бываеть увѣренъ, что каждое предпріятіе ему удается, или что неудача будетъ только случайна и непродолжительна. Онъ хвалилъ свою судьбу, такъ скоро и вполнѣ доставившую ему дружбу человѣка съ такимъ великолѣпнымъ характеромъ, въ которомъ была, однако, осторожная сдержанность.

Тамъ онъ оставлялъ свою недавно прошедшую жизнь; здёсь начинается новая.

Онъ думалъ, съ улыбкой: «Такъ было, въроятно, съ героямя древности, которые знали, что имъ покровительствуетъ олимпійсвое божество».

На одномъ поворотѣ лѣсной дороги онъ остановился и вынуль изъ кармана открытое письмо Клодвига. Тамъ было написано:

«Поклонъ отъ сосёда на виллу Эдемъ господину Зоннеи-Banny.

«Если бы счастье дало мнё сына, я считалъ бы большой благосклонностью судьбы, имёя возможность дать ему такого воспитателя, вакъ этотъ человъкъ.

«Клодвигъ, графъ фонъ-Вольфсгартенъ. «Замокъ Вольфсгартенъ, 4 мая 1864». Эрихъ далъ шпоры лошади и весело поскакалъ по зеленому, полному звуковъ, лѣсу.

Пробажая городовъ, онъ увидёлъ въ окнё зданія суда, за цвётами желтой фіалки, розовое лицо бёлокурой дёвушки; дё-

вушка спряталась, когда Эрихъ издали поклонился ей. Ему хотѣлось очень оглянуться назадъ, чтобы увидёть, не смотрять ли на него; но онъ не рѣшился.

Только черезъ нѣсколько времени ему пришло въ голову, какъ онъ тщеславенъ; онъ думалъ, что, сидя за цвѣтами, поджидали его, а Лина, конечно, при приближеніи всадника, ожидала встрѣтить барона фонъ-Пранкена.

Эрихъ поёхалъ долиной вдоль рёки. Онъ былъ такъ веселъ, что въ первый разъ съ давнихъ поръ ему пришла въ голову пёсня; онъ не пѣлъ ее вслухъ, но пѣлъ про себя. Цѣлая масса разнообразныхъ мыслей и ощущеній наполнила ему сердце. Когда онъ увидѣлъ, какъ вдали солнечные лучи заиграли на стеклянномъ куполѣ виллы Эдемъ, отраженіе ихъ блеснуло передъ нимъ какъ молнія.

«Почему такое свободное, блаженное существование не суждено было мнѣ? Почему я долженъ служить?»

И потомъ пришла ему другая мысль: «Что сталъ бы я дѣлать въ такомъ безобразномъ, живущемъ только для себя, существованіи?»

Потомъ выступила передъ нимъ загадка: «какъ надобно воспитывать богатаго мальчика?»

И странно, — такъ двоится человъческая мысль, — Эрихъ думалъ не о томъ, можетъ ли онъ разрѣшить загадку, онъ думалъ, что понимаетъ, какимъ образомъ древніе могли изобразить идею вопроса и загадки въ видъ сфинкса.

Дальше, его заняла мысль: «какъ воспитывать богатаго мальчика, который знаетъ, притомъ, что эта дача и безчисленныя богатства будутъ принадлежать ему, и который не видитъ передъ собой никакой обязательной дъятельности?»

Эрихъ задумался, откинулъ голову и улыбнулся. И воспитатель, и воспитанникъ вовсе не отвлеченныя понятія, не идеи; оба они — живые, своеобразные люди. Такой отвлеченный вопросъ вообще нельзя и рѣшить, и всѣ загадки похожи на дурную погоду; изъ уютной комнаты она кажется невыносимой, а на открытомъ воздухѣ дѣйствуетъ освѣжительно.

Эта мысль подъйствовала и на него благотворно, уничтожая въ немъ всякія недоумънія и сомньнія; онъ чувствовалъ себя въ силахъ отвътить на вопросъ.

«Выходи, сфинксъ, я готовъ!» свазалъ онъ почти вслухъ н поскакалъ быстрой рысью.

Среди всѣхъ этихъ размышленій, на лицѣ его вдругъ явилась пріятная улыбка. Онъ спрашивалъ себя, ужъ не заколдованъ ли онъ, и имъ овладѣла вся гордость юности, и онъ вслухъ

въстникъ европы.

началъ сочинять письмо, какое онъ думалъ сегодня же написать матери:

«Милая матушка!

«Ты должна назваться теперь «Frau Aventiure», потому что твой сынъ, авантюристь, среди пароходовъ и телеграфовь, попалъ въ заколдованное царство, гдё двое духовъ, стерегущихъ святой Грааль, питаютъ его сахарнымъ хлѣбомъ похвалы и сладкимъ миндалемъ покровительства. Сынъ твой сидитъ теперь на гнѣдомъ конѣ, въ карманѣ у него изреченіе Сезама, мудраго пустынника; весь свѣтъ для него—столикъ съ волшебной скатертью, и все говоритъ: сердце, чего ты желаешь? «Милая матушка! Если ты желаешь себѣ спокойный островъ,

«Милая матушка! Если ты желаешь себѣ спокойный островь, то скажи только, — у меня въ распоряжении безчисленное множество такихъ острововъ.

«А вотъ и post-scriptum, милая матушка. Что, если этотъ несчетный милліонеръ, къ которому я ѣду, — дядя Адамъ? Тутъ и сказка готова».

Эрихъ остановился при мысли, что это фантастическое предположение можетъ быть дъйствительностью.

Затёмъ онъ опять быстро поёхалъ по широкой дорогѣ; по обѣ стороны ся росли большія орѣховыя деревья, цвѣты которыхъ осыпались на дорогу.

Лошадь шибко скакала; ея темная грива развѣвалась; всадникъ снялъ фуражку, чтобы струею свѣжаго воздуха обдать мокрый лобъ.

В. Ауэрбахъ.

(Продолжение слъдуеть.)

640

РУССКІЯ КЛИКУШИ.

I.

Женщина-кликуша была знакома всёмъ вёкамъ и всёмъ народамъ; но только въ самое близкое къ намъ время начали устанавливаться болёе правильные взгляды на нее, какъ на извёстное патологическое явленіе въ общественной жизни, порождаемое иногда тёми условіями, подъ гнетомъ которыхъ надламывается женская натура.

Признать болѣзненное состояніе женщины за вліяніе дьявольской сиды, и такимъ образомъ обезобразить женщину -- это немыслимо было для древняго грека. Бішенство и безумство не могли, вонечно, не возбуждать въ грекъ суевърнаго страха и удивленія, --но никогда не служили предметомъ боготворенія и почитанія; древній грекъ обоготворяль міръ свѣтлый, человѣческій. Женщина того времени хотя и больла, страдала тъми же бользнями, какія испытываеть и теперь, но всѣ симптомы ея разстроеннаго организма принимались, въ глазахъ върующей массы, за дъйствіе «демона» (δαίμων)-свѣтлаго генія, присущаго всякому человѣку, и говорившему его устами. Медики, какъ Гиппократь, объясняли это, явление совершенно естественными причинами; напротивъ, школа Платона продолжала утверждать ихъ неестественное значение, — а между тъмъ, съ востова шло новое ученіе о людяхъ, одержимыхъ демономо, уже въ значенія злой, нечистой силы. Аполлоній Тіанскій, жившій въ І-мъ вёкѣ по Р. Х., посмотрёль внимательно на демона, поселившагося въ юношё, и демонъ завылъ печально, давъ объщание выдти изъ своей жертвы, и больше ужъ ни въ кого не входить. Подъ восточнымъ вліяніемъ (маговъ, халдеевъ), въ послѣднія минуты греко-римскаго міра появляется колдовство, или тайное знаніе, заставляющее боговъ служить человѣку, и халдей становится идоломъ, предъ которымъ пресмыкается теперь римская женщина, краснорѣчиво описанная Ювеналомъ. Мрачныя суевѣрія Востока переходили въ Европу черезъ Африку, Римъ и Византію, и такъ, мало-по-малу слагался чудовищный періодъ средневѣкового колдовства.

Типомъ женщины въ древней Германіи, какъ и въ древней Греціи, служила преврасная вальвирія, свътлая дъва Одина (wunschmädchen, wälschelweib, сванд. oskmeyar); въ ней почитали «нѣчто святое»; но, вступивъ въ періодъ колдовства, германская женщина должна была пожертвовать всёмъ, что въ ней было чистаго и святого, и пасть въ объятья мерзостнаго козла. Еще въ первыя въка христіанства бользнь считалась дьломъ злого духа. Григорій Двоесловъ разсказываетъ, что какойто стражъ началъ разъ бить благочестиваго человъка Исаана, жившаго близъ Сполето. Вдругъ напалъ на стража злой духъ, повергъ его въ ногамъ угодника божія, и устами его началя причать: «Исаавъ изгонитъ меня» ¹). Имя Исаава до того вре-мени никому не было извёстно, и такимъ образомъ злой духъ, вричавшій, что Исаакъ можетъ изгнать его, ясно обнаружнать способность предвъщанія. Съ XIII-го въка начинаетъ развиваться понятие о дьявольскома шабашь (synagoga diabolica), и доходить до полнаго торжества въ XV-мъ в., во время появленія шпренгерова млата на колдуній. Женщина, получившая злое значеніе, въ теченіи долгаго времени носила на-званіе немилостивой, Ингольды (Unholdin), и слово колдуны (Hexe) встрвчалось редко; но въ XVI — XVII в. оно пріобретаетъ всеобщую извъстность, и тогда наступаетъ знаменитая эпоха сожженія колдуній. Еще съ IV-го въка медики (Посидоній) начали утверждать, что вселение дьявола въ человъка есть мечта, обманъ, но, не смотря на это, въ теченіи ряда вѣковъ, если не въ важдомъ домъ, то въ важдомъ мѣстечвѣ, въ важдомъ городвѣ, можно было услышать сакраментальныя слова: «Exite, immundi spiritus, quicuunque estis, aut unus, aut plures»! Помѣщенная въ церкви, у церковныхъ дверей, на колѣняхъ, съ связанными руками и ногами, съ концомъ одежды патера, навинутой на шею, несчастная больная, вопрошаемая грозными словами, относящимися въ демону, и вропимая св. водой, отчитывается — вотъ судьба среднев вковой дввушки, одержимой нечистымъ духомъ. Ни одна женщина, ни одна дъвушка не могла быть увърена ни на одинъ часъ, что она не будетъ объявлена

¹) Обызновенная формула, произноснымя русскими кликушами.

<page-header><page-header><text><text>

влятые духи забраняются въ адъ идти, хотятъ всегда въ иномъ жилище пребывать, а какъ имъ того не позволяютъ, и они кричать и рычать великимъ и страшнымъ гласомъ, и тогда надъ бъснующею держатъ потиръ, и они шатаются въ ней, и называють тоть потирь силою Вышняго, а какъ вчерась священникъ ихъ выгонялъ, и они сказывали, что сего дни выходить хотъли, чтобъ онъ имъ далъ одпочинуть, потому что они прошлой ночи на свадьбѣ были въ чужомъ жилище, и гораздо утомились, —та бъснующая мало ъстъ и только воду пьеть, а была-де она взята въ полонъ въ Татарехъ, и съ мужемъ своимъ, съ однимъ робенкомъ, а мужъ-де ее въ полону умеръ, а робенокъ ножемъ зарёзался до смерти, и она-де отз тоски своей клялась многими дьяволами, и отъ того Богъ на нее и напустилъ, а по счету вавъ они сами себя имянами разными называются, ихъ въ ней 14-ть, — а ужь тому девять лёть, какъ тё бёсы въ нее вселились» 1). Корбъ въ 1699 г., въ Польшѣ у чудотворнаго креста св. Карла Боромейскаго, оказывающаго большое исцёление бёснующимъ, встрѣтилъ бѣсповатую женщину, которая издавала ужасный ревъ во время объдни. Въ 1625 г. появилась книга Ноде, написанная въ защиту людей, обвиненныхъ въ колдовствѣ: книга появилась въ Парижѣ, но перепечатывать ее во Франціи было запрещено... Послѣдній смертный приговоръ за колдовство былъ произнесенъ въ Бордо только въ 1718 году...

Такъ, завоевывая себѣ каждый шагъ, шло впередъ немолчное движеніе исторіи, и труженики науки, проводившіе въ жизнь знаніе и смыслъ, разсѣевали мракъ средневѣкового колдовства, нависшій надъ землею. Но и до сихъ поръ еще нерѣдкость столкнуться съ какимъ-нибудь обломкомъ средневѣкового міра, а подъ-часъ услыхать даже съ каеедръ проповѣдуемую Demonologie der Unvernunft. Таковъ былъ мистицизмъ, возникшій въ XVIII-мъ в. съ разсчетомъ на невѣжество, таковы и другія болѣзненныя явленія древней Европы, въ родѣ спиритизма.

II.

.....Русскія бёсноватыя женщины дёлаются извёстными съ XI-го вёка. Өеодосій Печерскій, въ словѣ о тропаряхъ, говорилъ: «бёсны страждетъ неволею — пришедъ бо іерей къ бёсному, створить молитву, проженеть бѣса». Но бѣсноватый XI-го в. былъ еще явленіемъ рёдкимъ, такъ что слова Өеодосія кажутся пере-

¹) Бусл. Хрест. 1144.

водомъ изъ какой-нибудь восточной книги. Вѣра въ бѣсовство тогда еще не успѣла укорениться въ народѣ; народная жизнь текла еще широко, нося въ себѣ зачатки и христіанскаго про-свѣщенія, и развитія народности, сказавшагося въ эпосѣ.... Къ XV-му вѣку готова уже была русская легенда о женщинѣ, сдѣлав-шейся бѣсноватою за то, что она вошла въ церковь въ нечи-стомъ видѣ: «нѣкая жена именемъ Матрена — плотною похотію пенся обсноватою за то, что она вошла вв церков вв исчи-стомъ видѣ: «нѣкая жена именемъ Матрена — плотною похотію съ своимъ мужемъ смѣсися, на оутрия же — на обновленіе цер-вви пріиде — Божья соуда не оубояся, и пристоупи к мощемъ св. Савостіана, и се внезапу духъ порази ю предъ всѣми людьми, и сътвори бѣситися, церкви же тоя пресвитеръ от олтаря пла-щаницю вземъ покры ю; в томъ часѣ нань бѣсъ нападе, да повыкнеть своимъ стоуженьемъ и оуразумѣють людіе же тоу соу-щіе.» Ее лечили «многими волшьбами», и водой, но ничто не помогало, иотому что «боле же легиона бѣсовъ вниде в ню, и злѣ нача трясеньемъ лютымъ плоть ея сокрушатися.» Отъ XVI-го вѣка дошла легенда о бѣсноватомъ въ Ростовѣ. Привели его къ гробу св. Леонтія. «Желѣзы оковного по роуку и ногоу», онъ страшно кричалъ, глаза налились вровью: «сего ради страненъ и страшенъ позоръ всѣмъ бяше, и въ церкви оубо пѣнью не слы-шатися отъ его кричанья и вопьля и лаянія». Въ теченіи пѣ-сколькихъ дней онъ былъ привязанъ веревкою къ церкви, про-тивъ гроба св. Леонтія, и не давалъ покоя сторожамъ, и тогда его привязали къ колокольнѣ. Стоглавый соборь 1551 г. выво-дитъ на свѣтъ уже цѣлыя стаи бѣсноватыхъ, которыя трясутся и убиваются: «да по погостомъ и по селомъ ходять лживые и убиваются: «да по погостомъ и по селомъ ходятъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и роспустя, трясутся и убиваются ¹)». Къ половинѣ XVI-го вѣка дѣлается извѣстнымъ кличание, какъ дѣло половинѣ XVI-го вѣка дѣлается извѣстнымъ кличание, какъ дѣло Святого Духа вселившагося въ человѣка. Въ апокрифическомъ сборникѣ XVII-го в., принадлежащемъ Соловецкой библіотекѣ, записана слѣдующая молитва: «Златоустаго молитва Господу на-шему Іисусу Христу. Господи Іисусе Христе Сыне Божій поми-луй мя грѣшнаго. Аще кто молитву сію требуя ся глаголетъ, яко изъ ноздріе дыханіе по первомъ лѣтѣ вселится въ него Хри-стосъ Сынъ Божій, по второмъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Свя-тый, по третьемъ лѣтѣ пріидетъ къ нему Отецъ, и, вшедъ въ него, обитель въ немъ сотворитъ, и пожретъ молитва сердце, а сердце пожретъ молитву, и начнетъ кликати безпрестанно молитву сію день и нощь ²)». Молитва эта была извѣстна въ XVI-мъ в., и

¹⁾ Стоглавъ, изд. Кож. 138.

²) Щап. Русс. Раск. Старообр. 151.

внесена была въ Домострой благовъщенскаго попа Сильвестра, какъ необходимая для всякаго христіанина ¹). Доживъ до XVII-го в., московская Русь представила міру крайнее развитіе суевърій. Въ это время особая космогопія, съ особой суевърной моралью, съ особымъ волшебствомъ, образовалась цѣлая система колдовства, захватившая себъ не только крестьянъ, но и всѣ сословія, всѣхъ людей отъ дворца и до хижины. Нагой просилъ у Горсея лекарства для царицы Мареы, которая, по его словамъ, была испорчена, хотя она просто поражена была смертію своего сына. Такъ все человѣческое, всѣ самыя естественныя радости и страданія человѣка, все это отошло на задній планъ, заставленное демонскимъ навожденіемъ, и демонизированная женщина стала кликушей. Первое извѣстіе о кликушахъ, которыя появились въ Перми поль именемъ икотница, пошло по насъ отъ 1606 года²).

кушей. Первое извъстіе о кликушахъ, которыя появились въ Перми подъ именемъ икотница, дошло до насъ отъ 1606 года²). Первоначальное понятіе о кликушествё мы находимъ въ сло-вахъ клекотати, клектъ, клечътание, выражавшихъ дѣйствіе, свойственное миоическимъ существамъ. Въ «Словѣ о полку Иго-реви» дивъ (лит. deiwys, déwié—идолъ, ночное чудовище) «кли-четъ връху, велитъ послушати земли незнаемѣ.» Предметы, по-священные русалкамъ, назывались клечальными. Въ Верхотурьи то мѣсто, гдѣ лѣшачиха по утрамъ расчесываетъ волосы, из-вѣстно подъ именемъ кликуна³). Клечать значило пророчество-вать, возвѣщать, предвѣщать. У лѣтописца служители католической церкви клечать: «и капланове ихъ клечатъ» (П. С. Л. ской церкви клечать: «и капланове ихъ клечать» (п. О. л. VIII). Отсюда же выраженія кликать многольтие, кликать выч-ную память. Слёдовательно кличать, кликать значило тоже, что опщать — дёйствіе, свойственное миюической впщей дляп, — дёвё, хранительницё человёка ⁴), славянской валкиріи. Древнее высокое значеніе вёщей дёвы спускалось все ниже и ниже: мёсто ея занимали старая чадь бабы, лихія бабы чародьйки, въдьмы, колдуньи, яги-бабы; самое слово «кликать» получило дьявольское значеніе, и въ XVII-мъ вѣкѣ «страждущіе люди, отъ нечистыхъ духовъ кликаные, стали кликать въ порчахъ на разныхъ людей. ховъ кликаные, стали кликать въ порчахъ на разныхъ люден.» Нѣтъ сомнѣнія, что, вмѣстѣ съ этимъ, кликушу создавала и со-ціальная жизнь народа, упавшая очень низко. Женщина XVII-го в. была обращена въ злую жену, — «повоище зміино, дьяволъ увѣть»; но не лучше была участь доброй жены, которая обязана была любить смиреніе и молчаніе, пѣсенъ пустошныхъ удаляться,

- ²) Истор. Акты, II, 66.
- ^э) Изв Геогр. Общ. 1854, I, 47.
- 4) B. Kap. I, 80.

¹) Дом., язд. Кож. 31.

и, ревнуя святымъ женамъ, носить черное платье. Въ общественной жизни она не пользовалась ни малъйшимъ юридическимъ обезпеченіемъ: это была кость мужа, его пътый куся, и онъ билъ ее къ объду, а къ ужину опять. Такимъ образомъ, отъ упадка върованій, дотедшихъ до самаго дикаго колдовства, отъ нравственныхъ страданій, проявившихся у женщины въ XVII-мъ въкъ въ болъзняхъ сердца¹), создается во второй половинъ этого въка страшный образъ кликуши, дожившій до нашихъ дней.

шихъ дней. Къ 1661 году, какъ говоритъ легенда, относится изобра-женіе бѣсноватой, сохранившееся въ рукописи XVII-го вѣка Имп. Публ. Библ. и въ спискѣ того же вѣка, принадлежащемъ г. Буслаеву. Въ 1661 г., за 14 понрищъ отъ Устюга, вверхъ по Сухонѣ, въ волости Ерогоцкой, у священника тамошней церкви была дочь Соломонія, и ее отдали замужъ за нѣкоего земле-дѣльца Матөея, «иже бѣ пастухъ скотскій.» Ночью, послѣ брака, мужъ ея вышелъ вонъ «тѣлесныя ради нужды,» а въ это время дьяволъ вошелъ, и вселился въ Соломонію. Пріиде на нее тря-сеніе и великій лютый ознобъ, и въ третій день она очюти у себя въ утробѣ демона люта. Съ девятаго дня окаянные демоны почали приходить къ ней, кромѣ великихъ праздниковъ, по пяти и по шести, въ видѣ прекраспыхъ юношей, и жили съ ней блудно. Мужъ отвезъ ее къ отцу и оставилъ тамъ. И въ домъ блудно. Мужъ отвезъ ее къ отцу и оставилъ тамъ. И въ домъ опідної піршо опособ со по опіду п сопавляв пашо, п во доло отца ся также стали ходить демоны, уносили ес къ себѣ въ воду, и она живала у нихо дня по три, а наконецъ они со-всѣмъ ес унесли, и отдали жившей` у нихъ дѣвкѣ ярославкъ. Соломонія отъ демоновъ зачала, и носила полтора года. Когда пришло время родить, она выслала отца своего изъ дому вонъ, сказавъ, что она хочетъ родить чертей, и что они могутъ его убить. И родила она ихъ шесть, видомъ они были сини, и взяла ихъ бабка, присланная демономъ. И паки зачатъ во утробъ отъ насилія дьявольскаго, и родила двухъ демоновъ въ дому же отца своего, и невидимо унесоша ихъ отъ нея. Но Господь Богъ ее спасъ, хотяше чудесно прославити и возвеличити Пресвятую Бо-городицу, и угодниковъ Божіихъ, Христа ради юродивыхъ устюж-скихъ, Прокопія и Іоанна. Началось тѣмъ, что отецъ ея сталъ въ алтарѣ проклинать демоновъ, потомъ явилась къ Соломоніи св. Өеодора, и велѣла ей жить въ Устюгѣ, и къ отиу никогда не ходить; стали ее водить по церквамъ, и демони начаша утробу ея рвати, бросали ее на помостъ церковный, яко свинія визжаще и стонуще. Одиннадцать лѣтъ больна была Соломонія,

¹) «Сердцемъ больна». Заб. Сиск. дела о колдуньяхъ, 477.

647

потомъ Христа ради юродивые, Прокопій и Іоаннъ, разрѣзали ей утробу, вытаскивали оттуда бёсовъ и убивали ихъ кочергами на церковномъ помостѣ. Какой-то благочестивый человѣкъ слышалъ церковномъ помость. Гакои-то олагочестивыи человькъ слышать повъсть объ этомъ чудѣ звло душеполезну отъ самой Соломонія, при свидѣтеляхъ, отцѣ ея духовномъ и отцѣ ея родномъ и за-писалъ ее въ память будущимъ родамъ¹). Соломонія объясняя свою болѣзнь, по откровенію, бывшему отъ св. Өеодоры, тѣмъ, что ее «попъ пьянъ крестилъ и половины святаго крещенія не исполниль;» но, по смыслу легенды, нёть сомнёнія, что болёзнь ея началась оть несогласія съ мужемь, оть постороннихь любовныхъ связей, и т. д. Не даромъ говорила ей св. Өеодора: «къ отиу своему не ходи, а живи въ Устюль», а св. Прокопій и Іоаннъ об'вщали ей исцъленіе, съ условіемъ, чтобъ она кв прежнему своему мужу не ходила. Вотъ она стала пропадать изъ дому, не разъ уже родила: но постоянная боязнь за себя и за другихъ, и какіе-то побои и раны, и суевѣрное настроеніе духа, — все это гнететъ ее, и она дѣлается больной. Тогда-то, въ страшной нравственной глуши Устюга, выходитъ на свѣтъ весь міръ колдовства XVII-го в., оживаютъ всѣ мѣстныя суевѣрія ²), на-чинается запрещенное церковью отчитыванье, и слагается легенда о Соломоніи «зѣло душеполезна». Въ то время самое имя Соломоніи способно было создать какое-нибудь суевѣріе. По словамъ І. Флавія, въ его Древностяха, нѣкій Елеазаръ исцѣлялъ страждущихъ злымъ духомъ, прикладывая къ ноздрямъ бъсную-щагося перстень, въ печати котораго была вдёлана часть ворня, Соломонома показаннаго, и чрезъ обоняние онаго извлекалъ изъ ноздрей бѣса. Соломонз среднихъ вѣковъ считался за магика н колдуна 3) а въ русскихъ заговорахъ отъ грыжи обращались ка бабть Соломоніи 4).

Въ Шуѣ, съ апрѣля 1666 г., на посадѣ, въ церкви Воскресенія Христова, начали дѣлаться чудеса и исцѣленія отъ новописанной иконы Пресвятыя Богородицы Смоленскія. Совершилось сто три чуда, и почти всѣ изъ исцѣленныхъ были одержимы бѣсами. Какой-то мальчикъ Іаковъ, идя отъ обѣдни, поднялъ дорогой платокъ, въ которомъ былъ завернутъ калачикъ, съѣлъ этотъ калачикъ, и въ это время вселияся въ него злой духъ, — пріиде на него великая икота. «И тако смущая нечистый духъ отрока по вся церковныя службы, паче же

⁴) Пам. Кн. Арх. губ. 1864, 19.

¹) Пан. Стар. Русс. Лит. I, 154 — 164.

^э) Щаповъ, Ист. оч. міросозерц. II, 46.

^{*)} Maury, De l'astrol. et de la magie, 20. Rev. Arch. XV.

во святую литоргію, — паче же егда начнуть пѣти святую хе-рувимскую пѣснь.» Жена нѣкоего Ивана Ожималова, Мареа, со-вершила грѣхъ, и за день передъ праздникомъ Шуйской иконы Богородицы нечистый духъ «напусти на ню тоску люту, яко въ той лютой тоскъ нача метатися съмо и овамо. Анна, жена Матой лютой тоскѣ нача метатися сѣмо и овамо. Анна, жена Ма-всима Филиппова Суздальскаго уѣзда, села Зилянокъ, жила въ де-ревнѣ Елизарихѣ, и «пріиде на нее тоска, а нача у нее нутръ болѣти, потомъ же нача безпрестанно икати, также нача кри-чати птицею кокушкою.» Оедосья, жена Петра Михайлова, идя за водой, нашла платъ завязанъ, толкнула его ногой, и пошла прочь, но «дома на нее напала тоска вельми люта, посемъ же наведе на ню врагъ икоту, потомъ же нача кричати въ ней не-чистый злой духъ, ово звѣремъ, ово птицею.» У Дарьи, жены Ивана Семенова, сердце и животъ заболѣли, «и пріиде на ню тоска зѣло люта и бысть вся объзваема ноинстимъ тоска зёло люта, и бысть вся обладаема нечистымъ, нача бё-гати, и вся неистовая дёяти, овогда убо бёгающи по улицамъ, иногда въ рёцё, въ лёсу, и людей рёющи и біющи, путы убо и желѣзы облагающе ю, и тако держаше ю.» Вдова Өедосья Данилова испорчена была передъ Петровымъ днемъ, и «нача у нее животъ рости, и тосковала, токмо не кликала ¹).» Въ Шуѣ началась невыносимая жизнь: нельзя было выйти на улицу, или началась невыносимая жизнь: нельзя обло выйти на улицу, или дотронуться до чего-нибудь безъ того, чтобъ не сдёлаться бёс-новатымъ, и въ 1669 г. шуйскій земскій староста отъ имени всёхъ посадскихъ людей билъ челомъ царю, что «волею Божіею и за умноженіе грёховъ ради нашихъ, въ Шув на посадё объ-являются грёшные люди, порченые мужеска и женска полу, различными всявими совъстьми мучими бывають, иные на свадь-бахъ, а иные невъдомою статьею, и мучатся многое время, и ото чего какіе вражіе совъсти чинятца и то намо, сиротамо, невъдомо²).» Въ томъ же 1669 г. земскій староста съ посадневъдомо²).» Въ томъ же 1669 г. земскій староста съ посад-скими людьми еще разъ билъ челомъ царю, что «у шуанина Ивашки Обросимова жена Оринка порченая, а въ порчѣ кли-кала на шуянина Якимова, вслѣдствіе чего Якимовъ, по твоему великаго государя указу, отосланъ въ Суздаль къ воеводѣ, а по-слѣ того Оринка въ порчѣ кличетъ на Онтонидку Якимову, будто она, Онтонидка, ее портила ³).» Въ 1670 г., по указу царя и по наказу суздальскаго воеводы, велѣно было произвести слѣдствіе. На съѣзжій дворъ собрались земскій староста и земскіе цѣло-вальники, и сказали, что въ Шую со многихъ городовъ пріѣз-

¹) Опис. Шуйск. Воскр. собора, М. 1812. ²) Чт. 1860, III, см. 21.—Гарел. 198.

[•]) Гарел. 198.

жаютъ разные люди молиться образу Пресвятыя Богородицы Смо-ленскія, и привозятъ скорбныхъ, одержимыхъ отъ нечистыхъ духовъ, и живутъ тѣ скорбные у воскресенскаго пономаря Ивашки Тимоееева многое время, отъ пяти до десяти недёль и больше, и что Оринка дъйствительно кликала на Өедьку Якимова, а нынъ Оринка и на убздные иногородные скорбные стала кликать, а что вличуть, того они не вёдають, да еще въ нынёшнемъ году посадской человъкъ Телегинъ подалъ въ земской избъ явку, что - де страждущіе люди, отъ нечистыхъ духовъ кликанья, стали вликать въ порчахъ на него, и ту явку земскіе люди заявили воеводѣ Боркову, чтобъ «имъ всѣмъ шуяномъ, посадскимъ людишкамъ, въ томъ не погибнуть, и въ пенѣ, и въ отвѣтѣ не быть: а хто тѣхъ сворбныхъ людей портитъ, про то мы не вѣдаемъ» 1). Въ явочной челобитной шуяне прибавляли, что тотъ Оедька Якимовъ, взятый въ Суздаль, кончился злою смертію, т. е. отъ пытокъ²). Прошелъ годъ, и шуяне опять вынуждены были писать челобитную къ царю, что «была-де у нихъ свадьба, и на той свадьбѣ, мать и сноха стали кликать въ порчѣ, а отпускаль-де ту свадьбу оть всякаго лиха посадский человыть Панинъ, а на другой день пришелъ въ домъ шуйской тюремной сторожъ Оська Григорьевъ Палатовъ, и взялъ посулу десять алтынъ четыре деньги, да шапку мужскую, да два перстня, да ширинку, да плать миткалевый, и ревся мать ихъ и сноху отъ той скорби отходить, и поставить въ цёлё умё и разумё, но въ цѣлѣ умѣ и разумѣ не поставилъ 3).»

Къ концу XVII-го в., масса московскихъ суевѣрій, легковѣрно принятая за народную старину, за старую народную вѣру, успѣла сложиться въ расколъ, и явились раскольницы - кликушипророчицы. Въ Тюмени, въ 1677 г., въ соборной церкви, трое мущинъ и одна монахиня, во время херувимской, закричали: «православные христіане, не кланяйтесь, несутъ мертвое тѣло, а на просвирахъ печатаютъ крыжомъ, антихристовою печатію!» Ихъ всѣхъ взяли въ приказную избу, нещадно били кнутомъ, и посадили въ земляную тюрьму. Монахъ Даніилъ, въ тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, завелъ пустынь, поставилъ часовню и кельи, гдѣ пѣли вечерни, и проч. Въ этой пустыни старицы и дѣвки бились о землю и кричали, что видятъ Пресвятую Богородицу, а небо отверзто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ лю-

³) Борнс., 456.

650

¹) Борис., 337.

³) Ib. 340.

дянъ, которые въ той пустыни постригаются ¹). Протопопъ Авва-кумъ, жившій въ это время, съ величайшимъ добродушіемъ раз-сказывалъ повёсть о дёвушкё, которую онъ исцёлилъ, выгнавъ изъ нея бёса. Эта страдица-дёвушка кого-то любила, потомъ попала въ раскольникамъ, вышла, наконецъ, замужъ за любимаго человъка, но счастья не нашла, стала кликушей, и умерла монахиней - раскольницей. «А еще сказать ли тебь, старець, повъсть?» пишетъ Аввакумъ въ своей автобіографіи. «Блазновито кажется, да было такъ. Въ Тобольскъ была у меня дъвица, Анною звали: дочь моя духовная, гораздо о правилё прилежала, и всего міра сего красоту вознебрегла. Позавидѣ діаволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ, Елизарѣ, у него же возросла, привезена изъ полону, изъ кумыковъ, чистотою дѣвство соблюла, и, егда исполнилася плодовъ благихъ (?), діаволъ окралъ: захотѣла отъ меня отъити и за перваго хозяина замужъ пойти, и плавать стала всегда, -- о повлонахъ не стала радёть: егда станемъ правило говорить, она на мъстъ стонеть, да такъ и простоитъ. Видъ Богъ противление ея, послало бъса на нее: въ правилъ стоящу ей, да и взбъ-сится, и мнъ, бъдному, жаль: крестомъ благословлю и водою повроплю, такъ отступитъ отъ нея бъсъ. Егда меня сослали изъ Тобольска, и я оставиль ее у сына духовнаго, -пошла за Елизара замужъ и дѣтовъ прижила, — и какъ замужемъ была, по временамъ Богъ наказывалъ, бѣсъ мучилъ ее. Егда же азъ въ Тобольскъ пріѣхалъ, за мѣсяцъ до меня постриглася, и принесла во мнё два дётища, и, положа предо мною робятишевь, плавала и рыдала, вающеся, безстыдно порицая себя. Въ обёдню за мною въ церковь вышла, и нападе на нее бъсъ, во время переноса, учала кричать и вопить, собакою лаять, и возою блевотать, и кукушкою куковать; азъ же сжалився надъ ней, повиня херувимскую пѣснь, взявши отъ престола кресть, и на врылосъ взошелъ, завричалъ: «Запрещаю ти, именемъ Господнимъ, полно тебѣ, бѣсъ, мучить ee!» — Бѣсъ же изыде изъ нея, и бысть здрава душею и тёломъ, со мною и на Русь выёхала. И какъ меня стригли, въ томъ году страдала съ дътьми моими отъ Павла митрополита на патріарховъ дворъ, въры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ee> 2).

651

¹⁾ Cos. XIII, 310.

²) Лѣт. Р. Лит., 1859, VI, 170.

III.

На рубежѣ московской Руси, создавшей кликушъ, и новой Руси, стоить истинная дочь своего времени, царица Софы, окруженная кликушами. Сохранилось преданіе, что Мстиславскій, чтобъ утвердить Софью на престоль, уговорилъ объщаніями нѣсколькихъ кликушъ, а въ числѣ ихъ и одну знатнаго отца дочь, вклепать на себя бъснование, и когда она закликала въ Успенскомъ соборѣ, то Софья стала молиться предъ Владимірской, и по молитвѣ ея дьяволъ вышелъ изъ вликуши 1). Далѣе разсказывается, по словамъ самовидца, Ис. Мих. Головина, что Софья долго содержала на жалованьи многихъ такихъ кикушъ, и наканунѣ выѣзда своего въ Дѣвичій монастырь, одну или двухъ изъ нихъ повелъвала приводить къ себъ, и наставляла, какъ имъ поступать во время ея пробзда мимо ихъ; потомъ кликушъ вывозили на Дъвичье-Поле, и полагали при дорогѣ къ монастырю, и Софья, проѣзжая мимо, силою молитви исцёляла бёснующихся. Въ это же время, дворянка Кутузова, имѣвшая домъ въ Москвѣ, близъ Петровскаго монастыря, пользуясь легковѣріемъ народа, ославила бывшій у нея образъ Богоматери, и, чтобъ болѣе увѣрить въ томъ народъ, содержала у себя нёсколькихъ подобныхъ плутовокъ (?), т. е. кликушъ, изъ которыхъ, предъ образомъ, модитвами и заклинаніями своиме изгоняла мнимыхъ нечистыхъ духовъ. Петръ, узнавъ про это, повелёль всёхь сихь мнимо - бёсноватыхь, при собраніи народномъ у дома Кутузовой, наказать плетьми²). Въ словѣ плутовка, воторымъ несчастная кликуша окрещена вмъсто Софьи или Кутузовой, сказался вполнѣ взглядъ XVIII-го в. на кликушъ. По мнѣнію его, это были подлыя бабы-обманщицы, выходившія изъ подлаго народа. «Между множествомъ обмановъ, говоритъ издатель приведенныхъ сейчасъ разсказовъ, не послъднее было притворное бъснование, вводимое на себя подлыми бабами и дъввани, которыя у насъ извёстны подъ именемъ кликушъ».

Ошеломленный передрягами, закончившими московскую Русь, народъ бѣжалъ въ пустыни сѣвернаго поморья и населялъ ихъ, основывая скиты и пустыни. Въ Выговской пустыни, въ течение нѣсколькихъ лѣтъ, случались частыя зябели, хлѣбъ не поспѣвалъ, и сдѣлался голодъ. Пустынники сѣкли ржаную солому, толкли ее въ муку, и изъ соломенной муки пекли хлѣбы, но

²) И. Гол. Анекд., касающ. до госуд. И. Петра Вел. М. 1793, II.

652

¹⁾ Тат. Геогр. н Ист. Лекс. III, 212.

хлёбы въ кучё не держались, помяломъ изъ печи пахали вло-стяжныя бураки и коробки, и такой-то хлёбъ ёли. Въ это-то страшное время, нравственныя страданія замученныхъ и суевёр-ныхъ разразились кликушествомъ. Выговскій лётописецъ раз-сказываетъ, что «матери, вслёдствіе бёсовскаго наученія, начали дётей своихъ тайно кормить безъ благословенія, и хлёбъ кра-сти, и того ради бысть на нихъ попущеніе Божіе, пріимъ діа-волъ область, нача тёхъ мучити и на время церковнаго пёнія воль ооласть, нача тъхъ мучити и на время церковнаго пѣнія въ часовнѣ, и по обѣдѣ, и чиниша мятежъ тѣмъ велій, биша бо ихъ о землю, а бывше крикъ отъ того неподобенъ, неподоб-ными бо гласы кричаху....» ¹). Тѣ же суевѣрія, и тѣ же жестокія нравственныя страданія женщины, идя объ-руку, творили кли-кушъ по всѣмъ концамъ государства. Въ 1715 г., великій го-сударь указалъ: «ежели гдѣ явятся мужеска и женска пола клисударь указаль: «ежели гдв явятся мужеска и женска пола кли-куши, то, сихъ имая, приводить въ приказы, и розыскивать (пы-тать пыткой), для того, что въ прошломъ 1714 г., мая 7 и 8, въ церкви св. Исаакія Далматскаго, во время св. литургіи, плотничья жена, Варвара Логинова, кричала, будто испорчена, а на допросѣ (подъ пыткой) сказала, что она не испорчена, а вричала притворствомъ, для того, чтобъ отмстить плотнику Гри-горью, который билъ ея деверя. Послъ этой драки она кричала дома по дважды и по трижды, а потомъ начала кричать и по церквамъ²). По поводу кликушъ, которыя кликали у Исаакія, великій государь публиковалъ указы, и отъ того времени, пи-салъ Татищевъ, такъ оное пресъклось, что уже нигдъ такихъ дъяволовъ не осталось³). Но дъяволы не слыхали разглагольствій историка, и продолжали по прежнему выть и кричать: ихъ пло-дило теперь развивавшееся крѣпостное право. Въ 1716 г., строжайше велѣно было — отъ архіереевъ, при посвященіи ихъ, брать обѣщаніе: «притворныхъ, бѣснующихъ,

Въ 1716 г., строжайше велѣно было — отъ архіереевъ, при посвященіи ихъ, брать обѣщаніе: «притворныхъ, бѣснующихъ, въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ, не точію наказывать, но и гражданскому суду отсылать» 4). Въ 1718 г., въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (у Срѣтенскихъ воротъ), наканунѣ храмового праздника, въ церкви, передъ выносомъ евангелія, закликала кликуша. Казначея монастыря велѣла выбросить ее за монастырскіе ворота, но за нея заступилась монахиня Досивея, и взяла ее въ свою велью. Кликуша называлась Марьей - Босой. Тому было лѣтъ тридцать, идучи

4) П. С. З., 2985.

¹) Филип. Ист. Выгов. г. Пуст.

¹) II. C. 3. 2906.

³) AHer., 23.

Томъ V. — Октябрь, 1868.

отъ заутрени, она почувствовала скорбь и изступленіе ума. По-слѣ того, ее брали по неправому извѣту въ Преображенскій при-казъ, сослали въ вологодскій Горицкій монастырь подз началя, гдѣ она прожила три года, и затѣмъ бѣжала. Къ Марьѣ-Босой, оставшейся жить у Досивен, черезъ годъ присоединилась другая кликуша, Пелагея Ефимова, и старица Евпраксія. Всѣ эти кли-куши были въ то же время и раскольницами. Лѣтомъ, 1720 г., Марья-Босая отправилась на богомолье въ Воскресенскій мона-стырь, и оттуда въ село Козмодемьяновское, гдѣ жилъ кн. Ме-щерскій. Князь встрѣтилъ кликушъ радушно, и привелъ ихъ въ свою молельню; три раза ударилъ въ стеклянный колоколъ, ви-сѣвшій среди молельни, и началъ служить утреню. Первая за-стонала Ирина верижници. Ее корчило, вскинуло вверхъ и уда-рило о земь: невидимая сила приподнимала ее и била. Подойда къ кликушѣ, князь грозно взглянулъ на неё, и замахнулся на неё четками, — она закричала еще громче; князь ударилъ ее четнеё четками, — она закричала еще громче; князь удариль ее чет-ками по головѣ, по плечамъ, по груди, приговаривая при вся-комъ ударѣ: «изыди, нечистый духъ, изыди!» Спустя годъ, всѣ эти кликуши, по доносу, попали въ тайную канцелярію, были эти кликуши, по доносу, попали въ таиную канцелярно, оыли подвергнуты пыткамъ, и потомъ разосланы по монастырямъ въ тюрьмы¹). Въ августѣ того же 1720 г., вице-губернаторъ Воей-ковъ выслалъ изъ Москвы въ Петербургъ трехъ кликушъ, дочь харчевника, Авдотью Яковлеву, тихвинской сущевской богадѣльни слѣпую дѣвку Арину Иванову, и мѣщанской слободы купече-скую жену Авдотью Акимову. Всѣ они кликали по разнымъ москую жену Авдотью Акимову. Все они кликали по разнымъ мо-сковскимъ церквамъ и монастырямъ, и въ томъ кликаньи взати подъ караулъ. Привели ихъ въ губернскую канцелярію и стали разспрашивать. Акимова показала, что она точно въ большомъ Успенскомъ соборъ кричала нелъпымъ голосомъ, лаяла собакою. Авдотья Яковлева показала, что кликала въ храмъ Положенія ризы Богородицы, идъже лежатъ мощи Іоанна Блаженнаго, да у Козьмы и Демьяна въ Нижнихъ Садовникахъ. Слъпая дъвка Иванова каялась, что кликала по разнымъ церквамъ, и что скорбь сія слыветъ тихая и родимецъ. Кликушъ стали пытать. По нёскольку разъ всёхъ вздергивали на дыбу, вывертывали имъ руки, били ихъ кнутомъ, и потомъ Яковлеву освободили, а остальныхъ сослали на прядильный дворъ²). Духовный регламентъ, изданный въ 1721 г., наказываль епископу смотръть о кликушахъ (стр. 22 по 1 изд.); епископъ, посёщавшій епархію, обязанъ былъ спрашивать, не

¹) Есни. Раск. гела, II, 189.

²) CBBT., 1861, IV, 24.

обрътаются-ли идъ кликуши¹). Кликуши обрѣтались по всѣмъ городамъ цѣлыми стаями. Въ 1729 году, сотскій и десятскій юром-ской волости, препровождая въ мезенскую канцелярію скован-наго икотника Салмина, похвалявшагося надъ многими людьми недобрымъ дѣломъ, писали слѣдующее: «Въ нынѣшнемъ 1729 году сего февраля нижеписаннаго числа въ нашей юромской вогоду сего февраля нижеписаннаго числа въ нашей юромской во-лости явилось многое число женска полу людей въ икотѣ; въ томъ числѣ въ бугаевской деревнѣ на Олисавѣ, Григорьевой до-чери, а Василья Кукина женѣ, и оная Олисава говоритъ ико-тою, и называетъ батюшкомъ тояжъ волости Никифора Ки-рилова Салмина: «Онъ на меня напустилъ икоту въ Верхнекон-скомъ ручьѣ, у Чюшева бани, а въ то время онъ ѣхалъ съ сы-номъ.» Да оная же Олисава говоритъ икотою, что-де онъ-же Ни-кифоръ икоту напустилъ на Прокопья Чубарева, на жену его Өеклу, Васильеву дочь, да на Матвѣя Меншикова, на жену его Өеклу, Григорьеву дочь, да на Өеофана Удина, на жену его Ев-лампію, икоту-жъ съ грыжею, и вышеписанныхъ Олисава назы-ваетъ сестрицами своими. что-ле у нихъ у всѣхъ олинъ балампію, икоту-жъ съ грыжею, и вышеписанныхъ Олисава назы-ваетъ сестрицами своими, что-де у нихъ у всёхъ одинъ ба-тюшко, Никифоръ Салминъ. Да оная-жъ Олисава говоритъ, что я по братчинѣ, въ домѣ у Ермолы Ларюкова, оной же Никифоръ икоты напустилъ на Анфима Глотова, да на Дѣяна Салмина, и по горкамъ икотъ многое число, сказываетъ, есть насажено, и многія послѣ того икоты заговорятъ; и сказываетъ оная Олисава, и на Иванѣ Парыгинѣ есть-де икота, весьма тяжко, болѣзненно мучитъ без-престанно; — жена Чубарева въ своемъ домѣ связана, и кричитъ всячески по обычаю, и онаго Никифора имать и вязать и вельми его искать не велить. И вышеписаннаго Салмина сыскали въ его искать не велить. И вышеписаннаго Салмина сыскали въ Защеньской деревнѣ, и свели въ домъ его свой, и отдали за де-сятскихъ за мірской караулъ, и связали, и говорилъ оной Ни-кифоръ, что-де вы меня вяжите, и меня де вязки держать не будуть, и въ вязкахъ оной Никифоръ опростался, и ножемъ самъ себя по горлу рѣзалъ, а у караульщиковъ у десятскихъ руки въ вровь подрѣзалъ, а самъ говоритъ: «высѣките и меня спустите, а на муку меня на слободу не возите, тамъ мнѣ смерть будетъ». Да оная же Олисава говорила икотою, батюшко-де мой Никифоръ Кириловъ ходитъ въ Кокоры, и велитъ матушку мою заморить, чтобъ икота не говорила, а икота говоритъ: «меня де не заморипь, развѣ-де матушку мою заморишь»; а батюшко мой нынѣ каетца, не такъ было сдѣлать, да пособить и самъ не можетъ; а я при батюшкѣ говорить не могу про батюшку, понеже горло завязы-ваетъ и затыкаетъ.» Никифора заковали въ кандалы, и выслали

¹) Crp. 38.

ва карауломъ въ мезенскую канцелярію, для объявленія воеводѣ Тимашеву. Въ тоже время священники, выборные и мірскіе люди юромской волости, послали новое донесеніе, что невистка священника Феодора, Агриппина, которая имѣетъ за собою икот-ную тяжкую напущенную болѣзнь, батюшкомъ называетъ дру-гого икотника Осипа Салмина, Кириллова брата, а крестьянская жена Евдокія Окулова называетъ своею матушкою Софью Сер-гѣеву, жену Никифора Салмина, понеже оная Софья икоту на-пускать умѣетъ; — дѣвочка Татьяна Салмина говорила: «Пришла она въ великій постъ на первой недѣли въ домъ въ Осипу Сал-мину по дерево, на которомъ правятъ скотиные сырые тяжи, и оная Татьяна говорила; «гдѣ-де Давыдко? Надобно - де отцу моему тюневое дерево». И онъ Осипъ въ то время ее браныть всячески, и проикалъ на ней изо рта своего водою, а послѣ того и достальную остаточную воду вылила на ней на отмашъ, и съ того времени у ней дѣвки появилась напущенная отъ него Осипа болѣзнь». Далѣе икотницы разсказывали, что еще намётано и ва-сажено икотныхъ болѣзней по улицамъ и по прясламъ многое число». А поэтому челобитчики и просили: «дабы е. и. в. уба-зомъ и по соборному уложенію онымъ икотникамъ Салминымъ, и Никифора женѣ Софіи, повелѣно было указъ учинить, чего они достойны, понеже оные икотники явились къ намъ ниже-именованнымъ и по всему міру страшнѣе и злѣе воровъ и раз-

и пикафора жень софия, повельно омло уназь учнить, чес они достойны, понеже оные икотники явились къ намъ ниже-именованнымъ и по всему міру страшнѣе и злѣе воровъ и раз-бойниковъ, которые мужеска и женска полу людей изгубили уже 74 человѣка». Обвиненные Салмины посажены были въ тюрьму; но, пользуясь темнотою ночи, бѣжали, и не были отысканы. Въ слѣдующемъ 1730 году, по словамъ икотницъ-юворухъ, обвинены были въ икотномъ дѣлѣ новыя лица юромской-же воло-сти, и также отосланы на Мезень. Въ томъ-же году вновь за-болѣло икотою 158 человѣкъ, слѣдовательно всего съ прежними больныхъ икотою считалось 232 человѣка. Между ними: замуж-нихъ женщинъ 116, вдовъ 5, малолютныхъ и взрослыхъ дѣву-шекъ 26, женатыхъ мущинъ и мальчиковъ 84¹). Тоже было и по другимъ городамъ всей сѣверо-восточной Россіи. «Можетъ-де понятно быть—говоритъ указъ 1737 года—какіе въ прошедшихъ лѣтахъ являлись кликуши, и что противъ нихъ изданы указы, да и въ Духовномъ регламентѣ о нихъ велѣно было смотрѣть епископамъ, которые должны были дважды въ годъ доносить на-чальству, все-ли у нихъ добре; но если бы они извѣстили, что все добре, а между тѣмъ оказались бы суевѣрія, то епископа звать

^{&#}x27;) Дѣло Арк. губ. канц. № 623.

въ судъ и подвергать наказанію. Но нынѣ ен имп. велич. сомнѣніе имѣетъ, едва-ли тѣ указы и регламентъ надежнымъ образомъ исполняются, ибо здѣсь извѣстно учинилось, что въ Москвѣ являются по церквамъ и монастырямъ кликуши, которымъ въ той притворной шалости свобода дается, а сверхъ того надъ ними и молитвы отправляются. А потому е. и. в. разсудила духовному синоду наикрѣпчайше подтвердить о предупрежденіи такихъ суевѣрій, и если являются гдѣ кликуши и притворноюродцы и босые, также и съ колтунами, и прочее, то объ нихъ узнавать и доносить архіереямъ, а архіереи и прочія власти должны безъ всякаго отлагательства отсылать этихъ людей въ свѣтскія команды, а которые не донесутъ, извергать сана непремѣнно ¹).»

Итакъ, вся отвётственность за кликушъ возлагалась на си-нодъ и духовенство; но въ 1765 году синодъ передавалъ эту отвётственность сенату, и просилъ у него распоряженій о не-ослабномъ наблюденіи за кликушами. Въ 1762 году кликуши появляются въ Ростовѣ; въ 1769 году въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ²). Въ указѣ 1766 года мы узнаемъ, что, кромѣ прежде присланныхъ въ переяславскую провинціальную канцелярію двухъ женокъ, выкликавшихъ на ямщикову жену Федору Иванову, въ это время въ Переяславлъ-Залъсскомъ было десять ямщицкихъ женова, выкликавшихь на явщикову жену осдору пванову, въ это время въ Переяславлъ-Залъсскомъ было десять ямщицкихъ женъ, которыя въ церкви кликали, и за это были высъчены плетьми. Указъ 1770 года разсказываетъ, что въ Яренскомъ уъздъ нъсколько безпутныхъ дъвокъ, притворясь испорченными, выкли-кали на восемь мужчинъ и женщинъ печерской и устненской во-лостей, называя мужчинъ батюшками, а женщинъ матушками. Сосъди, услыша о томъ, собрались и приступили въ обвиненнымъ въ порчъ дъвушекъ, съ угрозами, чтобы признались добровольно, потомъ пришли сотскіе, стали съчь ихъ и мучать. И сіи, со-всъмъ невинные, не стерпя побой, а притомъ опасансь не только горшаго себъ жребія, но и самой пытки въ городъ, которою имъ угрожали, объявили себя чародъями. Не смотря на признаніе, они все-таки представлены были въ городъ, и тамъ подъ плетыми были допрашиваемы, и, убоясь отъ разноръчія конечной себъ гибели, прежнія свои показанія подтвердили. Дѣло объ нихъ сначала производилось въ яренской воеводской канцеляріи, а по-томъ перешло въ великоустюжскую духовную консисторію, и оба эти судилища обвинили судимыхъ крестьянъ *ез чародъйство* и посредствомъ онаго ез порчъ людей. Дѣло дошло до сената. Съ

¹⁾ II. C. 3. 7,490.

²) Ib. 11,618.

сожальниеми выслушави это дбло, сенать нашель, 1) что подсудимые были подвергнуты напрасному истязанію, ибо ихъ признаніе въ чародъйствъ было вынуждено плетьми и страхомъ. 2) Невѣжество судей, которые повѣрили чудовищному народному преданію, яко-бы порча людей производится посредствомъ пущаемыхъ на вътеръ, даваемыхъ яко-бы отз діавола, червяковъ, и что оные на вътеръ пущаемые червяки входятъ въ тъло тъхъ, которые изъ двора выходили, не помолясь Богу, и не проговоря Іисусовой молитвы (молитва эта приведена выше). 3) Дьявольскіе червяки, присланные за казенною печатью (!), оказались обыкновенными мухами, которыхъ одна изъ подсудимыхъ наловила и высушила, чтобы удовлетворить судей, а себя избавить отъ истязанія. Поэтому сенать опредёлиль: обвиненныхъ отпустить, воеводу отрѣшить, сотскихъ и десятскихъ наказать батожьемъ, а кликушъ высъчь плетьми. Положено-ли было вакое наказаніе на духовную консисторію, того изъ указа не видно ¹). Но въ 1774 году снова приказывали сотскимъ и десятскимъ наблюдать, чтобъ въ селеніяхъ не были терпимы вликуши и вол-шебники²). Въ 1785 году Веніаминъ, епископъ архангельскій и холмогорский, доносиль въ архангельское намъстническое правленіе, что, вслёдствіе указа 1737 года, доставлена священниками изъ пинегскаго округа въдомость о вликушахъ, коихъ оказалось 19-ть человѣкъ, и подъ ихъ именами подписано, что именно и какъ кричатъ, и кликушество свое производятъ.

«Оныя именованныя женщины кричать необычно во время хожденія со крестомъ, и со святыми водами, а наипаче во время кажденія, и въ прочія времена, когда оныя кликуши начнуть мучить, иногда иныя бывають безъ памяти, и ударяють сами себя, и за волосы терзають, и сквернословятся всячески.» Этоть рапорть священниковъ доставленъ былъ синоду, съ увѣдомленіемъ, что и въ другихъ приходахъ въ томъ же пинегскомъ и мезенскомъ округахъ имѣются кликуши. Синодъ на это донесеніе отвѣчалъ, «что какъ по высочайшему о губерніяхъ 1775 года ноября 7-го дня учрежденію, 399 статьи, таковыя дѣла относятся къ разсмотрѣнію совѣстнаго суда, то, на основаніи сего, и сообщить изъ консисторіи въ архангельское намѣстническое правленіе о поступленіи съ ними по законамъ. Но, передавая это дѣло къ намѣстнику, Веніаминъ прибавлялъ, что онъ много разсуждалъ о кликушахъ, и оказалось, что «сіе кликушество есть икота, тако-жъ и стрѣлы есть не колдовство», но натуральная болѣзнь, и про-

¹) II. C. 3, 18497.

³) Ib. 14221, 2.

исходить не оть воды-ли, въ самомъ дѣлѣ нечистой, и произво-дящей въ человѣкѣ червя? И потому не подлежить-ли симъ лю-дямъ, икотою и стрѣлами страждущимъ, изобрѣвъ истинную причину, подать прежде средствъ къ изобѣжанію и излеченію тѣхъ болѣзней, нежели издать ихъ, какъ преступниковъ ¹).» Можетъ быть только и былъ одинъ Веніаминъ, который такъ думалъ, а потому и наступившій XIX-й вѣкъ продолжалъ плодить кликушъ по прежнему. Къ началу этого вѣка относится одно подробнѣйшее изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ описаній кликушъ. Мы не разъ встрѣчали кликушъ, жившихъ тогда среди раскольниковъ, и являвшихся защитницами раскола, его пророчицами; теперь же, среди православнаго населенія, кликуши являются врагами раскола, существами, призванными на посрамленіе раскольниковъ. Воскре-сенскаго горицкаго дѣвичьяго монастыря игуменья Маврикія доно-сила, отъ 3-го октября 1815 года, благочинному отцу игумену Θео-фану о совершившемся въ ея монастырѣ исцѣленіи послушницы Мат-роны. Изъ донесенія видно, чтовъ монастырѣ жили двѣ порчен-ныя: жена штатнаго служителя Ксенія, мучимая блосомя, и послуш-ница Матрона изъ Череповца, порченая. Для Ксеніи, по приказа-ню игуменіи, мужъ ея принесъ земли изъ монастырской часовни. Только-что онъ вошелъ съ землею, больная точно къмъя была сброшена на полъ, и говорила, что она лежала на могилахъ. Мю игуменіи, мужь ен принесь земли изъ монастырской часовни. Только-что онъ вошелъ съ землею, больная точно къмъ была сброшена на полъ, и говорила, что она лежала на могилахъ. Какъ только заговорили, что ей надобно жить въ монастырѣ, она вдругъ укусила у себя руки до врови, и начала лаять по собачъи, и кричать: «нѣтъ, не пойду! на смерть дано»! Мона-хини твердятъ ей: «да возьмутъ, будешь жить». Она: «нѣтъ, нѣтъ»! На другой день Ксенія кричала въ херувимскую. На третій день пошли всѣ въ часовню служить панихиду, и когда дъяконъ сталъ читать о прощеніи грѣховъ, Матрона вскрикнула: «чего ужь! и такъ всё святыя»! Ксеніи стали подносить кутью, и эта закричала, и едва какъ пропустить могла, а Матрона, лежа на полу, стала кричать: «прославятся преподобныя, про-славятся! Уліянія, Улія, Анна, Анна»! — «На посрамленіе рас-кольниковъ! Прославятся Анна и Улія»! Монахини допраши-ваютъ: «да ктожь онѣ были»? Она отвѣчаетъ: «послушницы, послушницы»! Монахини на колѣняхъ со слезами просятъ Бога, чтобъ имъ было извѣщеніе (отъ дъявола?), а Матрона, кружась, стеная и визжа, разказываетъ, что это были утопшія, а утопилъ ихъ царь Иванъ Грозный, и положены онѣ, одна подъ поломъ, а другая подалѣ, подъ дверьми, и что на этомъ мѣстѣ церковь будетъ во имя Святыя Троицы, и много будетъ исцѣленій, и

^{&#}x27;) Пам. кн. Арх. губ. 1867 г. 83-4.

<page-header><page-header><page-header>

660

¹) Маякъ 1845, № 22.

²) Пам. кн. Арх. губ. 1864, 87.

в) Стр. 104.

⁴⁾ Crp. 161.

появились кликуши въ Подольскомъ утадъ Московской губ. Ми-нистерство, считая бъснованіе кликушъ притворствомъ и обма-номъ, предписало принимать противъ нихъ полицейскія мъры, подвергая ихъ негласно легкому тълесному наказанію, или со-держанію непродолжительное время подъ стражею ¹). Къ исторіи кликушъ 40-хъ годовъ историкъ вынужденъ отнести издавав-шійся тогда Маякъ, журналъ современнаго просвъщенія, оз духъ русской народности. Журналъ этотъ, собравъ около себя все, что только было нечистаго, танвшагося въ извъстныхъ слояхъ русскаго общества, защищалъ западный XV-й въкъ, сжигавшій въдъмъ, которыя, по его словамъ, импъли преступное сообщение съ духами²), училъ, «что есть злые люди, которые, пре-давши себя сатанъ, могутъ причинять людямъ ужасныя бъд-ствія, — могутъ портить людей», и что «удивительно ли, что живая непоколебимая въра нашихъ простолюдиновъ, дълая ихъ връ́пкими со стороны нравственной, заставляетъ искусителя преживая непоколебимая въра нашихъ простолюдиновъ, дѣлая ихъ врѣпкими со стороны нравственной, заставляетъ искусителя пре-имущественно обращать вниманіе на ихъ физическую сторону»³); что «при разрозненности фактовъ, проявляемыхъ бѣсами, доста-точно одной самой пошлой, но ловкой насмѣшки, чтобъ ею мно-гихъ отвратить отъ справедливой вѣры въ бытіе бѣсовъ, а чрезъ то и отъ вѣры въ Бога»⁴); и что, наконецъ, «слуги и совѣтники князя сатаны, мыслители и поэты, право сто̀ятъ всякаго колду-на»⁵). Наслѣдникомъ и проповѣдникомъ подобныхъ ученій явился въ 50-хъ годахъ новый журналъ, Домашняя Беспда, нажившій, какъ говорятъ, большія деньги за разсказъ о бѣсахъ и кликушахъ. Оба эти журнала ралостно вносили на свои страницы иѣлыя

говорять, большія деньги за разсказъ о бѣсахъ и кликушахъ. Оба эти журнала радостно вносили на свои страницы цѣлыя ряды извѣстій о кликушахъ 1840—1860 годовъ, о кликушахъ, знаменующихъ яко-бы продолжающееся еще спасеніе человъка. 12 апрѣля 1861 г. однодворцы букрѣевскаго хутора съ старостой подали въ павлоградскій земскій судъ объявленіе, что у нихъ въ хуторѣ, на людяхъ, съ недавняго времени появилась болѣзнь, отъ которой заболѣвающіе падаютъ безъ чувствъ на землю, хохочутъ, плачутъ, лаютъ по собачьи, кукукаютъ по птичъи, и они просили сдѣлать распоряженіе объ открытіи причинъ болѣзни, и тѣмъ успокоить ихъ, ибо они подозрѣваютъ въ порчѣ людей проживающую въ ихъ хуторѣ женщину Федосью Букрѣеву. Объявленіе, вмѣсто неграмотныхъ однодворцевъ, под-

³) KH. XXXI, III, 22-25.

⁵) KH. XXXI, III, 25.

¹) Стр. 101

²) KH. XXXV, V, 68.

⁴⁾ KH. XXXV, V, 84.

писаль духовный ихъ отецъ, священникъ Венедиктъ Донцовъ. Началось слёдствіе, и, по требованію екатеринославской уголовной палаты, врачебная управа дала слѣдующее заключепіе: 1) Припадки, замѣченные въ больныхъ, называемыхъ кликушами, есть слѣдствіе истерической болѣзни. 2) Подвергаются истерикѣ женщины полнокровныя, страстныя, нервнаго темперамента, к чему способствуеть также насльдственное расположение отъ матери, и что взглядъ на больныхъ истерическихъ возбуждаеть и въ другихъ здоровыхъ женщинахъ приступъ истерическихъ принадковъ. Екатеринославская уголовная палата, въ качествъ совъстнаго суда, опредълила: «всъ обвиненныя подлежатъ не наказанію за свои заблужденія, а надлежащему вразумленію, моказанию за свои заозумдения, а надасмащему вразумление, по гущему разсвять эти заблуждения.» Можно было думать, что это были послёднія извёстія о кликушахъ, — но, въ Уложеніи о на-казаніяхъ оставалась еще 937 ст., и вотъ, на основаніи ея, со-вершается теперь нёчто неслыханное со временъ Петра: кливушъ судять въ залахъ новаго суда! Къ ужасу нашему, мы встричаемъ здысь волостного старшину, который, одержимый яростью преслёдованія пороковъ, тащить кликушь въ полицію,видимъ врачей, которые раздъвають и осматривають этихъ бабъ, и приходять къ тому, что они находятся въ нормальнома положении, и не больше ни меньше, какъ обманщицы, и затъмъ товарищъ прокурора доказываетъ, что эти бабы злонамтренныя, и судь, обвинивь ихъ виновными во злостномо обмани, присухдаетъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ..... Вотъ это дикое дѣло, какъ будто вновь вышедшее изъ могилъ XVI-XVII вѣковъ!.... Такъ какъ изложение этого дѣла есть исторический документь, объясняющий уровень понятий нашего времени, то мы и приведемъ изъ него извлечения. Въ № 100 газеты «Москва» помѣщено слѣдующее описаніе засѣданія окружнаго суда.

31-го іюля, въ московскомъ окружномъ судѣ, разсматривалось дѣло о кликушахъ, привлекшее въ залъ засѣданія многочисленную публику. Приступивъ къ разсмотрѣнію этого дѣла, судъ не могъ продолжать засѣданіе, такъ какъ съ одною изъ подсудимыхъ, Ириной Васильевой, сдѣлался припадокъ кликушества, и она удалена была изъ залы засѣданія до тѣхъ поръ, пока успокоилась, послѣ чего прерванное засѣданіе продолжалось вновь.

Сущность обвинительнаго акта заключается въ слёдующемъ: 19-го мая 1867 года, астафьевскій волостной старшина донесь подольскому убздному полицейскому управленію, что въ деревнё Бяконтовой, Подольскаго убзда, появились такъ-называемыя кликуши изъ крестьянокъ той деревни: Ирина Васильева, Дарья Федорова, Федосья Федорова и деревни Сыровой Матрена Уаро-

Digitized by GOOGLE

ва, которыя во время припадковъ указываютъ, что ихъ испор-тилъ односельный крестьянинъ Родіонъ Алексбевъ, и этимъ наводятъ страхъ на всёхъ крестьянъ деревни Бяконтовой. Обвиняемыя при дознаніи и предварительномъ слёдствіи объ-

яснили, что онъ увърены, что ихъ испортилъ Родіонъ Алевсъяснили, что онѣ увѣрены, что ихъ испортилъ Родіонъ Алексѣ-евъ, потому, что когда они увидятъ его, или онъ находится вблизи ихъ, то съ ними дѣлается дурно и они начинаютъ кри-чать: «Родъка проклятый, мучитель»! Дарья Өедорова показала, что ей снился сонъ, будто вто-то говорилъ ей: «надо выгнать изъ селенія Родіона Алексѣева, потомъ принести изъ села Стрѣл-кова икону чудотворца Николая, отслужить ему съ водосвятіемъ молебенъ, обойдти съ иконами вокругъ деревни, а потомъ всѣмъ жителямъ деревни Бяконтовой, вмѣстѣ съ дѣтьми, выкупаться въ рѣкѣ, тогда все нечистое въ деревнѣ прекратится». По сло-вамъ Матрены Уаровой ей прекратится нерти когло она ва рыкь, гогда все нечногое вы деревны пропрытителя. По сао-вамъ Матрены Уаровой, ей представляются черти, когда она увидитъ Родіона Алексѣева, который одинъ разъ на дорогѣ вы-пускалъ изъ своего рта чертей, и черти заграждали ей дорогу. Обвиняемыя съ Алексѣевымъ никогда въ ссорѣ не были. При-Совиняемыя съ Алексвевымъ никогда въ ссорв не оыли. при-падки бываютъ съ ними не произвольно и не изъ притворства. Два врача, свидѣтельствовавшіе обвиняемыхъ, не нашли въ ихъ организмахъ такихъ болѣзненныхъ уклоненій, съ которыми мож-но было бы поставить въ прямую связь тѣ припадки, коими будто бы они страдаютъ; врачи признали припадки эти притворными.

На основаніи сего товарищъ прокурора обвинялъ подсуди-мыхъ въ кликушествѣ, — въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 937 ст. улож. о нак.

Отвътъ подсудимыхъ на вопросъ предсъдателя о виновности ихъ былъ: «мы сами не знаемъ, что надъ нами случается.» По окончаніи преній, судъ постановилъ четыре одинаковыхъ

вопроса: виновна ли подсудимая, называемая кликушей, въ томъ, что сдѣлала, съ цѣлію злостнаго обмана, извѣтъ на крестьянина Родіона Алексѣева, будто бы онъ, посредствомъ чародѣйства, причинилъ ей, Васильевой, зло?

чинилъ ей, Васильевой, зло? Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, судъ объявилъ слѣдую-щую резолюцію: подсудимыхъ, называемыхъ кликушами, Ирину Васильеву, 50 лѣтъ, Дарью Өедорову, 49 лѣтъ, Өедосью Өедо-рову, 27 лѣтъ, и Матрену Уарову, 25 лѣтъ, признавъ винов-ными въ томъ, что сдѣлали, съ цѣлію злостнаго обмана, извѣтъ на крестьянина Григорія Алексѣева, будто бы онъ, посредствомъ чародѣйства, причинилъ имъ зло, на основ. 135 и 937 ст. ул. о нак., заключить въ смирительный домъ на два мѣсяца. Въ настоящія минуты, переживаемыя русскимъ народомъ,

кликушество распространено въ Россіи слёдующимъ образомъ. Въ Малороссіи его нётъ, его и не знаютъ, и если оно является тамъ, напр. въ Кіевѣ, то заносное съ сѣверо-востока. Такъ въ Курскѣ, въ 9-ю пятницу приводять множество кликушъ, которыя вричать неистовыми голосами ¹). Тоже въ Воронежѣ, въ празд-никъ св. Митрофанія. Затѣмъ по всему сѣверо-востоку кликушъ встрѣтишь во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ, гдѣ есть особенная святыня, мощи, или чудотворная икона. Порченыхъ множество святыня, мощи, или чудотворная икона. Порченыхъ множество въ Тверской губ., въ убздахъ Колязинскомъ, Старицкомъ, Ржев-скомъ и Весьегонскомъ, а также въ нѣкоторыхъ убздахъ губерній Ярославской и Владимірской²). Наконецъ, женское населеніе гро-маднаго пространства земли, прилегающей къ сѣверному Поморью, почти все заражено икотой³).

- Отчего ты такой блёдный, хозяинь? спрашивають у врестьянина на Мезени.

— Икота долить.

 – Икота долить.
 – И у васъ она водится, какъ на Пинегѣ?
 – Въ какомъ мъстъ злого человъка нъту, самъ разсуди!
 Нагонитъ онъ на тебя скорбь какую, и въдайся съ ней, и долитъ она тебя и мучаетъ. Вотъ подойдетъ она къ сердечушку-то, и начнетъ глодать его, что и свътъ-отъ въ глазахъ помутится. Ругаешься на ту пору самыми негодными словами, и всякими звѣриными голосами заговорить въ тебѣ нечистой....

Въ избѣ слышится, то лай собави, то плачъ грудного мла-денца, то густой хриплый басъ, то глубовіе, глубовіе вздохи, сопровождаемые судорожной сильной икотой — то дёвва-икотсопровождаемые судорожной сильной икотой — то дёвка-икот-ница: сто бёсовъ у ней животы гложуть. Возили ее къ отцу Андрею, что отчитываетъ, — не помогъ. Зовутъ ее Аннушкой. Аннушка любила Петра, и хорошо имъ было жить, пока не вмё-шался въ ихъ любовь Борька. Явилась разладица, нравственныя страданія, между тёмъ, дювку постегали, а милый ушелъ. — Дёвку-то мы постегали. Я ужъ про это и сказывать не стану, не хорошо. Собрались къ ней въ избу бабы, стали выть, а того не знаютъ, что Анюткё-то все это крёнко на руку. Мол-

чить она въ углу, трепаная такая, волосьевъ не прибираеть, и сидить подъ образомъ....

— Что-де, молъ, родненькая наша? больно? Которые, молъ, стегали-то? Ты, молъ, Аннушка, наплюй, коли сможешь. Ишь дёло какое — дёвку сёчь задумали, — это и бабё нейдетъ. Такъ

^{*}) Авдбева, Зап. 65.

⁹) Hobr. ry6. sbg. 1861, 6.

⁹) Харит. Врачев. 17. Этн. Оч. Чердыни, 50.

на слова-то на эти въ горлышкъ-то у ней, сердобольной, ино крякнуло, что и грудь ходуномъ начала ходить, заревъла, что прыснула, и закликала ¹)....

прыснула, и закликала Крестьянинъ пинежскаго убзда разсказываль: «Въ нашей де-ревнъ 46 дворовъ, икота есть почти у всёхъ жонокъ; у двухъ мужиковъ была и у двухъ дбвокъ, у мальчиковъ не видали ни у кого. У снохи, у сватьи, у матери, у каждой жонки есть; у меня только сердце забдаетъ, ажно мнъ тошно, грызмя грызеть, тертолько сердце забдаеть, ажно мнъ тошно, грызмя грызеть, тер-пленья нѣтъ, какъ она тамъ грызетъ его; ходитъ въ руку или въ ногу, или въ колѣно и бьется, какъ рыбка (boule hysté-rique); сама, какъ горбышокъ, синя, захватищь, такъ и бьется...» Крестьянинъ вашкарской волости, находящейся въ 4-хъ вер-стахъ отъ Холмогоръ, говорилъ: «Лѣтъ 20 тому назадъ у насъ ее (икоты) вовсе не было, а *теперъ* съ каждымъ днемъ увели-чивается: *теперъ* больныхъ въ нашей волости 30 человѣкъ — перешла отъ мезенцовъ²)...»

IV.

Что-жъ такое кликуша? Покойный Шевыревъ, внеся кликушъ въ свою исторію русской словесности, объяснялъ ихъ нравствен-ныя пытки приливомъ религіознаго чувства ³). Другіе объясняютъ ихъ тѣмъ, что это обдуманный обманъ, что женщина, не на-ходя себѣ вѣры въ грубомъ обществѣ, должна завоевывать себѣ лучшую долю, пугая и суевѣрнаго мужа, и суевѣрное общество ⁴). Кликуши выходятъ изъ врестьянокъ, только изъ врестьянокъ, слишкомъ рѣдко изъ мѣщанъ, и нивогда изъ другихъ сословій. Грубѣе ли крестьянка другой женщины? Больше ли въ ней изу-вѣрства, чѣмъ, напримѣръ, въ купчихѣ, или купчихѣ-расколь-ницѣ? Мы думаемъ, что она менѣе груба и совсѣмъ лишена изувѣрства (особливо въ молодости), и становится кликушей от-того, что она здорова душей и сердцемъ, оттого, что способна глубоко чувствовать нравственныя страданія. Не въ силахъ бу-дучи перенести нравственныя оскорбленія, она надламывается, п, среди обружающихъ ее дикихъ суевѣрій, становится клику-шею. Жить бы ей да жить, да родить здоровыхъ гражданъ рус-ской земли, а она кличета, а болѣзнь эта, по свидѣтельству ме-

¹) Макс. «Годъ на Сѣверѣ», 6, 488 п др.

^{*)} Пам. кн. Арх. губ. 1864. 87-98.

³) Cn. muse.

⁴⁾ Ив. Некрас. Филол. Зап. 1864, III, 109. 5

дицины, отзывается на дальнихъ поволѣніяхъ ¹). Преврасная перспектива будущаго!...

Кликушество поэтому является, прежде всего, выражением нравственныхъ страданий, преслъдующихъ здоровую природу русской крестьянки.

Кликушами очень рѣдко бывають старухи, рѣдко дѣвицы, ке больше молодыя женщины. Въ свадебныхъ пѣсняхъ, носящихъ краснорѣчивое имя заплачекъ, постоянно поется о горѣ, затаенномъ, глубоко разрывающемъ душу:

> Горе ин ты мое, горе, Горюшко великое, Никому ты, мое горе, Никому не извѣстно, Призакрыто мое горе Бълой моей грудью, Запечатано мое горе Все кровями ²).

Мужъ деревенской женщины, если жизнь его надломлена,это звѣрь и тиранъ. Жена тернитъ отъ него страшно, - терпить даже отъ мертваго, если онъ колдоваль. Чуть настанеть ночь, онъ и лезетъ къ ней, пока не приколять его въ могыт. Даже тѣ люди, которые лечать отъ кликушества розгами, и тѣ согласны, что болёзнь эта таится въ горькой участи женщин. «Иная молодая бабенка-говорять они-живеть въ совершенномь загонѣ, мужъ бьетъ, никто ее въ домѣ не любитъ, за всякую малость всё ее только ругають и колотять, негде бедняжие н сёсть, ни лечь, и она рыдая, рыдая, начинаетъ кликать» 3). Этото горе, призакрытое грудью, эти-то страданья сердца, высказывались въ тъхъ причитаньяхъ или заговорахъ, которыми женщина думала улучшить свою участь. Здёсь вы сыщите заговоры на укрощение гнъва родимой матушки, — на укрощение злобных сердець, заговорь родимой матушки въ наносной тоскъ, красной дъвицы ота тоски, заговоръ на остуду между молодцомъ и къвицей, и т. д. Вторая причина кликушества — колдовство, т. е. отрава данная женщинь. Съ упадкомъ соціальной жизни народа исковеркались въ ней и всё лучшія человѣческія отношенія. Лю-

⁸) Тул. Г. Вѣд. 1841, 41, 42.

^{1) «}Истерика матерей съ одной стороны переходить на ихъ дѣтей, а съ другой, соединяясь съ разстройствомъ интеллентуальной сферы, и переходя иногда въ тупоуміе, передаетъ новой генерація эти исихическіе недостлатки.» Моск. Медиц. Газ. 1860. № 25-32.

²) Перм. Сб. IL

бовь человѣка къ человѣку явилась опутанною отвратительнымъ колдовствомъ, совершеннымъ во имя сатаны, почитаемаго, величаемаго почетнымъ именемъ Сатаны Сатановича. Такъ въ Перми любовь бываетъ двоякая, сглядная и притягная. Первая — это любовь взаимная, вторая невольная, навязываемая наговорами, отъ которыхъ молодецъ или дѣвушка начинаютъ тосковать тоской по сердиу, глухой тоской.

Въ 1750 году, сержантъ Тулубьевъ, желая привлечь къ себъ дочь разночинки, Ирину Тверитину, жившую въ Тюмени, «обръзавъ, взялъ хлѣба печенаго ломоть, и увелъ ее съ собою одное завъ, взялъ хлъба печенаго ломоть, и увель ее съ собою одное въ баню, и, совокупя къ тому хлѣбу воскъ, печину, соль, воло-совъ по части, и, обтирая съ себя тѣмъ хлѣбомъ въ банѣ потъ такимъ образомъ: на-перво съ правой руки, а потомъ съ лѣвой ноги, и скоблилъ съ ногъ своихъ ножемъ кожу, и взялъ съ пар-наго вѣника три листа, и снималъ тотъ хлѣбъ въ одно мѣсто съ печиною, воскомъ, солью, волосами, со скобленною съ ногъ кожею, и съ парнаго вѣника листьемъ, и сдѣлалъ колобокъ, и послѣ того въ той же банѣ изъ нея же женки Ирины такимъ же образомъ потъ особливымъ хлѣбомъ отиралъ, и снималъ по же образомъ потъ особливымъ хлѣбомъ отиралъ, и снималъ по вышеписанному, — и вышедъ изъ бани, на оныя колобки смотря въ имѣвшуюся у него книгу, которую носилъ при себѣ сокро-венно, невѣдомо, что̀ шепталъ, а куды оные съ волшебствомъ хлѣбные колобки употребилъ, того она, Ирина, не знаетъ ¹).» Въ книгѣ онъ, безъ сомнѣнія, читалъ заговоръ, какъ приворо-житъ длеку, въ родѣ слѣдующаго, записаннаго въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей: «истопи баню жарко, и взойди въ нее; когда взопрѣешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ, и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда илаголи тряницу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда *глаголи трижды* сей заговоръ: «На морѣ на-кіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стояло древо, на томъ древѣ сидѣло семдесятъ какъ одна птица, эти птицы щипали вѣти, эти вѣти бросали на землю, эти вѣти подбирали бѣсн, а приносили къ Сатанѣ Сатановичу. «Ужъ ты, худъ бѣсъ! И кланяюсь я тебѣ и покланяюсь, — сослужи ты мнѣ службу, и сдѣлай дружбу: зажги сердце (имрекъ) по мнѣ (имрекъ), и зажги всѣ печени и легкое, и всѣ суставы по мнѣ (имрекъ). Будь мое слово крѣпко, крѣпче всѣхъ булатовъ во вѣки!» Вели пряникъ съѣсть ²).» Изъ дѣла с.-петербургской кан-целяріи тайныхъ и розыскныхъ дѣлъ видно, что въ заговорѣ на разожженіе сердца у дѣвицы обращались «къ толстой бабѣ, къ сатаниной угодници»: «встану не благословясь, пойду не пере-

²) Лѣт. Русс Литер. IV. 75.

¹) Этн. Сб. VI, 141.

врестясь въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоить терновъ кусть, а въ томъ кустѣ сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ, и отступлюсь отъ отца и матери, отъ роду и племени. Поди, толстая баба, разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ, рабѣ-имярекъ» 1). Все это заговоры позднѣйшіе, такъ сказать выдохшіеся; но чтобъ представить себъ заговоръ во всей его колдовской силъ, нужно перенестись въ XVII—XVIII въкъ, въ самый разгаръ колдовства, и прочесть хоть любовное заклятие, взятое изъ слёдственнаго дѣла 1769 года 2). Подобные заговоры и заклинанія, съ цёлію привлечь любовь, называются отсушками; отвлечь оть любви — отстудою, отворотомз ³). Кромѣ заклинаній прибѣ-гають къ силѣ кореньевъ и травъ, хорошо извѣстныхъ всякому сельскому жителю, а тёмъ паче спеціалистамъ этого дёла. Для испытанія вѣрности жены нужно найти траву, которая называется ряска, ростетъ кустиками, маленька, синенька, по землъ разстилается; нашедши этой травы, положить стебель ея жень въ головы, и жена все скажетъ, что бывало, съ къмъ живала, и съ вѣмъ мыслитъ, а положи не просто 4). Въ другомъ травникѣ записано: «есть трава кукуша, ростетъ по берегамъ, сама синя; а оная трава въ персть, а листочки долгонькие, что язычки, а корень на двое, одинъ мужъ, а другой жена. Когда мужъ жену не любить, дай пить женочкѣ, а жена мужа не любить — дай пить мужичку, станетъ любить женочка. Женочка (корень) смугла, а мужичекъ (корень) бѣлъ ⁵).» Но вотъ любовь кое-какъ сладилась, началась свадьба, и опять впутывается колдовство, и отравляеть послѣдніе останки человѣческаго чувства. Въ селахъ шенкурсваго убзда живутъ неръдко по два, по три колдуна въ каждомъ, и всё они въ равной степени домогаются мёстъ дружви на свадьбахъ, — мъстъ выгодныхъ, ибо дружка, въ продолжени службы своей на свадьбѣ, сытъ, пьянъ, и, въ придачу, надѣленъ всячиной. Колдовство, среди котораго вертится народъ, и нравственный разврать колдуновь дошли до того, что всё три колдуна, услышавъ про свадьбу, заранѣе разсчитываютъ, на чей пай выпадеть счастливая, выгодная роль дружки. Воть отправился свадебный повздъ, и началась дьявольская борьба между колдуномъ. провожающимъ свадьбу, и другими, которые остались безъ

- ') Пам. кн. Арх. губ. 1864, 17.
- 2) ЛЪт. русс. лит. VI, 59-60.
- ⁸) Гул. Этн. Оч. Сиб. 70.
- •) Харит. Этн. Оч. Черд. 153.
- 5) Врачев. Шенкур. утзда, 15.

668

дѣла: иногда все сойдетъ хорошо, а въ другомъ случаѣ-испортять свадьбу 1). Сибирскія кликуши такъ и называются порчеными. Портятъ еще посредствомъ тенета, которыя запекаютъ въ пирогъ, и, при леченіи, порча выходитъ изъ желудка больной въ видъ слизистаго, одушевленнаго вещества, которое нужно тотчасъ сжечь, иначе бользнь воротится. Учатся портить на ръдькъ: почернъетъ вся ръдька-значитъ лекарство дъйствуетъ 2). По словамъ народа, порча производится посредствомъ вѣтра (на вѣтеръ пущаютъ), выемки слѣда, черезъ подкидываніе разныхъ вещей, и отъ залому. Колдуны дёлають во ржи заломы (пучки, хитро связанные изъ нѣсколькихъ соломинъ на корню, колосьями внутрь самаго пучка), или закрутни, и отъ прикосновенія къ нимъ женщина поражается болѣзнью, и умираетъ въ жестокихъ мукахъ 3). Отъ ужаса, охватывающаго женщину при одной мысли о колдовствѣ, женщина начинаетъ кликать, повидимому, отъ самыхъ пустыхъ вещей, напримъръ, въ новгородской губ. «надъ дверьми ввернуто было пѣтушье перо, а въ полу гвоздемъ были заколочены волосья, уголь и соль ⁴).» Собственно для напусканія кликушества существуютъ особые порчельники. Одинъ крестьянинъ, напускавшій икоту, для привлеченія дьявола, держаля кресть въ сапогь подъ пятой, въ теченіе половины мёсяца, и приговариваль: «отрекаюсь Бога и животворящаго креста, отдаю себя въ руки дьяволовъ», и къ нему являлись дьяволы, требовавшія занятій. Въ Холмогорахъ, разсказывалъ крестьянинъ, была дѣвка, все лбомъ глядитъ, — такъ она икоту насаживала, ее выгнали изъ города 5).

Такимъ образомъ, источникомъ истерическихъ припадковъ женщины служатъ: нравственныя страданія, жестокая жизнь, порча и вѣра въ колдовство. Какъ исключеніе, встрѣчаются ханжи-кликуши, которыя кличутъ притворно, собирая на убожество бользное, и изъ кликушества дѣлаютъ промыселъ⁶).

Обычные симптомы истерики — зъвота во время прекращенія приступа — это дьяволь выходить вонь; во время приступа и вздутіе живота — это дьяволь мечется въ утробѣ. Кликуша одержима дьяволомь, а потому въ церкви она не можеть слышать херувимской, запаха ладану, еваниелія, а у раскольниковь — табаку. Шевыревь поэтому думаль объяснять кликушь

⁵) Пам. кн. Арх. губ. 1849, 74-93.

Томъ V. — Октябрь, 1868.

¹) Врачев. и забавы Шенк. утвада, 20.

^{*)} Этн. Có. VI, 130.

³) Тул. Г. Вѣд. 1861, 41.

⁴⁾ Якут. Пут. инсьма, 121.

⁶) Сен. Свът. 1864, 4.

ото въстникъ квропы. приливомъ религіознаго чувства. «Во время херувимской, гово-ритъ онъ, какимъ-то особеннымъ трепетомъ бъется сердце бла-гочестиваго русскаго, и здъсь надобно искать объясненія тому психологическому явленію, которое извѣстно въ нашемъ про-стомъ народѣ между женщинами подъ именемъ кликушъ ¹). Кли-куша лаитъ по собачъи, потому что въ періодѣ колдовства со бака обратилась въ пса, — образъ дъявола, и дъяволъ, сидищі въ человѣкѣ, только и можетъ, что лаять по собачъи. Одержи-мая дъяволомъ, кликуша колдуетъ, говоря отъ его имени, и его языкомъ, а потому, спрашивая кликущу, обращаются, не къ неѣ, а къ нему. Если у мужика что-нибудь пропало, а близко есть кликуща, то онъ говоритъ: «надо съѣздить въ кликушѣ, что она скажетъ»? Отправляясь въ ней, мужикъ везетъ ей что-нибудь за работу, и вѣруетъ всему, что̀ она выкличетъ. Въ Архантель-ской губ., желающій получить предсказаніе отъ икотницы, при-глашаетъ ее въ себѣ, и старается задобрить ее такимъ угоще-ніемъ, которое она особенно любитъ, потомъ уже начинаетъ ее спрашивать. Тогда съ кликушей начинаются муки: глаза расши-риются, руки и ноги судорожно вытягиваются, больная рветъ на себѣ волосы, разрываетъ на себѣ одежду, и падаетъ на полъ; грудь и особенно животъ неестественно возвышаются, и сквозь болѣзненные стоны слышится голосъ икотницы, дѣлающій пред-сказанія. Затѣмъ ее отводятъ домой, потому что сама она не въ силахъ идти²). въ силахъ идти ²).

въ силахъ идти ²). Природа крайняго сѣвера, располагающая, по словамъ Каст-рена, къ нервному состоянію, помогаетъ существованію особаго рода кликушъ, называемыхъ икотницами. Причиной истериче-ской икоты бываютъ: пораженіе половыхъ органовъ, неправиль-ность пищеваренія, дурная пища, состоящая изъ гнилой, зло-вонной рыбы, гнилая болотная почва, а особенно психическія явленія, происходящія отъ гнета семейнаго и общественнаго. Сначала больная чувствуетъ сильную головную боль, терлетъ аппетитъ, организмъ ея слабѣетъ, икота опускается отъ голови къ сердиу, является болѣзнь сердца, и спазматическое сокраще-ніе брюшной нреграды, — она кричитъ, смѣется, плачетъ. При самомъ сильномъ развитіи припадка больная лишается языка (нѣмая икота), а только издаетъ глубокіе отрывистые звуки; при менѣе сильной икотѣ больная говоритъ (говоруха), но не отвѣ-чаетъ на предлагаемые вопросы, и, наконецъ, третій видъ бо-лѣзни, когда икотница приходитъ въ экстазъ и дѣлается способ-

¹) Ист. Рус. слов. III, 108, 156.

²) Кари. ин. для люб. землевёд., 316.

<page-header>

икотники встрѣчаются не въ одномъ Поморьи, а въ Тверской губ., въ Иркутскѣ, и т. д. ²). Чѣмъ же лечатъ кликушъ? Леченіе отъ кликушества и икоты выходитъ изъ того же самаго колдовства, которое создало кли-кушу. Извѣстно, что еще въ арійскую эпоху индо-европейскаго племени священная пѣснь, гимнъ (mantra), или молитва, пере-шла уже въ заклятіе и заговоръ, и олицетвореніе молитвы (gâyatri) заступило мѣсто Индры, и подобно ему поражало де-моновъ. Съ этой ранней поры заговоръ, слово, получаютъ воз-можность распоряжаться нечистою силою, возбуждать любовь и ненависть, насылать болѣзни, и исцѣлять отъ нихъ. Такой кол-

¹) Пам. кн. Арх. губ. 1864, 87 --- 193.

²⁾ Masses, XXXV, V, 78.

довской смысль имъеть и отчитываные кликушь. Въ Орловской губ., для изгнанія изъ кликупи нечистаго духа обыкновенно на-нимаютъ какого - нибудь старика - грамотвя, который и долженъ нимають какого-нибудь старика - грамотья, который и должень читать надъ больной по зарямъ различныя молитвы. Нанятый старикъ является въ домъ, становится передъ божницею, очер-чиваетъ вокругъ себя углемъ три раза, чтобъ за эту черту не перешолъ нечистый, и начинаетъ отчитывать, растягивая слова. Въ другихъ мѣстахъ отчитываютъ по монастырямъ, или мона-ковъ приглашаютъ на домъ. Докторъ Любимовъ разсказывалъ о столѣтней старухѣ, раскольницѣ безпоновщинской секты, которая, вмёстё съ своими дочерьми, отчитывала кликушъ въ тече-ніи 20-ти лётъ ¹). Вмёстё съ молитвами употребляются особые заговоры отв кликуши: «На аліонской горь и на абрааминской горь пречистая владычица мать Богородица, какъ породила Христа еди-наго Господа-при томъ дѣлѣ не было ни колдуна, ни еретницы, ни наго господа — при томъ дълъ не оыло ни колдуна, ни еретницы, ни съ мужескаго полу, ни съ женскаго полу, ни съ ребячаго полу, и ни изъ дѣвичьяго, — не испортить и не сглазить, ни чернцу, ни ченцу, ни попу, ни дьячку, ни великому грамотнику. Огради его, Господи, силою честнаго креста, рожденнаго, молитвен-наго, крещенаго, исповѣданнаго, причащанаго, вѣнчаннаго (если женатъ) раба божія имярекъ»²). Иногда прибѣгаютъ къ силѣ травъ, именно къ травѣ «называемой бплой, похожей на стебль лебеды, а подъ осень и внизу на землѣ листья зеленыя, а сверхъ браотатия о ричет к кория испортатия на истори. лебеды, а подъ осень и внизу на землѣ листья зеленыя, а сверхъ бѣловатыя, а вкусъ у корня похожъ на инбирь, а когда во рту подержишь подолѣ, и будетъ сладокъ»³). Путаясь въ безвыход-номъ положеніи при появленіи кликуши, и не зная чѣмъ по-мочь, въ Вятской губ., во время паровсизма, надѣваютъ на больную хомуть съ потной лошади⁴). Между тѣмъ, собственно есть одно только лекарство — это поднятіе низко упавшаго уровня народной жизни, ведущее за собой просвѣщеніе и всеобщее благосостояніе.

И. Прыжовъ.

- ¹) M. Mez. Γas. 1860, № 25 32.
- *) Пам. Стар. Рус. Лит. III, 168.
- •) Этн. Сб. П, 131.
- 4) Совр. 1856, ХІ, см. 8.

672

молокане и духоборцы

ВЪ

УКРАИНѢ и НОВОРОССІИ.

(ХУШ-й въкъ).

I.

Появленіе молоканства и духоборчества въ Украинф. — Состояніе Украины въ ХУШ вѣкѣ. — Причины, вызывавшія бѣгство лицъ изъ всѣхъ концевъ Россіи въ Украину. — Религіозно-церковное настроеніе умовъ въ Украинф. — Переселеніе раскола и русскаго раціонализма изъ Москвы въ Украину.

Духоборчество, если не единовременно, то послѣ Москвы прежде всего могло явиться въ Украинѣ. Москва, какъ извѣстно, всегда была центромъ всякихъ религіозныхъ разномыслій, а въ частности, и нашего старообрядчества. Изъ Москвы выходили всегда толпы религіозныхъ пропагандистовъ, которые пускались въ странствованіе по Россіи, отыскивая повсюду себѣ единовѣрцевъ и утверждая свое ученіе между прозелитами ¹). Ихъ убѣжденія находили отголосокъ въ народѣ, и вновь обращенные, какъ и всегда бываетъ, дѣлались, въ свою очередь, сектаторами, нерѣдко примѣшивая къ религіознымъ догматамъ и политическія убѣжденія. Южное поволжье, Донъ и Яикъ были преимущественно любимыми убѣжищами всѣхъ бѣглыхъ людей и преслѣдуемыхъ религіозныхъ диссидентовъ. Тамъ поселены были стрѣльцы, це-

¹) См. стат. «Янцкое Казачество» въ Русск. Вестн. 1864 г. вн. VIII, стр. 607.

режившіе московскія казни и глубово схоронившіе въ себѣ не-нависть въ правительству; тамъ жили и вольныя казачьи об-щины. Понятно, что бѣглецы московскіе всегда встрѣчали здѣсь радушный пріемъ и сочувствіе, напередъ увѣренные, что, въ случаѣ опасности, ихъ не выдадуть ¹). По глухимъ мѣстамъ и отдаленнымъ хуторамъ и уметамъ пространной Украины, моло-канство и духоборство могло безпрепятственно населяться вмѣ-стѣ съ расколомъ и рука объ руку идти путемъ распространенія....

Но взглянемъ на состояніе Украины въ XVIII-мъ вѣкѣ. Про-странство отъ Словечны до Днѣстра, отъ Клевена до Орели, и отъ Галича до Сѣвернаго Донца, называвшееся нѣкогда Малоотъ Галича до Съвернаго Донца, называвшееся нъкогда Мало-россіею, при гетманѣ Скоропадскомъ (1708 — 1722) присоеди-ненное въ Россіи, носило названіе Украины, въ сліяніи со всѣми южными областями Россіи, которыя составляли оплотъ и край-нія (окраины, — отсюда названіе «Украина») границы съ владѣ-ніями польскими, татарскими и турецкими ²). Это огромное пространство юга Россіи издавна заселялось бѣглыми дворянами, пространство юга России издавна заселялось обглыми дворянами, кидавшими службу царскую, попами и монахами, недовольными церковною властію, приказными, недовольными правительствомъ, крестьянами, нехотбвшими служить своимъ помбщикамъ и во-обще всбми недовольными какимъ-либо порядкомъ вещей..... 3). Въ государствъ Московскомъ въ началъ XVIII-го въка, въ ту переходную эпоху, когда оно преобразовалось въ имперію все-россійскую, совершилась борьба разрозненныхъ силъ Россіи. Въ

россійскую, совершилась борьба разрозненныхъ силъ Россіи. Въ народномъ бытѣ, въ гражданскомъ устройствѣ русскаго обще-ства была тьма противорѣчій, разлада и неурядицъ, питавшихъ разъединеніе въ духѣ народномъ, такъ - что первую половину XVIII вѣка можно назвать тяжкою годиною народнаго стенанія отъ податей и повинностей, годиною преобладанія сильныхъ ино-странцевъ-тирановъ, воровства и публичныхъ казней, годиною полнаго крѣпостничества, развитія аристократическаго барства въ ущербъ другимъ сословіямъ и грабительства народа прави-телями. Не даромъ предъ XVIII-мъ вѣкомъ было 14 самозван-цевъ⁴). Подавляемая оппозиція такому состоянію дѣлъ стреми-лась постоянно въ Украину и, поселившись здѣсь въ простран-ныхъ и привольныхъ мѣстахъ, вдали отъ центра Россіи, вмѣстѣ съ казачествомъ и стрѣльцами составляла, нѣкоторымъ обра-

¹) Тамъ же.

э) Энциклопедич. Словарь Крайя. Томъ VIII, стр. 416-419.5
 э) А. Щапова, Русск. расколъ старообрядчества. 1859 г., стр. 476.

⁴) Тамъ же, стр. 469 и 471.

зомъ, status in statu въ государствѣ. Въ это время сбѣгало холопей съ одного боярскаго двора часто по 20 и 30 чело-въкъ ¹); однихъ московскихъ нищихъ бродило по Россіи до 1,000 человѣкъ ²); по одному, напримѣръ, Казанскому уѣзду въ 1723 году шло выходцевъ изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ посадскихъ и дворцовыхъ, синодальнаго вѣдѣнія, помѣщичьихъ крестьянъ и бобылей на 954 двора³). Стрѣльцы и казаки на Украинѣ издавна жили повольно и граматъ царскихъ и прави-тельственныхъ часто совсѣмъ не исполняли. Когда Петръ I казниль и разсёлль огромное число мятежныхъ стрёльцовъ и Донскихъ казаковъ по Украинъ, то нашелъ чрезъ это себъ въ Украинъ враговъ болъе, чъмъ ожидалъ ⁴).... Поголовная подушная перепись народа, оказавшаяся тогда въ 20,000,000 душъ, прогнала въ Украину не одну сотню тысячъ лицъ, выведенныхъ изъ терпѣнія своевольно разъѣзжавшими по селамъ и деревнямъ гренадерами-переписчиками, и подъячими ⁵), думавшими болѣе о себѣ, чѣмъ о казнѣ ⁶). Казнокрадство подушенное, при истязаніи крестьянь и притёсненіи народа сборщиками, выводило народъ изъ терпѣнія и онъ тысячами бѣжалъ въ обширныя степи Украины, гдѣ забываль все и пачиналь жить свободне, оставляя у краины, гдъ заоывалъ все и начиналъ жить своооднъе, оставляя казну при недоимкахъ податныхъ, которыхъ при смерти Петра I уже считалось нѣсколько милліоновъ 7). При Екатеринѣ воеводы и камериры наводнили Россію солдатами для правежа недоимокъ, и народъ отъ экзекуціи опять побѣжалъ толпами на Украину⁸). Въ царствованіе императрицы Анны недоимка была уже въ 7 милліоновъ рублей тогдашнихъ, или 40 милліоновъ по нынёшнему, потому что, кромѣ расхищенія казны правителями по городамъ, подушныя подати обращали и въ пользу временщика, который за недоимки заковываль воеводь въ кандалы, крестьянъ голыми ногами ставилъ на снъгъ, билъ палками по пятамъ и всякими пытками истязаль, такъ-что въ нѣсколько лѣтъ тогда разбѣжалось народу въ Украину, въ Польшу, Молдавію и Ва-лахію болѣе 250,000 душъ мужскаго пола⁹). Народъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка бѣжалъ въ Украину и отъ страш-

- ¹) Пол. Соб. Зак. томъ I, стр. 360.
- 2) Ист. Гос. Росс. томъ Х, стр. 283.

- 5) Пол. Собр. Зак. томъ УП, № 4729.
- ⁶) Тамъ же № 4826.
- 7) Тамъ же. № 5017.
- ⁸) Тамъ же, № 4674.
- ⁹) Болтинъ.-Щапова, Русскій расколъ старообрядства. 1859 г. стр. 490.

Digitized by Google

٠

^{*)} Полн. Собр. Закон. томъ VII, N.M. 4307 и 4162 п. 2.

⁴) А. Щапова. Русскій расколь старообрядства. 1859 г. стр. 477.

⁶⁷⁵

ныхъ рекрутскихъ наборовъ, которые сбили въ кучу при Петрѣ 180,000 регулярнаго войска, отъ страшныхъ налоговъ на содержаніе его, стоившее 3,180,770 руб. ¹), и отъ неправды въ судахъ, особливо наполненныхъ иноземцами, нахлынувшими въ Россію для набиванія кармановъ своихъ²), такъ-что до судьи достойнаго челобитчику было не дойти; всюду хватали и сажали колодниковъ, а рѣшенія имъ нечинили, но, перековавъ, пускали по улицамъ просить милостыню 3); безъ взятокъ ничего нельзя было дёлать и за гривенное дёло полтину брали 4), чёмъ все царство въ скудость и смятение приводилось ⁵). Губернаторы временъ Петра I были не лучше воеводъ и приказныхъ⁶). Они разъбзжали со псовою охотою по полямъ и сбинымъ повосамъ, яровой и озимій хлѣбъ лошадьми и собаками топтали⁷) и жили часто въ селахъ по долгу для своихъ потѣхъ на счетъ крестьянъ 8), такъ что пашни крестьянскія оставались часто незасѣянными за неимѣніемъ сѣменъ и крестьяне шли по-міру 9). Начало XVIII въка было и временемъ окончательнаго укръпленія връпостничества за помъщиками, требованія которыхъ не имъли границъ и контроля ¹⁰); тягости были несносны, мучительства велики ¹¹); врестьянину не давали обрости, но стригли его яко овцу до года, и такъ царство опустошалось, такъ что у иного и козы не оставалось 12); отъ чего народъ бѣжалъ, иные въ понизовыя мѣста, иные въ Украину, иные въ Зарубежныя, тѣ страны населяя, а свои пусты оставляя.... Надъ крѣпостными женами и дочерьми врестьянскими владёльцы творили блудныя дъла и у женки выбивали ребенка ¹³); пришлыхъ и захваченныхъ людей, не хотя возвратить кому слёдуеть, потопляли въ водъ, или инако какимъ случаемъ умерщвляли ¹⁴), или же, наконецъ, какъ вещь, отдавали чиновникамъ въ подарокъ и вмъсто взятен ¹⁵).

- •) Пол. Собр. Зак томъ У, № 3294.
- ²) Кошихинъ, стр. 98.
- 8) Соч. Посошкова, гл. Ш.
- 4) Посошковъ, «О правосудія».
- ^в) Пол. Собр. Св. Зак. т. IV, №№ 2483, 2493, 2467 и томъ V, № 3078.
- 6) Донош. митрополита Селивестра, св. синоду въ рук. Казан. Дух. Акад.
- 7) Пол. Собр. Зак. томъ V, № 3025.
- ^в) Тамъ же т. IX, №№ 6570, 6653 и 6682.
- •) Тамъ же т. VII, № 4566, т. IX, № 6453, т. XV, № 11,205.
- 10) Посопкова, гл. VII, стр. 182—183. Пол. Собр. Зак. т. V, № 3294.
- 11) Кошихинъ, стр. 114.
- 12) Тамъ же.
- (18) Посошкова, стр. 85.
- 14) Записки артиллеріи майора М. В. Данилова, Москва. 1842 г. стр. 34.
- 15) Пол. Собр. Зак. т. V, Ne 2668, т. IV, NeNe 1820, 2310, т. V. Ne 3414.

Подымались, вслёдствіе сего, бунты ¹), но вызывали лишь вмёсто справедливости одни обезглавленія и истязанія. Тогда оппозиція бёгала въ Украину, за границу и поступала въ разныя секты, такъ что въ 1719 году въ одной нижегородской епархіи было до 86,000 оппозиціонныхъ правительству разныхъ сектантовъ, въ однихъ чернораменскихъ скитахъ до 40,000 душъ²). Яикъ и Украина, наконецъ, и самимъ правительствомъ съ 1683 и до 1737 г. населялись оппозиціонными диссидентами разныхъ сектъ и всякими мятежниками ³). Въ 1702 году сосланы были на Яикъ и въ Украину стрёльцы, заразившіе мятежными сектами и оппозиціоннымъ духомъ вообще всёхъ Донскихъ и Яицкихъ казаковъ ⁴) и только въ 1737 году правительство прекратило ссылку въ Украину, и Украина перестала, наконецъ, болѣе считаться ссылочнымъ мёстомъ ⁵).

Вотъ какимъ народомъ заселялась Украина въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ. На этомъ огромномъ пространствѣ Россіи, удаленномъ отъ центровъ ея, скоплялось, такимъ образомъ, выведенное изъ терпѣнія все оппозиціонное правительству. Но здѣсь же возрастала и скоплялась оппозиція также и православной церкви съ ея духовенствомъ. Вѣра народа, съ одной стороны, не имѣя твердой животворной пищи и разумнаго основанія, съ другой, столкнувшись съ религіозными воззреніями запада, давно уже колебалась въ Россіи и въ лицё раскольниковъ и нашихъ самородныхъ раціоналистовъ выражалась протестомъ противъ іерархіи церковной и чистоты православія; оставалось оппозиціонной сторонѣ находить подкрѣпленіе въ обстоятельствахъ времени, чтобы рости съ каждымъ годомъ, -- и обстоятельства эти приспѣвали. Духовенство православное конца XVII и начала XVIII вѣка не имѣло никакого значенія въ народѣ. Его многія лица всю жизнь не принимали въ дома, къ нему не ходили на исповѣдь часто до старости лѣтъ, а иногда просто и безъ покаянія умирали ⁶). Не только въ воскресные дни, но и въ большіе господскіе и богородичные праздники сами попы и діаконы не ходили въ церковь, и не говѣли даже въ всликій постъ ⁷), а къ таинствамъ церковнымъ оказывали холодность и

•) Тамъ же, № 188, 321, 324.

⁷) Полн. Собран. Зак. Том. I, стран. 249, 629. — Описан. Старол. Кн. Царск., стран. 136. — Дополн. къ Акт. Истор. Томъ У, стр. 47.

¹⁾ А. Щапова. Русскій расколь старообрядства. 1859 г., стр. 535.

²) Тамъ же, стр. 546, 547.

^{•)} Чтен. Моск. Общ. Истор. кн. IV, стр. 81.

^{•)} Пол. Собр. Зак. т. ІХ, № 6802, стр. 574.

⁵⁾ Акты Археол. Экспед. т. IV, № 115.

неуважение 1). Петръ I именнымъ указомъ 17 февраля 1718 г., прибытымъ по городамъ, селамъ и деревнямъ въ печатныхъ листахъ, сгонялъ народъ въ покинутыя церкви ²). Духовенство же занималось, вмёсто своихъ прямыхъ обязанностей, корчемствомъ занияалось, вывето своихв примыхв солзанностен, корчемствонь въ церквахъ ³), почему теряло и послѣднее въ себѣ повинове-ніе ⁴). Ученіе лютеранъ и кальвиновъ, подоспѣвши къ такому состоянію вещей, было какъ нельзя болѣе кстати ⁵)... И вотъ явились Андрей и Симеонъ Денисовы чистыми протестантами по образу мыслей ⁶)... Проповѣдуя безпоповщину, явилась и «нѣтовщина», отвергшая видимую церковь на земль и тъмъ изобразившая въ себъ грубое одностороннее и безсознательное выраженіе протестантскаго духа отрицанія и свободы 7)... Умъ Данили Викулина и стрёльцовъ-раскольниковъ не могъ еще развить въ себѣ вполнѣ раціоналистическихъ началъ протестантизма, но стрѣльцы, казаки и тысящныя массы безиоповцевъ вообще, бѣжавшія на Украину и не стѣсняемыя никѣмъ, представляли собою тамъ почву, готовую въ большему повороту религозному, чёмъ полупротестантское безпоповщинство... Если кто, то тогдашняя оппозиціонная политическо-религіозная сторона въ Россіи не могла выносить корыстолюбія духовенства, продажи таинствъ за деньги недостойнымъ, незаконнаго совершенія за корысть браковъ, воровства казеннаго дохода⁸), занятія винокуреніемъ вмѣсто своихъ духовныхъ обязанностей⁹) и пьянства самаго неумъреннаго 10). Монашество въ монастыряхъ часто дъйствовало за одно съ разбойниками, точно также, какъ недостойные попы и поповскія дёти ¹¹), и пьянствовало сильно, выбёгая часто изъ пустынь въ раскольникамъ и унося платье и книги 12). Чернецы бродяги и разстриги по мірскимъ дворамъ водочась. и изъ мо-

5) А. Щапова, стр. 176.

⁶) Тамъ же.

⁷) Акт. Арх. Экспед. Том. II, № 61.—Допол. къ Акт. Истор. Т. V, стран. 463.— Акт. Арх. Экспед. Томъ IV, № 42, стран. 62. Также № 105, и Древн. Росс. Вивлюе. ч. XV, стр. 395.

- ⁹) Арцибыш. III, прим. СХП.
- 10) Акт. Истор. Т. IV, № 202, стр. 401.
- ¹) Тамъ же, № 178, стр. 339.
- 13) Увёть духовный.

¹) Пол. Собр. Зак. Т. V. № 3169.

^{*)} Тамъ же, Т. І, стр. 699.

^{•)} А. Щапова, Русскій раск. сторообрядч. 1859 г. стр. 173.

⁴⁾ Окруж. Посл. Аванасія Холмогорскаго, рук. Солов. Библіот. въ Каз. Академін. — А. Щапова Русс. раск. старообряд. 1859 г. стр. 175.

⁸⁾ AKT. Apx. Экспед. Т. IV, № 116.

настыря въ монастырь бродя, не знали никакого начала ¹), и тъмъ раздражали только умы религіозной оппозиціи въ Россій, которой за всякій его протесть грозиль кнуть; вслёдствіе чего, схоронивъ въ душѣ ненависть къ безпорядкамъ церковнымъ, оппозиція бѣжала въ Украину и за границу. Что могли вынести въ душѣ своей изъ одной Москвы люди, бѣжавшіе на Украину, когда въ ней въ началъ XVIII въка священники пьяные валялись въ кабакахъ²), по улицамъ безчинно шумъли, ложились спать на дорогѣ; на обѣдахъ у своихъ прихожанъ ссорились по мужичьи, въ гостяхъ являлись храбры къ питью ³), и впадали во всякія уголовныя преступленія? ⁴). Вообще въ XVIII вѣкѣ духо-венство подверглось полной деморализаціи, унизилось предъ ари-стократизмомъ XVIII вѣка, на который тогда изливались милости и привилегіи, отнимаемыя у духовенства, и въ чувствѣ этого самоуниженія и раболёнства предъ обществомъ, при отсутствіи силъ и средствъ подняться на высоту общественнаго положенія, окончательно упало нравственно, закоснѣло въ безсознательности своего назначения и свыклось съ худымъ мнѣніемъ о немъ обсвоего назначения и свыклось съ худымъ мнъниемъ о немъ оо-щества, отъ чего, безъ зазрѣнія совѣсти, не дорожило уже собою ⁵)... Народъ и общество мо́сковское отшатнулись, вслѣдствіе сего, отъ духовенства окончательно, и раціонализмъ, въ послѣднемъ представителѣ своемъ Тверитиновѣ и его ученикахъ, полилъ по-токомъ по Россіи... Въ Москвѣ начались гоненія, и пропаганда критицизма ез еврть понеслась бѣглецами въ Украину, которая съ массою давно жившаго здёсь раскола и безъ того въ религіозномъ отношеніи представляла уже элементы, готовые къ при-нятію какого угодно широкаго ученія, лишь бы оно совпадало съ стремленіями населенія политическими и религіозными... Тавимъ ученіемъ на Украинѣ и явилось, въ началѣ XVIII вѣка, духоборчество и частію молоканство. Прослѣдимъ же исторію явленія этихъ секть въ Украинъ, которая однако, была, какъ мы видѣли уже, такъ велика, что обнимала собою всѣ нынѣшнія южныя губерніи Россіи, включая и Малороссію, Донъ и Яикъ; потому мы должны будемъ прослъдить исторію явленія духоборчества и молоканства въ каждой м'естности Украины отдёльно и прежде всего начнемъ съ мѣстности, составляющей нынѣ Харьковскую и Екатеринославскую губерніи.

¹⁾ Акт. Ист. Т. IV, № 62, стр. 176; № 151, Т. V, № 186. — Акт. Арх. Экспед. T. III, Nº 264, T. IV, Nº 328.

²) Пол. Соб. Зак. Т. VI, стр. 707.

³⁾ Врем. М. Ист. Общ. Кн. IV, стр. 65.

⁴) А. Щапова. Рус. рас. старооб. 1859 г. стр. 427.

⁵) Полн. Собр. Зак. Том. IV, № 2218.

Молоканство и духоборчество въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхь. Географическое положеніе Харьковской губерніи въ XVIII стольтіи. Сльди перваго явленія харьковскаго духоборчества. Что могло обезпечивать распространеніе духоборчества въ Харьковской губерніи?

Въ 1708 году 18 декабря, при раздѣленіи Россіи на 8 губерній, нынѣшняя Харьковская губернія составляла часть губерніи Кіевской, въ 1732 г. часть Бѣлгородской губерніи ¹), въ 1762 году при преобразованіи слободскихъ полковъ нынѣшній городъ Харьковъ назначенъ главнымъ городомъ слободо-украинской губерніи ²). Въ 1780 году, повелѣно генералъ-губернатору малороссійскому, курскому и харьковскому, генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву Задунайскому образовать Харьковское намѣстничество, составивъ оное изъ 15 уѣздовъ ³), а въ 1796 г., при новомъ раздѣленіи государства на губерніи, Харьковскую губернію повелѣно переименовать въ Слободо-украинскую ⁴), при чемъ въ 1797 г. она составлена изъ слѣдующихъ 10 уѣздовъ: Харьковскаго, Сумскаго, Ахтырскаго, Богодуховскаго, Зміевскаго, Старобѣльскаго ⁵), Изюмскаго, Острогожскаго, Купянскаго и Богучарскаго.

Въ этой мѣстности Украины, называвшейся съ 1732 г. Бѣлгородскою губернію, въ селё Охочемъ ⁶) съ 1730—1740 жилъ уже проповѣдникъ духоборчества отставной унтеръ-офицеръ, имени коего несохранилось. Мѣстность эта была въ то время пограничною съ нагайцами, крымцами и отчасти калмыками и состояла изъ «засѣкъ»⁷), населенныхъ по большей части казаками, приписанными съ 1708 г. 18 декабря къ Азовской губерніи⁸). Удаленность отъ центра Россіи, пустынность мѣстности, безопасность отъ взора правительственнаго и населенность края этого казаками бѣглецами изъ Москвы, разными диссидентами, по большей части раскольниками безпоповцами, все это

- ²) Журн. Мин. Вн. Дель 1857 года Т. XXII, стр. 38-43.
- 8) Пол. Собр. Зак. Т. XX, № 15,004.
- 4) Тамъ же, Т. XXIV, № 17,624.
- 5) Тамъ же, № 17,948.

с) Нынѣ Зміевскаго уѣзда. На картѣ Шуберта 1848 года село это обозначено по большой дорогѣ на югъ отъ Харькова къ морю, съ 459 жителями.

⁸) Пер. Пол. Соб. Зак. Т. I № 175.

¹) Тамъ же, Т. VIII, № 6,099.

⁷) Историко-статист. опис. Харьк. епархін Т. І стр. 198; Т. IV стр. 62, 188-191.

какъ нельзя больше давало право разсчитывать проповѣднику на успѣхъ своего ученія ¹)... Скоро успѣлъ онъ пріобрѣсть довѣ-ренность и расположеніе жителей села Охочаго и всей мѣстренность и расположение жителей села Охочаго и всей мъст-ности, съумѣя затронуть душевныя потребности населенія, про-будить его внутреннія влеченія и разработать по своему почву, сдѣлавъ ее какъ нельзя лучше производительною для своего дѣла... Его новое ученіе, что «власти ненужны, всѣ люди равны, iepap-хія и священство выдумка, церковь и обряды лишни, монаше-ство—искаженіе природы человѣческой, помѣщичья кабала—по-зоръ для людей, царь и архiереи такіе же люди, какъ и всѣ»... вакъ нельзя больше совпадало съ населеніемъ мѣстности и тогдашкакъ нельзя оольше совпадало съ населениемъ мъстности в гогдаш-нимъ настроеніемъ умовъ лицъ, бѣжавшихъ въ Украйну... Не-удивительно, что новый проповѣдникъ скоро сталъ на мѣсто вла-стей рѣшать дѣла въ сходкахъ жителей, вмѣсто судовъ разъяд: нять ихъ недоумѣнія, вмѣсто предписаній и указаній правитель-ства подавать совѣты, — въ частныхъ неудовольствіяхъ примиства подавать совѣты, — въ частныхъ неудовольствияхъ прими-рять несогласия и распри и заправлять дѣлами хозяйственными²). Опытный другъ, безпристрастный судья и ревностный сотрудникъ, новый проповѣдникъ учения духоборческаго безъ труда, конечно, овладѣлъ умами, предрасположенными уже къ отрицанію всего, имъ отрицаемаго, и въ зимніе большіе вечера, свободные отъ за-нятій, поучалъ, вмѣсто нелюбимаго духовенства, новообращен-ныхъ въ истинахъ своего ученія... О лицѣ этомъ извѣстно также, что оно не имѣло постояннаго жилища и постоянно перемѣняло мъсто своего пребыванія ³), но до конца своей жизни никогда не измъняло образа своего дъйствованія... Что лицо это было первымъ проповѣдникомъ духоборчества въ этой мѣстности, до-вазательствомъ тому служитъ указаніе самихъ духоборцевъ на казательствомъ тому служить указание самихъ духооорцевь на село Охочее, какъ на мѣсто, откуда взялось начало ихъ сек-ты⁴). Ор. Новицкій выражается объ этомъ лицѣ такъ: думаютъ, что это лицо былъ квакеръ, потому что образъ его жизни и правила, какія онъ проповѣдывалъ, совершенно согласны съ ду-хомъ ученія квакерскаго ⁵); церковный же историкъ Филаретъ черниговскій, называя это лицо бродягою, иностранцемъ, прямо, и безъ всякихъ оговоровъ, титулуетъ уже его квакеромъ 6). Мы

^в) Соч. Новицкаго о Духоборцахъ стр. 10.

•) Истор. Русс. церкви Филарета Черниговскаго, 1859 г. Періодъ V, стр. 64.

¹) Досуги Крым. судьи, част. І.

²) Тамъ же.

⁸⁾ Новицкаго о Духоборцахъ, стр. 10.-Досуги Крым. судьи част. І.

⁴⁾ Сумароковъ, путешествовавшій въ конць XVIII стольт., приводятъ (Досуги Крым. судьи, стр. 43) собственное признаніе духоборцевъ харьковскихъ, что болье 60 льть назадъ ихъ секта произошла изъ села «Охочаго». См. Новицкаго о Духоборцахъ, стр. 15 въ примъч.

ВЭСТНИКЪ ВВРОПЫ.

же полагаемъ, что это лицо было нивто иное, кавъ духоборецъ, прибывшій въ Украину изъ Москвы, или сосёдственныхъ съ нею внутреннихъ губерній, и, поселившись въ селѣ Охочемъ половнутреннихъ губерній, и, поселившись въ селъ Охочемъ поло-жилъ здѣсь первое основаніе духоборчеству, и полагаемъ такъ на томъ основаніи, что квакера иностранца, ни въ Москвѣ, ни въ Украинѣ люди русскіе, особливо раскольники, слушать съ до-вѣрчивостію не станутъ, а тѣмъ болѣе трудно думать, чтобы признали его своимъ религіознымъ главою, точно также, какъ сомнительно допустить, чтобы родоначальникомъ молоканъ въ какой-либо мѣстности Россіи былъ лютеранинъ, или протестантъ, т. е. нёмецъ, а не русскій человёкъ. Для успёха какой бы то ни было религіозной пропаганды среди русскаго человёка, какъ ни обло религюзной пропаганды среди русскаго человъка, какъ опытъ неоднократно показалъ, долженъ быть русскій же. Это ъдвали не conditio, sine qua non. Въ досугахъ крымскаго судьи лицо это называется отставнымъ унтеръ-офицеромъ¹). Это очень правдоподобно и довольно естественно, и потому мы полагаемъ, что это былъ на самомъ дѣлѣ отставной унтеръ-офицеръ и по что это оыль на самомь двль отставной унтерь-офицерь и по всей въроятности изъ казачьихъ войскъ, бывшихъ въ Москвѣ, или же просто бѣжавшій изъ войска московскаго казакъ, при-нявшій въ Москвѣ духоборчество и, по принципу ученія духо-борческаго, сочтя войну и службу военную дѣломъ неприлич-нымъ человѣку и запрещеннымъ Богомъ, бѣжалъ въ Украину... Но признавши основателя харьковскаго духоборчества унтеръофицеромъ, мы должны уже будемъ назвать его самого прозели-томъ, т. е. новообращеннымъ въ Москвѣ, а не самостоятельнымъ родоначальникомъ духоборчесства харьковскаго, ибо духоборче-ство есть продуктъ столкновенія раціонализма русскаго съ вваверствомъ, но такого столкновенія, при которомъ раціонализмъ керствомъ, но такого столкновения, при которомъ раціонализмъ отнесся критически къ квакерству, слъдовательно коренные родо-начальники духоборчества неминуемо были люди довольно обра-зованные и систематически сформировавшісся въ свое время ра-ціоналисты, каковымъ унтеръ-офицеру войска быть трудно... А что духоборчество скоръе другихъ привилось къ войску въ Мосвев, особливо казакамъ и раскольникамъ - безпоповцамъ, это объяснимое дёло, и причины этого находятся въ самой догит духоборчества, отвергающаго военную службу; характеръ же на-селенія Украины въ VIII вёкё, описанный нами выше, какъ нельзя больше обезпечивалъ успёхъ всякаго проповёдника духоборчества²)...

682

¹) Досуги Крын. судьи, часть 1, стр. 43. ²) Во всякомъ случаѣ большія подробности явленія духоборчества въ Харьковской губернін, могуть выясниться только чрезь изученіе и опубликованіе матеріаловь

Мы сказали уже, что успёхъ ученія духоборческаго въ селё Охочемъ и окрестностяхъ его обезпечивался населеніемъ селѣ Охочемъ и окрестностяхъ его обезпе́чивался населеніемъ Украины вообще и состояніемъ умовъ этихъ поселенцевъ, а также и отдаленностію этой мѣстности отъ центровъ Россіи и надзора правительственнаго; эти же причины обезпечивали, между про-чимъ, распространеніе духоборчества и по всей мѣстности Украины, составляющей нынѣ Харьковскую губернію. Взглянемъ же поподробнѣе на историческое и этнографическое состояніе въ XVIII вѣкѣ всей мѣстности, составляющей нынѣ Харьков-скую губернію. По границѣ, отдѣляющей нынѣшнюю Харьков-скую губернію отъ Полтавской, жили издавна казаки, оберегав-шіе границы отъ набѣговъ татаръ и жившіе служилые въ пол-ковыхъ и сотенныхъ городахъ гиѣ сосредотонивались разныя ковыхъ и сотенныхъ городахъ, гдё сосредоточивались разныя управленія, а прочее населеніе, занятое земледёліемъ, жило управления, а прочее население, занятое земледълемъ, жило въ «слободахъ» и «хуторахъ,» просторно раскинутыхъ по широкимъ и необозримымъ степямъ¹). Самый городъ Харь-ковъ считаютъ получившимъ начало не ранѣе конца XVIII столѣтія и образовавшимся изъ хутора²). По Харьковской гу-берніи, близъ окрестностей нынѣшняго г. Валковъ издавна проберніи, близъ окрестностей нынёшняго г. Валковъ издавна про-легалъ «Муравскій Шляхъ», самый торный путь изъ Крыма въ Москву и обратно³), что объясняетъ намъ обстоятельство болёе ранняго явленія духоборчества, въ этой мёстности, чёмъ въ другихъ мёстахъ Украины. Близъ нынёшняго гор. Валокъ жили въ началё XVIII в. стрёльцыј⁴), издавна вольный народъ и мятежный при Петрё I, отъ коего бѣжали сюда съ ненави-стію въ душё- къ царской власти и правительству... Нынёшній Изюмскій уёздъ заселенъ былъ украинскими казаками и сопри-косновенными съ ними казаками донскими⁵), которые, при по-ходахъ Петра I на Мазепу въ началё XVIII вѣка подверглись самымъ жестокимъ пыткамъ... Въ мёстности нынёшняго гор. Ле-беляни въ 1709 голу явившейся главнымъ мёстомъ военныхъ бедяни, въ 1709 году явившейся главнымъ мѣстомъ военныхъ приготовленій Петра Великаго противъ Мазепы, населенцы Харь-ковской губерніи были свидѣтелями длиннаго ряда страшныхъ вазней, произведенныхъ по приказанію Петра I: колесованій,

⁵) Гербеля, Изюмскій полкъ, стр. 49 — 52.—Городскія поселевія т. II, стр. 140.

хранящихся въ архивахъ московскихъ начала XVIII столътія и въ дълахъ харьковскихъ присутственныхъ местъ, какъ-то: полковыхъ судовъ, духовныхъ архіерейскихъ канцелярій начала XVIII вёка и т. под.

^{&#}x27;) Гербеля, Изюмскій полкъ, стр. 13-

²) Молодинъ 1842 г. стр. 17.-Зуева путешествія и записки, стр. 187.

Э) Татищева, Истор. Россійск. т. V, стр. 423. — Карамзина. Ист. Госуд. Рос.
 т. VIII, примъч. 443.

⁴⁾ Акты Археол. Экспед. т. IV, № 280.

четвертованій, сажанія на колъ, вѣшанія и нещаднаго рубленія головъ... Вины соучастниковъ отложенія отъ Москвы, по свидѣтельству лѣтописцевъ, изыскивались отъ вынужденнаго признанія ихъ самихъ, и тому надежнымъ средствомъ служило похвальное тогда таинство пытки, которой догмать и понынѣ извѣстенъ изъ русской пословицы: «кнуть не ангелъ, души не вынетъ, а признание скажетъ», и которая производима была со всею аккуратностію и по узаконенію соборнаго уложенія, сиръчь степенями и по порядку, батожьемъ, кнутомъ и шилою, т. е. разженнымъ желѣзомъ, водимымъ съ тихостію или медленностію по тѣламъ человѣческимъ, которыя отъ того кипѣли, шкварились и воздымались 1). Прошедшій одно испытаніе поступаль во второе, а кто всёхъ ихъ не выдерживалъ, таковый почитался за вёрное виновнымъ и веденъ въ казнь, и пострадало такимъ образомъ однихъ непревозмогшихъ таковыхъ уроковъ пытки до 900 человъкъ 2). Идея царя послъ этихъ событий, понятно, проиграла въ Украинъ все, что скръпляетъ съ нею умъ и убъждение лю-дей, что подмътилъ и Карлъ XII, когда, прибывъ въ Украину, разослалъ прокламаціи, что пришелъ защищать казаковъ отъ насилій и жестокостей царя ³)... Мёстность нынёшняго уёзднаго города Сумы заселена была, въ началё XVIII вёка, выходцами изъ-за Днѣпра отъ религіозныхъ и политическихъ притѣсненій ⁴) и во время погромовъ Петра I и движенія его войскъ страшно потерићла въ своемъ благосостояни ⁵), и получила, конечно, далеко невыгодное понятіе о правительственной идеѣ... Около г. Сумъ въ 1708 г., когда явились шведы въ Малороссію, стя-нуты были русскія войска и долго находился самъ Петръ I, от-стаивавшій, по выраженію своихъ манифестовъ 1709 года, благочестіе православной церкви и православной вѣры, давно не-жалуемой казаками - раскольниками ⁶), чему немногіе изъ рас-кольниковъ внимали. Мѣстность нынѣшняго г. Бѣловодска населена была бъглыми крестьянами, рейтарами и другимъ народомъ,

⁵) Историко-статист. описан. Харьк. епарх. ч. III, стр. 330.

684

¹) Конисскаго, Исторія руссовъ стр. 212.—Маркевича Исторія М. Россін. Т. П. стр. 480.

²) Тамъ же.

^в) Чтеніе Москов. Общ. Истор. 1859 г. кн. І, стр. 194 — 196, 215 — 221.—Ригельмана Лѣтоп. повѣсть кн. III, стр. 69 — 77.

⁴⁾ Чтен. Моск. Общ. Истор. 1847 г. кн. VIII. Зарульскаго прилож. 17.—Топографич. онис. Харьк. намъсти. стр. 153. — Историко-статистическое опис. Харьк. спар. ч. III, стр. 281.—Матеріалы для стат. Россін 1839 ч. III, стр. 101.

^{•)} Чтен. Моск. Общест. Истор. 1859 г. кн. I, стр. 194 — 221. — Ригельмана кн. III, стр. 69 — 77.

селившимся безъ государева указа и принимавшимъ участіе въ возмущеніяхъ донскихъ казаковъ, за что по усмиреміи Була-вина, 1708 г., населенія эти и были, по приказанію Петра I, разорены, выжжены и оставлены впусть ¹), что не оставило, вонечно, пріятныхъ воспоминаній во всей м'єстности на долго послѣ этого всеразрушающаго событія... Мёстность нынёшняго г. Бёлополья, заселенная выходцами заднѣпровскими 2), была свидѣтельницею страшнаго насилія пом'єстнаго приказа при Б. П. . Шереметьевь. Путивльскіе помѣщики закрѣпостили разными насиліями множество свободнаго населенія, которое, забунтовавъ, перешло въ казакамъ. Помъстный приказъ предписалъ путивльскому воеводѣ привесть крестьянъ въ повиновеніе плетьми и батогами нещадно, чтобъ «другимъ было не повадно»... Притѣсняемые разбѣжались; вообще же все заволновалось, и дѣло кончилось уже при Я. Ө. Долгоруковь, воеводь Былородскомь, съ явнымъ результатомъ, что погромъ правительственный произведенъ былъ незаконно³)... Идея правительственной регламента-ціи была, такимъ образомъ, во всей огромной мъстности Бълопольской сильно подорвана... Мёстность нынёшняго Славянскаго убзда, изобиловавшая соляными варницами, а слёдовательно населенная народомъ промышленнымъ, ѣздившимъ въ разныя мѣста для торговли солью, представляла собою элементы далеко не спокойные. Еще во второй половинѣ XVII вѣка, когда Брюховецкій задумаль отдёлиться отъ Россіи и приглашаль къ тому украинскихъ и донскихъ казаковъ, то жившіе на соляныхъ Торскихъ озерахъ перебили русскихъ приказныхъ людей⁴) и долго не хотѣли потомъ принять воеводу русскаго Маслова 5). Правительственною грозою всей описанной нами мѣстности, составляющей нынь Харьковскую губернію, была Чугуевская крѣпость, огромное население которой занималось съ большимъ успѣхомъ садоводствомъ, при зачисленіи Чугуева въ военныя поселенія 6), разб'яжалось по Украин'я и долго не могло простить правительству совершеннаго истребленія и вырубленія имъ преврасныхъ садовъ, составлявшихъ, во всякомъ случав, частную собственность мирныхъ жителей... Если мы прибавимъ ко

¹) Город. Посел. т. І, стр. 438 — 440.

²) Историко-статист. опис. Харьк. епар. ч. III, стр. 407 — 414.

⁵) Тамъ же ч. III, стр. 422 — 424.

⁴⁾ Танъ же ч. У, стр. 126.

⁵) Акты Археол. Экспед. т. IV, № 280.—Истор. статис. опис. Харьк. епар. ч. V, стр. 127.

^{•)} Военно-статиствч. опис. Харьковс. губ. стр. 250 — 260. — Мочульскаго. Ист. стат. опис. Харьк. епар. ч. IV, стр. 65 — 92.

Томъ V. - Октябрь, 1868.

всему этому полное отсутствіе высшаго духовнаго надзора надъ всею Украиною и въ частности надъ мѣстностію, составляющею нынѣ Харьковскую губернію (потому что все огромное пространство южныхъ губерній и Украины до конца XVIII вѣка чисилось принадлежащимъ къ двумъ епархіямъ, Казанской и Астраханской ¹), совершенную малочисленность и безвліятельность духовенства на пространныя мѣстности Харьковской губерніи, по большей части заселенныя хуторами и уметами, — то поймемъ, что распространеніе духоборчества по Харьковской губерніи изъ села Охочаго не представляло никакихъ препатствій...

Замѣчательно, что духоборчество съ особенною легкостію привилось въ Украинѣ, куда, между прочимъ, загнала его и строгость законовъ. Молоканство же, какъ пропаганда болѣе тихая и спокойная, въ началѣ XVIII вѣка менѣе гонимое сравнительно съ духоборчествомъ за признаніе царя и властей, нашло себѣ пріютъ преимущественно во внутреннихъ губерніяхъ, какъ напримѣръ Курской, Пензенской, особливо же Тамбовской губерніи. Въ нынѣшней же Харьковской губерніи, напримѣръ, до XIX вѣка мы встрѣчаемъ самые малые слѣды молоканства.

III.

Этногеографическое состояніе Екатеринославской губерній въ XVIII въкт. — Начало азовскаго духоборчества. — Духоборцы села Никольскаго. — Силуянъ Колесниковъ и его значеніе въ исторіи екатеринославскаго духоборчества. — Преемники учительства Колесникова.

Нынѣшняя Екатеринославская губернія издавна была «Землею вольностей славнаго запорожскаго низоваго войска», и во все продолженіе существованія этого войска, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ, когда запорожцы состояли въ подданствѣ крымцевъ, главнымъ мѣстомъ ихъ управленія. Сѣчъ устроивалась всегда въ предѣлахъ екатеринославскихъ²). Съ учрежденіемъ, 1764 г., Новороссійской губерніи и уничтоженіемъ въ 1775 г. запорожскаго войска, въ составъ новой губерніи вошла запорожская сѣчь и земли новой Сербіи³). Въ 1775 г., вслѣдствіе новыхъ пріобрѣтеній отъ Турціи, повелѣно было учредить Азов-

¹) Полн. Собр. Зак. т. П, стр. 363. — А. Щапова, Русс. раск. старобрядч. 1859 г. стр. 356.

²) Скальковскій, Истор. Новой Сѣчи. Часть II, стр. 1-24, 55-66.

³) Пол. Собр. Зак. Т. XVI, № 12,099.—Скальковскій, Ист. Новоросс. края. Ч. 1. стр. 119.

скую губернію, въ которую вошли города: Азовъ, Ростовъ, Таганрогъ, Черкаскъ, всѣ жилища войска донского, новая Днѣпровская линія, Керчь и Еникуль, Бахмуть и Славяносербія ¹). Въ 1784 г., изъ нынѣшней Екатеринославской губерніи образовано было екатеринославское намъстничество съ 15-ю уъздами²), а въ 1796 г., вмѣсто Екатеринославской губерніи учреждена Новороссійская съ 12-ю убздами 3), раздбленная въ 1802 г. на три новыя губерніи, Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую 4). На мѣстѣ нынѣшняго Верхнеднѣпровска былъ, въ началь XVIII выка, Запорожский Зимовникь, по обывновению, укрѣпленный, и при этомъ Зимовникѣ, съ 1780 г. учреждено было селение отставныхъ семейныхъ солдатъ, возраставшее до 1809 г. 5) Въ мъстности г. Новомосковска до 1711 г. на урочищѣ «Соровъ-боераковъ» высилась крѣпость Усть-Самарская, окруженная запорожскими хуторами, въ 1736 г. возобновленная графомъ Минихомъ, подъ названіемъ Самарскаго ретраншемента⁶), и сдѣлавшаяся, при возвращеніи запорожцевъ вновь подъ власть Россіи, главнымъ мъстомъ полкового округа 7). Въ нын шнемъ Павлоградскомъ убздъ, во второй половинъ XVIII в., явились колоніи изъ англійскаго гарнизона⁸), поселеннаго между казаками, и именно въ то время, когда 1782 г., послѣ тяжелой семильтней осады, испанцы овладьли портомъ Магономъ, на островѣ Миноркѣ, и немногочисленный гарнизонъ англійскій, удалившійся изъ Магона, обратился съ просьбою къ императрицѣ Екатеринѣ о водвореніи его въ Новороссійскомъ крађ⁹). Когда, въ маћ 1784 г., переселенцы эти прибыли въ -Херсонъ, то Потемкинъ изъ нихъ военныхъ причислилъ къ херсонскому гарнизону, мастеровыхъ оставилъ въ Херсонѣ, а желающихъ заняться земледѣліемъ — водворилъ въ шведской колоніи близъ Бериславля 10), но, по просьбѣ шведовъ, вскорѣ корсиканцы были выведены изъ ихъ колоніи и поселены въ Павлоградѣ, переименованномъ въ Павловскую слободу ¹¹). Въ поло-

- ¹) Пол. Собр. Зак. Т. XX, № 14,252,
- ²) Тамъ же. Т. XXII, № 15,910.
- ³) Тамъ же. Т. XXIV, № 17,634.
- 4) Тамъ же. Т. XXVII, № 20,449.
- •) Скальковскій, Истор. Нов. Рос. Ч. П. стр. 143.
- •) Собр. госуд. грам. и договор. Ч. IV, стр. 605.
- 7) Скальковскій, Истор. Нов. Росс. Ч. І, стр. 136—179.
- в) Гор. Пос. въ Рос. имп. С.-Петерб., 1861 г. Т. П, стр. 149.
- •) Шлоссеръ, Истор. XVIII стол. Т. IV, стр. 228-271.
- 10) Скальковский, Ст. Нов. Росс. Т. I, стр. 271.
- 11) Зап. одесск. общ. Истор. и Древ. Т. Ш, стр. 114—115. Digitized 14. - 009

въстникъ ввропы.

винѣ же XVIII стол., когда начали переселяться въ Россію изъ Турціи и Австріи славяне, въ нынѣшнемъ Славяносербскомъ уѣздѣ поселились сербы, образовавъ особый округъ, названный Славяносербіею и переименованный, въ 1764 г., въ Екатерининскую провинцію Новороссійской губерніи ¹), а въ Маріуцольскомъ уѣздѣ поселились выселившіеся изъ Крыма греки, потомки древнихъ греческихъ колонистовъ²) и крымскіе армяне, размѣщенные между Азовомъ и Ростовомъ, вокругъ урочища Полуденки, по теченію рѣчки Чалтырь, и образовавшіе впослѣдствіи изъ своихъ поселеній даже цѣлый городъ Нахичевань³).

Въ такомъ-то враю и среди такого населенія явилось, въ XVIII столѣтіи, духоборчество, и явилось прежде всего въ врѣпости Азовской, нынъ посадъ Екатеринославской губернии, и именно съ того времени, съ котораго стали присылаться сюда ссыльные изъ Москвы и разныхъ губерній, а мѣстомъ ссылки Азовъ сдѣланъ былъ еще съ 1699 г., когда 1 іюля повелѣно было володнивовъ, «которые по дёламъ нынѣ есть и впередъ получатся изъ мастеровыхъ и посадскихъ людей, и въ смертной казни они по тёмъ дёламъ не надлежатъ, посылать въ Азовъ съ женами и съ дътьми и съ ихъ пожитки на въчное житье 4)». Съ 1701 г. повелёно было гречанъ цареградскихъ и иныхъ тамошнихъ и малороссійскихъ городовъ жителей пропускать въ Москву съ товарами и сказать имъ великаго государя указъ, чтобъ они и впередъ вздили съ товарами; для чего и учреж-дена была ярмарка въ Азовъ съ Петрова дня ⁵). Вотъ уже въ первыхъ годахъ XVIII ст. было, тавимъ образомъ, два пути къ соединенію Азова съ Москвою и внутренними россійскими губерніями, а слёдовательно, между прочимъ, и къ переселенію религіозныхъ вольномыслій Москвы и другихъ городовъ временъ Петра I, въ Екатеринославскую губернію⁶). Въ 1703 г. пове-лёно было, за бунтъ, измёну и душегубство казнить смертію, а воторые люди явятся опричь сихъ винъ, тъхъ ссылать на ваторгу въ врѣпость Азовскую 7), которая только съ 1810 г. была

¹) Тамъ же. Т. I, стр. 372-374.

²) Скальковский, Ст. Нов. Росс. Т. I, стр. 272—277.—Зан. одееск. общ. Ист. в Древ. Т. I, стр. 201.

³) Скальковский, Истор. Нов. Рос. Часть 1, стр. 139. Статист. Истор. Часть 1, стр. 285-287.

4) Пол. Собр. Зак. Т. III, № 1690.

⁵) Тамъ же. Т. IV, № 1826.

⁶) Тамъ же. Т. IV, № 1951.

⁷) 1708 г. 18 дек., при раздълени России на 8 губерний, г. Азовъ сдъланъ былъ главнымъ городомъ Азовской губернии, которая завъдывала всъмъ югозападомъ тогдашупразднена¹). Не встрѣчая ясныхъ указаній на годъ появленія въ Азовѣ духоборстка мы тѣмъ не менѣе, основываясь на донесеніи екатеринославскаго губернатора, что духоборцы явились здѣсь съ того времени, съ котораго стали присылаться въ крѣпость ссыльные изъ Москвы и разныхъ губерній, полагаемъ, что одни изъ первыхъ, открытыхъ въ Москвѣ духоборцевъ, сосланы были въ Азовъ, было ли это при жизни Петра I, или по смерти его, потому что вся исторія заселенія Азова ссыльными показываетъ, что эта крѣпость была опредѣлительнымъ и спеціальнымъ пунктомъ ссылки въ неё духоборцевъ съ самаго начала и до конца XVIII ст. Такимъ образомъ, явленіе въ Азовѣ духоборцевъ никакъ не могло быть позже явленія харьковскихъ духоборцевъ, и, по всей вѣроятности, было на Украинѣ, какъ ссыльное изъ Москвы, самое раньшее.

Между тёмъ, какъ Азовская крёпость принимала въ себя самыхъ первыхъ духоборцевъ изъ внутри Россіи по качеству ссыльныхъ, въ селё Никольскомъ²) духоборчество, около 1740 г., жило уже какъ пропаганда³). Тутъ дъйствовалъ одинъ изъ усерднѣйшихъ его проповёдниковъ, который считается въ памяти народной у екатеринославскихъ духоборцевъ мёстнымъ родоначальникомъ екатеринославскаго духоборчества, и на котораго, состоявшіе подъ слёдствіемъ въ 1791 г. екатеринославскіе духоборцы, указали въ своемъ исповёданіи вёры, поданномъ екатеринославскому губернатору Каховскому, какъ на основателя екатеринославскаго духоборчества ⁴). Лицо это называлось Силуаномъ Колесниковымъ.

Силуанъ Колесниковъ, происходившій, по всей вѣроятности, изъ казаковъ екатеринославскихъ, былъ человѣкъ грамотный, что составляло большую рѣдкость въ то время, и что даетъ намъ право догадываться, во-первыхъ, что онъ перенялъ духоборче-

ней Россін. Въ составъ ся были внесены недавнія завоеванія Петра I по взморыо азовскому, жилища донскихъ казаковъ, вся нынѣшняя Воронежская губернія и часть губерніи Пензенской, Тамбовской, Курской, Харьковской, Рязанской, Тульской, Орловской и Екатеринославской. Къ Азовской губерніц было приписано 77 городовъ и пригородовъ. (Пол. Собр. Зак. т. IV, № 2218).

¹) См. Городскія поселенія Россійск. ямп. С.-Петерб. 1861 г., т. II, стр. 160. Нынѣ Азовъ есть не что иное, какъ посадъ Екатериносл. губернін. См. Списокъ насел. мѣст. Екатер. губ. 1863 г., стр. 112.

³) См. Новицкаго о духоборцахъ. Стр. 7. Haxthausen, Studien Russlands. Band. I, 343. — Истор. русс. церк. Филар. черниг. Періодъ V, стр. 64.

³) Новицкаго о духоборц. Стр. 15, въ примѣчаніи.-Ист. русск. церк. Филарета. черниг. Періодъ V, стр. 64.

•) Новицкаго о духоборцахъ, стр. 7.—Нахthausen, Studien Russlands. В. 1.—Ист. русск. церкви Филарета черингов. Періодъ V, стр. 64. <page-header><page-header><page-header>

²) Донесеніе екатериносл. губернатора министру ви. діль.

¹) Тамъ же.

значеніе Силуана Колесникова въ исторіи екатеринославскаго духоборчества, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ огромное уваженіе къ его памяти екатеринославскихъ духоборцевъ, сохранившееся и доселѣ, и слава его среди духоборцевъ Екатеринославской губерніи такъ же и понынѣ велика, какъ слава Побирахина среди духоборцевъ Тамбовской губерніи, или Капустина на Молочныхъ-водахъ.... На огромное значеніе Колесникова для екатеринославскихъ духоборцевъ указывали и сами духоборцы, судившіеся въ 1791 г. за исповѣданіе своей секты ¹). Принятая въ духоборчествѣ отъ квакеровъ вѣра во внутреннее просвѣщеніе отъ Бога-Слова, обитающаго въ душѣ каждаго

Принятая въ духоборчествѣ отъ квакеровъ вѣра во внутреннее просвѣщеніе отъ Бога-Слова, обитающаго въ душѣ каждаго человѣка и дѣлающая излишнимъ внѣшнее откровеніе, естественно указывала на необходимость въ сектѣ духоборческой лицъ, особенно просвѣщенныхъ отъ Бога-Слова и слѣдовательно долженствующихъ быть наставниками, руководителями и истолкователями премудрости внутренняго Бога-Слова для менѣе просвѣщенныхъ²). Отсюда образовалось въ сектѣ духоборческой особое сословіе учителей, нѣчто въ родѣ особыхъ помазанниковъ внутренняго Бога-Слова, и пророковъ, къ числу коихъ принадлежалъ и Силуанъ Колесниковъ... Такимъ учителямъ естественно было, по догмѣ и въ собственныхъ интересахъ, стремиться и къ утвержденію этого права въ своемъ родѣ, отсюда въ сектѣ духоборческой явилось и преемство учительскаго и пророческаго служенія. Силуанъ Колесниковъ такъ и поступилъ, утвердивъ преемство служенія учительскаго въ своемъ родѣ... При смерти своей право учительства онъ передалъ сыновъямъ своимъ, Кириллу и Петру Колесниковъмъ³), которые и удержали это право за собою во всю свою жизнь.

IV.

Причины безпрепятственнаго распространенія духоборчества, пропов'яданнаго Колесниковымъ. — Первые сл'яды правительственной кары скатеринославскаго духоборчества. — Увеличеніе количества азовскихъ духоборцевъ чрезъ высылку ихъ изъ внутреннихъ губерній. — Образъ жизни и религіозное состояніе азовскихъ духоборцевъ.

Какимъ образомъ спасся родъ Колесниковыхъ, при своей профессіи пропагандистовъ, отъ правительства, и какимъ образомъ

¹⁾ Новник. о духоборцахъ, стр. 9, исповѣд. вѣры духоборческой, поданное екатеринославскому губернатору Каховскому въ 1791 г.

²) Прав. Собесѣд. 1858 г. кн. III, стр. 43.

³) Haxthauzen, Studien Russlands B. I. — Донессние скатеринослав. губернатора. министру внутр. даль.

послѣдователи ученія Силуана Колесникова и его сыновей безпрепятственно разростались въ особое религіозное общество, такъ что только въ концѣ XVIII столѣтія мы встрѣчаемъ первые примѣры правительственной кары екатеринославскихъ духоборцевъ, рѣшить этотъ вопросъ было бы труднѣе, если бы мы не знали, что Силуанъ Колесниковъ проповѣдалъ и завѣщевалъ своимъ послѣдователямъ, между прочимъ, одну изъ самыхъ практическихъ истинъ. Онъ научилъ духоборцевъ екатеринославскихъ наружно неуклонно покоряться постановленіямъ церкви и правительства, въ какой бы губерніи и странѣ имъ не случилось жить, въ Польшѣ покоряться властямъ польскимъ и религіи католической, въ Россіи — православной, въ Турціи и Персіи магометанской религіямъ, и только Капустинъ уже запретилъ это впослѣдствіи екатеринославскимъ духоборцамъ, выселившимся на Молочныя-воды, боясь, чтобы наружное раздраженіе чувства посредствомъ обрядности не соблазнило какъ-нибудь духоборцевъ и не увлекло къ отступничеству ¹).

Вотъ почему, между прочимъ, первые слѣды правительственной кары екатеринославскаго духоборчества мы встрѣчаемъ только въ концѣ XVIII столѣтія, именно въ 1791 году, когда за открытое проповѣданіе противъ власти нѣкоторые изъ неосторожныхъ духоборцевъ подпали суду при екатеринославскомъ губернаторѣ Каховскомъ²), и когда въ 1799 году 31 человѣкъ за гласное проповѣданіе, что высшія власти въ государствѣ ненужны, заключены были въ оковы какъ возмутители общественнаго порядка и сосланы въ Екатеринбургъ на-вѣчно для разработки рудниковъ и для употребленія ихъ скованными на самыя тагчайшія работы, «дабы, какъ сказано было въ высочайшемъ указѣ³), сіи духоборцы, отвергающіе вышнюю власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ постановленную, возчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе»⁴).

Между тъмъ, въ то время, когда Силуанъ Колесниковъ самостоятельно образовывалъ духоборческія религіозныя общины въ Екатеринославской губерніи, въ Азовъ прибывали на казенный счетъ духоборцы изъ внутреннихъ губерній въ качествь

¹⁾ Haxthausen. Band 1.

²) Новицкаго о духоборцахъ, стр. 7-8.

³) Систем. св. Зак. 1821 г. стр. 87, указъ 1799 года 28-го августа.

^{•)} Собран. постановл. по части раскола, состоявшихся по ведомству св. сниона, стр. 771. Указъ 28-го августа 1799 года.

ссыльныхъ... Таковыми были напр., въ 1760 годахъ, тамбовскіе духоборцы, сосланные въ Азовъ за свое вѣроисповѣданіе изъ слѣдующихъ мѣстъ: а) Тамбовскаго уѣзда изъ села «Лысыхъ горъ» Солдатская Слободка тожъ¹). Лица эти были: однодворецъ Иванъ Романовъ Суздальцевъ 89-ти лѣтъ, съ женою Прасковьею Антиповою 73-хъ лътъ и дочерью Ананьею 28-ми лътъ. Всъ они сосланы были на фортификаціонную работу, гдѣ и находились 7 лётъ, а послё указомъ правительствующаго сената освобождены и поселены при крѣпости Азовской до ревизіи, безъ платежа въ казну податей, въ ревизіи же 1782 года записаны въ азовскіе мѣщане, изъ коего званія Иванъ Романовъ взятъ въ Новодонской казачій полкъ, где прослуживъ 7-мь лётъ, уволился наконецъ, съ паспортомъ на свое пропитание²); б) Тамбовскаго увзда изъ села «Духовки» однодворецъ Дмитрій Бур-линъ 83-хъ лётъ, сосланъ былъ тоже въ фортификаціонную работу, но по способности выбранъ въ военную службу и опредъленъ въ Алексъевский мушкатерский полкъ, изъ коего потомъ и уволенъ съ паспортомъ на свое содержание 3); в) Тамбовскаго же увзда изъ села «Куксова» однодворцы Леонтій Астафуровъ 82-хъ лютъ, съ женою Ефросиньею Елисвевою 79-ти лютъ, дочерью Пелагеею 53 льть, сыномъ Никитою 48-ми льть и женою Никиты Агафьею 53-хъ лётъ, сосланы были на фортификаціонную же работу, откуда Леонтій Астафуровъ, по способности, былъ выбранъ въ военную службу и опредѣленъ въ Полтавскій полкъ, изъ коего впослѣдствіи и былъ уволенъ съ паспортомъ на свое содержаніе въ Тамбовскую губернію, гдѣ и умеръ⁴). Въ 1769 году въ Азовъ сосланы были духоборцы и изъ Воронежской гу-берніи, изъ слёдующихъ мёсть: а) Козловскаго уёзда села «Жидиловки» однодворецъ Поповъ съ женою своею Мареою Трофимовою 53-хъ лѣтъ, на фортификаціонныя работы ⁵), откуда, по способности, взятъ былъ въ военную службу и опредѣленъ въ 1-й Азовскій гарнизонный баталіонъ, гдѣ впослѣдствіи и умеръ; б) изъ того-жъ убзда и села однодворецъ Ефимъ Тимоееевъ Амагинъ 99-ти лёть, съ женою своею и сестрою Настасьею Васильевою 78-ми лёть, сосланы были на фортификаціонную же

^{&#}x27;) Донесеніе екатер. губернатора гр. Берга министру внутр. дель.

²) Тамъ же.

³) Тамъ же.

^{•)} Тамъ же.

⁵) Работы фортнфикаціонныя для укрѣпленія стѣнь и обороны крѣпости съ 1696 года, т. е. со взятія Азова Петроиъ I у турокъ, непрерывно продолжались въ Азовѣ до тѣхъ поръ, пока турки были грозными сосъдями Россіи. Для этихъ-то работъ ш учотреблялись, между прочимъ, ссыльные изъ внутреннихъ губерній.

работу, гдѣ и находились 7 лѣть, а потомъ указомъ правительствующаго сената освобождены и поселены при кръпости Азовской, гдѣ жили до ревизіи безъ платежа въ казну податей, а въ ревизію 1782 года записаны въ азовскіе мъщане, изъ коихъ впоследстви Ефимъ Тимоееевъ переписанъ въ Новодонской казачій полкъ, гдѣ, прослуживъ 7 лѣтъ, уволенъ отъ службы съ паспортомъ и снова поселился въ крѣпости Азовской ¹); в) Карповскаго убзда изъ слободы «Заворонежской» однодворецъ Яковъ Романовъ Черейковъ 78-ми лътъ, съ женою своею Еленою Петровою 63-хъ лътъ и дочерью Матреною 43-хъ лътъ, сосланы были на тужъ фортификаціонную работу, гдѣ Яковъ Романовъ, по способности, выбранъ былъ въ военную службу, въ Волгонскій мушкатерскій полкъ, изъ коего, потомъ, и уволенъ съ паспортомъ на свое содержание 2); г) Дъвичина увзда села «Хохла» однодворецъ Семенъ Васильевъ Гудковъ 83-хъ лётъ, сосланъ быль тоже на фортификаціонную работу, откуда, по способности. выбранъ былъ въ мушкатерский полеъ, и д) Козловскаго убзда села «Жидиловки» Захаръ Пичугинъ съ женою Лукерьею Ларіоновою 48-ми лёть, и сыномъ Даніиломъ 18-ти лёть, присланы были на фортификаціонныя же работы, гдѣ Захаръ Пичугинъ, по способности, былъ выбранъ въ военную службу и опредъленъ въ Алексвевский мушкатерский полкъ, а потомъ за неспособностию выписанъ былъ въ Азовскій гарнизонный баталіонъ, изъ воего 1798 года и уволенъ съ паспортомъ на свое содержание въ крѣпость Азовскую, а сынъ его поступилъ въ инженерную азовскую команду кондукторомъ 3). Въ концъ XVIII столътія въ кръпости Азовской находилось 38 душъ духоборцевъ обоего пола, изъ коихъ, между прочимъ, состояло на службъ: одинъ унтеръ-офицеръ гарнизоннаго баталіона, одинъ кондукторъ инженерной команды, одинъ капралъ, 2 солдата, 3 казака и одинъ фельдшерь; прочіе же были переселенцы разныхъ сословій изъ разныхъ́губерній 4).

По свойству всякой пропаганды духоборцы, присылаемые въ ссылку на работу въ Азовскую врёпость, естественно старались имёть вліяніе на азовскихъ жителей и склонять ихъ къ принятію своей догмы. Такъ оно и было! Поселенцы Азова изъ православныхъ нерёдко переходили въ духоборческую севту и однажды даже вдругъ 15-ть человёкъ мёщанъ города Азова, по-

4) Tant me.

694

¹) Донес. екатерии. губери. фонъ-Берга министру внутрен. дълъ.

²) Тамъ же.

⁸) Тамъ же.

слѣ долгаго сврыванія себя, объявивши себя духоборцами, перестали принимать духовенство, ходить въ церковь и пускать въ оную своихъ дѣтей ¹). При такомъ способѣ увеличенія духоборчества въ Азовѣ, тѣмъ не менѣе часто встрѣчался недостатокъ въ дѣвкахъ, которыхъ неоткуда было брать, чтобы составить браки для молодыхъ мужчинъ. Духоборцы отъѣзжали для этого разновременно въ Россію и вывозили оттуда изъ духоборческихъ обществъ, особливо изъ Тамбовской губерніи, дѣвицъ, а иногда приглашали при этомъ мужиковъ и бабъ, которыя терпѣли преслѣдованія властей въ своихъ мѣстахъ ²). Обрядъ секты азовскихъ духоборцевъ, по описанію коменданта Азовской крѣпости ³), заключался только въ пѣніи въ домахъ, которые замѣняютъ у нихъ церковь, псалмовъ изъ псалтиря и пророковъ такимъ тономъ, какъ будто нищіе; постовъ они не соблюдали, особыхъ мѣстъ для отправленія богослуженія не имѣли; лицъ, которыя бы исправляли должности священниковъ, не держали, и браки совершали сами по благословенію, называя жонъ своихъ вообще помощницами⁴).

v.

Върованія духоборцевъ. — Исповъданіе въры, поданное духоборцами екатеринославскому гражданскому губернатору Каховскому въ 1791 году. — Характеръ исповъданія. — Отвъты духоборцевъ, данные на оффиціальныхъ допросахъ. — Исчерпывають ли эти отвъты все въроученіе духоборцевъ? — Политическія тенденціи духоборцевъ. — Измъненіе ихъ впослъдствін.

Духоборцы не любять письменнаго изложенія вёры, считая это не нужнымъ. Впрочемъ мы имёемъ подъ руками исповёданіе вёры, поданное ими екатеринославскому гражданскому губернатору Каховскому въ 1791 году. Систематическій порядокъ въ изложеніи предметовъ, нёкоторыя латинскія слова, ссылки на латинскія пословицы и русскіе стихи, тексты священнаго писанія, заимствованные изъ иностранныхъ переводовъ, наконецъ мысли и сужденія самыя тонкія, хотя не свободныя отъ заблужденія, обличаютъ въ сочинителё сего исповёданія школьнаго грамотём и человёка образованнаго... По сходству нёкоторыхъ мнёній, изложенныхъ въ исповёданіяхъ вёры духобор-

¹) Тамъ же.

²) Донесеніе архієп. екатер. Аванасія екатер. губер. въ дълъ 1805 № 4.

³) Донесеніе полковн. Юношевскаго, коменданта Авовской крёпости, екатер. губернатору.

⁴⁾ Тамъ же.

цевъ вообще, напрасно мы будемъ производить духоборцевъ отъ древнихъ гностиковъ, манихеевъ и тому подобныхъ. Основательнъе искать начало духоборцевъ не далъе тъхъ временъ, когда обломки восторженныхъ религіозныхъ умствованій, послѣ реформы Лютера, достались наконець мечтателямь и простолюдинамь, которые въ свою очередь богословствовали, учили и созидали новыл мечтательныя секты. Можеть быть изъ мистицизма Бема, не всёмъ доступнаго и понятнаго, было вынуто первое сёмя духоборства; можетъ быть, начало ему дала одна изъ тъхъ мечтательныхъ сектъ, которыя явились среди самихъ реформистовъ. Сѣмя это было перенесено на русскую землю въ то время, когда раціонализыть на Руси вообще развился и созр'яль, особливо со временъ «жидовствующихъ», Башкина, Тверитинова и дру-гихъ, и когда иностранцы, почти безъ разбора, вызывались сюда или прібзжали сами, разсбевая рапіонализмъ западный съ смёсью новыхъ искажений, и разнося его во многія мъста имперіи ¹). Всѣ наши севты коренного русскаго начала, болѣе или менѣе, основаны на наружномъ богопочтении и стремятся къ сохраненію онаго; всѣ, напротивъ, секты иностраннаго происхожденія посягають на совершенное уничтожение видимой церкви; это же послѣднее замѣчаемъ и у духоборцевъ. Духоборцы не имѣютъ въ цёломъ составё св. писанія, а употребляють только нёкоторыя его псалмы и выраженія, которыя кажутся соотвѣтствующими ихъ видамъ. Лучше сказать: духоборцы отвергаютъ св. писаніе, отзываясь, что они не нуждаются въ письменномъ словѣ, а имѣютъ книгу животную, которая всему ихъ учитъ... Для однихъ лишь религіозныхъ предметовъ они употребляютъ нъкоторые псалмы и выраженія св. писанія; послёднія большею частію взяты отдёльно, безъ всякой связи и взаимнаго соотношенія.

Главный и единственный не политическій догмать, въ которомъ сосредоточивается все ученіе духоборцевъ, есть самообольщеніе, что они будто бы достигли и находятся въ верховномъ состояніи благодати, — и каждый изъ нихъ, содѣлавшись хра-

696

¹) Въ 1689 году, напр., иностранецъ Квиринъ Кульминъ проповѣдывалъ въ Моствъ ученіе Бёма и былъ тамъ сожженъ. По сему случаю изданъ, 29 октября тогоже года, указъ о наблюденіи за пріѣзжающими въ Россію иностранцами. Послѣ явилось ученіе кальвинское, упорно защищаемое стръльцами подъ начальствомъ лекаря Дмитрія Тверитинова, осужденнаго съ сообщниками на послѣднемъ россійскомъ соборѣ въ 1714 году. Съ 1715 года открылись первые зародыши ученія, близко подходящаго къ сектѣ квакеровъ, которое впослѣдствіи полиѣе раскрылось въ толкахъ стрѣдьца Дупкина, и обнародовано правительствующимъ синодомъ, въ указѣ 7 августа 1731 года.

момъ Божіимъ, имѣетъ въ себѣ присутствіе, въ большей или меньшей степени, святыя Троицы. Нужны были видимыя ея явленія—и духоборцы толкуютъ, что Богъ Отецъ есть.—память, Богъ Сынъ — разумъ, Богъ Духъ Святый — воля. Память, ра-зумъ и воля находятся въ каждомъ духоборцѣ; слѣдовательно каждый изъ духоборцевъ имѣетъ и св. Троицу. Достигнувъ столь легкихъ способовъ высшаго духовнаго совершенства, или благо-датнаго состоянія, они отвергаютъ видимую церковь со всею ея неудовлетворительною іерархіею и всѣми ея таинствами, обря-дами и богослуженіемъ, какъ излишнюю, поелику болѣе не нуж-даются въ средствахъ вспомогательныхъ. Посему духоборцы ве-личаютъ себя высокимъ именемъ чатъ или слюдей Божіихъ. ¹ даются въ средствахъ вспомогательныхъ. посему духосорцы ве-личаютъ себя высокимъ именемъ чадъ или «людей Божіихъ» ¹) и думаютъ, что они обладають духовнымъ помазаніемъ, или, по словамъ ихъ, книгою животною, которая всему ихъ учитъ. Яс-нѣе сказать: все, что они мыслятъ, говорятъ и дѣлаютъ, — все это считаютъ внушеніемъ св. Троицы. Политическій протестъ это считаютъ внушеніемъ св. Троицы. Политическій протестъ ихъ противъ царя, властей, крѣпостничества и т. п. основывает-ся, между тѣмъ, на томъ же внушеніи св. Троицы. Можетъ быть самые первые основатели духоборческой ереси въ Москвѣ принимали подобную Троицу нѣсколько духовнѣе, разумѣя дѣй-ствія, совершаемыя Богомъ Отцомъ въ памяти, Богомъ Сыномъ въ разумѣ, Богомъ Духомъ Святымъ—въ волѣ. Еще и нынѣ духо-борцы выражаютъ св. Троицу словами: свѣтъ и животъ и по-кой, высота, ширина и глубина, духъ силы, духъ премудрости и духъ воли — слова, которыхъ они сами объяснить не могутъ... Но какъ бы духоборцы ни желали представить свое умствованіе о св. Троицѣ — дѣйствіемъ памяти, просвѣщеніемъ разума, ут-вержденіемъ воли въ человѣкѣ, — все это не далеко отъ пока-заннаго ученія ихъ; ибо явленія соотвѣтствуютъ своей причинѣ. Въ подкрѣпленіе сего можно сказать и то, что на вопросъ: что́

заннаго ученія ихъ; ибо явленія соотвётствуютъ своей причинѣ. Въ подкрёпленіе сего можно сказать и то, что на вопросъ: что́ же есть на небесахъ?—нѣкоторые смѣлѣйшіе духоборцы, не запинаясь, отвётствуютъ: небеса токмо повѣдаютъ славу Божію... Въ другихъ сектахъ и расколахъ встрѣчаются хотя грубыя и невѣжественныя, но разлитыя между всѣми понятія о предметахъ духовныхъ; духоборцы отличаются положительнымъ невнаніемъ всего этого... По сему напрасно кто-нибудь вздумалъ бы говорить съ ними объ ипотасныхъ свойствахъ св. Троицы, или о заслугахъ Іисуса Христа, или о дѣйствіяхъ св. Духа, или о грѣхѣ первородномъ, или о внутреннемъ совершенствѣ, однимъ словомъ: о какомъ бы то ни было духовномъ предметѣ, — о

^{&#}x27;) Имя «духоборцевъ» дано сектаторамъ Украины и Новороссіи преосвящен нымъ екатеринославскимъ Амвросіемъ отъ противленія ихъ духу истины.

всемъ этомъ духоборцы не дадутъ не только положительнаго, даже самаго поверхностнаго понятія, потому что, считая себя въ совершенномъ состояніи благодати, думаютъ, что они перешли предѣлы потребныхъ и необходимыхъ для спасенія познаній. Тамбовскіе духоборцы, сосланные въ концѣ XVIII в. въ Азовъ, принесли въ собою въ Украину древнее свое исповѣданіе, въ которомъ встрѣчаются еще нѣкоторыя указанія на предметы духовные. Вѣроисповѣданіе духоборцевъ, полученное, между прочимъ, чрезъ допросы ¹) оффиціальные, дошло до насъ въ слѣдующихъ вопросахъ и отвѣтахъ.

Вопросъ 1. Что вы за люди, какая ваша въра, какого вы званія? спрашивали духоборцевъ.

Отвѣтъ. Сія показанія наша: мы наименованные духоборцы, закона Божія, вѣры Іисусовой; состоитъ дѣло наше по блаженству, по смиренію нашему, ради спасенія душамъ нашимъ.

Воп. 2. Познаете ли вы Бога единаго, всемогущаго?

Отв. В фруемъ, познаемъ Бога единаго, сотворшаго сія вся, Ему единому поклоняемся.

Воп. 3. Върите ли вы въ воплощение Сына Божія?

Отв. Вфруемъ и исповѣдуемъ яко единъ есть Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій. Богъ есть человѣкъ.

Вопр. 4. Въ какой силѣ состоитъ существо Пресвятия Троицы?

Отв. Пресвятая Троица состоить непостижима, въ человъкъ утверждаетъ Отецъ Богъ память, Сынъ Богъ — разумъ — Святый Духъ — волю. Богъ въ Троицъ единъ.

Вопр. 5. Чистая Дёва Марія, отъ которой Господь Богъ взялъ плоть человѣческу, какъ опую почитаете?

Отв. Почитаемъ оную за свято: подражаемъ житію Ея; Она искони дъва, до днесь дъва, изъ Неяже родился и рождается Іисусъ Христосъ.

Вопр. 6. Іоаннъ Креститель окрещаетъ народъ въ покаяніе, какъ оное пріемлете?

Отв. Онъ Іоаннъ Креститель окрещаетъ народъ въ покаяніе; мы окрещаемся отъ Христа словомъ Божіимъ.

Вопр. 7. Крещение Господа Бога нашего Іисуса Христа и сошедшаго Св. Духа въ видъ голубинъ, какъ оное понимаете?

Отв. То понимаемъ: креститься отъ Христа, вакъ Онъ крестился, намъ искать не для чего.

Вопр. 8. Постъ Христовъ 40 сутокъ, въ какомъ смыслѣ заключаете божество и силу?

¹) Сообщ. сунода мин. вн. дѣлъ.

Отв. Онъ людямъ своимъ во плоти явился.

Вопр. 9. Какой пость содержите во плоти духа?

Отв. Плотскій пость намъ чистота съ головы до ногъ. Пость есть, кто всѣ дѣла Божія совершить.

Вопр. 10. Для чего Христосъ апостоловъ отъ 12 до 70 собралъ?

Отв. Онъ изъ нихъ св. церковь сотворилъ.

Вопр. 11. Какое явленіе пропов'єдывать сему міру послаль Іисусь апостоловь?

Отв. Самъ Іисусъ былъ и есть Евангеліе вѣчное, животное; послалъ ихъ словомъ проповѣдывать.

Вопр. 12. Подлинно-ли Христосъ дёлалъ чудеса, мертвыхъ воскрешалъ, слёпымъ зракъ, глухимъ слухъ давалъ?

Отв. Вѣримъ, ибо мы сами грѣхами мертвы были, глухи и слѣпы. Онъ насъ оживилъ, отъ грѣха просвѣтилъ, далъ намъ заповѣди, чтобы впредь пе согрѣшать, не беззаконствовать.

Вопр. 13. За что жиды возненавидёли Христа, изгнали и на смерть Его предали?

Отв. Не просто люди жидовскіе, но архіереи, книжники и фарисеи зависти ради Его изгнали и гонять.

Вопр. 14. Подлинно-ли Христосъ плотію распять быль, для чего онъ такую постыдную смерть пріяль?

Отв. Въримъ, что былъ распятъ и тъмъ адъ разрушилъ, мертвыхъ воскресилъ, и намъ страданія образъ показалъ.

Вопр. 15. Какъ Христосъ воскресъ, какою плотію, для чего Его апостолы не познали только по чудесамъ?

Отв. Онъ не міру всему, токмо вѣрнымъ явился; воскресъ въ силѣ Божества; какою плотію, мы того пе знаемъ, намъ и знать не нужно. Намъ только должно знать, какъ свою душу спасти; а что вѣрнымъ явился, токмо то нынѣ съ нами есть.

Вопр. 16. Кто воспреемникъ Христовыхъ дѣлъ, и кто на мъстъ Его на земли?

Отв. Тотъ воспреемникъ Христовыхъ дёлъ, кто чистъ тёломъ и дёломъ, смиренъ и кротокъ, добрымъ дёламъ покоренъ; тотъ, кто худыхъ дёлъ удаляется.

Вопр. 17. Кто воспреемникъ апостольскихъ чиновъ и дѣлъ? Отв. Тотъ, кто славу Божію имѣетъ и страждуетъ ради Христа.

Вопр. 18. Что значитъ небо, или, разница, небеса?

Отв. Первыя небеса смиреніе, 2) разум'єніе, 3) воздержаніе, 4) милосердіе, 5) братолюбіе, 6) сов'єть, 7) любовь; тамъ живеть и Богь.

Вопр. 19. Какъ Христосъ вознесся на небеса?

Отв. Какъ писаніе свидѣтельствуеть о вознесеніи Его. Вопр. 20. Что есть адъ, гдѣ злые духи живуть?

Отв. Адъ есть незнающіе свёта людіе; злые духи въ нихъ живутъ.

Вопр. 21. Для чего вы въ церковь христіанскую грекороссійскую не ходите, что вамъ противно?

Отв. Совъсть наша ходить въ нее не желаетъ, святости не чаемъ, Божества не заключаемъ, потому что она тлѣнная, не въ̀чная.

Вопр. 22. Іоаннъ Креститель, окрещающій народы водов, что есть?

Отв. Крещеніе водою душамъ нашимъ не въ пользу, и им окрещаемся въ Христа св. Духомъ.

Вопр. 23. Причастіе таинство тёлу и крови, подъ видоиъ хлѣба и вина, какъ оное разумѣваете, или особую какую силу сами составляете?

Отв. Мы такъ разумѣваемъ, что оное причастіе душамъ не способно, а мы причащаемся святымъ, божественнымъ и животворящимъ тайнамъ Христовымъ, проходящимъ сквозь костей и мозговъ человъческихъ; то бо есть наше причастіе отъ Господа Бога нашего.

Вопр. 24. Женидьба законная имветь-ли у вась силу или её отметаете?

Отв. Желающимъ не запрещаемъ, только разумѣваемъ, что женимый печется о женѣ, а не женимый о Бозѣ, души спасенія.

Вопр. 25. Что есть душа человическая, чимъ человикь честенъ, или безчестенъ предъ Богомъ?

Отв. Душа человическая образь Божій; честень чистотою, а безчестенъ гордостію и безуміемъ.

Вопр. 26. Чистота плоти, чистота духа, какая разница?

Отв. Мы Духомъ святымъ молимся и постимся, тою же сялою очищаемся.

Вопр. 27. Въ какой надеждъ всъ преданія св. отецъ опровергаете или почитаете и въ какомъ смыслѣ?

Отв. Они были человёки; отъ человёка ничтоже, вся суть отъ Бога.

Вопр. 28. Какія молитвы имѣете въ собраніи своемъ? Отв. Псалмы Давидовы: 1) Живый въ помощи Вышняго, въ вровѣ Бога небеснаго; 2) Услыши Боже гласъ мой, вогда молимся Тебѣ, отъ отраха враждяго; 3) девять блаженствъ изъ евангелія: Помяни насъ Господи, когда пріидешь во царствія своемъ.

Нельзя сказать, чтобы эти отвёты составляли полное и общее мнёніе духоборцевь о тёхь предметахь, которые вь нихь изложены. Надобно сознаться: трудно или почти невозможно составить общее понятіе о вёрованіи духоборцевь XVIII вѣка касательно всёхь предметовь, входящихь вь составь богопознанія, и при томь такое понятіе, которое принадлежало бы самимь духоборцамь. Охотнёе всего они толковали о св. крестё, иконопочитаніи и храмахь, отвергая все это, потому что считали кресть, иконы и храмы только произведеніемь рукь человѣческихь, не имѣющимь никакого духовнаго значенія. Въ семь отношеніи духоборцы предпочитають поклоненіе живому человѣку, сколько потому, что онь создань по образу и подобію Божію, столько, и главнѣйше, по мнимому убѣжденію пребыванія въ немь св. Троицы.

Духоборцы, считая себя вмёстилищемъ св. Троицы, или небесною церковію на землё, еще въ XVIII вёкё думали, что не токмо всё установленія гражданскія для нихъ излишни, но отвергали верховную власть. Слёдуя такому уб'єжденію, духоборцы не давали присяги, и въ первые годы даже отрекались отъ платежа податей.... Всё власти гражданскія и духовныя, особенно дёйствующія противно ихъ видамъ, духоборцы считаютъ и доселё исчадіями ада и своими врагами. Сбросивъ узы, налагаемыя совёстію, и по воображаемому присутствію въ себё св. Троицы, считая себя внё грёха, они не знаютъ, что такое преступленіе. Укрывательство бродягъ и дезертировъ считается добродётелью; сокрытіе преступленій, единовёрцами совершённыхъ, есть долгъ и обязанность духоборцевъ....

Впрочемъ надобно сказать, что это мнѣніе духоборцевъ о верховной власти и правительствѣ, допускаемое ихъ вѣрованіемъ въ XVIII вѣкѣ, нынѣ совершенно смягчилось. Теперь многіе духоборцы увѣряютъ, что они молятся о благоденствіи Государя Императора, но моленіе это заключается въ произношеніи токмо слѣдующихъ словъ: «Спаси Господи Благовѣрнаго Царя и кротость его». Въ 1841 и 1842 годахъ, при переселеніи нѣкоторыхъ духоборцевъ за Кавказъ, — всѣ они показали опыты совершеннѣйшей преданности и покорности волѣ правительства и распоряженіямъ начальства.

Ө. Ливановъ.

(Окончание слъдуеть.)

ДРЕВНЪИШАЯ ПОВЪСТЬ

ВЪ МІРѢ.

(Древне-египетскій папирусь.)

«РОМАНЪ ДВУХЪ БРАТЬЕВЪ».

Я хочу передать здёсь нашей публикё одно литературное произведеніе глубочайшей древности, которое извёстно всей Европё уже лёть 15-ть, но съ которымъ, къ удивленію, никто до сихъ поръ не познакомилъ на русскомъ языкё. А между тёмъ, намъ кажется, не слёдуетъ его игнорировать: о немъ было писано уже не мало, и оно послужило къ уничтоженію одного очень страннаго мнёнія, пущеннаго въ ходъ уже довольно давно и съ тёхъ поръ всюду повторяемаго.

Правда, это странное мивніе касается такого предмета, до котораго намъ рёдко случается дотрогиваться: дёло идеть о литературё и поэзіи одного изъ древнёйшихъ народовъ міра. Но это соображеніе не можетъ, не должно останавливать насъ. Равнодушіе къ важнымъ историческимъ вопросамъ изъ жизни того или другого народа, которое основывалось-бы только на томъ, что этотъ народъ отдёленъ отъ насъ и нашего времени длинными столѣтіями, было-бы не что иное, какъ замаскированное равнодушіе къ исторіи вообще. Кому дороги не одни только событія настоящей минуты, кому доступны интересы исторіи, какъ и всякаго вообще разумнаго знанія, тотъ не оттолвнетъ отъ себя съ постыдною апатіею разсмотрёніе фактовъ изъ жизни извёстныхъ народовъ подъ тёмъ только предлогомъ, что эти народы

жили не 40 лёть, а 40 столётій тому назадь. Судьбы человёчества вездё одинаково достойны нашего вниманія, одинаково призывають къ себё нашъ умъ, на всёхъ стадіумахъ своего развитія.

Витин. Историческіе учебники воспитали множество предшествующихъ намъ поколѣній въ мысли, что у древняго Египта не было никогда ни литературы, ни поэзіи. Что за странность! неужели, въ самомъ дѣлѣ, впродолженіе долгихъ столѣтій, существовалъ такой народъ, неужели когда-то жили такіе, слѣдовавшіе одни за другими милліоны людей, въ которыхъ никогда не говорило поэтическое чувство, которые отъ-роду не находили надобности выражать, посредствомъ слова (а значитъ и письма), душевныя свои движенія, радость и горе, свои порывы, обожанія и надежды, и которые никогда не возвысили рѣчь свою до степени художественнаго произведенія? Неужели и въ самомъ дѣлѣ были когдато на свѣтѣ такіе люди? И какъ же этому вѣрить, когда тоть самый народъ, про который разсказываются такія невѣроятныя чудеса, обладалъ многообразнымъ творчествомъ, имѣлъ истиннохудожественныя наклонности и покрылъ свою страну безчисленными памятниками совершенно оригинальной архитектуры, скульптуры и живописи! Или быть можетъ мы обязаны представлять себѣ, что бываютъ такіе народы, что производять на свѣть великолѣпные памятники этихъ трехъ искусствь, а сами въ это время могутъ оставаться совершенно чужды всякой литературѣ и поэзіи? Удивительное предположеніе для всякаго, кто хоть сколько-

Удивительное предположение для всякаго, вто хоть скольконибудь задумывался надъ вопросомъ, что такое поэзія и художества, и вто дошелъ уже до сознанія, что всѣ искусства суть не что иное, какъ различныя формы, въ которыхъ продвляется художественное настроеніе народовъ, и что гдѣ это настроеніе выразилось въ формахъ пластическихъ, тамъ оно не могло не выразиться еще гораздо раньше въ формахъ словесныхъ, какъ болѣе простыхъ, малосложныхъ и общедоступныхъ.

разиться еще гораздо раньше въ формахъ словесныхъ, какъ болѣе простыхъ, малосложныхъ и общедоступныхъ. Но что же было дѣлать съ Египтомъ, когда храмовъ, статуй и картинъ его было передъ глазами у каждаго такъ много, а литературныхъ произведеній — ни одного. Казалось-бы, отвѣтъ на это простой. Мы имѣли только право

Казалось-бы, отвѣть на это простой. Мы имѣли только право сказать: мы не знаемъ литературы Египта, потому что до насъ не дошло ея памятниковъ — мало ли чего еще не дошло до насъ отъ временъ древности! Но никакъ еще не можемъ сказать, чтобъ этой литературы никогда не бывало. Есть тысячи вещей, воторыхъ мы не знаемъ, и которыхъ, быть можетъ, никогда не узнаемъ, и все-таки изъ этого еще ничего другого не выходитъ, вромѣ того, что мы должны признаваться въ своемъ невѣдѣніи,

въ недостаточности научныхъ средствъ, научнаго матеріала, намъ доступнаго — вотъ и все.

Но нашлось слишкомъ много такихъ людей, которые не захотѣли довольствоваться такимъ простымъ отвѣтомъ въ виду загадки, представляемой намъ Египтомъ. Еще до самаго послѣдняго времени, въ европейской наукѣ господствовалъ обычай всѣ пробѣлы знанія наполнять собственными соображеніями, и тамъ, гдѣ недостаетъ точныхъ и положительныхъ фактовъ, ставить на мѣсто ихъ— мало того, что предположеніе того или другого рода, но еще и философскія, пользовавшіяся прежде большимъ довѣріемъ, доказательства, почему именно совершился или существовалъ такой-то и такой-то фактъ (намъ вовсе неизвѣстный).

Такъ поступали въ прежнее время во всёхъ отрасляхъ знанія, начиная отъ самыхъ высшихъ и кончая самыми низшими. Само собою разумѣется, что исторія представляла въ этомъ отношеніи старинному доктринерству особенно богатое поприще, и здёсь уже не только прежнія «философіи исторіи,» но и всё простыя изложенія исторіи наполнены были множествомъ такихъ вещей, которыя не имѣли ничего общаго съ дѣйствительнымъ, положительнымъ знаніемъ.

Такъ случилось и съ поэзіей и литературой древняго Египта. Множество писателей, людей самыхъ компетентныхъ и свъдущихъ, ръщили въ своей головъ, что намъ неизвъстно никакихъ остатковъ ея, значито ея не было, и такой приговоръ былъ пущенъ на весь міръ.

Одинъ изъ основательнъйшихъ спеціалистовъ прежняго времени, оріенталистъ Пейронъ, спеціально занимавшійся коптскимъ языкомъ, т. е. тъмъ языкомъ, который считается уцѣлъвшимъ обломкомъ и наслъдникомъ древне-египетскаго языка, говорилъ въ 1839 году историку Раумеру, въ Римѣ, что у египетскаго языка такая математическая правильность и деревянность, что онъ, оріенталистъ, и представить себъ не можетъ, чтобъ въ древнемъ Египтъ могла когда-нибудь существовать поэтическая и историческая литература, въ высшемъ смыслъ¹). И Раумеръ вполнъ върилъ этому приговору, конечно, какъ и всъ. Еще бы не вѣрить оріенталисту, ученому спеціалисту!

Знаменитый историкъ всеобщей литературы, Розенкранцъ, тоже, авторитетъ немаловажный, писалъ въ своемъ полнъйшемъ сочинении, что у египтанъ не было литературы, и именно потому, что они постоянно жили въ слишкомъ большомъ непосредственномъ напряжении, а оно мъщало имъ углубляться внутрь себя,

Digitized by Google

704 ·

¹) Raumer, Italien. Berlin, 1840, II, 124.

тогда какъ поэзія именно этого-то и требуеть. У египтянъ не было никакого эпоса, потому что они очень рано выработали себѣ историческій смысль, который и закрёпился вполнѣ въ про-изведеніяхъ архитектуры и скульптуры, а въ гіероглифахъ утвер-дилъ свои воспоминанія съ прочностью лѣтописи¹).

изведеннах архитектуры и скульптуры, а въ пероглифахъ утвер-дилъ свои воспоминанія съ прочностью лѣтописи ¹). Не менѣе извѣстный и общераспространенный писатель, исто-рикъ Веберъ, говорилъ въ своей всеобщей исторіи, что у егип-тянъ, точно также какъ у китайцевъ, нюто силы миеическаго творчества, всегда служащаго основой эпической и драматической поэзіи, и поэтому у нихъ только и была что лирика, да и та соб-ственно религіознаго характера²). Это уже былъ шагъ впередъ: у египтянъ признавалась по крайней мъ́рѣ хоть лирика (ее на-чинали открывать въ разныхъ воззваніяхъ и обращеніяхъ къ бо-жеству, гіероглифическихъ надписяхъ, но главное обвиненіе про-должало все-таки тяготѣть надъ бѣдными египтянами. Вотъ нѣсколько примѣровъ того, что проповѣдывали о еги-петской поэзіи оріенталисты, историки и историки литературы. Отъ нихъ не отставали конечно и историки искусства, и едва ли не самый знаменитый между ними въ послѣднее время, Шназе говорить въ своей общей исторіи искусствь, что намъ нечего ни удивляться, ни сожалѣть о томъ, что до насъ дошло такъ мало египетскихъ сочиненій: уже самый языкъ этого народа былъ такой несовершенный, что указываеть на недостатокъ ли-тературныхъ способностей, и притомъ древніе писатели сооб-щаютъ намъ, что поэзія вовсе не процвѣтала въ древнемъ Египтѣ ³). Египтѣ ³).

Вотъ сколькими разнообразными путями, вотъ со сколькихъ равнообразныхъ каюедръ входило въ европейское сознаніе убѣж-деніе въ отсутствіи литературы и поэзіи въ Египтѣ, вмѣстѣ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что иначе никогда и быть не могло. Само собою разумѣется, мелкіе профессора и учебники на всѣ лады повторяли то, что было высказано болѣе крупными уче-ными, и такимъ-то образомъ это убѣжденіе заложилось вездѣ прочно и несокрушимо.

Вдругъ появились на свётъ факты, которые сдунули вонъ, словно какіе-нибудь карточные домики, основательнёйшіе и не-опровержимёйшіе доводы ученыхъ, и дали узнать совершенно противное тому, чему учили юношей и взрослыхъ. Послёдователи Шамполліона, продолжая работать съ тою же

^{&#}x27;) Rosenkrantz, Die Poesie und ihre Geschichte. Königsberg. 1855, 121-123.

Weber, Allgem. Weltgeschichte. Leipzig, 1857, I, 183.
 Schnaase, Geschichte der bildenden Künste. Düsseldorf, 1843, I.

энергіею и необходимою жаждою знанія, какъ и ихъ геніальный учитель, стали наконецъ свободно читать рукописи *ператиче-скаго* (т. е. курсивнаго, бъглаго) письма, и вдругъ открыли цълую литературу древне-египетскую, заключенную въ рукописяхъ этого письма, обогатившихъ, въ теченіи послёднихъ десятилётій, египетскія собранія главнёйшихъ столицъ Европы. Самыя значительныя сокровища оказались, разумбется — у англичанъ, въ коллекціяхъ Британскаго Музея. Въ гіератическихъ рукописяхъ коллекциять Британскаго музея. Бъ ператическить рукописять нашлись вдругъ и оды фараонамъ и разнымъ знатнымъ лицамъ ихъ двора, и путешествія, и письма, и разсказы, и трактаты въ видѣ разговоровъ, наконецъ и повѣсти и легенды волшебнаго характера. Узнали, что у египетской литературы была своя эпоха высшаго блеска и процвѣтанія, и она относится ко времени фараона Рамзеса II (Сезостриса грековъ) и ближайшихъ его пре-емниковъ, т. е. ко времени XIX царской династіи, современной емниковъ, т. е. ко времени AIA царской династи, современной Моисею (XIV столѣтіе до Р. Хр.). Узнали, что при этомъ Рам-зесѣ П, царствовавшемъ цѣлыхъ 60 лѣтъ, существовала цѣлая коллекція грамотъевъ, писателей и переписчиковъ, у которыхъ былъ даже особый начальникъ или староста, грамотъй, какеву или кагабу, онъ же былъ и библіотекарь царскій съ титломъ «грамотѣя двойного свѣтлаго дома его величества». Тутъ же узнали, что званіе грамотвя или писателя стояло въ Египтв такъ высоко, что съ нимъ не могло равняться никакое другое званіе: одна египетская рукопись содержить очень пространный и интересный разговоръ отца съ сыномъ, отецъ хочетъ пустить сына въ люди, и на разставаньи даетъ ему наставленія, какъ н чёмъ ему лучше было бы заняться; для этого, онъ перебираеть одно за другимъ всё состоянія или занятія въ Египть, въ очень поэтическихъ картинахъ, разсказываетъ ихъ выгоды и невыгоды, значенія и совершенства, и, наконецъ, приходитъ къ тому за-ключенію, что ивтъ на свътъ выше званія писателя ¹).

Одно изъ примѣчательнѣйшихъ сочиненій, открытыхъ теперь на страницахъ древне - египетскихъ папирусовъ — это чудесная эпическая поэма, сочиненная однимъ знаменитымъ египетскимъ грамотѣемъ или писателемъ, Пентауромъ, и разсказывающая знаменитый военный подвигъ фараона Рамзеса II. Разъ этотъ фараонъ воевалъ съ какимъ-то семитическимъ народомъ, вѣроятно пришельцемъ изъ Аравіи. Вдругъ къ нему въ лагерь являются два шпіона, подкупленные непріятелемъ, и, притворившись людьми преданными, разсказываютъ царю, что непріятель

¹⁾ Revue archéologique, 1860: Goodwin, Sur les papyrus hiératiques, 223-234; 1852: Rouge, Notice sur un papyrus égyptien, 385-386.

слабъ и малочисленъ, что вотъ теперь самое время напасть на него. Фараонъ попадается въ ловушку, и, посовътовавшись со своими военачальниками, которые также дають себя обморочить, береть небольшой отрядъ и идетъ на непріятеля. Тутъ вдругъ оказывается истина. Египетскій отрядъ обращается въ бѣгство, но самъ фараонъ, превосходящій всѣхъ подданныхъ своихъ силой и непоб'єдимымъ мужествомъ, схватываетъ копье и саблю свою, и, покрытый золотыми латами, одинъ бросается на непріятеля. Легко понять, что должно дальше слёдовать въ поэмѣ египетскаго придворнаго поэта: само собою разумбется, что великій Рамзесъ одинъ всбхъ побиваетъ и возвращается торжествующій. Это сочиненіе Пентаура такъ понравилось фараону, что онъ велѣлъ награвировать его цѣликомъ, на наружныхъ стѣнахъ нѣсколькихъ знаменитъйшихъ храмовъ (въ Ибсамбулъ и Оивахъ),--эти надписи уцёлёли до сихъ поръ, и вотъ теперь, въ то время, какъ одни современные египтологи (Шамполліонъ и Лепсіусъ) читали ее на ствнахъ Египта написанную гіероглифами, другіе (Руже) читали ее на лондонскомъ папирусъ, написанную гіератическимъ почеркомъ ¹). И дѣйствительно, надо признаться, поэма эта стоила своей древне-египетской славы: она заключаетъ въ себѣ не только казенное, придворное прославление царя, но еще наполнено дъйствительно поэтическими красотами. Разговоры, описанія, лирическое воззваніе Рамзеса II къ солнцу — все это носить на себѣ печать таланта и глубовой художественности, и самымъ яркимъ образомъ противорвчитъ прежнимъ соображе-ніямъ ученыхъ, почему именно древній Египеть не имѣлъ и не могъ имѣть поэзіи, особенно эпической.

Но едва ли не самая интересная изъ египетскихъ рукописей, прочитанныхъ въ послёднее время — это рукопись, также принадлежавшая британскому музею и купленная ею въ 1857 году отъ леди д'Орбиней. Эта дама, купивъ эту рукопись гдё-то въ Италіи, еще въ 1852 году привозила ее въ Парижъ, и тутъ извъстный египтологь, виконтъ Руже (консерваторъ египетскаго собранія въ Лувръ), разобралъ почти весь папирусъ и тотчасъ же напечаталъ извлеченіе изъ него въ «Revue archéologique» 1853 г.

Разобранное виконтомъ Руже оказалось повъстью, воторую французские египтологи туть-же прозвали: « Le roman des deux frères». Открытие было столь неожиданно, столь ново, столь важно, что множество ученыхъ (кромъ русскихъ, въ числъ которыхъ никогда еще не было египтологовъ) занялись новымъ па-

¹) Revue archéologique, 1858, Chabas: Traduction et analyse de l'inscription hiéroglyphique d'Ibsamboul, 575 - 588.

пирусомъ. Трактаты о немъ появились на языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, и получили еще новую энергію съ тѣхъ поръ, какъ управленіе британскаго музея, никогда не жалѣющее денегъ на значительныя научныя предпріятія, издало въ 1860 году этотъ папирусъ въ видѣ великолѣпнаго факснмиле¹). Это изданіе имѣло значительнѣйшимъ результатомъ то, что одинъ изъ значительнѣйшихъ современныхъ египтологовъ, берлинскій профессоръ Бругшъ наконецъ сдѣлалъ полный переводъ повѣсти о двухъ братьяхъ и издалъ его въ 1864 г. въ своей книгѣ: «Aus dem Orient», подъ заглавіемъ: «Das älteste Märchen der Welt» (древнѣйшая повѣсть на свѣтѣ), названіе, которое, кажется, теперь если уже не навсегда, то на долго утвердилось за этимъ древнимъ и замѣчательнымъ литературнымъ совданіемъ.

Такъ какъ, кажется, пора наконецъ и намъ его узнать, то я и рёшился представить здёсь по возможности вёрный переводъ этой повёсти, взявъ за основаніе нёмецкій переводъ Бругша, и представивъ, въ видё разнорёчій, главныя отличія, которыя я нахожу во французскомъ переводё Руже.

Было два брата, отъ одной матери и отъ одного отца. Старшаго звали Анепу, младшаго — Батау²). Анепу жилъ своимъ домомъ, и былъ женатъ. Младшій братъ жилъ у него словно сынъ, и тотъ давалъ ему одёжу. Онъ ходилъ за его скотомъ въ поле, а когда паханье кончалось, онъ долженъ былъ подсоблять во всякой полевой работѣ. Ну, и вотъ младшій братъ былъ добрый работникъ, не было другого такого во всемъ краю. Прошло много дней, и младшій братъ все былъ при своихъ волахъ, по всегдашнему своему обычаю, и каждый вечеръ пригонять и тотъ домой а самъ навьюченный разною травой прихо-

Прошло много дней, и младшій брать все быль при своихь волахь, по всегдашнему своему обычаю, и каждый вечерь пригоняль ихь домой, а самь, навьюченный разною травой, приходиль съ поля, чтобъ дать потомъ эту траву своей скотинѣ. Старшій брать садился тогда со своею женой, чтобъ поъсть и попить, а тъмъ временемъ младшій брать оставался въ хлъву при

708

¹) Select papiri of the hieratic character from the collection of the Britich Museum. London, 1860, f⁰. Предисловіе, гдв подробно язлагается содержаніе повъсти о двудз братьяхв, составлено консерваторомъ британскаго музея, египтологомъ Бирчемъ. Экземпляръ этого великолъпнаго изданія находится въ импер. Публ. Библіотегъ въ С.-Петербургъ.

³) Руже читаеть это имя: «Сату», но прибавляеть въ примѣчанія, что сомязвается въ върности своего чтевія.

своихъ волахъ¹). И вотъ, когда прояснивалась земля и брежжилъ новый день, и лампа переставала горѣть, онъ вставалъ раньше своего старшаго брата, и несъ хлѣбы въ поле, чтобъ дать ихъ работникамъ, поѣсть въ полѣ. Потомъ онъ ходилъ за своими волами, и они всегда говорили ему, гдѣ хорошая трава; и онъ слушался всего, что они говорили, и гналъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ была хорошая трава, какую они любили²). И тѣ волы, что̀ передъ нимъ ходили, становились отличные и сильно размножались.

Ну и вотъ пришло время пахать, и старшій братъ сказалъ ему: «возьмемъ-ка запряжку, надо пахать, вотъ ужъ поля выступаютъ наружу (послѣ наводненія), теперь хорошо ихъ пахать ³). Неси-же въ поле сѣмена, мы станемъ пахать». Это онъ ему сказалъ. И младшій братъ сдѣлалъ все такъ, какъ ему сказалъ старшій братъ.

И когда земля прояснилась потомъ, и начался новый день, пошли они на поле со своей запряжкой, и много имъ было работы на полѣ, и они радовались глядя на свою работу.

Прошло много дней потомъ, они были на полѣ, у нихъ не хватило сѣмени, и онъ сталъ посылать младшаго своего брата, и сказалъ ему: «ступай скорѣй, неси намъ сѣмя съ деревни». И младшій братъ засталъ жену своего старшаго брата на томъ, что она сидитъ и плететъ себѣ волосы. Тутъ онъ сказалъ ей: «Встань-ка, да выдай мнѣ сѣмя, мнѣ надо скорѣй идти въ поле, братъ не велѣлъ замѣшкиваться». Тогда она сказала ему: «Поди и отопри сарай, и возьми самъ, что тебѣ надо; если я пойду, у меня, пожалуй, волосы развалятся» ⁴).

Туть юноша пошель въ сарай и взяль большую корзину ⁵), потому-что ему хотѣлось снести побольше сѣмени, и онъ нагрузиль на себя премного пшеницы и ячменя и вышель вонъ. Тогда она ему сказала: «Сколько ты это несешь»? онъ сказаль ей: Три мѣры ячменя и двѣ мѣры пшеницы, всего пять мѣрь воть онѣ у меня на рукахъ». Это онъ ей сказалъ. Тогда она стала говорить и сказала: «Вотъ какой ты сильный! Я всегда видѣла, что ты молодецъ»! (вз этомз мъстъ папирусз сильно

5) У Руже: «сосудъ».

¹⁾ У Руже: «Онъ приходнать и садился съ братомъ и его женой, чтобъ повсть и попить, а потомъ шель въ хлёвъ, къ своимъ воламъ».

²⁾ У Руже: «Онъ понималъ все, что они говорили, и воротясь въ хлѣвъ, они тамъ находили тѣ травы, которыя любили».

³⁾ У Руже: «Поля теперь стали лучше».

⁴⁾ При XVIII и XIX династіяхъ, египтянки носили огромныя прически, составзенныя изъ косъ и локоновъ, спускавшихся до груди.

попорченз)... и сердце ея узнало его... она совсёмъ ошалёла отъ него, и сказала ему: «Поди сюда! дай-ка мы часокъ отдохнемъ на свободё. Принарядись, я дамъ тебё славныя платья»¹).

Тутъ юноша пришелъ въ гнѣвъ, словно пантера какая, отъ этихъ худыхъ рѣчей, что она ему говорила, и вотъ! она перепугалась. И онъ заговорилъ, и сказалъ ей: «Ты мнѣ все равно что мать, а твой мужъ мнѣ все равно что отецъ. Онъ старше меня, онъ мнѣ за-мѣсто воспитателя. Что ты это, за грѣхъ такой мнѣ сказываешь ²). Не говори мнѣ больше этого, и я тоже никому не стану разсказывать, я ни единаго слова не скажу объ этомъ, ни единому человѣку»! И онъ нагрузилъ на себя свою ношу и ушелъ въ поле. И онъ воротился къ старшему брату, и у нихъ много было работы, и они справили свое дѣло.

Когда кончился день и пришель вечерь, старшій брать воротился домой. А его младшій брать пошель позади своихь воловь, и нагрузиль на себя всякой полевой травы, и погналь своихь воловь передь собой на ночлегь въ ихъ хлѣвъ, въ деревню.

И вотъ, жена его старшаго брата очень трусила того, что наговорила. Тогда она изръзала себя ранами и прикинулась, словно дурной человъкъ сдълалъ ей какое насиліе, ей хотълось сказать своему мужу: «Это вотъ твой младшій братъ сотворилъ надо мною насиліе»!

Но ея мужъ, по всегдашнему, воротился домой вечеромъ, и вошелъ въ домъ, и нашелъ, что его жена лежитъ, точно будто какой-нибудь злодъй сдълалъ ей насиліе.

И она не подала ему, по обывновенію, воды на руки умыться, и не зажгла лампы передъ нимъ, и домъ его стоялъ темный. А она лежала нагая.

И мужъ сказаль ей: «Кто съ тобой говорилъ»?³) Встань. «А она отвѣчала»: Никто со мной не говорилъ, кромѣ твоего младшаго брата⁴). Когда онъ пришелъ за сѣменемъ, то я сидѣла одна, и онъ сталъ мнѣ говорить: «Поди-ка сюда! Дай мы полежимъ часовъ на свободѣ. Надѣнь самыя врасивыя свои платья». Вотъ что̀ онъ мнѣ сказалъ. Но я его не слушала, и сказала: «Да ты посмотри, развѣ я не мать тебѣ,

¹) У Руже: «Ты мив правишься, и я воть нарочно надёла самыя лучшія свои платья». Руже полагаеть, что слово «часокь» указываеть на время сіесты, или обычнаго отдыха южныхъ народовъ во время сильныхъ дневныхъ жаровъ.

⁹) У Ружѐ: «Не могу я сдѣлать такого великаго грѣха. Скажи миѣ что-инбудь другое (и я сдѣлаво)».

^{*)} У Руже: «Мужъ сказаль: Это я съ тобою говорю».

^{•)} У Руже: «Не говори со мною, сказала она».

развѣ твой старшій братъ не все равно что отецъ тебѣ»? Вотъ что я ему говорила. А онъ перепугался и сталъ меня насильничать, чтобъ я ничего не разсказывала. Если ты его оставишь въ живыхъ, тогда я умру. Вотъ видишь! Онъ приходилъ (испорченное мпсто вз папирусъ).... и если я снесу его худыя рѣчи, тогда онъ навѣрное такъ и сдѣлаетъ».

Тогда его старшій брать сдѣлался словно пантера, и наточиль свой топорь 1), и взяль его въ руку. И старшій брать сталь за дверью хлѣва, чтобъ убить младшаго брата, когда онъ воротится вечеромъ, и станетъ загонять скотину въ хлѣвъ.

Когда солнце сѣло²), тотъ по всегдашнему обычаю воротился домой, нагруженный всякою травой полевою, и первая корова вошла въ хлѣвъ. Тогда она стала говорить своему пастуху: «Берегись старшаго своего брата, онъ стоитъ тутъ съ топоромъ, чтобъ тебя убить. Стань подальше». И онъ выслушалъ рѣчь своей первой коровы. Потомъ вошла другая корова и сказала ему тоже самое. И онъ посмотрѣлъ подъ дверь своего хлѣва, и увидалъ ноги старшаго брата, что стоялъ тутъ за дверью, съ топоромъ въ рукѣ. И онъ спустилъ свою ношу на землю, и побѣжалъ оттуда вонъ во всю прыть, а его братъ побѣжалъ за нимъ вслѣдъ, съ топоромъ.

И младшій братъ сталъ молиться богу солнца, Хармахису³), и говорилъ: «Господине добрый! ты въдь отличаешь правду отъ неправды»! И богъ солнца остановился и выслушалъ всё его жалобы. И богъ солнца простеръ великія воды⁴) между имъ и его старшимъ братомъ, и онъ были полны крокодиловъ. И одинъ изъ нихъ стоялъ на одномъ берегу, а другой на другомъ.

Старшій брать рубнуль своею рукой два раза, но не могь убить его. Воть что онь сдёлаль. И его младшій брать закричаль ему сь того берега: «Стой туть, и не уходи, пока не просвѣтлѣеть земля; а когда солнце выплыветь, тогда я передь нимъ откроюсь тебѣ во всемъ, чтобъ ты узналь правду: вѣдь я никогда не дѣлаль тебѣ ничего дурного. Но я не останусь тамъ, гдѣ ты стоишь теперь, я пойду на кедровую гору».

Когда земля прояснилась и наступилъ другой день, — выплылъ наверхъ богъ солнца Хармахисъ⁵), и каждый изъ нихъ увидалъ другого. И юноша сталъ говорить своему старшему брату и ска-

¹⁾ У Руже: «Мечъ».

⁹) У Руже: «Когда легъ богъ Муи».

³) У Руже: «Сталь призывать Фру, бога обонхъ солнечныхъ поясовъ».

⁴⁾ У Руже: «Сдълалъ великую ръку».

⁵⁾ У Руже: «Фра, богъ обовхъ небесныхъ поясовъ, засіялъ».

залъ ему: «Зачёмъ ты это меня преслёдуешь, чтобъ понапрасну убить меня? Развё ты не слышишь, что говорятъ уста мон¹)? я твой младшій, истинный братъ, и ты былъ мнё замёсто отца, а твоя жена замёсто матери. Ну, вотъ видишь-ли, въ тотъ разъ, что ты меня послалъ принести сёмя, развё твоя жена не сказала мнё: «Поди сюда! Дай-ка мы полежимъ часокъ на свободё?!» А теперь вотъ, она все тебѣ перевернула на выворотъ. И онъ разсказалъ ему, какъ что̀ происходило между имъ и его женою.

женою. И онъ поклался богомъ солнца, Хармахисомъ, и сказалъ: «Если у тебя есть намъреніе понапрасну убить меня, то заткни ты себѣ топоръ за поясъ». И онъ вынулъ острый ножъ и отрѣзалъ себѣ одинъ членъ тѣла, и бросилъ его въ воду, и рыбы пожрали его²). Тогда онъ упалъ безъ чувствъ и лежалъ словно мертвый, а душа его старшаго брата совсѣмъ помутилась. И онъ стоялъ, плакалъ и жаловался, и все-таки не могъ перейти на ту сторону къ своему младшему брату, крокодилы мѣшали.

И младшій брать сталь кричать ему, и говориль: «Воть смотри, ты задумаль недоброе дёло, и не было у тебя ничего хорошаго на умё. А я тебё скажу, что теперь надо дёлать. Ступай къ себё домой, ходи самъ за скотомъ, я ужъ не стану больше жить тамъ, гдё ты будешь, я пойду на кедровую гору³). Но только вотъ что ты долженъ для меня сдёлать, когда придешь навёдаться обо мнё. Знай—я долженъ разстаться со своею душой⁴), и я вложу ее въ головку цвётка кедроваго дерева ⁵). И когда расколятъ кедровое дерево, она упадетъ на землю. Когда ты придешь отыскивать ее, то останься тутъ семь альть, и ищи ее въ сосудъ съ холодной водой⁶), и я снова оживу и дамъ отвётъ на всё вопросы, чтобъ ты зналъ, что дальше со мною будетъ. Пусть тоже у тебя подъ руками будетъ бутыль съ ячменнымъ питьемъ; засмоли ее, и смотри, не замёшкивайся съ нею».

И онъ пошолъ на кедровую гору, а его старшій брать пошелъ домой, поднялъ руку къ головѣ, и посыпалъ голову пепломъ 7). Взойдя въ свой домъ, онъ убилъ жену свою, бросилъ

^{*}) Въ знакъ горести, египтяне поднимали руку къ головѣ, и посыпали голову пенлонъ.

⁾ У Руже: «Ты въдь никогда не слыхаль ни единаго слова, сказаннаго протавъ меня».

²⁾ У Руже: «Крокодиль пожраль ero».

^{»)} У Руже: «Долина акацій».

⁴⁾ У Руже: «Съ сердцемъ».

⁵) У Руже: «Въ головку цвътковъ акаціи».

^{•)} У Руже: «Сосудъ съ жертвоприносительною жидкостью».

ее собавамъ на събденіе ¹), и сблъ, чтобъ горевать о своемъ младшемъ братѣ.

Много дней спустя, младшій его брать все быль на горь, и никого не было съ нимъ; и онъ проводилъ весь день въ охоть за звърями того края, а вечеромъ приходилъ и ложился подъ кедровымъ деревомъ, въ увъточной головкъ у котораго лежала его душа.

Много дней спустя, онъ своею рукой построилъ себѣ на кедровой горѣ хижинку, и наполнилъ ее всякимъ добромъ, какого только ему хотѣлось для своего дома.

Вышель онъ изъ своей хижины и повстрѣчалъ всѣхъ девятерыхъ боговъ, вышедшихъ для того, чтобъ позаботиться обо всей тамошней землѣ²). И всѣ боги стали говорить между собою, и сказали ему: «Эй, Батау! ты, волъ боговъ, зачѣмъ ты это одинъ, зачѣмъ ты покинулъ свою землю изъ за-жены Анепу, твоего старшаго брата? Вотъ видишь-ли, жена-то его убита. Воротись-же домой въ нему, онъ тебѣ отвѣтитъ на всѣ вопросы». И сердце ихъ очень сжалилось надъ нимъ.

Тогда богъ солнца, Хармахисъ, сказалъ Хнуму³): «Сдёлай женщину для Батау, пусть онъ не сидитъ одинъ». И Хнумъ создалъ ему женщину, и она тутъ сидёла, и была прелестнѣе всёхъ остальныхъ женщинъ той страны, и все божество было въ ней. И всё семь Хаторовъ пришли, и посмотрѣли на нее, и сказали одними устами: «Она умретъ насильственною смертью»⁴). И онъ крѣпко полюбилъ ее, и она сидѣла у него въ домѣ,

И онъ крѣпко полюбилъ ее, и она сидѣла у него въ домѣ, а онъ между тѣмъ весь день охотился за звѣрями той земли и потомъ клалъ передъ нею добычу.

И онъ сказалъ ей: «Не выходи ты отсюда, не то ты повстрѣчаешься съ моремъ, и оно унесетъ тебя. Мнѣ тогда нельзя будетъ спасти тебя, я такая-же женщина какъ ты, потому - что моя душа лежитъ въ головкѣ кедроваго цвѣтка. Если другой вто-нибудь найдетъ ее, я долженъ буду изъ-за нее сражаться». И онъ раскрылъ ей все свое сердце.

Много дней спустя, Батау разъ вышелъ изъ дому, чтобы поохотиться, по всегдашней своей привычкъ, а молодая женщина тоже вышла, чтобъ погулять подъ тъмъ ведромъ, что стоялъ

¹) У Руже: «Звврямъ (быть можетъ свиньямъ)».

[•] ²) У Руже «О Египть».

^{•)} Богъ Нумъ, или Кнуфисъ, египетскій Вулканъ, обыкновенно изображается формующимъ человѣка на гончарномъ станкѣ, изъ глины.

^{•)} У Руже Хаторъ является тутъ не въ седмиричномъ, а единственномъ видъ. — Богиня Хаторъ, жена бога Хоруса, была богиня красоты и жизни.

около ен дома. И воть вдругь ее увидало море¹). Оно поднялось вслёдь за нею и пошло, но она во весь духь убѣжала оть него и спаслась въ домъ свой. А море заговорило тогда съ кедровымъ деревомъ, и сказало ему: «Ахъ, какъ я ее люблю»! Тогда кедръ далъ ему прядь ея волосъ. И море унесло ее въ Египеть, и положило его тамъ, гдё были стиральщики фараонова дома²). И запахъ той пряди волосъ вошелъ въ платья фараоновы, и у стиральщиковъ фараоновыхъ поднялся споръ; они говорили: «платья фараоновы пахнутъ благовоннымъ масломъ»! и этотъ споръ шелъ у нихъ всякій день. И они не знали, что имъ дѣлать.

Но разъ начальникъ фараоновыхъ стиральщиковъ пошелъ къ морю, и душа его была печальна отъ этого ежедневнаго спора. И онъ вышелъ и сталъ на берегу, противъ пряди волосъ, лежавшей въ моръ. Тогда онъ наклонился и схватилъ локонъ. И отъ него пахло ужасно сладко. И онъ снесъ ту прядъ волосъ къ фараону.

фараону. И созвали мудрыхъ грамотѣевъ фараоновыхъ. И они сказали фараону: «Это прядь волосъ дочери бога солнца и всявое божество въ ней. Вся здѣшняя земля поклоняется тебѣ; такъ пошли-же ты вѣстниковъ по всей землѣ, искать ее, а съ тѣмъ вѣстникомъ, что пойдетъ на кедровую гору, пусть отправляется много людей, чтобъ ее привести сюда».

И вотъ царь сказалъ: «Это хорошо, что вы сказали»! и, людей разослали.

Много дней спустя, тѣ, что ходили по разнымъ странамъ, воротились съ извѣстіемъ къ царю, но тѣхъ не было, что пошли въ кедровой горѣ, потому что Батау всѣхъ ихъ перебиль, и только одного отпустилъ, чтобъ снести царю извѣстіе.

и только одного отпустиль, чтобъ снести царю извѣстіе. И царь послаль людей, много воиновъ пѣшихъ и конныхъ³), чтобъ все-таки привести ее. И съ ними была тоже женщина. Этой надавали въ руки всякихъ чудесныхъ женскихъ украшеній.

И та женщина пришла съ нею въ Египетъ, и изъ-за нее поднялась великая радость по всему тому краю. И царь крѣпко полюбилъ ее, и сдѣлалъ ее великою своею красавицею (наложницею).

¹⁾ У Руже «ръка».

²) У Руже: «красильщики фараоновыхъ платьевъ». Впрочемъ, Руже самъ выражаетъ сомизние въ точности этого перевода.

⁸) Руже замечаеть, что слово «бонные» всегда означаеть въ Египте «воиновъ на колесницахь».

И ее стали уговаривать, чтобъ она разсказала исторію своего мужа. И она сказала царю: «Вели срубить кедровое дерево, чтобъ оно пропало»!

Тогда послали вооруженныхъ людей, съ топорами¹), чтобъ срубить кедровое дерево. И они пришли къ кедру и срѣзали цвѣтокъ, внутри котораго была душа Батау. И цвѣтокъ упалъ, а онъ скоро потомъ умеръ.

Когда прояснилась земля и поднялся новый день, кедровое дерево срубили. И Анепу, старшій брать Батау, пошель въ свой домъ, и сѣлъ, чтобъ вымыть себѣ руки. И онъ взялъ кружку съ ячменнымъ напиткомъ, и закупорилъ ее смолой, а другую кружку съ виномъ, и закупорилъ ее глиной. И взялъ онъ свою палку, и свои башмаки, вмѣстѣ со своимъ платьемъ и дорожнымъ запасомъ, и пошелъ въ путь-дорогу къ кедровой горѣ.

запасомъ, и пошелъ въ путь-дорогу къ кедровой горѣ. И пришелъ онъ къ хижинкѣ своего младшаго брата и увидалъ, что его младшій братъ лежитъ, растянувшись во весь ростъ на своей рогожкѣ. Онъ умеръ.

рость на своеи рогожкъ. Онъ умеръ. И сталъ онъ плакать, увидавъ, что младшій братъ лежитъ, протянувшись, какъ мертвый. И пошелъ онъ искать душу своего брата подъ кедромъ, гдъ его младшій братъ всегда ложился вечеромъ. И онъ проискалъ ее три года, и все не находилъ. И когда пришелъ четвертый годъ, душу его стало тянуть въ Египетъ, и онъ сказалъ: «Я пойду завтра, рано утромъ». Это онъ такъ положилъ.

И когда земля прояснилась и наступилъ новый день, всталъ онъ подъ кедромъ, и пошелъ въ дорогу, и весь день-деньской проискалъ душу. И когда онъ воротился вечеромъ назадъ, и посмотрёлъ еще разъ вокругъ себя, нётъ-ли тутъ души, — онъ нашелъ плодъ; и когда онъ воротился съ нимъ, смотри-ка! это оказалась душа его младшаго брата. Тогда онъ взялъ сосудъ съ холодной водой, вложилъ туда душу, а самъ сёлъ, по всегдашнему своему обыкновенію.

Когда пришла ночь, душа втянула въ себя воду, и Батау сталъ двигаться всёми своими членами и посмотрёлъ на старшаго своего брата. Но сердце не двигалось. И Анепу, старшій его братъ, взялъ сосудъ съ холодной водой, гдё была душа его брата, далъ ему выпить его, и смотри-ка! душа очутилась на прежнемъ своемъ мёстё. Тутъ онъ тотчасъ же сдёлался такимъ, какимъ былъ прежде. Они обнялись, и стали разговаривать другъ съ другомъ. И Батау сказалъ своему старшему брату: «Вотъ что! я превращусь въ священнаго вола со всёми

¹⁾ По Руже «съ мечами».

святыми отмѣтинами, никто не будетъ знать его тайны, а ты садись мнѣ на спину. И когда взойдетъ солнце, мы будемъ тамъ, гдѣ теперь моя жена. Отвѣчай мнѣ: сведешь-ли ты меня туда? Вѣдь съ тобой будутъ обращаться совершенно такъ, какъ долж-но. Тебя нагрузятъ серебромъ и золотомъ, когда ты меня пове-дешь къ фараону: я вѣдь несу съ собой счастье, и меня будутъ провожать радостными кликами по всей землѣ. А ты ступай въ свою деревню».

свою деревню». Когда земля прояснилась и наступиль новый день, Батау приняль на себя тоть видь, про который говориль своему брату. И Анепу, его старшій брать, сѣль къ нему на спину на самонь разсвѣтѣ. И онъ пришель къ тому мѣсту, и царю сказали объ этомъ; и царь посмотрѣль на него и очень обрадовался, сдѣ-лаль для него праздникъ, такой большой, что и не разсказать, потому что это было великое счастіе. И изъ-за него шла ра-дость по всей землѣ. И много серебра и золота дали его стар-шему брату, жившему въ деревнѣ, а къ волу приставили много слугъ и отпустили ему много всякихъ вещей, и фараонъ сталь крѣпко любить его, больше чѣмъ какого-бы то ни было чело-вѣка въ иѣломъ краю вѣка въ цѣломъ краю.

въка въ цъломъ краю. Много дней спустя вошелъ волъ въ святилище и сталъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была красавица. Тогда онъ сталъ го-ворить съ нею и сказалъ: «Смотри-ка сюда, а вѣдь я живъ»!— А она сказала: «Да кто-же ты такой»? — И онъ сказалъ ей: «Я Батау. Въ тотъ разъ, что ты велѣла срубить кедръ, ты ска-зала фараону, гдѣ я, для того, чтобъ мнѣ потомъ больше не жить. А вотъ, посмотри-ка на меня, я только оборотился во-ломъ». — Тогда красавица крѣпко испугалась, услыхавъ то, что свазаль мужь.

сказалъ мужъ. И когда онъ вышелъ изъ святилища, царь, чтобъ провести хорошенько день, сидѣлъ съ нею, а она была въ милости у ца-ря, и онъ выше всякой мѣры былъ до ней добръ¹), тутъ она ему и сказала: «Поклянись мнѣ богомъ, что исполнишь все, что я тебѣ скажу». Тогда онъ исполнилъ все, что она ему го-ворила, и она сказала: «Дай мнѣ съѣсть печень этого вола, вѣдъ тебѣ онъ не нуженъ». Это она ему сказала. И онъ очень опе-чалился тому, что она она говорила²), и душа фараона сму-тилась выше всякой мѣры. Когда потомъ прояснилась земля и наступилъ новый день,

· .

¹) Руже замѣчаетъ, что здѣсь надо разумѣть очередной день гаремной жен-QUINI.

²) У Руже: «Эти слова произвели между ними великую ссору».

приготовили большіе праздники, чтобъ приносить жертвы волу. Но туть одинъ изъ самыхъ первыхъ слугъ церевыхъ пошелъ убить вола. И потомъ случилось, что когда его хотѣли убивать, подлѣ него стояли люди. И когда онъ ударилъ его по затылку, двѣ капельки крови брызнули туда, гдѣ стоятъ оба косяка царскихъ дверей, одна капля попала на одну сторону дверей фараоновыхъ, а другая на другую сторону¹). И изъ нихъ выросло два большихъ персеевыхъ дерева²). И каждое изъ нихъ стояло отдѣльно.

Тогда пошли къ царю, и сказали ему, что двѣ большія персеи выросли за ночь, царю на счастье, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ большія царскія двери; и отъ этого поднялась великая радость по всей землѣ.

Много дней спустя, на царѣ было надѣто ожерелье изъ лаписъ-лазули, и прекрасные цвѣточные вѣнки висѣли у него на спинѣ³). Онъ стоялъ на своей золотой колесницѣ, и только-что выѣхалъ изъ царскихъ палатъ, тутъ тотчасъ и увидалъ персеи. И женщина - красавица ѣхала на колесницѣ за фараономъ. И царь сѣлъ подъ одну изъ персей⁴), и дерево стало говорить его женѣ: «Эй, ты, обманщица, я Батау, я еще живъ, да только оборотился. Ты сказала фараону, гдѣ я, чтобъ меня убили; я былъ воломъ, и ты велѣла меня убить».

Много дней спустя, красавица была въ милости у царя, и онъ былъ добръ до нея. И она сказала царю: «Да вотъ, поклянись мнё богомъ, что сдёлаешь все, что я скажу». Онъ и тутъ выполнилъ всё ея слова, и она сказала: «Вели спилить оба персеевы дерева, пусть изъ нихъ надёлаютъ хорошихъ досокъ». — И всё ея слова исполнили.

Много дней спустя, царь велѣлъ позвать хорошихъ работниковъ, чтобъ срѣзать фараоновы персеи, и царица-красавица стояла тутъ же, и смотрѣла. И отлетѣла прочь щепка и попала въ ротъ красавицѣ, и она замѣтила, что забеременила. (Здись

³) Руже замѣчаетъ, что ожерелья егинетскихъ фараоновъ обыквовенно состояли всего болѣе изъ кусковъ настоящаго занисъ-лазули или искусственной эмали, оправленныхъ въ золото; украшенія ожерелья были ссставлены изъ цвѣтовъ и бутоновъ лотоса.

4) У Руже: «Царь остановился у персей».

Томъ V. - Октяврь, 1868.

^{&#}x27;) У Руже: «Люди держали вола, и когда его убивали, онъ сталъ трясти шеей и двћ капельки крови брызнули»...

^{?)} Персея — дерево жизни. Съ его вершины паливаеть живую воду богини Хаторъ, которой это древо посвящено. Unger, Botanische Streifzüge auf dem Gebiete der Culturgeschichte. Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wiss. zu Wien.—B. XXXVIII, 1895, 125—126.

папирусь испорчень).... И дѣлали все, чего только ея душа пожелаеть.

И, много дней спустя, она родила мальчика, и пошли свазать царю: «У тебя родился сынъ». И его принесли, и ему дали кормилицу и нянекъ, и пошла радость по всей землѣ. Всѣ разсѣлись, чтобъ отпраздновать праздникъ, ему дали имя, и царь съ того же часа крѣпко полюбилъ его и назвалъ его эеіопскимъ царевичемъ ¹).

И когда, послѣ того, прошло много дней, царь сдѣлалъ его намѣстникомъ страны.

И когда, послѣ того, прошло много дней, и онъ много лѣтъ пробылъ намѣстникомъ, царь умеръ, и фараонъ улетѣлъ на небо.

И тотъ сказалъ: «Ну, хорошо, пусть ко мнѣ приведутъ знатныхъ и вельможъ царскаго двора, я имъ разскажу всю исторію, какъ что было со мной и съ царицей». И къ нему привели его жену, и онъ далъ себя узнать ей, передъ ними, и они произнесли свой приговоръ.

И къ нему привели его старшаго брата, и онъ сдѣлаль его намѣстникомъ всей своей страны. Онъ тридцать лѣтъ правиль Египтомъ какъ царь.

Послѣ того, онъ прожилъ 30 лѣтъ, и его братъ сталъ на его мѣсто въ день похоронъ²).

Всѣ египтологи въ одинъ голосъ говорять, что эта повѣстьдревнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ на свѣтѣ и имѣющая несомнѣнно около 3000 лѣть отъ роду—переноситъ насъ въ самую среду египетскихъ вѣрованій и понятій, и въ самую среду египетской жизни, со всѣми подробностями. Переселеніе душъ, языкъ звѣрей, священный волъ Аписъ и его религіозное чествованіе, фараонъ со своимъ гаремомъ и со всей дворцовой и царской обстановкой, земледѣльческій классъ народа въ Египтѣ, странствующіе по землѣ и покровительствующіе народу боги все это выражено здѣсь въ такихъ чертахъ и краскахъ, въ національности и самостоятельной оригинальности которыхъ нельзя сомнѣваться.

¹⁾ Руже говорить, что при XIX-й династии, титло «зейопскаго царевича» было высшимъ государственнымъ саномъ.

²) У Руже: «Послё того онъ прожилъ 30 лётъ, н его братъ наслёдовалъ ему въ день его прибытія въ гавань».

Эта волшебная, народно-египетская повѣсть, по предположенію Бирча написанная въ стихахъ 1), знакомитъ насъ, въ пластическихъ, глубоко-художественныхъ образахъ не только съ литературою и поэзіею, но и съ самою жизнью Египта, и уничтожаетъ многія фальшивыя представленія, вынесенныя нами еще изъ школы. Мы не станемъ уже болѣе вѣрить тѣмъ ученымъ, которые стануть увёрять нась, что, изучая Египеть, нельзя до-вольно надивиться «совершенному недостатку конкретной жизни въ древнемъ Египтѣ»; что «индивидуальная великость совершенно отсутствуеть въ историческихъ фазисахъ египетской жизни», и что «всѣ литературныя произведенія Египта имѣють содержаніемъ только узкій кругъ національной, кастовой и семейной жизни»²); мы не станемъ уже больше върить и тъмъ ученымъ, которые вздумали бы, по прежнему, увърять насъ, что «въ Египтъ жизнь состояла болье въ избъжании всего дурного, чъмъ въ исполненіи добрыхъ дёлъ; что отрицательная добродётель, забот-ливо хлопотавшая только о томъ, какъ бы не нарушать предписаній жреческихъ, стояла выше, чёмъ положительная дёятель-ность или религіозная задушевность, ищущая чистоты сердечной; что это нравственное направление религи высказывается, въ Египтъ, точно также, какъ и въ Китаъ, въ честной гражданской жизни и семейныхъ добродътеляхъ ежедневной жизни. Бракъ въ Египтъ, какъ и въ Китаъ, является въ такихъ нъжныхъ отношеніяхъ, вакъ нигдѣ болѣе, во всемъ языческомъ мірѣ³). Настоящая повѣсть убѣждаетъ насъ, что египтяне были точно такой же народъ, какъ и всѣ остальные: имѣли и свои добродѣтели, и свои пороки; бракъ у нихъ не игралъ никакой исключительной роли передъ остальными народами и подвергался точно такимъ же нарушеніямъ, какъ и вездѣ, а люди были вмѣстѣ и герои и не-герои, — и люди массы, и люди индивидуальныхъ проявленій, какъ и въ остальномъ свътъ. А что касается до женщинъ и мужчинъ египетскихъ, то новъйшіе египтологи, на основании какъ этой пов'єсти, такъ и другихъ произведений египетской литературы, не только не считають ихъ образцами пассивной кротости и семейныхъ добродѣтелей, но утверждаютъ, что это быль «народъ горячій и любострастный, у котораго увлеченія страсти, излишества роскоши, игра соперничествь об-

⁸) Weber, Allgem. Weltgeschichte. Leipzig, 1857, I, 183.

¹) Select papiri of the hieratic charactery from the collection of the British Museum. London, 1860, предисловіе, стр. 7: «Судя по краткости фразь и поэтическому Складу стиля, кажется, что это скорѣе поэма, чѣмъ простой разсказъ въ прозѣ».

²⁾ Gosche, Wisenschaftlicher Jahresbericht über die Morgenländischen Studien, 1859-1861. Leipzig, 1868, 276, 277 H 280.

щественной жизни часто были причиной катастрофъ, и именно туть-то саркастическій и каррикатурный юморъ древнихъ егип-тянъ очень рельефно любилъ выставлять женщинъ» ¹). Но имѣемъ ли мы, однакоже, право считать настоящую повёсть кореннымь египетскимъ произведеніемъ? Гдё и какъ оно первоначально возникло?

никло? Изъ послѣсловія папируса, содержащаго повѣсть о двухъ братьяхъ, мы узнаемъ, что она сочинена писателемъ Аннаной или Енаной, для паслѣдника престола, царевича Сети Меренфти, сына фараона Рамзеса Міамуна, и что она считалась столько превосходною, что признана достойною быть присоединенною къ сочиненіямъ писателей Канабу, Хоры и Мереману. При этомъ Бругшъ замѣчасть, что повѣсть эта имѣсть нѣкоторое сходство со многими разсказами и легендами, дошедшими до нашего времени, и прибавляеть: «Самъ ли писатель Аннана сочинилъ эту повъсть, или слышаль ее оть другихъ и только изложиль ее въ художественной формъ — это вопросы, которые никоимъ обра-зомъ не увеличиваютъ и не уменьшаютъ ея достоинства. По-въсть есть и навсегда останется въ высшей степени достойна уваженія по своему происхожденію и по древности, которая можеть быть доказана».

Нельзя не согласиться съ Бругшемъ, что эта повѣсть дѣй-ствительно заключаетъ въ себѣ не мало мотивовъ, встрѣчаемыхъ въ разныхъ современныхъ легендахъ и даже народныхъ сказкахъ. Соблазнение добродътельнаго юноши замужнею женщиною встръчается въ очень многихъ литературныхъ произведенияхъ европейскихъ и азіятскихъ народовъ (у насъ, въ особенности въ былинъ о Сорока каликахъ со каликой); преслъдованія мужа невърною женою, обмираніе его и превращеніе въ разныя суще-ства, и, наконецъ, полное его торжество падъ всёми кознями все это мотивы также намъ извѣстные, каждый въ отдњльности, изъ разныхъ восточныхъ и европейскихъ повъстей и сказобъ. Ная разныхь восточныхь и свропенскихь повыстей и сказокь. Но есть одинъ восточный разсказь, гдѣ въ одной нераздюльной послъдовательности мы встрѣчаемъ, почти во всей полнотѣ, ту самую повѣсть, какую разсказываль египетскій писатель Аннана египетскому царевичу Сети Меренфтѣ.

Приведемъ се здѣсь въ возможно краткомъ видѣ. Она мо-жетъ послужить намъ для довольно-любопытныхъ заключеній.

Въ персидскомъ Шахъ-Намэ огромное мѣсто занимаетъ исторія царевича Сіавуша, сына царя Кей-Кауса. Когда пришли юношескіе годы Сіавуша, царь Кей-Каусь,

¹⁾ Chaba, Les Papyrus magique, Harris, Chalon-sur-Saône, 1860, 134-135.

испытавъ его въ теченіе 7 лъ́тъ, далъ ему часть своего царства въ управленіе, и именно провинцію Кевертанъ. «Сердце царево, говоритъ Шахъ-Намэ, радовалось на его сына (царевича Сіавуша). Разъ Кей-Каусъ сидѣлъ съ Сіавушемъ, вдругъ Судабэ (первая царская жена) показалась въ дверяхъ и неожиданно увидала Сіавуша. Она задумалась и сердце у ней сильно забилось. Пожалуй иной сказалъ-бы, что она была хороша словно кайма у ковра, что она блестѣла словно кусочикъ льда передъ огнемъ. Она послала одного человѣка къ Сіавушу, и говоритъ ему:—Ступай ты къ нему по секрету, и скажи, что-дескать въ покояхъ царскихъ женъ (гаремѣ) никто не удивится, если ты вдругъ пожалуешь туда. Посланный пошелъ и исполнилъ порученіе; но благородный Сіавушъ разсердился и сказалъ ему:—Я совсѣмъ не такой человѣкъ, что̀ годится для женскихъ покоевъ; не ходи ты больше ко мнѣ, я не люблю хитростей и лжи.

На другой день Судабэ приб'ежала къ царю Иранскому и сказала ему: - «О царь народа, ни солнце ни луна не видали такого царя какъ ты, и никто на свётё не равняется твоему сыну. Да возрадуется весь свёть твоему дитяти! Пошли-ка его къ твоимъ женамъ, къ его сестрамъ и твоимъ идоламъ (наложницамъ), и скажи ему: ступай въ женскіе покои, къ твоимъ сестрамъ, и ходи туда почаще. У всёхъ женщинъ, завёшенныхъ покрывалами, сердце налилось кровью и щеки омочены слезами, такъ онѣ его любять. Мы станемъ ему кланяться и надаемъ ему подарковъ; мы тоже заставимъ и дерево почтенія принести плодъ». Царь отвѣчаль: «ты добро говоришь, ты любишь его какъ сто матерей вмѣстѣ.» И Каусъ позвалъ Сіавуша и сказалъ ему: Крови въ жилахъ и любви не спрячешь. Пресвятой Богъ сдѣлалъ тебя такимъ, что кто тебя ни увидитъ, непремѣнно полюбитъ. Богъ даль тебѣ чистое рожденіе, и никогда ни одна мать не рожала такого чистаго ребенка, какъ ты. Въ самомъ делъ, те кто приходится теб' близкими по крови, какъ-же онъ будутъ считать тебя за родного, когда будуть видъть только издали? За занавъсами моихъ женскихъ покоевъ, сидятъ твои сестры, и Судабэ для тебя все равно, что самая нѣжная мать. Сходи-ка, повѣдайся съ этими женщинами въ покрывалахъ, да побудь у нихъ немножко, пусть онъ призовутъ милость Господню на тебя. — Сіавушъ выслушалъ рѣчь цареву и посмотрѣлъ на него смущеннымъ взглядомъ; онъ долго подумалъ внутри себя и постарался выгнать изъ сердца это безпокойство. Ему пришло въ голову, что отецъ хочетъ испытать его, чтобъ посмотрѣть, что онъ думаетъ, потому что Каусъ быль порядочный хитряга, съ льстивою рѣчью, человѣкъ осторожный, дальнозоркій и подозрительный. Онъ сказалъ про

себя:— «Плохо дѣло! Это все отъ Судабэ идетъ; а если мнѣ не пойти въ женскіе покои, она сдѣлаетъ такъ, что меня забранятъ.» Онъ и отвѣчалъ:— «Царь далъ мнѣ власть, тронъ и вѣнецъ. Отъ того мѣста, гдѣ восходитъ высокое солнце, чтобъ свѣтить міру, и до того, гдѣ оно садится, нѣтъ царя, котораго можно былобы съ тобой сравнить по добротѣ, мудрости, обращенію и хорошимъ совѣтамъ; но мнѣ нужны мобеды (жрецы) и мудрецы, вельможи и люди опытные въ дѣлахъ; мнѣ нужны копья и палицы, стрѣлы и луки, чтобъ бросаться на ряды твоихъ враговъ; мнѣ нуженъ тронъ царскій, пышность придворная, пиры, вино и собесѣдники. Чему мнѣ учиться въ покояхъ царскихъ женъ? Вѣдь не женщины-же укажутъ путь мудрости! Но если того царь хочетъ, мое дѣло слушаться.» Царь сказаль:—О сынъ мой, да будешь ты счастливъ! Да будешь ты всегда столпомъ разума! Мало я слышалъ такихъ хорошихъ рѣчей, и мудрость твоя будетъ все только рости, когда ты ужъ уразумѣлъ все это. Не давай подозрѣнію входить въ сердце твое, будь весель и ни объ чемъ не безпокойся. Сходи ты только одинъ разь, повидай этихъ молодушекъ, доставь имъ немножко удовольствія. Сіавушъ отвѣчалъ: — «Я пойду завтра утромъ, я сдѣлаю все, что сказалъ царь. Я стою передъ тобой какъ рабъ: я отдалъ свою душу и сердце твоимъ приказаніямъ. Я пойду какъ ты велишь, потому что ты царь и владыка міра, а я рабъ.» Когда на другой день Сіавушъ вошелъ въ гаремъ, «всѣ жен-

Когда на другой день Сіавушъ вошелъ въ гаремъ, «всё женщины прибѣжали въ нему на встрѣчу, веселыя и разряженныя, какъ въ праздникъ. Весь покой, отъ одного конца до другого, былъ полонъ муска, золота и шафрана; женщины стали бросать серебряныя монеты подъ ноги Сіавушу, и перемѣшали вмѣстѣ множество рубиновъ и изумрудовъ, чтобъ осыпать его голову. Не видать было пола подъ китайской парчой; вся земля была покрыта самымъ отличнымъ жемчугомъ; были тутъ вино и музыка; слышно было пѣвцовъ, у которыхъ у каждаго было по вѣнцу изъ драгоцѣнныхъ камней на головѣ. Вся палата была убрана, словно парадизъ, и наполнена женщинами-красавицами и драгоцѣнностями. Когда Сіавушъ пришелъ ко входу большой залы, онъ увидалъ тамъ тронъ, сіяющій золотомъ, весь убитый бирюзой и украшенный парчой, достойной царя. На этомъ тронѣ сидѣла Судабэ съ лицомъ, подобнымъ мѣсяцу, чудесная разноцвѣтными красками и благоуханіями, словно парадизъ. Она сидѣла, точно будто блестящая звѣзда, сама покрытая локонами волосъ, падающими одинъ на другой; у ней на головѣ была высокая корона, и косы ея волосъ, благоухающихъ мускомъ, висѣли до самыхъ ея ногъ. Передъ нею стояли въ порядкѣ ея рабыни, со своими золотыми башмаками въ рукахъ, и наклонивъ голову къ землѣ. Только-что Сіавушъ переступилъ за занавѣсъ, Судабэ быстро сошла съ трона, пошла къ нему на встрѣчу граціознымъ шагомъ, и поклонилась ему; она долго прижимала его къ своей груди. Она стала цаловать ему лицо и глаза, и не могла насмотрѣться на молодого царевича. Она благодарила Бога на сто разныхъ манеровъ, и говорила: я стану молиться Богу и денно и нощно, потому что нѣтъ ни у кого такого сына какъ ты, и нѣтъ у царя дитяти, равнаго тебѣ. «Сіавушъ почувствовалъ, что это была за любовь, и что эта нѣжность была не по-божьему; онъ поскорѣе и подошелъ къ своимъ сестрамъ, потому что ему не по-сердцу было оставаться съ Судабэ. Сестры стали благословлять его, и усадили на золотомъ сѣдалищѣ. Онъ долго остался съ ними, потомъ воротился къ царю».

День спустя, царь, наученный своею влюбленной женой, снова принуждаетъ Сіавуша идти въ свой гаремъ: тамъ онъ долженъ теперь выбрать себѣ жену или наложницу. Только-что Сіавушъ вошелъ въ гаремъ, Судабэ начинастъ спрашивать его, которую изъ всѣхъ находящихся тутъ красавицъ онъ выбираетъ. Сіавушъ молчитъ. «Тогда красавица съ лицомъ пери сняла съ чела своего покрывало, и сказала ему: Когда ты видишь, на ихъ блестящихъ тронахъ, солнце и молодую луну, что же тутъ мудренаго, что ты презришь луну и прижмешь къ груди своей солнце! Когда какой-нибудь человъкъ увидитъ меня, сидящую на тронѣ слоновой кости, съ вѣнцомъ изъ рубиновъ и бирюзы на головѣ, нѐчего тогда удивляться, если онъ не станетъ больше смотрѣть на луну, и никого больше не считаетъ красавицей, кромѣ меня. Если ты согласенъ теперь сойтись со мной, и будешь вёренъ, и успокоишь мою голову, я дамъ тебё одну изъ моихъ молодыхъ дочерей, чтобъ она стояла передъ тобою, какъ раба. Дай-же мнъ теперь великую клятву и не отступай ни отъ чего того, что у тебя спрошу. Когда царь покинетъ этотъ міръ, ты замѣнишь его у меня, ты не станешь терпѣть, чтобъ кто-нибудь причинялъ мнѣ вредъ, ты будешь обожать меня, какъ свою собственную душу. Вотъ я стою передъ тобой какъ раба, я отдаю тебѣ свое тѣло и свою блестящую душу; что бы ты у меня ни спросилъ, я все исполню, и никогда не отворочу головы моей отъ твоего аркана. — Она кръпко прижала губы свои къ щекъ Сіавуша и поцъловала его; она забыла всякій стыдъ и добродѣтель. Щеки Сіавушевы покраснѣли отъ стыда словно розаны, и его рёсницы вдругъ покрылись горячими кровавыми слезами. Онъ сказалъ въ душё своей: Да сохранитъ меня пре-

723

святая звѣзда отъ дѣлъ дива (злого духа)! Я не хочу измѣнять моему отцу, ни входить въ союзъ съ Ариманомъ. Если я стану холодно говорить съ этой безстыдной женщиной, ея сердце будетъ кипѣть и бѣшенство всю ее разожжетъ; тогда она втайнѣ состряпаетъ какую-нибудь колдовскую хитрость, и царь повѣритъ ея словамъ. Лучше будетъ сказать ей горячимъ голосомъ нѣсколько нѣжныхъ и лестныхъ словъ. — Вотъ онъ и отвѣчалъ потомъ Судабэ: Нѣтъ на свѣтѣ женщины равной тебѣ; твоей красоты не съ чѣмъ сравнить, развѣ что съ луной, и никто тебя не достоинъ кромѣ царя. Съ меня уже довольно и того, что ты мнѣ отдаешь твою дочь, и не долженъ обладать никакою другою женщиной. Оставайся же въ своемъ намѣреніи, и скажи объ этомъ царю иранскому, и обрати вниманіе на то, что онъ тебѣ скажетъ. Я стану свататься за твою дочь и женюсь на ней, и вотъ тебѣ порукой мое слово, что я не подумаю ни объ какой другой женщинѣ, пока она не доростетъ до моего роста. Ты вотъ говорила мнѣ еще про мое лицо, ты дала любви ко мнѣ войти въ твою душу. Ботъ въ милости своей сдѣлалъ меня такимъ, каковъ я есть, о женщина, прекраснѣе всѣхъ на свътѣ! Держи про себя тайну свою и не сказывай ея никому; я же только и думаю, какъ бы ее скрыть. Ты первая изъ всѣхъ царицъ, и ты наша царица, а я смотрю на тебя все равно какъ на мать.—Онъ сказалъ это и оставилъ Судабэ, а ея душа была полна любви къ нему.»

Послѣ того царица увѣряетъ Кей-Кауса, что Сіавушъ выбралъ себѣ ея дочь въ жены; царь радуется этому, и назначаетъ сыну множество сокровищь, а Судабэ произнесла про себя много колдовскихъ рѣчей и сказала сама себѣ: «Если Сіавушъ не исполнитъ того, что̀ я хочу, я согласна, пусть онъ уничтожитъ мою душу, я употреблю все, что̀ только есть на свѣтѣ тайныхъ и явныхъ средствъ; и если потомъ онъ все-таки о́твернетъ отъ меня голову, я нажалуюсь на него царю. Послѣ того она сѣла на свой тронъ, съ чудными серьгами въ ушахъ и съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ. Она велѣла позвать къ себѣ Сіавуша, стала говорить ему обо всемъ этомъ и сказала: «Царь назначилъ тебѣ большія сокровища, богаче всѣхъ троновъ и діадемъ. Тутъ есть все, чего только ты можешь пожелать, безъ счета; еслибъ ты захотѣть перевести ихъ, понадобилось бы 200 слоновъ. А я, такъ хочу отдать тебѣ дочь свою. Но посмотри на мое лицо, мой лобъ и мой вѣнецъ, и скажи мнѣ; ну зачѣмъ ты это отвергаешь мою любовь, зачѣмъ ты удаляешься отъ моего лица и моего тѣла? Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидала, я все равно что мертвая, я плачу, я жалуюсь, я вѣчно безпокойна, я

несчастна. Я въ такой горести, что не вижу больше свътлаго дня, мнё кажется точно будто солнце потемнёло. Вотъ ужъ цё-лыхъ семь лётъ, моя любовь заставляетъ меня проливать кровавыя слезы по щекамъ моимъ. Сдѣлай-же ты меня счастливой одинъ разъ втайнѣ, отдай ты мнѣ одинъ день своей молодости. Я тебѣ надѣлаю больше браслетовъ, вѣнцовъ и троновъ, чѣмъ даетъ тебѣ царь. Но если ты меня послушаешься, если твое даеть теов царь. По если ты меня послушаешься, если твое сердце не вылёчить моихъ мукъ, я лишу тебя этого царства, я затемню тебё солнце и луну». Сіавушъ отвёчаль: Никогда бы моей головё не вертёться по вётру, какъ сердце пожелаеть! Неужто мнё измёнить своему отцу? Неужто мнё отступиться оть добродётели и хорошаго поведенія? Ты царева жена и солнце, освѣщающее его тронъ-и ты же еще предлагаешь мнѣ такой грѣхъ?-Онъ всталъ со своего трона, съ негодованіемъ и гнѣ-вомъ; но Судабэ схватила его за руки и сказала: Я тебѣ высказала свою душевную тайну, а ты скрыль оть меня свои дурные помыслы; въ своемъ безуміи, пожалуй, ты вздумаешь меня погубить, ты меня выставишь легкомысленною передъ добрыми людьми. И туть она тотчась же разодрала всё свои одежды, окровавила себѣ щеки ногтями, и наполнила своими вриками покои цар-скихъ женъ. На улицѣ слышенъ былъ шумъ изъ дворца; оттуда слышны были голоса и крики, пожалуй, иной сказаль бы, что ночь воскресснія мертвыхъ пришла. Дошелъ слухъ и до царя; онъ сошелъ со своего царскаго трона; полный подозрѣній, онъ покинуль свой золотой тронь, и побежаль въ покои своихъ женъ. Придя туда, и видя, что лицо у Судабэ все растерзано, а дворець полонъ всякой смуты, онъ сталь распрашивать всёхъ, кого только увидаль; сердце у него съежилось, но ему и въ голову не приходило, что такое надѣлала эта женщина съ камен-нымъ сердцемъ. Судабэ подбѣжала къ нему; она испускала вопли, проливала кровавыя слезы, рвала на себѣ волосы, и закричала ему: Сіавушъ пришелъ къ моему трону, наложилъ руки на меня, и силою схватилъ меня, говоря: моя душа и мое сердце полны любви къ тебѣ; къ чему же это, красавица, ты противишься мнѣ? Съ самаго начала я только тебя и желалъ! Вотъ вся правда, я должна же сказать ее. Онъ сронилъ діадему съ моихъ муску-совыхъ волосъ, и вотъ ты видишь, какъ онъ разорвалъ мнъ платье на груди. Царь задумался при этомъ разсказъ, и сталъ много распрашивать Судабэ. Онъ сказалъ про себя: если только она правду говорить, если она не о томъ хлопочеть, чтобъ его оклеветать, надо будетъ отрубить голову Сіавушу; я этимъ сокрушу.

Послѣ того царь начинаетъ распрашивать Сіавуша, и тотъ

разсвазываеть какъ что было. Судабэ снова начинаеть увърять Кей-Кауса, что Сіавушъ хотѣлъ изнасиловать ее, приводить цѣлыя его рѣчи. Царь не знаетъ, кому вѣрить, и наконецъ, придумываеть обнюхать и своего сына и свою жену. Туть онъ находить, что отъ Судабо съ ногъ до головы пахнетъ виномъ, мускусомъ и розовой водой, а на Сіавушѣ онъ не нашелъ и тъни этихъ запаховъ. Увърившись, такимъ образомъ, что Сіавушъ до нея недотрогивался, царь оправдываеть его. Но царица на этомъ не останавливается. Она подкупаетъ одну беременную служанку свою, заставляетъ ее выкинуть, и потомъ съ врикомъ и жалобами объявляеть Кей - Каусу и всёмь окружающимь, что мертворожденные младенцы — ея дѣти отъ Сіавуша, послѣ его насилія. Царскіе астрологи гадають по волшебнымъ своимъ книгамъ, и узнаютъ тамъ истину; но Кей-Каусъ, постоянно подъучаемый царицей, все-таки еще не въритъ и, наконецъ, последнимъ средствомъ для того, чтобъ узнать истину, избираютъ огонь: если обвиняемый пройдеть сквозь огонь цёль и невредимъ, онъ значить правъ. Сіавушъ добровольно соглашается на это испытаніе. Тогда сто верблюжьихъ варавановъ привозять въ сто побздовъ столько лёса, что его потомъ сложили двумя кучами вышиной до самого неба; эти кучи поливають нефтью и двёсти человѣкъ зажигаютъ костры. Тогда Сіавушъ, съ золотымъ шлемомъ на головѣ, весь въ бѣломъ, спокойный и улыбающійся, подъбзжаетъ на ворономъ конъ къ своему отцу, и обливаетъ всего себя камфорой, по персидскому похоронному обычаю. Кей-Каусу такъ стыдно, что у него краска на лицѣ, но Сіавушъ успокоиваетъ его, говоря, что върно такъ небо хочетъ, а по-томъ онъ подъбхалъ къ костру и обращается къ Богу. «О Боже! говорить онь, ты, что стоишь превыше всякой нужды, дай мн5 пройти сквозь эту огненную гору, и избавь меня отъ стыда, который покрываеть меня въ глазахъ моего отца!» потомъ онъ во весь опоръ скачетъ на своемъ конъ, и проъзжаетъ сквозь горящіе костры цёль и невредимь. Кей-Каусь обнимаеть его, радуется за него и за себя, и велить повѣсить Судабэ, но Сіавушъ выпрашиваетъ ей у отца своего прощеніе.

Боясь дольше оставаться вмёстё съ отцомъ своимъ, который во всемъ слушается царицы Судабэ, Сіавушъ отпрашивается командовать персидскимъ войскомъ противъ туранскаго царя Афразіаба, сдёлавшаго нашествіе на Иранъ. Но тутъ онъ скоро навлекаетъ на себя сильный гнёвъ своего отца, потому что заключаетъ перемиріе съ Афразіабомъ, и участвуетъ въ его пирахъ. Кей-Каусъ велитъ сыну сдать начальство надъ войскомъ другому воеводѣ иранскому, а самому воротиться домой. Тогда

Сіавушь, еще больше прежняго боясь козней и ненависти царицы Судабэ, посылаеть сказать Афразіабу, что онъ хочеть прійти жить въ нему, потому что ему теперь неблагоразумно было бы воротиться въ Кей-Каусу, котораго приказаній онъ не выпол-нилъ. «Хочу я, говорить Сіавушъ, сыскать себѣ такой уголочекъ на землё, гдё ничего бы не зналъ обо мнё Кей-Каусъ, гдё-бы я ничего не слыхалъ-бы про его дурныя намъренія, и гдъ-бы мнѣ можно было, хоть на нѣсколько времени, отдохнуть отъ борьбы съ нимъ.» Афразіабъ принимаетъ его съ распростертыми объятіями, его самого и его отрядъ — онъ въ восхищеніи, что иранское войско будетъ лишено теперь одного изъ главныхъ и самыхъ могучихъ богатырей своихъ. Много времени проходитъ въ праздникахъ и пирахъ, Афразіабъ обращается съ Сіавушемъ, точно съ самымъ любимымъ сыномъ, и навонецъ, по совъту одного вельможи, отдаеть за него замужъ свою дочь, Ференгизъ. «Красавица эта-говорить Шахъ-Намэ-старшая дочь царя туранскаго, и нътъ на землъ такого лица подобнаго свътлой лунь, какъ у ней. Ея станъ стройнѣе кипариса, а голова поврыта вѣнцомъ чернаго мускуса. Ея добродѣтель и мудрость несравнепны, и изтъ женщины, ей равной, во всемъ Кашмиръ и Кабуль». Афразіабъ, вместе съ дочерью, далъ целую область Сіавушу, тоть тамъ поселяется какъ намъстникъ царский, перейдя море, выстраиваетъ для своего житья два города, именемъ -- одинъ Гангдизъ, а другой Сіавушгирдъ, такіе города, которыхъ, по словамъ Шахъ-Намэ, нельзя было по красотъ и по накопленнымъ тамъ богатствамъ сравнить ни съ какимъ другимъ городомъ. Но мобедэ (жрецы) туть же предсказывають Сіавушу, что онъ не долго проживетъ, и умретъ насильственною смертью.

И дъйствительно, скоро обрушиваются на Сіавуша несчастія. Родной братъ Афразіаба, Герзивецъ, завидуя Сіавушу и въ силѣ, и въ богатствѣ его, и въ счастіи и въ царской милости, клевещетъ на него Афразіабу, и увѣрлетъ туранскаго царя, что Сіавушъ хочетъ измѣнить ему и перейти опять въ иранцамъ, и вотъ лучшее тому доказательство: Афразіабъ вотъ уже два раза посылаетъ сказать Сіавушу, чтобъ онъ со своей женой, Ференгизъ, ѣхалъ повидаться съ царемъ, а Сіавушъ не ѣдетъ, и только подъ разными предлогами отговаривается. Афразіабъ вѣритъ клеветѣ и тотчасъ же идетъ на зятя своего съ войскомъ. Тогда Сіавушъ разсказываетъ своей женѣ Ференгизъ сонъ свой, изъ котораго онъ знаетъ все, что должно съ нимъ случиться; говоритъ, что вотъ теперь придетъ Афразіабъ, его схватятъ и убьютъ, а она родитъ послѣ него сына, который выростетъ и сдѣлается

727

великимъ царемъ и отомститъ за него. Ференгизъ плачетъ и мечется въ отчаяныи, но помочь дёлу нечёмъ.

Сіавушъ выходитъ на встрѣчу Афразіабу съ маленькимъ своимъ отрядомъ пранцевъ, тъ готовы храбро биться съ туранцами, но этихъ гораздо больше и, щадя своихъ спутниковъ, Сіавушъ не велить имъ сражаться. Его схватывають, приводять въ Афразіабу, и тотъ велитъ казнить. Тутъ прибѣгаеть дочь его, красавица Ференгизъ, и умоляетъ его помиловать Сіавуша, витстѣ и ласкаясь въ отцу, и грозя бъдами, которыя неминуемы для туранцевъ, если они убьютъ иранскаго царевича. Но ничъмъ не пронять Афразіаба: онъ теперь точно бѣшеный и велить запереть дочь свою въ одинъ далекій покой дворца Сіавуша. Потомъ Сіавуша потащили вонъ за городъ, и туть одинъ изъ царскихъ приближенныхъ, именемъ Геруи-Зерэ, столько же ненавидъвшій Сіавуша и завидовавшій ему, какъ Герзивецъ, схватилъ блестящій кинжаль Герзивецовь, чтобь пролить кровь Сіавушеву. Онь волочиль его за волосы до самаго того мѣста, гдѣ однажды Сіавушъ и Герзивецъ метали свои стрѣлы въ день игръ¹).

Придя туда, подлый Геруи-Зерэ, который только одно и любиль, какъ бы сдёлать какое зло, бросиль объ-поль Сіавуша, слона ужаснаго, безъ всякой жалости къ царевичу, безъ всякаго страха Божія. Онъ поставиль передъ Сіавушемъ золотой сосудъ, завернулъ ему горло какъ барану, и отдёлилъ голову отъ тёла, подобнаго серебряному кипарису. Тогда кровь потекла въ сосудъ. Потомъ Геруи-Зерэ снесъ тотъ сосудъ туда, куда велёлъ Афразіабъ, вылилъ его, и тотчасъ же изъ этой крови выросло растеніе, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вылили сосудъ. Это растеніе зовутъ Сіавушева (драконова) кровь.»

Туть весь дворець наполнился плачемъ и стонами; всё рабыни распустили свои волосы, а «Ференгизъ отрѣзала длинную прядь своихъ черныхъ волосъ и повязала себя ею поперегъ тѣла; она разодрала ногтями свои розовыя щеки, громкимъ голосомъ проклиная душу Афразіабову, и проливая слезы.» Узнавъ обо всемъ этомъ, царь пришелъ въ такую ярость, что велѣлъ палачамъ схватить свою дочь, царицу Ференгизъ, волочить ее за волосы по землѣ и колотить палками до тѣхъ поръ, пока она не выкинетъ младенца, которымъ беременна. Приближенные Афразіаба, приведенные въ негодованіе такимъ варварскимъ приказаніемъ, съ большимъ трудомъ успѣваютъ отговорить его. Однакоже онъ, наконецъ, соглашается, Ференгизъ уѣзжаетъ въ свой городъ, и

¹) На этихъ играхъ Сіавушъ побіднлъ всёхъ туранскихъ богатырей, въ томъ числъ Герзивеца и Геруи-Зерэ, и это была одна изъ главныхъ причинъ ихъ ненависти. Digilized by

тамъ рожаетъ сына Сіавушева, Кей-Хозру. Скоро потомъ въ Иранъ узнаютъ про несчастную участь Сіавуша, одинъ изъ богатырей Кей-Каусовыхъ едетъ за маленькимъ Кей-Хозру, отыскиваетъ его и привозитъ въ Иранъ, вмъстъ съ матерью его, царицею Ференгизъ. Царь съ радостью принимаетъ своего внука, осыпаетъ его всякими богатствами, и дълаетъ предводителемъ надъ войскомъ, а вскоръ потомъ оставляетъ тронъ свой и возводитъ на него Кей-Хозру. Правленіе Кей-Хозру продолжается 60-тъ лътъ, и послъ него правленіе переходитъ въ руки дяди его, Лограспа и сына его Гуштаспа.

Египетская «повѣсть о двухъ братьяхъ» написана въ XIV вѣкѣ до Р. Хр., а персидская поэма «Шахъ-Намэ» явилась на свѣтъ въ XII-мъ вѣкѣ по Р. Хр., значитъ между нашими двумя разсказами есть, по крайней мѣрѣ, 2600 лѣтъ разстоянія, в значитъ, мудрено было бы ожидать не только совершеннаго тожества, но даже какого - нибудь слишкомъ близкаго сходства. И однакоже, такое сходство, такое тожество — есть; оно столь поразительно, что трудно было бы его не замѣтить.

Молодая замужняя женщина (жена Анепу=Судабэ) влюбляется въ юношу, мужнина брата или сына (Батау = Сіавуша). Самъ мужъ (Анепу = Кей-Каусъ) посылаетъ юношу къ своей женъ, и тъмъ даетъ новодъ къ признанію въ любви со стороны своей жены. Она говорить юношѣ, что давно уже смотрить на него и давно уже находить его прекраснымъ и могучимъ, и предлагаетъ ему свою любовь, но онъ не поддается обольщенію, и объявляетъ влюбленной женщинѣ, что предложеніе ея— «великій грѣхъ», что «онъ смотритъ на нее какъ на свою мать, а на ея мужа какъ на своего отца», и объщается никому не говорить. о ея предложеніяхъ. При описаніи молодой женщины большую роль играютъ, въ обоихъ разсказахъ, ел волосы: въ египетскомъ разсказъ, она въ это время заплетаетъ свои волосы, персидский также съ особенною тщательностью упоминаеть, именно въ этомъ самомъ мъстъ разсказа, о волосахъ геронни. Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, она бросается на полъ, разрываетъ на себъ одежды, и когда мужъ возвращается домой, то находить ее лежащею на полу. Она клевещеть на молодого человѣка, въ котораго сама влюблена, мужъ ей вѣритъ и хочетъ сначала убить его, но потомъ убѣждается въ его невинности. Его всеѓо болѣе убъждаеть въ этой невинности то грозное телесное испытаніе, которому подвергаеть себя оклеветанный юноша: въ египетскомъ разсказѣ, Батау отсѣкаетъ у себя членъ тѣла и бросаетъ его въ

ооду, въ персидскомъ — Сіавушъ самъ бросается всёмъ тёломъ своимъ ег огонь, и оба выходятъ изъ этого очистительнаю испытанія цёлы и невредимы. Послё того, преслёдуемый юноша навсегда покидаетъ свою родину и своего отца или брата, переселяется въ чужую землю, устраиваеть тамъ себъ новое жилище (Батау, — хижину, Сіавушъ – дворецъ) и женится на дѣвушкъ чудной красоты, но при этомъ получаетъ предсказание о близкой смерти: Батау получаеть оть боговъ предсказание о смерти своей жены, Сіавушъ получаетъ отъ мобедовъ или жре-цовъ предсказаніе о собственной соей смерти. Наконецъ, преслёдуемый враждебною ему женщиною герой разсказа погибаеть, и въ обоихъ разсказахъ это происходитъ совершенно одинакимъ образомъ: его, по приказанію царскому, зарѣзывають въ присутствія цёлой толпы народа; его кровь брыжжеть на землю, н на этомъ самомъ мъстъ выростаетъ изъ его крови дерево или растение. Послѣ смерти героя, его жена остается беременна, и своро потомъ родитъ сына, котораго царь делаетъ впоследствіи своимъ наслёдникомъ, а послё и его смерти, царская власть переходить въ другое колёно того же рода.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь два изложенія: египетское и персидское, одного и того же разсказа. Но, спрашивается, отчего же зависитъ такое сходство, откуда оно взялось?

Когда принять въ соображеніе хронологическія данныя, когда вспомнить, что египетская повѣсть существовала уже за 14-вѣковъ до Р. Хр., а персидская поэма появилась не ранѣе XII-го столѣтія по Р. Хр., по-неволѣ сначала подумаешь, что персидскій разсказъ произошелъ отъ египетскаго. Сношенія Запада съ Востокомъ извѣстны, такъ точно, какъ извѣстно вліяніе (въ сравнительно говоря позднее время) Египта на разныя азіатскія государства. Ничего нѣтъ легче, какъ предположить, что египетскій разсказъ былъ загнанъ въ Азію, долго обращался тамъ въ разныхъ формахъ и, наконецъ, въ числѣ множества другихъ народныхъ легендъ, вошелъ въ XII столѣтіи по Р. Хр. въ составъ поэмы Шахъ-Намэ. Но когда станешь пристальнѣе вглядываться въ составъ и физіономію египетской повѣсти, скоро придешь къ заключенію, что она не есть произведеніе первоначальное, самостоятельное, а должна бытъ признана довольно неловкимъ и нѣсколько испорченнымъ пересказомъ какого-то разсказа гораздо болѣе древняго и удовлетворительнаго.

Египетская повѣсть о двухъ братьяхъ состоитъ изъ двухъ половинъ, и въ обѣихъ половинахъ дѣйствуетъ все одинъ и тотъ же мотивъ: женщина преслёдуетъ своею ненавистію или мщеніемъ

мужчину. Въ первой половинѣ, это братъ ея мужа; во второй половинѣ, это ея собственный мужъ, а между тѣмъ, тутъ передъ нами дъйствуетъ не одна и та же женщина, съ извъстнымъ опредѣленнымъ характеромъ, а двѣ разныя женщины, не имѣющія ничего общаго. Откуда такой странный параллелизмъ, и какая его цѣль? Въ персидской поэмѣ его уже нѣть: тамъ тоже на сценѣ являются двѣ женщины, но первая изъ нихъ преслѣдуетъ юношу, въ котораго влюблена, а вторая — это уже его жена, изъ послѣдующей эпохи его жизни, жена, которая въ противуположность первой женщинь, покровительствуеть и помогасть ему. Туть уже герой разсказа не играеть комической роли слабаго какого-то человъка, котораго непремънно какая-нибудь да женщина преслѣдуеть; здѣсь событіе и личности, окружающія героя, разнообразны. Далѣе, въ египетской повѣсти многіе мотивы не выділаны, или точнёе сказать не доділаны, не досказаны. Такъ, напр., Батау велитъ своему брату ждать терпіливо и искать его душу 7 літъ, и онъ черезъ это оживетъ, а между тімъ оживаніе происходить совершенно вопреки предсказанію, на 4-мъ году, такъ - что предсказание оказывается здъсь и совершенно фальшивымъ, и совершенно напраснымъ. Точно также, боги предсказываютъ, что созданная ими женщина погибнетъ, но этого на дѣлѣ не оправдывается: въ разсказѣ вовсе ничего нѣтъ о смерти этой женщины. Опять предсказание фальшивое и лишнее, тъмъ болѣе поразительное, что оно исходить отъ верховныхъ бо-говъ. Въ самомъ концѣ разсказа, герой его, родившійся въ но-вомъ видѣ у своей-же собственной жены (?), созываетъ, послѣ смерти фараоновой, вельможей и придворныхъ его, и, въ присутствіи матери своей (та же и прежняя жена его) разсказываеть имъ всю жизнь свою, и даетъ этой женѣ своей узнать себя, и тѣ вельможи «произносятъ свое сужденіе.» Что за такое сужденіе они произносять и на что оно туть является въ повѣсти, и какія имѣеть послѣдствія, и вообще, къ чему служить весь разсказъ новаго фараона — всего этого повѣсть ни однимъ словомъ не объясняетъ. Наконецъ, въ заключение всего, упоминается, что послѣ смерти этого фараона, ему наслѣдовалъ братъ его — опять подробность, къ дѣлу вовсе не идущая, и ни въ какомъ отношении не нужная для повъсти. Все вмъстъ заставляетъ предполагать, что у насъ тутъ передъ глазами мотивы искаженные, гдб-то и когда-то изложенные, въ совершенно иномъ, настоящемъ своемъ видѣ.

Въ персидской поэмѣ, которую нельзя не признать болѣе близкимъ (хотя и несравненно болѣе позднѣйшимъ) отраженіемъ мотивовъ первоначальныхъ, всѣ подробности разсказа имѣютъ

свое основание, свое строго-опредѣленное зпачение и свои логи-ческия причины, какъ это бываетъ со всѣми народными разсказами, не растерявшими, во время долгаго странствованія своего по разнымъ племенамъ и столѣтіямъ, первоначальнаго своего разумнаго, простого и яснаго склада. Если въ персидской поэмѣ разумнаго, простого и яснаго склада. Если въ персидскои поэмъ есть предсказанія высшихъ силь или существъ, то они тутъ яв-ляются не праздно, не напрасно, а для того, чтобъ непремѣнно осуществиться впослѣдствіи. Такимъ образомъ, напримѣръ, мо-беды предсказываютъ смерть Сіавушу, и, послѣ того, весь раз-сказъ клонится къ тому, чтобъ показать, какимъ именно обра-зомъ то предсказаніе выполнилось. Такъ точно, и въ Шахъ-Намэ говорится, въ концъ жизнеописанія Кей-Хозру, что послъ него правленіе перешло не къ прямымъ нисходящимъ, а косвеннымъ наслъдникамъ въ восходящей линіи родства. Но это имъетъ здъсь свои глубовія причины. Вся исторія Сіавуша, по замѣчанію Шпигеля, есть не что иное, какъ разсказъ о томъ, какъ смертью этого царевича исполнилась кара въ домѣ Кейанидовъ за совершенное ихъ предками беззаконное, вопіющее убійство Айріу. Сама судьба влечетъ молодого богатыря Сіавуша, поссориться съ отцемъ своимъ, Кей-Каусомъ, для того, чтобъ этотъ царевичъ перешелъ къ злъйшему врагу своей родины, туранскому царю Афразіабу, и наконецъ былъ убитъ имъ. Правда, сынъ его, Кей-Хозру, наслёдуеть своему дёду, который, изъ раскаянія, покидаеть престоль и добровольно уступаеть его своему внуку, но все-таки царская власть не остается въ этомъ колѣнѣ, и послѣ Кей-Хозру царская власть не остается въ этомъ колѣнѣ, и послѣ Кей-Хозру (добровольно пошедшаго искать себѣ смерти на вершинѣ снѣж-ныхъ горъ), она переходитъ къ Лограспу и его сыну Гуштаспу, потомкамъ невинно убитаго Айріу¹). Все это въ египетской по-вѣсти утрачено, и переходъ Батау въ чужую страну, погибель его, переходъ царской власти въ другое колѣно — все это, хотя и разсказано, но ни одинъ мотивъ, условливающій событія и дѣйствія, не уцѣлѣлъ, и вмѣсто того, на лицо остался какой-то темный, ничёмъ необъяснимый хаосъ.

Но отвуда зашель этоть разсказь въ Шахъ-Намэ, не поздняго-ли онъ происхожденія, не позднее-ли это распространеніе мотивовь, полученныхъ изъ Египта? Нѣтъ, мы не имѣемъ ни малѣйшей надобности останавливаться на такомъ предположения, потому что имѣемъ точныя свѣдѣнія объ источникахъ, откуда разсказъ о похожденіяхъ и судьбѣ Сіавуша зашелъ въ персидскую поэму XII-го вѣка. Въ своихъ превосходныхъ изслѣдованіяхъ о Зендавестѣ, Шпигель замѣчаетъ, что, безъ малѣйшаго сомнѣ-

¹) Spiegel, Avesta, Leipzig, 185, 111, Einleitung, LXII-LXV.

нія, легенда о Сіавушь была извъстна сочинителямъ Зендавесты: нія, легенда о Сіавуш'я была изв'ястна сочинителямъ Зендавесты: въ разныхъ м'ястахъ этого творенія, указываемыхъ имъ, мы встр чаемъ разбросанныя черты, изъ которыхъ возстановляется та са-мая исторія о кровной мести двухъ поколѣній, которая состав-ляетъ основу разсказа Шахъ-Намэ о. Сіавуш'я. Въ Зендавест Сіавушъ является подъ именемъ Сіаваршана, Кей-Каусъ подъ именемъ Кави-Кавата, Афразіабъ — подъ именемъ Фраграсе, Кей-Хосру — подъ именемъ Кава-Хусрава, Кай-Лограспъ — подъ име-немъ Лурватъ-аспа, Гуштаспъ — подъ именемъ Вистаспа. Ц'япь событій та же. Сіаваршана уб'ягаетъ отъ своего отца къ Фрагра-сона и невению пратерифраетъ отъ него смерть но этого смер сооыти та же. Славаршана уобгаеть оть своего отца къ Фрагра-сенѣ и невинно претерпѣваеть оть него смерть, но этою смер-тію исполняется предопредѣленіе — осуществлено кровавое мще-ніе, и Вистаспа восходить, въ концѣ событій, на тронъ Ирана ¹). Какое же заключеніе исходить изъ всего этого? Заключеніе, имѣющее для исторіи значеніе, быть можеть, не маловажное. Шамполліонъ и ближайшіе его послѣдователи считали егип-

тянъ племенемъ, принявшимъ свое оригинальное образованіе, тянъ племенемъ, принявшимъ свое оригинальное образованіе, всю свою культуру, получившимъ характерную физіономію свою отъ племенъ африканскихъ, отъ эеіоплянъ²). Но новѣйшая наука не вѣритъ болѣе такому ходу исторіи, съ тѣхъ поръ, какъ изу-чила памятники эеіопскаго искусства, и узнала, что не египтяне отъ эеіоповъ, а эеіопы заимствовали отъ египтянъ (и притомъ въ эпоху упадка Египта). Эта наука замѣтила, что есть значи-тельное сходство между догматами и вѣрованіями египетскими и индійскими: такъ, напримѣръ, египетское вѣрованіе въ пере-ссленіе душъ, вѣрованіе въ соединеніе души, послѣ смерти че-ловѣка, съ солнцемъ, вѣрованіе въ поѣздку солнца на ладьѣ — все это догматы, существующіе уже и въ Ведахъ ³). Эта наука признаетъ теперь египтянъ выходцами изъ Азіи, и приводить въ локазательство очень много самыхъ существенныхъ полобностей. доказательство очень много самыхъ существенныхъ подробностей, ръшающихъ дёло, какъ-то: желтый цвётъ тёла, древнихъ египтянъ, по памятникамъ (въ чемъ они совершенно сходятся съ тянъ, по памятникамъ (въ чемъ они совершенно сходятся съ монгольскою расою); волосы, заплетенные у египетскихъ знат-ныхъ юношей въ одну косу (какъ у татарскихъ племенъ); от-вращеніе египтянъ отъ моря (что напоминаетъ жизнь первона-чальныхъ арійскихъ племенъ въ срединной Азіи, далеко отъ зна-чительныхъ водныхъ пространствъ); обожаніе священнаго вола и воздержаніе отъ мяса (какъ у древнихъ индійцевъ), наконецъ,

¹⁾ Тамъ же.

⁹) Champollion, Récis de lecture des écritures égyptiennes, Paris, 1828, Conclusion, 4.

³⁾ Benfey, Orient und Occident, m. III, crarba Beudea, «Indien und Egypten», 168-171.

даже самое бальзамированіе, которое не могло возникнуть на египетской почвѣ потому, что для него всегда употреблялась смола, получаемая изъ Мертваго моря ¹). Наконецъ, новая цаука считаетъ египтянъ такими выходцами изъ Азіи, которые всегда съ трудомъ подвергались измѣненіямъ расы и національныхъ особенностей посредствомъ смѣшенія съ чуждыми племенами ²).

Не даеть-ли намъ все это право заключить даже и *а priori*, что и въ дѣлѣ литературы и поэзіи, гдѣ всегда такъ ярко выражаются особенности, характеръ и вкусы науки, древніе египтяне непремѣнно и очень крѣпко держались своихъ коренныхъ, азіятскихъ основъ, и что у нихъ въ литературномъ обращеніи были по преимуществу все только мотивы, принесенные ими съ собою изъ Азіи, или впослѣдствіи оттуда полученные, но только получившіе уже нѣсколько новый, африканскій колоритъ? Но мы не нуждаемся въ такихъ соображеніяхъ *а priori*, когда имѣемъ въ рукахъ факты, прямо ведущіе къ доказательству этого самаго. Безъ сомнѣнія, новыя открытія, новыя изслѣдованія малень-

Безъ сомнѣнія, новыя открытія, новыя изслѣдованія маленькой, но энергической фаланги современныхъ египтологовъ скоро увеличатъ самымъ значительнымъ образомъ списокъ литературныхъ и поэтическихъ созданій древняго Египта, и у повѣсти «О двухъ братьяхъ» скоро найдутся не менѣе ея важные и интересные товарищи. Безъ сомнѣнія, эти произведенія будутъ встрѣчены, какъ и эта повѣсть, всеобщимъ любопытствомъ и участіемъ. Но, не смотря на всѣ могущія тамъ найтись достоинства, формы и содержанія, они будутъ имѣть особенно важное для насъ и нашихъ потомковъ значеніе въ томъ отношеніи, что будутъ все болѣе и болѣе разъяснять одинъ изъ любопытнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ вопросовъ исторіи, вопросъ о томъ, какіл племена молодого, начинающаго жить, человѣчества, были одарены способностями оригинальнаго, самостоятельнаго творчества, и какія — только способностями заимствованія, подражанія и переработыванія; наконецъ, вопросъ о томъ, какая была умственная и поэтическая пища этихъ племенъ, въ первыя столѣтія исторической жизни народовъ.

Сколькимъ предразсудкамъ прежняго времени суждено при этомъ погибнуть навсегда!

Влад. Стасовъ.

2) Brugsch. Histoire d'Egypte, Leipzig, 1859, I, 1-13.

Digitized by Google

734

¹⁾ Sharpe. Geschichte Egypten, deutsch. bearbeitet von Iolowicz. Leipzig, 1857, I. 3.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

1870-го года.

(Нерѣшенный вопросъ.)

•При быстромъ у насъ развити гражданской жизни и при томъ постепенномъ уясненіи, какое не можетъ не послѣдовать за приведеніемъ въ исполненіе крестьянской реформы, трудно, или лучше сказать, невозиожно сковывать общественную жизнь и развитіе на цѣлыхъ девять лѣтъ, заравѣе установляя такіе для него предѣлы, копхъ общество, при всей готовности своей и зрѣлости, не могло бы им въ какомъ случав преступить и распирить.» Допон. докл. хоз. отд. № 8, стр. 48.

19-го февраля 1870 года, для временно-обязанныхъ крестьянъ начнется новая эпоха соободнаго труда: статья 120-ая мъст. прав. ограничиваетъ срокъ, въ теченіи котораго крестьяне обязаны удерживать въ своемъ пользованіи, за установленныя повинности, отведенную имъ мірскую землю, безъ права отказа; а статьи 128 — 131 указываютъ тѣ условія, при которыхъ, по истеченіи 9-ти лѣтъ, отдѣльные временно-обязанные крестьяне получаютъ право отказаться отъ такого обязательнаго пользованія и возвратить земли помѣщику. Минута важная, снова заставляющая милліоны людей задуматься и перемѣнить весь строй своего семейнаго, домашняго быта, на этотъ разъ помимо всякой опеки, по указанію собственнаго сознанія. Чтобы освѣтить истиннымъ свѣтомъ всю важность этой минуты, мы обратимся къ его источнику — трудамъ редакціонныхъ коммиссій.

Въ докладѣ № 8 хозяйственнаго отдѣленія «о правѣ пользованія крестьянъ отводимымъ имъ надѣломъ,» — по разсмотрѣніи проектовъ положеній, представленныхъ отъ первыхъ 21 губерній, приведены слѣдующія соображенія отдѣленія:

«Единогласное постановление всёхъ губернскихъ комитетовъ объ обязательности для крестьяпъ пользованія, за извёстную повинность, предназначаемымъ имъ земельнымъ надёломъ не можетъ быть, конечно, разсматриваемо, какъ явленіе совершенно случайное. Въ основании этого единогласія кроются причины, далеко не лишенныя важности, объуслокливаемыя всею совокупностію напего сельско-хозяйственнаго быта, и которыя, по этому самому, пе могуть и не должны быть упущены изъ виду законодателемъ.

«Первая и ближайшая изъ всёхъ этихъ причинъ коренится въ интересахъ самого дворянскаго сословія, какъ главнаго, или, върнѣе сказать, почти исключительнаго въ Россій землевладъльца на частномъ правъ собственности. Землевладение это, въ течение двухъ съ половиною вековъ, въ селу положительнаго закона основанное на обязательныхъ отношенияхъ крестьянина къ почвѣ, безъ всякаго сомпѣнія должно бы подвергнуться слишкомъ значительному и неизбъжному разстройству, если бы тоть же закопь ръшился мгновенно измънить всѣ прежнія отношенія и съ единаго раза замѣнить совершенную крѣпость безусловною свободою. Быть можеть, въ некоторыхъ местностяхъ, наделенныхъ оть природы особеннымъ богатствомъ почвы или отличающихся особенною густотою народонаселенія, игновенный кризись могь совершиться безъ ощутительной невыгоды для дворянства, отозвавшись наобороть болье или менье тягостно на сословін крестьянскомъ. Напротивъ, въ далеко большей части случаевъ помъщичьи хозяйства не вынесли бы такого крутого разрыва всёхъ прежнихъ обязательныхъ отношеній, обезпечивающихъ имъ доселѣ дешевыя рабочія силы, нли выгодныхъ арендаторовъ почвы; и экономическое преобразованіе, задужанное въ видахъ лишь постепеннаго пересозданія взаниныхъ отношеній двухъ классовь, неизбъжно, мгновенно и исключительно легло бы встать своимъ бременемъ на одно изъ этихъ сословій.

«С другой стороны, однако, не возможно также приносить на неопредѣленное время лучшія выгоды крестьянскаго сословія въ жертву требованіямъ помѣщичьяго хозяйства и сдѣлать для врестьянъ: или навсегда, или на долго временный срокъ обязательнымъ пользованіе за опредѣленную повинность дворянскими землями, единственно лишь для того, чтобы предотвратить нарушеніе существующаго хозяйственнаго строя въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Такое направленіе было бы несогласно съ логическими требованіями зачатаго преобразованія и съ ясно выраженною въ высочайшихъ рескриптахъ цѣлію "улучшемія и упроченія быта крестьянъ".

«Для возможнаю соглашенія выюдь обоих сословій, для достиженія указанной цёли улучшенія и упроченія быта крестьянь, согласно высочайше выраженной въ рескриптахъ воли, съ должною постепенностію, безь нарушенія хозяйственнаю устройства помъшичьихъ импьній, отдёленіе считаеть необходимымь, вмённвъ на перкое время крестьянскимъ обществамъ въ непремѣнную обязанность принятіе назначаемаго имъ поземельнаго надёла въ пользованіе за опредѣленную повпиность, ограничить вмъсть съ тъмъ такую возлагаемую на нихъ тяюту извъстнымъ, заранъе опредъленнымъ срокомъ.

«Взявъ во вниманіе, что, согласпо указанію г. министра внутреннихъ діль, срокъ этотъ не долженъ, ни въ какомъ случаѣ, превышать 12 лѣть, и что нѣкоторые губернскіе комитеты предложили отчасти совратить его до 6 и даже до З-хъ лють; сознавая, далее, что не однь только выгоды многочисленнаго крестьянскаго сословія, но еще и общій интересь всей страны, требуеть возможно скоръйшаго водворенія болье правильнаю экономическаю быта и свободных сословныхъ отношений, хозяйственное отдѣленіе считаеть, съ своей стороны, возножнымъ ограничить указанный срокъ девятью годами, какъ срокомъ виолнъ достаточнымь и представляющимь какъ бы цифру среднюю между всеми разноричащими требованіями.

"По истечении этого девяти-мътняго срока, прекращается для крестьянскихъ обществъ всякая обязанность прісма на дальныйшее время земель крестьянскаго надъла въ пользование за установленную повинность; хотя, съ друюй стороны, однимъ только наступленіемъ этого срока нимало не снимается съ помъшика безсрочно лежащая на немъ обязанность предоставленія крестьянамъ того же надъла и за ту же повинность на случай, если бы крестьяне отъ такого пользованія не отказались добровольно."

Итакъ, важность 19-го февраля 1870 года открывается во всей своей свѣтлой обстановкѣ: съ той поры водворился, «въ видахъ общаго интереса страны, болѣе правильный экономическій быть и свободныя сословныя отношенія.»

Для достиженія этой цёли, хозяйственное отдёленіе, въ томъ же журналь, признало необходимымъ следующія меры:

а) Относительно отказа цълыми обществами.

По истечении девяти-лётняго срока крестьянское общество получаеть право, въ цёломъ составѣ своемъ, отказываться, безъ согласія на то пом'єщика, отъ права безсрочнаго пользованія всёмъ земельнымъ своимъ надёломъ, лишь съ соблюденіемъ тёхъ условій, которыя правительствомъ для этого будуть постановлены. Условія эти могуть имѣть предметомъ или переселеніе крестьянскаго общества на казенныя земли, или пріобрътеніе крестьянами себь въ собственность извъстнаго количества земли въ другой мъстности, дабы, во всякомъ случав, бытъ крестьянъ быль надлежащимь образомь обезпечень.

Примпчание. По отказ'ь целаго крестьянскаго общества отъ права безсрочнаго пользованія земельнымъ надёломъ, послёдній окончательно присоединяется къ землямъ владбемымъ помбщикомъ, на правѣ полной собственности. (Ст. 6 докл.).

b) Относительно отказа цълыми обществами и отдъльными лицами.

Если цёлымъ крестьянскимъ обществомъ или отдёльными членами его выкуплены будутъ усадьбы въ собственность, то кре-стьяне, по истечения 9-лѣтняго срока, имѣютъ право отказаться отъ пользованія за повинность полевымъ надъломъ, не лишаясь чрезъ то пріобрѣтеннаго ими права собственности на усадьбы. с) Относительно отдплиныхъ лицъ.

Условія эти опредѣлены, — за исключеніемъ нѣкоторыхъ мел-

въстникъ европы.

кихъ подробностей, въ томъ видѣ, какъ онѣ вошли въ 128 и 129 ст. мѣст. пол. (см. подробно ниже).

Въ такомъ видѣ мѣры эти приняты и утверждены журналомъ общаго присутствія отдѣленій (№ 38). По разсмотрѣнія проектовъ положеній отъ 15-ти остальныхъ комитетовъ, ни хозяйственное отдѣленіе, и общее присутствіе не измѣнили своихъ заключеній по этому предмету, какъ видно изъ «дополнительнаго доклада хозяйственнаго отдъленія къ № 8».

Въ третьемъ періодѣ дѣятельности редакціонныхъ коммиссій, когда выслушаны были отзывы депутатовъ, присланныхъ отъ губерній обоихъ призывовъ, въ журналѣ общаго присутствія коммиссіи (№№ 128, 129 и 130, перв. изд. мат. редакц. ком. Ш періодъ, ч. XIII, стр. 231), соображенія того же хозяйственнаго отдѣленія относительно права отказа отъ земли со стороны цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ изложены слѣдующимъ образомъ:

«Что касается до общаго вопроса о томъ, можетъ ли быть допущенъ, во истечения девяти льть и на какихъ основанияхъ, отказъ целыхъ обществъ огъ нользованія землею, для переселенія на казепныя или на иныя земли, то отділеніе уже прежде заявляло въ заключеніяхъ свояхъ, что это можетъ быть дозволено во всякомъ случаѣ, лишь съ соблюденіемъ тѣхъ особенныхъ условій, которыя будуть для этого правительствомъ установлены. Внимательный вновь пересмотръ этого вопроса, въ связи съ отзывами гг. членовъ отъ губернскихъ комятетовъ, еще более убеждаетъ отделение въ томъ, что по оному едвали могутъ быть нынѣ составлены какія бы то ни было удовлетворительныя предположенія. Разръшение его потребуеть особенной осторожности, дабы не нарушить основныхъ началъ предпринятаю преобразованія; къ тому же оно можетъ быть постепенно подготовлено лишь тыми практическими требованіями, которыя обнаружатся впосльдстви, по мырь того, какъ будутъ возникать отдыяные случаи. Всякая попытка опередить и предугадать обстоятельства, могущія открыться лишь по истечении целаго девятилетия, было бы въ этомъ случат преждевременно. Поэтому, хозяйственное отдёленіе, удовольствовавшись ныню одник лишь общимь указаніемь предмета, который впосльдствіи не можеть не обратить на себя вниманія правительства, полагало бы устранить нынъ всякое составление какихъ-либо дальнъйшихъ, по сему предмету, правилъ или предположеній и даже, во избѣжаніе недоразумѣній, вовсе опустить въ проекть положенія статью объ отказь оть земли ивлыми сельскими обществами.»

Заключеніе это было принято, и положеніе 19 февраля 1861 г. ничего не говорить объ отказѣ отъ земли цѣлыми сельскими обществами. Осторожность въ этомъ случаѣ редакціонныхъ коммиссій понятна; но непонятно, почему, не предвидя возможности опредѣлить заранѣе условія отказа для цѣлыхъ обществъ, общее присутствіе коммиссій удержало рядомъ съ этимъ постановленныя правила для отказа со стороны отдѣльныхъ лицъ.

Первоначальный докладъ (№ 8) хозяйственнаго отдѣленія та-

кимъ образомъ установилъ мотивы отказа отъ мірской земли со стороны отдёльныхъ лицъ:

«Если вь видахъ общей государственной пользы и насущныхъ выгодъ того самаго сословія, быть котораго предполагается нынѣ улучшить, хозяйственное отдъление считаеть вполнъ справедливымъ и необходимымъ стъснить на время свободное выражение воли цёлыхъ врестьянскихъ обществъ, и если оно притомъ убъждено, что на дълъ и вслъдствіе предполагаемыхъ далъе смягченій, подобное стъснение не будетъ для мирскихъ обществъ въ большей, части случаевъ, слишкомъ тягостнымь, то съ другой стороны отделение сочло бы столько-же невозможнымо и несправедливымо въ настоящую минуту безусловно приложить то же самое правило въ отдѣльной личности каждаго крестьянина. Въ этомъ случаѣ отдбленіе руководствуется слёдующних правиломь: право каждаго отдъльнаго крестьянина отказываться отъ обязательнаго земельнаго надъла, и слъдовательно неразрывно съ этимъ связанное право его выходить изъ поземельнаго мірскаго союза должно и можеть быть ограничиваемо лишь во столько, во сколько это, по самой строгой справедивости, необходимо - для ограждения выгодъ помъшлика, какъ законнаго обладателя той повинности, которое общество обязано ему платить; казны, какъ получающей съ того же общества извъстную сумму ежегодныхъ податей и повинностей; ирского общества, какъ имъющаго въ совокупномъ своемъ обязательномъ пользовании часть помѣщичьей земли и въ совокупномъ своемъ составѣ обязаннаго отправлять опредѣленныя повинности къ помѣщику и въ казиѣ; наконецъ, самаго крестьянскаго семейства, какъ обязательно несущаго по раскладкъ долю общей иррской тяготы, и во всякомъ случав имвющаго весьма часто несомивное право на помощь своихъ членовъ. Изъ одного простого исчисленія этихъ разнообразныхъ видовъ отношеній, въ которыхъ каждый отдельный крестьянинъ находится къ обществу, и изъ различія юридическихъ отношений самого общества къ занимаемой имъ землѣ въ течении перваго девятилѣтняго періода и въ послѣдующее за этимъ время, само собою очевидно, что право отказа отдельнаго крестьянина отъ земли и связанное съ этимъ право выхода его изъ мірского общества не можеть не быть подчинено различнымъ правиламъ въ каждый изъ этихъ періодовь».

Нѣсколько далѣе, докладъ продолжаеть:

«Хозяйственное отдівленіе признаеть безусловное право отдільнаго крестьянина отказаться отв пользованія земельнымь надъломь по истеченіц 9-льтняю срока; оно полагаеть, что въ послідующее за этимъ срокомъ время, крестьянинъ можеть, при выході своемъ изъ мірского общества, быть ограничиваемъ уже только исключительно такими требованіями, которыя истекають изъ порядка отношеній его къ обществу, какъ казенной податной и повинностной единици»; напротивъ, крестьянинъ, ни въ какомъ случаї, не долженъ уже, по истеченіи деватилітняго срока, быть подвергаемъ какимъ бы то ни было ограниченіямъ, нийющимъ цілю обезпечить помъщику уплату части повинностей за земельный наділъ или обществу — вознагражденія за утрату исправнаго тяглеца. Даже самыя вещественныя отношенія крестьянина къ правительству, въ случав оказанія ему послюднимъ вспомоществованія для выкупа у помъщика уюдій, не должны вссти къ стъсненію личной гражданской свободы крестьянина."

Такимъ образомъ, хозяйственное отдѣленіе ставитъ безусловно какъ общее всѣмъ крестьянамъ, — временно-обязаннымъ и вы-

Digitized by Google

739

купившимся съ помощью отъ̀ правительства, неотъемлемое право свободнаго выхода изъ существующей у насъ обязательной по-земельной общины. Это вполнъ̀ справедливо и законно; но ряземельной общины. Это вполнѣ справедливо и законно; но ря-домъ тотъ же докладъ впадаетъ въ неразълснимое противорѣчіе. Докладъ говоритъ, разсуждая объ общинѣ, что община у насъ есть «первостепенный и цесомнѣнный историческій фактъ и могуще-ственное на первый разъ орудіе для обезпеченія повинностей и упроченія крестьянской самостоятельности». На этомъ основаніи разложеніе общины, даже «если бы впослѣдствія обнаружилось несоотвѣтствіе ея требованіямъ обновленнаго экономическаго быта» — поставлено въ зависимость, по ст. 54 общ. пол. н 115 мёст. полож., отъ согласія двухъ третей всёхъ крестьянь, имёющихъ голосъ на сходё и всегда отъ согласія помёщика; а имѣющихъ голосъ на сходѣ и всегда отъ согласія помѣщика; а обезпеченіе всякихъ казенныхъ повинностей, выкупныхъ плате-жей и помѣщичьихъ оброковъ, главнымъ образомъ, основано на обязательной круговой порукѣ (ст. 187 общ. пол., 127 пол. о вык., 245 мѣст. пол.). Какимъ же образомъ, съ одной стороны, допущенъ свободный выходъ каждаго отдѣльнаго члена, т. е. другими сло-вами свободное разложеніе поземельной общины, — а съ другой стороны обязательное ея продолженіе, какъ обезпеченія всѣхъ лежащихъ на мірской землѣ казенныхъ, земскихъ и частныхъ повинностей и платежей? Отдъльное лице и община суть поня-тія совершенно раздѣльныя въ языкѣ и мысли; но въ жизни трудно опредѣлить границу, когда выходъ отдѣльныхъ лицъ не тія совершенно раздѣльныя въ языкѣ и мысли; но въ жизни трудно опредѣлить границу, когда выходъ отдѣльныхъ лицъ не нарушаетъ физическаго бытія поземельной общины. Такъ, напри-мѣръ, въ обществѣ 100 отдѣльныхъ лицъ, и изъ нихъ 98 по оди-ночкѣ вышли, — остающіяся два лица составляютъ ли по преж-нему общину? Такимъ образомъ, въ этомъ предоставленіи права свободнаго отказа отъ земли, — съ удержаніемъ начала круговой поруки, лежитъ начало противорѣчій, которыя должны будуть обнаружиться непремѣнно, при осуществленіи права отказа со стороны отдѣльныхъ лицъ на самомъ дѣлѣ.

стороны отдъльныхъ лицъ на самомъ дълъ. Само положение 19-го февраля еще болѣе осложнило этотъ вопросъ, предоставивъ привилегію отказа отъ земли со стороны отдѣльныхъ лицъ, по истеченіи 9 лѣтъ, только временно-обязаннымъ крестьянамъ, и отмѣнивъ это право на всѣ 49 лѣтъ, для крестьянъ, выкупившихъ свой надѣлъ, съ помощью отъ правительства.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ нерѣшенный вопросъ: часъ, въ который свободныя сословныя отношенія должны установиться между землевладѣльцами и милліонами временно-обязанныхъ крестьянъ близокъ, — а мѣры, въ тому приводящія, еще не указаны! Составители положенія говорятъ, что «разрѣшеніе этого во-

проса требуетъ особенной осторожности и можетъ быть постепенно подготовлено лишь тѣми практическими требованіями, которыя об-наружились въ теченіи истекающаго девятилѣтія, по мѣрѣ того, какъ возникали отдѣльные случаи.» Не сомнѣваюсь, вмѣстѣ сть ними, что этотъ предметъ давно уже обратилъ на себя внима-ніе правительства; но, — въ такомъ важномъ дѣлѣ, гдѣ спра-ведливость требуетъ выслушать всякій голосъ, я считаю, быть можетъ, не излишнимъ изложить нѣкоторыя мои личныя наблю-денія, именно съ точки зрѣнія тѣхъ практическихъ требованій, которыя разъяснились въ окружающей меня средѣ. При этомъ я считаю нужнымъ оговориться, что всѣ мои соображенія отно-сятся ́къ пользѣ общиннаго владънія, такъ какъ участковаго или подворнаго крестьянскаго владѣнія я никогда не изучалъ и съ нимъ совершенно незнакомъ. нимъ совершенно незнакомъ.

I.

Положеніе 19 февраля 1861 года создало четыре разряда крестьянь, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости: 1) Крестьяне, получившіе въ даръ оть помѣщика, по добро-вольному съ ними соглашенію, часть надѣла, заключающую въ себѣ и усадебную осѣдлость, въ размѣрѣ не менѣе, на каждую ревизскую душу, одной четверти высшаго, въ степной же по-лосѣ указнаго размѣра надѣла, установленнаго для той мѣстно-сти, гдѣ находится имѣніе. (Мѣст. пол. великорос. губ. ст. 123.) 2) Крестьяне-собственники, пріобрѣтающіе въ собственность свой надѣлъ по взаимному добровольному соглашенію съ помѣ-щикомъ, причемъ опредѣляется и размѣръ вознагражденія по-мѣщика за пріобрѣтаемыя земли, независимо отъ выдаваемой пра-вительствомъ выкупной ссулы. — т. е., другими словами, *дополни*-

вительствомъ выкупной ссуды, — т. е., другими словами, дополни-тельный платежь, обыкновенно разсрочиваемый на нъсколько тельный платежа, обыкновенно разсрочиваемый на нѣсколько лѣтъ, который крестьяне обязаны платить за землю помѣщику, сверхъ погашенія ссуды, выданной ему отъ правительства и не превышающей 120 р. сер. за высшій размѣръ надѣла. (Пол. о вык. ст. 32.) Такой выкупъ можетъ быть произведенъ какъ цѣ-лымъ крестьянскимъ обществомъ, такъ и отдѣльными домохозя-евами (ст. 34). Крестьяне могутъ выкупить или весь слѣдую-щій имъ надѣлъ, или часть его, отказавшись отъ остальной, по соглашенію съ помѣщикомъ, съ слѣдующими ограниченіями: а) въ губерніяхъ великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорус-скихъ, — гдѣ существуетъ общинное пользованіе, — цѣлое сельское общество не можетъ оставить за собою менѣе трети высиато

(въ степной полосѣ *указнаго*) размѣра на душу, установленнаго для той полосы, гдѣ имѣніе находится; b) въ тѣхъ же губерніяхъ когда выкупъ по добровольному соглашенію предпринимаеть одинъ или нѣсколько домохозяевъ, что имѣетъ мѣсто только въ одинь или насколько дополозаева, что ишветь швето только вы тѣхъ селеніяхъ, гдѣ общинное пользованіе землею замѣчено под-ворнымъ, — пріобрѣтаемый въ собственность участокъ долженъ быть пространствомъ не менѣе *двухъ душевылъ надпловъ высшаю* (въ степной полосѣ *указнаго*) размѣра, опредѣленнаго для той мѣстности, гдѣ находится имѣніе; с) въ малороссійскихъ губер-ніяхъ—гдѣ существуетъ подворное владѣніе, — при пріобрѣтенів части земли въ собственность встьми домохозяевами въ совокупности, надблъ можеть быть уменьшаемъ не болбе, какъ до одной трети высшаго размъра мірского надёла, установленнаго по-ложеніемъ; а если пріобрѣтеніе дѣластся однимъ или нѣсколькими домохозяевами порознь, — то участокъ каждаго должень заключать въ себѣ усадьбу и полевой земли, не менње половины установленнаго для той мыстности высшаго размъра пъшаю участка 1) (ст. 56 и 57). Исключенія допускаются, всякій разь, по особому разрѣшенію правительства, для промышленныхъ в торговыхъ селъ или мѣстечекъ, гдѣ опредѣленъ оброкъ, выше причитающагося собственно за крестьянский надёль и для селеній, занимающихся, въ значительныхъ размѣрахъ, рыболовствонъ, садоводствомъ, огородничествомъ, разведеніемъ разныхъ хозяйственныхъ растеній, или другими прибыльными отраслями сельско-хозяйственной промышленности: здѣсь крестьяне могуть пріобрѣтать, по соглашению съ помъщикомъ и съ правомъ на полученіе пособія отъ правительства землю въ меньшемъ размъръ, нежели сейчасъ объяснено, въ видъ общаго, закономъ установлен-наго правила (ст. 62 и 63). Такимъ образомъ, при добровольномъ выкупѣ, — предоставляется полная свобода соглашению; законодательство, въ сдёланныхъ имъ ограниченияхъ только заботится: а) чтобы крестьяне достаточно были обезпечены землею, и потому не разрѣшаетъ пріобрѣтать въ собственность менѣе трети высшаго надѣла; и в) покровительствуетъ общинному владѣнію, облегчая для него условія сдёлки и, напротивъ, значительно затрудняя для отдёльныхъ лицъ.

3) Крестьяне-собственники, пріобрѣтшіе въ собственность цѣлымъ сельскимъ обществомъ весь усадебный и полевой надѣлъ по требованію одного поминцика, — что называется обязатем-

¹) Высшій размѣръ тышаю участка, установляемый для каждой мѣстности, акачительно болѣе высшаго размѣра мірского надѣла. (Мѣст. Пол. Малор. губ. ст. 86 и прил. къ ст. 9.)

ныма выкупома. Здёсь единственная льгота крестьянъ состоитъ въ томъ, что они не платятъ дополнительнаго платежа; но отказъ отъ части, назначенной имъ помъщикомъ, по прежнему пользованію земли, -- въ предёлахъ совершенно одинакихъ съ крестьянами, выкупающими землю по добровольному соглашенію (какъ это сейчасъ объяснено) подчиненъ слёдующимъ условіямъ: а) размёръ земли, отъ которой крестьяне желаютъ отказаться, долженъ быть указанъ мірскимъ приговоромъ въ теченіи мѣсяца, со дня объявленія посредникомъ о желаніи помѣщика приступить къ обязательному выкупу, — въ случав пропущенія срока, крестьяне теряютъ это право; b) мёсто самой отрѣзки указывается владбльцемъ, а не врестьянами, и врестьяне не могутъ этого оспаривать, если владълецъ въ точности сохранилъ общія правила, установленныя положеніемъ для первоначальнаго отвода надѣла; с) врестьяне обязываются внести въ уѣздное казначейство дополнительный платежь, въ размъръ одной пятнадцатой части обезпечиваемой правительствомъ выкупной ссуды (т. е. при высшемъ размъръ надъла съ 120 р. по 8 р. на душу. Пол. о вык., ст. 35, 97 и 68 п. 2). Условія эти на столько тяжелы, что едва ли было много примъровъ, гдъ врестьяне, при обязательномъ выкупъ, хлопотали объ уменьшении надъла, - какъ бы онъ ни былъ тяжелъ по своей величинѣ и непроизводительности: по крайней мёрё мнё неизвёстно ни одного, а я живу въ мёстности, гдё выкупы были обязательные, и преобладающее ихъ большинство произведено по высшему размёру, именно потому, что земля ничего не стоить и ничего не даеть. Крестьяне совершенно становились втупикъ при требовании взноса денегъ въ вазначейство: имъ обязательно отдавали землю, которой они добровольно повупать не хотъли; за это въ течени 49-ти лътъ они обязаны платить оброкъ, да еще внести сейчасъ довольно значительную сумму, которою сельское общество, на все число душъ, его составляющихъ, нивогда не располагаетъ, и должно занять ее на очень тяжелыхъ условіяхъ.

4) Временно-обязанные крестьяне, для которыхъ пора освобожденія начинается собственно съ 19 февраля 1870 года, когда они, чрезъ 9 лѣтъ, получаютъ на извѣстныхъ условіяхъ право отказа отъ земли, за которую, въ настоящее время, они платятъ установленную закономъ повинность.

Было бы очень любопытно сообщить цифры о всёхъ этихъ разрядахъ сельскихъ обывателей, но, къ сожалёнію, мы этого не можемъ сдёлать. Число крестьянъ-собственниковъ получившихъ, даровой надёлъ и воспользовавшихся ссудою отъ правительства, съ отдёленіемъ выкупа по добровольному соглашенію и обяза-

тельнаго, никогда въ печатныхъ статистическихъ данныхъ не встрѣчалось. Остается, слѣдовательно, сообщить валовое число крестьянь-собственниковь, по землямъ которыхъ выкупныя сдЕлки утверждены правительствомъ къ 17-му іюля текущаго года, (послі-днее оффиціальное извістіе о ході выкупной операціи); за тімь определится само собою число крестьянъ временно-обязанныхъ гдѣ числятся и крестьяне, получившіе даровой надѣлъ. Число всёхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крёпостной зависимости, за исключеніемъ остзейскихъ губерній, показано, по Европейской Россіи, въ Статистическомъ Временникъ — 10,667,425 душъ муж. пола; изъ нихъ сделки утверядены для 6,574,490 д., след. общій проценть крестьянь-собственниковь, пріобрѣтшихъ землю посредствомъ добровольнаго и обязательнаго выкупа, составляеть для цёлой Россіи 61,63%. Но если изъ числа выкупныхъ сдёлокъ вычесть выкупныя сдёлки и акты, по прежнимъ и позднъйшимъ узаконеніямъ, относящимся до виленскаго и кіевскаго генераль-губернаторствь, то получится для губерній великороссійскихъ, новороссійскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ въ 17-му іюля около 4,669,322, д. что, въ отношении къ числу всёхъ выходящихъ изъ крѣпостной зависимости по тѣмъ губерніямъ 8,729,952 душъ муж. пола, составить общій проценть крестьяньсобственниковъ 53,48%; а по 8-ми западнымъ губерніямъ выкупилось 1,541,703 д. изъ общаго числа 2,547,366 д. муж. пола; слёдовательно, выкупной процентъ составляетъ 65,210/0. Такимъ образомъ, временно-обязаныхъ крестьянъ, за исключениемъ западныхъ губерній, остается въ Европейской Россіи 461/2%.

Эти 461/20/0 крестьянъ временно-обязанныхъ, оставшихся безъ выкупного надбла, могуть значительно уменьшиться къ 19-му февраля 1870 года, и такое уменьшение зависить главнымъ образомъ отъ взгляда правительства на моментъ окончанія обязательной выкупной сдёлки. Легально обязательная выкупная сдёлся можеть считаться обончательно состоявшеюся относительно крестьянъ, какъ скоро владблецъ, на основания 85 ст. о выкупъ, подаль о томъ объявление мировому посреднику, мировой посредникъ, на основании ст. 97, предъявилъ требование помъщива сельскому обществу, и послѣднее дало свой отзывъ въ мѣсячный срокъ, со всёми его послёдствіями, или согласилось на пріобрѣтеніе всей земли, предоставляемой ему помѣщикомъ, или про-пустило установленный мѣсячный срокъ. Такая обязательная выкупная сдѣлка можетъ быть не утверждена главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ; но, до положительнаго отказа крестьянъ, въ отношенін къ которымъ такая сдёлка окончена, они не могуть бить опредѣленно причислены ни къ временно-обязаннымъ, ни къ

собственникамъ. Ничто не мѣшаетъ владѣльцамъ, въ виду затрудненій и неизвѣстности, проистекающихъ для нихъ съ пріобрѣтеніемъ крестьянами новыхъ правъ съ 19 февраля 1870 г.— употребить осгающееся время на заявленіе сдѣлокъ объ обязательномъ выкупѣ, видя въ немъ простѣйшій способъ прикрѣпленія крестьянъ къ прежнимъ мѣстамъ: этому помѣшаетъ развѣ значительное сокращеніе въ послѣднее время числа мировыхъ посредниковъ, не имѣющихъ физической возможности одолѣть наплывъ требованій объ обязательномъ выкупѣ и исполнить тѣ несложныя формальности, къ которымъ ихъ обязываетъ въ этомъ случаѣ положеніе. Такимъ образомъ можетъ предстоять переходъ больпинства временно-обязанныхъ крестьянъ въ крестьянъ-собственниковъ по обязательному выкупу.

Взглянемъ же теперь на относительное матеріяльное положеніе всёхъ этихъ классовъ прежде всего de jure, т. е. въ томъ положеніи, какъ они поставлены законодательствомъ. Крестьяне-собственники, получившіе даровой надёль и выку-

Крестьяне-собственники, получившіе даровой надѣль и выкупившіе его съ помощію правительства, по добровольному съ помѣщикомъ соглашенію и съ принятіемъ на себя дополнительнаго платежа, повидимому, съ полнымъ основаніемъ могутъ быть отнесены къ числу лицъ, окончательно устроившихъ свой бытъ, и которымъ нечего ждать ни отъ кого, кромѣ самихъ себя: первые сознательно взяли подарокъ и въ доказательство отказались отъ земли, на которую имѣли право по закону; вторые сознательно сдѣлали покупку, имѣющую все значеніе добровольнаго обязательства, и въ доказательство обязались приплатить къ правительствепной помощи свои собственныя деньги, къ чему принудить ихъ никто не имѣлъ права.

Но не таково положение крестьянъ временно-обязанныхъ и пріобрѣтшихъ землю по обязательному выкупу. Первые находятся теперь въ неопредѣленномъ и обязатель-

Первые находятся теперь въ неопредёленномъ и обязательномъ положении: опи должны оставаться на прежнемъ мъстъ, и за закономъ опредёленный надёлъ, отъ котораго отказаться не могутъ, должны платить закономъ установленный оброкъ. Но для нихъ есть будущее:

I. Чрезъ 9 лётъ (19 февраля 1870 года) положеніе ихъ облегчается правомъ отказа отъ земли и возвращенія ся помѣщику на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Крестьянинъ, желающій перейти въ другое общество или *сословіе*, можетъ отказаться отъ пользованія всею предоставленною ему землею, если онъ а) откажется навсегда отъ участія въ мірскомъ надѣлѣ и сдастъ состоявшій въ пользованіи его участокъ, при чемъ по истеченіи 9-ти лѣть общество получаетъ

право не принимать въ свое завѣдываніе такихъ участковъ, отъ воторыхъ откажутся отдёльные врестьяне (ст. 131 мёст. вел. пол.), — при чемъ эти участки, если по истечении 3 лътъ никто не желалъ принять ихъ на себя за повинность, присоединяются бъ господскимъ угодьямъ (ст. 136) ¹). b) Если на увольнение его нѣть препятствія по отправленію рекрутской повинности; с) если на семействѣ увольняемаго нѣтъ никакихъ, казенныхъ, земскихъ или мірскихъ недоимовъ, подати имъ уплачены по 1-е января слёдующаго года, а равно нёть недоимовъ за пользование надёломъ помёщичьей земли. d) Если на увольняемомъ нётъ безспорныхъ частныхъ взысканій и обязательствъ, предъявленныхъ волостному правленію; е) если увольняемый не состоить подъ судомъ и слѣдствіемъ; f) если родители увольняемаго согласны на его увольнение; д) если остающиеся въ обществъ, въ семейств' увольняемаго крестьянина, малол'тнія и другія лица, неспособныя въ работѣ будутъ обезпечены въ своемъ содержание; h) если желающій получить увольненіе представить пріемный приговоръ отъ того общества, куда онъ переходитъ. (Мъст. вел. Пол. ст. 128 и Общ. Пол. ст. 130). Самый пріемъ въ общество происходить различнымъ образомъ, смотря по состоянію или сословію, гдѣ лице желаеть приписаться, и главнымъ образомъ раздѣляется на двѣ ватегорія: 1) приписка съ согласія принимающаго общества, не требующаго отъ приписывающагося никакихъ особыхъ пожертвований, но налагающая на новаго члена участие въ исполнении государственныхъ, земскихъ н частныхъ повинностей лежащихъ на членахъ общества; - сюда относятся: а) приписка въ городскимъ сословіямъ въ городахъ, посадахъ и мёстечкахъ, къ мёщанскимъ обществамъ просто, а къ купеческимъ съ объявленіемъ надлежащаго по гильдіи капитала; b) приписка къ сельскимъ обществамъ врестьянъ всѣхъ наименованій, съ принятіемъ на себя участія въ мірскомъ крестьянскомъ надёлё того общества, разумёется, съ согласія по-

746

¹) Требовавіе, чтобы крестьянных сдаль состоявшій въ пользовавіп его участокь обществу, составлявшее, до истеченія 9-ти лѣтъ, непремѣнное условіе отказа его отв земли—было чрезвычайно важно: общество, принимавшее на себя обязательно платехъ передъ владѣльцемъ, не охотно принимало этоть участокъ, и потому это общее условіе дѣйствительно составляло такое корсиное ограниченіе, которое обращало право отказа въ јив пидит,—бумажное, ва дѣлѣ неосуществимое право, иначе какъ въ вадѣ особаго, рѣдкаго исключения. Ст. 130 и 136 совершенно положительно отмѣняють это ограниченіе, такъ какъ обществу предоставлено право прямо отказаться отъ такого участка и онъ de jure переходитъ къ помѣщику, а фактически остается безъ илатежа повивностей въ обществѣ, ибо по ст. 138 иомѣщикъ можетъ требовать отрѣзка этихъ участковъ только тогда, когда число ихъ возрастеть до одной иятой всего крестьянскаго надѣла.

слѣдняго (стр. 141 и 142 Общ. Пол.); 2) приписка чисто формальная, безъ согласія самого общества, когда крестьянинъ, пріобрѣтшій въ собственность внѣ мірского надѣла, но въ разстояніи отъ мѣста водворенія общества не далѣе 15 версть, участоять земли, равный по крайней мѣрѣ двумъ душевымъ надъламъ высшаго или указнаго размѣра, установленнаго для той мѣстности, пожелаетъ приписаться къ какому-либо обществу крестьянъ всѣхъ наименованій — такіе крестьяне - собственники приписываются къ обществу волостнымъ старшиною прямо, безъ составленія обществомъ пріемнаго приговора, и участвуютъ въ отправленіи всѣхъ натуральныхъ и денежныхъ, государственныхъ, земскихъ и частныхъ повинностей на равнѣ съ прочими членами общества (ст. 143, 144, 145 Общ. Пол. 125 мѣстн. пол., высочайше утвержд. 18 января 1866 г. мнѣніе госуд. сов. о преобразованіи общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ, пунктъ 6); и

янъ, пунктъ 6); и 2) Каждый крестьянинъ можетъ, не выходя изъ общества, отказаться отъ пользованія мірскою землею, если при общинномз пользованіи пріобрѣль или пріобрѣтаетъ въ собственность внѣ мірового надѣла, въ разстояніи не далѣе 15 версть отъ мѣста водворенія общества, участокъ земли, равный покрайней мѣрѣ двумъ душевымъ надѣламъ высшаго или указнаго размѣра, для той мѣстности установленнаго; а при подворномъ пользованіи, если домохозяинъ, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, пріобрѣтетъ отъ него въ собственность изъ состоящаго за нимъ надѣла участокъ земли, равный по крайней мѣрѣ двумъ душевымъ надѣламъ высшаго или указнаго размѣра, для той мѣстности опредѣленнаго (ст. мѣст. пол. велик. 129, 125 и 126).

и 126). 3) Каждый крестьянинъ, пріобрѣтшій въ собственность свою усадебную осѣдлость, можетъ отказаться отъ пользованія полевыми землями и угодьями, не лишаясь права собственности на свою усадьбу. Но крестьянинъ, не выкупившій еще своей усадьбы, не имѣетъ права отказаться только отъ полевыхъ угодій, удерживая въ своемъ пользованіи одну невыкупленную усадьбу. (Мѣст. пол. вел. ст. 130). Здѣсь не ясно только одно: по ст. 10 пол. о вык. сказано: «если все крестьянское общество или кто-либо изъ домохозяевъ изъявитъ желаніе выкупить свою усадебную осѣдлость, то помѣщикъ можетъ, вмѣсто продажи крестьянамъ одной усадьбы, принять на себя обязательство предоставить крестьянамъ пріобрѣсти въ собственность, совокупно съ усадебною осѣдлостію и полевыя земли и угодья». Изъ ст. 36 того же положенія видно, что здѣсь имѣется въ виду только вывупъ по добровольному соглашенію, но отнюдь не обязатель-ный; сверхъ того ст. 10 прибавляетъ: «впрочемъ это (т. е. пре-доставленіе крестьянамъ выкупа всего надѣла) не препятствуетъ впос.тѣдствіи, по обоюдному соглашенію, приступить къ отдѣль-ному выкупу усадебной осѣдлости». Отсюда слѣдуетъ, что помѣ-щикъ фактически всегда могъ отстранить требованіе крестьянъ о выкупѣ одной усадебной осѣдлости.

о выкупѣ одной усадебной осѣдлости. Возникаетъ вопросъ: имѣютъ-ли право крестьяне, по истеченіи 9-ти лѣтъ, съ своей стороны обязательно предъявить право на выкупъ одной усадебной осѣдлости, если договоръ о добровольномъ выкупѣ всего надѣла между ними и помѣщикомъ не состоялся, такъ какъ въ высочайшемъ манифестѣ 19 февраля 1861 г., сказано: «вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость а, съ согласія помъщиковъ, они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе.» II. Чрезъ двадцать лѣтъ (19 февраля 1881 года) тѣмъ же временно-обязаннымъ крестьянамъ обѣщано, по требованію помѣщика или ихъ самихъ, переоброчка на новое двадцатилѣтie, на тѣхъ основаніяхъ, которыя правительствомъ будутъ указаны. (Мѣст. Вел. Пол. ст. 186).

(Мѣст. Вел. Пол. ст. 186).

(Мъст. Бел. Пол. ст. 186). Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся крестьяне-собствен-ники, подвергшіеся обязательному выкупу: для нихъ нѣтъ ни-чего неопредѣленнаго, но это-то именно и ставитъ ихъ въ самыя безвыходныя условія, это-то именно и отнимаетъ у нихъ всякую надежду на улучшеніе своего быта. Словомъ закона они стали надежду на улучшеніе своего быта. Словомъ закона они стали покупщиками земли, которой взять не желали, они уплачивають за нее цёну, которая установлена помимо ихъ и въ которой они участвовали только отказомъ въ своемъ согласіи; нарѣзано имъ земли не столько, сколько нужно, — какъ этого могли тре-бовать крестьяне при добровольномъ выкупѣ, — но столько. сколько могъ навязать помѣщикъ, знавшій, что чѣмъ больше онъ сбудетъ непроизводительной земли, подходящей подъ слиш-комъ общія опредѣленія закона, — тѣмъ значительнѣе получить онъ ссуду отъ правительства. До сихъ поръ они пе могли роп-тать: временно-обязанные крестьяне находились въ такомъ же положеніи, относительно обязательнаго отвода надѣла, и все-таки въ настоящее время временно-обязанные крестьяне платили за то же количество земли нѣсколько больше выкупившихся (пер-вые за высшій надѣлъ 9 р., вторые 7 р. 25 к., и въ такой провые за высшій надѣлъ 9 р., вторые 7 р. 25 к., и въ такой про-порціи, по количеству дѣйствительно владѣемой земли). Но ка-ково же положеніе ихъ будетъ теперь: временно-обязанные кре-стьяне получаютъ льготныя условія, въ силу которыхъ они мо-

748

гуть отказаться оть земли и не нести тягостно ложащихся на нихъ повинностей, — рядомъ сидащимъ врестьянамъ-собственнинамъ по обязательному выкупу это воспрещено. Въ положе-ніи сказано: когда земля пріобрѣтена отъ помѣщика цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то увольнение отдѣльныхъ его членовъ дозволяется только по уплатт половины капитальнаго долга, причитающагося, по выкупной казенной ссудѣ, на участокъ, со-стоящій въ пользованіи увольняемаго, буде мірское общество приметъ на себя ручательство за остальную половину уплаты; если изъ сельскаго общества уволено до одной трети членовъ, и члены сіи не замѣнены другими, то дальнѣйшее увольненіе членовъ общества, безъ предварительнаго взноса капитала, со-отв'ютствующаго лежащей на нихъ всей долъ выкупной уплаты, не можеть быть разрѣшено, безъ утвержденія губернскаго по врестьянскимъ дѣламъ присутствія; изъ врестьянскаго общества, на коемъ числятся недоимки по выкупнымъ платежамъ или казеннымъ податямъ, никто не можетъ быть уволенъ, безъ предварительнаго на то согласія губернскаго присутствія (Пол. о вык. ст. 173 и 174). — Итакъ, вотъ гдѣ бользнь освобожденія, вотъ тотъ клокъ людей, на который упали всё невзгоды великой реформы, и только слегка, на первыхъ порахъ, коснулись бла-готворной ея стороны. Здёсь же представляется, съ перваго раза, и возможность шаткости выкупной операція: обязательному выкупу, естественно, должны были подвергнуться болёе всего имёнія, гдё оцёнка поземельной собственности, принятая положеніемъ, слишкомъ высока сравнительно съ дѣйствительною ея стоимостію, гдѣ оброкъ, слѣд., не подъ силу крестьянину, гдѣ повинность, — по самой силѣ вещей, накопляется въ недоимеу, и гах помёщику, не разсчитывавшему на дополнительный платежь и на бездоимочное поступленіе оброковъ, было выгодно какъ можно ранъе прибъгнуть въ выкупу.

Такимъ образомъ, самое поверхностное разсужденіе, самая элементарная справедливость требуетъ, чтобы льготы, предостав-ленныя временно-обязаннымъ крестьянамъ, по истеченіи 9-лѣтняго срока были распространены на крестьянъ-собственниковъ, пріобрѣтшихъ свои земли съ помощью обязательнаго выкупа. Но это еще не все. До сихъ поръ мы разсуждали de jure, взглянемъ поглубже, съ фактической стороны.

Надъ созданными словомъ закона четырьмя разрядами сельскихъ обывателей, жизнь, съ первой минуты, провела свой всемогущій ватерпасъ, и подъ гнетомъ его сгладилось то систематическое разграниченіе, котораго слёдовало ожидать отъ статей положенія. Въ дъйствительности, такихъ ръзко другъ отъ друга отдельныхъ

Тонъ У. – Октябрь, 1868.

привилегированныхъ и обиженныхъ, удовлетворенныхъ и ожидающихъ группъ — нѣтъ, а есть пестрая, перемѣшанная, сплош-ная масса, на которую законъ вліялъ только сквозь сферу ся мѣстной, внутренней и внѣшней обстановки и отражался на ней въ безвонечныхъ видоизмѣненіяхъ. Вернемся на минуту въ 19 въ оезконечныхъ видоизмъненіяхъ. Вернемся на минуту къ 19 февраля 1861 года: когда вышло положеніе, — его величавое, строго-справедливое безпристрастіе, не наклонившее въсы ни на ту, ни на другую сторону, — уняло страсти: не имъя у себя почвы подъ ногами, онъ улеглись мгновенно, и только кое-гдъ робкій и самъ себя стыдящійся шорохъ недовольства напоми-налъ о нихъ, какъ всплескъ безслъдно пропадающаго на водъ пузыря; всъ принялись за разръшеніе неотложныхъ, самыхъ близкихъ вопросовъ, всъ задались устройствомъ хозяйствъ на завтрашній день. Но, при видѣ бездны, мгновенно отдѣлившей вчера оть сегодня, у самыхъ смѣлыхъ и бойкихъ кружилась го-лова, когда они обращались съ вопросомъ въ безвѣстную, пол-ную небывалаго и неожиданнаго, даль. Много ли было владёльцевь, которые со вниманіемъ прочли въ то время статьн положенія, гдѣ говорилось о 9-лѣтнемъ, 20-лѣтнемъ сровѣ: это казалось такъ далеко, такъ непонятно, такъ страшно, что лучше о томъ и не думать: еще болёе путались крестьяне, рёшительно сбиваясь въ распредѣленіи своихъ правъ по періодамъ и часто пропуская изъ-за того существенныя свои выгоды. Совершая окончательныя сдѣлки, на вѣки вѣчныя, ни помѣщики, ни еще болѣе врестьяне, на рын врина, на полощина, на слѣднихъ былъ одинъ вопросъ — «идти на обровъ или на казну», у первыхъ, — «выждать или поскорѣе получить выкуп-ное свидѣтельство.» Оттого въ первыхъ сдѣлкахъ самую важную роль играли, повидимому, постороннія, мелкія соображенія: степень зажиточности или, лучше сказать, породливости владельца, прежнія отношенія къ нему крестьянъ, большая или меньшая ихъ развитость, личность и убѣжденія мирового посредника, иногда просто случай. Въ извѣстной мѣстности удавалось соглашеніе, и слёдомъ за нимъ всё окрестныя селенія шли на со-глашеніе, плохо разбирая собственныя выгоды и невыгоды. Иногда запуганные крестьяне, не успёвъ отдёлаться отъ страху, принимали безусловно переходъ на выкупъ, какъ предлагали имъ помали оезусловно переходъ на выкупъ, какъ предлагали имъ по-мѣщики, цодчиняясь единственно его авторитету; иногда миро-вой посредникъ, избравшій для себя спеціальностію составленіе во что̀-бы ни стало соглашеній, склонялъ къ тому крестьянъ всѣмъ давленіемъ своей власти, не разглядѣвъ хорошенько, въ какую ловушку затягивалъ крестьянъ ловкій землевладѣлецъ; иногда сами крестьяне совершенно безсознательно упирались и

не шли ни на что, а иногда — помолившись Богу, также безсознательно обирали сами себя. Однимъ словомъ, весьма мало договоровъ, гдё обё стороны становились прямо и честно другъ къ другу, безъ всякихъ хитростей, съ полнымъ сознаніемъ всѣхъ выгодъ и невыгодъ принимаемаго ими на себя обязательства. Скажу болёе, — въ большей части случаевъ такое прямое и честное отношеніе къ дѣлу со стороны владѣльца вредило, и крестьяне упорно отъ всего отказывались, съ явною для себя невыгодою. Это былъ, къ несчастію, неизоѣжный отголосовъ крѣпостного права, послѣ котораго честныя отношенія казались крестьянамъ менѣе всего естественными и возбуждали въ нихъ недовѣріе. Что же касается до мировыхъ посредниковъ, то дѣятельность ихъ была неизмѣримо полезна и почтенна при составленіи уставныхъ граматъ, но не простиралась на обязательный выкупъ. Посредники также смотрѣли только на ближайшую задачу и въ обязательномъ выкупѣ видѣли относительное улучшеніе быта крестьянъ, не только не задерживая его, но всячески поощряя и помогая ему. Мировые посредники также не предвидѣли развязки, имѣющей послѣдовать по истеченіи 9-лѣтнаго срока. Оттого факты показывають, что:

1) Крестьяне, получившіе даровой надёль, вовсе не принадлежать къ числу самыхъ обезпеченныхъ, и ихъ бытъ нисколько не менёе другихъ нуждается въ коренномъ расширеніи ихъ правъ свободою переселенія. Землевладёльцы, согласившіеся на такой даръ, взглянули на свое будущее подальше и поняли, что этотъ подарокъ всего прочнёе отдаетъ въ ихъ руки будущихъ безземельныхъ рабочихъ; а крестьяне, привыкшіе всегда платить, естественно на первыхъ порахъ соблазнились перспективою вдругъ освободиться отъ привычныхъ платежей и получить еще въ даръ домъ и клочекъ земли.

2) Крестьяне - собственники, пріобрѣтшіе надѣлъ по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, не принадлежать исключительно къ наиболѣе благопріятствуемымъ, по своему настоящему положенію. Во - первыхъ, здѣсь именно и имѣютъ мѣсто всѣ тѣ случайности, о которыхъ говорено выше, и которыхъ, относительно, наберется большинство; во-вторыхъ, понятіе о вы иодп есть понятіе весьма относительное: въ данной мѣстности, гдѣ вообще условія неблагопріятны для крестьянъ, и гдѣ, по разнымъ причинамъ, обязательные надѣлы слишкомъ строго придерживались буквы закона, склоняя всякое interpretatio benigna въ пользу землевладѣльца, — достаточно было призрака выгоды, чтобы склонить крестьянъ на добровольное соглашеніе, особенно, когда разрѣшено оно было въ барщинныхъ имѣніяхъ. Здѣсь до-

Digitized 48 Google

полнительный платежъ часто служилъ ни чёмъ другимъ, вакъ откупомъ отъ барщины, ибо до истеченія двухъ лётъ со времени утвержденія положенія, крестьяне не могли переходить съ барщины на оброкъ иначе, какъ съ согласія пом'єщика. (М'єст. Вел. Пол., ст. 236).

3) Крестьяне - собственники, пріобрётшіе надёль по обязательному выкупу, не принадлежать исключительно къ числу такихъ бездольныхъ, какими можно бы было ихъ себё представить по тёмъ крутымъ условіямъ, въ которыя они должны были вступить. Это не все сидящіе на неблагодарной почвё неоплатные недоимщики: въ числё ихъ много такихъ, которыхъ положеніе есть и останется на самомъ дёлё несравненно лучше и временно-обязанныхъ и даже заплатившихъ дополнительный платежъ. Извёстно, что такое сдёлались выкупныя свидётельства для нашихъ помёщиковъ: — старые и новые долги, поёздка заграницу, привычная жизнь сверхъ состоянія, карты и кутежи, за все расплачиваются выкупныя свидётельства! Какъ прежде владёлецъ продавалъ впередъ хлёбъ за безцёнокъ, чтобы скорёе получить въ руки деньги, такъ теперь онъ скорёе всего радъ схватиться за выкупное свидётельство, а для этого лучшее средство — обязательный выкупъ; гдё еще тутъ вести канитель съ мужиками о дополнительномъ платежё и собирать его по копівйкамъ! Но изъ этого не слёдуетъ, что нѣтъ вовсе дёйствительно сданныхъ въ казну неоплатныхъ недоимциковъ.

Если справедливость требуеть уравнять послёднихъ, а, за невозможностію отдёлить ихъ, то и всёхъ обязательно выкупившихся, — то тоже справедливость требуеть не дёлать исключенія для крестьянъ, пріобрётшихъ землю съ помощію правительства, по добровольному соглашенію съ помёщикомъ. Если для разряда добровольно выкупившихся существуеть надежда, что большинство ихъ останется на мёстё, за которое они уже заплатили дополнительный платежъ и часть ссуды; то въ такой же мёрё существуетъ надежда, что не всё обязательно выкупившеся тронутся съ мёстъ, какъ скоро имъ будетъ дозволено, ибо многимъ слишкомъ привольно и на теперешнихъ мѣстахъ.

Наконецъ, 4) временно-обязанные крестьяне и безъ того вообще принадлежатъ къ числу самыхъ привилегированныхъ. Перевести ихъ на выкупъ зависѣло совершенно отъ помѣщика: что же могло его удержать? въ исключительномъ случаѣ, это могли быть особыя личныя обстоятельства, безпечность о своихъ дѣлахъ, даже личный капризъ; но какъ общее правило, здѣсь могли представиться только два соображенія: 1) или крестьяне такъ хорошо платили оброкъ, что помѣщику жаль было поте-

рять 1 р. 80 к. съ души отъ поспёшнаго представленія ихъ на вывупъ, а это есть вёрная гарантія, что мёстныя угодья вознаграждаютъ трудъ крестьянина; или 2) земля, сравнительно съ оцёнкою по положенію, настолько въ дёйствительности выше по своей цённости, что владёлецъ вполнё увёренъ въ удержаніи ея со стороны крестьянъ за обязательную поземельную ренту, при всякой свободё отказа, или онъ разсчитываетъ, вслёдствіе отказа крестьянъ, извлечь изъ возвратившейся къ нему земли, если не высшій, то равный съ настоящимъ доходъ. А потому еще менѣе основанія предоставлять новыя льготы разряду и безъ того болѣе привилегированному, по силѣ сложившихся обстоятельствъ, не распространяя этихъ льготъ на всѣхъ остальныхъ, гораздо болѣе въ нихъ нуждающихся.

Все то, что я сказалъ, близко знакомо всёмъ живущимъ внутри Россіи и каждымъ изъ нихъ ежедневно повъряется на собственномъ опытъ, но, конечно, не утрачиваетъ отъ этого всей своей глубокой важности. Люди, лишенные непосредственнаго опыта, могутъ потребовать отъ меня доказательствъ. Постараюсь представить нъсколько крупныхъ фактовъ, гдъ группируются послъдствія отъ сцъпленія такихъ различныхъ дробныхъ, сложныхъ причинъ.

1) Что врестьяне, получившіе даровой надёль, далеко не могуть назваться вполнѣ обезпеченными, это какъ нельзя яснѣе доказали послёднія событія. То повальное переселеніе, въ Тульской губерніи, которое поспѣшила засвидѣтельствовать газетою «Въсть», обязано своимъ происхожденіемъ не циркуляру министра внутреннихъ дёлъ, а даровому надёлу: по врайней мърв изъ переселенцевъ 15-ти губерній, являвшихся за освёдомленіемъ въ Самарскую губернію, ⁹/₁₀ принадлежали въ Туль-ской губерніи, въ особенности въ Ефремовскому уѣзду, и боль-шинство ихъ было съ дарового надѣла. Это понятно: даровой надёль есть первый и самый искусный шагь къ возобновленію земледѣльческой кабалы, въ видѣ краткосрочной аренды земель. Разница арендныхъ цёнъ при даровомъ надёлё и при полномъ лучше всего видна въ Казанской губерніи, въ двухъ смежныхъ и подъ одинавовыми условіями находящихся убздахъ, Тетюшскомъ и Спасскомъ; въ послъднемъ (гдъ разыгралась страшная Безднинская драма) значительно распространенъ даровой надёлъ, и цёна за наемъ десятины пашни поднялась отъ 8 до 10 рублей. — въ Тетюшскомъ убздѣ, гдѣ даровой надѣлъ почти не встрѣчается — цёна за десятину отъ 4 до 7 рублей, слёдовательно, ровно вдвое менёе. А потому дозволеніе свободнаго переселенія врестьянъ, получившихъ даровой надёлъ, есть дёло государствен-

ной важности, ибо только эта мёра будеть способствовать или выселенію ихъ изъ густо-населенныхъ мёстностей, гдё они всеголегче могуть подпасть притёсненіямъ со стороны земдевладёльцевъ, или пониженію цёнъ на наемъ земель послёднихъ, дабы удержать населеніе на мёстё и сохранить разумный доходъ, не гоняясь за слишкомъ большимъ.

2) Что врестьяне, получившіе надёль сь уплатою дополнительныхъ платежей, не принадлежатъ въ числу сознательныхъ покупщиковъ, вполнъ довольныхъ своимъ пріобрътеніемъ, подтверждается накопленіемъ выкупныхъ недоимокъ по этимъ сдёлкамъ и тугою уплатою дополнительныхъ платежей. Посл'яднее можно отнести въ недобросовъстности врестьянъ: вообще не такъ пріятно платить разсроченный платежь за вещь, давно уже ставшую своею, какъ объщать его, во время самаго пріобритенія нужной вещи. Но это только отчасти, ибо въ другихъ случаяхъ врестьяне, напротивъ, взносятъ дополнительные платежн съ величайшею исправностью. Это показываеть, что кроив отдёльныхъ случаевъ недобросовёстности, вездё и всегда нензбѣжныхъ въ массѣ, есть еще другая причина разности въ по-гашении дополнительнаго платежа. Причина эта состоитъ въ томъ, что гдѣ дополнительный платежъ сдѣланъ вполнѣ созна-тельно, гдѣ онъ дѣйствительно принесъ выгоды, гдѣ онъ прамо сказывается въ кошелькъ рублемъ, тамъ и платится легко. А гдъ врестьянинъ, въ виду разныхъ случайностей, поддался на невыгодную сдёлку и обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, - тамъ, помимо добросовѣстности, трудно ожидать исправныхъ взносовъ. Точно тоже имѣетъ мѣсто и въ отношеніи къ выкупнымъ платежамъ. Къ сожалёнію, нётъ относительной статистики недонмовъ по выкупнымъ сдёлкамъ съ соглашеніями и обязательнымъ; но, насколько мнё удавалось узнавать объ этомъ пред-метѣ, я пришелъ къ заключенію, что это обстоятельство имѣетъ менње всего вліянія на большее или меньшее накопленіе недоимокъ. Недоимки прежде всего распредѣляются по мѣстностямъ и зависятъ отъ совокупности условій экономическаго status quo данной мёстности, а равно отъ принятыхъ тамъ мёръ ея пополненія; но затёмъ главную силу имёеть, заключающаяся въ са-момъ надёлё, способность принести тё или другія выгоды сидя-щему на немъ населенію, независимо отъ чисто формальнаго способа пріобрётенія надёла крестьянскимъ обществомъ.

3) Для доказательства, что обязательный выкупъ не заключаетъ въ себв однихъ врестьянъ, сидящихъ на непроизводительной почвв и сданныхъ въ казну только въ качестве неоцлатныхъ недоимщиковъ, отъ которыхъ желалъ отдёлаться владё-

мецъ земли, мы употребимъ слѣдующій способъ. Еслибы послѣднее предположеніе было вѣрно, то отсюда получилось бы такое статистическое явленіе: чѣмъ почва въ губерніи неблагопріятнѣе и чѣмъ, слѣдовательно, надѣлъ самъ по себѣ, — какъ капиталъ, оплачивающій ренту, или оброкъ, — менѣе заключаетъ въ себѣ для этой цѣли производительныхъ силъ, тѣмъ число выкупныхъ обязательныхъ сдѣловъ должно быть меньше; наоборотъ, чѣмъ губернія плодороднѣе и чѣмъ земля въ ней дороже и доходнѣе, тѣмъ болѣе у владѣльца земли и интереса сохранить въ своихъ рукахъ цѣнную собственность, въ надеждѣ на будущее и, слѣдовательно, отсрочить выкупъ не только обязательный, но и по добровольному соглашенію, ибо вообще врестьяне, по самымъ средствамъ своимъ и вслѣдствіе упадка цѣнности земли въ переходное время, не могли обѣщать значительнаго дополнительнаго платежа. Съ этою цѣлью мы вычислили таблицу процента числа крестьянъ, выкупившихъ свои угодья къ общему числу временно-обязанныхъ крестьянъ по каждой губерніи, въ 1 январа 1868 года, по свѣдѣніямъ «Сѣверной Почты». Полученные результаты таковы:

•		СОБСТЬЯНЪ- СОБСТВЕННИЕОВЪ.					
Выше средн. проц. къ 1 янв. 1868 г. въ 33,0%.	Херсонская .				71,2%	проц. къ 1 анв. 1866 г. въ 33,0%.	/ Калужская
	Харьковская .		•	•	68,4		Рязанская
	Черниговская .	•	•	•	60,1		Самарская
	Пензенская	•	•	•	57 ,0		Псковская
	Полтавская	•	•	•	53,9		Орловская
	Вятская	•	•	•	48,2		Владимірская 27,8
	Таврическая .	•	•	•	48,1		Московская 27,1
	Воронежская .	•	•	•	47,5		Костромская 26,1
	Симбирская	•	•	•	44,7		Астраханская 25,9
	Екатеринославс	ка.я	ι.	•	43,8		Уфимская
	Казанская	•	•	•	41,9		Тульская 24,7
	Тамбовская	•	•	•	39,5		СПетербургская 22,0
	Смоленская	•	•	•	39,1		Олонецкая 20,6
	Земля Войска Донскаго			o	38,9	ė	Ярославская 20,3
	Курская	•	•	•	37,1	Ниже с	Нижегородская 20,1
	Новгородская .	•	•	•	37,0		Вологодская 19,7
	Саратовская .	•	•	•	36.4		Пермская 0,55
Bu	Тверская	•	•	•	34,5		

Напротивъ, мы здёсь замёчаемъ обратное явленіе: въ губерніяхъ черноземныхъ, въ полосё самыхъ возвышенныхъ цёнъ на землю, гдё обязательная рента ниже свободной — выкуповъ несравненно болёе, нежели въ губерніяхъ не-черноземной полосы, гдё ихъ слёдовало бы ожидать по преимуществу и гдё они дёйствительно и начались гораздо ранёе. Вообще эта таблица,

какъ всё наши статистическія данныя, поражаеть, какъ доказательство неурядицы, отсутствія всякаго опредёленнаго начала какой-либо страны и, напротивъ, полное господство случая: такъ, рядомъ, въ отношеніи къ вопросу, стоять губерніи Курская и Новгородская, Псковская и Орловская и т. д. Но если мы возьмемъ губернію одной промышленной, не-черноземной полосы, то тамъ мы увидимъ другое явленіе: чёмъ губернія относительно бёднёе, тёмъ цёна выкуповъ значительнёе:

Смоленская . Новгородская Тверская	•	•	37,0 34,5	выше	средняго	процента	въ 33,0%.
Псковская . Владимірская			,				
Московская . Костромская .	•	•	27,1	ппже	средняго	процента	въ 33,0%.
Ностромская . Нижегородская	•	•	20,3				
нижегородская	•	•	20,1 /				

Этихъ доказательствъ, я полагаю, достаточно, чтобы убѣдиться въ первоначальномъ и самомъ для меня важномъ положеніи: не смотря на разность юридическихъ правъ, предоставленныхъ различнымъ разрядамъ крестьянъ, освободившихся отъ крѣпостной зависимости, — въ житейскомъ, экономическомъ смыслѣ они всѣ, въ настоящемъ своемъ положеніи, представляютъ сплошную массу, совершенно однообразную. Крестьянинъ-собственникъ отличается отъ крестьянина временно-обязаннаго только тѣмъ, что легально платитъ нѣсколько менѣе за предоставленный ему надѣлъ; а какъ крестьянинъ смотритъ на свое хозяйство не съ точки зрѣнія предоставленнаго надѣла, а съ точки зрѣнія дѣйствительной выгодности доставшихся ему угодій, что и составляетъ настоящій правильный взглядъ, —то на самомъ факта, по дѣйствительной стоимости угодій, въ одномъ случаѣ временно-обязанный крестьянинъ платитъ меньше собственника, въ другомъ — собственникъ больше временно-обязаннаго и т. д.

Но какъ бы то ни было, такое положение создано закономъ и можетъ быть измѣнено только закономъ.

Теперь вопросъ: можетъ ли законъ, измѣняя положеніе меньшинства, поставить его въ привилегированное положеніе въ отношеніи къ большинству? можетъ ли законъ, въ отношеніи къ меньшинству, даже отступить отъ коренныхъ началъ основного законоположенія, какъ увидимъ ниже, а въ отношеніи къ большинству ограждать только формальную его сторону и тѣмъ лишать его всѣхъ выгодъ и правъ, меньшинству предоставляемыхъ?

Очевидно, не можеть, а между тёмъ такое явленіе можеть осуществиться.

На самомъ дѣлѣ, взглянемъ пристальнѣе на смыслъ привилегій, полученныхъ одними временно-обязанными врестьянами по истечении девятилѣтняго срока.

Привилегіи эти получають, какъ сказано въ положеніи, отдъльныя лица; и потому прежде всего должно объяснить, что такое отдильное лице. Составитель положения имёль въ виду въ настоящихъ статьяхъ крестьянский дворъ, въ нераздъльномъ его составь. Въ журналѣ № 8-й сказано, стр. 58-я: «по крайней въ сельскомъ быту неопредѣленности понятія объ юридическомъ объемѣ семейства, истекающей изъ самаго свойства народныхъ обычаевъ, хозяйственное отдѣленіе полагаетъ, что юридическою единицею долженъ быть признаваемъ одинъ только крестьянский дворз въ томъ видѣ, въ какомъ онъ будетъ состоять во время утвержденія уставной грамоты, или въ какомъ онъ можетъ послё того образоваться вслёдствіе правильныхъ семейныхъ раздёловъ, разръщаемыхъ мірскими приговорами». Въ такомъ видъ заключение это постоянно принималось и утверждалось общими присутствиями коммиссии. Но въ самомъ положении 19-го февраля какъ будто выраженію «отдѣльный врестьянинъ» дано другое болве твсное значение, ибо въ числѣ условій увольнения постановлено «обезпечение остающихся въ обществѣ, въ семействѣ увольняемаго крестьянина, малолётнихъ и другихъ лицъ, неспособныхъ къ работѣ». Такимъ образомъ здѣсь, если не требуется прямо, то допускается дробление семействъ до послъдняго предѣла, указываемаго въ законѣ, когда семья уже переходить въ недробленую единицу, т. е. родитель съ неотдъленными несо-вершеннолътними дътъми. Итакъ, выражение «отдъльные врестьяне» нельзя иначе понимать какъ въ смыслѣ недробимой гражданской семьи, т. е. отецъ съ несовершеннолѣтними сыновьями.

За тъмъ, настоящія привилегіи главнымъ образомъ распадаются на два случая:

1) Когда отдѣльное лице можетъ отказаться отъ надѣла безъ всякихъ особыхъ съ своей стороны пожертвованій, даже съ возможностію перейти въ разрядъ сословій безземельныхъ: этотъ случай возможенъ при припискѣ временно-обязанныхъ крестьянъ къ мѣщанскимъ обществамъ въ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ. Случай этотъ чрезвычайно важенъ, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ можно пріобрѣтать почти за ничто землю подъ усадьбу и разведеніе небольшого хозяйства. Всѣ дворовые, какъ извѣстно, не встрѣчали нигдѣ отказа въ прямыхъ приговорахъ отъ городскихъ и посадскихъ обществъ, ибо мѣщане, не несущіе личныхъ,

прямыхъ податей, и потому не связанные круговою порувою, только выигрывають отъ принятія новыхъ членовъ, на которыхъ они впослёдствіи взваливають всю тажесть рекрутской повинности: оттого всё хлопоты обыкновенно состояли въ большемъ или меньшемъ количествѣ зелена вина, опорожненнаго сообща но-вымъ членомъ и принимавшими его товарищами. Изъ этого ясно, что ничто въ буквъ приведенной выше статьи не противоръчить, если отдёльные врестьяне, цёлыя семьи и мало-по-малу цёлыя общества, особенно подгородныя, за исключениемъ состоящихъ на рекрутской очереди, получать пріемные приговоры оть мізщанскаго общества и откажутся отъ надъла, пріобрътя въ собственность желаемое количество поземельнаго участка на 30-тиверстномъ районѣ отъ мѣста приписки, гдѣ никакого вида для постояннаго проживанія не требуется. По крайней м'єрь для крестьянина это чрезвычайно выгодно: какъ мъщанинъ, онъ не будеть платить прямыхъ личныхъ податей, а какъ земледълецъникакихъ другихъ, кромъ земскихъ, ибо у насъ земля отъ госу-дарственныхъ налоговъ свободна. Такимъ образомъ, предоставленное этою статьею право такъ близко граничитъ съ полною и безусловною свободою переселенія, что ее можно теперь же признать фактически признанною для временно-обязанныхъ крестьянъ. Всѣ дальнѣйшія условія, представляющія льготы въ несравненно болёе тёсномъ смыслё и относящіяся только до болёе частныхъ случаевъ, практически сглаживаются предъ совершенно яснымъ смысломъ основной 128 ст. мъст. полож. Напримъръ, на основаніи ся, изъ цёлаго крестьянскаго общества, недовольнаго своимъ надбломъ, хотя бы и принятымъ по согласію, подписанному въ уставной грамать, могуть, въ видъ отдѣльныхъ семей, переписаться въ мѣщанское общество и за тѣмъ отказаться оть земли всѣ лица, составлявшія крестьянское общество, за исключеніемъ состоящихъ на рекрутской повинности малолѣтнихъ и неспособныхъ, недоимщиковъ и состоящихъ подъ слёдствіемъ и судомъ, которыя сохраняютъ временно - обязанныя отношенія до тёхъ поръ пока отправятъ повинность, выростутъ, заплатятъ долги и недоимки и освободятся отъ слъдствія или суда.

2) Когда отдѣльное лице, отказываясь отъ земли, предварительно должно сдѣлать нѣкоторое съ своей стороны пожертвованіе.

Пожертвованіе это, необходимое для приписки къ сельскимъ обществамъ всѣхъ наименованій, безъ участія въ надѣлѣ, заключается а) или въ предварительномъ выкупѣ усадьбы, или b) въ пріобрѣтеніи двойного высшаго или указнаго надѣла, въ разстояніи 15-ти верстъ отъ мѣста водворенія общества. Но за то въ

обонхъ этихъ случанхъ можетъ отвазаться отъ земли отдёльное лице, оставаясь въ обществё, т. е. помимо всёхъ условій, ограничивающихъ выгоды общества, или, другими словами, даже лице, накопившее всякую недоимку, казенную и въ отношении къ помёщику, собственно лежащую на той самой землё, отъ которой онъ, по своему усмотрёнію, отказывается, если имёетъ возможность на пріобрётеніе земли въ другомъ мёстѣ, за которую онъ уже ничего болёе платить не будеть.

Особый случай составляеть приписка къ сельскимъ обществамъ по ихъ согласію, съ участіемъ въ надёлё: здёсь отказывающійся отъ земли также не привлекается ни къ какому особому пожертвованію, но случай этотъ, безъ сомнёнія, встрётится весьма рёдко, — ибо здёсь интересы принимающаго общества и увольняемаго лица противоположны. Если у общества много земли и она мало производительна, то обществу выгодно принять новаго члена, принимающаго на себя участіе въ платежъ; но тогда послёднему не выгодно платить за дурной участокъ. А если надёлъ въ обществё хорошаго качества, то уже общество не согласится выдёлять участка вновь приписанному.

Тавовы условія отваза со стороны отдёльныхъ лицъ, изложенныя въ положении 19-го февраля. Заметимъ мимоходомъ, что составители положенія, предполагая ихъ въ томъ самомъ видъ, имѣли въ виду два соображенія, впослёдствіи рѣшенныя совер-шенно противоположно ихъ ожиданіямъ: а) въ докладѣ хозяйств. отд. № 8-й (стр. 49) сказано: «весьма вёроятно, что въ тому времени (т. е. окончанію 9-тилётняго срока) значительная часть срочно-обязанныхъ врестьянъ уже успёстъ пріобрѣсти у помѣ-щивовъ угодья или, по врайней мѣрѣ, свою усадебную осѣдлость въ полную собственность; и b) недопущение системы обязательнаго выкупа. Въ Мат. ред. ком. ч. XIII. стр. 181-й сказано о системѣ обязательнаго выкупа: «несостоятельность ея въ финансовомъ отношении, невозможность привести ее немедленно и одновременно въ исполнение, безъ опасности для финансоваго рынка, уже давно вызвали осуждение ся не только въ средв мно-гихъ губернскихъ комитетовъ, но еще и со стороны самого правительства. На этомъ основани финансовой коммиссии вмёнено въ обязанность составить проектъ выкупа полюбовнаго, а не обя-зательнаго. Дёло понятное, что если бы большинство крестьянъ, вышедшихъ изъ крёпостной зависимости, выкупило свои угодья по добровольному соглашению съ помъщивомъ, то для меньшинства временно-обязанныхъ врестьянъ такія привилегіи были бы и разумны, и цёлесообразны и безопасны. Но возможно-ли это въ противоположномъ случав, вогда, напротивъ, выкупъ получилъ

обязательное значеніе и, слёдовательно, врестьяне приврёшлены въ землё не по собственному убёжденію, а по желанію владёльца, съ помощью отъ правительства?

Яклыца, съ помощью оть правительства? Я думаю, что въ такомъ случай положительно опасно дать такія важныя права 20 или 30% врестьянскаго населенія и отказать въ нихъ еще на 39-ть лѣть остальной масеѣ, имѣя притомъ въ виду, что отвѣтственнымъ лицомъ за подобный отказъ всецѣло и непосредственно является правительство. Чѣмъ тогда представится обязательный выкупъ для крестьянъ.--кабалой, какой-то ловушкою, въ которую они были вовлечены ---кѣмъ?! Массѣ никогда нельзя растолковать тонкости юридическихъ отношеній, формальнаго значенія контракта и обязательности финансовой сдѣлки, заключенной на извѣстный періодъ времени. Трудно предположить, чтобы всякая мѣра, слишкомъ сильно нарушающая существующее экономическое равенство между временно-обязанными крестьянами и крестьянами-собственниками, принята была безъ нѣкотораго волненія; но если послѣдствіемъ ея будетъ и обычная пассивная оппозиція, выражающаяся обыкновенно вь упорствѣ платежей и внутреннемъ, скрытомъ неудовольствіи --тө и тогда нельзя признать такую мѣру обще-полезною въ государственномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея будетъ рано или поздно вынужденное сокращеніе сроковъ но выкупной операціи, что никогда не можетъ произойти безъ значительныхъ убытковъ, въ виду значительныхъ обязательствъ, принятыхъ правительствомъ предъ частными лицами.

Итакъ, нерѣшенный вопросъ ставится жизнію въ слѣдующемъ видѣ: льготы, предоставленныя временно-обязаннымъ врестьянамъ въ положеніи 19-го февраля, по неполнотѣ своей, указанной при самомъ составленіи положенія, требуютъ законодательнаго разъясненія. Между тѣмъ, дѣйствительная жизнь указываеть, что экономическое положеніе временно-обязанныхъ крестьянъ и крестьянъсобственниковъ въ такой мѣрѣ однородно и не схоже съ рѣзкимъ разграниченіемъ правъ ихъ буквою закона, что всякая новая мѣра, нарушающая это единство, установленное жизнію и исторіею послѣдняго девятилѣтія, не можетъ быть признана обще-полезною въ государственномъ смыслѣ, какъ источникъ новаго и притомъ весьма сильнаго экономическаго потрясенія, отражающагося на милліонахъ людей. Слѣдовательно, задача состоитъ въ томъ, чтобы, не уменьшая реальнаго значенія льготъ обѣщанныхъ послѣ девятилѣтняго срока временно-обязаннымъ крестьяньсобственниковъ, получившихъ пособіе отъ казны и вмѣстѣ съ тѣмъ не нарушить правильнаго хода выкупной операціи. Задача

въ высшей степени трудная, громадная и важная; но державный исполнитель, который съумблъ явить доселб небывалый примбръ спокойнаго и справедливаго осуществленія реформы, всядб стоившей крови и жертвъ, сотворитъ свою волю съ тёмъ же Божьимъ благословеніемъ!

П.

Прислушиваясь въ толкамъ о настоящемъ вопросѣ, — а о немъ начали толковать много и вездѣ — я прежде всего оста-новлюсь на одномъ способѣ рѣшенія, который принадлежитъ меныпинству, и притомъ заинтересованному. Говорять: «Поземельная собственность только-что отдохнула, едва начала оправ-ляться и приходить во сколько-нибудь правильное положеніе, и вдругъ ей предстоитъ новое, коренное потрясеніе! Она не въ силахъ будетъ этого вынести, тъмъ болѣе, что потрясение падаетъ теперь исключительно на серьезныхъ дѣятелей. Кто привыкъ ничего не дёлать и тратить свое время по пустявамъ, тотъ давно получилъ выкупныя свидётельства и проматываетъ ихъ, по преж-нему, доколё хватитъ. Временно-обязанныя отношенія сохранились большею частію между владёльцами, усвоившими себё новые порядки вещей, перестроившими свое хозяйство съ затратою встль прежнихъ сбережений и вступившими съ своими врестьянами въ такія обоюдно-выгодныя соглашенія, по которымъ землевладѣльцы даютъ имъ заработки и безъ труда получаютъ оброки. Все это должно рушиться. Въ виду того, что врестьяне - собственники остаются въ прежнемъ положении, - не лучше ли на нъкоторое время оставить по-прежнему и крестьянъ временнообязанныхъ; а тамъ, когда поземельная собственность соберется съ силами, всегда будетъ возможность прекратить временно-обязанныя отношенія путемъ, который укажетъ жизнь». Въ словахъ этихъ есть своя доля правды; но, — не говоря уже о томъ, что царское объщаніе не можетъ не быть исполнено, и что что царское объщане не пожеть не окть исполнено, и что объ ограничении, даже временномъ, правъ, предоставленныхъ крестьянамъ положениемъ 19 февраля, не можетъ быть и рѣчи, — мнѣ кажется, что съ одной стороны льготы могутъ быть пре-доставлены въ такой формѣ, которая не произведетъ никакихъ потрясений, ибо льготы отстраняютъ невыгодныя для крестьянъ стороны, и должны въ свою очередь стремиться, чтобы не ли-шить ихъ того, что для нихъ дъйствительно выгодно; а съ другой — всякое неподвижное и неизмънное продолжение тъхъ не-прочныхъ, временныхъ и обоюдно тяжелыхъ отношений, которыя

носять названіе временно-обязанныхь и выкупныхь, только увеличиваеть наше экономическое разстройство, и на обороть, всакое ихъ облегченіе — дѣйствительно и существенно полезно для всёхъ, для правительства, для землевладѣльцевь, для другихъ сословій, не говоря уже о крестьянахъ, однимъ словомъ, для всего народа. — Эту истину я постараюсь доказать, насколько съумѣю *).

Начиная съ 1865 года, и до настоящей минуты, вопросъ о переселении нивогда еще не поднимался серьезно въ нашей литературѣ; но онъ неизмѣримо выросъ въ обществѣ. Ежегодно приходится мнё дёлать дальнія поёздки по Россіи: на пароходахъ, на желёзныхъ дорогахъ, въ обществё я сталкиваюсь съ людьни самыхъ различныхъ слоевъ и самыхъ отдаленныхъ вонцевъ Россия: въ послъднее время мнё не случилось встръчать людей, которые бы не пришли сами въ убъждению о необходимости у насъ большей подвижности массы врестьянскаго населенія. Это опять тоть же великій, нерёшенный вопросъ, который носится въ возаухѣ, который собственною силою невольно прививается къ подямъ, вращающимся во всёхъ колеяхъ внутренней жизни, вопрось, который ждеть и дождется своего осуществления. Между тѣмъ, положение 19 февраля основано на совершенномъ отрицанім свободы переселенія не только въ теченій полувёка, но если можно на болье продолжительный срокъ.

Положеніе 19 февраля 1861 года, и по громадности удачно и справедливо разрёшеннаго соціяльнаго вопроса, и по мастерству исполненія, принадлежить въ числу тёхь немногихь законодательныхъ памятниковъ, которые, появленіемъ своимъ, составляють эпохи въ цивилизаціи народа и человёчества. — Это достоинство его неотъемлемо. Но оно для насъ имѣетъ двоякое значеніе. Оно есть, во-первыхъ, законодательная мѣра, въ данный моментъ рѣшившая вопросъ о соціяльномъ устройствѣ вышедшаго изъ крѣпостной зависимости населенія; во-вторыхъ, оно есть норма, выработанная для дальнѣйшаго движенія государственной жизни, въ теченіи цѣлаго полувѣка. Обѣ эти задачи совершенно различны, и потому одинъ и тотъ же кодексъ не можетъ ихъ разрѣшить вполнѣ. Непривычное возбужденіе на-

^{*)} Вопросъ, поднятый едва ли не впервые почтеннымъ авторомъ, такъ важенъ для нашей общественной жизни, что мы, не вполнъ раздъляя взглядъ, проведенный въ статьъ, на общину и на значеніе личности, не соглашаясь также и съ пъкоторыми выводами, — тъмъ не менъе сочли долгомъ познакомить своихъ читателей съ тъмъ ръшеніемъ предстоящаго во: poca, которое предлагается авторомъ, во всякомъ случаѣ съ большимъ знаніемъ дъла и съ искреннямъ интересомъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ развитія нашей общественной жизни. — Ped.

родной діятельности въ моментъ установленія соціяльной реформы требуеть оть руководящаго закона неподвижности, устоя, который должень умърять усиленное броженіе среды, отозванной отъ своего прошедшаго; но, въ свою очередь, этотъ характеръ неподвижности и устоя, какъ скоро онъ дѣлается масштабомъ обычной, вошедшей въ свою колею дѣятельности, — не соотвѣт-ствуетъ болѣе потребностямъ жизни бѣгущей, безпрестанно мѣ-няющейся, порой прихотливой, но подчиненной міровымъ законамъ безостановочнаго движенія и гармоніи. Положеніе, ко-торое въ день 19 февраля 1861 г. смотрѣло на крестьянское торое въ день 19 февраля 1861 г. смотрѣло на крестьянское сословіе, какъ на застывшую, приросшую къ своимъ мѣстамъ массу и защищало для этой массы ея насиженное мѣсто и про-тивъ всѣхъ внѣшнихъ притязаній, и противъ стремленія къ пере-движенію со стороны самого народа, съ самою крайнею, но мудрою и безпристрастною послѣдовательностію, —исполнило свою великую вадачу, и именно этой крайней приверженности положенія къ сохраненію крестьянской осѣдлости Россія обязана и отсутствіемъ безпорядвовъ, и незначительностію потрясенія, и возможностію скоро отъ него оправиться. Въ свою очередь, стремленіе видѣть въ двадцати - милліонномъ населеніи продолжающійся полвѣка жарактеръ такой окаменѣлой формаціи, — можетъ отозваться тажкимъ экономическимъ потрасеніемъ, какъ всякое противодѣйствіе естественному росту. Говоря такимъ образомъ, я не хочу скавать, что коренныя основанія положенія могуть быть измѣнены: я думаю, не найдется благомыслящаго человѣка, который рѣшился я думаю, не наидется олагомыслящаго человъка, который ръшился бы не только сказать, но подумать это. Нёть, — онё слишкомъ прочно легли фундаментомъ новой русской жизни; за то измё-ненія въ подробностяхъ, въ смыслё уступокъ насущнымъ тре-бованіямъ жизни, — также существенно необходимы, какъ въ свою очередь необходимо было на первыхъ порахъ строгое и неуклонное исполненіе всякой буквы положенія. Разберемъ, въ чемъ должны состоять, по нашему мнѣнію, такія уступки, ка-сающіяся существенныхъ сторонъ положенія. Основныя начала положенія, камни, положенные во главу

угловъ, сводятся въ слѣдующимъ: 1) Главная соціяльная задача положенія состоить въ надплю крестьянъ землею—это совершившійся фактъ, на которомъ упро-чилось наше будущее. Надѣляя крестьянъ землею, положеніе чилось наше оудущее. надълна крестьянъ землею, положене могло взять ее только на мъстахъ прежней осъдлости: это по-нятно и доказывать было бы излишне. Но, надъляя такимъ обра-зомъ, положеніе должно было устранить и устранило вопросъ, со-отвѣтствуеть ли то распредѣленіе населенія, которое оно застало, экономическимъ условіямъ страны, или, — ближе и яснѣе, — си-

дять ли врестьяне на мёстахъ, обезпечивающихъ для нихъ вы-годную затрату труда? Очевидно, что во время первоначальнаго, всеобщаго, единовременнаго надёленія, такой вопросъ не могъ быть поднять; очевидно также, что положеніе, надъляя крестьянь землею, должно было придать этому надъленіе надъляя крестьянь чивость, сказать заранье, что это надъленіе есть постоянное, не только на сегодняшній день. Но положеніе до крайности довело прикрѣпленіе крестьянъ къ отведенному надѣлу даже въ будущемъ: такъ, въ случаѣ будущей покупки земли, оно не позволяетъ крестьянину удалиться далбе 15-ти версть отъ мбста приписки; оно оббщаетъ льготу врестьянину, выкупившему усадьбу въ видѣ права отказа отъ полевого надѣла и т. д. Что врестьянинъ прямо, по высочайшему манифесту, получилъ до нѣкоторой степени право собственности на усадьбу, имъя право выкупить ее безъ согласія помѣщика, — это былъ первый шагъ къ надѣленію крестьянъ, н понятно, что положеніе съ такой теоретической точки зрёнія могло об'єщать льготы выкупившимъ усадьбы. Но дальнѣйшій опыта показалъ, что не только усадьба, даже четвертая часть надёла достаточно не обезпечиваетъ крестьянина; и потому, сохраняя за нимъ высочайше дарованное право выкупа усальбы. надо предоставить это вполнѣ его сознательному убѣжденію, по мадо предоснавлив его вноинв его соспатеньному ускладению, но мъстнымъ разсчетамъ, но не насиловать его волю объщаніемъ привилегій, послѣ явнаго удостовѣренія, что въ общемъ смыслѣ пріобрѣтеніе усадьбы не представляетъ достаточнаго обезпеченія. Что же касается до прикрѣпленія къ извѣстному району прежняго сидѣнія даже будущаго врестьянскаго владѣнія, то это положительно вредно. Обезземеленіе врестьянъ и свобода переположительно вредно. Осезземеление врестьянъ и свооода пере-селенія, — даже въ смыслѣ совершенно свободнаго отказа отъ земли, — не одно и тоже. Стремленіе положенія въчно закрѣпнть извѣстный душевой размѣръ крестьянскаго владѣнія противо-рѣчитъ исторіи и политической экономіи. Исторія показываеть, что аграрные законы, прекращая въ данную минуту монополію землевладѣнія, никогда не могли удержать его въ границахъ установленнаго ими передѣла; политическая экономія въ чисіѣ установленнаго ими передъла; политическая экономія въ чисть немногихъ, схваченныхъ ею общихъ законовъ, управляющихъ человѣческой дѣятельностію, несомнѣпно уяснила законъ, что всякая цѣнность имуществъ, какъ все существующее въ при-родѣ физической, заключаетъ въ самомъ себѣ способность дро-бимости и наростанія, что распредѣленіе богатствъ совершается всегда взаимодѣйствіемъ въ обществѣ двухъ противоположныхъ теченій, изъ которыхъ одно постоянно заставляетъ ихъ скопляться въ большихъ массахъ, а другое — распредѣляться между наибольшимъ количествомъ собственниковъ. Поэтому, нисколько

764

не посягая на принципъ надёленія, необходимо предоставить ему законную свободу движенія. Эта законная свобода движенія состоитъ въ переходѣ отъ надъла по прежней осъдлости къ надълу по свободному избранію, или къ свободъ переселенія. Нѣтъ сомнѣнія, что переходъ этотъ долженъ совершаться съ крайнею осторожностію и медленностію, часколько не разрушая созданнаго положеніемъ, и удерживая зо всей послѣдовательности самый принципъ земельнаго обезпеченія массы. Первоначальная дѣятельность можетъ быть здѣсь направлена, только 1) на сглаживаніе нѣкоторыхъ крайностей положенія въ подробностяхъ, каковы требованія о покупкѣ земли, обезпечивающей пріемъ въ другое общество, и отказъ отъ надѣла, непремльно вз 15-верстномз разстояніи (Ст. 143 Общ. Пол. ст. 125 Мѣст. Вел. Пол.), и т. п.; и 2) на предоставленіе возможности отказаться отъ надѣла по прежней осѣдлости въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстныя условія ставять общество въ слишкомъ невыгодное положеніе, котораго оно можетъ избѣжать перемѣною мѣстности. Въ этомъ смыслѣ я понимаю ту первоначальную свободу перессленія, которая можетъ быть предоставлена всѣмъ временно-обязаннымъ крестьянамъ и собственникамъ уже въ настоящее время, что и составить предметъ дальнѣйшаго изложенія настоящей статьи.

2) Второй воренной принципъ положенія есть признаніе за крестьянскою общиною ся живой, народной силы. Это было требованіемъ самой жизни: въ большинствё губернскихъ вомитетовъ выразились, въ отношеніи къ общинному владѣнію, требованія, которыя докладъ хозяйственнаго отдѣленія № 8 формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «признаніе общиннаго быта, какъ первостепеннаго и несомнѣннаго историческаго факта и могущественнаго на первый разъ орудія для обезпеченія повинностей и упроченія крестьянской самостоятельности; но предоставленіе вмѣстѣ съ тѣмъ общинѣ законнаго пути къ естественному, лишь внутреннею необходимостью вызванному, разложенію ея, на случай, если бы впослѣдствіи обнаружилось ея несоотвѣтствіе требованіямъ обновленнаго экономическаго быта». Но еще прежде существующей поземельной общинѣ придано было обязательное административно-фискальное значеніе. Въ высочайше утвержденномъ журналѣ главнаго комитета 4-го декабря 1858 года сказано: «для вспъхз губерній мірское управленіе обязательное только въ отношеніи административномъ; въ тѣхъ же изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ, по народному обычаю, уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдываетъ и сими угодьями. Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей. *Міръ отвъчаетъ круговою порукою*

Томъ V. - Октяврь, 1868.

за каждаго изъ своихъ членовъ, по отправлению повинностей ка-зенныхъ и помпщичьихъ.» Такова постановка общиннаго вопроса, выразившагося въ положении 19-го февраля. Очевидно, что допуская свободу разложенія поземельной общины, какъ временной и условной хозяйственной единицы и въ тоже время признавая ее главнымъ, можно сказать единственнымъ обезпеченіемъ отправленія повинностей въ пользу правительства и землевладбльца,законъ долженъ былъ отнять у нея тотъ характеръ свободы, по которому вступленіе лица въ общину и выходъ его оттуда за-висять единственно отъ его воли, отъ его личныхъ соображеній, т. е. сдёлать существующую поземельную общину обязательною, въ такой мѣрѣ, что *меньшинство* можетъ удерживать въ общинѣ большинство: разложеніе поземельной общины допускается только по большинству двуха третей, слѣдовательно всякое, абсолютное большинство, не достигшее до этого предёла, должно обязательно уступать меньшинству. Вопросъ объ общинѣ въ послѣднее время началъ проясняться и ученіе объ особленіи человѣческой едини-цы, — плодъ римскаго абсолютизма, перенесенный на почву но-ваго времени схоластическою юриспруденціею, — теряетъ послѣд-нихъ защитниковъ. Мнѣ кажется, что значеніе общины все еще не оцѣнено по достоинству: точно также какъ завязь, основа не оцівнено по достоянству. Точно также как'я заклаз, оснощ всякаго живущаго организма есть клёточка, сама по себ'я цёльный и сложный организмъ, — точно также основаніемъ общественной формаціи служитъ семья, кружекъ, община, общество, — а не отдёльный индивидуумъ, — который, самъ по себ'я — есть недоконченное бытіе.

А потому община, какъ свободный, личный союзъ, есть не только факта, хотя бы и первостепенный, онъ есть закона, какъ норма политической правоспособности массъ и естественная гарантія всякаго самоуправленія. Торжество зиждущаго, христіанскаго начала ассоціаціи надъ разлагающимъ міазмомъ обособленія, — надъ все еще живущимъ и могучимъ девизомъ римскаго деспотизма: divide et impera», — есть задача новаго времени..... Но всякій законъ осуществляется въ переходящихъ, историческихъ формахъ, гдъ къ его въчной правдъ приростають постоянно мѣняющіяся условія мѣста и времени; неумѣніе отдѣлить въ данномъ случаѣ этотъ прирость и составляеть причину такого безплоднаго и нескончаемаго спора между защитниками у насъ общиннаго и личнаго землевладѣнія. Поземельная община есть одно изъ такихъ переходящихъ, историческихъ формъ, гдѣ свободный личный союзъ людей выразился въ обшности землевладънія, какъ видимомъ признакѣ единства интересовъ. Но эта поземельная община можетъ являться въ самыхъ

разнообразныхъ формахъ нормальнаго и патологическаго осуще-ствленія. Такъ, нормальными формами являются съ одной сто-роны та первобытная поземельная община, гдё кочующій на-родъ переходитъ къ осёдлости и можетъ овладёть природою только совокупностью общественныхъ условій, что мы видимъ въ первоначальныхъ нашихъ славянскихъ общинахъ, или такътолько совокупностью общественныхъ условій, что мы видимъ въ первоначальныхъ нашихъ славянскихъ общинахъ, или такъ-называемомъ общинномъ бытѣ, у германскихъ племенъ, въ пер-воначальномъ устройствѣ ихъ маркъ и т. д.; а съ другой тѣ современныя загадки позднѣйшихъ поземельныхъ общинъ, гдѣ мелкое личное землевладѣніе соединяется вмѣстѣ, чтобы выдер-жать борьбу съ крупными, каковы англійскіе land societies и др. Патологическими формами являются всѣ тѣ формы, гдѣ община утратила характеръ личнаго союза, состоящій въ сво-бодѣ вступленія и выхода, и является прикрѣпленною такъ или иначе въ землѣ, — въ смыслѣ крипостной или фискальной ваба-лы. Наша поземельная община, какъ фискальная единица, и какъ обезпечивающая повинности передъ помѣщикомъ, въ этомъ смы-слѣ является патологическою, хотя патологическое ея состояніе есть непремѣнное условіе тѣхъ прежнихъ болѣзнеѣ, которыя вы-несъ русскій народъ, на пути своего историческаго развитія. И потому преобразованіе этой общины не можетъ быть зломя, а можетъ быть только благомя, лишь бы оно совершилось не пу-темъ насилія, а спокойною внутреннею самодѣятельностію; и потому всякія искусственныя мѣры, закрѣцяютія у насъ позе-мельную общину—положительно ередни. Одна въз ненчайшихъ заслугъ положенія 19 февраля есть признаніе административ-мой или политической общины, какъ свободнаго, личнаго сою-за и основаннаго на этой системѣ крестьянскаго самоуправленія. Приведенныя слова журнала главнаго комитета, —для есваха гу-берній мірское управленіе обязательно только ез отнюшения административномъ, —заключають въ себѣ этоть глубовій смысть. Хозяйственное значеніе поземельной общины тоть ке журналь понимаеть совершенно правильно, только вакъ факта: ев тяхъ иза имбетъй и какъ совершеномъ обязательно тоть кубовій смысть. понимаеть совершению правильно, только какь фактя: в тахь изъ пуберній или уподово, гдѣ, по народному обычаю, уже суще-ствуеть общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе за-вподуеть и сими угодьями. Но повсемѣстное фискальное закрѣоподуеть и сими угодьями. Но повсемъстное фискальное закръ-иленіе поземельной общины, въ формъ обязательной круговой поруки, необходимое на первыхъ порахъ, требуетъ уничтоженія уже потому, что, не принося особенно существенной пользы, оно уже сказалось на опытъ, какъ величайшее зло современна-го крестьянскаго экономическаго быта, парализующее всякое его стремленіе къ упроченію своего благосостоянія. Съ одной сто-роны, круговая порука выталкиваетъ насильственно изъ крестьян-

768 вестився выроми.
768 ской общины всёхс зажиточных врестьян, при нервой ро-ножности перехода въ другія сословія, и потому наснасствен-но должна разрупить не только хосяйственное, но и адлини-стративное значеніе общины; съ другой стороны, — при отнатія у членовъ поземствой общины права свобданато выхода, — она окончательно убиваеть всякую энергію къ труду и подвалываеть въ самож ворнѣ то улучшеніе народнаго быта, которое объгда-но высочайших минифестомъ 19 февраля 1861 г. Въ саможа бът, котемъ ни отличается положеніе богатаго крестьянина, тенерешнее время, когда онъ все свое достояніе, всё сбеер-кенія трудовъ жизин долженъ отдать за перваго пыницу ни помѣщику, — оть прежняго сройостного быта, когда точно такъе е его достояніе могло перейти въ кошелевъ помѣщика по перволу его капризу? Народъ ненавидить вруговую поруку, и не разъ смѣ-приложеніе е вызмало безпорадки; а сколько эта порува претокъ. Сколько подей трудолюбивыхъ перестало ны вовсе е начинало трудиться; сколько гѣнтяевъ или дармоѣдовъ спо-речтень. Сколько подей трудолюбивыхъ перестало ны вовсе обино заснуло, аная, что въ крайнечъ случа̀ за нихъ отвѣчаетъ рарискение е вызивало безпорадки; а сколько эта порува претока, нараку собственност креда – того и не воер речтень. Сколько подей трудолюбивыхъ перестало ны вовсе е начинало трудиться; сколько гѣнтяевъ или дармоѣдовъ спо-речтень. Сколько нодей трудолюбивыхъ перестало на вовсе обино заснуло, аная, что въ крайнечъ случа̀ за нихъ отвѣчаетъ рарискаго быта, можетъ воспытаться въ обществѣ, гдѣ трудонобі наказивается на лѣность? какой внутренній міръ, какое согнасю траракснаго быта, колень умастенноти, — и только по этой претъчне, повторо, при первой возможности, — и только по этой и фактъ, встръченны къно въ Самарской губернія, тръ рариска въ общенъ, - обтуть наз общены: склааось на азамъчатель-тька бодеть на въ мерской сашитать сумму раз-тька бодеть на къ мерской кашитать сумму раз-тька быка быста, кеме въ мірской кашитать сумму раз-раться быка бысть, несстыне, колько, но къ симь, л ской общины всёхъ зажиточныхъ врестьянъ, при первой воззованія землею.

3) Наконецъ, третій элементъ, внесенный въ нашу жизнь по-ложеніемъ—есть выкупъ. Выкупъ былъ та единственная форма, въ ікоторой, на первыхъ порахъ, могло осуществиться радомъ

надёленія крестьянъ участками, въ видё законно дошедней нъ нимъ собственности и вознагражденія помѣщиковъ за отходящія отъ нихъ земли, объявленныя высочайшимъ манифестомъ соб-ственностію владёльцевъ. Другую форму не только тогда, — но и теперь — пріискать невозможно. Между тѣмъ опыть показалъ, что скопленіе въ рукахъ правительства такого громаднаго количества полувѣковыхъ обязательствъ, изъ которыхъ большинство заключено помимо отвѣтствующихъ за нихъ лицъ; а съ другой сто-роны, принятіе на себя такой тоже громадной цифры отвѣтственности предъ множествомъ владѣльцевъ выкупныхъ бумагъ, -- представляеть не малое затрудненіе въ странѣ съ такою бѣдною и мало развитою промышленностію, какъ Россія. Изъ всѣхъ финансовыхъ операцій, — выкупная доставляетъ въ настоящее вре-мя наименѣе выгодъ правительству, но въ тоже время предста-вляетъ наиболѣе трудности и столкновеній съ массою. Положимъ, что правительство, неся это бремя, тёмъ самымъ исполняеть са-мую священную часть своихъ обязанностей — заботу о благосо-стояніи большинства. Но выкупъ, и въ особенности обязатель-ный, —какъ это было уже мною достаточно объяснено, — имѣетъ не одну эту дурную сторону. Необходимая продолжительность этой операціи и трудность рѣшиться на какія-нибудь въ ней уступки, —изъ боязни надорвать ее прочность, —всего болёе спо-собствуютъ тому неподвижному прикрёпленію, неизмённое про-долженіе котораго, —и не можетъ быть прочно на весь 49-лёт-ній срокъ, и само по себё экономически вредно. Какъ въ настоящее время, по вопросу о 9-лётнихъ льготахъ, такъ и при всякой другой мѣрѣ, вызванной обстоятельствами и одинаково примѣнимой для улучшенія быта всего сельскаго населенія, выкупъ является въ видѣ зловѣщаго призрака, — противнаго вся-кой уступкѣ, всякому облегченію. И потому, по моему мнѣнію, продолженіе этой операціи, — если оно и необходимо, — то вовсе не желательно. Мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ а) обяже желительно. Инв калетол, что во волюмв са нав с, что во зательный выкупъ долженъ быть прекращенъ послѣ девятилѣт-няго срока; b) долженъ быть дозволенъ выкупъ по соглашению, съ дополнительнымъ платежемъ или безъ онаго, но съ тѣмъ, чтобы крестьяне, примѣняясь къ статьѣ 36 пол. о выкупѣ, сами назначали количество подлежащей выкупу земли; с) чтобы наз-начены были болѣе короткіе сроки выкупной операціи по банначены оыли оолье короткие сроки выкупной операции по оан-ковому разсчету и крестьянамъ предоставлено было право изби-рать тѣ сроки, которые они сочтутъ наиболѣе для себя выгод-ными; d) чтобы при предъявленіи крестьянамъ о выкупѣ, объ-являлось крестьянамъ особо о невозможности для нихъ перехода на другія мѣста, до совершеннаго погашенія выкупной сдѣлки,

въстникъ Еврони.

о чемъ они должны давать, при заключении договора, особую подписку.

Посять этого необходимаго отступления, возвращаюсь въ вопросу.

А сказалъ, что всякое продолженіе временно-обязанныхъ и выкупныхъ отношеній, — въ той неизмённой, со всёми подробностями, формё, какъ они установлены положеніемъ 19 февраля, только увеличиваетъ наше экономическое разстройство; и что единственное радикальное противъ этого средство есть свободное переселеніе, въ извёстныхъ предёлахъ допущенное. Постараюсь разъяснить первое.

Г. Елистевь недавно доказываль въ «Отечественныхъ Записвахъ», что все наше населеніе сидить не на мѣстѣ, а тамъ, гдѣ ему указаль капризъ крѣпостного права. Такой выводъ очевидно одностороненъ и невъренъ; но нельзя не сознаться, какъ то впрочемъ извёстно всякому, что наше размёщеніе сложилось «не по правиламъ комфорта»! И, не смотря на то, внутреннее передвижение населения никогда не было у насъ такъ стъснено, вакъ послѣ надѣленія крестьянъ землею. Передвиженіе, правда, совершалось въ прежнее время иногда деспотически, простою высылкою по наряду преимущественно казенныхъ крестьянъ и даже съ мъсть привольныхъ на безплодныя; но то были исключительные случая, которые не надо возводить въ общее правило. Стоить только припомнить быстрое заселеніе новороссій-скихъ степей при Екатеринѣ и сравнительно позднѣйшій наплывъ переселенцевъ въ восточную степную полосу, въ Оренбургсвую и Самарсвую губерній, особенно сильный въ 1835 году. Такія значительныя переселенія у насъ были не только свободныя, но всегда льготныя: переселенцамъ объщались всегда на новыхъ мъстахъ значительныя преимущества, тавъ - что въ народѣ понятія о переселеніи и о льготъ слились между собою неразрывно. «Куда вы собрались, вёдь у вась и здёсь мёсто привольное»! говорили сбирающимся переселиться въ послѣднее время крестьянамъ. «Въстимо, мъстомъ нечего браковать, родить хорошо, ну и вода есть, и лёску тоже; — да воть платежи очень ужь загоняють, а тамъ все полегче будеть, на новыхъ-то жьстахъ чу ничего не платятъ, льготы тамъ есть-тавія для поселенцевъ»!--«Да какія жъ тамъ льготы, вёдь ничего не объявлено объ льготахъ, — никакихъ льготъ значитъ и на новыхъ мъстахъ не будетъ, а все платить придется-и подушное, и за землю за коренную оброкъ, и другіе, какіе тамъ есть сборы». --- «Когды не будетъ льготъ, этого ниволи не было, чтобы переселенцамъ на новыхъ мъстахъ льготъ не давали, тогда за чъмъ и

770

переселяться, когда на новомъ мѣстѣ никакой вольготности не получить, ужъ лучше приходится терпъть на старомъ»! Прежнія льготныя переселенія вызывались государственными соображеніями и служили обыкновенно средствомъ къ заселенію вновь пріобрѣтенныхъ обширныхъ владѣній, какъ средство болѣе спокойнаго и обезпеченнаго обладанія ими. А потому они мало имѣють общаго съ тъмъ добровольныма переселеніемъ людей изъ одной мъстности въ другую, вслъдствіе личныхъ соображеній и разсчетовъ, которое мы разумвемъ подъ переходомъ отъ надвла по прежней освалости къ надёлу по собственному избранію. Безъ сомнѣнія, -- соображенія государственныя и правильные разсчеты частныхъ лицъ, въ общемъ смыслѣ, совпадаютъ между собою: и для государства, и для частныхъ лицъ было бы выгоднъе. чтобы пустыя наши окраины, отличающіяся плодородною почвою и благодатнымъ климатомъ, какъ Кавказъ, Крымъ, Туркестанская область, и вообще огромное число земель, лежащихъ безъ разработки въ губерніяхъ всего щедрѣе награжденныхъ природою, были какъ можно скорѣе заняты и пущены въ общій обороть народной промышленности; но мы думаемъ, что всякое поспѣшное и насильственное исполненіе такого передвиженія не только произвело бы нѣкоторое экономическое сотрясеніе въ самомъ началѣ, но и въ будущемъ едва ли бы вознаградилось обширностію полученныхъ результатовъ. Обиліе желёзныхъ дорогъ, частыя путешествія на заработки, вообще жизненное развитіе, неизбѣжно связанное съ улучшеніемъ путей сообщенія и удешевленіемъ средствъ передвиженія само вызоветь-въ болье или менье отдаленномъ будущемъ, — стремленіе къ такому передвиженію, такъ-что у нась можеть и должно образоваться, въ предѣлахъ собственнаго государства, нѣсколько такихъ посто-янныхъ, внутреннихъ теченій народонаселенія, какія существуютъ въ Америкѣ¹), — при сходныхъ условіяхъ пустынныхъ, но бога-

¹) Одно изъ главныхъ условій развитія американской промышленности есть совершенная свобода передвиженія. По цензу 1860 г., изъ 82 милліоновъ жителей въ Соединенныхъ Штатахъ, только 17⁴/2 милліон, оставались на мъстахъ, гдъ родились. Кромћ переселенія изъ Европы, существуетъ сильный и постоянный токъ туземнаго населенія съ востока на зацадъ, изъ Нью-Йорка, Пенсильваніи, объихъ Каролинъ, Теннеси и Канзаса въ Иллиноисъ, Миссури, Іову, Мичиганъ, Висконсинъ и Техасъ. Токъ этотъ, продолжавшійся и во время войны на западъ создаетъ, безпрестанно новые штаты. Во время войны западная Виргинія отдѣлилась отъ восточной; Канзасъ, Невада и Небраска изъ территорій сдѣлались штатами; Колорадо, признанная територіею лишь 28 февраля 1861, только всяѣдствіе veto президента, 8 мая 1866 г., противъ рѣшенія конгресса ходатайствовала о признаніи ся отдѣлымъ штатохъ; Дакота, Аризона, Адаго и Монтана признаны территоріями. Иллиноисъ въ 1860 г. сдѣлалъ у себя мѣстный цензъ и оказалось, что населеніе его съ 1860 г. увеличилось

тыхъ всявими естественными дарами окраинъ и незанятыхъ площадей внутри страны. Но, чтобы такой внутренній токъ образовался или получилъ важное экономическое значеніе для страны, — а оба эти условія едины, ибо значительный токъ не образуется, если онъ не будетъ сопровождаться на мѣстахъ новаго поселенія прочными и выгодными результатами, — необходию, чтобы до нѣкоторой степени и у насъ присутствовали въ массѣ американскія или, лучше сказать, обще-человѣческія колонизаторскія способности: извѣстная доля энергіи, привычка къ настойчивому и постоянно разнообразному труду, нѣкоторая техничесвая подготовка, все это пріобрѣтенное на мѣстахъ первоначальной осѣдлости. Всего этого, въ массѣ русскаго врестьянства, нѣтъ и быть не можетъ, ибо, всѣ такія способности, полученныя русскимъ человѣкомъ отъ природы, убиты были врѣпостнымъ правомъ.

Поволѣніе переходное, — поколѣніе, на долю вотораго выпал не только матеріальная, но и нравственная ликвидація печальнаго прошедшаго-мы страдаемъ не столько оть экономическаго потрясенія, вызваннаго совершившимися переворотами привычнаго строя, сволько нравственною немощью, наслёдственнымъ неумѣньемъ воспитать въ себѣ тѣ строгія и опредѣленныя требованія, которыя налагаеть на человѣка и общество, и неизвѣданная нами до сихъ поръ свобода. И старшіе, и меньшіе братья,и дворянство и врестьянство, — въ лицъ современнаго поколънія. платять дань за свое прошедшее и внутри себя не находять силь, чтобы принаровиться къ настоящему. Такъ, по отзыву людей, знающихъ и не одностороннихъ, крестьяне, послѣ освобожденія, вообще стали меньше работать, нежели при крестьянскомъ правь. хотя результаты этой меньшей работы распределялись совершенно иначе, въ нѣвоторыхъ мѣстахъ нѣсколько подняли уровень крестьянскаго благосостоянія: воть прямое доказательство отсутствія энергіи и привычки къ настойчивому и разнообразному труду. при которыхъ только и возможно прочное и дъйствительное экономическое народное преуспѣяніе.

Для того, чтобы онѣ, эти дорогія и присущія русскому человѣку по его природѣ качества, воскресли и окрѣпли, необходимо время и образованіе. Вотъ отъ чего прискорбно видѣть, что земскія учрежденія въ образованіи видятъ предметъ самой отдален-

на 414,000 человѣкъ, почти на 25% населенія. Цѣлыя вереницы переселенцевъ тянутся въ горные западные округа; пароходы по Миссиссици ежедневно везуть тысячи на южимя залежи и пустыри, — тамъ же освобожденнымъ неграмъ отводятся влодоносные участки.

ной потребности и большею частію скупы въ своихъ пожертво-ваніяхъ на этотъ предметъ. Но факты и наблюденія показывають съ другой стороны, что крестьянское сословіе начинаеть замѣтно оправляться отъ того застоя и отсутствія всякой пред-пріимчивости и привычки къ труду, къ которымъ его пріучило крѣпостное право. Въ черноземныхъ и степныхъ губерніяхъ, какъ въ восточной, такъ и въ западной и юго-западной полосъ, общій выводъ таковъ: цпны за сдачу земель повысились, повысились также вообще цъны на хлъба и земледъльческие продукты, но цъны на наемъ рабочихъ значительно упали. Эти два факта рядомъ неопровержимо доказывають, что прежнее отвращеніе крестьянъ къ земледѣлію, напоминавшему имъ барщину и крѣпостное задѣлье, прошло; масса крестьянъ, обратившаяся сначала въ всевозможнымъ другимъ промысламъ, въ особенности мелочной торговлѣ и скупничеству, потерпѣвъ неудачу отъ слишкомъ большой конкурренціи, вернулась къ землѣ; желаніе трудиться и пользоваться нёкоторыми удобствами начинаеть побёждать прежнюю лёнь, считавшую уплату повинностей — вёнцемъ всякаго экономическаго благополучія, если за тёмъ оставалось нёсколько грошей на брагу или въ кабакъ. Поэтому, накопленіе энергіи и привычки въ разнообразному труду, зависящее отъ самого населенія, пойдеть у нась своимъ чередомъ, лишь бы уничтожена была круговая порука и трудолюбіе крестьянъ не встрѣчало какихъ-либо особыхъ преградъ; а распространение образования въ народ'в лежить на обязанности правительства и земства. Если передвижение населения будеть совершаться совершенно свободно, само собою, помимо всякихъ льготъ и ограничений, и притомъ если оно будетъ совершаться постепенно, по мъръ усвоенія народною массою тёхъ колонизаторскихъ способностей, или, скажемъ болѣе, условій, которыя мы видимъ въ Америкъ и вездъ, гдъ колоніи удавались, даже у насъ на нъмцахъ, всегда приносящихъ съ собою эти данныя, присущія уже давно всей иерманской рась; то сама жизнь укажеть немедленно тв пункты, которые наиболѣе нуждаются въ приливѣ населенія и которые поэтому щедрѣе всѣхъ другихъ оплачиваютъ переселенцевъ ¹). И

¹) Отсутствіе у наст не жителей, а рабочиль въ данную минуту часто основано на такихъ оригинальныхъ фактахъ, что повърить трудно. Нечего и говорить, что купцы, имъющіе значительные засъвы въ степныхъ губерніяхъ и нуждающіеся въ сотняхъ рукахъ для жатвы, не имъютъ во внутренныхъ губерніяхъ ни конторъ, ни агентовъ для высылки рабочихъ, и что, съ другой стороны, въ тъхъ мъстностяхъ, откуда выходятъ рабочис, никто не вздумалъ организовать это дъло сколько-нибудь правильно, а отправляются на работу или остаются дома крестьяне эря, по воспоминаніямъ прошлаго лѣта. Кромѣ этой безурядицы, дъло происходитъ обыкновенно слѣдующимъ обра-

потому такого усиленнаго переселенія, изъ одного края Россів въ другой, которое бы имѣло непосредственное и замѣтное влія-ніе на весь строй нашей промышленности и измѣнило сущест-вующее распредѣленіе производства продуктовъ, свойственныхъ въ настоящее время той, или другой мѣстности, я не предполагаю въ настоящее время и не имбю данныхъ предположить; иначе, я смотрълъ бы совершенно иначе на наше ближайшее экономическое будущее, и на настоящее финансовое положение. Господа, защищающие немедленную свободу переселения, пусть объяснять мив -- фактически, кто и куда, по ихъ мивнію, будеть переселяться, когда у насъ все крестьянское население обязательно прикрѣплено въ землѣ на 40-ка-лѣтній сровъ? А также пусть они мнѣ докажуть фактически, что совершившееся при настоящихъ условіяхъ, т. е. при теперешнемъ недостаткѣ у нашихъ переселенцевъ нравственнаго и матеріальнаго капитал всякаго рода (не исключая орудій), переселеніе принесно гдінибудь значительные плоды и сопровождалось прочнымъ водвореніемъ какого-нибудь усовершенствованнаго производства или обработки цённаго земледёльческаго продукта. Что же касается до народнаго переселенія нёскольвихъ десятковъ тысячъ человъкъ, то такое переселение совершенно незамътно въ цълой Россій, совершается само собою, пополняясь изъ бродящаго элемента, городского и сельскаго, и отчасти удовлетворяеть те-кущимъ нуждамъ, при измѣненіи направленія торговыхъ пу-тей и расположенныхъ на нихъ станцій; но такое переселеніе не можетъ имѣть вліянія на промышленное значеніе мѣстности, куда оно направлено, ибо весь избытовъ переселяющихся рукъ сейчасъ же поглощается существующею уже торговлею или промысломъ. Это есть передвижение по городскимъ и тор-говымъ пунктамъ того, что называется подвижснымз населением, и которое пополняется всёмъ промышляющимъ и торгующимъ людомъ, не имѣющимъ земельной осѣдлости и перекочевывающимъ изъ одной мъстности въ другую. Но, такъ какъ у насъ проценть этого подвижного или промышленно - торговаго насе-ленія чрезвычайно маль и совершенно отсутствуеть главный

774

зомъ: является партія рабочихъ, напримёръ, въ Самарѣ, ее аттакуютъ со всёхъ сторонъ прикащики и предлагаютъ на-перерывъ самыя выгодныя условія; сладились--садять на подводы и везутъ за 50-100 на поля. Въ половинѣ работы, когда всё мѣста уже заняты, прикащики, по уговору, объявляютъ, что цѣны пали и что они не могутъ платить обѣщаннаго, а только половину. Что дѣнать? идти съ пустыми руками? чаще крестьяне продолжаютъ жать, смиренно покоряясь своей участи, но иногда выходитъ исторія и начинается полицейское разбирательство. Но, понятно, что на другой годъ эти рабочіе уже не являются.

элементь этого населенія, дающій ему значеніе на Западь, — Сезземельный фабричный рабочій, замьняющійся у нась приходящимъ изъ села врестьяниномъ, имъющимъ свой постоянный надёль, — то промышленность наша гораздо ограниченнёе и тёс-нёе въ своемъ районё, не такъ подвижна, какъ на Западё и имъетъ свой мъстный, тесьма опредъленный и ясный характеръ, воторый отрицають только люди, незнакомые съ условіями нашего быта. Мић только странно, что до сихъ поръ рѣшающіеся говорить объ этомъ предметв и, разумъется, знающіе, что у насъ нътъ безземельныхъ фабричныхъ рабочихъ, -- потому что кто-жъ этого не знаетъ, — не поставили и не рёшили сами для себя слъдующей дилеммы: если промышленность наша должна идти въ уровень съ иностранною, то она должна имъть подъ руками и тѣ же средства, т. е. между прочимъ, безземельныхъ фабрич-ныхъ рабочихъ. Итакъ, что выгоднѣе для народа: имѣть-ли внутреннюю промышленность, соперничествующую съ иностранною, и для того, разрёшивъ свободу торговли, въ видахъ соревнова-нія, вмёстё съ тёмъ способствовать обезземеленію крестьянъ, разными средствами, помогая имъ отдѣляться отъ надѣла, пре-доставленнаго имъ положеніемъ; или, защищая великій прин-ципъ, внесенный положеніемъ и тѣмъ поставляя фабричную дѣятельность въ условія своеобразныя и гораздо тёснёйшія нежели на Западѣ — оградить начатки ея отъ подавленія иностранною конкурренціею, располагающею несравненно болье значительными и выгодными средствами производства въ масст пролетаріата, съмолоду пріучающаго себя въ неблагодарному занятію фабричною работою, и потому предлагающей всё продукты дешевле для потребителей. Вотъ основание, почему, рядомъ съ мыслью о свободъ переселенія, я всегда говориль о необходимости у нась въ настоящее время въ извъстной степени протекціонизма, какъ временного обезпеченія средствъ прокормленія для большинства сельскаго населенія, прикръпленнаго къ непроизводительной почвъ на долгій срокъ и до сихъ поръ кормившагося фабричными заработками. Мнъ кажется, я въ настоящее время, съ надлежащею полнотою, разъяснилъ свои мысли, не лишенныя, какъ читатели сами видять, даже логической посльдовательности, въ отсутстви которой меня упрекали «Московскія В'ёдомости», хотя за логи-ческою послёдовательностію не всегда стоить жизненная правда, и на оборотъ!

Итакъ, первое положеніе, которое я имѣю въ виду, говоря о свободѣ переселенія, таково:

Свобода переселенія, предоставленная въ настоящее время

врестьянскому сословію, не можеть быть полною и неограниченною:

 Потому, что предоставленіе полной свободы переселенія могло бы повести къ обезземеленію крестьянъ и лишенію ихъ того обезпеченнаго положенія, которое придало имъ положеніе 19-го февраля, дарованіемъ установленнаго надѣла.
 2) Потому, что на крестьянскомъ сословіи лежитъ масса обязательствъ, вслѣдствіе выкупа и пользованія надѣломъ, которая

2) Потому, что на врестьянскомъ сословіи лежитъ масса обавательствъ, вслёдствіе выкупа и пользованія надёломъ, которая такъ или иначе должна быть уплачена или исполнена въ отношеніи къ частнымъ лицамъ и землевладёльцамъ. Къ 17-му іюля настоящаго года долгъ, лежащій на крестьянахъ, вслёдствіе оконченныхъ уже выкупныхъ сдёлокъ, простирается свыше 385¹/₂ милліоновъ, а до 19-го февраля 1870 года, долгъ этотъ значительно возрастетъ, въ особенности, принимая въ разсчетъ сдёлки, уже предъявленныя, но не оконченныя. Легкомысленно обращаться съ такими цифрами могутъ только люди, ничего не понимающіе въ обыкновенной житейской обстановкѣ, гдѣ важность государственнаго кредита чувствуется на каждомъ шагу; а потому, при всякомъ дѣльномъ разсужденіи о возможномъ примѣненіи законодательства къ новымъ требованіямъ жизни, надо не опускать изъ виду этотъ историческій, неуплаченный долгъ, текущіе платежи котораго тѣмъ или другимъ способомъ должны быть обезпечены, въ пользу владѣльцевъ облигацій.

печены, въ пользу владёльцевъ облигацій. 3) Потому, что свободное переселеніе, вызвавъ значительное передвиженіе массъ, не обладающихъ ни матеріальнымъ капиталомъ, въ видё денегъ, орудій, скота и проч., ни нравственнымъ, въ видё образованія, энергіи и способности въ разнообразному труду массъ, прибывающихъ на пространства, гдё они точно также, кавъ и на прежней родинё, лишены всякаго пособія общественнаго и частнаго кредита, руководство людей знающихъ и технически образованныхъ, сколько - нибудь организованныхъ путей сбыта и посредниковъ въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ, не въ видё кулака-мартышки, захватывающаго въ свои руки монополію скупки и продажи въ возникающей колоніи, такое свободное переселеніе едва-ли бы окупило неизбёжность экономическаго сотрясенія на первыхъ порахъ—обиліемъ достигнутыхъ результатовъ въ близкомъ будущемъ. А работать на отдаленное потомство, спокойно принимая убытки и разоренія въ близкомъ будущемъ, тоже, что приниматься строить надъ фундаментомъ врышу, не выведя какъ слёдуеть стёнъ и замёнивъ ихъ на время кое-какими перегородками.

Но все это возражение противъ крайности свободнаю переселения, точно также, какъ въ началъ я возражалъ противъ край-

ности прикръпленія ка землъ, установленнаго положеніемъ. Истина, какъ вездѣ въ жизни, лежитъ въ срединѣ между этими. двумя крайностями. Какъ ее найти, или лучше сказать, какъ ее формулировать?

Прежде, чёмъ отвёчать на этотъ вопросъ, я постараюсь поставить его на вёрной и совершенно опредъленной почвё, чтобы избёжать недоразумёній и всякихъ діалектическихъ придирокъ, которыя у насъ обыкновенно каждый вопросъ превращаютъ въ праздное словоизверженіе или поединокъ авторскихъ самолюбій, вооруженныхъ вмёсто слова, этого оружія свободныхъ людей, какъ назвалъ его покойный К. С. Аксаковъ, чаще всего самыми площадными ругательствами.

Главное положеніе мое таково: «принципъ свободнаго пере-селенія есть вѣчный и неизмѣнный законъ общечеловѣческаго развитія; и потому всякое законодательство тёмъ болёе при-ближается къ своему совершенству, чёмъ безусловнёе и шире оно признаетъ такую свободу. Но какъ законодательство есть слёдствіе примёненія естественныхъ правъ человёка, вытекаю-щихъ изъ существа его разумно-свободной воли, подчинившейся общежитію, къ условіямъ данной мёстной среды, въ извёстное оощежитно, къ условіямъ данной мъстной среды, въ извъстное время, то неограниченная, безусловная свобода переселенія мо-жетъ быть допущена въ государствѣ только тогда, когда въ са-мыхъ условіяхъ мѣста и времени данной страны нѣтъ препят-ствій къ такому переселенію, выработанныхъ прежнею жизнію и еще не отстраненныхъ тѣмъ уровнемъ нравственнаго и эконо-мическаго развитія, котораго достигло извѣстное государство. Мы видѣли, что для Россіи тавія условія существують: съ одной стороны долга, невыполненіе лежащихъ на освобожденномъ населеній обязанностей, какъ препятствіе экономическое или лучше свани обязанностен, какъ препятствое элономическое пан и, по сы зать внюшнее; съ другой стороны — недостатокъ развитія только-что освобожденной массы, еще не имѣвшей времени привык-нуть къ свободному труду и оцѣнить все благодѣяніе дарован-наго ей положеніемъ обязательнаго надѣла, такъ что свобода переселенія и возможность обезземеленія крестьянъ, на первыхъ порахъ, дъйствительно между собою сливаются, — что уже соста-вляетъ препятствіе нравственное или лучше свазать внутреннее. Если внъщнее препятствіе можетъ быть снято всявимъ другимъ способомъ погашенія лежащаго на крестьянахъ долга; — то вну-треннее препятствіе вдругъ ничъмъ не можетъ быть удалено и требуетъ постепенности. За тъмъ вообще «задача всякаго прогрессивнаго законодательства въ отношении къ опредѣлению мѣстопребыванія гражданина заключается въ постепенномъ приближеніи въ обезпеченію за каждымъ возможно широкой и неограни-

ченной свободы перемёны мёстожительства или свободы переселенія». Поэтому, выставивъ органическія государственныя при-чины, препятствующія у насъ приведенію въ дѣйствіе немедлен-наго и совершенно свободнаго переселенія, — вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы исполнить задачу прогрессивнаго законодательства, необ-ходимо этимъ пренятствующимъ причинамъ настолько противо-дъйствовать или настолько ихъ удалять, чтобы онѣ, во всей своей совокупносги, постепенно уменьшались, сглаживались и уничтожались и отнюдь взаимно себя не поддерживали. Что касается до внъшняю препятствія, долга, - то предѣлъ его опредёленъ, а за тёмъ каждый лишній платежъ уменьшаеть тягость, а слёдовательно увеличиваеть финансовыми оборотами, болёе равномёрно распредёленными. Но изъ внутреннихъ препятствій постоянное и единовременное пониженіе обоихъ не достаточно обезпечено. Во-первыхъ, оба эти препятствія: отсутствіе энер-гіи и образованія для обезпеченія развивающихся потребностей разнообразнымъ трудомъ и сознательное убъждение въ необхо-димости земельнаго надъла, какъ средство обезпечения экономической и гражданской независимости, неразрывно между собою связаны, какъ все духовное, правственное, не имѣющее погра-ничности внѣшней, физической природы. Только путемъ образованія и энергіей труда крестьяне дойдуть до сознанія о внутренней цённости своей поземельной собственности; только сознаніе такой внутренней цённости, замёняющей понятіе объ обязательномъ надълъ, оплачиваемомъ повинностію, можетъ пробудить въ врестынахъ энергію труда и служить проводникомъ въ образованію. Это совершенно понятно и можеть быть провёрено гдё угодно: гдё при первомъ предложении, готовы помочь матеріяльно устрой-ству школъ. Гдё надёлъ невыгоденъ, тамъ крестьяне об'ёднёли послё освобожденія, и не хлопочуть не только о школахъ, но и о поддержкё своего собственнаго жилья, — перестали трудиться и спились, --- ибо запойное пьянство есть единственный исходъ прикрѣпленнаго къ землѣ и надѣленнаго своимъ угломъ бѣдняка. Слѣ-довательно все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы единовременно и съ равною настойчивостію удалять тѣ препятствія, которыя противопоставлялись до сихъ поръ стремлению народа ка образованию, вопоставлялись до сихъ порь стремлению народа къ образованю, т. е. равнодушіе руководящихъ, высшихъ слоевъ, и стремлению народа къ производительному разнообразному труду, т. е. обя-зательное прикрѣпленіе на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ трудъ, по мѣст-нымъ условіямъ, или недостаточно вознаграждаетъ за труды ра-бочихъ силъ или, — по ограниченности своего предложенія, — не наполняетъ собою всего рабочаго времени мѣстнаго населенія.

778

Ибо, повторяю опять, что уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, отхожіе промыслы, вромѣ вреднаго вліянія на семейный бытъ и пріученія сельскаго жителя въ городской, бездомовной жизни, всегда окупаютъ только содержаніе на мѣстѣ и во время пути самого рабочаго и уплату повинностей, избытки же никогда не вносятся въ домъ, развѣ въ самыхъ рѣдкихъ исключеніяхъ. Оттого отхожіе врестьяне только до времени сыты и одъты, но никогда не зажиточны.

III.

13-го апрѣля 1861 года, часу въ 10-мъ вечера, я сидѣлъ очень спокойно у знакомыхъ въ городѣ В... К-ой губерніи. На порогѣ явился мой лакей, съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ: «пожалуйте домой, васъ спрашиваютъ!» — «Кто спрашиваетъ? за чѣмъ?» — «Жандармы изъ губерніи пріѣхали.» Тутъ ужъ и я, не безъ нѣкоторой озабоченности, поспѣшно оставилъ хозяевъ и поѣхалъ домой. Здѣсь меня встрѣтилъ жандармъ и подалъ мнѣ конвертъ и тюкъ. Въ конвертѣ была бумага отъ губернатора, который извѣщалъ меня, что по высочайщему повелѣнію, за-втрашняго числа одновременно въ цѣломъ уѣздѣ имѣетъ быть объявленъ манифестъ 19-го февраля 1861 года, объ освобожде-ніи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; въ тюкѣ нѣсколько экземпляровъ положенія. Скоро комнаты мои наполнились, на дворѣ зазвенѣли колокольчики, пріѣхалъ исправникъ, мѣстный стряпчій, становой, отправлявшіеся немедленно на указанные дворъ зазвенван колокольчики, привлаль поправлява, потраглана, потравлявать, привлаль поправлявать, привлаль поправлявать, потому что въсть давно пункты, сходились всё общіе знакомые, потому что въсть давно уже облетала весь городокъ, столько же думавшій наканунѣ объ освобожденіи, сколько Севастополь, въ самый день объявленія войны о приступѣ 6-го августа, рѣшившемъ его участь. Поло-женія никто не читаль, извѣстны были только слова манифеста, женія никто не читалъ, извёстны были только слова манифеста, но городовъ, наполненный пролетаріями-чиновниками и купече-ствомъ, котораго предки были мёстные крестьяне, шевелился ра-достно. Долго вечеромъ, противъ обыкновенія свётились огоньки, и на другой день, огромной волной народъ наполнилъ един-ственный въ городѣ соборъ, паперть и всю прилегающую об-ширную площадь. Послѣ обѣдни и въ церкви, и на площади — объявленъ былъ манифестъ населенію въ 10,000 подгородныхъ крестьянъ, вызванныхъ съ этою цѣлію въ городъ и явившихся почти поголовно. Крестьяне выслушали, отслужили молебенъ за Царя-Освободителя и разошлись — молча и задумчиво. Въ дру-гихъ пунктахъ повторилось тоже самое; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ

управляющіе выкатили вина, чтобы поздравить врестьянъ съ своуправляющие выкатили вина, чтобы поздравить крестьянь съ сво-бодой, — выпили, поблагодарили и тавже молча разошлись, продол-женія попойки нигдѣ не было! Выше и торжественнѣе этой ин-нуты не могло быть ничего: освобожденный народъ, встрѣтившій вѣсть о свободѣ съ такой спокойною и глубовою думой, вручав-шій съ неподдѣльной благодарностію и довѣренностію судьбу свою шій съ неподдѣльной благодарностію и довѣренностію судьбу свою тому, кто такъ нежданно и милостиво призваль его къ новому бытію, заключаль въ себѣ такіе задатки моральной силы и поли-тическаго такта, которые достаточно обезпечивали всю его вели-кую будущность. Но за этимъ днемъ первыхъ ощущеній слѣдовала суматоха жизни. Положеніе, которое роздано было вездѣ, — вездѣ читалось и разбиралось, но лѣсныя работы продолжались, и нигдѣ безпорядковъ не происходило; но ка̀къ понимали крестьяне по-ложеніе? Недѣли черезъ двѣ, посредниковъ тогда еще не быю, разбудили меня утромъ, едва только вошло солнце, говорять: «народъ требуетъ». Я всталъ: довольно общирный дворъ моей квартиры весь былъ занятъ толпой, яблоку упасть не гдѣ, на улицѣ съ обѣихъ сторонъ тянулись громалные хвосты. это были квартиры весь оылъ занять толпои, яолоку упасть не гдв, на улицё съ объихъ сторонъ тянулись громадные хвосты, это были подгородные врестьяне, верстъ за 15 — 20 отъ города (у насъ это считается ни по чемъ', точно изъ одного конца города въ другой), въ которымъ, разумёется, присоединился весь събхав-шйся на базаръ людъ и любопытные зрители. Впереди стояли шійся на базаръ людъ и любопытные зрители. Впереди стояли двё значительныя вотчины, съ которыми мнё приходилось стан-киваться чуть не каждый день, по дёламъ опеки, и гдё я почти каждаго крестьянина зналъ по имени. — «Что, ребята, надо?» — «Да вотъ, пришли спросить, землю пахать скоро начинать наде, такъ какъ тутъ дёлать?» — «Чего, какъ дёлать, покамѣсть какъ прежде дѣлали, такъ и дѣлать, что прежде пахали, то и теперь пахать.» — «То есть нашу-то землю можно намъ таперича па-хать.» — «А кому же ее пахать, коли она ваша.» — «Да воть слышь она помѣщичья стала.» — «Ну а прежде чья она была?» — «Да прежде и душа-то крестьянская помѣщицкая была, а теперь, значитъ вонъ не того.» — «Ну хорошо, да только тутъ разговоръ не объ душѣ, а объ землѣ, земля была помѣщичья и помѣщикъ ее во всякое время былъ воленъ у васъ ее отнять, а между тѣмъ вы все-таки ее называли вашей и пахали. Такъ вѣдь? — «Такъ-то, такъ, да только.....» — «Нѣтъ, погоди, договоримъ сна-«Такъ-то, такъ, да только.....» — «Нѣтъ, погоди, договоримъ сначала одно; теперь пом'ящикъ землю, которую вы обработыван до сихъ поръ, взять у васъ не воленъ, а долженъ вамъ ее пре-доставить и получить за нее не что онъ хочетъ, а что законъ велить: значить, по моему, теперь земля - то сдёлалась больше вашей, коли ее ни отнять нельзя, ни взять за нее что хочешь.» - «Да оно, пожалуй и такъ, да.....» - «Ну, какъ же выходитъ,

780

вогда землю можно было взять у васъ, вы ее пахали, а теперь, когда стало нельзя у васъ взять — бросите!? вёдь какъ хотите, такъ что-то не складно!? а между тёмъ, ну, положимъ, пахать вы не будете, — а кормиться-то чёмъ станете?» — «Такъ ужъ видно пахать придется!» — «Видно придется, да и стоило же хо-дить за этимъ столько народу, вёдь чай и безъ меня вы раз-суждали тоже, что и теперь.» — «Да все, знаешь, повойнёе какъ спросишь.» — «Оно точно покойнёе, какъ спросишь, отъ чего и не спросить, коли время есть! Ну а больше ничего вы спросить не придумали?» — «Да нѣтъ больше пока ничего не требуется, это мы на счетъ паханья-то потому ито вначить скоро приниматься на счеть паханья-то потому, что значить скоро приниматься надо за землю-то, такъ чтобъ въ отвѣтѣ не остаться.»— «Ладно, подумаете — приходите, а теперь прощайте!» Толпа поклонилась и молча двинулась къ воротамъ. Такой фактъ недоумѣнія знаи молча двинулась въ воротамъ. Такои фактъ недоумънія зна-чительной массы крестьянъ предъ самымъ простымъ и нужнымъ дъйствіемъ, какъ приступленіе къ полевымъ работамъ, характе-ризуетъ господствовавшее въ то время недоумѣніе. Надо сказать положительно, что масса крестьянъ совершенно искренне поми-рилась съ принципомъ вознагражденія владѣльцевъ за отходящія отъ нихъ земли, или, другими словами, крестьяне не разсчиты-вали получить находившіяся въ пользованіи ихъ земли даромъ: вали получить находившияся въ пользовании ихъ земли даромъ: если гдё противоположное уб'ёжденіе начинало проявляться въ массё, то это происходило по иниціативё отдёльныхъ единицъ, запутывавшихъ крестьянъ превратнымъ толкованіемъ положенія и возбужденіемъ недовёрія противъ всёхъ мёстныхъ дёятелей, будто бы «скрывающихъ царскую волю». Слёдовательно, общее недоразумёніе происходило не въ отношеніи къ понятію о пра-вахъ вообще на землю, а по отношенію къ тёмъ обязанностямъ н правамъ по отводу и пріобрътенію установленнаго надъла, ко-торые изложены въ мъстныхъ положеніяхъ. Какъ ни просто и ясно были изложены эти правила, какъ ни старались о пра-вильномъ и понятномъ разъясненіи ихъ большинство посредни-

вильномъ и понятномъ разъясненіи ихъ большинство посредни-ковъ, все - таки они для неграмотнаго крестьянина были вдругь не подъ - силу, онъ не могъ ихъ самъ провёрить въ книге и ждалъ непосредственнаго опыта, которому онъ привыкъ вёрить больше всего на свётъ, а опытомъ здёсь руководилъ случай. Итакъ, вотъ какимъ путемъ случай здёсь могъ смёшиваться съ закономъ, и притомъ законъ не могъ здёсь устранить слу-чая, самъ давая ему большій или меньшій просторъ, потому что законъ здёсь опредёлялъ не общія, отвлеченныя нормы граждан-ской дёятельности, какъ онъ это дёлаетъ въ другихъ сферахъ гражданской или экономической жизни, но порёшалъ поименно всё частныя сдёлки между каждымъ землевладёльцемъ и сидёв-

Томъ V. -- Октябрь, 1868.

<page-header><page-header><text>

782

девятнадцатов оквраля. 783 кул настоящую систему; г. Позенъ (полтавскій) выразился, что сохраненіемъ существующаго надѣла обезпечивается въ нѣкото-рой степени спокойное введеніе реформы, по терается основное значеніе надѣла.—обезпечивать первыя потребности крестьянина; гг. гр. Плятеръ-Зибергъ (витебскій) и Оскерко (минскій) гово-рятъ, что существующій фактъ паслѣдованія крестьянъ землею не есть естественное выраженіе нуждъ въ землѣ крестьянскаго сословія. Но за этими либеральными пріемами, скрывалась со-вершенно иная внутренность: члены губернскихъ комитетовъ, предлагавшіе систему нормальныхъ надѣловъ, съ цѣлію равно-мѣрнаго обезпеченія крестьянъ, на самомъ дѣлѣ хлопотали объ отрѣзкѣ крестьянской земли въ несравненно большемъ количе-ствѣ, чѣмъ это допущено положеніемъ. Поэтому редакціонныя коммиссіи, доказавъ «практическую невозможность найти разумные размѣры такихъ искусственныхъ, нормальныхъ надѣловъ для кажъ-дой мѣстности», въ этомъ почерпнули новое и неоспоримое дока-зательство сохраненія надѣловъ существующихъ. Опыть жизни оправдалъ заключенія коммиссій, и этой постановкѣ вопроса мы обязаны спокойнымъ разрѣшеніемъ реформы и сравнительно не-яначительнымъ потрясеніемъ помѣщичьаго и крестьянскаго хозяй-ства, нежели какое могло бы произойти при повсемѣстной от-рѣзкѣ земель у крестьянъ и неизоѣжныхъ при томъ безпорадкахъ. Итакъ, какъ бы то ни былъ непроизводителенъ прежній надѣлъ, гдѣ крестьяне сидѣли по волѣ помѣщика, онъ поступалъ въ ихъ пользованіе словомъ завона. Невыгода эта не пополнялась устано-вленіемъ повинностей; такъ какъ и для нихъ за исходную точку пользованіе словомъ завона. Невыгода эта не пополнялась устано-вленіемъ повинностей; такъ какъ и для нихъ за исходную точку принимались платившіеся при крёпостномъ правё оброки, какъ существующій фактъ, не придавая имъ, впрочемъ, значенія обяза-тельной нормы и облегчая въ той мърѣ, какъ это необходимо для существеннаго улучшенія быта крестьянъ, съ наименьшимъ, по возможности, ущербомъ для помѣщичьяго хозяйства. При этомъ опредѣленъ высшій размѣръ оброка, соотвѣтствующій высшему на-дѣлу. Этотъ высшій размѣръ оброка заимствованъ изъ вычисле-нія среднихъ размпъровъ существовавшихъ оброковъ въ промыш-ленной полосѣ въ 9-ть руб. сер. (за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенно промышленныхъ мѣстностей, гдѣ онъ возвышенъ до 10 руб. сер.), за тѣмъ распространенъ вездѣ на высшіе душевые надѣлы и примѣняется къ получаемому врестьянами числу де-сятинъ по извѣстной обще-установленной градаціи. Градація эта состоитъ въ томъ, что высшая повинность, установленная за высшій надѣлъ, опредѣленный для каждой мѣстности, разлагается на десятины, причитающіяся на ревизскую душу или *душесой* иадъль не равномѣрно, а въ убывающей прогрессіи, начиная съ

первой десятины. Первая десятина душевого надёла повсемёстно облагается не ниже 3 руб. 50 коп. сер., и не выше 4 руб. сер., или соразмёрнымъ съ этими цифрами количествомъ рабочихъ дней. Въ той полосё, гдё введено постоянное, искусственное удобреніе крестьянскихъ полей, вторая десятина душевого на-дёла облагается ниже первой, но выше остальныхъ десятинъ. Въ полосё, гдё такое удобреніе вовсе не употребляется, или встрё-чается только какъ исключеніе, всё десятины душевого на-дёла, начиная отъ второй включительно, облагаются повин-ностью поровну. Тавимъ образомъ—по словамъ самого доклада, единственное облегченіе для крестьянъ заключается въ томъ, что цифра средняго оброка примёняется къ сысшему надёлу. При этомъ въ докладё коммиссіи вычислено измёненіе повинностей, по правиламъ, принятымъ для ихъ регулированія положеніемъ, этомъ въ докладъ коммиссии вычислено измънение повинностеи, по правиламъ, принятымъ для ихъ регулированія положеніемъ, во всѣхъ оброчныхъ имѣніяхъ горозовскаго уѣзда свыше 100 душъ. Результатомъ оказалось, что изъ 68-ми имѣній по горозов-скому уѣзду въ 36-ти имѣніяхъ повинности должны были ос-таться безъ измѣненія, а за тѣмъ потери помѣщиковъ въ имѣ-ніяхъ, гдѣ оброки подлежатъ уменьшенію, составляютъ:

менѣе 10% въ 9 имѣніяхъ. отъ 10 до 20% — 8 » » 20 » 30% » 7 > 30 > 40% > 3

• 30 • 40% • 3 •
Въ имъкъ, гдъ повинность не уменьшилась, улущеніе быта крестьянъ состояло въ отмъвъ вещественныхъ даней, и всей или крестьянъ состояло въ отмъвъ вещественныхъ даней, и всей или къторой части такъ - называемыхъ смъшанныхъ повинностий, подъ к оторою разумълдсь отправляемыя крестьянами, сверхъ борока, различныя хозяйственныя работы или личныя услуги въ и былъ непроизводителенъ прежний крестьянъ таковъ: какъ бы и былъ непроизводителенъ прежний крестьянъкъ таковъ: какъ бы и былъ непроизводителенъ прежний крестьянъкъ надълъ, общество обязано было принять его и платить за него ту средно илфру повинности, которая въ даней мости оказаться въ высшей стерию илфру повинности, которая со данной мъстности уставои накори такого порядка вещей мости оказаться въ высшей стерию быть закръпено на продолжительный срокъ обязаты, то отдъвъные крито быть закръпено на продолжительный срокъ обязаты, стериюто быть закръпено на продолжительный срокъ обязаты, стериюто быть закръпено на продолжительный срокъ обязаты, порокъе накъ выкупомъ, положеніе, для такихъ исключительныхъ случають выкупомъ, положеніе, для такихъ исключительныхъ случають выкупомъ, положеніе, для такихъ исключительныхъ случають выкупомъ, положение, которымъ въвърено было введеніе крестьянской реформы. Для нихъ существуеть 24 ст. мъст. вел от сесть какъ оторокъ которы и крестьяна, то, по просъбъ оторъть со стороны помъщика или со стороны крестьянъ, инрововать со стороны крестьянъ, киромъ со стороны крестьянъ, киромъ со стороны крестьянъ, киромъ со стороны крестьянъ, киромъ со стороны крестьянъ, киромъ со стороны крестьянъ, киромъ со стороны крестьянъ, киромъ со къто крестьянъ, киромъ со къто которъ крестьянъ, киромъ со къто крестьянъ, киромъ со къто крестьянъ, которъ крестьянъ которъ крестьянъ, киромъ со къторъ крестьянъ, которъ крестьянъ, которъ крестьянъ, которъ крестьянъ, киромъ крестьянъ, которъ крестьянъ, какъ со крестьянъ, какъ крестьянъ, какъ крестьянъ, какъ крестьянъ, какъ крестьянъ, какъ крестьянъ, какъ крестьянъ, какъ крестьянъ, какъ

784

посреднивъ входить въ ближайшее разсмотрение дела и, если признаеть ходатайство справедливымъ, то представляеть о томъ, съ своимъ заключеніемъ, въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. По рёшенію посл'ёдняго, къ этому имёнію можетъ быть примёненъ размёръ надёла, установленный для другой ближайшей мъстности, болъе подходящій въ свойству того имънія». Другой случай увазанъ въ ст. 175, гдъ губернскому присутствію предоставлено право понижать обровъ по слё-дующимъ основаніямъ: а) если земля, состоящая въ врестьянскомъ наделъ, особенно худого качества, въ сравнении съ остальными; b) если врестьянскія поля такъ отдалены отъ селенія, что отъ этого происходить существенное разстройство для крестьян-скаго хозяйства; с) если крестьяне, со введеніемъ въ дѣйствіе положенія, лишатся прежняго и притомъ достаточнаго пользованія лёснымъ матеріаломъ или топливомъ отъ помёщива; d) вообще, предоставлено врестьянамъ ходатайствовать о понижения, если уменьшается прежній крестьянскій надёль. Поставить всё исключенія, неподходящія подъ общую норму или средній уровень, закономъ установленный въ положении, лучше и обезпечениве приведенныхъ двухъ статей положения нельзя; но въ какой мёрё онё на дёлё исполнены? Я бы желаль, чтобы собраны были оть губернскихъ присутствій статистическія данныя по губерніямъ, увздамъ и мировымъ участкамъ, — въ сколькихъ именно имвніяхъ приложена была статья 24 мвст. пол. о примѣненіи другого размѣра надѣла, и въ особенности ст. 175 о понижении оброка, несравненно более ясная и практичная? Я бы желаль, чтобы эти случаи дъйствительнаго понижения сравнены были съ предполагаемымъ a-priori, по меньшей мъръ, числомъ возможныхъ пониженій, на основаніи точнаго смысла ст. 175, особенно условія объ обезпеченіи за крестьянами топлива и о пониженій существующаго оброка, вогда часть врестьянскаго на-дѣла отходить въ помѣщику? Оба послѣдніе случая представлялись весьма часто. А между тъ́мъ, сколько найдется цѣлыхъ уѣздовъ, не только цѣлыхъ мировыхъ участковъ, гдѣ такихъ ис-ключеній не оказывалось, врестьяне просьбъ не подавали, о пониженіяхъ повинности и примъненіи другого надъла никто и не слыхивалъ. Что же, обвинять въ этомъ мировыхъ посредниковъ?! Не спѣшите, - обвинять можно только выслушавъ обвиняемаго, а еще лучше, — сторонняго свидътеля. Надобно было испытать все то бремя и труда, и заботъ, и обидъ, и горькаго разочаро-ванія, которыя перенесли посредники на первыхъ порахъ. Если они дъйствовали вполнъ легально, придерживаясь буквы положенія и исполняя только то, отъ чего и уклониться не им'єли

въстникъ Европы.

права; то и туть они часто не пользовались, наравнѣ съ другими гражданами, правами личной безопасности; а что оть нихъ отворачивались и преслѣдовали самой настойчивою и безотвязной, мелкой и крупной клеветой, половина старыхъ пріятелей и родныхъ—такъ это ужъ и въ счетъ не клалось! Какимъ же образомъ винить посредниковъ, что они настойчиво и открыто не приняли на себя иниціативу въ предъявленіи крестьянскихъ просьбъ, на основаніи 24 и 175 ст. мѣст. пол., статей, которыя сами крестьяне плохо поняли, не видя передъ глазами ихъ исполненія и о которыхъ они сами не хлопотали?! Да противъ такого посредника въ иномъ мѣстѣ разыгралась бы такая оппозиція, предъ которой онъ неизбѣжно долженъ бы былъ понлатиться или головой или свободой!...

Итакъ, если несомнѣнно то, что положеніе 19 февраля 1861 г., везди улучшило быть вышедшаго изъ врёностной за-висимости населенія, то не менёе достовёрно, что степень такого матеріальнаго улучшенія весьма различна и находится в прямомъ соотношений съ экономическими условіями принятаю ими прежняю надпла. Отъ того, есть отдельныя именія, где назначенъ оброкъ по положенію, но крестьяне платить его різшительно не въ состоянии. Я могу указать на примъръ общаго пониженія, назначеннаго уже по уставнымъ граматамъ оброка въ Нижегородской губерніи, въ лёсной ся полосѣ, по лѣвую сторону Волги, и, съ другой стороны, на совершенно сходныя, со-съднія мъстности, гдъ не только общаго пониженія не было, но и исвлюченій никакихъ не оказалось. Такое подведеніе всёхъ исключеній, съ самыми неблагопріятными условіями, подъ общій уровень окончилось при первоначальномъ отводъ надъла или при утвержденіи уставныхъ граматъ. Слёдовательно, дальнёйшее размъщение такихъ неудовлетворенныхъ исключений было уже совершенно дёло случая или совсёмъ иныхъ разсчетовъ владёльца: одни попали въ разрядъ врестьянъ-собственниковъ, другіе остались въ числъ временно-обязанныхъ, и при томъ въ числъ послъднихъ, въроятно, несравненно меньше, потому что какой же разсчетъ удерживать за собой и не сдавать на выкупъ явныхъ и вёрныхъ недоимщиковъ? Впослёдствіи громадное возвышеніе въ воротвое время податей государственныхъ и земскихъ способ-ствовало тому, что въ обществахъ, гдѣ степень матеріальнаго улучшенія крестьянъ весьма незначительна, вся тяжесть повинностей, падающихъ на рабочую силу, увеличилась значительно, въ сравнении съ крёпостнымъ сословіемъ, и превосходитъ пла-тежныя способности. Такое положеніе ухудшается еще тёмъ, что въ настоящее время удовлетвореніе всёхъ повинностей требуетъ

отъ врестьянина пожертвованія деньгами, а не трудомъ, тогда какъ трудъ крестьянина не всегда одинаково цёнится на рынкѣ, и часть своего времени, или труда, онъ, по мёстнымъ условіямъ, продать не можетъ, ибо на нее нѣтъ запроса. Поэтому, есть не малое число отдёльныхъ обществъ, какъ между временно-обязанными врестьянами, такъ и между собственниками, которыхъ надёль далеко не обезпечиваеть въ исправномъ отбывании повинностей, и которые, потому, не выходять изъ недоимки, не смотря на самыя строгія мёры, служащія, впрочемъ, только къ дальнъйшему ихъ разоренію. Къ несчастію, у насъ недоимки до сихъ норъ представляють, большею частію, только итогь, подлежащій взысканію самыми сильными репрессивными м'врами: до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакой классификаціи недоимовъ: недоимви вслёдствіе неурожая и градобитія, недоимви вслёдствіе непроизводительнаго надёла, недоставляющаго средствъ въ прокориленію и уплатѣ податей, недоимы вслѣдствіе упорства и уклоненія отъ платежей, недоимки, накопившіяся отъ по-слабленія прежняго начальства — все это красуется однимъ общимъ итогомъ, и одна забота, чтобъ этотъ итогъ былъ все меньше и меньше, а тамъ, что будетъ впереди — никому нѣтъ дѣла!... Еслибы разъ тщательно были разобраны повсемѣстно причины недоимовъ, то самъ собою выдѣлился бы влассъ общиха совладъльцевъ, сидящихъ на непроизводительномъ надъль. Вотъ фактическое положение дела, на которое я указывалъ съ самаго начала. Теперь я повторю вопросъ: возможно ли и справедливо ли части временно - обязанныхъ крестьянъ предоставить право тот-часъ, по истечения 9-ти лётъ, прекратить, по личному усмотрёнію, возложенныя на нихъ обязанности по пріему надёла въ постоянное пользование и, въ то же время, оставить въ прежнемъ положении находящееся точно въ такомъ же экономическомъ положении большинство врестьянъ-собственниковъ?...

Итавъ, точка отправленія предлагаемаго мною переселенія главнымъ образомъ опирается на томъ, чтобы докончить прежде всего то, что было предуказано положеніемъ 19 февраля, но что осталось фактически неисполненнымъ, и притомъ докончить, съ нѣкоторымъ расширеніемъ крестьянскихъ правъ, какъ это обѣщано тѣмъ же самымъ положеніемъ 19 февраля, распространивъ предоставленныя льготы на крестьянъ - собственниковъ. Такимъ образомъ, почва, на которой я стою, легальная: вся разница состоитъ въ томъ, что положеніе, внося нынѣ-существующія статьи, клало свои нормы enepeds, на основаніи внутренней, логичной послѣдовательности своего органическаго состава и предполагая, что все будетъ исполнено въ точности, совершенно вѣрно и безошибочно, даже то, что представлялось до нѣкоторой степени произволу лицъ, приводившихъ его въ дѣйствіе. Я же излагаю свои соображенія на основаніи опыта, факта, того дѣйствительнаго очертанія, которыя принялъ законъ, столкнувшись съ сложными условіями жизни и личными стремленіями цѣлой массы исполнителей и объектовъ его примѣненія, т. е. въ той формѣ, которая заявлена членами редакціонныхъ коммиссій, — «на основаніи практическихъ требованій, которыя обнаружились въ теченіи истекающаго девятильтия, по мпръ того, какъ вытекали отдъльные случаи». Съ этой точки отправленія было бы необходимо возстано-

Съ этой точки отправленія было бы необходимо возстановить опущенную статью объ отказё отъ земли цёлыхъ врестьянскихъ обществъ и замёнить ст. 128—132 мёстн. вел. пол. въ нижеслёдующей редакціи:

нижеслъдующей редакци: По истечения девятилътняго срока со времени обнародования положения, крестьянское общество, какъ временно - обязанное, такъ и выкупившееся съ номощью отъ правительства, получаетъ право отказываться, не испрашивая особаго разръшения у правительства и безъ согласия помъщика, отъ права пользования всъмъ земельнымъ своимъ надъломъ, лишь съ соблюдениемъ слъдующихъ условий:

1) Если крестьяне цёлаго сельскаго общества, или цёлаго селенія или части всего селенія, имёющей отдёльный оть остальной части надёль, въ составленномъ ими приговорё единогласно или по большинству двухъ третей домохозявъ, — съ условіемъ, притомъ, чтобы такое большинство составляло никакъ не менёе двухъ третей, состоящихъ въ надёлё, по грамотё на то общества, селеніе или участокъ ревизскихъ душъ, — заявятъ желаніе отказаться отъ полученнаго ими въ пользованіе или собственность надёла.

2) Если по составленіи такого приговора и заявленія о тожь мёстному мировому посреднику, они, не дёлая никакихъ предварительныхъ распоряженій къ переселенію, пріищутъ покупкою или дареньемъ, или инымъ законнымъ способомъ пріобрётенія гдё-либо въ предёлахъ уёзда, губерніи или государства, количество земли, принадлежащей казнѣ, частнымъ лицамъ или общество земли, принадлежащей казнѣ, частнымъ лицамъ или обществамъ и учрежденіямъ, равное установленному въ той мѣстности, гдѣ земля пріобрѣтается, высшему душевому надѣлу на все число ревизскихъ душъ, заявившихъ желаніе переселиться, а въ мѣстностяхъ, для которыхъ душевого надѣла не назначено, количество земли не менѣе отводимаго правительствомъ для дарового переселенія; и если крестьяне на означенное количество пріобрѣтенной ими земли составятъ, чрезъ надлежащихъ упол-

788

номоченныхъ, законный актъ объ окончательномъ пріобрѣтенін и таковой представятъ мировому посреднику.

3) Мировой посредникъ, получивъ такой актъ и не имѣя причинъ сомнѣваться въ его подлинности, немедленно разрѣшаетъ крестьянамъ, какъ самое переселеніе, такъ и всѣ предварительныя распоряженія, включая сюда продажу всякихъ крестьянскихъ построекъ и всякаго движимаго ихъ имущества, кромѣ оставленной ими земли, поступающей въ собственность правительства или владѣльца, смотря потому, отказываются ли отъ земли крестьяне-собственники или временно-обязанные.

4) Если сельское общество, селение или часть онаго отказывается отъ земли, по единогласному приговору, и затъмъ всъ до единаго врестьяне, чрезъ повупку земли, пріобрётають право на переселеніе, то симъ и ограничиваются мёстныя дёйствія посредника, сообщающаго о таковомъ переселении подлежащимъ убзднымъ и губернскимъ присутственнымъ мёстамъ, для должныхъ распоряжений по перечислению крестьянъ и приему земель ихъ новыми владѣльцами. Если же треть домохозяевъ, общества, селенія или части онаго, представляющихъ не менбе трети заключающагося въ уставной грамоть, при получении надъла, количества ревизскихъ душъ, отказалась, при составлении приговора, и не участвовала въ пріобрѣтеніи новыхъ земель, то таковая треть оставшихся врестьянь имветь право оставаться на прежнемъ надъль, съ тъмъ, чтобы между остающейся у пихъ землею и отходящею въ правительству или помъщику произведено было, въ течение двухъ лътъ, разверстание, съ отръзкою отъ крестьянскаго надбла всбхъ земель, признанныхъ крестьянами неудобными или не вознаграждающими труда обработки или излишне и дорого оплачиваемыми на точномъ основании 54 ст. мъстн. великорос. полож., и съ пониженіемъ, въ нужныхъ случаяхъ, повинности, согласно ст. 175 мѣстн. пол. При этомъ разверстании допускаются всякія добровольныя соглашенія остающейся трети врестьянъ съ владёльцемъ принимаемой обратно земли, какъ допускаются вообще положеніемъ при составленіи уставныхъ граматъ, и, во всякомъ случаѣ, для остающейся трети составляется обывновеннымъ порядкомъ такая новая уставная грамота.

5) Покупка земли на новомъ мѣстѣ крестьянами допускается по ихъ собственному усмотрѣнію или въ видѣ общиннаго владѣнія, или съ раздѣленіемъ на участки при самой покупкѣ, или впослѣдствіи, не ограничивая числа десятинъ, достающихся на долю каждаго товарища, при раздѣлѣ между ними земли на участки, но наблюдая: 1) чтобы участвующіе въ автѣ покупки

домохозяева представляли отнюдь не менѣе двухъ третей числящагося по грамотѣ въ сельскомъ обществѣ, селенія или части онаго количества ревизскихъ душъ; 2) чтобы на таковое число душъ сообща пріобрѣтаемо было не менѣе установленнаго въ пунктѣ 2-мъ количества земли; 3) чтобы въ самомъ актѣ пріобрѣтенія было опредѣленно выражено, что всякій изъ участвовавшихъ въ заключеніи договора о пріобрѣтеніи земли домохозяевъ, или его прямыхъ нисходящихъ наслѣдниковъ при раздѣлѣ общей дачи на участки, имѣетъ право получить на себя и все количество числящихся въ семействѣ его въ то время мужескихъ ревизскихъ душъ не менѣе низшаго размѣра, установленнаго для той мѣстности, гдѣ лежитъ пріобрѣтенная покупкою земля.

6) За тът всякой единичный отказъ отъ земли, со стороны отдъльныхъ хозяевъ, безъ надлежащаго вознаграждения въ пользу казны или землевладъльца, отмъняется.

Если мы сейчасъ приведенную редакцію сравнимъ съ текстомъ положенія (ст. 128—131), то увидимъ, что реальное значеніе льготъ, мною предполагаемыхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несравненно шире и обширнѣе обѣщанныхъ положеніемъ 19 февраля:

а) По ст. 128 и 129 отдѣльные врестьяне, желающіе отказаться отъ земли, раздѣляются на два класса:
1) Приписывающіеся къ мѣщанскимъ и купеческимъ обще-

1) Приписывающіеся къ мѣщанскимъ и купеческимъ обществамъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ: они могутъ отказаться отъ земли прямо, не пріобрѣтая ее нигдѣ и перейти въ разрядъ безземельныхъ гражданъ, лишь бы получили пріемный приговоръ.

2) Приписывающіеся къ обществамъ крестьянъ всёхъ наименованій, или остающіеся въ томъ же обществё могутъ отказаться отъ земли, съ пріобрѣтеніемъ участка земли, равнаго по крайней мѣрѣ *двумъ* душевымъ надѣламъ высшаго или указнаго размѣра, установленнаго для той мѣстности, и въ разстоянія не далѣе 15 верстъ отъ мѣста водворенія общества. (Не объяснено: на все число лицъ, составляющихъ нераздѣльную гражданскую семью, или только на совершеннолѣтняго домохозяина.)

Предполагаемая редакція, конечно, несравненно тѣснѣе перваго случая, но за то гораздо шире второго, ибо не ограничиваетъ мѣстности поземельнаго пріобрѣтенія и вмѣсто двухъ душевыхъ надѣловъ требуетъ только одного. Первая половина редакціи впрочемъ едва ли можетъ удержаться именно потому, что она съ одной стороны слишкомъ уже широка и безусловна, такъ что даетъ возможность по произволу всякому лицу не только за себя, но и за своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей отказываться отъ

высочайше дарованнаго обезпеченія постояннымъ надёломъ, а съ другой слишкомъ тёсна и условна: въ городу легко могутъ приписаться подгородныя селенія, но не можетъ приписаться цёлый увздъ, если въ немъ всего одинъ городъ. Ясно, что такія важныя льготы не могутъ быть въ тоже время прикрёплены въ такимъ случайнымъ признакамъ и, по волъ судьбы, составлять такую исключительную мёстную привилегію подгородныхъ селеній.

6) Предполагаемая редавція обширнѣе потому, что она простирается и на временно-обязанныхъ крестьянъ и на собственнуковъ.

/ Тѣснѣе предполагаемая редавція оказывается только потому, что право, предоставленное положеніемъ отдѣльнымъ лицамъ, она ставщтъ въ зависимость отъ цѣлаго общества, или по крайней мѣрѣ двухъ третей его. Я очень хорошо сознаю, что доступное для ддного человѣка становится тяжелымъ для цѣлой массы, и нисколько самъ передъ собою не скрываю, что число отдѣльныхъ случаевъ отказа, при предполагаемой мною редакціи, значительно сократится. Но я не могу найти никакой другой комбинаціи для отдѣльныхъ лицъ, кромѣ отказа и увольненія ихъ только съ вознагражденіемъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Если величайшая соціяльная задача, которую стремится разрѣшить положеніе, есть надѣленіе массы землею и предупрежденіе по возможности пролетаріата; если на эту задачу оно направило всѣ свои усилія и, по заявленію составителей положенія, признало необходимостью верховную надъ ними опеку правительства, воспрещающую на время врестьянамъ выражение не созрѣвшей ихъ воли, предоставивъ имъ оное лишь тогда, когда навыкъ свободной жизни подвинетъ ихъ гражданское воспитаніе; то оно вмѣстѣ съ тѣмъ приняло на себя обязательство обезпечить для крестьянъ надълъ вполнъ производительный и обезпечивающій ихъ семейно-домашній быть и лежащія на нихъ повинности. Отсюда обязанность правительства предоставить крестьянамъ отказаться отъ такого надбла, который по своимъ мбстнымъ экономическимъ условіямъ не доставляетъ такого обезпеченія, а съ другой стороны право правительства предупредить и запретить всякій отказъ по произволу или прихоти общества или отдёльнаго лица. Мъстныя поземельныя условія всегда въ равной степени ложатся на всёхъ совладёльцевъ; слёдовательно, предоставление права обществу отказаться огъ пользования надъломъ, при неблагопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ есть вмѣстѣ и предоставление этого права отдильныма лицама: само собою разумѣется, что въ обществѣ не останется ни одного лица, желающаго платить за необезпечивающій его надёль, если оть него

можно отдёлаться, и слёдовательно откажутся вст. Такимъ образомъ, особое предоставленіе права отказа отдёльнымъ лицамъ можетъ быть установлено только для отказова по личному произволу или разсчету. Число лицъ, желающихъ въ обществё воспользоваться этимъ правомъ неограничено: 9/10 общества могутъ выйти изъ него по личному желанію, но неужели и тогда 1/10 часть должна продолжать носить названіе общества? Казалось бы, такое право отказа отдёльныхъ лицъ, по произволу или личному разсчету не совсёмъ гармонируетъ съ основною цёлію положенія: зачёмъ хлопотать о надёлё крестьянъ землею, если по истеченіи 9-ти лётъ большинство ихъ, подъ именемъ отдёльныхъ лицъ, можетъ отказаться отъ своего надёла по собственному усмотрёнію? Предполагать, что десятилётній періодъ настолько подвинулъ ихъ гражданское воспитаніе, что они совершенно осилили заботы правительства объ обезпеченіи ихъ въ будущемз, — нётъ никакихъ данныхъ.

2) Предоставленіе совершенно-свободнаго права отказа оть земли отдёльнымъ лицамъ безъ согласія общества нарушаетъ начало круговой поруки. Я уже подробно заявилъ, что круговая порука представляется мнѣ величайшею несправедливостію и вопіющимъ экономическимъ зломъ; круговая порука въ юридическомъ смыслѣ можетъ быть допущена только какъ обезпеченіе добровольнаго обязательства, принимаемаго на себя общиною, спеціально простирающееся на данный случай и опредѣленно выраженное въ самомъ актѣ договора; но круговая порука, въ обязательныхъ отношеніяхъ обязательно установленная и распространенная даже за предѣлы общиннаго владѣнія, между участковыми владѣльцами — это скорѣе отрицаніе всякого права. Цоэтому всякій способъ уничтоженія круговой поруки я лично признаю и законнымъ и благодътельнымъ. Но вотъ чего я не умѣю согласить: какимъ образомъ круговая порука останется неотмѣненною у временно-обязанныхъ крестьянъ, если всякій можетъ, по произволу, выходить изъ ихъ общества, чѣмъ, разумѣется, и воспользуются люди богатые? Какимъ образомъ она останется между меньшинствомъ, продолжающимъ образовать общество, какъ скоро большинство, въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, выйдетъ изъ обществъ? Какимъ образомъ круговая порука, уничтоженная у временно-обязанныхъ крестьянъ останется у крестьянъ.

Какимъ образомъ, въ одномъ и томъ же селеніи или по сосѣдству, богатый крестьянинъ временно-обязанный, приписавшись къ городу, будетъ посмѣиваться, какъ ведутъ корову и лошадь у богатаго его сосѣда-собственника, за послѣдняго лѣнтяя

въ обществѣ, только потому, что изъ общества крестьянъ выкупившихся отдѣльное лице, по ст. 173 пол. о вык., не можетъ выйти иначе какъ съ согласія міра, принимающаго на себя половину уплаты долга, что равносильно запрещенію, ибо міръ на это никогда не согласится? Такія явленія рядомъ долго спокойно уживаться не могутъ...

3) Предоставление права отказа отъ земли отдёльнымъ лицамъ нарушаетъ, и притомъ совершенно несправедливо и одностороние, интересы владбльца. Составители положенія говорять, что врестыянинь ни ва какома случать не должень, по истечении девятилётняго срока, быть подвергаемъ какимъ бы то ни было ограниченіямъ, имѣющимъ цѣлію обезпечить помѣщику уплату части повинности за земельный надёль; но въ этой безусловной формт положение это несправедливо. Если по истечении девятилѣтняго срока все крестьянское общество отказывается отъ предоставленной ему земли и она возвращается къ помѣщику, то здѣсь не можеть быть и рѣчи объ его вознагражденіи, или объ его потерѣ или выигрышѣ: здѣсь не полная собственность возвращается въ полное распоряжение собственника и съ объихъ сторонъ въ цвломъ составѣ прекращается обязательный словомъ закона договоръ, какъ оказавшійся невыгоднымъ для одной изъ сторонъ,для крестьянскаго общества. Но предоставление права отказа по личному произволу отдёльнымъ лицамъ представляеть совсёмъ другого рода послѣдствія:

а) Сумма отдёльныхъ отказовъ по произволу несравненно будетъ значительнёе отказовъ цёлыми обществами, по основательной и неустранимой причинё невыгодности надёла, тогда какъ случан отказа цёлымъ обществомъ далеко не повсемёстны, — отказы отдёльныхъ лицъ, въ большемъ или меньшемъ количествё встрётятся непремённо въ каждомъ имёніи: такимъ образомъ это будетъ равносильно повальному пониженію оброка, утвержденнаго уставною грамотою по истеченіи 9-ти лётъ и притомъ по произволу одной стороны, — крестьянъ.
в) Отдёльныя выходящія лица будутъ, безъ сомнёнія, болѣе

в) Отдѣльныя выходящія лица будуть, безъ сомнѣнія, болѣе богатые и исправные плательщики, слёдовательно пропорціонально числу выходящихъ уменьшится гарантія полученія владѣльцемъ и того остатка оброка или ренты, которая будетъ числиться за остающимися. Если составители положенія, признавая полезнымъ предоставить обществу право увольнять отдѣльныхъ домохозяевъ безъ всякаго взноса, но принимать на себя ручательство въ исправномъ отбыванія за круговою порукою обществъ, лежащихъ на увольняемомъ домохозяинѣ повинностей въ отношеніи къ помѣщику, въ теченіи первыхъ девяти лѣтъ, находили нужнымъ

вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить помѣщику право ходатайствовать о воспрещеніи такихъ увольненій, если онъ признавалъ ихъ чрезмѣрными и подвергающими общество риску несостоятельности; то почему же по истеченіи 9-ти лѣтъ всякій рискъ несостоятельности можетъ быть допущенъ, не давая противъ него никакихъ гарантій владѣльцу, не смотря на то, что, по прежнему предположенію, повинности владѣльца не уменьшались, а теперь они могутъ подвергнуться значительному уменьшенію.

нему предположенію, повинности владѣльца не уменьшались, а теперь они могутъ подвергнуться значительному уменьшенію. с) Можно сказать, что владѣлецъ вознаграждается въ случаѣ увольненія отдѣльныхъ крестьянъ ихъ участками, поступающими въ его собственность, точно также, какъ въ случаѣ отказа цѣ-лаго общества и поступленіемъ къ нему всего поземельнаго надѣла. Условія, при которыхъ помѣщикъ получаетъ обратно участки, отъ которыхъ отказались отдѣльныя лица, таковы: 1) три года послѣ отказа участокъ этотъ находится *во оременномъ пользова-ніи* помѣщика, и, по истеченіи трехлѣтія, общество имѣетъ право требовать передачи себѣ этого участка въ постоянное пользова-ніе за установленныя повинности; продержавъ его три года, крестьяне могутъ снова отказаться, и только чрезъ 6 лѣтъ, та-кой участокъ окончательно считается собственностію помѣщика (ст. 135 мѣст. пол.); 2) отрѣзки къ одному мѣсту владѣлецъ кой участокь окончательно считается собственностію пом'єщика (ст. 135 м'єст. пол.); 2) отр'єзки къ одному м'єсту влад'ялець можеть требовать только тогда, когда пространство такихъ от-д'єльныхъ участковъ возрастеть до одной пятой части всего кре-стьянскаго над'єла (ст. 138); 3) мірской перед'єль земель кре-стьянскаго над'єла не распоряженіе пом'єщика (ст. 114. Прим'єть ничего общаго съ возвращеніемъ ц'єльной дачи. Такой участокъ, лежащій внутри крестьянскаго над'єла, невозможно вла-д'єльцу ни обработывать, ни сдать въ наймы лицу, непринадле-жащему къ общинѣ, ни даже охранять, особенно, если эти участки будутъ лежать въ им'єніи, гдѣ влад'єлецъ не им'єть ни-какого хозяйства: ихъ придется отдать въ наймы крестьянскому обществу, и хорошо еще, если оно р'єшится заплатить за нихъ самую ничтожную плату, а не будетъ ихъ пахать и косить да-ромъ, чему въ большинствѣ случаевъ влад'єлецъ и воспрепят-ствовать не можетъ. Вообще, такое состояніе чьей-бы то ни было собственности совершенно непонятно. Послѣ этого, если я нанялъ квартиру съ конюшней и про-

Сооственности совершенно непонятно. Послѣ этого, если я нанялъ квартиру съ конюшней и продалъ лошадь или, вмѣсто 8 комнать, нуждаюсь только въ 6, — я могу сказать хозяину дома: «я оставляю за вами конюшню или двѣ комнаты, они для меня лишнія, а плату по разсчету я убавляю». Развѣ это возможно, развѣ есть хозяинъ, который на это

согласится, и законъ, который его къ этому принудитъ? Вызванные въ редакціонные коммиссіи члены губернскихъ комитетовъ были рѣшительно противъ этой мѣры; но редакціонныя коммиссіи сдѣлали одну уступку: временное пользованіе помѣщика, предположенное ими сначала въ теченіи 6-ти лѣтъ, сократили вдвое, что и осталось въ положеніи 19 февраля. d) Всѣ эти невзгоды и лишенія, простиралсь только на вла-

d) Всё эти невзгоды и лишенія, простираясь только на владёльцевъ, сохранившихъ временно - обязанныя отношенія, для многихъ изъ нихъ послужатъ какъ бы наказаніемъ за болёе человѣколюбивыя отношенія къ крестьянамъ, за то, что они не хотѣли съ самой первой поры подвергнуть ихъ кабалѣ обязательнаго выкупа.

4) Предоставленіе права свободнаго отказа отъ земли отдѣльнымъ лицамъ будетъ сопровождаться нѣкоторыми затрудненіями, которыя произойдутъ въ уплатѣ помѣщичьихъ долговъ, лежащихъ на земляхъ, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ временно-обязанныхъ. Откажутся отъ земли, разумѣется, крестьяне богатые, доходъ помѣщика съ имѣнія не только уменьшится на все количество отказавшихся семействъ, но и значительно болѣе, ибо процентъ недоимки относительно возрастетъ въ огромной пропорціи. Если долгъ кредитныхъ установленій переведенъ уже на крестьянъ, — что съ такого имѣнія получаетъ правительство? Если такое имѣніе, по существующимъ правиламъ, за неплатежъ долга, подвергнется обязательному выкупу, — что тогда получитъ правительство? Если, съ прекращеніемъ обязательнаго выкупа, такое имѣніе будетъ продаваться съ аукціона, — кто его купитъ и чѣмъ погасится ссуда, имъ обезпеченная?

Впрочемъ, если вто, устранивъ всѣ выведенныя мною затрудненія мѣрами справедливыми и практически примѣнимыми, найдетъ возможность расширить свободу отказа для отдѣльныхъ лицъ, — помимо уплаты вознагражденія, — то я первый буду душевно радъ и весьма скромно сознаюсь, — что errare humanum est!

Что касается до 130 ст. мѣст. пол. объ отказѣ отъ полевой земли, въ случаѣ пріобрѣтенія усадебной осѣдлости, то я уже выше говорилъ о практической ея непримѣнимости.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ доступная, по моимъ убѣжденіямъ, при настоящихъ условіяхъ свобода переселенія. Она весьма ограниченна и очень далека отъ безусловной; но всетаки есть прочное ея начало.

IV.

Я увѣренъ, что прочитавши мою незамысловатую систему, которая, безъ сомнѣнія, давно уже представлялась многимъ и многимъ, все-таки большинство читателей не удержалось отъ мысли: «да такъ всѣ уйдутъ», или, «что-жъ это за переселеніе, да такъ нивто не тронется». Мы опять есть моди принципова, середины не любимъ, у насъ если кто за переселение, то всякій идетъ себѣ куда глаза глядятъ; а если кто протива переселенія, такъ ужъ никто тронуться не моги»! Попытаюсь доказать, что по предлагаемой мною системѣ всѣ не уйдуть, а кому уйти слѣдуетъ, — тѣ не останутся. Очень издалека начинать я не люблю и потому въ разсуж-

денія о волонизаторскомъ призваніи русскаго народа я пускаться не намъренъ. Я обращаюсь прямо въ позднъйшимъ переселеніямъ и спрошу: многіе ли изъ насъ отдали себѣ отчеть вь главныхъ мотивахъ, ими управлявшихъ? Конечно, нѣтъ! А отъ чего? Отъ того, что для насъ русский человёкъ есть самая мудреная загадка изъ всего существующаго. Къ нъмцу, въ англичанину, къ французу мы подходимъ просто, какъ люди, и можемъ о нихъ судить совершенно здраво. Къ русскому человъку мы непремённо подойдемъ въ какой-нибудь театральной позё, или какъ начальство, или какъ баринъ, или какъ непрошеный покровитель, или какъ непризванный братъ, или какъ неизвѣстно въмъ аккредитованный учитель: мудрено ли, что русский человъкъ, одаренный самою тонкою проницательностію и врожденнымъ юморомъ, съ разу пойметъ и одурачитъ. А мы, въ простотъ сердечной, сейчасъ формулируемъ самые сложные и мудреные выводы... Прикрёпленный къ землё то крёпостнымъ правомъ, то обязательнымъ надёломъ, русскій человёвъ сидить на м'вст'в: сейчасъ заключение, что русский народъ, какъ богатырь его Илья-Муромецъ, сиднемъ сидитъ, до тёхъ поръ, пока какая-то невбдомая сила его растолкаеть, а потомъ вдругъ расходится и опять сядеть, отсюда жалобы на его неподвижность, народную апатію, недостатокъ развитія и пр. и пр. Прослыша про какой-то вызовъ на переселеніе, народъ, — лишенный удовлетворенія этой естественной потребности — зашевелится; опять гвалть, русскій народь представляется въ видѣ вѣчнаго жида, готоваго постоянно бродить, бродить отъ Берингова пролива до Эльборуса. А между тёмъ, всего рёже приходитъ въ голову самое простое объясненіе, что условія переселенія у нась лишены естественности, а потому и самые факты являются въ

видѣ вакихъ-то необычныхъ врайностей; но будь эти условія видв какихь-то пособлиналь прописской, по сло ста-естественны, — русскій человёкъ, какъ всякій человёкъ, — оста-вался бы тамъ, гдё ему выгодно и уходилъ оттуда гдё ему не-выгодно. Я остановлюсь на послёднемъ примёрё переселенія. Недавно началось сильное движение въ Самарскую губернию; ежедневно являлись въ мѣстную цалату государственныхъ иму-ществъ крестьяне, желавшіе получить казенныя земли, преиму-щественно изъ Тульской губерніи, а затѣмъ изъ самыхъ отдаленныхъ, числомъ до 15: Могилевской, Курской, Архангельской, Тамбовской и т. д. Въ сосъднихъ губерніяхъ: Саратовской и Пензенской началось общее движение — всъ собирались переселиться; дальній ефремовскій увздъ, говорять, собрался поголовно. Газеты, въ видѣ объясненія, извѣстили, будто все это произошло отъ того, что «неясный циркуляръ изданъ». Не будь этого циркуляра — тысячи народа сидѣли бы на мѣстѣ! Ну, скажите — не загадка ли для насъ русскій человѣкъ, если насъ можно увѣрять, что онъ, русскій человѣкъ, можетъ оставаться на своихъ мѣстахъ или передвигаться всею своей массой, смотря по тому, ясенъ или неясенъ циркуляръ!!? Неужели этимъ му-дрымъ истолкователямъ не пришло въ голову болѣе глубокихъ при-чинъ, которыя могутъ вызвать тоже самое движеніе и при совершенно ясномъ циркулярѣ, и даже безъ всякаго циркуляра? Неужели вся наша народная жизнь находится въ непосредственной связи со степенью ясности исходящихъ изъ канцеляріи бумагъ?!!.. До тѣхъ поръ, пока у насъ переселеніе не будетъ по-ставлено въ естественныя границы, какъ бы ясно ни были написаны циркуляры, въ народѣ всегда будетъ происходить волне-ніе, и очень понятно: не волнуется только то, что находится въ состояніи равновѣсія, т. е. естественномъ.

Гдѣ же эти естественныя границы или, другими словами, какія искусственныя преграды положены у насъ естественности переселенія?

Преграду такъ сказать отрицательную, патологически задерживающую переселеніе, заключающуюся въ невозможности отказаться со стороны крестьянъ подъ кавими бы то ни было условіями отъ обязательнаго и, въ тоже время, непроизводительнаго надѣла и пока остающуюся неопредѣленною и по истеченіи девятилѣтняго срока, — мы разсмотрѣли выше. Всякое запрещеніе обществу его естественныхъ стремленій, хотя бы и вынужденное историческою необходимостію, дѣйствуетъ на него раздражительно, — какъ говорятъ медики — возбуждающимъ образомъ: не вная изъ опыта цѣны достигаемыхъ результатовъ, общество тянется къ нимъ съ легковѣрнымъ увлеченіемъ ребенка, неспускаю-

Томъ V. -- Октябрь, 1868.

Digitized to Google

щаго глазъ съ самаго обыкновеннаго предмета, который ему за-претили трогать. Это истина давно извёстная, и при постоянной свободё переселенія всегда желающихъ окажется менёе, нежели - сколько обыкновенно набирается при случайномъ и временномъ его дозволеніи.

его дозволенія. Преграды положительныя, способныя раздвинуть переселе-ніе, въ случаѣ его дозволенія, до неестественныхъ и вредныхъ предѣловъ, заключается въ самомъ характерѣ, который у насъ усвоенъ былъ до сихъ поръ переселенію, и въ фискально-подат-номъ устройствѣ крестьянскихъ обществъ. Я уже въ началѣ замѣтилъ, что у насъ, въ народномъ поня-тіи, слова: лысота и переселение, до такой степени неразрывны, что переселенія безъ льготъ народъ и допустить не можетъ: по его понятію, переселеніе непремѣнно связано съ отсутствіемъ всякихъ платежей за землю, получаемую даромз. Это происходить всяѣд-ствіе того, что до сихъ поръ единственный видъ свободнаго пе-реселенія у насъ былъ вызовъ правительства на пустынныя мѣ-ста, которыя оно желало заселить изъ государственныхъ разсче-товъ и потому не скупилось на льготы. Переселеніе помѣщичь-ихъ врестьянъ всегда было болѣе или менѣе насильственное и сопровождалось неудовольствіемъ переселенцевъ, а потому сосопровождалось неудовольствіемъ переселенцевъ, а потому сосопровождалось неудовольствіемъ переселенцевъ, а потому со-вершенно понятно, что какъ скоро произнесено слово *переселе-ніе*, такъ крестьяне уже ничего дальше не слушають и ничему не върятъ: у нихъ въ головъ только понятіе о льготъ, о даро-вой землъ, за которую платить не надо, по крайней мъръ, на первое время. Прекратить такое заблужденіе и вернуть народъ къ правильному и спокойному обсужденію своихъ дъйствитель-ныхъ экономическихъ выгодъ, при дозволеніи переселенія, — можно однимъ: уничтоженіемъ въ законодательномъ порядкъ самого принципа льготнаго переселенія, допуская его только въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Въ практической народ-ной жизни всякія логическія ръзвости невозможны, и нельзя станой жизни всякія логическія р'язкости невозможны, и нельзя станой жизни всякія логическія рёзкости невозможны, и нельзя ставить никакиха правиль, недопускающихь исключенія; необходимо только, чтобы эти исключенія вызывались дѣйствительными особенностями даннаго случая и не повторялись такь часто, чтобы самое общее правило обратить въ исключеніе. Воть почему я не могь выразиться категорически, что ни въ какомъ случав не должно допускать льготнаго переселенія. Но принципз свободнаго переселенія, безъ всякихъ льготь, по собственному экономическому разсчету переселяющихся, въ настоящее время получилъ общее признаніе въ наукъ и практическое примѣненіе вездѣ на Западѣ, кромѣ Франціи, издавна отличавшейся неулачною системою своей колонизаціи. Несомнѣнный историче-

скій опыть показываеть, что только тамъ, гдѣ колонизація про-исходила естественно, безъ всякихъ льготъ, въ силу экономиче-скихъ побужденій переселяющихся, только тамъ колоніи упро-чивались и приходили въ цвѣтущее положеніе. Это и понятно: масса переселяющихся, при свободномъ и при льготномъ пере-селеніи, совершенно различна: въ первомъ случаѣ она вся сплошь состоитъ изъ людей, несущихъ въ даль свое трудолюбіе и свою бережливость, съ полною надеждою, что они увѣнчаются успѣхомъ на новой родинѣ, съ удаленіемъ тѣхъ неблагопріят-ныхъ экономическихъ условій, которыя выгоняютъ поселенцевъ со старыхъ мѣстъ; во второмъ случаѣ, эта масса въ большин-ствѣ составляется изъ искателей приключеній, привлеченныхъ соблазномъ даруемыхъ льготъ и переносящихъ на новую почву соблазномъ даруемыхъ льготъ и переносящихъ на новую почву лишь неумънье или нежеланье добывать свой хлъбъ разнообраз-нымъ и постояннымъ трудомъ, имъ незнакомымъ и на прежней осъдлости. Исключение составляютъ религіозные и политические осъдлости. Исключение составляють религюзные и политические изгнанники, которые дѣлаются все рѣже, съ распространениемъ вѣротерпимости и свободы торговли. Поэтому въ Россіи, не смо-тря на ея пустынность и на разбросанность населенія, въ силу историческихъ причинъ, часто совершенно противоположныхъ со-временно-экономическимъ, — приложеніе начала свободнаго пере-селепія, исключающаго всякое понятіе о льготахъ и привидегіяхъ на новыхъ мѣстахъ, — точно также безусловно необходимо, какъ и вездѣ, если имѣется въ виду переселеніе дѣйствительно и несомнѣнно обѣщающее успѣхъ. Кромѣ того, всякая льгота сама по себѣ ставитъ правительство въ неловкое положеніе и въ сама по сеоб ставить правительство въ неловкое положение и въ будущемъ и настоящемъ: рано или поздно она должна прекра-титься и отнятіе ея возбуждаетъ неудовольствіе въ населеніи, привыкшемъ ею пользоваться, а самое дарованіе— въ окрест-номъ туземномъ населеніи, равноправность котораго нарушается привилегіей пришельцевъ. Между тѣмъ, какъ скоро объявлено будетъ у насъ о прекращеніи льготнаго переселенія, такъ число оудеть у нась о прекращении льтотнато переселения, такъ число желающиха переселяться уменьшится, ибо переселяться тогда будутъ только тѣ, кто дѣйствительно убѣдился въ совершенной неблагодарности существующихъ условій и, напротивъ, въ преиму-ществахъ и удобствахъ отысканной имъ самимъ новой мѣстноществахъ и удобствахъ отысканной имъ самимъ новой мъстно-сти; другими словами, тѣ, кто хладнокровно, обдуманно и созна-тельно взвѣсилъ всѣ шансы, — выгоды и убытки, — какъ преж-няго сидѣнья, такъ и новаго водворенія. Конечно, и здѣсь нѣтъ ручательства, что такой разсчетъ, во всякомъ случаѣ, сдѣ-ланъ будетъ математически вѣрно: это зависитъ отъ степени раз-витія переселяющейся массы, знакомства ея съ новымъ мѣстомъ водворенія и, наконецъ, съ моральнымъ ея настроеніемъ, т. е.

799

Digitized b5 1000 le

большею или меньшею способностію въ увлеченію. Но, по врайней мѣрѣ, здѣсь нѣтъ въ виду внѣшней приманки, нѣтъ зазыва на переселеніе со стороны правительства, насилующаго вообще болѣе или менѣе обдуманное выраженіе общественной воли выставленіемъ впередъ всего льготъ, всегда представляющихся воображенію болѣе существенными, чѣмъ на самомъ дѣлѣ испытанныя. Такъ, въ послѣднее время, замѣчается всеобщая наклонность въ переселенію, даже у полтавскихъ казаковъ, у этихъ влюбленныхъ въ свою украинскую родину и неотличающихся подвижностію земледѣльцевъ, даже тамъ, гдѣ экономическія условія надѣла съ избыткомъ вознаграждаютъ труды врестьянина, въ имѣніяхъ, гдѣ насиженное его мѣсто удобнѣе и производительнѣе многихъ окрестныхъ. Отъ чего? отъ того, что всѣмъ мерещится льгота, на новомъ мѣстѣ платить не надо, а на старомъ платежъ загнанъ. Чѣмъ предупредить такое настроеніе, какъ не объявленіемъ, что льготы переселенцамъ, на новыхъ мѣстахъ, впредь прекращаются словомъ закона.

Далѣе, на чрезмѣрное увеличеніе наклонности къ переселенію имѣетъ вліяніе круговая порука. Чтобы избавиться отъ нея, крестьяне на все готовы. Поэтому, можно тогда только съ увѣренностью сказать, что крестьянское общество перешло на другую землю дѣйствительно по невыгодности прежней осѣдлости, когда обязательная круговая порука будетъ уничтожена. До тѣхъ же поръ крестьяне готовы будутъ на послѣднія деньги купить подешевле землю и перейти на нее, только бы избавиться отъ круговой поруки. А какъ богатые крестьяне всегда имѣютъ нѣкоторую долю вліянія на сходѣ и какъ вообще бѣдняковъ и лѣнтяевъ, особенно дорожащихъ круговою порукою, можно всегда подвинуть на покупку земли, за которую платить уже ничего не будетъ нужно, то даже на переселеніе цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, круговая порука, во многихъ случаяхъ, будетъ имѣть весьма вредное вліяніе.

Итакъ, положимъ, что переселеніе вдвинулось въ свои естественныя границы, т. е. крестьянскимъ обществамъ дозволено отказываться отъ земли, съ переходомъ на новыя мъста и въ тоже время льготы для переселенцевъ, даже на казенныхъ земляхъ, уничтожены и отмънена обязательная круговая порука. Возможно ли, при этихъ условіяхъ, повальное передвиженіе, нарушающее экономической строй и грозящее какимъ-нибудь потрясеніемъ сельскому хозяйству, какъ крестьянскому, такъ и помъщичьему?

Члены губернскихъ комитетовъ, перваго призыва, защищая въ редакціонныхъ коммиссіяхъ возможную широту добровольныхъ

<page-header><page-header> непроизводителенъ, что за него не стоитъ заплатить даже пони-женную ренту; 2) когда крестьянское общество найдетъ возмож-ность купить гдѣ бы то ни было нужный для него участокъ за доступно дешевую для него цѣну. Такія пріобрѣтенія возможны у казны или у крупныхъ землевладѣльцевъ, въ тѣхъ отдаленныхъ частяхъ ихъ имѣній, гдѣ населеніе очень рѣдко и слѣдовательно большую часть земли они не могутъ сдать ни за какія деньги.

Но за то, какъ скоро покупка такихъ земель крестьянскими обществами начнется, такъ цённость ихъ возвысится, и слёдовательно выгодность пріобрётенія ихъ врестьянами уменьшится, а съ тёмъ вмёстё и число лицъ, желающихъ воспользоваться подобнымъ обмѣномъ. Слѣд., вся опасность со стороны сильнаго движенія переселеній относится въ нечерноземной полось. гдъ, напротивъ, обязательная оброчная рента значительно выше вольной цёны на сдачу земель. Здёсь, казалось бы, возможень общій отказь оть земель; оттого въ этой полось и положения губернскихъ комитетовъ, и отзывы членовъ ихъ, вызванныхъ въ Петербургъ, отличались стремленіемъ въ предоставленію врестьянамъ самыхъ свободныхъ и льготныхъ условій, лишь бы оградить безсрочно-обязательное пользование надиломь. Но здёсь вопрось ставится слёдующимъ образомъ: вуда пойдутъ врестьяне съ нечерноземной полосы? Если они большими массами устремятся въ черноземныя или степныя губерній, то и безъ того относнтельно высовая тамъ цённость земель поднимется такъ высово, что это положить сейчась же предбль переселенію. Если врестьяне обратятся туть же въ покупкъ земель помъщичьихъ, оставшихся за надёломъ, то воличество земель, могущихъ въ этой полосѣ поступить въ продажу крестьянамъ такъ незначительно, что его хватить также только для исключений. Земли у помъщиковъ и въ этой полосѣ осталось у помѣщиковъ много, но вся она лёсная, погому что запашекъ тамъ было относительно мало. крестьяне состояли на оброкъ и большею частію получили всю землю, которою владьли. Промѣнять воздѣланную землю на лѣсную, съ тъмъ, чтобы обратить ее въ пашню, крестьянинъ ни за что не согласится: лёсную землю онь возьметь за ничтожную плату съ тёмъ, чтобы на нови снять четыре, много пять хизбовъ и за тъмъ бросить истощенную почву; - но распахивать ее, чтобы постоянно на ней съять, положительно невозможно. Пахатной земли у помѣщиковь очень мало, и притомъ она, въ большей части случаевъ, одновачественна съ врестьянскою: за чъмъ же крестьянину бросать свою и покупать другую? Очевидно. что въ этомъ случав возможна одна только комбинація: есле врестьяне сидять на особенно непроизводительной почвѣ. то онв постараются отказаться отъ нее, такъ какъ возможно дешево купить относительно лучшую.

Итакъ, съ какой стороны мы ни посмотримъ на настоящій вопросъ, — повальное переселеніе, грозящее переворотомъ, обазывается невозможнымъ, по самой силѣ вещей. Предлагаемая мною система предположена единственно въ пользу тѣхъ исключеній. которыя считаютъ съ своей стороны меньшимъ пожертвованіемъ

отказъ отъ надѣла, за который они платили въ теченіи 9-ти лѣтъ, и сверхъ этого покупку на собственный счетъ равнаго или бо̀льшаго количества земли, нежели продолженіе пользованія совершенно непроизводительною землею за установленную повинность. Очевидно, что такія исключенія, встрѣчаются ли они въ разрядѣ крестьянъ временно-обязанныхъ или собственниковъ, не могутъ быть обязательно удерживаемы на прежнемъ надѣлѣ и должны воспользоваться правомъ отказа или переселенія. Это слишкомъ скромное и ограниченное право я считаю началомъ свободы переселенія, въ виду той крѣпости, которую, на обязательно выкупленныхъ крестьянъ, наложено въ теченіи 49-ти лѣтъ. Всякое расширеніе этого права, весьма желанное и въ высшей степени благодѣтельное, невозможно, при уравненіи правъ крестьянъ временно-обязанныхъ и собственниковъ, ибо оно слишкомъ пошатнуло бы прочность выкупной операціи. Здѣсь же выкупная операція остается въ прежнемъ положеніи и только ликвидируетъ неоплатную недоимку.

Такова моя система; но противъ нея можно сдѣлать много возраженій. Существеннѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

 Недоимщики, сидящіе на непроизводительномъ надёлё, о которыхъ я исключительно хлопочу, не въ состояніи купить въ другомъ мёстё земли цёлымъ обществомъ; и потому вся система моя обращается въ нуль, праздное словоизверженіе. Не смотря на такую категорическую постановку возраженія, я надёюсь категорически его и уничтожить.

а) Вся моя система основана на томъ, что она для такихъ недоимщиковъ, сидящихъ на безплодной почвѣ, и находящихся въ безвыходномъ положеніи, — представляеть исходъ. Указать человѣку или обществу, находящемуся въ безвыходномъ положеніи исходъ, значитъ поднять настолько его энергію, чтобы онъ, такъ или иначе, указаннаго исхода достигнулъ. Такихъ недоимщиковъ я видалъ вблизи и коротко знаю ихъ финансовое и нравственное положеніе. Люди зажиточные и трудолюбивые между ними, обращавшіеся прежде къ другимъ промысламъ, кромѣ земледѣлія, теперь лежатъ и никуда не ходятъ. За чѣмъ идти? За тѣмъ, чтобы пріѣхалъ становой и, по круговой порукѣ, продалъ все что есть лишняго въ домѣ? Конечно, не стоитъ безпокоиться! Но если этимъ людямъ будетъ показана возможность избавиться отъ круговой поруки и надѣла и стать въ положеніе людей, обезпеченныхъ въ неприкосновенности сеоей собственности, результатовъ своихъ трудовъ, — то они не задумаются достать копѣйку, не задумается и отрезвится и цѣлое общество. Между тѣмъ, я предлагаю дозволить купить землю въ извѣстныхъ размѣрахъ на цёлое общество, не ограничивая этого размёра для отдёльныхъ домохозяевъ; слёд. всякій, при покупкё земли, будетъ разсчитывать на свои средства. Такимъ образомъ зажиточные и трудолюбивые заинтересованы въ этомъ, чтобы склонить все общество къ пріобрётенію земли, съ тёмъ, чтобы помочь бёднымъ деньгами, а вознагражденіе обезпечить работою. Кромѣ того, такъ какъ соглашеніе единогласное, въ этомъ случаё, не можетъ состояться, то достаточно желаніе со стороны двухъ третей общества. Подобная комбинація, въ крестьянскомъ быту, при безвыходности теперешняго положенія и при возможности дешеваго пріобрѣтенія земли, въ случаяхъ отдъльныхъ покупокъ, всегда доступна.

доступна. б) Кромѣ того, я предполагаю необходимымъ основаніе съ этою цѣлію правительственныхъ, земскихъ и частныхъ банковъ, которые помогали бы въ этомъ случаѣ крестьянамъ, при обез-печеніи круговою порукою и землею. Операція этихъ банковъ чрезвычайно проста: по осмотрѣ пріобрѣтаемой въ собственность крестьянами земли, банкъ обѣщаетъ имъ ссуду, которую онъ назначаетъ подъ залогъ этой земли и крестьяне, получивъ за-явленіе банка, дополняютъ своими деньгами, сколько слѣдуетъ, для удовлетворенія покупщика, получающаго потомъ ссуду изъ банка и немедленно выдающаго крестьянамъ надежащию кущую банка и немедленно выдающаго врестьянамъ надлежащую вупчую пръпость. Банкъ всегда обезпеченъ: отвергая совершенно обязательную поруку, я допускаю при этомъ договорѣ свободную круговую поруку, какъ обязательство, совершенно равноправное со всѣми другими личными обязательствами. Въ случаѣ непла-тежа, банкъ прямо приступаетъ къ продажѣ земли, въ цѣломъ ея составѣ, ибо по частямъ на такую дачу мало найдется по-купщиковъ, даже при раздѣленіи ея на участки. Но, въ случаѣ установленія круговой поруки, крестьяне такой продажи не до-пустять и, уплативъ банковый долгъ, сами отберутъ участки у пустять и, уплативъ банковый долгъ, сами отберутъ участки у неплательщиковъ. Я думаю, что поземельный кредитъ у насъ всего нужнъе въ этой именно формъ, потому что поземельный кре-дитъ для дворянства въ большинствъ губерній составляетъ только средство ликвидированія долговыхъ обязательствъ, что, въ смыслѣ народнаго хозяйства, не имѣетъ никакого значенія. А потому, если учрежденіе съ этою цѣлію частныхъ и отчасти правитель-ственныхъ банковъ есть дѣло личнаго усмотрѣнія, то, напротивъ, земскіе банки обязаны обратиться къ операціямъ этого рода. 2) Второе возраженіе состоитъ въ томъ, что по моей системѣ

2) Второе возражение состоить въ томъ, что по моей системѣ отдѣльныя лица не пользуются тою даже долею свободы, которая предоставлена сельскимъ обществамъ. Причины мною изложены выше, здѣсь же я дополню слѣдующее. Основная моя система

состоить въ равноправности крестьяна временно-обязанныха и собственникова. Чрезъ 10 лътъ, по просьбъ крестьянъ или помъщика должна быть сдълана переоброчка, т. е., другими словами, повсемъстный переходз отз обязательной ренты кз нор-мальной, основанной на соображении дёйствительной доходности надёла въ данной мёстности, для извёстнаго общества. Мнё важется, что въ это время, когда установляется новый договоръ, можетъ быть безпрепятственно предоставлено право отказа какъ отдёльнымъ лицамъ, такъ и обществамъ. А какъ, безъ всякаго сомнѣнія, нормальный надѣлъ, опредѣленный правительствомъ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливый, то ничто не мѣшаетъ распространить его, для уравнительности, и на врестъянъ, выкупившихъ свой надълъ съ помощію отъ правительства. Тогда причина передвиженія, для тёхъ и другихъ, значительно умень-шится. Гдё надёлъ состоитъ изъ непроизводительной почвы, тамъ, въроятно, и оброкъ будетъ опредёленъ такой незначительный, что врестьянамъ не будетъ предстоять труда уплатить его. Такимъ образомъ тогда отдёлится только та часть крестьянскаго кимъ образомъ тогда отдѣлится только та часть крестьянскаго населенія, которая, почему-либо, не считаетъ себя способною къ земледѣлію, а такимъ лицамъ нельзя запрещать переходъ въ сословія безземельныя, и между тѣмъ самыя рѣзкія неровности сгладятся въ теченіи 10-ти-лѣтняго періода, а это облегчитъ опре-дѣленіе болѣе среднихъ нормъ оброка, не разбивающагося, для каждой мѣстности, на слишкомъ большое число градацій. Другихъ, болѣе существенныхъ возраженій, мнѣ не предста-вляется; но можетъ быть лица, болѣе знакомыя съ дѣломъ, отъ-

ищуть такія, предъ которыми мнё придется молчать.... Habent sua fata libelli!

 \sim

Н. Колюпановъ.

805

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

B0

ФРАНЦИИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ 1)

САРДУ И БАРЬЕРЪ.

Знакомство съ однимъ какимъ-нибудь авторомъ - если только это не Мольеръ и не Шекспиръ — еще недостаточно для того, чтобы составить основательное суждение о состоянии драматическаго искусства вакой-бы то ни было страны. При всемъ уважени въ серьезному таланту Эмиля Ожье, съ которымъ мы имън случай познавомить читателей²), нивакъ еще нельзя считать его главнымъ представителемъ современной драматурги во Франціи. Сарду и Барьеръ стоять весьма близво къ Ожье, если не по таланту, то по направлению и по характеру ихъ дъятельности. Они, какъ и Ожье, задались тою же широкою, безконечною задачею — изображать всѣ классы, все общество, со всѣми его недостатками, смёшными и грязными сторонами,со всёми поровами, рисовать всё его слои съ цёлою вереницею его явныхъ и сврытыхъ язвъ. Преслѣдуя общую съ Ожье задачу, они имѣють съ нимъ и общее отличительное качество, -- это преобладание сатиры надъ комедіею во всёхъ ихъ произведеніяхъ. Если, строго говоря, ни Сарду, ни Барьеръ своими сатирическими комедіями не пред-

¹) См. общій обзоръ выше, Т. І. стр. 316 н саёд.

²) См. выше, Т. II, стр. 932.

ставляють намъ постѣ Ожье ничего новаго и особенно замѣчательнаго, то тѣмъ не менѣе ихъ нельзя обойти молчаніемъ, какъ массу другихъ драматурговъ, такъ какъ они часто бросають еще болѣе яркій свѣтъ на тѣ стороны, которыя такъ хорошо были освѣщены авторомъ «les Effrontés». Ихъ сатира, не имѣя ни глубины, ни утонченности, которая встрѣчается у Ожье, является болѣе рѣзкою и грубою и потому лучше подходящею къ тому классу людей, представителями котораго служатъ «Бенуатоны» у Сарду и «Пепоне» и «Баскуры» у Барьера — вся эта фаланга лавочныхъ и биржевыхъ героевъ, распложенныхъ второю имперіею и украшенныхъ ею красными ленточками. Что̀ же и награждать, восклицаетъ этотъ родъ торжествующихъ людей, какъ не истинное достоинство: два дома на одномъ бульварѣ, одинъ на другомъ, и три или четыре въ постройкѣ! Для изображенія этого многочисленнаго, всюду въѣвшагося и всюду втершагося класса общества какъ бы нарочно, кажется, были созданы ничѣмъ не брезгающіе таланты Сарду и, главнымъ образомъ, Барьера.

шенныхъ ею красными ленточками. Что же и награждать, вос-клицаеть этоть родъ торжествующихъ людей, какъ не истинное достоинство: два дома на одномъ бульварѣ, одинъ на другомъ, и три или четыре въ постройкѣ! Для изображенія этого много-численнаго, всюду въѣвшагося и всюду втершагося класса общества какъ бы нарочно, кажется, были созданы ничѣмъ не брезгающіе таланты Сарду и, главнымъ образомъ, Барьера. Какъ бы ни велика была наша рѣшимость не отступаться отъ классическаго правила сосредоточивать, при оцѣнкѣ того или другого таланта, главнымъ образомъ все свое вниманіе на хорошихъ сторонахъ и только указывать на менѣе неудовлетво-рительное, какъ бы мы ни желали послѣдовать мнѣнію Шле-геля, а именно, что критика обязана заботиться не столько объ открытіи недостатковъ, какъ это большею частью полагають, сколько о выясненіи достоинствъ и красотъ произведенія, — мы, открытіи недостатковъ, какъ это большею частью полагають, сколько о выясненіи достоинствъ и красоть произведенія, — мы, тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ должны будемъ чаще останавливаться на томъ, что заслуживаетъ у Сарду и Барьера по-рицанія, чѣмъ похвалу. Но если мы примемъ въ соображеніе, въ какое время появились на сцену эти писатели, и какая сре-да неизбѣжно окружала ихъ, то всѣ наши упреки и обвиненія потеряютъ, по крайней мѣрѣ; половину своей силы. Нельзя, въ са-момъ дѣлѣ, упускать изъ виду, какая доля недостатковъ писате-ля принадлежитъ собственно его таланту, ѝ какая должна быть поставлена на счетъ самому обществу. Полное отсутствіе гармоніи въ жизни, отсутствіе идеала, внутренняя вражда всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ, — такова невыгодная обществен-ная атмосфера, въ которой должна развиваться современная фран-цузская драма. Если даже водевили, фарсы, и наконецъ, какъ ная атмосфера, въ которой должна развиваться современная фран-цузская драма. Если даже водевили, фарсы, и наконецъ, какъ замѣчаетъ одинъ французскій критикъ, простыя либретто оперъ, носятъ на себѣ клеймо заразы, распространенной во Франціи съ 1852 года, то какъ же могло спастись отъ нея драматическое искусство?!

I.

Викторіенъ Сарду — самый молодой изъ извёстныхъ фран-цузскихъ драматурговъ. Нётъ еще и десяти лётъ, какъ онъ дебютироваль на одномъ изъ маленькихъ парижскихъ театровъ незначительною двухактною комедіею, подъ названіемъ, кажется, «Monsieur Garat». Послѣ этого скромнаго начала, онъ имѣлъ полуусп'яхъ или даже первый усп'яхъ, доставленный ему крайне милою, остроумною и бойвою комедіею «les Pattes de Mouche», милою, остроумною и бойвою комедіею «les Pattes de Mouche», но успёхъ этотъ теряется, блекнетъ передъ тёмъ колоссальнымъ, неслыханнымъ почти успёхомъ, который съ разу далъ его имени ореолъ славы и укрѣпилъ за нимъ большую популярность. Этимъ успѣхомъ онъ обязанъ былъ своей четырехактной комедіи «Nos intimes». Увлеченіе общества было до того велико, что многіе имѣли смѣлость и вмѣстѣ съ тѣмъ наивность вызывать для срав-ненія съ Сарду имена Бомарше и даже...... трудно повѣрить! имя, грозное и для огромнаго таланта—Мольера. Газеты и журнал, грозное и для огромнаго таланта— мольера. 1 азеты и жур-налы превратились для него въ вакія-то трубы, флейты, литав-ры, ликовавшія его тріумфъ. Ему отведено было мъсто среди Олимпійскихъ боговъ. Съ этого дня Сарду былъ больше не Сар-ду, а авторъ «Nos intimes»; двери всёхъ театровъ сдёлались для него открыты, первое представленіе какой бы ни было его пьеси стало событіемъ. Разумёется, Сарду, обладающій большимъ умонъ, болѣе всѣхъ былъ удивленъ своимъ успѣхомъ, понимая хорошо, что его пьеса никакъ не была необыкновеннымъ и удивитель-нымъ произведеніемъ. Увлеченіе публики, во всякомъ случаѣ, быю вредно для автора, во-первыхъ потому, что на него возложни черезчуръ большія надежды, оправдать которыя было ему не по силамъ, и еще больше потому, что невольно вскружило ему голову и заставило его сказать самому себь, что если публика въ восторгъ, то добиваться ему больше нечего, стараться о тоит, чтобы идти впередъ, незачёмъ, и все, что онъ ни делаетъ, все хорошо. И въ самомъ делё мы видимъ, что авторъ «Nos intimes» во всёхъ послёдующихъ своихъ произведеніяхъ остается на томъ же мёстё и вовсе не заботится, или, по крайней мёрё, очень мало, чтобы сдёлать еще нёсколько шаговъ впередъ. Поспёт мало, чтобы сдълать еще нъсколько шаговъ впередъ. Поспъш-ность, съ которою онъ даетъ одно произведеніе вслёдъ за дру-гимъ, ручается намъ за это. Плодовитость его была бы просто поразительна, если бы она отвёчала достоинству пьесъ, но этого именно и нётъ. Въ шесть или семь лётъ, которыя прошли со времени перваго представленія «Nos intimes», онъ написалъ та-кое количество пьесъ, что одинъ перечень ихъ занялъ бы здёсь

слишкомъ большое мѣсто, и потому довольно назвать только тѣ его произведенія, которыя, по своему достоинству, стоятъ выше другихъ, и знакомство съ которыми необходимо для того, кто желаетъ имѣть полное понятіе о дѣятельности Сарду. Главны-ми его пьесами нельзя не признать: «les Ganaches» «la Fa-mille Benoiton», «Maison Neuve», и пожалуй «Nos bons Villageois».

geois». Не рѣшая, какая таинственная причина заставила публику, послѣ представленія «Nos intimes», бросить лавровый вѣнокъ къ ногамъ ея автора, — можно утвердительно сказать, что эта пьеса соединила въ себѣ почти всѣ хорошія стороны таланта Сарду; но за то рядомъ со всѣми достоинствами скопились почти и всѣ недостатки, которые, можетъ быть, въ послѣдующихъ про-изведеніяхъ только сдѣлались опредѣленнѣе и болѣе выяснились. Если къ какому-нибудь таланту можно приложить эпитетъ «лов-кій», то, конечно, больше всего къ автору «Famille Benoiton». Какъ назвать иначе, чѣмъ ловкостью, это умѣнье ставить себя въ самыя неестественныя и дикія положенія для того, чтобы имѣть удовольствіе, къ удивленію публики, выбраться изъ нихъ какъ ни въ чемъ не бывало. Едва ли кто-нибудь изъ прошед-шихъ, настоящихъ и будущихъ драматурговъ позволить себѣ таимъть удовольствіе, къ удивленію публики, выбраться изъ нихъ какъ ни въ чемъ не бывало. Едва ли кто-нибудь изъ пропед-шихъ, настоящихъ и будущихъ драматурговъ позволитъ себѣ та-кія отчалино-смѣлыя сцены, какія онъ даль намъ, напр. въ 3-мъ актѣ «Nos intimes», или въ 4-мъ «Maison Neuve». Безъ сомнѣ-нія, для того, чтобы представить публикѣ сцену насилія, совер-шаемаго пламеннымъ юношею надъ героинею «Nos intimes» и держать эту публику въ такомъ ажитированномъ состоянія, чтобы она, впродолженія почти двадцати минутъ, оставалась безсловесною зрительницею быстро возрастающей, подъ привры-тіемъ ночи, страсти 20-ти-лѣтняго человѣка, поглощеннаго жи-вотнымъ инстинктомъ, и не дать ей во все это время ни на се-кунду перевести дыханіе, чтобы она могла опомниться и, выве-сенная изъ забвенія хоть шумомъ оборваннаго колокольчика или анавѣсъ; позволить себѣ все это и не быть ошиканнымъ, а, на-противъ, вызвать еще цѣлый громъ рукоплесканій, —для этого не-обходима особенная, далеко не каждый день попадающаяся, та-антливая ловкость. Повволивъ себѣ эту сцену, зайдя въ ней какъ далеко и съумѣвъ, вдоволь насладившись ею, выбраться изъ кен съ такою быстротою и легкостью, Сарду не можетъ больше бояться никакихъ опасностей, никакихъ словъ и никакихъ дви-меній; его смѣлость не должна знать никакихъ преградъ, такъ какъ дал&е того, куда онъ зашелъ, идти невозможно. Всякій дугой авторъ, лишенный этого умѣнья выскользать изъ самыхъ

невозможныхъ положеній, часто при помощи другой подобной же невозможных в положения, часто при помощи другой подсоной ас невозможности, сто разъ погубилъ бы свою пьесу подобнаго рода сценами, между тѣмъ какъ Сарду, главнымъ образомъ благодаря именно такой сценѣ, имѣлъ громадный успѣхъ. Рядомъ съ этимъ качествомъ сценической ловкости, которая является во всёхъ его произведеніяхъ, и часто заставляетъ публику прощать его замѣ-чательную бѣдность драматической фантазіи, положенной въ осночательную обдность драматической фантази, положенной въ осно-ваніе пьесы, стоить другое его достоинство, опредѣляемое однимъ словомъ: наблюдательность. Онъ, какъ немногіе, умѣетъ подслу-шивать разговоры на улицѣ, въ кафé, въ гостиной буржуазной семьи и, не упуская ни одного слова, перекладываетъ все, что онъ услышалъ, на бумагу. И потому, какъ въ той средѣ, гдѣ онъ подслушиваетъ, разговоры носятъ на себѣ характеръ пу-стоты, перемѣшанной съ безнравственностью, способной вызвать смѣхъ у человѣка, не ищущаго въ немъ скрытаго и болѣе глу-бонаго смысла, насто онень прустивно то Сарак суративая именно смёхъ у человёка, не ищущаго въ немъ скрытаго и болёе глу-бокаго смысла, часто очень грустнаго, то Сарду, схватывая именно ихъ потёшающую сторону, заставляеть свою публику очень ча-сто смёяться, и, главное, смёяться надъ ея собственною глу-постью и неумёстною чванливостью. Наблюдательность эта была бы драгоцённымъ и высокимъ качествомъ для Сарду, еслибы, къ несчастью, онъ ограничивался одною внёшнею ея стороною, еслибы она видалась въ глаза не одними удачными и мёткими словами и фразами, очевидно, прямо вырванными изъ жизни, а проходила бы во всё поступки его дёйствующихъ лицъ и за-мётна была бы въ цёломъ построеніи его пьесъ. Будь наблюдательность его глубока, подм'ячай онъ не только тв фразы, которыя говорятся въ лорнируемомъ имъ обществё, а также то, что въ немъ дѣлается, не одни слова, а всю жизнь, со всёмъ, что въ немъ дълается, не одни слова, а всю жизнь, со всвяв, что въ ней каждый день происходить, и тогда, вёроятно, автору «Nos intimes» не пришлось бы прибёгать почти въ каждой пьесё то къ мнимо-мертвымъ тёламъ, то къ мнимымъ воров-ствамъ, однимъ словомъ, ко всёмъ его мелодраматическимъ про-дѣлкамъ. Правда и то, что современное общество, если и не все, то, по крайней мёрѣ, та значительная его часть, которой все, то, по крайней мюрѣ, та значительная его часть, которой главнымъ образомъ посвящена комедія Сарду, представляеть въ одномъ внёшнемъ своемъ выражении столько уродливо-смѣшного и вмѣстѣ печальнаго, что, ограничиваясь наблюденіемъ одной его оболочки, Сарду не разъ уже удавалось представить по истинѣ живые эскизы своего зараженнаго времени. Очевидно, однако, что ему невозможно было бы достигнуть такого бла-годарнаго результата, еслибы онъ не обладалъ еще другимъ ка-чествомъ своего таланта, это—тѣмъ удивительно-гибкимъ и бой-кимъ языкомъ, при помощи котораго подмѣченныя имъ слова,

<page-header><page-header><text><text>

812 въстникъ веропы.
Истинной комедіи. Ел требованія простираются далёе. Простота концепцій является едва ли не самымъ существеннымъ е дусовіемъ; средства, которыя употребляетъ авторъ для развитія ея, должны быть также просты, естественны, какъ и общій планъ произведенія; она требуетъ, чтобы одно событіе вытекало въз другого, чтобы всё онѣ были связаны одною непрерывною и вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданною для зрителя нитью, безъ которой не можетъ быть полноты впечалъ́нія. Помимо этого, она хочетъ, чтобы ед дѣйствующія лица во всѣхъ своихъ поступкахъ оказывались бы послѣдовательными самимъ себѣ, чтобы они не противорѣчили присвоенному имъ характеру, который долженъ быть ясно и опредѣленно начерченъ. Ей нужны типы, а не блѣдныя фотографія съ такой или другой личности 1867 или 68 года. Произведенія Сарду, нужно сказать правду, мало отвѣчаютъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Ни въ чемъ онъ такъ не грѣшитъ, какъ именно въ основномъ законѣ драматическаго искусства, — въ сохраненія простокъ. Еслибы наблюдательность его не была поверхностна, то рядомъ съ разговорами, который кружатся всѣ дѣйствующія лица. Придуманная имъ интрига больше уливляться, умѣнью ли его вести эту нитриту или бѣдности драматической фантазія, создавшей ее. Умѣнье же это, дѣйствительно, замѣчательное. Когда смотришь на его пьесу и присутствуешь при этой паровой машинѣ, которая двыжется съ такою быстротою и летитъ безъ всякой остановинъть сравказать, и пракъмательное. Когда смотришь на его пьесу и присутствуень при этой паровой машинѣ, которая двыжется съ такою быстротою и летитъ безъ всякой остановинъть стакъме на стакъме съ такова витови на тора витова съ такова витована на торокъ не отановинъть на витова на про-тивсти. Которыя такъ, часто полатаются ей на торокъ нетаста. движется съ такою быстротою и летить безъ всякой остановки къ развязкѣ, и, главное, летить, не обращая вниманія на про-пасти, которыя такъ часто попадаются ей на дорогѣ, переска-кивая черезъ нихъ и вися почти - что на воздухѣ, безъ опасно-сти для машиниста, то невольно спрашиваешь себя, не есть ли эта дикая басня плодъ слишкомъ бурнаго воображенія, разъ какимъ - нибудь несчастнымъ случаемъ сбившагося съ пути? Но когда видишь, что эта неудачно задуманная интрига, являю-щаяся во всей своей силѣ въ какой - нибудь рѣшительной и на-значенной, очевидно, для успѣха сценѣ, повторяется почти каж-дый разъ, съ тою только разницею, что тамъ, гдѣ она лишена неестественности, она носить на себѣ характеръ избитости и доброй старины, — тогда нельзя не прійти къ заключенію, что она есть плодъ совсѣмъ не бурной фантазіи, а, напротивъ, поразитель-ной ен скудости. Это отсутствіе здороваго драматическаго вообра-женія, позволяющаго автору смѣло и просто задумать пьесу, недо-пускающаго его цѣпляться ни за естественныя, ни за изношенныя

положенія, вынуждаетъ автора «Nos intimes» хвататься за такія средства, которыя рёшительно не годны для истинной комедіи. Во всёхъ его пьесахъ мы замёчаемъ непреодолимое стремленіе выбраться изъ той области, которая принадлежить комедіи, чтобы вступить въ ту, которая составляеть собственность или водевиля или мелодрамы. Онъ не отказывается ни отъ того ни отъ другого рода сценическихъ произведеній, и потому въ его пьесахъ достоинство истинной комедіи — какъ разговоры, схваченные нравы — смѣшиваются съ свойствами чистъйшаго водевиля и съ мелодраматическими эфектами бульварнаго театра. Возьмите любую изъ лучшихъ его комедій, начиная отъ «Nos intimes» и кончая «Maison Neuve», вездѣ легко видѣть, какъ комедія, въ одной пьесѣ, сливается съ водевилемъ, а въ другой—съ мелодрамой. Къ счастію или къ несчастію для Сарду эти два рода никогда не сливаются настолько, чтобы ихъ нельзя было отдёлить. Они идуть рядомъ, толкая другъ друга въ сторону и мѣшая взаимно другъ другу, и раз-бивая на-двое интересъ пьесы. Въ этой двойственности интереса и слѣдственно двойственности самого произведенія не трудно рѣшить, чему слѣдуеть отдать преимущество. Все то, что, строго говоря, лежить внѣ любовной интриги, безъ которой необходится ни одна изъ его пьесъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, и все то, что именно составляетъ басню произведенія, безъ ущерба для славы Сарду, можетъ быть оставлено въ совершенной тѣни, особенно если сказать разъ навсегда, что на развитіи этой энергіи и приведеніи къ ея развязкѣ сказывается всегда мастерское владѣніе сценою и большая смѣлость въ пріемахъ. Отсутствіе сколько-нибудь обильной фантазіи, порождающее бѣдность его концепцій, вредить ему еще и съ той стороны, что, не находя въ самомъ себъ достаточно силы для созданія жизненнаго сюжета, онъ ръ-шается очень часто на то, что зовется литературнымъ воров-ствомъ. Не только онъ заимствуетъ сюжетъ у какого-нибудь романиста, какъ это было отврыто относительно его комедій «Nos bons Villageois»¹), «Les Pommes du Voisin»²) и кажется еще нѣкоторыхъ другихъ, но, что еще хуже, это то, что онъ позво-ляетъ себѣ воровать цѣликомъ нѣкоторыя сцены у своихъ соляетъ сеов воровать цъликомъ нъкоторыя сцены у своихъ со-братовъ, какъ онъ сдёлалъ это въ «Famille Benoiton», пере-неся въ нее одну самую замѣчательную сцену изъ пьесы Барьера «Les faux bonshommes», именно сцену брачнаго контракта. Сдѣлавъ это замѣчаніе, мы можемъ обратиться теперь къ той сторонѣ произведеній Сарду, которая, соединяя въ себѣ почти

Digitized 52 Google

⁾ Beck clowerts B38TL H8B HOBECTH Nadaud, «Une idylle»

²) Изъ повъсти Берпара.

Томъ V. - Октяврь, 1868.

814 вытика вала вала в составление и соблека и става и ст держанія.

держанія. «Les Ganaches», какъ пьеса, представляетъ собственно мало любонытнаго. Рядомъ съ тысячью натяжекъ и неправдоподобно-стей, интрига ея бѣдна по вымыслу, стара, избита и врядъ-ли кого-нибудь можетъ привлечь собою, особенно во Франціи. Уже начиная съ тридцатыхъ годовъ, всё романисты, драматурги и, пожалуй, даже водевилисты помѣшались на одномъ пунктѣ—это на примиреніи враждующихъ партій, и вотъ потянулась цѣлая стая всевозможныхъ пьесъ съ своимъ безконечнымъ содержаніемъ, проповѣдью мира, основаніемъ котораго служило восхваленіе до-бродѣтелей всѣхъ враждующихъ сторонъ. Въ каждой подобной пьесѣ мы видѣли сначала или прекрасную дѣву аристократиче-

скаго происхожденія, гордую и неприступную, воспитанную въ самыхъ строгихъ правилахъ морали и презрѣнія ко всему, «что не им'ьеть рожденія», и въ которую позволяль себ'в влюбляться какой-нибудь плебей самаго низкаго происхожденія, но полный геройскихъ вачествъ и самыхъ высовихъ чувствъ. Послѣ трехъ, четырехъ актовъ слезъ, отчаяній, проклятій дней своихъ собственныхъ рожденій, и длинныхъ тирадъ со стороны автора, что всѣ люди равны, и что личныя достоинства дѣлають человѣка столь же благороднымъ какъ и древность рода, хотя бы она и шла отъ крестовыхъ походовъ, дёло оканчивалось тоже сле-зами, но слезами радости, отъ которыхъ умилялись добрые буржуа Лун-Филиппа. Иной разъ картина мънялась и намъ представляли красавицу-плебейку, отъ которой терялъ свой умъ кавой-нибудь промотавшийся маркизъ или виконтъ, и пьеса оканчивалась опять, къ удовольствію публики, женитьбою нищаго графства или маркизата на милліонахъ богатаго плебейства. Случалось также и такъ, что молодые люди чувствовали взаимно влеченіе другъ къ другу, но аристократическіе родители дѣвушки въ ужасѣ клали свое veto на ихъ соединеніе и отдѣляли новаго Ромео отъ новой Джульетты непроходимою пропастью. Но авторъ, дѣлавшій большею частью, и особенно въ послѣднее время, своего героя инженеромъ, и научившись, вёроятно, у него строи-тельному искусству, въ концѣ пьесы обыкновенно перебрасывалъ черезъ эту пропасть мость, который такимъ образомъ сое-динялъ, опять таки къ удовольствію публики, пламенно влюбленныхъ молодыхъ людей. Этотъ сюжетъ примиренія враждебныхъ партій переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, и онъ одаренъ такимъ волшебнымъ свойствомъ, что всякій драматургъ, неодаренный большою силою воли, непремённо береть его для одной изъ своихъ пьесъ; но другое волшебное свойство этого сюжета дѣла етъ то, что пьеса подобнаго содержанія большею частью ока-зывается дурною пьесою. Кром'ь того родственнаго сходства, ко-торымъ отличаются всъ подобныя произведенія, они имъютъ еще одну общую черту, -- они ложны въ своемъ основании и показывають въ пьесахъ совершающееся примиреніе того, что никакъ не примиряется въ жизни; и если оно совершится, то въ-роятно только тогда, когда подобныя пьесы больше не будутъ писаться.

Произведеніе Сарду принадлежить въ одному изъ названныхъ трехъ родовъ, именно въ третьему. Интрига вертится около молодой дъвушки аристократическаго имени, влюбленной въ почти геніальнаго инженера - плебея; родственники, т. е. дъдъ и дядя возстаютъ противъ такого оскорбительнаго для нихъ брака, пока,

наконецъ, въ пятомъ актѣ ихъ глаза не прозрѣли, и они преклоняются предъ величіемъ инженера. Такова избитая басня, понадобившаяся Сарду для проведенія его политической сатиры. Сатира Сарду представляется полною противоположностью честной и бдвой сатирь Ожье. Если тоть нападаль на всв побъжденныя партіи, и онъ имѣлъ на это право, потому что каждая изъ нихъ имъла свои больныя мъста, то еще больше бичеваль онь представителей современнаго общества, начертавь его въ лицѣ Vernouillet. Если ни въ одной своей пьесѣ онъ не повазаль намь такого лица, которое было бы для него идеаломь, то все-таки можно видёть, что этоть идеаль лежить, если внъ прошедшаго, то еще больше внѣ настоящаго, потому что въ нему онъ старается вызвать не что иное, какъ отвращение. Задача Сарду другая. Онъ направляеть свою сатиру противъ всего прежде существовавшаго, противъ всёхъ раньше господствовавшихъ политичесвихъ партій, и делается панегиристомъ настоящаго времени и торжествующаго порядка. Если можеть быть что-нибудь уродливье той сцены, когда человъкъ или цълое общество сидить по шею въ грязи и кричитъ всёмъ тёмъ, которые сторонятся, боясь запачкаться, чтобы они тоже сибшили погрузиться въ нее, представляя ту причину, что нигдъ не можеть быть такъ хорошо и пріятно, - то это развѣ сцена, когда побѣдители, прогуливаясь по полю битвы, и встрѣчая между побѣжденными не совсѣмъ мертвыхъ еще людей, безъ всякой нужды, хладновровно и весело начинають бить ихъ привладами своихъ ружей. Сарду поступилъ именно въ такомъ родъ. Ему мало было объявить себя приверженцемъ современнаго политическаго порядка для оправданія себя, ему нужно было бросить еще грязью во всё остальныя партіи. Да здравствуютъ побёдители и горе побъжденнымъ! онъ не долго думалъ надъ средствами для пораженія всего прошедшаго Франціи. Онъ выбраль самое удобное — ложь, и съ ея помощью нарисовалъ три портрета, трехъ представителей побъжденныхъ партій: маркиза-легитимиста de la Rochepéans, орлеаниста - буржуа Фромантеля и республиканца сумасброда Léonidas Vauclin'a, и противопоставилъ имъ своего героя, современнаго человѣка, инженера Mar-cel Cavalier. Кромѣ этихъ четырехъ личностей, предназначенныхъ для поединка, есть еще тутъ фигура стараго герцога, отца маркиза, который спить впродолжении трехъ действий, и просыпается въ четвертомъ, только для того, чтобы дать возможность автору вложить въ ротъ этого закоснѣлаго аристократа одинъ врикъ: да здравствуетъ прогрессъ и слава инженеру! Какъ върна

одна эта черта, такъ съ такою же добросовѣстною вѣрностью представлены дѣятели трехъ различныхъ и прошедшихъ эпохъ.

Всѣ качества, которыя присвоиваетъ Сарду взятымъ имъ тремъ руинамъ, могутъ быть выражены однимъ словомъ: глупость и тупоуміе. Другого онъ ничего не видитъ, или върнъе, не хочетъ видѣть ни въ легитимистахъ, ни въ орлеанистахъ, ни въ республиканцахъ. Тутъ нельзя еще разъ не напомнить о той выгодной для Ожье разницѣ, которая существуетъ между нимъ и Сарду. Когда Ожье беретъ для своей сатиры представителей той или другой партіи, то онъ не облегчаеть себѣ задачу, дѣлая одного изъ нихъ чуть не геніемъ, другого чуть не идіотомъ, того и другого онъ надёляетъ одинаково умомъ, для того, чтобы зритель присутствовалъ при болѣе или менѣе равной борьбѣ. Ожье заботится, чтобы его герои, въ какомъ цвътъ онъ ни выставлялъ бы ихъ, были похожи на людей, а не на жалкія каррикатуры, въ то время, какъ Сарду думаеть лишь о томъ, какъ бы своей куклъ доставить болъе легвую побъду. Если бы онъ надълилъ своего легитимиста, орлеаниста или республиканца хотя каплею ума, тогда они не терялись бы, выслушивая пышныя фразы Марселя о прелестяхъ прогресса, вакъ будто бы до появленія но-ваго человѣка, созданнаго второю имперію, Франція была въ состояніи Китая. Если бы эти маніяви, которыхъ онъ выдаеть за здоровыхъ людей побъжденныхъ партій, были хотя сколько-нибудь близки къ истинѣ, тогда, разумѣется, республиканецъ Вок-ленъ не вскрикнулъ бы: «Браво, молодой человѣкъ, браво, мы идемъ съ вами по одной дорогѣ»! когда Марсель прославляетъ широкія улицы Парижа и подёланныя желёзныя дороги. Вёроятно онъ нашелъ бы отвѣтить что-нибудь другое на эту длинную тираду, квинтъ-эссенцію всей пьесы, въ которой Марсель восклицаеть: «И развё я не повинуюсь тому же закону (справедливости), когда я разширяю наши улицы, рискуя даже потревожить фасады вашихъ дворцовъ? Они пусты, а на улицахъ толпа! Давайте ей мѣсто!... Вы сожалѣете о вашихъ развалинахъ! И мы тоже; но я хочу пройти и пройду: потому что на моей сторонъ право, потому что я повинуюсь тому божественному закону, который жертвуеть поэзіей прошедшаго, дёйствительности настоящаго; потому что я слышу голосъ, который не что и слышу голось, которыя не перестаеть мий кричать: «Помни, что ты идешь оть худшаго въ лучшему; отмичай твой шагь, чтобы твои дёти его отыс-кали!... Скорйй же, впередь!» И упоенный этимъ словомъ: впе-редъ, постоянно повторяемомъ въ моемъ уми, какъ ваши старые воинственные крики, и которое толкаетъ насъ къ борьбѣ, да, но противъ невѣжества, рутины, нищеты, голода, страданій....

въ этотъ святой крестовый походъ всего человѣчества, соединив-шагося противъ зла, я чувствую съ гордостью, что это я, кото-рый веду человѣчество`къ этой борьбѣ...» Вокленъ, еслибы Сарду не отказалъ ему въ умѣ, вѣроятно, прервалъ бы этого новаго человѣка, и сказалъ бы ему: все это очень недурно сказано, всему этому сочувствуете не вы одни, люди второй имперіи, со-чувствуемъ этому и мы, *словама* этимъ сочувствовали всегда всѣ наши правительства, и не уступали никогда случая говорить это чувствуем'я этопу и мы, словама этимъ сочувствовали всегда всё наши правительства, и не уступали никогда случал говорить это народу, слова эти мы знаемъ наизусть не хуже васъ; а вы душе скажите, что вы дѣлаете для ихъ осуществленія? вы толкуете о шусть такъ, въ этомъ вы дальше насъ, но это средства для до-стиженія цѣли, а въ цѣли-то мы уже были поближе васъ, по-тому что мы были свободны, а вы рабы. Торгъ, воторый вы сдѣлали, слишкомъ выгоденъ для васъ, чтобы вы еще хвасталнсь имъ передъ нами. Вы не имѣете права колоть намъ глаза ва-шими широкими улицами да желѣзными дорогами, потому что мы заплатили за нихъ дорогою цѣною. Вы говорите о толь, что вы дали, и молчите о томъ, что оннали у насъ. Гдѣ эта масса подей, и лучшихъ людей, которыхъ вы отправили въ Кайенну; гдѣ тѣ свободныя учрежденія, которыми мы пользовались и ко-торыхъ вы насъ лишили; гдѣ то право, которое мы имѣли, чтобы свободно высказать всѣ наши мысли и убѣжденія, куда се это дѣвалось, гдѣ это все? все это потералось въ вашихъ широкихъ улидахъ и вашихъ желѣзныхъ дорогахъ; безъ васъ они обошлись бы намъ не такъ дорого!... Еслибы Вокленъ оста-новиль Марселя такими словами, то вѣроатно, этоть не сталъ би продолжать своей мнимо-демократической и пышной рѣчи, в найдя серьезный отпоръ, а не слабыя возраженія, не сталъ бы сипать, чувствуя себя, благодара Сарду, побѣдителемъ, насмѣш-ками на-право и на-лѣво, толкая въ одну кучу и легитимистовъ н республиканцевъ и орлеанистовъ, которые закыочаютъ, насмѣш-ками на-проковъ у него пардона. Чтобы сатира была сильна, тъмъ, что просатъ у него пардона. Чтобы сатира была сильна, такой - сирьа, а не противъ тѣхъ, которыя вздумалось для какой-нибудь цѣин, хотя бы для красной ленточки, — награда, полученная Сарду, — взобрѣтать и присвоивать партіямъ. Сатира въ такомъ случаѣ теряетъ свой главный, присущій ей харавтеръ правды и превращается въ ничто иное, какъ политическій пам-фелъ. флеть.

Какую же однако мораль, какое высокое политическое заключеніе старается вывести авторъ «Les Ganaches», изъ этого чуть не пасквиля, претендующаго, конечно, на названіе сатиры?

818

Мораль эта заключается въ послёднихъ словахъ пьесы, произносимыхъ Вокленомъ: «Единственное средство (чтобы не попасть въ число «ganaches) — это быть всегда человѣкомъ своего времени». И когда раскаявшійся маркизъ прибавляетъ: «своихъ лѣтъ», Марсель, герой второй имперіи, восклицаеть: «тогда это прогрессь!» Итакъ, для того, чтобы быть слугою прогресса, а не превратиться въ «ganache» во что бы то ни стало, претендуетъ и увѣряетъ Сарду, нужно быть человѣкомъ своего времени. Жалкая и бѣдная мораль, особенно тогда, когда она прилагается къ настоящему періоду печальной исторіи Франціи. Чтобы быть человѣкомъ своего времени, Марсель защищаетъ, а слъдовательно, и раздѣляетъ всѣ пороки, мошенничество, раболѣпство, отсутствіе всякихъ истинъ, убѣжденій, одобреніе и цѣлованіе грязи, если она ведеть только къ почестямъ и богатству, однимъ словомъ все то, на чемъ сказывается разложение современнаго общества. Все это принадлежности времени, отъ которыхъ нельзя отва-заться, неотказавшись отъ названія человъка своего времени. Не лучше-ли въ такомъ случав отказаться отъ этого пресловутаго своего времени и, какъ Вокленъ, уйти въ глушь, не видёть, и не слышать, что дёлается въ обществё и не жить жизнію своего времени? Не лучше ли обречь себя на удаленіе, добровольное изгнаніе, чёмъ быть свидётелемъ и сообщникомъ того общества и той эпохи, которая всегда будеть лежать тяжелымъ камнемъ на совъсти Франціи? И откинувъ небогатую фантазію Сарду, и отказавшись отъ выдвинутыхъ имъ маріонетокъ и перенеся себя въ дъйствительность, можно спросить у автора «Les Ganaches», чтобы онъ по совъсти отвътилъ, забывъ на минуту свое произведеніе и полученную за него красную ленточку, кто больше служить дёлу прогресса тёмъ, которые подобно Кинэ, Виктору Гюго и многимъ другимъ, отказались на время отъ своей родины, отъ «своего времени» унесли съ собою въ даль, тишину и пустыню, нетронутыми и неоскверненными великіе принципы своихъ отцевь, или тё фаланги сановниковъ, которые сегодня распинаются передъ Наполеономъ III, а завтра упадутъ ницъ передъ какимъ нибудь графомъ парижскимъ? Одни, воспитывая молодыя поколѣнія и прививая къ нимъ свои мысли и убъжденія, служать для восврешенія Франціи, другіе, свидѣтельствуя о ея паденіи, тянуть ее въ пропасть. Если бы умъ Сарду не помрачился на одну ми-нуту крестикомъ почетнаго легіона, онъ тогда же бы поняль, что нѣтъ выгоды я нѣтъ полнаго прогресса быть человѣкомъ своего времени въ ту несчастную эпоху, которая неминуемо ведеть къ царству Бенуатоновъ, предмету именно его спеціальной сатиры. Оставимъ же поконться вѣчнымъ сномъ его «Ganaches»,

и оставимъ тёмъ поспёшнёе, что мы можемъ бояться послё всёхъ нашихъ нападковъ, чтобы кто-нибудь не примёнилъ къ намъ знаменитыхъ словъ: «mais que diable allait-il faire dans cette galère.»

Соціальная сатира Сарду въ безчисленное количество разъ выше его политическаго памфлета и, главное, до такой степени выше по своему правственному смыслу, что нужно было какое-нибудь чудо, чтобы произвести въ молодомъ драматургѣ настолько радикальную перемѣну во взглядахъ, чтобы послѣ «Ganaches» онъ имѣлъ достаточно духу написать «La Famille Benoiton» и «Maison Neuve». Чудо это было не что иное, какъ свистки, воторыми встрѣтила ero пьесу часть парижской публики. Какъ ни незначительна была эта часть, тъмъ не менъе ся свистки показали Сарду, что не все еще мертво, и что онъ никого не проведетъ своимъ притворнымъ демократизмомъ и своими мнимо либеральными возгласами о прогрессь и о людяхъ «своего времени». Онъ снялъ тогда съ своихъ глазъ искусственныя стекла и сталъ смотрѣть на общество просто, безъ всякихъ инструментовъ, отврытыми глазами. И хотя взглядъ его не сдёлался въ одну минуту очень проницательнымъ, и онъ не увидѣлъ больше того, чёмъ было на поверхности общества, но тёмъ не менѣе и то, что бросилось ему въ глаза, было достаточно, чтобы сдёлать его соціальную сатиру прямо противоположною его политической пьесь, и какъ послъдняя заслуживаетъ безграничнаго порицанія, такъ первая, бросивъ на его талантъ самый выгодный свёть, утвердила за нимъ мёсто среди представителей современнаго драматическаго искусства, и пріобрѣла ему право на всеобщее, хотя и далеко не безусловное одобрение. Упрекъ, который можно сдёлать Сарду, заключается въ томъ, что его соціяльная сатира не достаточно глубока и не довольно вдка, что на ней слишкомъ сильно сказывается равнодушие автора къ общественнымъ дѣламъ, равнодушіе, ни для кого такъ не пагубное, какъ для писателя-сатирика. Оно парализуетъ всѣ достоинства его таланта, удивительно удачно схватывающаго и передающаго смѣшныя и грустныя черты современнаго общества, оно лишаеть созданныя имъ картины той силы и той энергіи, воторую черпаетъ человѣкъ въ своемъ воодушевленін, вызванномъ любовію или ненавистью къ тому, что онъ воспроизводить. Въ его произведеніяхъ не слышно того скрежета зубовъ, который сопровождаеть пьесы Эм. Ожье; въ нихъ не раздается того язвительнаго смѣха, подъ которымъ чувствуются часто горячія слезы, и проходящаго черезъ «Effrontés» и «Contagion»; большею частію у него мы замѣчаемъ на фигурѣ спокойную улыбку, какъ

бы говорящую: я никого ни особенно люблю, ни особенно не люблю, ничто меня ни особенно радуеть, ни особенно печалить, я только смотрю и наблюдаю! Къ такому равнодушному отно-шенію къ окружающему его міру присоединяется еще особенная способность выводить самыя грустныя стороны жизни на такомъ свътломъ и веселомъ фонъ, что иногда теряешься и не знаешь. свътломъ и веселомъ фонъ, что иногда тернешься и не знаешь, для чего было написано то или другое произведеніе: для того ли только, чтобы посмѣшить публику и пріобрѣсть себѣ дипломъ на остроуміе, или была у автора болѣе достойная задача—задѣть ее за живое и заставить задуматься надъ уродливыми явленіями, которыми полна жизнь современнаго общества. Нечего и говорить, что если бы пьесы Сарду были совершенно лишены этого послѣдняго свойства, то слово «соціяльная сатира» не могло бы никому прійти даже на умъ; напротивъ, она является во всёхъ послёднихъ его произведеніяхъ, она представляетъ собою лучшее, что въ нихъ есть, но только самую злую свою насмѣшку онъ старается каждый разъ стушевать, придавая осмѣяннымъ имъ порокамъ личину какой-то мягкости и доброты. Насколько авторъ «Les Ganaches» старался бросить самый яркій свъть на ту сторону медали, отчеканенной въ 52-мъ году, на которой красовалось слово: прогрессь! настолько же онъ старается пустить снисходительный нѣжно-розовый тонъ на другую сторону этой медали, на которой большими буквами начерчено: пустота, суета; отсутствіе всякаго серьезнаго интереса, чудовищное пониже-ніе нравстве́ннаго уровня не только во всёхъ крупныхъ и важныхъ явленіяхъ, но даже въ мелкой обыденной жизни. Но какъ бы ни велико въ немъ было искусственное добродушіе, какимъ бы владомъ снисхожденія онъ не запасся, правы описываемаго имъ общества таковы, что довольно одного простого воспроизве-денія ихъ на сценѣ, безъ горечи и злобы, чтобы вызвать противъ нихъ, если не всегда ожесточеніе, то во всякомъ случав насмѣнику. Первою пьесою, носившею на себѣ характеръ сатиры была «La Famille Benoiton», любопытная для насъ, какъ и всѣ остальныя, впрочемъ, его произведенія, совсёмъ не по дурно при-думанной и избитой интригѣ, а по тѣмъ сценамъ, разговорамъ, выведеннымъ лицамъ, которыми она окружена и среди которыхъ происходить мало интересное и не васающееся нась действіе. Какъ происходить мало интересное и не васающееся нась двистве. Какъ рѣшиться дать имя людей тому классу индивидуумовъ, который выставляетъ Сарду? Въ нихъ до такой степени погасъ тотъ ра-зумный, нравственный элементъ, который дѣлаетъ животное че-ловѣкомъ, что вопросъ, не есть ли это новый, особенный родъ утонченныхъ звѣрей, надѣленныхъ только нѣкоторыми человѣ-ческими слабостями, получаетъ полную законность. Въ самомъ

821

дѣлѣ, кромѣ способности болтать безсмысленный вздорь, мотать «честнымъ трудомъ» нажитыя деньги, да смѣяться еще надъ тѣми, которые не могуть и не хотять делать того же, --- въ нихъ нътъ ничего человъческаго. Сарду собралъ нъсколько такихъ новыхъ звёрей въ клётку пятиактной комедіи, приставилъ къ нимъ надсмотрщика въ женскомъ платъб и сталъ показывать свою коллекцію, развозя ее не только по всей Франціи, но по всей Европѣ. Онъ имѣлъ съ нею огромный успѣхъ, легко объасняемый тёмъ, что звёринецъ быль замёчателень по новизнё, и представлялъ собою столько дикаго, что простаки дълали вопросы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что они не довѣряли хозянну звѣринца и предполагали въ немъ подлогъ, говоря, что онъ выдаеть картонныхъ звѣрей за настоящихъ. Они были и правы и неправы. Сарду видѣлъ передъ собою большой многочисленный классъ разбогатъвшихъ лавочниковъ, которые, благодаря своему богатству, карабкались на самый верхъ общества. Помощь они находили себъ въ томъ самомъ порядкъ вещей, который покровительствоваль всякому невѣжеству и гналь всякую мысль. Классь этоть вслёдствіе своей многочисленности и своихъ денегь начиналъ все болѣе и болѣе импонировать остальному обществу, и такъ какъ по своему нравственному ничтожеству онъ не могъ импонировать ничего хорошаго, то онъ импонироваль все дурное. Имбя страстное желание тягаться съ высшими классами общества и не имъть ничего общаго съ низшими, т. е. тъми, воторые обладали самымъ, можетъ быть, большимъ образованіемъ, соединеннымъ большею частью съ недостаткомъ и бъдностью, этотъ классъ новой плутократіи, лишенный всякихъ нравственныхъ достоинствъ, спрашиваетъ себя, чёмъ бы онъ могъ выдвинуться впередъ и даже затмить, если возможно, высшіе классы? Отвётъ понятенъ, - у нихъ нътъ другого средства, какъ деньги, отъ которыхъ они требуютъ себѣ и уваженія, и почета, и, главное, униженія другихъ. Тутъ выступаетъ на сцену все возрастающая роскошь, которая служить мѣриломъ ихъ богатства, роскошь, переходящая въ безуміе, заражающее почти всъ классы. Одинъ не хочеть отставать отъ другого, другой отъ третьяго, и бѣличье волесо не перестаетъ вертѣться. Сколько бы противъ нея ни возставали, сколько бы ни разсуждали о ней, начиная отъ сената и законодательнаго корпуса, и до философскихъ разсужденій и простыхъ романовъ, она все будетъ идти дальше и дальше до тѣхъ поръ, пока одни деньги будутъ ярлыкомъ почега и уваженія людского. Патетическія разсужденія Сарду о золотомъ старомъ времени, когда дъвушки довольствовались кембриковымъ платьемъ, — мало помогутъ дѣлу; корень ея лежитъ

глубже, а именно въ измѣнившемся общественномъ пониманіи человъческаго достоинства, которое не имъетъ ничего общаго съ такою или другою суммою денегъ. Разъ, что деньги, богат-ство, роскошь получили такую важную роль въ обществѣ, — говорять себ'в обладающіе ими, и учать своихъ д'втей, — тогда не ну-жно ни намъ, ни вамъ ни знаній, ни образованія, ни воспитанія, мы все себѣ купимъ, проживете вы и безъ нихъ и не менъе будете пользоваться общественнымъ уважениемъ. Дъти слушаются ихъ, и начиная съ 14, 15-ти лѣтъ, вечера, балы, маскарады, роскошные наряды, роскошныя кареты, роскошные объды и ужины замёняють имь учителей, книги, занятія, все образованіе-все это ведеть къ одному, къ крайнему невѣжеству, связанной съ нимъ распутной жизни и къ зрЕлищу 16-ти-лътняго ребенка, являющагося въ судъ вмёстё съ одною изъ продажныхъ женщинъ, которую обвиняютъ за то, что она проъла съ нимъ два, три состоянія! Отъ такихъ недозрѣлыхъ героевъ и подобныхъ имъ героинь можно ждать всего дурного и ничего хорошаго. Эти люди, попадая въ настоящее человѣческое общество, теряются въ немъ и, не понимая ни его интересовъ, ни даже его языка, который они, подъ видомъ моды, но въ сущно-сти для прикрытія своего невѣжества, промѣняли на argot, не требующій изученья, бѣгутъ прочь изъ дикой для нихъ среды и, какъ звѣри, укрываются опять въ темный и густой лѣсъ пустоты и разврата.

Первые два акта «Famille Benoiton» исключительно принадлежать сатирѣ, которая при этомъ искусно направляется то на одного, то на другого изъ этихъ звѣрей, наполняющихъ его клѣтку. На первомъ планѣ является самъ старый Бенуатонъ, каждымъ словомъ котораго пользуется Сарду, чтобы осмѣнвать ему подобныхъ; они всѣ выражаются въ одной такой фразѣ: «мнѣ кажется, что если желаютъ поощрять истинное достоинство, то кого же и награждать (Почетнымъ Легіономъ) какъ не тѣхъ, которые подаютъ примѣръ своимъ состояніемъ!» У такого мужа должна быть соотвѣтствующая ему жена, и Сарду сдѣлалъ истинную находку, опредѣливъ ея роль двумя словами, подводящими итогъ жизни современной парижанки: «Madame est sortie». Всегда, когда бы ни спросили, жены нѣтъ дома, дѣти, мужъ, все покидается для визитовъ, выѣздовъ, пріемовъ, вечеровъ и т. д. и т. д. Ни въ чемъ, можетъ быть, такъ не сказалась наблюдательность Сарду, какъ въ созданіи этой роли, состоящей всего, отъ начала и до конца пьесы, изъ двухъ только словъ, которыя вошли теперь во французскій языкъ почти какъ ноговорка. При такомъ отцѣ и при такой матери, понятно, ка-

кія могуть быть дёти, яблово отъ дерева не падаеть далево. Сынъ въ 15 лётъ поражаетъ уже сердца различныхъ автрисъ, ночи не ночуетъ дома, играетъ на биржё, проигрывается въ карты, держитъ пари на всёхъ скачкахъ, и хотя говоритъ о томъ, что пишетъ статьи о притупляющемъ вліяніи ученыхъ, но врядъ ли умёетъ читать по складамъ и, разумёется, не въ состояніи написать, безъ двадцати ошибокъ, двухъ словъ. До-чери слёдуютъ примёру своихъ матерей, и жизнь ихъ течетъ въ одной заботѣ, какъ бы не отстать отъ моды, которою онѣ въ однои заоотъ, какъ оы не отстать отъ моды, которою онъ поглощены отъ головы до ногъ. Все время ихъ проходитъ въ перемѣнахъ одного эксцентричнаго туалста на другой, въ зака-захъ, курсахъ, балахъ, театрахъ, скачкахъ, гдѣ на каждомъ шагу онѣ сталкиваются съ ихъ истинною моделью — женщиною полу-свѣта. Онѣ знаютъ все и всѣхъ, знакомы, если не лично, то за то со всѣми именами камелій, именами ихъ главныхъ любовнито со всъми именами камели, именами ихъ главныхъ люоовни-ковъ; подмѣчаютъ ихъ привычки, манеры, подслушиваютъ, когда ихъ ложи, по счастью, находятся рядомъ, всѣ ихъ слова, весь языкъ, и потомъ, во всей своей жизни, въ своихъ туалетахъ, своемъ разговорѣ, смѣхѣ и даже остроуміи, стараются имъ подра-жать. Когда свѣжій человѣкъ встрѣчается съ одною изъ дѣвицъ Бенуатонъ, онъ дурѣетъ отъ одного ея наружнаго вида, и когда она начинаетъ говорить, онъ не можетъ удержаться, чтобы не вскрикнуть: «да это княжна изъ сказовъ фей! Что ни слово, то изъ рта падаютъ лягушки!» Такова среда, которую изобра-зилъ Сарду въ «Famille Benoiton». Въ отвѣтъ на его равно-душный смѣхъ публика отвѣтила такимъ же смѣхомъ, какъ будто бы эта картина нравовъ не была вырвана изъ ея жизни. Успѣхъ этой пьесы толкаетъ автора по тому же пути и, че-резъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ снова даетъ произведеніе съ тѣмъ же сатирическимъ направленіемъ, но если только возможно, еще ближе касающееся настоящей минуты. Старый Парижъ, бывшій свидѣтелемъ всей исторіи Франціи, всѣхъ ея ясныхъ и темныхъ дней, которые для потомства часто также дороги, какъ и пер-вые, уступилъ мѣсто другому Парижу. На разгралинахъ стараго возвысился и продолжаетъ возвышаться новый, бросающійся въ глаза своею роскошью и своимъ великолѣпіемъ, городъ, съ пря-мыми и ровными улицами, съ двумя вытанутыми рядами однообковъ; подмѣчаютъ ихъ привычки, манеры, подслушиваютъ, когда

глаза своею роскошью и своимъ великолѣпіемъ, городъ, съ пря-мыми и ровными улицами, съ двумя вытянутыми рядами однооб-разныхъ домовъ. Въ этихъ домахъ, вмѣсто прежней простоты, глазъ постоянно наталкивается на золото и зеркала, украшающія всѣ стѣны отъ перваго этажа и до мансарды. Новые мѣха, есть посло-вица, требуетъ новаго вина, точно также и тутъ, новые дома по-требовали другихъ, новыхъ людей; и нужно сказать, эти послѣд-ніе отвѣчаютъ первымъ. Какъ въ домахъ все только наружный

блескъ, накладное золото, а внутри дурной и гнилой матеріалъ, такъ точно и въ этихъ новыхъ людяхъ, занявшихъ зеркальныя и раззолоченныя квартиры, все только одна вибшность, поверхность, все дълается для вида, а въ ихъ внутренней жизни го-сподствуетъ только мишурная пустота. И тутъ и тамъ одна только фальшь, которая на всёхъ парусахъ несеть общество въ страшную пропасть. Вотъ собственно основная мысль «Maison Neuve», проходящая черезъ всю пьесу отъ начала и до концадостоинство, которымъ ръдко отличается Сарду. Не будь въ этомъ произведении несчастнаго 4-го акта, годнаго только для какой-нибудь мелодрамы бульварнаго парижскаго театра, «Маіson Neuve» заняль бы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ театръ Сарду. Въ одномъ большомъ буржуазномъ семействъ онъ вывелъ на сцену два поколѣнія, изъ которыхъ одно живетъ воспоминаніями стараго, хорошаго времени, вѣчно новыми, горячими разсказами о доблестяхъ ихъ отцовъ конца XVIII столѣтія, а другое, скучающее всёмъ этимъ и даже непонимающее ихъ интересовъ, тянетъ въ другую сторону, гдъ гораздо чаще слышатся споры о лошадяхъ и танцовщицахъ, чёмъ о какихънибудь принципахъ. Одно изъ нихъ съ ненавистью смотритъ и на эти широкія улицы, и на эти пышные дворцы, и съ горечью выслушиваютъ каждый день извѣстія о разрушеніи того или другого квартала, другое спить и бредить: бульваръ Гаусманъ, авеню Наполеонъ и т. д. и т. д. Между старымъ и новымъ поколѣніемъ нъть примиренія, когда одно изъ нихъ восклицаеть: «Эта комната, этотъ домъ, эти портреты — все тяготитъ меня! Мебель какъ-то честна!.. Она глупа! Портреты добродътельны, они ничтожны! Все тутъ мертво, все принадлежитъ другому времени.... Это не Парижъ, а провинція.... Это не сегодня, а вчера.... Это не домъ, а сырой запахъ погреба и глупой добродътели! А въ двухъ стахъ шагахъ отсюда, новый Парижъ, блестящій, полный жи-зни, ума, лихорадочный, ослёпительный, разбрасываетъ по бульварамъ свои кипящія волны, гдё я слышу, какъ онъ гремитъ... Напротивъ, рядомъ, вокругъ насъ, вездъ ломаютъ, разрушаютъ все.... за исключениемъ этого неумолимаго дома, до котораго, кажется, никогда не доберется заступъ!» Въ послъднихъ словахъ слышно просто отчаяніе и неукротимое, страстное желаніе на-сладиться жизнію новаго Парижа или новой Франціи. «Ваши новые кварталы, новыя улицы, новые дома,---отвѣчаетъ старое поколѣніе, — все это одно тщеславіе, пустота!» Они высказываютъ существующую между ними разницу, когда одно съ гордостью произносить: «Мы зовемся молодымъ Парижемъ!» и когда другое спокойно говорить: «Въ наше время мы звались молодою Фран-

цією!» Два поколѣнія расходятся, одно остается жить въ своемъ старомъ, нетронутомъ пока кварталѣ, другое неребирается въ шумный и блестящій новый Парижъ, «кипящія волны» котораго скоро заставляють его захлебнуться и выбрасывають потомъ назадъ, какъ мертвое тѣло. Сатира бьетъ здѣсь не въ бровь, а прямо въ глазъ, она направлена не только противъ современнаго общества, но также и противъ тѣхъ, которые содѣйствовали его растлѣнію. Въ нравственномъ отношеніи цѣлая бездна отдѣляетъ теперь автора «Les Ganaches» отъ автора «Maison Neuve» и тотъ упрекъ, который ему дѣлали тогда, что онъ черезчуръ восхваляетъ побѣдителей, Сарду заставилъ измѣнить на другой, что онъ слишкомъ снисходительно рисуетъ побѣжденныхъ. Упрекъ этотъ не долженъ быть обиденъ для Сарду, потому что въ восхваленіи побѣжденныхъ всегда есть во сто разъ больше достоинства, чѣмъ въ лести побѣдителямъ.

Мы бы не узнали ничего новаго, если бы обратились къ остальнымъ десяти, пятнадцати пьесамъ, написаннымъ Сарду. Его талантъ, характеръ, стремленія — все это вполнѣ сказалось и опредблилось въ твхъ нъсколькихъ комедіяхъ, которыя прошли передъ нами. Его міръ — средній классь, его лица — зажнточные буржуа, съ ихъ неизбѣжными аттрибутами: добротою, чванливостью, глупостью, честолюбіемъ. Сарду тоже нивогда не разстается ни сь этимъ толстымъ слоемъ современнаго общества, ни съ этими драгоцёнными для него качествами, дающими такую богатую пищу насмѣшкѣ и каррикатурѣ. Въ цѣлой массѣ фигуръ, выведенныхъ авторомъ «Maison Neuve», не трудно отыскать одно общее свойство, именно преувеличенность всѣхъ чертъ. Какимъ бы порокомъ, какою бы добродътелью, какимъ бы хорошимъ или дурнымъ качествомъ онъ ни надълялъ своихъ персонажей, всъ отличительныя стороны ихъ характеровъ представлены не такъ, какъ онъ обыкновенно являются въ человъческой жизни, а какъ исключенія, феномены натуры. Опасаясь, что начерченныя имъ лица не будутъ представлять интереса, взятыя просто, такъ какъ опъ видитъ ихъ въ обществѣ, онъ утрируеть все то, что служить ихъ отличительнымъ признакомъ, глупость ли то, чванство или самодовольство, и потому часто, покидая копировку, фотографію, внадаеть въ шаржъ и каррикатурность. Эта наклонность въ таланть Сарду къ преувеличеніямъ, мѣшаетъ ему выводить вѣрные съ жизнію характеры, такія правдивыя фигуры, которыя могли бы служить типами изо-бражаемой имъ среды. Если мы упрекали Ожье за отсутствіе та-кого рода типовъ, позволяющихъ комедіи пережить эпоху ихъ появленія, то еще больше, во сто разъ больше, можно сділать

826

этоть укорь Сарду. Ожье все-таки стремился къ созданію этихъ вѣчныхъ или, по крайней мѣрѣ, долго-живущихъ типовъ, Сарду же, кажется, даже и не заботится о большей или меньшей неизмѣнности выведенныхъ имъ лицъ. Giboyer, д'Эстриго, Nava-rette, Vernouillet рисуютъ цѣлую эпоху, они останутся связанными съ послёдними двадцатью годами исторіи Франціи, они выражають собою цёлый періодь общественной жизни, между тёмъ какъ фигуры Сарду созданы однимъ только мъсяцемъ, днемъ, минутою. Мода не есть только принадлежность одной матеріальной жизни, она сказывается не только на покров платья, на формѣ кареты, на рисункѣ кресла или дивана, — она существуетъ точно также и въ нравственной жизни общества. Эта мода создаетъ въ одну минуту цѣлый классъ людей, которые начинаютъ говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ, напѣвать однѣ и тѣ же пъсни, подчиняются въ своихъ чувствахъ, манерахъ, въ требова-ніи, и потомъ вдругъ бросаютъ все это и перемъняютъ на что-нибудь другое съ такою же легкостью, какъ люди мѣняютъ высокія шляпы на низкія. Сарду именно воспроизводить въ своихъ пьесахъ эти скоропреходящіе типы, скоропреходящіе нравы, которые исчезають съ такою же быстротою, съ какою появляются на свёть: вчера ихъ никто еще не подозръвалъ, завтра никто больше не будеть о нихъ думать. Онъ приставилъ свой фотографический аппарать къ обществу и снимаеть съ него портреты, не заботясь о выборѣ тѣхъ минутъ, когда оно не дѣлаетъ никакихъ искусственныхъ минъ, никакихъ Гримасничаний. Сарду, напротивъ, даже любитъ гримасу, потому что она представляетъ ему болѣе возможности для смѣха, чѣмъ спокойнонормальный видъ этого общества, вызывающий даже у него подчасъ искривленную улыбку, вмѣсто хладнокровной насмѣшки. Но, не смотря на гримасу, не смотря на утрировку, къ которой такъ часто прибъгаетъ Сарду, его дъйствующія лица, стоя на далекомъ разстояніи оть неумирающихъ типовъ, все-таки заключають въ себѣ столько живого, вѣрно схваченнаго съ на-туры и сильно переданнаго, что они привлекають, и привле-кають законно вниманіе современниковъ на автора «Famille Benoiton».

Обращаясь теперь въ послѣдній разъ къ цѣлому театру Сарду, по всѣмъ его произведеніямъ, и заставивъ снова пройти передъ нами его сцены полныя движенія, смѣлости, его мастерское умѣнье вести дѣйствіе, его разговоры, вырванные изъ жизни и пропитанные часто умною насмѣшкою надъ современнымъ обществомъ, удачно переданныя имъ фотографіи, снимки съ уродовъ, сатиру, проходящую черезъ всѣ его послѣднія произведе-

нія, и иногда возвышающуюся даже до большой силы, группи-руя вмёстё всё эти серьезныя достоинства, говорящія о далеко не дюжинномъ талантё автора «Nos Intimes» «Famille Be-noiton» «Maison Neuve» — мы должны себя спросить, въ чемъ скрывается причина того неполнаго впечатлёнія, неудовлетворен-наго чувства, которое оставляеть по себё весь театръ Сарду? Мы достаточно ясно отвётимъ на этотъ вопросъ, если укажемъ на отсутствіе въ немъ сильной руководящей идеи, которое бро-сается въ глаза въ большей части его произведеній, и дёлаетъ то, что зритель принужденъ теряться въ догадкахъ, отыскивая часто напрасно, что желалъ сказать авторъ своею пьесою. Са-тира его, не имёя той опредёленности и рёзкости, которую мы вилимъ у Ожье, оставляетъ насъ въ недоумёніи относительно того, часто напрасно, что желалъ сказать авторъ своею несою. Са-тира его, не имъ́н той опредъ́енности и ръ́зкости, которую ми видить у Ожье, оставляеть насъ въ недоумъ́ніи относительно того, уго думаетъ самъ авторъ о тъ́хъ правахъ, людяхъ, обществъ́, кото-рое опъ выводитъ на сцену; считаетъ ил опъ, что осмъ́ннаемъ и общественный организмъ, или смотритъ на нихъ тавъ, какъ ноди, которые говоратъ: въ́дь и солнце не безъ нятенъ и ръ́шительно не знаемъ, мирится ил авторъ съ описываемой изъ средою или, напротивъ, онъ считаетъ себя въ числъ́ ез зъ какъ поди, которые говоратъ: въ́дь и солнце не безъ нятенъ и ръ́шительно не знаемъ, мирится ил авторъ съ описываемой и то-вибудь зучшее, что притягивало би къ себя его обображе-тоцупать своими руками. Во всъ́хъ его пьесахъ мы находиъ опъкъ копію съ нравовъ, фотографію съ нодей, но ръ́шительно инта своими руками. Во всъ́хъ его пьесахъ мы находиъ и олько копію съ нравовъ, фотографію съ нодей, но ръ́шительно и опъкъ своими руками. Во всъ́хъ его несахъ мы находиъ опъкъ своими руками. Во всъ́хъ его несахъ мы находиъ и одень для своето общества, какъ на идеалъ, къ которому оподолен отремиться. Этого идеала мы не только не видитъ, но амъ не чувствуемъ въ произведеніятъ Сарду, и нигдъ неза-тъ́нать столько, что онъ дурно поналъ значение реализа. Реа-въ́то стремление создать его себь возвыситься до него. Если би аради не чувствуемъ, то онъ дурно поналъ значение реализа. Реа-въ́нать, ишенный такого идеала, не требующаго идеала, то это имъ́къ, которко, казадъй проходащій день застальнеть ба́дитьта накодите имъ́къ, вабское, поское воспроизведені казальность ба́дитьти, накодить имень въ такомъ положени, и потому они, какъ цвъ́тъ, но истово кусовъ бъ́лой бумати. Произведені сарду находить бо́лько не собъ́лько и собъ́лько бо толожо, и положени, какъ цвъ́тъ, я́ и на менье коротъй періодъ времен, касобъ, продержавшись бо́

Но изъ того, что цвѣтокъ увядаетъ, нельзя однако сдѣлать заключенія, чтобы въ ту минуту, когда онъ еще свѣжъ, въ немъ не слѣдовало бы признавать красоту.

II.

Таланть Барьера представляеть полную противоположность таланту Сарду. Насколько у послёдняго все разсчитано, опредѣлено, насколько онъ ко всему относится съ равнодушіемъ, полнымъ спокойствіемъ, настолько же Барьеръ ни въ чемъ и никогда не ставитъ себъ впередъ границы и, необдумывая, бросается во всё стороны, куда только увлекаетъ его страсть. Кто не знаеть, вто не встричался съ этими раздражительными людьми, которые всё состоять кажется изъ однихъ нервовъ, съ этими вѣчно тревожными характерами, которые не знають покоя, которые постоянно переходять изъ одной крайности въ другую, воторые также быстро воспламеняются, какъ и быстро остывають и отъ страшной ажитаціи падають въ цёпенёющую апатію. Такова личность, таковъ характеръ Барьера. Онъ никогда, кажется, не бываеть въ нормальномъ состоянии, никогда не наслаждается минутою полнаго спокойствія, въ его организмѣ разлита повидимому ртуть, заставляющая его вёчно дрожать и волноваться, а тъ моменты неподвижности, въ которыхъ мы иногда застаемъ его, являются только какъ реавція послё сильнаго напряженія нервовъ, какимъ-то обманчивымъ, искусственнымъ затишьемъ послѣ громового взрыва страсти. Онъ весь принадлежить своему первому впечатльнію, головою и сердцемь отдается своему порывистому увлеченію, и разъ что пробила для него минута вдохновенія, ничто не въ силахъ прервать его быть, ничто не способно удержать его. При этомъ, разумъется, нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ всегда оставался въ предѣ- ` лахъ тонкаго приличія, чтобы онъ никогда не оскорблялъ вашего уха ръзкимъ словомъ, грубымъ выраженіемъ, чтобы онъ неслиш-комъ громко и дерзко засмъялся и не черезчуръ оглушительно свистёль взмахами своего погоняющаго внута. Если бы даже такое требованіе было и возможно, то мы все-таки не обратились бы съ нимъ къ Барьеру, потому что именно эти минуты, когда онъ ничего не помнитъ, минуты полнаго забвенія, когда имъ овладѣваетъ какая - то ярость, бѣшенство, негодованіе, когда иѣна показывается на его губахъ и когда онъ отдаль бы, кажется, свою жизнь, чтобы родъ человѣческій имѣлъ одну голову, съ цѣлью, какъ Неронъ, однимъ ударомъ отрубить ее, — эти минуты какъ

Томъ V. - Октябрь, 1862.

нельзя болёе хороши и увлекательны. Отнять ихъ у Барьера значило бы лишить его лучшаго, что есть въ его таланте. При этомъ можно спросить однако, насколько такая нервность пригодна для драматической дѣятельности, требующей главнымъ образомъ отъ человѣка, чтобы его собственная личность стушевывалась, чтобы онъ не вмѣшивался въ поступки и разговоры своихъ дѣйствующихъ лицъ, чтобы, однимъ словомъ, объектив-ность была въ немъ преобладающимъ качествомъ. Почти безвыходное нервное состояніе автора уничтожаеть, разум'ется, воз-можность удовлетворенія подобныхъ требованій; его внутренній организмъ слишкомъ бываетъ потрясенъ одною какою - нибудь мыслью, выражаемою тёмъ или другимъ дёйствующимъ лицемъ, чтобы онъ могь тотчасъ же сосредоточиться съ одинаковою силою на другомъ, можетъ быть, совершенно противоположномъ характерѣ. Подобная раздражительность мѣшаеть, конечно, цѣльности и послѣдовательности произведенія, потому что авторъ, мгно-венно вспылившій при одномъ словѣ, которое онъ же заста-вилъ произнести какое - нибудь выдвинутое имъ лицо, весь воспламеняется и отдается своему увлеченію, забывая при этожь, что на сцень есть другія дъйствующія лица, дожидающія тоже очереди сказать свое слово или совершить извёстный поступокъ. Вслёдствіе этого, дёйствіе иногда замедляется, останавливается, и цёлый актъ проходитъ безъ того, чтобы комедія или драма хоть на шагъ подвинулась впередъ. Вмёстё съ этимъ, есть еще и другая невыгода такой раздражительности и увлечения для драматическаго произведенія, соединяющемъ въ себѣ всегда нѣсколько характеровъ и состоящемъ изъ столкновенія ихъ между собою и развитія и борьбы ихъ взаимныхъ страстей. Невыгода эта заключается въ томъ, что авторъ, передавая одному какому-нибудь лицу все, что ему хочется высказать, вливая въ него всю свою злобу, весь свой гнѣвъ, занимается исключительно имъ, старается выставить его со встхъ сторонъ, освттить его полнымъ свѣтомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, другихъ оставляетъ въ тѣнн, недорисованными, недодѣланными. Можетъ быть, человѣкъ, об-ладающій такимъ нервнымъ характеромъ, такою способностью легко воспламеняться и съ жаромъ и большимъ краснорѣчіемъ легко воспламеняться и съ жаромъ и большимъ красноръчемъ высказывать свою мысль, можетъ быть такой человѣкъ былъ бы болѣе на своей дорогѣ, сдѣлавшись ораторомъ, чѣмъ драматур-гомъ, но тѣмъ не менѣе сила таланта вообще такова, что къ чему бы онъ ни былъ приложенъ, всегда будетъ полученъ боль-шій или меньшій результатъ. Талантъ Барьера былъ бы не по-лонъ, не ясенъ, въ немъ очевидно недоставало бы чего то, если бы онъ вдругъ потерялъ свою раздражительность, которая объ-

830

ясняеть большую часть какъ недостатковъ, такъ и достоинствъ его произведеній. Благодаря преобладанію въ немъ этой существенной стороны, талантъ Барьера съ трудомъ подвергается какому бы то ни было опредѣленію; признаніе одного какогонибудь достоинства опровергаеть, кажется, возможность извѣстнаго недостатка и присутствіе такого-то дурного бачества исключаетъ на видъ такое-то хорошее. Мы замъчаемъ въ немъ уди-вительную смъсь ръзкости вмъстъ съ такою подчасъ мягкостью, воторая переходить въ аффектацію, простота идеть рука объ руку съ искусственностью, искренность съ фальшью, грубость съ наивностью. Такая неровность его таланта объясняеть намъ неровность его драматической карьеры. Какъ изъ одного качества онъ быстро падаетъ въ недостатокъ, какъ поспѣшно онъ оставляеть дурную дорогу, чтобы перейти на хорошую, точно также онъ постоянно балансируетъ между большимъ успѣхомъ и полнымъ паденіемъ, никогда почти не встрѣчая середины. Нѣтъ ни одного другого драматическаго писателя, про котораго можно было бы съ большою увѣренностью сказать, чѣмъ явится то или другое его произведеніе, никто не можеть поручиться наканунѣ пер-ваго представленія пьесы Барьера, что она не будеть напоминать школьническаго труда, или что она не дасть сценъ очень замѣчательной комедіи или драмы. Его таланть походить на тѣхъ перемѣнчивыхъ красавицъ, которыя содинъ день васъ плѣняютъ своею прелестью, а на другой отталкиваютъ своимъ манерничаньемъ и гримасами. Оставляя въ сторонъ тъ несчастныя минуты, когда очевидно его толкаетъ какой-то злой геній, принуждающій его иногда писать самыя дикія драмы въ видѣ «Ange de Minuit» и самыя несносныя комедіи, таланть Барьера крайне симпатиченъ, не смотря на свою грубость и ръзкость. Онъ вызываетъ симпатію своею искренностью, которая всегда лежитъ въ основаніи его пьесы, и которою онъ никогда и ни для чего не пожертвуетъ. Если разъ, что онъ убъдился, что въ окружающемъ его обществѣ та или другая сторона достойна нападенія и презрѣнія, онъ не остановится ни на какихъ соображеніяхъ и выскажеть это съ свойственнымъ ему жаромъ и силою. Лишь только онъ подмѣтилъ въ этомъ обществѣ какую - нибудь новую недостойную черту, его нервный организмъ передергивается, и для него нѣтъ преграды, которую онъ не оттолкнулъ бы тяже-лымъ ударомъ. Таланть не знаетъ боязни, и Барьеръ менѣе чѣмъ кто-пибудь способень къ угодливости и лести. Онъ не станетъ, подобно Сарду, прикрывать свою насмѣшку какою-то добротою и снисходительностью, а напротивъ, онъ сдернетъ съ нее покрывало и бросить ее голою, какъ она родилась у него; онъ не

Digitized 53 GOOGLE

будеть, какъ это дёлаетъ авторъ «Famille Benoiton», заиски-вать у того общества, которое онъ осмё́иваетъ, онъ не станетъ подчиняться и вторить ему, чтобы добиться только апплодисментовъ. Барьеру нѣтъ дѣла до нихъ; въ своемъ увлеченіи, въ своей страсти его не руководятъ никакіе разсчеты, онъ не золо-титъ свои пилюли, онъ не подноситъ ихъ на серебрянномъ подтить свои пилюли, онъ не подносить ихъ на серебрянномъ под-носѣ, а бросаеть въ порокъ комками неискусственной грази, не спрашивая, пріятно ему это или нѣтъ; онъ не заботится о томъ, понравится онъ или нѣтъ, вызоветъ онъ свистки или рукоплес-канія, и едва ли при овладѣвшемъ имъ негодованіи онъ не пред-почтетъ первые послѣднимъ. Когда Сарду подсмѣивается надъ общественными пороками, мы остаемся въ недоумѣніи, или вѣрнъе, въ недовъріи. Мы не знаемъ, не раздъляетъ ли самъ авторъ этого порока и не пожалъетъ ли онъ, еслибы этотъ порокъ проньс, въ недовърня. Ина не знасять, не раздъляеть за самъ авторь этого порока и не пожалёеть ли онь, еслибы этоть порокь про-паль; мы чувствуемь, что онъ какъ будто бы примирился сь нимъ, и что, нападая на общество, онъ тѣмъ не менѣе поеть съ нимъ въ унисонъ, произведеніе его не говорить о томъ, чтобы онъ возвышался надъ уровнемъ своего общества. Туть же, у Барьера, сомнѣній быть не можетъ; его раскаленное слово, его огненная рѣчь, его возбужденные жесты, все говорить, что онъ искрененъ, что онъ не знаетъ лжи, что онъ ненавидить порокъ, и что онъ борется, или онъ хочеть бороться, не на животь, а на смерть. Нынѣшняя эпоха такъ скупа на искренность, и общество такъ не любить ее, что когда она встрѣчается въ драматическомъ писателѣ, и еще такъ цѣльно какъ у Барьера, то нѣтъ достаточной цѣны, которою можно было бы заплатить за нее. Искренность въ современной драмѣ получаетъ еще больше цѣны, чѣмъ когда бы то и гдѣ бы то ни было, если мы вспомнимъ, какое большое и важное мѣсто принадлежитъ въ ней сатирѣ. Такому горячему темпераменту, какимъ обла-даетъ Барьеръ, сатира свойственна болѣе чѣмъ, не смотра на всѣ данныя, которыя впередъ ручались за успѣхъ въ этомъ нанарочно для нея созданъ. И вмъстъ съ тъмъ, не смотря на всѣ данныя, которыя впередъ ручались за успѣхъ въ этомъ на-правленіи, и которыя должны были его сюда бросить, Барьеръ долго не попадалъ на предназначенную для него дорогу. Преж-де, чѣмъ онъ отдался сатирѣ, онъ написалъ цѣлую бездну все-возможныхъ драмъ, водевилей, фарсовъ, комедій, которыя, безъ сомнѣнія, носили на себѣ признаки его таланта, но тѣмъ не менье не давали его имени никакого авторитета. Нъкоторыя изъ его произведеній, нужно сказать правду, не имѣли рѣшительно никакого смысла, и падали при первомъ же представленіи, какъ самыя большія нелѣпости. Если чѣмъ-нибудь можно ослабить

832

вину въ этомъ Барьера, то разумѣется тѣмъ, что самая значи-тельная ихъ часть принадлежала не ему одному, а была напи-сана въ сотрудничествѣ съ однимъ или даже иногда съ двумя другими авторами. При этомъ мы не можемъ не замѣтить, что вообще во всей дѣятельности Барьера сотрудничество съ други-ми писателями является слишкомъ часто. Большинство его пьесъ написано съ чужою помощью, и нельзя думать, чтобы такое сов-мъстное писаніе одной пьесы оставалось бы безъ дурного вліянія. Оно разумѣется есть, пьеса лишается необходимаго для нея единства, она не пропитана однимъ духомъ, она не согрѣта тѣмъ жаромъ, который есть результатъ одного непрерывнаго вдохно-венія автора. Творчество должно быть прежде всего свободно, а вения автора. Пворчество должно окить прежде всего свосодно, а туть оно связывается другимъ такимъ же творчествомъ, такимъ же вдохновеніемъ, и мало-по-малу при совмѣстномъ писаніи искусство перейдетъ въ ремесло. Если даже относительно ремеслъ можетъ существовать вопросъ насколько вредна или выгодна слишкомъ большая спеціализація, то въ искусствѣ можно утвер-дительно сказать, что она его убиваетъ. Совмѣстное же писаніе одной пьесы есть не что иное какъ спеціализація: одинъ пишетъ злой характеръ, другой добрый, одинъ веселую сцену, другой печальную, и потомъ все это, какъ винигретъ, перемѣшивается. Ни одно великое произведеніе такъ не было и не будетъ написано. Это постороннее сотрудничество, конечно, не можетъ быть поста-влено въ число достоинствъ Барьера, а скорѣе должно быть от-несено къ его недостаткамъ. Оно непремѣнно обличаетъ недо-статочность его творческой фантазіи, ищущей себѣ помощи въ другихъ, и врядъ ли оказываетъ ему помощь даже въ томъ слу-чаѣ, если онъ обращается къ одному изъ своихъ собратьевъ, хо-тя бы только для уравновѣшенія своего всегда крайняго тона, то черезчуръ живого, то черезчуръ слабаго, то слишкомъ гру-баго, то аффектированнаго. На разъ, который сотрудничество принесло ему пользу, десять разъ оно сдѣлало ему вредъ, и не обращайся онъ къ нему, то вѣроятно мы бы не видѣли имя Барьера подписаннымъ подъ такою массою негодныхъ пьесъ, и онъ скорѣй бы попалъ на тотъ путь, гдѣ онъ нашелъ себѣ и имя и славу, и главное, гдѣ онъ нашелъ возможность съ пользою служить обществу, благодаря своему таланту. Какъ долго онъ не попадалъ въ свою колею и какъ долго онъ не могъ выд-винуть впередъ своего имени, такъ быстро же онъ пріобрѣлъ ему популярность и почетное мѣсто, разъ только, что онъ набрелъ на свою дорогу.

Мы смѣло можемъ оставить въ совершенномъ забвеніи тѣ первые десять лѣтъ драматической дѣятельности Барьера, въ

продолженіи воторыхъ онъ пробовалъ свои силы на всевоз-можныхъ бульварныхъ театрахъ, какъ въ самыхъ отчаянныхъ драмахъ, чуть не трагедіяхъ, такъ и въ донельзя безсмыслен-ныхъ фарсахъ; обратимся къ той зрѣлой эпохѣ, начинающейся съ 53 или 54 года, въ которую были написаны лучшія его произведенія, какъ «les Parisiens» «les Filles de Marbre» «les Faux Bonshommes» и нѣкоторыя другія болѣе или ме-«les Faux Bonshommes» и нёкоторыя другія болёе или ме-нёе удачныя вещи, на которыхъ проявился его сатирическій талантъ. Если бы мы слёдовали, говоря о Барьерѣ, тому самому плану, который руководилъ насъ при разборѣ Ожье и Сарду, мы должны были бы прежде обратиться къ политической, сатирѣ а потомъ перейти къ соціяльной; но мы не можемъ этого сдѣлать, и по очень простой причинѣ: Барьеръ не касается міра полн-тики. Съ правдивостью и прямотою, лежащею въ основанія его таланта, ему въ самомъ дѣлѣ мудрено дотрогиваться до тѣхъ больныхъ мѣстъ, которыя выносятъ только прикосновеніе или мягкой пріятельской руки, или такихъ искусныхъ пальцевъ, которые заставляютъ кричать только тогда, когда операція уже кончилась, и когда поздно ее остановить. Барьеръ же не обладаетъ ни такою мягкостью, ни такимъ искусствомъ; разъ, что онъ ка-сается чего-нибудь, то онъ не принимаеть никакихъ предосто-рожностей, а налагаетъ свою тяжелую и грубую руку безъ вся-кихъ церемоній и извиненій; наружность его такъ сурова, чю часто онъ заставляють кричать оть одного своего внда, въ ту мнкихъ церемонии и извинении; наружность его такъ сурова, что часто онъ заставляетъ кричать отъ одного своего вида, въ ту ми-нуту, когда у него нѣтъ ни малѣйшаго дурного замысла. По этому тѣ, которые имѣютъ интересъ, чтобы онъ не дотрогивался до по-литической области, самымъ тщательнымъ образомъ разсматри-ваютъ его произведенія, и довольно чтобы они открыли какой-нибудь самый ничтожный намекъ не только на современный понибудь самый ничтожный намекъ не только на современный по-рядокъ, но на какое-нибудь даже историческое лицо, разумѣется родственное этому порядку, чтобы они тотчасъ же наложили на пьесу запрещеніе. Такъ случилось это съ одною изъ послѣднихь его комедій «Malheur aux vaincus», остановленною цензурою только потому, что первое дѣйствіе происходило въ день бѣгства Наполеона I въ 1815 г., и что имя его пѣсколько разъ упомина-лось дѣйствующими лицами. Другой причипы не могло быть, по-тому что вся пьеса направлена исключительно противъ тѣхъ, ко-торые измѣнили ему, а слѣдовательно не противъ тѣхъ, ко-торые остались ему вѣрны. Но на ворѣ, говоритъ пословица, шапка горить, и потому, хотя въ пьесѣ не было ничего имъ враждебнаго, но они все-таки отнесли къ себѣ основную мысль пьесы: Vae victis! Понятно, что было бы съ пьесою Барьера, еслибы онъ взялъ сюжетомъ современный политическій порядокъ,

Digitized by Google

١

и съ такою же бы жесткостью выставилъ тѣхъ, которые въ 1848 году измѣнили республикѣ, какъ онъ нарисовалъ тѣхъ, которые отъ Наполеона перебѣжали къ Бурбонамъ. Для правдиваго и безъискусственнаго таланта, нуждающагося главнымъ образомъ въ свободѣ для передачи своей мысли, и не умѣющаго прикрывать ее, политическая сатира въ настоящую минуту представляетъ столько подводныхъ камней, что, разумѣется, ни одна пьеса Барьера разбилась бы объ нихъ; поэтому онъ до такой степени избѣгалъ ее, что даже свою соціальную сатиру «les Parisiens,» которая рисуетъ настоящее общество, онъ помѣтилъ 1839 годомъ, опасаясь, разумѣется, чтобы ему не сказали, что на полотнѣ его соціяльной картины слишкомъ виднѣется политическая для того, чтобы можно было допустить ее для показа публикѣ.

бликѣ. Но тотъ или другой выставленный годъ подъ пьесою Ба-рьера мало кого можетъ обмануть; жаръ, съ которымъ онъ караетъ пороки, страсть, вложенная въ уста его любимаго героя, ѣдкіе упреки и удары, которыми онъ не бьеть, а хлещетъ пред-ставителей этого фальшиваго 39 года, ручаются за то, что эти пороки и эти люди живутъ около самого автора и окружаютъ его со всѣхъ сторонъ. Прошедшее никогда не вызываетъ такой ѣдкости, какъ настоящее, оно заставляетъ человѣка быть болѣе хладнокровнымъ. Какъ онъ назвалъ свою пьесу «les Parisiens», такъ точно же онъ могъ назвать ее «les Français» потому что въ ней онъ собразъ образчики всѣхъ элементовъ составляющихъ въ ней онъ собралъ образчики всёхъ элементовъ, составляющихъ современное общество не только одного Парижа, но всей Фран-ціи. Парижъ есть только высшее выраженіе ея, и если въ немъ есть тѣ нѣкоторыя дурныя формы, отъ которыхъ избавлена осталь-ная страна, то за то въ немъ есть то хорошее, чего она тоже не имѣетъ. Дурно или хорошо, но фактъ тотъ, что Парижъ въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою голову Франціи, что все, что въ немъ дѣлаютъ, стараются дѣлать и тамъ; все, что онъ начинаеть думать, начинаеть думать и провинція, что всё тё классы, которые выдвинулись здёсь, болёе или менёе въ каррикатурномъ которые выдвинулись здесь, оолее или менбе въ каррикатурномъ видѣ, выдвинулись и тамъ, однимъ словомъ, рисуя парижанъ Барьеръ нарисовалъ французовъ, обличая Парижъ онъ обличалъ всю Францію. Если Барьеръ начертилъ намъ въ «Parisiens» всѣ классы общества, если онъ представилъ намъ въ господинѣ Mar-tin буржуа средней руки, который нажилъ себѣ большое состоя-ніе лимонадомъ, и прошедшаго что-называется всю подноготную жизни, отъ лакейства, въ маленькомъ трактирѣ и до покупки стариннаго замка одного юнаго графа, представляющаго собою тотъ слой промотавшихся аристократовъ стараго порядка, кото-

<u>،</u> ۱

835

рый забывъ «преданія отцевъ» женится на деньгахъ какого-нибудь банкира. Если мы видимъ тутъ представителей крупной буржуазіи, мечтающихъ о высшихъ государственныхъ должно-стяхъ и пріобрётеніи себё титула; если мы видимъ представи-телей этой мелкой расплодившейся прессы, которая «какъ моська лаеть на слона» и старается унизить всякое истинное достоинство, вотораго она не понимаетъ; если мы видимъ здъсь тотъ классъ недорослей, воторые идеадомъ жизни своей ставятъ: хорошую 10шадь, хорошій об'ёдъ, хорошую любовницу и хорошее платье; если всё классы общества нашли себ'ё представителей въ пьес Барьера, — то только для того, чтобы дать ему возможность про-тивопоставить имъ всёмъ свой идеалъ, своего любимаго героя, въ которомъ воплощается крутая сатира автора. Главная личность, главный типъ, для котораго написана была вся пьеса и которому пожертвованы авторомъ всъ остальныя почти лица, 30вется Desgenais. Фигура эта принадлежитъ собственно Барьеру, и она является во всёхъ его произведеніяхъ. Desgenais-это ходячая мораль, вездё присущая сатира, это скептикъ, мизантропъ, Альцестъ нашего времени. И днемъ и ночью онъ только и видить предъ собою, что картину развращенныхъ нравовъ и раз-вращенныхъ людей; но онъ не плачетъ, онъ не высказываетъ сожальній, онъ не жалуется на это, какъ жалуется Альцесть Мольера; нѣтъ, онъ бичуетъ общество своею сатирою, онъ бросаеть въ него грязью, онъ преслёдуеть его своею насмѣшкою н даже своею бранью. Онъ не хочеть, онъ не старается тронуть людей, представляя имъ какъ черны ихъ поступки, какъ недостойны ихъ чувства; онъ знаетъ, что самыя благородныя сен-тенціи, самое высокое нравоученіе можетъ только вызвать на-смѣшку и циническій хохотъ у людей его времени. Альцестъ долженъ былъ переродиться, чтобы не быть комичнымъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ переродился, и вмѣсто жалобныхъ словъ мы только и слышимъ, что свистъ отъ ударовъ его длиннаго бича. Онъ никого не щадитъ, ни для вого не дълается мяговъ, снисходителенъ, ядъ постоянно на концѣ его языка и онъ касается имъ до всѣхъ и до всего. Просятъ его или не просятъ, онъ всёмъ высказываетъ открыто свое мнёніе, не стёсняясь ничёмъ, и чёмъ рёзче его нападенія, чёмъ сильнёе его удары, тёмъ онъ болѣе доволенъ собою. Desgenais не имѣетъ общественнаго по-ложенія, онъ тоже прошелъ черезъ многое, былъ и журнали-стомъ, и романистомъ, и живописцемъ, и музыкантомъ и теперь объявляетъ, что онъ «ничего». Онъ ходитъ по бѣлому свѣту, или върнъе по черному, и всюду размахиваетъ своимъ хлыстомъ. Обличеніе развращаемаго общества такова задача, которою онь

задался. Кто бы ни попался ему на встрёчу, онъ никого не пропустить, онъ никёмъ не брезгаеть. Попадается ему слуга, подымающій свой носъ передъ тёми, кто вёжливо обходится съ нимъ, онъ кричить ему: «А, негодяй! вы презираете тёхъ, которые обходятся съ вами какъ съ людьми; такъ вы будете уважать тёхъ, которые будуть съ вами обращаться, какъ съ собаками.» Попадается ему журналистъ мелкой прессы, хвастающій тёмъ, что онъ отдёлаль такой-то и такой таланть, Desgenais прерываеть его словами: «Однимъ словомъ, если вы сами бездёльничаете, то вы по крайней мёрё заплевываете то, что дёлають другіе.... для этого не нужно таланта, а только слюну.» Нигдё такъ цёльно не рисуется характеръ новаго Альцеста, какъ въ одной сценѣ перваго акта «Parisiens», для которой конечно и была написана вся пьеса. Сатира Барьера принимаетъ здёсь такой рёзкій характеръ, что еще одна черта, и она перейдетъ кажется въ брань; но сцена эта особенно дорога, потому что она рисуетъ намъ въ одно время вмёстѣ съ героемъ Desgenais и самого автора, которые похожи другь на друга какъ два близнеца. Всё представители различныхъ элементовъ французскаго обще-

Всѣ представители различныхъ элементовъ французскаго общества собрались за завтракомъ въ столовой молодого графа Пентре, спекулирующаго на биржѣ вмѣстѣ съ буржуа высшаго полета, своимъ будущимъ зятемъ. Современному Альцесту не ловко дѣлается въ этой средѣ, онъ начинаетъ уже задыхаться, когда однимъ ухомъ онъ слышитъ: «Послѣ завтра должно быть возстаніе въ Парижѣ, разсчитываю на панику, фонды понизятся страшно, покупайте съ увѣренностью, потому что я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что всѣ мѣры приняты... можно нажить цѣлое состояніе», а съ другой стороны говорятъ: «я пью за капиталъ, за пять на сто!» Онъ не можеть болѣе вытерпѣть и въ дребезги ломаетъ свой бокалъ съ шампанскимъ. Все общество хохочеть и требуетъ тоста отъ мизантропа. «Пусть будетъ по вашему, вскакиваетъ Desgenais, я пью за ваше здоровье, я пью за развращенныхъ парижанъ.... я пью за паразитовъ, которые завтракаютъ при помощи лести и ужинаютъ при помощи низости, я пью за завистливую ничтожность, которая мститъ за свое ничтожество, марая другихъ; я пью за новыхъ людей, все оскорбляющихъ, за ядовитыхъ гадовъ, царапающихъ всѣхъ тѣхъ, которые прославляются, я пью за васъ, говоритъ Desgenais, обращаясь въ представителю продажной пресы.» Всѣ остальные представители разныхъ классовъ общества хохочутъ, при этихъ словахъ, надѣясь, что тостъ не коснется ихъ самихъ, каждый изъ нихъ радъ обидѣ причиненной другому, между всѣми ими существуетъ зависть и ненависть. Но Альцестъ не останавливается на своемъ тоств и желая, чтобы всёмъ сестрамъ досталось по серьгамъ, продолжаетъ: «Я пью за самолюбивую и раззолоченную глупость, которая считаетъ, что деньги, которыми она обладаетъ это все, а разумъ, который имъютъ другіе, признаетъ за ничто; я пью за васъ, говоритъ онъ обращаясь къ представителю низшей буржуазіи; я пью за твхъ сыновей знатныхъ семействъ, которые безъ сожалёнія продаютъ замки ихъ отцевъ, за твхъ, которые только и умѣютъ, что таскать свои славныя имена по спальнямъ да кабакамъ, говоритъ онъ обращаясь къ представителямъ современной аристократіи; я пью за твхъ, которые спекулируютъ на волненія и распри ихъ родины! Безчувственные дѣти, желающіе обогатиться смертью своей матери, я пью за васъ, обращается онъ къ представителю высшей буржуазіи.» Все поведеніе, всѣ поступки Desgenais въ этомъ родѣ. Онъ не выбираетъ дороги, гдѣ ему удобнѣе или спокойнѣе пройти къ цѣли, онъ всегда идетъ прямо, не останавливаясь передъ тѣмъ, что есть страннаго и дикаго въ его дѣйствіяхъ. Онъ всюду носить съ собою сатиру и мораль, онъ читаетъ нравоученія и знакомымъ и незнакомымъ.

Говоря о сатирѣ въ «Parisiens», мы не можемъ туть же не сдѣдать одного упрека Барьеру: это нѣкоторая непропорціональность между обличителемъ и обличаемыми, въ которой авторъ, помимо своей воли, сознается въ концѣ пьесы. Для такого яраго бойца, какимъ выставленъ Desgenais, враги его слишкомъ ничтожны, порокъ въ нихъ недостаточно ярко бросается въ глаза, ихъ испорченность не показана такъ явно, чтобы сдѣлать понятнымъ все бѣшенство Альцеста. Мы должны болѣе догадываться въ первомъ и второмъ актѣ, что всѣ онн гнилы до мозга своихъ костей, мы должны на слово вѣрить грозному мизантропу, когда онъ, неморгнувъ глазами, казнитъ ихъ развратъ, мы ждемъ, что впослѣдствіи они болѣе обрисуются. Но на дѣлѣ оказывается не такъ. Барьеръ, вспылившій въ самомъ началѣ пьесы, разразившись противъ выставленнаго имъ общества самою горькою и даже грубою сатирою, мало-по-малу утихаетъ и наконецъ совершенно успокоивается. Онъ, точно усталый, видитъ вѣчно передъ собою одну мрачную картину общественныхъ нравовъ, закрываетъ кажется глаза и начинаетъ въ своемъ воображеніи строить воздушные замки и мечтать объ исправленіи, примиреніи и раскаяніи; и въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ «Рагівіепs», весь этотъ людъ эпохи паденія вмѣсто того, чтобы затаить въ себѣ ненависть къ этому общественному карателю и ожесточиться за брошенныя въ него оскорбленія, становится магокъ какъ воскъ и добродѣтеленъ почти также, какъ и самъ Desgenais. Одно изъ двухъ, или авторъ «Parisiens» такъ самолюбивъ, что полагаетъ, что сатира его настолько сильна, что можетъ исправить самыхъ закоснѣлыхъ въ развратѣ людей, или, что, конечно, гораздо правдоподобнѣе, —Барьеръ, сосредоточивъ все свое вниманіе на одномъ лицѣ, не придалъ другимъ необходимую силу, которая не позволила бы сравнить ихъ съ послушными куклами, на которыхъ упражняется полновѣсная рука Desgenais. Большая выпуклость одной фигуры заставляетъ казаться всѣ остальныя лишенными даже того рельефа, которымъ они обладаютъ сами по себѣ.

ладають сами по сеов. Этого упрека нельзя сдёлать другой пьесё Барьера, въ ко-торой мы точно также, какъ и въ первой, находимъ сатирическую фигуру Desgenais, пропитанную насквозь моралью, но только на этотъ разъ преобразовавшуюся въ артиста: Thévenot. «Les Faux Bonshommes» гдё мы встрёчаемъ его, считается лучшимъ произведеніемъ Барьера и вообще одною изъ самыхъ замёчапроизведением в Барвера и восоще одного пов самило симот тельныхъ современныхъ пьесъ. Она, главнымъ образомъ, вмѣстѣ съ «Parisiens», утвердила за авторомъ ту репутацію, которою онъ пользуется, и ся успѣхъ принадлежалъ къ тому роду басноонъ пользуется, и ея успъхъ принадлежалъ въ тому роду оасно-словныхъ успѣховъ, воторые прямо производятъ произведеніе въ чинъ чуть не chef d'oeuvre'a. Не смотря на то, что пьеса была подписана двумя именами: Барьеромъ и Капандю, воторый умеръ въ началѣ нынѣшняго года, одному Барьеру былъ приписанъ весь успѣхъ, и онъ одинъ увѣнчанъ былъ лавровымъ вѣнкомъ. Во всѣхъ достоинствахъ этой пьесы, публика узнала автора «Pa-risiens», и потому на другое имя она почти-что не обратила вни-манія. Собственно говоря, «les Faux Bonshommes» представляетъ собою не что иное, какъ рядъ сценъ, эскизовъ замъчательныхъ по таланту, по силъ, по ловкости, но пьесы въ строгомъ смыслъ по таланту, по силв, по ловкости, но пьесы въ строгомъ смыслъ слова тутъ нѣтъ. Интрига стоитъ на второмъ, если не на тре-тьемъ планѣ, ее невольно забываешь, глядя на фигуры Пепоне, Вертильяка, Баскура, и слушая ихъ разговоры, не относящіеся къ интригѣ, а вообще о дѣлахъ житейскихъ. Еслибы авторъ даже умудрился какъ-нибудь совершенно обойтись безъ интриги, то пьеса отъ этого хотя бы и не выиграла, но навѣрно и не проиграла бы; она является въ «Faux Bonshommes» вводньютрала ом, она изластся вы станх понянонинса» выд-нымъ, а не главнымъ предложеніемъ, которое выражается вы-веденными типами, нѣсколько утрированными, но отъ этого не менѣе разумными. Сопоставленіе нѣсколькихъ личностей, подобнымъ Пепоне и Вертильяку, ихъ разговоры, сужденія, слова, рисующія однимъ мигомъ цёлый характеръ, цѣлую среду, все ихъ нравственное уродство, полны мѣткости, ѣдкаго остроумія, и не смягченной насмѣшки. Какую богатую пищу для Thé-

venot представляють всё эти люди, которыхъ онъ встрёчаеть въ жизни на каждомъ шагу, и которые расплодились какъ мухи. Но преобразившіеся Desgenais, или какъ самъ авторъ, въ другой своей пьесѣ, называетъ его Діогеномъ, преобразившійся Альцестъ, во-тораго мы видѣли въ «Parisiens» съ пёною у рта, съ огнемъ тораго мы видёли въ «Parisiens» съ пёною у рта, съ огнемъ въ душё, выбрасывающимъ свое пламя наружу, понялъ теперь, встрётившись съ обществомъ Баскуровъ, что его прямые ёдкіе упреки, его горячія нападки, его филиппики противъ порока остались бы безъ дёйствія на этихъ людей, что они ничего бы не поняли въ его гнёвё, до того низокъ ихъ нравственный уровень, и что онъ вызвалъ бы только въ свою очередь насмёшку надъ своею «непрактичностью». Онъ подавилъ на время свой внутрен-ній огонь и вышелъ противъ нихъ, сдёлавъ только огромный за-пасъ равнодушія, жесткости, и даже цинизма. Онъ не ведетъ съ ними борьбы, а только подходитъ въ нимъ, смотритъ, слушаетъ ихъ и заноситъ всю эту коллекцію въ свой богатый современный альбомъ, посвященный «les Faux Bonshommes». Къ какому же классу принадлежатъ эти люди. бороться съ которыми явно, съ классу принадлежать эти люди, бороться съ воторыми явно, съ оружіемъ въ рукахъ, считаетъ для себя невозможнымъ, безплод-нымъ этотъ вѣчный боецъ, этотъ рыцарь добродѣтели, Desge-nais или Thévenot. Мы видѣли уже этихъ людей только начерпаіз или Thévenot. Мы видёли уже этихъ людей только начер-ченныхъ не съ такою силою, не съ такою циническою откро-венностью, не съ такою правдою, потому что тамъ замёшива-лась боязнь этого самого люда, мы видёли ихъ у Сарду, — это все та самая буржуазія, которая дала намъ Бенуатоновъ и ге-роевъ «Maison neuve». Нельзя удивляться тому, что мы встрё-чаемъ ихъ у каждаго современнаго драматурга-сатирика. Буржу-азія въ наше время является во Франціи самымъ распространен-нымъ, господствующимъ классомъ общества. Ея царство некончи-лось съ паденіемъ іюльской монархіи, она продолжаетъ диктовать законы и только измёнилась въ томъ, что присоединила къ себё военный элементъ. Она вездё, всюду она простерла свою власть. Она втерлась въ поавительство. лержа его въ рукахъ своими ка-Она втерлась въ правительство, держа его въ рукахъ своими ка-питалами, и мы видимъ, что люди, часто стоящіе на самой вышинѣ правительственной лѣстницы, вмѣстѣ съ тѣмъ и биржевые игроки; они ведутъ дѣла, но съ тайной мыслію, чтобы ходъ этихъ дѣлъ они ведуть дъла, но съ тайной мыслію, чтобы ходъ этихъ дълъ былъ выгоднымъ для ихъ финансовыхъ разсчетовъ и биржевыхъ операцій; она въ сенатѣ, въ законодательномъ корпусѣ, гдѣ представляетъ собою большинство, поддерживающее правитель-ство, потому что правительство поддерживаетъ ее, она служитъ опорою клерикальной партіи, потому, что клерикальная партія борется постоянно противъ главнаго врага этой буржуазіи—мо-лодой республиканской партіи, ея единственной грозы. И бур-

840

жуа и клерикалы находять во взаимной поддержкѣ огромную помощь и въ борьбъ противъ молодыхъ поколений Франции обоюдную выгоду. Буржуазія видить въ нихъ будущую республику, которая должна смёнить ихъ господство, клерикалы видять въ нихъ науку, которая должна уничтожить всв предразсудки-силу католической власти и источникъ ихъ богатства. Ни одна область, даже область литературы, журнализма не избъгла подданства буржуазіи. Большинство газеть, журналовь находятся на содержа-, ній у одного или нёсколькихъ финансистовъ, диктующихъ имъ поведеніе, политическую миссію, то, что журналь должень защищать и то, на что онъ обязянъ нападать. Три, четыре газеты не находятся только подъ этимъ игомъ. Буржуазія торжествуетъ повсюду, она мозолить глаза всёмь и каждому; понятно, что драматическій писатель, для котораго общество служить моделью, постоянно натыкается на нее, и такъ какъ никакой другой классъ не представляетъ столько достойнаго насмѣшки и порицанія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что буржуазія служитъ предметомъ сатиры для современныхъ писателей. Въ «Faux Bonshommes» Барьеръ нарисовалъ темныхъ людей этой буржуазіи, богатыхъ, но низкихъ по положенію представителей этого класса. Причина понятна; рисуя Пепоне и Баскуровъ, онъ могъ быть свободенъ въ своемъ смѣхѣ, никакая посторонняя власть, вромѣ его вдохновенія, не остановить его ръзкихъ сатирическихъ выходокъ, между тъмъ какъ другіе, высшіе правительственные буржуа защищены цензурою оть слишкомъ явныхъ и нецеремонныхъ шутокъ Барьера. Но въ сущности между портретами тёхъ и другихъ большой разницы нътъ; фонъ, содержание тоже, только вившность другая. Если «Parisiens» более цельная пьеса, чемъ «les Faux Bonshommes»; если тамъ есть болѣе жара, увлеченія; если вся натура Барьера, нервная и раздражительная, сказывается полнѣе, то за то тутъ нельзя не признать несравненно большей выдержанности въ характерахъ, болѣе остроумія, жизни, нѣсколько врайне замѣчательныхъ, напоминающихъ большихъ мастеровъ, діалоговъ, однимъ словомъ, талантъ тутъ сильнѣе бросается въ глаза. Еслибы всё сцены въ «les Faux Bonshommes» были одинавоваго достоинства съ крайне замѣчательною сценою брачнаго торга или контракта въ третьемъ актѣ, то пьеса эта долго бы пережила ся автора. Но помимо той или другой преврасной сцены, туть есть бездна отдёльныхъ словъ, замёчаній, черточекъ, которыя заставля-ютъ догадываться что за натура, что за нравы, что за развитіе этихъ людей. Именно эти черточки, которыя заставляютъ догадываться насъ о другомъ, что сказано самимъ авторомъ, и есть достоинство сильнаго, хотя и часто спотывающагося, невыдержаннаго та-

ланта Барьера. Какъ въ живыхъ людяхъ, которыхъ мы встрѣ-чаемъ каждый день въ обществѣ, есть много такого, о чемъ мы только можемъ догадываться, и что̀ они тщательно скрываютъ, такъ точно и въ лицахъ комедіи или драмы многое должно быть такъ нарисовано, чтобы зритель могъ сказать себѣ: «я тебя вижу насквозь, ты вотъ это и это скрываешь, но меня ты не проведешь».

пасьнова, ты воть это и это скрываень, но жена ты не про-ведень». В cles Faux Bonshommes> и въ cles Parisiens> сложнинся котутъ служитъ градусникомъ таланта Барьера. Если ему можно справедливо сдбаать упрекъ въ томъ, что пьесы его лишени всякаго искусства, что онъ не заботится объ отдбъкѣ каждой цени, а оставляетъ есе въ первоначальномъ своемъ вид, не инифуетъ и не выглаживаетъ съ первоначальномъ своемъ вид, ие инифуетъ и не выглаживаетъ съ первоначальномъ своемъ вид, ие инифуетъ и не выглаживаетъ съ первоначальномъ своемъ вид, ие инифуетъ и не выглаживаетъ съ первоначальномъ своемъ вид, ие инифуетъ и не выглаживаетъ съ первоначальномъ своемъ вид, ие инифуетъ и не выглаживаетъ съ первоначальномъ своемъ вид, ие инифуетъ и не выглаживаетъ съ перваго раза отлившагося про-восовленности и недодълът сто именно и помогаетъ тому, что ва конченности и и недодълът его пьесъ можно легко судить, что онъ конченности и нецодълът ото дълки. Ему не хватаетъ терпиас которая необходника важдому истинному артисту, любы, которая не аетъ художнику силы разстаться съ взанабанною инъ мыслію и за-ставляющей его гладитъ и переглаживать каждый наброшенный имъ пъ пърихъ. Онъ обращается съ своими проязведеніями, кажьото кубо, рбако, сообразно своей раздражительной натурѣ. На язикѣ его лежитъ тоже печать дихарадочнаго состоянія; то онъ сѣза-тота приторно-сладкимъ, то вдругь бросается въ полную проть кубор, рбако, сообразно своей раздражительной натурѣ. На язикѣ его приторно-сладкимъ, то вдругь бросается въ полную проть какъ въ общемъ выполнени его плана. Онъ не можетъ заста-врательность и становится жесткимъ, недержаннымъ, циничес-кавъ въ общемъ выполнени его плана. Онъ не можетъ заста-врать себя привести всё сцены въ гармена, макъ се такъ, какъ убрисовываеть положени его солодствуеть надь сердемъ, такъ изъ себя привести всё сцены въ гармена, онъ не можетъ заста-въннось вяз его головы и, еще болёе, вяз его серда. Какъ у барьера наобороть – голова вполнѣ подчинена ему. Вото, самоть Въ «les Faux Bonshommes» и въ «les Parisiens» сложились

842

бурной и горячей сцены дъйствіе начинаеть такъ тащиться, что зритель теряеть терпёніе, и хорошо, если еще не прибъгаеть къ шиканью.

шиканью. Однимъ словомъ, все, что въ Барьерѣ есть дурного, но за то и все, что есть хорошаго, исключительно принадлежитъ его талантливой натурѣ, искусство при этомъ ни въ чемъ неповинно, оно не касается произведеній Барьера. Онъ не знаетъ даже, кажется, самыхъ простыхъ техническихъ правилъ, которыя необходимы для драматурга, и которыми другіе такъ хорошо пользуются, что часто изученная техника сцены проходитъ за талантъ. Можетъ быть, если бы искусство вести сцену такъ или иначе, освѣщать въ данную минуту выведенное лицо такимъ или другимъ свѣтомъ, было болѣе знакомо Барьеру, можетъ быть тогда пропали бы вмѣстѣ съ нѣкоторыми `недостатками и нѣкоторыя достоинства его таланта. Мы не знаемъ, сохранилъ ли бы онъ тогда свѣжесть. вмёстё съ нёкоторыми недостатками и нёкоторыя достоинства его таланта. Мы не знаемъ, сохранилъ ли бы онъ тогда свёжесть, теплоту, которою отличаются всё произведенія Барьера, не полу-чилъ ли бы онъ нёкоторую сухость, отъ которой не ускользаетъ большая часть современныхъ произведеній. Въ немъ нётъ и по-мину о ней. Его фигуры не мертвы, онё живутъ, и Барьеру можно сдёлать развё упрекъ, что онъ выводитъ ихъ передъ публикою такъ, какъ онъ нашелъ ихъ, грязными, невымы-тыми и невыбритыми, съ ихъ нёсколько кабацкими мане-рами и подчасъ съ извощичьимъ языкомъ; но грубый, неуклю-жій талантъ Барьера какъ бы нарочно и созданъ для ихъ вос-произведенія. Онъ не обладаетъ никакимъ хладнокровіемъ, сдер-жанностью, напротивъ, въ каждомъ словъ его слышны заносчипроизведенія. Онъ не обладаеть никакимъ хладнокровіемъ, сдер-жанностью, напротивъ, въ каждомъ словѣ его слышны заносчи-вость и неприкрытая гордость и презрѣніе къ своему обществу. Нигдѣ такъ сильно не сказывается эта несдержанность, какъ въ тѣхъ мѣстахъ его произведеній, гдѣ насквозь прорывается его нравственное чувство, его моральная сторона. Всѣ произведенія Барьера заключаютъ въ себѣ нравственную задачу и это состав-ляетъ для сатирика то достоинство, которое возвышается надъ всѣми прочими качествами и недостатками автора «les Faux всёми прочими качествами и недостатками автора «les Faux Bonshommes». Нравственное чувство ни въ одномъ изъ совре-менныхъ драматурговъ не развито болёе, чёмъ у Барьера; оно вырывается у него минутами, какъ крикъ его души, ужаленной порокомъ; онъ инстиктивно ненавидитъ развращенное современ-ное общество, и эта ненависть слышится во всёхъ его произ-веденіяхъ. Она находитъ себѣ выходъ въ рѣзкихъ и горячихъ тирадахъ, примѣръ которыхъ мы видѣли въ «Parisiens», она выливается въ цѣломъ потокѣ такихъ словъ, обвиненій и уко-ровъ, которыми онъ бросаетъ во все общество. Онъ не огра-ничивается, какъ Сарду, однимъ хладнокровнымъ изображеніемъ

общественныхъ уродливостей; нѣтъ, онъ близко принимаетъ ихъ къ своему сердцу, не зараженному общею заразою, онъ чувствуетъ въ свой груди неисчерпаемый источникъ сарказмовъ, насмѣшекъ, съ которыми онъ выступаетъ на встрѣчу всѣхъ пороковъ его времени. Онъ борется съ ними, отбросивъ въ сторону всякую деликатность, не надѣвая на свои руки мягкихъ перчатокъ, чтобы ударъ не былъ такъ чувствителенъ: чѣмъ сильнѣе и чѣмъ больнѣе тѣмъ лучше для Барьера. Вотъ почему горячая сатира его имѣетъ несравненно большее нравственное значеніе, чѣмъ холодная насмѣшка Сарду.

Разставаясь съ Барьеромъ, мы разстаемся вообще съ сатирою на театрѣ. Если мы и встрѣтили бы ее въ такихъ писателяхъ, какъ Александръ Дюма, то не болѣе какъ легкую окраску, но нигдѣ мы не найдемъ ее занимающею главное мѣсто, выставленною на первомъ планѣ. Бросая послѣдній взглядъ на дѣятельность Сарду и Барьера, мы могли бы можетъ быть пожелать, чтобы сатира на сценѣ въ одномъ драматургѣ была болѣе ѣдкая, и чтобы въ ней не слышался индифферентизмъ, а въ другомъ, чтобы она воплощалась болѣе въ лицахъ, а не выивалась въ отдѣльныхъ тирадахъ, чтобы вообще она была болѣе глубока, не ограничивалась бы однимъ поверхностнымъ состояніемъ общества, шла въ самый корень, въ основную причину его паденія; но поговорка древняго міра, которая гласила, что человѣкъ, лишенный свободы, есть только половина самого себя, не позволяетъ намъ обратить въ упрекъ то, о чемъ мы можемъ только жалѣть. Если это древнее философское изрѣчене можетъ относиться ко всѣмъ людамъ, то французскій драматурръ - сатирикъ больше чѣмъ кто-нибудь другой имѣетъ праю ссылаться на него, защищаясь противъ излишней строгости современниковъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го олтября, 1868.

Внутреннее обозръние.

Культурная сила церкви вообще и у насъ въ частности. — Характеръ послѣднихъ реформъ въ духовныхъ училищахъ, и окончательный ихъ результатъ. — Выборное начало въ духовенствѣ, и вопросъ объ обезпеченіи нисшаго духовенства въ связи съ состояніемъ нашихъ финансовъ. — Новая брошюра о нашихъ финансахъ, вышедшая въ Лондонѣ, и мѣры, предлагаемыя ею къ ихъ исправленію. — Проэктъ особой «Кредитной Коммиссіи».

Матеріяльная сила, сгруппировавшаяся около даннаго географическаго центра, установляетъ границы государства, опредѣляетъ объемъ его. Но въ государственномъ тѣлѣ, которое опредѣлилось такимъ механическимъ процессомъ, дѣйствуютъ еще силы органическія; онѣ производятъ его составъ и обусловливаютъ его отправленія. Это — силы культурныя. Онѣ являются важными факторами и въ исторіи политической. Взаимнодѣйствіе здѣсь непреложвый законъ. Жизнь органическая зависитъ отъ климата и почвы; но самый составъ почвы видоизмѣняется дѣйствіемъ органической жизни, и самый климатъ зависитъ отъ нея до нѣкоторой степени.

Въ ряду культурныхъ силъ, религія и воплощеніе ея—церковь, при началѣ всѣхъ обществъ, были главными силами; но и по достиженіи обществами значительной степени развитія, религія съ церковью остаются немаловажными элементами культурной жизни. Измѣнится ли когда такое положеніе — вопросъ, которымъ здѣсь не мѣсто заниматься. Передъ нами, какъ свидѣтелями современности, стоитъ несомнѣный законъ: русскій народъ привязанъ къ вѣрѣ предковъ, церковь въ его умственной жизни занимаетъ важное мѣсто, за духовенствомъ онъ признаетъ право и обязанность развивать его умственную жизнь и улучшать его нравы; наконецъ, на содержаніе этого духовенства онъ несетъ значительную долю того, что добываетъ по́томъ и кровью.

И въ самонъ дѣлѣ, наша страна украшается безчисленными храмами Томъ Ү. – Октяврь, 1868. Digitize 54 Google и монастырями, духовенство весьма многочисленно и составляеть въ странѣ цѣлое сословіе; сословіе это признаеть за собою то право, и ту обязанность, какія налагаеть на него русскій народъ, и учится, чтоби достойно пользоваться однимъ и исполнять другое.

Но, признавая эту потребность народа, какъ безспорный и очень значительный фактъ, спросимъ себя: удовлетворяется ли эта потребность такъ, какъ ее сознаетъ въ глубокомъ и искреннемъ убъжденія своемъ народъ? Ведетъ ли духовенство къ развитію умственную жизнь русскаго народа, улучшаетъ ли оно его нравы, умѣетъ ли оно лично и въ частности пользоваться тѣмъ авторитетомъ, какой народъ предоставляетъ ему въ общности, идетъ ли впрокъ самому духовенству тотъ громадный бюджетъ приношеній, который лежитъ на народъ, однимъ словомъ, удовлетворяетъ ли наше духовенство своему значенію культурной силы, идетъ ли отъ церкви по русской землѣ что-инбудь кромѣ величественнаго гула колоколовъ, свидѣтельствующаго о набожности согбеннаго трудомъ народа?

При разсмотрѣнія этого общаго вопроса, мы встрѣтимся и съ частными его сторонами: удовлетворительно ли положеніе духовенства, нужно ли существованіе его въ государствѣ какъ отдѣльнаго наслѣдственнаго сословія, раціонально ли устроено обученіе духовенства?

Наконецъ, при болѣе широкой постановкѣ вопроса, при разсмотрѣніи того положенія, какое исторія дала церкви въ государствѣ, приходится еще спросить: полезно ли было перенесеніе церкви изъ ноложенія силы культурной, свободной и иравственной, въ положеніе сили механической, государственной, въ положеніе власти дѣйствующей, кромѣ убѣжденія еще и матеріальнымъ принужденіемъ?

Если прикоснемся къ сейчасъ опредѣленному нами вопросу съ полною искренностью, а вмѣстѣ и съ тѣмъ уваженіемъ, какое внушается глубокимъ убѣжденіемъ милліоновъ, то должны будемъ сознаться, что за каждымъ изъ поставленныхъ выше вопросительныхъ знаковъ слагается, изъ цѣлаго ряда краснорѣчивыхъ фактовъ, болѣе или менѣе рѣшительное мътъ.

Итакъ, реформа, широкая, рѣшительная реформа должна тронуть и эту бытовую сторону нашей жизни.

Кос-что уже начато. Не знаемъ, насколько въренъ слухъ, будто правительство уже предположило уничтожение наслъдственности духовнаго звания, кастичности духовенства; замътимъ, впрочемъ, что мысль эта уже проявилась при составлении новаго устава для семинария; этотъ уставъ открываетъ семинарии для всъхъ сословий, и такимъ путемъ предоставляетъ другимъ сословиямъ доступъ въ духовное звание, что уже клонится къ ослаблению въ духовенствъ условий и духа замънутой касты.

Извѣстно, въ какомъ жалкомъ видѣ находилось доселѣ препо-

даваніе въ нашихъ семинаріяхъ; но и въ высшихъ духовныхъ училищахъ, академіяхъ, преподаваніе было крайне-нераціонально. Доступъ въ семинаріи открывался преимущественно самымъ происхожденіемъ учениковъ; сынъ священника принимался въ семинарію нотому, что ему слёдуеть быть въ семинарін, а не потому, что онъ достаточно подготовленъ для слушанія въ ней курса. Окончивъ обучение въ низшемъ училищъ, ученики оставались обыкновенно нъсколько лёть дома, занимаясь всёмь кромё ученья; въ семинарію поступаль уже искушенный грубою жизнью, часто совсемь одичавшій «кутейникъ», а не ученикъ, помнащий пройденное, расположенный къ развитию. Оно, въ извёстномъ смыслё, было пожалуй и хорошо (хотя конечно, не въ смыслѣ педагогическомъ): туть его ждала такая ужасная обстановка, такой мракъ, произволъ, жестокость и грубость, и наставниковъ и товарищей, что меньше закаленный, более развитый органнамъ долженъ бы былъ, такъ или иначе, погибнуть. Не говоря уже о прим'внении раціональныхъ прісмовъ преподаванія, у бурсака часто не было сапогъ, не было даже достаточно пищи. Читая очерки покойнаго Помяловскаго содрогаешься в приходишь къ убъждению, что бурсацкая жизнь принадлежала въ самымъ темнымъ сторонамъ руссваго быта, составляла одниъ изъ круговъ того мрачнаго міра, въ воторомъ почти безсрочная солдатчина со шпицрутенами и фухтелями, лихониная «московская волокита», да сирадный, переполненный острогъ составляли другія части картины.

То была настоящая città dolente, «съ плачемъ и скрежетомъ зубовнымъ»; и стояло это зданіе, стояло вёка, и не находило даже своего Данте; бёдный, безгласный, забытый русскій народъ, живымъ мясомъ своимъ перетиралъ вёковыя оковы мрачнаго зданія и — молчалъ.

Что касается способовъ преподаванія въ семинаріяхъ, то они до сихъ поръ остались самые первобытные; главный изъ нихъ, разумѣется, такъ называемое «долбленіе». Это положеніе недавно признано оффиціальнымъ актомъ; синодъ, по докладу духовно-учебнаго комитета, «вполнѣ соглашаясь съ его мнѣніемъ о вредѣ механическаго;затверживанья уроковъ и о необходимости большей самодѣятельности умственныхъ силъ учащагося юношества,.... *предписал*ъ въ непремѣнную обязанность наблюдать, со всею строгостью»... и т. д. Но ка̀къ исполнить предписаніе, даже при доброй волѣ и умѣньи, если приходится совершенно неразвитому, а иногда полудикому ученику преподавать предметы возвышенные? Ка̀къ исполнить предписаніе, когда всѣ учебники, принятые въ духовныхъ училищахъ, наполнены одними опредѣленіями и изрѣченіями, и предполагаютъ именно одно «затверживаніе уроковъ?

Мы сказали выше, что уставъ вводимый нынѣ въ семинаріяхъ виѣетъ, между прочимъ, искоренить замкнутость духовнаго сословія.

Digit54*by Google

въстникъ ввропы.

Но, какъ то неръдко у насъ, въ тоже время и въ томъ же въдонствъ въ одномъ дълъ проводится одна мысль, а въ другомъ-другая, противоположная ей. Такъ въ новомъ уставѣ для духовныхъ акаденій проявляется именно мысль о поддержанін замкнутости въ духовновъ сословія. Казалось бы, что духовныя академів, какъ училища спеціальныя, должны были бы ограничиться только спеціально богословскими п церковными предметами въ смыслѣ обязательныхъ; многочисленность обязательныхъ предметовъ курса въ духовныхъ академіяхъ была одна виз главныхъ причинъ слабости даже догматическаго образованія въ нашемъ духовенствѣ. Но вѣтъ, новый уставъ академій принялъ во вниманіе, что авадемін прежде всего должны снабжать семинарін наставниками; вслёдствіе того, академіи являются университетами, съ подразделеніень на факультеты: богословскій, историческій и филологическій; даже физико-математическій факультеть будеть въ здвиней академін. Такимъ образомъ, студенть академін, кромѣ общихъ предметовъ (въ числѣ которыхъ есть и исторія философіи, и метафизика, н педагогика) долженъ еще пройти факультетские предметы, и въ результать всего будетъ, положниъ, «духовнымъ» математивомъ, «духовнымъ» филологомъ, но сомнительно, чтобы онъ сделался математисомъ и филологомъ основательнымъ, потому именно, что у него слишкомъ много предметовъ, не относящихся къ его спеціальности, а между твиъ обязательныхъ.

Мы, конечно, не думаемъ жаловаться на развитіе въ духовныть училищахъ образованія свётскаго; чёмъ болёе общеобразовательныть школъ, тёмъ лучше. Но соотвётствуетъ ли это главной цёли свеціально-духовныхъ учелищъ?

Здёсь-то и проявляется духъ кастической замкнутости въ духовенствё: на академіи оно смотритъ главнымъ образомъ какъ на разсадники учителей для семинарій. Естественно, что въ такомъ случаѣ необходнио приготовлять и «духовныхъ математиковъ» и «духовныхъ филологовъ». Но почему же не предоставить преподавание въ семинаріяхъ людямъ университетскимъ? Въдь гимназіи находятъ же достаточное число учителей. А потому, что, по мнѣнію, которое выразная иетербургская духовная академія, это «неудобно».

Если мы сопоставимъ мысль, выразившуюся въ новомъ уставъ семинарій и мысль уясняющуюся изъ новаго устава академій, то выйдетъ такое положеніе: замкнутость духовнаго сословія мы устраняемъ, когда идетъ рѣчь о поступленіи въ духовныя школы; но когда идетъ рѣчь о преподаваніи въ духовныхъ піколахъ, то мы поддерживаемъ замкнутость. Иными словами: подъ наше вліяніе примемъ кого угодно, но вліяніе свѣтской среды на насъ не допустимъ.

Эта мысль совершенно естественна. Въ настоящемъ случав, то-есть, собственно относительно духовныхъ академій, мы можемъ только ра-

848

доваться, что тамъ будуть процвѣтать свѣтскія науки. Понятно, что по духу и направленію, духовныя академіи все-таки останутся духовными. Но, признавая совершенно-естественнымъ со стороны духовенства устранять отъ себя, насколько оно можетъ, свѣтское вліяніе, мы пойдемъ нѣсколько дальше и спросимъ: есть ли интересъ государству, чтобы рядомъ съ физикой, которую оно преподаетъ въ своихъ школахъ, существовала еще особая духовная физика и духовная метафизика? Это можетъ казаться очень нужно педагогамъ изъ духовенства, но нужно ли это для государства? Едва ли! Кажется, можно ограничиться общей физикой. А между тѣмъ, нашъ бюджетъ духовнаго вѣдомства превышаетъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія.

Если духовенство не было въ состоянія получать значеніе культурной силы, если находясь и подъ защитою и вмёстё подъ игомъ свётской власти, оно и само тяготилось этимъ положеніемъ и не могло вести народъ къ естественному развитію, то есть ли польза въ томъ, чтобы государство продолжало надъ нимъ свою двойственную опеку, отдёляло для него суммы изъ бюджета и вмёстё управляло его дёлами, нодчиняло и его себъ, и себя ему?

Государство не создастъ для церкви сили. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно думаетъ поддержать церковь, оно скорѣе умаляетъ се. Когда просвѣтительная сила въ церкви была больше, какъ не во время доконстантиновскос? Несмотря даже на жестокое преслѣдованіе, христіанское ученіе распространялось съ такой силою и быстротою, какую не сообщатъ церкви никакія правительственныя субсидіи и регламенты. Поощренія со стороны государства тутъ также безсильны, какъ и преслѣдованія: міръ духовный, міръ убѣжденія, неподчинимъ внѣшней, механической силѣ.

Но таковы результаты историческаго смёшенія духовнаго со свётскямъ, что провесть вдругъ полное отдёленіе между ними невозможно. Государство уничтожило церковныя имущества, государство возвело Духовенство въ сословіе, и справедливость требуетъ, чтобы оно исполняло принятыя на себя, тёмъ самымъ, обязательства.

. Итакъ, истинная государственная мудрость состоитъ въ томъ, чтоби постепенно поставить духовенство въ положение совершенно-независимое, давъ ему возможность исподнять его культурное назначение, и затъмъ оставить его вподнѣ неприкосновеннымъ.

Изъ такой постановки вопроса истекаетъ, что государство въ отношеніи въ церкви и духовенству обязано отстраненіемъ своего произвола и улучшеніемъ быта духовенства — и только. Затѣмъ, церковь независимая и духовенство болѣе образованное сдѣлаютъ что́ могутъ; государство уже не должно будетъ ни контролировать ихъ, ни несть на себѣ духовныя заботы. Вредъ свѣтскаго вмѣшательства въ духовныя дѣла, и въ особенности наоборотъ, слишкомъ очевиденъ, чтобы мы считали

себя обязанными распространяться о немъ здёсь. Кто еще не уденыть себё этой истины, тому совётуемъ прочесть основательныя статьи, посвященныя этому предмету органомъ, котораго никто не заподезрить въ индифферентизмѣ, именно газетою «Москва». Этотъ органъ съ прамодушіемъ и честной смёлостью, которая заслуживаетъ уваженія, ратуетъ за отдѣленіе духовной власти отъ свётской и за свободу совёсти, въ высшихъ интересахъ самой церкви.

Мы считаемъ достаточнымъ сослаться на христіанское ученіе: «Кесарево кесареви, божіе богови», и ограничнться разсмотрёніемъ тёхъ практическихъ условій, которыми принципъ этотъ могъ бы быть примёненъ при завёщанномъ исторіею положеніи.

Такъ какъ реформъ и въ этомъ смыслё мы все-таки моженъ ожндать только отъ правительства, то чтобы устранить изъ нашихъ словъ возможность даже кажущагося противорѣчія, дадимъ ей краткое опредѣленіе: внезапнаго разрыва между государствомъ и церковью быть не можетъ; но государство должно постепенно поставить церковь и духовенство въ совершенно независимое положеніе; свѣтская власть должна ликвидировать свои отношенія ко власти духовной. Затѣмъ, та сдѣлаетъ, что можетъ, чтобы удовлетворить народной потребности и стать въ самомъ дѣлѣ силою культурною.

Единственный раціональный путь здёсь — введеніе въ церковноль быту самоуправленія, основаннаго на выборномъ началі. Правительство уже вступило на этотъ путь: оно установило выборы духовенствомъ депутатовъ, которые съёзжаются для обсужденія общихъ нуждъ. Это — путь вёрный, и на немъ одномъ осуществима полная самостоятельность церкви. Но для того слёдуетъ пойти по этому пути гораздо дальше; необходимо установленіе такихъ общихъ съёздовъ или сеймовъ духовенства, какіе существуютъ въ Англін, только съ примёненіемъ исключительно выборнаго начала, безъ привилегій, какія тамъ опять дёло исторіи.

Затёмъ представляется вопросъ объ обезпеченін низшаго духовенства. По этому вопросу въ мірѣ духовномъ мнѣнія раздѣлены. Одни предлагаютъ опредѣлить таксу вознагражденія за требы, другіе—назначить духовенству жалованье, третьи хотятъ, чтобы сами приходы опредѣляли причту содержаніе и подносили его гуртомъ, а не въ раздробь по требамъ. Но всѣ эти предложенія кажутся намъ недостаточными или непрактическими. Назначить духовнымъ лицамъ калованье значило бы окончательно подчинить ихъ государству, обратить ихъ въ чиновниковъ и навсегда укрѣпить смѣшеніе духовнаго со свѣтскимъ. Учредить оффиціальный тарифъ за требы—и неблаговидно, да и нераціонально. Какое право имѣетъ государство оцѣнивать трудъ священника и опредѣлять сколько сто́итъ крещеніе, а сколько поминовеніе? Наконецъ, предоставленіе добровольнаго устройства этого

850

EXEMBORIHAS XPOHEKA.

дела приходонъ есть собственно только pium desiderium. Ведь приходы и теперь могуть сделать это, отчего же они не делають?

Нѣтъ, государство должно само сдѣлать ликвидацію тѣхъ отношеній, какія создало оно, нодчинивъ себѣ духовенство и отобравъ церковныя имѣнія. Для этого, государство могло бы возстановить, хотя бы номинально, церковный фондъ, и въ бюджетъ свой внесть, какъ процентъ этого фонда, предполагаемую достаточною для содержанія духовенства, но однажды навсегда опредѣленную сумму, распредѣливъ ее въ видѣ прямого налога на приходы, но такъ, чтобы подать эта падала не на личность, а именно на опредѣлевную потребность, на требы.

Приходы можно бы раздёлить, напр., на столичные, городскіе и сельскіе, съ подраздёленіемъ всёхъ этихъ категорій еще на разряды. Затёмъ, отъ приходскихъ общинъ зависёло бы распредёлять причитающуюся сумму на требы, по таксё, опредёленной приходскимъ собраніемъ, съ запискою въ церковную книгу. Сборъ этихъ приношеній былъ бы порученъ избранному приходомъ старостѣ. Такое устройство могло бы повесть къ образованію при приходахъ, изъ излишковъ, суммъ, которыя можно бы употреблять на устройство школъ и больницъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ лютеранскія приходскія обицины. Мы конечно не намёрены представлять чего-нибудь въ родё проекта устава, но указываемъ только на средство, которое можетъ быть обусловлено различныхъ образомъ. Намъ кажется всего правильнѣе — создать церковную общину.

Завёдываніе такимъ фондомъ и распредёленіе его слёдовало бы со временемъ совершенно предоставить общимъ и частнымъ съёздамъ депутатовъ отъ духовенства. Затёмъ увеличеніе этого фонда, установленіемъ добровольныхъ сборовъ, было бы совершенно въ ихъ же власти.

Но признавая обязанностью государства поставить, если можно такъ выразиться, духовенство на ноги, и затёмъ совсёмъ устраниться отъ виёшательства въ дёла церкви, мы не можемъ не признать также, что иныхъ обязанностей государство, по отношенію къ церкви, имёть не можетъ, и что оно, наоборотъ, обязано въ отношеніи самого себя теперь же изглядить всякое вмёшательство церкви въ дёла гражданскія, провозгласить полную неограниченную свободу совёсти. Забота объ улучшеніи быта духовенства могла быть возложена на него исторіею; для этого-то и необходима, какъ мы выразились, ликвидація. Но какое-либо принужденіе въ дёлё вёры противно и святости религіи и самымъ основнымъ правамъ человѣческой личности. Здёсь исторія теряетъ свои права́.

Проще всего рѣшаютъ вопросъ объ «упорядоченін» содержанія духовенства (какъ выражаются нѣкоторыя духовныя лица, принявшія участіе въ печатномъ обсужденіи этого предмета) тѣ мыслители, ко-

851

BOCTHER'S EBPORN.

торые предлагають назначить духовенству жалованые оть кавны, да н только. Но такъ какъ къ духовному сословію въ Россін принадлежить 611 тысячь душть обоего пола, и на содержаніе них понадобилась бы сумма милліоновъ въ шестьдесять, то возможно ли и дунать объ отнесеніи такого новаго расхода на государство, постоянно прибъгающее къ ваймамъ, для покрытія своего дефицита? Нѣтъ, дуковенство должно содержаться именно только на счетъ вознагражденія за требы, и въ нашемъ предположенія казна явилась бы тутъ только посредницею.

Думать объ отнесение на общія средства государства какого-либо новаго значительнаго расхода—было бы слишкомъ наивно. Уже и тв 38 миллюновъ, которые назначены на постройку желѣзныхъ дорогъ, въ видѣ чрезвычайнаго расхода, требуютъ чрезвычайныхъ же ресурсовъ. Но этотъ расходъ необходимъ для самихъ финансовъ, какъ необходима земледѣльцу издержка на сѣмена.

Съ долгомъ, который превышаетъ милліярдъ рублей, съ ежегоднымъ дефицитомъ, съ паденіемъ цённости бумажныхъ денетъ, съ необходимостью уплачивать ежегодно болёв 30-ти милліоновъ рублей звоикою монетою по заграничнымъ займамъ, — намъ ли помышлять о челънибудь въ родѣ той операдіи, которую совершила Франція при вервой реставраціи, давъ эмигрантамъ милліярдъ франковъ вознагражденія за конфискованныя у нихъ имущества? Если бы даже тотъ «мплліярдъ въ туманѣ», который показывалъ намъ когда-то одинъ практическій финансистъ, и сгустился наконецъ въ реальность, ороснаъ наше отечество золотымъ дождемъ, то, конечно, мыслыю нашею было бы выкупить на него и извлечь изъ обращенія тѣ 700 миллюновъ бумажныхъ девегъ, которыя тяготѣютъ у насъ надъ производительнестью и рынкомъ, создавая ложныя отношенія и поддерживая высокій курсъ заграничныхъ платежей, не смотря на очень вначительное развитіе наніего вывоза заграницу за послѣдніе два года.

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, живущій въ Лондонѣ и хорошо знакомый съ ходомъ дѣлъ въ отечествѣ, издалъ недавно брошюру на французскомъ языкѣ*) въ которой разсматриваетъ дѣйствія нашего государственнаго банка и вопросъ о нашемъ бумажномъ обращеніи. Онъ не обѣщаетъ милліярда въ туманѣ, но предлагаетъ иѣсколько практическихъ мѣръ, чтобы облегчить насъ отъ тяготѣющей на насъ бумажной лавинѣ, нарицающейся болѣе чѣмъ полумилліярдомъ будто бы размѣнной монеты. «Бумажная болѣзнь», которою страдаетъ Россія — признаемся откровенно — кажется намъ нсцѣлима только хирургически, также, какъ болѣе тяжелая болѣзнь человѣческаго ортанизма. На лѣкарства «возстановляющія» или «отводящія» мы въ

^{*) «}La Banque d'Etat et le papier monnaie». 1868.

этонъ случай не видных деотаточнаго основанія надіяться. Ассигнаців, когда ихъ обращается такая масса какъ у насъ, ноглотять всякій размівный фондъ. Для того, чтобы возможно было установленіе правильнаго размівца, прежде всего необходимо значительное уменьшеніе бумажнаго обращенія. Это можеть совершиться двоявных путемъ: сбереженіемъ или признаніемъ обезцівненія бумажныхъ денегъ. Чтобы освободиться отъ несоразмівной со средствами массы векселей, должникъ можеть только или діялать сбереженіе и употреблять ихъ на погашевіе (путь безопасный, но трудный), или дать протестовать векселя и потомъ скупить ихъ по низкой цівнѣ (путь легкій, но опасный). Вотъ два несомивнныя и едва-ли не исключительныя въ этомъ случаѣ средства. Въ вівроятность чего-лябо «третьяго» какъ-то плохо вірится.

Одно изъ двухъ: или мы примемъ за непреложный принципъ политику безусловнаго невмѣшательства внѣ нашихъ предѣловъ и политику мѣстнаго самоуправленія, уменьшенія функцій государственныхъ внутри, произведемъ въ бюджетѣ расходовъ сокращеніе процентовъ на десять; а налоги оставимъ ныиѣшніе на время, по иримѣру Соединенныхъ-Штатовъ, для погашенія нашихъ greenbacks, bluebacks, redbacks и т. д., милліоновъ на пятьдесятъ въ годъ.

Или мы будемъ стараться, по возможности, «охранять равновѣсіе въ бюджетѣ» и не прибѣгать къ новымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ — и только. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда мы не подвергнемъ себя заатлантическому перерожденію, представимъ себѣ, что вдругъ Россія будетъ вовлечена въ войну. Говорятъ, войны ныньче кончаются скоро; но если война касается Россіи, то ей не кончиться въ двѣ недѣли. У насъ и размѣры пространства не тѣ, что въ Германіи, и размѣры времени не тѣ.

А вѣдь послѣдняя война обогатила насъ выпускомъ 400 милліоновъ бумажныхъ рублей. Представьте себѣ, что къ нынѣшнямъ 700 милліонамъ бумажныхъ рублей прибавилась бы еще половина этой цяфры. Очевпдна опасность, что въ такомъ случаѣ цѣна бумажныхъ денегъ вдругъ падетъ и падетъ тогда уже не на треть, а такъ, какъ было въ началѣ столѣтія. Такой фактъ могъ бы повесть къ повторенію того, что было сдѣлано въ 1839 году, т. е. къ перемѣнѣ упавшихъ въ цѣнѣ билетовъ другими на сумму въ 3¹/₂ раза меньшую и затѣмъ къ возстановленію правильнаго размѣна.

Однако очерченная нами альтернатива представляеть такъ мало отраднаго, что нельзя безъ пѣкотораго сочувственнаго предрасположенія, даже задатка благодарности, смотрѣть на человѣка, который върштъ въ возможность какого - нибудь «третьяго» термина, предлагаетъ въ лѣкарство финансовый спецификъ. Такъ какъ, пригомъ, про۱

екть автора упомянутой брошюры въ самонъ дёлё новъ и остроуменъ, то мы считаемъ умёстнымъ занесть его въ нашу хроннку.

Воть, въ главныхъ чертахъ, выводы и предложенія брошюры: бумажные знаки падаютъ въ цёнё оттого, что количество находящихся у насъ денежныхъ знаковъ далеко превышаетъ потребность нашихъ внутреннихъ разсчетовъ. При такомъ накопленіи знаковъ, металлическая часть ихъ имѣетъ исходъ за-границу, и потому поддерживается и даже возвышается въ цёнё (золото на 16%). Но бумажныя деньги, не имѣя регулятора въ отливѣ, при излишнемъ ихъ накопленіи падаютъ.

Возстановить равенство ихъ съ золотомъ и вийстё поставить преграду дальнёйшимъ чрезмёрнымъ ихъ выпускамъ, можно только посредствомъ возстановленія размёна на звонкую монету. Государственный банкъ, своею операціею закупки золота (на которую онъ въ теченія 1¹/₂ лётъ употребилъ около 60 милл. р. сер.) возвысилъ свой запасъ звонкой монеты до 120 милл. рублей. Но если прямо открыть вновь размёнъ, то повторится то, что случилось въ 1862 и 63 годахъ, то-есть громадная масса бумажекъ кинется на размённый фовдъ за добычею шестнадцати процентовъ лажа на золото, и вскор'й придется снова прекратить размёнъ.

Постепенно погашать массу бумажнаго обращенія изъ своихъ средствь, банкъ не можетъ; онъ не можетъ употреблять на это каждый годъ по 60 милліоновъ, отвлекая ихъ отъ прибыльныхъ операцій коммерческаго учета. Однимъ словомъ, банкъ не можетъ исполнять вмъстъ обвихъ задачъ, т. е. служить центральнымъ кредитнымъ установленіемъ съ реальнообезпеченнымъ кредитомъ, и въ тоже время поддерживать, по возможности, цѣнность ассигнацій. Одна изъ этихъ операцій противорѣчитъ другой; поддержка цѣнности ассигнацій производится имъ въ ущербъ коммерческой его состоятельности, а поддержаніе равновѣсія своего актива и пассива отвлекаетъ его отъ поддержанія цѣны ассигнацій. Вотъ почему авторъ признаетъ необходимымъ поручить эту послѣднюю операцію отдѣльному кредитному установленію, оставивъ за банкомъ коммерческое его назначеніе — пріемъ вкладовъ, производство ссудъ и учета.

Основательности замѣчаній автора собственно о дѣятельности банка нельзя не признать; но посмотримъ, по какому плану будетъ дѣйствовать та «Кредитная коммиссія», которой онъ поручаетъ управленіе бумажнымъ обращеніемъ.

Мы уже видъли, что причину паденія цънности бумажныхъ знаковъ у насъ авторъ видитъ собственно въ избыткъ предложенія ихъпредъ спросомъ. О томъ, что бумажныя деньги повинуются еще иному экономическому закону, кромъ отношенія предложенія къ спросу, именно закону цънностей условныхъ, онъ не упоминаетъ. Это даетъ ему

возможность аргументировать далёе такимъ образомъ: накопленіе кредитныхъ билетовъ скавалось только посредствомъ нашихъ отношений къ заграничнымъ рынкамъ (par le contact des marchés étrangers). Цѣна золота возвысилась вследствіе необходимости пріобресть его для разсчетовъ по внашней торговла и трудности пріобрасть его въ Россіи. Такимъ образомъ явилась премія на золото, и затёмъ курсъ сталъ выражать уже не разницу между ввозомъ и вывозомъ (торговый балансь), а именно премію, какую приходится платить для полученія необходимо нужнаго количества золота. Авторъ настаиваетъ на этомъ одностороннемъ объяснения, которое, впрочемъ, обусловлено у него одностороннею постановкою вопроса о цённости денежныхъ знаковъ. Онъ говорить: «не внутренная потребность въ звонкой монеть произвела эту премію на золото; въ странѣ и то слишкомъ много денежныхъ знаковъ. (Какихъ? Въ томъ-то и дело, что есть ценность условная и ценность внутренняя.) Представных себь, что Россія окружена китайской стіною, совсёмъ отчуждена отъ иныхъ странъ, в что золото не можетъ уходить изъ нен. Въ такомъ случать, излишество денежнаго обращенія не произвело бы разницы въ курсъ золота и билетовъ. Упадокъ цънности денежныхъ внаковъ произошелъ бы, но онъ выразился бы исключительно вздорожаніемъ продуктовъ и отозвался бы и на металлическихъ, какъ и на бумажныхъ деньгахъ.

Въ такомъ случав, замётимъ мы, премія на золото все-таки явилась бы, не отъ излишества денежныхъ знаковъ вообще, а именно отъ излишества знаковъ бумажныхъ передъ средствами казны удовлетворять по нимъ звонкою монетой; китайская стѣна не удержала бы золото: оно или ходило бы съ лажемъ, или спряталось бы тутъ же, въ предѣлахъ стѣны, но подъ землею.

Приписавъ паденіе курса билетовъ только соприкосновенію съ заграничными рынками, авторъ и приходитъ къ естественному съ этой точки зрѣнія выводу: надо открыть размѣнъ, только для нуждъ внѣшней торговли. А для того, чтобы такимъ образомъ ограничить и спеціялизировать размѣнъ, онъ предлагаетъ допустить его только въ слиткахъ, опредѣливъ высокій minimum для каждаго платежа, именно 2,000 рублей. Итакъ, размѣнъ служилъ бы только для платежей по *опсу*, а не въ деньгахъ; это дѣлало бы его недоступнымъ для внутренней спекуляціи. При этомъ, авторъ предлагаетъ подвижную ска́лу установленнаго курса для слитка золота въ 505¹/₂ золотниковъ, такъ чтобы съ 2,000 р., нынѣшней своей стоимости на бумажныя деньги, онъ дошелъ на четвертый годъ до 1,722 р. 31 коп., т. е. до законнаго курса.

Что золота у казны хватило бы на открытіе размѣна исключительно для внѣшнихъ разсчетовъ, это авторъ доказываетъ такъ: ежегодно мы должны тратить за границу звонкой монеты 34 милл. руб.

по долгамъ, 4 милл. р. по закупкамъ казны, 12 милл. р. по тѣмъ товарамъ, которыхъ контрабандный ввозъ уменьшаетъ перевѣсъ въ нашу пользу, въ оффиціяльномъ торговомъ балансѣ, да еще по издержкамъ русскихъ живущихъ за границею. Итого — 50 милл. р. А получаемъ мы ежегодно изъ рудниковъ на 25 милл. р., да отъ перевѣса нашего вывоза товаровъ передъ ввозомъ, по таможеннымъ даннымъ, — 16 м. р. Итогъ — 41 милл. р.

Значитъ, дъйствительная потребность внъшней торговян въ металлахъ выражается только цифрою 9 милл. р., которая обусловливается недостаткомъ производительности нашего труда.

Такимъ образомъ былъ бы устраненъ, по мнѣнію автора, именно источникъ появленія преміи на золото, и «стало быть» паденіе цѣны кредитныхъ билетовъ. Съ этимъ согласиться невозможно.

Затёмъ, для возстановленія размёна и этихъ билетовъ, надо би все-таки предварительно погасить значительную массу ихъ. Это несомитенно. Для этого авторъ совётуетъ правительству принять на себя илатежъ процентовъ по 254-мъ милліонамъ рублей 5% банковыхъ билетовъ, да по 12 милл. р. 4% металлическихъ. Это наложило би на казну новый расходъ, начиная отъ 13 милл. р., но за то, съ погашеніемъ встхъ этихъ билетовъ втеченіи 30 лётъ, прекратился бы и платежъ, а между тёмъ, коммиссія погашенія употребила бы всё рессурси платежей по залогамъ недвижимостей и выкупныхъ платежей крестьянъ на погашеніе массы бумажныхъ денегъ.

Итакъ, въ сущности, какъ ни оригинальна комбинація автора, она сводится къ тому, чтобы казна отдёляла на погашеніе бумажныхъ денегъ, начиная съ 13 мил. р. ежегодно, т. е., чтобы она дёлала сбереженія въ расходахъ и выкупала ими ассигнаціи.

Мы пришли стало быть къ первому термину указанной нами выше альтернативы; другой терминъ — признаніе упадка цізны ассигнацій. Ничего «третьяго» не оказалось.

Что же касается остроумной мысли автора о предоставленін вибиней торговлё размёна для платежей высома, то эта мёра все-таки никакъ не уничтожила бы лажа на золото внутри страны, потому что ве только онъ обусловливаетъ паденіе цённости бумажныхъ денегъ, но и самъ онъ обусловливается паденіемъ ихъ цённости. Другими словами: не оттого только платятъ за золото премію, что оно нужно для заграничныхъ разсчетовъ, но и оттого, что золото имѣетъ цённость внутреннюю, бумажныя же деньги только условную, и при отсутствіи размёна — даже только фиктивную.

856

ЕЖЕМВСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

Иностраннов обозръние.

Разладъ между общественными стремленіями и личными видами правительствь, по вопросу о войнѣ и мирѣ. — Новая программа «либеральной лиги» во Францін, ея побѣды и неудачи; императорскія и министерскія рѣчи въ ихъ противорѣчіи съ дѣйствіями.—Конгрессы.—Франція и Пруссія предъ судомъ Гизо.—Путешествія и рѣчи прусскаго короля. — Индифферентизмъ Англін. — Результаты австрійскаго дуализма. — Итальянская оппозиція. — Пиринейскій полуостровъ.

Если исключить испанскую революцію, къ которой мы привыкли, какъ неаполитанцы привыкаютъ къ своему Везувію-если только нынъшная революція не составляетъ исключенія — то можно сказать, что истекшій мѣсяцъ не только не принесъ съ собою ни одного такого крупнаго факта, который поглотиль бы все внимание современнаго лътописца, но даже и прежнія запутанныя дъла не подвонулись ни шагу впередъ. Государственные люди словно нарочно поддерживають неровность политической температуры, и вслёдствіе того нервы общества сдѣлались крайне раздражительны, впечатлительность удесятерилась; въ настоящую минуту достаточно самаго мелкаго факта, самаго ничтожнаго повода, чтобы поднять на дыбы все общество и главнымъ образомъ ся представителя-европейскую прессу. Война или миръ - вотъ вопросъ, около котораго вертится вся политика; даже испанская революція заинтересовала прежде всего съ этой же точки врѣнія: будетъ ли она содѣйствовать европейскому миру или европейской войнь? При такомъ натянутомъ положения делъ, каждое свиданіе одного коронованнаго лица съ другимъ, и безъ того вызывающее всегда бездну толковъ, порождаетъ теперь тысячу предположения, которыя, конечно, не успокоивають общество. Свидание, которое въ этомъ году долго заставляеть о себѣ говорить-была получасовая встрѣча нашего Государя съ прусскимъ королемъ, и нигдъ она не вызвала такихъ опасеній какъ въ той странъ, на которую витетъ съ Пруссіей сосредоточены теперь глаза чуть не цвлаго міра, ---именно во Францін. Еслибы французское общество болѣе было знакомо съ нашими внутренними делами, то, безъ всякаго сомнения, оно бы не тосковало такъ много о союзъ Пруссів и Россів. Не нужно быть очень тонкных подитикомъ, чтобы предсказывать, что Россія не бросится въ общую схватку ради однихъ интересовъ Пруссія.

Лихорадочное состояніе Францін пмѣетъ свою внутреннюю причину. Цока слава французскаго оружія покрывала вторую имперію, покуда блескъ крымской кампанін, итальянской войны ослѣплялъ глаза славолюбивыхъ французовъ, покуда въ ушахъ ихъ громко звучали имена Севастополя, Сольферино, Мадженты, до тѣхъ поръ они молчаливо соглашались гнуть свои шен подъ ту конституцію, которая была

857

результатомъ 2-го декабря. Кромъ славы, терпъніе французовъ объясняется еще и другою причиною: старыя партіи были въ разгромъ. Одни отправились умирать въ Кайену, другіе, возмущенные жалкор картиною паденія второй республики, ушли въ добровольную ссилку, и наконецъ третьи, и это было большинство, утомленные борьбою и не чувствуя въ себѣ достаточно силы продолжать упорный бой, онустили руки и готовы съ ужасомъ воскликнуть: конецъ Францін! Императорское правительство не съумбло поддержать военное самолюбіе падкаго до славы народа на той высотв, на которую оно поставило его послё крымской и итальянской войны, и само нанесло ему жестокій ударъ своею дальнѣйшею политикою. Рядъ ошибокъ, начныя съ датской войны, поволебалъ авторитетъ Франціи. Трагическій исходъ мексиканской экспедиціи и замѣчательная война 1866 года, сдвлавшая изъ Пруссіи въ нѣсколько часовъ какого-то военнаго великана, довершили ударъ и окончательно затмили свътлую звъзду второй имперіи. Въ общественномъ сознаніи начался перевороть, усталие в забитые снова стали подымать голову и возвышать свой голось; въ итогѣ дѣлъ и заслугъ правительства 2-го декабря оказался значительный дефицить. Оппозиція «пяти» въ законодательномъ корпусь перешла быстро въ оппозицію двадцати, и съ твхъ поръ съ каждымъ днемъ, съ каждыми повыми выборами борьба для правительства становится тяжеле. Для того, чтобы сделать эту борьбу более ровною между оппознцією в правительствомъ, которое имбетъ тысячи незаконныхъ средствъ для доставленія побёды покровительствуемому имъ кандидату, и которое нисколько не стыдится пользоваться этими средствами, оппозиція, состоящая изъ нісколькихъ враждебныхъ между собою партій, решилась заключить между собою либеральную лигу. Легитимисты, орлеанисты, республиканцы, забывъ на время свои собственныя распри и несогласія, соединились въ одно целое, чтобы противодействовать правительственнымъ кандидатамъ. Результатомъ такого союза была неожиданная и блестящая побъда оппозиціоннаго кандидата Греви, депутата законодательнаго собранія второй республики. Правнтельство было смущено этою победою оппозиции, смущено темъ болёе, что едва ли не въ первый разъ съ основанія второй имперін. масса сельскаго населенія ускользнула изъ-подъ его вліянія и вотировала за оппозиціоннаго кандидата. Правда, не прошло и трехъ недѣль съ выбора Греви, какъ правительство было обрадовано торжествомъ своего вандидата въ департаментъ Вара; но поражение оппозиціоннаго депутата Дюфора должно быть не столько приписано симпатія тулонскаго населенія въ правительственному кандидату, сколько возникшей распри въ самомъ лагеръ оппозиціи. Часть оппозиція, радикальная партія, не могла забыть, что Дюфоръ былъ однимъ изъ министровъ президента республики, принца Наполеона и, главное, ми-

нистромъ крайне угодливымъ, и этого было достаточно, чтобы она повела противъ него такую же ожесточенную борьбу, какъ и правительство. Правительство воспользовалось расколомъ въ либеральной лигѣ и одержало побѣду, но, во всякомъ случаѣ, она досталась ей не легко.

Безъ сомнѣнія, до тѣхъ поръ, пока господствуетъ во Францін существующій порядовъ, до тёхъ поръ большею частью правительство будетъ имёть верхъ надъ оппознціей, потому что оно располагаетъ такимъ вліяніемъ, такими средствами, которыя никогда не можетъ и въроятно никогда не захочеть вмёть оппозиція. Ни для кого не тайна, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаетъ французское правительство, чтобы доставить только победу своему кандидату: «Если вы будете вотировать за моего кандидата, говорить оно, то все для васъ будетъ сдѣлано, дорога проведена, каналъ прорытъ, мостъ поправленъ, правительство всегда поспёшить въ вамъ на помощь; если же нётъ, если вы подадите голось за враждебнаго мнѣ кандидата, за человвка, стро. ющаго мнѣ козни, за революціонера, анархиста, тогда, тогда, о! тогда горе вамъ»! Такого рода внушения, объщания и угрозы дъйствуютъ на наивное и довърчивое сельское населенис, и оно вотируетъ за кандидата правительства. Городское же население въ большинствъ слу.чаевъ даетъ свои голоса оппозиціи. Но важно при подобной системъ выборовъ не то, что правительство одерживаетъ побъды, странно было бы иначе, а то, что его вандидаты съ важдымъ годомъ теряютъ все больше и больше число своихъ голосовъ, и то что теряетъ правительство, выигрываеть оппозиція. Если сравнить цифры полученныхъ голосовъ правительствомъ и оппозиціею во время выборовъ 63 года съ тѣми, которыя получаются за послѣднее время, то наглядно можно видъть, насколько правительство потеряло довъріе страны. Общіе выборы, которые должны быть въ 1869 г., ссли до тёхъ поръ не слу-чится никакой катастрофы, должны будутъ окончательно убёдить правительство, что для него на-вѣки миновало золотое время ничего не стоющихъ, легкихъ и повсемъстныхъ побъдъ. Страхъ этого времени в заставилъ, конечно, правительство отказаться отъ намъренія, которое оно такъ долго имъло, распустить законодательный корпусъ и призвать встхъ избирателей, за годъ до срока, къ новымъ выборамъ. Но, въроятно, сказало оно себъ, старый другъ лучше новыхъ двухъ. и оставило свою мысль безъ выполнения. Если ростетъ число голосовъ въ пользу оппозиціонныхъ кандидатовъ, то нельзя въ этомъ не признать громаднаго вліянія, которое имѣютъ на выборы новые законы о печати и народныхъ собраніяхъ. Какъ ни ревниво правительство въ предоставленной имъ большей свободѣ, какъ ни старается оно урѣзать данныя имъ права, но всё эти уродливыя преслёдованія, запрещенія по суду, штрафы, тюремныя заключенія, которымъ такъ часто, въ

течения послёднихъ трехъ, четырехъ недёль, подвергались лица либеральной партин, довазывають только одно, что правительство недобревольно, не по собственному побуждению, не изъ некревняго желания вести Францію впередъ по пути свободы, расширяло право печати и собраній, какъ оно увѣряетъ, а просто, что оно вынуждено было на эти уступки опасеніемъ вызвать въ странѣ еще большее недовольство и волнение. Оно исполнило, болъе или менъе, объщания знаменитаго писька 19-го января, потому что оно не забыло, къ чему привело упорство Карла Х-го и недальновидное упрямство Лун-Филиппа. Про Бонапартовъ нельзя сказать того, что было сказано про Бурбоновъ : «они ничего не забыли, и ничему не выучились»; нѣтъ, Наполеонъ III виучился многому, но къ несчастью все-таки недостаточно. Напрасно правительство, обращаясь ко всей Франціи и Европф, увфриеть, что страна довольна и предана царствующей династи, напрасно приводить оно въ доказательство большинство въ законодательномъ корпуса. которое на его сторонѣ,-всѣ знаютъ, что это большинство фальшивое, что оно не выражаетъ и не представляетъ собою страны. Со всвлъ сторонъ въ послъдние дни, во время двухъ, трехъ выборовъ, происходившихъ на прошлой недель, подымались голоса, требовавшие отъ правительства, чтобы оно отказалось отъ своей притеснительной системы выборовъ, чтобы оно не навязывало и не принуждало вотировать за покровительствуемыхъ имъ кандидатовъ. Но напрасно такое требование; правительство Наполеона III не вольно отказаться отъ подобной системы, когда она составляетъ одну изъ основъ, на которыхъ оно держится, и тв, которые заявляють его, должны были это понимать. Вотъ отчего гораздо послъдовательнее и основательнее тв. которые касаются самаго корня этого правительства, самой сущности его, и требують не того, чтобы правительство отказалось оть той ил другой его системы, а просто, чтобы существующее теперь правительство перестало существовать въ той формѣ и на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ оно существуетъ, и чтобы Франція, однимъ словомъ, била избавлена отъ правительства личнаго и замънила его конституціоннымъ. и конституціоннымъ не на словахъ, а на дёлё. Разумѣется, такое требование въ иныхъ странахъ, да и въ самой Франции нъсколько лать тому назадъ, было бы объявлено революціоннымъ, и навлекло бы на тъхъ, которые стали бы его предъявлять, суровыя гоненія. Настали другія времена. Это требованіе не только на всевозможные лады повторяется всею либеральною прессою, каждый день и каждый часъ, но оно получаетъ еще бо́льшую силу, когда кладется въ основание тъхъ манифестовъ, съ которыми оппозпционные кандидати обращаются къ своимъ избирателямъ. Они всв повторяютъ въ болте или менће рѣзкихъ выраженіяхъ тѣ слова, которыя произнесъ Дрфоръ: «Я никогда не понималъ достоинствъ неограниченной власти,---

860

говорить онъ-я нивогда не бываль ослешлень его ложнымъ величіемъ, в викогда не удивлядся тёмъ непонятнымъ ошебкамъ, которыя заставляють его быстро исчезать». Въ пелой стране, въ каждомъ комв. въ каждомъ углу чувствуется, что почва подъ ногами не тверда, что въ жизни все непрочно, неспокойно, вездѣ очасеніе, страхъ за очень близкое будущее. Всв обращають свои глаза къ правительству, стараясь уловить его тайную мысль, его стремленія, намфренія, планы. Но тщетно. Правительство само бросается во всё стороны, сегодня говорить одно, завтра другое, оно само очевидно находится въ такой же неизвъстности какъ и общество, и по очень простой прячинъ: оно не имбеть опредвленной политики. Нужно дунать, что въ эти тяжкія минуты неизвестности, когда правительство спрашиваеть себя: начннать войну или ивть? когда оно чувствуетъ, какая большая отвётственность лежить на немъ передъ цёлымъ міромъ и, что для него еще важнѣе, когда оно сознаетъ, что одна военная неудача будетъ равняться для него гибели, -- въ эти минуты можетъ быть и оно внутренно соглашается, что это страшное право войны и мира въ нормально устроенномъ обществъ, въ обществъ развитомъ, не можетъ находпться въ рукахъ одного человъка. Только тогда, когда это право перейдеть въ руки самой Франція, только тогда нація окончательно усповонтся, только тогда она не станеть тревожно спрашивать каждое утро: что будетъ съ нами? До твхъ поръ промышленность будетъ въ застов, въ подвалахъ банка Франціи непроизводительно будутъ валяться сотин милліоновъ, никакія дёла не будуть дёлаться на долгіе сроки и въ общественномъ инѣнін будутъ продолжаться тѣ лихорадочные пароксизмы, которые заставляють французскую ренту то падать на 50 и 60 сантимовъ, то снова подыматься. До тъхъ поръ никакія императорскія ув'вренія не будуть им'ять никакой силы и никто не захочеть вѣровать въ ихъ искренность. Въ увѣреніяхъ же нелостатка нѣть.

Въ теченін послёдняго мѣсяца почти всё министры французскаго правительства имѣли случай, на различныхъ обѣдахъ, въ собраніяхъ, совѣтахъ, сказать по одной и по двѣ рѣчи, и почти всё они, за исключеніемъ одного, высказали убѣжденіе, что миръ не будетъ нарушенъ. Но одпиъ, составившій исключеніе, былъ военный министръ Ніэль, и потому слова его врядъ ли не важиће всѣхъ рѣчей вмѣстѣ его товарищей по министерству: Маня, Вальяна, Бехпка и т. д. Похвалиться устроенною пмъ арміей и высказать увѣренность, что она способна бороться съ цѣлымъ міромъ, развѣ могло быть для министра войны большее наслажденіе? Но еслибы это противорѣчіе ограничивалось только однами словами министровъ, то съ этимъ можно было бы помириться, по бѣда въ томъ, что помимо воепнаго министра, которому простительно хвастаться арміею, сами правительственные ор-

Томъ У. - Октяврь, 1868.

ганы поддерживають постоянное колебание своими, то вониственными. то мярными статьями. Въ нихъ какъ въ зеркалѣ отражается поведеніе самого правительства, которое не знасть на что ему р'яшиться. Сегодня они съ покровительственнымъ тономъ защищаютъ Пруссію, восхваляють ся мудрость, доказывають даже выгоду для Франція нивть подъ-боконъ такого соседа, и держатся того иненія, что какдая нація имфеть право устронться какъ ей угодно; завтра внезапная перемёна, и они начинають махать по воздуху мечемъ, и подъ угрозою смерти запрещають Пруссін переходить черту Майна. Избави васъ Богъ, вричатъ они, думать о сліянін сввернаго и южнаго союза: ть будуть виновны въ нарушения мира, которые «льстять онаснымь иллозіямъ н поощряють неосуществимыя надежды» единой Германіи. Такой языкъ не созданъ для того, чтобы внушать довъріе ко всевозможнымъ царственнымъ словамъ; особенно пугаетъ онъ твхъ, вто ясно понимаеть, что въ концѣ концевъ Пруссія, присоединившая Ганноверъ, Нассау, Франкфуртъ, и почти Саксонію, всегда будетъ стремиться перешагнуть фатальную черту. Общественное мизніе во Францін право, когда требуетъ отъ правительства, чтобы оно сдълало наконецъ ясною свою волю: мирится оно съ новымъ порядкомъ въ Германін, соглашается оно жить дружно со своимъ новымъ соседомъ и смотреть сповойно, безъ зависти, на усиление его могущества, или нътъ? Если да, то пусть будеть кончено это натянутое положение, пусть сокращена будеть эта громадная армія, которою хвалятся министры и пусть докажеть правительство «раворуженіемъ», что оно не питаеть никакихъ надеждъ и никакихъ козней на счетъ своихъ сосъдовъ. Если же нътъ, если оно убъждено, что безъ ущерба для Франціи не можетъ быть допущено единство Германін, тогда пусть немедля ни одной минуты правительство объявить войну и выведеть страну изъ фальшиваго положенія. Вся либеральная Франція, всё классы, начиная отъ государственныхъ людей умершихъ правительствъ и до простыхъ работниковъ, возстаютъ противъ перваго положенія и доказываютъ его несостоятельность. Въ самонъ дълъ, какимъ образомъ французское правительство можеть недопустить образования единства Германін, когда оно само пропов'єдывало нісколько разъ публично теорію соединенія значительныхъ массь въ одно цёлое и руководилось до сихъ поръ въ своей политикъ принципомъ національностей? Чъмъ же вы хотите оправдать ваше вмѣшательство, во ныя какихъ интересовъ вы стремитесь обречь на страшную смерть десятки тысячь народа, изуродовать и изувачить можеть быть сотни, и заставить бъдствовать цёлую Францію? Какая есть у васъ святая цёль, спрашиваютъ разумные люди, ради которой вы рышаетесь вести на бойню самую здоровую часть населенія Франціи, отнимая у нея необходимыя ей свъжія силы? Такіе вопросы пресладовали Наполеона III, когда онъ,

Digitized by Google

862

нельли двь тому назадъ, отправлялся осматривать въ шалонскій лагерь свою вновь организованную армію и еще разъ попробовать то оружіе, которое, по знаменитому выраженію французскаго генерала, «надълало чудесъ» при Ментанъ. Среди описаній смотровъ, праздниковъ, объдовъ, встръчъ и прісмовъ, которыми такъ богаты всегда подобныя посёщенія, среди груды банальностей, которыми бывають полны газеты, нельзя было не замётить одной пикантности, давшей нынѣшнему посъщенію шалонскаго лагеря особенный отпечатокъ. Когла несмётное полчеще проходило стройнымъ маршенъ передъ владыкой Франців, вдругъ изъ среды его раздались громкіе крики: на Рейнъ, на Рейнъ! Разсказывають, что ликъ преемника перваго Наполеона озарился радостною улыбкою. Вся Франція, даже больше, вся Европа, прислушивалась, что скажеть этоть новый оракуль, всв хотёли слышать отъ него слова мира, всё ждали, что онъ, если не успоконть, то по крайней мёрё постарается успоконть встревоженные умы. «Господа, я ничего не могу вамъ сказать, потому что боюсь, что журналы подхватять мон слова или выведуть изъ нихъ непременно предсказанія войны» — таковъ былъ смысль произнесенной имъ рѣчи, которую ожидала почти цълая Европа. Если подобную ръчь нельзя упрекнуть въ недостаткъ остроумія, то смело можно поставить въ укоръ ея неполнтичность. Она предоставила публикъ дълать какія угодно соображенія, гадать за и противъ войны, а между твиъ изтъ ничего хуже въ такія минуты, какъ сотни догадокъ и пророчествъ маленькихъ политивановъ.

Между тёмъ, какъ императоръ французскій скрываетъ свои задушевныя мысли изъ аффектированнаго страха предъ газетами, общественное мивніе находить другія средства выразить свои стремленія. Таково было засъдание международнаго конгресса рабочихъ, который происходилъ въ Брюсселѣ и на-дняхъ только-что имѣлъ свое нослѣднее собрание. Онъ единогласно постановилъ, что всѣ рабочие, принадлежащіе въ международной ассоціація, должны всіми средствами противиться «этому систематическому убійству и образовать пропаганду для просв'ящения техъ несчастныхъ, которые принуждаются илтя на войну». Если такое энергическое вывшательство работниковъ въ государственныя дёла въ вопросѣ такой важности, какъ право войны и мвра, можетъ показаться нѣкоторымъ страннымъ и, пожалуй, даже «веприличнымъ», то въдь работники могутъ напомнить, что тъ, которые рѣшають этотъ вопросъ въ настоящую минуту, сами остаются въ сторонѣ отъ подобнаго бъдствія, между тѣмъ какъ тѣ, которые позволяють себѣ протестовать противъ него, только защищають свое существование, жизнь, не только свою, но своихъ матерей, женъ, двтей и сестеръ. Нужно быть слепымъ, чтобы не видеть, что въ общественной жизни Европы явилась въ самое послъднее время, чтобы

Digitized by 55000

вестникъ ввроны.

не сказать въ самые послёдніе дни, новая сила, которая старастся пробить себѣ широкую дорогу. Это не конгрессы различныхъ странъ, не съвзды государственныхъ людей, рашающихъ судьби міра, а простое собраніе частныхъ людей, которые взяли своимъ девизомъ, что только гласъ народа – гласъ Божій. Они не дълають свои собрания исключительными, напротивъ, они обращаются ко всъмъ, кому близки къ сердцу интересы человъчества, къ какой бы вацін, къ какому бы племени ин принадлежалъ человѣкъ. Двери всв открыты настежь, приходи вто хочеть, всякому они рады. Цвль нхъ не узкая политика того или другого государства, ниъ нѣтъ дѣла до первенства одного надъ другныъ; ихъ проповъдь: тъсный союзъ, братская любовь всёхъ племенъ и народовъ. Слова Христа: люби ближняго своего, они применяють къ целыме народамъ. Утопія, химера, скажуть иногіе, но в'єдь какъ многое изъ того, что прежде считалось химерани, теперь считается чуть не банальностию. Изъ безчисленнаго множества всякихъ конгрессовъ, происходившихъ въ посліздній годъ-полтора, болье всіхъ выдаются именно конгрессы рабочихъ и конгрессы леги мера. Въ эту именно менуту происходнть открытіе второго конгресса лиги въ Бернѣ. Первый, низвілій свои засъданія въ прошломъ году въ Женевь, надълалъ много шума, но со стороны «предержащихъ властей» вызвалъ только яростныя нападки. Нынѣшній съвздъ друзей мира, въроятно точно также какъ и большая часть другихъ конгрессовъ, посвятить одно изъ первыхъ засёданій на постановленіе вопроса, или втрите, на горячій протесть протявъ главнаго орудія войны — постоянныхъ армій, отнимающихъ у производительнаго труда необходимую ему силу. Разумбется, на всёхъ подобныхъ конгрессахъ говорится можетъ быть много такого, что могло бы и не говориться, но что нужно скорће приписать новизић этого дѣла, чѣмъ самой сущности его. По сущности же такого рода международныя собранія составляють важное и новое явленіе въ жизни цивплизованныхъ народовъ, и они назначены играть большую роль, оказывая самое благотворное вліяніе на сближеніе націй и на распространение болже человъческихъ идей.

Но такова уже сила рутины общества, что оно придаеть новому авлению гораздо менбе значения, обращаеть на него меньше внимания, чбмъ на какое-инбудь слово, часто не говорящее собою ничего новаго, какого-инбудь престарвлаго государственнаго мужа. Какъ примтръ можно привести послъднюю статью Гизо: «Франция и Пруссия отвътственныя передъ Европой», появившуюся въ послъдней книжкъ «Revue des deux mondes». Она успъла уже объжать всю Европу; всякий хоть сколько-нибудь слъдящий за политическими дълами, знаетъ уже если не ея содержание, то покрайней мъръ, что такая статья существуеть. Что же въ ней есть замъчательнаго? Замъчательна она

не сама по себѣ, а скорѣй потому только, что она написана Гизо. этимъ давно удалившимся съ политической сцены старымъ министромъ іюльской монархіи, который, сознавъ важность минуты, счелъ священнымъ долгомъ варушить свое угрюмое молчаніе и выразить свое мнѣніе о томъ «упорномъ безпокойствѣ — какъ выражается онъ-которое овладело всеми умами и прервало все дела»; констатировавъ вмѣстѣ со всѣми, что вопросъ: «будетъ у насъ война или миръ» занимаетъ всъхъ и каждаго, онъ спрашиваетъ себя, откуда берется это настроеніе, какая причина создала его? Существуеть ли «въ настоящемъ положении и склонностяхъ европейскихъ государствъ, правителей и народовъ, какая - нибудь сильная страсть, происходить ли въ нихъ какая-нибудь непосредственная и могущественная забота, которая толкаетъ, не смотря на интересы в желанія мира, къ войнъ, и которая должна привести въ ней фатальнымъ образомъ? Ни у народовъ, ни у правителей, рѣшаетъ довольно произвольно Гизо, не встрѣчается ничего подобнаго. Въ настоящую минуту нътъ націи, которая была бы обуреваена воинственною лихорадкою, нётъ главы государства, сгараемаго честолюбіемъ и жаждущаго победъ». После тавого увъренія, онъ начинаетъ разсматривать политику и положеніе каждаго первостепеннаго европейскаго государства, и, разумвется, первое мѣсто принадлежитъ тутъ Франція. Онъ прежде всего воздаеть хваление тому періоду, во время котораго онъ игралъ первенствующую роль во Францін. Точно забывая ту жалкую роль, которую нграла она во время его управленія, онъ превозносить политику іюльской монархін, которая «соединяла благодвянія мира съ независимостью народовъ и прогрессомъ свободы». Поддерживать эту благод втельную политику мира — было всегда непреодолимнить стремленіемъ Наполеона III, даже въ то время, когда онъ былъ еще президентомъ ресиублики, и если онъ ръшился послать войска республики для защиты папы противъ другой республики, и если потомъ онъ велъ еще другія войны: крымскую, вталіянскую и мексиканскую, и затёмъ уже римскую экспедицію, то, по словамъ Гизо, выходитъ, что все это сдвлалось скорве по волѣ нація, чвиъ по его собственной. Наполенъ же Ш всегда следоваль той полнтикь, которую онь определяль еще въ 1852 г., т. е. только-что сделавшись императоромъ, произнося въ Бордо слова, получившія громкую изв'єстность: «Имперія — это мпръ. Это мпръ, потому что Франція его желаеть, а когда Франція довольна, міръ спокоенъ». Бѣда только въ томъ, что Гизо этого не хочетъ понимать, что не всегда то, чего желаеть Франція, тотчась же и исполнается.

Онъ дѣлаетъ затѣмъ враткій обзоръ полптики Англіи, Италіи, Россіи, по поводу которой Гизо, рядомъ съ апекдотами о томъ, что императоръ Николай былъ самымъ ревностнымъ полопофиломъ изъ

всяхъ своихъ подданныхъ, приводитъ довольно върное, по крайней иврв такъ нужно надваться, замъчаніе, что, не смотря на преданность Россін Пруссін, «русское правительство слишкомъ внимательно, слишкомъ хорошо понимаетъ свои собственные интересы, чтобы бросаться, сломя голову, ради какого бы то ни было союзника, навстрячу большой личной опасности». Общій выводъ изъ обзора тотъ, что всь эти страны, такъ точно, какъ и Франція, въ политики своей имиютъ и должны вићть самыя миролюбивыя стремленія. Если у однихъ, бакъ у Россіи, Италін, Австрін политика мира является всл'ядствіе внутреннихъ затрудненій и неустройствъ, то у другихъ, какъ у Англін, она является какъ результать полной и широкой свободы, вліяющей й сдерживающей власть въ предблахъ рёдкой мудрости. Съ перваго слова, которое произносить Гизо о Пруссіи, мы уже видниъ, что имеемъ дело далеко не съ яростнымъ поклоненкомъ германскаго единства, а съ человѣкомъ, который даже сомнѣвается что оно возможно и естественно. Послѣ того, что въ самомъ началѣ Гизо высказалъ миѣніе, что въ настоящую минуту нътъ ни одного народа, ни одного правителя, который быль бы воодушевлень воинственными замыслами, онь вдругъ перемѣнястъ позицію, и утверждаеть, что въ эту минуту одна «Германія революціонно-воинственная нація въ Европъ. Когда я называю Германію нацією-говорить этоть представитель іюльской мо--нархін — я вовсе не думаю ръшать одного взъ самыхъ трудныхъ вопросовъ настоящаго времени. Оттого только, что она выходить изъ одной расы и говорить однимъ языкомъ, следуеть ли заключать, что то многочисленное население, которое, въ центръ Европы, занимаетъ территорію, называемую Германіею, — есть одна и та же нація». Не давая самъ прямого отвёта, видно, однако, изъ тёхъ словъ, которыя онъ вкладываетъ въ ротъ покойнаго виртембергскаго короля, какого мявнія держится самъ Гизо. «Германія — писалъ король — это большой народъ, но это не одна нація; и ся различные народы имъютъ н совершенно различную исторію и совершенно разные интересы». Гораздо ришительние и смилие становится Гизо, когда онъ подходить въ тому событию, которое произвело въ Европѣ такую страшную кутерьму; говоря о Садовѣ, языкъ его получаетъ такую силу, которую трудно было бы отыскать еще разъ въ послѣднемъ произведении стараго парламентскаго деспота. «Было бы одинаково несерьезно видѣть въ этомъ крупномъ факта-говоритъ Гизо о Садова-все то, что побъдители или систематические мечтатели желали заставить видъть, или не признавать въ немъ большого значенія. Это не былъ тріуфиъ нёмецкой національности, ни установленіе нёмецкаго единства: въ силу ли и въ честь ли принципа національностей німецкіе побідители при Садовѣ изгнали изъ Германіи и изъ общаго обсужденія ся дѣлъ 8.782,000 нѣмцевъ, которые входятъ въ составъ Австрін, и въ силу ли и въ

честь этого принципа они удерживають подъ властью Пруссіи часть Шлезвига, гдъ население датское? Развъ въмецкое единство установлено, когда съ одной стороны въ него не входять 8.782.000 австрійскихъ нѣмцевъ, и съ другой, когда четыре нѣмецкихъ государства юга, Баварія, Вюртембергъ и великія герцогства Гессенъ-Дариштадтское и Баденъ, отказываются войти въ новую лигу, которую Пруссія, подъ именемъ свверной конфедераціи, сгруппировала вокругъ своего побѣдоноснаго знамени? Развѣ Саксонія, Ганноверъ и городъ Франкфурть добровольно вошли въ новую конфедерацію, и смотрять на ихъ участь и на ихъ стремленія, какъ на совершенно удовлетворенныя со времени ихъ присоединенія? Твердые и разсудительные умы не могутъ быть обмануты словами и кажущимся видомъ; нужно смотръть такъ, какъ они есть и называть ихъ собственнымъ именемъ: идея и слово нѣмецкой національности и единства играли шумную роль въ крупномъ события 1866 г., но онъ вовсе не составляють истиннаго и серьезнаго его характера. Характеръ его, это - радикальное измънение, совершенное одною нѣмецкою державою и въ свою собственную выгоду, въ политическомъ устройствъ Германіи и Европы. Нътъ больше измецкой конфедерации, изть больше ин борьбы, ни равновъсія между двумя большими нъмецкими государствами, нътъ больше ни равновъсія, ни върныхъ средствъ въ сопротивлению для второстепенныхъ нъмецкихъ государствъ....» Послѣ такихъ словъ, въ которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, звучить вовсе не нота уязвленнаго «шовинизма», а глубокое убъждение безпристрастно разсуждающаго человъка, и послъ того, что онъ называетъ Пруссио самою «вониственною, честолюбивою и ловкою» державою, и ея управителя Бисмарка единственнымъ «сиблымъ и честолюбивымъ» человъкомъ въ Европъ, Гизо все же приходить въ тому, что миръ въ Европъ не будетъ нарушенъ, что Пруссія вынуждена будеть сделать туть этапъ въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ. И не смотря, однако, на такую увъренность, что въ эту минуту не существуетъ поводовъ къ войнѣ, что всѣ заняты своимъ дъломъ, и такимъ образомъ Пруссія, которая обязана переварить то, что она проглотила въ 1866 году. Гизо все-таки одобряеть французское правительство въ его воинственныхъ приготовленіяхъ. Зачёмъ, къ чему, можно спроснть этого состаревшагося въ парламентарной политикѣ государственнаго человѣка, хочетъ онъ заковать Францію въ панцырь, и заставить изнемогать ее подъ тяжестью брони, если нёть причины опасаться войны? Правда, онъ говорить, что Франція должна дать Европ'я доказательство своихъ миролюбивыхъ нам'яреній, и въ виду этого, хорошо было бы, еслибы правительство не произвело «разоруженія», котораго онъ положительно не желаетъ, но поставило бы свою армію на такую мирную ногу, которая была бы только необходима въ виду тъхъ измъненій, которыя произошли въ

867

BOCTHER'S BRPOILL

положения Европы. Но вто долженъ судать объ этой необходимости, ито изъ правительственныхъ лицъ сознается, что что-нибудь сдълано сверхъ необходимаго? Еслибы Гизо поговорилъ съ маршаломъ Нізлемъ, то, безъ сомнѣнія, онъ услышалъ бы отъ него самыя искреннія ув'вренія въ томъ, что въ организаціи арміи произведены только самыя необходимыя перемёны, и что то вооружение, о которомъ говорить Гизо, есть именно такое устройство армін на мирной ногв, которое только крайне необходимо въ виду совершившагося переворота въ Германія. Это противорѣчіе между увѣренностью въ мирѣ съ одной сторовы и въ одобрении воинственныхъ приготовлений Франции съ другой, свидетельствуеть, можеть быть, о томь, что то волнение, та сумятвца, которая господствуетъ въ обществѣ вообще, коснулась, вѣроятно, даже и политическаго ума Гизо. Еслибы онъ былъ свободенъ оть этого вліянія броженія, то, можеть быть, онь сталь бы искать в, конечно, съ успёхомъ, нётъ ли другихъ какихъ-нибудь причинъ этого «упорнаго безпокойства», овладъвшаго обществомъ, помнио вониственныхъ и честолюбивыхъ замысловъ Пруссіи? Онъ неизбѣжно пришелъ бы къ тому, что уловилъ бы связь внёшняго положенія страны съ внутревнимъ, и тогда онъ, безъ сомнѣнія, одно объяснилъ бы другимъ.

Если пруссификація Германіи, съ каждымъ днемъ возрастающее военное могущество Пруссіи дъйствительно озабочиваетъ императорское правительство и составляеть одну изъ причинъ, по которой оно приготовляется къ войнъ, то у него все-таки есть еще и другія, не менъе безпокоящія его причины, вслъдствіе которыхъ оно ръшится, быть можетъ, потрясти всю Европу. Эти причины коренятся внутри страны, онв важны только для одного правительства и объясняются исвлючительно его личными стремленіями. Правительство озабочено твиъ возрастающимъ недовольствомъ Франців, которое все больше и больше выходить наружу. Если оно не высказалось еще инкакимъ потрясающимъ фактомъ, то Наполеонъ III и тѣ, которые связали съ нимъ свою судьбу, понимаютъ очень хорошо, что такой факть быль бы равносилень ихъ паденію и что потому они должны зорко слівдать за тёми, какъ бы казалось, мелкими событіями, мелкими водненіями, которыя чаще и чаще стали безпоконть сонъ великаго декабриста. Они хорошо знаютъ, что одна искра порождаетъ иногда громадный пожаръ, они вспоминаютъ, что не разъ уже во Францін легкія событія предшествовали очень крупнымъ. Они сознають, что имъ нужно отвлечь вниманіе массы отъ внутреннихъ дѣлъ, и нужно зажечь въ массахъ патріотическую страсть, которая заставила бы ихъ позабыть все остальное, нужно возбудать въ инхъ то чувство, тотъ страхъ, который заставплъ бы примкнуться къ правительству и дружно двинуться съ нимъ противъ общаго врага отчизны. Какое лучше

противъ этого средство, какъ война, какая другая сила, какъ побъда, успёхъ, способный снова упрочнть вторую имперію. Правительство, поэтому, очень искусно, при помощи своихъ органовъ, мало-по-малу и отъ времени до времени царапаетъ національную гордость и дорывается до того нерва, который при прикосновении въ нему слова gloire, заставляетъ вздрогнуть всего человѣка. Если въ числѣ государственныхъ людей, окружающихъ Наполеона, есть и такіе, которые стараются склонить его къ мирной политикв, справедливо полагая, что война представляеть собою палку о двухъ концахъ, то за то есть и такіе, которые съ утра до ночи не перестають повторять одно и тоже слово: война! Это целая военная партія, которая жаждеть наградь, повышеній, скучаеть оть безделья и ищеть себв развлеченія въ войнь. Тьмъ, которые столть во главь армін, хочется показать, какъ она славно обучена, они требують отъ вмператора, чтобы громадная непроизводительная затрата и людей и денегъ была, покрайней мёрё, къ чему-нибудь приложена, они угрожають ему, что если армія будеть оставлена безъ д'вла, если ей не дадуть почесать свои бока о прусскіе, то неудовольствіе распространится и въ ней. А правительство, которое главнымъ образомъ держится военною силою, болѣе всего должно опасаться возбудить неудовольствіе своихъ преторіанцевъ. Пруссія представляеть своимъ возвеличеніемъ отличный поводъ къ войнѣ, и потому было бы нельпо, разсуждають эти люди, не воспользоваться такимъ случаемъ; тёмъ болѣе, что они внутрение убъждены, что ихъ армія останется побъдительницею, что одна Франція, какъ недавно выразился маршалъ Ніэль, можетъ въ эту минуту даровать Европѣ мвръ или потрясти ее войною. Когда думаешь, какія ничтожныя, унизительныя для народа, разсчеты руководять политиков современныхъ государствъ, какимъ бъдствіямъ, какимъ волненіямъ подвергается страна изъ-за личныхъ видовъ того или другого лица, невольно вспоминаешь тогда слова Монтескьё: tout est incertain où tout est arbitraire.

Но какъ бы ни желало войны французское правительство, оно не ръшится начать ее безъ какого-нибудь новаго повода со стороны своей противницы. Всъ свои мъры, всъ свои приготовленія до сихъ поръ оно объясняетъ только какъ мъры предосторожности, принимаемыя въ виду обезпеченія своей собственной безопасности, но вовсе не какъ средства къ наступательной войнъ. Напротивъ, опасаясь возбудить противъ себя нейтральныя государства Европы, никогда французское правительство такъ много не толковало о святости трактатовъ, какъ въ эту минуту. Оно двадцать разъ уже объявляло, что оно не потерпитъ никакого вхъ нарушенія, что значитъ, переводя языкъ политики на простой человѣческій языкъ, что вздумай Пруссія выйти изъ буквы Пражскаго мира, вздумай она принять хоть, напр., Баденъ

въ съверную конфедерацію, французское правительство сочтетъ свои руки развязанными и немедленно вступится за «независимость» Бадена. Весь вопросъ следовательно заключается въ томъ, поддастся ли Пруссія на эту удочку и предоставить ли она Франціи выжидаемый случай въ войнь. Хотя и въ Пруссін существуетъ значительная партія, которая точно также, какъ и во Франціи, жаждеть войны, надіясь новою Садовой докончить дёло пресловутаго нёмецкаго единства, я одникъ ударомъ присоединить къ себе югъ Германіи такимъ же путемъ, какниъ Пруссія присоединила Ганноверъ и Франкфуртъ; хотя туть и существуеть партія, воторая каждий день утверждаеть въ различныхъ органахъ, что Германія ниветь полное право устранвать свои внутреннія діла безъ всякаго посторонняго визшательства, что Пражскій трактать не имфеть никакого отношенія въ Франціи, и потому ей нечего заботиться о его сохранения, тимъ не мение хотвлось бы думать, что прусское правительство будеть на столь благоразумно, что не подастъ никакого повода къ столкновению. Самое выгодное, разумъется, было бы для Пруссів, если бы она примънила къ себъ слова, сказанныя княземъ Горчаковимъ послё крымской кампанін н которыми вполит воспользовалась Россія, и точно также, какъ эта последняя, на несколько леть ушла бы совершенно въ себя и занялась не военнымъ, а другимъ болѣе полезнымъ дѣломъ. Дѣла же у ней хватить на долго, еслибы она хоткла двиствительно привязать къ себъ свои новыя пріобратенія, и привязать не веревками, не канатомъ, какъ делалось это до сихъ поръ, а такимъ правленіемъ, такимъ развитіемъ свободныхъ учрежденій, которыя примирили бы насильственно присоединенныя маленькія государства къ монархін Фридриха II-го съ ихъ новымъ положеніемъ. Къ несчастію, до сихъ поръ прусское правительство заботится исключительно о военныхъ преобразованіяхъ въ своихъ завоеванныхъ владъніяхъ, совершенно упуская изъ виду, что недовольство гражданъ въ минуты распри между Францією в Пруссіею доставнть ему въ сто разъ больше хлопотъ, быть можеть в серьезной опасности, чёмъ тотъ фактъ, что ганноверцы, нассаусцы и другіе будуть выдвигать и убирать свои ноги во время марша не съ такою ловкостью, какъ это дёлаютъ коренные пруссаки. Военная выправка составляетъ предметъ самаго нѣжнаго попеченія прусскаго правительства, она до такой степени ему дорога, что самъ престарѣлый король, не зная ни сна, ни отдыха, цѣлое лѣто разъѣзжаетъ по землямъ съверной конфедераціи, и вездъ лично, въ качествъ генералиссимуса федеральныхъ войскъ, производитъ смотры, парады, маневры. Ивмецкія газеты полны описаніемъ пріемовъ и праздниковъ, которые онъ встрёчаеть вездё, гдё только показывается; но развё съ самаго сотворенія міра былъ хоть одинъ офиціальный органъ, который рышился бы передавать голую истину? Никто такъ часто не

Digitized by Google

870

любить говорить о Провидении, волею котораго исполнено то и это. какъ прусскій король Вильгельмъ І-й, и потому понятно, что онъ не могъ упустить такого прекраснаго случая, какъ свое посъщение различныхъ областей будущей имперіи, чтобы не вставить о немъ свое слово. Онъ и вставилъ его въ своей рѣчи, произнесенной въ Килѣ, рвчи, надвлавшей столько шума въ любящей шумвть Европв. Тв, которые предсказывають, что будеть мирь, увидёли въ этой рёчи ясное тому доказательство; тв же, которые утверждають, что будеть война, приняли ее за первую брошенную картечь. Если она не представляеть собою ни торо, ни другого, то нужно все-таки сказать, что на безпристрастнаго судью не могъ не подъйствовать дурно ся воннственный тонъ. «Что касается-говориль генералиссимусь федеральной армін-до вашего желанія, чтобы сохраненъ былъ миръ, никто такъ живо не раздъляеть его какъ я, потому что нътъ ничего болъе труднаго и тяжелаго для монарха, какъ оправдать передъ Провиденіемъ обязанность, въ которую онъ былъ поставленъ произнесть странное слово: война. И не смотря на то, есть обстоятельства, когда онъ не можеть, когда ему не позволено отклонять оть себя эту ответственность..... Впрочемъ, я не вижу въ Европѣ никакого обстоятельства, которое способно было бы нарушить миръ. Я говорю это для вашего успокоенія. Но вы лучше въ этомъ убѣдитесь, добавиль онъ довольно внушительно, бросивъ взглядъ на представителей «моей» армін и «моего» флота, которые находатся въ эту минуту среди васъ, эти силы отечества, которые доказали, что они не отступають ни передъ какою борьбою, выпадающею на ихъ долю, и что они умъють выдержать се до конца.» Лишь только слова эти были разнессны телеграфонъ въ различные концы Европы, немедленно поднялся отчаявный гуль, въ которомъ пророческая нота войны одерживала верхъ надъ мирнор. Гулъ этотъ отозвался на бирже, этомъ новомъ барометре XIX-го столътія, страшнымъ паденіемъ курса; въ Парижъ дъло дошло почти что до паники. Если кильская ричь не можеть служить доказательствомъ большого такта короля Вильгельма, руками размахивающаго меченъ, а языкомъ увъряющаго въ своихъ миролюбевыхъ стремленіяхъ, то за то она дала поводъ французскимъ мнистрамъ сдълать шагъ уже ръшительно безтактный. Объяснительная записка трехъ министровъ, внутренныхъ, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, посланная на биржу и увъряющая, что король прусскій произнесъ самую миролюбивую рвчь, что все, что онъ говоритъ о войнъ, объ армін, должно быть отнесено въ 1866 году, и что поэтому финансовый міръ не долженъ безпоконться и выводить изъ нея невѣрныя заключенія о войнѣ, -- произвела на французскую публику самое невыгодное для правительства впечатлёніе. Безъ всякой выгоды для правительства, нота Мутье, Маня н Пинара показала только, какъ легко министры теряютъ тамъ голову

вастникъ ввропні.

и до такой степени, что забывая чувство извъстнаго достоянства правительства, способны называть то белымъ, что должно быть названо если не совсёмъ чернымъ, то по крайней мере серымъ. Но не одни французские министры и всевозможныя газеты перепугались рёчи, произнесенной въ Килъ, испугался ея и самъ прусскій король, и испугался до того, что поспѣшилъ въ Гамбургъ и также на биржѣ произнесъ другую ричь для смягченія первой, и во второй своей ричи уже ни слова не сказалъ ни о Провидении, ни о своей доблестной армін. «Я удявляюсь говориль онь нівсколько дней тому назадь, какь могли дать монмъ словамъ въ Килъ, хоть на одну минуту, иное толвованіе», т. е. какъ не самое ивролюбнвое. Бить ножеть, эта вторая рвчь, которую всв стараются превозносить до небесь, была результатонъ игры телеграфа между Килемъ и тъмъ помъстьемъ, въ которомъ лежить больной Бисмаркъ. Этотъ, сиблый до дерзости, государственный человёкъ понимаетъ, конечно, лучше своего властелина, какъ опасна можетъ быть борьба съ Франціей и какъ невыгодно ставить на одну карту все, что онъ добылъ своею ръшительностью и хитростью. Онъ не настолько осл'япленъ 1866-иъ годомъ, чтобы думать, что восл'я Садовой прусское войско не можеть быть разбито, и не настолько уверень въ прусскомъ патріотнамѣ всей Германія, чтобы думать, что она встанетъ противъ Франція, какъ одинъ человѣкъ. Ему больше, чемъ кому-нибудь другому, должно быть известно, какъ медленно идеть, чтобы не сказать вовсе не идеть, дело сближения Прусси съ присоединенными къ ней провинціями, и какъ мало вкушають они прелесть прусской бюрократия. Если прусский король принималь во время своего объёзда всевозможныя депутація бургомистровъ, заявлявшихъ ему свои обязательно-верноподданническия чувства, то им знаемъ также, что онъ не удостоявалъ свонмъ взглядомъ тѣхъ, которые желали высказать ему въ самой въжлевой формъ, что, не смотря на все ихъ уважение къ священной особѣ короля, они все-таки не считають себя счастливыми подъ его управлениемъ. Однимъ словомъ, Пруссія не только не должна желать войны, но она имветъ всв причины желать мвра.

Еслибы Франція и Пруссія оставлены были всёми другими, то безь сомнёнія, онё долго бы еще стояли другь противъ друга, прежде чёмъ приступить къ рукопашному бою: Франція, опасаясь возбудить противъ себя цёлую Европу, Пруссія—не рёшаясь вызвать сама на слишкомъ азартную для нея игру. Панъ или пропалъ, не есть, какъ извёстно, правило прусской политики. Во всякомъ случаё, прежде чёмъ Пруссія вызоветъ подобную войну, или даже, прежде чёмъ она иоддастся въ разставленныя сёти Наполеона III, она не разъ должна будетъ спросить себя, на какихъ союзниковъ можетъ она разсчитывать

872

въ случат столиновенія, и кого можетъ она встрътить, какъ своего врага, рядомъ съ французскою арміею.

Какъ бы нёжно об'в враждующія, пока на перьяхъ, державы ни смотрёли на Англію, врядъ-ли которой-нибудь изъ двухъ удаєтся увлечь ее въ споръ ихъ о гегемонія на континентъ западной Европы. Англія давно уже съ большимъ хладнокровіемъ, граничащямъ съ презрѣніемъ, смотритъ на все, что дѣлается по сю сторону Канала, и нужно что-нибудь особенное, какъ восточный вопросъ, гдв она не хочетъ упустить своего вліянія, чтобы заставить ее выйти изъ ся олимпійскаго спокойствія. Англія очень хорошо знаеть, что при томъ прогрессв, который сделанъ въ деле «систематическаго убійства», какъ выразились члены брюссельскаго конгресса, война не можетъ длиться долго, и потому ся гланный интересъ-торговля, не очень отъ этого нострадаеть, по крайней мерв, не настолько, чтобы она решилась ради его выйти изъ своего нейтралитета. Въ своемъ же нейтралитетъ она, безъ сомнёнія, будеть более сочувствовать Пруссін, нежели Франців, а это объясняется не только ся старынь недоброжелательствонь, ея ревностью, далеко не заснувшею, какъ часто увъряють англичане, къ своей въковой соперницъ, но также и тъмъ, что ей больше есть причниъ опасаться Франціи съ ся флотомъ, мало уступающимъ англійсвому, чвиъ Пруссін, которая только-что заводится кораблями н впервые выступаеть на полнтичесную сцену какъ морская держава. Къ кому больше лежатъ ся симпатия, это видно уже изъ того, что она не морщась почти смотрить на увеличение Пруссии и на присоединеніе къ ней той или другой провинцін, между тімъ какъ при одномъ случав не о присоединения, а о простомъ таможенномъ и военномъ союзв между Францією, Бельгією и Голландією, она посившила заявить, въ лицв дорда Станлея, что подобный союзь можеть быть мечтою, фантавіею, но никогда дийствительностью. Какъ бы непріятно ни было французскому правительству подобное заявление, оно должно было промолчать. Но между симпатичнымъ къ той или другой державъ нейтралитетомъ и прямымъ заступничествомъ есть еще огромная разница, и Пруссія не должна на него разсчитывать, твиъ более, что въ эту минуту Англія слишкомъ занята своими внутренними дѣлами, чтобы измѣнить своей торговой политикѣ-невмѣшательства. Вопросъ объ нрландской церкви не перестаетъ волновать целую Англію, и каждый день онъ служить поводомъ къ новымъ и ожесточеннымъ столкновеніямъ между врландцами католиками и англійскими протестантами. Трудно и тяжело верить, чтобы въ стране, где такъ давно уже утвердилась политическая свобода, дело народнаго образованія такъ мало было подвинуто впередъ, что невѣжество оставляеть мёсто тому фанатизму, который доставляеть народу сплошь и рядомъ самыя кровавыя зрѣлища. Такое зрѣлище далъ Англіи проте-

стантскій агитаторъ Мёрфи, собравній въ Манчестерв интингь, на которомъ присутствовало болёе 15-ти тысячъ человекъ, и который окончился самымъ печальнымъ образомъ -- смертію несколькихъ протестантовъ и католиковъ, павшихъ въ возникнувшей между ними распрв. Мёрфи выставляеть свою вражду къ католицизму и свою фанатическую защиту протестантской церкви въ католической Ирландін. какъ главный аргументъ, въ силу котораго онъ долженъ быть посланъ въ новий парламентъ - жалкій по истинъ аргументь, который твиъ не менве сделаеть вероятно то, что человекъ, вовбуждающий въ уличному рукопашному бою, будетъ вызванъ въ нижною налату. Новые выборы виесте съ врландскимъ вопросомъ поглощаютъ почти все внимание Англи и оставляють ей мало времени слёдить за европейской полнтикой. Если теперь англійскій кабинеть мало визшивается въ дела континента, то что же будетъ тогда, когда соберется новый парламенть и министерство, какъ надо полагать, перейдетъ изъ рукъ торіевъ въ руки виговъ, и когда Гладстонъ замънитъ собою Дизразли? Визшияя политика виговъ, они давно уже это высказали, будеть за основное свое правило-безусловное невизнательство. Кто бы ни заступиль въ кабинете виговъ место министра иностранныхъ дёль, но разь что уйдеть Станлей, которону иногда приписывали желаніе и намбреніе снова возвратить Англін все ся прежнее вліяніе на двла европейскаго континента, можно сибло будеть советовать и Франція и Пруссіи отправиться за поисками другихъ союзниковъ. Двъ страны, по своему полнтическому положению, назначены самою судьбою принять участие въ прусско-французской распри: Австрія и Италія, но та и другая находятся въ слишкомъ затруднительномъ положения въ наъ внутреннихъ делахъ, чтобы дешево продать свой союзъ; он в должны будуть обречь себя на слишковъ тяжелыя для нихъ жертвы, чтобы вившаться въ общую схватку, и потому надо надвяться, что до тахъ поръ, пока онѣ будутъ видѣть какую-нибудь возможность, безъ ущерба для себя, не выходить изъ нейтралитета, онъ останутся ему върны, и этимъ быть можетъ окажутъ содъйствіе тому, что столкновеніе между Франціей и Пруссіей будеть хоть на время отдалено, а время очень часто, какъ въ частной жизни, такъ и въ политикв, изъ отчаниныхъ враговъ дѣлаетъ большихъ друзей.

Трудно представить себѣ, до какой степени тяжела была бы въ эту минуту война для австрійской имперіи, передъ которой каждий день, точно по волѣ какой - нибудь злой фен, выростаютъ новыя и новыя затрудненія. Никогда кажется добрыя начннанія, самыя лучшія стремленія, не встрѣчали такого негостепріимнаго пріема, не были такъ дурно вознаграждаемы, какъ старанія либеральнаго министерства Бейста для политическаго преобразованія Австріи. Грѣхи Габсбургскаго дома должно-быть слишкомъ велики, что никакія жертвопри-

ношенія не угодны небу. Не успѣло правительство, рышившись на дуалнамъ, примириться съ враждовавшею съ нимъ Венгріею, какъ поднялись другія народности, чешская и польская, и стали предъявлять такія же требованія, какъ и венгры, которые дождались ихъ удовлетворенія только послё лютой, кровавой борьбы съ Австріею. Чехи ведуть, если ножно такъ выразиться, пассивную борьбу съ правительствомъ, ихъ депутаты отказались явиться въ провинціальный сеймъ, они надватся глухимъ сопротивленіемъ добиться себѣ полной автономін. Если нельзя не желать чешскому народу полнаго успѣха въ борьбѣ его съ австрійскимъ правительствомъ за свои вольности, то все-таки нужно ножалёть, что чехи такъ поздно взялись за умъ, н что двадцать лёть тому навадъ, въ ту минуту, когда венгры сражались за свою свободу, чехи шли противъ нихъ и были орудіями деспотическаго правительства. Можно опасаться, что политическая недальновидность сдёлаеть ихъ снова игрушкою той или другой державы. Можеть быть было бы лучще, если бы въ ту именно минуту, когда австрійское правительство, благодаря дисциплинарному наказанію, полученному въ 1866 году, обратилось къ свободь, какъ къ своему якорю спасенія, и выразнаю желаніе, къ которому оно впрочемъ дало уже не одно доказательство, сделать изъ Австріи одно изъ либеральнийшихъ государствъ въ Европи, лучше можетъ быть было бы, если бы различныя напіональности, входящія въ ся составъ, вибсто того, чтобы утруждать сму задачу преобразованія, напротивъ содъйствовали и помогали ему, и темъ бы отняли у правительства возможность утверждать предъ Европой, что невозможна не австрійская ниперія, а та свобода, которую она предоставляеть различнымъ національностань. Примъръ Венгрін мъшаетъ спокойно жить всёмъ остальнымъ національностямъ. Известіе, что императоръ Францъ-Іосифъ прійдеть вийсти съ императрицею въ Львовъ, преисполнило радостью всёхъ галиційскихъ поляковъ. Они мечтали уже, что они добъются оть него всего того, чего добелись венгры, имъ представлялся уже обрядъ коронаціи, празднества, ликованія, которыя сопровождали бы польскаго царя Франца-Іосифа. Но радость продолжалась не долго. Потздка императора въ Галицію отминена, вироятно, вслидствіе настоянія той большой партін, которая требуеть самаго упорнаго сопротивленія требованіямъ Галицін. Всё эти споры, распри, затрудненія въ различныхъ областяхъ австрійской имперіи, дѣлаютъ то, что война въ эту минуту походила бы для нея на бъдствіе. Рядомъ съ этимъ для нея есть другая трудность: съ одной стороны, если бы она стала противъ Пруссін, то въ ея нѣмецкомъ населенія могло бы пробудиться слишкомъ сильное неудовольствіе, котораго правительство избытаеть съ такою тщательностью; съ другой, въ правительствь слишвоиъ жива та рана, которую нанесла ей Пруссія, чтобы рѣшиться

BROTHERS EBPORE.

нойти къ ней на помощь. Если Бейстъ прилагаетъ всё свои старанія, чтобы забыть войну 1866 года, то за то онъ п не особенно забетится о сближенія съ счастливою сопериндею Австріи. Любезности къ ней Пруссіи остаются безъ результатовъ. Когда онъ замѣчаетъ, что въ населеніи по какому-нибудь случаю, какъ это было во время праздника стрёлковъ въ Вёнѣ, проявляется слишкомъ большое озлобленіе претивъ Пруссіи, онъ возвышаетъ свой голосъ и говоритъ: ріапо, ріаво! когда же случается наоборотъ, онъ нажимаетъ педаль и произноснть: forte, forte!

При такой затруднительности внутренняго положенія главныхъ заинтересованныхъ страиъ въ Европъ, война была би только знаконъ несостоительности правительствъ. Что подумать о человъкъ, который, разстроивъ и запутавъ свои коммерческія дѣла, обратняся бы къ рулеткъ, какъ въ послѣднему средству выйти изъ тажелаго банкрутства?!

Не менве трудно положение Италин: въ виду своихъ внутреннихъ затрудненій, она должна была боле другихь употребить все свои усилія, чтоби изб'вгнуть войны. Если кабинеть Менабрев и главнимъ образомъ министръ финансовъ Камбрэ-Диньи, много сделали для нсправленія финансоваго положенія страны, то того же нельзя сказать по отношению общаго политическаго состоянія Италін. Кабинеть Менабреа не пользуется никакою популярностью, двадцать разъ уже находился въ аговін, и если въ конців концовъ ему удалось пріобрівсти въ цалать большинство 19-ти голосовь, то только благодаря тому, что всв сознавали необходомость дать ему время совершить тв финансовыя операція, которыя избавили страну отъ неминуемаго банкротства. Не справедливо было бы обвинять министерство ръшительно во всемъ, но оно несеть на себѣ послѣдствія того грустнаго факта, что оно явилось въ минуту занятія Рима французскими войсками. Оно приняло на себя какъ бы отвътственность за это событие, и потому подвергается за него тысячи нареканіямъ. Безспорный факть тотъ, что Италія не войдеть въ нормальную колею до тахъ поръ, пока французские солдаты будуть оскорблять ся національное чувство свониь присутствіемъ на ея почвѣ, пока Римъ не сдълается ся столицею. Если Менабреа забылъ, кажется, и думать объ окончательномъ ръшении римскаго вопроса, то въ послѣднее время онъ направилъ однако всѣ свои свлы на то, чтобы принудить французское правительство вывести свои войска изъ папской области. Пока однако его старанія не подвигали дѣла впередъ, но только все больше и больше возстановляли Италію вретивъ Франціи съ одной стороны, и противъ целаго министерства съ другой. Возбуждение противъ кабинета и отчасти противъ династи приняло такіе разміры, что лівая сторона итальянскаго парланента рівнилабыло созвать въ этомъ мѣсяцѣ всѣхъ свовхъ членовъ въ Неаполь,

Digitized by Google

876

и на этомъ собраніи, которое заранѣе получило имя parlamentino, постановить, какія должны быть вреняты меры, чтобы вывести страну наз ся візчно тревожнаго состоянія и опреділить разъ навсегда программу оцнознців. Правительство какъ нельзя болёе было встревожено предстоявшимъ собраніемъ, но твиъ не менѣе оно саме поспѣшило опровергнуть тѣхъ, которые распространяли слухи о какихъ-то насильственныхъ мёрахъ, будто бы долженствующихъ воспрепятствовать parlamentino вибть засъданія въ Неаполь. Нельзя не удивляться, до какой степени прочно утвердилась свобода въ Италін, что не только общество, но само правительство ни на минуту не хочеть допустить мысли, что оно можеть поступить противозаконно и нарушить то право, которое предоставляеть народу собираться и толковать где и о чемъ угодно. После длинныхъ разговоровъ объ этомъ «маленькомъ парламентв», на которомъ долженъ былъ предсвдательствовать Ратаци или Криспи, левая сторона совершенно отказалась отъ мысли созвать своихъ членовъ въ Неаполъ, такъ какъ на parlamentino указывали какъ на доказательство сильнаго волнения въ странѣ, и потому какъ на предлогъ французскому правительству не выводить своихъ войскъ изъ Рима. Чтобы отнять всякій поводъ у Наполеона III-го не исполнить сентябрской конвенція 1864 года, которая совершенно соблюдается итальянскимъ правительствомъ, оппозний пожертвовала свониъ собраніемъ. Съ parlamentino связывали также и отставку, которую послаль Гарибальди къ президенту настоящаго парламента, говоря, что онъ решился на такой шагъ, чтобы не быть вынужденнымъ прітхать въ Неаполь, такъ какъ онъ осуждаеть сближение лёвой стороны съ такимъ человёкомъ, какъ Ратади. Связывали ее также и съ другимъ фактомъ, которому нельзя придавать никакого серьезнаго значения, именно съ устройствомъ тайнаго общества, которое имело бы целью отомстить за Ментану, но, безъ сомненія, всё днкіе слухи объ ужасахъ и скудныхъ средствахъ общества съ девизонъ vendetta di Mentana есть только плодъ фантазіи враждебныхъ Италін умовъ. Для Италін кончились времена тайныхъ обществъ, всв ся дъйствія и поступки прямы и открыты. Никто не станеть скрывать, что страна находится въ тревожномъ состояния, но причина его лежить внё Италін. Она жалуется, что мешають довершению ся единства, она всячески выказываеть, что тв, которые помогли ей изгнать австрійцевъ, и которые за помощь получили Ниццу и Савойю, изъ ся друзей сдёлались почти ся врагами, но до сихъ поръ французское правительство, не смотря на то, что оно нуждается въ союзникахъ, не обращало вниманія на эти жалобы. Оно не только отказалось вывести свои войска изъ Рима, но даже, какъ увъряютъ, имъло намёреніе замёстить свои войска испанскимь 30-ти-тысячнымъ гарнизономъ. Подобные слухи, неопровергаемые правительствомъ, должны

Томъ У. – Октяврь, 1868.

Digitized 56 Google

въстникъ ввропы.

были еще болёе вооружить Италію противь Франціи, куда брать неаполитанскаго ех-короля и жена его, дочь Изабеллы П-й, пріёхали на поклонъ въ Наполеону. Дружественный пріемъ, сдёланный графу в графинѣ Джирженти какъ бы подтверждаль этоть слухъ, изъ котораго выводились уже тысячи комбинацій. Но всё догадки, всё слухи, всё соображенія мигомъ исчезли предъ однимъ событіемъ, которое быть можеть перевериеть всё готовые планы государственныхъ людей. Событіе это — революція въ Испаніи, вспыхнувшая 18-го сентября.

Телеграфъ уже возвѣщалъ о свиданіяхъ французскаго императора Наполеона Ш-го и испанской королевы Изабеллы Ш-й, которыя должны были скрапить дружественныя узы двухъ кабинетовъ и быть можетъ подписать наступательный и оборонительный союзъ на случай войны, какъ вдругъ растространнлось извъстіе, что въ Кадиксъ началось воестаніе, что флотъ и за нимъ гарнизонъ города объявнии pronunciamento. Визств съ твиъ пришло и другое извъстіе, что всв генерали, сосланные послёднимъ министерствомъ Гонзалеса Браво на Канарскіе острова, возвратнинсь оттуда, точно также какъ возвратнися и Примъ изъ Лондона, и всѣ они приняли начальство надъ разными колоннами революціоннаго войска. За этимъ первымъ извъстіемъ стали приходить каждый день новыя, возв'ящающія, что pronunciamento, какъ називають въ Испаніи возстаніе, распространяется изъ одного города въ другой, и охватываетъ въ эту менуту если не всю, то большую часть страны. Правительство вийсте съ Изабеллой П-й, находившееся въ эту минуту въ Санъ-Себастіанъ, растерялось; Гонзалесь Браво, вивсть съ остальными министрами, поспѣшилъ перевхать черезъ границу в укрылся во Францін; сама королева двадцать разъ хотвла убхать въ Мадридъ и двадцать разъ изивняла свое решеніе, до техъ поръ, пока не сделалась посмешнщемъ населения С.-Себастивна, где она обреталась первое время. Единственный акть, воспослёдовавшій послё того, какъ всинхнула революдія, былъ тоть, что престарвлому в нелюбимому маршалу Конча было поручено составить новое министерство, которое конечно еще не составлено, такъ что маршалъ Конча является некоторымъ образомъ уполномоченнымъ отъ правительства диктаторомъ. Онъ поспѣшнаъ объявить всю Испанію въ осадномъ положенія, послалъ одну часть войска, пока еще не соединившагося съ народомъ, въ Каталонію, другую часть въ Андалузію, где во главе возстанія стояль наршалъ Серрано, герцогъ-де-ла-Торре, который былъ прежде президентомъ сената. Мадридъ пока оставался, если не спокойнымъ, то все-таки не въ открытой революцін; но это объясняется вовсе не индиферентнымъ отношеніемъ столицы къ возстанію страны, а просто просьбою революціоннаго комитета, который говорить жителямъ: ждите сигнала.

Трудно предсказывать, чёмъ кончится испанская революція, пропадеть ли она также безслёдно, какъ и всё другія pronunciamento,

которыхъ было уже нѣсколько въ царствованіе Изабеллы, или послужить она наконець въ возрождению Испания. Многое заставляеть надъяться на послъднее, и одного такого факта, что въ этотъ разъ вопросъ вовсе не идетъ дело о томъ или другомъ мнистерстве, о томъ или другомъ лицѣ, какъ бывало до сихъ поръ, а о коренномъ измѣненіи въ форм'в правительства, --- достаточно, чтобы смотр'вть на нын вшнее возстаніе совстив иными глазами. «Долой династію и да здравствують учредительные кортесы и временное правительство», вотъ сдова, написанныя на знамени вспыхнувшей революціи. Вся Европа единодушно желаеть ей полнаго торжества, потому что она направлена противъ одного изъ самыхъ презрѣнныхъ правительствъ, не знавшаго никакой мѣры въ своемъ декомъ преслёдование всего того, что составляетъ плодъ западной цивнлизаціи. Ей желають успѣха, потому что въ ней принимають участіе не одни солдаты, какъ бывало прежде, а цёлая нація, которая, какъ говорятъ воззваніе революціоннаго комитета, «возстала противъ тиранія, которая давила, противъ безиравственности, которая оскорбдяла, и противъ наглости, которая унижала испанскій народъ».

Но кончится ли эта революція поб'ядой свободы надъ деспотизмомъ, или н'ять, во всякомъ случав она явилась какъ нельзя болёе кстати для запутанныхъ делъ Европы. Съ одной стороны она хоть на время, но выводитъ умы изъ воинственнаго настроенія, а съ другой — разстроиваетъ игру, выводя изъ нея одного игрока. Можетъ быть, выходъ этого игрока и не окажетъ рёшительнаго вліянія на исходъ игры, но тъмъ не менѣе, онъ заставитъ сильно и надолго призадуматься Наполеона III-го, который, благодаря революціи въ Испаніи, потерялъ въ ней свою единственную върную союзницу. Во всякомъ случаъ, испанская катастрофа послужитъ урокомъ и напомнитъ во Франціи слова Мирабо, что, въ концѣ концовъ, «право властвуетъ въ мірѣ».

I

١

ſ

ļ

Post-scriptum. — Послёднія нэвестія, сообщенныя телеграфомъ, повавывають, что въ Испанін дёла шли съ безпримёрною быстротою и съ рёдкимъ порядкомъ: королевскія войска разбиты, а ех-королева Изабелла воспользовалась гостепріимствомъ Франціи и заняла императорскій дворецъ въ По, близъ Пиринеевъ. Телеграфъ изъ Мадрита, отъ ¹⁸/₃₀ сентября, изв'ящаетъ: «Завтра здёсь будетъ происходить всеобщая подача голосовъ. Въ городѣ господствуетъ совершенное спокойствіе. Правительственная юнта назначила новыхъ чиновниковъ. Живущіе въ Мадритѣ англичане поднесли поздравительный адресъ новому правительству.» Между тѣмъ англійскія газеты распространили слухъ о поддержанін Примомъ кандидатуры португальскаго короля.

56* Google

• НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Если бы я быль публицисть, сврытый во образв простого наблюдателя, для того, чтобы заставить и въ легкомъ чтеніи всетаки твердить задаваемый мною урокъ, то, всего ввроятиве, я прибъгнуль би, для начала моей хроники, къ аллегоріи. Напримвръ:

«Въ огромномъ котлѣ варится супъ..... Солнце болѣе или менѣе ярко освѣщаетъ эту картину.

«Въ супъ положена курица, та самая курица, которую нъкогда объщалъ Генрихъ Беарнъ. Но Генрихъ IV, накъ извъстно, не успълъ заръзать этой курицы, бывъ самъ заръзанъ Равальякомъ.

«Съ тѣхъ поръ, французы все еще питаются лягушками. Лягушка составляютъ важный предметъ отпускной торговли во Францию изъ России, гдтв ихъ въ огромномъ числъ рѣжутъ реалисты. (Отсида, развивая аллегорию, можно бы вывестъ, что реальное направление, поддерживая своимъ трудомъ нашъ торговый балансъ, полезите учения протекціонистовъ, которыя его эксплуатируютъ.)

«Возвратинся — продолжаетъ скрытый публицистъ — къ супу. Курица въ немъ есть, и пищеварение въ котлѣ происходитъ исправно. Но вокругъ стоитъ толпа, н ея-то желудки находятся все еще въ крайне-напряженномъ, выжидательномъ положения.

«Картина эта трогательна, потому что каждый пузырекъ, который вслёдъ за другимъ пузырькомъ вскакиваетъ на днё котла, всплываетъ на поверхность и лопается — предвёщая разочареваніе».

«Положеніе — напряженное, анормальное. Когда-то будеть готовъ супъ, а между тёмъ на зубахъ присутствующихъ хруститъ кризисъ ожиданія, а въ желудкахъ слышится — переходное время».

Виќсто аллегоріи единично-описательной, я могъ бы еще прибинуть къ фигурћ аллегорическаго усугубленія, и воскликнуть: «Отложимъ терапевтику, пока хининъ дорогъ, и аптекари торгуютъ съ привилегіею. Предъ нами примъръ ординаторовъ петербургскихъ больницъ, которые не прописываютъ больнымъ хинина по дороговизнѣ его. Возьмите пока просто ведро ждановской жидкости и очищайте воздухъ отъ махорки грубости, отъ растлѣвающаго кальяна самообожанія, отъ аммоньяка невѣжества, отъ ладана суевѣрія, отъ винныхъ паровъ самодурства и самохвальства».

Но я съ публицистами не имѣю ничего общаго и даже боюсь ихъ, хотя уважаю. Не знаю почему, мнѣ кажется что они — насторы.

Пасторы каждое воскресенье доказываютъ, что исправленье, коренное исправленье совершенно необходимо, и вмъстъ такъ убъдительно выставляютъ испорченность всей нашей натуры, что исправленье представляется едва ли возможнымъ. А публика все слушаетъ, два часа, безъ возраженій. Это тяжело. Тъмъ болъе, что разные пасторы указываютъ разныя причины зла и разные пути ко спасенію.

Публицисты похожи на пасторовъ. Но пасторы имъютъ предъ ними хоть то преимущество, что не вступаютъ въ полемику другъ съ другомъ и не говорятъ, какъ публицисты: «мой-де богъ солиднѣе и аккуратнѣе твоего, а потому и служба начинается у меня въ половинѣ десятаго, когда твой богъ еще не мылся».

Я хочу ограничнъся одними наблюденіями и на память дёлать себё замётки. Чтобы начать съ чего-нибудь, мачнемъ съ выставки въ Академіи художествъ, гдё можно встрётить копію съ жизни, а за тёмъ обратимся къ постоянной выставкё оригиналовъ, которая и представитъ намъ постоянное поприще для наблюденій — къ дёйствительной жизни.

Не умѣю вамъ разсказать, въ чемъ собственно состоить перестройка, произведенная въ Академін; замѣтилъ я только, что хоры на входной лѣстницѣ расширены, и что самой выставкѣ, которая всегда помѣщалась на равной полянѣ, теперь приходится ходить по горамъ и доламъ. При этомъ, выигрывается нѣсколько новыхъ соир d'oeil на старыя картины; вы подымаетесь на хоры въ уровень съ тѣми исполинскими копіями съ итальянскихъ классиковъ, которыя съ дѣтства пугали васъ сверху грандюзностью не только сюжетовъ, но и головъ, рукъ и ногъ, на инхъ изображеншить.

На этоть разь мы дадимъ выставкъ только самый бъглый взглядъ.

По части нейзажа обратниъ винманіе на крымскій видъ г. Орловскаго потому собствевно, что онъ получилъ первую золотую медаль. Общей мысли, общаго эффекта нѣтъ, а есть двѣ партін деревьевъ: одна партія округленныхъ, wohlbelebte, консерваторовъ, которую нельзя не одобрить по красотѣ рисунка и тщательности отдѣлки: н партія долговязыхъ, тонкихъ, некормленныхъ деревьевъ—либераловъ, которые, воля ваща, едва ли не неряшливы нѣсколько. «Сокольничій временъ царя Алексви», г. Литавченко, есть портретъ краснваго косткома, а портретъ г. Набилина (г. Тюрина) есть портретъ письменнаго стола.

Г. Якоби представилъ кардинала Лотарингскаго, которому принесли голову Колиньи. Лицемърно-добродушное выраженіе едва свры-

ваетъ улыбку удовольствія; ему видимо хотёлось потереть руки, и это невольное движеніе художественно сдержано.

Есть недурное «Распятіе» г. Морозова. Есть нёсколько микроскопически - отчетливыхъ картинокъ г. Риццони (преимущественно види изъ жизни капуциновъ). Изъ жанра замѣтимъ хорошенькую картинку г. Перова: «Сцена у желѣзной дороги», изображающую крестьянъ, дивящихся чугункѣ, и «Шарманщика» г. Савицкаго.

Замѣчательна по деталямъ и необыкновенной экспрессін картина г. Гуна: «Канунъ Вареоломеевой ночи». Въ темной, низкой средневѣковой комнатѣ виситъ образъ, передъ нимъ теплится ланпада. Человѣкъ пожилой, пришиваетъ себѣ на шляпу бѣлый крестъ; онъ прищурился и видимо старается. Онъ прокалываетъ шляпу, но занятъ какою-то затаенною мыслью, и въ столь обыкновенномъ крестѣ, и въ движеніи мускуловъ лица видна судорожная рѣшимость. Эта картина по нашему мнѣнію одна изъ лучшихъ на выставкѣ.

Другая — г. Брянскаго: «Невѣста, получившая обратно обручальное кольцо». Но тутъ не надо и надписи, и безъ нея все ярко. Горе, почти физическая боль, но боль еще безотчетная, какъ бы отъ виезапнаго удара, сложились въ складкахъ между этими бровями; глаза такъ блестятъ, и выдаются, что непонятно, какъ можно это сдѣлать помощью краски и тѣни. Эта картина производитъ впечатлѣнie, которое уносится съ собою (г. Бранскій получилъ золотую медаль г-жи Лебренъ за экспрессію).

На этомъ пока и кончимъ отчетъ о петербургской художественной выставкъ. Она бъдна, нътъ спору. Она представляетъ мало оригинальнаго, — это столь же мало подлежитъ сомнънію.

' Продолжая исполнять нашу обязанность наблюдателя, перейденъ въ виставкъ иного рода, къ выставкъ разнихъ «художествъ всероссійскихъ». Тутъ будутъ если не историческія картины, то картины исторій, туть будетъ и жанръ, и хорошій, и тотъ, который извёстенъ подъ названіемъ '«мове́». Чрезвычайное обиліе, и сколько оригинальности!

Послё Петербурга первое м'ясто, по всёмъ правамъ, принадлежитъ Москвъ. За Москвою пойдемъ въ нимя м'яста нашего отечества. Программа, какъ видите, географически-простая, для публициста неводходящая, но для наблюдателя удобная.

Переставъ быть столицею русскаго государства, Москва осталась столицею русской самобытности. Николаевская дорога инсколько не изгладила эту первоирестольную самобытность.

Въ Москвѣ все оригинально, начиная отъ посудныхъ лавокъ, въ которыхъ продаются гробы, и до мировыхъ судей, разбирающихъ дъла о совращения въ черти. Мы увѣрены, что Петръ Великий, еслиби ему

обстоятельно разсказать о положения Месквы въ лёто Господне 1868, перескочилъ бы отъ ужаса на Васильевский островъ, какъ то давно собирается сдёлать его конь.

Для наблюденій надъ русскою общественной жизнью Москва даеть обильный, самородный источникъ. Сдѣлаемъ краткій очеркъ московскаго житья-бытья; наше сочиненіе будетъ составлено по самымъ новъйшимъ источникамъ.

Население Москвы состоить изъ 351,609 душь, которыя, вийств взятыя, приносять казив ежегодно питейнаго сбора около 10 милліоновъ рублей. Изъ этого явно, что городъ Пропойскъ, существующій въ Могилевской губерній, ни въ какое сравненіе съ Москвою идти не можеть.

Нрази московскаго населенія частью рисуются въ нижеслёдующихъ рубрикахъ. Въ общемъ же, жители Москви отличаются отъ нолурусскаго Петербурга тёмъ, что гораздо менёе вольнодумни. Такъ напр., они не только не сомизваются въ существованіи чертей, но судятся съ ними въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, допуская такимъ образомъ и для чертей судъ правый, скорый и милостивый. Между тёмъ какъ въ Петербургѣ, даже миссіонерское общество безъ всякаго суда исключило изъ своего состава г. Аскоченскаго «за распространеніе дьявольской иден».

Образъ правления въ Москвѣ — патріархальный. Онъ основанъ на принципѣ, что власть должна проявлять силу, нбо иначе какая уже она власть. Этотъ принципъ для петербуржцевъ, которые по незнанію своего отечества почти равилются иностранцамъ, необходимо объяснить примѣрами.

Примяръ перени. На академическовъ пруду въ Петровсковъ-Разумовсковъ происходитъ морская баталія. Мѣстный Нептунъ, г. Желѣзновъ, директоръ земледѣльческой академін и, какъ онъ себя называлъ въ судѣ, — начальникъ академической (сухопутной и водяной) полиція, желаетъ проявить власть. Власть искони преимущественно проявляется поборами. Г. Желѣзновъ установляетъ поборъ въ пять рублей съ какдой лодки на пруду, и тѣмъ стѣсняетъ на пруду судоходство. Всѣ подчиняются побору, между прочими и нѣкто г. Лютецкій. Но боги имѣютъ даръ предвидѣнія. Мѣстный Нептунъ предвидить, что г. Лютецкому судьбой назначено представлять въ этомъ случаѣ историческій протестъ. Поэтому, Нептунъ запрещаетъ одному г. Лютецкому имѣть на пруду лодку. Г. Лютецкій сознаетъ свое историческое назначеніе и протестуетъ, являясь защитникомъ принципа нейтральности флага и свободы мореплаванія. Тогда унтер-нептунъ, экзекуторъ Харламовъ, онъ же генералъ-адмиралъ академическаго флота, беретъ

непріятельскую лодку абордажень, лонаеть занокъ на ся ціпи и торжественно упосить се: Такъ грозный Посейдонъ уносиль корабль дерзновеннаго царя Итаки.

Въ судъ, г. Желѣзновъ объявилъ, что онъ только собствевному своему начальству обязанъ отдавать отчетъ въ употребления своей власти. Г. Лютецкий проигралъ дъло. Его выигралъ принципъ проякления власти.

Примпоръ второй. Въ Сокольникахъ происходитъ диплонатическое столкновение. Мъстный Меттернихъ, квартальный надзиратель Гульковский, узнаетъ, что американецъ Эмсъ осмълнася вывъсить на воротахъ одного дома американский республинанский флагъ, купно съ российскимъ. Меттернихъ желаетъ проявить власть. Онъ является и отдаетъ приказание, но получаетъ отпоръ; американецъ объявляетъ, что флага не сниметь, потому именно что празднуетъ въ тотъ день — о ужасъ! «открытие республики.» Въ судъ, американецъ былъ оправданъ, американский флагъ одержалъ побъду надъ квартальнымъ надвирателемъ; и вотъ еще новый ударъ дълу вънскаго конгресса.

Но патріархальный образь правленія состоящій въ томъ, чтоби власть ванималась проявленіемъ силы, вовсе не противорѣчить хваленому новѣйшему принципу самоуправленія. Такъ, у московской полиціи достадо храбрости напасть, если йужно, даже на флагъ могущественной державы; но когда, въ Богородскомъ, дачники звали полицейскихъ въ лѣсъ, гдѣ произошло нѣсколько грабежей, то полицейскіе объявили (цитвруемъ буквально изъ одной газеты), «что сами они боятся ходить въ лѣсъ, а гуляющихъ вѣдь еще ранѣе предупреждали, что въ лѣсу опасно.» Здѣсь высказывается просвѣщевный взглядъ нолицейскихъ на отношеніе власти въ обществу: въ призывѣ со стороны послѣдняго они увидѣли только закоренѣлую нашу привычку обращаться ко вмѣшательству власти и недостатокъ самодѣятельности въ нашемъ обществѣ.

Власть предупреждаеть и пресвиаеть, но не преслъдуеть. Недавно садовникъ, завъдующій содержаніемъ всёхъ московскихъ бульваровь, писалъ въ газету, что большая часть Цвътного бульвара была «вирублена и разръжена» по приказанію начальства, «для личной безопасности московскихъ мирныхъ жителей, такъ какъ куртины его служили логовищами негодяевъ.» Вотъ точно такъ дъланись въ прежнія времена просъки чрезъ шварцвальдскіе лъса, когда въ нихъ гнѣздились грозныя шайки разбойниковъ. Помянутый садовникъ, г. Массъ, оправдываетъ себя въ запущеніи Цвътного бульвара, чъмъ бы вы думали? Тъмъ, что Цвѣтной бульваръ былъ представителемъ не расти-

884

тельнаго царства, а царства разврата и безобразія, гдё грабежи и разбои вовсе не рёдкость». Какъ бы удивился г. Массъ, если бы онъ узналъ, что въ центрѣ Петербурга есть Дётній садъ и нѣсколько скверовъ, которыхъ никому и въ голову не приходитъ «вырубать и разрѣжать,» что однако не нарушаетъ личной безонасности жителей. Но мы говоримъ о Москвѣ; тамъ вырубать бульваръ называется содержать его въ исправности.

Публицистика Москвы, слёдуя примёру нёкоторыхъ московскихъ полицейскихъ, всего менёе занимается собственно городомъ Москвою, а болёв всего тоже любитъ проявлять силу. Можно сказать, что она rend la vie dure всёмъ главнымъ политикамъ Европы. Тё незнаютъ что и дёлать: недовернешься бьютъ и перевернешься бьютъ! Возьмемъ, напримёръ, статью публициста, который содержитъ въ исправности иностранную политику въ газетё почтеннаго М. П. Погодина «Русскій» (№ 40). «Что значатъ» вопрошаетъ онъ, «всё тонкія ухищренія барона Мутье, всё глубокомысленныя соображенія сиръ Генри Бульвера, даже широкіе замыслы графа Бисмарка съ игольчатыми ружьями Дрейзе и Шасспо? Еще бы! Конечно ровно ничего не значатъ. Гдё ужъ имъ!» Правда, читателю несовсёмъ ясно, что такое баронъ Мутье, и какъ графъ Бисмаркъ употребитъ свои ружья Шасспо; но ему очень ясно, что—гдё ужъ имъ!

«А» — продолжаетъ публицистъ — «а о печальныхъ (?) кознодъйствіяхъ саксонскаго барона Бейста, подобныхъ невольнымъ танцамъ бъса передъ заутренею, и говорить труда не стонтъ».

Для того чтобы сказать, что кознодъйствія барона Бейста подобны упомянутымъ «невольнымъ» танцамъ, надо, чтобы публицистъ былъ наглядно знако́мъ съ тѣми и съ другими. Но какъ мы выше сказали, черти въ Москвѣ явленіе болѣе обыкновенное, чѣмъ въ Петербургѣ вубные врачи; а «кознодѣйствія»..... ну, это знаете, сказано только такъ, для соблюденія дипломатическаго слога.

Науки въ Москвѣ сказали недавно свое высшее, послѣднее слово: г. Даль нашолъ, что pince-nez слѣдуетъ называть носохватка, щппоноска, же́мочки или очечки; а нензвѣстный ученый, скромно прикрывшійся въ ученомъ диспутѣ по тому же предмету буквою і, доказалъ что буква ж, «очевидно представляющая іероглифъ жука, весьма неприлична и требуетъ радикальнаго измѣненія» (sic!).

Народъ въ Москвѣ, въ виду проявленія управленіемъ и печатью сили, продолжаетъ быть вѣрнымъ тому характеру, который усвопло ему прошедшее. Извѣстно, что образованіе раскольничьихъ сектъ, пу-

BBOTHERS BBPOHH.

гачовщины и развищены, и казацкихъ вольницъ, было историческимъ протестомъ русскаго народа претивъ проявленія одной сили властями. Это величественное гайдамачество народа продолжается и но сію нору. Полнція вырубила Цвѣтной бульваръ, хотя и отказалась проникать въ лёсъ. На это народъ, въ лицахъ избранной удалой молодежи, краснорѣчнво отозвался учрежденіемъ новой сѣчн, именно воровского общества «Меркурій». Общество это, или правильние дружина, составилось «изъ мелкихъ чиновниковъ и исслюченныхъ гимназистовъ» (извъстно, что руководителями протеста всегда бывали люди съ нъкоторымъ образованіемъ). Оно помъстилось въ пустомъ домъ, въ одномъ изъ Бранныхъ переулковъ, и грабило по окрестности что могло: дрова, курнцъ, поросятъ, подбирало собакъ н проч. Извѣстіе, со словъ котораго им упоминаемъ объ этомъ фактъ, говоритъ о правильной организаціи этого общества: оно имбло своего атамана, въ немъ происходили совъщания и т. д. Вотъ, какъ одинаковыя причины въ история всегда вызывають одинавовыя послёдствія.

Не утомили ли им читателя этимъ этюдомъ надъ Москвою? Но что дёлать — Москва голова всему! Пойдемъ теперь дальше, въ провинцію.

Развитіе политической жизни и расширеніе гласности въ нашемъ отечестве сдёлали то, что телеграфический отдель газеть сталь гораздо разнообразнѣе прежняго. Еще въ недавнее время одниъ (бывшій) издатель С.-Петербургскихъ Вѣдомостей считалъ возможнымъ вовсе обойтись безъ телеграмиъ. Нынв это было бы невозможно: телеграмыы слишкомъ интересны. Примеры: Байонна × числа. – Королева Изабелла вытала изъ Испаніи. — Харьковъ × числа. — Министръ путей сообщенія генераль Мельниковь прівхаль сюда. — Киль × числа. — Король прусскій произнесь річь, въ которой выразиль мысль, что миръ въ Европѣ можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.-Одесса × числа.--Министръ финансовъ, статсъ-секретарь Рейтернъ выразняъ мысяь, что желѣзно-дорожное дѣло у насъ вполнѣ обезпечено. - Парижъ × числа. --Въ свить королевы Изабеллы, прітхавшей во Францію, находятся интендантъ Марфори и министръ Гонсалесъ Браво. — Оренбуръ × числа. — Въ свить генерала Кауфмана, ъдущаго въ Петербургъ, находятся 25 человѣкъ. — Нью-Йоркъ × числа. — Въ Перу произошла катастрофа, при коей погибло 25 тысячъ человѣкъ. — Харьковъ × числа. — Обѣдъ со синчами.-ХарьковъХчисла.-Еще объдъ со спичами.-РыбинскъХчисла.-Здъсь быль объдъ со спичами. Азово × числа. Здъсь ожидають объда со спичами.—Одесса × числа.—Здѣсь все еще вспоминають съ благодарностью о бывшемъ об'вд'в со спичами. - Арханиельскъ × числа. -- По слу-

чаю недостатка въ объдахъ, здёшнее населеніе собирается въ Харьковъ.

Оставниъ астрономамъ доказывать, будто мы, всей землею, ходимъ за звъздами. Наши звъзды вокругъ насъ ходять.

Нельзя не признавать пользы отъ посёщенія гг. министрами разныхъ мёстностей Россіи. Обычай этотъ доселё существовалъ только въ министерствё народнаго просвёщенія. Особенно поёздка г. министра финансовъ въ западную Европу и Россію представляетъ троякую пользу: Европа ознакомляется съ прочностью нашихъ желёзно-дорожныхъ предпріятій; Россія заявляетъ г. министру свои нужды по желёзно-дорожному дёлу и благодаритъ г. министра за его развитіе; г. министръ, постоянно служившій въ Петербургѣ, знакомится и съ другими мёстностями Россіи.

На обѣдѣ въ Харьковѣ, 18 сентября, «сказана была привѣтственная рѣчь Миханлу Христофоровичу Рейтерну, съ выраженіемъ ему благодарности за оказанные имъ Россіи и южному краю услуги, быстрымъ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ. Въ отвѣтиой своей рѣчи, министръ финансовъ, между прочимъ, сказалъ, что «народъ создаетъ финансовую силу государства». Главную финансовую цифру у насъ представляетъ акцизъ съ хлѣбнаго вина, а потому нельзя не признать, что народъ дѣйствительно весьма помогаетъ финансамъ.

Г. министръ финансовъ весьма старается о созданіи желёзныхъ дорогъ; благодарность, выраженная ему Россіею и южнымъ краемъ, совершенно справедлива. Давно уже носится слухъ, что завёдываніе желёзными дорогами будетъ передано изъ министерства путей сообщенія въ министерство финансовъ. Управленіе судоходствомъ по рѣкамъ, говорятъ, перейдетъ въ морское министерство; точно такъ, какъ строительная часть въ губерніяхъ перешла въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ, такъ какъ въ виду громаднаго развитія желѣзныхъ дорогъ министерствомъ финансовъ, каналовъ и шоссѐ болѣе строиться не будетъ, то за министерствоъ путей сообщенія останется: 1) управлевіе институтомъ инженеровъ путей сообщенія; и 2) окончаніе переименованія тѣхъ инженеровъ изъ военныхъ чиновъ въ соотвѣтствующіе гражданскіе чины.

Поэтому, по справедливости, и для облегченія тіхъ відомствъ, которыя облегчать министерству путей сообщенія исполненіе прямого его назначенія, слідовало бы передать министерству путей сообщенія: 1) завідываніе вибшиею торговлею, — такъ какъ вибшияя торговля представляеть главный путь сообщенія нашего съ Европою; — и та-

въстникъ европы.

можнями во офицеры и солдаты этой части носять зеленые канты и выпушки, также какъ чины путей сообщенія; и 2) завёдываніе бракоразводными дёлами морского мпнистерства (см. ниже дёло супруговь Вагнерь), такъ какъ министерство путей сообщенія предусматриваеть приближепіе льда, выступленіе изъ береговъ рёкъ, столь же бурныхъ и непостоянныхъ, какъ страсти, и сообразно сему разводитъ мосты заблаговременно.

Да, желъзныя дороги въ южномъ краю строились и скоро, и дешево, и хорошо. Особенно постройка одной изъ нихъ отличалась всъми этими качествами, да еще нъкоторымъ оттънкомъ романичности.

Постройка одесско-балтской дороги, какъ извѣстно, прославилась дешевизною; дешевизна эта прославила барона Унгерн - Штернберга; слава барона Унгерн-Штернберга отнеслась къ министерству финансовъ. Чиповники министерства финансовъ говорили вслухъ: «Мы саии можемъ строить желѣзныя дороги; у насъ есть люди, которые строютъ ихъ лучше чѣмъ кто либо; что они строютъ дороги хорошо, это призналъ самъ главноуправляющій путями сообщенія; что они строютъ ихъ дешево—это очевидно изъ счетовъ». Слова эти въ нѣкоторомъ родѣ историческія.

Что минястерство финансовъ должно быть главнымъ двигателемъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, это очевидно уже изъ самаго характера его гарантии. Въ самомъ дѣлѣ, техническое вѣдомство могло бы горантировать только прочность желѣзныхъ дорогъ; а министерство финансовъ гарантируетъ ихъ доходность, что гораздо важиѣе.

Но возвратимся къ барону Унгерн-Штернбергу. Знаменитая дешевизна его постройки, сравнительно съ иными, зависвла въ нѣкоторой степени отъ того, что сравненіе было въ родѣ слѣдующаго: отъ настера А. получена пара сапотъ за 7 рублей; а отъ мастера Б. нара сапотъ за 4 рубля. Значитъ, мастеръ Б. строитъ сапоги дешевле. Но позвольте, возражаетъ пессимистъ: вѣдъ мастеръ Б. сдѣлалъ только головки. — Такъ чтоже? спрашиваетъ оптимистъ; неужели же голенпща вы считаете въ 3 рубля? Много если они стоютъ рубль; прикиньте этотъ рубль, и выйдетъ, что мастеръ Б. строитъ полную пару сапогъ за 5 рублей, стало быть все-таки дешевле мастера А. двумя рублями.

Но попробуйте заказать мастеру Б. полную пару сапогъ и увидите, что онъ возьметъ съ васъ тоже 7 рублей. Этой мистеріи сапожнаго дѣла мы никогда не могли понять, пока не построилась одесскобалтская дорога.

Но если удивительная дешевизна, прославившая эту дорогу, а съ нею п барона Унгери-Штерибсрга, впослѣдствія подверглась въ мибнів иныхъ спеціалистовъ нѣкоторому сомиѣнію, то никакому сомиѣ-

۱

нію не подлежить оригинальная романичность ея постройки. На обѣдѣ, по поводу открытія 2-го участка балтско - елисаветградской дороги, самъ бар. Унгерн-Штернбергъ съ несомнѣннымъ бельлетристическимъ талантомъ описалъ характеристическія черты строительства одесско - балтской дороги. Для работъ, къ нему командировано было 900 штрафованныхъ солдатъ. «Нравственная порча до такой степени ясно отражалась на ихъ лицахъ», говорилъ баронъ, «что я вынужденъ былъ заказать имъ фуражки съ длинными козырьками». Благоразумная распорядительность; ибо ничто такъ не заразительно, какъ именно нравственная порча; безъ козырьковъ, она могла сообщиться механикамъ. Одесско-балтская дорога, объяснившая намъ уже мистерію въ сапогахъ, показала намъ теперь, что въ козырькахъ тоже есть мистерія. Вотъ это-то и были именно тѣ тайны, на которыя другъ Гораціо получилъ знаменитый намекъ.

Но это не все. Козырьки, правда, предотвратили дальнѣйшее распространеніе нравственной порчи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, они, такъ сказать, сконцентрировали ее тамъ, гдѣ она уже была. Подъ козырьками штрафованнымъ солдатамъ удобно было составлять заговоры; подъ прикрытіемъ козырьковъ, они тащили «невыразимые» въ кабакъ и пропивали тамъ эту принадлежность; они находили, что южную дорогу можно строить и «безъ штановъ».

Но не таково было мићніе барона Унгерн-Штернберга. Онъ взялся построить дорогу въ лучшемъ видѣ, а тутъ вдругъ строить ее безъ...... Но сдѣлать рабочимъ новые панталоны значило бы отвлечь средства, необходимыя для прочности самой дороги, и во всякомъ случаѣ уменьшило бы ея дешевизну. Баронъ Унгерн - Штернбергъ буквально говоритъ: «Этакъ мы бы немного и выстроили дорогъ». «По этому, какъ говоритъ баронъ, (опять цитируемъ буквально) пришлось взять имъ штаны на прокатъ. Послѣ окончанія церемоніи, я неуспѣлъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ услышалъ голосъ унтеръ-офицера, скомандовавшаго «штаны долой»! «Вотъ какъ мы начали дѣло».

И такъ, одесско-балтская дорога всетаки строилась «безъ штановъ», но въ этомъ былъ виноватъ унтеръ-офицеръ.

Баронъ Унгерн-Штернбергъ въ концѣ своей рѣчи увѣрилъ, что все это исправилось впослѣдствіи. Онъ ссылался на опрятную одежду и веселыя лица пяти тысячъ штрафованныхъ солдатъ, которые у него находятся нынѣ. Очевидна цѣль показать, что стало быть и сами штрафованные солдаты довольны тѣмъ, что на нихъ возложили эту работу. Къ несчастью, изъ Елисаветграда было извѣстіе, что тамъ 19 августа разстрѣлянъ одинъ изъ этихъ солдатъ; онъ «встрѣтилъ смерть до-

въстникъ ввропы.

вольно покойно, почти равнодушно, объявляя, что предпочитаетъ ее тяжелымъ работамъ на желѣзной дорогѣ».

Итакъ, однимъ изъ элементовъ дешевизны постройки, которою хвалилось министерство финансовъ, былъ штрафной трудъ.

Но, какъ говорятъ иногда въ подобныхъ случаяхъ, обратнися къ «болѣе веселымъ» фактамъ. Направимъ наши наблюденія въ другую сторону.

Необходимость отдёленія свётскаго отъ духовнаго—одно изъ убѣкденій, которыми гордится новое время. Нельзя не замѣтить, что новое время не очень церемонно насчеть литературной собственности своихъ предшественниковъ. Но въ этомъ случав, оно право. Необходимость отдѣленія духовнаго отъ свѣтскаго—принципъ новый, и сознаніе его дѣлаетъ честь нашему вѣку.

Но что слёдуеть разумёть подъ понятіемъ «духовнаго»? Неужели только то, что относится къ вёрё? Не слёдуеть-ли причислить къ той же рубрикё все, что относится къ мышленію и къ такъ называемому внутреннему чувству? Ясно, что слёдуетъ. Если законъ не долженъ и не можетъ обязывать человѣка къ такой-то вёрё, то столь же мало онъ долженъ и можетъ кого-либо обязывать къ опредёленному убѣжденію. Өеократія противна духу времени, софократія противна адравому смыслу.

Правда, гегелевская философія считалась одно время въ Пруссія какъ бы государственною; ей былъ присвоенъ мундиръ за то, что по ней выходило будто Богъ живетъ въ Берлинѣ. Но результаты дальнѣйшаго развитія гегелизма показали, какъ мало оффиціальность можетъ сдерживать философію въ запряжкѣ штаатсъ-колымаги.

Гриффонъ мысли возгнушался казеннымъ овсомъ, хоть онъ былъ золочевный, цензурою, хоть она была отеческою, и отлетѣлъ съ шумомъ, сбивъ крыльями парики съ нѣсколькихъ тайныхъ и дѣйствительно-тайныхъ мозговъ.

Ну-съ, а поэзія? Можетъ-ли быть, должна-ли быть государственная поэзія, поэзія, установленная закономъ и по закону обязательная? царство ея не отъ міра сего. Правда, и несчастнаго пегаса пробовали запрягать въ гоф-вагонъ; философія шла въ корню, поэзія на пристяжкъ. Но это удалось только благодаря временной храмотъ пегаса. Съ тъхъ поръ какъ онъ вырвался, его ловили на арканъ, но не поймали.

Ясно, что законъ не можетъ обязывать ни вѣрпть тому-то, ни думать такъ-то, ни мечтать о томъ-то, потому что все это неуловнио для закона.

Ну, а любить такого-то? О купидонъ, капризнѣйшій изъ небожн-

890

XPOHNKA. --- HABJIDJEHIS H SANBTEN.

телей, тебя ли можно поставить во фронть учебнаго стрёлковаго баталіона? Ты одинъ никогда никому не подчинялся, и надъ всёмъ господствовалъ, во все смёло и произвольно металъ стрёлы, не признавая властей, и даже подшучивалъ надъ ними.

Странио было бы, конечно, признать купидона духовною особою. Но что власть любви есть власть духовная, свётской власти не подсудная, заксномъ неустановимая, это не подлежитъ сомитнію.

Между тъмъ, мы навъки скрепляемъ торжественное обещание двухъ голубковъ въчно любить другъ друга. Въ тотъ моментъ, когда они запечатлёваютъ эту клятву поцѣлуемъ неземного блаженства, мы привёшиваемъ къ ихъ сердцамъ печать.

Бываетъ, конечно, что они впослѣдствіи поругаются, даже подерутся. Пусть ругаются, пусть дерутся, но печати ломать не слѣдуетъ. На такія мысли навело насъ нижеслѣдующее.

Недавно въ сенатъ разбиралось дъло супруговъ Вагнеръ, которые какъ видно изъ ръчей адвокатовъ, давно перестали любить другъ друга, а между тъмъ, у одной изъ сторонъ, слабъйшей, родился ребенокъ; другая же, сильнъйшая сторона, не отрицая результатовъ прежней законно-зарегистрованной любви, т. е. старшихъ дътей, слагаетъ однако съ себя обязанность содержать ихъ. Логику защиты полковника Вагнера можно изложить такъ: онъ утверждаетъ, что у жены его есть незаконнорожденный ребенокъ, и стало быть давать ей средства на содержаніе его законныхъ дътей онъ не долженъ; что выдавать ей денегъ изъ своего жалованья онъ не обязанъ, такъ какъ она не хочетъ жить съ нимъ, а жить съ нею онъ едва-ли согласится, такъ какъ она «довольно дерзкаго характера»; наконецъ, что въысканіе съ него денегъ въ пользу жены было бы несправедливо, такъ какъ она въ прошеніи назвала его отставнымъ капитаномъ, между тъмъ, какъ онъ—подиолковникъ.

Защита же жены подполковника Вагнера о незаконнорожденномъ ребенкѣ не упоминала, потому что это—деталь, да и ребенокъ-то маленькій. За то, объясняя, что мужъ, получая самъ достаточное содержаніе, ее съ дѣтьми оставлялъ безъ средствъ къ жизни, втеченіи восьми лѣтъ, она требовала, чтобы судъ взыскалъ съ мужа по 40 рублей въ мѣсяцъ за всѣ эти года, дабы дать ей возможность прокормиться за эти истекшіе года. Сверхъ того обязать его давать деньги на содержаніе отнынѣ и впредь.

Судъ находилъ справедливымъ, обязать Вагнера давать женъ сред-

891

ства къ жизни виредь, но не взыскивать съ него того, что онъ не уплатилъ за минувшее время.

Трудно было постановить приговоръ болёе справедливый. Между тёмъ, не слёдуетъ ли изъ него практическое указаніе, что для мужей, не желающихъ ни жить съ женами, ни содержать ихъ, явный разсчеть уклоняться отъ платежа об'ёщанныхъ при разлученіи денегъ; деньги за все время, которое займетъ процессъ въ трехъ инстанціяхъ—остаются въ барышѣ для неплатящаго мужа.

При этомъ изъ доклада узнаемъ, что дѣла по супружескому песогласію г-жи и г-на Вагнеръ производплись: 1) въ духовной консисторіи, 2) въ канцеляріи военнаго генералъ-губернатора, 3) въ третьемъ отдѣлевіи собственной его величества канцеляріи, 4) въ управѣ благочинія, и 5) въ морскомъ министерствѣ; кромѣ инстанцій суда.

Вотъ сколькимъ въдомствамъ подлежитъ купидонъ.

Amor, che u nullo amato amor perdona....

Интересно бы въ особенности взглянуть на дёло о супружескихъ отношеніяхъ по морскому министерству.

Хотя Венера изображается иногда выходящею изъ морского вѣдомства или, по крайней мѣрѣ, изъ морской пѣны, это намъ извѣстно, но мы не знали, что купидопъ иногда погружается въ морское вѣдомство.

Простому народу неизвёстны всё эти инстанцій, потому въ немъ супружескія дёла разбираются гораздо болёе первобытными способами. Новгородецъ Иванъ Петровъ, когда жена затруднилась отдавать ему его вещи, при ликвидацій ихъ супружескихъ отношеній, хватилъ жену полёномъ по головё, и хотя подвергся суду, перенесъ уже одно оправданіе и поставленъ во второй разъ подъ обвинсніе, стало быть медленности судейскаго разбирательства не избёжалъ, — но разводъ получилъ въ одно мгновеніе. Вещи свои онъ тоже получилъ.

У выборгской заставы, на парголовской дорогѣ, рядомъ съ церковью и богадельнею, которыя напоминаютъ о дуэли Новосильцева и Чернова, находится дача Змѣева. На этой «дачѣ», много дачныхъ домиковъ. Посреди прудъ; надъ прудомъ мостикъ. Тутъ же отдаются внаймы верховыя лошади. Кажется, чего бы не доставало для благополучія жизни дачниковъ, особенно же дачниковъ осчастливленныхъ супружествомъ. Богатство природы, близость священника и повивальной бабки (тутъ же за угломъ) — все приглашаетъ къ безмятежной любви....

Amor che al cor gentil ratto s'apprende.

892

Но передъ нами картина совсёмъ иного рода. На крыльцё одного дома сидитъ полуживой, въ халатё и грязной рубашкё, старикъ, разбитый параличемъ. Ему не даютъ ёсть; его быютъ жена съ сыномъ.

На такой результать любви, изъ за-угла является конечно не повивальная бабка, а околоточный надзиратель.

Изъ письма, напечатаннаго г. Ивановскимъ, библіотекаремъ Публичной библіотеки, оказывается, что жертва этого семейнаго несчастія извѣстный археологъ н профессоръ Снегиревъ, который по попеченію г. Ивановскаго былъ пристроенъ въ больницу, такъ какъ пенсіонъ былъ отъ него отобранъ эксплуататорами, и старикъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни. Больница почему-то отослала его къ женѣ, и жена не давала ему ѣсть, относя его самого къ предметамъ археологіи и въ добавокъ стала его бить (по показанію самого г. Снегирева).

Какимъ образомъ, любовь, которая измѣняется отъ безпредѣльнаго самопожертвованія до убійственной страсти, которая не признаетъ никакихъ законовъ, которая временна какъ вихрь, мы кладемъ въ основу всего прочаго, созидаемъ на ней фундаментъ?

Не любовь, а бракъ — фундаментъ, возразятъ мнѣ. Но бракъ основывается на клятвѣ вѣчной любви. Да и что же бракъ безъ любви? Гражданское отношеніе. Хорошо-съ. Но развѣ есть во всемъ законодательствѣ еще хоть одинъ примѣръ взаимнаго закрѣпощенія личностей, хотя бы по обоюдному согласію? Допускается ли безсрочное и безвозвратное отреченіе одной личности отъ своихъ правъ въ пользу другой? Допускаются ли вѣчныя, неподлежащія уничтоженію довѣренности? Нѣтъ, потому что пельзя быть увѣреннымъ, что получившій какую-либо довѣренпость, всегда будетъ оправдывать оказанное ему довѣріе, — кромѣ торговцевъ китайскими чаями, которые постоянно оправдываютъ довѣріе публики. Но рѣшить этотъ вопросъ намъ не по силамъ, да и вообще не наше дѣло рѣшать вопросы: мы только наблюдаемъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Егоръ Петровичъ Ковалевский.

Въ ночь съ 20-го на 21-е сентября мы понесли одну изъ самыхъ чувствительныхъ утратъ съ кончиною Е. П. Ковалевскаго. Его смертью заключилась жизнь человека, синскавшаго своими трудами, образованностью, въ высшей степени благороднымъ характеромъ, безграничное уважение и, можно сказать, преданность всёхъ, кто имёлъ случай знать его лично или просто встрётиться съ нимъ. Когда умирають подобныя личности, намъ, пережившимъ, кажется, что съ ея смертью какъ-будто уменьшилось наше собственное существованіе, и чувствуешь, что въ жизни остался какой-то пробълъ, который едвали скоро можеть быть чёмъ-нибудь замѣщенъ. Въ наше время, такая «нездобивая» натура, какою являлся всегда покойный, была настоящниъ феноменомъ; люди самыхъ разнообразныхъ мнѣній и взглядовъ находили его кабинеть самымъ уютнымъ мъстомъ для внтимной бесъды; не было человѣка, который не оставлялъ бы дрязгъ и мелочей обыденной жизни за порогомъ этого вабинета. Таково было магическое вліяніе всіми чтимаго хозянна, и никто не таготился этных вліянісых, какъ не тяготятся вліяніемъ свѣта и теплоты.

Литературная и общественная дѣятельность Е. П. Ковалевскаго слишкомъ обширна и разнообразна, чтобы мы могли дать о ней хотя слабое понятіе въ настоящихъ строчкахъ, которыми мы желаемъ въ эту минуту отдать должное его доброй памяти. Подобныя личности рѣдки во всё времена, а потому уваженіе къ нимъ и ближайшее ознакомленіе съ ихъ дѣятельностью можно вмѣнить въ долгъ обществу. Мы постараемся собрать всё необходимые матеріалы и свѣдѣнія отъ лицъ, знавшихъ близко покойнаго и раздѣлявшаго съ нимъ труды, чтобы современемъ представить болѣе обстоятельную его біографію. Рѣдко кто такъ соединялъ съ литературнымъ талантомъ, жизненною опытностью и начитанностью, обширную практическую дѣятельность на общественномъ и государственномъ поприщѣ, какъ именно Е. П. Ковалевскій. Его имя особенно распространено на Востокѣ и пользуется большою популярностью въ земляхъ славянскихъ. Смерть застала его надъ общирнымъ трудомъ, отрывокъ изъ котораго извѣ-

стенъ нашимъ читателямъ. Въ мартовской книгѣ нынѣшняго года была помѣщена его статья: «Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ», съ замѣчаніемъ автора: «Изъ неизданной книги, т. П. гл. 2». Эта «неизданная книга» — «Исторія Россіи въ XIX-мъ столѣтіи», н. какъ видно изъ помѣтки автора, два первые тома были уже обдѣланы, и работа приближалась къ концу 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. По напечатанному отрывку можно судить о цѣломъ и понять, что́ утратила отечественная исторія со смертью Е. П. Ковалевскаго.

Вотъ ero curriculum vitae: онъ родился въ 1811 году, въ Харьковской губернів, и, кончивъ курсъ въ харьковскомъ университеть, въ 1829 г. поступнаъ на службу по въдоиству горныхъ и соляныхъ дълъ, и немедленно вслёдъ затёмъ отправился на сибирскіе заводы Колывано-Воскресенскіе, а въ 1835 г. перешелъ на Уральскіе заводы. Въ 1856 г., его перевели въ корпусъ горныхъ инженеровъ, и вскоръ затемъ назначнии ченовникомъ особыхъ поручений при начальникъ Уральскихъ заводовъ. Командировка для сопровождения каравана съ золотомъ привела Е. П. Ковалевскаго въ Петербургъ; это было во второй половинъ 1837 г., и съ того времени начинается въ его жизни новая двятельность, дипломатическая, которая могла весьма удобно соединаться съ прежнею его спеціальностью горнаго инженера, такъ какъ вездѣ могли находиться или горные промыслы или заводы. Дѣйствительно, въ декабръ 1837 г., по высочайшему повельно его командировали за границу «для исполненія, между прочимъ, возложеннаго на него министромъ вностранныхъ дълъ поручения». На возвратномъ пути, его уволили снова въ Италію, съ порученіемъ осмотрѣть мюнхенскую королевскую литейню. Въ февралѣ 1839 г. онъ вернулся въ Петербургь, но уже въ мартъ, опять по высочайшему повельнію, его командировали въ Бухарію, «для исполненія, между прочимъ, особо возложеннаго на него министромъ внострапныхъ двлъ порученія. Только въ августв 1840 года онъ возвратился изъ Бухаріи въ Петербургь; во время этой миссіи Е. П. Ковалевскій испыталь всё лишенія и опасности въ Акбулакскомъ укрѣпленіи, наравнѣ съ гарнизономъ. Три года странствованія навели его на мысль составить интересный трудъ, и въ 1843 г. вышло его сочинение: «Странствователь по сушѣ и морямъ»; но, послѣ небольшого перерыва, ему пришлось опять самому обратиться въ странствователя. Въ 1847 году, вследствіе доклада министра финансовъ, Е. П. Ковалевскаго командировали въ Египетъ, для установки и разработки открытыхъ тамъ золотоносныхъ розсыпей, а въ началъ 1853 г. его послали въ Черногорію съ особымъ порученіемъ. Едва успѣлъ онъ возвратиться въ іюнѣ, какъ въ ноябрѣ того же года его командировали, по высочайшему повелѣнію, за границу. Его посл'яднія путешествія предшествовали восточной войнь, и уже на обратномъ пути, Е. П. Ковалевский остался при

ŧ

въстникъ ввроны.

дунайской армін, а виослёдствін при главной квартирѣ, на сѣверной сторонѣ Севастополя, до самаго перехода нашихъ войскъ на Инкерманскія высоты, въ октябрѣ 1855 года. Въ самомъ началѣ нинѣшняго царствованія, въ 1856 г., Е. П. Ковалевскій занялъ должность директора азіятскаго департамента, а съ 1861 г. назначенъ присутствовать въ 1-мъ отдѣленін 3-го департамента правительствующаго сената, съ оставленіемъ членомъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ.

Какъ ни голословенъ этотъ внѣшній перечень, но изъ него видно, что Е. П. Ковалевскій находился въ постоянномъ прикосновенія съ жезныю; о немъ можно сказать больше: онъ занималъ мѣсто въ самой исторія нашей страны. И за всімь тімь у него всегда било время для ученыхъ работъ, для дружескихъ отношеній, въ литературномъ кружкъ, котораго онъ былъ главнымъ центромъ. Нигдъ такъ не выяснился вполнѣ привлекательный характеръ его и вся душа, какъ въ дъятельности по Обществу литературнаго фонда, которое избирало его нѣсколько разъ свопиъ предсѣдателемъ. Общество потеряло съ его смертью трудно замѣнимаго дѣятеля, и остается только желать, чтобы дорогая память о немъ послужила тою связующею силой, какую представляла личность покойнаго при его жизни, слишкомъ кратковременной и для той пользы, которую онъ приносилъ, и для той любви и дружби, съ которою мы его сегодня провожаемъ въ могилу, сохраняя о немъ дорогую намъ память. **X**, C.

23 сентября 1868 г.

КРИТИКА

K

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НЗВЪСТІЯ.

АВГУСТЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

юенно - статистическій сборникъ» на 1868 г. Выпускъ II. 349 стр.

ŧ

Первый выпускъ «Военно - статистическаго юрника», выходящаго подъ общею редакціею Обручева, быль встречень печатью съ совствіемъ и одобреніемъ. Появленіе такихъ ланій, какъ «Статистическій Временникъ» и «Военно - статистическій Сборникъ», свильпьствуеть, что въ мірѣ оффиціальномъ упровается убъждение, съ одной стороны въ нехонимости для самихъ администраторовь югого, вром'я одной доброй воли и усердія, съ другой-въ солидарности успѣховъ самой министраціи съ распространеніемъ реальать сведений въ обществе. Собрать все те ьлѣнія, которыя помѣщены въ «Временкф» статистическаго комитета министерства утренныхъ дѣлъ, было бы невозможно для стнаго лица, и нельзя не радоваться прокшему въ министерство убѣжденію, что эти забнія необходимы «какъ для государственхъ людей и администраторовъ, такъ и для сы образованной публики».

Матерьяль, обработанный въ военно-статистическомъ изданіи, по свойству своему, уже болье: доступенъ для частныхъ изслѣдователей. Но у кого же можетъ быть такое богатство источниковъ и пособій по части этнографіи, какое находится въ библіотекѣ нашего генеральнаго штаба?

Въ исчислении матерьяловъ, послужившихъ для настоящаго выпуска «Сборника», относительно, напр., Турцін, мы находимъ «рукописные матерьяды», которые, по всей въроятности, инъють происхождение оффиціальное. Воспользоваться ими могло, конечно, только лицо, приналлежащее къ военной администраци. Но это не все. Библіотека нашего генеральнаго штаба вообще богата книгами по части этнографін Турцін: нёкоторыя изъ нихъ, напр. Ami Boué, Cyprien Robert, gonecenia anraiäскихъ консуловъ, и, разумъстся, изданія на турецкомъ языкъ-недостанешь въ Петербургъ нигдѣ, кромѣ библіотеки генеральнаго штаба, публичной библіотеки и коллекцій нѣкоторыхъ спеціалистовь. Публичная библіотека доступна

Digitized by GOOGLE

всёмъ, но кому неизвёстенъ огромный недостатовъ нашего почтеннаго вингохранилища: отсутствіе изданій новыхь? Этоть недостатокь лізаеть изъ нашей alma mater инсьменности свуную мачиху для занимающихся этюдами надъ чёмь бы то ни было живниь, современнымь.

Составители «Военно-статистическаго Сборника» воспользовались самыми новыми сочиненіями, относящимися въ Турцін, кавъ, напр., книгой Миллингена, которая вышла только въ нынѣшнемъ году. Они собрали всѣ постановленія, относящіяся въ турецениъ реформанъ, до мая мёсяца текущаго года. Вотъ ужъ этого бы них никогда не сдълать при помощи одной нашей публичной библіотеки.

Мы указали на матерьялы, послужныше для составленія статьи «Сборника» о турецкой имперін потому именно, что эта статья — самая важная и самая цённая часть настоящаго выпуска. Она составляеть большую половнну его и, по необработанности своего предмета въ нашей литературъ, а также и по спеціальной важности его для Россін, представляеть трудъ чрезвычайно полезный. Статья эта составлена сь большой полнотою и представляеть такую картину турецкой имперіи, которая, по новизнѣ и богатству свѣдѣній, займеть первое мѣсто не только въ нашей, но и вообще въ этнографической литературь, на нъкоторое время.

За вратениъ хронологическимъ обзоронъ прошлаго турецкой имперіи, слёдуеть описаніе ся состава, причемъ относительно земель вассальныхъ приведены и самыя новъйшія изивненія въ ихъ зависимости, затвиъ идеть этнографія собственной Турцін. Извѣстно, какъ затруднителенъ тутъ выборъ цифръ населенія; у разныхъ писателей, онъ разнятся на миллоны. Составитель остановился на цифрахъ оффяціальнаго счисленія 1844-1845 годовъ, согласныхъ съ общими цифрами Убичини, но приводить en regard и цифры Ами Буэ, Редена, Лежана и Фикера, отридая достовърность цифръ приготовленнаго для всемірной выставки статистическаго труда Салагоддинъ-бея. Общая цифра населенія собственной Турція, по даннымъ 1844-45 г., болъе или менъе подправленнымъ, составляетъ 16 милліон. 50 ты-СЯЧЪ.

Далѣе, мы находимъ новое административное |

казамъ), съ таблицами населенія каждой міст ности, по народностямъ. Здъсь мы встръчаен цнфру 11,325 русскихъ въ дунайскомъ виляет Спеціальныя цифры населеній провёрены в конесеніямъ вонсуловъ и другимъ изследоы ніямъ.

Устройство турецкаго государства и общества составляеть самую любонытную част статьн. Здёсь на первомъ мёстё стонть, ра зумвется, — воранъ. Изъ него приведено в СКОЛЬКО ВЫПИСОКЪ, СВИДЪТЕЛЬСТВУЮЩИХЪ БАК о некоторой возможности терпимости по отво шенію въ христіанамъ, тавъ вивсть и о по тиворвчій такой терпиности главнымъ през писаніямъ корана. Намъ кажется, однаво, та въ воранѣ можно найти нѣсколько болѣе ю ложительныя изр'яченія въ пользу религіозно терпимости, чёмъ тё, какія приведены и статьв. Но несомнённо, что поученія его в смыслё противоположномъ и многочисления и энергичние. «Изъ того, что коранъ соста ляеть основу мусульманскаго общества — гово рить составитель -- вытекають сами собой ди главныхъ послёдствія: 1) власть полнтичесть въ Турцін должна сливаться съ властью рел гіозною, и 2) общество нев'трныхъ должи стоять особнявомъ и занимать униженное по ложеніе относительно общества правовія ныхъ». Мысль эта не нова и вмёстё неоси рима. Но, спрашивается, не преувеличивает ли мы, европейцы, у которыхъ гоненіе на ж върныхъ также основывалось нъвогда на п саніи, безусловной неотибнимости и сили м рана надъ правительственными сферами Ту цін? Едва ли главное препятствіе д'яйствител ному примѣненію реформъ составляеть имени буква корана, а не сущность правления снысть того положения, которое создано го подствомъ мусульманскаго меньшинства в Европ'я надъ христіанскимъ большинством

Интересно описаніе устройства улемы (д ховной власти) съ ся вътвями: религіозною юридическою. Улема присвоила себѣ пран скрѣпы всѣхъ правительственныхъ поставо леній (эта скрѣпа или санкція называетс фетва); а изъ этого права истекаеть и прав представленій, даже протеста. Но такое пран улемы присвоили себъ сами, въ половия ХУП-го вѣка, и коранъ тутъ ни при чеж Прежде, этого права не было, стало быть ся двленіе Турціи (по виляетамъ, санджавамъ и могло бы быть и отмвнено или передано и

Digitized by GOOGLE

и вшнему верховному совету, въ которомъ всегда засёдаеть шейх - уль - исламъ. Вопросъ ВЪ ТОМЪ, ЗАХОЧЕТЪ ЈН САМА СУЛТАНСКАЯ ВЛАСТЬ это сдёлать? значить, вопросъ сводится въ обицему вопросу о несклонности власти въ двиствительному самоограничению. Оппозиція улемовъ никогда не помѣшаетъ султану, напримфръ, перестроить еще разъ дворцы, какъ онъ это сделаль по возвращении изъ своей поездки на всемірную выставку. А верховный совіть, если бы «фетва» принадлежала ему, пожалуй могъ бы это сделать. Вотъ, какъ намъ кажется, причина застоя болье реальная, чемъ противоръчные тексты корана. Въдь вотъ корань, между прочных, прямо предписываеть христіанамъ платить поголовную дань, а межау темъ эта дань отменена же.

Составитель статьи о Турціи слелаль очень хорошо, вылючивь въ нее тексть гатти-шерифа гюльянскаго и гатти-гумаюна. Воть что онъ говорить относительно исполненія этихъ реформъ: «По сознанію самого же турецкаго правительства, выраженному въ меморандумъ Фуадъ-паши 15-го мая 1867 года, можно убъдиться, что Порта оставалась за все это время только при добрыхъ нампьреніяхъ, но не осуществила ихъ на практикъ. Весь меморандунъ составленъ въ слёдующемъ духё. Порта не ногла освободить населенія оть поборовь духовенства, обезпечивъ его опредъленнымъ содержаніемъ, ибо христіянское духовенство выразнио яко бы отвращение оть получения платы изъ мусульманской казны. Она не могла оградить болгаръ отъ притеснений греческаго духовенства, ибо не рѣшилась нарушить фирмана константинопольскаго патріарха, по коему ему предоставлено право назпачать духовныхъ лицъ болгарамъ. Она не могла распространить на христіянъ военную повинность, ибо они питають нерасположение въ военному ремеслу; тъмъ не менъе, средства къ допущению христіянь въ армію тщательно изыскиваются. Она не могла не ограничить пріемъ христіянъ въ военную школу, такъ какъ, пока армія состоить только изъ мусульманъ, подобный пріемъ требуетъ осторожности. Она не могла отказаться отъ откупной системы взиманія надоговъ, такъ какъ опыть прямого сбора десятины совершенно не удался. Она не можеть отвѣчать за исполненіе новыхъ законовь въ судахъ, такъ какъ судьи получнии свое юри- шенно оригинальныя, свидетельствующія съ

днчесвое образование по старымъ кодексамъ; переводъ же законовъ на всё языки имперіи если еще не сдъланъ, то будетъ сдъланъ. Она не могла устроить публичныхъ тюремъ и мистъ заключенія и достаточно улучшить пути, такъ какъ у нея нёть на это денегъ», н т. д.

И Фуалъ-паша былъ совершенно правъ; даже если бы меморандумъ его былъ составленъ въ тёхъ самыхъ словахъ, какія употребнлъ авторъ, то меморандунъ заключалъ бы въ себъ истину. Но эта истина есть вифств приговоръ надь самымь существованіемь оттоманской имперін. Вообще едва ли справедливо принисывать неисполнение танзимата одному нерасположенію Порты; многія изъ объщанныхъ реформъ Порта не имѣла никакого интереса не исполнять, напримёръ, хотя бы предоставленія болгарамъ права на напіональную самостоятельность въ дёле веры, что требовалось бы общими постановленіями гатти-гумаюна. Но въ томъ-то и дъло, что все зданіе имперіи основано на деспотизиъ власти и на подчиненія большинства меньшинству при помощи розни и раздоровъ отдельныхъ національностей.

Мы находимъ въ сборникъ всъ новъйшія рефорны: новое учрежденіе о государственномъ совѣтѣ, устройство виляетовъ, новые законы о частномъ землевладения, о вакуфахъ и о правѣ пностранцевъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія. Обозрѣніе производительности и вь особенности торговли очень полно. Но еще полнѣе описаніе дорогъ всякаго рода. Это естественно въ сборникъ, который сверхъ общаго, научнаго значенія, имфеть еще спеціяльное назначение военной справочной книги. Здъсь есть лаже полный почтовый каленларь, указывающий разстоянія (въ часахъ) по европейскимъ и азіятскимъ трактамъ турецкой имперіи.

«По показанию англійскаго посольства, Турція получаеть до 88 м. руб. дохода, изъ котораго 33 милл. идуть на уплату по займамъ (!); 34 мнлл., собираемые въ провинціяхъ, тамъ же и расходуются на мѣстную администрацію и частныя нужды провинцій; затьмъ, на всѣ общія государственныя надобности остается лишь 21 мнл. р., которые большею частью, поступають неисправно, такъ какъ всв вприме источники доходовъ заложены и имѣють спеціальное назпачение.» Цифры, какъ видите, совер-

Digitized by GOOGLC

одной стороны о сильной децентрализація, а съ другой объ азіятскомъ безпорядкъ государственнаго хозяйства.

Само собою разумѣется, что обозрѣнію устройства и состава турецкой арміи въ сборнивѣ дано особенное развитіе. Общая числительность турецкой армін, по штатамъ военнаго времени подагается около 300 тысячь челов., въ мирное же время, наличная армія рѣдко бываеть сильнѣе 100-120 тысячъ челов. «Но нывѣ — говорить составитель — находясь въ полувоенномъ положении, Турція вынуждена была усилить свою армію почти до 200 т. ч.» Подробное исчисление состава всѣхъ частей турецкихъ войскъ сдѣлано по свѣдѣніямъ къ 1 января текущаго года.

Вассальныя княжества описаны по тому же плану, съ таблицами населенія, производительности, финансовъ, военныхъ силъ, народной нравственности и т. д.

Для ближайшаго ознакомленія съ характеромъ сборника, а вмъстъ для предоставленія читателямъ справочныхъ свѣдѣній, полезныхъ при оценкъ нынъшнихъ событій въ Испаніи. мы выписываемъ изъ сборника нѣсколько свѣ**и**бній относящихся къ этой странь.

Лишенная нынъ престола королева Марія Изабелла II им веть оть роду 38 леть, царствовала съ 1833 года. Наслѣднику, принцу астурійскому, 11 лътъ. Домъ Бурбоновъ царствоваль въ Испанія 168 льть. Въ 1812 году дана была весьма либеральная конституція, въ 1814 году она отмѣнена, въ 1820 г. опять возстановлена и въ 1823 году опять отмѣнена. Въ 1837 году дана новая конституція, но и она дважды подвергалась измѣненіямъ, именно въ 1845 и 1857 годахъ (оба раза въ смыслѣ реакціонерномъ). До какой степени тревожна была политическая жизнь Испаніи за это время, усматривается изъ следующихъ фактовъ: съ 1834 по 1858 годъ, т. е. втечение 24 лѣтъ, произведено было 18 общихъ избраний въ кортесы, на основанія пяти различныхъ избирательныхъ законовъ. Первые министры за это время перемѣнялись 47 разъ, и разныхъ министерскихъ перемѣнъ было 529. Жаль, что мы не можемъ представить такой же статистики за послѣдніе 10 лётъ. Составитель статьи сборника замёчаеть, что съ 1858 такія перемѣны стали рѣже, и это, правда, потому, что покойному О'Доннеллю удалось дать Испаніи роздыхъ въ нѣсколько пествъ, на 20 милл. рублей. Но сан-домниска,

лать и употребить этоть интерваль на замъ чательное развитіе промышленныхъ средству страны (О'Донвелль, можно сказать, единственный человъкъ, принесшій Испанін пользу в. царствование Изабеллы II). Но съ 1865 года вогда онь вновь сдълался первымъ министромъ авторитеть его быль гораздо слабее, и последовавшіе за нимъ министерства Мярафлореса Мана, Нарваэса, Гонсалеса-Браво, подчиняяс камарные, вели страну къ нензбежному кри зису.

Представительство въ Испаніи, по закону 1865 года, основано на цензѣ 400 реалов (26 рублей) прямыхъ налоговъ.

Испанскія владенія въ Европта имбють населеніе въ 16.302,000, а въ разныхъ колоніяхъ 4,527,633 души. Итакъ, Испанія — государстю почти съ 21-милліоннымъ населеніемъ. Въ Мадридъ 375,785 жителей.

Ремесла въ Испаніи очень развиты. Земледѣльцовъ считается болѣе 3 милліоновъ, а ремесленниковъ почти 2 милл. Духовенства-43 тысячи. Если сложить цифры чиновниковъ военныхъ, адвокатовъ, медиковъ и прислуга, то выйдеть итогъ — около 750 тысячъ душь. Однихъ чиновниковъ въ Испаніи 186,312 чел Цифры характеристическія!

Въ 1860 году, въ Испаніи считалось 31/2 инг. земельныхъ собственниковъ, въ томъ числѣ 279,188 чел. платящихъ ежегодно выше 32 р.с. поземельной подати. Съ 1849 года, когда Испанія отказалась оть строго-запретнтельной системы, внѣшняя торговля ся получила звачительное развитіе, самый вывозъ увеличніся съ 63 до 84 1/2 мнлл. рублей. Главный предметъ привоза въ Испанію до сихъ поръ – золотыя издёлія; ихъ привозится на 25 мнл. рублей; главный предметь вывоза-вино, слещвомъ на 21 милл. рублей. Желѣзныхъ дорогъ въ Испаніи построено болѣс 5,000 версть, а со строющимися 6,000 в., телеграфной проволоки — 10,000 версть. Церквей въ Испания около 27,000. Духовенства въ 1820 году счнталось 118,000 душъ; мы привели выше нынѣшнюю цифру, составляющую менѣе трети этой. Грамотныхъ въ Испанін З 130.015 чег., неграмотныхъ 11.837,415; знающихъ только читать 705,660.

Издавна разстроенные финансы Испанія О'Доннелль улучшиль продажею духовныхь иму-

нансы снова въ разстройство. Испанская 3% своей нарицательной івны и, какъ извёстно, долгое время не коировалось ни на лондонской, ни на парыжкой биржахъ. Доходы на 1867 - 68 годъ исислены въ 164,408,920 рублей, раскоды овою 4¹/2 милл. больше; но ежегодный дефицить гь действительности за три последние года оставляль болье 27 милліоновь рублей. Итогь спанскаго государственнаго отвержденнаго и ютвержденнаго долга въ 1867 году составляль .317.248,000 рублей. Колонін им'вють отдельные бюджеты. Изъ нихъ одна Куба произвоитъ сахару на 89 мыл. и табаку на 22 милл. ублей (здбеь птогн не сходятся; вброятно налова). Визств съ Португалією и колоніями обвихъ странъ, нберійское государство предтавляло бы население въ 29 миллоновъ душъ. Португальский вороль Дон-Лунсъ имфетъ отъ роду 30 леть; царствуеть съ 1861 года. По вонному закону 1867 года предположено армію, соторая составляла въ 1858 году 1171/2 т. чел., ювесть до 200 т. Военный флоть Испанін ижеть личний составь въ 23 тысячи чел. Испании шесть броненосцевъ. Всъхъ военныхъ судовъ - 116, съ 935 орудіями.

Сказанія князя Курбскаго. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Н. Устрялова. Саб. 1868.

Многіе «свѣтлые мужи» обращались къ князю Курбскому съ вопросомъ: «Откуды сія привлючишася, такъ прежде доброму и нарочитому царю, многажды за отечество и о здравін своемъ не радящу, и въ военныхъ вещахъ, сопротнвъ враговъ креста Христова, труды тяжкіе, и бълы, и безчисленные поты претерпѣвающу, и прежде отъ всѣхъ добрую славу имущему?----Въ отвѣть на этоть вопросъ, какимъ образомъ Іоаннъ сдѣлался изъ «нарочнтаго» царя — Грознымъ, - кн. Курбскій написаль свою «Исторію внязя Веливаго Московскаго о дележъ, яже слышахомъ у достоверныхъ мужей и яже видъхомъ очима нашима». Правда, «исторія» Курбскаго не согласуется съ духомъ того вопроса, гдъ вопрошавшій предполагалъ въ жизни Іоанна эпоху «добраго и Варочитаго царя»; по изображению Курбскаго, Ісавнъ, до покоренія Казани, руководился только совътами бояръ, дъйствовалъ не по данъ весьма добросовъстно; самое издание въ

иарокская и мексиканская войны привели фи- | своей воль, и только уже послё показаль, какова его воля. Нътъ сомпънія, что на Курбскаго нельзя смотрёть, какъ на безпристрастнаго историка; онъ считаетъ долгонъ доказать «лютость» Іоанна даже во чреве матери, объясняя ее въ такую отдаленную эноху твиъ, что Іоаннъ былъ зачатъ «въ законопреступлени и сладострасти». Но при всемъ томъ сочиневіе Курбскаго составило эпоху въ нашемъ историческомъ искусствѣ; его «исторія» сдѣлала гигантскій шагь внередъ сравнительно съ его предшественниками и современниками изъ русскихъ лѣтописцевь.

> Еще въ 1833 году, академикъ Н. Г. Устряловъ сдѣлалъ сочиненія Курбскаго не только общедоступными, но и взяль на себя трудъ очистить тексть, свёривь различные его сонски. Въ 1885 г. понадобилось уже новое изданіе, въ которомъ тексть быль еще разъ провъренъ по рукописямъ, прежде неязвъстнымъ. Нынфший разъ, при третьемъ издания, Н. Г. Устряловъ поместниъ новыя сведения о Курбскомъ по «Литовской Метрикъ»; эти документы, напечатанные въ вонцѣ внити, объясняють многое въ дѣятельности Курбскаго, послѣ бѣгства его изъ Россія; въ этой же эпохѣ жизни Курбекаго понадобниось сделать исправления на основание документовъ, изданныхъ въ позднъящее время.

> Современные французские инсатели.- Разсказы Дроза. — Очерки Дюма-сына и Тэна. — «Фонарь» (La Lanterne) Рошфора. Сиб. 1868 г. Стр. 385. Ц. 1 р. 50 к.

Издатель объщаеть пълый рядъ сборниковъ: это-первый выпускъ. Цёль сборника познакомить русскихъ читателей съ представителями современной французской литературы, или лучше сказать, съ современнымъ литературнымъ вкусомъ во Франціи, который конечно развныся, какъ реакція противъ гнетущаго порядка вещей. Избранные на этотъ разъ писатели, благодаря общественному настроению, а витесть и личнымъ дарованіямъ, произвели дийствительно глубокое впечатлёніе на своихъ современниковъ. Но такія произведенія представляють большія трудности для перевода, если только онѣ не попадаются въ руки спекуляціи, ограничивающей свое дёло удачно составленною оберткою. Настоящій переводъ сді-

высшей степени опрятно, а такія имена какъ Тэнъ или Дюма-сынъ ручаются за интересъ содержанія, даже переживающій ту минуту, когда литературное произведение авляется изъ-полъ пера. «Соединение-говорить издатель-въ одной книгь трехъ именъ, Дроза, Тэна и Дюмасына — далево не случайное... Не случайно является у насъ и Рошфоръ, журналъ котораго «Фонарь» пріобр'яль въ такой короткій срокъ всесвѣтную извѣстность. Если три первые писателя въ известной степени характеризують французское общество, Рошфоръ харавтеризуеть слабыя стороны правительства.» Подобнаго рода литературу можно назвать голосонъ пробуждающейся общественной совъсти; талантливый писатель въ этомъ случав служить ся отголоскомъ, и только формулируетъ то, что носится въ атносферѣ, его окружающей; потому для желающаго познакомиться съ современнымъ состояніемъ умовъ во Франпін подобныя произведенія составляють предметь болье нежели простого любопытства, и надатель не могь сдёлать лучшаго и болёе занимательнаго выбора для начала своего сбор-HWK8.

Мальтусь. Оныть о законъ народонасслонія. Со статьей нереводчика о жизни и трудахъ Мальтуса. 2 тома, 944 стр. Цівна 4 рубля. Спб. 1868 г.

«Основное положение Мальтуса — говорить переводчивъ въ своей статьв о жизни и трулахъ знаменитаго ученаго-до сихъ поръ всвми принималось на въру, и въ сущности никогда никъмъ не опровергалось. Отчего это происходило — рѣшительно нельзя понять. Трудно же представить, чтобы никому не приходнао въ голову, что поставленное знаменитымъ экономистомъ основное положение есть не болже какъ гипотеза, и построенная на ней теорема, въ томъ видъ, какъ предлагаетъ се Мальтусъ, есть чиствйшій софизиъ, затемнивтій всеобщее пониманіе.» Въ приложеніяхъ ко второму тому переводчикъ помѣстилъ между прочимъ «формулу Чернышевскаго для опредвленія требующагося улучшенія въ земледвлін, для всякаго періода удвоенія населенія», н критическій разборъ теорін Мальтуса, сдѣланный Прудономъ. Но г. Чернышевскій, разобравшій теорію Мальтуса въ свояхъ примвчаніяхъ въ основаніямъ полнтической экономіи Милля, рода не была предоставлена на произволъ ог

опровергаеть только самыя прогрессии Маль туса, а противъ основного положенія не гово рить, Прудонъ же даже называеть пустосло віемъ всякую поннтку, направленную протик върности основного положенія.

Г. Бибиковъ занялся разсмотрениемъ вменно основного положенія Мальтуса, что челові ческая порода обладаеть способностью разиножаться въ геометрической прогрессия в удвонвала бы свою числичельность нажин дваддать пять лёть, еснибы не встричала во достатва въ мисти и продовольствия, и опровергаеть возможность размноженія животниць вообще въ размърахъ нивющагося для нить продовольствія. Онъ напоменаеть, что боріба за существованіе бываеть двоякаго рода, инсяно, конкуренція между членами одного видь и сверхъ того борьба со встми виташними усювіями и врагами, которые препятствують не опредъленному размножению всего вида. Онь береть въ прим'връ мышей и кошекъ. Межу мышами происходить борьба вызываемая ковкурренцією; но независимо отъ этой борьби, которая обусловливаеть размножение мине именно только въ предълахъ имънощейся пил, размножению ихъ препятствують конки и множество вившнихъ условій. Отскода и г. Бибиковъ выводитъ необходимость формулировать приведенное положение такимъ образонъ «организии стремятся въ разиножению до числа допускаемаго количествомъ продовольстия, но нивогда не могуть достигнуть его по прячинѣ другихъ, неблагопріятныхъ для ихъ размноженія условій.»

Примѣняя это положеніе въ человѣку, который самъ достаетъ себѣ инщу, г. Бибнковъ доказываеть, что и человеческая порода не достигаетъ въ своемъ размножении до степени, которая бы соотвётствовала возможному в данное время произведению пищи. «Еще н разу-говорить онъ-съ твхъ џоръ, какъ существуеть міръ, ни одна животная или растительная порода не находилась въ такихъ условіяхъ чтобы размножение ся было остановлено но ключительно однимъ только недостаткомъ пищь, то есть, чтобы она достигла этого предал всявдствіе благопріятваго прекращенія дыствія всіхъ остальныхъ условій, препятствующихъ къ ся разиножению или, другими словами, ни одна животная или растительная по-

ой только конкурренціи изъ-за средствъ сусствованія. Поэтому, что касается до разножевія человѣка, то этой конкурренція не олько нечего опасаться, но усиление ся слунло бы върнъйшниъ признавоиъ ослабленія вхъ сняъ и условій, воторыя болье всего заржнвають распространение и благосостояние CIOBBES.>

Сочинение Мальтуса, несмотря на устарьэсть данныхъ, полезное пріобрѣтеніе для наей интературы, какъ одинъ наъ крупнейшихъ автовь вь исторія развитія соціальных в наукъ. усскій переводъ и изданіе его сділаны добросовестно, какъ всё до сихъ поръ выпущення г. Бибиковымъ изданія классическихъ пиотания влачан и отвеност вриголь волоть вка» въ русскомъ переводВ.

Іадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исто-

рія Венгрія отъ Арпада до прагматической саны ін. Составнят Ниля Поповз. Спб. 1868. 200 стр. Цена 1 р.

Это сочинение, напечатанное сперва въ жураль минист. народи. просвъщенія, предстаиясть біографію высоко-чтимаго мальярами энфесодо или опідалитов атофия и вандота сторін Венгрін по его труду. Мы не признаемъ а вритивою право делать вопросъ, почему аворъ взялся за такой именно, а не иной предметъ. саждый воленъ въ избраніи предмета. Но мы OIXHM CEASATS, 4TO DOLLSA BHEXKE, COCTABLEHюй г. Поповымъ, весьма ограниченна. Рускаго читателя, желающаго ознакомиться съ сторією Венгрін, она не удовлетворить не олько потому, что Салай въ исторіи венгержаго королевства держался исключительно наьярской точки зрѣнія, но въ особенности поюму, что онъ довелъ свой трудъ только до 1711 года. Между темъ, не говоря уже о новышей исторія Венгрія, которая всего интереснье иля читателя, даже историческое право вестно для чего названь Жвирждовскимъ.

Венгріи является туть совершенно неполнымъ, потому именно, что прагматическая санкціяваживащій его элементь.

Исторія здѣсь прерывается на 1711 году, затвиъ остается пустой интервалъ до 1861 года, но и о фактахъ знаменитаго сейма 1861 года и послёдующихъ годовъ здёсь упомянуто единственно настолько, сколько нужно для характеристики самого Салая (онъ умеръ въ 1864 rogy).

Собрание сочинения М. Н. Загоскина. Т. І. Юрій Милославский. Спб. 1868, 374 стр. Цена 1 р. 50 ROI.

Это удовлетворительная перепечатка романа_ который помъщенъ въ первомъ томъ весь. Неужели въ новомъ изданіи сочиненій Загосвина. не будеть ни слова о самомъ авторъ?

Внучка цанцырнаго боярнна. Романъ изъ времени послёдняго польскаго мятежа. И. П. Лажечникова. Въ трехъ частяхъ. Спб. 1868 г. 826 стр.

Почтенный авторъ гораздо лучше справлялся съ исторією прошлаго, чёмъ настоящаго. Исторические романы г. Лажечникова, правда, не нооникають въ глубь явленія, среди которыхъ дъйствують его лица. Но авторъ до сихъ поръ умѣлъ проникнуться такъ сказать внёшнимъ видомъ изображаемаго времени, и картины его были похожи на разсказы очевидца.

Ничего подобнаго въ этомъ произведения нѣть. Все происходящее здѣсь съ героями могло бы происходить и въ мятежѣ Пугачева, и въ войну 1812 года. Сверхъ того, факты дъйствительные, перемѣшанные съ вымысломъ, принадлежать къ наименте выдавшимся эпизодамъ польскаго мятежа. Couleur locale представляется тёмъ, что говорится «пулковникъ» витесто полковника. За то Зверждовский неиз-

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Geschichte der deutschen Einwanderung in Amerika. Von Friedrich Kapp. Erster Band. Die Deutschen im Staate New-Jork bis zum Anfang de neunzehnten Jahrhunderts. Mit einer Karte. Leipzig. 1868, 399 стр.

«На завоеваніе новой части свѣта — говорить авторъ - раса романская поставила однихъ офицеровъ, изъ германской росы-англійскій народъ поставняъ офицеровь съ войскомъ, а народъ нѣмецкій - только войско безъ офиперовъ». Безвѣстно для исторіи текла масса переселенцовъ въ Америку изъ Германіи; перессленцы эти были люди бѣдные, спасавшіеся именно отъ невыносимаго общественнаго положенія въ своемъ отечествѣ и въ новомъ отечествё сиблались только помошниками другихъ племенъ, слугами чужой политической дѣятельности.

Выходцы изъ Германіи на европейскомъ континентв являлись не въ такомъ скромномъ, униженномъ положении. Начиная съ одиннадцатаго столётія, они наступали съ мечемъ въ рукахъ на окранны тогдашней Германіи, распространяли ся границы на востовъ съ мечемъ и крестомъ въ рукахъ, а если являлись и мирными колонизаторами, то всетаки пришельцами повелительными, передѣлывавшими все на свой ладъ, сохранявшими въ цѣлости свою національную жизнь, вводившими въ новыя страны поряден, принесенные изъ Германін.

Отчего же такое различіе нѣмецкой колонизаціи на востокъ Европы и въ Америкъ...? Оттого, что на востокъ Европы Германія выпускала людей сильныхъ, цивилизаторовъ и завоевателей, людей, которые искали добычи, между тъмъ, какъ за океанъ она выбрасывада именно слабыхъ, униженныхъ, несчастныхъ; эти люди не отправлялись изъ Германіи для распиренія ся предѣловъ, а бѣжали оттуда, спасаясь отъ тяжкаго положенія.

«Для моей родины-говорить авторъ въ предисловіи — трудъ мой представляеть новые, почти неоциненые досели факты, относящиеся съ особою силою: обжать, обжать совсил вл къ исторіи болѣзненнаго состоянія нашего народа въ два минувшіе въка; онъ открываеть, сенія не быдо, переселяться въ Америку. Та что главнымъ источникомъ переселенія массъ кимъ образомъ, Германія, которая и безътою

(въ Америку) было именно бъдственная ра розненность и безсиліе нашего отечества».

Задача исторіи переселенія н'вицовъ в Америку, какъ ее понялъ авторъ, придет его мѣстному, такъ сказать провниціальног разсказу связь съ общею исторіею. Больши ству образованныхъ людей помнится, что Гер манія до наполеоновскаго погрома предстани ла въ самомъ пѣлѣ какой-то феодальный хаосьхаосъ, въ которомъ возможны были даже та кіе факты, какъ формальная продажа гесся скихъ солдать ихъ владотелемъ англійском правительству, для употребленія на войну и Америкв. Но большинство имветь объ этоп положении дела только смутное понятие, 1 связь собственно первоначальной эмнграф нѣмцевъ въ Америку съ тогдашнимъ положніемъ Германіи-не разработана до сихъ порь и историческою литературою.

Рыцарн тевтонскаго ордена и ордена нечносцевъ, и ганзейское торговое гражданствовоть силы, которыя распространила Германи на востокъ. Когла ордена были сломани в Ганза пада, пада и морская торговля Геринія, а съ нею пали въ Германіи и ремесы. Войны, послёдовавшія за реформацією, трацатилётняя война разорила среднее сосющ гражданство. Народъ об'вдн'влъ и сталь покоренъ, сталъ слугой, меньше учился, меньше г производиль, больше спосиль. Всв налоги в повинности падали на бюргеровъ и крестыль Города бъднъли отъ налоговъ, села изненогал подъ повинностями и притеснительными востановленіями насчеть охоты.

Въ германскомъ народъ водворилось слъю послушание всякой власти, а государства об ратились совершенно въ собственность маль теля, что, при мелкости владъній и огромном ихъ числѣ, и не могло быть иначе.

Непривилегированнымъ, безправнымъ подять рабочихъ классовъ оставался одинъ исхол изъ этого положенія, когда оно, по какоялибо случаю, давало имъ почувствовать себя Германін такъ какъ въ Германін нигдъ сы-

91

исторія, стала терять еще часть лучшей своей забочей силы, и взамѣнъ утраченныхъ работниковъ, начала выписывать себѣ дорогую россопь изъ Франціи.

Вифсть съ роскошью, она выписываеть себъ изъ Францін, идущей къ деспотизму, политичекія нден. «Государство, это — я» сказаль Люовикъ XIV. Нѣмецкіе владѣтели возводять ти слова въ политический догмать.

Нѣкоторые даже почти буквально передразинвають ихъ. Въ Виртембергѣ, герцогъ Эберардъ Людвигъ (1677-1733) говоритъ: «Въ моей емлѣ, папа — я»; герцогъ Карлъ - Евгеній 1737—1793) произносить: «отечество, это-я».

Гораздо раньше эмиграціи массами изъ Герканін, нізмець Минневить быль губернаторомъ «Новыхъ Нидерландовъ»-территоріи, которая юсль, подъ англійскимъ владычествомъ, была гереименована въ Нью-Иоркъ. Поселеніе изъ коораго образовался городъ Нью-Йоркъ, было осювано въ 1625 году, и называлось Ней-Амстерамъ. Петръ Минневитъ, родомъ изъ Везеля, на 'ейнѣ, поступнлъ на службу голландской вестндской компаніи въ 1626 году. «Онъ упрочняъ юложеніе Ней-Амстердама, купивъ у индіан-(евъ территорію его, то есть островъ Мангатанъ. За этотъ островъ, на которомъ нынъ тонть Нью-Йоркъ, съ миліоннымъ населеіемъ, Минневитъ заплатилъ 60 голландскихъ ульденовъ или 24 золотыхъ доллара. Онъ же остроиль въ этомъ поселении форть. Но, неправедливо уволенный вестиндскою компаніею, Інневить впослёдствіи поступиль на служу въ Швеціи и основаль соперничествовавпее съ голландскимъ шведское поселеніе «Ночю Швецію».

Первые нъмещкіе поселенцы прибыли въ Амепку изъ Пфальца въ самомъ началъ XVIII-го тол. Исторія ихъ водворенія въ крав, описаіе естественныхъ трудностей и стёсненій аннистрация, съ какими имъ приодилось бороться-чрезвычайно интересно. ти разсказы напоминають Купера и Фо. Расажемъ вкратцѣ одинъ изъ эшизодовъ этой сторіи, именно бъгство и поселеніе нъмцовъ ъ Юлсана на Шохари.

Натеривышись всякаго рода лишеній на Юдань, часть поселенныхъ тамъ нъмцевъ проила помощи у туземцовъ-кочевниковъ (индіаневь), которые подарили имъ мъстность на

ите объднъда въ первыя два столътія новой ръчкъ Шохари. Но нью-йоркскій губернаторъ Гентерь не дозволяль нѣмцамъ переселиться туда, подъ предлогомъ, что это слишкомъ растянуло бы границу, которую онъ долженъ быль защищать. Тогда нёмцы рёшплись бёжать туда тайно. Они не могли взять съ собою нивавихъ орудій, ни посуды, потому что эти хозяйственные предметы были даны имъ правительствомъ; унесть ихъ-значило бы вызвать преследование. Они и пошли съ голыми руками, неся дётей, лёсомъ по тропинкв, пробитой индіанцами. Исполнивь это трудное странствование, они очутились въ прекрасной, но дикой долинѣ, въ которой все надо было устраивать съ начала. У нихъ не было ни орудій, ни скота, ни даже теплой одежды. Но съ помощью индіанцовъ, они принялись за обработку земли и скоро завели себ'в несколько лошадей, такъ что одна лошадь служная поочередно нёсколькимъ хозяевамъ. Но колонія скоро оправилась; года черезъ три, у поселенцевь было уже все необходимое для хозяйства. Но губернаторъ Гентеръ, оставлявшій ихъ въ покот пока они были въ нуждт, теперь всномниль о ихъ ослушании и, непризнавая ихъ владъвія землею Шохари, хотя она и была уступлена имъ индіанцами, сталь раздавать земли въ ихъ межё разнымъ лицамъ. Право собственности этихъ послёднихъ основывалось на формальныхъ королевскихъ патентахъ; право собственности нѣмецкихъ поселенцовъ основывалось на владении природномъ, такъ какъ индіанцы передали имъ это право, и на правѣ труда, которымъ они расчистили и обработали землю. Разумиется, что два вида земельной собственности должны были прійти въ столкновеніе. Нівицы нобили своихъ законныхъ конкуррентовъ и даже шерифа, присланнаго для разбора дела. Тогда Гентеръ решнися арестовать нанболее уважаемого между нъмцами хозяяна, Вейзера, котораго они считали своимъ старшиною. Но взять его силою было трудно. Гентеръ выждалъ, пока шохарійскіе нъмцы перестали избъгать посъщенія ближайшаго городка, Шенектади, и однажды, когда ихъ собралось тамъ нѣсколько человъкъ, захватилъ ихъ, въ томъ числъ и сына Вейзера. Визств съ твиъ, онъ запретилъ шохарейцамъ засѣвать поля до своего разрѣшенія. Они однакожъ не исподниди этого, а послали Вейзера съ двумя товарищами, въ Ан-

глію, съ жалобою королю. Въ Филадельфін, ромъ и затёмъ держали ихъ въ Нью-Иорг имъ удалось тайно състь на корабль, но корабль этоть быль ограблень пиратами и вернулся за новыми запасами, въ Бостонъ. Вейзеръ и другіе депутаты были безъ всякихъ средствъ; они задолжали 70 фунтовъ, и Вейзерь, съ однимъ изъ товарищей, былъ посаженъ въ долговую тюрьму, гдъ они и сидъли пълый годъ, пова земляки не прислали имъ выкупа.

Наконець, послё двухлётныхъ задержевъ разнаго рода, имъ удалось прибыть въ Англію. Но Гентеръ, отозванный изъ Америки, былъ тамъ и выставнаъ ихъ бунтовщиками. Они вернулись въ Шохари ни съ чёмъ. Приходилось нокориться и взять на аренду отъ патентованныхъ владёльдевъ тё земли, которыя они обработали и считали своей собственностью. Но непоколебниый Вейзеръ не захотѣлъ стерпѣть этой несправедливости. «Не затёмъ бёжали им съ родены въ Амереку, чтобы и здъсь терпъть притесненія», говориль онъ, и увель съ собою часть поселенцевь на другое мѣсто. Остальные продолжали жить въ Шохарѣ. Въ этой мъстности теперь более 30,000 жителей

Интересенъ случай нёмецкаго типографщика, Петра Ценгера, который первый въ Нью-Йоркъ отстояль свободу печатнаго слова. Впрочень, процессь его разсказань въ кныгѣ Каппа съ излишними подробностями; приведенъ даже тексть рёчей.

Нѣкоторие нѣици, и именно шохарійци, принимали дёлтельное участіе вь войнё за независимость. Измець Николай Геркгеймерь быль генераломь въ армін патріотовь.

Политическое и общественное положение Германіи не улучшалось до начала нынѣшняго столётія; а между тёмъ, нэъ Америки приходили вести о большихъ успёхахъ переселенцевъ, о високой заработной плать. Все это вызвало • эмиграцію изъ Германіи въ Америку массами. Но такъ какъ свероамериканское правительство не подчиняло действія конторь и агентовъ переселенія никакому контролю, то эмиграція обратилась въ настоящую торговлю еще не наступило время. Къ 1-му тому прелюдьми. Перессленцевъ везли въ Америку да- ложена карта нью-йоркскаго штата.

ни Бостонѣ, на судахъ, пока являлся охог никъ заплатить за нихъ фрахтъ. Понятно, чи чъмъ здоровъе былъ работникъ, или чъмъ кра сивте женщина, тъмъ высшій фрахть спрашь вали за нихъ. Множество изъ нихъ умирал во время перетзда, такъ какъ суда набивално биткомъ; напр. судно, вмѣщавшее 400 паса жировъ, вездо 1,200. Еще не далбе, какъ к 1818 году, оффиціальное изслёдованіе обвару жило, что судно «April» приняло 1,200 чел. п Амстердамѣ, и изъ этого числа 415 умерли я прітада; капитанъ прибыль, витесто Филадев фін, въ штать Делауэръ и продалъ тамъ оставныхъ въ невольничество. Только съ 1819 ма американское правительство учредело надзор за дбятельностью эмиграціонных вонторь, и и добсихъ поръ, какъ извъстно, случан зю употребленій нер'влян. Каниъ приводить за писки изъ сочинения объ Америкъ, въ 1791 г. извѣстнаго военнаго писателя, Д. Бюлова, ю торыя харавтернзують участь многихъ бальковъ, попадавшихъ въ руки безсовѣстени агентовъ: «Крѣпкіе рабочіе и ремесленны говорить Бюловъ, сходять съ рукъ легко. Но нногда попадается плохой товарь, съ ют рымъ предприниматели возятся долго. Въ т кому недоброкачественному товару принадежать въ особенности офицеры и учение. Мл случилось видёть, какъ цёлую недёлю лежаб на палубъ корабля какой-то русскій калитак, н никто не являлся купить его. Шкиперь 10стоянно приставаль въ нему, чтобы онь пр нскаль себе покупателя, объщая уступить в питана съ уступною въ 50%, такъ какъ ум видћаћ, что на немъ не до барыша».

Общая нить разсказа доведена въ первон том' Каппа до начала нынъшило столы. Авторъ наибренъ и въ послѣдненъ, еще 🛎 вышедшемъ томѣ, ограничиться исторіев прои лаго въка, только разсказъ его будетъ касаты нныхъ мёстностей Сёверной Америки. Ам исторіи новъйшей эмиграціи, говорить онь

Digitized by Google

M. CTACDIEBH95.

916

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

третий годъ.

свитяврь — октяррь 1868.

Кинга довятая. — Сонтябрь.

	ocr.
Дача на РийнаРоманъ Б. АУЭРБАХА, въ цети частяхъ, съ предисловіемъ	
И. С. ТУРГЕНЕВА. — Часть первая, книга первая. — І-УШ .	5
НЕСЧАСТНИЕРазсказы неъ быта ссильныхъ IV. На пропитания V. На	
поселенія. — Окончаніе. — С. М. МАКСИМОВА	55
Гръшница. – Поэма Альфреда Виньи. – В. П. БУРЕНИНА.	146
Дрезнайши икриодъ истории славянъГлава вторая и послъдняяВенеты	
	158
Российсков визлийсков овщество. — 1812-1826. — П. Внутренній характерь Об-	
щества, его составъ и тенденція; свойство англійскихъ вліяній; д'яй-	
ствія Общества, в'яротеринность, филантронія, ланкастерскія школы,	
религіозные трактаты; вліяніе нравовъ почвы: оффиціальная натяну-	
тость библейскаго дъла; распространение ціэтизма, мистическия край-	
ности; обскурантизить	231
	298
	860
Новый таможенный тарифъ, по европейской торговат	383
Еженасячная хроника политики, истории, литературы	
Очерке и замъткеПисьмо въ редакцию бар. н. а. корфа	
Критика и Литературныя Извъстия. — Августь. — І. Русская литература. — П.	
Иностранная литература	479

Книга десятая. — Октябрь.

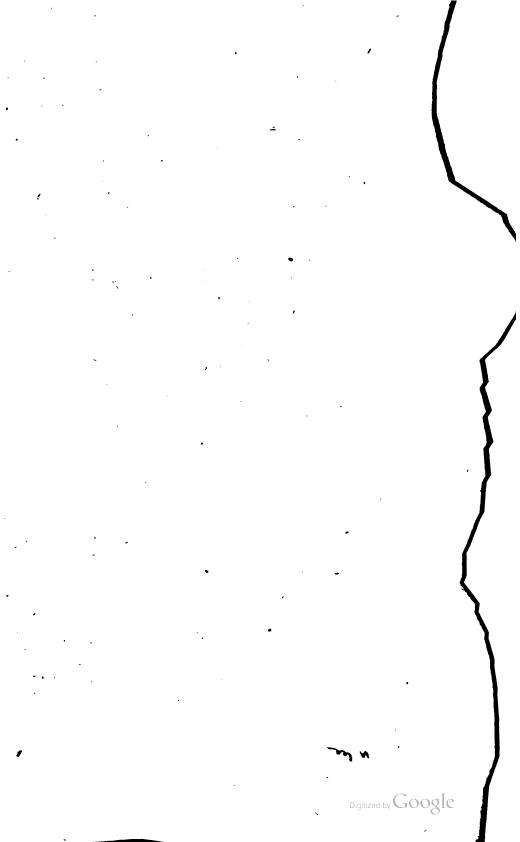
Натанъ Мудрый. — Драматическое стихотворение ЛЕССИ	НГА, въ пяти дъй-
ствіяхъ.—Первыя три дъйствія	493
Дача на Рейнъ Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частях	ъ. — Часть первая,
	015
книга первая. — IX-XII	010

въстникъ европы.

Русскія пликупи. — І-ІҮ. — И. ПРЫЖОВА	641
	674
братьевъ». — В. В. СТАСОВА	702
Девятнадцатов февраля 1870-го года. — Нербшенный вопрост. — І-ПІ. — Н. П. КОЛЮПАНОВА	735
Драматическов искусство во ФранцияСтатья перваяІ. СардуП. Барькръ.	806
Ежемасячная Хроннка исторія, политики, литературы	845
Навлюденія и заматки. — Хроника общественной жизни	880 894 897

~82

.

.

•

.

•

.

.

•

/ 5 0 5 105**7**

• Digitized by Google 4